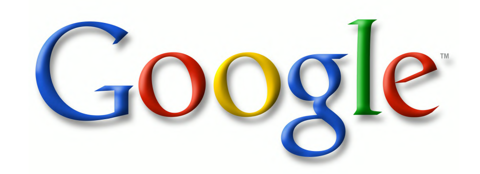
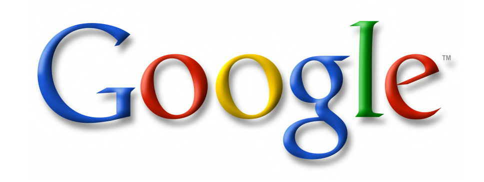
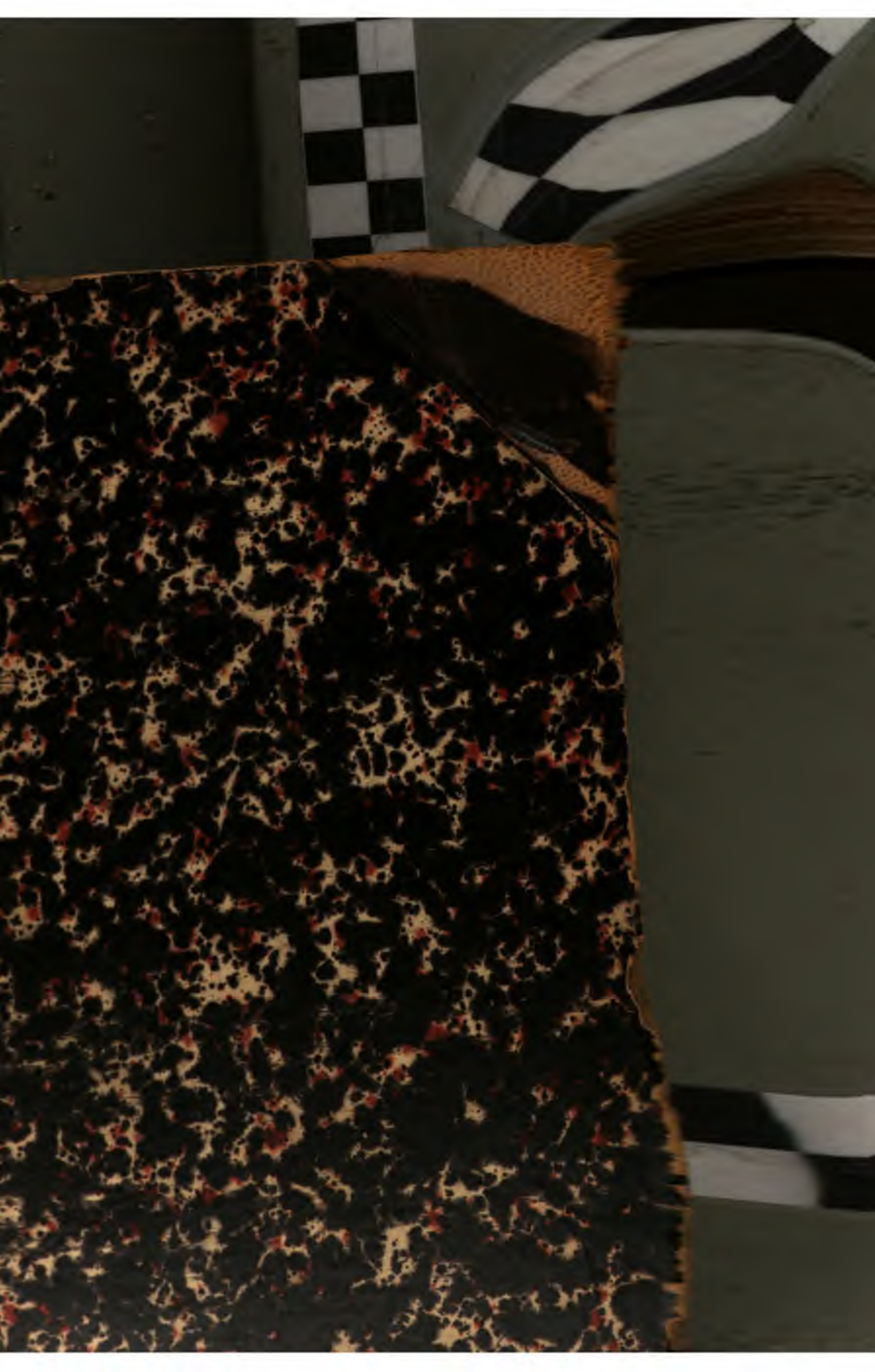
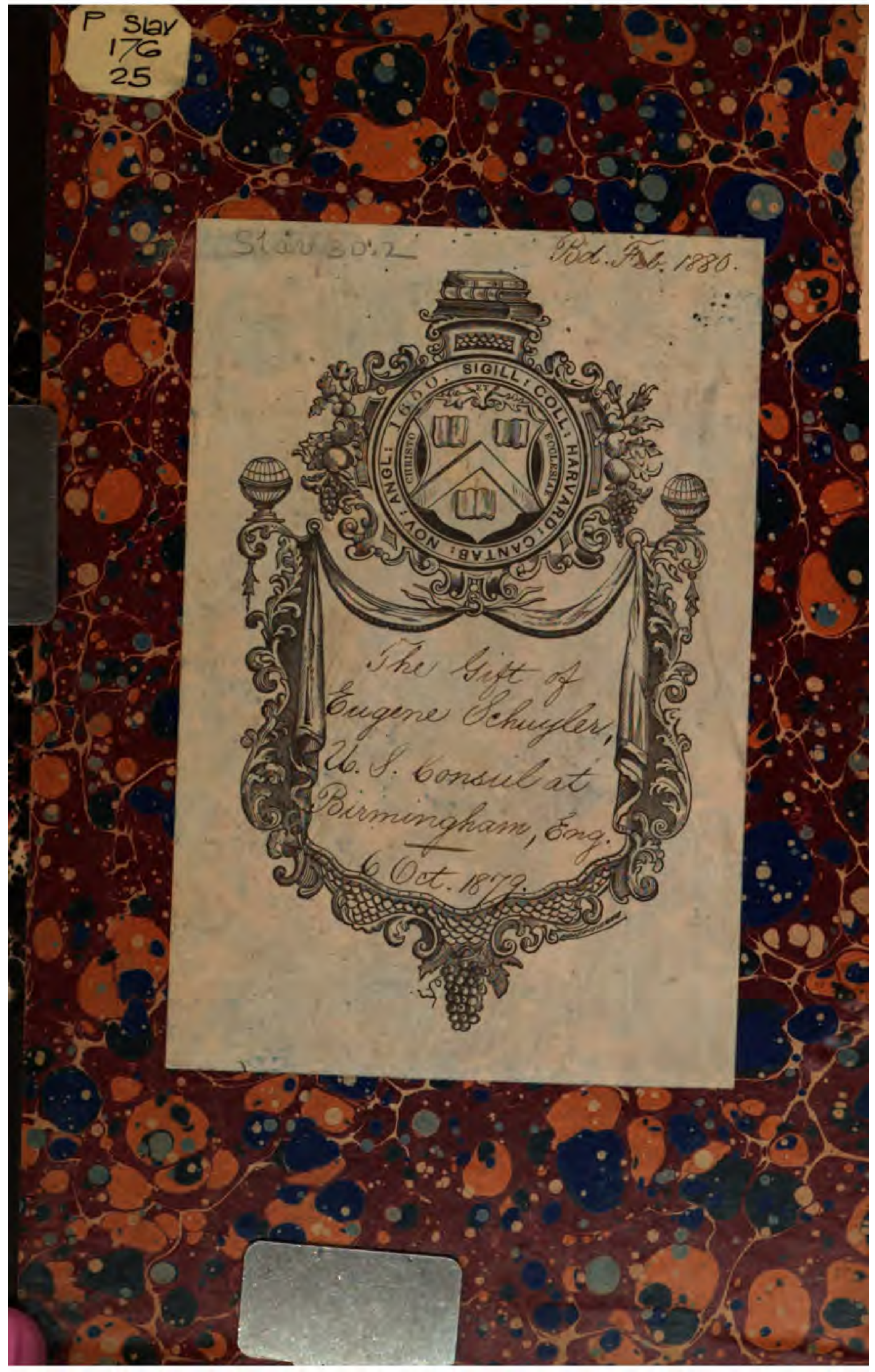








P Slav 176 25
Slav 30.2
Bd. Feb. 1880.
SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE
The Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.
6 Oct. 1879.



Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-я. —МАЙ, 1877.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1877 г. см. ниже, на обертке.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА

ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНАХЪ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ АРМІЙ.

Пожертвованія принимаются:

I. Въ Главномъ управленіи общества.

II. Въ мѣстныхъ управленіяхъ и комитетахъ общества въ различныхъ городахъ *Имперіи*.

III. Двумя главноуполномоченными общества: Княземъ Владиміромъ Александровичемъ Черкасскимъ, находящимся при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, и Николаемъ Саввичемъ Абаза, находящимся въ тылу арміи, въ городѣ Кишиневѣ.

IV. Въ церквахъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода.

Пожертвованія могутъ быть дѣлаемы деньгами, вещами, не исключая и медикаментовъ, и личною службою, какъ по уходу за больными и ранеными воинами, такъ и принятіемъ на себя административныхъ обязанностей по обществу Краснаго Креста.

I. *Въ Главномъ управленіи* (въ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, на Большой Морской):

А) Для денежныхъ пожертвованій учреждается въ немъ постоянное дежурство изъ членовъ общества, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Жертвователямъ выдаются квитанціи.

Для лицъ, приносящихъ пожертвованія внѣ опредѣленныхъ часовъ, устанавливается въ Главномъ управленіи кружка, въ которую опускаются деньги или билеты, съ обозначеніемъ имени жертвователя, если онъ того пожелаетъ.

Независимо пріема въ помѣщеніи Главнаго управленія, въ различныхъ мѣстностяхъ города выставляются кружки, съ надписью: «Въ пользу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

Денежныя пожертвованія, полученныя по почтѣ, принимаются казначеемъ общества и вписываются въ общую книгу пожертвованій.

О всѣхъ пожертвованіяхъ публикуется въ газетахъ на другой или на третій день по поступленіи ихъ; о деньгахъ, вынутыхъ изъ кружекъ, публикуется по вскрытіи кружекъ еженедѣльно.

Б) Вещевыя пожертвованія могутъ быть производимы въ приготовленномъ видѣ и въ сыромъ матеріалѣ; тѣ и другія принимаются въ Центральномъ петербургскомъ складѣ общества (у церкви Благовѣщенія, въ казармахъ 8-го флотскаго экипажа).

О поступившихъ въ теченіи недѣли вещевыхъ пожертвованіяхъ публикуется въ газетахъ.

В) Предложенія личныхъ услугъ отъ желающихъ посвятить себя уходу за ранеными и больными и воинами, а равно служенію по административной части общества заявляются Главному управленію общества, при слѣдующихъ условіяхъ:

1. При заявленіи отъ общинъ и другихъ учрежденій слѣдуетъ представлять подробныя указанія о числѣ лицъ, о желаемомъ мѣстѣ ихъ употребленія, о той санитауной подготовкѣ, которая дана имъ, и о той матеріальной помощи,

которою они снабжены, а равно и о той, которую они ожидаютъ получить отъ общества Краснаго Креста.

2. При предложеніи услугъ докторовъ и фельдшеровъ представляются ихъ аттестаты и свидѣтельства подлежащаго начальства, а равно и подписки въ томъ, что на основаніи предлагаемыхъ ими услугъ, они обязываются вполнѣ подчиняться распоряженіямъ управленія общества, гдѣ бы и когда бы они ни были употреблены для исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

3. При заявленіи братьевъ и сестеръ милосердія, представляются ими удостовѣренія отъ общинъ и госпиталей, при которыхъ они состояли или приготовлялись въ санитарномъ отношеніи; лица, неполучившія должной подготовки, по представленіи ими свидѣтельствъ въ ихъ благонадежности, направляются въ учрежденія, гдѣ они могутъ выслушать предположенный для этой цѣли сокращенный курсъ.

Во всѣхъ случаяхъ лица, заявляющія свою готовность служить обществу, обязываются поставить Главное управленіе въ извѣстность о мѣстѣ своего жительства.

II. *Пожертвованія чрезъ мѣстныя управленія и комитеты общества.*

Мѣстныя учрежденія общества принимаютъ пожертвованія, также какъ и Главное управленіе, деньгами, вещами и предложеніемъ личныхъ услугъ, причемъ руководствуются тѣми же правилами, какъ и Главное управленіе. Мѣстныя учрежденія общества непремѣнно заявляютъ, что они принимаютъ пожертвованія не только на удовлетвореніе мѣстныхъ ихъ потребностей, какъ-то: устройство мѣстныхъ госпиталей для раненыхъ и больныхъ воиновъ, устройство складовъ, и проч., но что чрезъ посредство ихъ могутъ быть направлены пожертвованія въ Главное управленіе, для общихъ нуждъ общества, а также и къ главноуполномоченнымъ, находящимся при арміи, а потому деньги, предназначаемыя жертвователями для санитарной помощи на самомъ театрѣ войны, полностію пересылаются мѣстными учрежденіями или въ Главное управленіе, или, по желанію жертвователей, прямо на имя главноуполномоченныхъ. Вещевыя пожертвованія должны быть вообще хорошаго качества и, предназначаемыя къ отправленію прямо на театръ войны, въ готовомъ видѣ для употребленія.

Предложенія личныхъ услугъ принимаются мѣстными учрежденіями при тѣхъ же условіяхъ, кои выше обозначены для Главнаго управленія.

III. *Пожертвованія, направленныя къ главноуполномоченнымъ общества.*

Такія пожертвованія поступаютъ: 1) вслѣдствіе вызововъ, дѣлаемыхъ ими самими чрезъ публикаціи въ мѣстныхъ или столичныхъ органахъ печати; 2) изъ Главнаго управленія общества, которыя будутъ получены въ немъ съ спеціальною цѣлью пересылки ихъ въ распоряженіе главноуполномоченныхъ; 3) изъ мѣстныхъ управленій и комитетовъ общества, полученныя тамъ съ тою же цѣлью.

Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, учрежденія общества, служа передаточными инстанціями для облегченія жертвователей, публикуютъ еженедѣльно въ газетахъ; главноуполномоченные дѣлаютъ тоже о пожертвованіяхъ, непосредственно ими полученныхъ.

Всѣ пожертвованія, въ какомъ бы видѣ они ни предлагались на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ, могутъ достигнуть своей цѣли не иначе, какъ чрезъ учрежденія общества Краснаго Креста.

С.-Петербургскій Центральный складъ общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, снабжающій преимущественно дѣйствующія арміи за границей, объявляетъ, что всякаго рода пожертвованія могутъ быть присылаемы и доставляемы въ помѣщеніе склада, у Благовѣщенія, въ казармахъ 8-го флотскаго экипажа. Пріемъ въ складѣ производится во всякое время, съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера, лицами, составляющими управленіе склада. Сверхъ того, въ складѣ будутъ находиться ежедневно, съ 12 до 4 часовъ пополудни, дежурныя дамы, обязательно принявшія на себя участіе въ семъ дѣлѣ. Желающіе могутъ получать отъ нихъ свѣдѣнія о тѣхъ вещахъ и предметахъ, которые преимущественно требуются для врачебной помощи и для удовлетворенія нуждъ больныхъ и раненыхъ въ военное время.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ XLI. — ТОМЪ CCXXXIX. — 1/13 МАЯ, 1877.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

С. САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1877


ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 2 ЛИН. 7.

НА-МІРУ

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Около года прошло со времени женитьбы Кирилла. Анна давно уже свыклась съ новой семьей и вошла во всѣ ея интересы. Она была любимицей свекра, ладила со свекровью, но не внесла ничего новаго ни въ душу Кирилла, ни въ его отношенія къ родителямъ. Она оказалась изъ тѣхъ женскихъ натуръ, которыя умѣютъ повиноваться, способны вездѣ приноровиться, со всѣми ужиться, умѣютъ сознавать свой долгъ и подчиняться ему охотно, безпрекословно, которыя по привычкѣ ищутъ чужой воли, чужой власти надъ собой, и какъ-бы считаютъ себя существующими не для себя, а для другихъ. Идти по указанной дорожкѣ, дѣлать по заведенному порядку, строго соблюдать всѣ принятыя формальности и обряды, ничѣмъ не заявляя своей личной самостоятельности, личныхъ вкусовъ и желаній — составляетъ для такихъ натуръ какъ-бы призваніе, какъ-бы прямое назначеніе; въ этихъ рамкахъ онѣ живутъ спокойно и счастливо, терпѣливо перенося всякаго рода житейскія невзгоды, и непріятности, и горе, никогда не заявляя при нихъ ни ропота, ни протеста. Это преобладающій типъ среди русскихъ крестьянокъ. Нельзя сказать, чтобы эта наружная безличность и поступчивость своимъ *я* соединялась всегда, даже часто, съ апатичностью, а тѣмъ болѣе

*) См. выше: апр. 469.

съ глупостью, чтобы въ такихъ натурахъ не крылись гдѣ-то глубоко, для самой ея невѣдомо, и находчивость и самостоятельность, и способность разсуждать и дѣйствовать по-своему; напротивъ, сплошь и рядомъ русская крестьянка такого типа, проживя больше половины жизни умомъ и волей отца и мужа, сдѣлавшись вдругъ вдовою, не терялась, не падала духомъ, но проявляла и оригинальность, и энергію, и силу воли, и настойчивость, доходящую до упрямства. Аннушка, при всей своей добротѣ и уступчивости, была не глупа и не безхарактерна, но, много не разсуждая, знала, что ея первая обязанность и главная добродѣтель: дѣлать угодное другимъ, угождать и свекру, и свекрови, и мужу. Она легко въ этомъ успѣвала, и становилась втупикъ только тогда, когда свекоръ иной разъ, разсерженный чѣмъ-нибудь на сына, требовалъ, чтобы она поучила, вразумила мужа, наставила его на умъ, наблюдала за нимъ и останавливала его отъ гульбы и бездѣлья. Она и тутъ сначала тотчасъ же торопилась исполнить приказаніе свекра: ласкалась къ мужу, уговаривала его, приводила резоны, даже ворчала и выражала неудовольствіе, но Кирилла или отшучивался, или надъ нею же смѣялся, или просто отвѣчалъ бранью, и уходилъ, а когда очень надоѣдала, то грозилъ и побить.

«Ну, что̀ я тутъ подѣлаю?» разсуждала сама съ собой Анна: «извѣстно, мужъ—мужъ и есть. Захочетъ послушать, послушаетъ, а не захочетъ, такъ развѣ его заставишь? Не женѣ же мужа учить и самъ-дѣлѣ: онъ голова-то, а не я. Наше бабье дѣло такое: поговорила, да поплакала—вотъ и все, а больно-то докучать будешь, такъ и хуже разсердится, на зло тебѣ наблажитъ.... А тутъ еще матушка за него!...» Анна жила съ Кириллой, какъ говорится, ладно: она не бранилась, не ссорилась, Кирилла ее не обижалъ, и не притѣснялъ, хотя относился къ ней равнодушно: она была уступчива и не мѣшала ему—съ него этого было довольно. Анна съ своей стороны, сама того не замѣчая, привязалась къ мужу и подчинялась ему все больше и больше: она начинала не только исполнять его желанія, но и отгадывать ихъ, не только соглашаться съ нимъ, но и смотрѣть на вещи его глазами. Кирилла жаловался на скупость и суровость отца, и Анна вмѣстѣ съ нимъ готова была осуждать старика. Онъ разсказывалъ, что всѣ молодые парни гуляютъ въ деревнѣ, что безъ этого никакъ прожить невозможно, потому—знакомство-дружество, а ему отецъ съ дѣтства мѣднаго пятака на гулянку не далъ, а только билъ, да надругался, когда чужіе люди, бывало, поподчуютъ, да вотъ и теперь у женатого-то копѣйки за душой

нѣтъ!—и Анна безпрекословно, по первому слову, отдавала мужу для заклада свои приданыя дѣвичьи сокровища, которыя остались въ ея собственномъ коробу и не пошли въ общій чуланъ, за ключомъ у свекра. Коробъ этотъ, кстати сказать, скоро опустѣлъ. Анна тщательно скрывала отъ отца всѣ уклоненія мужа отъ работы, всѣ его ночныя гулянки и запои. Во всемъ этомъ она много руководилась примѣромъ Ѳедосьи Осиповны, которая по прежнему покровительствовала сыну во всѣхъ его глупостяхъ, какъ говорилъ Ѳедотъ Семенычъ. Анна чувствовала, что только ведя себя такъ съ мужемъ, она можетъ угодить свекрови,—а не идти же, вѣдь, ей противъ нея.

Такимъ образомъ, въ домѣ Ѳедота Семеныча сформировался какъ-бы заговоръ противъ хозяина: изъ жены, сына и снохи; но онъ пока не замѣчалъ этого: видѣлъ, что семейные его живутъ мирно, согласно, Кирилла пьянъ попадался ему не часто, сноха ему на него не жаловалась—и былъ покоенъ. Правда, онъ не замѣчалъ еще со стороны сына той ретивости и заботливости о хозяйствѣ, какихъ бы желалъ, но подъ присмотромъ заботливой Анны дѣло шло порядочно, и онъ уже подумывалъ: не дать ли сыну побольше воли и самостоятельности, но хотѣлъ подождать еще одинъ годокъ.

Въ этотъ періодъ времени, послѣ свадьбы Кирилла совершились два важныя для Ѳедота Семеныча событія: во-первыхъ, онъ былъ выбранъ старшиною на третье трехлѣтіе, во-вторыхъ, что́ его особенно обрадовало: ему удалось не только выжить изъ деревни Ѳедора Гаврилова, но даже и вовсе уничтожить кабакъ. Воспользовавшись новыми распоряженіями правительства, ограничивающими право открытія кабаковъ въ селеніяхъ, онъ настоялъ, гдѣ слѣдовало, о томъ, чтобы Ступино лишено было этого права, и какъ ни ворчалъ міръ, какъ ни роптало на него общество, патента на торговлю виномъ въ Ступинѣ не выдали, и кабакъ самъ собою закрылся. Чтобы нѣсколько утѣшить общество въ этой потерѣ, Ѳедотъ Семенычъ принялъ на себя хлопоты въ огражденіе міра отъ взысканія Ѳедоромъ старыхъ долговъ съ крестьянъ Ступина, и повелъ дѣло такъ, что Ѳедоръ получилъ только съ тѣхъ, которые сами хотѣли платить и сколько хотѣли. Ѳедотъ Семенычъ торжествовалъ, думая, что онъ спасаетъ и своего Кирилла и своихъ сельчанъ отъ главнаго соблазнителя и виновника всѣхъ золъ; но онъ нажилъ себѣ заклятого врага, который оказался хитрѣе и ловчѣе его. Версты за двѣ отъ Ступина шла граница его волости и начиналась другая; какъ разъ возлѣ стояла маленькая деревнюшка на торговой

дорогѣ, идущей изъ села въ городъ. Ѳедоръ Гавриловъ, втихомолку, заарендовалъ около этой деревнюшки на нѣсколько лѣтъ клочокъ земли на самой большой дорогѣ, съ правомъ открытія заведеній для торговли горячими напитками, и основалъ тутъ свою новую резиденцію. Хотя мѣсто было не бойкое и проѣздъ по дорогѣ не большой, но Ѳедоръ Гавриловъ зналъ, чтó дѣлалъ: онъ надѣялся на себя, на свои связи и знакомства, уже упроченныя съ сосѣдними деревнями, а также и на то, что, по новымъ правиламъ, на пять верстъ кругомъ не было ни одного питейнаго. Онъ предвидѣлъ, что все Ступино мало-по-малу вновь обратится къ нему и будетъ уже совсѣмъ и крѣпко въ его рукахъ. Чтобы привлечь больше посѣтителей и оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ открылъ рядомъ съ кабакомъ мелочную лавочку и взялъ патентъ на бѣлую харчевню.

—«Теперь вотъ милости просимъ,—говорилъ онъ первымъ же посѣтителямъ:—изъ лавочки въ кредитъ чтó угодно, а виннаго кредита у меня нѣтъ больше.... И на счетъ если денегъ нѣтъ за товаръ, вещами могу принимать: на обмѣнъ значитъ, вольная торговля, закономъ не воспрещается. А чтобы, напримѣръ, водки въ долгъ—нѣтъ, шабашъ, ученй довольно: я этому старому чорту, Ѳедоту, за его науку, насчетъ ступинскихъ, по гробъ жизни въ долгу состою. Справлю когда ни на есть, отдамъ: получитъ съ процентами!... И если теперича такъ-сказать не трафится у кого заплатить по винной части, по забору, значитъ, съ питейнаго предмета,—ничего: возьми хошь фунтъ кренделей изъ лавочки, зачтемъ по лавочной части, а чтобы, напримѣръ, питій въ долгъ, али вещи принимать подъ питья: тамъ одежу, или иное прочее—ни-ни, ни, Боже мой! такъ и знайте, господа, такъ и въ людяхъ разсказывайте... А теперича у меня чудесно: мѣстечко въ сторонѣ, тихо, смирно, и позасидѣлись ночнымъ дѣломъ — что-жъ такое: стоялый дворъ, и при ономъ бѣлая харчевня... Кто можетъ препятствовать?... Никто, потому большая дорога, человѣкъ прохожій — проѣзжій, со стужи, холодный... Сколь угодно, во всякое время, милости просимъ!.. А благодѣтелю моему, Ѳедоту Семенычу, за его премудрую науку очченно благодаренъ: не увидите ли, такъ и скажите...

И въ то время, какъ Ѳедотъ Семенычъ еще радовался и надѣялся, что спасъ отъ соблазна своего сына и однообщественниковъ, Кирилла, вмѣстѣ со своими пріятелями, одинъ изъ первыхъ обновилъ вновь открытое заведеніе стараго дружка-знакомца.

— Ты у меня самый дорогой гость, Кирилла Ѳедотичъ, го-

ворилъ ему Өедоръ, привѣтствуя его въ первый разъ на своемъ новосельи, потому мы ровно родные братья, въ одинакой наукѣ были, отъ одного родительскаго благословенія жить пошли. Потому, тебя родитель всенародно оконфузилъ дубьемъ, а меня рублемъ, тебя опосля того женилъ на дѣвкѣ, а меня на новомъ мѣстѣ, ты его долженъ благодарить за стараніе и наученіе, и я то же самое... Только ужъ ему теперича меня здѣсь мудрено достать, не знаю какъ тебя... Вотъ тебѣ, смотри, заведеньеце-то, каково? есть гдѣ разгуляться?... Изволь, другъ, спрашивай, чего душа желаетъ: всѣмъ послужить можемъ, и питейнымъ, и ѣстнымъ... Чтó угодно получай, только денежки плати... Теперь—чай, женился—побогатѣлъ: батька не даетъ по скаредству своему, у жены, чай, есть чтó... А васъ, подлецовъ, обратился онъ къ ступинскимъ ребятамъ, пришедшимъ вмѣстѣ съ Кириллой, васъ бы не слѣдъ и пускать сюда изъ-за вашихъ батекъ, что какую *они подлость* со мной сдѣлали; обворовали меня кругомъ, ограбили, за мою-жъ къ нимъ добродѣтель... да ужъ только-что съ дружкомъ пришли, изъ-за него примаю...

— Не въ насъ сила, Өедоръ Гаврилычъ, оправдывались ребята... Кабы, кажись, въ насъ сила была, такъ мы не ежели тебя обиждать... а вотъ бы какъ для тебя старались, всей душой!.. И не изъ-за нашихъ батекъ это все вышло, а все изъ-за стараго чорта, изъ-за старшины вотъ его... Вотъ въ комъ все это ехидство сидитъ: онъ и нашихъ надоумилъ, это мы довольно знаемъ!... Тебя и теперь жалѣютъ и батьки, вотъ что!... Не бойся, постой, всѣ къ тебѣ оборотятся... Оборотятся, братъ, несумлѣвайся... потому, ты не въ отдаленьи, а тутъ двѣ версты ничего не значитъ... А что пороть, насъ тоды всѣхъ пороли, не одного его, Кирюху: всѣмъ, братъ тоды было... Все отъ него, отъ стараго... А ты насъ, братъ, прими, Өедоръ Гаврилычъ, потому мы вотъ какъ къ тебѣ привычны, ровно къ родному—всей душой... А это придти, придутъ всѣ... наши... Ты не сумлѣвайся!...

— Да я и званія-то не хочу братъ, чтобы думать-то о нихъ... Вы, извѣстно, ребятки, непричинны въ отцахъ: съ васъ и спрашивать нечего... А батекъ-то вашихъ еще какъ приму... еще ты сначала приди да старое заплати... ну, тогда, можетъ... А у меня вишь ты кáкъ: тихо, смирно, въ сторонкѣ, никто не видитъ, не слышитъ, чтó угодно!... Ну, ребята, для новоселья, для перваго раза, чего угодно, спрашивайте, съ уступкой вамъ буду отпускать: вотъ какъ—съ четверти пятиалтынный спущу...

И съ этого посѣщенія Кирилла началъ приносить приданое жены изъ ея коробки во вновь открытое заведеніе Өедора Гаврилыча.

Но коробка скоро опросталась, а между тѣмъ Кирилла очень привыкъ къ тихому и укромному убѣжищу, гдѣ снова устроился прежній клубъ, но съ гораздо бо́льшими удобствами и многолюднѣе прежняго. За оскудѣніемъ жениннаго короба, Кирилла попробовалъ прибѣгать къ прежнимъ, ему извѣстнымъ источникамъ; но и эти источники оказались скудны, потому что послѣ памятнаго погрома Ѳедотъ Семенычъ сдѣлался еще недовѣрчивѣе и осторожнѣе, и даже ключъ отъ амбара держалъ постоянно у себя,—а для текущаго расхода выдавалъ хлѣба дня на два, на три.

Однажды въ домѣ Ѳедота Семеныча случилось небывалое и неразгаданное происшествіе. Въ деревнѣ Ступино былъ праздникъ. Къ Ѳедоту Семенычу пріѣхали въ гости Герасимъ Дмитричъ со старшимъ сыномъ и его женой. Ѳедюша не поѣхалъ: несмотря на желаніе семьи, онъ не могъ сблизиться съ Кириллой, и они взаимно другъ друга недолюбливали. Кирилла относился къ нему свысока и насмѣшливо, а Ѳедя конфузился, стѣснялся при Кириллѣ, былъ молчаливъ и избѣгалъ бесѣды. На вопросы Ѳедота Семеныча, почему они не дружатся, Кирилла называлъ шурина хвастуномъ и бахваломъ, а Ѳедоръ ничего опредѣленнаго не высказывалъ и отдѣлывался общими безсодержательными фразами. Наконецъ родные махнули на нихъ рукой и оставили въ покоѣ.

Гости пріѣхали съ ранняго утра, чтобы пробыть весь день до вечера. Лошадь Герасима отложили, сняли съ нея сбрую и поставили къ колодѣ, а хомутъ со шлеей, сѣделкой и вожжами, оставили въ телѣгѣ, задвинутой въ глубь двора. Ворота затворили и заперли, но калитка рядомъ съ ними, изъ которой входили прямо на помость, прилегавшій къ избѣ и отгороженный отъ двора балясникомъ, осталась по обычаю отпертою и отворенною. Гости праздновали и пировали спокойно и радостно: пили чай, послѣ чая ѣли; хозяйкамъ хлопотъ было довольно: онѣ то-и-дѣло бѣгали и прислуживали. Участвовалъ въ этихъ хлопотахъ и Кирилла: по доброй волѣ и къ удовольствію стариковъ, бѣгалъ за водой, помогалъ грѣть самоваръ, уносилъ и приносилъ его; работникъ, ради праздника, уволенъ былъ погулять; Кирилла не разъ бѣгалъ посмотрѣть и на лошадь гостей: напоить ее, задать ей корма.—Онъ былъ особенно услужливъ и радушенъ къ гостямъ, такъ что Ѳедотъ Семенычъ, не безъ особеннаго, внутренняго удовольствія, обратилъ на это вниманіе Герасима.

— Смотри-ка, сватушка, мой-отъ, мой-отъ—ка́къ старается: видно, что женина родня въ гостяхъ!... Въ другой разъ натьı-

кай на дѣло-то, указывай, а теперь, смотри-ка, смотри-ка, самъ глядитъ: гдѣ бы какъ помочь, да услужить...

— Для жены старается, какъ же... Нельзя... — съ улыбкой отвѣчалъ Герасимъ.—Жена—первая причина... для человѣка: она свое возьметъ, все выдѣлаетъ изъ человѣка...

— Дай Богъ, кабы совсѣмъ-то онъ у меня уставился... Вѣдь, парень-то какой, какъ захочетъ, ловкій до всего...

— Да, Богъ милостивъ... Теперь въ немъ ровно этого ничего нѣтъ...

— Лучше-то, лучше, благодарить Создателя... А все примѣчалъ раза два, и не вдавнѣ, хмѣленъ былъ очень... Я ужъ видъ далъ, что и не примѣтилъ, ничего и не сказалъ...

— Да и не говори, согласнѣй будетъ... Теперь, коли съ женой ладно живутъ, да она не жалится, такъ сами промежъ собой лучше сладятся. Она его и разговоркой разговоритъ, и всячески усовѣститъ... Ничего, Ѳедотъ Семенычъ, Богъ милостивъ...

Оба свата были въ самомъ свѣтломъ, въ самомъ благодушномъ настроеніи. Но послѣ обѣда, когда старшій сынъ Герасима пошелъ на дворъ взглянуть на лошадь, онъ замѣтилъ отсутствіе сбруи въ телѣгѣ, куда онъ самъ ее клалъ вмѣстѣ съ Кириллой. Воротясь въ избу, онъ спокойно спросилъ Кирилла, а потомъ и бабъ: прибрали, что ли, они куда ихнюю сбрую изъ телѣги. Оказалось, что никто до нея и не дотрогивался. Поднялась тревога, опросы другъ друга: не запамятовалъ ли кто кáкъ, можетъ сунулъ куда да позабылъ; началось исканье по всѣмъ угламъ и возможнымъ помѣщеніямъ, но сбруи никто не видалъ, никто не трогалъ, нигдѣ ее не нашли—пропала. Были ворота заперты?— были. Не приходилъ ли кто чужой? — да никто и не бывалъ. Если украсть, такъ надо пройти черезъ весь дворъ, черезъ помостъ, мимо самой избы, опять же днемъ,—опять же у старшины со двора: больно ужъ смѣло, ничто!... А вотъ нѣтъ, и нѣтъ: стало-быть, нашелся же кто смѣлый и ловкій воръ, не посмотрѣлъ что день, и на улицѣ людно, и у старшины на дворѣ— взялъ, да и былъ таковъ. Первое подозрѣніе пало на работника, но оказалось, что онъ съ ранняго утра былъ мертвецки пьянъ и до сихъ поръ спалъ еще у всѣхъ на глазахъ, чуть не середи улицы.

Ѳедотъ Семенычъ опечалился и оскорбился. Самъ вышелъ на улицу, кликнулъ старосту, позвалъ нѣсколько трезвыхъ домохозяевъ, объявилъ о пропажѣ и о дерзости воровства. Начался шумъ, крикъ, соображенія, пересуды, ругательства. На шумъ сбѣжался чуть не весь праздный, гулящій деревенскій людъ.

— Я этого не потерплю,—кричалъ Ѳедотъ Семенычъ, потерявшій даже свое обычное самообладаніе.—На что ужъ это похоже: середи бѣлаго дня у самого старшины со двора...

— Какъ можно стерпѣть, Ѳедотъ Семенычъ,—отвѣчали изъ толпы.—Стерпишь ли... Никакъ этого не возможно стерпѣть... Поди-кось ты и есть: и середь бѣлаго дня, и у старшины со двора... Ахъ, народъ!... Ахъ, дошлый народъ!...

— Да гдѣ у те лежала-то она? сбруя-то эта самая?—спрашивали чуть не въ сотый разъ Ѳедота Семеныча.

— Да, вѣдь, говорятъ, вамъ въ телѣгѣ, на дворѣ... Чего еще?...

— Ну, чего еще: вѣдь, сказываютъ тебѣ-ка...

— И нѣту?...

— Ну, стало-быть, нѣтъ, коли пропала...

— А можетъ, въ другомъ мѣстѣ гдѣ?..

— Чего въ другомъ мѣстѣ, коли вездѣ искали... Отстаньте вы, ну васъ!..—говорилъ Ѳедотъ Семенычъ.—А вотъ что, міряне: это на всю нашу деревню срамъ, худая слава... Это надо искоренить: ворамъ потакать нельзя... Я вотъ что̀ хочу: я сейчасъ по всѣмъ домамъ обыскъ сдѣлаю... Староста! вотъ сейчасъ возьмемъ Якова Петрова, да Ивана Захарова, да еще кого... и пойдемъ... Вы, господа, не обижайтесь: я всю деревню обхожу, у всѣхъ обыскъ сдѣлаю... Это никому не въ обиду... Да поставь, староста, двухъ десятскихъ по концамъ улицы, чтобы поколь обыскъ дѣлаю, никто изъ гостей не уѣзжалъ... Вы не обижайтесь, братцы... Это дѣло общественное: я ни на кого поклёпа не кладу, а это дѣло надо дойти, и виноватому, коли найдется, потачки не давать...

— Да намъ сколь угодно обысковъ дѣлай... Мы согласны...—загалдѣли изъ толпы.

— Мы съ нашимъ удовольствіемъ!...

— Куда угодно: вездѣ отопру, самую что̀ ни на есть утробу выворочу... Смотри...

— Чего обижаться? Обижаться нечего: до кого ни доведись... Дѣло такое...

— Какъ бы не подкинулъ, мотри... Наотвѣчаешься послѣ...

— Такъ берегись, поосторожнѣе...

— Такъ пойдемъ, ребята, къ домамъ: и самъ-дѣлѣ сторожиться нужно... Онъ лютъ...

— Кто?

— А воръ-отъ... Подкинетъ, братецъ, а ты тутъ послѣ въ отвѣтѣ будешь...

— Гдѣ подкинуть, давно, чай, справлено...
— Куда?
— А куда ни на есть: мѣстовъ-то много... Держать въ домѣ не станетъ.
— Такъ ты развѣ видѣлъ?..
— Чего, видѣлъ, чортъ... Видѣлъ!.. Я такъ—къ примѣру... Видѣлъ!.. Ты не видалъ ли?
— Что мнѣ видѣть-то?.. Я кабы видѣлъ, такъ сказалъ бы...
— Такъ то-то и есть... И всякой такъ же само... А то: видѣлъ!.. Ты языкомъ-то не очень больно, подумавши, а то у меня: не прикуси!..
— Да что ты лѣзешь, чего лаешься?.. Я такъ только...
— То-то, такъ только... А ты махалкой-то своей обведи перво во рту разовъ пятокъ, а послѣ и булькай... А зря-то не махай... Вишь ты: видѣлъ!.. Ты, значитъ, въ свидѣтели меня выводишь, дьяволъ; а коли я ничего не знаю, и не видалъ, и не слыхалъ... Чего-жъ ты зѣваешь?..
— Да ну тебя вправду... присталъ...
— Пойдемъ, робя, пойдемъ по домамъ: вона пошли въ обыскъ...
Толпа разбрелась.

Пока Өедотъ Семенычъ производилъ обыскъ, въ домѣ вдругъ сдѣлалась тишина: всѣ, и гости, и хозяева—чувствовали какую-то неловкость и стѣсненіе, говорили между собой какъ-то отрывочно и неполнымъ голосомъ, всѣ робко и нерѣшительно взглядывали другъ на друга, точно каждый считалъ себя виноватымъ передъ всѣми другими, или имѣлъ какія-то мысли, или смутныя предчувствія, которыхъ боялся, не рѣшался высказать, самъ въ нихъ не вѣрилъ и силился прогнать ихъ отъ себя и опасался, чтобы они не сообщились, или не были отгаданы другимъ. Всѣхъ еще разговорчивѣе былъ Кирилла и какъ будто старался лѣзть другимъ на глаза; разговоръ его безпрестанно возвращался къ пропажѣ, хотя уже всѣ устали говорить объ этомъ и не поддерживали его.

— И, вѣдь, то удивительно,—говорилъ Кирилла,—что передъ самымъ, ну, обѣдомъ выходилъ я къ лошади, проходилъ мимо телѣги и видѣлъ, вотъ своими глазами видѣлъ: тутъ лежала сбруя... Какъ мы тогда съ тобой, Иванъ Герасимычъ, положили ее, такъ она и лежала... Ничего больше, какъ это во время обѣда: вотъ мы обѣдали, а онъ забрался, да и вынесъ, на улицѣ тогда народа мало, вынесъ, да сейчасъ въ заугловъ, да задáми... Никто и не видалъ... И какъ это мы не сдогадались тогда, оставили въ телѣгѣ-то?.. не занесли ее?.. ну, хоть бы на мосту покинуть въ сѣняхъ, все бы цѣлѣе было... Да можно ли было полагать

этого... Никогда, вѣдь, этого не бывало... Ну, и сами, бываетъ, оставляемъ, на часъ-то... не то что, а бываетъ и ворота отворены, да Богъ миловалъ... А тутъ вотъ; точно сквозь землю провалилась!.. Я такъ полагаю, что напрасно батюшка и съ обыскомъ пошелъ: на врядъ ли, чтобъ стали въ избахъ, али тамъ гдѣ по сараямъ прятать, да и не изъ нашихъ это, а надо-такъ полагать, что изъ чужестранныхъ... Вотъ пришелъ гулять, на деревню, заглянулъ во дворъ, видитъ—никого нѣтъ, пошарилъ, нашелъ, да и былъ таковъ... Поди, чай, ужъ за пять верстъ занесъ теперь... А опосля того еще подальше справитъ... Сбруи-то жалко, сбруя-то какая чудесная, новая, и съ наборомъ... Чай, рублей пятнадцати стоитъ съ возжами-то... Да нѣтъ, не управишь, не сдѣлаешь и на пятнадцать...

— Слишкомъ двадцать стала...—отрывисто и сердито промолвилъ Иванъ Герасимовъ.

— Вота!.. Хошь нашу возьмите ужо... Какъ же, безъ хомута—возжей—не поѣдешь... У насъ есть такой оголовокъ... придется на вашего бурку... Да, батюшка, поди, свою отдастъ замѣсто вашей, не захочетъ онъ этого: что-жъ, вы не виноваты, у насъ въ гостяхъ.

— Знамо, не захочетъ: неужто имъ изъяниться,—замѣтила Өедосья Осиповна:—наша ужъ бѣда...

— Да это что... развѣ въ томъ...—какъ-то неопредѣленно не то возражалъ, не то соглашался Герасимъ Дмитричъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это вы ужъ и не говорите, сватушка: наша бѣда, у насъ въ домѣ, нашъ и отвѣтъ...—настаивала Өедосья Осиповна.

— Лучше, кабы вора-то найти, согласнѣе бы было...—говорилъ Герасимъ.

— Гдѣ, чай, найти: я такъ полагаю, не найдешь... Давно, чай, справлена куда, подальше...—замѣчалъ Кирилла.

И дѣйствительно: поздно вечеромъ, Өедотъ Семенычъ возвратился усталый, сердитый, разстроенный, и съ пустыми руками. Обыскъ не привелъ ни къ чему: ни къ открытію виновнаго, ни даже къ какимъ-либо слѣдамъ и подозрѣніямъ. Родные уѣхали со сбруей хозяина.

Послѣ ихъ отъѣзда, Өедотъ Семенычъ нѣсколько разъ пытливо взглядывалъ на Кирилла и покушался-было даже о чемъ-то заговорить съ нимъ, но остановился и рѣшительно покачалъ головой.

«Не можетъ быть!» проговорилъ онъ мысленно.

Такъ и исчезла сбруя. Нѣсколько дней послѣ того еще посудили, порядили, а потомъ и бросили.

II.

Прошло послѣ того двѣ недѣли. Ѳедота Семеныча вызвали по дѣламъ въ городъ. Уѣзжая, онъ сказалъ домашнимъ, что по всѣмъ видимостямъ пробудетъ въ отлучкѣ дня два-три, и потому сдѣлалъ на это время кое-какія распоряженія по дому. Въ его отсутствіе, наканунѣ воскреснаго дня подъ вечеръ, Кирилла заложилъ лошадь въ телѣгу и, ничего не сказавши домашнимъ, выѣхалъ изъ дома. Онъ направился къ Ѳедору Гаврилычу. Въ эти часы, наканунѣ праздниковъ, у него обыкновенно мало бывало народа. Подъѣхавши къ крыльцу и привязавъ лошадь, Кирилла заглянулъ въ кабакъ—тамъ лежалъ въ растяжку на полу, и не то спалъ, не то находился въ пьяномъ безпамятствѣ, одинъ только Гоношило.

Это былъ бездомный, безпріютный мужичёнка, полу-одурѣлый отъ пьянства, весь дрожащій, вѣчно говорившій несвязный вздоръ, оборванный, всклокоченный, избитый, котораго Ѳедоръ Гавриловъ принялъ въ качествѣ работника, но безъ жалованья, изъ-за одной только пищи и прàва проживать дни и ночи въ кабакѣ, допивать остатки изъ стакановъ, выпрашивать рюмку, а иногда и шкаликъ у расходившейся компаніи, забавлять ее и задерживать пьянымъ вздоромъ, который уже давно былъ всѣмъ знакомъ, но всегда, какъ новость, возбуждалъ интересъ и смѣхъ общества. Гоношило можно было ругать и даже бить, подпаливать ему бороду, стричь плѣшинами волосы на головѣ, обливать водой, заставлять закуривать трубку на половину набитую порохомъ,—словомъ, выдѣлывать надъ нимъ всякія затѣи, которыя только приходили въ пьяныя головы и служили къ увеличенію общаго веселья... Гоношило ругался, защищался, иногда дрался, чтó было еще веселѣе, но никогда не обижался, не жаловался, если только такія потѣхи сопровождались наградой въ видѣ водки. По утрамъ онъ долженъ былъ нарубить дровъ, натаскать изъ колодца воды, наносить корма скотинѣ, и среди дня, если народа было не много, его заставляли поставить самоваръ, сдѣлать ту или другую послугу хозяевамъ и гостямъ; но если въ кабакѣ было людно и весело, права хозяина надъ нимъ исчезали, никакая власть уже не въ состояніи была принудить его къ какому-нибудь дѣлу. Давно уже Гоношило сдѣлался чтó-называется кабацкимъ завсегдателемъ, и, избирая то одинъ, то другой изъ сосѣднихъ кабаковъ, приходилъ въ него съ утра, взглядывалъ робко, просительно и дико на цѣловальника,—и, ни слова

не говоря, садился въ уголъ, гдѣ и выжидалъ крупицы отъ пышной трапезы счастливыхъ. Өедоръ Гаврилычъ первый догадался эксплуатировать въ свою пользу и это несчастное отребье крестьянскаго міра: онъ не только воспользовался остатками силы въ этомъ трясущемся, разбитомъ тѣлѣ, онъ, неожиданно для самого себя, открылъ, что Гоношилу можно даже оставлять сторожемъ въ кабакѣ, чтó онъ, жадный къ каждой пролитой каплѣ водки, къ каждому слитку, выплескиваемому изъ стакана, готовый отдать себя на истязанія ради выпивки,—никогда самовольно и воровски не касался закупоренной посудины (не оставляй только початой) и никому, кромѣ хозяйской руки, не позволялъ дотрогиваться до завѣтной выставки и всего, что хозяйская стойка отдѣляла отъ прочаго простого человѣчества. «Бывало, вѣдь, на минуту не выйди изъ кабака», думалъ и даже говорилъ Өедоръ Гавриловъ, «а при Гоношилѣ я ничего не боюсь: ровно песъ хозяйское бережетъ, никого безъ тебя къ стойкѣ даже не подпуститъ, развѣ ужъ самъ обезпамятѣетъ... Мнѣ изъ-за этого одного ничего не составляетъ выплеснуть ему въ глотку косушку-то... И завсегда выплесну!.. А она все-таки добродѣтель, можетъ и зачтется, замѣстъ копейки нищему подать».

Кирилла подошелъ къ нему и безъ церемоніи ткнулъ въ бокъ ногой.

— Гоношило, а Гоношило!—окликнулъ онъ его.

— А? что?—отозвался тотъ, приподымаясь.—Пошелъ, пошелъ, пошелъ... Нѣту, нѣту, нѣту... Бывали всякіе... Чортъ васъ дери... Говорятъ, нѣтъ...

И Гоношило опять повалился на полъ.

— Да ты, дьяволъ, слушай!.. Не узналъ что-ли... Өедоръ-то Гаврилычъ гдѣ?.. Дома, аль нѣтъ?.. Пошелъ, позови его.

— Да, была у попа поповна хороша... глаженная, напомаженная... Нѣтъ, братъ, безъ денегъ-то не сунешься.

— Да слышь, дура-чортъ... Мнѣ самого надо. Сходи, позови.

— Нѣтъ, братъ, врешь... я не уйду... мой предѣлъ здѣсь... Чтó князь во дворцѣ, чтó солдатъ въ буткѣ, то и я здѣсь... Меня не надуешь тоже... Проходи, проваливай, зубовъ не заговаривай...

— Экъ тебя нелегкая... Слышь ты: мнѣ самого требуется по дѣлу... по секретному... А тамъ, може, люди есть... Пошелъ, говорятъ, позови, а то выволочку задамъ... Замкни кабакъ-отъ, дьяволъ, коли не вѣришь: не бось, не покорыстаюсь... Ну, пошелъ же, говорятъ... Слышишь?..

И Кирилла сильно двинулъ своимъ сапогомъ въ бокъ Гоношилы.

— Ой, больно, вѣдь... Бокъ-отъ у меня свой: ты что думаешь?.. Не пойду коли...

Но Кирилла уже безъ всякихъ разговоровъ приподнялъ Гоношилу за шиворотъ и вытолкнулъ изъ кабака. Тотъ побрелъ къ крыльцу дома, ругаясь, гримасничая и показывая Кириллѣ кулаки.

Кабакъ стоялъ рядомъ съ избой, гдѣ было жилье и помѣщалась бѣлая харчевня; по другую сторону къ избѣ примыкала лавочка. И лавочка, и кабакъ, имѣли входъ только съ улицы и на ночь тщательно запирались снаружи, а днемъ—кабакъ стоялъ всегда съ открытыми дверями, лавочка же, замѣнявшая Өедору и амбаръ, и кладовую, отпиралась только по мѣрѣ надобности. Бѣлая харчевня отдѣлялась отъ жилья одною перегородкою съ дверями, такъ что оттуда было видно и слышно все, что дѣлалось и говорилось въ харчевнѣ,—и хозяева, сидя за перегородкою, могли явиться тотчасъ же, по первому зову гостей. Гоношило, продолжая ругаться, проходилъ черезъ харчевню въ хозяйское отдѣленіе.

Въ это время въ харчевнѣ, въ числѣ немногочисленныхъ посѣтителей, возлѣ самаго окна на улицу, сидѣли и пили чай двое изъ ступинскихъ мужиковъ, уже примирившихся съ Өедоромъ Гавриловичемъ и старавшихся пріобрѣсти потерянный-было кредитъ. Мужички эти были сосѣди между собою и звались—одинъ Иваномъ Ананьичемъ, а другой Яковомъ Иванычемъ. Оба они жили на самомъ краю деревенской улицы, жили не богато, но согласно, по-сосѣдски: дѣлились другъ съ другомъ по-нуждѣ, чѣмъ Богъ послалъ; почти всегда за-разъ выѣзжали на работу въ поле, или зимою въ лѣсъ за дровами; по праздникамъ сидѣли рядомъ на завалинкѣ—то Иванъ Ананьичъ у Якова Иваныча, то, наоборотъ, Яковъ Иванычъ у Ивана Ананьича; норовили внести за-разъ и по-ровну всякаго рода платежи, такъ что и недоимка у нихъ была почти ровная, и въ кабакъ ходили тоже бо́льшею частью вмѣстѣ, угощаясь взаимно.

И теперь вотъ уже четвертый разъ, на двухъ-трехъ недѣляхъ, ходили они вмѣстѣ къ сосѣднему помѣщику нанимать пополамъ покосцу въ пустошѣ, но никакъ не могли сладиться съ бариномъ: дѣло расходилось изъ-за рубля, котораго помѣщику не хотѣлось уступить, а крестьянамъ хотѣлось выторговать. И каждый разъ, возвращаясь недовольные домой, пріятели дѣлали небольшой крюкъ и заходили къ Өедору Гавриловичу, чтобы выпить по стаканчику и напиться чайку на гривенничекъ. Пла-

тили они каждый разъ полюбовно, пополамъ, наличными изъ тѣхъ денегъ, которыя носили барину въ задатокъ за покосъ и которыхъ, изъ-за спорнаго рубля, къ ихъ великому огорченію, баринъ никакъ не хотѣлъ принять...

— Насъ не перемнешь: умнешься самъ...—проговаривалъ Иванъ Ананьичъ, выходя отъ барина, и желая тѣмъ утѣшить и себя, и пріятеля.

— Знамо, умнется...—соглашался Яковъ Иванычъ.—Вишь ты, рубль ему накинь, супротивъ цѣны... За что рубль-то? Покосъ-то все одинъ.

— Не перешибъ бы только кто: не перехватилъ бы...—начиналъ уже Яковъ Иванычъ, отойдя нѣсколько шаговъ.

— То-то, не перехватилъ бы кто... И мнѣ тоже думно...—соглашался теперь Иванъ Ананьичъ:—да гдѣ, чай... некому...

— Знамо, некому... Кто ему рубли-то жертвовать станетъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ до поворота къ заведенію Өедора Гаврилыча, они оба пріостанавливались и взглядывали другъ на друга.

— Ай зайти?..—спрашивалъ который-нибудь.

— А зайдемъ!.. хошь передышку сдѣлать.—Посидимъ.

И заходили.

Теперь они услышали такой разговоръ за перегородкою между Гоношилой и хозяиномъ.

— Подь, Кирюшка тебя спрашиваетъ...—говорилъ Гоношило...

— Ступинскій?..

— Нечто... дерется, дьяволъ... Я ему морду-то расчищу, постой...

— Одинъ, что-ли?

— Одинъ, на лошади пріѣхалъ...

— Такъ скажи: шелъ бы сюда... Все одно запираться пора. Здѣся есть...

— Такъ на вотъ... Разѣ я его не посылалъ?.. Слышь: дерется... За шиворотъ выпихнулъ... Скажи, чу, секретъ до него... Вышелъ бы на волю...

Иванъ Ананьичъ и Яковъ Иванычъ не разъ многозначительно переглянулись: знакомое имя, слова: «на лошади пріѣхалъ» и «секретъ!» сильно ихъ заинтересовали. Они притаились, точно ихъ и не было, когда Өедоръ Гавриловъ проходилъ черезъ харчевню на улицу; но жадно стали заглядывать въ окно, когда дверь за Өедоромъ затворилась. Иванъ Ананьевъ, которому было ловчѣе, то-и-дѣло даже высовывалъ голову за окно, стараясь разслышать, что

говорилось на улицѣ,—и, отрывочно, шопотомъ сообщалъ пріятелю, оглядываясь на другихъ посѣтителей; но тѣ не обращали на нихъ вниманія, потому что были изъ чужихъ деревень и занимались бесѣдой о собственныхъ интересахъ.

— На лошади... на своей...—шепталъ Иванъ Ананьичъ.

— А батько-то уѣхалъ въ городъ... Вотъ и...—отвѣчалъ Яковъ Иванычъ.

— Нечто въ телѣгѣ показываетъ...

— Торгуются, знать: продаетъ, видно, по рукамъ бьютъ...

— Ладятся... Сладились...

— Вымаетъ, вымаетъ, изъ телѣги-то...

— Что?..

— Погоди... Несетъ... Въ лавочку, видно... Вотъ, смотри... Не выставляйся...

И, откинувшись за косякъ окна, оба пріятеля видѣли, какъ мимо самаго окна прошелъ Кирилла, надѣвши на голову хомутъ со шлеей и держа въ рукахъ сѣделку и кожаныя вожжи. Догоравшая заря отражалась въ мѣдномъ наборѣ сбруи. Впереди Кириллы прошелъ Өедоръ Гавриловъ, отперъ и отворилъ дверь въ лавочку. Пріятели съ изумленіемъ и въ то же время съ восторгомъ открытія смотрѣли другъ на друга.

— А, вѣдь, это сбруя-то... Знаешь, чья?..—проговорилъ шопотомъ Яковъ Ивановъ.

— Знамо, Герасимова... Вотъ она гдѣ была... Обыскъ-то дѣлалъ...

— Дома бы поискать... коло себя...

— Дошелъ парень!..

— Да, на саму точку ступилъ... Ужъ у своихъ...

— У тестя... У своего собственнаго...

— Тонко обдѣлалъ... Прохвостъ!..

— На то граматный... въ наукѣ былъ...

— Да, вотъ, поди... У экого-то отца...

Но пріятели оборвали разговоръ. Они услышали шумъ захлопнутой двери, лязгъ закидываемыхъ запоровъ и замкóвъ. Они снова притаились за косяками окна и слышали, какъ Кирилла, проходя рядомъ съ Өедоромъ Гавриловымъ, говорилъ ему:

— Право, ну, двадцать-пять стóитъ... только-что самому за восемь пришла, оттого отдалъ.

— Ну, ужъ сдѣлано дѣло: сказано—и шабашъ... Не опять сначала...—отвѣчалъ Өедоръ Гавриловъ.—За чтò ни пришлась, а все тебѣ безъ убытка... Заходи, чайку попьемъ.

— Сейчасъ, только лошадь привяжу...

— Ну, а я кабакъ запру встати...

Пріятели съ коварной улыбкой, посматривая другъ на друга, взялись за оставленныя, недопитыя чашки.

— Вишь ты, шельма, ладить будто купленое, а не...—сказалъ Иванъ Ананьичъ.

— А тотъ, ровно и вправду вѣритъ...

— Надо бы съ него магарычъ теперь спить хорошій...—надоумилъ Яковъ Иванычъ.

— А чтó ты думаешь... Поставитъ, только не сказывай... Батька-то узнаетъ, такъ...

— То-то, батько-то... Тутъ одинова сопьешь, а чуть что, разборъ какой, али духъ падетъ... Заодно, скажутъ, пили...

— Да ужъ это какъ Боже мой... Скажутъ и не то...

— Пойдемъ-ка отъ грѣха...

— Пойдемъ и есть...

Мужики стали торопливо допивать чай и сбираться.

Погремливая ключами, прошелъ за перегородку Өедоръ Гавриловъ. Вслѣдъ за нимъ, веселый и довольный, вошелъ въ харчевню Кирилла.

— Миръ честной компаніи,—проговорилъ онъ, бѣгло оглядывая всѣхъ присутствующихъ.

Узнавъ своихъ ступинскихъ, онъ нѣсколько смутился. Иванъ и Яковъ поднялись уже съ мѣстъ, чтобы уходить, но при появленіи Кириллы остановились и, стоя другъ передъ другомъ, смущенно переминались съ ноги на ногу, хмурились и одергивали на себѣ кафтаны: очевидно, они не могли вдругъ сообразить, чтó имъ дѣлать и кàкъ повести себя съ Кириллой. Эта ихъ нерѣшительность и видимое смущеніе, въ свою очередь, встревожили Кириллу, но нахальство его натуры не дало ему долго задумываться: онъ бойко подошелъ къ нимъ.

— А, дядя Яковъ, дядя Иванъ, али разгулялись?—сказалъ онъ имъ.

— Нѣту, вотъ мы къ домамъ...—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, не смотря на Кирилла.

— Не оставляете тоже Өедора-то Гаврилыча?

— Такъ мы... это... ходили тута... И зашли...

— Что-жъ, посидите еще... Все одно...

— Нѣтъ, ужъ мы вотъ... Пойдемъ, Яковъ Ивановъ.

— Пойдемъ... Чего же...

— Хотите: угощу?

— Нѣтъ ужъ... благодаримъ... Безъ насъ ровно какъ складнѣе тебѣ будетъ...

— Отчего такъ?.. Что такое?.. И при васъ не страшно... не махонькій... И почище васъ отъ насъ рожи-то не воротятъ...

Иванъ Ананьевъ съ товарищемъ сдѣлали движеніе къ выходу.

— Садись, говорятъ: бальзану потребую...

— Нѣту, благодаримъ... Къ домамъ пора...—отвѣчали оба пріятеля, ускоряя шагъ и озираясь на постороннихъ.—Вонъ, не одни мы, подчуй... Насъ нечего путать...

— Что-жъ, знамо найдутся и окромя васъ: небось, не побрезгуютъ... Вишь ты... Вотъ Гоношилу сейчасъ накачу, коли, замѣстъ васъ.

Но дяди Иванъ и Яковъ выбрались уже на улицу и ускореннымъ шагомъ пошли по дорогѣ къ своей деревнѣ. Отойдя безмолвно до поворота въ Ступино, они, точно ожидая за собою погони, оба вдругъ оглянулись назадъ и заговорили.

— А, вѣдь, не гоже дѣло-то...

— Чего хорошаго...

— Вѣдь, надо отцу-то сказать...

— Безпремѣнно надо...

— А то запутаютъ...

— Долго ли запутать...

— Али, ровно не видали?.. Не наше дѣло...

— Да, такъ какъ на улицѣ у нихъ было, а мы въ хатѣ: ровно не въ примѣту...

— Только-что жалко батьки-то... Ѳедота Семеныча...

— Какъ бы ни было, что же?.. Онъ отецъ, человѣкъ старый, а сынъ чѣмъ займуется...

— И опять же, на всю деревню поклёпъ былъ: обыскивали...

— Пущай же знаетъ: кто воръ-отъ...

— Кажись, онъ его забьетъ...

— Это забьетъ...

— Онъ потачки не дастъ...

— И мы не въ отвѣтѣ...

— Тутъ, братецъ, значитъ, какой же отвѣтъ: сказали—и шабашъ!.. Мы по совѣсти...

— Для него же!.. По-божески, жалко отца...

— И для парня: пусть не балуется... Опять же, станетъ за нимъ присматривать...

— Какъ можно!.. У самихъ дѣти... Они больки—дѣти-то...

— Дѣти, братецъ... Она погибель самая, гробовой гвоздь, коли ежели дитё сбалуется... Вотъ оно каково сладко...

— Что говорить!.. Говорить нечего... Ты около него ста-

раешься, пріучаешь какъ бы все по хорошему, для себя, напредки... старости утѣшеніе...

— И поддёржка, знамо!.. А онъ замѣсть того балуется... Ужъ почтенія не жди, а смотри того: совсѣмъ пропадетъ!..

— По этой, братъ, дорожкѣ далеко уйдешь.

— Какъ, голова, не уйти... Сегодня стянулъ, завтра укралъ... Не все съ рукъ сходить будетъ... придетъ время, поймаютъ—не похвалятъ...

— А Өедька-то, Өедька-то... И что этого добра перетаскаютъ къ нему, и Боже мой!..

— Да, а все добро-то мірское, кровное... А ему въ пользу, ему все въ корысть...

— Да вотъ какъ: нѣтъ теперича должности складнѣе, какъ эта питейная часть...

— Какъ же, братецъ, съ чего-нибудь да богатѣютъ же... Да, вѣдь, что? Ты тó думай, что на него николи и отвѣта-то нѣтъ, на кабатчика... Либо откупится, либо выкрутится!.. Вотъ, гляди, совсѣмъ спутанъ человѣкъ, тутъ бы ему и пропàсть... Нѣтъ, братецъ мой, увьется, увьется такъ,—никакъ не возьмешь его: всѣ виноваты, а онъ чистъ... Изъ воды сухъ выйдетъ!..

— Да ужъ они къ этому сторожки... Ну, да и опять же деньги... Съ деньгами, голова, человѣкъ завсегда правится, потому... деньги, онѣ завсегда правятъ человѣка... какъ можно... въ нихъ сила!.. Теперь тебя взяли; ты безъ денегъ, человѣкъ, ну долго ли тебя замотать?.. кто за тебя вступится?.. кому нужно?.. А съ деньгами-то?.. Онѣ манятъ къ тебѣ: сейчасъ тебѣ и ласка, и уваженіе... потому, всякому получить желательно... Ну, и оправятъ!

Среди подобныхъ разговоровъ пріятели заслышали сзади себя грохотъ быстро катившихся колесъ. Это былъ Кирилла, торопившійся догнать ихъ.

Послѣ ухода изъ харчевни мужиковъ, отвергнувшихъ его угощеніе, онъ невольно задумался и обезпокоился, и чѣмъ больше соображалъ, тѣмъ тверже убѣждался, что они видѣли, какъ онъ продавалъ Өедору Гаврилову украденную сбрую. По понятіямъ крестьянъ, отказаться въ кабакѣ или трактирѣ отъ угощенія можетъ только или явный врагъ, или человѣкъ злоумышляющій. Въ деревняхъ спѣшатъ попотчивать водкой завѣдомыхъ воровъ, и тотъ, отъ кого они принимаютъ угощеніе, считаетъ себя обезопасеннымъ отъ нихъ. Но ни дядя Иванъ, ни дядя Яковъ не были ни въ какой враждѣ или непріязни съ Кириллой, слѣдовательно, они что-нибудь задумывали противъ него, имѣли какое-

нибудь недоброе намѣреніе. А что же иное, какъ не намѣреніе сказать отцу объ открытомъ ими воровствѣ. Кирилла рѣшился такъ или иначе остановить ихъ: или привлечь на свою сторону угощеніемъ, попойкой, или запугать угрозами. Съ этой мыслью онъ на́-скоро выпилъ нѣсколько рюмокъ кизлярки, съ которою началъ-было пить чай, оставилъ даже чай недопитымъ, поостерегся высказать свои опасенія Ѳедору Гаврилову, боясь, чтобы онъ не потребовалъ назадъ денегъ и не возвратилъ своей покупки, и выдумавъ какой-то предлогъ, попрощался, вскочилъ въ телѣгу и погналъ вслѣдъ за уходящими пріятелями. Поровнявшись съ ними, Кирилла задержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ.

— Что не остались?..—заговорилъ онъ.—Вотъ угостилъ бы, да еще подвезъ на лошади до дома... Чего кочевряжились?.. Кизляркой бы накатилъ...

— Не гоже, паренёкъ!.. Не гоже, Кирилла Ѳедотычъ,—сказалъ Иванъ Ананьичъ.

— Что такое... не гоже?.. Чтó это не гоже?..—задорно и нахально спрашивалъ Кирило.

— Самъ довольно хорошо знаешь...

— Это что пропустилъ-то маненечко... Эка диковинка! Не малолѣтокъ! Ужъ, слава Богу, женатый... могу и своимъ умомъ жить, безъ вашихъ наставленіевъ...

— Не про то, другъ сердечный!.. Не заминай!—сказалъ съ своей стороны Яковъ Ивановъ.—Самъ знаешь про что... Про художество твое...

— Ничего я не знаю больше... никакого художества... Вы, видно, больше меня знаете...

— Не видѣли бы—не знали...

— Видѣли! Чтó видѣли-то?.. Вишь ты, видоки какіе... приставлены, что ли, отъ кого?.. Въ должность, что ли, въ экую обвязались... Вишь ты, ходятъ да досматриваютъ: все ли благополучно, нѣтъ ли какой провинности за кѣмъ... Гм... Право, ну... Что же видѣли? говорите, не испугался... Ну, что же?.. говорите, что ли: чтó видѣли?..

— Что ты бахвалишься-то... Что?.. Коли ежели теперь довести до отца... вѣдь, какая взбучка тебѣ будетъ... Вѣдь, ты чтò дѣлаешь?.. У этакого-то отца... Что ты—отъ бѣдности, что ли? Пить-ѣсть нечего, что ли?.. Съ чего дуришь-то? На отца экую срамоту пущаешь... Молодой ты парень!.. Да и не на одного отца, на все общество... По головкѣ, братъ, за это не погладятъ... Небось!.. Добро еще своимъ судомъ, на міру постегаютъ: хошь потачки не дадимъ, а все лучше... А куда дальше пойдешь?..

Каково отцу-то? Отцу-то каково?.. Ты бы вотъ чтó, парень, въ головѣ-то держалъ: онъ у насъ чинъ, самъ знаешь какой, третій разъ выбрали... опять же, при старости!.. при всемъ своемъ почтеніи...

Мужики говорили въ одно время, и въ перебой одинъ другому.

— Да что вы, лѣшій бы васъ дралъ, такіе-сякіе, что вы не суразное говорите-то... Что васъ, обошелъ, что ли, онъ васъ и самъ-дѣлѣ... Мнѣ и въ понятіе-то не взять: про чтó...

Кирилла еще пробовалъ храбриться и не сдавался: выпитая кизлярка придавала ему бодрости съ своей стороны.

— А вотъ какъ отецъ пріѣдетъ, такъ мы и скажемъ ему... Онъ тебѣ и вобьетъ понятіе-то. Ужъ не потаимъ—небось... Нѣтъ, тебѣ потачку-то дать, ты, видать, на большія дѣла пойдешь!.. Нѣтъ, тебя, парень, надо хорошенько урезонить: чтобы ты помнилъ!.. Вотъ чтó!.. Ты какой-такой хомутъ-то продавалъ Ѳедькѣ... Ну-ка... Что?..

— Никакого я хомута не продавалъ... Врете вы...

— Такъ... А коли въ свидѣтели пойдемъ?.. Коли докажемъ?.. Изъ-за тебя какая сумятица о Миколѣ-то была: на всю деревню, на все обчество поклёпъ сдѣлали, съ обыскомъ ходили... по всѣмъ... Изъ-за тебя, прохвоста экого... Ты чтó полагаешь, лестно это?.. Середи праздника, при всемъ честномъ народѣ!.. А?.. А вонъ она сбруя-то гдѣ... Со старшинова двора, выходитъ, обыскъ-то надо было начинать... Никому и во мнѣніе-то это не пришло, что ты сдѣлалъ... Вѣдь ты тестя не пожалѣлъ... Своего собственнаго... на своемъ дворѣ... у себя въ гостяхъ!

— Такъ это вы видѣли, что я хомутъ-отъ со шлеей несъ у Ѳедора Гаврилова въ лавочку... Такъ развѣ это тестевъ?.. Не разобравши вы дѣла, да чтó на меня наворачиваете... Ну, а какъ выйдетъ, что не тестевъ, тогда что? Какой вы мнѣ отвѣтъ за это дадите, что можете человѣка напрасно опорочить... Да я тогда съ васъ ста рублей не возьму... за одну вашу обиду... Да еще какъ вы смѣете человѣка въ этакой конфузъ производить!.. И тятенька, развѣ онъ дастъ свою кровь въ обиду?.. Онъ самъ съ вами изъ-за этого посчитается... Можетъ, это сбруя-то Ѳедорова... Онъ только просилъ меня до лавочки донести: помогъ я ему... Ну-ка, тутъ вы какъ со мной заговорите?.. А я докажу...

Мужички не вдругъ отвѣчали, соображая лукавыя слова Кирилла и озадаченные его нахальствомъ и угрозами. Кирилла воспользовался этимъ, ободрился, началъ ругаться, срамить и стращать ихъ, но пересолилъ. Мужики обидѣлись и рассерди-

лись; къ тому же, они успѣли и сообразить нелѣпость увертокъ Кириллы.

— Стой, парень, потише, не больно прытко... Развѣ мы не знаемъ Герасимовой-то сбруи? Еще на свадьбѣ твоей любовались, разсматривали, потому шуринъ твой, Өедюшка, тутъ всякихъ узоровъ изъ кожи пристроилъ и на клещахъ у хомута рѣзьбу таку развелъ... Всѣ видѣли довольно, и сегодня признали ее. Нечего вилять-то... Вишь ты, еще стращаетъ... Не страшно, парень!.. А вотъ какъ скажемъ отцу, да выведетъ онъ тебя на судъ на обчественской... Ну, такъ ужъ разсудимъ тебя: таку грамату на спинѣ выпишемъ, вѣкъ не забудешь—и эти тебѣ всѣ ругательства припомнимъ... Ишь ты, безстыжа твоя душа!.. Еще онъ же и срамится, ругается... насъ же смущаетъ... А не слыхали мы ничто, какъ ты увѣрялъ Өедора, что самъ за восемь купилъ, да прибавки просилъ, не видали, какъ торговался да ладился съ нимъ? Чтó?.. Въ понятіе тебѣ это?..

— Стойте, братцы, стойте... Погодьте—говорилъ Кирилла, останавливая телѣгу.—Не заводите сдору... Чего вамъ лѣзти въ чужое дѣло?.. Садись лучше въ телѣгу, поѣдемъ въ оборотъ: тáкъ накачу, тáкъ уважу... ничего не пожалѣю: чтó угодно спрашивай... Вотъ!.. Поѣдемте... Право, ну... Чего намъ сдорить-то?.. Лучше же за любовь... Пріятельски прошу: садись, поѣдемъ...

— Что, естественная твоя душа? Что? Сробѣлъ? Нѣтъ, парень, шалишь... Съ тобой вязаться не компанія, нѣтъ... Ищи другихъ... Мы хошь и грѣшники, а съ ворами, мошенниками, за-одно не пьемъ: намъ за тебя отвѣчать не приходится... Отвѣчай самъ за себя... Ты бы насъ изругалъ, изсрамилъ, а мы бы съ тобой сѣли да поѣхали угощеніе отъ тебя принимать... Нѣтъ, братъ!.. Не то, а кланяться будешь, въ ногахъ валяться, такъ и тутъ не пойдемъ... Вотъ мы какъ понимать можемъ... даромъ, ты старшиновъ сынъ... Мошенникъ ты, воришко свойской!.. Вотъ коли тебѣ въ оборотъ отъ насъ...

— Такъ что-жъ, вы доказывать, что-ли, супротивъ меня пойдете?..

— Тò наше дѣло, а ты свое знай... Мы, братъ, сами дѣтные: намъ приходится васъ учить... Мы знаемъ, каково отцу-то, коли у него экое непутное отродье... намъ твоихъ пакостей прикрывать не приходится, не съ чего... Ступай, поѣзжай своей дорогой.

И Яковъ Иванычъ съ Иваномъ Ананьичемъ, пріостановившіеся-было по просьбѣ Кириллы, пошли впередъ.

— Ну, коли такъ—помните,—закричалъ имъ вслѣдъ Кирилла:—доведете до отца, самимъ опосля не пожалѣть бы...

— Что? что? похваляешься?.. грозишь?..—остановились озадаченные пріятели.

— Мнѣ все одно, одинъ конецъ, да ужъ и вамъ же памятно будетъ... Слышали?.. Знайте...

И Кирилла, нахлеставши лошадь, промчался мимо сосѣдей, показывая имъ кулакъ.

— Отчаянный! — проговорилъ наконецъ Иванъ Ананьевъ, снова двигаясь впередъ къ деревнѣ, которая ужъ виднѣлась.

— Въ самъ-дѣлѣ бы онъ, чего не... — Отчаянный и есть... Ужъ говорить ли?..—сказалъ Яковъ Иванычъ...

— А вотъ помекаемъ... погодимъ... Чтò съ него будетъ... Ужъ онъ теперь по этой дорожкѣ пошелъ, такъ, знамо дѣло, ему все одно... Опасной самый человѣкъ... Эхъ, Өедотъ Семенычъ!.. Можно ли сдумать: у экого отца... И не сказать-то—грѣхъ... Дай ему потачку, онъ и дальше, и больше... А и говорить-то: себѣ забота только...

И пріятели разошлись по домамъ, ни на что не рѣшившись.

III.

Нахальство и бойкость Кириллы тотчасъ же исчезли, какъ только онъ подъѣхалъ къ своему дому. Воображенію его невольно представился гнѣвъ отца, предстоящій разборъ на сходѣ, улики, наказаніе, его боль и срамъ—у него похолодѣло въ груди и замерло сердце. Задумчивый и скучный, вошелъ онъ въ избу, гдѣ мать и жена поджидали его съ ужиномъ. Онъ не могъ почти ничего ѣсть и на нѣжные вопросы матери и участливые жены: отчего онъ такой сумрачный и здоровъ ли? отвѣчалъ отрывисто, неопредѣленно—и чтобы отдѣлаться отъ нихъ,—ушелъ поскорѣе спать. Но и сонъ не приходилъ къ нему, тоска и безпокойство не давали ему покоя: онъ то-и-дѣло ворочался, лежа около своей жены, которая сначала попыталась-было снова разспрашивать его о томъ, чтò у него на душѣ, но, не получивъ отвѣта, уснула и спала крѣпкимъ сномъ.

— «И нанесла меня на нихъ нелегкая», думалъ Кирилла. «И какъ это я не догадался, что изъ овна-то видно меня будетъ? И чтобы мнѣ попозже, въ самую бы ночь съѣздить къ Өедору? Дома бы въ сумнѣніе вошли... ну, да все лучше: выдумалъ бы что-нибудь... Вѣдь, выдумалъ же теперя, чтобы уѣхать... Ахъ

ты... Вотъ незадача!.. Вѣдь, доведутъ, безпремѣнно доведутъ до отца... И тесть-то тутъ придетъ, и Петруха, и Өедюшка... Будетъ этотъ смотрѣть на тебя... Ни слова не скажетъ, а будетъ смотрѣть въ глаза... Вотъ, молъ, за вора сестру отдали... Я вотъ, молъ, вотъ какой, а ты—воръ, пропащій, послѣдній... О, Өедюшка, обрадуется, забахвалится надо мной... И теперь-то онъ въ глаза смотритъ... ровно обидно даже... На смерть его не люблю... думаетъ самъ про себя... николи въ компанію не пристанетъ... Видишь ты: не пьетъ, не куритъ... святъ человѣкъ!.. Вотъ на него показываютъ: перенимай!.. Не поротый, а ты поротый!.. умный, работящій, мастеръ на все, а ты пьяница, шатунъ, лѣнтяй!.. Онъ это и думаетъ: по глазамъ вижу!.. Даромъ молчитъ, не глядитъ, а я вижу... И теперь-то ужъ, а чтó тогда?.. И матушка заревётъ, и ей вступиться нельзя будетъ... И Анна... И ей въ глаза не смотри... И срамъ-то срамомъ... И выстегаютъ больно... И сожмутъ, такъ сожмутъ: шагу ступить не дадутъ... Эхъ, попуталъ!.. Тоска-то какая... смертная!.. И что имъ, дьяволамъ, путаться въ чужое дѣло?.. Какая имъ корысть... Кабы давеча дубинка хорошая — свистонуть по затылкамъ-то, молчали бы... Рука не поднимется: убить человѣка, аи, чай, страшно!.. Кровь польется, мозги полетятъ... И онъ упадетъ, завопитъ, чай... Страсть!.. А, вѣдь, скажутъ, доведутъ... Чай не оробѣютъ, что попужалъ словами... Словами кто не похваляется... Словъ не испужаются... Еще хуже только: скажутъ, похвалялся... А теперь стегать больно будутъ!—не какъ тогда... И тогда, ай больно... Да тогда что? Всѣхъ стегали, ребята еще послѣ смѣялись, показывались, кого лучше. А теперь одного... Воръ!.. А вотъ нонѣ кнутомъ не бьютъ: не велѣно, сказываютъ... И въ волости двадцать только,—положеніе... Вотъ на міру—аи больно... безъ счета!.. Особливо теперь, да и отецъ...»

Кирилла всталъ съ постели, отеръ потъ на лбу и досталъ изъ кармана поддёвки табакъ и началъ свертывать папиросу.

«Нѣтъ, надо ихъ хорошенько чѣмъ настращать, чтобы боялись...—продолжалъ онъ разсуждать, закуривъ папиросу и усѣвшись у открытаго окна.—А то этакъ какая же жизнь будетъ... Корову, что-ли, али лошадь бы попортить?.. вотъ бы и увидѣли!.. Они робки, какъ ежели вправду пригрозить... Злого да смѣлаго человѣка на міру боятся... Вонъ, который ежели отчаянный, только пригрози, ни въ жизнь никто въ свидѣтели не пойдетъ... А они такъ: что, молъ, молокососъ, не посмѣетъ... А вотъ и показать: вотъ, молъ, на первый разъ, а только пикни, хуже будетъ, изведу вовсе... И замолчать тогда, не посмѣютъ, еще пот-

чивать станутъ... Лихому человѣку хорошо жить: его боятся, почитаютъ... Кабы сѣнокосъ управили, такъ сѣно бы спалить у обоихъ... А вотъ чтó разѣ... У нихъ овинъ-то общій, да и на краю. Они-то сдогадаются, узнаютъ, отъ кого указка... Вотъ и притихнуть, испугаются, смолчатъ... А коли и скажутъ, такъ все равно: одно будетъ, одинъ отвѣтъ!.. По крайности, бояться будутъ... для переду... А онъ далеко, не опасно, что деревня займется: прогоритъ чтó свѣчка... Это говори, пожалуй—что со зла: не докажешь, потому робята за овинами сплошь въ карты играютъ и курятъ, мало ли бываетъ: можетъ, какъ окурокъ бросилъ—вотъ!.. А они понимай... Да узнаютъ сразу... Вотъ тѣ и молокососъ! вотъ ты и помни!.. Тутъ и Өедюшка не посмѣетъ больно-то смотрѣть... Это не хомутъ украсть... Тутъ, братъ, посторонись, не очень задѣвай экого человѣка... Ужъ коли на сдоръ пойдетъ, такъ уходи лучше подальше... Вотъ ихъ какъ нужно... коли на зло пошло... Отецъ?.. Отецъ все равно и за одинъ хомутъ истиранитъ, жизни не радъ будешь... А тутъ и онъ... можетъ еще и лучше... Поостережется тоже: видитъ человѣкъ во злѣ... не боится...»

Кириллу кидало то въ жаръ, то въ ознобъ. Онъ безпрестанно отиралъ съ лица потъ, руки его дрожали. Сердце то замирало, то ныло. Какая-то безпредметная злоба смѣняла въ немъ ощущеніе страха. Кирилла вдругъ вскочилъ, захватилъ кисетъ съ табакомъ и потихоньку выбрался на улицу.

Утренняя заря едва брезжилась. Вся деревня еще спала, только пѣтухи перекликались по дворамъ. Прохладный вѣтерокъ отъ времени до времени порывисто пробѣгалъ по вѣткамъ березы, стоявшей въ огородѣ, и онѣ поскрипывали, задѣвая одна за другую. По небу ходили густыя облака. День обѣщалъ быть пасмурнымъ. Кирилла пошелъ задами дворовъ по переулку, по направленію къ избамъ Якова Иванова и Ивана Ананьина. Они стояли не больше какъ черезъ десятокъ дворовъ отъ дома Өедота Семеныча. Кирилла шелъ медленно, нерѣшительно.

«Теперь, или погодить до вечера?» думалъ онъ. «Вечеромъ согласнѣе: подумаютъ, что робята какъ заронили... А они днемъ-то скажутъ, наведутъ къ Өедору... Да и развѣ не все равно: пущай же лучше сдогадаются, бояться будутъ... Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ... О, дьяволы, чего думать-то... Они разѣ не хотятъ моей погибели?.. Взять да подпалить прямо дворъ... Не сгорятъ — выскочатъ... А и сгорятъ, такъ... Нѣтъ, ужъ пущай это послѣ, коли не уймутся, а теперь страху напустить... До овина-то идти далеко,—пожалуй домой' не успѣешь добѣжать, а вотъ

сарайчёнки ихъ рядомъ стоятъ—въ огородахъ, вотъ ихъ!.. Погоди-жъ вы, будете знать, какъ за мной подглядывать, да доносить на меня... Еще для перваго раза только, а то и дворъ подпалю...

И Кирилла перелѣзъ черезъ огородъ, подошелъ къ сарайчикамъ, которые стояли одинъ подлѣ другого такъ близко, что касались крышами. Въ проулочкѣ между ихъ стѣнами валялся разный соръ, накопившійся годами.

«Ровно нарочно навалено...»—подумалъ Кирилла съ какой-то странной, почти безумной улыбкой, разгребая этотъ соръ одною рукою и доставая другою кисетъ изъ кармана.

Онъ присѣлъ на корточки, спокойно, повидимому, досталъ спичку, шаркнулъ ею о сукно поддёвки и загородилъ рукою отъ вѣтра, чтобы не потухла и разгорѣлась.

Осторожно и невозмутимо, точно разводя теплину на полѣ, онъ приложилъ спичку къ сору. Онъ затлѣлся, задымилъ, но не вспыхнулъ. Кирилла выругался про себя, еще поразрылъ и разрыхлилъ приготовленную ямку, досталъ изъ-подъ сараюшки пучокъ полусгнившей соломы и положилъ ее въ соръ, вынулъ вдругъ три спички, вмѣстѣ сложилъ ихъ, зажегъ и подставилъ къ соломѣ. Она затрещала, забѣгали огоньки, пробѣжали внутрь кучи, ушли подъ полъ сарая, выкинулся дымокъ тамъ и тутъ, скоро вся куча запылала съ трескомъ и дымъ пошелъ изъ-подъ сарая кругомъ всѣхъ стѣнъ.

«Ага... Вотъ теперь ладно!..»—проговорилъ Кирилла, вскакивая на ноги и съ неестественной радостью смотря на разгоравшееся пламя. На лицѣ и въ глазахъ его не выражалось теперь ни злобы, не безпокойства, никакой мысли и чувства, кромѣ одного удовольствія при видѣ огня: въ эту минуту онъ забылъ даже, для чего добывалъ его, не сознавалъ, что дѣлалъ поджогъ съ злобной цѣлью. Чѣмъ больше разгорался огонь, тѣмъ дальше онъ былъ отъ всякихъ злобныхъ мыслей и намѣреній: онъ просто-на-просто наслаждался борьбой огня съ горючимъ матеріаломъ и радовался его несомнѣнной побѣдѣ. Онъ забылъ даже, что надо бѣжать и скрыть слѣдъ преступленія, онъ спокойно стоялъ и смотрѣлъ, какъ огонь высовывалъ свои горючіе языки изъ-подъ пола и лизалъ стѣны, силясь достать до соломенной крыши, прислушивался къ постоянно усиливавшемуся треску, сторожился отъ дыма, который вдругъ вылеталъ откуда-то и обдавалъ ему лицо, врываясь въ носъ, въ горло, въ глаза... Вдругъ до слуха его долетѣлъ съ противоположнаго конца деревни крикъ пастуха, хлопанье его кнута и скрипъ отворяющихся воротъ... Кирилла

опомнился и ударился бѣжать, но не къ дому, а въ противоположную сторону на выгонъ, въ поле.

Кирилла не успѣлъ еще отбѣжать и пятидесяти саженъ, какъ оба сарайчика вдругъ со всѣхъ сторонъ были охвачены огнемъ, и горящая солома крышъ, поднимаемая вѣтромъ, летѣла красными галками на крыши сосѣднихъ дворовъ, Ивана Ананьича и Якова Иваныча. Пастухъ первый замѣтилъ дымъ и огонь, и поднялъ крикъ. Вся деревня встрепенулась, всѣ выбѣжали на улицу, озираясь, крестясь и крича, но избы друзей сосѣдей уже пылали. Огонь быстро перешелъ со двора на избы, съ крышъ на стѣны, захватилъ полѣнницу дровъ, сложенную у забора, перебираясь по ней къ рядомъ стоявшему дому. Иванъ Ананьинъ и Яковъ Ивановъ со своими домашними едва успѣли выскочить, едва успѣли распахнуть ворота и выпустить скотину.

Бросились-было потомъ какъ безумные въ избы, чтобы спасти что-нибудь изъ своего хозяйственнаго скарба, но дымъ чуть не задушилъ ихъ.

Невообразимая, отчаянная, безпомощная суетня началась въ деревнѣ. Народъ метался изъ стороны въ сторону, не зная за что̀ взяться, что̀ дѣлать, кого слушаться. Десятки голосовъ съ одного мѣста отчаянно кричали: воды, воды!... батюшки, воды!... Другіе требовали багровъ, приказывали ломать крыши на сосѣднихъ домахъ. Цѣлыми толпами кидались къ какому-нибудь одному дѣлу, толкались, ругались, мѣшали другъ другу, и снова всей толпой бросали начатое и принимались за другое. Взбирались на крыши, скидывали оттуда жерди и солому, но вдругъ раздавался отчаянный голосъ:

— Что̀ вы дѣлаете, черти... Не надо! Иди сюда... сюда!

И работавшіе или спускались опять внизъ и бѣжали, не зная куда и зачѣмъ, или оставались тамъ же на крышѣ, садились и безъ дѣла смотрѣли и кричали что-то, невѣдомо кому и зачѣмъ.

Въ другомъ мѣстѣ спорили: куда пойдетъ пожаръ и гдѣ остановится, разыграется ли вѣтеръ, или нѣтъ. Изъ домовъ выносили пожитки и складывали въ одно мѣсто; но вдругъ кто-нибудь находилъ другое болѣе безопаснымъ, кричалъ, указывалъ, его слушались и тащили по его указанію; новый встрѣчный гналъ назадъ на прежнее — и его слушали, вновь перетаскивали, теряли, били, ломали.

Приносили багоръ. Пять человѣкъ, ухватившись за него, начинали растаскивать бревна, другіе пятеро доказывали, что нужно не растаскивать, а пихать внутрь... Спорили, ругались, наконецъ

бросали багоръ на стѣнѣ, и тѣ и другіе, и забывали о немъ: онъ горѣлъ вмѣстѣ со стѣною.

Начали приносить воду въ ведрахъ, въ ушатахъ, въ кадкахъ. Ихъ отнимали другъ у друга изъ рукъ, опрокидывали и безъ толку лили воду на землю, или и вовсе расшибали самую посуду. Одинъ требовалъ обливать цѣлую еще сосѣднюю стѣну, другой крышу, третій лить прямо въ огонь, а пять голосовъ ругались и возражали и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Никто другъ друга не понималъ, всѣ приказывали и всѣ кричали другъ на друга. Старосту никто не хотѣлъ слушать, да онъ и самъ путался и безпрестанно отмѣнялъ данныя приказанія и противорѣчилъ самъ себѣ.

Выѣхалъ наконецъ одинъ хозяинъ въ телѣгѣ съ бочкою воды, но вода текла черезъ всѣ уторы, и бочка пріѣзжала на пожаръ почти пустою.

Среди этой путаницы, сумятицы — проявлялись отдѣльные и безплодные подвиги самоотверженія и безумной отваги: кидались прямо въ огонь и въ дымъ, чтобы вытащить изъ горѣвшей избы какой-нибудь коробъ съ тряпьемъ, который баба не осилила вытащить и о которомъ выла и причитала теперь во все горло; задыхаясь отъ дыма, съ опаленными волосами и бородами рубили и раскидывали крышу дома въ то время, какъ стѣны кругомъ уже были въ огнѣ, или выламывали въ горѣвшей избѣ лавки, полати и полъ, не обращая вниманія на то, что потолокъ уже обуглился и начиналъ проваливаться.

А между тѣмъ огонь дѣлалъ свое дѣло: то онъ пробирался по землѣ, по скинутой съ крыши соломѣ, по свалившемуся обгорѣвшему бревну, по кучамъ всякаго сора въ проулкахъ между избами — и охватывалъ сосѣднее строеніе снизу, — то перелеталъ по воздуху, оторванный вѣтромъ, — и зажигалъ сосѣднюю соломенную крышу, — то вдругъ невѣдомыми путями проникалъ внутрь дома и оттуда уже, вырываясь вмѣстѣ съ дымомъ чрезъ потрескавшіяся стекла оконныхъ рамъ, начиналъ лизать наружныя стѣны.

Трескъ горѣвшаго и обливаемаго водою дерева, грохотъ обвалившихся потолковъ и разсыпавшихся дымовыхъ трубъ, своеобразный шумъ движущагося огня, находящаго все новую и новую пищу, страшный, неопредѣленный гулъ человѣческихъ голосовъ, въ которомъ слышались крики, ревъ, вопли, завыванья, визгъ, дикія ругательства, наполняли воздухъ, наводили ужасъ и вызывали нервный трепетъ въ женщинахъ. Онѣ метались, какъ безумныя, по улицѣ, кидались на землю, выли, катаясь по ней, или—

совсѣмъ обезсиленныя, измученныя, сидѣли около своихъ пожитковъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, и съ отчаяніемъ, безмолвно, безнадежно, смотрѣли на свои уничтоженныя сгорѣвшія гнѣзда и на движеніе пожара впередъ.

— Батюшки, и Ванюхина изба занялась... Вона, вона, и у Ѳедота Семеныча дымитъ... Теперь весь порядокъ не устоитъ... Коли старшинова дома не отстоятъ... проулокъ тутъ... крыша тесова... тогда весь порядокъ сниметъ... Батюшки, Господи милостивый, Мать Пресвятая Богородица, помилуй ты насъ грѣшныхъ!—слышались отчаянные голоса.

И огонь дѣйствительно добрался до дома старшины и одолѣлъ безпорядочныя усилія крестьянъ остановить его на переулкѣ, отдѣлявшемъ этотъ домъ отъ сосѣднихъ. Въ то время, какъ крестьяне ломали крышу и обливали водою стѣну со стороны, обращенной къ пожару, огненная галка, перенесенная вѣтромъ, упала на избу, стоявшую съ другой стороны. Изба вспыхнула—и домъ старшины очутился между двухъ огней: у крестьянъ опустились руки, они отступили—и, безмолвно и ничего не дѣлая, стояли толпою передъ домомъ старшины, какъ-бы обреченномъ на погибель. Почти все имущество Ѳедота Семеныча было вынесено; но Ѳедосья Осиповна, испуганная и едва волоча ноги и вся въ слезахъ, порывалась еще заглянуть въ домъ, вслѣдъ за Анною, которая то-и-дѣло вбѣгала въ него, вынося то лавку, то забытый ухватъ, то полуразсыпавшуюся кадушку.

— Батюшки, помогите, родимые, помогите,—обращалась Ѳедосья Осиповна къ народу.—Самого-то нѣтъ... Не оставьте, кормильцы, потаскайте... Въ чуланахъ-то нѣтъ-ли чего? не забыли-ли?... На полатяхъ-то шуба была... Анна, Аннушка, шуба на полатяхъ-то... Батюшки, родные, да гдѣ же Кирюшенька-то... Гдѣ онъ?... Чтой-то, свой домъ горитъ, а его нѣту-ти... Не видалъ-ли кто, родимые... Не сгорѣлъ-ли, батюшки, не задохся-ли?.. Не пришибло-ли чѣмъ?

Но народъ давно уже замѣтилъ странное отсутствіе Кириллы: никто не могъ припомнить, чтобы видѣлъ его на пожарѣ.

— Ѣдетъ, ѣдетъ... Вона ѣдетъ... радостно закричали вдругъ въ толпѣ. Машина ѣдетъ, съ волости... Сюда, сюда!... Воды давай... Сюда, скорѣе!..

Домъ Ѳедота Семеныча уже горѣлъ: дѣйствіе пожарной трубы, за которою догадался съѣздить верхомъ одинъ изъ мужиковъ, направили на послѣднюю загоравшуюся избу. Въ то же время крестьяне съ радостью замѣтили, что вѣтеръ сталъ измѣнять направ-

леніе: дымъ и искры стали летѣть не вдоль уцѣлѣвшаго еще порядка, но назадъ, на пожарище.

Народъ ожилъ и толковѣе, сосредоточеннѣе работалъ въ помощь пожарной трубѣ.

Пожаръ остановился на третьей избѣ отъ дома Ѳедота Семеныча. Шумъ и крикъ начали затихать. Народъ сталъ расходиться къ своимъ домамъ. Въ уцѣлѣвшія избы начали обратно таскать вынесенные изъ предосторожности пожитки.

Погорѣльцы, потерянные, съ тоскою на лицѣ, бродили около своихъ пепелищъ. Начинали возникать вопросы и разсужденія о причинѣ пожара.

IV.

Иванъ Ананьичъ и Яковъ Иванычъ сидѣли рядомъ, понуривъ головы, уставивши глаза въ землю и отъ времени до времени тяжело вздыхали. Давно уже сообщили они втихомолку другъ другу свои предположенія о причинѣ пожара, но не рѣшались еще высказывать ихъ вслухъ. Около нихъ собиралась толпа.

— Съ коего мѣста началось-то? разспрашивали ихъ.

— Съ задовъ... Выскочили, такъ и двóры горятъ и сараюшки пышутъ...

— Должно, съ огнемъ ходили вечóръ?..

— Огня и не вздували... — возразилъ Иванъ.

— Какой огонь, по теперешнему времени... Почто теперь съ огнемъ?.. не осень... — поддерживалъ Яковъ.

— Вечóръ поздно пришли-то?..

— Пришли въ свое время, не больно поздно...

— Куда — еще до пѣтуховъ пришли...

— По двору-то, да по задворкамъ ходили-ли?

— Можетъ, бабенки какъ безъ васъ?..

— А ли бы ребята малыя...

— Можетъ, пьяненькіе пришли... И не вдомёкъ, а оно ужъ курилось...

— Такъ разѣ скажутъ?.. кому на свою голову нужно сказывать...

— Ни въ жисть не скажутъ, братецъ... До кого ни доведись...

— Спутается человѣкъ, знамо, притаится...

— А вы сказывайте... чего не сказывать-то... Все одно ужъ...

— Да чего сказывать-то... Сказать надо подумавши...—проговорилъ какъ-то неопредѣленно Иванъ Ананьичъ.

— То чудно́, братцы, что съ задовъ...

— Можетъ, кто курилъ да бросилъ... Вотъ и пыхнуло...

— Долго ли пыхнуть, особливо нынче эти цыгарки пошли... Бумажины-то навертитъ, да съ табачищемъ-то... Она прiимчива, бумага-то тлѣетъ да тлѣетъ... А тутъ солома... Долго-ли!..

— Гдѣ съ цыгарки. — Съ цыгарки не...

— Что-о?..

— Цыгарка, знамо, она... Бросилъ ее на̀-земь, да ногой приступилъ... Она и потухла... Вотъ!..

— Да, приступилъ!.. А иной броситъ зря, а тутъ соръ... Онъ что̀ порохъ... Долго-ли ему...

— Кто первый увидалъ, скричалъ, того надо спрашивать...

— Пастухъ скричалъ: только, говоритъ, подогнался къ Семеновой избѣ, глянулъ, а изъ-за Ивановой-то избы дымъ...

— Дымъ, сказываетъ, съ огнемъ...

— Ну да, знамо, съ огнемъ... Онъ и почалъ вопить...

— Нѝкоторый человѣкъ, сказываютъ, въ поле пробѣгъ... Подпасокъ, Силашка, видѣлъ... проговорилъ только что присоединившiйся къ толпѣ крестьянинъ.

Всѣ оборотились на него. Подняли глаза и Иванъ съ Яковомъ.

— Куда пробѣгъ? Коли?.. Отколь? посыпались вопросы.

— Не вѣду, вѣдь, я: Силашка сказываетъ... Только, говоритъ, я согнался на выгонъ къ пруду, а человѣкъ и бѣжитъ...

— Силашку... Силашку спросить... самого... Подавай сюда Силашку...—заговорили въ толпѣ.—Человѣкъ бѣжалъ—значитъ онъ не спроста...

Сбѣгали въ пастушню. Привели Силашку, мальчишку лѣтъ 12-ти, въ большой шапкѣ, закрывавшей половину его лица, въ изодранномъ кафтанишкѣ съ чужого плеча и съ длиннымъ кнутомъ, собраннымъ на руку.

— Силашка, заговорила толпа,—сказывай — видѣлъ ты человѣка?

— Видѣлъ.

— Бѣжалъ оной человѣкъ?..

— Бѣжалъ...

— Незнамый человѣкъ... чужестранный?...

— Кто его знаетъ, не видно мнѣ въ задъ-отъ.

— Да какой онъ?...

— Такъ человѣкъ, знамо... Въ поддёвкѣ...

— Въ синей?..—порывисто спросилъ Иванъ Ананьевъ.

— Она синяя, поддёвка-то... а то, можетъ, и черная... Не видно, вѣдь, далеко...

— Да ты какъ видѣлъ-то — сказывай...

— Какъ... дядя Кузьма закричалъ—побѣгъ: горимъ, молъ... А у меня жеребенокъ, Васильевъ... Строгой онъ... сладу съ нимъ нѣтъ... Какъ что—сейчасъ въ ярь, либо въ гувно... Онъ и побѣгъ на задворки, да на гувно... жеребенокъ... я за нимъ... Онъ увидалъ да вздырять... Бѣжитъ да вздыряетъ: не дается никакъ забѣжать-то... Выбѣжалъ я съ нимъ изъ гувенъ-то въ поле, а человѣкъ и бѣжитъ...

— Отколь?..

— Отколь!.. знамо отсель... Вотъ бѣжитъ...

Силашка махнулъ рукой, показывая направленіе.

— Отъ моей избы стало быть?—спросилъ Иванъ Ананьичъ.

— Ужъ я не знаю... Вотъ бѣжитъ!.. Стало — отъ твоей.

— Это онъ, больше некому... Его дѣло...—проговорилъ почти невольно Иванъ Ананьичъ.

— Кому больше быть... согласился Яковъ Иванычъ. — Разбойникъ...

— Кто? кто?.. Сказывайте... — загудѣла толпа...

— Что, Яковъ Иванычъ, ужъ надо говорить міру... сказывать... Пущай же на насъ сумнѣнія отъ міра не будетъ...

— Знамо, надо сказывать... Чего его жалѣть, разбойника... Онъ насъ не пожалѣлъ...—отвѣчалъ Яковъ и, обратясь къ міру, отрѣзалъ: отъ Кирюшки это сталося, старшинова, онъ него, разбойника... Больше не отъ кого...

Вся толпа ахнула точно одной грудью.

— Хоть сами не видали... на мѣстѣ его не накрыли,—заговорилъ Иванъ Ананьичъ, а такъ, господа-міряне, что некому больше быть... По всему сдается... Силашка хоть малый паренёкъ, а онъ вострый... Онъ видѣлъ человѣка... Опять же, Кирюшка грозился намъ, похвалялся... Вотъ онъ свою пристрастку намъ и сдѣлалъ... Кому же быть больше?.. Можетъ, постращать только хотѣлъ, анъ вотъ какую бѣду сдѣлалъ...

— Силашка, похожъ тотъ человѣкъ на Кирюшку старшинова?..

— Какъ не похожъ... Похожъ... Взять, Кирюшка...

— Ну, вотъ... чего жъ ты не баялъ...

— Да я не зналъ: може не онъ...

— А ты сказывай толкомъ, чертёнокъ... оборвалъ кто-то изъ толпы.

— Да я такъ и сказываю, что не знаю, молъ, кто: ни Кирило, ни нѣтъ... Не вдомёкъ... А стало быть, онъ самый...

— Его и на пожарѣ, ребята, не видать было... Видалъ ли кто?..

— Нѣтъ, нѣтъ, это точно что не было... Опосля ужъ съ трубой пришелъ изъ волости...

— Да съ чего у васъ вышло-то съ нимъ? сказывайте...

Иванъ Ананьичъ вмѣстѣ съ Яковомъ подробно разсказали всѣ свои похожденія наканунѣ.

Когда они кончили, слушатели почти единогласно рѣшили, что виновникомъ пожара не могъ быть никто иной, кромѣ Кирилла.

— Вотъ разбойникъ!—кричали въ толпѣ. Вотъ она,—сбруя-то... а? Пропащій, дьяволъ!..—Взять его надо... связать!.. Въ огонь бы его за это... Для міра чтó сдѣлалъ...—Послужилъ!.. Уважилъ!.. Извести его, дьявола, надо... въ корень!.. Мотри-ка, что бѣды натворилъ: шестнадцать дворовъ сгубилъ... И батьку-то разорилъ... Убить его мало...—Подемъ, робята, надо его брать... Подемъ за старостой... Сотскаго надо!..—Ищи... сотскаго!.. Сами управимся... безъ сотскаго... Ждать нечего: связать да въ городъ...—Куда въ городъ, почто?.. Въ волость, въ темную, а тамъ знать будетъ... Судъ наѣдетъ... Судъ! Свернуть башку-то, вотъ и судъ...—Протащить голаго по головнямъ-то, чтобы чувствовалъ...

Съ такими и подобными возгласами двигалась толпа, увеличиваясь на каждомъ шагу. На вопросъ вновь прискававшихъ давались лаконическіе отвѣты:

— Нашли!.. Кирюшка поджогъ!.. Пымали съ тестевой сбруей!.. —Онъ укралъ... Вотъ и поджегъ!.. Иванъ съ Яковомъ видѣли... у Ѳедьки: либо заложилъ, либо продалъ... Со зла супротивъ нихъ и поджогъ...—Съ нихъ и началась... Полдеревни выкатилъ!

Подошли къ обгорѣвшимъ развалинамъ дома Ѳедота Семеныча. Кирилла переносилъ съ Анною имущество въ уцѣлѣвшій отъ пожара сарай. Увидя въ подходившей толпѣ Ивана Ананьича и Якова, онъ догадался, что дѣло касается его, поблѣднѣлъ, задрожалъ и выпустилъ изъ рукъ сундукъ, который тащилъ вмѣстѣ съ женою. Сундукъ упалъ, и Анна едва не повалилась вмѣстѣ съ нимъ. Народъ подвигался къ Кириллу, который стоялъ, озираясь по сторонамъ, точно попавшій въ облаву звѣрь, высматривающій куда бы укрыться. Народъ подступалъ мрачной, безмолвной пока тучей.

— Что-жъ ты, Кирилла Ѳедотычъ, бери что-ли... говорила Анна, наклоняясь къ сундуку и приподнимая его со своей стороны, да держи крѣпче... Ушибъ-было совсѣмъ... и меня-то...

Но Кирилла ничего не отвѣчалъ. Анна подняла на него глаза, испугалась выраженія его лица и невольно оглянулась назадъ.

— Чтой-то вы?—спросила она робко, со страхомъ, увидя сзади себя грозныя, озлобленныя лица.

Ей ничего не отвѣчали. Толпа, шумѣвшая до сихъ поръ, ждала, чтобы кто-нибудь заговорилъ изъ нея первый. Въ эту минуту грознаго молчанія Кирилла инстинктивно только понялъ, что онъ можетъ искать единственной защиты только у своей матери, и быстрыми шагами, почти бѣгомъ, пошелъ къ сараю, гдѣ находилась Ѳедосья Осиповна.

— Уйдетъ, убѣжитъ... держи!..—вскликнуло нѣсколько голосовъ—и вся толпа ринулась вслѣдъ за Кириллой.

— Воръ! поджигатель! душегубецъ! злодѣй! — закричала въ то же время толпа.

На шумъ и крикъ вышла изъ сарая Ѳедосья Осиповна, и остолбенѣла отъ изумленія и испуга: она увидѣла, что по гумну бѣжитъ ея сынъ, а за нимъ почти вся деревня, озлобленная, ругающая, грозящая. Она побѣжала на встрѣчу сыну. Встрѣтясь съ матерью, Кирилла вдругъ остановился и въ ту же минуту около него явилась Анна, которая, ничего не понимая, но видя, что мужу угрожаетъ какая-то бѣда, бросилась вслѣдъ за нимъ и опередила толпу.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній.

Теперь стояли лицомъ къ лицу Кирилла между двумя женщинами и весь почти мірской сходъ деревни Ступина, впереди другихъ староста, Иванъ съ Яковомъ и всѣ погорѣльцы. Кирилла старался побороть свое волненіе, испугъ и собраться съ духомъ. Женщины обѣ дрожали, не могли ни слова выговорить, обняли его съ обѣихъ сторонъ руками, и испуганно, вопросительно смотрѣли на народъ, который стоялъ передъ ними съ какимъ-то глухимъ рычаніемъ, въ которомъ пока ничего нельзя было разобрать, кромѣ гнѣва.

— Что-жъ ты бѣжишь-то?.. проговорилъ наконецъ староста.

— Я не бѣгу... отвѣчалъ Кирилла.

— Какъ не бѣжишь?.. бѣжишь... Что-жъ ты, братецъ, испужался-то?..

— Чего мнѣ пужаться... Я ничего не испужался...—отвѣчалъ Кирилла, освобождаясь отъ рукъ жены и стараясь призвать въ себя свою природную наглость, замѣнявшую въ немъ смѣлость и отвагу.

— Коли ты ни въ чемъ не виноватъ, такъ нечего тебѣ и пужаться, братецъ мой, нечего бѣжать отъ міра... Отъ міра не убѣжишь: онъ вездѣ достанетъ.

— Да что вы, батюшки?.. проговорила наконецъ Ѳедосья Осиповна прерывающимся голосомъ.

— Говори, Иванъ Ананьевъ... Говори—вы съ Яковомъ,—по-

слышалось изъ толпы.—Вы видали... черезъ васъ все... Вы и говори...

Иванъ Ананьевъ и Яковъ Ивановъ выступили нѣсколько впередъ.

— Да скажите вы мнѣ, скажите матери-то—взмолилась Ѳедосья Осиповна.

— Вотъ чтó, Ѳедосья Осиповна,—заговорилъ Иванъ Ананьевъ,—хоша онъ и кровь твоя, а онъ воръ и душегубецъ... Прямо тебѣ сказать: онъ насъ всѣхъ искоренить хотѣлъ, черезъ него мы всѣ теперича погибнемъ... Смотри-ка чтó онъ бѣды надѣлалъ: и насъ спалилъ, и тебя спалилъ.

— Это ты напрасно, Иванъ Ананьичъ,—заговорилъ Кирилла.

— Напрасно,—вскричалъ Яковъ озлобленно. А не ты тестеву сбрую укралъ, да вечоръ Ѳедькѣ сбылъ; не ты упрашивалъ насъ не сказывать отцу; не ты грозилъ да похвалялся... Чтó, не ты?.. Напрасно?..

— Напрасно и есть!..—нагло отвѣчалъ Кирилла.—Сбруи я тестевой не воровалъ, и ты меня съ поличнымъ не ловилъ... А что я вечоръ точно что заложилъ Ѳедору Гаврилову хомутъ, такъ тó мой собственный, а не тестевъ. Можно о томъ слѣдство произвести... А что я упрашивалъ васъ не говорить отцу, такъ знамо дѣло: опасался, что въ питейномъ былъ. Батюшка, самимъ вамъ извѣстно, человѣкъ у меня сурьёзный, не любитъ этихъ глупостевъ, особливо что съ Ѳедоромъ Гавриловымъ вожусь... Вотъ только и всего... А вы напрасно человѣка порочите...

— Нѣтъ, врешь,—вступился Иванъ Ананьевъ, и глаза его злобно засверкали.—Врешь, не порочатъ тебя, а того ты стóишь... Хомутъ Герасимовъ, тестя твоего, я доподлинно знаю и видѣлъ, своими глазами, и Яковъ Иванычъ видѣлъ... Ты его привозилъ... Ты на всю деревню тогда срамъ пустилъ, а онъ у тебя супрятанъ былъ, еще отъ самаго праздника... А отчего тебя на пожарѣ не было?.. Гдѣ ты былъ?.. Ну-ка...

— Нѣтъ, я былъ на пожарѣ... Я у трубы работалъ... Чай, видѣли: на людей сослаться.

— Да ты къ трубѣ-то навернулся, а до трубы, покуль ея не было, гдѣ ты былъ?—спросилъ староста.

— Такъ я за трубой бѣгалъ, въ волость...

— Нѣтъ, за трубой, Сиволодка верхóмъ скаталъ: врешь ты это...

— Онъ на лошади, а я пѣшій: вотъ онъ впередъ и поспѣлъ... Я ужъ на дорогѣ встрѣлъ ее...

— Да гдѣ на дорогѣ-то, ну-ка... мы вотъ спросимъ Сиво-

лодку, онъ, вѣдь, здѣся, живой... Сиволодка, гдѣ онъ те встрѣтилъ?..

— Да гдѣ? почитай, подъ самой деревней... Ужъ въ полѣ...

— Ну-ка, такъ какъ же ты?.. А гдѣ-жъ ты до той поры былъ?..

Кирилла нѣсколько смутился.

— Гдѣ былъ?.. Такъ я бѣгъ...

— Бѣгъ?.. Гдѣ ты бѣгъ-то? — опять началъ наступать на него Иванъ Ананьевъ.—Ты вонъ куда бѣгъ-то, отъ моей избы, а труба-то вонъ откуда ѣхала... У насъ свидѣтель есть, какъ ты бѣгъ отъ моей избы, подожжемши-то...

Кирилла поблѣднѣлъ и растерялся.

— Поджигатель! душегубъ!.. воръ!.. Бери его!..—заголосила толпа, и двинулась-было къ Кириллѣ. Но Ѳедосья Осиповна съ страшнымъ визгомъ повисла у сына на шеѣ. Она была такъ страшна и жалка въ одно и то же время, что всѣ невольно остановились, ни одна рука не протянулась къ Кириллѣ. Въ судорогахъ и корчахъ трепетала старуха, охвативши руками шею сына и смотря на толпу сумасшедшими глазами на искаженномъ страшномъ лицѣ. Народъ стоялъ передъ ними неподвижно и безмолвно: горе и страданіе матери обезоруживали толпу. Но вдругъ руки Ѳедосьи Осиповны раскрылись, голова ея скатилась съ плеча сына, и старуха рухнула на землю прежде, чѣмъ успѣли ее подхватить. Она билась на землѣ, у ногъ сына, въ нервномъ припадкѣ. Вся толпа шарахнулась въ сторону, но не расходилась. Кирилла стоялъ надъ матерью, наклонивши голову и не двигаясь: онъ смотрѣлъ на нее растерянно, испуганными глазами, между тѣмъ какъ Анна припала къ ней, старалась удержать конвульсивно бившіяся руки и прикрыть ея лицо своимъ передникомъ отъ постороннихъ глазъ.

— Что, разбойникъ, до чего довелъ мать-то!.. Смотри-ка, смотри, казнись... У экихъ родителевъ, экой...—вполголоса роптала толпа.—Можетъ, убилъ мать-то... Можетъ, не отживетъ... Съ горя это она, со сраму, со стыда твоего...

— Это вы напугали ее... Я ни въ чемъ непричиненъ... Все изнапрасна...—оправдывался Кирилла, не поднимая головы, и не на кого не смотря.

— Молчи, стерво... И себя погубилъ, и родительницу въ гробъ вогналъ, може и отца-то... Погоди, чтó еще съ нимъ будетъ!.. Да и міру-то какую бѣду сдѣлалъ!.. Кайся лучше, винись, стань на колѣнки надъ маткой-то, да винись міру: може, хошь Богъ ей отпуститъ по твоему покаянью... Вѣдь, ты кровь

ея,—вѣдь, она чувствуетъ... Вона, вона какъ!.. Винись, говорятъ, а то хуже будетъ... Отъ міра не уйдешь—все одно... Сними хошь грѣхъ-отъ съ души... Душу-то дьяволу не продавай: онъ вѣдь изъ-за тебя, окаяннаго, мать-то мучитъ...

Кирилла вдругъ упалъ на колѣни.

— Простите, православные... Согрѣшилъ, грѣшный... Попужать я только хотѣлъ... не желалъ я этого, не думалъ.

Анна всплеснула руками, вскрикнула и съ ревомъ припала въ Өедосьѣ Осиповнѣ. Вся толпа неопредѣленно гудѣла и шопотомъ совѣщалась. Кирилла продолжалъ стоять на колѣняхъ. Онъ не плакалъ, но не поднималъ головы и смотрѣлъ въ землю, какъ преступникъ, ожидающій казни.

Өедосью Осиповну подняли и понесли. Кстати, сердобольныя сердца подхватили подъ руки и повели вслѣдъ за нею и плачущую Анну. Кирилла все стоялъ на колѣняхъ и ждалъ, чтó скажетъ міръ.

— Ну, вставай, пойдемъ...—сказалъ наконецъ староста, подходя къ нему съ нѣсколькими мужиками.

— Куда?—испуганно спросилъ Кирилла.

— Извѣстно куда — въ волость... Повинился, теперь міръ тебя судить не будетъ и наказывать не станетъ... До отца посидишь, а тамъ какъ онъ разсудитъ: чай, въ городу тебя судить будутъ... Ну, пойдемъ...

— Да я не пойду, не хочу...—упирался Кирилла.

— Ну, волей не пойдешь, такъ силой отведемъ... съ вашимъ братомъ церемониться нечего...

— Да я не хочу... Я думалъ, что... Я наклепалъ на себя: ничего этого не было... Гдѣ свидѣтели? Кто видѣлъ?.. Я ни въ чемъ не виноватъ...

— Ну, бери его, ребята... Вишь ты, анаѳемская душа... Ну, иди, что-ли, и самъ-дѣлѣ, дьяволъ... Эку бѣду натворилъ, да еще упирается.

— Поддай ему сзади-то... Вотъ такъ!.. Лучше помнить...

— Смотрите, пожалѣете, спокаетесь послѣ...—кричалъ Кирилла, стараясь вырваться, и не помня чтó говоритъ—и со страха, и отъ злобы.

— О-о-о!—заревѣла толпа, и нѣсколько рукъ поднялись надъ Кириллой, и опустились на него.

— Отстаньте вы, черти, чтó вы?.. Смертоубивство сдѣлаете... Наотвѣчаешься послѣ...—останавливалъ староста.

— Что же онъ, поджегъ да еще похваляется... Не то что

въ темную, а на мѣстѣ бы его надо уложить... короткимъ самымъ судомъ...

— Теперь онъ казенный человѣкъ: не моги трогать... Пошли прочь... Не зуди языкомъ... Тамъ разсудятъ безъ тебя...— командовалъ староста.

Кирилла шелъ уже молча и не сопротивляясь. Онъ только дико посматривалъ по сторонамъ, и ёжился отъ боли. Его посадили въ телѣгу, и въ ту же телѣгу сѣлъ староста и еще нѣсколько мужиковъ для сопровожденія въ волость. Толпа долго слѣдовала за ними, потомъ начала мало-по-малу расходиться и возвращаться по домамъ.

V.

Кириллу заперли въ волостномъ правленіи, въ такъ-называемую темную. Это былъ чуланъ съ небольшимъ окошечкомъ, задѣланнымъ желѣзною рѣшеткою, въ стѣнѣ, выходившей на дворъ, и съ такимъ же другимъ въ дверяхъ. Не было въ этомъ чуланѣ ни лавки, ни стола: арестованные должны были и сидѣть и лежать на голомъ полу. Зимой, въ сильные морозы, когда въ чуланѣ можно было замерзнуть, арестантовъ переводили въ баню, которую волостному писарю предоставлялось отапливать для собственнаго употребленія, наканунѣ праздничныхъ дней: такъ какъ виноватые оказывались бо́льшею частію по праздникамъ, то они въ первый день ареста попадали въ тепло, и мерзли только преступные, посаженные на три дня и болѣе. Впрочемъ, не было еще ни одного случая, чтобы кто-нибудь замерзъ совершенно. Начальство знало, что, кромѣ собственной, привычной ко всякимъ невзгодамъ шкуры, у провинившихся были овчинные полушубки и постоянная возможность, посредствомъ очередного десятскаго, замѣнявшаго сторожа, достать согрѣвательнаго. Въ первое время своего старшинства, Ѳедотъ Семенычъ пробовалъ-было сдѣлать арестъ строгимъ и дѣйствительнымъ наказаніемъ, лишающимъ человѣка временно всѣхъ утѣхъ жизни, но и въ этомъ случаѣ такъ же долженъ былъ уступить общественному нраву, какъ и во многихъ другихъ.

Послѣ строгихъ наказаній виновниковъ разныхъ послабленій, дѣлаемыхъ заключеннымъ, онъ экстренно, невзначай, наѣзжалъ, производилъ ревизіи, какъ говорили волостные писаря, и каждый разъ находилъ заключенныхъ или въ крайне веселомъ расположеніи духа, или въ такомъ угнетенномъ, что

ихъ не могли бы разбудить даже громы небесные, а не только гнѣвъ и угрозы земного начальства. Дѣйствительно страдали и даже больше, чѣмъ слѣдуетъ, только отчаянные бѣдняки, или личные враги волостного писаря. Поэтому Ѳедотъ Семенычъ, наконецъ, уступилъ въ безполезной борьбѣ, не любилъ наказанія арестомъ, а предпочиталъ или денежный штрафъ, или розги; но такъ какъ первый ссорилъ его съ міромъ, а часто и не могъ быть осуществленъ по бѣдности обвиненнаго, то общимъ, излюбленнымъ средствомъ исправленія и оставалась одна березовая рощица, мѣсто увеселительныхъ прогулокъ населенія и стоянки для сельскаго скота, въ жаркіе лѣтніе полдни. Самъ Ѳедотъ Семенычъ былъ пристрастенъ къ этому способу исправленія.

— То ли дѣло,—говаривалъ онъ:—розга-матушка, спины не перешибетъ, изъяну никакого не сдѣлаетъ, да и отъ работы не отбиваетъ: получилъ свое, слѣдующее и—ступай съ Богомъ, за свое дѣло... А она помнится!..

Міръ съ нимъ безусловно соглашался, такъ какъ видѣлъ въ этихъ словахъ выраженіе собственной мысли, своихъ личныхъ вкусовъ. Только молодежь въ послѣднее время стала заявлять недовѣріе и нерасположеніе къ этой мѣрѣ наказанія, но это было мнѣніе такого меньшинства, на которое ни сходъ, ни Ѳедотъ Семенычъ, не обращали никакого вниманія.

Когда староста съ десятскими привезли Кириллу въ волость и заявили писарю, что они намѣрены посадить сына старшины подъ арестъ, писарь совсѣмъ растерялся и не зналъ что̀ дѣлать. Кирилла замѣтилъ это, и съ возвратившейся къ нему наглостью сталъ запираться во взводимомъ на него обвиненіи и даже стращать и старосту, и весь деревенскій сходъ отвѣтственностью за него.

— И можетъ ли это быть, чтобы сынокъ Ѳедота Семеныча̀ пошелъ на это дѣло,—замѣтилъ писарь, отставной, выгнанный изъ казенной службы, старый приказный, котораго опредѣлили на должность писаря уѣздныя власти ради его многочисленной семьи, и помѣстили въ волость Ѳедота Семеныча, какъ самаго строгаго и умнаго старшины, который потачки не даетъ.

— Коли видаки были...—защищался староста.

— Какіе видаки... Ну, скажи—какіе?—храбрился Кирилла.

— Сылашка видѣлъ, какъ ты бѣгъ...

— Такъ вы малыхъ ребятъ въ видаки выставляете... Развѣ это судъ: кто ихъ послушаетъ, окромя васъ... Вы бы вотъ спросили писаря-то: можно ли принимать отъ малыхъ дѣтей, что̀ они зря показываютъ...

— На однихъ таковыхъ показаніяхъ судъ не постановитъ рѣшенія...—поддержалъ его писарь.

— Да, вѣдь, самъ признался передо всѣмъ міромъ...—вмѣшался одинъ изъ десятскихъ.

— Такъ что?.. изъ-за страха, изъ-за угровъ вашихъ... убить собирались, мать пристрастили до смерти... можетъ статься ужъ не жива теперь... Тутъ скажешь и невѣсть чтó на свою голову...

Староста видимо смутился и переглядывался съ десятскими. Но между послѣдними былъ одинъ изъ погорѣльцовъ. Онъ питалъ особую злобу къ Кириллѣ.

— Такъ что, Григорій Иванычъ, — обратился онъ къ старостѣ,—чтó ты сумнѣваешься? Ты не одинъ, мы всѣмъ міромъ въ подозрѣніи его имѣемъ... Небось, не отвѣтишь... Отвѣчать,—такъ всѣ отвѣтимъ, мы всѣ на него сумлѣніе имѣемъ, потому больше быть некому, какъ онъ... А намъ такого опаснаго человѣка при себѣ содержать никакъ невозможно... Ничего, не сумлѣвайся, батька ему потачки не дастъ ужъ за одинъ хомутъ... Онъ хомутъ-отъ укралъ... да Ѳедькѣ заложилъ.

— А ты видѣлъ что ли?—накинулся на него Кирилла.

— Видѣли, братъ... не форси... — отвѣчалъ десятскій, несмотря на Кириллу.—Тутъ видаки есть настоящіе... Ничего, Григорій Иванычъ, сажай, не сумлѣвайся... Тебѣ дáно сажать всякаго человѣка, опять же ты съ міромъ собчá... Ничего не отвѣтишь: сажай!..

— Нѣтъ, отвѣтить всѣ отвѣтите. — Отецъ не вступится, я самъ за себя постою: я вамъ покажу себя, у меня еще не это увидите...

— Слышишь, слышишь: похваляется!.. еще похваляется!.. Нѣтъ, ужъ ты его сажай.. какъ хочешь... Ты намъ, писарь, содержи его крѣпче, чтобы въ цѣлости!.. Жрать ему давай: пущай жретъ... и водки... пущай лопаетъ... Не жалко, коли есть на что, а чтобы только до отца онъ сидѣлъ... Какъ хочетъ Ѳедотъ Семенычъ, а мы этакого опаснаго человѣка не примаемъ, мы не желаемъ... Вотъ!.. Нѣтъ, ты Григорій Ивановъ, ты, староста, ты долженъ... Ты къ міру съ нимъ и не кажись... Вотъ! Слышь, похваляется опять... Веди его, веди—запирай... И никого до его не припускай... Слышь! потому мы сейчасъ пойдемъ слѣдство производить на счетъ хомута... къ Ѳедюшкѣ пойдемъ.

И Кириллу отвели въ чуланъ и заперли, не слушая уже никакихъ его возраженій. Но когда староста и прочіе ступинскіе крестьяне уѣхали, писарь, сообразивши, что Ѳедотъ Семенычъ, какъ онъ ни былъ строгъ и честенъ, все-таки постарается оправ-

дать родного сына отъ такого тяжкаго обвиненія и, конечно, недоволенъ будетъ уже тѣмъ даже, что заподозрили его сына, счелъ для себя выгоднымъ и во всякомъ случаѣ полезнымъ оказать Кириллѣ всякую любезность и вниманіе. Поэтому онъ прежде всего велѣлъ принести въ темную столъ и двѣ лавки, а потомъ явился и самъ съ предложеніемъ поставить самоварчикъ для нечаяннаго и невольнаго гостя.

— Выпустить-то я тебя, Кирилла Ѳедотычъ, никакъ не могу, потому самъ могу пострадать,—говорилъ писарь,—а вотъ чайкомъ побалуемся... и поѣсть коли чего пожелаешь—подѣлюсь... Можно и того!.. конечно, не въ объемѣ, потому самъ нуждаюсь... Знаешь своего родителя: живу тѣсно, на одно жалованье, за пачпорта не моги и думать что-нибудь, хошь бы трешницу мѣдную, ну, да ни даже ни въ чемъ... даже на счетъ добровольнаго... мірского... тамъ яичекъ, мучки, крупки, свѣжинки—очень стѣснительно!.. И народъ черезъ это самое избалованъ, не повинуется и не уважаетъ... Грустно, очень грустно!.. А все-таки полштофика могу... для этакого рѣдкаго случая: какъ бы то ни было, старшины сынокъ, и какого старшины?—можно сказать, въ уѣздѣ перваго: третье трехлѣтіе, на медаль мѣтитъ... Полштофика для тебя съ удовольствіемъ. Ну, а оправишься отъ бѣды, самъ не забудешь мою ласку и чувствительность... эту самую..

— Да у меня деньги есть у самого: нá вотъ рубль, посылай, пускай штофъ купитъ да закусокъ,—пожалуй, и чаю съ сахаромъ.. Почто тебѣ изъ-за меня изъяниться... Мнѣ бы вотъ только съ Ѳедоромъ Гаврилычемъ повидаться: вотъ, кабы ты послалъ за нимъ, еще бы полтинникъ далъ.—А мало: еще рубль дамъ...

— Такъ развѣ на счетъ хомута-то вѣрно?

— Нѣту, какое!.. врутъ!.. Я продалъ ему хомутъ—такъ тотъ мой собственный... Нѣтъ, мнѣ не на счетъ того, а на счетъ своихъ дѣловъ поговорить бы съ нимъ надо... Вотъ удружи, я бы ему записочку приписалъ, а ты бы нашелъ человѣка повѣрнѣй, чтобы въ самыя руки отдалъ...

— Да это можно поискать... Только не знаю, за рубль пойдетъ ли кто... Знаешь, вѣдь, народъ какой: сейчасъ прижмутъ, увидятъ, что секретъ, надобность большая, и прижмутъ сейчасъ: нынче народъ вольный, непочтительный... Ничего тебѣ даромъ не сдѣлаетъ...

— Ну,—мало рубля, полтора дамъ...

— Да ладно, хорошо... Я постараюсь... Вотъ сейчасъ бумаги принесу и карандашъ... А пока бы за провизіей послалъ.

Кирилла вынулъ изъ кармана копелекъ, досталъ изъ него

рубль и подалъ писарю. Черезъ нѣсколько минутъ передъ Кириллой и писаремъ стоялъ самоваръ и штофъ водки съ надлежащей посудой. Очередной десятской, приносившій и самоваръ и водку, усугубилъ свою бдительность и не отходилъ отъ дверей темной, то-и-дѣло заглядывалъ въ нее, несмотря на заявленія неудовольствія со стороны писаря.

Кирилла послѣ нѣсколькихъ стакановъ водки, писалъ къ Ѳедору:

«Милостивый государь, Ѳедоръ Гаврилычъ, въ первыхъ чертахъ сего письма извѣщаю я васъ, какъ нахожусь я при несчастіи, и даже посадили въ темную, но между прочимъ надѣюсь на Бога; какъ можно постарайся нельзя ли какъ побывать ко мнѣ сюда, а вчерашнюю сбрую спрячь подальше, въ случаѣ придутъ съ обыскомъ, и никоимъ родомъ не выдавай, что онную сбрую купилъ у меня; дружески тебя въ томъ прошу, какъ былъ ты мнѣ всегда другъ, какъ можно постарайся. А найдутъ, и въ томъ твой отвѣтъ будетъ вмѣстѣ со мной, потому сбруя тестева, а ты у меня съ рукъ снялъ; наши ступинскіе видѣли Иванъ съ Яковомъ. А впрочемъ, при семъ письмѣ остаюсь твой другъ и пріятель, живъ и здоровъ, а нахожусь въ несчастіи. Писалъ я самый Кирило Ѳедотовъ, деревни Ступино».

— На́, вотъ, другъ, пошли...—говорилъ Кирилла, свертывая и подавая письмо.

— Тебѣ сургучику, чай, запечатать, чтобы кто не прочиталъ?—спрашивалъ писарь.

— Да-да, дай-ка... Вотъ и забылъ.

— То-то вы, молодежь... Неопытность ваша!.. Изъ-за печати ужъ не прочитаетъ никто... а такъ-то всякой можетъ прочитать и понять... Э-эхъ, молодость, молодость—неопытность!..

Писарь сбѣгалъ, принесъ сургучъ и печать, и тщательно опечаталъ записку Кириллы у него на глазахъ.

— Вотъ такъ-то лучше..—сказалъ онъ при этомъ: спокойнѣй и безо всякаго сомнѣнія...

Придя къ себѣ домой, писарь тотчасъ же разломилъ печать и прочиталъ записку.

— «А, вотъ оно что!..—думалъ онъ.—«Ну, другъ любезный, я этой записочки не пошлю... это документъ стоющій, у меня изъ-за нея и родитель твой въ рукахъ будетъ. Вы тамъ, извѣстно, дѣло свое скроете и покроете, много что батька тебя своимъ судомъ вздуетъ, а у меня вотъ документикъ: чуть что́ загордыбачитъ, а я сейчасъ въ отвѣтъ: а желаешь, молъ, предъявленія къ судебному слѣдователю!... Сына-то пожалѣешь, небось...

Вотъ ты тутъ и разводи свои добродѣтели... Стихнешь у меня, погоди»...

Писарь послѣ того измѣнилъ свой тонъ съ Кирилломъ. Распивая съ нимъ чай и водку, онъ уже называлъ его однимъ именемъ, безъ отчества, подтрунивалъ надъ нимъ, прямо показывалъ, что онъ не сомнѣвается въ виновности Кирилла и въ воровствѣ и въ поджогѣ; совѣтовалъ разсказать подробно все какъ было дѣло, ничего не скрывая, и предлагалъ свои услуги, чтобы помочь ему выпутаться изъ бѣды. Кирилла замѣтилъ эту перемѣну и обезпокоился. Время шло, а посланный къ Ѳедору не возвращался и не привозилъ никакого отвѣта. Кирилла началъ подозрѣвать, что записка его и не была вовсе послана. У него мгновенно созрѣлъ въ головѣ другой планъ. Онъ началъ притворяться, что сильно охмѣлѣлъ, и расплескивалъ, не допивая свой стаканъ, то-и-дѣло подливалъ писарю, а когда штофъ былъ опростанъ, послалъ еще за четвертью и началъ угощать, не только писаря, но и десятскаго. Скоро и тотъ, и другой были до того пьяны, что свалились сонные одинъ на лавку, другой прямо на полъ, около двери.

Вечеръ ужъ давно наступилъ, и Кирилла, долго не думая, перешагнулъ черезъ десятскаго, отворилъ дверь, снова затворилъ ее за собою и спокойно вышелъ изъ волостного правленія на улицу и вонъ изъ села. Уже за околицей онъ прибавилъ шагу и почти побѣжалъ къ своей деревнѣ. Онъ подходилъ къ ней почти въ полночь и невольно вздрогнулъ, когда вмѣстѣ съ сырымъ ночнымъ воздухомъ на него потянуло дымомъ съ пожарища. Боясь съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться, онъ зашелъ сзади деревни и осторожно пробирался къ сараю, гдѣ пріютилась послѣ пожара его семья.

Страшно ему было смотрѣть на ту большую дымящуюся площадь, гдѣ такъ недавно стояли еще столь знакомые ему дома: и свой, родной, и чужіе, уничтоженные его рукою. Недалеко въ гумнахъ онъ замѣтилъ движеніе какихъ-то тѣней, увидѣлъ огонь и разслушалъ какіе-то странные звуки. Дрожь пробѣжала по всему его тѣлу; онъ остановился и замеръ на мѣстѣ, съ ужасомъ вглядываясь въ огонь, въ окружающія его движущіяся тѣни, и прислушиваясь къ непонятнымъ звукамъ, среди окружающей тишины, безмолвія, неподвижности. Но страхъ скоро прошелъ. Кирилла, наконецъ, догадался, а потомъ и разсмотрѣлъ, что это пасся на гумнахъ скотъ погорѣльцевъ, оставшійся безъ крова; жевали коровы, фыркали лошади, а около огня сидѣли сторожившіе скотъ ребятишки. Въ домахъ нигдѣ огня не было: всѣ, очевидно, спали. Спали,

вѣроятно, и въ сараѣ, къ которому онъ наконецъ подошелъ. Онъ прислушался. Внутри какъ будто кто простоналъ. «Какъ бы не испугать: не подняли бы крика со страху; пожалуй, поднимутъ всю деревню»...—думалъ Кирилла, осторожно притворяя ворота сарая. Они заскрипѣли.

— Кто тута?—опросила Анна.

— Не кричи: это я...—торопливо отвѣчалъ Кирилла и быстро проскользнулъ въ сарай.

— Батюшки, Кирило Ѳедотычъ...—бросилась къ нему Анна.— Какъ ты это?..

— Тише, говорятъ,—нишкни... услышатъ... Я убѣгъ оттуда...

— Изымаютъ, вѣдь, опять... хуже... — шопотомъ говорила Анна, подвигаясь къ нему въ потьмахъ на голосъ. Она подошла, обняла его и заплакала.

— Я спрячусь—не изымаютъ... Что́ матушка-то?..

— Плоха больно... Весь день, почитай, безъ памяти лежитъ.. да ничто стонетъ... Кусочка хлѣбца не пропустила... Ничего и не говоритъ: вскинетъ только глазми-то, простонетъ да и опять нишкнетъ!... Теперь ровно поватихла...

— Ну, можетъ Богъ милостивъ... Вотъ что́—не знаешь, ходили отъ міра къ Ѳедору?...

— Гаврилову?...

— Ну, знамо...

— Ходили...—какъ-то неохотно проговорила Анна, и руки ея сами собою свалились съ плечъ Кириллы.

— Ну... Говори, что-ли, скорѣе...

— Нашли... тятенькинъ хомутъ у него...

— А что̀ онъ сказалъ... Ѳедоръ?..

— Что ты, чу, ему...

Анна и въ потемкахъ говорила это опустя глаза въ землю и какъ-бы боясь встрѣтиться съ глазами мужа.

— А—а...—протянулъ какъ-то неопредѣленно Кирилла. Затѣмъ послѣдовало минутное молчаніе, въ которое каждый какъ-бы старался пережить поскорѣе и втихомолку отъ другого то, что́ лежало на душѣ. Его нарушила первая Анна.

— Кирило Ѳедотычъ, а это ты подпалилъ-то?..

— Нѣту...

— Скажи мнѣ, батюшка...

— Говорятъ! нѣтъ...

— Я такъ и думала, что не ты... Какъ можетъ это статься, чтобы ты...

— Ну, отстань, что тутъ... Ты вотъ что, слушай: скорѣй

собери мнѣ въ кошель хлѣба, соли, да еще хоть чего, да сѣренокъ дай... да топоръ... Я пойду пока въ лѣсу похоронюсь — чтó будетъ...

— Да что ты, Кирило Ѳедотычъ, что ты въ лѣсу-то... Какая корысть? Чтó изъ того будетъ?..

— А что же мнѣ, въ петлю, что-ли, самому идти... Отецъ-то пріѣдетъ, вы его съ матушкой какъ никакъ обламывайте... Коли пообѣщаетъ, что тиранить не будетъ и отъ міра защититъ... ну, такъ я приду... А нѣтъ, такъ я уйду совсѣмъ...

— Да куда ты уйдешь-то? Чтой-то?

— А куда придется... Что же, лучше, что-ли, тутъ? Чего ждать-то?.. Ну, нечего, полно... Я и самъ не знаю, а ужъ только и тутъ сидѣть да ждать: одна тоска меня съѣстъ. Собирай, собирай скорѣй, пока до свѣта...

— Батюшки, Господи, говорила Анна, утирая дрожащими руками слезы на глазахъ и не зная за чтó взяться... Да что же тятенькѣ-то сказать: пріѣдетъ?..

— А то и скажете, что коли не замнетъ онъ всего этого дѣла, какъ ужъ самъ хочетъ, да не дастъ обѣщанья, что не тронетъ меня пальцемъ, такъ прощайте: пропаду вовсе, зайду куда и не сыщете... А пока вы уламываете его, буду тутъ ждать рѣшенья... Ты мнѣ, куда скажу, ѣсть приноси... только смотри, чтобы никто не видалъ и не зналъ... Ни отцу, никому не сказывай, гдѣ буду... Слышишь?.. Да меня и не найдутъ, потому я мѣста буду мѣнять...

— Такъ какъ же я-то тебя найду?.. Куда же мнѣ ѣду-то тебѣ выносить?...

— А буду сказывать... Вотъ завтра выноси: знаешь Титовскій лѣсъ, по заболотинѣ взгорочка есть, на ней порубь была... Вотъ туда и выноси... Мнѣ съ горки-то далеко все будетъ видно...

— Господи!.. Господи!..—приговаривала Анна, шаря въ потьмахъ и собирая для мужа мѣшокъ съ поклажей.

— Ну, а ты, слышь, проворнѣй, а то и безъ всего уйду: голодать придется...

— Вотъ хлѣба положила колобокъ, вотъ и соль... Господи... Сѣренокъ-то... Да, вотъ и сѣренки... Чтой-то, Господи!..

— Ну, а топоръ-то?..

— Ай, да зачѣмъ тебѣ топоръ-отъ... Не бери, батюшка...

— Али хошь, чтобы волки съѣли?.. Развѣ безъ топора можно въ лѣсу?.. Ну, нашла?..

— Вотъ...

— Ну, давай... Вотъ, теперь счастливо оставаться... Скажи

же матушкѣ, чтобы какъ можно старалась у отца... А то сына, молъ, рѣшишься... Ну, прощай...

— Да погоди же, погоди...

— Чего годить-то — нечего... Завтра приходи, приноси побольше...

И Кирилла скрылся за воротами сарая. Анна вышла за нимъ,— и, обливаясь слезами, не зная что́ дѣлать, радоваться или горевать, что мужъ уходитъ, смотрѣла вслѣдъ ему, пока онъ скрылся.

VI.

На другой день, пришедшее изъ волости извѣстіе о побѣгѣ Кириллы подняло на ноги всю деревню Ступино. Сначала сосѣди и сосѣдки сходились въ небольшія группы, потомъ въ большія кучи, наконецъ вся деревня сошлась въ одну толпу около старосты и тѣхъ десятскихъ, которые сопровождали его при отправленіи Кириллы подъ арестъ.

— Ты чего же смотрѣлъ?—говорили старостѣ.—Ты, братецъ, долженъ былъ... коли ежели...

— Что?..—огрызался староста.

— А какъ же?.. Коли ежели теперь арестантъ... Ты долженъ его стерегчи...

— Подъ замко́мъ...

— Чтобы безъ сумлѣнія...

— Чтобы ни Боже мой...

— Какъ еще?.. Не самому ли сидѣть коло него?..

— Коли ежели человѣкъ тебѣ отданъ... ты долженъ его соблюсти... А не то, что этакъ.

— Какъ?.. Отданъ!.. знамо, отданъ!.. Ну, я его и сдалъ въ сохранности... При десятскихъ сажали: всѣ видѣли... И замко́мъ заперли... Чего еще?.. Я говорю: не самому же сидѣть коло дверей да сторожить...

— И посидишь...

— Ну, бываетъ, да рѣдко!...

— Посидишь, братъ... Ничего...

— Ну, это посиди самъ, а не ежели старостѣ около всякаго мошенника сидѣть... Не тотъ законъ, нигдѣ того не показано...

— Не показано... А вотъ, гдѣ человѣкъ-то? Подай его... Показано тебѣ пущать человѣка, коли онъ опасный человѣкъ?..

— Такъ развѣ я опустилъ, черти... Я не одинъ былъ... миіромъ сажали. Ты спрашивай съ писаря: ему ключъ препо-

рученъ... Его и отвѣтъ... А мнѣ чтó: я посадилъ на замокъ, заперъ при себѣ, наказалъ, чтобы какъ можно... Не одинъ былъ, вотъ спросите десятскихъ-то...

— Это вѣрно... чтó говорить... сами при томъ были!..—подтвердили десятскіе.

— Были?.. А вотъ теперь гдѣ онъ?..

— Не пропадетъ... найдется...

— Найдется!... сами сказывали: похвалялся...

— Это точно, что похвалялся...

— Онъ теперича, выходитъ, самый опасный человѣкъ...

— Изымать надо...

— Поди, изымай!... Покуль ты его изымаешь, онъ тебѣ чтó сдѣлаетъ?.. Онъ тебя остатки спалитъ...

— Спалитъ...

— Теперь отъ него чего ждать: онъ все одно, что рѣшеной...

— Пути не жди: спалитъ и есть, али бо чтò... Въ немъ отчаянность теперь самая.

— Надо, ребята, ловить его безпремѣнно...

— А на ночь сторожовъ ставить вокругъ деревни...

— Безпремѣнно, потому опасно... Кто его знаетъ...

— Да онъ не здѣсь ли гдѣ притаился... Не у матки ли?..

— Надо посмотрѣть...

Толпа вся двинулась къ сараю, гдѣ помѣщалась семья Ѳедота Семеныча, но изъ опасенія потревожить больную Ѳедосью Осиповну рѣшили всѣмъ не ходить, а послать старосту съ нѣсколькими выборными осмотрѣть сарай и всѣ, уцѣлѣвшія отъ пожара, постройки Ѳедота Семеныча.

— Да вотъ что: опросить бы пережъ Анну... подалъ кто-то мысль.

Мысль была принята. Анну вызвали изъ сарая.

— Кирюшка-то твой убѣгъ изъ темной...—сказали ей.

Анна молчала.

— Что молчишь? ровно не знаешь? Знаешь, вѣдь, чай?

— Знаю.

— Куда его прибрали? Сказывай...

— Нѣту его здѣсь...

— А гдѣ же?

— Не знаю я, господа міряне...—отвѣчала Анна, и поклонилась.

— Сказывай, а то все одно: досмотръ сдѣлаемъ, вездѣ вышаримъ...

— Извольте досмотрѣть: нѣтъ его здѣсь... нигдѣ... Правду истинную вамъ докладываю...

Анна вдругъ поклонилась міру въ ноги и осталась передъ нимъ на колѣняхъ.

— Простите его, міръ честной, помилуйте... Заходилъ онъ сегодня ко мнѣ, не кается онъ въ своей винѣ, въ поджогѣ... Говоритъ: не подпаливалъ я.

— Вишь ты, кто же?..

— Знать, такъ, божесвое попущеніе...

— Не что... толкуй!... А какъ же Силашка-то его видѣлъ? Опять—гдѣ же онъ былъ?.. Кабы не его рукъ дѣло, такъ онъ бы на пожарѣ былъ, работалъ бы съ людьми, а вы и сами-то таскались безъ него... Говоритъ: за трубой бѣгалъ—вретъ, за трубой-то Сиволодка верхомъ каталъ—вотъ что... Прости, помилуй!... Нѣтъ, онъ не помиловалъ: смотри-ка что высадилъ, да и опять похваляется...

— Это онъ со страху, батюшки, господа-міряне... Неужто онъ такой? Кажись, статься того не можетъ...

— Хомутъ-то укралъ же... у тестя!.. У васъ же гостился тесть-то! отецъ твой! Вотъ онъ каковъ—золото!..

— Да то ужъ... ну... А поджечь-то, кажется... Чтой-то, батюшки, кажись, и не привидано...

Анна продолжала стоять на колѣняхъ и концомъ платка, которымъ повязана была ея голова, утирала слезы, бѣжавшія изъ глазъ.

— Нѣтъ, ты не сумлѣвайся,—выступилъ Иванъ Ананьичъ...— Жалостная ты баба... ровно вдова горькая, а окромя его некому: его рукъ дѣло, потому онъ и пристращивалъ насъ... съ Яковомъ Иванычемъ... Ну-ка, да гдѣ онъ былъ, какъ пожаръ-то завопили... съ тобой-ли спалъ-то?..

Анна вспомнила, что дѣйствительно, когда ее разбудилъ крикъ на улицѣ, она не нашла мужа ни около себя, ни въ избѣ, ни на дворѣ. Она ничего не отвѣтила на вопросъ, но опустила голову, закрыла лицо руками и завыла въ голосъ, жалобно себѣ причитая.

— Ужъ это что дѣлать-то... видно, не въ перекавъ, не въ оговоръ...—говорили въ толпѣ.—Видно молодца по повадкѣ... Дошелъ парень... заблудился!... Ни себѣ, ни людямъ!.. Извѣстно, горькая ты баба, жалостная... ровно вдова теперь... порели, оно легше... Сладко ли вотъ намъ-то?.. безо всего вышли!.. Гдѣ ужъ его помиловать, супротивный самый человѣкъ, всему міру злодѣй... А ты вотъ что: ты лучше молви, куда онъ спрятался-то... Слышь ли, Анна... Сказывай...

— Не вѣду я... не вѣду...

— Врешь: какъ тебѣ не знать... Сказывай лучше... все равно—изымаемъ... А то хуже еще набѣдить что: онъ отчаянный... Куда спрятался-то?.. Гдѣ обѣщалъ хорониться-то?.. Откройся... передъ міромъ... Слышишь!..

Анна молчала: она помнила строгое запрещеніе мужа, но въ то же время опасеніе всего общества, чтобы онъ чего-нибудь не надѣлалъ еще худшаго невольно, сообщилось ей—и она колебалась въ мучительной нерѣшимости.

— Ты лучше откройся...—настаивалъ міръ.—Не супротивничай... потому, ежели онъ теперича что̀ надѣлаетъ, и ты въ отвѣтѣ будешь... потому сукрываешь его... Опять же ты передо всѣмъ міромъ! Міръ сумлѣвается: вотъ сторожовъ теперь ставить надо, опаситься его... Ты супротивъ міра не груби.

— Батюшки, міръ честной... да не вѣду я... Не сказался онъ въ точности...

Анну прервалъ крикъ нѣсколькихъ мальчишекъ, которые изо всѣхъ силъ бѣжали къ сходкѣ со стороны лѣса и махали руками.

— Видѣли, видѣли!.. кричали запыхавшіеся ребятишки.

— Кого?

— Его... Его видѣли... Кирюшку...

— Гдѣ? гдѣ?—заволновалась толпа.

— Тамоди... въ Титовскомъ лѣсу... ходитъ... страшенный!... съ топоромъ... грозится...

— Съ топоромъ?..—ужаснулись міряне, переглядываясь.

— Съ топоромъ!..—подтверждали ребятишки.—Мы этакъ-то идемъ... а онъ и сидитъ подъ кустомъ... Мы закричали: вотъ онъ! вотъ!.. А онъ этакъ-то топоромъ... грозится!.. Мы какъ побѣжи-и-имъ... Испужались.

— Гдѣ же онъ, топоръ-отъ?.. Стало, онъ изъ дома топоръ-отъ взялъ... Бралъ, что-ли, топоръ-то, Анна?.. Сказывай...

— Бралъ, батюшки, бралъ... Хлѣба взялъ... соли... сѣренокъ...

— Сѣренокъ!.. Робя, слышь, и сѣренокъ взялъ... Подпалитъ...

— Чистое дѣло!.. На то̀ пошелъ: либо убьетъ, либо подпалитъ опять... Ахъ, чтобъ тебѣ...

— Надо, ребята, ловить его... Какъ можно... Пойдемъ тотчасъ... всѣмъ міромъ... Ребятишки отведутъ...

— Теперь къ нему не подступишься... зарубитъ...

— Зарубитъ и есть... Въ ёмъ дикость теперь...

— Знамо, въ лѣсу человѣкъ...

— Да уйдетъ, въ лѣсу не найдешь... лѣсъ-отъ великъ... Не станетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, особливо видѣли...

— Найдешь ли въ лѣсу!..

— Гдѣ найти въ лѣсу, не въ полѣ!..

— Пойдемъ облавой, со сторонъ...

— Пойди, а онъ стрѣнетъ, полыхнетъ тебя топоромъ-то... Не взлюбишь!.. Кому нужно...

— Такъ ждать, чтобы подпалилъ, что ли?..

— Мосѣича взять съ ружьемъ: пущай стрѣлитъ...

— Убьетъ, пожалуй...

— По ногамъ... чудакъ!..

— Дробью... ничего!.. не убьетъ!..

— Знамо дробью...

— Онъ не попадетъ, Мосѣичъ: онъ съ нимъ пилъ!.. Они дружатъ...

— Стой, ребята, я скажу: подемъ къ орѣховскому барину, къ молодому...

— Почто?

— Онъ, братъ, стрѣлитъ важно, а мнѣ дружокъ... Птичка порхнетъ, вся съ воробья, онъ гдѣ, чуть видно: нацѣлитъ, разъ!.. одной дробиной бьетъ!.. Вотъ какая дробинка, ровно крупа мелкая... Опять же, у него собаки...

— Такъ что тебѣ собаки-то?

— А онъ велитъ, она выгонитъ его... собака-то...

— Такъ, вѣдь, то звѣря, али зайца, дура!.. На человѣка рази собака пойдетъ?..

— У него пойдетъ: она ученая... Она у него всякую вещь по имени знаетъ... А баринъ какой! стоющій баринъ, вожоватый!..

— Не пойдетъ!..

— Онъ?.. Ежели теперича, для міра, что хошь сдѣлаетъ: онъ за міръ сейчасъ вступится... безо всякаго!..

Въ это время къ толпѣ подъѣхалъ Герасимъ Дмитричъ, къ которому Анна посылала нарочнаго увѣдомить о своемъ горѣ. Посланный все разсказалъ ему такъ, что Герасимъ зналъ уже и о своемъ хомутѣ, и объ арестѣ Кирилла по подозрѣнію въ поджогѣ. Онъ не зналъ только о побѣгѣ Кирилла изъ-подъ ареста.

Анна, увидя отца, бросилась къ нему съ рыданіями. Онъ утѣшалъ ее, какъ умѣлъ. Міръ вмѣшался въ ихъ бесѣду и объяснилъ Герасиму все, чего онъ еще не зналъ. Анна не возражала и не защищала мужа.

— Вотъ, Митричъ, попеняй дочкѣ-то, не хотѣла открыться міру: сукрываетъ мужа-то... А что ужъ онъ? Что теперь соблюдать?.. Ужъ теперь какъ законъ его разсудитъ... Противный самый человѣкъ онъ теперь... вредный!.. Надо его теперь безпремѣнно изымать и въ острогъ свезти въ городъ, потому отъ него

погибель одна... всему обчеству... Не знаемъ только, какъ бы взять-то его, потому топоръ при ёмъ... опасно!. А она дала... міру не сказамши... опять же во вредъ!.. Ей бы, надо бы, какъ пришелъ, крикнуть бы народъ, вотъ бы его и взяли тогда же...

— Эка, господа, вѣдь, жена тоже... какъ бы ни было...—оправдывалъ дочь Герасимъ.

— Да такъ-то такъ, знамо, жена... А все міру не въ пріятность... Ка́къ вотъ теперь его возьмешь?..

— А вы посторожитесь, да по деревнямъ сосѣднимъ повѣстите: не все въ лѣсу будетъ, тоже и ѣсть захочетъ — выйдетъ черезъ день-другой...

— Ты говори: день-другой!.. Обчеству тоже безпокойство... изъ-за него, окаяннаго... сторожись да повѣщай... А какъ не выйдетъ въ скорости: онъ тоже вонъ хлѣба забралъ съ собой... Ты много ли хлѣба-то дала?..

— Немножко, батюшки... Не много и было послѣ пожара-то... Одну краюшечку...

— А стало-быть онъ же тебѣ говорилъ чтó... на счетъ свово продовольствія...—догадался одинъ изъ крестьянъ.—Не можетъ статься, чтобы на счетъ ѣды чего не наказывалъ: либо самъ придти обѣщался, либо вынести велѣлъ, а то какъ же, хошь и ему?.. Безъ ѣжи тоже не проживетъ...

Анна молчала. Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Ты, Митричъ, вели по родительской своей заповѣди, чтобы она міру винилась... Не таила бы отъ міра, сказывала бы, потому это дѣло также...

— Ну, чтожъ, Анна, сказывай, чтó знаешь... Вѣстимо, мужа жалко, да коли онъ этакой, Богъ съ нимъ, чтó дѣлать-то?.. Опять же это дѣло обчественное, мірское: на мірскомъ дѣлѣ свою нужу забывай... Сказывай все...

— Забѣжать, вѣдь, онъ хотѣлъ, коли скажу: пропаду, говоритъ, совсѣмъ, и не найдете...

— Ужъ все одно онъ пропадетъ, видно, а по крайности ты передъ міромъ чиста будешь... говори...

— Велѣлъ сегодня выносить себѣ на взгорку по заболотью, въ Титовскомъ лѣсу, гдѣ порубь.

— Тамъ недалеко и мы видали его...—подсказали дѣти, которыя не отходили отъ толпы, стояли и слушали совѣщаніе.

— Такъ вотъ и чудесное дѣло,—подалъ мысль староста:—ты собери, да и пойди къ нему... Заведи съ нимъ разговорку, пока онъ ѣстъ, а мы тѣмъ временемъ подкрадемся, да и накинемся на него... Онъ тутъ нашъ и будетъ...

— Мнѣ-то его подводить, чтой-то?..—съ недоумѣніемъ и испугомъ возразила Анна.—Нѣтъ, ужъ міръ честной, вы пожалѣйте и меня... Ужъ берите сами, какъ хотите, а отъ этого ослободите.

— А насъ онъ пожалѣлъ?... А какъ еще убьетъ кого, топоромъ дастъ раза?.. Ты думаешь, ты не во грѣхѣ останешься?.. не черезъ тебя жива душа погинетъ, да и онъ-то остатки пропадетъ?..

— Батюшки, да какъ же это я подъ мужа подводить стану? своими руками его выдавать буду?... Да какъ опосля мнѣ жить-то съ нимъ?..

— Ну, еще какъ жить-то тебѣ съ нимъ—это законъ разсудитъ... говорили въ толпѣ.—Извѣстно, Ѳедотъ Семенычъ похлопочетъ за своего родного: можетъ, еще теперь черезъ него и не засудятъ... А ужъ тоже коли человѣка-то зарубитъ, такъ навря дъ ли чтобы отъ каторги ушелъ, да и у тебя на совѣсти останется... Опять же, Анна, тебя въ томъ все обчество проситъ... И не то проситъ, а всѣмъ міромъ тебѣ приказываетъ это самое... Вотъ что!.. Ты міру не перечь, а послужи, слушай...

— Тятенька, да неужто же?.. Да кажися ноженьки мои не пойдутъ... глаза-то мнѣ на него не поднять... Батюшка, да какъ же ты мнѣ молвишь?..

— А ка́къ, Аннушка, молвить?.. Коли міръ тебя проситъ, такъ какъ міру не послужитъ... Послужи... Знамо, тяжело!.. Да какъ же ты противъ міра пойдешь?.. Никакъ невозможно!.. Надо идти, коли міръ велитъ...

Анна безмолвно опустила голову.

Время подходило къ полудню, и ее торопили собираться въ путь. Молча и машинально, блѣдная и растерянная, завязывала она въ узелъ съѣстное, и какъ приговоренная къ пыткѣ пошла въ сопровожденіи охотниковъ, вызвавшихся на облаву за Кириллой.

— Мотри, робя, условливались между собою охотники:—какъ къ болотинѣ подойдемъ, такъ и выпусти ее одну впередъ, а сами обходи вокругъ, лѣсомъ... чтобы кругомъ, значитъ, его обойти... И ползи къ нему тихимъ манеромъ, чтобы вдругъ, разомъ... Навались, да за руки хватай скорѣй... и крути... Веревки-то взяли-ли?...

— Кушаки есть... кушаками свяжемъ...

— Бить не бей, а что ежели маненько помнемъ — ничего!.. А ты, Анна подойдешь, да съ нимъ лаской, все лаской, да въ разговоръ... И виду не давай... Потчуй его: ѣшь, молъ, на доброе здоровье... А сама ему разсказывай... про все... Онъ те

слушать станетъ: ему и не вдомёкъ... А мы тѣмъ временемъ... Мы его ничего: бить не будемъ... Намъ чтб его бить: теперь суди его судъ да казенна палата... Не наше дѣло, намъ бы ихъ взять, безо всякаго убойства.

Въ такихъ разговорахъ подошли къ болотинѣ и остановились, не выходя изъ лѣса. Оставивши здѣсь Анну, охотники, раздѣлившись на двѣ партіи, стали обходить болотину опушкой, чтобы за лѣсомъ же подняться и на пригорокъ, невидимо для Кириллы, который предполагался на извѣстной всѣмъ поруби. Когда охотники отошли на условленное разстояніе, Анна вышла прямо на болотину. Сердце у ней замирало, духъ захватывало, ноги едва двигались и дрожащія руки съ трудомъ удерживали нетяжелый узелъ. Она не смѣла даже поднять голову, чтобы разсмотрѣть, гдѣ Кирилла, и шла прямо наудачу по водѣ, чрезъ высокую осоку.

Кирилла давненько ужъ ожидалъ ее на условленномъ мѣстѣ. Онъ тотчасъ же замѣтилъ съ горы Анну и выждавъ, чтобы она приблизилась, позвалъ ее по имени. Она вздрогнула и уронила узелъ изъ рукъ въ воду, но тотчасъ же подняла его и, взглянувши по направленію голоса, увидѣла въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ себя ожидавшаго ее мужа. Богъ знаетъ что за сумятица поднялась у ней въ душѣ: и страхъ, и стыдъ, и жалость къ мужу, и даже какая-то злоба противъ него за ту муку, которую она испытала по его милости; но она не въ силахъ была ускорить шага, не въ состояніи бы была промолвить ни одного слова, точно тяжесть какая навалилась на все ея тѣло и давила, гнела каждый ея членъ. Она двигалась тихо, молча, точно автоматъ.

— Да что ты, ровно чумная?..—спросилъ ее Кирилла, когда она была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.—Иди, что ли, скорѣй: смерть ѣсть хочется... Чего принесла?..

Анна, не поднимая головы, не отвѣчая, протянула къ нему руку съ узломъ.

— Да что ты?.. Спужалась, что ли, чего?..—спрашивалъ Кирилла, подойдя къ ней.—Что не смотришь?.. Да ты не съ подвохомъ-ли?..

И Кирилла сталъ подозрительно озираться.

— Бѣги, батюшка, бѣги, пымаютъ!..—точно кѣмъ подтолкнутая сзади, вдругъ проговорила Анна, и въ то же время, сама не отдавая себѣ отчета, крѣпко ухватила его за руки. Въ ту же минуту Кирилла замѣтилъ нѣсколько знакомыхъ ему лицъ, выглядывавшихъ изъ опушки лѣса, поднимавшагося по пригорку.

Кирилла рванулся изъ рукъ жены, но онѣ замерли на его одеждѣ: онъ не могъ сразу освободиться. Преслѣдователи замѣтили, что они открыты, замѣтили и движеніе Кирилла—и лѣсъ вдругъ огласился крикомъ: держи его!.. держи!...

— Такъ ты такъ-то, дьяволъ!..—закричалъ Кирилла, вырвавшись изъ рукъ жены, и сильнымъ ударомъ въ лицо опрокинулъ ее на-землю. Затѣмъ онъ мгновенно скрылся въ чащѣ, прежде чѣмъ охотники успѣли добѣжать до того мѣста, гдѣ лежала Анна рыдая и отирая рукою слезы и кровь, струившуюся изъ носа и рта. Мужики бросились-было вслѣдъ за Кириллой, побѣгали по лѣсу, но скоро остановились, рѣшивъ, что онъ уже далеко, что въ такой чащѣ человѣка не найдешь, да и опять же онъ съ топоромъ.. Сойдясь, поругались между собою, каждый попрекнулъ другого и за трусость и за медленность, подняли Анну, ругнули кстати и ее, но слегка, потому что она одна изъ всѣхъ пострадала—и пошли домой, придумывая новыя мѣры для поимки бѣглеца.

Анна молчала во всю обратную дорогу. Деревня встрѣтила охотниковъ бранью и насмѣшками.

VII.

Ѳедотъ Семенычъ возвращался изъ города домой, ничего не зная о случившемся и совершенно спокойный. Городъ находился отъ его деревни и волости слишкомъ за тридцать верстъ—и туда не могли дойти слухи изъ Ступина, а нарочно посланный къ Ѳедоту Семенычу, отправившійся ради сокращенія пути проселками, разъѣхался съ нимъ.

Неторопливо трусила волостная пара, везшая старшину, и самъ онъ, одѣтый, для города, по праздничному, въ синей сибиркѣ, съ медалью на шеѣ и въ высокой поярковой шляпѣ, сидѣлъ, вытянувши ноги въ глубинѣ телѣжки, терпѣливо подпрыгивалъ на выбоинахъ и гатяхъ, и не думалъ торопить ямщика. Жаркое солнце припекало сверху, столбы пыли слѣдовали за телѣжкой, покрывая собою спину, плечи и шляпу сѣдока; тучи оводовъ неслись за лошадьми, которыя отмахивались отъ нихъ хвостами и трясли головой, не ускоряя, впрочемъ, шага; колокольчикъ уныло и однообразно звенѣлъ подъ дугою, ямщикъ сидѣлъ на облучкѣ, сгорбившись, подрёмывая и распустя вожжи, которыя отъ времени до времени подергивалъ лишь инстинктивно, по привычкѣ.

Ѳедотъ Семенычъ спокойно посматривалъ по сторонамъ, любовался на выколосившуюся уже и начинавшую цвѣсти рожь, на зеленыя поля ярового, перебиралъ въ головѣ подробности свиданія съ разными господами въ городѣ: и не безъ удовольствія вспоминалъ о томъ видимомъ предпочтеніи, которое оказывали ему власти предъ всѣми другими старшинами. Особенно пріятно ему было, когда одинъ молодой баринъ сказалъ, обращаясь къ другому: вотъ бы намъ кого выбрать въ члены-то управы! а посредникъ на это возразилъ ему: нѣтъ, онъ мнѣ самому нуженъ: я за нимъ какъ за каменной стѣной; изъ-за него мнѣ и въ волость ѣздить не за-чѣмъ!.. Исправникъ согласился съ посредникомъ и прибавилъ: да его и не выберутъ... развѣ они, скоты, понимаютъ?.. Онъ строгъ и взыскателенъ, а они любятъ пьяницъ, да кто имъ потакаетъ... Они бы его и въ старшины-то не выбрали, кабы посредникъ не приказалъ!..

«Полно, такъ ли, баринъ?» — разсуждалъ теперь самъ съ собою Ѳедотъ Семенычъ: «и точно, бываетъ временемъ дурашливъ нашъ міръ, да ужъ не такъ, чтобы человѣка отъ человѣка не различить... Поди-ка, тоже не выбрали бы на третье трехлѣтіе, хошь все приказывай, коли ежели бы совсѣмъ супротивенъ былъ... А извѣстно, отчего міръ дурашливъ бываетъ?.. либо отъ этой своей слабости... на-счетъ вина, либо закону не знаетъ: чтó можно, чего нельзя, къ чему чтó слѣдуетъ... А вы, господа, развѣ толкуете ему въ настоящую-то?.. Ты, баринъ, на міру-то выйдешь: разсудокъ, что ли, отъ тебя какой? Либо молчи, не смѣй разговаривать, — либо говори, чтó тебѣ надо, а мужику неслѣдующее... Иной попробуетъ въ ласку, да съ подходцемъ, ровно обмануть хочетъ: только въ сумлѣніе одно введетъ; а другой прямо съ наскоку шумѣть, да кричать, а то и въ зубы: ну, извѣстно, бываетъ, мужикъ и упрется, воротитъ не въ ту силу... Особливо, по теперешнему времени, какъ у мужика и воля и земля своя собственная, и начальниковъ себѣ самъ выбирай, и судись у своего брата, и на счетъ взыску ослабленіе большое: какъ теперь мужику не разсудить!.. Онъ въ своемъ дѣлѣ разсудить можетъ достаточно, только ты его не сбивай, да чтобы онъ не сумлѣвался... А ужъ человѣка-то разобрать—разберетъ, нельзя лучше: кто ему надобенъ, кто нѣтъ... А что насчетъ управы, такъ онъ этого дѣла еще и въ понятіе-то не взялъ: какая въ ней сила и чтó къ чему... Иной и не слыхивалъ: знамо, тутъ выберутъ, кого господа прикажутъ, али бы тáкъ—зря»... Затѣмъ мысль его перешла къ волости и ея дѣлáмъ, къ своему хозяйству, къ дому. Вообще, старикъ былъ въ хорошемъ и спокойномъ расположеніи духа.

Вотъ наконецъ въѣхали и въ границы своей волости. Ямщикъ пріободрился и погонялъ лошадей: поѣхали скорѣе.

Ничто не предвѣщало того горя, которое ожидало Ѳедота Семеныча впереди, только въ послѣдней передъ селомъ деревнѣ остановилъ старосту сидѣвшій на завалинкѣ и грѣвшійся на солнышкѣ глухой, чуть не столѣтній, старикъ. Не поднимаясь съ мѣста, онъ кивалъ головой и махалъ руками, когда мимо его проѣзжалъ старшина. Ѳедотъ Семенычъ велѣлъ ямщику пріостановиться.

— Чего тебѣ, дѣдушка? спросилъ онъ, не вылѣзая изъ телѣжки.

— Домой, что ли, поспѣшаешь? прошамкалъ старикъ.

— Въ волость, перво...—отвѣчалъ старшина, возвышая голосъ и указывая рукою.—А что тебѣ?

— Поѣзжай, болѣзный, поѣзжай... Что дѣлать-то, что дѣлать-то?... Потужилъ и я, да какъ быть-то!.. Его власть — воля Господня... На его, батюшку, надѣйся!..

— Да про что ты, дѣдъ?... Про что толкуешь-то?...

— То-то, то-то... Знамо, горько!... Да что подѣлаешь?...

— Противъ Него, батюшки, ничего не подѣлаешь... Вотъ и у меня на вѣку-то три раза... Знамо, за грѣхи наши... Терпѣть надо...

— Да что онъ?—невольно обратился Ѳедотъ Семенычъ къ ямщику, и какое-то безпокойство вдругъ охватило его.

— Да, вѣдь, онъ глухой...

— Знаю, что глухой... Да про что́ онъ толкуетъ-то?...

— Такъ, что-нибудь зря... Знамо, старикъ старый!

— Нѣтъ, что-нибудь да...

Ѳедотъ Семенычъ оглянулся, чтобы спросить кого-нибудь, но на улицѣ, кромѣ старика и дѣтей, никого не было.

— Поѣзжай, батюшка, поѣзжай, болѣзный... Больно-то́ не тужи...

— Что такое?—тревожился Ѳедотъ Семенычъ.— Поѣзжай-ка проворнѣе: развѣ не подѣлалось ли чего?...

— Чего подѣлаться? Такъ онъ это... отъ старости,—замѣтилъ ямщикъ, и погналъ лошадей.

Сердце Ѳедота Семеныча безпокойно билось, когда онъ подъѣзжалъ къ волостному правленію. Писарь встрѣтилъ его съ какимъ-то страннымъ, загадочнымъ выраженіемъ, не смотрѣлъ ему въ глаза и видимо былъ не въ своей тарелкѣ.

— Что́ у насъ надѣлалось? торопливо спросилъ его Ѳедотъ Семенычъ.

—Кто-жъ могъ этого ожидать...—отвѣчалъ писарь, пожимая плечами.—Даже никакъ нельзя было этого предвидѣть... Я самъ даже вѣрить не хотѣлъ, но...

— Да что такое случилось-то?

Голосъ Ѳедота Семеныча дрожалъ отъ охватившаго его мучительнаго безпокойства.

— Развѣ вамъ ничего неизвѣстно?—спросилъ писарь, поднимая наконецъ глаза, въ которыхъ свѣтилось злорадство.

— Ничего я не знаю...

— А вѣдь нарочнаго посылали... Значитъ, разминулся какъ...

— Да говори ты мнѣ, пожалуста, поскорѣй...

— Кирило Ѳедотычъ вашъ...

— Ну...—едва выговорилъ старикъ и сѣлъ, чувствуя, что ноги его дрожатъ и подгибаются...

— Сбрую эту, которая пропала — онъ Ѳедору Гаврилову продалъ—видѣли, а изъ-за того деревню подпалилъ... И вы погорѣли...

Писарь остановился, взглянувъ на Ѳедота Семеныча: онъ сидѣлъ блѣдный какъ полотно, глаза его остановились неподвижно и смотрѣли точно стеклянные, гордая фигура его вдругъ съёжилась, сгорбилась, осунулась, голова дрожала, руки безсильно лежали на колѣняхъ; онъ рѣдко и тяжело дышалъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, и не могъ: горло сдавило, языкъ не двигался. Писарь отвернулъ отъ него голову: ему даже сдѣлалось не то, что жаль старика, а какъ-то не ловко передъ нимъ.

— Да, большое несчастіе!—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія...—Главное, что погорѣли,—впрочемъ, сказываютъ, у васъ почти все успѣли вынести... Другіе, такъ и повынести ничего не успѣли, сгорѣли на-чисто... А насчетъ поджогу, вы очень не безпокойтесь: прямыхъ уликъ нѣтъ, одинъ только мальчишка видѣлъ, какъ бѣжалъ полемъ: можетъ оправдаться!.. Ну, а насчетъ сбруи,—это дѣло семейное: коли міръ согласится, можно все прикрыть... Правда, что у меня есть документикъ... собственноручный, письменный... Ну, да я свой человѣкъ, конечно... ежели...

— Гдѣ онъ?...—едва проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ хриплымъ голосомъ.

— У меня спрятанъ... Письмецо онъ посылалъ къ Ѳедькѣ, я перехватилъ...

— Онъ гдѣ?... Кир... Кирю...

Голосъ Ѳедота Семеныча на имени сына вдругъ оборвался: онъ зарыдалъ и повалился головой на столъ.

— Ты не очень убивайся, старшина, что-же? я не злодѣй

какой... Конечно, что я отъ тебя не много хорошаго видѣлъ, а все христіанинъ же я... Коли съ міромъ уладишься... я, пожалуй, мѣшать не буду... Документа хоть не отдамъ, да и не представлю, ежели... то-есть... Вотъ только не хорошо онъ сдѣлалъ, что изъ темной бѣжалъ... Я уснулъ, десятскій уснулъ, а онъ отломалъ пробой въ дверяхъ... да и убѣжалъ... Эго напрасно онъ сдѣлалъ, только общество тревожить: боятся, чтобы чего еще не надѣлалъ... Ловятъ теперь... безпокоятся... хуже только озлятся противъ него... пожалуй, не уломаешь послѣ!.. А я, самъ по себѣ, зла не помню: коли все у насъ пойдетъ хорошо и въ добромъ согласіи, я доказчикомъ не буду... Вотъ только общество можетъ подумать, что я добровольно его выпустилъ... Конечно, что, сказать по правдѣ, я для тебя тутъ нарочно особливыхъ мѣръ не предпринималъ противъ него: все-таки, думаю—сынъ, и мою услугу во-что нибудь сочтетъ... Но если что̀, паче чаянія, для людей: извольте смотрѣть, пробой выдернутъ... значитъ...

Ѳедотъ Семенычъ вдругъ поднялъ голову, отеръ слезы, глубоко-глубоко вздохнулъ и перекрестился нѣсколько разъ.

— Становому доносилъ?—спросилъ онъ твердо.

— Нѣтъ, нѣтъ... хотя бы и могъ подъ предлогомъ отсутствія твоего... И стоило бы, даже могъ бы и про кражу, и о подозрѣніяхъ общества упомянуть... Ну, да думаю, Богъ съ нимъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, не доносилъ, не безпокойся... Можемъ все такъ представить, что и дознанія никакого не будетъ... одна статистика: отъ неизвѣстныхъ причинъ!.. А на счетъ кражи ужъ я тебѣ говорю: уладься только съ обществомъ, а я письма-то его не покажу... Ну, конечно, ужъ и ты для меня...

— Подай мнѣ письмо...

— Э, братъ, нѣтъ; отдать я тебѣ не отдамъ... Либо ужъ жить въ согласіи—все шито-крыто будетъ, либо прямо къ слѣдователю...

— Что пишетъ? скажи... Чтó за письмо?—

— А ничего больше: собственноручное признаніе въ томъ, что украденную сбрую продалъ Ѳедькѣ, и проситъ ее спрятать подальше... Я перехватилъ письмецо, а сбрую-то нашли у Ѳедьки: та самая, Герасимова, и показалъ прямо: Кирилла, говоритъ, мнѣ ее продалъ.

— Пиши лепортъ становому....—повелительно проговорилъ старшина.

— О чемъ?

— Обо всемъ: и о пожарѣ, и о кражѣ, и о побѣгѣ...

— Что ты? да, вѣдь, пожалуй, все откроется: вѣдь, упечешь сына-то...

— А ты, что̀ думалъ, крапивное сѣмя, что я покрывать, что ли, буду?... Съ тобой въ стачку пойду?... Мірского злодѣя стану выгораживать?... Пиши сейчасъ... мразь этакая!.. продажная душа...

Писарь недовѣрчиво посмотрѣлъ на Ѳедота Семеныча, но голосъ и видъ старика были такъ внушительны и грозны, что онъ безъ возраженій принялся строчить рапортъ, отъ времени до времени украдкой взглядывая на старшину.

— Пиши, что въ поджогѣ подозрѣваютъ сына старшины, что онъ попался и въ продажѣ уворованной имъ сбруи...—подсказывалъ старшина:—все пиши.

Когда писарь кончилъ, онъ молча и нерѣшительно подалъ бумагу Ѳедоту Семенычу. Тотъ перечиталъ ее, перекрестился и подписалъ.

— Собирайся, и поѣдемъ со мной... Коли дома окажется все такъ, какъ писано, тебя же и пошлю съ бумагой... Документъ-то свой забери съ собой: тамъ подашь вмѣстѣ; короче дѣло будетъ... Ну, живо!..

Писарь совсѣмъ растерялся, засуетился, пробовалъ-было заговорить со старшиною, но не нашелся, не смѣлъ даже взглянуть на него, и, сидя въ телѣжкѣ, робко жался въ сторонку, точно боялся коснуться грознаго старика.

VIII.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Ѳедотъ Семенычъ къ дому, тѣмъ сильнѣе и отчетливѣе чувствовалъ все свое несчастіе, тѣмъ мучительнѣе ныло его сердце и твердость снова начинала покидать его.

—«Вотъ и конецъ всѣмъ моимъ надеждамъ, всѣмъ трудамъ и заботамъ моимъ, думалъ Ѳедотъ Семенычъ:—все погибло, все кончилось!.. И сына потерялъ, и разоренъ, и на голову сѣдую одинъ срамъ да покоръ отъ добрыхъ людей»...

И глаза его застилались какимъ-то туманомъ, и подавленныя рыданія вновь душили его горло. Вотъ и Ступино показалось вдали, вотъ тамъ былъ его домъ, его гнѣздо, всѣ его радости... Теперь что̀?— чуть не вскрикнулъ Ѳедотъ Семенычъ отъ внутренней боли, когда наконецъ одно безобразное пепелище увидѣлъ онъ на мѣстѣ своего жилища. Точно все помутилось въ немъ, точно покинуло его и сознаніе и всякое чувство, когда

наконецъ телѣжка остановилась среди деревни около того мѣста, гдѣ былъ его домъ. На колокольчикъ сбѣгался народъ и окружалъ телѣжку старшины: что-то говорили кругомъ, ахали, вздыхали; онъ ничего ясно не понималъ и сидѣлъ въ телѣжкѣ неподвижно, вперивши глаза въ обгорѣлыя бревна. Наконецъ, рыданія и причитанья Анны, обнимавшей его, ея горячія слезы, падавшія на его руки, возвратили его къ сознанію. Онъ разслушалъ голосъ Герасима Дмитрича, что-то говорившаго ему; повернулся на этотъ голосъ и обнялъ свата.

— Вотъ, сватъ, погубили мы бабу...—проговорилъ онъ, переводя глаза на Анну.—Что, Аннушка, дѣлать-то? Прости ты меня, Христа-ради: не чаялъ я этого...

— Полно-ка, родимый, обо мнѣ-то... Тебѣ-то каково... А-а, батюшки-сваты!..

— Да ужъ... всѣмъ хорошо сдѣлалъ!.. Изымали его, разб...— Голосъ старшины дрогнулъ; но глаза заискрились вдругъ вспыхнувшимъ гнѣвомъ.

— Совсѣмъ-было накрыли... Въ рукахъ у Анны былъ, за рубаху держала, да опустила...—заговорили изъ толпы...

— Опять убѣгъ... Съ умысла, видать, опустила...

Чего съ умысла?... Почто не къ дѣлу?... Мотри, рожу-то какъ ей разворотилъ... Сами видали: мы ходили... только-было она его сгребла, мы къ нему... а онъ какъ рѣзнетъ ее... разъ!.. такъ даже и покатилась... Опять же съ топоромъ... машется!... Прямой разбойникъ!...

Ѳедотъ Семенычъ пристально посмотрѣлъ на Анну, и теперь только разглядѣлъ огромный синякъ на лицѣ ея и распухшіе лѣвый глазъ и губу...

Въ сверкавшихъ глазахъ старика, въ стиснутыхъ губахъ его, виднѣлся въ настоящую минуту одинъ бѣшеный гнѣвъ, который подавилъ всѣ иныя чувства.

— Божья милость еще въ томъ, что не попался...—проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, крестясь.—Отъ большого грѣха, можетъ, Господь меня отвелъ... Пожалуй, живъ бы не ушелъ онъ, подъ теперешній часъ, изъ моихъ рукъ...

— Чтó ужъ теперь... Теперь ужъ не твой взыскъ будетъ....— замѣтилъ Герасимъ Дмитричъ.—Ты бы вотъ пошелъ къ хозяйкѣ-то... Ничто она... того...

— А гдѣ она?... Что?...

— Свалилась она... лежитъ...—поспѣшила сказать Анна, которую совѣсть упрекнула, что она забыла позвать поскорѣе

свекра къ больной. Развгасило всю, не помнится... да, ничто, все не такое говоритъ... Подь къ ней, батюшка.

— Все-то вдругъ, Господи...—промолвилъ Өедотъ Семенычъ самъ про себя.—Чѣмъ согрѣшилъ, прогнѣвалъ тебя, Создателя?.. Подёмте...

— Что же теперь будетъ, Өедотъ Семенычъ,—заговорили въ толпѣ, которая до сихъ поръ молчала, какъ будто пережидая, чтобы старшина сначала перестрадалъ свое личное горе.—Что теперя будетъ? Міръ оченно безпокоится... Похвалялся, слышь ты, онъ...

— Опять же вотъ и наше дѣло,—заговорили погорѣльцы:— при чемъ мы теперь останемся?... Вовсе разорились... Прикрыться нечѣмъ: все погорѣло... Коровёнку некуда на ночь припустить!.. Чего коровёнку: сами безъ хлѣба сидимъ, малыя дѣти ревутъ... Вовсе онъ насъ погубилъ теперя!

Өедотъ Семенычъ остановился и оборотился къ толпѣ. Онъ молчалъ, собираясь съ мыслями.

— А вы погодили бы хошь маненько... — замѣтилъ Герасимъ Дмитричъ укоризненно.—Видите, человѣкъ не въ себѣ.

— Дали бы хошь опомниться-то и вправду...—прибавила Анна.

— Да, вѣдь, мы что же? мы такъ только-что... Вона писаря привезъ... Можетъ, на-счетъ порядковъ какихъ... Опять же нужда наша... горя-то велики...

— Такъ ваше горе, али наше?..—вскинулась Анна, вдругъ съ острой болью въ сердцѣ вспоминая всѣ тѣ муки, которыя она пережила въ теченіи двухъ послѣднихъ дней и въ которыхъ она не давала себѣ до сихъ поръ отчета.—Вы погорѣли только, такъ и мы погорѣли, а окромя того... окромя-то того... чтó?..

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Такъ мы чрезъ людей же терпимъ...

— Черезъ твоего же...

— Вы богатѣи... вамъ что!.. А вотъ какъ останное-то...

— Да черезъ разбойника пропадаешь... издармá!..

— Отъ баловства... отъ его... Что сытъ-одѣтъ, во всякихъ достаткахъ, а все ему мало... Воръ!.. Поджигатель!..

— Супротивъ всего обчества...

— Хошь и начальники, а отвѣтишь... тоже!.. мало что!..

— Деревню палить... тоже... не показано!..

— Тутъ весь міръ пойдетъ... Всѣ пойдемъ... этого не сукроешь, даромъ его выпустили... Попадется: пымаемъ!..

Өедотъ Семенычъ давно уже махалъ рукой, желая остановить эти взрывы мірского неудовольствія.

— Постойте же, міръ честной, дайте слово сказать и виноватому...—проговорилъ онъ съ горечью, возвышая голосъ.

Толпа мало-по-малу замолчала.

— Не зарекаюсь я, православные, отъ вины своей, — заговорилъ старшина.—Знамо, моя кровь, мое дѣтище, стало и отвѣтъ мой, хошь и не тому я его училъ, не въ этому велъ — сами знаете; а все отцу и покоръ, и похвальба въ дѣтяхъ... По моимъ ли грѣхамъ Богъ наказалъ меня, по чужимъ ли, а все моя вина: попустилъ Господь, не умѣлъ дѣтище ото зла соблюсти. Въ томъ вы меня простите, православные, и зла на меня не держите... Земно я въ томъ міру кланяюсь...

Ѳедотъ Семенычъ упалъ на колѣни и поклонился до земли прежде, чѣмъ Герасимъ и Анна успѣли остановить его и подхватить подъ руки.

Міръ былъ изумленъ и взволнованъ.

— Мы не противъ тебя, Ѳедотъ Семенычъ...

— Богъ съ тобой, ты старикъ стоющій!.. мы тебя желаемъ... завсегда!..

— Знамо, отцу легко-ли... Ты не того желалъ...

— Отъ злого человѣка не ухоронишься... ни Боже мой!.. А мы супротивъ тебя ничего...

— Злое-то дѣтище, не приведи Богъ!.. Оно сушитъ человѣка...

Ѳедотъ Семенычъ, поднятый родными, отеръ слезы, которыя противъ его воли выступили на глазахъ, и продолжалъ:

— Не думайте и того, православные, чтобы я, хошь и родную кровь свою, сталъ передъ міромъ править, да покрывать... Нѣту, буди воля Божія!.. Вѣрно-ли, Герасимъ Дмитричъ, твоя сбруя Ѳедькѣ продана, али заложена что-ли... нашимъ-то?..

— Что-жъ, надо говорить правду: ѣздилъ я, свидѣтельствовалъ, моя собственная...—отвѣчалъ Герасимъ, стыдливо смотря въ землю.

— А ни на что больше, міръ честной, не полагаете вы пожаръ, какъ на его злодѣйство?..—спросилъ Ѳедотъ Семенычъ, снова обращаясь къ міру.

— Больше некому быть, Ѳедотъ Семенычъ...

— Не́ отъ чего статься... Опять же его видѣли—полемъ бѣгъ.

— На пожарѣ не былъ и не таскался...

— И свой-отъ домъ безъ него сгорѣлъ...

— Опять же, у Ивана съ Яковомъ загорѣлось у первыхъ, а они видѣли, какъ онъ сбрую-то сбывалъ...

— Онъ и похвалялся противъ нихъ...

— Ну, такъ ты,—махнулъ старшина рукой писарю:—читай передъ всѣмъ міромъ, какой я тебѣ лепортъ велѣлъ къ становому написать... Такъ ли будетъ, православные? прислушайтесь...

Писарь, не поднимая глазъ, съ озлобленнымъ лицомъ, выступилъ и прочиталъ.

— Внятно-ли, господа-міряне? такъ-ли точно? вѣрно-ли? — спросилъ Ѳедотъ Семенычъ, когда писарь кончилъ.

— Это такъ точно... Вѣрно, какъ есть... Безо-всякаго сумлѣнія, Ѳедотъ Семенычъ...

— Ну, такъ, староста, дай ему подводу: пускай ѣдетъ къ становому, подастъ... Я его самого посылаю, потому онъ Кирюшкино письмо къ Ѳедькѣ перехватилъ, въ коемъ тотъ про свое озорство самъ пишетъ: пущай его подастъ, чтобы ужъ безо-всякаго сумлѣнія было... Я покрывать не хочу... хоть и родной сынъ...

— Какъ же теперича, Ѳедотъ Семенычъ: стало, становой наѣдетъ?..

— И становой, и слѣдователь... слѣдовать будутъ... про все... А тамъ судъ въ городу...

— Это не ладно, дѣло-то: таскать станутъ... затаскаютъ... а теперь не до того: какая работа-то подходитъ...

— Изъянъ будетъ большой!..

— Ужъ безъ этого, братцы, никакъ нельзя... Что дѣлать-то...— говорилъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Теперешній день чего стóитъ... Бѣда!..

— Тутъ не то день: тутъ начнутъ таскать, такъ недѣлю продержатъ... въ иноемъ мѣстѣ... Знаемъ мы эти суды-то да слѣдства довольно...

— Тутъ не то, что сѣнокосничать, а собьютъ всѣмъ міромъ, да и погонятъ... въ волость-то еще куда бы ни шло,—а то въ городъ, да, пожалуй, еще въ саму губерню... Да какъ туда разъ, да туда два, тамъ—недѣлю, да тутъ недѣлю... Ого, братъ!.. Тутъ скажешься!..

— Запоешь матушку-рѣпку...

— Тутъ не то запоешь... Взвоешь, парень...

— Вспомнишь Кирилла Ѳедотыча...

— Да, вотъ, подлая душа: мало деревню спалилъ, еще вотъ канителься съ нимъ...

— Правда, Симушка тогда говорилъ: въ огонь бы его самого—вотъ бы и дѣло съ концомъ!..

— Нѣтъ ты, Ѳедотъ Семенычъ, похлопочи, чтобы не больно нажимали міръ-отъ... чтобы какъ маненько полегше...

— Да постарайся, Θедотъ Семенычъ, какъ можно... потому какъ бы ни было... міръ тутъ не причемъ: все изъ-за его сталось... изъ-за твоего...

— И теперь какъ же... Кирюшки-то нѣтъ?.. Безъ его никакъ невозможно... Надо его какъ-никакъ изымать...

— Объ немъ повѣстки пошлются по всѣмъ волостямъ,—отвѣчалъ Θедотъ Семенычъ: — безъ пачпорта долго не нашляется, гдѣ-нибудь да попадется...

— Батюшка, — вдругъ робко обратилась къ Θедоту Семенычу Анна—погоди-ка писаря-то посылать...

— Отчего такъ?—спросилъ старшина.

— А вотъ что: Кирила-то Θедотычъ заходилъ ночью, попроси, говоритъ, тятеньку: коли проститъ онъ меня, да тиранить не будетъ, и міръ помилуетъ меня, въ моей винѣ, такъ я, говоритъ, ворочусь, и заслужу; а то, говоритъ, забѣгу туда, что и не сыщутъ... совсѣмъ пропаду... Міръ честной, православные, нельзя ли какъ для Господа Бога простить — помиловать... Отъ глупости это онъ только, не отчего другого... Справится... Онъ заслужитъ... Помилуйте Христа-ради...

Анна земно кланялась. Толпа опять заволновалась.

— Вишь ты: помилуйте!.. Онъ насъ палить будетъ, а мы миловать его...

— Онъ разорилъ насъ,—вовсе, по міру пустилъ, а мы его по головкѣ гладить...

— Справится!.. Нѣтъ, онъ не справится—онъ пропащій!..

— По этой дорожкѣ пошелъ, ужъ не воротится... Повадился кувшинъ!.. Шабашъ!.. Сломитъ голову и себѣ, и людямъ...

— Нѣтъ, онъ опасный человѣкъ... Его даромъ въ міръ-то не нужно... Онъ надѣлаетъ и не это...

— Заслужитъ!.. Чѣмъ онъ заслужитъ?.. Домá, что ли, новые построитъ, замѣсть тѣхъ, что сжегъ... Жди: останны спалитъ... только развѣ отъ него и будетъ...

— Заслужилъ! И отъ отца-то не больно много видѣли: не очень ссужалъ...—бормотали въ заднихъ рядахъ толпы, но такъ что Θедотъ Семенычъ слышалъ, хотя и не видѣлъ говорившихъ.

— Не очень въ міръ-то жертвовалъ... и вправду... А домъ-отъ какой былъ: первый...

— Знамо, своя рубашка—не чужая... Тутъ: помилуйте—пожалѣйте... А насъ кто жалѣлъ-то?..

— Штрапы-то какіе бралъ...

— А чуть чтó, такъ не пороли, нечто?.. А до своего дошло, такъ помилуйте...

— Видно яблочко-то по яблонькѣ...

— Выстрой намъ дома сызнова, кои пожегъ, да за изъянъ заплати—вотъ помилуемъ, пожалуй...

— Вотъ и вправду... Деньги-то, чай, вытащили, цѣлы остались, не погорѣли...

— Вотъ выстрой насъ—простимъ, сейчасъ все дѣло покончимъ...

Передніе ряды оборачивались къ заднимъ съ выраженіемъ неудовольствія на эти рѣчи. Стоящіе прямо лицомъ къ лицу съ Ѳедотомъ Семенычемъ, видимо, конфузились отъ этихъ рѣчей, опускали глаза въ землю и, оборачиваясь назадъ, говорили: полноте, оголтѣлые, отстаньте!.. Э-эхъ!.. палка-то по васъ реветъ!.. Отстаньте, говорятъ... Нашли время...

Ѳедотъ Семенычъ стоялъ передъ толпою, скорбный, унылый, опустя свою сѣдую голову. Онъ понялъ теперь, что потерялъ не только сына, но, вмѣстѣ съ нимъ и черезъ него, и уваженіе, и довѣріе своего общества; онъ созналъ, что міръ, которому служилъ, какъ ему казалось, вѣрой и правдой, не вполнѣ доволенъ имъ, что имя его будетъ поминаться не добромъ, не заслугами, а только тѣмъ, что сынъ его сжегъ деревню, сдѣлавъ нищими нѣсколько семей... А какой онъ самъ дождался радости черезъ то, что всю жизнь работалъ, сберегалъ, копилъ?.. Отъ кого спасибо? Отъ кого добрая память и молитва къ Богу?..

Но какая-то новая, свѣтлая мысль вдругъ освѣтила его лицо. Онъ рѣшительно поднялъ голову и смотрѣлъ на толпу грустными, но свѣтлыми и спокойными глазами.

— Прислушайте, господа-міряне, чтó молвлю, — заговорилъ онъ.

Всѣ притихли.

— Земно я кланялся, просилъ у міра прощенья за кровь свою, за стыдъ мой, за обиду вашу, да, видно, еще не заслужилъ... Старался я, служилъ міру, сколь силъ было и умѣнья, да, вижу—теперь обида моя больше заслуги... И Господь батюшка гнѣвенъ, видать, за грѣхи мои: все у меня отнялъ... Сынъ теперь—мнѣ не сынъ, не признать мнѣ его за сына теперь;—старуха моя, чу, безъ памяти, смотри помретъ;... міръ отъ корня моего обиженъ, и умру—на памяти моей добраго слова не будетъ... сирота я, выходитъ, передъ Богомъ... одинъ какъ перстъ...

Голосъ Ѳедота Семеныча дрожалъ и прерывался. Въ толпѣ пошелъ-было гулъ успокоивающихъ ласковыхъ рѣчей, но Ѳедотъ Семенычъ остановилъ ихъ.

— Погодите, дайте все ужъ договорить,—продолжалъ онъ.—

Въ такой чести старшиной мнѣ оставаться не приходится... да послѣ горя моего и не подъ силу мнѣ будетъ... И какой я буду начальникъ, что всякій мнѣ въ глаза сказать можетъ: у тебя у самого сынъ деревню спалилъ... А и не скажетъ, такъ подумаетъ, а я эту думу по глазамъ увижу... Такъ изъ старшинъ я завтра же поѣду къ посреднику отпрашиваться, чтобы высадилъ меня... Погодите, дайте срокъ договорить!.. Не перебивайте!.. Это, вѣрно, ужъ въ старшинахъ не останусь... Не по силамъ мнѣ!.. О томъ и толковать нечего: довольно ужъ, послужилъ... будетъ! А вотъ... Чтб потаскали у меня, чтб погорѣло, я еще не знаю, не справлялся, не угодилъ... Да, признаться, мнѣ теперь ничего и некорыстно... Дороже того сынъ былъ, да и того теперь все равно, что нѣтъ... Чтб есть, какое добро уцѣлѣло, все Аннѣ пойдетъ... А вотъ денегъ у меня точно что накоплено коло тысячи рублей, цѣлы онѣ, знаю, что цѣлы, потому въ церкви лежатъ, въ церковномъ сундукѣ... Для всякаго случая тамъ я ихъ хранилъ у батюшки, отца Егора, по дружеству нашему, старинному... Вотъ этими деньгами я міру кланяюсь, обчеству своему, погорѣльцамъ: отъ моей крови вы пострадали, отъ меня и поправьтесь... выстройтесь... Вотъ, не обевсудьте — примите, только зломъ не поминайте... памяти моей не кляните!..

Ѳедотъ Семенычъ замолчалъ и поклонился. Всѣ міряне стояли передъ нимъ, точно оглушенные громомъ, съ открытыми ртами, съ изумленными глазами, безмолвные и неподвижные. Нѣсколько мгновеній стояла мертвая тишина, среди которой слышались только всхлипыванія Анны. Вдругъ изъ толпы продрались впередъ Иванъ Ананьичъ съ Яковомъ Иванычемъ и бросились въ ноги старшинѣ. А вслѣдъ за ними и прочіе погорѣльцы.

— Вотъ благодаримъ!.. Вотъ отецъ!.. Благодѣтель ты нашъ, батюшка... отецъ родной!..—Заволновались и всѣ остальные: осыпали Ѳедота Семеныча похвалами, благодарностями.

— А ты намъ послужи!.. Ты изъ старшинъ не высаживайся!..—слышалось со всѣхъ сторонъ.—Мы тобой довольны... Экихъ людей мало!.. Ты для насъ—и мы для тебя!.. Мы тебѣ всѣмъ міромъ домъ выстроимъ новый!.. Вотъ какъ!.. Ты не сумлѣвайся... Мы, пожалуй, и Кирюшку простимъ... Богъ съ нимъ!.. Чтб и самъ-дѣлѣ—може парень съ глупа, а взойдетъ въ себя...

— Нѣту, братцы,— отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ:—его ужъ пускай судъ судитъ, чего онъ стбитъ... А тамъ Божья власть, чтб ужъ съ нимъ станется...

— А мы тебя изъ старшинъ не выпустимъ, Ѳедотъ Семенычъ... Нѣтъ, ты послужи міру... Мы всѣмъ міромъ желаемъ...

Всѣмъ міромъ за тебя станемъ... И къ посреднику пойдемъ... Вотъ, кланяемся тебѣ на томъ!.. Послужи, уважь!..

— Нѣтъ ужъ, братцы, увольте: какая та голова, коей руки да ноги не слушають!.. Какой тотъ начальникъ, у коего сынъ разбойникъ!.. Будетъ съ меня теперь и свое горе огоревать, а не то, что цѣлой волостью править... Нѣтъ ужъ, братцы, увольте... На ласковомъ словѣ вашемъ много доволенъ, а отъ службы увольте...

Ѳедотъ Семенычъ глубоко вздохнулъ и поклонился міру.

— Пойдемъ, сватъ Герасимъ... Полно, Аннушка, не реви, горемычная, не надсажай пуще... Знаю, что погубилъ тебя, да не со зла, родима... Не того ждалъ!..

— Перестань, дура, что ревешь и самъ-дѣлѣ...—сказалъ ей Герасимъ.—Анна поспѣшно отерла слезы и усиливалась остановить рыданья...

Ѳедотъ Семенычъ, грустный, опустя голову, шелъ къ сараю, гдѣ лежала его больная жена. Вся толпа слѣдовала за нимъ и въ молчаніи остановилась у сарая, ворота котораго остались полуотворенными. Тамъ, у стѣны, на кучѣ сѣна лежала Ѳедосья, осунувшаяся, сильно измѣнившаяся, съ закрытыми глазами. Ѳедотъ Семенычъ остановился надъ нею. Посинѣлыя губы больной говорили безъ звука.

— Вотъ все такъ-то вотъ и лежитъ...—сказала вполголоса Анна.

Ѳедосья Осиповна полу-раскрыла глаза и какъ будто всматривалась въ мужа.

— Батюшка... болѣзный... не онъ...—вдругъ со стономъ закричала она.—Не бей ты его—не тиранъ!.. Кирюшенька!..

И Ѳедосья Осиповна хотѣла-было привстать, но не могла, и заметалась въ горячешномъ бреду.

— Эхъ, Ѳедосья, Ѳедосья... все-то любовь твоя глупая — проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ, и, чувствуя что ноги его едва держатъ, опустился на полъ, гдѣ стоялъ. Голова его въ изнеможеніи повисла.

— А ты, сватъ, вотъ что...—старался успокоить его Герасимъ Дмитричъ.—Ты на Бога... Не убивайся! Ты теперь этакую добродѣтель дѣлаешь. Богъ милостивъ!..

— Ты, батюшка, поѣсть не хочешь ли?..—спрашивала съ своей стороны Анна.

— Да, поѣлъ бы: пропусти хошь маненько... Все оно лучше...—совѣтовалъ Герасимъ.

Но Ѳедотъ Семенычъ только покачалъ отрицательно головой.

Въ сараѣ воцарилось молчаніе, прерываемое только тихими стонами и бредомъ Ѳедосьи Осиповны. Толпа начала расходиться, выражая сожалѣніе къ старику.

— А пчелокъ-то Богъ помиловалъ: всѣ цѣлёхоньки—пробовалъ вновь утѣшить Ѳедота Семеныча Герасимъ Дмитричъ.—Я всѣхъ перецлядѣлъ... Ничего...

— Да мы, вѣдь, и потаскались, батюшка: почитай все вытаскали—говорила Анна, какъ-бы отгадывая намѣреніе отца. И амбаръ, вѣдь, благодарить Бога, цѣлъ остался...

— Ну, и слава Богу... Все ваше: мнѣ теперь ничего не надо... апатично проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Нѣтъ, сватушка,—возразилъ Герасимъ:—это ты не къ пути говоришь, это ты напрасно... Ты божеское дѣло затѣялъ, и сдѣлай: погорѣлыхъ выстрой... А только и самъ стройся, и хозяйствуй... А то хуже съ тоски изведешься... Нашему брату безъ работы никакъ нельзя, потому нашъ предѣлъ такой... Я бы на твоемъ мѣстѣ, покамѣстъ сила, и изъ старшинъ не высадился... Не обезсудь, что учу... Умнѣе ты нась всѣхъ, а только въ тебѣ это ослабленье одно... съ горя!.. Тебѣ отъ Бога показано міру служить: на то у тебя и умъ, и грамата, и вся сноровка... А срубъ я тебѣ на избу знатный знаю: вотъ, покупай, и строй... А Ѳедюшку заставимъ такую рѣзь пустить, лучше нашей... Вотъ! А то, чтó ты на произволъ однѣхъ бабъ хошь оставить... Ну, что бабы!.. Нѣтъ, ты не опускайся!.. Это въ тебѣ ослабленье...

Герасимъ Дмитричъ нѣсколько разъ пріостанавливался въ продолженіи этой рѣчи, ожидая какихъ-либо возраженій со стороны Ѳедота Семеныча, но тотъ упорно молчалъ.

Герасимъ Дмитричъ сталъ сбираться домой. Ѳедотъ Семенычъ вслѣдъ за Анной вышелъ проводить его. Все пожарище было передъ глазами. Солнце въ эту минуту закатывалось и кроваво-красными лучами обливало закоптѣлые черные остовы печей и трубъ. Ѳедотъ Семенычъ не могъ оторвать глазъ отъ этого мрачнаго зрѣлища.

— Прощай, сватушка... сказалъ Герасимъ влѣзая въ телѣгу.

— Прощай... безучастно отвѣчалъ старшина, не поворачивая къ нему головы.

— Може, Ѳедюшку не прислать ли?.. Все что-нибудь поможетъ... приглянетъ.

Ѳедотъ Семенычъ вздрогнулъ.

— Пришли, пришли...—оживленно заговорилъ онъ.—Мой вотъ спалилъ, а твой строить будетъ... Отъ моего одна бѣда да горе, а отъ твоего одна радость да...

Старикъ не договорилъ: у него оборвался голосъ, глаза заволоклись слезами, и рыданія, жалобныя, женскія рыданія вырвались изъ наболѣвшей груди. Жалокъ былъ могучій, мужественный старикъ въ эту минуту: даже огрубѣлое, ко всему притерпѣвшееся, сердце Герасима болѣзненно сжалось.

— Эхъ, Ѳедотъ Семенычъ — говорилъ онъ.—Полно... Экое ослабленье-то въ тебѣ.

И онъ хотѣлъ вылѣзть изъ телѣги, чтобы подойти къ свату.

— Ничего, ничего... Это въ останный... Больше не будетъ... Поѣзжай съ Богомъ... Не замай меня... Поѣзжай—говорилъ Ѳедотъ Семенычъ, закрывая лицо и отворачиваясь.

Герасимъ Дмитричъ въ нерѣшимости подергивалъ возжами.

— Перекстись... да на Бога—сказалъ онъ, наконецъ, —и хлестнулъ лошадь.

Анна не смѣла подойти къ старику, который отворотился лицомъ къ стѣнѣ и, упершись въ нее головою, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Она нѣсколько минутъ стояла, печально подпершись, и смотрѣла на него, потомъ, заслыша голосъ Ѳедосьи, ушла въ сарай.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда вошелъ туда и Ѳедотъ Семенычъ.

— Что мать-то?—спросилъ онъ Анну и, какъ показалось ей, спокойнымъ голосомъ.

— Ничего, батюшка: кажись, ровно какъ къ полегчанью... Не жалобится... Испить просила... Кажись, спитъ.

— Ну, слава Богу... Ложись и ты... Измаялась, вѣдь, чай...

— А ты-то?..

— И я вотъ лягу тутъ... На сѣнѣ... Спи со Христомъ... Завтра, коли въ памяти будетъ—за батюшкой съѣзжу: причастить ее нужно...

Въ сараѣ все затихло.

На слѣдующее утро деревенскій сходъ стоялъ передъ сараемъ Ѳедота Семеныча, съ старостой во главѣ. Соблюдалось какое-то торжественное молчаніе. Когда старшина вышелъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, молча поклонились.

— Что, братцы?—спросилъ Ѳедотъ Семенычъ.

Выступилъ староста.

— А вотъ что—Ѳедотъ Семенычъ, весь міръ къ тебѣ... Всѣмъ міромъ надумали... Какъ сдѣлалъ ты намъ эту благодѣтель и завсегда былъ... для насъ... Оченно мы благодарны тебѣ-ка... И желаемъ всѣмъ міромъ бумагу приписать къ тебѣ... чтобы даже

до вышняго начальства и по церквамъ, по базарамъ читать... что не токма никакой на тебѣ вины, али злобы противъ тебя... а и Кирилла твоего прощаемъ, примаемъ за себя на свой отвѣтъ... а тебѣ чтобы быть старшиной... до конца... до самаго изводу твоего... Вотъ!.. Всѣмъ міромъ того желаемъ... а не ежели... Не оставь!..

— Да, не оставь, Өедотъ Семенычъ...—повторили мужики—кланяясь.

— Спасибо, міръ честной... Утѣшили вы меня, старика...—отвѣчалъ старшина.—Кирюшку ужъ вамъ судъ не отдастъ... и пущай... Самъ виноватъ... А за любовь за вашу, за радѣнье, послужить готовъ, сколь силъ моихъ хватитъ... Послужу, извольте... Грѣхъ бы мнѣ было и не покориться міру... да признаться: не для кого мнѣ осталось и трудиться-то, окромя міра... Благодарю, господа-міряне, вотъ какъ благодарю—Богъ видитъ... А бумагу не надо... Почто бумагу въ нашемъ мѣстѣ... Вы всѣ тутъ, и я съ вами... А чтó бумага, только на писаря расходъ... Вотъ лучше потолкуемъ, гдѣ лѣсу бы промыслить по-сходнѣе... на счетъ постройки.

И разговоръ сразу перешелъ на практическіе, хозяйственные разсчеты и соображенія.

Къ зимѣ всѣ погорѣльцы жили уже въ новыхъ избахъ. Кирилла, пойманный въ сосѣдней губерніи и пересланный по этапу, сидѣлъ въ тюрьмѣ, а Өедотъ Семенычъ, по прежнему, правилъ волостью съ прежней строгостью и твердостью. Въ домѣ у него хозяйствовала Анна вмѣстѣ съ Өедюшей, въ которомъ старикъ души не чаялъ. Выздоровѣвшая Өедосья Осиповна захирѣла, состарѣлась, ни въ чемъ не принимала участія, сдѣлалась сварлива, и съ затаеннымъ недоброжелательствомъ смотрѣла не только на Өедюшу, но и на Анну.

Алексѣй Потѣхинъ.



ЖИВОТНЫЙ ИНДИВИДУУМЪ

Зоологическій очеркъ.

Чтó такое мы привыкли разумѣть подъ терминами: животный индивидуумъ, недѣлимое или особь? Подъ этими терминами мы разумѣемъ каждое животное, взятое въ отдѣльности, все равно, будетъ ли то человѣкъ, птица, лягушка, червь или инфузорія; другими словами, всякую животную единицу, противопоставляемую нами большому ряду остальныхъ ей подобныхъ существъ. Далѣе, индивидуумъ является намъ сочетаніемъ извѣстныхъ органовъ, составляющихъ одно законченное, замкнутое и нераздѣльное цѣлое, къ которому ничего не можетъ быть прибавлено, а тѣмъ менѣе отнято, на чтó указываетъ уже и самое слово individuum,—нераздѣльное. Составляя полное цѣлое, индивидуумъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для самостоятельной жизни, которою онъ и пользуется. Таково, приблизительно, обычное опредѣленіе понятія о животномъ недѣлимомъ. Но это опредѣленіе можетъ считáться вѣрнымъ развѣ въ самыхъ общихъ чертахъ; въ частности же, съ зоологической точки зрѣнія, не выдерживая строгой критики, имѣетъ не болѣе какъ условное значеніе; хотя вполнѣ точнаго, исчерпывающаго всѣ случаи опредѣленія понятія объ индивидуумѣ едва ли возможно и дать.

Многіе, конечно, слышали о знаменитыхъ сіамскихъ близнецахъ, а иные видѣли ихъ даже въ натурѣ во время одного изъ объѣздовъ ими Европы, когда они посѣтили и Россію. Эти братья-индусы были связаны между собою подъ ложечкою какимъ-то твердымъ соединеніемъ цилиндрической формы, покрытымъ кожей, и длиною, примѣрно, вершка въ три, а толщиною въ два. Измѣренія эти я привожу на память, такъ какъ они не особенно существенны. Первоначально соединеніе было и относительно и абсолютно короче, но впослѣдствіи вытянулось такъ,

что братья, обращенные сначала другъ къ другу лицомъ къ лицу, могли уже становиться рядомъ, бокъ о-бокъ, обнимая другъ друга соприкасающимися руками. Всѣ жизненныя отправленія ихъ были нормальны. Накопивъ своими разъѣздами по всему свѣту порядочное состояніе, они женились на двухъ сестрахъ и наслаждались семейнымъ счастіемъ въ кругу своихъ многочисленныхъ дѣтей. Для полнаго счастья имъ недоставало, казалось, лишь личной свободы, независимости другъ отъ друга; вотъ почему они не разъ собирались раздѣлиться при помощи операціи; но въ концѣ-концовъ все-таки на нее рѣшиться не могли. Нашлись хирурги и анатомы, считавшіе искусственное обособленіе сросшихся отъ рожденія братьевъ дѣломъ вполнѣ осуществимымъ, между тѣмъ какъ другіе находили его предпріятіемъ слишкомъ рискованнымъ, на томъ основаніи, что въ соединявшемъ близнецовъ перешейкѣ могли бы находиться такіе органы, поврежденіе которыхъ подвергло бы серьёзной опасности ихъ жизнь. Анатомическая секція, предпринятая послѣ смерти сіамцевъ, года два-три тому назадъ, показала, что соединявшій ихъ перешеекъ состоялъ по преимуществу изъ печеночнаго вещества: печени обоихъ братьевъ были сращены въ одинъ общій органъ; да, кромѣ того, въ перешеекъ входили еще большія кровеносныя жилы, а также отростки брюшины, т.-е. той плевы, которая обволакиваетъ внутри брюшную стѣнку и внутренность. Поэтому операція разъединенія близнецовъ неминуемо повлекла бы за собою сильнѣйшее воспаленіе печени и брюшины, которое навѣрное окончилось бы смертью обоихъ субъектовъ. Ясно, что сіамскіе близнецы составляли два человѣка, и, стало быть, и двѣ особи, два индивидуума; однако, съ другой стороны, каждый изъ нихъ представлялъ прямое противорѣчіе понятію о недѣлимомъ. Сіамскіе близнецы, замѣчу мимоходомъ, представляютъ уродство отнюдь не единственное въ своемъ родѣ; во всякой порядочной коллекціи уродовъ можно находить подобныхъ сросшихся близнецовъ; такъ, въ основанномъ еще Петромъ Великимъ анатомическомъ музеѣ Академіи наукъ, ихъ, напр., цѣлый рядъ. Всѣ подобные уроды способны жить, такъ какъ у нихъ на лицо всѣ органы, необходимые для жизни; дѣло только въ томъ, что они умираютъ обыкновенно уже во время своего рожденія, вслѣдствіе слишкомъ затрудненныхъ родовъ, а родившіеся благополучно только въ рѣдкихъ случаяхъ остаются въ живыхъ. Близнецы бываютъ сращены еще и другими частями тѣла, какъ, напр. макушками, спинками, крестцами. Изъ уродовъ этой послѣдней категоріи особенно прославились венгерскія сестры, родившіяся нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и прожившія, если не

ошибаюсь, больше 20-ти-лѣтъ. Къ этой же категоріи относятся и живущія еще нынѣ мулатки Христина и Милія, извѣстныя также подъ названіемъ двуголоваго соловья и посѣтившія на 22-мъ году своей жизни Петербургъ и Москву, года два или три тому назадъ. Цѣлымъ рядомъ ученыхъ, въ томъ числѣ, напр., и Вирховомъ, установлено, что у послѣднихъ близнецовъ крестцовыя кости и вмѣстѣ съ тѣмъ нижнія части позвоночника, со включеніемъ спинного мозга, сращены въ одну общую массу, въ которой оканчиваются нервы всѣхъ четырехъ ногъ сестеръ-мулатокъ. Вслѣдствіе этого всякая боль, причиняемая любой изъ ногъ ихъ, ощущается въ равной мѣрѣ каждою изъ сестеръ. На самомъ дѣлѣ, раздраженіе ноги, уколомъ ли, щипкомъ или щекотаніемъ, передается посредствомъ нервовъ ноги прежде всего въ общую часть двухъ спинныхъ мозговъ, а отсюда какъ-бы вѣтвится на два тока, распространяясь по обособленнымъ верхнимъ частямъ двухъ спинныхъ мозговъ, и такимъ образомъ достигаетъ особо головного мозга какъ Христины, такъ и Миліи. Итакъ, соединеніе этихъ двухъ сестеръ—еще несравненно болѣе тѣсное, нежели сіамскихъ братьевъ. Онѣ еще съ бо́льшимъ правомъ составляютъ не два, а одно *недѣлимое*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ разъединеніе ихъ уже вполнѣ немыслимо: онѣ умерли бы подъ ножомъ и пилою оператора. Органическая связь двухъ сестеръ-мулатокъ сказывается и въ кровеносной системѣ. При обширности сращенія, у нихъ должно существовать и самое интимное сообщеніе между кровью, причемъ всякая частица ея можетъ попасть изъ одного организма въ другой; а такъ какъ кровь есть не что иное, какъ обращающаяся по тѣлу питательная жидкость, заимствующая матеріалы для своего обновленія и пополненія изъ пищи, то и питаніе близнецовъ должно быть до извѣстной степени общее, и всякій кусокъ пищи, съѣденный одною изъ сестеръ, косвенно приходится на пользу и другой.

Въ шестидесятыхъ годахъ, французскій ученый Поль Бэръ (Paul Bert) предпринялъ рядъ курьёзныхъ опытовъ, какъ онъ самъ выражается, надъ «животной прививкой». Ему удавалось приращивать крысамъ хвосты, только-что отрѣзанные отъ другихъ крысъ, и притомъ приращивать къ различнымъ частямъ тѣла. Кровеобращеніе въ приращенныхъ хвостахъ вполнѣ возстанавливалось въ связи съ чужимъ уже организмомъ. Въ хирургіи давно уже извѣстно, что плева, покрывающая кости и выдѣляющая костное вещество, можетъ быть перенесена съ одного животнаго на другое или на человѣка, причемъ прививается вполнѣ къ новому мѣсту, оживляется новыми кровеносными со-

судами и становится такимъ образомъ органическою частью чужого тѣла, продолжая выдѣлять кость, чѣмъ и можно пользоваться для возстановленія костей, утраченныхъ отъ какого-либо болѣзненнаго процесса. При операціи—такъ-называемой ринопластики, т.-е. приставленія искусственныхъ носовъ, въ особенности въ прежнія времена, хирурги приращивали руку паціента къ его лбу и затѣмъ приросшій лоскутокъ кожи отрѣзывали отъ руки и формовали изъ него носъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при посредствѣ надрѣза и хирургическаго шва весьма легко соединить между собою сращеніемъ два животныхъ организма, сдѣлать изъ двухъ особей какъ-бы одну. Предприняты ли кѣмъ-либо подобные опыты, я сказать не берусь, но что не предвидится никакой причины, по которой они были бы невозможны,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Сращенныя между собою лишь поверхностно кожею, два животныхъ, конечно, не могутъ считаться такимъ же двойственнымъ недѣлимымъ, какъ двуголовый соловей, но все же—до тѣхъ поръ, пока они опять не разлучены искусственно ножомъ,—представляются до извѣстной степени какъ-бы однимъ цѣлымъ, физіологическою единицею.

Крыса съ приросшимъ къ ней чужимъ хвостомъ, очевидно, уже не есть, въ строгости говоря, прежній индивидуумъ, но прежній индивидуумъ плюсъ посторонній органъ. Изъ этого уже проистекаетъ, что животная особь не представляетъ нѣчто совершенно опредѣленное, такъ сказать, замкнутое, къ которому ничего прибавить нельзя. Дальнѣйшія соображенія покажутъ, что отъ особи можно и отнять извѣстныя, иногда даже очень существенныя части, т.-е. докажутъ прямо дѣлимость такъ-называемаго недѣлимаго. Никто не перестаетъ называть индивидуумомъ человѣка, лишившагося на войнѣ или по какому бы то ни было несчастному случаю одной или даже всѣхъ конечностей, или же ушей, носа, или другихъ частей. Несмотря на то, что тѣло его подверглось дѣленію, жизненныя отправленія его въ сущности не пострадали, и онъ не перестаетъ подходить подъ категорію индивидуумовъ. Случается иногда, что животныя и дѣти рождаются безъ всѣхъ четырехъ конечностей. Въ академической коллекціи уродовъ есть и подобные новорожденные младенцы. Такіе уроды, обладая органами пищеваренія, кровеобращенія, дыханія и прочими органами, непосредственно необходимыми для жизни, несмотря на всю свою безпомощность, при надлежащемъ уходѣ, остаются въ живыхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на ярмаркѣ въ Лейпцигѣ, я имѣлъ случай видѣть такого рода человѣческій обрубокъ, подъ именемъ Бенноны Шрёдеръ. Несчастная дѣ-

вушка родилась въ саксонскомъ княжествѣ Рейссъ стар. линіи въ 1849 году, и имѣла, когда я ее видѣлъ, 21 годъ отъ роду. Послѣ рожденія ея былъ собранъ совѣтъ медиковъ, который и рѣшилъ большинствомъ голосовъ, что приговорить къ жизни такого урода было бы безчеловѣчно; однако владѣтельная княгиня, движимая чувствомъ состраданія и тѣмъ соображеніемъ, что головка ребенка отличалась пропорціональностью, настояла на томъ, чтобы онъ остался въ живыхъ. Состраданіе княгини, впрочемъ, распространялось, повидимому, только до глубины сердца, но не кошелька, иначе несчастному ребенку послѣ не приходилось бы на ярмаркахъ, въ убогой палаткѣ изъ парусины, подъ дождемъ и снѣгомъ выставлять на показъ свое уродство за жалкіе зильбергроши. Беннону я засталъ *сидящею* на стулѣ: короткихъ обрубковъ бедръ хватало только-что для сидѣнія въ мало устойчивомъ равновѣсіи. Она занималась шитьемъ, вышиваніемъ и вязаніемъ при помощи языка, губъ и зубовъ, съ изумительною ловкостью, причемъ работа или прикалывалась ею къ стоявшей на столѣ подушкѣ, или же помѣщалась на плечо, и тутъ отчасти придерживалась ничтожнымъ зачаткомъ плечевой части правой руки подъ видомъ округленно-цилиндрическаго тѣла, вершка въ два или три длиною. Плечевой зачатокъ лѣвой руки былъ еще короче. Нитку Беннона продѣвала въ иглу очень удачно. При этомъ она сначала втыкала иглу губами вертикально въ швейную подушку, и затѣмъ, губами же, продѣвала въ ушко нитку. Узелокъ на концѣ нитки она закручивала кончикомъ языка. До такой ловкости она дошла только путемъ долгаго упражненія, начиная съ шестилѣтняго возраста. На прощаніе она раздавала посѣтителямъ свой портретъ, на оборотѣ котораго надписывала, сравнительно, очень сноснымъ почеркомъ: «на память отъ Беннона Шрёдеръ, 1870», перомъ, которое держала въ зубахъ.

Какъ бы безпомощенъ ни былъ человѣкъ, лишенный конечностей, онъ, повторяю, все-таки признается нами человѣческой личностью, особью, и, несмотря на то дѣленіе, которому тѣло его подверглось,—недѣлимымъ, индивидуумомъ. Тяжкость увѣчья не достигла, стало быть, еще того предѣла, при которомъ утрачивается самое представленіе о животной особи. Этотъ послѣдній выводъ мотивируется, впрочемъ, еще и сравнительными опытами и наблюденіями, доказывающими, что утрата конечностей во многихъ случаяхъ—утрата вознаградимая. Кому не попадались за столомъ раки съ одной нормальной, а другой совершенно крошечной клешней; эти экземпляры раковъ когда-то нечаянно ли-

шились клешни или всей лапки, а на мѣсто ея впослѣдствіи начала выростать новая.

Возобновленіе утраченныхъ частей тѣла замѣчено не только у ракообразныхъ, но и у многихъ другихъ низшихъ животныхъ, между прочимъ и у насѣкомыхъ, и мало того, даже у животныхъ высшихъ. Для опытовъ въ этомъ родѣ служили по преимуществу тритоны или уколы, животныя, водящіяся и въ нашихъ прудахъ, болотахъ и озерахъ, содержимыя часто въ акваріяхъ, и извѣстныя народу также подъ названіемъ *водяныхъ ящерицъ*, хотя въ сущности только по общему виду напоминаютъ ящерицъ и принадлежатъ къ классу лягушекъ. У тритоновъ вы можете отрѣзать лапку или хвостъ—и эти части возобновляются; мало того, судя по одному старому указанію, у нихъ возобновляются и выколотые глаза, если только уцѣлѣли зрительный нервъ и хотя бы ничтожная часть сѣтчатой (нервной) оболочки глаза. Аристотель упоминаетъ о самопроизвольномъ возобновленіи вырѣзанныхъ глазъ даже у молодыхъ птицъ. Не знаю, провѣрено ли кѣмъ-либо въ новѣйшее время это указаніе.

Не только внѣшнія части тѣла, но и извѣстные внутренніе органы могутъ быть удалены операціей изъ тѣла безъ серьёзнаго ущерба физіологической цѣлости животнаго. Сюда относится, напримѣръ, селезёнка, вырѣзываемая особенно удачно у лягушекъ. Послѣ удаленія ея замѣчается ненормальное увеличеніе лимфатическихъ железъ и усиленное развитіе въ нихъ кровяныхъ шариковъ; такимъ образомъ, эти железы исключительно принимаютъ на себя ту физіологическую работу, которая до того времени приходилась и на долю селезёнки. Селёзенка—органъ, свойственный всѣмъ классамъ позвоночныхъ животныхъ, стало быть—характерный для ихъ индивидуума, а между тѣмъ индивидуальность особи не нарушается его удаленіемъ.

Замѣчательный примѣръ искусственной дѣлимости медузъ сообщается Геккелемъ. Медузы, морскія животныя, болѣе или менѣе студенистой консистенціи, по общей формѣ тѣла очень напоминающія то цѣлые грибы, съ ихъ шляпкой и ножкой, то только однѣ грибныя шляпки. Края шляпки часто усажены нитями, называемыми краевыми щупальцами. У извѣстныхъ видовъ медузъ Геккель изрѣзывалъ шляпку болѣе чѣмъ на сто частей, и каждый кусочекъ въ какихъ-нибудь два, много четыре дня разростался въ полную маленькую медузу. При этомъ необходимымъ условіемъ являлось лишь то обстоятельство, чтобы при всякомъ кусочкѣ находился хотя бы и небольшой отрѣзокъ шляпочнаго края медузы. Даже отдѣльное щупальце, при основаніи

котораго сохранилась лишь частичка этого края, въ нѣсколько дней образовало медузу. Еще поразительнѣе опытъ того же ученаго надъ другого рода медузами (гидромедузами). У нихъ онъ могъ разсѣкать на нѣсколько кусочковъ яйца, только-что начинавшія развиваться и превратившіяся всего въ кучку однообразныхъ клѣточекъ: при этомъ изъ каждаго кусочка яйца развивалось самостоятельное молодое животное (личинка).

Всѣ приведенные до сихъ поръ примѣры клонятся къ доказательству того, что индивидуальность животныхъ не есть нѣчто вполнѣ опредѣлительное: съ одной стороны, недѣлимое de facto болѣе или менѣе дѣлимо, а съ другой *два*, такъ-называемыхъ, недѣлимыхъ могутъ составлять de facto *одно* нераздѣлимое цѣлое. Однако вышеприведенные примѣры многимъ могутъ показаться неубѣдительными, такъ какъ касаются явленій ненормальныхъ, болѣзненныхъ (патологическихъ). Поэтому представимъ изъ животнаго царства другой рядъ фактовъ, въ доказательство шаткости понятія о недѣлимомъ, и притомъ,—фактовъ, которые относились бы до явленій не болѣзненныхъ, но нормальныхъ.

Многіе низшіе животные организмы самыхъ разнообразныхъ отрядовъ обладаютъ свойствомъ размножаться дѣленіемъ. На тѣлѣ ихъ образуется съуженіе, перехватъ, углубляющійся все больше и больше, покуда все животное не распадается, вдоль или поперекъ, на два самостоятельные организма. Этотъ способъ размноженія у иныхъ, простѣйшихъ, организмовъ есть единственный, у другихъ рядомъ съ нимъ существуютъ еще и другіе способы размноженія: кладка яицъ, образованіе отпрысковъ или почекъ, впослѣдствіи отдѣляющихся. Въ частности размноженіе самопроизвольнымъ дѣленіемъ проявляется въ очень разнообразныхъ видахъ. Наиболѣе простой наблюдается у животныхъ одноклѣтныхъ, разрывающихся прямо на двѣ половины, во всемъ сходныхъ между собою и отличающихся отъ первоначальнаго организма одною только меньшею величиною; но и она впослѣдствіи пополняется ростомъ. Это бываетъ, напримѣръ, съ амёбами,—организмами, представляющимися нерѣдко подъ видомъ простого, оживленнаго, микроскопическаго слизистаго комочка. Почти столь же просто совершается дѣло у такихъ животныхъ, у которыхъ, несмотря на сложность организаціи, расположеніе óрbuilding органовъ таково, что тѣло можетъ распасться въ извѣстномъ направленіи на двѣ половины, сходныя порознь съ материнскимъ организмомъ. Это наблюдается, напримѣръ, у актиній. Актиніи или морскіе анемоны, для подводнаго міра, для ландшафта на днѣ моря, то же, чтó цвѣты на нашихъ лугахъ и полянахъ. Не даромъ актиніямъ присвоено

поэтому названіе извѣстныхъ цвѣтковъ, такъ-называемыхъ анемонъ. Разноцвѣтное, иногда самыхъ яркихъ цвѣтовъ, тѣло ихъ цилиндрической формы, и усажено на переднемъ или верхнемъ концѣ великолѣпнымъ вѣнчикомъ листоватыхъ или нитевидныхъ лепестковъ. Лепестки эти суть щупальцы и служатъ для хватанія добычи: мягкотѣлыхъ, ракообразныхъ и другихъ животныхъ. Добыча вводится щупальцами въ находящійся какъ-разъ въ центрѣ между ними ротъ, и отсюда поступаетъ въ общую пищеварительную полость; все тѣло актиніи, въ сущности, цилиндрическій мѣшокъ, съ однимъ только ротовымъ отверстіемъ на одномъ изъ концовъ, между тѣмъ какъ другой конецъ составляетъ какъ-бы подошву, при помощи которой животное прикрѣпляется къ подводнымъ предметамъ и можетъ, хотя лишь очень медленно, переползать съ мѣста на мѣсто. Полость внутри мѣшка и есть полость пищеварительная. Во внутрь ея, съ внутренней поверхности, стѣнки вдаются лучеобразно по направленію къ центральной оси тѣла перегородки. Актиніи размножаются яйцами, но многія, кромѣ того, еще и чрезъ образованіе почекъ, а также чрезъ продольное дѣленіе. Этотъ-то послѣдній способъ размноженія и интересенъ для насъ. Представьте себѣ, что круглый первоначально ротъ животнаго удлинняется, принимаетъ овальную форму; сообразно этому сплющивается и все тѣло, получая видъ плоскаго цилиндра; на каждой изъ сплющенныхъ сторонъ цилиндра появляется по продольной, вертикальной бороздѣ, тянущейся отъ рта до подошвы. Борозды углубляются все болѣе и болѣе; наконецъ, встрѣчаются между собою, такъ что все тѣло разсѣкается вдоль на два замкнутыхъ цилиндра или два отдѣльныхъ животныхъ, такого же строенія, какъ и животное первоначальное. Тотъ же самый результатъ можетъ быть достигнутъ и искусственнымъ образомъ, при помощи разрѣза ножомъ или ножницами актиніи, не собиравшейся размножиться дѣленіемъ: края разрѣзанныхъ половинъ заворачиваются, сростаются — и двѣ молодыя актиніи готовы. — Вотъ первый примѣръ параллели между искусственнымъ, насильственнымъ и нормальнымъ явленіями. Существуютъ актиніи, въ подошвѣ и нижней половинѣ тѣла которыхъ происходитъ выдѣленіе извести, какъ-бы окаменѣніе. Такого рода актиніи обыкновенно прирастаютъ своею подошвой къ подводнымъ предметамъ и даютъ начало коралловымъ стволамъ. Происхожденіе послѣднихъ представить себѣ не трудно. По мѣрѣ ея роста, въ нижней половинѣ ея отлагается все больше и больше извести, она какъ-бы окаменѣваетъ; верхняя же половина, увѣнчанная ртомъ со щупальцами, остается

мягкою. Наступаетъ періодъ, когда на этой верхней половинѣ появляются съ двухъ противоположныхъ концовъ по продольной бороздѣ, ведущей затѣмъ къ расщепленію актиніи на двѣ дочернія актиніи; однако расщепленіе это можетъ дойти только до верхней границы окаменѣвшей части. Эта же часть остается неприкосновенной и составляетъ теперь общій стволъ съ двумя вѣтвями, подъ видомъ актиній. Послѣ сего, процессъ отложенія извести изъ общаго ствола распространяется и на его вѣтви, захватывая ихъ, положимъ, опять только до середины длины; затѣмъ верхніе, неокаменѣвшіе концы каждой актиніи, въ свою очередь, расщепляются на двѣ дщери; затѣмъ опять окаменѣніе, опять расщепленіе, и т. д., и т. д. Въ результатѣ получается цѣлое деревцо или кустикъ недѣлимыхъ, сидящихъ какъ цвѣты на вѣтвяхъ растенія, и всѣ они продукты дѣленія, происшедшіе, въ концѣ-концовъ, изъ одного только первоначальнаго недѣлимаго. Отсюда ясно, что животная особь не безусловно недѣлима, иначе пришлось бы всѣ актиніи, входящія въ составъ кораллового деревца, признать за одну только особь, хотя каждая изъ нихъ вполнѣ тождественна съ свободно-живущею актиніею, какъ по строенію, такъ и по физіологическимъ отправленіямъ. Все различіе лишь въ томъ, что способность передвиженія низведена до нуля. Впрочемъ, и это различіе нисколько не существенно, такъ какъ мы знаемъ цѣлый рядъ актиній, остающихся постоянно одиночными, и тѣмъ не менѣе выдѣляющихъ въ себѣ известковый кружокъ или стволикъ и прирастающихъ неподвижно къ подводнымъ предметамъ.

Какъ дальнѣйшій примѣръ животныхъ, размножающихся между прочимъ и чрезъ дѣленіе, можно указать на морскія звѣзды. Плоское звѣздообразное тѣло этихъ животныхъ покрыто кожею очень твердою, шершавою, отчасти, особенно по краямъ, усаженной шипами. Оно мало подвижно, содержитъ въ центрѣ пищеварительную полость и ротовое отверстіе, вокругъ которыхъ кольцеобразно расположены нервная и сосудистая система. Эти центральные органы даютъ по пяти отростковъ, простирающихся въ пять лучей звѣзды. Уже давнымъ-давно замѣчено, что если у извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, морскихъ звѣздъ отрѣзать одинъ, другой изъ лучей—разрѣзъ заживаетъ, на его мѣстѣ появляются бугорки, по числу утраченныхъ лучей. Бугорки эти, разростаясь все болѣе и болѣе, превращаются въ новые лучи. Съ другой стороны, столь же давно замѣчено, что, особенно у нѣкоторыхъ видовъ морскихъ звѣздъ, сплошь да рядомъ ловятся особи, у которыхъ одинъ или нѣсколько лучей замѣнены бугорками или

мелкими лучами. Въ берлинскомъ зоологическомъ музеѣ, уже въ 1867 году имѣлась цѣлая коллекція подобныхъ экземпляровъ. Тутъ были и такіе—съ четырьмя большими и однимъ маленькимъ лучемъ, и съ тремя большими и двумя маленькими, и съ двумя большими и тремя маленькими и, наконецъ, съ однимъ только большимъ и четырьмя маленькими. Притомъ маленькіе лучи представляли всевозможныя степени развитія, начиная отъ бугорка вплоть до значительныхъ размѣровъ, почти неуступавшихъ большимъ сосѣднимъ лучамъ. До послѣднихъ лѣтъ не знали, чѣмъ собственно объяснить подобнаго рода ненормальные экземпляры, но, въ виду извѣстной способности морскихъ звѣздъ воспроизводить отрѣзанные у нихъ лучи, склонялись къ тому мнѣнію, что экземпляры эти отъ какихъ-либо случайныхъ внѣшнихъ насилій лишились лучей и производятъ ихъ вновь — и лишь недавно, на кіевскомъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, А. О. Ковалевскій заявилъ о томъ, что ему удалось наблюдать въ акваріѣ самопроизвольной разрывъ морскихъ звѣздъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать размноженіе этихъ животныхъ дѣленіемъ. При этомъ способѣ размноженія, насъ поражаетъ, также какъ и у актиній, полная параллель между дѣленіемъ искусственнымъ, насильственнымъ и естественнымъ, самопроизвольнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ и существенное различіе, заключающееся въ томъ, что продукты дѣленія у актиніи представляются тотчасъ же подъ видомъ двухъ цѣлыхъ животныхъ, между тѣмъ какъ у звѣздъ они уже производятъ впечатлѣнія животныхъ не цѣлыхъ, а лишь болѣе или менѣе искалѣченныхъ, или даже просто оторванныхъ членовъ. Звѣзда можетъ распасться одновременно на столько частей, сколько въ ней лучей.

Въ столь разнообразномъ и многочисленномъ отдѣлѣ червей насчитывается цѣлый рядъ видовъ, размножающихся дѣленіемъ. При этомъ процессѣ тѣло животнаго распадается на два или болѣе отрѣзка, далеко нетождественныхъ по строенію. Въ каждой изъ нихъ первоначально вовсе недостаетъ извѣстныхъ органовъ и отдѣловъ тѣла, которые поэтому образуются въ нихъ лишь впослѣдствіи вновь. Такъ, при разрывѣ червя пополамъ у передней половины выростаетъ новый хвостъ, а у задней новая голова. Бываетъ и такъ, что эти части образуются уже заранѣе, еще до распаденія червя на отдѣльныя недѣлимыя. Представьте себѣ, что на протяженіи червя, положимъ—на срединѣ, тѣло утолщается, и на немъ выростаютъ глаза, щупальцы, словомъ сказать, обособляется цѣлая голова со всѣми ея внѣшними и внутренними частями. Спереди новой головы тѣло червя, напротивъ того,

съуживается, образуя новый хвостъ. Затѣмъ, на границѣ между вновь образовавшимися хвостомъ и головою червь разрывается, прямо распадаясь на два полныя дѣтеныша. Иногда процессъ этотъ усложняется тѣмъ, что на всемъ протяженіи червя вырастаетъ не одна, а послѣдовательно цѣлый рядъ головъ и хвостовъ, и тогда червь съ-разу можетъ распасться на множество особей.

Изъ числа животныхъ, особенно поучительныхъ въ дѣлѣ разбора вопроса о томъ, что̀ такое особь, не могу не указать еще на такъ-называемыхъ гидръ. Гидры длиною, въ растянутомъ состояніи, всего въ нѣсколько линій, много—въ дюймъ, а въ съёженномъ только съ булавочную головку; названіе же свое онѣ получили лишь благодаря свойству, подобно баснословной гидрѣ древности, возобновлять отрѣзанныя части тѣла. Наши прѣсноводныя гидры, водящіяся въ бо̀льшей части Европы, въ озерахъ, рѣкахъ и болотахъ, между прочимъ изрѣдка и около Петербурга, представляются, когда животныя растянуты, подъ видомъ яркозеленыхъ или бурыхъ палочекъ толщиною менѣе обыкновенной булавки. Одинъ конецъ нѣсколько съуживается, и этимъ концомъ гидра бываетъ прикрѣплена къ листьямъ и вѣтвямъ водяныхъ растеній и другимъ подводнымъ предметамъ; другой, противоположный конецъ увѣнчанъ расходящимися во всѣ стороны длинными, нитевидными лучами — щупальцами. Эти органы отличаются большою гибкостью и подвижностью. Ими гидра обхватываетъ мелкихъ ракообразныхъ и другихъ животныхъ, имѣвшихъ неосторожность къ ней приблизиться. (Щупальцы, замѣчу мимоходомъ, обладаютъ свойствомъ не только ловить и удерживать добычу, но и убивать ее при помощи ядовитаго для нея сока, заключающагося въ микроскопическихъ, такъ-называемыхъ крапивныхъ органахъ). Сложивъ добычу, гидра вводитъ ее тѣми же щупальцами въ пищеварительную полость. Полость эта начинается на переднемъ концѣ тѣла, въ серединѣ между щупальцами, и тянется вдоль всего тѣла, превращая его какъ-бы въ мѣшочекъ или трубочку. Таковъ общій видъ гидры.—Гидры служили неоднократно предметомъ самыхъ точныхъ изслѣдованій. Такъ, Тремблей еще въ серединѣ прошлаго столѣтія посвятилъ имъ монографію въ двухъ томикахъ и нѣсколько отдѣльныхъ статей. Трудами этого, а также многихъ другихъ ученыхъ, дознано, что гидры обладаютъ не менѣе какъ тремя способами размноженія, а именно: яйцами, почками и дѣленіемъ. Особыхъ половыхъ органовъ гидры не имѣютъ, а въ стѣнкахъ ихъ тѣла развиваются то тутъ, то тамъ отдѣльныя яйца. Зрѣлыя яйца отдѣляются и развиваются въ новое, молодое животное. Впрочемъ, этотъ спо-

собъ размноженія насъ въ данномъ случаѣ интересовать не можетъ, и я упомянулъ о немъ лишь мимоходомъ. Гораздо интереснѣе для насъ размноженіе самопроизвольнымъ дѣленіемъ. Оно совершается слѣдующимъ образомъ: на вытянувшейся гидрѣ, на какомъ либо мѣстѣ тѣла происходитъ утонченіе или перехватъ. Перехватъ, сначала лишь слегка обрисовывающійся, углубляется все болѣе и болѣе, становится совершенно тонкимъ, нитевиднымъ, и наконецъ, въ данномъ мѣстѣ гидра разрывается на двѣ части—переднюю и заднюю, или, если хотите такъ выразиться, головную и хвостовую. Затѣмъ обѣ части ведутъ уже самостоятельную жизнь и разростаются въ полныхъ животныхъ, причемъ у одной изъ нихъ выростаетъ недостающая новая ножка, у другой же ротъ со щупальцами. Этотъ способъ размноженія оказался крайне рѣдкимъ, и въ новѣйшее время описанъ не былъ; тѣмъ не менѣе авторитетъ нѣкоторыхъ, крайне точныхъ наблюдателей рѣшительно не даетъ возможности сомнѣваться въ фактическомъ его существованіи. Такого рода сомнѣнія были бы тѣмъ болѣе преувеличены, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершенно такое же размноженіе описано и на вновь открытой морской гидрѣ, отличающейся отъ нашихъ прѣсноводныхъ главнымъ образомъ только отсутствіемъ щупальцевъ. Да, кромѣ того, размноженіе гидры самопроизвольнымъ дѣленіемъ тѣмъ вѣроятнѣе, что искусственная дѣлимость ея, какъ уже выше мелькомъ замѣчено мною, фактъ вполнѣ достовѣрный. Нѣтъ ни одного животнаго, надъ которымъ было бы произведено столько послѣдовательныхъ, систематическихъ опытовъ надъ возобновленіемъ отрѣзанныхъ частей, какъ именно гидры. Въ особенности и вполнѣ заслуженно прославились при этомъ опыты уже названнаго выше Трамблея. Оказывается, что возрождаемость гидры еще гораздо значительнѣе, чѣмъ возрождаемость медузъ, изслѣдованныхъ Гекселемъ: можно разрѣзать гидру вкривь и вкось, вдоль и поперекъ, на два, на три или на очень много кусочковъ, и всякій изъ нихъ преобразовывается въ маленькую, полную гидру. Однако, дѣлимость такого рода свойство, съ которымъ мы уже познакомились на другихъ животныхъ; другое дѣло третій изъ способовъ размноженія гидры — почкованіе. На какомъ-либо мѣстѣ тѣла сбоку появляется маленькій выступъ или бугорокъ, который есть не что иное, какъ выпяченіе наружу стѣнки тѣла. Бугорокъ увеличивается, принимаетъ сначала видъ округленнаго конуса, а потомъ цилиндра, внутри съ полостью, представляющею вѣтвь и прямое продолженіе пищеварительной полости нашего животнаго. Но вотъ, вокругъ свободнаго конца того отпрыска,

происхожденіе котораго мы только, что прослѣдили, выростають маленькія утолщенія, въ видѣ кнопиковъ: утолщенія удлинняются, разростаются въ нитевидные щупальцы, совершенно такіе же, какими усаженъ передній конецъ тѣла гидры; а въ центрѣ между ними этотъ отпрыскъ продырявливается, и получается отверстіе, сообщающее его полость съ внѣшнимъ міромъ. Итакъ, мы видимъ, что въ общемъ результатѣ путемъ мѣстнаго выпячиванія стѣнки тѣла, на гидрѣ выросла такая же новая, молодая. Мать и дочь, вмѣстѣ взятыя, составляютъ пока еще одно цѣлое: не только стѣнки тѣла, но и пищеварительная полость матери переходятъ непосредственно въ тѣ же части дочери. Передъ нами не то одно, не то два животныхъ, что̀ выражается и на питаніи самой гидры и ея почки; всякая пища, добытая одною изъ нихъ, по причинѣ общности пищеварительной полости, приходится на пользу и другой, и притомъ еще въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, нежели у сросшихся близнецовъ Христины и Миліи, у которыхъ существуетъ лишь болѣе ограниченная связь кровеносныхъ сосудовъ. Родственная связь двухъ гидръ, конечно, другая, чѣмъ этихъ близнецовъ; онѣ мать и дочь, а не дѣти одной матери. Иная и окончательная судьба ихъ: сросшіяся мулатки на всю жизнь обречены составлять одно нераздѣльное цѣлое, гидры же впослѣдствіи разъединяются и ведутъ каждая совершенно отдѣльную жизнь. Разъединеніе ихъ происходитъ очень просто; такъ, ножка дочери, т.-е. нижній конецъ ея, переходящій непосредственно въ тѣло матери, образуетъ пережимъ, углубляющійся постепенно до полнаго разрыва, послѣ чего освободившаяся гидра-дочь пріискиваетъ себѣ собственное мѣсто прикрѣпленія на какомъ-либо подводномъ предметѣ. При обильной пищѣ, на тѣлѣ гидръ сплошь да рядомъ выростаетъ одновременно не по одной, а по нѣсколько, до пяти почекъ или молодыхъ гидръ; бываетъ и то, что эти молодыя, не успѣвъ еще отдѣлиться отъ материнскаго организма, въ свою очередь даютъ начало новому поколѣнію гидръ, тѣмъ же почкованіемъ, а эти внуки опять-таки производятъ дѣтенышей. Такимъ образомъ, получается цѣлый развѣтвленный кустикъ изъ гидръ, принадлежащихъ къ двумъ, тремъ или даже четыремъ поколѣніямъ. Лишь впослѣдствіи мѣста соединенія особей, составляющихъ стволикъ и вѣтви этого кустика, съуживаются кольцеобразно, сообщающія отверстія вполнѣ замыкаются, и кустикъ разваливается на свои составныя части, на бо̀льшее или меньшее число гидръ, начинающихъ вести уже самостоятельную жизнь. При благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. если погода теплая, свѣтлая, и въ банкѣ, въ которой наблюдаются

гидры, плаваетъ большое множество мелкихъ животныхъ, служащихъ имъ пищею, весь только-что описанный процессъ превращенія одной гидры въ цѣлую колонію, въ видѣ кустика, и послѣдующее распаденіе колоніи на отдѣльныя особи—совершаются въ какихъ нибудь два, три дня. Однако, въ противоположность этому, особенно при дурныхъ условіяхъ питанія, удавалось въ исключительныхъ случаяхъ сохранять разъ образовавшуюся колонію гидръ въ цѣлости болѣе полугода. При этомъ замѣчался рядъ явленій, въ высокой степени интересныхъ въ дѣлѣ оцѣнки вопроса объ индивидуальности животныхъ,—а именно обратное развитіе колоніи гидръ, редукція ея до первоначальной одиночной гидры. Это происходило слѣдующимъ образомъ. Вся колонія уменьшалась, отдѣльные членики ея, гидры, укорачивались сначала до того, что превращались въ кружочекъ со щупальцами, расходящимися во всѣ стороны, подобно спицамъ колеса; затѣмъ и самые щупальцы стали укорачиваться, всасываться, и притомъ не всѣ равномѣрно; но случалось, что всѣ уже уничтожились, за исключеніемъ одного еще довольно длиннаго. По исчезновеніи послѣднихъ слѣдовъ щупальцевъ, отъ гидры оставался только ничтожнѣйшій бугорокъ; но и этотъ, въ концѣ-концовъ, уничтожался безъ слѣда. Это исчезновеніе особей колоніи гидръ происходило въ порядкѣ, обратномъ ихъ зарожденію: сначала всасывались гидры наиболѣе молодого поколѣнія, образовавшіяся позже остальныхъ, затѣмъ предшествовавшія имъ по времени происхожденія и т. д.; родоначальница же всей колоніи оставалась почти безъ измѣненій въ величинѣ, и возстанавливалась опять въ видѣ прежняго простого, одиночнаго существа. Гдѣ же послѣ этого строгая граница между однимъ и многими животными недѣлимыми?

Актиніи, входящія въ бо́льшемъ или меньшемъ числѣ въ составъ кораллового ствола, равно какъ и гидры, временно образующія кустикъ, имѣютъ между собою то общее, что всѣ похожи между собою, однородны. Въ противоположность этому, существуютъ и сочетанія животныхъ, между собою неоднородныхъ. Въ особенно рѣзкой формѣ это имѣетъ мѣсто у такъ-называемыхъ трубчатниковъ или сифонофоръ. Эти животныя сродственны съ медузами и, подобно имъ, водятся въ моряхъ, плавая на поверхности воды. Изъ одного яйца этихъ животныхъ развивается, послѣдовательно, при помощи почкованія, подобнаго почкованію гидръ, сочетаніе чрезвычайно многихъ частей весьма разнообразнаго строенія и отправленія, отчасти очень сходныхъ со свободно живущими медузами. Эти части большинствомъ ученыхъ

принимаются за животныя особи, видоизмѣнившіяся и упростившіяся въ силу принципа раздѣленія труда, такъ что однѣ служать исключительно для плаванія, другія для ловли добычи, третьи для пищеваренія, четвертыя для размноженія и т. д. Но нѣкоторые ученые, напротивъ, придерживаются того мнѣнія, что всѣ части сифонофоры суть не болѣе какъ органы, а цѣлая сифонофора вмѣстѣ съ тѣмъ простое, одиночное животное. Эти самыя противорѣчія весьма характерны, служа подтвержденіемъ доказываемой въ настоящемъ очеркѣ мысли, что строгое опредѣленіе животной особи затруднительно. Что касается спеціально сифонофоръ, то на мой взглядъ и то и другое мнѣніе имѣетъ за себя извѣстные аргументы; они оба справедливы въ равной мѣрѣ. Кому неизвѣстны картинки, которыя, смотря по тому, откуда на нихъ глядѣть, представляютъ два различныхъ предмета: сначала, напр., вы видите передъ собою съ полною ясностью портретъ Наполеона III, а перевернувъ картинку, передъ вами изображеніе какого-либо домашняго животнаго изъ числа тѣхъ, названіе которыхъ примѣняется къ людямъ не всегда безнаказанно. De facto, передъ нами вѣдь *одна только* картинка, все та же, прежняя, т.-е. листокъ бумаги, испещренный черточками: она получаетъ только различное значеніе, смотря по нашей личной точкѣ зрѣнія. Явленія, предметы природы могутъ быть уподоблены именно такимъ картинкамъ; они имѣютъ реальное существованіе, но существованіе совершенно независимое отъ какихъ бы то ни было толкованій, рубрикъ, системъ, категорій; принадлежность ихъ къ таковымъ есть фикція или слѣдствіе операціи нашего ума, а потому и не имѣетъ безусловнаго значенія. Фактъ, истина, вѣчно неизмѣнны, а между тѣмъ теоріи, ученія, классификаціи столь часто мѣняются: ключъ къ этому (конечно, вмѣстѣ, съ увеличеніемъ массы фактовъ) заключается въ перемѣщеніи точки зрѣнія, подъ вліяніемъ чего одни и тѣ же предметы или явленія представляются уже совершенно иными, точно также какъ и картинка, дающая нѣсколько различныхъ изображеній, смотря потому, откуда на нее смотришь. Такимъ образомъ, повторяю, въ природѣ не существуетъ ни органовъ, ни недѣлимыхъ, ни колоній недѣлимыхъ, въ смыслѣ нашихъ учебниковъ: все это рубрики, созданныя человѣческимъ умомъ, подъ которыя мы подводимъ, подтасовываемъ извѣстныя проявленія природы. Природѣ нѣтъ дѣла до нашихъ понятій и классификацій. «Естественная классификація, — восклицаетъ Гёте, — противорѣчивое въ самомъ себѣ выраженіе!» Становясь на эту, мнѣ кажется, единственно раціональную точку зрѣнія, и вопросъ

о томъ: суть ли отдѣльныя составныя части сифонофоры особи или органы, а самыя сифонофоры—колоніи или простыя животныя, теряетъ значеніе по своему существу, и за нимъ остается значеніе лишь формальное, такъ какъ требуется доказать, насколько и въ какихъ случаяхъ отдѣльныя части сифонофоръ ближе подходятъ къ типу органа и въ какихъ къ типу особи.

Говоря въ общежитіи объ индивидуумѣ безъ ближайшаго опредѣленія, всегда подразумѣваютъ индивидуумъ человѣческій. Это уже указываетъ на то, что человѣческій индивидуумъ можетъ считаться нормой, прототипомъ индивидуума вообще. Мы уже указали на увѣчья, переносимыя человѣческимъ тѣломъ безъ уничтоженія индивидуальности, и вмѣстѣ съ тѣмъ и на дѣлимость человѣческаго недѣлимаго. Теперь остается показать, что и нормальное человѣческое тѣло есть нѣчто сложное, составленное изъ частей, могущихъ претендовать на названіе недѣлимыхъ.

Наше тѣло есть сочетаніе извѣстнаго числа органовъ, которымъ свойственны различныя физіологическія отправленія. Такъ, мы одарены органами пищеваренія, кровеобращенія, дыханія, выдѣленія, движенія, чувствованія и размноженія. Къ органамъ пищеваренія относятся такіе-то органы (ротъ, глотка, пищеводъ, желудокъ, кишки, слюнныя железы, печень и пр. и пр.), къ органамъ кровеобращенія такіе-то и т. д. Кто не знаетъ этихъ элементарныхъ фактовъ? Переберите мысленно всѣ органы человѣческаго тѣла, и вы не будете въ состояніи указать ни на одинъ, который составлялъ бы необходимую принадлежность всякаго, какого бы то ни было, животнаго недѣлимаго. Возьмите даже органы, безъ которыхъ тѣло человѣческое немыслимо, хотя бы кишечный каналъ: существуетъ множество животныхъ, необладающихъ кишечнымъ каналомъ, лишенныхъ даже вовсе органовъ пищеваренія. Я уже не говорю о самыхъ низшихъ животныхъ, а желалъ бы вамъ напомнить о многихъ глистахъ. Такъ, солитеръ, водящійся въ кишечномъ каналѣ человѣка, не имѣетъ и слѣда пищеварительныхъ органовъ. Солитеръ находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ пищевыми экстрактами, приготовляемыми его «хозяиномъ». Эти экстракты просачиваются на всей поверхности солитера во внутрь его плоскаго, тонкаго тѣла. При такихъ выгодныхъ условіяхъ питанія это животное можетъ обойтись и безъ пищеварительныхъ органовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не имѣетъ и никакихъ приспособленій для хватанія добычи, не имѣетъ конечностей, которыя соотвѣтствовали бы нашимъ рукамъ или ногамъ; оно лишено сердца и кровеносныхъ сосудовъ, легкихъ, органовъ чувствъ, и даже существованіе какой бы то ни было

нервной системы находится покуда еще подъ сильнымъ сомнѣніемъ. Если мы, несмотря на все это, считаемъ отдѣльную глисту, подобную солитеру, особью, то, очевидно, мы мѣримъ индивидуальность ея совершенно другою мѣркою, нежели индивидуальность человѣка; на самомъ дѣлѣ, отнявъ у человѣческаго индивидуума всѣ органы, недостающіе солитеру, мы уничтожили бы и самый человѣческій индивидуумъ [1]).

Существуютъ животныя, у которыхъ число органовъ сокращено еще гораздо болѣе, доведено чуть не до одного только. Такъ, иные паразиты состоятъ какъ-бы всего-на-все изъ органа размноженія, имѣя видъ мѣшка, набитаго яйцами. Примѣромъ подобнаго животнаго можетъ считаться т.-наз. саккулина, имѣющая видъ овальнаго, бѣлаго, мягкаго мѣшочка, величиною съ горошину или лѣсной орѣхъ и прикрѣпленнаго обыкновенно подъ хвостомъ морскихъ раковъ. Въ молодости подобныя животныя одарены всевозможными органами, плаваютъ свободно, сами пріискиваютъ себѣ пищу, и лишь впослѣдствіи, прикрѣпившись къ другому животному, живутъ уже чужимъ трудомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ и способность къ самодѣятельности, утрачивая одинъ органъ за другимъ. Вся дѣятельность ихъ ограничивается произведеніемъ потомства: органы размноженія получаютъ громадное развитіе на счетъ всѣхъ остальныхъ, уничтожившихся болѣе или менѣе совершенно. Если желаемъ, сообразно логикѣ, мѣрить индивидуальность различныхъ животныхъ на одну и ту же мѣрку, то въ такомъ случаѣ или только саккулина, или же только человѣкъ особь, такъ-какъ саккулина не соотвѣтствуетъ цѣлой человѣческой особи, а лишь одному изъ ея органовъ.

Органъ человѣческаго тѣла, да и всякаго животнаго тѣла вообще, въ свою очередь можетъ быть разсматриваемъ какъ организмъ сложный, такъ какъ состоитъ изъ клѣточекъ. Клѣточки эти почти всегда микроскопической величины. Можно составить

[1]) Здѣсь я говорю о солитерѣ, какъ о простомъ животномъ, несмотря на то, что большинство зоологовъ считаютъ его сочетаніемъ многихъ животныхъ, колоніею, а всякій членикъ лентообразнаго тѣла за животную особь. Приверженцы этого взгляда пусть подразумѣваютъ въ моемъ изложеніи подъ словомъ „солитеръ" одинъ только его членикъ, и тогда и для нихъ приведенныя разсужденія окажутся справедливыми. Впрочемъ, ленточные глисты представляютъ хорошій примѣръ для подтвержденія мысли о шаткости понятія о животной особи. На самомъ дѣлѣ у солитера раздѣленіе всего тѣла на членики (отдѣльныя животныя, троглоттиды) рѣзко выражено, между тѣмъ какъ у Triaoгophorus лишь неявственныя съуженія, а у Ligula одно только повтореніе органовъ размноженія внутри общаго, вовсе нерасчлененнаго тѣла указываетъ на составъ его изъ нѣсколькихъ члениковъ. Отсюда одинъ только шагъ къ простому животному изъ рода Caryophyllaeus.

себѣ приблизительное понятіе о численности клѣточекъ, входящихъ въ составъ, наприм., нашего собственнаго тѣла. Прямымъ счисленіемъ тутъ, правда, никакого результата достичь нельзя, но можно достичь его вычисленіями, кладя въ основаніе ихъ цифры, извѣстныя для крови. Существуютъ очень остроумные и вмѣстѣ съ тѣмъ простые методы для приблизительнаго опредѣленія числа клѣточекъ (такъ-называемыхъ шариковъ), заключающихся въ крови. При помощи этихъ методовъ дознано, что количество кровяныхъ шариковъ въ одномъ кубическомъ миллиметрѣ нашей крови, т.-е. въ капелькѣ крови величиною, примѣрно, съ булавочную головку, около 5,000,000. Помножая это число на все количество крови взрослаго человѣка, выраженное въ миллиметрахъ, получаемъ, что въ составъ одной только крови входитъ около 23,000 милліардовъ клѣточекъ. Далѣе извѣстно, что кровь составляетъ по вѣсу приблизительно $^1/_{13}$ часть всего тѣла; поэтому, помножая число кровяныхъ клѣточекъ на 13, мы и получимъ общее число клѣточекъ во всемъ тѣлѣ взрослаго человѣка, а именно около 300,000 милліардовъ. Ясно, что такого рода вычисленіе далеко и далеко не можетъ претендовать на строго научное значеніе, ибо основано на недоказанномъ предположеніи, что во всѣхъ органахъ человѣческаго тѣла на всякую вѣсовую единицу приходится среднимъ числомъ столько же клѣточекъ, какъ и въ крови. Но допустимъ даже, что найденная нами, при нашемъ приблизительномъ вычисленіи, цифра въ 10, даже въ 100 разъ больше дѣйствительной, то и тогда еще количество клѣточекъ человѣческаго организма громадно, и далеко превышаетъ милліардъ—цифру населенія человѣкомъ земного шара.

Сравненіе числа клѣточекъ нашего тѣла съ численностью народонаселенія земного шара я привожу не безъ умысла, такъ какъ каждая клѣточка въ отдѣльности можетъ быть уподоблена цѣлому организму. На самомъ дѣлѣ, она обладаетъ всѣми основными отправленіями цѣлаго сложнаго организма. Для ознакомленія съ общими свойствами клѣточекъ, присмотримся къ каплѣ крови подъ микроскопомъ. Капля эта оказывается состоящей изъ свѣтлой, прозрачной жидкости въ очень ничтожномъ количествѣ и громадной массѣ клѣточекъ, столь тѣсно сближенныхъ, что вся капля крови представляется нашему взору подъ видомъ какъ-бы кашицы. При разбавленіи капельки крови свѣжимъ куринымъ бѣлкомъ или другою жидкостью, нисколько не измѣняющею свойства крови, съ легкостью можно изолировать кровяныя клѣточки и присмотрѣться къ ихъ анатомическимъ и физіологическимъ свойствамъ. Громадное большинство ихъ слегка

красновато (чѣмъ въ массѣ обусловливается ярко-красный цвѣтъ крови), и представляется въ видѣ плоскихъ кружочковъ; меньшинство же кровяныхъ клѣточекъ безцвѣтно и шарообразной формы. Каждая, и притомъ не только безцвѣтная, какъ думали до послѣдняго времени, но, по всей вѣроятности, и красная кровяная клѣточка, внутри себя содержитъ небольшое, кругловатое тѣло—ядро. Главная химическая составная часть кровяныхъ, да и вообще всякой клѣточки—бѣлковинныя вещества, консистенція ихъ отнюдь не твердая, но средняя между твердой и жидкой, полужидкая, слизистая, студенистая. Только благодаря этой консистенціи и возможны тѣ жизненныя отправленія, кои замѣчаются на кровяныхъ клѣточкахъ. Кровяныя клѣточки питаются; онѣ обладаютъ обмѣномъ веществъ, всасываютъ со своей поверхности жидкія питательныя вещества и на поверхность же выдѣляютъ вещества разложившіяся, болѣе для нихъ негодныя. Какъ прямой результатъ питанія, являются, съ одной стороны, сохраненіе клѣточекъ въ цѣлости, безъ разложенія или гніенія, а съ другой—увеличеніе въ объемѣ, ростѣ. Далѣе, клѣточки обладаютъ самостоятельной подвижностью: онѣ вытягиваются то тутъ, то тамъ въ отростки самаго разнообразнаго вида, втягиваютъ ихъ опять, даютъ новыя, отклоняются самымъ различнымъ образомъ отъ первоначальной формы, расплываются, опять возвращаются къ этой формѣ. Обтекая или обхватывая своими отростками какія бы то ни было инородныя крупинки, кровяные шарики перемѣщаютъ ихъ во внутрь своего тѣла, какъ-бы поѣдаютъ ихъ. Если крупинка удобоварима, то растворяется кровянымъ шарикомъ, если же неудобоварима, то при случаѣ опять выталкивается вонъ, безъ измѣненія. Такимъ образомъ случается, что безцвѣтныя кровяныя тѣльца пожираютъ красныя. Отклоняясь отъ первоначальной формы, расплываясь, кровяныя клѣточки переливаются всѣмъ своимъ веществомъ съ мѣста на мѣсто—онѣ ползутъ. Ползутъ онѣ не только въ препаратѣ подъ микроскопомъ, но и въ живомъ тѣлѣ. Здѣсь онѣ сплошь да рядомъ выползываютъ изъ кровеносныхъ сосудовъ черезъ ихъ стѣнки и предпринимаютъ болѣе или менѣе далекія странствованія по сосѣднимъ органамъ. Подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія, механическаго, электрическаго, температурныхъ колебаній, кровяныя клѣточки, принявшія неправильный видъ, втягиваютъ всѣ свои отростки, возвращаются къ первоначальному виду—онѣ, стало быть, *ощущаютъ* эти раздраженія, т.-е. обладаютъ чувствованіемъ, хотя бы и не въ смыслѣ ощущенія сознательнаго. Наконецъ, кровяныя клѣточки могутъ

еще и размножаться: выпуская отростки и отклоняясь самымъ различнымъ образомъ отъ первоначальной формы, онѣ при случаѣ образуютъ съуженныя мѣста, въ которомъ легко происходитъ при дальнѣйшемъ движеніи разрывъ. Послѣ этого обѣ части клѣточки продолжаютъ двигаться, рости и проч. уже самостоятельно, составляя двѣ отдѣльныя клѣточки. Питаніе, движеніе, чувствованіе и размноженіе—эти основныя отправленія всякаго, какого бы то ни было, сложнаго организма—существуютъ, стало-быть, уже и у кровяной клѣточки [1]); точь-въ-точь то же самое справедливо и для органической клѣтки вообще: всякая, какая бы то ни была клѣточка, по-крайней-мѣрѣ въ молодости, обладаетъ всѣми основными отправленіями цѣлаго организма, есть организмъ въ маломъ видѣ, или, какъ часто выражаются, *элементарный организмъ*. Описанныя проявленія жизнедѣятельности клѣточекъ совершаются, какъ уже сказано, не только внутри животнаго, но и внѣ его, подъ микроскопомъ, между двумя стеклышками. Удается сохранять клѣточки внѣ организма живыми и наблюдать движеніе и размноженіе въ теченіи не только часовъ, но и нѣсколькихъ сутокъ. Наливая кровь (опытъ сдѣланъ надъ кровью лягушки) въ часовое стеклышко, и предохраняя ее отъ высыханія и гніенія, удается наблюдать въ ней увеличеніе числа безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣточекъ путемъ дѣленія. Подобнымъ фактомъ доказывается лучше всего значительная самостоятельность клѣточекъ. Эти же факты наводятъ и на мысль о томъ, что, угадавъ надлежащія внѣшнія условія, можно содержать заимствованныя изъ животнаго организма клѣточки и внѣ организма неопредѣленное время, и онѣ будутъ жить и размножаться вполнѣ, какъ самостоятельныя существа.

Существуютъ низшіе организмы, какъ, напр., упомянутыя уже выше амёбы, которыя во всѣхъ отношеніяхъ, и по виду, и по физіологическимъ отправленіямъ, до того сходны съ безцвѣтными кровяными клѣточками, что различить ихъ нѣтъ никакой возможности. Такихъ амёбъ, одноклѣтныхъ, низшихъ орга-

---

[1]) Я тутъ не сдѣлалъ различія между красными и безцвѣтными кровяными клѣточками, и при описаніи физіологическихъ свойствъ придерживался главнымъ образомъ безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣточекъ. Въ сущности, и на красныхъ замѣчается то же самое, только въ менѣе рѣзкомъ видѣ: красныя суть клѣточки болѣе старыя, менѣе дѣятельныя, и относятся къ бѣлымъ, какъ человѣкъ пожилой, притупившійся, къ молодому, полному энергіи. Красныя кровяныя клѣточки, хотя, быть можетъ, и не человѣческія, а другихъ животныхъ, между прочимъ и размножаются дѣленіемъ. (См. мою работу о Sipunculus nudus, въ „Трудахъ 2-го Съѣзда Естествоисп.“).

низмовъ можно найти въ любой почти стоячей водѣ во множествѣ. Натуръ-философы прежнихъ временъ между прочимъ сочинили теорію, по которой всякій сложный организмъ состоитъ изъ безчисленнаго количества мельчайшихъ существъ, монадъ. Какъ бы обрадовались эти философы, еслибъ могли въ настоящее время снова вернуться на нашу землю и познакомиться съ современной теоріей клѣточки! Какъ бы торжествовалъ между прочимъ и знаменитый поэтъ, философъ и натуралистъ Гёте, видя столь блестящее подтвержденіе своему глубокомысленному изреченію: «Всякое оживленное существо не есть нѣчто единичное, но множественное; даже поскольку оно представляется намъ индивидуумомъ, оно все-таки остается собраніемъ оживленныхъ, самостоятельныхъ существъ» [1]).

Каждая амёба, въ отдѣльности взятая, претендуетъ на названіе особи или недѣлимаго, и дѣйствительно имъ и обозначается точно такъ же, какъ и каждый изъ насъ; а между тѣмъ человѣкъ или амёба индивидуумы крайне различнаго достоинства. Строго говоря, понятія объ индивидуальности человѣка и объ индивидуальности амёбы исключаютъ одно другое; ибо, если признать амёбу за цѣлый индивидуумъ, то человѣкъ является уже цѣлымъ сочетаніемъ десятковъ тысячъ милліардовъ индивидуумовъ; — или, наоборотъ, если человѣкъ индивидуумъ, то амёба лишь одна десяти-тысяче-милліардная часть индивидуума.

Но, признавая, положимъ, человѣка за сложную особь, можно ли усматривать въ клѣточкѣ, въ амёбѣ, особь простую, *индивидуумъ*, нѣчто недѣлимое въ буквальномъ смыслѣ этого слова? Вовсе нѣтъ. Мы уже видѣли, что клѣточка, амёба размножаются дѣленіемъ: т.-е. онѣ сами собою разрываются, и каждая половина продолжаетъ жить какъ цѣлое недѣлимое. Нерѣдко амёба распадается не на двѣ, а на бóльшее число частей, или отдѣляетъ отъ себя мелкія частички, которыя также продолжаютъ двигаться, рости, и наконецъ размножаться. Случается въ противоположность этому, что два или болѣе амёбообразныхъ организма, встрѣтившись своими отростками, сливаются и образуютъ уже одну особь. Это сліяніе можетъ быть достигнуто и искусственнымъ путемъ чрезъ сближеніе амёбъ иглою, подобно тому, какъ иглою можно заставить слиться двѣ капельки жира,

---

[1]) „Jedes Lebendige ist kein Einzelnes, sondern eine Mehrheit; selbst insofern es uns als Individuum erscheint, bleibt es doch eine Versamlung von lebendigen, selbständigen Wesen".

плавающія на тарелкѣ супа. Точно также и распаденіе амёбы на множество ей подобныхъ самостоятельныхъ, мелкихъ амёбъ, можетъ быть произведено искусственно растерзаніемъ ея иглами. И гдѣ при этомъ предѣлъ дѣлимости? Какъ бы малы ни были кусочки, сами отдѣляющіеся отъ амёбы или же отдѣляемые нами отъ нея искусственно, они продолжаютъ проявлять тѣ же жизненныя свойства, какъ и цѣлая амёба. Отсюда проистекаетъ, что свойства эти не присущи клѣточкѣ, какъ опредѣленному анатомическому цѣлому, а просто присущи органическому ея веществу. Поэтому любая частичка вещества этого, величиною хотя бы чуть-ли не съ атомъ, можетъ претендовать на названіе животнаго (или вообще органическаго) индивидуума; такъ что въ данномъ случаѣ очень близко соприкасаются, даже почти-что совпадаютъ, два крайне-различныхъ понятія, именно—объ индивидуумѣ и атомѣ, изъ которыхъ послѣднее, какъ извѣстно, употребляется для обозначенія мельчайшихъ, по представленію физиковъ, уже болѣе недѣлимыхъ частицъ вещества. По этому поводу нельзя не припомнить, что столь различныя, по современному значенію, слова «индивидуумъ» и «атомъ» первоначально обозначали буквально то же самое, только на двухъ различныхъ древнихъ языкахъ.

Въ заключеніе вернемся къ нашей точкѣ исхода и вновь припомнимъ обычное, общепринятое опредѣленіе животнаго недѣлимаго, съ цѣлью еще разъ взвѣсить его критически при помощи только-что изложенныхъ фактовъ и размышленій.

Цѣлостность, нераздѣльность—эта, повидимому, основная, наиболѣе характерная черта — животнаго индивидуума, есть нѣчто довольно условное. Правда, животный индивидуумъ производитъ на насъ въ большинствѣ случаевъ впечатлѣніе законченнаго, закругленнаго, стройнаго цѣлаго; тѣмъ не менѣе выводить отсюда недѣлимость индивидуума, очевидно, нельзя даже и для высшихъ животныхъ и человѣка, могущихъ вообще служить прототипомъ животныхъ особей. Это доказывается, съ одной стороны, случаями естественнаго и искусственнаго удаленія внѣшнихъ и внутреннихъ частей животнаго тѣла, а съ другой прививкою тѣлу частей чужого организма, причемъ особь все-таки остается особью. То же самое доказывается и самостоятельнымъ дѣленіемъ многихъ животныхъ при размноженіи.

Примѣры двойныхъ уродовъ, сложныхъ особей или колоній трубчатниковъ, кораллов, гидры, показываютъ, что два или болѣе недѣлимыхъ могутъ представлять временно или же постоянно одно

неразрывное цѣлое, — въ буквальномъ смыслѣ слова *одно недѣлимое*. При этомъ часто нельзя указать границъ между отдѣльными особями, которыя къ тому же нерѣдко, за недостаткомъ извѣстныхъ органовъ, вовсе не могутъ вести самостоятельной жизни. Отсюда проистекаетъ, что и существованіе самостоятельное, независимое отъ другихъ, подобныхъ существъ не составляетъ безусловно характернаго признака любого животнаго индивидуума.

Далѣе, всякій индивидуумъ изъ числа какъ высшихъ, такъ и большинства низшихъ животныхъ, составленъ изъ частей, которыя могутъ сами претендовать на значеніе индивидуумовъ. Такъ, подъ категорію индивидуумовъ могутъ быть подведены отдѣльные органы высшаго животнаго, на томъ основаніи, что существуютъ самостоятельныя низшія животныя какъ-бы объ одномъ только органѣ. Органы въ свою очередь составлены изъ клѣточекъ, представляющихъ сами по себѣ организмы въ маломъ видѣ, что доказывается присутствіемъ въ каждой изъ нихъ основныхъ физіологическихъ отправленій организма и значительною степенью самостоятельности, а также существованіемъ въ природѣ чрезвычайно многихъ видовъ организмовъ одно-клѣтныхъ. Однако и клѣточка не можетъ считаться простѣйшею единицею, *недѣлимымъ* въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ибо въ свою очередь состоитъ изъ однообразныхъ частицъ вещества, одаренныхъ тѣми же физіологическими свойствами, какъ и вся клѣточка.

Итакъ, оказывается не только, что всякій животный индивидуумъ есть нѣчто болѣе или менѣе сложное и дѣлимое, но что существуютъ и различныя степени усложненія животныхъ особей, недозволяющія измѣрять всѣхъ ихъ одной и той же мѣркой и дать имъ общее опредѣленіе. Въ виду этого, Геккелемъ и другими сдѣланы попытки установленія нѣсколькихъ категорій животныхъ недѣлимыхъ, подчиненныхъ одна другой. На основаніи предъидущихъ нашихъ разсужденій, мы могли бы признать пять такихъ категорій, а именно: частичку органическаго вещества, клѣточку, органъ, лицо (въ смыслѣ отдѣльнаго человѣка и подобной ему животной единицы) и, наконецъ, сложное животное или колонію, т.-е. сочетаніе особей, составляющихъ одно цѣлое и утратившихъ въ бо́льшей или меньшей степени самостоятельность. Одно и то же животное во время своего развитія можетъ пробѣгать послѣдовательно нѣкоторыя изъ этихъ категорій. Такъ, представляясь первоначально подъ видомъ клѣточки (клѣточки яйцевой), оно впослѣдствіи усложняется, превращаясь въ многоклѣтный, единич-

ный органъ какъ-бы подъ видомъ желудочка (gastrula), далѣе въ индивидуумъ уже изъ цѣлаго ряда органовъ—«лицо» и, наконецъ, даже еще въ колонію. Такимъ образомъ, животное перебирается какъ-бы постепенно со ступени на ступень, и съ перваго раза кажется страннымъ, что въ подобныхъ категоріяхъ животныхъ особей человѣкъ стоитъ не на высшей ступени, и какіе-нибудь коралловые кустики или трубчатники занимають ступень выше его. Однако, одною принадлежностью какого-нибудь предмета къ высшему разряду еще не доказывается его превосходство надъ всѣми членами разряда низшаго. Въ данномъ случаѣ для всякаго ясно, что каждый отдѣльный органъ человѣка, не говоря уже о всемъ его тѣлѣ, устроенъ несравненно сложнѣе цѣлой колоніи трубчатниковъ.

Попытка подвести животныя особи подъ нѣсколько категорій, конечно, не рѣшаетъ вопроса о томъ, что такое животное недѣлимое, а вѣрнѣе—обходитъ его; тѣмъ болѣе, что всякія категоріи животной индивидуальности оказываются, если ближе вникнуть въ дѣло, вовсе не строгими, и между всѣми ими замѣчаются промежуточныя, переходныя звенья.

Представленіе о животной особи есть нѣчто въ частности измѣнчивое, а потому въ строгости неопредѣлимое: вотъ тотъ общій результатъ, къ которому приводятъ насъ всѣ предъидущія разсужденія. Тѣмъ не менѣе, обычное опредѣленіе животнаго недѣлимаго, удобства ради, всегда останется въ употребленіи; да и нѣтъ рѣшительно никакого резона ратовать противъ этого; не слѣдуетъ только забывать, что опредѣленіе это выражаетъ собою не болѣе какъ типъ и отнюдь не безусловно вѣрно.

«Natura non facit saltus», т.-е. природа не дѣлаетъ скачковъ, сказалъ Линней. Это изреченіе сдѣлалось, можно сказать, лозунгомъ современнаго естествознанія. Такъ, оно оправдывается въ полной мѣрѣ ученіемъ о постепенномъ переходѣ одной физической силы въ другую, составляющемъ безспорно самое широкое и основное обобщеніе въ области наукъ динамическихъ; оно же оправдывается столь же широкимъ обобщеніемъ въ наукахъ біологическихъ: ученіемъ о происхожденіи растительныхъ и животныхъ видовъ путемъ постепеннаго превращенія. (Подобно тому, какъ нѣтъ границъ между силами природы, какъ-то: притяженіе, звукъ, теплота, свѣтъ, электричество,—нѣтъ и строгихъ границъ между органическими видами). Однако это лишь только самыя выдающіяся проявленія принципа: «Natura non facit saltus»; на дѣлѣ же мы имѣемъ возможность провѣрить его почти всюду и вездѣ, и на болѣе частныхъ вопросахъ, осо-

бенно біологическихъ. Такъ, напр., въ растительномъ царствѣ наталкиваемся сплошь да рядомъ на такіе органы, которые представляютъ собою не то корень, не то стебель, или же не то стебель, не то листъ; цвѣтокъ же состоитъ изъ сочетанія органовъ (прицвѣтника, чашечки, вѣнчика, тычинокъ, пестика), показывающихъ всѣ переходы между собою и къ листу. Отсюда проистекаетъ, что общепринятыя категоріи органовъ растительнаго организма существуютъ только какъ отвлеченія въ умѣ человѣка, природа же ихъ не придерживается. Да и вообще она знаетъ, какъ уже выше замѣчено, только конкретныя тѣла и явленія; устанавливаемыя же нами понятія и категоріи этихъ тѣлъ и явленій реальнаго существованія внѣ насъ, въ самой природѣ, не имѣютъ. Это-то, столь общедоступное, простое положеніе оправдывается между прочимъ и при разборѣ понятія о животномъ недѣлимомъ: и оно есть не что иное, какъ отвлеченіе человѣческаго ума, чуждое самой природѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто чисто-условное.

А. Брандтъ.

РАЗСКАЗЪ ОТЦА АЛЕКСѢЯ

... Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ пришлось объѣхать,—въ качествѣ частнаго ревизора,—всѣ, довольно многочисленныя, имѣнія моей тётки. Приходскіе священники, съ которыми я считалъ своей обязанностью познакомиться, оказывались личностями, довольно однообразными и какъ-бы на одну мѣрку сшитыми; наконецъ, чуть ли не въ послѣднемъ изъ обозрѣнныхъ мною имѣній, я наткнулся на священника, непохожаго на своихъ собратьевъ. Это былъ человѣкъ весьма старый, почти дряхлый; и еслибы не усиленныя просьбы прихожанъ, которые его любили и уважали, онъ бы давно отпросился на покой. Меня поразили въ отцѣ Алексѣѣ (такъ звали священника) двѣ особенности. Во-первыхъ, онъ не только ничего не выпросилъ для себя, но прямо заявилъ, что ни въ чемъ не нуждается, а во-вторыхъ, я ни на какомъ человѣческомъ лицѣ не видывалъ болѣе грустнаго, вполнѣ безучастнаго,—какъ говорится,—«убитаго» выраженія. Черты этого лица были обыкновенныя, деревенскаго типа: морщинистый лобъ, маленькіе сѣрые глазки, крупный носъ, бородка клиномъ, кожа смуглая и загорѣлая... Но выраженіе!... выраженіе!... Въ тускломъ взглядѣ едва—и то скорбно—теплилась жизнь; и голосъ былъ какой-то тоже не живой, тоже тусклый. Я занемогъ и пролежалъ нѣсколько дней; отецъ Алексѣй заходилъ ко мнѣ по вечерамъ—не бесѣдовать, а играть въ дурачки. Игра въ карты, казалось, развлекала его еще больше, чѣмъ меня. Однажды, оставшись нѣсколько разъ сряду въ дуракахъ (чему отецъ Алексѣй порадовался не мало), я завелъ рѣчь о его прошлой жизни, о тѣхъ горестяхъ, которыя оставили на немъ такой явный слѣдъ. Отецъ Алексѣй сперва долго упирался, но кончилъ тѣмъ, что разсказалъ мнѣ свою исторію. Я ему, должно быть, чѣмъ-ни-

будь да полюбился; а то бы онъ не былъ со мною такъ откровененъ.

Я постараюсь передать его разсказъ его же словами. Отецъ Алексѣй говорилъ очень просто и толково, безо всякихъ семинарскихъ или провинціальныхъ замашекъ и оборотовъ рѣчи. Я не въ первый разъ замѣтилъ, что сильно поломанные и смирившіеся русскіе люди всѣхъ сословій и званій выражаются именно такимъ языкомъ.

— ... У меня была жена добрая и степенная,—такъ началъ онъ;—я ее любилъ душевно—и прижилъ съ нею восемь человѣкъ дѣтей; но почти всѣ умерли въ младыхъ лѣтахъ. Одинъ мой сынъ вышелъ въ архіереи—и скончался не такъ давно у себя въ епархіи; о другомъ сынѣ—Яковомъ его звали—я вотъ теперь разскажу вамъ. Отдалъ я его въ семинарію, въ городъ Т...ъ;—скоро сталъ получать самыя утѣшительныя о немъ извѣстія: первымъ былъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ! Онъ и дома, въ отрочествѣ, отличался прилежаніемъ и скромностью; бывало—день пройдетъ—и не услышишь его... все съ книжкой сидитъ да читаетъ. Никогда онъ намъ съ попадьей не причинилъ непріятности самомалѣйшей; смиренникъ былъ. Только иногда задумывался не по лѣтамъ и здоровьемъ былъ слабенекъ. Разъ съ нимъ чудное нѣчто произошло. Десять лѣтъ ему тогда минуло. Отлучился онъ изъ дому—подъ самый Петровъ день—на зорькѣ; да почти цѣлое утро пропадалъ. Наконецъ, воротился. Мы съ женой спрашиваемъ его: гдѣ былъ? Въ лѣсъ, говоритъ, гулять ходилъ—да встрѣтилъ тамъ нѣкоего зеленаго старичка, который со мною много разговаривалъ—и такіе мнѣ вкусные орѣшки далъ!—«Какой-такой зеленый старичокъ?» спрашиваемъ мы.—Не знаю, говоритъ, никогда его доселѣ не видывалъ. Маленькій старичокъ, съ горбиною, ножками все сѣменитъ и посмѣивается—и весь, какъ листъ, зеленый.—«Какъ, говоримъ мы,—и лицо зеленое?»—И лицо, и волосы, и самые даже глаза.—Никогда нашъ сынъ не лгалъ; но тутъ мы съ женой усомнились. «Ты, чай, заснулъ въ лѣсу, на припёкѣ, да и видѣлъ старичка того во снѣ».—Не спалъ я, говоритъ, николи; да чтó, говоритъ, вы не вѣрите?—вотъ у меня въ карманѣ и орѣшекъ одинъ остался. Вынулъ Яковъ изъ кармана тотъ орѣшекъ, показываетъ намъ... Ядрышко небольшое, въ родѣ каштанчика, словно шероховатое; на наши обыкновенные орѣхи не похоже. Я его спряталъ, хотѣлъ-было доктору показать... да запропастилось оно... не нашелъ потомъ.

— Ну-съ, отдали мы его въ семинарію—и, какъ я вамъ уже докладывалъ, веселилъ онъ насъ своими успѣхами! Такъ мы съ супругой и полагали, что выдетъ изъ него человѣкъ! На побывку домой придетъ—любо на него глядѣть: такой благообразный, озорства за нимъ никакого;—всѣмъ-то онъ нравится, всѣ насъ поздравляютъ. Только все тѣломъ худенекъ—и въ лицѣ настоящей краски нѣтъ. Вотъ уже девятнадцатый годъ ему наступилъ—скоро ученію конецъ! И получаемъ мы тутъ вдругъ отъ него письмо. Пишетъ онъ намъ: «Батюшка и матушка, не прогнѣвайтесь на меня, разрѣшите мнѣ идти по свѣтскому; не лежитъ сердце мое къ духовному званію, ужасаюсь я отвѣтственности, боюсь грѣха—сомнѣнія во мнѣ возродились! Безъ вашего родительскаго разрѣшенія и благословенія ни на что не отважусь—но скажу вамъ одно: боюсь я самого себя—ибо много размышлять началъ». Доложу я вамъ, милостивый государь: опечалился я гораздо отъ этого письма—словно рогатиной мнѣ противъ сердца толкнуло—потому, вижу: не будетъ мнѣ на моемъ мѣстѣ преемника! Старшій сынъ—монахъ; а этотъ вовсе изъ своего званія выступить желаетъ. Горько мнѣ еще потому: въ нашемъ приходѣ близко двухъ-сотъ годовъ все изъ нашей семьи священники живали! Однако, думаю: нечего противъ рожна переть; знать, ужъ такое ему предопредѣленіе вышло. Чтó ужъ за пастырь, коли сомнѣніе въ себѣ допустилъ! Посовѣтовался я съ женою—и написалъ ему въ такомъ смыслѣ: «Сынъ мой, Яковъ, одумайся хорошенько—десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь—трудности на свѣтской службѣ пребываютъ великія, холодъ да голодъ, да къ нашему сословію пренебреженіе! И знай ты напередъ: никто руку помощи тебѣ не подастъ; не пеняй потомъ, смотри! Желаніе мое, ты самъ знаешь, всегда было такое, чтобы ты меня замѣнилъ; но ежели ты точно въ своемъ призваніи усомнился и пошатнулся въ вѣрѣ—то и удерживать тебя мнѣ не приходится. Буди воля Господня! Мы съ матерью твоею въ благословеніи тебѣ не отказываемъ». Отвѣчаетъ мнѣ Яковъ благодарственнымъ письмомъ. «Обрадовалъ ты меня, молъ, батюшка; есть мое намѣреніе посвятить себя ученому званію—и протекція у меня есть; поступаю въ университетъ, буду докторомъ; потому,—къ наукѣ большую склонность чувствую». Прочелъ я Яшино письмо—и пуще опечалился; а подѣлиться горемъ скоро стало не съ кѣмъ: старуха моя о-ту пору простудилась сильно и скончалась—отъ этой ли самой простуды—или Господь ее, любя, прибралъ—неизвѣстно. Заплáчу, заплáчу я, бывало, вдовецъ одинокій,—а чтó подѣлаешь? Такъ тому, знать,

и быть. И радъ бы въ землю уйти... да тверда она... не разступается. А самъ сына поджидаю; потому—онъ извѣстилъ меня: «прежде, молъ, чѣмъ въ Москву поѣду, домой навѣдаюсь». И точно: пріѣхалъ онъ въ родительскій домъ—но только пожилъ въ немъ не долго. Словно чтó его торопило: такъ бы, кажись, на крылахъ полетѣлъ въ Москву, въ университетъ свой любезный! Сталъ я разспрашивать его о сомнѣніяхъ—какая, дескать, причина?—но и разговоровъ большихъ отъ него не услышалъ: одна мысль затесалась въ голову—и полно! Ближнимъ, говоритъ, хочу помогать. Ну-съ, поѣхалъ онъ отъ меня—почитай, что ни гроша съ собой не взялъ—только малость изъ платья. Ужъ очень онъ на себя надѣялся! И не по пустому. Экзаменъ выдержалъ отлично, въ студенты поступилъ, уроки по частнымъ домамъ пріобрѣлъ... Твердъ онъ былъ въ древнихъ-то языкахъ! И какъ вы полагаете? Мнѣ же деньги высылать вздумалъ. Повеселѣлъ я маленько—конечно, не изъ-за денегъ—я ихъ ему назадъ отослалъ и побранилъ его даже; а повеселѣлъ, потому что вижу: путь въ маломъ будетъ. Только не долго длилось мое веселье!

— Пріѣхалъ онъ на первыя вакаціи... И что за чудо! Не узнаю я моего Якова! Скучный такой сталъ, угрюмый—слова отъ него не добьешься. И въ лицѣ перемѣнился: почитай на десять лѣтъ постарѣлъ.—Онъ и прежде застѣнчивъ былъ—чтó и говорить!—Чуть чтó—сейчасъ заробѣетъ и закраснѣется весь, какъ дѣвица... Но подниметъ онъ глаза—такъ ты и видишь, что свѣтлехонько у него на душѣ!—А теперь не то. Не робѣетъ онъ—а дичится, словно волкъ — и глядитъ все изъ подлобья.—Ни тебѣ улыбки, ни тебѣ привѣта — какъ есть камень! Примусь я его разспрашивать — либо молчитъ, либо огрызается. Сталъ я думать: ужъ не запилъ ли онъ—сохрани Богъ! либо къ картамъ пристрастія не получилъ ли?—или вотъ еще на счетъ женской слабости не приключилось ли что? Въ юныя лѣта присухи дѣйствуютъ сильно—ну, да въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва, не безъ худыхъ примѣровъ и оккасій!— Однако нѣтъ: ничего подобнаго не видать. Питье его—квасъ да вода; на женскій полъ не взираетъ—да и вообще съ людьми не знается. И чтó мнѣ было горше всего: нѣту въ немъ прежняго довѣрія ко мнѣ,—равнодушіе какое-то проявилось: точно ему все свое опостылѣло. Заведу я бесѣду о наукахъ, объ университетѣ—и тутъ настоящаго отвѣта добиться не могу. Въ церковь онъ однако ходилъ—но тоже не безъ странности: вездѣ-то онъ суровъ да хмуръ — а тутъ, въ церкви-то, все словно ухмыляется. Пожилъ онъ у меня такимъ

манеромъ недѣль съ шесть—да опять въ Москву!—Изъ Москвы написалъ мнѣ раза два—и показалось мнѣ изъ его писемъ, будто онъ опять приходитъ въ чувство. Но представьте вы себѣ мое удивленіе, милостивый государь! Вдругъ, въ самый развалъ зимы, передъ святками—является онъ ко мнѣ!—Какимъ манеромъ? Какъ? Что? Знаю я, что объ эту пору вакацій нѣтъ.—Ты изъ Москвы? спрашиваю я.—Изъ Москвы.—А какъ же... Университетъ-то?—Университетъ я бросилъ.—Бросилъ?—Точно такъ.—Навсегда?—Навсегда.—Да ты, Яковъ, боленъ, что ли?—Нѣтъ, говоритъ, батюшка, я не боленъ; а только вы, батюшка, меня не тревожьте и не разспрашивайте; а то я отсюда уйду—и только вы меня и видали. Говоритъ мнѣ Яковъ: не боленъ—а у самого лицо такое, что я даже ужаснулся! Страшное, темное, нечеловѣческое словно!—Щеки этта подтянуло, скулы выпятились, кости да кожи, голосъ какъ изъ бочки... а глаза... Господи Владыко! Что это за глаза? Грозные, дикіе, все по сторонамъ мечутся—и поймать ихъ нельзя; брови сдвинуты, губы тоже какъ-то на бокъ скрючены... Что сталось съ моимъ Іосифомъ Прекраснымъ, съ тихоней моимъ?—Ума не приложу. Ужъ не рехнулся ли онъ?—думаю я такъ-то. Скитается какъ привидѣніе, по ночамъ не спитъ—а то вдругъ возьметъ да уставится въ уголъ и словно весь окоченѣетъ... Жутко таково!—Хоть онъ и грозилъ мнѣ, что уйдетъ изъ дому, если я его въ покоѣ не оставлю—но вѣдь я отецъ! Послѣдняя моя надежда разрушается—а я молчи?—Вотъ однажды, улуча время, сталъ я слезно молить Якова, памятью покойницы его матери заклинать его сталъ: скажи-молъ мнѣ, какъ отцу по плоти и по духу, Яша, чтó съ тобою? Не убивай ты меня—объяснись, облегчи свое сердце! Ужъ не загубилъ ли ты какую христіанскую душу? Такъ покайся!—Ну, батюшка, говоритъ онъ мнѣ вдругъ—(а дѣло-то пришлось къ ночи)—разжалобилъ ты меня; скажу я тебѣ всю правду! Души я никакой не загубилъ—а моя собственная душа пропадаетъ. — Какимъ это образомъ?—А вотъ какъ... И тутъ Яковъ впервое на меня глаза поднялъ... Вотъ уже четвертый мѣсяцъ, началъ онъ... Но вдругъ у него рѣчь оборвалась—и тяжело дышать онъ сталъ.—Чтó такое четвертый мѣсяцъ? Сказывай, не томи!—Четвертый мѣсяцъ какъ я его вижу.—*Его?* Кого его?—Да того... чтó къ ночи называть неудобно.—Я такъ и похолодѣлъ весь и затрясся.—Какъ?! говорю—ты *его* видишь?—Да.—И теперь видишь?—Да.—Гдѣ?—А самъ я и обернуться не смѣю—и говоримъ мы оба шопотомъ.—А вонъ гдѣ..—И глазами мнѣ указываетъ... вонъ, въ углу.—Я таки-осмѣлился... глянулъ въ уголъ: ничего тамъ нѣту!—Да тамъ ничего нѣтъ, Яковъ, по-

милуй!—*Ты* не видишь—а я вижу.—Я опять глянулъ... опять ничего. Вспомнился мнѣ вдругъ старичокъ въ лѣсу, чтó капитанчикъ ему подарилъ.—Какой онъ изъ себя? говорю... зеленый?—Нѣтъ, не зеленый, а черный.—Съ рогами?—Нѣтъ, онъ какъ человѣкъ—только весь черный. Яковъ самъ говоритъ—а у самого зубы оскалились — и поблѣднѣлъ онъ какъ мертвецъ, и жмется онъ ко мнѣ со страху; а глаза словно выскочить хотятъ — и глядитъ онъ все въ уголъ. — Да это тѣнь тебѣ мерещится, говорю я; это чернота отъ тѣни—а ты ее за человѣка принимаешь. — Какъ бы не такъ! — Я и глаза его вижу: вонъ онъ ворочаетъ бѣлками, вонъ руку поднимаетъ, зоветъ.—Яковъ, Яковъ, ты бы попробовалъ, помолился: навожденіе это бы разсѣялось. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!—Пробовалъ, говоритъ, да ничего не дѣйствуетъ. Постой, постой, Яковъ, не малодушествуй; я ладономъ покурю, молитву почитаю, святой водой кругомъ тебя окроплю.—Яковъ только рукой махнулъ.—Ни въ ладонъ я твой не вѣрю, ни въ воду святую; не помогаютъ они ни на грошъ. Мнѣ съ *нимъ* теперь ужъ не разстаться. Какъ пришелъ онъ ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ въ одинъ проклятый день—такъ съ тѣхъ поръ ужъ онъ мой гость неизмѣнный—и выжить его нельзя. Ты это знай, отецъ—и больше моему поведенію не дивись—и меня не мучь.—Въ какой же это день пришелъ онъ къ тебѣ? спрашиваю я его—а самъ все его крещу. Ужъ не тогда ли, когда ты о сомнѣніи писалъ?—Яковъ отвелъ мою руку. — Оставь ты меня, говоритъ, батюшка, не вводи ты меня въ досаду, чтобы хуже чего не было. Мнѣ вѣдь на себя и руку наложить не долго.—Можете себѣ представить, милостивый государь, каково мнѣ было это слушать!.. Помнится, я всю ночь проплакалъ.—Чѣмъ, думаю, заслужилъ я такой гнѣвъ Господень?

Тутъ отецъ Алексѣй досталъ изъ кармана клѣтчатый носовой платокъ, и сталъ сморкаться,—да кстати утеръ украдкой глаза.

— Худое пошло тогда наше житье!—продолжалъ онъ.—Ужъ я только объ одномъ и думаю: какъ бы онъ не сбѣгъ—или, сохрани Господи, въ самомъ-дѣлѣ надъ собою какого зла не учинилъ!—Караулю я его на каждомъ шагу,—а въ разговоръ и вступать-то боюсь.—И проживала въ ту пору вблизи насъ сосѣдка, полковница, вдова,—Мароой Савишной ее звали; большое я къ ней уваженіе питалъ—потому женщина разсудительная и тихая,—даромъ, что молодая и собой пригожая; хаживалъ я къ ней часто—и она моимъ званіемъ не гнушалась.—Съ горя да съ тоски, не зная, чтó ужъ и придумать,—я возьми

да все ей и разскажи.—Сперва она очень ужаснулась и даже всполошилась вся; а потомъ раздумье на нее нашло.—Долго она изволила сидѣть этакъ, молча;—а потомъ пожелала сына моего видѣть и побесѣдовать съ нимъ.—И почувствовалъ я тутъ, что безпремѣнно мнѣ слѣдуетъ исполнить ея волю; ибо не женское любопытство въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ,—а нѣчто иное. Вернувшись домой, сталъ я убѣждать Якова: «поди, молъ, со мною къ госпожѣ полковницѣ». Такъ онъ и руками, и ногами!—«Не пойду», говоритъ, «ни за-что!—О чемъ я съ нею буду бесѣдовать!»—Даже кричать на меня сталъ.—Однако я, наконецъ, уломалъ его—и, запрягши саночки, повезъ его къ Марѳѣ Савишнѣ, да, по уговору, оставилъ его съ нею наединѣ. Самому мнѣ удивительно, какъ это онъ скоро согласился? Ну, ничего,— посмотримъ. Часа черезъ три или четыре, возвращается мой Яковъ.

—Ну, спрашиваю я,—какъ тебѣ сосѣдка наша понравилась? Ничего онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Я опять его пытать.—Добродѣтельная, говорю, дама... Обласкала, чай, тебя?—Да, говоритъ, она не какъ прочія.—Вижу я, онъ какъ-будто помягче сталъ. И рѣшился я тутъ его спросить... — А навожденіе, говорю, какъ? — Глянулъ Яковъ на меня, какъ кнутомъ стегнулъ,— и опять ничего не промолвилъ. Не сталъ я его больше тревожить, убрался изъ комнаты вонъ; а часъ спустя, подошелъ я къ двери, посмотрѣлъ сквозь замочную скважину... И что же вы думаете?—спитъ мой Яковъ! Легъ на постельку—и спитъ. Перекрестился я тутъ нѣсколько разъ сряду. Пошли, молъ, Господь всякой благодати Марѳѣ Савишнѣ! Видно, съумѣла, голубушка, ожесточенное его сердце тронуть!

— На слѣдующій день, смотрю, беретъ Яковъ шапку... Думаю—спросить его: куда, молъ, идешь?—да нѣтъ, лучше не спрашивать... навѣрное къ ней!..—И точно,—къ ней, къ Марѳѣ Савишнѣ отправился Яковъ—и еще дольше прежняго у ней просидѣлъ; а на слѣдующій день—опять! А тамъ черезъ день—опять! Началъ я воскресать духомъ; потому вижу: происходитъ въ сынѣ перемѣна,—и лицо у него другое стало,—и въ глаза ему глядѣть стало возможно: не отворачивается. Унылость все въ немъ та же,—да отчаянности прежней, ужаса прежняго нѣтъ. Но не успѣлъ я ободриться маленько,—какъ опять все разомъ оборвалось! Опять задичалъ Яковъ, опять приступиться къ нему нельзя. Сидитъ, заперщись, въ коморкѣ—и полно ходить къ полковницѣ!— Неужто, думаю, онъ ее чѣмъ-нибудь обидѣлъ—и она ему отъ дому отказала?—Да нѣтъ, думаю... онъ хоть и несчастный, но

на это не отважится; да и она не такая! Не вытерпѣлъ я, наконецъ,—спрашиваю я у него:—А что́, Яковъ,—сосѣдка наша... Ты, кажется, ее совсѣмъ позабылъ?—А онъ какъ гаркнетъ на меня:—Сосѣдка? Или ты хочешь, чтобы *онъ* смѣялся надо мною? —Какъ? говорю. — Такъ онъ тутъ даже кулаки стиснулъ... освирѣпѣлъ вовсе! — Да! говоритъ, прежде онъ только такъ торчалъ,—а теперь смѣяться началъ, зубы скалитъ!— Прочь! уйди!—Кому онъ эти слова обращалъ—я ужъ и не знаю; едва ноги меня вынесли—до того я перепугался.—Вы только представьте: лицо, какъ мѣдь красная, пѣна у рта—голосъ хриплый, словно кто его давитъ!.. И поѣхалъ я—сирота-сиротою, въ тотъ же день къ Марѳѣ Савишнѣ... въ большой ее засталъ печали. Даже въ тѣлѣ она измѣнилась: похудѣла ликъ. Но разговаривать со мной о сынѣ она не захотѣла. Только одно сказала: что никакая тутъ людская помощь дѣйствительна быть не можетъ; молитесь, молъ, батюшка!—А тамъ вынесла мнѣ сто рублей;—для бѣдныхъ и больныхъ вашего прихода, говоритъ. И опять повторила: «молитесь!»—Господи! какъ будто я и безъ того не молился—денно и нощно!

Отецъ Алексѣй тутъ снова досталъ платокъ, и снова утеръ свои слезы,—но ужъ не украдкой на этотъ разъ,—и, отдохнувъ немного, продолжалъ свою невеселую повѣсть.

— Покатились мы тутъ съ Яковомъ, словно снѣжный комъ подъ гору: и видать намъ обоимъ, что подъ горою пропасть,—а какъ удержаться,—и что́ предпринять?—И скрыть это не было никакой возможности: по всему приходу пошло смущеніе великое, что́ вотъ-де у священника сынъ оказывается бѣсноватымъ,— и что́ слѣдуетъ-де начальство обо всемъ этомъ извѣстить.—И извѣстили бы непремѣнно,—да прихожане мои,—спасибо имъ!— меня жалѣли. Тѣмъ временемъ зима миновала—и наступила весна.—И такую весну послалъ Богъ—красную, да свѣтлую, какой даже старые люди не запоминали: солнышко цѣлый день, безвѣтріе, теплынь!—И пришла мнѣ тутъ благая мысль: уговорить Якова сходить со мною на поклоненіе къ Митрофанію, въ Воронежъ!—«Коли», думаю, «и это послѣднее средство не поможетъ,—ну, тогда одна надежда: могила!»—Вотъ, сижу я однажды, передъ вечеркомъ, на крылечкѣ, —а зорька разгорается на́ небѣ, жаворонки поютъ, яблони въ цвѣту, муравка зеленѣетъ... сижу и думаю, какъ бы сообщить мое намѣреніе Якову?— Вдругъ, смотрю, выходитъ онъ на крыльцо; постоялъ, поглядѣлъ, вздохнулъ и приюрнулъ на ступенькѣ со мною рядышкомъ. Я

даже испугался на радости,—но только молчокъ.—А онъ сидитъ, смотритъ на зарю—и тоже ни слова!—И показалось мнѣ, словно умиленіе на него нашло: морщины на лбу разгладились, глаза даже посвѣтлѣли... еще бы, кажется, немножко—и слеза бы прошибла! Усмотрѣвши таковую въ немъ перемѣну, я,—виноватъ! — осмѣлился. — Яковъ, говорю я ему, выслушай ты меня безъ гнѣва...—Да и разсказалъ ему о моемъ намѣреніи: какъ намъ вдвоемъ къ Митрофанію пойти—пѣшечкомъ; а отъ насъ до Воронежа верстъ полтораста будетъ; и ка́къ оно пріятно будетъ—вдвоемъ, весеннимъ холодочкомъ, до зорьки поднявшись—идти да идти по зеленой травкѣ, по большой дорогѣ; и ка́къ, если мы хорошенько припадёмъ да помолимся у раки святого угодника,—быть можетъ,—кто знаетъ?—Господь Богъ надъ нами и смилуется—и получитъ онъ исцѣленіе,—чему уже многіе бывали примѣры!—И представьте вы, милостивый государь, мое счастье!—Хорошо, говоритъ Яковъ,—а самъ не оборачивается, все въ небо смотритъ; — я согласенъ. Пойдемъ. — Я такъ и обомлѣлъ... — Другъ, говорю, голубчикъ, благодѣтель!.. А онъ у меня спрашиваетъ: — Когда же мы отправимся? — Да хоть завтра, говорю.

— Такъ на другой день мы и отправились. Надѣли котомочки, взяли посохи въ руки—и пошли. Цѣлыхъ семь дней мы шли—и все время намъ погода благопріятствовала—даже удивительно! Ни зноя, ни дождя; муха не кусаетъ, пыль не зудитъ. И съ каждымъ днемъ Яковъ мой все въ лучшій видъ приходитъ. Надо вамъ сказать, что на вольномъ воздухѣ Яковъ и прежде—*того-то* не видалъ, но чувствовалъ его за собою, за самой спиною; а не то́ тѣнь его съ боку какъ будто скользила, что́ очень моего сына мутило. А въ этотъ разъ ничего такого не происходило; и на постоялыхъ дворахъ, гдѣ намъ ночевать приходилось—тоже ничего не являлось. Мало мы съ нимъ разговаривали... но ужъ какъ намъ хорошо было—особенно мнѣ! Вижу я: воскресаетъ мой бѣднякъ. Не могу я вамъ описать, милостивый государь, что́ я тогда чувствовалъ. Ну, добрались мы наконецъ до Воронежа. Пообчистились, пообмылись—и въ соборъ, къ угоднику! Цѣлыхъ три дня почти-что не выходили изъ храма. Сколько молебновъ отслужили, свѣчей сколько понаставили! И все ладно, все прекрасно; дни—благочестивые, ночи—тихіе; спитъ мой Яша какъ младенецъ. Самъ со мной заговаривать сталъ. Бывало, спро́ситъ: батюшка, ты ничего не видишь? а самъ улыбается. Не вижу, говорю я, ничего. Ну и я, говоритъ, не вижу. Чего еще требовать? Благодарность моя къ угоднику—безъ границъ.

— Прошли три дня; и говорю я Якову:—Ну, теперь, сынокъ, все дѣло поправилось; на нашей улицѣ праздникъ. Остается одно: исповѣдайся ты, причастись; а тамъ съ Богомъ во-свояси—и отдохнувши, какъ слѣдуетъ, да по хозяйству поработавши, для укрѣпленія силъ можно будетъ похлопотать, мѣсто поискать—или что̀. Марѳа Савишна, говорю, навѣрное въ этомъ намъ поможетъ. Нѣтъ, говоритъ Яковъ, зачѣмъ мы ее будемъ безпокоить; а вотъ я ей колечко съ Митрофаніевой ручки принесу. Я тутъ совсѣмъ раскуражился; смотри, говорю, бери серебряное, а не золотое—не обручальное! Покраснѣлъ мой Яковъ и только повторилъ, что не слѣдуетъ ее безпокоить—а впрочемъ тотчасъ на все согласился.—Пошли мы на слѣдующій день въ соборъ; исповѣдался мой Яковъ, и такъ передъ тѣмъ молился усердно!—а тамъ и къ причастію приступилъ. Я стою такъ-то въ сторонкѣ—и земли подъ собою не чувствую... На небесахъ ангеламъ не слаще бываетъ! Только смотрю я: что̀ это значитъ! Причастился мой Яковъ—а не идетъ испить теплоты! Стоитъ онъ ко мнѣ спиною... Я къ нему.—Яковъ, говорю, что же ты стоишь? Какъ онъ обернется вдругъ!—Вѣрите ли, я назадъ отскочилъ, до того испугался! —Бывало, страшное было у него лицо,—а теперь какое-то звѣрское, ужасное стало! Блѣденъ какъ смерть, волосы дыбомъ, глаза перекосились... у меня отъ испуга даже голосъ пропалъ; хочу говорить, не могу—обмеръ я совсѣмъ... А онъ—какъ бросится вонъ изъ церкви! Я за нимъ... а онъ прямо на постоялый дворъ, гдѣ ночевка наша была, котомку на плечи—да и вонъ! Куда? кричу я ему:—Яковъ, что съ тобой! Постой, погоди!—А Яковъ хоть бы слово мнѣ въ отвѣтъ, побѣжалъ какъ заяцъ—и догнать его нѣтъ никакой возможности! Такъ и скрылся. Я сейчасъ вертъ назадъ, телѣгу нанялъ, а самъ весь трясусь и только и могу говорить что: Господи! да: Господи! И ничего я не понимаю: Что̀ это такое надъ нами стряслось? Пустился я домой—потому думаю: навѣрное онъ туда побѣжалъ.—И точно. На шестой верстѣ отъ города—вижу: шагаетъ онъ по большаку. Я его догналъ, соскочилъ съ телѣги—да къ нему.—Яша! Яша! Остановился онъ, повернулся ко мнѣ лицомъ—а глаза въ землю уперъ и губы стиснулъ.—И что̀ я ему ни говорю—стоитъ онъ, какъ истуканъ какой—и только и видно, что дышетъ.—А наконецъ, опять пошелъ впередъ по дорогѣ.—Что̀ было дѣлать! Поплелся и я за нимъ...

— Ахъ, какое же это было путешествіе, милостивый государь! Сколь намъ было радостно идти въ Воронежъ—столь ужасно

было возвращеніе! Стану я ему говорить—такъ онъ даже зубами ляскаетъ, этакъ черезъ плечо, ни дать ни взять тигръ или гіенна! Какъ я тутъ ума не лишился—доселѣ не постигаю! И вотъ, наконецъ, однажды ночью—въ крестьянской курной избѣ—сидѣлъ онъ на палатяхъ, свѣсивши ноги, да озираясь по сторонамъ—палъ я тутъ передъ нимъ на колѣнки и заплакалъ и горькимъ взмолился моленьемъ: Не убивай-дескать старика отца окончательно, не дай ему въ отчаянность впасть—скажи, чтó приключилось съ тобою? Вóзрѣлся онъ въ меня—а то онъ словно и не видѣлъ, кто передъ нимъ стоитъ—и вдругъ заговорилъ—да такимъ голосомъ, что онъ у меня до сихъ поръ въ ушахъ отдается.—Слушай, говоритъ, батька. Хочешь ты знать всю правду? Такъ вотъ она тебѣ. Когда, ты помнишь, я причастился—и частицу еще во рту держалъ—вдругъ *онъ*—(въ церкви-то это, бѣлымъ-то днемъ!) всталъ передо мною, словно изъ земли выскочилъ и шепчетъ *онъ* мнѣ... (а прежде никогда ничего не говаривалъ)—шепчетъ: выплюнь да разотри! Я такъ и сдѣлалъ: выплюнулъ—и ногой растеръ. И стало быть, я теперь навсегда пропащій—потому что всякое преступленіе отпускается—но только не преступленіе противъ Святого духа...

— И сказавъ эти ужасныя слова, сынъ мой повалился на палати—а я опустился на избяной полъ... Ноги у меня подкосились...

Отецъ Алексѣй умолкъ на мгновенье—и закрылъ глаза рукою.

— Однако, продолжалъ онъ,—что же я буду дольше томить васъ да и самого себя! Дотащились мы съ сыномъ до дому—а тутъ скоро и конецъ его насталъ—и лишился я моего Якова! Передъ смертью онъ нѣсколько дней не пилъ, не ѣлъ—все по комнатѣ взадъ и впередъ бѣгалъ, да твердилъ, что грѣху его не можетъ быть отпущенія... но *его* ужъ онъ больше не видѣлъ. Погубилъ онъ-дескать мою душу; теперь зачѣмъ же ему больше ходить? А какъ слегъ Яковъ, сейчасъ въ безпамятство впалъ и такъ, безъ покаянія, какъ безсмысленный червь, отошелъ отъ сей жизни въ вѣчную...

— Но не хочу я вѣрить, чтобы Господь сталъ судить его своимъ строгимъ судомъ...

— И между прочимъ я этому потому не хочу вѣрить, что ужъ очень онъ хорошъ лежалъ въ гробу: совсѣмъ словно помолодѣлъ и сталъ на прежняго похожъ Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились—а на губахъ улыбка. Марѳа Са-

вишна приходила смотрѣть на него—и то же самое говорила. Она же его обставила всего цвѣтами и на сердце ему цвѣты положила—и камень надгробный на свой счетъ поставила.

— А я остался одинокимъ... И вотъ отчего, милостивый государь, вы изволили усмотрѣть на лицѣ моемъ печаль великую... Не пройдетъ она никогда—да и не можетъ пройти.

Хотѣлъ я сказать отцу Алексѣю слово утѣшенія... но никакого слова не нашелъ.

Мы скоро потомъ разстались.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
1877.



СТИХОТВОРЕНІЯ

I. Изъ Лонгфелло.

1.

Footsteps of Angels.

Въ часъ вечерній лишь стихаетъ
Шумъ житейской суеты,
И на душу съ неба льются
Благотворныя мечты —

Между тѣмъ какъ одиноко,
Надъ печальнымъ камелькомъ,
Я гляжу какъ угасаетъ
Уголекъ за уголькомъ —

Часто мнится мнѣ, что въ двери
Входятъ стройною чредой
Все знакомыя мнѣ тѣни,
И бесѣдують со мной.

Вижу милыхъ, незабвенныхъ,
Чую близость ихъ сердецъ:
Тотъ, что́ въ цвѣтѣ лѣтъ и славы
Палъ за истину боецъ;

И они, въ святыхъ сѣдинахъ,
Слуги вѣрные Христа,

Чтò безропотно носили
Бремя тяжкаго креста,

А за ними — чистый геній,
Свѣтлый спутникъ юныхъ дней,
Тà, чья жизнь была опорой
И отрадою моей,

Божьимъ ангеломъ являетъ
Мнѣ свой образъ вдалекѣ,
Тихо руку простираетъ
Къ друга трепетной рукѣ;

Долго очи неземныя
Нѣжно смотрятъ на меня,
И какъ звѣздочки ночныя,
Полны кроткаго огня.

На устахъ ея безплотныхъ
Вѣры пламенной печать,
И нисходитъ мнѣ на душу
Съ нихъ молитвы благодать.

Преклоняю я колѣни,
Жду безъ страха жизни той,
Лишь бы тѣ-жъ святыя тѣни
Здѣсь витали надо мной.

2.

Psalm of life.

Не говори, что жизнь мечта —
Пустое сновидѣнье,
Лишь тамъ и тѣнь и пустота,
Гдѣ лучшихъ силъ забвенье.

Нѣтъ, не могила намъ предѣлъ,
Душа не умираетъ:

«Ты прахъ, и прахъ тебѣ удѣлъ»,
Не ей Господь вѣщаетъ.

И насъ душой онъ отличилъ
Отъ прочаго созданья
Не для того, чтобъ ты забылъ,
Въ чемъ долгъ твой и призванье.

Твой долгъ, и словомъ, и мечомъ,
За истину сражаться,
Впередъ идти, и съ каждымъ днемъ
Рости и укрѣпляться.

О томъ, что̀ было, не вздыхай!
Что̀ будетъ?—не пекися!
И съ Богомъ ты на трудъ дневной
Тогда вооружися.

Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ
Слѣды не пропадаютъ;
Не сноситъ ихъ волна морей,
И вѣтры не сметаютъ.

Свой путь когда-нибудь другой
По тѣмъ слѣдамъ проложитъ,
И не робѣть передъ грозой,
Тво̀й духъ ему поможетъ.

Не жди-жъ уныло ты конца;
Возьмись за подвигъ смѣло!
Не пропадетъ въ очахъ Творца
Твое благое дѣло!

II. Изъ миссисъ Проктеръ.

1.

Judge not.

Не осуждай *его!* Быть можетъ
Тó, чтó въ глазахъ твоихъ пятно,
Давно слезой и покаяньемъ
Въ очахъ Творца искуплено,—
И гдѣ *онъ* палъ, съ врагомъ сражаясь,
Ты-бъ уступилъ, не защищаясь.

Печать грѣха ты зришь на *немъ*,—
Ты, не испытанный судьбою!
Извѣдай на себѣ самомъ,
Чтó значитъ рáтовать съ враждою,
Иль съ искушеньемъ, чтò тебѣ
Едва ли снилось и во снѣ!

Не порицай *его* паденья.
Какъ знать? быть можетъ, потому
Хранитель-ангелъ нашъ не подалъ
Руки спасительной *ему*,
Чтобы изъ бездны самъ собою
Онъ могъ подняться надъ грозою.

Итакъ, чѣмъ жёстко обрекать
Его на гибель и презрѣнье,
Старайся ты въ сердца вселять,
Къ нему любовь и примиренье:
Кто глубже палъ, тому, быть можетъ,
Господь всѣхъ выше стать поможетъ.

2.

The Echoes.

Та же звѣздочка на небѣ
Та-жъ внизу течетъ рѣка —
Смолкъ давно лишь голосъ милый,
Радость сердца далека!
Эхо вторитъ мнѣ уныло:
Далека!

Тотъ же въ рощѣ молчаливой
Бьетъ веселый, свѣтлый ключъ;
Но отрадный ликъ былого
Не проглянетъ изъ-за тучъ!
Грустно шепчетъ эхо снова:
Изъ-за тучъ!

Та же птичка, что пѣвала,
Ночью пѣснь свою поетъ;
Но та пѣснь грустнѣе стала
Радость на сердце нейдетъ!
Эхо тихо простонало:
Да, нейдетъ!

Голосъ прошлаго родного,
Ты умолкнешь ли когда?
Не буди ты сновидѣній,
Что умчались навсегда,
Снова эхо въ отдаленьи
Вторитъ: навсегда!

3.

Strik, wait, pray.

Трудись! хотя-бъ стремленье
Осталось безъ плода,
Нѣтъ для высокихъ цѣлей
Напраснаго труда.
Измѣнитъ жизнь, награду
Вѣрнѣе ты найдешь,
Тамъ, гдѣ ее ты нынѣ
Не видишь и не ждешь!

Терпи! хотя не рѣдко
Души завѣтный сонъ
Заботою нежданной
Бываетъ помраченъ—
За горькою слезою
Не видитъ часто глазъ,
Какъ радугой на встрѣчу
Течетъ отрады часъ.

Молись—не унывая;
Хоть то, чтó сердце ждетъ,
Ему-бъ и не далося,
Мольба не пропадетъ!
Сойдетъ съ небесъ награда
Дороже и святѣй.
Терпи-же и трудися,
И въ вѣрѣ не слабѣй!

А. Б.

Баденъ-Баденъ.



СЦЕНЫ и ХАРАКТЕРЫ

изъ

НОВАГО РОМАНА ЭЛЛІОТА.

Daniel Geronda, by George Elliot.

Имя Джорджа Элліота настолько популярно въ Англіи, что появленіе каждаго новаго произведенія этой писательницы составляетъ крупное событіе, одинаково интересующее какъ міръ присяжныхъ литераторовъ, такъ и публику. Въ этомъ отношеніи, новый ея романъ: «Daniel Deronda», котораго послѣдній выпускъ появился прошедшею осенью, не составилъ исключенія, а можетъ быть возбудилъ больше толковъ, споровъ за и противъ, чѣмъ всѣ остальные ея романы вмѣстѣ взятые. Не ограничиваясь, по прежнему, набрасываніемъ живыхъ и яркихъ картинъ современныхъ нравовъ Англіи, Джорджъ Элліотъ на этотъ разъ коснулся и еврейскаго вопроса, выражая устами двухъ своихъ героевъ упованіе на соціальное и политическое возрожденіе еврейскаго народа. Какъ художникъ, онъ выразилъ свою основную мысль не въ формѣ диссертаціи, и живымъ толкованіемъ этой мысли у него является Даніэль Деронда. Въ прежнихъ своихъ романахъ Джорджъ Элліотъ выводилъ на сцену героевъ діаметрально противоположныхъ Даніэлю; возьмемъ для примѣра двухъ: Феликса Гольта [1]), и Адама Бида [2]); оба—люди изъ ряду вонъ выходящіе,

---

[1]) „Felix Holt, or the Radical".

[2]) Романъ подъ тѣмъ же заглавіемъ.

умные, честные, симпатичные, но какъ тотъ, такъ и другой принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ *практическихъ людей*: ихъ внутренній міръ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое съ ихъ внѣшней дѣятельностью, они какъ-бы вырѣзаны изъ одного куска. Подобные характеры легко поддаются описанію, какъ на страницахъ художественнаго романа, такъ и въ ежедневной жизни; предположите, что въ числѣ вашихъ знакомыхъ есть человѣкъ, похожій на Феликса или Адама Бида, и васъ кто-нибудь спроситъ: — что̀ это за личность? Въ двухъ-трехъ словахъ вы очертите нравственный обликъ такого человѣка; черты крупныя, рѣзкія — обозначьте ихъ только поотчетливѣе — и готово! Деронда — совсѣмъ иное дѣло: для обрисовки подобнаго характера нужна тонкая и твердая кисть, такъ какъ весь онъ, вся его суть, вся его сила — въ его внутренней жизни; внѣшней дѣятельности у него въ теченіи всего романа нѣтъ никакой, она впереди — широкая, великая, но все же только впереди; намъ же его показываютъ единственно какъ человѣка, а отнюдь не какъ дѣятеля. Можно себѣ представить, что̀ бы изъ подобной личности сдѣлалъ мало даровитый писатель; вмѣсто Деронды, мы бы увидѣли сухого резонёра, громящаго всѣхъ и каждаго своими никому ненужными приговорами, а подъ перомъ Элліота явился живой человѣкъ, конечно — человѣкъ рѣдкій, но тѣмъ не менѣе реальный. Такіе люди существуютъ — сильные, а потому и спокойные, — разумные, а потому и снисходительные, любящіе и всепрощающіе; они полезны уже тѣмъ, что живутъ.

Деронда — еврей, но происхожденіе его составляетъ тайну для него самого; между тѣмъ въ душѣ Деронды живетъ какой-то странный инстинктъ, не дающій ему покоя, не дозволяющій ему остановиться ни на какой формѣ общественной дѣятельности; онъ томится и страдаетъ, пока встрѣча съ Мордекаемъ, евреемъ, чающимъ возрожденія своего народа, не вызываетъ въ душѣ пылкаго юноши цѣлаго роя новыхъ мыслей, и не подготовляетъ его къ извѣстію, что и онъ — сынъ угнетеннаго племени. Съ минуты же, когда онъ узнаетъ объ этомъ, онъ весь принадлежитъ не себѣ, а своему дѣлу, — задача жизни найдена.

Наиболѣе симпатичная черта въ характерѣ Деронды — его способность сочувствовать всѣмъ и каждому, способность до того сильная, что замкнутые и гордые по отношенію къ другимъ (какъ, напр., Гвендолина), безъ малѣйшаго стыда раскрываютъ передъ нимъ свои душевныя раны; источникъ этой способности слѣдуетъ искать въ его личной судьбѣ: при первомъ пробужденіи сознанія онъ уже началъ страдать: съ душой жаж-

дущей привязанностей, семейныхъ узъ—онъ росъ одиноко, не зная ни отца, ни матери; дюжинную натуру подобныя тяжелыя впечатлѣнія только озлобили бы,—Даніэля они очистили, внушивъ ему живое сочувствіе ко всѣмъ страдальцамъ, какой бы ни былъ источникъ ихъ страданій. Особенности характера Деронды не позволяютъ намъ, въ нашемъ анализѣ, исключительно слѣдить за нимъ однимъ; вся его жизнь, конечно, въ его душѣ, но его душа станетъ намъ понятна, во всей красѣ своей, только тогда, когда мы будемъ разсматривать его отношенія къ другимъ, его столкновенія съ ними, его вліяніе на нихъ; вотъ почему въ нашихъ очеркахъ такое же важное мѣсто, какъ и самъ Деронда, займутъ три личности, судьба коихъ нераздѣльно связана съ его судьбой.

Мы говоримъ о Мордекаѣ, Миррѣ и Гвендолинѣ. Мордекай—вдохновенный еврей, *энтузіастъ въ лучшемъ значеніи этого слова*, какъ его опредѣляетъ самъ Деронда, человѣкъ всецѣло преданный своей великой идеѣ, живущій и дышащій только ею.

Мирра — сестра его, прелестное поэтическое созданіе, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, на которыхъ самая развращающая, самая ужасная среда не имѣетъ и не можетъ имѣть дурного вліянія. *Это жемчужина, которую и грязь-то, коснувшись, только омыла*—говоритъ о ней Джорджъ Элліотъ устами одного изъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ.

На обрисовку характера Гвендолины Гарлетъ Джорджъ Элліотъ не пожалѣлъ труда и самой тщательной отдѣлки, за то эта женщина стоитъ передъ нами какъ живая; на ней главнымъ образомъ отразилось воспитательное вліяніе Даніэля Деронда; до встрѣчи съ нимъ Гвендолина — избалована, тщеславна, пуста; но подъ этими непривлекательными качествами таится въ зародышѣ много хорошаго; при первомъ же столкновеніи съ человѣкомъ, не преклонившимся передъ ней, а невольно давшимъ ей почувствовать свое превосходство — искра западаетъ ей въ душу, начинается тяжелая переработка, доводящая легкомысленную красавицу путемъ страданія до полнаго нравственнаго перерожденія. Весь этотъ процессъ художественно обрисованъ Эллiотомъ: слѣдя шагъ за шагомъ за Гвендолиной, мы во-очію видимъ, до какой степени мы бываемъ безумны, когда надѣемся узнать счастіе, не заботясь о главномъ—о томъ, чтобы быть въ мирѣ съ самими собой; внѣшнія обстоятельства, конечно, имѣютъ значеніе, но значеніе второстепенное; мы же постоянно отводимъ имъ главное мѣсто въ жизни, забывая, что въ себѣ самомъ, въ глубинѣ своего нравственнаго *я*, человѣкъ носитъ и своего лучшаго друга, и своего злѣйшаго врага; это—не азбучная истина, а непреложный

законъ нравственнаго міра, и каждый изъ насъ тысячу разъ видѣлъ примѣненіе его на самомъ себѣ.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что одно изъ наиболѣе выдающихся достоинствъ разсматриваемаго нами романа заключается въ пониманіи той могучей, съ каждымъ днемъ крѣпнущей связи, какая существуетъ между современнымъ человѣкомъ и современнымъ обществомъ, между частью и цѣлымъ; по-истинѣ, каждый изъ насъ можетъ быть вполнѣ удовлетворенъ, лишь сознавая себя звеномъ великой цѣпи.

I.

Мѣсто дѣйствія первой сцены — великолѣпная, роскошно отдѣланная зала игорнаго дома въ Лейброннѣ; вокругъ длинныхъ столовъ толпится множество мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества, ко всѣмъ національностямъ: тутъ вы найдете и знатную чопорную англійскую лэди, и рядомъ съ нею вполнѣ приличнаго на видъ — бѣлокураго лондонскаго торговца, испанцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ — всѣ народы, населяющіе Европу, повидимому, прислали сюда своихъ представителей. Общее вниманіе присутствующихъ обращено на молодую, чрезвычайно красивую и эффектную дѣвушку, совершенно, повидимому, поглощенную своей, весьма, впрочемъ, счастливой игрой, миссъ Гвендолину Гарлетъ. Гвендолина Гарлетъ невольно приковываетъ къ себѣ взоры всѣхъ находящихся въ залѣ мужчинъ, и въ томъ числѣ—молодого красавца Даніэля Деронды; онъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, за которымъ идетъ самая жаркая игра, и не спускаетъ глазъ съ молодой англичанки. Наконецъ, Гвендолина, чувствуя на себѣ чей-то пристальный взглядъ, невольно оглядывается; Деронда все стоитъ на томъ же мѣстѣ; глаза ихъ встрѣчаются, и самоувѣренная миссъ испытываетъ впервые какое-то дотолѣ ей совершенно невѣдомое и очень непріятное чувство. Ей смутно представляется, что этотъ человѣкъ смотритъ на нее какъ-бы сверху внизъ, что онъ совсѣмъ не то, что всѣ окружающіе ее въ эту минуту, что онъ самъ принадлежитъ къ какой-то высшей сферѣ, а ее разсматриваетъ какъ существо низшей породы. Чувство это сильно, но мгновенно — Гвендолина тотчасъ овладѣваетъ собой, и съ поблѣднѣвшими губами отворачивается отъ непрошеннаго молчаливаго ментора. Она продолжаетъ игру, но счастье ей измѣнило; взглядъ незнакомца видно парализовалъ его: карта за картой

убита; Гвендолина продолжаетъ свою опасную забаву до той минуты, пока въ кошелькѣ ея остается лишь нѣсколько золотыхъ монетъ.

Возвратясь въ этотъ вечеръ въ свою комнату, Гвендолина только что было собралась поразмыслить на свободѣ о мистерѣ Деропдѣ, произведшемъ на нее такое странное впечатлѣніе (имя его она успѣла узнать отъ одного изъ тѣхъ всезнаекъ, какіе всегда имѣются на водахъ), какъ ей подаютъ письмо матери, давшее совершенно иное и притомъ невеселое направленіе ея мыслямъ. Эта добрая, слабая и страстно любящая свою старшую дочь женщина вынуждена нанести своему ненаглядному сокровищу тяжелый ударъ: состояніе, которымъ она дорожила только потому, что оно было нужно ея Гвендолинѣ — погибло безвозвратно, вслѣдствіе несостоятельности банкира, въ рукахъ коего находились капиталы какъ самой миссисъ Дэвилоу, такъ и сестры ея, и вообще всего ихъ семейства; разореніе полное, катастрофа *страшная*.

Въ первую минуту Гвендолина не можетъ ничего сообразить, но какъ только смутное сознаніе въ ней пробуждается, она начинаетъ жалѣть себя; мать ея, и безъ того всегда какая-то грустная, ей и при средствахъ жилось, кажется, не легко, но она, она — Гвендолина Гарлетъ, что она будетъ дѣлать? «Мать зоветъ домой, надо ѣхать,—разумѣется, я ни слова не скажу ни барону, ни баронессѣ Лангенъ о причинѣ моего отъѣзда: что имъ за дѣло, какое право имѣю я посвящать неблизкихъ знакомыхъ, съ которыми путешествую, въ семейныя тайны? Да и совѣстно. Нужно же было мнѣ давеча спустить всѣ свои деньги; вѣдь я была въ порядочномъ выигрышѣ, пригодилось бы; а все этотъ господинъ виноватъ; развѣ завтра еще, на прощаніе попытать счастья? Да денегъ мало. Ба! вотъ идея: заложу какому-нибудь ювелиру-ростовщику свое бирюзовое ожерелье, я же его кстати не надѣвала здѣсь...» Всѣ эти мысли быстрѣе вихря проносятся въ хорошенькой головкѣ молодой миссъ, пока она неподвижно сидитъ, прижавшись въ уголокъ дивана. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ предстоящій отъѣздъ дѣло рѣшеное, то Гвендолина употребляетъ ночь на укладку своихъ вещей; занимающееся утро застаетъ ее за этимъ занятіемъ; она очень утомилась, но холодная ванна освѣжаетъ ее и нѣсколько успокоиваетъ возбужденные нервы; притомъ, изящный дорожный костюмъ, въ который она облекается, такъ идетъ къ ней, сѣрая войлочная шляпа, нахлобученная на самые глаза, такъ эффектно обрамляетъ ея личико, что она, совсѣмъ было собравшись выдти изъ дому, оста-

навливается передъ зеркаломъ и любуется собой: положительно, утомленное выраженіе глазъ дѣлаетъ ее еще интереснѣе.

Свою сдѣлку съ ростовщикомъ Гвендолина оканчиваетъ очень быстро, и возвращается домой нѣсколько успокоенная; часъ ранній, никто изъ ея знакомыхъ видѣть ее не могъ, всѣ еще спятъ; правда, окна лучшаго отеля во всемъ Лейброннѣ выходятъ на ту же площадь, какъ и магазинъ услужливаго ювелира, да вѣдь тамъ, кажется, некому за ней подсматривать? Всѣ эти соображенія вмѣстѣ взятыя приводятъ ее въ довольно хорошее настроеніе духа, она сидитъ въ гостиной въ ожиданіи появленія хозяевъ къ раннему завтраку, все еще не зная—сегодня-ли она ѣдетъ или нѣтъ, какъ вошедшій слуга гостинницы подаетъ ей свертокъ, адресованный на ея имя. Смутное предчувствіе заставляетъ Гвендолину отнести свертокъ въ свою комнату; тамъ она раскрываетъ его и видитъ только-что заложенное ею ожерелье, завернутое въ батистовый платокъ съ оторваннымъ угломъ, къ ногамъ ея падаетъ записка—простой клочокъ бумаги, на которомъ быстрымъ, но четкимъ почеркомъ набросано нѣсколько словъ. Она поднимаетъ ее и читаетъ:

«Незнакомецъ, нашедшій ожерелье миссъ Гарлетъ, возвращаетъ его ей, выражая при этомъ надежду, что она не захочетъ вторично потерять его».

Жгучія слезы обиды потекли по щекамъ Гвендолины; никто до той минуты не смѣлъ относиться къ ней съ насмѣшкой и презрѣніемъ, а ей почему-то думается, что это дѣло Деронды (никто, кромѣ его, не могъ выкупить ожерелья, онъ и живетъ-то въ отелѣ, что̀ противъ ювелира, она еще вчера это слышала). Въ тотъ же день миссъ Гарлетъ, не заглянувши даже въ игорный залъ, выѣзжаетъ съ вечернимъ поѣздомъ въ Брюссель, откуда направляется прямо домой, въ Оффендинъ, небольшое мѣстечко, лежащее въ западной части графства Уэссексъ.

Гвендолина Гарлетъ—единственная дочь у матери отъ перваго брака, и хотя отъ второго своего мужа миссисъ Дэвилоу имѣетъ еще трехъ дочерей, но первое мѣсто въ ея сердцѣ и въ ея домѣ всегда принадлежало Гвендолинѣ. Съ самаго ранняго дѣтства она распоряжалась матерью, сестрами, гувернанткой, прислугой, какъ своими вассалами, ея воля—была законъ; своимъ комфортомъ она дорожила выше всего.

Случилось, ночью мать, спавшая въ одной комнатѣ съ дочерью, заболѣла; замѣтивъ, что горничная забыла поставить на столикъ у кровати лекарство, она попросила дочь встать и сходить за нимъ. Миссъ Гвендолинѣ въ ея мягкой постелѣ было

тепло и удобно, зябнуть ей не хотѣлось, а потому она осталась неподвижной, и только проворчала что-то сквозь зубы. Мать обошлась безъ лекарства, и ни единымъ словомъ не упрекнула дочь; но на другой день Гвендолина живо почувствовала, какъ мать должна быть ею недовольна, и постаралась загладить вину свою ласками, которыя ей ничего не стоили. Въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ миссъ Гарлетъ былъ еще одинъ случай, о которомъ она никогда не могла вспомнить безъ нѣкотораго смущенія: она однажды задушила канарейку своей сестры за то, что несчастная птица своимъ рѣзкимъ пѣніемъ заглушала пѣніе самой Гвендолины; правда, она поспѣшила взамѣнъ погибшей канарейки подарить сестрѣ бѣлую мышку, но память объ этомъ поступкѣ долго-долго преслѣдовала ее.

Все свое дѣтство и первую юность Гвендолина провела на континентѣ, и только за годъ до вышеупомянутой катастрофы переселилась, послѣ смерти отчима, съ матерью и сестрами въ Англію. Оффендинъ ей сразу понравился, домъ у нихъ былъ красивый, хорошо меблированный, комфортабельный; тётка—миссисъ Гаскойнъ, мужъ ея, еще очень красивый мужчина, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, образованный, привѣтливый и величавый, чуждый всякихъ узкихъ и одностороннихъ взглядовъ, составляющихъ слабую сторону большинства его собратій (англиканскаго духовенства), ихъ хорошенькая и кроткая дочка Анна—всѣ сразу поддались обаянію Гвендолины, и увеличили собой число ея царедворцовъ. Дядя въ особенности былъ очарованъ племянницей; онъ взялъ ее подъ свое крылышко, познакомилъ со всѣмъ лучшимъ обществомъ Оффендина и окрестныхъ замковъ, будучи увѣренъ, что Гвена сдѣлаетъ блестящую партію. Сама молодая дѣвушка мало думала о замужствѣ: драмы, въ которыхъ она воображала себя героиней—не приводили къ этому концу. Слова нѣтъ, говаривала она себѣ, — знать, что по тебѣ многіе безнадежно вздыхаютъ—необходимая и пріятная гарантія женскаго могущества; но, съ другой стороны, сдѣлаться женой, опутать себя цѣпями, имѣть кучу дѣтей—весьма непріятная необходимость. Гвендолина старалась, даже мысленно, не останавливаться на этой необходимости. Впрочемъ, она чувствовала себя хорошо вооруженной, и надѣялась справиться съ жизнью.

Образованіе ея было такое же, какое получаетъ большинство современныхъ дѣвушекъ: быстрый умъ ея легко усвоилъ себѣ всю массу необъясненныхъ правилъ и разрозненныхъ фактовъ, которая избавляетъ невѣждъ отъ непріятнаго сознанія своей безпомощности. Пробѣлы же, какіе оставались, она пополнила

при помощи романовъ, театральныхъ пьесъ и стихотвореній. Она была очень самоувѣренна, да и немудрено: никто никогда не оспаривалъ ея превосходства. Всегда, во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, при малѣйшемъ безпорядкѣ въ домѣ, при всякой неисправности прислуги—первая мысль всѣхъ окружающихъ была: *что скажетъ Гвендолина?*

Понятно, что успѣхъ такой дѣвушки въ свѣтѣ былъ несомнѣненъ. Она произвела фуроръ; поклонниковъ у нея съ-разу явилась масса; старики и молодежь одинаково восхищались остроумной и граціозной красавицей, съ ея роскошными свѣтло-каштановыми волосами, и съ загадочнымъ взглядомъ въ большихъ, длинныхъ, блестящихъ, какъ ониксъ, глазахъ. Женщинамъ она нравилась меньше, но и они превозносили ее, молодыя — изъ боязни прослыть завистливыми, старухи—изъ желанія видать у себя почаще такую привлекательную особу, о которой всѣ говорятъ. Хозяйки дома, составляя списокъ приглашенныхъ для предстоящаго бала, очень напоминаютъ премьеровъ, образовывающихъ новый кабинетъ: онѣ должны принимать во вниманіе весьма многое, кромѣ своихъ личныхъ симпатій. Всего чаще Гвендолина посѣщала нѣкую мистриссъ Арронайнтъ, богачку; она имѣла одну только дочь, некрасивую, но симпатичную и талантливую, и давала прелестные вечера. На одномъ изъ этихъ вечеровъ самолюбіе Гвендолины нѣсколько было уязвлено сознаніемъ превосходства передъ ней миссъ Арронайнтъ, какъ музыкантши; впечатлѣніе это еще усилилось, когда учитель музыки миссъ Арронайнтъ, высоко-талантливый герръ Клезмеръ, совершенно холодно отнесся къ пѣнію миссъ Гарлетъ, которое она, въ простотѣ душевной, почитала безукоризненнымъ.

Мѣсяцевъ черезъ восемь по переселеніи Гвендолины въ Оффендинъ начались толки и разговоры о новомъ сосѣдѣ, молодомъ и богатомъ человѣкѣ, нѣкоемъ мистерѣ Гранкурѣ, имѣющемъ поселиться въ непродолжительномъ времени на весь охотничій сезонъ въ Дипло, имѣніи своего дяди, сэра Гуго Маллингера, единственнымъ наслѣдникомъ коего былъ все тотъ же мистеръ Гранкуръ, такъ какъ у сэра Гуго сыновей не имѣлось. Мать, дядя, тётка, всѣ только и мечтали, какъ бы хорошо было, еслибъ Гвена понравилась ему; она же, видя, или, вѣрнѣе, угадывая заботы своихъ близкихъ, заранѣе была увѣрена, что Гранкуръ—это вздоръ, но въ сущности онъ занималъ ее. Встрѣтились они на блестящемъ праздникѣ, устроенномъ въ замкѣ одного изъ окрестныхъ богачей, лорда Бракеншау; весь интересъ праздника заклю-

чался въ состязаніи въ стрѣльбѣ изъ лука, одной изъ любимѣйшихъ забавъ англичанъ—archery.

Гвендолина и тутъ, какъ всегда, на первомъ планѣ: она только-что взяла призъ—золотую звѣзду, и, вся еще взволнованная сдѣланною ей оваціей, принимаетъ поздравленія, какъ хозяинъ дома подходитъ къ ней въ сопровожденіи красиваго блондина, съ апатичнымъ выраженіемъ лица, и торжественно произноситъ:

— Миссъ Гарлетъ, позвольте вамъ представить мистера Маллингера-Гранкура.

Съ первой же встрѣчи Гранкуръ обнаруживаетъ сильную симпатію къ красивой и эффектной миссъ Гарлетъ,—сильную для него, такъ какъ этотъ холодный, чопорный, сухой джентльменъ развѣ по слухамъ знаетъ, что бываютъ у людей сильныя чувства. Онъ и говоритъ-то протяжно, медленно, словно ему лѣнь произносить слова; вообще эта личность, хотя и второстепенная, мастерски очерчена Джорджомъ Элліотъ. Съ этого дня Гранкуръ вездѣ и всюду появляется, гдѣ можно встрѣтить миссъ Гарлетъ: они вмѣстѣ катаются верхомъ, танцуютъ, участвуютъ въ различныхъ parties de plaisir, словомъ: сближаются съ каждымъ днемъ все больше и больше. Родные Гвендолины, затаивъ дыханіе, слѣдятъ за этими утѣшительными для нихъ признаками, какъ вдругъ одно, совершенно неожиданное событіе разсѣеваетъ, словно дымъ, ихъ пріятныя мечты. Лордъ Бракеншау опять затѣялъ праздникъ; на этотъ разъ стрѣльба изъ лука будетъ происходить въ лѣсу: это не болѣе какъ предлогъ, чтобы провести прекрасный лѣтній день подъ открытымъ небомъ. Въ самый разгаръ праздника Гвендолинѣ подаютъ письмо, и вдобавокъ анонимное:

«Если миссъ Гарлетъ въ нерѣшимости относительно мистера Гранкура, пусть она сегодня, во время прогулки, отстанетъ отъ своихъ спутниковъ и остановится у такъ-называемыхъ «Шепчущихся Камней». Здѣсь она услышитъ нѣчто, могущее повліять на ея судьбу: но услышитъ въ такомъ только случаѣ, если сохранитъ настоящее письмо въ тайнѣ отъ всѣхъ. Если же миссъ Гарлетъ не приметъ этого письма во вниманіе, она раскается, какъ раскаивается женщина, пишущая эти строки».

Гвендолина идетъ на мѣсто свиданія; тамъ её встрѣчаетъ женщина, на лицѣ которой видны слѣды замѣчательной нѣкогда красоты; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея сидятъ на-право двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка.

— Миссъ Гарлетъ?—спрашиваетъ незнакомка.

— Да.

— Я обѣщала сообщить вамъ нѣчто. Обѣщайте и вы сохранить мою тайну. На что бы вы ни рѣшились, вы не скажете мистеру Гранкуру, что видѣли меня, не правда-ли?

— Обѣщаю.

— Меня зовутъ Лидія Глэшеръ. Мистеръ Гранкуръ ни на комъ, кромѣ меня, жениться не долженъ. Девять лѣтъ тому назадъ я, ради него, бросила мужа и ребенка. У насъ четверо дѣтей. Теперь мужъ мой умеръ, и Гранкуръ обязанъ жениться на мнѣ; этотъ мальчикъ долженъ быть его наслѣдникомъ.—Она глазами указала на сына; хорошенькій мальчуганъ изо всѣхъ силъ дулъ въ игрушечную трубу, шляпа его упала съ головы, солнечные лучи отражались на темныхъ кудряхъ. Онъ былъ похожъ на херувима. Глаза обѣихъ женщинъ встрѣтились; Гвендолина отвѣтила коротко:—Я не пойду противъ вашихъ желаній.

Она дрожала, губы ея побѣлѣли; ей казалось, что въ лицѣ странной собесѣдницы передъ ней стоитъ страшный призракъ, говорящій:—Я—цѣлая жизнь женщины!

— Не имѣете-ли еще чего сказать мнѣ?

— Ничего, теперь вы все знаете.

Гвендолина присоединяется къ остальному обществу; она грустна, разсѣянна. Ей все и всѣ внушаютъ омерзѣніе, и она умоляетъ мать отпустить ее съ знакомыми проѣхаться по Европѣ. Въ теченіи этой поѣздки судьба забрасываетъ ее въ Лейбронпъ, гдѣ ей, какъ мы видѣли, суждено было встрѣтиться съ человѣкомъ, которому со-временемъ придется играть первенствующую роль въ ея жизни.

II.

Дерондѣ было всего тринадцать лѣтъ, когда его нравственное *я* начало опредѣляться, подъ вліяніемъ даннаго жизнью толчка. Случилось это такъ: онъ лежалъ на травѣ, подперевъ кудрявую голову руками, и читалъ: «Исторію Итальянскихъ Республикъ» — Сисмонди; гувернёръ его, также съ книгой въ рукахъ, сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Было чудное іюльское утро, кругомъ цвѣли розы. Вдругъ мальчикъ поднялъ голову, и, пристально взглянувъ на учителя, спросилъ:

— Мистеръ Фрезеръ, почему у папъ и кардиналовъ всегда бывало такъ много племянниковъ?

— Они своихъ родныхъ дѣтей называли племянниками.

— Отчего?

— Приличія ради. Вы вѣдь знаете, что католическому духовенству браки воспрещены, а потому и дѣти духовныхъ—незаконныя дѣти.

Даніэль быстро приподнялся и сѣлъ, повернувшись спиной къ своему ментору. Онъ всегда звалъ сэра Гуго Маллингера, въ домѣ котораго росъ, — дядей, а когда разъ спросилъ объ отцѣ и матери, баронетъ отвѣтилъ:—Ты лишился родителей, будучи крошкой, вотъ почему я и забочусь о тебѣ.

Жизнь всегда улыбалась мальчику. Дядя былъ съ нимъ всегда ласковъ и нѣженъ; имѣніе, въ которомъ они жили, лежало въ крайне-живописной мѣстности; самый домъ имѣлъ историческій и романтическій интересъ: то было картинное въ архитектурномъ отношеніи зданіе, построенное на развалинахъ стариннаго аббатства, главныя части котораго доселѣ сохранились въ своей строгой красотѣ; все прекрасное было дорого Даніэлю.

Въ замкѣ дяди была и картинная галерея, наполненная портретами его предковъ; бородатые воины, улыбающіеся дипломаты въ роскошныхъ парикахъ, красивыя дамы — глядѣли, улыбаясь, со стѣнъ на племянника Даніэля, но между нимъ и обще-семейнымъ типомъ не замѣчалось никакого сходства. Онъ былъ несравненно красивѣе ихъ, и могъ бы легко служить моделью для живописца.

Теперь же, сидя на травѣ, посреди розановъ, Даніэль Деронда впервые знакомился съ горемъ. Новая мысль засѣла у него въ головѣ. Онъ продолжалъ сидѣть неподвижно, яркій румянецъ, залившій его щеки въ первую минуту, понемногу исчезалъ, но лицо сохраняло выраженіе подавленнаго волненія. Онъ слишкомъ много читалъ, чтобы не знать, что такое незаконныя дѣти, но ему никогда на умъ не приходило, чтобы онъ самъ былъ въ числѣ ихъ,—никогда, до этой роковой минуты, когда у него, какъ молнія, сверкнула въ головѣ мысль: «Вотъ тайна моего рожденія: человѣкъ, котораго я всегда звалъ дядей, навѣрное отецъ мой!» Мальчику казалось, что подлѣ него сидитъ теперь новый для него гость: таинственная фигура, закутанная въ покрывало, имѣющая открыть ему нѣчто ужасное. Дядя, котораго онъ горячо любилъ, преобразился въ отца, хранящаго отъ него тайны; а что сталось съ матерью, отъ которой его оторвали? Минутами ему казалось, что, предаваясь этимъ соображеніямъ, онъ оскорбляетъ сэра Гуго; но все же онъ не могъ не сознавать, что этотъ жаркій іюльскій день—эпоха въ его жизни.

Мѣсяцъ спустя, новый, повидимому, ничтожный, случай встревожилъ его.

Однажды, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ гостей, его заставили пѣть; голосокъ у него былъ прелестный, его осыпали похвалами, а дядя, лаская его, спросилъ:

— Не желаешь ли учиться серьёзно? сдѣлаться великимъ артистомъ, какъ Маріо или Тамберликъ?

— Ни за что,—отвѣтилъ Даніэль со слезами въ голосѣ, и тотчасъ убѣжалъ къ себѣ въ комнату.

Сидя на широкомъ подоконникѣ и любуясь разстилавшимся передъ окномъ роскошнымъ паркомъ, съ его величавыми дубами, онъ думалъ горькую думу. До сихъ поръ онъ надѣялся, что его роль въ жизни ничѣмъ не будетъ отличаться отъ роли его воспитателя и друга—сэра Гуго; а теперь—сэръ Гуго предлагаетъ ему идти совершенно иной дорогой, да притомъ такой, которая немыслима для англійскаго джентльмена. Его возмущала мысль, что на него станутъ смотрѣть какъ на дорогую игрушку, да и въ самомъ дѣлѣ, не таковъ ли взглядъ большинства на талантливаго артиста?

Изъ ощущеній подобнаго рода выработываются основныя черты характера ребенка, пока взрослые пресерьёзно разсуждаютъ о томъ, чему слѣдуетъ отвести первенствующее мѣсто въ его воспитаніи: наукѣ или литературѣ?

Вскорѣ послѣ того, въ жизни Даніэля совершился переворотъ: его послали въ Итонъ. Тамъ ему жилось хорошо, хотя подчасъ разсказы товарищей объ ихъ семьяхъ, о жизни въ домѣ родительскомъ тревожили его душевную рану. Даніэля всѣ любили, всѣ ласкали; во время его пребыванія въ колледжѣ, онъ получилъ извѣстіе о женитьбѣ сэра Гуго на нѣкоей миссъ Раймондъ, кроткомъ и миломъ созданіи.

Къ тому времени, какъ Дерондѣ пришла пора поступать въ кэмбриджскій университетъ, у лэди Маллингеръ было уже три дочери, и сэръ Гуго съ грустью помышлялъ, что все имѣніе достанется такимъ образомъ Грапкуру, до котораго ему не было никакого дѣла. Даніэль болѣе чѣмъ когда-либо былъ увѣренъ, что сэръ Гуго—его отецъ; но теперь его окрѣпшій умъ иначе относился къ этому факту, чѣмъ въ дѣтствѣ. Натуры холодныя, эгоистическія легко ожесточаются, видя, что имъ приходится нести кару за чужую вину; въ главахъ натуръ исключительныхъ неумолимое горе соединяетъ страдальца съ миріадами другихъ такихъ же несчастныхъ, какъ и онъ. Самосознаніе, такъ рано пробудившееся въ душѣ Деронды, заставило его все болѣе и болѣе углубляться въ изслѣдованіе различныхъ вопросовъ, задаваемыхъ жизнью, и привело его къ заключенію, что онъ—

одна изъ многихъ жертвъ безчеловѣчныхъ предразсудковъ. Въ душѣ его пробудилась ожесточенная ненависть ко всякимъ несправедливостямъ и горячее сочувствіе къ несчастнымъ, обдѣленнымъ на жизненномъ пиру. И въ Кэмбриджѣ, какъ въ Итонѣ, о немъ были очень высокаго мнѣнія. Всѣ профессора говорили въ одинъ голосъ, что этотъ юноша могъ бы быть въ числѣ первыхъ, еслибъ почиталъ, какъ всѣ его товарищи, науку—средствомъ для достиженія житейскихъ успѣховъ, а не держался бы такъ упорно дикаго мнѣнія, будто научныя свѣдѣнія должны быть разсматриваемы только какъ матеріалъ, изъ котораго человѣкъ имѣетъ выработать себѣ міросозерцаніе. Изъ желанія доставить сэру Гуго удовольствіе, Даніэль усердно занимался высшей математикой, но и она не удовлетворяла его.

О своей будущей карьерѣ онъ думалъ часто, но еще не остановился ни на какомъ опредѣленномъ рѣшеніи; въ душѣ онъ оправдывалъ свою нерѣшительность неопредѣленностью своего положенія; у другихъ есть мѣсто на свѣтѣ, есть и обязанности, говорилъ онъ себѣ, я же все это долженъ создать искусственно. Въ сущности, ему противно было тянуть лямку въ университетѣ, гдѣ ничто не удовлетворяло его живой любознательности, и хотѣлось попутешествовать, познакомиться во-очію съ нравами и обычаями другихъ странъ. Это желаніе свое онъ рѣшился высказать сэру Гуго, и, получивъ его согласіе, покинулъ Англію на продолжительное время.

Былъ прекрасный вечеръ въ концѣ іюля. Деронда катался въ лодкѣ по Темзѣ. Болѣе года прошло съ того дня, какъ онъ возвратился въ Англію, съ сознаніемъ, что образованіе его кончено, и что, такъ или иначе, онъ долженъ занять свое мѣсто въ англійскомъ обществѣ. Подчиняясь желанію сэра Гуго, онъ началъ-было заниматься юриспруденціей, но эта кажущаяся рѣшимость не имѣла другихъ послѣдствій, какъ увеличеніе его нерѣшительности. Онъ болѣе чѣмъ когда-либо любилъ кататься на лодкѣ—оно и понятно: нигдѣ не находилъ онъ такого мирнаго уединенія, какъ на рѣкѣ. У него была своя лодка, и онъ не зналъ бóльшаго удовольствія, какъ носиться въ ней по волнамъ до поздняго вечера, и возвращаться домой при свѣтѣ звѣздъ. Онъ не былъ сентименталенъ, но его мучилъ вопросъ: стóитъ ли вообще принимать участіе въ житейской битвѣ?

Кто бы ни увидалъ теперь этого красиваго мужчину, въ его синей блузѣ, съ коротко-подстриженными кудрями, съ мягкой и волнистой бородой,—хотя съ трудомъ, но узналъ бы въ немъ прежняго хорошенькаго мальчика, по мало-измѣнившемуся взгляду,

выражавшему по прежнему кроткую вдумчивость. Цвѣтъ кожи у него блѣдно-смуглый, лобъ прямой, выраженіе лица мужественное; значительная мускульная сила видна въ длинныхъ, гибкихъ, крѣпко охватывающихъ весла рукахъ. Онъ вполголоса напѣваетъ своимъ чистымъ и высокимъ баритономъ пѣснь гондольера, изъ «Отелло»,—музыка которой написана Россини на слова Данте:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria [1]).

Каково же изумленіе Деронды, когда онъ, случайно повернувъ голову, замѣчаетъ стоящую на берегу рѣки молоденькую дѣвушку, лѣтъ восемнадцати, служащую какъ-бы олицетвореніемъ того горя, о которомъ онъ только-что пѣлъ. Она очень стройна, личико ея правильно и миловидно, черные кудри закинуты за уши. Она крѣпко сжимаетъ свои безнадежно свѣсившіяся ручки, глаза ея устремлены на рѣку съ выраженіемъ полнаго отчаянія. Сердце Деронды сжалось, но онъ не счелъ себя въ правѣ заговорить съ ней и продолжалъ свою прогулку. Возвращаясь позднимъ вечеромъ, онъ опять наткнулся на свою незнакомку; на этотъ разъ она, казалось, приняла роковое рѣшеніе: она сидѣла на берегу и съ большимъ усиліемъ вытаскивала изъ воды совершенно мокрый плащъ. Дерондѣ въ одинъ мигъ все стало ясно: несчастная хочетъ утопиться, она завернется въ плащъ, чтобы скорѣй пойти ко дну, благодаря его тяжести. Времени терять нечего; Деронда причаливаетъ къ берегу, выскакиваетъ изъ лодки, подбѣгаетъ къ ней:

— Не пугайтесь, ради Бога. Вы несчастливы. Довѣрьтесь мнѣ. Скажите: чѣмъ я могу помочь вамъ?

Она поднимаетъ голову и пристально смотритъ на него.

— Это вы давеча пѣли: «Nessun maggior dolore»?

— Да; но вамъ вредно здѣсь оставаться; позвольте, и я довезу васъ на своей лодкѣ, куда прикажете. Дайте мнѣ этотъ мокрый плащъ.

Въ глазахъ ея отражается недоумѣніе.

— Вы, кажется, человѣкъ добрый... Можетъ быть, такъ Богу угодно...

— Довѣрьтесь мнѣ, позвольте мнѣ помочь вамъ.

Она машинально кладетъ свою маленькую ручку въ его

---

[1]) Нѣтъ большаго страданія, какъ вспоминать въ минуты горя о минувшемъ счастіи.

руку, но вдругъ отступаетъ, словно пораженная новой мыслью, и шепчетъ:

— Мнѣ некуда идти, у меня во всей странѣ этой нѣтъ ни души знакомой.

— Я васъ отвезу къ одной дамѣ, у которой есть дочери; она прекрасная женщина, вамъ у нея будетъ хорошо, не станемъ терять времени: вы можете захворать; повѣрьте, жизнь еще улыбнется вамъ, на свѣтѣ много хорошихъ людей.

Она болѣе не противится, но спокойно входитъ въ лодку и прислоняется къ подушкамъ. Она не глядитъ на него и молча слѣдитъ за движеніемъ вёселъ. Сумерки сгущаются, на небѣ одна за другой загораются звѣзды. Наконецъ, она рѣшается заговорить.

— Я люблю плескъ вёселъ.

— Я также.

— Еслибъ вы не пришли, я бы теперь была мертвая.

— Надѣюсь, что вы никогда не пожалѣете, что я пришелъ.

— Не знаю. Maggior dolore и miseria занимаютъ въ моей жизни гораздо болѣе мѣста, чѣмъ tempo felice. Dolore, miseria — эти слова точно живыя!

Деронда молчитъ, не рѣшаясь ее разспрашивать. Она продолжаетъ съ оттѣнкомъ задумчивости:

— Мнѣ казалось, что въ моемъ желаніи нѣтъ ничего дурного. Жизнь и смерть равны передъ Предвѣчнымъ. Я знаю, что отцы наши убивали дѣтей своихъ, чтобы соблюсти души ихъ въ чистотѣ. То же думала сдѣлать и я. Теперь мнѣ повелѣно жить. Не знаю, какъ я жить буду!

— Вы найдете друзей въ моихъ друзьяхъ.

Она съ грустью качаетъ головой.

— Я не найду ни матери, ни брата.

— Вы навѣрное англичанка, вы такъ хорошо говорите по-англійски.

— Я родилась въ Англіи, но я еврейка; я пріѣхала изъ-за границы, я убѣжала, я надѣялась найти свою мать, искала тщетно, отчаяніе овладѣло мной, остальное вы знаете!

Деронда успокоиваетъ ее, утѣшаетъ, и болѣе чѣмъ когда-либо утверждается въ своемъ намѣреніи довѣрить бѣдную дѣвушку попеченіямъ нѣкоей миссиссъ Мейрикъ, матери одного изъ его товарищей по университету, имѣющей трехъ дочерей, и совершенно способной отнестись сочувственно къ бѣдной, всѣми покинутой дѣвушкѣ. Къ тому же, вся семья Мейрикъ душой предана Align Дерондѣ, за его дружбу къ ихъ Гансу, за серьёзныя

услуги, какія онъ ему много разъ оказывалъ, и, конечно, рада будетъ помочь ему въ его настоящемъ затруднительномъ положеніи. Къ миссиссъ Мейрикъ Деронда привозитъ спасенную имъ отъ смерти молодую незнакомку; и мать и дочери ласково встрѣчаютъ ее: они готовы дать ей пріютъ у себя на первое время; завтра она разскажетъ имъ о себѣ, чтó сочтетъ возможнымъ; сегодня ей всего нужнѣе—пища, отдыхъ и спокойствіе.

III.

Разсказъ Мирры Лапидотъ о себѣ и о своемъ печальномъ прошломъ—одно изъ лучшихъ мѣстъ во всемъ романѣ. Мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что онъ составляетъ самую полную характеристику этой, въ высшей степени поэтически очерченной Джорджомъ Элліотомъ, личности.

— Первое мѣсто въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ,—говоритъ она миссиссъ Мейрикъ,—занимаетъ лицо моей матери, хотя меня оторвали отъ нея, когда мнѣ не исполнилось и семи лѣтъ, а теперь мнѣ—девятнадцать; жизнь моя началась въ ея объятіяхъ, подъ звуки ея пѣсенъ. Она все пѣла еврейскіе гимны, а такъ какъ я не понимала значенія словъ, то мнѣ казалось, что въ нихъ ни о чемъ не говорилось, кромѣ нашего счастья, нашей любви. Бывало — лежу я въ своей бѣленькой постелькѣ, а она наклонится надо мной и поетъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ. Я и теперь часто вижу все это во снѣ. Еслибъ я увидала мать—я бы навѣрное узнала ее; ахъ, много-много она горевала обо мнѣ; о, еслибъ мы могли свидѣться, еслибъ я могла высказать ей, какъ я люблю ее; кажется, все бы мнѣ было нипочемъ, я бы радовалась, что осталась жива! Отчаяніе точно овладѣло мной вчера, весь міръ казался полнымъ горя и неправды, я чувствовала, что мать умерла, и что смерть единственный путь, который приведетъ меня къ ней. Но въ самую послѣднюю минуту—милосердіе въ образѣ человѣка пришло мнѣ на помощь, и я почувствовала въ душѣ довѣріе къ людямъ.

— Тяжело говорить о разлукѣ съ матерью, но я должна сказать вамъ все; меня увезъ отъ нея—отецъ; я думала, что мы уѣзжаемъ не на долго и была очень рада. Но мы взошли на корабль, земля все дальше и дальше оставалась позади насъ. Потомъ я захворала, думала, что путешествіе наше никогда не кончится, наконецъ мы вышли на берегъ. Я ничего не понимала, вѣрила всему, чтó говорилъ отецъ, онъ успокоивалъ меня,

увѣрялъ, что я скоро вернусь къ матери. Мы были въ Америкѣ, и много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ мы возвратились въ Европу. Отецъ перемѣнилъ фамилію, въ Лондонѣ онъ назывался: Когенъ, въ Нью-Іоркѣ сталъ именоваться Лапидотъ; впрочемъ, онъ увѣрялъ меня, что это—его настоящее имя, что его носили еще его предки—въ Польшѣ. Сначала я часто спрашивала: *скоро-ли* мы поѣдемъ? Старалась поскорѣе научиться писать, чтобы написать письмо къ матери; однажды отецъ, заставъ меня за этимъ занятіемъ, взялъ меня на колѣни и, приласкавъ, сказалъ, что мать и братъ мой умерли. Я повѣрила, и долго плакала объ нихъ по вечерамъ, лежа въ постелѣ. Часто, очень часто снилась мнѣ мать. Впрочемъ, и отецъ былъ со мной ласковъ, онъ и училъ и баловалъ меня. Онъ былъ актеръ, зналъ нѣсколько языковъ, писалъ и переводилъ театральныя пьесы. Съ нами долгое время жила одна итальянка — пѣвица; она и отецъ занимались со мной; кромѣ того, у меня былъ учитель декламаціи. Я работала усердно, хотя была еще очень мала: мнѣ не исполнилось и девяти лѣтъ, когда я въ первый разъ выступила на сцену. Я легко заучивала наизусть, и ничего не боялась, но я и тогда уже ненавидѣла нашъ образъ жизни. У отца водились деньги, насъ окружала безпорядочная роскошь, къ намъ ходило много мужчинъ и женщинъ, они вѣчно спорили и громко смѣялись. Многіе изъ нихъ меня ласкали, но мнѣ непріятно было глядѣть на нихъ, я все вспоминала мать; сначала я инстинктивно сторонилась отъ нихъ, потомъ, когда стала много читать, познакомилась съ Шекспиромъ, съ Шиллеромъ, узнала различіе, существующее между добромъ и зломъ, — начала сторониться уже сознательно. Отецъ надѣялся, что изъ меня выйдетъ великая пѣвица, всѣ находили голосъ мой удивительнымъ для ребенка, у меня были лучшіе учителя, но онъ вѣчно выставлялъ мое пѣніе напоказъ, точно я была табакерка съ музыкой: мнѣ это бывало очень тяжело. Вскорѣ я создала себѣ особый міръ изъ своихъ мыслей и всего, чтó мнѣ казалось прекраснымъ въ прочитанныхъ книгахъ и пьесахъ, и жила въ немъ. Съ каждымъ годомъ желаніе мое покончить съ этимъ ненавистнымъ образомъ жизни возрастало, но я боялась бросить отца, сознавая, что этотъ дурной поступокъ можетъ лишить меня моего внутренняго міра, въ которомъ посреди свѣтлыхъ образовъ жила со мною мать. Въ теченіи долгихъ, долгихъ лѣтъ эта дѣтская мысль не покидала меня.

— Отецъ былъ равнодушенъ къ дѣламъ вѣры, но я помнила, что мать водила меня въ синагогу, и что я, по-долгу сидя у

нея на колѣняхъ, смотрѣла сквозь рѣшетку, прислушивалась къ пѣнію, слѣдила за службой: мнѣ очень хотѣлось побывать въ синагогѣ; разъ, во время нашего пребыванія въ Нью-Іоркѣ, я выскользнула тайкомъ изъ дому, пошла отыскивать нашъ домъ молитвы, но заблудилась и еле нашла дорогу домой. Впослѣдствіи мы переѣхали на квартиру къ одной еврейкѣ; она брала меня съ собой въ синагогу, я читала ея молитвенники, ея библію, и такимъ образомъ понемногу ознакомилась съ своей вѣрой, съ исторіей своего народа. По мѣрѣ того, какъ я подростала, вспоминала прошлое, вдумывалась въ него, мнѣ все яснѣе и яснѣе становилось, что отецъ обманывалъ меня всѣ эти годы, что мать моя жива; я написала ей тайкомъ, я помнила старый лондонскій адресъ, но отвѣта не получила. Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда мы съ отцомъ покинули Америку и переселились въ Гамбургъ; я чувствовала себя совершенной старухой, я знала такъ много и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало! Однажды, во время нашего плаванія, я сидѣла на палубѣ, и слышала, какъ одинъ джентльменъ сказалъ другому, указывая глазами на отца, пѣвшаго различныя пѣсенки для развлеченія пассажировъ.

— Очевидно, очень умный еврей и, конечно, мошенникъ. Нѣтъ такого народа, который бы превосходилъ еврейскій въ двухъ отношеніяхъ: по ловкости мужчинъ, и по красотѣ женщинъ. Желалъ бы я знать на какой рынокъ онъ предназначаетъ свою дочку.

Слова эти объяснили мнѣ многое: всѣ мои несчастія, думалось мнѣ, происходятъ оттого, что я еврейка; мнѣ пріятно было сознавать, что мои страданія — капля въ морѣ бѣдствій моего народа.

— Послѣ этого мы жили въ разныхъ городахъ, преимущественно въ Гамбургѣ и Вѣнѣ, гдѣ отецъ надѣялся видѣть мой дебютъ на оперной сценѣ: его ожидало горькое разочарованіе — голосъ мой, по увѣреніямъ моего учителя, былъ слабъ для сцены. Отецъ по прежнему любилъ меня, но между нами была стѣна: все, чтó было дорого и близко моему сердцу, я тщательно скрывала отъ него; онъ ко всему относился легко, точно будто земная жизнь — вѣчный фарсъ или водевиль, тогда какъ существуютъ же трагедіи и драматическія оперы, въ которыхъ люди, добровольно избираютъ трудные пути, добровольно идутъ на страданіе. По-моему — глупо все обращать въ шутку. Тѣмъ не менѣе отецъ мнѣ внушалъ состраданіе, онъ измѣнился, постарѣлъ, часто, безо всякой видимой причины, плакалъ по цѣлымъ часамъ; въ такія минуты я крѣпко-крѣпко прижималась къ нему и молилась за него!

— Вскорѣ настало ужасное для меня время; отецъ устроилъ мнѣ ангажементъ на одномъ изъ небольшихъ вѣнскихъ театровъ. Здѣсь я страдала невыносимо. Меня окружили, со мной разговаривали мужчины, поглядывавшіе на меня съ странной, насмѣшливой улыбкой. Я была постоянно точно въ пещи огненной, особенно мучило меня вниманіе одного графа. Я ужасно боялась этого человѣка, не спускавшаго съ меня глазъ: что̀-то говорило мнѣ, что въ основѣ его чувства ко мнѣ лежитъ презрѣніе къ еврейкѣ и актрисѣ. Онъ былъ не старъ и не молодъ, часто улыбался, глядя на меня, всегда говорилъ по-французски, называлъ меня mon petit ange; когда графъ приходилъ къ намъ, отецъ всегда выходилъ изъ комнаты. Графъ зналъ, что сцена мнѣ ненавистна; онъ однажды принялся уговаривать меня бросить ее, переѣхать къ нему въ его великолѣпный за̀мокъ, гдѣ я буду жить царицей. Въ первую минуту я слова не могла выговорить, гнѣвъ душилъ меня, наконецъ произнесла:—лучше я вѣкъ не сойду со сцены, и бросилась вонъ. Отецъ медленно расхаживалъ по коридору, въ двухъ шагахъ отъ комнаты, гдѣ мы сидѣли съ графомъ. Сердце мое замерло, я молча прошла къ себѣ и заперлась на ключъ. Ясно—отецъ за-одно съ этимъ человѣкомъ: что̀ мнѣ было дѣлать? Я желала одного: сохранить себя отъ зла, и молилась о ниспосланіи мнѣ по̀мощи свыше; слишкомъ ужъ хорошо я знала, что̀ такое жизнь женщинъ, которыхъ всѣ презираютъ. На другой день графъ исчезъ, а вскорѣ отецъ повезъ меня въ Прагу; со времени той страшной сцены, я постоянно была на-сторожѣ, а потому передъ отъѣздомъ изъ Вѣны уложила въ небольшой мѣшокъ самыя необходимыя вещи, и только ждала благопріятной минуты, чтобы бѣжать отъ всѣхъ этихъ ужасовъ. Рѣшимость моя усилилась, когда, въѣзжая въ Прагу, я увидала у дверей одного изъ лучшихъ тамошнихъ отелей слишкомъ знакомую мнѣ фигуру. Тутъ—Богъ послалъ мнѣ свою помощь: въ четыре часа утра я, вмѣстѣ съ другими путешественниками, отправлявшимися на желѣзную дорогу, вышла изъ отеля, и солнце еще не взошло, когда я уже сидѣла въ вагонѣ, а поѣздъ уносилъ меня въ Дрезденъ; оттуда — черезъ Брюссель и Кёльнъ— пробралась я въ Дувръ, а затѣмъ—въ Лондонъ. Здѣсь я бросилась искать мать, но, къ ужасу моему, не нашла ни улицы, ни дома, гдѣ мы когда-то жили; все въ старомъ кварталѣ было срыто, передѣлано, слѣдовъ прошлаго не оставалось никакихъ. Я вдругъ почувствовала страшное утомленіе, я была одна, безъ гроша денегъ, въ совершенно чуждомъ мнѣ мірѣ. У меня оставалось всего нѣсколько пенсовъ, я купила на нихъ хлѣба, чтобы

хоть нѣсколько утолить голодъ, и спокойнѣе рѣшить вопросъ: жить мнѣ или умереть? Съ того дня, какъ меня разлучили съ матерью, я чувствовала, что я—всѣми покинутый ребенокъ, окруженный посторонними, равнодушными людьми, не заботящимися о томъ, что такое жизнь этого ребенка въ его собственныхъ глазахъ, а употребляющими эту жизнь для своихъ цѣлей. Но теперь—было еще хуже. Я всѣхъ боялась; мнѣ казалось, что мое отчаяніе—голосъ Бога, повелѣвающаго мнѣ умереть. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ я счастья не знала, каждое утро, просыпаясь, говорила себѣ: *дѣлать нечего, терпѣть надо.* Но прежде у меня была надежда, теперь ея не стало! Чѣмъ болѣе я размышляла, тѣмъ сильнѣе становилась томившая меня усталость, пока я наконецъ не перестала думать, а душу мою не наполнила одна мысль — мысль о Богѣ предвѣчномъ. Не все-ли равно— жива я или нѣтъ? Когда вечеръ насталъ и солнце закатилось, мнѣ показалось, что ждать болѣе нечего. Я рѣшилась умереть; остальное вы знаете: м-ръ Деронда вѣдь сказалъ вамъ, какъ онъ нашелъ меня?

Понятно, что послѣ этого разсказа въ душѣ миссисъ Мейрикъ возникаетъ сильная симпатія къ молодой дѣвушкѣ, столь страннымъ образомъ забредшей подъ ея гостепріимный кровъ: она предлагаетъ Декондѣ оставить у нея Мирру, прибавляя: пусть сначала отдохнетъ хорошенько, соберется съ силами, а тамъ примется за работу, подобно моимъ дочерямъ; ей будетъ у насъ хорошо, всѣ мы уже и теперь любимъ ее.

Деронда тѣмъ охотнѣе принялъ ея предложеніе, что ему какъ разъ въ это время приходилось ѣхать за границу, гдѣ его ожидалъ сэръ Гуго со всей семьей, а ему не хотѣлось уѣхать, не устроивъ Мирру наилучшимъ образомъ. Ему казалось, что, уговоривъ ее жить, онъ какъ-бы обязался сдѣлать ея жизнь сносной, если не счастливой. Мирра смотрѣла на него какъ на избавителя, посланнаго ей Богомъ, онъ казался ей олицетвореніемъ всего, что есть на землѣ прекраснаго; она охотно осталась въ пріютившей ее семьѣ, а онъ съ спокойнымъ сердцемъ уѣхалъ въ Лейброннъ.

Такова была — исторія Даніэля Деронды, до минуты его встрѣчи съ Гвендолиной Гарлетъ въ игорной залѣ.

IV.

Съ смутнымъ чувствомъ на сердцѣ возвратилась миссъ Гвендолина къ себѣ въ Оффендинъ, всю дорогу ее мучилъ вопросъ: чтó мы теперь дѣлать-то будемъ; она представить себѣ не можетъ, чтобы у нихъ абсолютно ничего не осталось; конечно, это не болѣе какъ реторическая фигура, вѣрно есть кое-какія крохи, съ которыми можно будетъ уѣхать за границу. Во время своего продолжительнаго пребыванія на континентѣ, Гвендолина не разъ видала тамъ семьи разорившихся англичанъ, и сердце ея замирало при мысли о тѣхъ печальныхъ картинахъ, какія рисовало ей услужливое воображеніе. Жить въ захолустьѣ, перебиваться изо дня въ день, давать уроки несноснымъ сестрамъ, глядѣть на горе и слезы матери, скучать, отцвѣтать, состариться, не знавши ни счастья, ни истиннаго блеска,—вотъ ея будущность; она съ отвращеніемъ отъ нея отворачивалась.

По мѣрѣ приближенія къ дому мысли Гвендолины принимаютъ иное, менѣе эгоистическое направленіе, а когда на порогѣ родного дома показывается мать, съ новыми морщинами на поблѣднѣвшемъ лицѣ и полными слезъ глазами, всѣ лучшія чувства Гвендолины разомъ вырываются наружу; стремительно выскакиваетъ она изъ экипажа и бросается на шею матери со словами:

— Не горюйте, ради Бога, я—молодцомъ, у меня много плановъ, что-нибудь да надо устроить, предпринять. Вамъ все это показалось такъ ужасно, вслѣдствіе моего отсутствія; теперь я съ вами,—посмотрите, какъ все хорошо уладится.

— Да благословитъ тебя Богъ, мое ненаглядное сокровище!—мнѣ уже и теперь легче.

Сестры, гувернантка,—всѣ выбѣгаютъ на встрѣчу своей царицѣ; она, небрежно поздоровавшись съ ними, отсылаетъ ихъ,—ей хочется поскорѣе остаться наединѣ съ матерью, чтобы узнать отъ нея о настоящемъ положеніи дѣлъ. Приведя свой туалетъ въ порядокъ, Гвендолина, въ сопровожденіи матери, сходитъ въ гостиную и усаживается на уютный диванчикъ; ее окружаетъ прежняя обстановка: въ богато-убранной комнатѣ ничто не напоминаетъ о недавней катастрофѣ; бѣдность еще не даетъ чувствовать своихъ острыхъ когтей.

— Чтò же вы теперь думаете дѣлать, мама?

— Прежде всего, дитя мое, нужно сдать квартиру; намъ

немыслимо оставаться въ этомъ домѣ. Къ счастью, управляющій лорда Бракеншоу уже нашелъ жильцовъ.

— Значитъ, мои предположенія оправдываются; я еще дорогой думала, что намъ придется ѣхать за-границу.

— Помилуй, Гвендолина, это невозможно. На какія же средства мы путешествовать будемъ?

— Но вѣдь надо же куда-нибудь дѣваться?

Миссиссъ Дэвилоу съ сильнымъ смущеніемъ и глубокимъ состраданіемъ глядитъ на свою дочь.

— Радость моя, ты все-таки не сознаешь всей тягости нашего настоящаго положенія. У насъ ничего нѣтъ, Гвендолина, понимаешь ли ты: *ничего*. Мы переѣдемъ въ коттеджъ, принадлежащій м-ру Соэрсу; сестра Гаскойнъ даетъ намъ кое-какую мебель; я съ младшими дочерьми буду искать ручной работы, а тебѣ дядя Гаскойнъ постарается пріискать хорошее мѣсто; онъ даже теперь имѣетъ предложить тебѣ нѣчто весьма приличное: мѣсто гувернантки въ семействѣ нашего почтеннаго епископа мистера Мюмперта.

Всю свою длинную рѣчь бѣдная мать произноситъ, не глядя на дочь.

Гвендолинѣ кажется, что она видитъ какой-то безобразный сонъ. Перемѣна квартиры, жизнь въ этомъ отвратительномъ коттеджѣ, рабство, съ которымъ, по ея понятіямъ, неразрывно связано званіе гувернантки,—всѣ эти представленія, словно страшные призраки, встаютъ передъ ней.

— Мама, это немыслимо!—восклицаетъ она, наконецъ:—вамъ нельзя поселиться въ этой трущобѣ. Удивляюсь, какъ дядѣ могла придти подобная мысль,—вѣдь, конечно, онъ одинъ могъ рѣшиться посовѣтовать вамъ перебраться въ эту конуру. Я также не гожусь для смиренно-безцвѣтной роли гувернантки; у меня есть другіе планы, другія надежды. Вы не знаете: гдѣ теперь Клезмеръ, все еще въ Кветчамѣ, у миссиссъ Арронайнтъ?

— Да.

— Такъ пошлите туда Джэмса, верхомъ, съ запиской;—я сейчасъ напишу.

— Увы! дитя, ни Джэмса, ни лошадей уже нѣтъ, но записку можно послать съ кѣмъ-нибудь изъ работниковъ съ сосѣдней фермы.

Гвендолина пишетъ Клезмеру записку, въ которой проситъ его пожаловать къ ней на слѣдующій день, по очень важному дѣлу.

Со страхомъ и трепетомъ ждетъ Гвендолина строгаго нѣмца;

отъ исхода ея разговора съ нимъ будетъ зависѣть весьма многое. Настоящая минута—важная минута въ ея жизни, гораздо болѣе важная, чѣмъ та, когда рѣшался вопросъ: быть или не быть ей женой Гранкура; тогда дѣло шло только о томъ: принять или не принять предложеніе даннаго субъекта,—теперь же ей предстояло узнать: нельзя ли достичь матеріальнаго благосостоянія и блестящаго положенія, не налагая на себя никакихъ цѣпей?

Клезмеръ застаетъ Гвендолину совершенно одну дома; она выпроводила мать и сестеръ въ церковь, благо—день воскресный; ей хотѣлось непремѣнно побесѣдовать съ профессоромъ съ глазу на-глазъ. Она тотчасъ, безъ обиняковъ, приступаетъ къ дѣлу.

— Herr Klesmer,—говоритъ она, дружески протягивая ему руку,—извините, что обезпокоила васъ. Но съ нами случилось несчастье: мы потеряли все свое состояніе, у насъ положительно ничего не осталось; мое желаніе—завоевать себѣ независимость, и имѣть возможность поддерживать мою мать; я бы хотѣла поступить на сцену въ качествѣ драматической актрисы, а если вы найдете, что мнѣ эта задача по силамъ,—то и пѣвицы. Я бы ничего такъ не желала, какъ соединить въ лицѣ своемъ эти два высокія призванія,—быть драматической пѣвицей, какъ Гризи. Скажите по-совѣсти, чтó вы думаете объ этомъ?

— Дорогая миссъ Гарлетъ,—отвѣчалъ Клезмеръ,—вы, насколько я могу судить, незнакомы совершенно съ жизнью актеровъ, пѣвцовъ,—вообще артистовъ. Позвольте же мнѣ объяснить вамъ, чтó это такое. Но прежде всего, извините за вопросъ, повидимому, не идущій къ дѣлу: вѣдь вамъ около двадцати лѣтъ,—не правда ли?

— Мнѣ двадцать одинъ годъ,—неужели вы думаете, что я слишкомъ стара?

— Артистическую карьеру надо начинать гораздо раньше.

— Да, если начинать съ начала, но вѣдь я знаю что-нибудь.

— Да, вы поете и даже декламируете очень мило, съ точки зрѣнія гостиныхъ, но если смотрѣть на дѣло серьёзно—вамъ все это нужно позабыть. Вамъ придется взять себя въ руки, не ждать ни похвалъ, ни рукоплесканій, заслуживать похвалы въ потѣ лица, какъ заработываютъ хлѣбъ; поучиться быть строгой къ себѣ, готовиться ко всевозможнымъ неудачамъ, а главное работать, работать и работать. Въ состояніи ли вы вынести все это? вы привыкли къ успѣхамъ, къ всеобщему поклоненію? Прибавьте ко всему сказанному, что ангажемента вамъ долго не дождаться; попробуйте теперь предложить свои услуги любому антрепренеру, онъ скажетъ вамъ: *учитесь*. Да притомъ голосъ вашъ наврядъ

ли подходитъ къ сценическимъ требованіямъ; еще еслибъ вы начали обработывать его нѣсколько лѣтъ тому назадъ—вы бы могли чего-нибудь добиться, но теперь—право, я боюсь, что поздно.— Вотъ все, что̀ я имѣлъ сказать вамъ; извините, если выразился слишкомъ рѣзко, но я бы презиралъ себя, еслибъ не рѣшился высказать вамъ всю истину—безъ прикрасъ.

Грозный приговоръ строгаго, но честнаго нѣмца поражаетъ Гвендолину, словно ударъ грома съ яснаго неба; она пытается еще убѣдить его, что изъ нея можетъ выдти порядочная драматическая актриса,—неумолимый Клезмеръ доказываетъ ей, какъ дважды-два четыре, всю призрачность ея надеждъ, объясняя, что много времени пройдетъ, прежде чѣмъ она научится ходить по сценѣ, прежде чѣмъ настолько совладаетъ со своимъ голосомъ, чтобы не говорить шопотомъ,—словомъ, разбиваетъ въ прахъ ея дѣтскія мечты.

— Въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ вы привыкли относиться ко всему легко,—говоритъ онъ въ заключеніе,—вамъ будетъ крайне тяжело взяться за серьёзный трудъ. Если же вы рѣшитесь на это, несмотря ни на что̀, я первый скажу: она задалась высокой цѣлью, это дѣлаетъ ей честь! Служеніе искусству—великое дѣло, даже и съ малой надеждой на успѣхъ. Но прежде чѣмъ избрать тернистый путь начинающей артистки, подумайте: подъ силу ли онъ вамъ, не благоразумнѣе ли избрать какой-либо другой, менѣе для васъ тяжелый; въ случаѣ же, еслибъ вы рѣшились вступить на артистическое поприще, я всегда къ вашимъ услугамъ, готовъ помочь и словомъ, и дѣломъ; да и не я одинъ, моя невѣста, миссъ Арронайнтъ, съ которой вы всегда были хороши, конечно почувствуетъ къ вамъ еще бо̀льшую пріязнь, когда узнаетъ о вашей великодушной рѣшимости. Располагайте мной, пожалуйста; вотъ моя карточка, по этому адресу вы всегда можете написать мнѣ, я тотчасъ же явлюсь, а теперь, прощайте, дай вамъ Богъ избрать такую дорогу, на которой вы найдете счастье.

Съ этими словами Клезмеръ взялъ руку Гвендолины, поднесъ ее къ губамъ и вышелъ.

Никогда во всю свою жизнь Гвендолина не бывала такъ несчастна, какъ въ эту минуту; ни слезъ, ни рыданій не было, только глаза ея горѣли, а всѣ окружающіе предметы, не исключая ея собственнаго изображенія въ зеркалѣ, внушали ей живое чувство отвращенія. Первый разъ въ жизни — *она увидала себя на одномъ уровнѣ съ другими.* До прихода Клезмера она мечтала, что одного года совершенно достаточно, чтобы сдѣлать

изъ нея безукоризненную Джульетту, да и казалось, что же тутъ удивительнаго? Домашніе, знакомые—всѣ всегда признавали ея превосходство передъ другими, а тутъ вдругъ: — Поздно, надо было начать нѣсколько лѣтъ назадъ, неустанный трудъ, умѣренныя похвалы, тяжело-достающійся хлѣбъ,—Господи, того ли она ожидала нѣсколько часовъ тому назадъ!

Послѣ этого разочарованія бѣдной Гвендолинѣ ничего не остается, какъ согласиться на предложеніе дяди; она готовится быть гувернанткой дочерей епископа, старается примириться съ этой мыслью, которая по прежнему возмущаетъ ее до глубины души. Но въ самый разгаръ своихъ печальныхъ размышленій, черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ Клезмеромъ, Гвендолина получаетъ записку отъ Гранкура, который проситъ у нея позволенія явиться на другой день, и сообщаетъ, что только-что возвратился изъ Лейбронна, гдѣ надѣялся-было ее встрѣтить.

Эта записка—талисманъ, мгновенно выводящій нашу героиню изъ ея тяжкаго раздумья; конечно, она и теперь не приметъ его предложенія, не даромъ въ ней еще живо воспоминаніе о встрѣчѣ съ миссиссъ Глэшеръ: она обѣщала этой несчастной, что не пойдетъ за Гранкура. Но, съ другой стороны, кто знаетъ, быть можетъ она этой самой женщинѣ оказала бы серьёзную услугу, выйдя за него: чего не сдѣлаетъ человѣкъ для жены, съумѣвшей пріобрѣсти надъ нимъ вліяніе, онъ бы обезпечилъ мальчика!.. Но нѣтъ, нѣтъ, это немыслимо, конечно, еслибы...—и опять длинной вереницей проходятъ передъ ея мысленнымъ взоромъ различные софизмы, могущіе оправдать ее въ случаѣ, еслибъ она поступила именно такъ, какъ ей въ глубинѣ сердца хочется поступить. При всемъ томъ, она не находила въ душѣ своей искры любви къ Гранкуру; да, ей всегда казалось, что въ бракѣ любовь для женщины роскошь, это дѣло мужчины, на долю котораго, по принятому въ свѣтѣ обычаю, выпадаетъ обязанность дѣлать предложеніе.

Всѣ колебанія Гвендолины кончаются тѣмъ, что когда Гранкуръ является, и своимъ обычнымъ флегматичнымъ тономъ проситъ ея руки, она даетъ свое согласіе и сообщаетъ о томъ матери въ слѣдующихъ характеристическихъ выраженіяхъ:

— Мама, все улажено. Вы не переѣдете въ этотъ противный коттеджъ, я не поѣду къ миссиссъ Мюмпертъ, а все будетъ такъ, какъ я того пожелаю.

V.

Съ обычнымъ своимъ умѣньемъ, съ удивительной мѣткостью, составляющей характеристическую черту его таланта, рисуетъ намъ Джорджъ Эллiотъ душевное состоянiе Гвендолины, съ минуты ея обрученiя съ Гранкуромъ; мы также попытаемся, насколько это дозволяютъ предѣлы нашего анализа, познакомить съ нимъ читателей.

Часу не прошло послѣ отъѣзда Гранкура изъ Оффендина, какъ все семейство Гаскойнъ было оповѣщено о великомъ событiи. Въ тотъ же день вечеромъ они явились принести Гвенѣ свои искреннiя поздравленiя. Тóлкамъ, разговорамъ не было конца. Почтенный ректоръ сообщилъ племянницѣ, что у ея жениха—два богатыхъ имѣнiя: Рейландсъ и Гадсмеръ, причемъ въ Рейландсѣ—обширный паркъ и великолѣпные лѣса. Дохода у Гранкура должно быть, приблизительно, двѣнадцать тысячъ фунтовъ въ годъ.

По мѣрѣ того какъ она прислушивалась ко всѣмъ этимъ подробностямъ, Гвендолина все сильнѣе и сильнѣе убѣждалась въ томъ, что ей предстоитъ счастливая будущность.

Отступить теперь — было немыслимо, впереди ея ожидало слишкомъ многое изъ того, чтó всегда составляло предметъ ея тайныхъ мечтанiй. Но посреди прiятныхъ мыслей ее продолжало преслѣдовать воспоминанiе о той, прежней, казавшейся ей столь твердой рѣшимости, теперь разлетѣвшейся какъ дымъ. Ее ужасала мысль, что она готовится совершить именно то, отъ чего еще такъ недавно съ отвращенiемъ отпрянула. Для нея было совершенной новостью ощущать въ себѣ этотъ страхъ; до сихъ поръ она не знала душевныхъ сомнѣнiй, которыхъ бы нельзя было утишить ласками, или подарками. А теперь—эта несчастная женщина и ея дѣти, Гранкуръ и его отношенiя къ этой семьѣ представлялись ея воображенiю, постепенно заглушая всѣ другiя мысли, становясь какъ-бы частью ея личной жизни. Она всю ночь промучилась этими и имъ подобными мыслями, и заснула только подъ утро. Ее разбудилъ голосъ матери, звавшей ее по имени. Мистриссъ Дэвилоу стояла у кровати, держа въ рукахъ изящный ящичекъ, украшенный эмалью, и письмо; въ ящичкѣ оказалось великолѣпное брилліантовое обручальное кольцо, въ письмѣ чэкъ въ пятьсотъ фунтовъ: *на мелкiе расходы*. Гранкуръ выражалъ надежду, что мистриссъ Дэвилоу останется въ Оффендинѣ по крайней мѣрѣ на первое время.

— Это очень мило и деликатно съ его стороны,—съ чувствомъ замѣтила миссисъ Дэвилоу, но я бы не желала зависѣть вполнѣ отъ зятя. Мы съ дѣвочками и такъ управимся.

— Мама, если вы это скажете еще разъ, я не пойду за него,—съ досадой воскликнула Гвендолина.

— Дорогое дитя, я надѣюсь, что ты идешь за него не только ради меня?

Гвендолина, вмѣсто отвѣта, только кинулась на постель, лицомъ въ подушки. Ей стало досадно на мать за то, что она отнимаетъ у нея—такой благовидный предлогъ. Въ глубинѣ души она, не безъ раздраженія, сознавала, что выходитъ замужъ вовсе не съ мыслью о матери, что ее къ тому понуждаютъ иныя, чисто личныя, эгоистическія причины. Ночные призраки исчезли при дневномъ свѣтѣ, и Гвендолина стала одѣваться съ мыслью, что ей теперь надо настроить себя такъ, чтобы ощущать постоянно то же, что она чувствовала, когда, бывало, несясь во весь духъ на *бодромъ* конѣ, просто наслаждалась, не взирая на то, какія мысли бродили у нея въ головѣ. Теперь ей было легче думать и о миссисъ Глэшеръ, ей представлялась возможность все уладить наилучшимъ образомъ. «Кто знаетъ,—думала она,—быть можетъ у насъ дѣтей не будетъ, Гранкуръ можетъ сдѣлать этого хорошенькаго мальчика своимъ наслѣдникомъ, а когда умретъ сэръ Гуго — тогда на всѣхъ хватитъ». Размышляя такимъ образомъ, Гвендолина доканчиваетъ свой туалетъ, и совсѣмъ готовая, въ амазонкѣ, сходитъ въ гостиную—ждать жениха. Они собираются совершить сегодня хорошую прогулку.

Гранкуръ женихомъ—чрезвычайно приличенъ, хотя съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ нѣжности. Гвендолина довольна имъ, она находитъ его совершеннымъ джентльменомъ, слегка съ нимъ кокетничаетъ, ни на минуту не теряя своего полнаго самообладанія, и благосклонно соглашается исполнить его просьбу: обвѣнчаться съ нимъ черезъ десять дней, а также вмѣстѣ съ матерью навѣстить его въ Дипло, куда онъ ожидаетъ нѣсколько человѣкъ гостей.

Въ числѣ этихъ гостей находятся сэръ Гуго Маллингеръ и Даніэль Деронда. При появленіи послѣдняго Гвендолина твердо рѣшается не обращать на него никакого вниманія, и безъ устали слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ, прислушивается къ каждому его слову. За завтракомъ, Гранкуръ представляетъ Деронду своей невѣстѣ, выражая удивленіе, что они до сихъ поръ незнакомы, несмотря на то, что видѣлись въ Лейброннѣ.

— На врядъ-ли миссъ Гарлетъ помнитъ меня,—скромно замѣчаетъ Деронда.

— Напротивъ,—отвѣчаетъ Гвендолина:—я васъ прекрасно помню. Вы очень не одобряли мою игру въ рулетку.

— Изъ чего вы вывели это заключеніе?

— Вы меня сглазили. Какъ только вы приблизились къ столу, я начала проигрывать, до тѣхъ поръ я постоянно была въ выигрышѣ.

Принимая участіе въ общемъ разговорѣ, Гвендолина не перестаетъ слѣдить за Даніэлемъ: — чтó онъ обо мнѣ думаетъ? — спрашиваетъ она себя: чтó онъ думаетъ, о моемъ замужствѣ? Чтó у него за понятія, что онъ такъ серьёзно ко всему относится? А можетъ просто: много о себѣ воображаетъ.

По возвращеніи въ гостиную Гвендолина подходитъ къ Дерондѣ, и заговариваетъ съ нимъ о предстоящей, на-завтра, охотѣ.

— Имѣете вы что-нибудь противъ моего участія въ этой забавѣ?—спрашиваетъ она.

— Помилуйте, съ какого права.

— Вы же сочли себя въ правѣ осудить меня за игру въ рулетку.

— Я только пожалѣлъ о васъ, ничѣмъ, помнится, не выражая моего неодобренія.

— Тѣмъ не менѣе, вы мнѣ помѣшали продолжать игру.

Проговоривъ эти слова, Гвендолина вся вспыхнула, Деронда тоже покраснѣлъ, сознавая въ душѣ, что позволилъ себѣ многое, въ исторіи съ ожерельемъ.

Даніэлю чудилась какая-то перемѣна въ Гвендолинѣ со времени ихъ первой встрѣчи, и точно: борьба, всегда сопровождающая сознательныя заблужденія, пробудила въ ней словно новую душу. Замѣчательно, что при всей силѣ томящихъ ее сомнѣній, ей ни разу не пришла въ голову простая мысль: что самая неблаговидная сторона ея брака заключается въ томъ, что она смотритъ на Гранкура — какъ на человѣка, за котораго ей удобно выдти, совершенно упуская изъ виду свои будущія по отношенію къ нему обязанности.

Посреди душевныхъ волненій и житейскихъ хлопотъ время летитъ очень быстро. Настаетъ день свадьбы, и застаетъ Гвендолину крайне возбужденной и совершенно счастливой. Она и теперь сознаетъ, что поступила дурно, измѣнивъ своему слову, что миссисъ Глэшеръ должна относиться къ ней враждебно, что въ будущемъ ее, быть можетъ, ждетъ наказаніе, что Деронда имѣетъ право презирать ее за ея бракъ съ Гранкуромъ; но всѣ

эти тяжелыя ощущенія заглушаетъ одно могучее, радостно-захватывающее ей дыханіе чувство, чувство полнаго торжества. Она теперь испытываетъ то же, чтó во время игры въ рулетку, только въ гораздо сильнѣйшей степени; она знаетъ, что общее вниманіе устремлено на нее, и это гордое сознаніе придаетъ еще больше блеска ея замѣчательной красотѣ, когда она, опираясь на руку мужа, и окруженная толпой родныхъ и друзей, спокойно и величаво выходитъ изъ церкви. Она понимаетъ, что ставитъ на карту все—въ надеждѣ выиграть многое, и эта мысль радостно волнуетъ ее. Вотъ онъ—блескъ, вотъ оно—проявленіе истинной женской силы, свѣтъ, успѣхи, все, о чемъ она мечтала съ ранней юности,—стóитъ руку протянуть, чтобы обладать всѣмъ. Бѣдная Гвендолина просто опьянѣла отъ восторга, сомнѣнія, страданія; все, чтó ее томило за послѣднее время, потонуло въ лучезарномъ морѣ ея могущества, ея счастья.

Послѣ свадьбы молодые уѣзжаютъ на нѣсколько времени въ Рейландсъ; Гвендолина болтаетъ всю дорогу безъ умолку, она точно въ лихорадкѣ; мысли, наполнявшія ея душу сладкимъ трепетомъ съ самаго утра, становятся еще живѣе, еще реальнѣе при ихъ въѣздѣ въ ея будущія владѣнія.

— Вотъ мы и дома,—говоритъ Гранкуръ, завидѣвъ освѣщенныя окна своего зáмка, и въ первый разъ цѣлуетъ жену въ губы: она даже не чувствуетъ этого поцѣлуя, вся душа ея въ ея глазахъ, она любуется огромнымъ домомъ, роскошнымъ паркомъ съ эффектно-разбросанными по лужайкамъ живописными купами старыхъ деревъ.

Молодые выходятъ изъ кареты и, рука объ руку, вступаютъ въ домъ; черезъ ярко освѣщенную переднюю, наполненную множествомъ слугъ въ ливреяхъ и цѣлый рядъ роскошно убранныхъ комнатъ, отъ которыхъ въ головѣ Гвендолины остается только смутное представленіе чего-то огромнаго, полнаго статуй, картинъ, бархата и позолоты, Гранкуръ ведетъ свою жену, и, проводивъ ее до дверей изящнаго будуара, отдѣланнаго блѣдно-зеленымъ атласомъ и украшеннаго громадными зеркалами, цѣлуетъ ея руку и оставляетъ одну, прося переодѣться поскорѣй, такъ какъ они сегодня обѣдаютъ рано.

Гвендолина сбрасываетъ шляпу и плащъ и въ раздумьи садится у камина. Всѣ пережитыя ею впечатлѣнія принимаютъ какой-то фантастическій видъ, она задумывается все сильнѣе и сильнѣе; но вдругъ чей-то голосъ выводитъ ее изъ забытья, передъ ней стоитъ экономка, и съ почтительнымъ видомъ, подавая объемистый свертокъ, говоритъ:

— Мнѣ поручено, сударыня, передать это вамъ — въ собственныя руки. Посланный сказалъ, что это подарокъ мистера Гранкура, но что онъ не долженъ знать объ его присылкѣ, пока не увидитъ его на васъ.

Гвендолина отсылаетъ экономку, беретъ свертокъ въ руки, и, не раскрывая его, начинаетъ думать и гадать:

— Чтобы тутъ могло заключаться? Ахъ!—догадывается она,—навѣрное фамильные брильянты,—тѣмъ лучше, примѣрю ихъ, это развлечетъ меня.

Она быстро распутываетъ шнурокъ, развертываетъ тонкую бумагу,—такъ: ящикъ, въ ящикѣ футляръ; Гвендолина нажимаетъ пружину, крышка отскакиваетъ, и чудные, крупные брильянты представляются ея восхищеннымъ взорамъ, тысячью огней переливаются они на темномъ бархатѣ футляра, при свѣтѣ лампъ и люстръ. Но—что это?— изъ-подъ каменьевъ выпадаетъ тонкій листокъ почтовой бумаги, Гвендолина развертываетъ его и съ замирающимъ сердцемъ читаетъ начертанныя крупнымъ, четкимъ и, увы! слишкомъ знакомымъ почеркомъ слова:

«Эти брильянты, нѣкогда подаренные Лидіи Глэшеръ горячо любившимъ ее человѣкомъ, она передаетъ вамъ. Вы не сдержали даннаго ей слова, изъ желанія обладать тѣмъ, что̀ принадлежало ей. Вы, можетъ быть, надѣялись узнать счастье, какое знала она, имѣть такихъ же прелестныхъ дѣтей, которые лишатъ ея бѣдныхъ малютокъ послѣдняго. Справедливый Богъ этого не допуститъ. У человѣка — женой котораго вы стали, нѣтъ болѣе способности любить. Его лучшія, юношескія чувства принадлежали мнѣ,—этого и вы не сможете у меня отнять. Чувства эти умерли: но я—могила, въ которой погребены ваши надежды на счастье, также какъ и мои собственныя. Васъ предупреждали, вы совершенно сознательно наносите вредъ мнѣ и моимъ дѣтямъ. Онъ думалъ нѣкогда на мнѣ жениться; въ концѣ-концовъ онъ бы привелъ это намѣреніе въ исполненіе, еслибъ вы сдержали свое слово. Вы будете наказаны, я этого желаю изъ глубины души.

«Неужели вы покажете ему это письмо, чтобы еще болѣе возстановить его противъ меня и моихъ дѣтей? Наврядъ-ли, вамъ самимъ будетъ непріятно стоять передъ мужемъ въ этихъ брильянтахъ, и, думая о моихъ настоящихъ словахъ, знать, — что и его мысли заняты тѣмъ же. Притомъ, узнавъ, что̀ вы знали, что̀ дѣлали, когда шли за него, онъ не признаетъ за вами права жаловаться—если сдѣлаетъ васъ несчастной. Зло, которое вы мнѣ сдѣлали, падетъ проклятіемъ на вашу голову».

Письмо выпало изъ оледенѣлыхъ рукъ Гвендолины. Она просидѣла нѣсколько минутъ неподвижно, потомъ наклонилась, подняла его и бросила въ пылающій каминъ. Долгое время спустя — послышался легкій стукъ въ дверь, и Гранкуръ, веселый, улыбающійся, появился на порогѣ; при видѣ его Гвендолина разразилась страшными, истерическими криками и рыданіями. Мужъ со страхомъ и недоумѣніемъ глядѣлъ на нея, боясь: не сошла ли она съ ума? Онъ ожидалъ застать ее нарядной, сіяющей, а застаетъ блѣдной, въ слезахъ; возлѣ нея, на коврѣ сверкали разсыпанные брильянты: неужели, думалось счастливому супругу, эта безумная Лидія привела въ исполненіе свою угрозу? Очевидно било одно — фуріи, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, проникли въ его мирный домъ.

VI.

Встрѣча съ Миррой навела Даніэля на совершенно новыя мысли о томъ народѣ, къ которому принадлежала прекрасная молодая дѣвушка; до сихъ поръ онъ считалъ евреевъ чѣмъ-то въ родѣ исторической окаменѣлости, нисколько не интересовался ими, предоставляя изслѣдованіе ихъ нравственнаго міра — ученымъ спеціалистамъ; теперь же, во время своего пребыванія съ сэромъ Гуго заграницей, началъ заглядывать въ синагоги, присматриваться къ книгамъ, трактующимъ объ евреяхъ: ему хотѣлось дознаться, чтó такое таится въ вѣрованіяхъ и понятіяхъ этихъ современныхъ парій? Деронда вообще былъ странный человѣкъ, самая его впечатлительность порождала въ его чувствахъ нѣкоторую неопредѣленность, и дѣлала его загадкой—въ глазахъ его лучшихъ друзей. Рано пробудившееся сознаніе развило въ душѣ его многостороннюю симпатію, грозившую послужить преградой всякому опредѣленному роду дѣятельности. Какъ только онъ, хотя-бы мысленно, примыкалъ къ какой-либо партіи, ему начинало казаться, что онъ, подобно воинамъ сабинянъ — обращалъ свое оружіе противъ любимыхъ имъ существъ. Воображеніе его такъ привыкло разсматривать каждый вопросъ подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ какимъ онъ представлялся противнику, что для него стало немыслимымъ проникнуться тѣмъ, чтó называется «духомъ» партіи. Онъ былъ въ силахъ искренно бороться только противъ открытаго гнета. Онъ чувствовалъ, что такого рода нравственное состояніе парализовало въ душѣ его ненависть ко злу, эту основу нравственной силы, онъ жаждалъ—внѣшняго толчка или

внутренняго откровенія, могущаго указать ему на какую-либо опредѣленную дѣятельность, направить надлежащимъ образомъ его безъ толку тратящуюся энергію. Но откуда было ждать благодѣтельнаго толчка? Даніэль рѣшительно не съумѣлъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, а пока, во время своего пребыванія во Франкфуртѣ съ сэромъ Гуго и его семьей, усердно бродилъ по городу, осматривая всѣ его достопримѣчательности. Въ одну изъ такихъ одинокихъ прогулокъ онъ забрелъ въ синаногу; тамъ шла служба, молящихся было много. На одной скамейкѣ съ Дерондой сидѣлъ старикъ, замѣчательная наружность котораго обратила на себя вниманіе Даніэля: сѣдая борода эффектно обрамляла строгое, правильное лицо, черты коего одинаково подходили какъ къ еврейскому, такъ и къ итальянскому типу; онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на Деронду, но послѣдній, совершенно поглощенный новыми для него ощущеніями, казалось, всецѣло ушелъ въ самого себя, и ничего не замѣчалъ изъ того, что́ кругомъ него дѣлалось. Вслушиваясь въ пѣніе на незнакомомъ ему языкѣ, Даніэлю казалось, что онъ впервые понимаетъ, что́ такое молитва, это стремленіе слабаго и конечнаго существа—человѣка—отдать себя всецѣло въ руки благой, великой Силы, слиться съ нею, найти въ ней разрѣшеніе всѣхъ своихъ сомнѣній, миръ, опору, все, все!

Новыя вѣянія проносились надъ нимъ. То́ было какъ-бы предчувствіе великаго, имѣющаго осѣнить душу его, откровенія. Тихое пѣніе, благоговѣйныя позы молящихся — все окружающее только усиливало это впечатлѣніе. Служба кончилась, всѣ стали расходиться; Деронда тоже машинально поднялся съ своего мѣста и направился къ двери. Вдругъ онъ почувствовалъ на плечѣ своемъ чью-то руку, и, оглянувшись, увидалъ того самаго старика, чья наружность его поразила.

— Извините,—произнесъ незнакомецъ; но позвольте спросить ваше имя, происхожденіе, а также дѣвичье имя вашей матери?

— Я англичанинъ,—холодно отвѣтилъ Деронда, уклоняясь отъ болѣе прямого отвѣта.

Старикъ съ недовѣріемъ поглядѣлъ на него, но, молча приподнявъ шляпу, прошелъ мимо, не прибавивъ болѣе ни слова.

Встрѣча эта почему-то поразила Даніэля, но онъ не рѣшился упомянуть о ней въ разговорѣ съ сэромъ Гуго.

По возвращеніи въ Лондонъ Деронда засталъ Мирру похорошѣвшей, отдохнувшей, собравшейся съ силами. Добрая миссисъ Мейрикъ и ея милыя дочери въ ней души не чаяли. Деронду Мирра встрѣтила съ восторгомъ; на этотъ разъ онъ рѣшился попр

сить ее пѣть, и былъ пораженъ ея сладкозвучнымъ, обработаннымъ голосомъ. Ничье пѣнье никогда не доставляло ему такого живого эстетическаго наслажденія; Миррѣ же, повидимому, нескрываемый восторгъ Деронды доставлялъ истинное удовольствіе; она пѣла одну за другой лучшія вещи: Шуберта, Бетховена, Гордежіони, сама очевидно наслаждаясь звуками своего голоса. Она теперь совершенно свободно и непринужденно обращалась съ Дерондой, относясь къ нему съ полнѣйшимъ довѣріемъ, говорила съ нимъ о матери, которую уже болѣе не надѣялась найти въ живыхъ, о братѣ Эзрѣ, котораго еле помнила, обо всемъ, что ей было дорого и мило; разсказывала ему о своихъ планахъ и намѣреніяхъ. Уже и теперь миссъ Мейрикъ доставила ей два выгодныхъ урока пѣнія; можетъ быть, впослѣдствіи число учениць ея еще увеличится, ей-бы этого хотѣлось, такъ какъ пользоваться милостыней, хотя бы и добрыхъ друзей, все же тяжело. Простодушіе, искренность, душевная чистота этого прелестнаго божьяго созданія поражали Деронду; одну минуту онъ даже испугался мысли, что, пожалуй, готовъ серьёзно увлечься, но тотчасъ же безпощадно осадилъ себя, рѣшивъ: — Надо держать себя на возжахъ! Къ тому же, онъ въ Миррѣ пока еще видѣлъ не только прелестную женщину, но, главнымъ образомъ, бѣдную, выпавшую изъ гнѣзда птичку, которую ему удалось подобрать, согрѣть, пріютить подъ кровомъ прекрасныхъ добрыхъ друзей. Этотъ взглядъ на молодую еврейку не давалъ развиваться его личнымъ эгоистическимъ чувствамъ. Онъ, съ своимъ обычнымъ добродушіемъ, съумѣлъ войти во всѣ ея интересы, предложилъ ей похлопотать о томъ, чтобы доставить ей случай познакомить жадную до всякихъ новинокъ лондонскую публику съ ея замѣчательнымъ талантомъ посредствомъ участія въ концертахъ, устраиваемыхъ въ частныхъ домахъ; онъ надѣялся успѣть въ этомъ при помощи своей тетки лэди Маллингеръ и многочисленныхъ знакомыхъ, и увѣрялъ Мирру, что всѣ лэди, которыя услышатъ ея пѣніе, тотчасъ предложатъ ей давать уроки въ ихъ семьяхъ, и тогда — прибавлялъ онъ съ улыбкой — благосостояніе ваше окончательно упрочится.

Въ теченіи этого долгаго разговора съ Миррой, Деронда между прочимъ замѣтилъ, что, несмотря на свои увѣренія въ противномъ, Мирра все еще надѣется если не встрѣтиться съ матерью, то хоть узнать о ней что-нибудь опредѣленное; ему захотѣлось и въ этомъ случаѣ помочь ей, и онъ началъ все чаще и чаще заглядывать въ тѣ изъ лондонскихъ кварталовъ, которые исключительно населены евреями. При этихъ поискахъ Даніэль дер-

жался очень странной системы: онъ ни къ кому не обращался съ разспросами, не старался добиться какихъ-либо опредѣленныхъ свѣдѣній отъ раввиновъ или другихъ вліятельныхъ лицъ, а просто—бродилъ по улицамъ, заглядывалъ въ окна магазиновъ, присматривался къ лицамъ прохожихъ, словомъ—дѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы не найти тѣхъ, кого онъ искалъ. Причина тому—очень простая: Даніэль боялся пуще огня найти въ лицѣ матери Мирры—простую, грязную, обыкновенную еврейку, а въ лицѣ сына ея Эзры — какого-нибудь мошенника-ростовщика; дѣтскія воспоминанія Мирры были такъ смутны, что по нимъ нельзя было составить себѣ никакого понятія о томъ: чтó такое, въ сущности, эта мать, на которую она до сихъ поръ молилась? А между тѣмъ трудно было предвидѣть, какъ можетъ повліять на эту чуткую, воспріимчивую душу столь тяжкое разочарованіе? Деронда былъ-бы очень доволенъ, еслибъ ему положительно заявили, что миссисъ Когенъ и ея сынъ—оба умерли; но это не мѣшало ему усердно посѣщать жидовскіе кварталы Лондона, розыскивая въ нихъ какихъ-либо слѣдовъ тѣхъ лицъ, положительное извѣстіе о смерти коихъ сняло бы тяжкое бремя съ души его. Въ одну изъ такихъ прогулокъ Даніэль замѣтилъ въ окнѣ небольшого книжнаго магазина сочиненіе, которое ему давно хотѣлось пріобрѣсти, онъ вошелъ въ лавку и, стоя на порогѣ, обратился къ сидѣвшему за прилавкомъ человѣку съ вопросомъ:

— Чтó стóитъ эта книга?

Продавецъ медленно поднялъ голову отъ газеты, которую читалъ, и взглянулъ на Даніэля страннымъ, вдумчивымъ взглядомъ. Деронда положительно остолбенѣлъ, до того поразила его наружность этого человѣка. Передъ нимъ сидѣлъ плохо-одѣтый еврей, возрастъ котораго трудно было опредѣлить, вслѣдствіе непомѣрной худобы обтянутаго желтой кожей лица, сильно напоминающаго старинное изваяніе изъ слоновой кости. Лицо это, типичное до крайности, легко могло бы принадлежать древне-еврейскому пророку, напряженное выраженіе говорило о постоянномъ стремленіи къ одной цѣли, а также о жизни, почти не знавшей, чтò такое чувство удовлетворенія,—полной, можетъ быть, и физическихъ страданій. Рѣзкія, но не крупныя черты, низкій и широкій лобъ, курчавые черные волосы дополняли общее впечатлѣніе; въ этомъ лицѣ не замѣчалось красоты, но чувствовалась сила. По задумчивому взгляду черныхъ глазъ и желтоватой блѣдности лица, рельефно выдававшейся на темномъ фонѣ мрачной лавки, можно было принять этого страннаго че-

ловѣка за узника, брошеннаго въ тюрьмы инквизиціи, двери коихъ только-что выломаны толпой, врывающейся въ его камеру, съ цѣлью освободить и его. И точно: пристальный, жадный, вопросительный взглядъ, устремленный имъ на случайнаго покупателя, казалось, видѣлъ въ немъ вѣстника освобожденія или смерти.

— Что стóитъ эта книга, жизнеописаніе Соломона Маймонъ,— повторилъ Деронда свой вопросъ.

Не поднимаясь съ мѣста, книгопродавецъ взялъ книгу въ руки, взглянулъ на заглавный листъ, и спокойно рѣшилъ:

— Цѣна не обозначена, а мистера Рама нѣтъ дома. Я стерегу лавку, пока онъ ходитъ обѣдать. Чтò вы располагаете дать за эту книгу, сэръ?

— Да развѣ вы не знаете цѣны?

— Рыночной не знаю. Осмѣлюсь спросить: вы эту книгу читали?

— Нѣтъ; я читалъ о ней рецензію, возбудившую во мнѣ желаніе пріобрѣсти ее.

— Вы ученый? васъ интересуетъ еврейская исторія?

— Очень интересуетъ,—отвѣтилъ Деронда.

Странный еврей мгновенно поднялся съ своего мѣста, и сжимая худощавой рукой руку Деронды, нѣсколько хриплымъ, громкимъ шопотомъ спросилъ:

— Не принадлежите ли вы сами къ нашему племени?

Деронда вспыхнулъ и молча покачалъ головой.

Возбужденное выраженіе исчезло съ лица незнакомца, онъ отошелъ отъ Деронды, и, протягивая ему книжечку, холодно-вѣжливымъ тономъ замѣтилъ:

— Я полагаю, что мистеръ Рамъ удовольствуется полъ-кроной, сэръ.

Даніэль заплатилъ, и молча вышелъ, унося свою покупку.

Онъ уже усталъ бродить безъ особой цѣли, и только-что собирался кликнуть кэбъ и ѣхать домой, какъ глаза его встрѣтили вывѣску магазина древностей и рѣдкостей; онъ остановился и сталъ разсматривать различные выставленные въ окнахъ магазина предметы, но вдругъ пошатнулся, словно его кто толкнулъ: надъ входной дверью крупными буквами было написано:

ЭЗРА КОГЕНЪ.

Деронда толкнулъ дверь и вошелъ. Онъ разговорился съ хозяиномъ лавки, плутоватымъ евреемъ лѣтъ тридцати, съ его молодой женой и старушкой матерью, стараясь навести разговоръ на интересующій его предметъ. Ничто ему не говорило, чтобы

онъ напалъ на слѣдъ родныхъ Мирры: имя Когенъ такъ часто встрѣчается между евреями! Тѣмъ не менѣе Даніэль, не желая упускать этихъ людей изъ виду, придумалъ вѣрное средство возбудить въ нихъ сочувствіе къ себѣ. Онъ сказалъ хозяину, что нуждается въ деньгахъ, и просилъ его снабдить его ими подъ залогъ прекраснаго бриліантоваго кольца. Глаза еврея засверкали, онъ разрѣшилъ Даніэлю привезти ему кольцо въ тотъ же вечеръ, хотя день былъ субботній. Каково же было удивленіе Деронды, когда онъ, явясь въ назначенный часъ и заставъ всю семью въ сборѣ, увидалъ между прочими членами ея и своего недавняго страннаго знакомца—еврея изъ книжной лавки!

— Это родственникъ вашъ? — спросилъ Даніэль, отводя въ сторону хозяина.

— Мордекай-то? Нѣтъ, онъ прежде работалъ на меня, а потомъ захворалъ, бѣдняга, мы его и пріютили. Онъ вѣдь слегка тронулся, но смирный, съ сынишкомъ моимъ занимается, полезенъ и въ торговлѣ, часы хорошо чинитъ, да и надо же бѣдному человѣку помочь.

Деронда съ трудомъ воздержался отъ улыбки, видя смѣсь доброты съ крайней практичностью, какая проглядывала въ словахъ мистера Когена.

Онъ и тутъ, у самой—какъ ему казалось, цѣли своей, не торопился узнать истину и скорѣй отдалялъ роковую минуту. Оставивъ кольцо свое въ рукахъ Когена, и пообѣщавъ выкупить его черезъ мѣсяцъ, Даніэль сталъ прощаться. Съ Мордекаемъ они только обмѣнялись поклонами, и нѣсколькими незначительными фразами.

На слѣдующій день Деронда выѣхалъ изъ Лондона; онъ отправился на всѣ рождественскіе праздники въ имѣніе сэра Гуго, въ то самое дорогое его сердцу аббатство, гдѣ мирно протекли его дѣтскіе годы.

VII.

Вотъ что происходило между тѣмъ въ гостиной сэра Гуго, въ вечеръ 29-го декабря, — день, назначенный для торжественнаго обѣда въ честь новобрачныхъ. Это была громадная, высокая комната, съ расписнымъ потолкомъ, украшенная по стѣнамъ фамильными портретами въ натуральную величину, и освѣщенная красноватымъ пламенемъ ярко пылающаго камина, и безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчъ. Въ настоящую минуту въ

ней собралось огромное общество: добродушный сэръ Гуго созвалъ всѣхъ своихъ и жениныхъ родныхъ къ себѣ на рождественскіе праздники; тутъ было множество дамъ, мужчинъ и дѣтей всѣхъ возрастовъ, что придало необыкновенную живописность группамъ: у камина пріютились старички, дамы и дѣти, между коими самое видное мѣсто занималъ прелестный четырехъ-лѣтній мальчуганъ, одинъ изъ безчисленныхъ племянниковъ лэди Маллингеръ; мужчины группировались поодаль, разговаривая между собою съ тѣмъ казеннымъ выраженіемъ лица, съ какимъ обыкновенно бесѣдуютъ молодые люди на торжественныхъ обѣдахъ. Лэди Маллингеръ, въ своемъ длинномъ черномъ бархатномъ платьѣ, расхаживала между гостями, даря всѣхъ и каждаго ласковымъ словомъ, привѣтливой улыбкой.

Деронда разговаривалъ съ нѣкоимъ мистеромъ Вондернутъ, безукоризненно изящнымъ и совершенно безцвѣтнымъ датчаниномъ, какъ-бы созданнымъ для того только, чтобы «*давать реплику*» другимъ. Во всѣхъ присутствующихъ замѣчалось напряженное состояніе, всѣ чего-то ждутъ. Деронда также безпрестанно поглядываетъ на дверь, но вотъ, наконецъ она растворяется и на порогѣ показывается замѣчательно красивая и эффектная чета. Гвендолина еще похорошѣла, красота ея стала величавѣе, чему не мало также способствуетъ роскошный туалетъ: на ней бѣлое шелковое платье, тяжелыми складками падающее до земли, роковые бриліанты сверкаютъ на шеѣ, въ ушахъ, въ волосахъ; но Дерондѣ почему-то кажется, что въ лицѣ ея появилось новое выраженіе, менѣе женственное, чѣмъ прежде. Голосъ звучитъ рѣзче; улыбка какая-то оффиціальная, холодная, глаза не смѣются, манеры стали самоувѣреннѣе.

Гранкуръ не измѣнился ни мало, развѣ только сталъ еще апатичнѣе прежняго, если это возможно. Молодую чету окружаютъ тотчасъ всѣ хозяева и самые почетные изъ гостей. Дерондѣ не удается сказать хотя бы два слова съ Гвендолиной до того момента, какъ все общество переходитъ въ столовую. За обѣдомъ они обмѣниваются привѣтствіями, но разговоръ общій, а потому Даніэль долженъ по-неволѣ отложить провѣрку своихъ первыхъ впечатлѣній до болѣе удобнаго времени. Вечеромъ онъ однако улучаетъ минуту, чтобы подойти къ ней и заговорить, но она бросаетъ на него взглядъ, полный такой глубокой скорби, что онъ невольно отвѣчаетъ ей взглядомъ, полнымъ горячаго сочувствія. Затѣмъ, между ними завязывается пустой, повидимому, разговоръ. Гвендолина, словно шутя, жалуется на скуку, на

неудовлетворенность, но подъ шутливымъ тономъ чуткому уху слышится горечь неизъяснимая.

«Бѣдная», думалъ Деронда, сидя вечеромъ одинъ у себя въ комнатѣ: «грустно подумать, какъ можетъ страдать эта женщина, эта гордая, улыбающаяся нарядная красавица; и никто ей помочь не можетъ, по всему видно: она уже и теперь поняла свою ошибку! А вѣдь она существо необыкновенное; есть же такіе люди, которые съ каждымъ днемъ нравственно возвышаются или падаютъ. Всякое впечатлѣніе на нее сильно дѣйствуетъ; исторія съ ожерельемъ и сознаніе, что я осудилъ ее въ душѣ за ея страсть къ игрѣ, врѣзались въ ея памяти. Но при такой впечатлительности не трудно дойти до отчаянія. Вышла замужъ изъ честолюбія, чтобы спастись отъ бѣдности, и отдала всю свою молодую жизнь въ руки этого манекена, этой пародіи на человѣка! Бѣдная, бѣдная!»

Догадки Деронды были только близки къ истинѣ.

Гвендолина съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе ощущала въ душѣ своей страшную переработку; все ея прежнее нравственное *я* было потрясено до основанія, но она еще чувствовала въ себѣ силу — отстаивать свои права. Послѣ каждаго новаго толчка, новаго униженія, она старалась ухватиться за тô, чтô ей нѣкогда служило опорой, искала утѣшенія въ гордой скрытности, въ разнообразныхъ удовольствіяхъ, при помощи коихъ можно жить не думая, въ надеждѣ на благодѣтельное вліяніе привычки, которая, думалось ей, можетъ со временемъ сдѣлать ее равнодушной къ ея же собственнымъ несчастіямъ.

Да, несчастіямъ! Эта прекрасная, цвѣтущая, двадцати-двухъ-лѣтняя женщина сама подчасъ дивилась, глядя въ зеркало на свое печальное лицо. Ея прежняя гордая вѣра въ ея вліяніе на всѣхъ окружающихъ исчезла безъ слѣда. Въ теченіи этихъ короткихъ семи недѣль, составлявшихъ, какъ ей казалось, половину ея жизни, мужъ пріобрѣлъ надъ нею такую власть, такъ всецѣло забралъ ее въ руки, до такой крайности подавилъ ея личность подъ страшной тяжестью своей желѣзной воли, что Гвендолинѣ ничего не оставалось какъ покоряться.

Письмо миссиссъ Глэшеръ она сожгла, а истерику свою объяснила волненіемъ и утомленіемъ, неизбѣжными въ подобный день; мужъ ей не повѣрилъ, онъ очень хорошо понялъ, въ чемъ дѣло. О разговорѣ Гвендолины съ Лидіей онъ узналъ, въ свое время, отъ одного изъ своихъ клевретовъ, человѣка, ненавидѣвшаго миссъ Гарлетъ, и надѣявшагося при помощи этой махинаціи разстроить ея бракъ съ Гранкуромъ; о прочемъ — догадывался. Когда

онъ передъ свадьбой, въ послѣдній разъ, былъ у Лидіи и требовалъ возвращенія ему его фамильныхъ брилліантовъ, она согласилась возвратить ихъ не ему, а женѣ его, въ самый день свадьбы. Увидавъ разбросанные по полу драгоцѣнные каменья, Гранкуръ, хорошо знавшій мстительный характеръ своей бывшей подруги, понялъ, что въ футлярѣ должно заключаться что-нибудь кромѣ брилліантовъ,—*вѣроятно письмо съ добрыми пожеланіями*, говорилъ онъ себѣ мысленно, съ цинической улыбкой.

Онъ чувствовалъ, что Гвендолина отшатнулась отъ него, и ни мало не горевалъ объ этомъ, ему не нужно было ея любви: онъ хотѣлъ только власти надъ нею. Онъ зналъ, что женился не на простушкѣ, неспособной сознавать всею безповоротность сдѣланнаго ею шага, а на дѣвушкѣ, достаточно умной и гордой, чтобы дорожить всѣми выгодами пріобрѣтеннаго ею положенія. Это сознаніе удовлетворяло его вполнѣ.

Страхъ же Гвендолины передъ мыслью, что мужъ можетъ узнать, какъ она, выходя за него, знала, на чтó шла, и упрекнуть ее этимъ, лишалъ бѣдную женщину послѣднихъ нравственныхъ силъ, и предавалъ ее, связанную по рукамъ и ногамъ, въ руки ея законнаго мучителя. Уже и теперь она не знала, какое чувство сильнѣе говоритъ въ душѣ ея: ненависть къ мужу, или страхъ предъ нимъ?

Одно изъ ихъ первыхъ супружескихъ столкновеній произошло по поводу все тѣхъ же брилліантовъ.

Гвендолина ѣхала съ мужемъ на обѣдъ къ лорду Бракеншау; она взошла, совсѣмъ одѣтая въ гостиную, на ней было бѣлое платье, небольшія изумрудныя звѣздочки въ ушахъ, и изумрудное же украшеніе на шеѣ.

— Нравлюсь-ли я вамъ?—весело спросила она, останавливаясь передъ мужемъ въ граціозной позѣ.

— Нѣтъ,—холодно отвѣтилъ онъ.

— Какъ же мнѣ себя измѣнить прикажете?

— Надѣньте брилліанты—проговорилъ онъ, пристально глядя на нее.

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога: мнѣ кажется, брилліанты вовсе не идутъ ко мнѣ.

— Совершенно все равно, чтò вамъ кажется,— вполголоса, но повелительнымъ тономъ проговорилъ мужъ.—Я требую, чтобы вы ихъ надѣли.

— Мнѣ такъ нравятся мои изумруды...

— Потрудитесь объяснить мнѣ: почему вы не хотите исполнить моего желанія?

Дальше противиться было нельзя; она повернулась, пошла въ свою комнату, достала футляръ изъ туалетнаго ящика. «Этотъ человѣкъ, думала она, нажимая пружину футляра, любитъ, чтобы его собаки и лошади трепетали передъ нимъ. Того-же онъ требуетъ отъ жены, и я буду передъ нимъ трепетать, вѣдь не скажу же я людямъ: *пожалѣйте меня*».

Въ эту минуту дверь отворилась, и Гранкуръ вошелъ въ комнату.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ, вѣжливо проговорилъ онъ, и самъ надѣлъ на нее эти ненавистныя драгоцѣнности.

Часто Гвендолина съ ужасомъ помышляла о долгихъ, долгихъ годахъ, которые ей, по всѣмъ вѣроятностямъ, предстояло прожить съ ненавистнымъ человѣкомъ. «Какъ я буду время коротать?» спрашивала она себя, перебирая въ памяти всѣ занятія и развлеченія богатыхъ женщинъ. Выѣзды, туалеты, побѣды,— все разомъ утратило всякое значеніе въ ея глазахъ.

А Деронда, между тѣмъ, продолжалъ со вниманіемъ и сожалѣніемъ слѣдить за ней; съ каждымъ днемъ они все болѣе и болѣе сближались.

Однажды Деронда хвалилъ при ней голосъ и пѣніе Мирры; она тотчасъ же замѣтила:

— Мнѣ бы очень хотѣлось ее слышать и брать у нея уроки, по пріѣздѣ въ Лондонъ, такъ какъ вы отъ нея въ такомъ восхищеніи.

— Я бы очень былъ этому радъ,—съ улыбкой отвѣчалъ Деронда.

— Чтó, она вообще совершенство?

— Я слишкомъ мало ее знаю, чтобы отвѣчать на вашъ вопросъ; могу сказать одно: я до сихъ поръ въ ней не замѣтилъ ничего, чтó бы можно было желать измѣнить. Ея жизнь была тяжелая, она много горя знала.

— Желала бы я знать: какого?

— Не съумѣю вамъ отвѣтить. Знаю одно: она уже рѣшилась-было утопиться.

— И что-жъ ей помѣшало?—быстро взглянувъ на Деронду спросила Гвендолина.

— Свѣтъ тѣснилъ ее, но она поняла, что должна жить,—спокойно отвѣтилъ Деронда; — она очень набожна, всегда готова преклониться передъ обязанностью.

— Подобныхъ людей жалѣть нечего,—нетерпѣливо возразила Гвендолина.—Я не сочувствую женщинамъ, которыя всегда поступаютъ какъ должно. Я не вѣрю въ ихъ великія страданія.

— Ваша правда—отвѣтилъ ей Даніэль:—самоосужденіе также имѣетъ свои права. Мы бѣдные, грѣшные люди всегда менѣе сочувствуемъ тому, чье поведенье безукоризненно, чѣмъ тому, ктó изранилъ себя въ борьбѣ со своими слабостями, пороками и недостатками. Притча о заблудшейся овцѣ старая исторія, но она повторяется каждый день.

— Это все только говорится,—съ горечью возразила Гвендолина:—вы восхищаетесь миссъ Лапидотъ, потому что считаете ее совершенствомъ, и конечно стали бы презирать женщину, про которую бы знали, что на ея душѣ—очень дурной поступокъ.

— Это бы совершенно зависѣло оттого, какъ она сама относится къ своему поступку.

— Васъ бы удовлетворило, еслибъ она была очень несчастна?

— Это бы не удовлетворило, а глубоко огорчило-бъ меня; знайте одно: люди идутъ различными путями, глаза многихъ открываются лишь отъ толчка, проистекающаго изъ послѣдствій ихъ собственныхъ дѣйствій. Такіе люди заслуживаютъ бóльшаго сочувствія, чѣмъ ихъ самодовольно-счастливые братья.

Всѣ слова Деронды глубоко западаютъ въ душу Гвендолины она безпрестанно ищетъ случая говорить съ нимъ, а мужъ слѣдитъ за ней пристально, хотя и незамѣтно.

Во время пребыванія супруговъ Гранкуръ подъ его гостепріимнымъ кровомъ, сэръ Гуго даетъ балъ. Гвендолина, въ числѣ прочихъ украшеній, надѣваетъ въ этотъ вечеръ и знаменитое бирюзовое ожерелье, въ видѣ браслета. Она проситъ Деронду принести ей стаканъ воды, и протягивая руку къ стакану, указываетъ ему глазами на свой браслетъ.

Мужъ тотчасъ замѣчаетъ этотъ маневръ.

— Чтó это за безобразіе?—холодно спрашиваетъ онъ, указывая глазами на простенькую вещь.

— Это старое ожерелье, которое я очень люблю; я его когда-то потеряла, а добрые люди мнѣ его возвратили,—отвѣчаетъ жена.

Оставшись наединѣ съ Даніэлемъ, блестящая миссисъ Гранкуръ спрашиваетъ его:

— Еслибъ я снова стала играть и вторично проиграла свое ожерелье, чтó бы вы подумали обо мнѣ?

— Я бы былъ о васъ худшаго мнѣнія, чѣмъ теперь.

— Въ такомъ случаѣ вы заблуждаетесь на мой счетъ. Вы меня просили этого не дѣлать; другими словами: *не основывать моего выигрыша на чужомъ проигрышѣ*,—а я поступила несрав-

ненно хуже; на балѣ неудобно говорить объ этомъ—когда-нибудь я вамъ все скажу.

Мысль, что мужъ навѣрное сдѣлаетъ ей сцену, крѣпко смущаетъ молодую женщину; предчувствіе ее не обманываетъ: возвратясь къ себѣ она выслушиваетъ слѣдующее *внушеніе:*

— Потрудитесь въ другой разъ вести себя по-приличнѣе. Сегодня вы были точно сумасшедшая. Къ чему вы показывали это безобразное ожерелье Дерондѣ? Чтó за вульгарные маневры? Если хотѣли чтó-нибудь сказать—говорите, но помните, что вы должны вести себя, какъ подобаетъ моей женѣ.

— Вы можете узнать исторію этого ожерелья.

— Вовсе не желаю; я самъ узнаю все, чтó мнѣ нужно знать. Васъ же прошу объ одномъ: будьте приличны.

Въ самый день своего отъѣзда Гвендолина, найдя Деронду одного въ библіотекѣ зáмка, приступаетъ къ нему съ слѣдующими словами:

— Научите меня, чтó мнѣ дѣлать; я поступила очень дурно, и теперь ничего измѣнить не могу. Скажите, чтó бы вы чувствовали, чтó бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Повторяю—я ничего не могу измѣнить.

— Я бы чувствовалъ то же, чтó и вы чувствуете: глубокую скорбь.

— Да, но чтó бы вы стали дѣлать?

— Я бы постарался устроить свою жизнь такъ, чтобы отнынѣ никому не наносить вреда.

— Но я не могу, не могу этого сдѣлать. Я заняла чужое мѣсто, я основала свой выигрышъ на чужомъ проигрышѣ, я ничего не въ силахъ измѣнить.

Деронда зналъ о существованіи миссиссъ Глэшеръ и ея дѣтей, а потому безсвязный лепетъ Гвендолины былъ ему понятенъ. Его сочувствіе къ ея жертвамъ лишало его всякаго желанія ослаблять томящія ее угрызенія совѣсти, хотя его сердце было переполнено живого состраданія къ ней. Онъ тотчасъ отвѣтилъ ей:

— Всего горше человѣку носить иго, наложенное на его плечи его собственными проступками. Попробуйте покориться неизбѣжному, какъ люди покоряются неизлечимой болѣзни; превратите это непоправимое зло въ нравственный стимулъ, стремитесь дѣлать добро — старайтесь уравновѣсить при помощи этого добра сдѣланный вами людямъ вредъ. Этому бывало много примѣровъ. Сознаніе, что мы испортили жизнь одного человѣка, легко можетъ возбудить въ насъ желаніе украсить жизнь мно-

гихъ. Не мѣшаетъ больше думать о другихъ, и посреди страданій сознавать—что не вы однѣ мучитесь на свѣтѣ.

— Вы правы, я эгоистка, но что же мнѣ дѣлать-то? что дѣлать? Моя жизнь течетъ по разъ навсегда установленной колеѣ, мнѣ тошно жить на свѣтѣ! Вы какъ-то упрекали меня въ томъ, что я ничего не знаю. Но что пользы стремиться въ знанію тому, чья жизнь въ конецъ испорчена?

— Какъ, что пользы? Да истинное знаніе сейчасъ бы создало для васъ новые интересы, внѣ тѣснаго мірка вашихъ личныхъ желаній. Новыя идеи, новыя симпатіи тотчасъ бы расширили вашъ умственный горизонтъ. Вамъ нужно уйти отъ своего личнаго горя въ высокую сферу умственнаго труда.

Суровый тонъ Деронды благодѣтельно подѣйствовалъ на Гвендолину. Ничто такъ не ослабляетъ человѣка какъ жалобы; вызвать въ душѣ его самоосужденіе—значитъ возбудить въ немъ относительную энергію. Въ первую минуту она почувствовала себя ребенкомъ, котораго встряхнула сильная рука, и смиренно отвѣтила:

— Попытаюсь. Подумаю.

— Смотрите на ваши теперешнія страданія, какъ на тяжелое нравственное пробужденіе,—болѣе мягкимъ тономъ продолжалъ Даніэль. Вы теперь узнали многое, что лежитъ внѣ тѣснаго круга вашихъ личныхъ желаній, познакомились съ вліяніемъ, какое ваша жизнь можетъ оказывать на другихъ, и наоборотъ. Трудно избѣжать этого тяжелаго процесса, въ той или другой формѣ.

— Но эта форма ужасна,—съ возрастающимъ волненіемъ продолжала Гвендолина. — Я всего боюсь, я боюсь самой себя; когда кровь во мнѣ заходитъ — я способна на страшныя вещи; это-то сознаніе и пугаетъ меня.

— *Превратите этотъ страхъ въ вашу нравственную охрану*. Бойтесь увеличить ваше и безъ того горькое раскаяніе. Человѣкъ не всегда находится подъ вліяніемъ сильнаго волненія; въ спокойныя минуты онъ можетъ относиться объективно къ своимъ ощущеніямъ: пользуйтесь подобными минутами.

— Да, но если въ душѣ поднимутся гнѣвъ и ненависть, если я почувствую, что задыхаюсь и не смогу совладать съ собой,—что тогда?

Деронда вдругъ почувствовалъ, что все, что онъ наговорилъ ей, безсильно передъ ея великимъ, сердечнымъ горемъ. Ему показалось, что эта женщина тонетъ передъ его глазами, а онъ, связанный по рукамъ и ногамъ, стоитъ на берегу. На вырази-

тельномъ лицѣ его отразилось страданіе. Гвендолина, замѣтивъ это, стремительно заговорила:

— Я васъ огорчила, я неблагодарная. Вы одинъ можете помочь мнѣ. Скажите: вы не сердитесь за то, что я осмѣлилась говорить съ вами о своемъ личномъ горѣ? я не причинила вамъ этимъ нравственной боли?

— Нѣтъ, если бесѣда наша принесетъ вамъ какую-либо пользу въ будущемъ; въ противномъ случаѣ я вѣчно буду чувствовать нравственную боль, при воспоминаніи о ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не случится, я даже порадуюсь тому, что узнала васъ.

Съ этими словами она быстро повернулась и вышла изъ комнаты.

Въ тотъ же день мистеръ и мисисъ Гранкуръ уѣхали къ себѣ въ Рейландсъ.

VIII.

Возвратимся теперь къ тому замѣчательному еврею, чья необыкновенная наружность такъ сильно поразила Деронду при ихъ первой, случайной встрѣчѣ. Мордекай—одна изъ самыхъ яркихъ и живыхъ фигуръ, когда-либо создававшихся подъ перомъ талантливаго романиста; но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, личность совершенно исключительная.

Мысль о Мордекаѣ продолжала занимать Деронду; ему хотѣлось ближе съ нимъ познакомиться, прежде чѣмъ онъ выкупитъ кольцо и тѣмъ лишитъ себя предлога къ дальнѣйшимъ посѣщеніямъ семейства Когенъ.

— «Кто знаетъ», думалъ нашъ герой, «получи я отъ этого человѣка нужныя мнѣ свѣдѣнія, я пожалуй удовлетворюсь ими, не буду стремиться узнать: чего онъ отъ меня ожидалъ? и почему во мнѣ разочаровался. Любопытство, которое онъ во мнѣ возбудилъ, пожалуй, замретъ въ душѣ моей, а между тѣмъ мы съ нимъ, можетъ быть, встрѣтились, какъ встрѣчаются два корабля, на каждомъ изъ коихъ томится по узнику; дайте узникамъ возможность взглянуть другъ другу въ лицо—они, можетъ быть, и узнаютъ одинъ другого. Впрочемъ, это все фантазіи: наврядъ-ли существуетъ какая-либо особенная связь между мною и этимъ бѣднякомъ, чей жизненный путь, повидимому, близится къ концу».

Размышляя такимъ образомъ, Деронда, въ лодкѣ, приближался къ Blackpriars Bridge, гдѣ думалъ пристать къ берегу. Было

половина пятаго, сѣрый до того день великолѣпно догоралъ. На западѣ тянулись узкія, синеватыя облака, эффектно рисовавшіяся на застилавшемъ все небо ярко-золотистомъ фонѣ; и на этомъ фонѣ Деронда замѣтилъ рѣзко выдѣлявшуюся фигуру Мордекая, перегнувшуюся къ нему черезъ перилы моста, и представлявшую типъ физическаго истощенія и духовной силы.

Мордекай также глядѣлъ на западъ, и замѣтивъ приближавшуюся лодку, сначала машинально слѣдилъ за ней глазами, а потомъ, узнавъ Деронду и замѣтя дѣлаемые ему знаки, вздрогнулъ подъ вліяніемъ радостнаго предчувствія. Минуты черезъ три Деронда выскочилъ на берегъ, расплатился съ лодочникомъ, и подошелъ къ Мордекаю, который ожидалъ его, неподвижно стоя на одномъ мѣстѣ.

— Я очень обрадовался, увидавъ васъ здѣсь, началъ Даніэль: —я собирался-было идти въ книжную лавку васъ розыскивать. Я вчера тамъ былъ; вамъ говорили?

— Да,—отвѣчалъ Мордекай,—вотъ почему я и пришелъ сюда.

Этотъ отвѣтъ показался
Дерондѣ крайне таинственнымъ.

— Какъ могли вы знать, что встрѣтите меня здѣсь?—спросилъ онъ, спустя минуту.

— Я ждалъ, что вы придете отъ рѣки. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ я васъ ожидаю.

Впалые глаза Мордекая были устремлены на Даніэля съ выраженіемъ ласковой зависимости, крайне трогательной и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественной.

— Я буду очень счастливъ, если смогу быть вамъ чѣмъ-либо полезенъ,—искренно и серьёзно отвѣтилъ Деронда. Не позвать-ли намъ кэбъ, и не поѣхать-ли куда вы пожелаете: вы я думаю и то устали отъ ходьбы?

— Поѣдемте въ книжную лавку. Мнѣ скоро пора туда возвращаться.—Но теперь поглядите на рѣку,—продолжалъ Мордекай, поглощенный своими мыслями и несознававшій существованія преграды между нимъ и Даніэлемъ; ему, напротивъ, казалось, что они отлично понимаютъ другъ друга,—посмотрите на небо: какъ оно медленно блѣднѣетъ! Я всегда любилъ этотъ мостъ, я стоялъ на немъ, будучи еще маленькимъ мальчикомъ. Это мѣсто встрѣчи для вѣстниковъ духовныхъ.—Правы были древніе учители, говорившіе, что у каждаго предмета въ природѣ есть свой ангелъ; это значитъ, что каждый изъ нихъ приноситъ намъ вѣсть издалека. Здѣсь я прислушивался къ вѣстямъ, какія шлютъ намъ небо и земля; когда былъ покрѣпче, оставался до поздняго вечера, и наблюдалъ за звѣздами, загоравшимися въ глу-

бинѣ небосклона.—Но это время — время солнечнаго заката—я всегда любилъ болѣе всего остальнаго, оно все глубже и глубже проникало мнѣ въ душу; этотъ медленно догорающій день всегда казался мнѣ первообразомъ моего собственнаго догоранія. И при багряныхъ лучахъ солнечнаго же заката суждено было мнѣ увидать мое второе *я*, того, кто будетъ жить новой жизнью, когда это тѣло превратится въ бездыханный трупъ.

Деронда молчалъ, странное волненіе понемногу охватывало и его; онъ начиналъ вѣрить въ существованіе таинственной связи, о которой съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ говорилъ Мордекай.

Десять минутъ спустя они уже сидѣли въ лавкѣ мистера Рама и продолжали начатый на мосту разговоръ.

— Вы не можете знать, чтó привело меня къ вамъ, вы должны быть удивлены,—говорилъ Мордекай.

— Я терпѣливъ, и готовъ выслушать все, чтó вы имѣете открыть мнѣ,—отвѣчалъ Деронда.

— Часть причинъ, по которымъ я въ васъ нуждаюсь, вы и теперь можете видѣть,—спокойно, словно желая сберечь свои силы, заговорилъ Мордекай.—Вы видите, что я умираю. Вы видѣте, что я словно человѣкъ, отдѣленный отъ большой дороги загородкой, всякое слово коего встрѣчается лишь покачиваніемъ головы и выраженіемъ состраданія. День догораетъ, еще немного —и мы бы не могли распознать другъ друга. Но вы пришли во-время.

— Радуюсь, что я пришелъ вó-время,—съ чувствомъ отвѣтилъ Деронда. Онъ не рѣшался сказать—*я надѣюсь, что вы не ошибаетесь во мнѣ;* слова эти, въ такую минуту, просто казались ему жестокими.

— Но сокровенныя причины, заставляющія меня нуждаться въ вашей помощи, имѣютъ корни свои въ дальнемъ прошедшемъ,—продолжалъ Мордекай:—онѣ возникли въ ранніе годы моей юности. Когда я учился, въ землѣ чужой, еще въ то время мнѣ начали приходить въ голову мысли, благодатныя мысли. Онѣ осѣнили меня, потому что я былъ еврей. Онѣ налагали на меня обязанности; онѣ нисходили на главу мнѣ въ видѣ вдохновенія за то, что я былъ еврей, и чувствовалъ, какъ въ груди моей билось сердце, всецѣло преданное интересамъ моего племени. Эти мысли стали моей жизнью, я словно родился вновь. Я сталъ почитать это сердце, это дыханіе, эту правую руку, мой сонъ и мое бдѣніе, работу, при помощи коей поддерживалъ свое тѣло, зрѣлища, радовавшія мои взоры,—все это было пищей

для божественнаго пламени. Но я поступилъ какъ странникъ, бродящій между скалъ, и оставляющій на ихъ поверхности слѣды своихъ думъ, и прежде чѣмъ успѣлъ опомниться и избрать себѣ иной путь, пришли горе, трудъ, болѣзнь, и загородили мнѣ дорогу. Тогда я задалъ себѣ вопросъ: *какъ* поступить, чтобы помѣшать гибели моихъ лучшихъ надеждъ, моей жизни, чтобы не дать имъ умереть съ моимъ послѣднимъ вздохомъ? Не думайте, что съ вами говоритъ невѣжественный мечтатель; одно тѣло мое родилось въ Англіи, душа же моя увидѣла свѣтъ въ Голландіи, у ногъ брата моей матери, ученаго раввина. Послѣ его смерти я учился въ Гамбургѣ и Гёттингенѣ, чтобы пріобрѣсти болѣе вѣрный взглядъ на мой народъ и упиться знаніемъ изъ всѣхъ источниковъ. Я много писалъ, я искалъ сочувствія у могучихъ, богатыхъ, знатныхъ братьевъ своихъ: меня называли мечтателемъ, отталкивали, смѣялись надъ моими грёзами о возвращеніи моему возлюбленному народу его прежняго значенія, его прежняго величія. Обыкновенная исторія!—и Мордекай, обезсиленный, поникъ главой.

— Я понимаю, я вполнѣ понимаю васъ—съ волненіемъ заговорилъ Деронда;—но творенія ваши не погибнутъ, я позабочусь...

— Этого мало,—быстро проговорилъ Мордекай:—вы должны стать душой моей души, раздѣлять мои вѣрованія, мои надежды, видѣть мои видѣнія, поставлять славу свою въ томъ, въ чемъ я ее поставляю. Вы получите мое наслѣдіе, оно накапливалось вѣками, это священное наслѣдіе еврейскаго народа.

— Вы забываете, что я не принадлежу къ вашему племени.

— Это быть не можетъ. Разскажите мнѣ о себѣ, о своей жизни.

— Я никогда не зналъ матери, и ничего не слыхалъ о ней, а равно объ отцѣ моемъ; но я убѣжденъ, что отецъ мой англичанинъ.

— Все откроется, все разъяснится,—торжественно заключилъ Мордекай,—все придетъ въ свое время.

— Гдѣ-же мы будемъ видѣться? здѣсь или у Когенъ?

— Приходите за мной къ нимъ, когда вздумаете, мы можемъ вмѣстѣ отправиться въ одну таверну, гдѣ намъ представится возможность побесѣдовать на-единѣ.

Съ этимъ уговоромъ странные друзья разстались.

Бесѣда съ Мордекаемъ потрясла до основанія впечатлительную душу Деронды, и онъ, не желая дать остыть этимъ новымъ и необыкновенно сильнымъ впечатлѣніямъ, при первомъ же удобномъ случаѣ является за своимъ страннымъ собесѣдникомъ. Они

вмѣстѣ отправляются въ таверну; но здѣсь ихъ ждетъ разочарованіе, общая зала полна народу, невозможно найти свободнаго уголка. Въ числѣ собравшихся много евреевъ, есть и англичане, всѣ они принадлежатъ къ рабочему классу. Разговоръ общій, съ философскимъ оттѣнкомъ. Моредкай сначала не принимаетъ въ немъ никакого участія, но потомъ, наэлектризованный присутствіемъ Даніэля, начинаетъ говорить, и, мало по-малу увлекаясь, раскрываетъ предъ нимъ всю сущность своей нравственной личности,—все, на что только намекалъ въ ихъ первой бесѣдѣ.

Эта profession de foi Мордекая принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ страницъ романа, а потому мы и приведемъ ее цѣликомъ.

Одинъ изъ присутствующихъ, нѣкто Гедеонъ, еврей весьма веселаго нрава, замѣтилъ, что вся надежда евреевъ должна заключаться въ ихъ объединеніи съ прочими народностями, прибавляя, что онъ, съ своей стороны, придерживается разумныхъ воззрѣній и не желаетъ залетать въ облака.

— И я также, быстро отвѣчалъ Мордекай,—я также почитаю себя разумнымъ евреемъ. Но что значитъ быть разумнымъ, какъ не ощущать постепенное распространеніе свѣта божественнаго разума извнѣ и внутри насъ? Быть разумнымъ значитъ видѣть тѣсную связь, существующую между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Когда люди начнутъ почитать разумными тѣхъ изъ среды своей, кто открыто говоритъ: — я не хочу знать своихъ родителей, пусть мои дѣти будутъ мнѣ чужіе, пусть молитва моя не почіетъ надъ ихъ главой; тогда можно будетъ считать разумнымъ и еврея говорящаго: я не признаю никакой разницы между мной и иновѣрными, я не дорожу своей народностью; да исчезнутъ съ лица земли израильтяне, да превратятся ихъ памятники въ антикварскія игрушки. А между тѣмъ, пусть дѣти его затверживаютъ наизусть рѣчь грека, убѣждающаго своихъ согражданъ не посрамить храбрость сражавшихся при Мараѳонѣ; пусть съ восторгомъ восклицаютъ: велико благородство грековъ, великъ духъ безсмертнаго народа! У еврея нѣтъ воспоминаній, побуждающихъ его къ славной дѣятельности; пусть онъ смѣется себѣ на свободѣ надъ тѣмъ, что его народъ — уже болѣе не народъ, пусть онъ почитаетъ, на здоровье, скрижали завѣта, сохранившія въ столбцахъ своихъ слѣды перваго дуновенья общественной справедливости, милосердія, первыя основы почитанія святости домашняго очага и семейныхъ узъ, энергію пророковъ, терпѣливую заботливость учителей, твердость замученныхъ поколѣній—матеріаломъ, годнымъ для науч-

ной обработки, имѣющимъ значеніе лишь въ глазахъ ученаго профессора. Обязанность еврея во всемъ слиться съ богатыми иновѣрцами.

Мордекай, утомленный, откинулся на спинку стула; всѣ молчали, никто съ нимъ не соглашался.

— Какъ бы то ни было,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ,—но надо согласиться, что евреи представляютъ прототипъ приверженности къ отжившимъ формамъ. Отдѣльныя личности, между ними, обладаютъ хорошими способностями, но—какъ народъ—они лишены залоговъ для будущаго развитія.

— Не правда, съ прежнимъ оживленіемъ воскликнулъ Мордекай.—Изслѣдуйте ихъ исторію; прослѣдите произрастаніе зерна, вплоть до корня, посаженнаго въ пустынѣ, и вы воздадите должную справедливость энергіи этого племени. Про какой народъ кромѣ еврейскаго, можно сказать, что онъ охранялъ и обогащалъ свою духовную сокровищницу, въ то самое время, какъ его, словно звѣря лютаго, съ остервенѣлой ненавистью выгоняли изъ засады. Существуетъ сказанье о римлянинѣ, который, спасаясь вплавь отъ враговъ, держалъ въ зубахъ свитокъ своихъ твореній, дабы не дать имъ погибнуть въ волнахъ. Народъ еврейскій сдѣлалъ больше этого. Онъ съ истиннымъ геройствомъ отстаивалъ свое мѣсто въ средѣ народовъ, но когда почувствовалъ, наконецъ, всю безполезность борьбы, то сказалъ себѣ:—духъ народа нашего живъ въ насъ, создадимъ ему жилище прочное, хотя и переносное, и станемъ передавать его изъ поколѣнія въ поколѣніе, да обогатятся народившіеся нынѣ сыны наши плодами минувшаго, и да обладаютъ они надеждой, зиждущейся на непоколебимомъ основаніи.—Задавшись этой мыслью, онъ привелъ ее въ исполненіе. Гонимый и преслѣдуемый, какъ собака, еврей своимъ богатствомъ и мудростью возбуждалъ зависть многихъ; онъ поглощалъ знанія и распространялъ ихъ; его разсѣянное по лицу всей земли племя, словно новѣйшіе финикіяне, разработывало рудники умственныхъ сокровищъ Греціи, и разносило плоды своихъ изслѣдованій по всему міру. Народное преданье повелѣвало намъ не стоять на мѣстѣ, и пока иновѣрецъ, рѣшившій въ своей мудрости: *что наше, то его, а уже болье не наше* — съ презрѣніемъ относится къ закону нашему, учители народа еврейскаго продолжали расширять предѣлы его, озаряя древній законъ нашъ свѣтомъ своихъ толкованій. Не забывайте, что разсѣяны мы были по всему лицу земли, что иго угнетателей заключало въ себѣ адскую пытку, равно какъ и тяготу непомѣрную; изгнаннымъ зачастую приходилось жить посреди народа грубаго: не мудрено,

что сознаніе своей народности затемнялось въ нихъ, подобно тому, какъ затемнялся солнечный свѣтъ въ глазахъ нашихъ предковъ во времена римскаго гоненія, когда они скрывались въ пещерахъ, и только по болѣе тусклому пламени горѣвшихъ въ нихъ свѣтильниковъ могли догадываться о наступленіи дня. Мудрено ли послѣ этого, что большинство народа нашего заражено невѣжествомъ, узкостью взгляда, предразсудками? Мудрено ли? Но создайте органическій центръ: пусть единство Израиля, послужившее источникомъ распространенія религіозныхъ вѣрованій отцовъ нашихъ, станетъ совершившимся фактомъ. Устремивъ на родину взоръ, полный надежды, нашъ бѣдный, отъ края и до края земли скитающійся народъ, узнаетъ, что̀ такое значитъ — жить жизнью національной, имѣть голосъ въ совѣтѣ народовъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, и тогда онъ снова насадитъ мудрость племени нашего, и она, какъ древле, станетъ посредницей въ великомъ общеніи человѣчества. Пусть все это совершится, и тогда органическая теплота проникнетъ до слабыхъ конечностей народа израильскаго, предразсудки исчезнутъ, благодаря не отступничеству ренегатовъ, но разъясненію великихъ фактовъ, расширяющихъ предѣлы народнаго чувства.

Голосъ Мордекая ослабъ, но глаза его сверкали по прежнему. Присутствіе Деронды возбуждало въ немъ желаніе высказаться вполнѣ, переживаемая минута имѣла въ глазахъ его особое, торжественное значеніе. Исповѣдь эта была его завѣщаніемъ.

Даніэль слушалъ и чувствовалъ, какъ въ душу его входило нѣчто совершенно новое; онъ теперь видѣлъ во-очію то, о чемъ прежде только мечталъ: человѣка бѣднаго, неизвѣстнаго, слабаго, больного, умирающаго и сознающаго близость смерти, но живущаго полной жизнью — въ прошедшемъ и будущемъ, человѣка, совершенно пренебрегающаго своей личной участью и помышляющаго единственно о томъ великомъ умѣ, наступленія коего онъ жаждалъ всѣми силами души, зная въ то же время, что *ему* этого дня не видать.

Со всѣхъ сторонъ слышатся возраженія противъ *бредней* Мордекая; наэлектризованный ими, онъ пытается доказать своимъ противникамъ, что его надежды гораздо осуществимѣе, чѣмъ имъ это кажется.

— Пусть—восклицаетъ онъ—богачи, цари коммерческаго міра, ученые, художники, ораторы, политическіе дѣятели, въ жилахъ коихъ течетъ еврейская кровь, пусть всѣ они кликнутъ кличъ, пусть скажутъ: мы готовы поднять наше знамя, соединить силы наши на тяжелый, но славный трудъ! Они довольно богаты,

чтобы выкупить почву у развращенныхъ и обнищалыхъ завоевателей; они довольно мудры, чтобы дать намъ и политическую организацію въ простой, справедливой, древней формѣ, въ формѣ республики, гдѣ бы каждый пользовался равнымъ покровительствомъ закона. Тогда у нашего племени явится органическій центръ—сердце и мозгъ; оскорбленный еврей будетъ пользоваться правомъ защиты въ обще-народномъ судилищѣ, какъ пользуется имъ оскорбленный англичанинъ или американецъ. Весь міръ выиграетъ при этомъ. На Востокѣ появится государство изъ людей, хранящихъ въ груди своей слѣды культуры всѣхъ великихъ націй, и глубокую симпатію къ каждой изъ нихъ; то̀ будетъ страна, гдѣ всякая вражда затихнетъ, страна нейтральная для Востока, какъ Бельгія—страна нейтральная для Запада. Трудности!—говорите вы: я очень хорошо сознаю, что трудности существуютъ. Но пусть духъ великихъ начинаній заговоритъ въ сердцѣ крупныхъ представителей народа нашего, и работа закипитъ.

— Что̀ правда, то правда, Мордекай,—иронически замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ:—пусть только банкиры и ученые профессора сочувственно отнесутся къ твоему ученію, всѣ трудности тотчасъ исчезнутъ какъ дымъ.

Благородная натура Деронды возмутилась при этихъ грубыхъ нападкахъ на Мордекая, и онъ горячо замѣтилъ:

— Сто̀итъ оглянуться на исторію различныхъ стремленій, вызвавшихъ великія перемѣны въ жизни народовъ, чтобы убѣдиться, до какой степени эти стремленія почти всегда казались неосуществимыми тѣмъ, кто былъ свидѣтелемъ ихъ возникновенія. Возьмемъ для примѣра объединеніе Италіи. Прочтите разсказъ Мадзини о томъ, какъ онъ, будучи еще мальчикомъ, мечталъ возвратить Италіи ея прежнее величіе, подаривъ ей и свободу; о томъ, какъ впослѣдствіи, сдѣлавшись молодымъ человѣкомъ — пытался возбудить тѣ же чувства въ сердцахъ молодыхъ людей, и заставить ихъ трудиться надъ общимъ, великимъ дѣломъ. Все было противъ него: сограждане были невѣжественны или равнодушны, правительства враждебны, Европа—недовѣрчива. А между тѣмъ—онъ оказался хорошимъ пророкомъ. Нѣтъ, пока въ народѣ не заглохло въ конецъ самосознаніе, воспоминанія и надежды всегда могутъ вдохновить его на тяжкій трудъ.

— Аминь,—произнесъ Мордекай.. Вскорѣ собесѣдники стали расходиться одинъ за другимъ.

Деронда и Мордекай остались одни. Даніэль невольно придвинулся къ своему товарищу, а Мордекай заговорилъ, нѣсколько понизивъ голосъ:

— По ученію Каббалы, души много разъ перевоплощаются, до тѣхъ поръ, пока не очистятся и не усовершенствуются вполнѣ. Душа, освободившаяся отъ тѣла, можетъ слиться съ нуждающейся въ ней родною душой, онѣ могутъ вмѣстѣ совершенствоваться, вмѣстѣ стремиться къ выполненію своей земной задачи. Когда моя душа освободится отъ этого истомленнаго тѣла, она сольется съ вашей душой.

— Все, что́ буду въ силахъ для васъ сдѣлать, я сдѣлаю,— отвѣтилъ Деронда.

— Вы будете продолжать мою жизнь съ того дня, какъ она надломится—продолжалъ Мордекай. — Я и теперь словно переживаю этотъ день. Яркое утреннее солнце озаряло набережную, это было въ Тріестѣ; пестрыя одежды представителей всѣхъ націй міра горѣли словно драгоцѣнные камни, лодки неслись по всѣмъ направленіямъ, греческій фрегатъ, имѣющій высадить насъ въ Бейрутѣ, долженъ былъ сняться съ якоря черезъ часъ. Я отправлялся съ однимъ купцомъ въ качествѣ секретаря. Я говорилъ себѣ: я увижу страны и народы Востока, это—вдохновитъ меня. Въ то время я дышалъ свободно, ступалъ легко, обладалъ выносливостью молодости; могъ по-долгу поститься, могъ и спать на твердой землѣ. Впервые случилось мнѣ быть на югѣ, душа моя распускалась подъ вліяніемъ южнаго солнца; я чувствовалъ, какъ моя ничтожная личная жизнь таяла и исчезала въ потокѣ окружающей ее общей жизни, рыданья поднимались въ горлѣ. Я стоялъ на набережной, въ ожиданіи своего спутника; онъ подошелъ ко мнѣ со словами:

— Эзра! я былъ на почтѣ, вотъ вамъ письмо.

— Эзра!—воскликнулъ Деронда.

— Да, Эзра,—подтвердилъ Мордекай, очевидно поглощенный своими воспоминаніями:—меня зовутъ Эзра Мордекай Когенъ. Я распечаталъ письмо—оно было отъ матери. То́ было не письмо, а крикъ измученной души, крикъ матери, у которой отняли ея ребенка. Я былъ ея старшій сынъ, послѣ меня было четверо дѣтей, всѣ они умерли одинъ за другимъ. Наконецъ, родилась моя маленькая сестра, она была для матери что́ свѣтъ очей ея, и про нее-то мать писала:

— Эзра, сынъ мой! ее у меня украли. Онъ увезъ ее. Они никогда не вернутся!

Здѣсь Мордекай поднялъ глаза, положилъ руку на руку Деронды и продолжалъ:

— Моя участь была подобна участи Израиля. За грѣхи отца—душа моя пошла въ изгнаніе. Я возвратился. Путь свой

совершилъ съ лишеніями, чтобы сберечь для матери хотя немного денегъ. Одну ночь провелъ на холодѣ, на снѣгу; это было начало этой медленной смерти. Я сталъ работать. Мы были въ нищетѣ, все было описано за долги отца. Мать была больна, горе ее сломило. Часто, посреди ночи, слышалъ я, какъ она плакала о дочери, тогда я вставалъ, и мы вмѣстѣ простирали руки свои и молили Господа избавить Мирру отъ всякаго зла.

— Мирру?—повторилъ Деронда, желая убѣдиться, что уши его не обманываютъ:—вы сказали—Мирру?

— Такъ звали мою сестру. Это продолжалось четыре года; въ предсмертныя минуты матери мы повторяли ту же молитву: я вслухъ, она шепотомъ. Душа ея унеслась на крыльяхъ ея. О сестрѣ я доселѣ ничего не знаю.

Деронда былъ твердо убѣжденъ, что видитъ передъ собой брата дѣвушки, которую полюбилъ, самъ того не сознавая. Это открытіе радовало его несказанно, но онъ не рѣшился говорить съ Мордекаемъ о сестрѣ, желая не усиливать его и безъ того достаточно возбужденнаго состоянія. Кромѣ того, многое нужно было взвѣсить и обдумать, прежде чѣмъ свести брата съ сестрой.

Деронда проводилъ Мордекая до дому, и ушелъ, совершенно пораженный нравственнымъ величіемъ бѣднаго работника; передъ его глазами открывался новый міръ.

IX.

А Гвендолина между тѣмъ переселилась съ мужемъ въ Лондонъ: сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ, ей приходилось много выѣзжать, свѣтскія обязанности отнимали у нея довольно времени, но все же въ теченіи дня оставалось нѣсколько часовъ, которые она положительно не знала куда дѣвать. Совѣты Деронды не были забыты ею, она пыталась читать, пыталась, хотя мысленно, оторваться отъ того жалкаго мірка, въ которомъ ежедневно вращалась, и—не могла; во-первыхъ, мужъ постоянно слѣдилъ за нею, и не допустилъ бы ни до какихъ серьёзныхъ уклоненій отъ разъ навсегда начертаннаго женщинамъ въ ея положеніи пути; а потомъ, и сама Гвендолина, несмотря на свое кажущееся презрѣніе къ свѣту, слишкомъ дорожила его мнѣніемъ, чтобы не слѣдить заботливо за собой: она страшно боялась обнаружить что-либо похожее на нравственную тревогу; всѣ усилія воли своей напрягала, бѣдняжка, чтобы казаться людямъ покойной, веселой, счастливой. Это постоянное напряженное состояніе

лишало ее того свѣтлаго спокойствія, которое необходимо для человѣка, желающаго искать утѣшенія въ сферѣ умственнаго труда. Желѣзную руку мужа миссисъ Гранкуръ по прежнему чувствовала надъ собой; супругу ея жилось очень пріятно и легко, со дня женитьбы жизнь его была полна живыхъ интересовъ; съ той минуты, какъ онъ отправился въ Лейброннъ въ погоню за капризной миссъ Гарлетъ, у него была одна цѣль—подчинить волю этой женщины своей собственной, и надо отдать ему справедливость—успѣхъ соотвѣтствовалъ настойчивости, съ какой онъ стремился къ достиженію этой цѣли. Этотъ блѣдный, флегматичный, красивый господинъ, съ правильнымъ профилемъ, навѣрное оставилъ бы неизгладимые слѣды въ памяти признательныхъ современниковъ, еслибъ ему вздумали поручить управленіе какой-либо непокорной колоніей.

Въ настоящую минуту у Гранкуръ, кромѣ экспериментовъ, производимыхъ надъ женой, были и другія работы: онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ цѣлью привести свои дѣла въ порядокъ, составить духовное завѣщаніе, а также получить отъ сэра Гуго значительную сумму денегъ, которую баронетъ предложилъ своему законному наслѣднику, въ видѣ вознагражденія за Дипло, такъ какъ имѣніе это онъ желалъ оставить, по смерти своей, женѣ и дѣтямъ. Непривычка къ веденію какихъ-либо дѣлъ заставила Гранкура прибѣгнуть къ содѣйствію своего стараго пріятеля и вѣрнаго фактотума, нѣкоего Люшъ. Человѣкъ этотъ, привыкшій жить, и очень хорошо жить, на чужой счетъ, былъ тѣнью Гранкура съ минуты его совершеннолѣтія и до минуты его женитьбы. Гвендолина его ненавидѣла, и, сдѣлавшись невѣстой, просила Гранкура отнынѣ и на вѣки избавить ее отъ присутствія этого господина. Женскій инстинктъ ее не обманывалъ. Люшъ былъ пріятелемъ миссисъ Глешэръ, по его инціативѣ устроилось ея свиданіе съ миссъ Гарлетъ: каково же было удивленіе и негодованіе Гвендолины, когда она на большомъ музыкальномъ вечерѣ у Маллингеръ увидала ненавистнаго ей мистера Люша, преспокойно разговаривающаго съ ея мужемъ! Недоброе предчувствіе закралось въ сердце Гвендолины, и недаромъ.

Общество, собравшееся въ салонахъ лэди Маллингеръ, было многочисленно и блестяще. Гвендолина, какъ только вошла, окинула всю залу долгимъ взглядомъ, ища Деронду: онъ стоялъ у дверей и не спускалъ глазъ съ группы у фортепіано. Клесмеръ, протежировавшій Мирру по просьбѣ Деронды, съ которымъ былъ пріятель, а также потому, что видѣлъ въ ней истинную артистку, сидѣлъ за инструментомъ, и готовился акомпа-

нировать молодой еврейкѣ, классическій профиль которой тотчасъ обратилъ на себя вниманіе миссиссъ Гранкуръ; она также замѣтила ея прекрасные глаза, черные кудри, изящный туалетъ, и мгновенно рѣшила: — Да, она очень мила! — Садясь на свое мѣсто и заботливо оправляя свое бархатное платье, миссиссъ Гранкуръ встрѣтилась глазами съ Клезмеромъ; они обмѣнялись поклономъ и улыбкой. Въ головѣ Гвендолины сверкнула мысль, что и она нѣкогда мечтала стоять передъ публикой въ такой позѣ, въ какой теперь стоитъ Мирра, возвышаясь надъ толпой силою своего таланта: цѣлая вѣчность, казалось ей, отдѣляла ее отъ этой минуты. Клезмеръ безъ сомнѣнія думаетъ, что я заняла приличествующее мнѣ мѣсто въ обществѣ, съ горечью подумала она.

Клезмеръ взялъ нѣсколько аккордовъ, Мирра запѣла.

Гвендолина пришла въ восторгъ отъ ея голоса, и по окончаніи первой аріи попросила миссиссъ Клезмеръ познакомить ее съ молодой пѣвицей, съ которой обошлась очень любезно; она съ первыхъ же словъ заговорила съ нею о Дерондѣ; Мирра съ обычной теплотой отозвалась о немъ, а онъ, между тѣмъ, съ раздраженіемъ слѣдилъ за всѣми окружавшими молодую артистку: ему казалось, что эти свѣтскія барыни *снисходятъ* къ ней; эта мысль оскорбляла его; ему казалось, что и Гвендолина смотритъ на нее свысока, а потому онъ нѣсколько холоднѣе обыкновеннаго обошелся съ ней, когда она, наконецъ, подошла къ нему.

Въ отвѣтъ на ея разсказъ о своихъ неудачныхъ попыткахъ по части самообразованія, онъ сухо замѣтилъ:

— Вообще, я долженъ сознаться, что въ моихъ проповѣдяхъ толку не много.

— Не говорите этого,—съ мольбой въ голосѣ прошептала Гвендолина,—не отталкивайте меня; если вы во мнѣ отчаялись, я окончательно погибну. Ваши тогдашнія слова — сильная поддержка: вы говорили, что не теряете надежды, чтобы я когда-либо стала добрѣе и умнѣе; видя васъ подлѣ себя, я можетъ и оправдаю ваше доброе мнѣніе,—вдали отъ васъ останусь безсильной на всякое добро.

Въ прерывистой рѣчи бѣдной женщины звучала такая глубоко-скорбная нота, что Деронда почувствовалъ новый приливъ искренняго состраданія, въ которомъ потонуло всякое постороннее, мелочное чувство.

— Per pièta non dirmi addio!

—зазвучалъ въ эту минуту чистый, сильный голосъ Мирры,

пѣвшей извѣстную Бетховенскую арію. Дерондѣ показалось, что это музыкальная перефразировка только-что вырвавшейся мольбы изъ страдающей души Гвендолины.

Онъ всегда чувствовалъ себя безсильнымъ передъ ея сердечнымъ горемъ, и это сознаніе тяготило его.

На возвратномъ пути домой Гранкуръ, пользуясь темнотой кареты, равнодушнымъ тономъ замѣтилъ женѣ:

— Завтра Люшъ у насъ обѣдаетъ; надѣюсь, что вы будете съ нимъ любезны.

— Но я же вамъ сказала разъ навсегда, что не желаю видѣть его у себя,—съ досадой замѣтила Гвендолина.

— Мало-ли съ какими уродами приходится сталкиваться въ жизни, порядочные люди не должны обращать вниманія на подобные пустяки.

Пока Гвендолина ежеминутно думала о Дерондѣ, стараясь находить въ мысляхъ о немъ защиту отъ всѣхъ дурныхъ чувствъ, гнѣздившихся въ ея сердцѣ; она занимала очень ничтожное мѣсто въ его жизни; онъ былъ всецѣло поглощенъ заботами о двухъ ему отнынѣ дорогихъ существахъ — Мордекаѣ и Миррѣ. Надо было приготовить обоихъ къ предстоящей встрѣчѣ; сначала Даніэль рѣшилъ поговорить съ Мордекаемъ. Онъ засталъ его очень слабымъ, но когда до слуха больного долетѣли первыя слова гостя:—Я имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное,—онъ весь встрепенулся, и, задыхаясь, пролепеталъ:

— Вы видите, что предчувствіе мое не обмануло меня? мы одной вѣры, одной...

— Я ничего новаго не узналъ о себѣ,—прервалъ его Деронда.

Больной со вздохомъ откинулся на спинку кресла и закрылъ глаза.

— Я пришелъ сказать вамъ, что молитва вашей матери услышана: Господь сохранилъ Мирру, — торжественно проговорилъ Даніэль, и, замѣтивъ, что Мордекай слѣдитъ за нимъ затаивъ дыханіе, разсказалъ ему все, чтó зналъ объ его сестрѣ.

Радость бѣднаго Мордекая была глубока и искренна, и вызвала слезы на глаза его собесѣдника.

Затѣмъ Дерондѣ предстояло еще уговорить Мордекая переѣхать въ хорошенькую уютную квартирку, которую онъ, при содѣйствіи миссисъ Мейрикъ, нанялъ и меблировалъ для него и Мирры, и гдѣ должно было состояться ихъ первое свиданіе. Мордекай всецѣло отдался въ руки своего молодого друга, а потому и тутъ не противорѣчилъ ему; онъ дружески распростился

съ пріютившей его семьей, и послѣдовалъ за Дерондой въ мирное гнѣздышко, устроенное для него любящими руками. Сюда миссиссъ Мейрикъ на другой же день привезла Мирру.

Молодая дѣвушка сначала молча остановилась въ дверяхъ, потомъ сдѣлала три шага впередъ и проговорила:

— Эзра!

— Это голосъ моей матери,—отвѣчалъ Мордекай.

— Я помню, какъ она звала тебя, а ты ей отвѣчалъ: *матушка*; по звуку твоего голоса я чувствовала, что ты ее любишь,— съ этими словами Мирра обвила свои ручки вокругъ шеи брата и осыпала его лицо поцѣлуями, шляпа ея упала съ головы, кудри разсыпались по плечамъ.

— Милая, милая головка! — прошепталъ Мордекай, наложивъ на нее свою исхудалую руку.

— Ты очень боленъ, Эзра,—заботливо проговорила Мирра, пристально всматриваясь въ него.

— Да, милое дитя, не долго мнѣ быть съ тобой въ этой бренной оболочкѣ,—былъ его спокойный отвѣтъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, мы будемъ жить вмѣстѣ, ты научишь меня быть доброй еврейкой, такой, какой была мать наша; я стану для тебя работать, мои друзья все мнѣ устроили. Ахъ! милый, еслибъ ты зналъ, какіе у меня друзья!—И она съ дѣтской улыбкой поглядѣла на миссиссъ Мейрикъ и Деронду, съ умиленіемъ слѣдившихъ за этой сценой...

Еслибъ кто-нибудь сказалъ Гранкуру, что онъ ревнуетъ свою жену къ Дерондѣ, онъ бы презрительно засмѣялся; ему въ сущности было все равно, предпочитаетъ-ли она его общество обществу супруга или нѣтъ, онъ стремился только къ тому, чтобы ежеминутно давать ей чувствовать, что она закована, и что цѣпей своихъ ей не сбросить, до остальнаго ему не было никакого дѣла; а между тѣмъ онъ неустанно слѣдилъ за нею, хотя и виду не показывалъ, что что-либо, до нее касающееся, можетъ его смущать и волновать. Теперь ему предстояло исполнить непріятную обязанность; онъ чувствовалъ, что долженъ сообщить ей о содержаніи своей духовной, а между тѣмъ не рѣшался сказать ей въ глаза, что дѣлаетъ въ ней своимъ наслѣдникомъ сына Лидіи Глэшеръ въ случаѣ, еслибъ у него не было законныхъ дѣтей, причемъ передаетъ ему и имя свое. Онъ издавна зналъ отъ Люша, что женѣ извѣстны были еще до свадьбы его отношенія къ миссиссъ Глэшеръ, а потому не считалъ нужнымъ

стѣсняться. Да ему, кромѣ того, пріятно было дать ей понять, что тайна, которую она такъ заботливо отъ него хранила, не тайна для него. Въ дѣлѣ мученій, расточаемыхъ своей жертвѣ, Гранкуръ доходилъ до пониманія психологическихъ тонкостей.

Однажды утромъ онъ, совсѣмъ одѣтый для прогулки верхомъ, со шляпой въ рукѣ, вошелъ въ будуаръ жены. Она сидѣла у камина, съ книгой на колѣняхъ.

— Гвендолина,—началъ онъ самымъ безмятежнымъ, мирнымъ тономъ,—надо вамъ кое-что узнать тамъ о дѣлахъ; я пришлю Люша, онъ все знаетъ и растолкуетъ вамъ что́ нужно. Надѣюсь, вамъ это все равно?

— Вы очень хорошо знаете, что не все равно, — проговорила Гвендолина, вскакивая съ мѣста: — я не хочу его видѣть.

— Что за глупая манера поднимать шумъ изъ пустяковъ. Я ему велѣлъ явиться къ вамъ, примите его и выслушайте.

Гвендолина позволила себѣ еще какое-то возраженіе противъ рѣшенія, принятаго ея повелителемъ, но этотъ протестъ вылился въ такую мягкую форму, что не возбудилъ гнѣва въ сердцѣ мужа; напротивъ, онъ милостиво приподнялъ головку жены за подбородокъ и поцѣловалъ въ губы. Она и глазъ не подняла, а когда онъ вышелъ, поглядѣла ему вслѣдъ съ выраженіемъ мрачной ненависти.

Когда Люшъ явился, Гвендолина приняла его съ холоднымъ достоинствомъ.

— Надѣюсь,—низко кланяясь, проговорилъ паразитъ,—что вы извините мое вмѣшательство въ ваши дѣла, но мистеръ Гранкуръ поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ бы желалъ знать ваше мнѣніе о его духовной. Вотъ небольшое извлеченіе изъ этого документа,—продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана и кладя на столъ сложенную бумагу;—но прежде чѣмъ вы ознакомитесь съ нимъ, позвольте коснуться еще одного вопроса; надѣюсь, что вы простите меня: дѣло непріятное, очень непріятное.

— Говорите, пожалуйста, что́ нужно, безъ всякихъ извиненій,—нетерпѣливо прервала его Гвендолина.

— Я долженъ напомнить вамъ нѣчто случившееся до вашего обрученія съ мистеромъ Гранкуромъ. Если припомните, вы видѣлись съ одной дамой, она говорила вамъ о своихъ отношеніяхъ къ мистеру Гранкуру. Съ нею было двое дѣтей, изъ которыхъ одинъ—красавецъ мальчикъ.

Щеки и губы Гвендолины покрылись мертвенной блѣдностью; она не въ силахъ была выговорить слова.

— Мистеру Гранкуру было извѣстно,—продолжалъ Люшъ,—

что эта несчастная исторія не составляла для васъ тайны еще до свадьбы; онъ желаетъ, чтобы вы знали и всѣ его намѣренія; здѣсь—онъ указалъ глазами на бумагу—рѣчь идетъ о распоряженіяхъ по наслѣдству; если вамъ угодно будетъ сдѣлать какія-либо возраженія, я весьма охотно передамъ ихъ ему, такъ какъ онъ, естественно, не желалъ бы лично объясняться съ вами о подобныхъ предметахъ.

Съ этими словами онъ протянулъ ей документъ; Гвендолина боялась взять его въ руки, она чувствовала, что онѣ дрожатъ.

— Потрудитесь положить бумагу на столъ, и выйдите въ другую комнату,—проговорила она, какъ могла спокойнѣе.

Люшъ исполнилъ ея желаніе. Оставшись одна, Гвендолина быстро пробѣжала злополучный документъ. Первое, что́ ей бросилось въ глаза, это усыновленіе сына миссиссъ Глэшеръ и все до него касающееся; кромѣ того, говорилось о ней, о Гадсмерѣ, о какихъ-то тысячахъ; она уже ничего не понимала, не сознавала, молотомъ стучала въ головѣ ея одна мысль:—Вотъ оно—послѣднее униженіе!

Она вложила документъ въ раскрытую книгу, лежавшую на столѣ, и, взявъ ее въ руки, спокойнымъ, ровнымъ шагомъ прошла въ сосѣднюю комнату, гдѣ ожидалъ ее Люшъ.

— Потрудитесь передать мистеру Гранкуру, что его желанія вполнѣ согласны съ моими,—проговорила она,—поклонилась и вышла.

Когда мужъ возвратился домой, она встрѣтила его какъ ни въ чемъ не бывало, и даже поѣхала кататься съ нимъ верхомъ. Время истерикъ и сценъ миновало безвозвратно, а между тѣмъ подъ спокойной оболочкой улыбающейся красавицы таилось цѣлое море отчаянія.

— Я брошу его, разведусь съ нимъ!—говорила себѣ несчастная въ тѣ минуты, когда не знала, куда дѣваться съ тоски. «Легко сказать: *разведусь*, но онъ никогда не согласится, да и что́ я скажу, какія причины приведу, меня только осмѣютъ. Хорошо будетъ мое положеніе, если я убѣгу отъ него, всѣ отъ меня станутъ отворачиваться; нѣтъ,—заключала она свои горькія размышленія, *ужъ если быть несчастной, то такъ, чтобы никто не зналъ!*»

Съ Дерондой она видалась рѣдко, а когда встрѣчалась и говорила съ нимъ, то постоянно чувствовала на себѣ взглядъ мужа; однажды, на вечерѣ у Клезмеръ, она просто и прямо сказала ему:

— Мистеръ Деронда, пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ пять часовъ, мнѣ необходимо поговорить съ вами.

Даніэль молча поклонился, Гранкуръ съ кѣмъ-то разговаривалъ и, казалось, ничего не слышалъ.

Съ обычнымъ волненіемъ ждала Гвендолина Даніэля, а когда онъ явился, то, не попросивъ его сѣсть и не садясь сама, прямо заговорила о себѣ, о своемъ невыносимо-тяжеломъ нравственномъ состояніи, о ненависти, которую она начинаетъ питать ко всѣмъ людямъ безъ изъятія, за исключеніемъ его одного; она открывала ему свою душу, просила совѣта, помощи... Въ самый разгаръ ея пламенной, безсвязной рѣчи, дверь гостиной тихонько пріотворилась, и Гранкуръ, спокойный и изящный, какъ всегда, вошелъ въ комнату. Онъ, очевидно, только-что возвратился съ прогулки верхóмъ; любезно кивнувъ головой Дерондѣ и улыбнувшись женѣ, онъ опустился въ кресло, стоявшее нѣсколько поодаль, и, вынувъ изъ кармана батистовый платокъ, преспокойно началъ имъ обмахиваться.

Деронда простился и вышелъ. Гвендолина стояла посреди комнаты точно статуя изумленія.

— Гвендолина,—послышался позади ея голосъ мужа,—послѣзавтра я уѣзжаю въ Марсель, тамъ меня ждетъ моя яхта, хочу покататься по Средиземному морю.

— Такъ я могу выписать къ себѣ мать? — съ сердцемъ, переполненнымъ радостной надеждой, промолвила жена.

— Нѣтъ, вы поѣдете со мной!

X.

Въ утро того самаго дня, когда вечеромъ происходила только что описанная нами сцена, сэръ Гуго призвалъ къ себѣ Даніэля и вручилъ ему письмо отъ его матери, о которой до тѣхъ поръ никогда съ нимъ не говорилъ. Почтенный баронетъ объяснялъ эту странность—нежеланіемъ матери, чтобы сынъ зналъ объ ея существованіи.

Даніэль, пораженный и потрясенный до глубины души, спросилъ только:

— А отецъ мой живъ?

— Нѣтъ, былъ отвѣтъ.

Деронда развернулъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«*Сыну моему Даніэлю Деронда.*

«Нашъ общій добрый другъ, сэръ Гуго Маллингеръ, вѣроятно уже сказалъ тебѣ, что я желаю тебя видѣть. Здоровье мое потрясено, и я хочу немедленно передать тебѣ все, что́ такъ долго

отъ тебя скрывала. Пусть никто тебѣ не воспрепятствуетъ быть въ Генуѣ, въ Albergo dell'Italia, четырнадцатаго числа текущаго мѣсяца. Жди меня тамъ. Сама не знаю, когда мнѣ удастся пріѣхать изъ Специи, гдѣ будетъ мое мѣстопребываніе. Это будетъ зависѣть отъ многаго. Жди меня—Гальмъ-Эберштейнъ, княгиню Гальмъ-Эберштейнъ. Привези съ собой брилліантовое кольцо, врученное тебѣ сэромъ Гуго, я рада буду увидать его.

Твоя мать—
Леонора Гальмъ-Эберштейнъ».

Три недѣли пришлось Дерондѣ прожить въ Генуѣ до пріѣзда матери; наконецъ, однажды, утромъ къ нему въ комнату явился егерь и передалъ, на словахъ, что княгиня пріѣхала, желаетъ отдохнуть въ теченіи дня, но проситъ мистера Деронда отобѣдать пораньше, чтобы быть свободнымъ къ семи часамъ,—когда она можетъ принять его.

Входя въ занимаемыя матерью комнаты, Деронда ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ, въ глазахъ у него рябило, онъ очнулся только тогда, когда сопровождавшій его лакей растворилъ настежъ двери второй комнаты, и онъ увидалъ высокую фигуру, стоявшую на другомъ концѣ громадной гостиной, и, очевидно, ожидавшую его приближенія. Вся она была закутана, кромѣ рукъ и лица, въ волны чернаго кружева, спускавшагося съ головы до длиннаго шлейфа. Обнаженныя и покрытыя браслетами руки были сложены на груди; безукоризненный поставъ головы дѣлалъ эту голову красивѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Деронда быстро приблизился къ ней, она протянула ему руку, которую онъ поднесъ къ губамъ; Даніэль чувствовалъ, что онъ мѣняется въ лицѣ, а она продолжала разсматривать его своими проницательными глазами, причемъ выраженіе лица ея поминутно измѣнялось.

Наконецъ, она выпустила его руку, и, положивъ обѣ свои ему на плечи, тихимъ, мелодичнымъ голосомъ проговорила по-англійски:

— Ты красавецъ: впрочемъ, я этого ожидала,—и поцѣловала его; онъ отвѣчалъ на ея поцѣлуй.

Она помолчала съ минуту, потомъ проговорила нѣсколько холоднѣе:

— Я твоя мать, но любить меня ты не можешь.

— Я думалъ о васъ болѣе, чѣмъ о комъ-либо во всемъ мірѣ,—дрожащимъ голосомъ промолвилъ Деронда.

— Я не оправдала твоихъ ожиданій,—рѣшительнымъ тономъ

проговорила мать, и при этомъ посмотрѣла на него, какъ-бы приглашая, въ свою очередь, попристальнѣе вглядѣться въ нее.

Наружность ея была замѣчательна, но въ ея отцвѣтшей красотѣ таилось что-то странное, словно она пришла изъ другого міра.

— Я часто думалъ, что вы, можетъ быть, страдаете, и жаждалъ васъ утѣшить.

— Я и теперь страдаю, но моихъ страданій тебѣ не смягчить,—суровымъ тономъ проговорила княгиня, подходя къ дивану, обложенному подушками, и указывая ему на близъ-стоявшее кресло; потомъ, замѣтивъ волненіе на лицѣ сына, прибавила смягченнымъ голосомъ: — въ эту минуту я не страдаю, я могу говорить.

Деронда сѣлъ и ждалъ, чтобы она заговорила.

— Нѣтъ,—начала она, послѣ недолгаго молчанія,—я не за тѣмъ послала за тобой, чтобы ты меня утѣшалъ. Я не могла знать впередъ, я и теперь не знаю, что ты почувствуешь ко мнѣ. Далека отъ меня дикая мысль, чтобы ты могъ любить меня единственно потому, что я твоя мать, хотя никогда во всю свою жизнь не видалъ меня и не слыхалъ обо мнѣ. Я думала, что избрала для тебя нѣчто лучшее—чѣмъ жизнь возлѣ меня. Мнѣ казалось, что все, чего я тебя лишила, не имѣетъ особой цѣны.

— Трудно мнѣ повѣрить, чтобы ваша привязанность могла не имѣть цѣны въ моихъ глазахъ,—проговорилъ Деронда, замѣтя, что она пріостановилась, какъ-бы ожидая его отвѣта.

— Я не хочу дурно говорить о себѣ,—съ пылкостью продолжала княгиня,—но я къ тебѣ не питала большой привязанности. Мнѣ любви не нужно было, меня ею душили. Я хотѣла жить; въ то время я не была княгиней, не жила той безцвѣтной жизнью, какой живу теперь. Я была великая пѣвица, играла такъ же хорошо, какъ пѣла. Всѣ остальныя артистки блѣднѣли передо мной. Мужчины слѣдовали за мной изъ одной страны въ другую, мнѣ не нужно было ребенка. Я не желала выходить замужъ, отецъ принудилъ меня; и кромѣ того—это былъ вѣрнѣйшій путь къ свободѣ. Я могла управлять мужемъ, но никогда—отцомъ. Я имѣла право искать освобожденія отъ ненавистнаго ига; изъ-подъ этого же ига я хотѣла освободить и тебя. Самая любящая мать не могла бы сдѣлать бо́льшаго. Я спасла тебя отъ рабства, въ которомъ ты родился, какъ и всякій еврей.

— Такъ я еврей!—воскликнулъ Деронда съ такой силой, что мать, въ страхѣ, откинулась на свои подушки.—Отецъ мой былъ еврей, и вы еврейка?

— Да, отецъ твой былъ моимъ двоюроднымъ братомъ,—отвѣтила мать, слѣдя за нимъ какимъ-то страннымъ, измѣнившимся взглядомъ.

— Это меня радуетъ!—съ подавленной страстностью въ голосѣ воскликнулъ Деронда.

Мать дрогнула при этихъ словахъ, глаза ея расширились и она рѣзко проговорила:

— Зачѣмъ ты говоришь, что радъ этому? ты — англійскій джентльменъ, я тебѣ это устроила.

— Вы не сознавали, чтó вы дѣлали. Какъ могли вы такъ располагать моей судьбой.

Даніэлемъ овладѣла чуждая его натурѣ нетерпимость, но онъ всячески старался овладѣть собой, боясь сказать что-нибудь слишкомъ жесткое въ подобную минуту, составлявшую эпоху въ его жизни. Наступило молчаніе; мать первая прервала его:

— Я для тебя избрала то же, чтó бы избрала для себя,—промолвила она.—Какъ могла я знать, что ты унаслѣдуешь духъ отца моего? Кáкъ могла угадать, что ты полюбишь то, чтó я ненавидѣла?

Въ послѣднихъ словахъ слышалась горечь.

— Простите, если я сказалъ чтó-нибудь лишнее,—съ почтительной серьёзностью проговорилъ Деронда,—и объясните мнѣ, пожалуйста: почему вы теперь рѣшились открыть мнѣ то, чтó до сихъ поръ такъ тщательно скрывали?

— Какъ объяснить причины нашихъ дѣйствій!—воскликнула княгиня, и что-то похожее на насмѣшку зазвучало въ ея голосѣ.—Когда ты доживешь до моихъ лѣтъ, то поймешь, что вовсе не такъ легко отвѣтить на вопросъ: *почему вы поступили такъ, а не иначе?* Предполагается, что каждая женщина должна руководствоваться одними и тѣми же побужденіями, иначе—она чудовище. Я не чудовище, но не чувствовала того, чтó чувствуютъ другія женщины. Я была рада отъ тебя отдѣлаться, но я позаботилась о тебѣ, и сохранила для тебя все состояніе отца твоего. Теперь я какъ-бы разрушаю все мною созданное, этому много причинъ. Роковая болѣзнь томитъ меня вотъ уже цѣлый годъ, я, вѣроятно, недолго проживу. Вокругъ меня встаютъ тѣни, недугъ ихъ создаетъ. Если я оскорбила мертвыхъ — мнѣ остается мало времени совершить то, чѣмъ я доселѣ пренебрегала.

— Сэръ Гуго много писалъ мнѣ о тебѣ,—быстро продолжала она послѣ недолгого молчанія.—Онъ говоритъ, что у тебя рѣдкій умъ, и бóльшій запасъ мудрости, чѣмъ у него, несмотря на его шестьдесятъ лѣтъ. Ты говоришь, что радъ узнать, что ро-

дился евреемъ, и не благодаришь меня за то, чтó я для тебя сдѣлала. Желала бы я знать: поймешь ли ты свою мать, или только обвинишь ее?

— Я жажду понять ее,—торжественно отвѣтилъ Деронда,—я всегда стремился къ тому, чтобы понимать людей, взгляды которыхъ не сходятся съ моими.

— Въ этомъ ты расходишься со своимъ дѣдомъ, хотя лицомъ похожъ на него какъ двѣ капли воды,—продолжала мать. Онъ никогда не понималъ меня, требовалъ одной покорности. Онъ хотѣлъ, чтобы я была истинной еврейкой, чтобы я чувствовала все, чего не могла чувствовать, чтобы вѣрила во все, во что не могла вѣрить; я должна была придерживаться преданій, почтительно выслушивать безконечныя разсужденія отца о *нашемъ племени;* вѣчно памятовать прошлое Израиля; а мнѣ до всего этого не было никакого дѣла. Вѣчныя наставленія отца были для меня тисками, съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе сжимавшими меня. Я стремилась жить широкой жизнью, пользоваться свободой, плыть по теченію. Ты радуешься при мысли, что родился евреемъ,—не радовался бы, еслибы былъ, какъ я, воспитанъ въ еврействѣ.

— Вы желали навсегда скрыть отъ меня мое происхожденіе? — порывисто спросилъ Деронда: — въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ вы измѣнили ваши намѣренія.

— Да, я этого желала, но обстоятельства измѣнились, я была вынуждена повиноваться моему покойному отцу, вынуждена открыть тебѣ, что ты еврей, вынуждена вручить тебѣ то, чтó онъ поручилъ мнѣ передать тебѣ.

— Умоляю васъ сказать, чтó васъ побудило, во дни вашей молодости, дѣйствовать такъ, какъ вы дѣйствовали? Дѣдъ противился вашему вступленію на артистическое поприще, я понимаю, что вы должны были чувствовать....

— Нѣтъ,—покачавъ головой, отвѣчала княгиня,—ты не женщина. Ты не въ силахъ понять, чтó значитъ чувствовать въ себѣ геніальность мужчины, и выносить рабство, выпадающее на долю дѣвушки. Онъ жаждалъ имѣть сына, на меня смотрѣлъ только какъ на связующее звено. Вся душа его была—въ его народѣ и его будущности.

— Дѣдъ мой былъ человѣкъ ученый?—спросилъ Деронда.

— О, да,—нетерпѣливо проговорила она,—отличный докторъ и добрый человѣкъ. Я не отрицаю его доброты. Но это—человѣкъ, которымъ можно восхищаться въ драмѣ, величественная фигура съ желѣзной волей, въ родѣ старика Фоскари — до прощенія. Та-

кого рода люди — превращаютъ своихъ женъ и дочерей въ рабынь. Но природа иногда играетъ съ ними злыя шутки. У моего отца была одна только дочь, и она — была похожа на него. Твой отецъ совсѣмъ другое дѣло, онъ весь былъ — любовь и нѣжность; насъ обвѣнчали незадолго до смерти моего отца; онъ уже давно рѣшилъ, что мнѣ быть женой Ефраима; когда отецъ умеръ—я поступила на сцену. Талантъ мой развился подъ руководствомъ тётки, сестры моей покойной матери, искусной пѣвицы; она жила въ Генуѣ также какъ и мы, и давала мнѣ уроки тайкомъ отъ отца. Отецъ твой любилъ меня: такъ какъ я любила свое искусство, онъ бросилъ свои дѣла и послѣдовалъ за мной. Когда онъ умеръ, я рѣшила, что не наложу на себя другихъ узъ; я была та самая Алькаризи, о которой ты, конечно, слышалъ. Обожателей у меня было бездна, въ числѣ ихъ былъ и сэръ Гуго Маллингеръ. Онъ былъ влюбленъ въ меня до безумія; однажды я его спросила: — Неужели нѣтъ человѣка способнаго сдѣлать для меня многое, не ожидая за то никакого вознагражденія?

— Чего вы желаете?—въ свою очередь спросилъ онъ.

— Возьмите моего сына, воспитайте его какъ англичанина, пусть онъ никогда ничего не узнаетъ о своихъ родителяхъ. Тебѣ въ то время было два года, ты сидѣлъ у него на колѣняхъ. Сначала онъ думалъ, что я шучу, но я убѣдила его. Все это происходило въ Неаполѣ. Впослѣдствіи я сдѣлала сэра Гуго твоимъ опекуномъ. Это была моя месть; отецъ только и помышлялъ, что о внукѣ, всѣ свои надежды возлагалъ на него, но этотъ внукъ былъ мой сынъ, а я рѣшила, что онъ никогда не узнаетъ, что онъ еврей.

— Теперь я сама не понимаю, что̀ во мнѣ происходитъ, я не чувствую бо̀льшей приверженности къ вѣрѣ отцовъ моихъ, чѣмъ прежде; вступая вторично въ бракъ, я крестилась, я старалась слиться съ людьми, съ которыми живу, я не скажу даже, чтобы я раскаявалась,—нѣтъ, но воспоминанія не даютъ мнѣ покоя. Иногда вся моя послѣдующая жизнь исчезаетъ изъ памяти, я только и вижу передъ собой, что дѣтство, молодость, день моей свадьбы, день смерти отца. Мной овладѣваетъ ужасъ. Что̀ я знаю о жизни и смерти? Въ такія минуты я жажду одного — удовлетворить отца. Я утаила его собственность, я хотѣла сжечь ее, но, слава Богу, не сожгла! Онъ оставилъ мнѣ и мужу ящикъ съ документами, бумагами, изслѣдованіями, заповѣдавъ намъ отдать его нашему старшему сыну. Послѣ смерти мужа я хотѣла все это бросить въ огонь, но Богъ удержалъ мою руку; а когда

Іосифъ Калонимосъ, старый другъ отца моего, вернулся изъ своихъ долгихъ странствованій по Востоку, и навѣстилъ меня, чтобы узнать о тебѣ, я сказала ему, что сынъ мой умеръ. Онъ повѣрилъ мнѣ, бумаги я всѣ отдала ему на храненіе. Впослѣдствіи онъ встрѣтилъ тебя въ синагогѣ во Франкфуртѣ, и узналъ по сходству съ дѣдомъ. Тогда онъ отыскалъ меня въ Россіи, гдѣ я жила съ моимъ вторымъ мужемъ, и горько упрекалъ за то, что я сдѣлала изъ тебя гордаго англичанина, который съ отвращеніемъ сторонится отъ евреевъ. Онъ засталъ меня слабой, больной; это свиданіе потрясло меня, я рѣшилась открыть тебѣ все! Можетъ быть, это — Божья воля. Я ничего не знаю, ничего утверждать не могу, угрозы отца раздаются въ ушахъ моихъ въ минуты самыхъ тяжкихъ страданій. Боже! я во всемъ признаюсь, все отдаю; чего еще можно требовать отъ меня! Я не могу заставить себя полюбить народъ, котораго никогда не любила; не довольно ли и того, что отъ меня уходитъ моя жизнь, жизнь, которую я такъ любила!

Она съ мольбой протягивала къ нему руки, голосъ ея звучалъ глухо.

Даніэль опустился на колѣни возлѣ матери, тихонько сжалъ ея руку въ своихъ рукахъ, и тономъ, полнымъ задушевной ласки, проговорилъ:

— Матушка, успокойтесь!

Слезы сверкнули въ глазахъ матери, но она быстро вытерла ихъ, и прижалась щекой къ наклоненной головѣ сына, какъ-бы желая спрятать отъ него свое лицо.

— Неужели мнѣ нельзя часто быть подлѣ васъ?—спросилъ Даніэль.

— Невозможно,—проговорила она, поднимая голову и отнимая у него руку,—у меня мужъ и пятеро дѣтей. Никто изъ нихъ не подозрѣваетъ о твоемъ существованіи. Я не хотѣла вторично выходить замужъ, но голосъ началъ измѣнять мнѣ, и я предпочла лучше сдѣлаться женой русскаго вельможи, чѣмъ дождаться минуты, когда публика отъ меня отвернется съ равнодушіемъ; этого бы я не пережила.

Она съ минуту задумалась, поникнувъ головой, потомъ вынула изъ кармана небольшой портфель, изъ котораго достала письмо, и, подавая его сыну, промолвила:

— Вотъ письмо Іосифа Калонимоса, съ которымъ ты можешь отправиться въ его банкирскую контору въ Майнцѣ; еслибъ его не было дома, другіе распорядятся,—ты получишь ящикъ, оставленный тебѣ дѣдомъ. А теперь: простимся; повѣрь, что все къ

лучшему, сынъ мой. Ты осуждаешь меня, сердишься на меня, чувствуешь, что я лишила тебя многаго, ты—на сторонѣ дѣда.

Деронда молчалъ.

— Скажи мнѣ,—продолжала мать,—чтό ты намѣренъ дѣлать, кáкъ устроишь свою жизнь?—пойдешь по стопамъ дѣда? превратишься въ истаго еврея?

— Это невозможно,—отвѣтилъ ей сынъ.—Слѣдовъ даннаго мнѣ воспитанія мнѣ нé уничтожить; симпатій къ христіанамъ и христіанству не вырвать изъ сердца. Но я сочту своимъ долгомъ слиться, насколько возможно, съ моимъ народомъ, и послужить ему.

Пока онъ говорилъ, мать все внимательнѣе и внимательнѣе всматривалась въ него, и, наконецъ, рѣшительно проговорила:

— Ты влюбленъ въ еврейку!

Даніэль покраснѣлъ, и отвѣтилъ только:

— Соображенія мои не зависятъ отъ этого.

— Мнѣ это лучше знать,—повелительно проговорила княгиня.—Я знаю мужчинъ. Она навѣрное еврейка, которая не выйдетъ замужъ иначе, какъ за еврея. Такія существуютъ. Ты любишь ее, какъ твой отецъ любилъ меня, она увлекаетъ тебя за собой, какъ я увлекала его; дѣдъ твой мститъ за себя!

— Матушка,—молилъ ее Даніэль,—не станемъ такъ смотрѣть на вопросъ: я допускаю, что полученное мною воспитаніе принесло мнѣ пользу; оно расширило кругъ моихъ симпатій и сферу моихъ познаній. Вы возвратили мнѣ мое наслѣдіе, ничто не потеряно, примиритесь же теперь съ памятью дѣда. Ваша воля была сильна, но тό, чтό вы называете его игомъ,—оказалось сильнѣе; оно имѣетъ глубокіе, далеко расходящіеся корни; откройте намъ всѣмъ доступъ въ сердце ваше,—мертвымъ и живымъ.

Мать съ любовью смотрѣла на него, потомъ вдругъ спросила:

— Хороша она?

— Кто?

— Женщина, которую ты любишь?

— Да.

— Не честолюбива?

— Не думаю, нѣтъ.

— Не такая?—спросила княгиня, снимая съ кушака и показывая ему миніатюрный портретъ, въ рамкѣ изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, изображавшій ее въ ея цвѣтущіе годы. Видя, что сынъ любуется имъ, она продолжала:

— Голосъ и талантъ соотвѣтствовали наружности; согласись, что я имѣла право желать быть артисткой, вопреки волѣ отца?

— Сознаюсь,—печально отозвался Деронда.

— Хочешь взять этотъ портретъ?—ласково спросила княгиня;—возьми, и, если она добрая женщина, научи ее думать обо мнѣ съ любовью.

— Портретъ я возьму съ радостью, а про нее долженъ сказать, что она и не подозрѣваетъ о моей любви къ ней, и навярядъ ли любитъ меня; не думаю, чтобы намъ суждено было соединиться. Да вообще мнѣ всегда казалось, что лучше пріучать себя къ мысли, что въ жизни придется обходиться безъ счастья.

— Такъ вотъ ты каковъ! Легче бы мнѣ теперь было, если бы ты жилъ возлѣ меня; но чтó объ этомъ говорить; все прошло, все миновало. Прости, мой сынъ, прости; мы никогда ничего болѣе другъ о другѣ не услышимъ. Поцѣлуй меня.

Даніэль обвилъ ея шею руками, и они поцѣловались.

Деронда никогда не въ силахъ былъ припомнить: кáкъ онъ вышелъ изъ этой комнаты; онъ пережилъ такъ много съ той минуты, какъ переступилъ за порогъ ея, что не могъ не чувствовать въ себѣ страшной перемѣны.

Ему казалось, что онъ состарѣлся на десять лѣтъ.

XI.

Мистеръ и миссиссъ Гранкуръ должны бы были быть очень довольны своей поѣздкой: все имъ, казалось, благопріятствовало: погода стояла дивная; маленькая, изящная яхта была отдѣлана какъ игрушка; каюта, съ своими шелковыми драпировками, мягкими подушками, большими зеркалами, напоминала плавучую гостиную; команда не оставляла желать ничего лучшаго: она состояла изъ опытныхъ, искусныхъ, прекрасно обученныхъ матросовъ. Спокойно носились они по голубымъ волнамъ Средиземнаго моря, прошли мимо Балеарскихъ островов, мимо цвѣтущихъ береговъ Сардиніи, и держали путь на сѣверъ, къ берегамъ Корсики. Гранкуръ, со времени отъѣзда изъ Англіи, постоянно пользовался отличнымъ расположеніемъ духа; его радовала мысль, что онъ увезъ жену подальше отъ Деронды и всего *этого вздора*, и, кромѣ того, самая жизнь, которую онъ велъ, была ему по душѣ; носиться по морю, на яхтѣ, на которой онъ чувствовалъ себя полновластнымъ господиномъ, вдали отъ невыносимыхъ для

него условій общественной жизни,—лучше этого онъ ничего не зналъ.

На жену онъ по-прежнему продолжалъ смотрѣть, какъ на свою неотъемлемую собственность; еслибъ ему сказали, что Гвендолина имѣетъ что-нибудь противъ него, онъ бы очень удивился, пожалуй, даже не повѣрилъ. Онъ считалъ, что миссъ Гарлетъ, сдѣлавшись его женой, заключила условіе, контрактъ, причемъ всѣ выгоды были на ея сторонѣ; онъ прекрасно сознавалъ, что ее къ тому побудила не привязанность къ нему, а иныя соображенія,—жажда почестей, любовь къ богатству, все, чего она желала; она получила даже больше того, такъ какъ онъ счелъ своимъ долгомъ обезпечить ея мать,—бо́льшаго она и требовать не могла.

Обращеніе его съ нею было въ высшей степени прилично; онъ всегда приносилъ ей шаль, когда начинало свѣжѣть, подавалъ всякую вещь, которая была ей нужна. Часто, расхаживая большими шагами по палубѣ, онъ останавливался у дивана, на которомъ она лежала, и, съ улыбкой подавая ей морской бинокль, говорилъ:

— Вонъ тамъ, вправо, у подножія скалы, виднѣется плантація сахарнаго тростника,—не желаете ли взглянуть?

— Какже, какже, непремѣнно,—отвѣчала Гвендолина.

За обѣдомъ они разговаривали, причемъ мужъ замѣчалъ, что фрукты начинаютъ портиться, пора запастись свѣжими; или, видя, что она не пьетъ вина, заботливо спрашивалъ: *какой сортъ она предпочитаетъ?*

Всѣ окружающіе, горничная француженка, камердинеръ супруга, матросы—почитали мистера и миссисъ Гранкуръ примѣрной четой, а между тѣмъ душа молодой женщины рвалась на части. Для нея чистилище началось еще на землѣ. Съ каждымъ днемъ она все сильнѣе и сильнѣе чувствовала, что продала себя. Иногда ей, въ видѣ надежды, представлялась возможность какой-либо катастрофы, но она тотчасъ, усиліемъ воли, старалась разогнать преслѣдовавшіе ее о́бразы;—ужасъ овладѣвалъ ея душой, тогда она припоминала слова Деронды:

— *Превратите вашъ страхъ въ свою нравственную охрану*,— говаривалъ онъ ей: она цѣплялась за этотъ совѣтъ, какъ утопающій за соломенку.

Нерѣдко, во время безсонныхъ ночей, изъ души ея, подобно крику, вырывалась страстная молитва о помощи, о заступничествѣ; она билась и страдала, а кругомъ все было такъ мирно:

мертвое молчаніе нарушалось развѣ дыханьемъ мужа, плескомъ волнъ о-бортъ, или скрипомъ мачты.

Обыкновенно эти молитвы, это обращеніе къ Богу, бывали слѣдствіемъ другихъ порывовъ, являлись на смѣну мрачныхъ, ужасныхъ мыслей! Послѣ подобныхъ душевныхъ бурь, Гвендолина нерѣдко до утра лежала съ широко-раскрытыми глазами.

Однажды утромъ, послѣ шквала, свирѣпствовавшаго всю ночь, мужъ зашелъ къ ней и, не безъ досады, сообщилъ, что имъ придется бросить якорь въ Генуэзской бухтѣ, такъ какъ яхта нуждается въ починкѣ.

Молодая женщина очень обрадовалась этому извѣстію: «*хоть какая-нибудь перемѣна*», думала она! Но радость ея возросла до крайнихъ предѣловъ, когда на лѣстницѣ «Albergo dell' Italia» она совершенно неожиданно встрѣтила Деронду. Даніэль вздрогнулъ, увидавъ ее, но только приподнялъ шляпу и проскользнулъ мимо.

Гвендолина же за завтракомъ была веселѣе обыкновеннаго; надежда на скорое свиданіе съ дорогимъ ей человѣкомъ придавала блескъ глазамъ ея, вызывала улыбку на уста. Мужъ молча слѣдилъ за нею.

— Потрудитесь позвонить, — проговорилъ онъ, наконецъ, своимъ ровнымъ, спокойнымъ тономъ. — Надо сказать, чтобы обѣдъ былъ поданъ къ тремъ часамъ,—я хочу добыть парусную лодку, самъ буду ею править, а васъ попрошу сидѣть на рулѣ; это лучшее времяпровожденіе, какое можно придумать;—здѣсь того-и-гляди задохнешься отъ жары.

Гвендолина помертвѣла.

— Я не хочу ѣхать кататься, — проговорила она, какъ могла рѣшительнѣе.

— Не хотите? Какъ угодно, посидимъ и въ духотѣ.

Желаніе ее мучить было такъ очевидно, что бѣдняжка не выдержала и разрыдалась.

— Чтò умно, то умно, — спокойно замѣтилъ мужъ.—Но позвольте васъ спросить: *о чемъ вы плачете?* Ужъ не о томъ ли, что я нейду со двора, когда вы желаете остаться дома?

— Что-жъ, пожалуй, поѣдемте, — порывисто воскликнула Гвендолина.—Можетъ, Богъ дастъ, утонемъ!

Рыданія возобновились.

Гранкуръ нѣсколько пододвинулся, и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Потрудитесь успокоиться и выслушать меня.

Гвендолина стихла; она сидѣла молча, опустивъ глаза и крѣпко-крѣпко стиснувъ руки.

— Постараемся понять другъ друга,—продолжалъ Гранкуръ все тѣмъ же тономъ.—Если вы воображаете, что я позволю вамъ себя дурачить, выкиньте этотъ вздоръ изъ головы. Чтó васъ можетъ ожидать, кромѣ позора, если вы не съумѣете вести себя, какъ приличествуетъ *моей* женѣ? Къ тому же, Деронда очевидно избѣгаетъ васъ.

— Все это неправда,—съ горечью отвѣтила ему Гвендолина, — вы и вообразить не можете, чтó у меня въ мысляхъ. Съ меня и такъ довольно позора. Вы бы поступили гораздо благоразумнѣе, предоставивъ мнѣ полную свободу говорить съ кѣмъ я хочу.

— Объ этомъ предоставьте судить мнѣ.

Ровно въ пять часовъ красивая чета англійскихъ аристократовъ садилась въ лодку съ набережной; прохожіе останавливались, чтобы полюбоваться ею.

Спустя нѣсколько часовъ, Даніэль Деронда, возвращавшійся съ вечерней прогулки, замѣтилъ на набережной толпу народа. Взоры всѣхъ были устремлены на виднѣвшуюся вдали парусную лодку; двое сидѣвшихъ въ ней матросовъ усердно гребли, держа къ берегу. Въ толпѣ слышались вопросы, восклицанія, объясненія на всевозможныхъ языкахъ; какой-то французъ увѣрялъ, что англійскій лордъ, согласно обычаю своей страны, привезъ жену сюда, чтобы утопить ее; другіе спорили, утверждая, что распростертая въ лодкѣ фигура—милэди. Волненіе было всеобщее.

Деронда, томимый мрачными предчувствіями, живо протолкался впередъ; въ эту самую минуту лодка причалила къ берегу и изъ нея, заботливо поддерживаемая матросами, вышла Гвендолина, блѣдная какъ смерть, съ распущенными волосами. Совершенно мокрое платье своей тяжестью еще болѣе затрудняло ея и безъ того слабую походку.

Ея блуждающій взглядъ остановился на Дерондѣ, она протянула къ нему руки и прошептала:

— Совершилось, совершилось! Онъ умеръ!

— Тише, тише, успокойтесь,—повелительнымъ тономъ проговорилъ Деронда; и обратившись къ матросамъ, прибавилъ:

— Я родственникъ мужа этой дамы; потрудитесь доставить ее въ «Italia» какъ можно скорѣй, объ остальномъ я позабочусь.

Вечеромъ слѣдующаго дня Дерондѣ пришли сказать, что миссиссъ Гранкуръ встала съ постели и желаетъ его видѣть.

Немедля ни минуты, онъ отправился къ ней. Она сидѣла въ большомъ креслѣ, закутавшись въ бѣлую шаль; въ комнатѣ было темно отъ спущенныхъ сторъ и занавѣсокъ.

— Садитесь поближе,—проговорила она,—я говорю очень тихо.

Онъ молча придвинулъ стулъ къ ея креслу.

Она обратило къ нему свое мраморно-блѣдное лицо, и чуть слышно прошептала:

— Вы знаете, что я преступница?

— Я ничего не знаю,—проговорилъ Деронда.

— Онъ умеръ.

Слова эти она произнесла тихо, но рѣшительно.

— Да,—промолвилъ Деронда, не зная, что̀ сказать.

— Лицо его уже болѣе не покажется надъ водой,—продолжала она,—только я одна вѣчно буду видѣть это мертвое лицо, и никуда не уйду отъ него.

Деронда испугался неминуемаго признанія; онъ мысленно пожелалъ, чтобы эта женщина сохранила въ груди своей роковую тайну.

Она поспѣшно продолжала:

— Вы не скажете, что я должна объявить объ этомъ всему свѣту? Я не могу, мнѣ этого не вынести, особенно, если мать узнаетъ; нѣтъ, нѣтъ... Вамъ я все скажу, не говорите только, что и другимъ надо сказать.

— Ничего не зная, я ничего совѣтовать не могу,—грустно проговорилъ Деронда.—Я желалъ бы одного—помочь вамъ.

— Я вамъ говорила съ самаго начала, что я боюсь за себя! Я ощущала въ душѣ страшную ненависть; я пріискивала всякія средства для своего освобожденія, это состояніе становилось все хуже и хуже. Тогда—я попросила васъ пріѣхать ко мнѣ, помните, въ Лондонѣ, я хотѣла все высказать вамъ, я пыталась, но не могла, а потомъ *онъ* вошелъ.

Она остановилась, дрожь пробѣжала по тѣлу ея; однако она скоро овладѣла собой и продолжала:

— Теперь я все скажу вамъ. Неужели женщина, которая плакала, молилась, боролась, можетъ быть убійцей?

— Великій Боже!—простоналъ Деронда:—не мучьте меня понапрасну. Вы не убили его, вы бросились въ воду съ желаніемъ спасти его: это видѣли съ набережной.

— Будьте терпѣливы.

Дѣтская мольба, звучавшая въ этихъ словахъ, заставила Де-

ронду повернуть голову и взглянуть на нее. Бѣдныя, дрожащія губы продолжали:

— Вы говорили, что жалѣете тѣхъ, кто, совершивъ дурной поступокъ, страдаетъ отъ него. Я помнила ваши слова, они-то и заставили меня... Не покидайте меня, я теперь не хуже, чѣмъ была, когда вы меня встрѣтили и пожелали исправить.

— Я васъ не покину,—промолвилъ Деронда, взялъ ея руку и пожалъ.

Его прикосновеніе подѣйствовало, но не успокоительно; она продолжала:

— Я боролась, я боялась; давно, давно уже я стала видѣть его мертвое лицо; съ тѣхъ поръ, какъ начала желать его смерти, это меня пугало. Во мнѣ точно было два существа. Я не могла высказаться—я хотѣла убить его. Это была какая-то жажда. А потомъ я начинала чувствовать, будто совершила нѣчто ужасное, безвозвратное, нѣчто такое, чтó превратило меня въ отверженную душу, и все это сбылось, сбылось. Давно, давно, еще когда мы жили въ Рейландсѣ, я припасла маленькій, но острый, хорошо отточенный кинжалъ, въ серебряныхъ ножнахъ; я нашла его въ шкапикѣ съ разными рѣдкостями, у себя въ будуарѣ; я заперла его въ одинъ изъ моихъ ящиковъ. У этого ящика былъ особый ключъ; я боялась заглянуть въ него, и, долгое время спустя уже, на яхтѣ, бросила ключъ въ воду. Потомъ—начала думать, какъ бы открыть ящикъ безъ ключа; а когда узнала, что мы остановимся въ Генуѣ, рѣшила, что поручу раскрыть его кому-нибудь здѣсь, въ отелѣ. Потомъ, всходя по лѣстницѣ, я васъ встрѣтила, и сейчасъ же положила: повидаться съ вами, разсказать вамъ все,—все, чего не успѣла высказать тогда—въ городѣ, но онъ принудилъ меня ѣхать съ нимъ кататься въ лодкѣ...

Голосъ ея оборвался, послышались глухія рыданія. Деронда, не глядя на нее, спросилъ:

— Но все это, конечно, осталось въ вашемъ воображеніи. Вы устояли до конца?

Молчаніе. Она сидѣла, выпрямившись, въ креслѣ; обильныя слезы текли по щекамъ.

Наконецъ, Гвендолина, казалось, собралась съ духомъ, она наклонилась къ Дерондѣ и шопотомъ продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, вамъ я все выскажу, всю правду, какъ передъ Богомъ. Прежде мнѣ казалось, что я никогда не сдѣлаю ничего дурного, а между тѣмъ... Я не должна была выходить замужъ, это было начало всего. Я нарушила данное слово, я заняла чужое мѣсто. Я не думала ни о чемъ, кромѣ собствен-

наго удовольствія. Я захотѣла основать свой выигрышъ на чужомъ проигрышѣ,—какъ тогда при игрѣ въ рулетку—и эти деньги жгли меня! Жаловаться я не могла, я желала выиграть, и выиграла. Часто во время нашего плаванія, я, лежа въ каютѣ, ночью, думала, думала и не находила для себя оправданія. Мнѣ казалось, что вы, только вы одни, можете помочь мнѣ; одна эта мысль ужъ облегчала меня. Вы не измѣнитесь ко мнѣ? вы не захотите наказать меня?

— Сохрани меня Богъ,—простоналъ Деронда ей въ отвѣтъ, продолжая сидѣть неподвижно.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, она опять заговорила:

— Мнѣ невыносимо тяжело было ѣхать кататься, я такъ жаждала свиданія съ вами; а когда увидала, что этому свиданію не бывать, я почувствовала, что меня словно заперли въ тюрьму, изъ которой мнѣ никогда не вырваться. Мнѣ теперь кажется, что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ я сѣла въ лодку.

Спустя минуту, она продолжала:

— Что̀ бы было со мной, еслибъ онъ былъ здѣсь теперь? Я бы этого не желала, но не могу, не могу я выносить видъ его мертваго лица! Я знаю, что была трусихой, мнѣ слѣдовало уйти отъ него... Вамъ тяжело меня слушать,—вдругъ оборвала она свою рѣчь,—я васъ огорчаю?

— Вопросъ не въ томъ: огорчаете вы меня или нѣтъ,—мягко отвѣтилъ Деронда.—Говорите мнѣ все, если только это можетъ облегчить васъ.

Она заговорила еще быстрѣе прежняго, еле переводя духъ.

— Сидя въ лодкѣ, я чувствовала, что задыхаюсь отъ бѣшенства, а между тѣмъ сидѣла смирно, какъ раба. Потомъ мы вышли изъ гавани въ открытое море; кругомъ была полная тишина, мы не глядѣли другъ на друга, онъ заговаривалъ со мной только, чтобы отдать какое-либо приказаніе. Мнѣ пришло на память, что, будучи ребенкомъ, я часто мечтала, какъ бы хорошо было сѣсть въ лодку и уплыть на ней въ такую страну, гдѣ бы не приходилось жить съ людьми, которыхъ не любишь. Теперь, думалось мнѣ, со мной случилось противное: я сѣла въ лодку и буду плыть въ ней все дальше и дальше, съ глазу на глазъ съ *нимъ*. Чувствуя свою безпомощность, я начала изыскивать различные способы избавиться отъ него, я не хотѣла умереть сама. Мнѣ кажется, въ эту минуту, я была въ состояніи помолиться, чтобы съ нимъ случилось какое-либо несчастіе.

Она заплакала, подавленная воспоминаніями, потомъ продолжала:

— Я чувствовала, что ожесточаюсь. Тутъ мнѣ припомнились ваши слова: насчетъ страха, который я должна была превратить въ свою нравственную охрану, но и они не помогли, отчаяніе овладѣло мной, зло взяло верхъ въ душѣ моей. Я помню, что въ эту минуту выпустила руль, и проговорила:—*Господи, сжалься надо мною.*

Потомъ онъ заставилъ меня снова взять руль, и злыя желанія, страшныя молитвы опять наполнили душу мою, всѣ другія впечатлѣнія изгладились... и тутъ я ужъ ничего не помню хорошенько, онъ переставлялъ парусъ, порывъ вѣтра налетѣлъ, онъ упалъ въ воду, я ничего не помню, знаю одно: желаніе мое исполнилось.

Я видѣла, какъ онъ погружался, и сердце билось въ груди, словно хотѣло выскочить. Я сидѣла неподвижно, съ крѣпко сжатыми руками. Я обрадовалась, и тутъ же подумала, что радоваться нечему: онъ выплыветъ. И онъ выплылъ—немного подальше, лодка нѣсколько подвинулась. Все это произошло въ мгновеніе ока.

— *Веревку!* закричалъ онъ не своимъ голосомъ; я и теперь слышу этотъ голосъ;—я наклонилась за веревкой. Я знала, что онъ умѣетъ плавать, знала, что онъ вернется, и боялась его. Одна мысль наполняла мою душу: *онъ вернется!* Онъ опять ушелъ въ воду, я продолжала держать веревку, онъ снова выплылъ, лицо его показалось надъ водой; онъ опять закричалъ, я удержала свою руку, сердце мое ему шепнуло: — *Умри!* онъ пошелъ ко дну, а я сказала себѣ:—*Все кончено, я погибла!* Не знаю, чтó я подумала, мнѣ хотѣлось уйти отъ самой себя, отъ своего преступленія, я бросилась въ воду, въ эту минуту я бы его спасла. Вотъ чтó случилось, вотъ чтó я сдѣлала; теперь вы все знаете, и ничего уже измѣнить нельзя!

Деронда почувствовалъ, что съ души его сняли бремя тяжкое; слово: *преступница*—заставило его вообразить нѣчто болѣе страшное; исповѣдь Гвендолины убѣдила его въ томъ, что она боролась до конца, а ея раскаяніе—было признакомъ хорошей натуры, оно было вѣнцомъ того самоосужденія, которое, разъ пробудившись въ ней, вызвало ее къ новой жизни.

— Отдохните теперь,—промолвилъ онъ, склоняясь къ ней,—попытайтесь заснуть. Мы еще увидимся, вамъ надо поберечь себя.

Она заплакала, и отвѣтила ему только легкимъ наклоненіемъ головы. Деронда вышелъ.

Вечеромъ она снова послала за нимъ; когда онъ вошелъ, она сидѣла у открытаго окна, пристально глядѣла на море, и казалась нѣсколько спокойнѣе.

— Какъ вы думаете,—спросила она,—еслибъ я бросила веревку, спасло-бы это его?

— Нѣтъ, не думаю,—медленно отвѣтилъ Деронда.—Если онъ точно умѣлъ плавать, то съ нимъ вѣроятно сдѣлалась судорога. При всемъ желаніи, вамъ бы наврядъ удалось спасти его; ваши чувства—дѣло вашей совѣсти, но я увѣренъ, что вы еще заживете иной, лучшей жизнью. Человѣкъ только тогда безнадежно погибъ, когда онъ полюбилъ зло, упорствуетъ въ немъ, не дѣлаетъ никакихъ усилій, чтобы уйти отъ него. Вы же боролись и будете бороться.

— Моя борьба началась со времени знакомства съ вами,—проговорила Гвендолина, охвативъ руками ручку кресла, и пристально глядя на Деронду: — не покидайте меня. Еслибъ я всегда могла все говорить вамъ, я бы не такая была. Вы меня не покинете?

— Далека отъ меня эта мысль,—быстро отвѣтилъ Даніэль, и продолжалъ:—я ожидаю сэра Гуго Маллингера, и телеграфировалъ также миссисъ Дэвилоу; ея присутствіе облегчитъ васъ, не правда-ли?

— Да, да! Однако,—прибавила она помолчавъ,—надо мнѣ взглянуть на себя, на что я похожа, а то пожалуй напугаю ее.

Она подошла къ зеркалу, заглянула въ него, и, обернувшись къ Дерондѣ, спросила:

— Узнали ли бы вы меня, еслибъ встрѣтили теперь, въ первый разъ послѣ встрѣчи въ Лейброннѣ?

— Да, я бы узналъ васъ,—печально отвѣтилъ Деронда. Внѣшняя перемѣна незначительна. Я бы сейчасъ сказалъ, что это вы, и что вы прошли черезъ великое испытаніе. А теперь, до свиданія, постарайтесь поправиться и успокоиться до пріѣзда вашей матушки, и прочихъ друзей.

Съ этими словами онъ поднялся, и, молча пожавъ ея протянутую руку—вышелъ. А она упала на колѣни и разразилась истерическими рыданіями. Разстояніе между ними было слишкомъ велико. Вошедшая въ комнату горничная нашла ее лежащей на полу, подавленной тяжкимъ горемъ.

Такое отчаяніе казалось вполнѣ естественнымъ въ бѣдной леди, мужъ которой утонулъ на ея глазахъ.

XII.

Узнавъ изъ газетъ о катастрофѣ, жертвою которой былъ Гранкуръ, Мирра Лапидотъ не знала ни минуты покоя; ей и прежде всегда казалось, что *прекрасная герцогиня*, какъ въ семьѣ Мейрикъ въ шутку называли Гвендолину, любитъ Даніэля, и любима имъ; теперь же, когда судьба свела ихъ въ такую ужасную для миссисъ Гранкуръ минуту, легко можно было предвидѣть, чѣмъ все это кончится. Бѣдная дѣвушка бродила по дому какъ тѣнь, досадуя на себя за какія-то безумныя надежды, которыя ревность обнаружила въ затаенныхъ изгибахъ ея сердца; но эта досада на самоё себя только усиливала ея и безъ того тяжкія страданія.

Къ тому же, судьбѣ угодно было, за это время, послать ей новое испытаніе: однажды, возвращаясь изъ частнаго концерта, въ которомъ пѣла, Мирра встрѣтила на улицѣ своего отца, она тотчасъ узнала его, хотя онъ сильно измѣнился и постарѣлъ. Онъ обошелся съ нею ласково, сообщилъ о своемъ крайне-затруднительномъ положеніи, и тотчасъ замѣтилъ, что дочь повидимому нашла богатыхъ друзей и вообще не дурно устроилась въ жизни. Мирра, подъ первымъ впечатлѣніемъ, дала ему немного денегъ, и сообщила, что точно Богъ ее не оставилъ, она имѣетъ кое-какія средства и *живетъ съ братомъ;* при имени Эзры отецъ смутился: слишкомъ ужъ онъ былъ передъ нимъ виноватъ.

Эзра же, узнавъ отъ сестры о встрѣчѣ ея съ отцомъ, сейчасъ рѣшилъ, что ихъ обязанность пріютить его, и старикъ Лапидотъ поселился подъ кровомъ дѣтей своихъ.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, совершенно нарушили благодатный миръ, всегда царившій въ чистой душѣ молодой артистки; грустная, убитая сидѣла она однажды вечеромъ подлѣ брата. Въ комнатѣ царствовало глубокое молчаніе, нарушаемое лишь мѣрнымъ стукомъ часового маятника. Мордекай лежалъ въ креслѣ, откинувшись на подушки, съ закрытыми глазами, и тяжело дышалъ; исхудалая рука его покоилась въ рукахъ сестры.

Миррѣ было невыносимо тяжело. Вдругъ дверь отворилась и знакомый голосъ произнесъ:

— Даніэль Деронда—можно войти?

— Можно, можно,—воскликнулъ Мордекай, мгновенно приподнявшись съ сіяющимъ лицомъ.

Онъ словно не удивился приходу Деронды.

Даніэль вошелъ въ комнату, правую руку протянулъ Миррѣ, лѣвую положилъ на плечо ея брата, и такъ простоялъ съ минуту, не спуская съ нихъ глазъ; потомъ, замѣтивъ грустное выраженіе лица Мирры, быстро спросилъ:

— Случилось что-нибудь? Какое-нибудь горе?

— Не станемъ упоминать о горѣ,—отвѣтилъ Мордекай,—на твоемъ лицѣ сіяетъ радость, пусть она будетъ и нашей радостью.

Всѣ трое сѣли.

— Твоя правда, Мордекай, — торжественно заговорилъ Деронда.—У меня радость, которую намъ не утратить среди самаго тяжкаго горя. Я не говорилъ тебѣ, зачѣмъ я ѣздилъ за границу; я ѣздилъ, ну, да все равно; словомъ, я ѣздилъ, чтобы узнать нѣчто о своемъ происхожденіи. Ты былъ правъ. Я—еврей.

Глаза Мордекая засверкали, онъ схватилъ и сжалъ въ своихъ рукахъ руку Деронды; послѣдній продолжалъ, не останавливаясь:

— У насъ одинъ народъ, у нашихъ душъ одно призваніе, насъ не разлучитъ ни жизнь, ни смерть.

Вмѣсто отвѣта, Мордекай только произнесъ по-еврейски:

— Нашъ Богъ—Богъ отцовъ нашихъ!

Мирра упала на колѣни подлѣ брата, и съ восторгомъ смотрѣла на его преобразившееся лицо, казавшееся ей, за минуту передъ тѣмъ, лицомъ мертвеца.

— Я не только еврей,—продолжалъ Деронда,—но потомокъ цѣлаго ряда дѣятелей на пользу народа нашего. У меня въ рукахъ нѣчто—связующее меня съ ними. Дѣдъ мой, Даніэль Каризи, собиралъ различные документы, семейныя бумаги, простирающіяся до временъ отдаленныхъ, въ надеждѣ, что онѣ попадутъ въ руки его внука. Эта надежда осуществилась. Ящикъ въ моихъ рукахъ, я привезъ его сюда, и намѣренъ оставить у тебя, Мордекай, чтобы ты помогъ мнѣ въ изученіи этихъ манускриптовъ. Нѣкоторые, написанные по-испански и по-итальянски, я читаю легко; остальные писаны по-еврейски и по-арабски; впрочемъ, кажется, имѣются переводы на латинскій языкъ. За время моего пребыванія въ Майнцѣ, я только бѣгло просмотрѣлъ ихъ, мы вмѣстѣ займемся ихъ изученіемъ.

— Да, — продолжалъ онъ, съ свѣтлой, радостной улыбкой, глядя на Мордекая,—ты и Мирра, вы оба были моими учителями. Узнай я тайну моего рожденія до встрѣчи съ вами, я думаю, что я бы сказалъ: *лучше бы мнѣ не быть евреемъ;* а те-

перь вся душа моя радостно соглашается признать этотъ фактъ. Гармонія, постепенно установившаяся между нами, тому причиной.

Съ этого достопамятнаго вечера Деронда былъ неразлученъ съ Мордекаемъ; онъ продолжалъ брать у него уроки еврейскаго языка, и, кромѣ того, оба съ одинаковымъ рвеніемъ предавались изученію рукописей, наполнявшихъ завѣтный ящикъ Даніэля Каризи. Казалось бы, теперь, когда горячо любимый ею человѣкъ сталъ лучшимъ другомъ и сотрудникомъ ея брата, Мирра должна была наконецъ успокоиться и съ большей надеждой смотрѣть впередъ, а между тѣмъ она со дня на день становилась грустнѣе. Деронда наблюдалъ за нею и совершенно превратно объяснялъ себѣ причину томившей ее тоски; онъ воображалъ, что Мирра не любитъ его, и, замѣчая привязанность, какую онъ питаетъ къ ней, смущается, при мысли, что должна будетъ отравить жизнь того, кого всегда считала и теперь считаетъ своимъ благодѣтелемъ. Тягостное для обоихъ недоразумѣніе, можетъ быть, не скоро бы разъяснилось, если бы старый товарищъ Даніэля по университету, Гансъ Мейрикъ, не проболтался своему другу о ревности, какую Мирра питала къ Гвендолинѣ. Это открытіе бросило совершенно новый свѣтъ на грусть Мирры. Съ радостнымъ замираніемъ сердца Даніэль сказалъ себѣ: *она любитъ меня,* и твердо рѣшился открыть ей свою душу, при первомъ удобномъ случаѣ. Этотъ случай представился очень скоро, причемъ Мирра счастіемъ всей своей жизни оказалась обязанной тому, кто доселѣ только мучилъ ее, а именно: своему достойнѣйшему отцу.

Старикъ Лапидотъ томился подъ гостепріимнымъ кровомъ родныхъ дѣтей своихъ, словно узникъ, и немудрено: онъ привыкъ къ веселой и праздной жизни вѣчнаго богемы, а тутъ его окружала атмосфера серьёзнаго труда, высокихъ нравственныхъ идеаловъ, вовсе ему несродная; къ тому же, онъ испытывалъ мучительное чувство, знакомое всѣмъ игрокамъ, вынужденнымъ отказаться отъ своего любимаго занятія. Мирра заботилась объ удовлетвореніи всѣхъ его потребностей, но денегъ въ руки не давала, а онъ безъ картъ положительно существовать не могъ. Отчаяніе его достигало крайнихъ предѣловъ, когда онъ, войдя однажды утромъ въ комнату, гдѣ Деронда работалъ съ Мордекаемъ, замѣтилъ лежавшее на сосѣднемъ столикѣ бриліантовое кольцо Даніэля; въ ту же секунду ему пришла въ голову мысль стащить его и скрыться куда-нибудь подальше, гдѣ бы онъ могъ зажить той жизнью, какую любилъ. Правда, онъ прежде раз-

считывалъ воспользоваться любовью Деронды къ дочери, заставивъ молодого человѣка откупиться отъ него, Лапидота, болѣе значительной суммой, чѣмъ та, которую можно было надѣяться выручить отъ продажи кольца; но этой благостыни пришлось бы ждать еще долго, а тутъ—стбитъ руку протянуть, и опять свободнымъ человѣкомъ станешь. Какъ молнія промелькнули всѣ эти соображенія въ умѣ стараго негодяя; тихо, тихо подкрался онъ къ столу, взялъ кольцо въ руки, дошелъ до двери, отворилъ ее безъ шума, и—выскользнулъ изъ комнаты.

Друзья мирно продолжали заниматься; Мирра вернулась съ урока; они спокойно разговаривали, какъ вдругъ Деронда, случайно бросивъ взглядъ на столикъ, на которомъ лежало кольцо, замѣтилъ, что его тамъ нѣтъ; принялись искать, перевернули всю комнату вверхъ дномъ,—кольца какъ не бывало. Мирра волновалась больше другихъ, дѣятельно шарила во всѣхъ углахъ, но вдругъ остановилась посреди комнаты, вся блѣдная, съ крѣпко сжатыми руками: страшная мысль осѣнила ее.

— Отецъ мой былъ здѣсь?—спросила она у брата.

— Кажется, входилъ,—спокойно отвѣтилъ тотъ, и вдругъ замолчалъ: онъ только теперь понялъ сестру.

Деронда подошелъ къ молодой дѣвушкѣ:

— Мирра,—сказалъ онъ,—позвольте мнѣ думать, что онъ и мой отецъ, что у насъ все общее, и горе, и позоръ, и радость; я готовъ гораздо охотнѣе дѣлить ваше горе, чѣмъ радость всякой другой женщины. Скажите: вы не отвергнете меня? Обѣщайте быть моей женой, обѣщайте сейчасъ же. Сомнѣнія такъ долго терзали меня, я такъ долго скрывалъ свою любовь.

Мирра постепенно перешла отъ мучительнаго состоянія, въ которомъ находилась за минуту предъ симъ, къ радостному сознанію, что любима тѣмъ, кто для нея — все; сначала она приписала слова Деронды состраданію, какое внушалъ ему Эзра, но мало-по-малу блаженная увѣренность овладѣла ея душой, лицо загорѣлось яркимъ румянцемъ, хотя по прежнему оставалось серьёзнымъ. Когда онъ кончилъ, она ничего отвѣтить не могла, а только коснулась губами его губъ. Потомъ они молча простояли нѣсколько минутъ, глядя въ глаза другъ другу, не нарушая своего блаженства ни единымъ словомъ, ни единымъ движеньемъ; наконецъ Мирра прошептала:

— Пойдемъ и успокоимъ Эзру. Деронда былъ счастливъ въ полномъ значеніи этого слова, одно его смущало — мысль о Гвендолинѣ: онъ зналъ, что занимаетъ огромное мѣсто въ жизни этой женщины, къ которой никогда не питалъ иного чув-

ства, кромѣ состраданія, и того глубокаго сожалѣнія, которое внушаетъ человѣку съ сердцемъ видъ женщины, по природѣ своей способной на все доброе, но свернувшей съ прямого пути. Со времени возвращенія изъ Италіи, они видѣлись нѣсколько разъ, причемъ она продолжала спрашивать у него совѣтовъ, которые принимала съ чисто-дѣтской покорностью. Нелегко было Дерондѣ сознавать, что онъ готовится нанести ей тяжелый ударъ. Съ тяжкимъ чувствомъ на сердцѣ ѣхалъ онъ въ Оффендинъ, куда миссисъ Гранкуръ переселилась съ матерью и сестрами тотчасъ по возвращеніи изъ Генуи.

При первомъ взглядѣ на Деронду, Гвендолина тотчасъ замѣтила, что онъ чѣмъ-то огорченъ, и заботливо спросила о причинѣ его грусти:

— Мнѣ дѣйствительно нелегко,—отвѣчалъ онъ, печально глядя на нее:—мнѣ нужно сообщить вамъ многое о себѣ, о своемъ будущемъ; я боюсь какъ-бы вы не приняли мое долгое молчаніе касательно этихъ вопросовъ за знакъ недовѣрія, но согласитесь, что наши разговоры всегда касались предметовъ такой важности...

— Вы всегда только и думали о томъ, какъ-бы помочь мнѣ,— перебила его Гвендолина.

— Васъ можетъ быть удивитъ,—продолжалъ Даніэль,—что я только недавно узналъ, кто мои родители. Я ѣздилъ въ Геную, чтобы повидаться съ матерью, которая разсталась со мной, когда я былъ крошкой, вслѣдствіе желанія скрыть отъ меня мое происхожденіе. Оказывается, что я—еврей.

— Еврей!—съ изумленіемъ промолвила Гвендолина, но тотчасъ же прибавила:—что-жъ изъ этого?

— Для меня это открытіе очень важно; судьбѣ угодно было подготовить меня къ нему черезъ посредство одного замѣчательнаго еврея, съ которымъ я очень сошелся. Его идеи — стали моими идеями, я намѣренъ посвятить жизнь мою ихъ осуществленію. Эта цѣль заставитъ меня покинуть Англію на-долго, на цѣлые годы. Я уѣду на востокъ.

Губы Гвендолины задрожали.

— Но вы вернетесь? спросила она.

— Если буду живъ, когда-нибудь.

Оба замолчали.

— Что вы намѣрены предпринять?—наконецъ, очень робко, спросила она.

— Я отправляюсь на востокъ съ цѣлью ознакомиться съ состояніемъ моего племени въ различныхъ странахъ. Я жажду возвратить ему политическую организацію, сдѣлать изъ него на-

родъ. Эту задачу я почитаю своей обязанностью, я рѣшился взяться за нее, посвятить ей мою жизнь. Наименьшее, чего я надѣюсь достигнуть, это—пробудить движеніе въ умахъ моихъ единоплеменниковъ.

Наступило продолжительное молчаніе. Гвендолинѣ казалось, что кругомъ нея пустыня. Въ жизни многихъ людей бываютъ такія минуты, когда великія, общечеловѣческія задачи, подобно землетрясенію, врываются въ ихъ личную жизнь.

Подобную минуту переживала теперь Гвендолина; впервые раскрывалось передъ ея умственнымъ взоромъ широкое поле, въ которомъ она, ея личная жизнь, была не болѣе какъ ничтожнымъ пятномъ. До сихъ поръ въ душѣ ея было живо убѣжденіе, что все окружающее создано для нея,—вотъ почему она никогда не ревновала Деронду.

— Еврей, о которомъ я говорилъ, вѣроятно вамъ извѣстенъ, продолжалъ Даніэль,—онъ братъ миссъ Лапидотъ, моей невѣсты.

Гвендолина задрожала, глядя куда-то далеко впередъ широко-раскрытыми глазами, протянула руки, и глухимъ голосомъ воскликнула:

— Я говорила, что меня всѣ покинутъ.

Деронда схватилъ ея протянутыя руки и опустился къ ея ногамъ. Онъ былъ внѣ себя. Передъ нимъ стояла жертва его счастія.

Гвендолина рыдала, и наконецъ промолвила:

— Я... говорила... что буду благословлять.... день... когда... —она не могла кончить.

— Мы не совсѣмъ разстаемся,—продолжалъ онъ: — я буду писать къ вамъ; вы будете отвѣчать?

— Постараюсь,—прошептала она.

— Мы тѣснѣе еще сблизимся; видайся мы чаще, мы бы живѣе почувствовали разницу въ нашихъ взглядахъ; теперь, можетъ быть, мы никогда не увидимся, но души наши сблизятся. Гвендолина молча поднялась съ мѣста.

— Вы были очень добры ко мнѣ,—проговорила она,—я постараюсь жить съ мыслью о васъ...

Она наклонилась и молча поцѣловала его; потомъ они съ минуту поглядѣли другъ на друга—и онъ вышелъ.

Нѣсколько дней спустя друзья Мирры и Даніэля отпраздновали ихъ скромную свадьбу. Вѣнчали ихъ по іудейскому обряду.

Впалые глаза Мордекая любовались счастьемъ молодой четы съ ласковой благосклонностью духа, уже оторваннаго отъ земли, и сохранившаго изъ всѣхъ земныхъ чувствъ только сочувствіе

къ радостямъ близкихъ. Мирра получила много роскошныхъ свадебныхъ подарковъ, а Деронда—письмо, которое было для него дороже золота и драгоцѣнныхъ камней.

Вотъ оно:

«Не думайте обо мнѣ съ грустью въ день вашей свадьбы. Я припоминаю ваши слова—вы говорили, что изъ меня можетъ еще выдти хорошая женщина. Я еще не вижу, какъ это случится, но вамъ лучше знать. Если этому суждено осуществиться—я всѣмъ буду обязана вашей помощи. Я думала только о себѣ, и огорчила васъ. Мнѣ больно думать о вашей скорби. Не горюйте болѣе обо мнѣ. Я радуюсь тому, что узнала васъ.

Гвендолина Гранкуръ».

Приготовленія къ отъѣзду начались тотчасъ послѣ свадьбы; Эзра собирался на востокъ вмѣстѣ съ молодыми. Но этому намѣренію не суждено было осуществиться; въ одно утро онъ сказалъ Дерондѣ:

— Не оставляй меня сегодня, я чувствую, что умру до вечера.

Его одѣли и посадили въ кресло. Въ сумерки онъ взялъ въ свои руки руки молодыхъ и, глядя на Деронду, тихо произнесъ:

— Смерть не разлучитъ насъ. Куда ты пойдешь, Даніэль, туда и я пойду. Я вдохнулъ въ тебя мою душу, мы вмѣстѣ будемъ жить.

Съ этими словами онъ тяжело опустился въ кресла, началъ дышать все рѣже и рѣже, и спокойно испустилъ послѣдній вздохъ на рукахъ Мирры и Даніэля.

О. П—ская.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА

въ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ РОССІИ

Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, von Johannes von Keussler. Erster Theil, 1876. in 8°. III и 304.

Въ минувшемъ году вышла въ свѣтъ первая часть сочиненія, которое и по своему предмету, и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ не можетъ и не должно пройти незамѣченнымъ въ Россіи, а въ Европѣ безъ сомнѣнія обратитъ на себя большое, вполнѣ заслуженное вниманіе. Мы говоримъ о критико-историческомъ изслѣдованіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи, фонъ-Кейсслера.

Вышедшая пока часть этого ученаго труда содержитъ, подъ скромнымъ заглавіемъ, очень обстоятельную исторію нашихъ крестьянскихъ общинъ и общиннаго землевладѣнія, подробное и добросовѣстное изложеніе взглядовъ на этотъ видъ поземельныхъ правъ и отношеній, и тщательное разсмотрѣніе дальнѣйшаго его развитія въ русскомъ законодательствѣ, литературѣ и администраціи до нашего времени. Изъ предисловія видно, что во второй части, уже приготовленной къ печати, будутъ изложены и критически разсмотрѣны свѣдѣнія объ общинномъ землевладѣніи, собранныя коммиссіею для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, высочайше учрежденной въ 1872 году, подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Валуева, а въ заключеніе, какъ выводъ изъ всего предъ-

идущаго, авторъ представитъ свои предположенія относительно рѣшенія крайне запутаннаго и спорнаго вопроса объ общинномъ землевладѣніи вообще. Изъ того же предисловія видно, что г. Кейсслеръ изучалъ предметъ не только по книгамъ, въ кабинетѣ, но и по свѣдѣніямъ, доставленнымъ ему людьми, практически знакомыми съ дѣломъ—сельскими хозяевами, чиновниками и другими лицами изъ различныхъ краевъ Россіи и наконецъ по собственнымъ наблюденіямъ во время поѣздки по средней и восточной Россіи въ 1868 году. Что этимъ ненапечатаннымъ матеріаломъ авторъ воспользовался съ полнымъ знаніемъ дѣла, въ этомъ служитъ намъ порукой его отличное знаніе и пониманіе историческихъ данныхъ и литературы предмета, которому онъ посвятилъ свой ученый трудъ. Такіе труды появляются у насъ, къ сожалѣнію, не часто. Но что̀ придаетъ ему особенную цѣну —это полное безпристрастіе автора, столь рѣдкое вообще, когда рѣчь идетъ объ общинномъ землевладѣніи, особенно же рѣдкое въ лагерѣ экономистовъ, относящихся къ этому предмету бо̀льшею частью или шаблонно и рутинно, или же съ соціалистическими предразсудками, запутывающими, а не разъясняющими дѣло. Взглядъ г. Кейсслера, какъ сказано, будетъ подробно развитъ во второй части его сочиненія; что этотъ взглядъ, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія, объ этомъ можно уже судить по предисловію, гдѣ высказана, въ общихъ чертахъ, программа автора. На стр. II и III онъ говоритъ, что нашелъ разрѣшеніе задачи «въ созданіи такой формы землевладѣнія, которая, съ одной стороны, постоянно бы сохраняла распредѣленіе землевладѣнія, какое желательно въ интересахъ всего общества и непосредственно заинтересованныхъ лицъ, а съ другой—не мѣшала бы сельско-хозяйственной производительности», слѣдовательно «въ законодательной организаціи общиннаго землевладѣнія, съ ограниченіемъ теперешняго права каждаго члена общины на равный съ другими участокъ земли. При такой организаціи, —продолжаетъ авторъ,—поземельная община, сохраняя свой частный характеръ, должна быть возведена въ общественное учрежденіе, состоящее подъ контролемъ государства, который, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, долженъ удержать или же возстановить наиболѣе цѣлесообразное распредѣленіе поземельнаго владѣнія (помѣшать чрезмѣрному его раздробленію и совокупленію въ однѣхъ рукахъ). Основныя начала, о которыхъ идетъ рѣчь—такъ оканчиваетъ авторъ—имѣютъ, по моему мнѣнію, значеніе, конечно съ извѣстными, необходимыми видоизмѣненіями, и для западной Европы, гдѣ право свободнаго распоряженія зем-

лею, въ одномъ мѣстѣ болѣе, въ другомъ менѣе — не отвѣчаю тому чего отъ него ожидали». Эти слова не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что г. Кейсслеръ смотритъ на общинное владѣніе просвѣщенными глазами, стоитъ на высотѣ современныхъ задачъ науки, и потому мы вправѣ ожидать, что вторая часть будетъ по меньшей мѣрѣ такъ же интересна и поучительна, какъ первая.

Ознакомить читателей со всѣмъ разнообразнымъ и крайне любопытнымъ содержаніемъ вышедшей первой части сочиненія г. Кейсслера нѣтъ, конечно, никакой возможности. Чтобъ дать возможно полное понятіе о высокомъ достоинствѣ этой ученой работы, мы попытаемся представить взглядъ автора на развитіе русской поземельной общины и общиннаго землевладѣнія до отмѣны крѣпостного права въ 1861 году. Изслѣдованія г. Кейсслера по этому предмету составляютъ капитальнѣйшую часть вышедшаго теперь тома, и не могутъ не интересовать большинства образованной русской публики, которая не безъ основанія ставитъ вопросы о крестьянскомъ землевладѣніи и сельской общинѣ въ число важнѣйшихъ русскихъ вопросовъ.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ занятія и заселенія русской земли. При основаніи русскаго государства восточные славяне, раздѣленные на племена, жили отъ Ильменьскаго озера и Волхова до Чернаго моря и Карпатовъ. При рѣдкомъ населеніи, обширная страна была свободно занимаема каждымъ. Лѣса расчищались, новь распахивалась бо̀льшимъ или меньшимъ числомъ людей сообща или отдѣльными семьями, и земля воздѣлывалась до тѣхъ поръ, пока давала достаточные урожаи; когда же она выпахивалась, ее бросали и занимали новую. Если не было по близости дѣвственной почвы, то жители покидали свои поселенія и основывали новыя, — тамъ, гдѣ находили довольно земли. При незатѣйливости первоначальныхъ жилищъ это дѣлалось легко. Съ увеличеніемъ народонаселенія выселки основывались изъ городовъ и деревень цѣлыми общинами и отдѣльными семьями. Такимъ образомъ, рядомъ съ старыми общинами возникали новыя. Связь между тѣми и другими со временемъ ослабѣла, и земля, составлявшая собственность цѣлаго племени, раздѣлилась на особую собственность общинъ и отдѣльныхъ лицъ.

Въ общинахъ сосредоточивалась сперва вся общественная власть. Это были первые государственные и гражданскіе союзы. Земля, занимаемая общиной, находилась въ ея общемъ владѣніи; она распредѣляла ее между своими членами и установляла способъ пользованія ею. Съ увеличеніемъ народонаселенія и съ обра-

зованіемъ новыхъ поселковъ, увеличивалось и число принадлежащихъ къ ней дворовъ. Въ южной Россіи такія поземельныя общины назывались верьвями, въ новгородской области — погостами, въ псковской — губами, и были то же, что нѣмецкія марки. Съ призваніемъ варяжскихъ князей и развитіемъ княжеской власти, вліяніе и значеніе древнихъ общинъ должны были ослабѣть, частью вслѣдствіе того, что нѣкоторыя ихъ права перешли къ государственной власти, частью же оттого, что извѣстная доля ихъ земель выдѣлена въ пользу князя, церкви, членовъ княжеской дружины (для послѣднихъ едва ли ранѣе XI вѣка), и выдѣленныя земли были этимъ изъяты изъ-подъ власти общинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, община распалась на составныя ея части — города и деревни, къ которымъ и перешло распоряженіе землею, находящейся во владѣніи ихъ членовъ.

Рядомъ съ населеніемъ, сидѣвшимъ на общинной и на своей собственной землѣ, образовался въ древнѣйшей Россіи классъ лично свободныхъ земледѣльцевъ, поселившихся на чужой землѣ и несшихъ разныя повинности въ пользу землевладѣльцевъ. Свободныхъ, никому не принадлежащихъ земель было, конечно, довольно; но ими могъ овладѣть только имѣющій на то нужныя средства, тотъ, кто могъ приготовить ихъ къ воздѣлыванію, построить жилье, вспахать, засѣять и мѣсяцами ждать плодовъ своего труда и затратъ: бѣднѣйшіе, нерасполагавшіе такими средствами, селились на земляхъ, уже занятыхъ болѣе достаточными. Таковы были упоминаемые въ Русской Правдѣ «ролейные закупы». Число ихъ вѣроятно было не мало, если оказалось необходимымъ защитить ихъ закономъ отъ притѣсненій хозяевъ и юридически опредѣлить ихъ положеніе.

Объ отношеніи земледѣльческаго населенія къ землѣ и къ общинамъ мы имѣемъ изъ болѣе древней эпохи лишь немногія указанія. Обильнѣе становятся источники въ XIV и XV вѣкахъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что положѣніе крестьянства было въ это время слѣдующее:

Чтобъ быть полноправнымъ членомъ сельской или городской общины, надо было имѣть надѣлъ въ общинной землѣ и нести соотвѣтствующую часть податей и повинностей, лежавшихъ на общинѣ. Бояринъ и церковь, пріобрѣтая общинную землю, становились тоже ея членами, и наоборотъ: оставляя общинную землю, и крестьянинъ, и купецъ переставали быть членами общины и нести подати и повинности.

Отношенія земледѣльца къ землѣ были различны, смотря по тому, на чьей землѣ онъ сидѣлъ. Если та земля была общин-

ная (черная), то онъ пользовался своимъ участкомъ, въ качествѣ члена общины, неопредѣленное время, такъ что могъ оставаться на одномъ и томъ же участкѣ всю свою жизнь, и оставлялъ его своимъ наслѣдникамъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ они оставались членами общины, и несли подати и повинности. Земледѣлецъ могъ заложить и отчуждать свой участокъ, съ тѣмъ однако, чтобъ новый пріобрѣтатель платилъ подати и несъ повинности; иначе онъ лишался пріобрѣтеннаго участка. Впрочемъ, отчуждаема могла быть не сама земля, такъ какъ, принадлежа на правахъ собственности къ общинѣ, она не могла быть продаваема и покупаема даже самимъ княземъ: отчуждалось только принадлежащее земледѣльцу право пользованія своимъ участкомъ. Крестьянину принадлежали всѣ права пользованія и распоряженія своимъ надѣломъ, въ томъ числѣ право отдавать его въ наемъ. Онъ могъ пользоваться имъ совершенно свободно и безпрепятственно; могъ, по своему усмотрѣнію, одну его часть пахать, другую запустить въ залежъ, обратить въ огородъ, окруживъ изгородью, возводить на немъ постройки и т. д. Во все это община не вмѣшивалась. (Изъ такого общаго правила вполнѣ свободнаго пользованія участкомъ были однако и исключенія). Общины могли соединить съ общинною землею и частныя земли, пріобрѣтаемыя ими покупкою или мѣною. Что касается частныхъ собственниковъ (своеземцевъ), то они распоряжались и пользовались своею землею на правахъ полной собственности. Накопецъ, отношенія земледѣльца, сидѣвшаго на чужой землѣ, къ ея владѣльцу (князю, боярину, монастырю, купцу, крестьянину и т. д.), и принадлежащей ему землѣ опредѣлялись взаимнымъ соглашеніемъ. Лично земледѣлецъ былъ свободенъ, хотя и обработывалъ чужую землю; но по причинамъ, лежащимъ въ требованіяхъ земледѣлія, онъ могъ оставлять землю или быть высылаемъ съ нея владѣльцемъ только въ опредѣленное время въ году (14-го ноября—Филиппово заговѣнье, Юрьевъ день). Въ XIV и XV вѣкахъ населеніе стало уже болѣе осѣдлымъ; часто упоминаются старожилы на общинной и частной землѣ, сидѣвшіе на томъ же мѣстѣ 20, 30, 40 и болѣе лѣтъ; говорится, что на той же землѣ жили ихъ отцы и дѣды. Рядомъ съ повинностями въ пользу землевладѣльца, такой крестьянинъ, какъ членъ общины, платилъ и государственную подать съ земли. Хотя земля ему и не принадлежала, но онъ не былъ нанятымъ работникомъ, а хозяиномъ, нанимающимъ землю. Особенный характеръ придавалъ свободный земледѣлецъ землѣ, на которой сидѣлъ: государство взимало подати съ обра-

ботываемой имъ земли только на томъ основаніи, что на ней жилъ земледѣлецъ; земля, остававшаяся впустѣ, земля, которая обработывалась рабами, не считалась тяглою.

Отношенія крестьянъ, поселенныхъ на чужой землѣ, къ ея владѣльцу были очень разнообразны. Если первые селились на пустой, невоздѣланной частной землѣ, которую должны были сами приготовить къ обработкѣ своими средствами, и сами возвести нужныя имъ постройки, то положеніе ихъ было совершенно самостоятельное, особливо если владѣлецъ давалъ имъ позволеніе или поручалъ привести съ собой другихъ людей, для поселенія на той же землѣ, и уступалъ всѣ свои права, кромѣ права собственности и продажи. Такія отношенія могли установиться тамъ, гдѣ уже чувствовался недостатокъ въ свободныхъ, никѣмъ не занятыхъ, выгодныхъ для воздѣлыванія земляхъ: когда хорошая, плодородная общинная земля уже была занята, крестьянинъ, не успѣвшій получить въ ней долю, нерѣдко могъ находить болѣе для себя выгоднымъ поселиться на частной землѣ и платить за пользованіе ею, чѣмъ безплатно сидѣть на плохой общинной землѣ. Къ заселенію владѣльческихъ земель поощряли также льготные годы и защита, которою поселенцы пользовались со стороны богатыхъ и сильныхъ (монастырей, бояръ). Даже жители цѣлыхъ деревень становились подъ такую защиту. Менѣе самостоятельно было положеніе земледѣльца, который селился на землѣ уже воздѣланной, и которому землевладѣлецъ давалъ нужныя строенія, хотя бы такой земледѣлецъ и приводилъ съ собою свой рабочій скотъ, имѣлъ свои земледѣльческія орудія и т. п.; наконецъ, крестьяне, получавшіе отъ землевладѣльцевъ рабочій скотъ, орудія, да вдобавокъ сѣмена, содержаніе до жатвы, ссуды деньгами и т. д., едва походили на свободныхъ арендаторовъ. Ихъ обязанности были, разумѣется, выше, чѣмъ прочихъ; уйти отъ землехозяина они могли только, уплативъ ему, сверхъ повинности за пользованіе землей, все полученное ими въ ссуду съ процентами.

Между собою крестьяне составляли общины. Каждая община была административной единицей. Кто селился на общинной землѣ, тотъ становился ея членомъ; поселившійся же на владѣльческой землѣ причислялся къ общинѣ только въ административномъ отношеніи. И тѣ и другія крестьянскія общины, какъ поземельныя, такъ и административныя, были различной величины и число ихъ жителей было не одинаково; у крестьянъ, жившихъ на частной или общинной землѣ, высшей единицей была волость, состоявшая всего чаще изъ нѣсколькихъ поселковъ и дворовъ. У

крестьянъ, жившихъ на владѣльческой землѣ, административная община опредѣлялась обыкновенно владѣніемъ—помѣстьемъ или вотчиной: всѣ деревни и отдѣльные дворы, принадлежавшіе къ помѣстью или вотчинѣ, и находившіеся въ одномъ округѣ, образовали и одну общину; у малыхъ же владѣльцевъ, владѣвшихъ небольшимъ числомъ крестьянскихъ дворовъ, крестьяне въ административномъ отношеніи—или причислялись къ сосѣдней волости, или, принадлежа по податямъ и повинностямъ къ одному разряду, составляли изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ владѣній одну особую общину. Такое образованіе общинъ не по владѣніямъ было возможно потому, что крестьяне были свободные люди, связанные съ землевладѣльцемъ только частнымъ договоромъ. Итакъ, общины раздѣлялись на три разряда: сидѣвшія на общинной землѣ, сидѣвшія на частной и смѣшанныя,—поселенныя частью на общинной землѣ, частью на принадлежащей въ личную собственность, частью на владѣльческой. Первыя сами завѣдывали дѣлами своихъ членовъ, распоряжались землей. Основаніемъ ихъ общиннаго союза служила земля. Вторыя, поселенныя въ имѣніяхъ владѣльцевъ, были лишь административныя, личныя общины, и не касались земли, состоявшей въ пользованіи ихъ членовъ. Первыя сами защищали землю отъ захвата посторонними, распоряжались ею, отвѣчали передъ государствомъ за порядокъ и спокойствіе въ волости, за исправную уплату податей и отправленіе повинностей, и распредѣляли тѣ и другія сами между своими членами; вторыя же не имѣли этихъ правъ.

Общественныя дѣла всѣхъ общинъ находились въ непосредственномъ завѣдываніи органовъ государственной власти. Въ XIV и XV вѣкахъ князья, все еще въ видѣ исключенія, хоть и не рѣдкаго, передавали нѣкоторымъ землевладѣльцамъ лично высшую власть надъ общинами. Вслѣдствіе того, непосредственныя отношенія такихъ общинъ къ государству прекращались, и землевладѣлецъ, по всѣмъ дѣламъ, становился посредникомъ между нимъ и общиною. Но затѣмъ постепенно исключенія обратились въ правило и непосредственное завѣдываніе общинами, со стороны государства, перестало быть общимъ правиломъ. Общины, изнемогая подъ страшнымъ гнётомъ княжескихъ намѣстниковъ и большихъ владѣльцевъ, подпали подъ полную отъ нихъ зависимость; поселяне, жившіе на владѣльческихъ или даже на своихъ земляхъ, добровольно отдавались подъ защиту могущественныхъ владѣльцевъ. Въ силу соглашенія, послѣдніе принимали на себя уплату крестьянскихъ податей и отправленіе повинностей. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, крестьяне могли находить болѣе для

себя выгоднымъ имѣть дѣло съ однимъ господиномъ, который представлялъ ихъ передъ правительствомъ, чѣмъ со сборщиками податей отъ различныхъ вѣдомствъ, какихъ въ древней Россіи было не мало.

Для распредѣленія податей и повинностей, земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ, дѣлилась на «сохи». Соха составляла наивысшую податную единицу. Въ различныхъ мѣстностяхъ обнимаемое ею пространство опредѣлялось различно, и, смотря по различнымъ соображеніямъ и обстоятельствамъ, могло быть и больше и меньше. Соха измѣрялась четвертями, т.-е. количествомъ посѣва; покосы — копнами сѣна, которыя на нихъ становились. Низшей податной единицей земли была «выть» (въ новгородскихъ областяхъ «обжа») — первоначально нормальный размѣръ крестьянскаго хозяйства или двора. Впослѣдствіи, пространство двора уменьшалось, такъ что нѣсколько дворовъ составляли одну выть или обжу. Кромѣ того, и размѣръ выти, подобно пространству сохи, измѣнялся также подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и соображеній. Личность крестьянъ, владѣющихъ землею, ихъ положеніе, ихъ бо́льшая или меньшая зажиточность, имѣли, въ свою очередь, вліяніе на размѣръ податей, падавшихъ на землю, и на раскладку ихъ между плательщиками. Полное развитіе получили права крестьянскихъ общинъ въ XVI вѣкѣ. Судебники 1497 и 1550 годовъ опредѣлили точнѣе и развили то, что́ уже было выработано обычаями и мѣстными узаконеніями прежде, касательно отношеній поселянъ къ землевладѣльцамъ и къ землѣ. Самостоятельность сельскихъ и городскихъ общинъ въ отношеніи къ великокняжескимъ намѣстникамъ и вельможамъ подтверждена и ограждена; это особенно замѣтно по части судебной. Изданъ рядъ постановленій для огражденія общинъ отъ произвола великокняжескихъ чиновниковъ.

Съ XVI же вѣка появляется новый разрядъ сельскаго населенія — бобыли, которые владѣли только частью крестьянскаго тягла, т.-е. крестьянскаго земельнаго участка, и вслѣдствіе того, несли только соразмѣрную съ ихъ владѣніемъ часть податей и повинностей. Это новое явленіе въ жизни крестьянъ развилось вслѣдствіе необходимости раздѣлить тягло, такъ какъ часть крестьянъ не была въ состояніи платить непомѣрно возвысившихся податей съ цѣлаго тягла. Кромѣ того, въ общинахъ находились теперь такъ-называемые «казаки», изъ которыхъ одни, имѣвшіе свой дворъ и свой участокъ, подобно бобылямъ, составляли, вѣроятно, лишь малую часть, а другіе жили у крестьянъ въ работникахъ, или занимались промыслами. Послѣдніе не были полно-

правными членами общины, именно потому, что у нихъ не было земли. Въ этомъ же положеніи «затяглыхъ людей» (т.-е. находящихся внѣ тягла) находились въ общинѣ и тѣ, кто или по рожденію, или вслѣдствіе договора жили въ видѣ рабочихъ у самостоятельныхъ хозяевъ, не владѣя общинной землей. Подати раскладывались выборными людьми изъ владѣвшихъ землею, по дворамъ, соразмѣрно съ платежной силой каждаго хозяина.

Въ общину вступали какъ подростающія поколѣнія уже осѣдлыхъ семействъ, такъ и новоприходящіе поселенцы. Первые, именно родившіеся въ общинѣ, занимали сначала обыкновенно не цѣлую выть, а смотря по силамъ—половину, четверть выти и т. д.; посторонніе вступали въ общину по взаимному съ нею соглашенію, получая цѣлую выть, или тоже половину ея и т. д.

Поземельныя отношенія, сравнительно съ прежнимъ временемъ, стали съ XVI вѣка прочнѣе и самостоятельнѣе. Правда, какъ община, такъ и владѣлецъ могли и теперь, какъ прежде, отобрать у неплательщика его участокъ, но они не имѣли права, вопреки письменному условію («порядной записи») увеличивать или уменьшать данное ему количество земли; участокъ, составлявшій тягловый надѣлъ крестьянина, оставался за нимъ безповоротно, пока онъ своевременно уплачивалъ подати и несъ повинности. Права его на свой земельный надѣлъ были такъ велики, что онъ могъ промѣнять его или передать другому, если послѣдній принималъ на себя уплату податей. Тѣмъ же правомъ пользовались и крестьяне, поселенные въ имѣніяхъ владѣльцевъ, но о промѣнѣ или передачѣ участковъ надо было заявлять землевладѣльцу. Несмотря на такую большую самостоятельность и большія юридическія обезпеченія крестьянскихъ общинъ, крестьянство, въ XVI вѣкѣ, постепенно бѣднѣло и отчасти все болѣе и болѣе подпадало подъ зависимость отъ большихъ владѣльцевъ. Причиной тому были страшно увеличивавшіяся подати. Къ концу столѣтія крестьяне-собственники почти совсѣмъ исчезли. Недостатокъ защиты и тяжкій гнётъ податей и повинностей вынудили свободныхъ землевладѣльцевъ изъ крестьянъ перейти на общинныя земли или на земли сильныхъ владѣльцевъ, гдѣ они находили охрану и защиту и гдѣ свобода перехода обезпечивала ихъ отъ чрезмѣрныхъ притѣсненій. Кромѣ того, земли, составлявшія частную собственность, продавались крестьянами, когда приходилось дѣлить наслѣдство между сыновьями и часть, доставшаяся на долю каждаго наслѣдника, не давала ему средствъ существованія, почему сыновья предпочитали продать наслѣдство и заняться хозяйствомъ на наемныхъ участкахъ, соотвѣтствующихъ ихъ рабочимъ силамъ.

Иванъ III и Иванъ IV, столько сдѣлавшіе для поднятія крестьянъ въ юридическомъ отношеніи, значительно содѣйствовали переходу отъ нихъ земли въ руки служилыхъ людей, дворянства и въ княжескую собственность. Съ образованіемъ московскаго великаго княжества появилось новое государственное начало. Въ этомъ княжествѣ земля была собственностью князя, потому что она состояла почти исключительно изъ завоеванныхъ земель. Развившееся отсюда могущество московскихъ князей, сравнительно съ прочими древне-русскими князьями, существенно содѣйствовало преобладанію Москвы. Со включеніемъ княжествъ въ московское государство и благодаря обширнымъ завоеваніямъ (Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и т. д.), царская власть возросла до того, что на всю Россію распространено начало, въ силу котораго вся земля принадлежитъ государству, и оно можетъ ею распоряжаться. Практическія послѣдствія этого начала выразились между прочимъ въ томъ, что, смотря по надобности, «черная земля», находившаяся во владѣніи общинъ, раздавалась служилымъ людямъ въ помѣстья, когда, для частыхъ войнъ, требовалась личная служба; а когда нужны были деньги, она объявлялась княжескою землею, съ которой, сверхъ податей, взыскивался оброкъ въ княжескую казну. Этотъ переворотъ совершался при Иванѣ III (отдѣльные случаи встрѣчались и раньше), но особенно и въ большихъ размѣрахъ со временъ Ивана IV.

Общины изнемогли подъ бременемъ податей и чрезмѣрной власти большихъ владѣльцевъ. По мѣрѣ того, какъ росли подати (при Иванѣ IV и преемникѣ его Ѳедорѣ), онѣ все больше старались о томъ, чтобъ при составленіи новыхъ окладныхъ книгъ жилые дворы показывались пустыми. Несмотря на строгія запрещенія, злоупотребленія такого рода усилились чрезвычайно, особливо при Ѳедорѣ. Чтобъ избѣжать суровыхъ взысканій, грозившихъ за подобный обманъ, крестьяне толпами покидали деревни. Кромѣ того, къ побѣгамъ поощряли и льготные годы, даруемые поселенцамъ въ новопріобрѣтенныхъ русскихъ областяхъ. Чтобъ положить конецъ такимъ неустройствамъ и вообще шатанью крестьянъ изъ мѣста въ мѣсто, мѣшавшему правильному поступленію податей и платежей въ пользу служилыхъ людей, послѣдовало, въ 1592 году, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Въ видѣ вознагражденія за потерю личной свободы и права свободнаго выхода, законодательство XVII вѣка дало крестьянамъ право на обрабатываемую ими землю.

Въ какомъ видѣ сложилось древне-русское общинное владѣніе при подобномъ ходѣ развитія крестьянскаго общиннаго землевла-

дѣнія вообще? По этому любопытному предмету г. Кейсслеръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

При заселеніи земли, выработались, какъ сказано, двѣ формы землевладѣнія: вотчинное и общинное, смотря по тому, одна ли семья или совокупность семей занимали землю, расчищали и обработывали ее. Но, кромѣ того, общинное владѣніе могло также возникать и изъ вотчиннаго, когда семья разросталась, занимала новыя свободныя земли и принимала въ товарищи новыхъ поселенцевъ.

Когда первыя работы и труды по водворенію выполнялись обществомъ, каждый изъ его членовъ имѣлъ равное право на занятую землю, и она вслѣдствіе того дѣлилась между ними поровну. Каждый получалъ столько земли, сколько могъ обработать и сколько было ему нужно, чтобъ прокормиться съ семействомъ. Земля, отведенная каждому, называлась «участкомъ»; «удѣломъ». Названіе «жеребій» указываетъ на способъ распредѣленія участковъ. При изобиліи земли, число такихъ участковъ увеличивалось съ умноженіемъ народонаселенія. По замѣчанію автора, въ русскомъ народѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ индоевропейскихъ народахъ, было стремленіе къ индивидуализаціи, выразившееся въ томъ, что каждый старался какъ можно раньше создать себѣ самостоятельное хозяйство, отдѣльное отъ отцовскаго. Развитію этой черты быть можетъ способствовали, какъ онъ думаетъ, легкость и удобство, при большомъ избыткѣ земель, основать самостоятельное жилье. Въ окладныхъ книгахъ находимъ указаніе, что во дворѣ жилъ одинъ человѣкъ, одна рабочая сила; только въ видѣ изъятія при отцѣ жилъ сынъ; еще рѣже жили въ одномъ дворѣ вмѣстѣ братья; гораздо чаще сыновья и братья жили особыми дворами. Это было общимъ правиломъ. Раннее выселеніе взрослыхъ сыновей изъ отцовскаго дома должно было чрезвычайно способствовать заселенію обширной равнины. Впрочемъ, населеніе общины и число участковъ увеличивались не только естественнымъ приростомъ, а также благодаря новымъ поселенцамъ: какъ общины были заинтересованы привлекать ихъ къ себѣ, такъ и отдѣльныя семьи находили свои выгоды становиться подъ защиту общины.

Такимъ образомъ, поземельная община состояла изъ непостояннаго числа равныхъ единицъ: какъ ни была различна величина общинъ, участки вездѣ были одинаковы. Съ тѣхъ поръ, что дворъ сталъ финансовой единицей, жилье и домъ, дымъ и дворъ сдѣлались въ народныхъ понятіяхъ и на народномъ языкѣ тождественными выраженіями. Въ южной Россіи, до XVI в., участокъ назывался «дымомъ», на сѣверѣ — «дворомъ», въ московскомъ

государствѣ—«вытью» или «тягломъ». Впослѣдствіи, когда выть перестала обозначать дѣйствительную хозяйственную единицу семьи, эта единица, обратившаяся въ фиктивную, все-таки была удержана для измѣренія общинной земли. Что же касается первоначальнаго равенства участковъ, находившихся въ пользованіи семействъ, то оно было нарушено тѣмъ, что крестьянинъ, разбогатѣвшій благодаря дѣльности, трудолюбію и бережливости, бралъ у общины два или болѣе участковъ и несъ слѣдующія съ нихъ подати и повинности, тогда какъ менѣе зажиточный бралъ только половину участка, или и того менѣе, а вовсе бѣдный совсѣмъ не могъ держать земли и, чтобъ кормиться, поступалъ въ работу и службу къ богатымъ, которые не могли вести своего большого хозяйства рабочими силами одной своей семьи. Впослѣдствіи, пріобрѣтя средства для веденія хозяйства, и онъ тоже требовалъ и получалъ землю отъ общины, всегда готовой исполнять такія требованія,—сначала можетъ быть только половину участка, съ обязательствомъ нести слѣдующія съ нея подати и повинности. Вслѣдствіе такого порядка надѣленія землею, одинъ хозяинъ владѣлъ многими дворами, другой половиною или четвертью двора. Кромѣ того, размѣръ поземельныхъ участковъ долженъ былъ опредѣляться различно, смотря и по свойству почвы, напримѣръ по ея естественному плодородію и т. п., и по трудолюбію населенія, которое обработывало бо̀льшее или меньшее пространство земли. Слово «дворъ» означало все крестьянское хозяйство со всѣми принадлежавшими къ нему правами пользованія тою частью общинной земли, которая не была подѣлена между членами общины. Составныя части двора были слѣдующія: усадьба—строенія, огороды и вся земля, прилегающая къ строеніямъ и не находящаяся подъ пашней; пахатная земля—важнѣйшая составная часть крестьянскаго двора; покосы, обыкновенно подѣленные въ натурѣ между дворами; затѣмъ, выгонъ, лѣсъ, пруды, рѣки (для рыбной ловли) и другія угодья находились въ нераздѣльномъ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общины.

Со временемъ первоначальная нормальная величина крестьянскаго двора (выть, обжа) исчезла, именно вслѣдствіе дѣлежей. Большое вліяніе имѣли на это вездѣ чрезвычайно усилившіеся въ XVI вѣкѣ раздѣлы полныхъ дворовъ, хотя здѣсь и тамъ процессъ ихъ распаденія совершился уже ранѣе. Спрашивается: могло ли крестьянское семейство кормиться и нести подати и повинности съ того незначительнаго пространства земли, какое оказывалось при тогдашнемъ дробленіи дворовъ? При экстенсивномъ хозяйствѣ, рабочей силы человѣка, на такое малое пространство,

во всякомъ случаѣ было слишкомъ много. Профессоръ Лешковъ думаетъ, что малые участки земли ($1/6$, $1/8$, $1/12$ и т. д. выти, обжи) не представляли особаго, самостоятельнаго хозяйства, что крестьянинъ имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку такихъ частицъ земли. Г. Кейсслеръ, допуская, что такіе случаи бывали, отрицаетъ, чтобъ вездѣ было такъ. Онъ находитъ очень невѣроятнымъ, чтобъ при экстенсивномъ хозяйствѣ и большемъ изобиліи земли могло повсемѣстно существовать такое раздробленіе хозяйствъ. Къ тому же, при общинномъ землевладѣніи и при передѣлахъ земли не могло развиться хозяйство на раздробленныхъ участкахъ; наконецъ, извѣстно, что все владѣніе одного крестьянина, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно ограничивалось одной небольшой частью выти или обжи. Автору кажется гораздо вѣроятнѣе, что владѣльцы такихъ небольшихъ частицъ земли занимались не однимъ земледѣліемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-нибудь промысломъ: рыболовствомъ, охотой, сидкою дегтя и другою обработкою лѣсного матеріала въ обширныхъ лѣсахъ, а также разнаго рода ремеслами и т. д.

Сравнивая древнее русское общинное землевладѣніе съ германскими общинными марками и съ теперешнимъ русскимъ, авторъ открываетъ въ первой своеобразныя черты, опредѣлившіяся мѣстными и, быть можетъ, національно-историческими особенностями. Условія, вслѣдствіе которыхъ иначе сложились общинныя и поземельныя отношенія, въ Германіи и Россіи, сводятся, по его мнѣнію, къ тремъ слѣдующимъ: большому обилію земель въ Россіи при рѣдкомъ населеніи, разселенію народа въ Россіи малыми деревнями, въ нѣсколько дворовъ и отдѣльными дворами; наконецъ, большому однообразію у насъ поверхности страны и естественнаго плодородія почвы.

Нѣмецкая община была больше замкнута въ себѣ, меньше доступна для новыхъ членовъ. Число членовъ общины, пользовавшихся маркою, было ограничено; число крестьянскихъ дворовъ, въ бо̀льшей части старыхъ поселеній, опредѣлено искони. Только тамъ, гдѣ, по счастію, деревенская община имѣла огромную, владѣемую сообща марку, далеко превышавшую потребности мѣстнаго населенія, новыя поселенія поощрялись; но и здѣсь число крестьянскихъ дворовъ скоро было ограничено, для огражденія полноправныхъ сочленовъ отъ наплыва новыхъ поселенцевъ. Послѣдніе могли вступить въ селѣ въ полныя права гражданства не иначе, какъ пріобрѣтя крестьянскій дворъ, оставшійся пустымъ послѣ прежняго хозяина. Причина этихъ ограниченій заключалась въ недостаткѣ свободной земли. Такъ продолжалось, пока скотоводство

составляло значительнѣйшую часть хозяйства. Впослѣдствіи, въ теченіи столѣтій, земледѣліе получило бо́льшее развитіе, произведенія земли стали составлять значительнѣйшую часть пропитанія, а скотоводство по-немногу уменьшилось. Съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла надобность въ обширныхъ пространствахъ, владѣемыхъ поселеніемъ сообща. Когда это наступило, опять не только было дозволено, но даже поощрялось ставить новые, полноправные дворы, и дѣлить существующіе на части. Но и это время, благопріятное для развитія народнаго благосостоянія, скоро кончилось вслѣдствіе быстраго возрастанія населенія. Въ XIV и XV вѣкахъ видно уже стремленіе всячески затруднить и даже совсѣмъ остановить новыя поселенія въ деревенскихъ общинахъ, хотя бы даже безъ всякихъ правъ на общинную землю.

Другое видимъ мы въ древней Россіи. Здѣсь, до самаго прикрѣпленія къ землѣ, происходило безпрестанное передвиженіе населенія. Ставятся новые дворы, которые по обстоятельствамъ и доброй волѣ опять бросаются; существующіе дворы, вслѣдствіе смерти бездѣтныхъ хозяевъ или ухода ихъ, остаются пустыми и потомъ снова попадаютъ во владѣніе другихъ. Охотно принимала община новыхъ поселенцевъ и только требовала отъ нихъ, чтобъ они несли соотвѣтственную часть податей и повинностей; она даже давала, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, льготные годы, чтобъ только приманить новыхъ поселенцевъ. Обиліе земли было такъ велико, населеніе такъ рѣдко, что принятіе новыхъ членовъ въ общину, съ надѣленіемъ землей, даже тамъ, гдѣ земля уже была воздѣлана, не стѣсняло прежнихъ членовъ общины въ ихъ владѣніи и правахъ пользованія; напротивъ, оно приносило пользу, именно облегчало подати и представляло неразрывную съ болѣе густымъ населеніемъ защиту отъ нападенія людей и дикихъ животныхъ.

Замѣченная выше замкнутость нѣмецкихъ общинъ простиралась и на подростающія поколѣнія. Сыновья обыкновенно должны были довольствоваться отцовскимъ наслѣдіемъ, которое или дѣлилось между ними, или переходило нераздѣльно къ одному изъ нихъ, а другимъ предоставлялось найти себѣ пристанище. Подростающія поколѣнія получали часть въ общинной землѣ, для нихъ основывались выселки, только въ тѣхъ случаяхъ, когда общинная земля, находившаяся въ общемъ пользованіи, давала возможность заводить новыя поселенія и они могли возникать, не стѣсняя старыхъ членовъ общины въ удовлетвореніи ихъ нуждъ. Такая замкнутость нѣмецкихъ сельскихъ общинъ придала имъ, со временемъ, аристократическій характеръ, тогда какъ древне-

русская община сохраняла болѣе демократическій складъ. Въ нѣмецкихъ деревняхъ только владѣльцы крестьянскихъ дворовъ были полноправными членами общины. Мало-по-малу, вслѣдствіе наплыва новыхъ пришельцевъ, ихъ водворенія и естественнаго приращенія коренныхъ жителей возникло населеніе, не пользовавшееся полными правами гражданства. Рядомъ съ поденщиками, батраками и другими людьми, не имѣвшими ни земли, ни правъ членовъ общины, образовался новый классъ землевладѣльцевъ. Къ нимъ принадлежали тѣ, кто не имѣлъ средствъ владѣть цѣлымъ опустѣлымъ дворомъ или хоть частью такого двора. Они селились на мѣстахъ, предоставленныхъ имъ для обработки въ общинной землѣ или въ землѣ, принадлежащей крестьянскому двору. Сначала они не имѣли никакихъ правъ на земли и угодья (пастбища, лѣсъ и т. д.), владѣемыя деревней сообща. Впослѣдствіи и имъ и вовсе безземельнымъ предоставлялась въ ней обыкновенно самая малая доля, но это было лишь снисхожденіемъ со стороны общины или землевладѣльца, и вовсе не вытекало изъ правъ на общинную землю, которыхъ они, какъ сказано, не имѣли. Поэтому, эти люди обыкновенно платили общинѣ вознагражденіе за пользованіе землей, не раздѣленной между членами общины и не участвовали въ ея поземельныхъ и другихъ дѣлахъ, слѣдовательно, находились въ полной зависимости отъ полноправной общины. Этотъ классъ неполноправныхъ землевладѣльцевъ составился не изъ однихъ пришельцевъ, но и изъ туземцевъ, такъ какъ дѣти полноправныхъ членовъ общины становились полноправными, только пріобрѣтя крестьянское хозяйство, а полноправный терялъ свои права гражданства, продавъ свой дворъ и права общиннаго пользованія, хотя бы послѣ того онъ и оставался жить въ общинѣ. Такъ какъ всѣ права принадлежали настоящимъ участникамъ деревенской поземельной общины, то на нихъ лежали и всѣ общинныя обязанности: службы и повинности всякаго рода, общинныя службы и подати, потому что и тѣ, и другія лежали на общинномъ владѣніи; а прочіе владѣльцы, не принятые въ поземельную общину, не имѣвшіе части въ пользованіи общими угодьями, по-крайней-мѣрѣ не имѣвшіе полныхъ на то правъ, не были обязаны участвовать въ общинныхъ и государственныхъ службахъ и податяхъ, и только платили общинѣ вознагражденіе, о которомъ было упомянуто выше.

Изъ сказаннаго видно, что основаніемъ нѣмецкаго сельскаго устройства было исключительное право собственности общины на землю. Поземельное владѣніе находилось здѣсь исключительно въ рукахъ господствующаго класса. Впослѣдствіи, изъ уступокъ,

сдѣланныхъ общинами въ пользу неполноправныхъ владѣльцевъ, развилось право ихъ на пользованіе угодьями, владѣемыми сообща. Рядомъ съ старинными вещными правами полноправныхъ членовъ общины, образовались личныя права пользованія неполноправныхъ. Это подорвало старинное поземельное устройство нѣмецкихъ общинъ. Его преобразованію существенно содѣйствовало и то, что неполноправные владѣльцы получили право участвовать въ сельскомъ управленіи, которое сперва находилось исключительно въ рукахъ однихъ полноправныхъ; они привлечены также къ отправленію общинной и государственной службы.

Древне-римскія поземельныя отношенія выработались совсѣмъ на другихъ началахъ. Здѣсь не земля служила основаніемъ общиннаго союза, а роды (gentes). Замкнутость народа (populus) покоилась на родовомъ устройствѣ. Вся земля принадлежала государству, была публичной (ager publicus) и отдавалась старинному гражданину только въ пользованіе и владѣніе (possessio). Старинный гражданинъ или патрицій, и только онъ одинъ, имѣлъ, вмѣстѣ съ наслѣдственною собственностью (heredium), право на общинную землю, которая находилась не только въ общемъ пользованіи, въ видѣ пастбища и т. д., но отчасти и въ личномъ владѣніи (possessio) и пользованіи (usus). Впрочемъ и они могли быть отняты государствомъ. Право пользованія общинною землею патриціи присвоивали исключительно себѣ, какъ сословную привилегію. Въ этомъ и заключается различіе между римскимъ и нѣмецкимъ поземельнымъ устройствомъ. Когда, вслѣдствіе обширныхъ завоеваній, публичныя земли (ager publicus) очень значительно расширились, а войны и публичныя тягости сильно обременяли плебеевъ, старые римскіе граждане (сенатъ) были вынуждены дѣлать уступки. Плебеямъ данъ надѣлъ (assignatio) земель; участокъ, отведенный отдѣльному лицу, сталъ его наслѣдственною собственностью. Но плебеи не имѣли правъ на землю, находившуюся въ общемъ пользованіи; кажется они имѣли только издавна право пользоваться общимъ пастбищемъ, хотя и за извѣстную плату. Но патриціи, въ первое столѣтіе республики, ничего не платили за пользованіе общими угодьями, и когда введена была плата съ пашни, съ виноградниковъ и съ лѣсонасажденій (vectigal), патриціи съумѣли отъ нея отдѣлаться. Только законы Лицинія отмѣнили эту привилегію. Вотъ какимъ образомъ и плебеи мало-по-малу стали полноправными въ пользованіи землею, владѣемою сообща, но это не было, какъ и установившіяся впослѣдствіи права неполноправныхъ въ нѣмецкихъ общинахъ,

дальнѣйшимъ развитіемъ древняго права, а новымъ правомъ, неизвѣстнымъ прежде въ Римѣ, какъ и въ древней Германіи.

Демократичнѣе сложились поземельныя отношенія въ древнерусскихъ общинахъ. При рѣдкомъ населеніи, земля вообще цѣнилась очень низко, исключая большихъ центровъ, гдѣ скучивалось болѣе густое населеніе. Поэтому общины не только давали новымъ поселенцамъ землю подъ жилье и пашню, но предоставляли имъ полное право пользоваться землями, владѣемыми сообща и полное участіе въ управленіи общинными и поземельными дѣлами. Новые поселенцы становились полноправными членами общины, хотя бы владѣли очень малою долею общинной земли. Только тѣ жители общинъ не имѣли общинныхъ правъ, которые въ нихъ вовсе не владѣли землею, именно потому, что они жили «за чужимъ тягломъ». Эта часть населенія состояла изъ дѣтей членовъ общины, не получившихъ еще своихъ участковъ, и изъ тѣхъ, которые по недостатку средствъ или другимъ причинамъ не взяли себѣ земли и въ качествѣ свободныхъ работниковъ служили у богатыхъ хозяевъ, либо занимались ремесломъ.

Пользованіе угодьями, владѣемыми сообща (лѣсомъ, пастбищемъ и т. д.), повидимому не подвергалось никакимъ ограниченіямъ; въ нихъ вообще не было недостатка. Въ Германіи, напротивъ, рано выработались точныя правила о размѣрѣ правъ пользованія ими.

Низкая, вообще говоря, цѣна земли и возможность легко добыть ее въ другомъ мѣстѣ, уже сами по себѣ не могли вести къ образованію тѣснаго поземельнаго союза. Но, кромѣ того, сомкнутости членовъ общины, какую находимъ въ древнегерманскихъ селеніяхъ, мѣшало и то, что русскій народъ не жилъ большими деревнями; напротивъ, русская поземельная община обыкновенно состояла изъ одного небольшого главнаго села, изъ многихъ, еще меньшихъ деревень, починковъ, поселковъ и изъ отдѣльныхъ дворовъ. Первымъ общиннымъ поселеніемъ было кажется село, изъ котораго, съ увеличеніемъ народонаселенія, вслѣдствіе нарожденія и вступленія въ общину новыхъ пришельцевъ, основывались деревни (расчисткою лѣса и т. д.). Вопреки мнѣнію проф. Лешкова, г. Кейсслеръ думаетъ, что деревня не составляла самостоятельной поземельной общины, а была лишь ея составною частью, и источники имъ приводимые говорятъ, кажется, въ его пользу, несмотря на то, что деревни повидимому имѣли, бо́льшею частью, свои округленныя территоріи, съ постоянными границами или межами. Даже части деревень имѣли такія границы. Очень можетъ быть также, что мѣстами деревни дѣйстви-

тельно составляли самостоятельныя поземельныя общины; но это было исключеніемъ, а не правиломъ. Впослѣдствіи все это, конечно, измѣнилось. Бывали также случаи, что двѣ, три деревни находились между собою въ болѣе тѣсной экономической связи. Вообще трудно, быть можетъ невозможно, возстановить теперь вполнѣ картину древнерусскаго общиннаго быта. Историческіе памятники, изъ которыхъ мы черпаемъ извѣстія, относятся къ тому времени, когда процессъ разложенія древнихъ союзовъ уже сильно подвинулся впередъ: цѣлыя общины, села съ деревнями, были уже отписаны въ велико-княжескую казну, розданы монастырямъ и служилымъ людямъ, и отдѣльныя деревни, поступившія въ ихъ владѣніе, выдѣлились изъ поземельнаго общиннаго союза. Такимъ образомъ, старинная поземельная община распадалась болѣе и болѣе. Этому содѣйствовала слабая внутренняя связь общинъ. Земля не имѣла большой цѣны; деревни и дворы были разселены далеко другъ отъ друга; общины имѣли мало поводовъ вмѣшиваться въ поземельныя отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою и съ цѣлымъ союзомъ, вслѣдствіе чего части могли легко отпадать отъ цѣлаго. Волость все болѣе и болѣе теряла значеніе поземельной общины, и все болѣе обращалась въ административный союзъ. Это могло совершиться тѣмъ легче, что кажется уже исстари въ составъ волостей входила личная поземельная собственность (сначала владѣнія своеземцевъ, впослѣдствіи помѣстья и т. д.).

Изъ сравненія внѣшняго устройства деревень и сожительства поземельныхъ общинниковъ въ Германіи и древней Россіи оказывается, что устройство болѣе значительныхъ селъ, здѣсь и тамъ, имѣло много общаго: отдѣльные дворы стояли близко другъ отъ друга. Все различіе вѣроятно состояло только въ томъ, что число дворовъ въ древнихъ русскихъ общинахъ было меньше; деревни же, отдаленныя другъ отъ друга и отъ села и состоявшія изъ одного, двухъ, трехъ или четырехъ дворовъ, по внѣшнему своему характеру, ближе подходили къ нѣмецкимъ деревнямъ, безъ общиннаго поземельнаго владѣнія, или къ дворамъ, владѣвшимъ сообща только пастбищемъ и лѣсомъ, и стоявшимъ отдѣльно отъ другихъ, посреди принадлежавшихъ имъ полей и луговъ.

Наконецъ, бо̀льшее разнообразіе Германіи въ топографическомъ отношеніи и по естественному плодородію было тоже причиною различія между нѣмецкими и древне-русскими общинами.

Изъ всего сказаннаго авторъ выводитъ, относительно устройства послѣднихъ, такія заключенія:

При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились древнія русскія

общины (при избыткѣ земли, однообразіи почвы, маломъ объемѣ деревень), не было поводовъ ограничивать отдѣльныя лица въ интересѣ всѣхъ, а потому не могло развиться поземельной общины въ строгомъ смыслѣ слова и обязательной для всѣхъ системы веденія хозяйства. Каждый общинникъ имѣлъ одинаковый интересъ удерживать въ своемъ постоянномъ пользованіи ближайшую къ его двору землю, и этому не противорѣчилъ равносильный интересъ другихъ членовъ общины. Удобство мѣстоположенія могло, въ большинствѣ случаевъ, имѣть въ глазахъ крестьянъ преимущество даже передъ бо́льшимъ плодородіемъ участка, находившагося въ далекомъ разстояніи. При такихъ условіяхъ, вообще говоря, рѣдко могла представляться необходимость періодически возобновлять между членами общинами обмѣнъ обработываемой земли; при господствовавшемъ въ Россіи до конца XV вѣка залежневомъ хозяйствѣ, съ расчисткою лѣсовъ и кустарника, замѣнялась только обработываемая крестьянами пашня другою. Кейслеръ думаетъ, что такое экстенсивное хозяйство, предполагающее обширныя пространства земель, послужило существеннымъ основаніемъ для поселенія малыми деревнями и отдѣльными дворами. Желаніе имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше земли и какъ можно ближе къ жилью, взяло верхъ надъ стремленіемъ жить тѣснѣе вмѣстѣ, которое обыкновенно такъ сильно чувствуется при низкой степени культуры, при недостаткѣ юридическихъ обезпеченій и т. п. Такимъ образомъ, владѣльцы отдѣльныхъ дворовъ пользовались окружающею землею вѣроятно по собственному усмотрѣнію, безъ вмѣшательства общинъ. Если деревня состояла изъ нѣсколькихъ дворовъ, расположенныхъ близко одинъ отъ другого, то сосѣди необходимо должны были войти между собою въ соглашенія. И въ этихъ случаяхъ, вся поземельная община, село, другія деревни и отдѣльные дворы,— обыкновенно не имѣли повода дѣятельно вмѣшиваться въ такія сосѣдскія отношенія, такъ какъ другія поселенія были отдѣлены и сами имѣли около себя достаточно земли. Разстояніемъ деревень между собою и отъ главнаго села опредѣлялась бо́льшая или меньшая надобность въ дѣятельномъ вліяніи общины,— прежде всего для опредѣленія границъ, до какихъ мѣстъ отдѣльный дворъ, дворы цѣлой деревни или села могли дѣлать расчистки лѣсовъ и т. п. Вѣроятно, что общины ограничивали расчистки также и для огражденія поселеній отъ пожаровъ и т. п. Но чѣмъ населеніе было гуще, чѣмъ больше число дворовъ въ селѣ, тѣмъ необходимѣе становилось вмѣшательство общины для огражденія владѣльцевъ дворовъ однихъ отъ другихъ, тѣмъ настоятельнѣе

становилась потребность точнаго распредѣленія земли; а когда обработываемая земля становилась менѣе плодородной, или новь поднималась деревнею сообща, то приходилось производить новую разверстку. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что при очень частомъ передвиженіи въ древней Россіи сельскаго населенія съ мѣста на мѣсто, при частой передачѣ выморочныхъ, оставленныхъ владѣльцами и запустѣлыхъ дворовъ новымъ владѣльцамъ и при отводахъ земель для основанія новыхъ дворовъ и расширенія существующихъ, могло живо сохраниться въ народномъ сознаніи представленіе объ общинной собственности на землю и о правѣ общины распоряжаться общинною землею, несмотря на почти неограниченныя права отдѣльныхъ хозяевъ на свои участки.

Съ конца XV вѣка залежневое хозяйство стало переходить въ трехпольное. На эту перемѣну имѣли, повидимому, большое вліяніе усилившіяся съ того времени ограниченія вольныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто. Существенное ограниченіе состояло въ томъ, что крестьянинъ не могъ покинуть своей общины, пока его не принимала къ себѣ другая община или землевладѣлецъ. Это ограниченіе становилось болѣе и болѣе чувствительнымъ по мѣрѣ того, какъ населеніе увеличивалось, а количество еще не занятой, способной къ обработкѣ земли уменьшалось. Важное значеніе имѣло, также въ этомъ отношеніи, различеніе крестьянъ тягловыхъ отъ затяглыхъ; первые владѣли и пользовались общинной землей, вторые—нѣтъ, и потому не имѣли никакихъ обязательствъ относительно общины. Тягловымъ крестьянамъ выходъ былъ запрещенъ, по фискальнымъ соображеніямъ, а именно: тягловые были записаны въ окладныя книги и государство требовало, до новаго оклада, податей со всѣхъ, записанныхъ въ окладъ. Такъ какъ община отвѣчала круговой порукой за уплату податей, то въ огражденіе ея было необходимо ограничить выходъ такихъ крестьянъ изъ общины. Община имѣла право отпустить крестьянина, но въ такомъ случаѣ должна была сама нести лежащую на немъ долю податей. Точно также и крестьянинъ могъ покинуть общину, если представлялъ другого на свое мѣсто, или другимъ образомъ обезпечивалъ общинѣ исправный взносъ лежавшей на немъ подати. Эти и другія ограниченія свободнаго перехода, дѣйствовавшія уже задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (въ концѣ XVI вѣка), сдѣлали сельское населеніе осѣдлымъ и со временемъ повели къ преобразованію всего полевого хозяйства. Съ увеличеніемъ населенія и все бо́льшимъ истощеніемъ почвы залежневое хозяйство не могло уже удовлетворять

потребностямъ жителей въ хлѣбѣ, и крестьянинъ вынужденъ былъ перейти къ болѣе тщательной обработкѣ земли.

Эти новыя условія повліяли со временемъ на общинное владѣніе, которое должно было получить болѣе строгую и для отдѣльнаго лица болѣе стѣснительную форму. Болѣе тѣсное сожительство и основаніе новыхъ дворовъ увеличивали надобность въ землѣ. Прежде, когда ея было много, крестьянинъ могъ расширить свое полевое хозяйство сколько хотѣлъ, не вредя другимъ членамъ общины; для послѣдней это даже было полезно, потому что крестьянинъ, увеличившій свое поле, участвовалъ въ платимыхъ общиной податяхъ; теперь, напротивъ, сосѣди противились такому распространенію хозяйства и общинѣ приходилось рѣшать, опредѣлять и ограничивать права владѣнія отдѣльныхъ хозяевъ. Переходъ къ трехпольной системѣ и вообще болѣе тщательная обработка земли еще болѣе расширили власть общинъ. Естественное плодородіе участковъ получаетъ теперь бо́льшее значеніе; выгодность мѣстоположенія (разстояніе отъ двора) участковъ цѣнится тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще крестьянину приходится бывать на своей пашнѣ. Каждый желаетъ получить самыя плодородныя и ближайшія земли; спорящія стороны обращаются къ общинѣ, и ея приговоръ ограждаетъ интересы однихъ противъ интересовъ другихъ. Такимъ образомъ густота населенія, способъ сожительства и пространство общинныхъ земель имѣли рѣшительное вліяніе на форму общиннаго владѣнія, на способъ и мѣру ограниченія члена общины въ интересахъ всѣхъ. Чѣмъ больше число дворовъ въ деревнѣ, тѣмъ бо́льшее значеніе получаетъ разверстка земли. Она, смотря по плодородію, дѣлится на клины, а клины, въ свою очередь, на узкія полосы, по числу имѣющихъ право на надѣлъ, чтобъ каждый получилъ поровну близкой и дальней, хорошей и дурной земли.

Въ подтвержденіе правильности такого взгляда на прежнее наше общинное владѣніе и его постепенное преобразованіе въ теперешнее, авторъ ссылается на нынѣшніе порядки владѣнія землею въ тѣхъ частяхъ имперіи, гдѣ до сихъ поръ удержались условія, одинаковыя съ тѣми, какія существовали въ древней Россіи до XVI вѣка. Въ этой части его труда (стр. 72 — 82) сгруппированы характерныя черты хозяйственнаго быта въ губерніяхъ архангельской, олонецкой, вологодской, вятской, пермской, у государственныхъ крестьянъ воронежской, екатеринославской и въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губерніи, въ области донскихъ казаковъ и въ западной Сибири. Картина эта очень интересна, показывая, какъ, при одинаковыхъ условіяхъ, могъ

удержаться, почти до нашего времени, быть, давно исчезнувшій въ остальной Россіи и для полнаго возстановленія котораго источники не представляютъ достаточно данныхъ.

Чѣмъ же отличается древне-русское общинное владѣніе отъ теперешняго? Вопросъ этотъ, до котораго не касались наши изслѣдователи, авторъ рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ:

Большая власть поземельной общины, большее вмѣшательство совокупности ея членовъ въ сельско-хозяйственныя распоряженія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности могли и должны были развиться только съ того времени, когда сельское населеніе скучилось въ большія деревни и распространилось трехпольное хозяйство. Съ этихъ поръ стали необходимы строгое подчиненіе каждаго хозяина извѣстной системѣ полеводства и передѣлы пашни. Итакъ, преобразованіе сожительства и введеніе трехпольнаго хозяйства, съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ населенія, постепенно придали общинному владѣнію новый характеръ.

Другая, важнѣйшая отличительная черта теперешняго общиннаго владѣнія отъ древне-русскаго заключается въ прирожденномъ каждому члену общины правѣ получить равную съ другими членами часть въ общинной землѣ, съ обязательствомъ нести падающую на нее часть податей и повинностей. Это право считается въ существующемъ общинномъ владѣніи основнымъ. Община, представляя совокупность всѣхъ, пользующихся общинной землей, обязана надѣлить каждаго изъ своихъ членовъ равнымъ земельнымъ участкомъ, хотя бы для этого пришлось уменьшить доли, которыми уже пользуются прочіе члены, когда, напримѣръ, запасной земли болѣе нѣтъ, или число имѣющихъ право на надѣлъ не уменьшилось вслѣдствіе смерти или выхода изъ общины. Это начало придало теперешнему общинному владѣнію своеобразный характеръ. За удержаніе и сохраненіе этого начала ратуютъ поборники общиннаго владѣнія, опираясь на національно-историческія и соціально-экономическія соображенія. Г. Кейсслеръ доказываетъ, что въ древней Россіи это начало не было извѣстно и въ подтвержденіе ссылается на слѣдующее:

При усиленіи въ XVI вѣкѣ тяжести податей, общины могли въ извѣстныхъ случаяхъ находить для себя выгоднымъ давать землю новымъ пришельцамъ или подросткамъ, даже когда вся земля, годная для воздѣлыванія, была уже занята и приходилось отбирать часть земли у тѣхъ, которые ею пользовались. Еслибъ въ источникахъ и были указанія на такіе случаи, то ими одними никакъ нельзя было бы доказать, что каждому члену общины принадлежало право на равную съ другими часть въ общинной

землѣ. Скорѣе изъ этого можно было бы заключить, что члены общины нашли болѣе выгоднымъ уменьшить размѣръ податей, падающихъ на каждаго изъ нихъ, чѣмъ оставлять за собою свои поземельные участки въ прежнемъ размѣрѣ, и потому добровольно согласились на уступку части своихъ земельныхъ надѣловъ. Пока мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ или ясныхъ указаній, что уменьшеніе надѣловъ производилось общиною вопреки волѣ и согласію владѣльцевъ, до тѣхъ поръ нельзя говорить о правѣ каждаго на равный поземельный надѣлъ въ древнихъ русскихъ общинахъ. Но, кромѣ того, существованію подобнаго права противорѣчитъ все, что мы знаемъ о древне-русскомъ общинномъ землевладѣніи. Крестьяне имѣли право распоряжаться отведенными имъ участками совершенно свободно и самостоятельно, пока платили падающія на тѣ участки подати, могли даже отдавать ихъ въ наемъ. Въ XVI вѣкѣ община, по признанію самого проф. Бѣляева, не имѣла права, вопреки порядной или нарядной записи (договоръ крестьянина съ общиной объ отводѣ земли), набавлять крестьянину земли, или отнимать у него часть отведенной, пока онъ исправно платилъ подати. Тотъ же изслѣдователь говоритъ, что по занятіи всей способной къ обработкѣ земли въ общинѣ крестьянинъ, неуспѣвшій ее получить, могъ найти болѣе для себя выгоднымъ поселиться на землѣ частнаго владѣльца, съ платою за пользованіе, чѣмъ брать у общины плохую землю. Все это рѣшительно говоритъ противъ прирожденнаго права каждаго члена общины на равный съ прочими надѣлъ землею. Противъ такого права говоритъ и то, что земля, принадлежащая къ крестьянскому двору, составляла въ древней Россіи, какъ показано выше, опредѣленную величину, которой не измѣнили и послѣдовавшіе передѣлы. Противъ такого права говоритъ, повидимому, и способъ введенія крѣпостного права. Изъ относящихся сюда постановленій, изданныхъ до половины XVII вѣка, видно, что не все свободное сельское населеніе было прикрѣплено къ землѣ, а только та часть крестьянъ, которые несли тягло, владѣли крестьянскимъ дворомъ или брали за себя такой дворъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне получили право на находившуюся въ ихъ владѣніи крестьянскую землю. Размѣръ крестьянскаго двора былъ даже, повидимому, опредѣленъ закономъ. Все остальное сельское населеніе сохранило право свободнаго перехода. Опредѣленный закономъ размѣръ двора, по всему вѣроятію, говоритъ противъ права каждаго изъ подростковъ на участокъ земли. Точно также трудно согласить право свободнаго перехода нетяглыхъ крестьянъ съ обязанностью общинъ дать

поземельный надѣлъ каждому члену общины, родившемуся въ ней. Итакъ, пока не будетъ положительно доказано, что по древнему праву каждый, рожденный въ общинѣ, имѣлъ право на равный съ другими участокъ земли, мы имѣемъ полное основаніе заключать, что его не существовало и что оно установилось лишь въ новѣйшее время. Наконецъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія и на то обстоятельство, что во время отмѣны крѣпостного права, крестьянское общинное землевладѣніе было распространено гораздо болѣе, чѣмъ въ древней Россіи. Выше было замѣчено, что въ личномъ владѣніи крестьянъ находилась земля, которую они нанимали у вотчинниковъ и помѣщиковъ, въ имѣніяхъ князей, церквей и монастырей. Но во времени упраздненія крѣпостного права общинное владѣніе существовало повсемѣстно во всей Великороссіи, во всѣхъ господскихъ и удѣльныхъ имѣніяхъ и у крестьянъ государственныхъ имуществъ, значительную часть которыхъ составляютъ имѣнія церквей и монастырей, отобранныя у нихъ въ XVIII вѣкѣ. Изъ этого видно, что общинное землевладѣніе съ теченіемъ времени появилось и тамъ, гдѣ его прежде не существовало.

Многіе думаютъ, что наше общинное землевладѣніе—явленіе исключительно славянское, и сближаютъ его съ общиннымъ владѣніемъ у другихъ славянскихъ племенъ, преимущественно южныхъ. Г. Кейсслеръ подробно изслѣдуетъ этотъ вопросъ и приходитъ къ заключенію, что совокупное управленіе имуществомъ, нераздѣльно принадлежащимъ семейству, не составляетъ особенности славянскаго племени; что такое же совокупное управленіе существовало вездѣ и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ, пока народъ находился на извѣстной ступени развитія, и что, наконецъ, теперешнее наше общинное землевладѣніе развилось не изъ семейныхъ союзовъ. У южныхъ славянъ дѣйствительно существовала крѣпкая связь семей (даже послѣ смерти отца); въ нашемъ же сельскомъ населеніи, напротивъ того, издавна замѣтна ихъ сильная раздробленность. На памяти исторіи взрослые сыновья очень рано, еще при жизни отца, отдѣлялись отъ семьи, вели особое хозяйство, ставили новый дворъ. Этимъ и объясняется малолюдность дворовъ въ древней Россіи. Только младшій сынъ оставался при отцѣ, на корню, и наслѣдовалъ отцовскій дворъ. Такому раннему выселенію много способствовало, между прочимъ, большое обиліе земли; а раннее отдѣленіе отъ семьи, въ свою очередь, чрезвычайно облегчило заселеніе обширной русской территоріи. Ошибочное представленіе объ исконной крѣпкой семейной связи въ древней Россіи образовалось у насъ вслѣдствіе того, что пе-

редъ отмѣною крѣпостного права сельское населеніе жило большими семьями. Это показалось намъ особенностью славянъ, слѣдствіемъ древне-славянскаго семейнаго права; между тѣмъ такое явленіе было новымъ въ Россіи и до того слабо вкоренилось въ народномъ сознаніи, что прошло какихъ-нибудь десять лѣтъ со времени освобожденія, и весь складъ крестьянской жизни въ этомъ отношеніи совершенно измѣнился. Съ отмѣною крѣпостного права, съ дарованіемъ самостоятельности общинамъ, съ утвержденіемъ за ними права свободно распоряжаться общинною землею и своими внутренними дѣлами—вездѣ начались раздѣлы семей. Это доказываетъ, что не глубокое сознаніе семейнаго единства, а внѣшнія обстоятельства поддерживали въ нашемъ сельскомъ населеніи жизнь большими семьями. Владѣльцы и правительство изъ своихъ выгодъ и для пользы самихъ крестьянъ мѣшали слишкомъ большому раздробленію крестьянскихъ хозяйствъ. Но какъ только внѣшнія препятствія прекратились, большія семьи распались. Есть, конечно, и теперь въ Россіи общины, ведущія хозяйство болѣе или менѣе сообща; но основаніемъ къ тому служитъ не живое сознаніе семейнаго единства, а совсѣмъ другіе мотивы,—или религіозно-экономическіе, какъ, напримѣръ, у раскольниковъ, или чисто-экономическіе, какъ, напримѣръ, при уборкѣ сообща луговъ, съ раздѣленіемъ накошеннаго сѣна и т. д. Въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ совокупное выполненіе сельско-хозяйственныхъ работъ зависитъ не отъ семейныхъ связей, а вытекаетъ изъ свободнаго соединенія въ артели. Такія артели очень распространены и развиты въ сѣверной Россіи, и не ограничиваются одними торговыми и промышленными предпріятіями, а обнимаютъ и сельско-хозяйственныя работы. Такими же артелями были первоначально казацкія товарищества на Дону.

Прикрѣпленіе къ землѣ и введеніе подушной подати придали древне-русскому общинному владѣнію его теперешній видъ, и имѣли послѣдствіемъ введеніе общиннаго владѣнія въ тѣхъ даже общинахъ, гдѣ прежде земля находилась въ личномъ владѣніи и пользованіи крестьянъ. Какъ произошла эта перемѣна, имѣвшая такое важное вліяніе на права крестьянскаго землевладѣнія, какъ и при какихъ условіяхъ скучилось въ большихъ селеніяхъ крестьянство, жившее до тѣхъ поръ малыми деревнями и отдѣльными дворами,—эти вопросы у насъ еще не изслѣдованы; но по самому свойству дѣла нельзя не предположить, что такая перемѣна произошла очень различно въ различныхъ мѣстностяхъ. Упомянутыя выше общія государственныя мѣры ускоряли или замедляли процессъ, смотря по тому, мало или много земли на-

ходилось въ распоряженіи сельскаго населенія, быстро или медленно оно умножалось чрезъ нарожденіе и призывъ землевладѣльцами новыхъ поселянъ,—или, наоборотъ, вслѣдствіе выселенія туземныхъ крестьянъ на другія земли; выработывались ли побочные промыслы въ общинахъ и, наконецъ, примѣнялась ли усиливавшаяся власть землевладѣльцевъ. При достаточномъ запасѣ земли и тяжкихъ податяхъ, общины могли вообще охотно надѣлять участками подростковъ изъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, по мѣрѣ требованія. Но какъ только вся способная къ обработкѣ земля была занята, общинамъ надо было рѣшить: слѣдуетъ ли, для облегченія податной тягости, дать возможность заводить новые дворы съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ надѣла у всѣхъ крестьянъ. Сначала общины могли поступать такъ: отбирать у крестьянъ, владѣвшихъ бо́льшимъ количествомъ земли, чѣмъ другіе, излишній противъ нихъ надѣлъ, или же не давать земли желающимъ увеличить свои дворы. Такимъ путемъ могло снова выработаться равенство поземельныхъ участковъ, какое было сначала, при заселеніи страны. Но такое равенство основывалось не на равенствѣ потребностей и возможности обработывать, а произошло вслѣдствіе недостатка въ землѣ. Болѣе трудолюбивый и болѣе зажиточный не могъ расширить своего хозяйства. Кажется однако, что въ XVII вѣкѣ вообще еще не чувствовалось недостатка въ землѣ и до равнаго ея раздѣла между всѣми еще не доходило. Очень часто упоминаются еще бобыли въ отличіе отъ полныхъ крестьянъ. Правда, встрѣчаются и такія указанія, что крестьяне переселялись въ другія деревни, такъ какъ въ ихъ прежнемъ мѣстѣ жительства не было достаточно земли.

Существенное вліяніе оказала въ этомъ отношеніи замѣна древней поземельной подати подушною. Введеніе послѣдней преобразовало древне-русское общинное устройство. Такъ какъ каждый, принадлежащій къ общинѣ, долженъ былъ платить подушную подать, то онъ тѣмъ самымъ дѣлался полноправнымъ членомъ общины, тогда какъ прежде такими были только владѣющіе дворами. Изъ поземельной общины образовалась, съ теченіемъ времени, личная, которая, впрочемъ, тѣмъ существенно отличалась отъ подобныхъ общинъ въ Россіи (наприм., городскихъ) и въ остальной Европѣ, что каждый изъ ея сочленовъ имѣлъ право на равную съ другими часть общественной земли, составляющей основаніе такой личной общины. Подать возложена на все прикрѣпленное къ землѣ мужское населеніе, принадлежавшее къ общинѣ; изъ этого естественно вытекало, что каждому взрослому мужчинѣ отводилась земля, чтобъ дать ему возможность платить подать; а

такъ какъ послѣдняя была для всѣхъ одинакова, то отсюда и развилось равенство поземельныхъ участковъ. Съ умноженіемъ народонаселенія и при невозможности выхода, неизбѣжно должно было произойти неравенство земляныхъ надѣловъ, и для возстановленія нормальнаго отношенія, оказались необходимыми періодическіе надѣлы, по мѣрѣ увеличенія населенія и перемѣнъ въ личномъ составѣ семействъ. Чрезъ это сложилось въ юридическомъ сознаніи народа убѣжденіе, что каждый членъ общины имѣетъ право на равный со всѣми прочими участокъ земли. Развитію такого взгляда содѣйствовала, съ одной стороны, малая стоимость земли, которая обыкновенно цѣнилась едва ли больше труда на ея обработку, а съ другой,—тó обстоятельство, что крестьяне частію не имѣли правъ собственности на землю, частью утратили это право.

Наконецъ, введенію общиннаго владѣнія на земляхъ, искони принадлежавшихъ владѣльцамъ на правахъ собственности, могло способствовать также и то обстоятельство, что они предоставили общинѣ самой распоряжаться землею, находившейся въ пользованіи ея членовъ (замѣщать пустые дворы и т. п.), чтобъ не имѣть дѣла особо съ каждымъ крестьяниномъ. Установленіе подушной подати должно было усилить власть господъ, такъ какъ они (инструкція 5-го февраля 1722 года) отвѣчали за своевременное ея поступленіе, какъ съ крестьянъ, такъ и съ дворовыхъ людей. Такъ какъ подобная отвѣтственность давала владѣльцамъ новый поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла общины, то обложеніе дворовыхъ людей подушною податью могло вынудить бѣдныхъ владѣльцевъ уменьшить ихъ число и не находившихъ себѣ другой работы посадить на пашню, т.-е. приписать къ общинѣ, которая должна была надѣлить ихъ землей.

Изъ права каждаго члена общины на равный съ прочими участокъ земли возникъ, съ умноженіемъ населенія, цѣлый рядъ новыхъ отношеній, имѣвшихъ огромное значеніе для всего соціальнаго и экономическаго строя народной жизни. Общинное владѣніе не даетъ возможности поддерживать желанное соотвѣтствіе между землею и народонаселеніемъ. Пространство, предоставленное въ пользованіе общины, опредѣлено и бóльшею частью неизмѣнно, вслѣдствіе чего, съ умноженіемъ населенія, и при удержаніи стараго экстенсивнаго хозяйства, должна была появиться несоразмѣрность между количествомъ земли и населеніемъ, которое съ нея кормилось. Недостаткомъ земли, мало приносившей при трехпольномъ хозяйствѣ, и слабомъ удобреніи авторъ объясняетъ большое развитіе огородничества, во многихъ

частяхъ имперіи, при первобытныхъ вообще способахъ земледѣлія; благодаря огородничеству, добывается на маломъ пространствѣ больше средствъ для прокормленія, чѣмъ при полевомъ хозяйствѣ. Государство и большіе владѣльцы были въ состояніи помочь недостатку земли нарѣзкою новой или выселеніемъ части крестьянъ на другія земли; но гдѣ этого не дѣлалось, тамъ оказывался избытокъ мѣстнаго населенія: общинная земля не могла прокормить людей, наличныхъ рабочихъ силъ было для нея слишкомъ много, а вообще въ Россіи населеніе было рѣдкое, всюду чувствовался недостатокъ въ рукахъ по всѣмъ отраслямъ промышленной жизни; и вотъ, избытокъ сельскаго населенія шелъ въ работу. Такимъ образомъ произошло широко-распространенное у насъ движеніе сельскаго населенія съ мѣста на мѣсто, придающее всей соціальной и экономической жизни Россіи замѣчательную своеобразность. Если сельскій домашній промыселъ не доставлялъ крестьянину довольно занятій, если у него не было работы на общинной землѣ или по господскому хозяйству, то онъ, чтобы прокормиться, уходилъ на короткое время или надолго въ города, рабочимъ на фабрику, занимался ремесломъ или торгомъ и т. п., или шелъ въ работники въ мало-населенные края, южныя и юго-восточныя плодородныя губерніи, гдѣ для обработки земли недоставало рукъ. Нѣтъ въ цѣлой Европѣ страны, гдѣ бы была видна такая подвижность сельскаго населенія, притомъ осѣдлаго, имѣющаго дворъ и жилье. Этимъ Россія существенно отличается отъ остальной Европы. Явленіе это имѣетъ рѣшительное значеніе не только для сельскаго хозяйства, но и для всѣхъ вопросовъ промышленности и торговли; оно должно отзываться въ управленіи и законодательствѣ, и не можетъ не имѣть вліянія на весь строй народнаго хозяйства и самаго государства. Необходимость идти въ работу преобразовала общинную и семейную жизнь. Въ древней Россіи сельское населеніе жило малыми семьями, крестьянскій дворъ представлялъ обыкновенно только одну полную рабочую силу. Такой крестьянинъ не могъ на долгое время оставить своего двора, не допуская до совершеннаго упадка всего своего хозяйства. Когда же, съ увеличеніемъ населенія, отношеніе его къ общинной землѣ стало неблагопріятнымъ, и число рабочихъ рукъ безпрестанно увеличивалось, оказалось необходимымъ жить вмѣстѣ большими семьями. Только при болѣе значительной хозяйственной единицѣ, заключающей въ себѣ нѣсколько рабочихъ силъ, можно было обойтись безъ одной изъ нихъ. Стало-быть, и съ этой стороны интересъ землевладѣльцевъ заставлялъ ихъ ограничивать семейные крестьянскіе раздѣлы.

Итакъ, съ увеличеніемъ населенія и съ надѣленіемъ каждаго члена общины землею стало необходимо ограничить каждаго изъ нихъ. Права общины значительно расширились, а передѣлы получили существенно другое и гораздо бо́льшее значеніе; мало того: измѣнившійся характеръ сожительства произвелъ и бо́льшую сомкнутость общины. Изъ малыхъ деревень и отдѣльныхъ дворовъ крестьянство насильственно скучено въ большія селенія. Малыя деревни удержались только въ сѣверныхъ губерніяхъ — архангельской, олонецкой, вятской, вологодской, пермской, въ ярославской и частью въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Ка́къ совершилась такая перемѣна и при какихъ условіяхъ, — объ этомъ можно пока только догадываться по нѣкоторымъ указаніямъ. Скученіе крестьянъ было въ интересахъ землевладѣльцевъ. При болѣе тѣсномъ сожительствѣ крестьянъ, легче было имѣть надъ ними надзоръ и держать ихъ въ порядкѣ. При малоцѣнности первобытныхъ хижинъ выселеніе крестьянъ изъ отдѣльныхъ дворовъ и деревень въ главное село могло совершиться безъ большихъ затрудненій. Многія деревни могли достигнуть теперешнихъ своихъ размѣровъ и безъ помощи переселенія однимъ естественнымъ приращеніемъ жителей, и такимъ способомъ обратиться въ особыя поземельныя общины.

Что касается городовъ, то они въ древней Россіи возникли вслѣдствіе расширенія сельскихъ поселковъ. Большая часть древнихъ городовъ были, повидимому, первые поселки, откуда какъ изъ центра вышли новыя колоніи въ обширной странѣ. Послѣднія оставались въ союзѣ съ первыми, какъ было и въ Германіи. Такіе союзы послужили основаніемъ древнему дѣленію Россіи на области. За немногими исключеніями (Новгорода, Пскова и др.), городская жизнь была мало развита. До XVI вѣка, города и сельскія общины подлежали одинаковымъ административнымъ условіямъ, и лишь въ судебникахъ положено начало отдѣленію города отъ села. Отдѣленіе это совершается въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича (1648 г.); сельскія общины обращаются въ собственность землевладѣльцевъ—государства, церкви или дворянства, тогда какъ въ городахъ сохраняется или дается вновь извѣстная свобода съ самоуправленіемъ. Полное развитіе этого начала заканчивается при Петрѣ-Великомъ. По отношенію къ землѣ, древне-русскіе города тоже составляли поземельныя общины. Торговлею и промышленностью занимались не всѣ и не исключительно одни городскіе жители. «Посадскіе люди» занимались и земледѣліемъ, подобно крестьянамъ въ сельскихъ общинахъ. Мы видѣли, что чѣмъ населеніе становилось гуще, тѣмъ бо́льшее

значеніе получали передѣлы, и выработывались болѣе строгія правила пользованія; въ городахъ все это должно было имѣть еще бо́льшее значеніе, чѣмъ въ сельскихъ общинахъ. Съ умноженіемъ населенія, съ развитіемъ городскихъ промысловъ и т. ц. болѣе и болѣе падало значеніе общинной земли, которою жители пользовались для сельско-хозяйственныхъ цѣлей и число занимающихся земледѣліемъ должно было уменьшаться сравнительно съ собственно городскимъ населеніемъ. Существуетъ ли и теперь общинное владѣніе въ городахъ; если оно исчезло, то какъ и при какихъ условіяхъ? Перешли ли съ теченіемъ времени земельные надѣлы въ личную собственность, или общинная земля обратилась въ имущество городской корпораціи въ римскомъ смыслѣ и служитъ для пользы городской казны?—всѣ эти вопросы остаются у насъ до сихъ поръ неразработанными.

Таковы выводы автора. Мы старались передать какъ можно ближе, почти въ буквальномъ переводѣ, главные результаты его изслѣдованій, но далеко не исчерпали всего ихъ содержанія. Особенная важность и значеніе ученаго труда г. Кейсслера заключаются, какъ мы думаемъ, въ томъ, что онъ первый представилъ связную, отъ начала до конца продуманную исторію русскихъ общинъ и общиннаго землевладѣнія, въ связи съ общими экономическими условіями и историческими обстоятельствами, опредѣлившими ходъ развитія и нашихъ общинъ, и нашего общиннаго владѣнія. Читатель, сколько-нибудь знакомый съ предметомъ и его трудностями, оцѣнитъ заслугу автора, и найдетъ въ его книгѣ много новаго. Такъ, сколько мы знаемъ, нигдѣ еще не было разъяснено различіе между нашимъ стариннымъ и новѣйшимъ общиннымъ землевладѣніемъ, нигдѣ не было изслѣдовано такъ обстоятельно сравнительно недавнее происхожденіе права каждаго члена общины на равный съ прочими надѣлъ землею,—права, неимѣющаго ничего общаго ни съ предполагаемымъ древнѣйшимъ патріархальнымъ бытомъ, ни съ особенностями славянскаго и русскаго племени, ни съ философскими и соціальными взглядами новѣйшей эпохи. Живой потребности нашего времени,—разсѣять мистическій туманъ, которымъ до сихъ поръ подернуто наше общинное землевладѣніе, въ существенному вреду дѣла, поставить вопросъ на историческую и практическую почву и тѣмъ положить конецъ нескончаемымъ недоразумѣніямъ и пустымъ спорамъ,—трудъ г. Кейсслера удовлетворяетъ въ значительной степени, несмотря на то, что, къ стыду нашему, матеріалы

по общинному землевладѣнію не только не разработаны, какъ слѣдуетъ, но большею частью еще не собраны, и относящіеся къ нему историческіе документы бо́льшею частью лежатъ еще неизданными въ архивахъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ работы, автору часто приходилось по необходимости прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ и ими наполнять пробѣлы въ своихъ изслѣдованіяхъ. Къ чести его надо сказать, что, зная очень основательно предметъ и глубоко изучивъ источники, онъ пополняетъ такіе пробѣлы почти всегда весьма удачно, предположенія его бо́льшею частью очень правдоподобны, хотя иногда онъ, можетъ быть, ошибается. Такъ, напримѣръ, различая, весьма справедливо, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ отъ введенія крѣпостного права, г. Кейсслеръ на стр. 38 говоритъ, что въ нашемъ законодательствѣ XVII вѣка крестьянамъ было предоставлено, въ вознагражденіе за потерю личной свободы, *право на обработываемую ими землю*. Изъ какихъ именно источниковъ почерпнуто это извѣстіе, авторъ не указываетъ. Сколько намъ извѣстно, такого права не было предоставляемо у насъ крѣпостнымъ крестьянамъ ни въ XVII-мъ вѣкѣ, ни послѣ, вплоть до 1861 года. Государство, правда, заботилось о томъ, чтобъ не было крестьянъ безъ прочнаго водворенія и осѣдлости, и съ этою цѣлью обязывало помѣщиковъ давать крестьянамъ землю, въ извѣстномъ количествѣ. Подобныя стремленія были, и ихъ легко прослѣдить чрезъ все время, пока существовало крѣпостное право. Но между обязанностью помѣщиковъ надѣлять крестьянъ землей и правомъ послѣднихъ на такой надѣлъ—большая, существенная разница. На такое право крѣпостныхъ крестьянъ какъ будто указываетъ убѣжденіе, бывшее между ними въ большомъ ходу до 1861 года, будто отведенная имъ земля принадлежитъ имъ, а сами они—владѣльцамъ. Но такой взглядъ, точно также какъ и ожиданіе, что при освобожденіи вся господская земля отойдетъ къ нимъ, не были отголоскомъ изданныхъ въ XVII вѣкѣ законовъ, а смутными воспоминаніями отдаленной старины, задолго предшествовавшей XVII вѣку, когда всѣ общины были свободны и большая ихъ часть сидѣли на своей землѣ. Утвержденіе за крѣпостными крестьянами правъ на обработываемую ими землю въ XVII вѣкѣ вообще очень неправдоподобно, такъ какъ оно противорѣчило бы цѣлому ходу нашего историческаго развитія. Періодъ русской исторіи, начавшійся съ Ивана III и законченный Петромъ Великимъ, былъ эпохой постепеннаго закрѣпощенія, какъ послѣдующее время, начиная съ Петра до нашихъ дней, представляетъ

эпоху такого же постепеннаго раскрѣпощенія. Значеніе этихъ двухъ направленій нашего внутренняго развитія, наложившихъ свою печать на всѣ явленія русской жизни въ продолженіи столѣтій, совсѣмъ не изслѣдовано и даже не оцѣнено во всей полнотѣ. Насколько въ выработкѣ и установленіи крѣпостного начала участвовала естественная неумѣлость полудикаго народа создать государственный и общественный быть иначе какъ въ формахъ частной, полусемейной, полурабской зависимости, насколько татарское владычество, наплывъ и вліяніе литовско-польскаго вельможества, может быть даже формы власти и подчиненности въ церковной іерархіи, перенесенной къ намъ изъ Византіи,—объ этомъ нельзя пока сказать ничего основательнаго, по неразработанности предмета; но не подлежитъ сомнѣнію, что крѣпостное начало, окончательно и вполнѣ развившееся у насъ въ XVII вѣкѣ, обнимало и опредѣляло не одни отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, но всю тогдашнюю государственную, общественную и частную жизнь, со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ ихъ малѣйшихъ проявленіяхъ. Какимъ же образомъ могло, при такомъ направленіи и складѣ всей русской жизни въ то время, появиться право крѣпостныхъ на землю, которая имъ не принадлежала въ собственность? Такое явленіе было бы, въ XVII вѣкѣ, вопіющей аномаліей и противорѣчіемъ всему, что̀ тогда дѣлалось.

Укажемъ также на одно соображеніе, къ которому авторъ часто возвращается въ продолженіи своихъ историческихъ изслѣдованій и которое возбуждаетъ въ насъ недоумѣніе. Почти каждый разъ, когда рѣчь идетъ о раздробленіи подворныхъ надѣловъ между нѣсколькими хозяевами или о призывѣ поселенцевъ со стороны на земли, остававшіяся пустыми, г. Кейсслеръ объясняетъ такіе факты стараніемъ общинъ облегчить усиливавшееся бремя податей и повинностей разложеніемъ его на большее число лицъ. Но вѣдь подати и повинности взимались въ древней Россіи, до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, съ заселенныхъ, а не съ пустыхъ земель. Какимъ же образомъ призывъ поселенцевъ и раздробленіе дворовъ могли облегчить отбываніе податей и повинностей? Относительно дворовъ, которые ставились на пустой землѣ, облегченія, очевидно, не могло быть никакого, но его не могло быть и при раздробленіи двора, потому что, платя вдвое, втрое, вчетверо и т. д. менѣе, хозяинъ за то и владѣлъ пространствомъ земли вдвое, втрое, вчетверо и т. д. меньшимъ. Отсюда мы заключаемъ, что тяжесть податей могла вліять неблагопріятно на осѣдлость крестьянъ, пріучать ихъ къ бродячей

жизни; но едва-ли ей можно приписывать призывъ общиною новыхъ поселенцевъ и раздробленіе подворныхъ участковъ.

Не будемъ останавливаться на ошибкахъ, напримѣръ, на объясненіи названія «изорникъ» отъ зерна, слова «кочетникъ» отъ «чети» (стр. 24), когда, очевидно, первое происходитъ отъ слова «орать» (пахать), второе отъ слова «кочетъ» (пѣтухъ). Все это мелочи, исчезающія передъ существенными, несомнѣнными достоинствами труда г. Кейсслера. Но мы позволимъ себѣ, въ заключеніе, коснуться личнаго вопроса. Въ тщательномъ, мастерски составленномъ обзорѣ различныхъ взглядовъ на крестьянское общинное владѣніе, высказанныхъ въ нашей литературѣ, авторъ между прочимъ излагаетъ и наши мнѣнія, выраженныя печатно въ 1859 г. въ «Атенеѣ» и въ 1876 г. въ «Недѣлѣ». Сравнивая между собою тѣ и другія, онъ находитъ между ними противорѣчіе по вопросу объ установленіи подворныхъ участковъ опредѣленной величины, съ сохраненіемъ извѣстныхъ правъ общины на общинную землю. Г. Кейсслеръ, какъ мы видѣли, считаетъ право всѣхъ членовъ общины на равный съ другими земельный надѣлъ новѣйшимъ явленіемъ, результатомъ крѣпостного права и введенія подушной подати, крайне вреднымъ для успѣховъ хозяйства крестьянъ. Противъ передѣловъ общинной земли, съ цѣлью отвода каждому равнаго съ другими участка, высказались и мы въ 1859 г. Авторъ находитъ, что въ статьѣ, напечатанной въ 1876 году, мы отступили отъ этого прежняго своего взгляда, и стоимъ теперь за право каждаго члена общины на надѣлъ землею; что прежде мы указывали на необходимость ограничить правà пользованія землею подростающихъ поколѣній, въ виду того, что общинной земли не будетъ хватать при возрастающей на нее потребности, а теперь мы указываемъ на тотъ же выходъ изъ затрудненія, какой предлагаютъ и другіе приверженцы общиннаго землевладѣнія, именно на выселеніе, и желаемъ, чтобъ колонизація крестьянъ, даже при улучшенныхъ условіяхъ экономическаго и соціальнаго ихъ быта, и при организаціи общиннаго землевладѣнія, предпринималась и выполнялась правильнѣе и обдуманнѣе, чѣмъ теперь (стр. 167—169). Все это мы дѣйствительно высказывали, но не знаемъ, почему авторъ видитъ противорѣчіе между необходимостью отмѣнить право каждаго члена общины на равный съ другими надѣлъ землею, и другою необходимостью—дать исходъ избытку земледѣльческаго населенія въ правильно-организованной колонизаціи пустыхъ пространствъ, которыхъ еще столько въ имперіи? Тутъ очевидное недоразумѣніе. Какъ бы тщательно ни была обработываема пашня, какъ

бы ни было превосходно организовано распредѣленіе общинной земли между членами общины, неизбѣжно должна, рано или поздно, наступить минута, когда земля не будетъ больше въ состояніи кормить сильно увеличившееся населеніе. Часть жителей станетъ тогда сперва кормиться промыслами, ремеслами, торговлей и личной службой на мѣстахъ жительства, или разойдется съ тою же цѣлью въ другія мѣста и на время или навсегда покинетъ родину. Но когда этимъ путемъ потребность въ разнаго рода и вида услугахъ, трудѣ и работѣ, помимо собственно земледѣльческихъ, будетъ тоже удовлетворена, для возрастающаго населенія останется послѣдній исходъ,—это выселеніе въ другія мѣста. У насъ оно, кромѣ того, имѣетъ еще и государственное значеніе: ново-пріобрѣтенныя огромныя пустыя пространства сдѣлаются чрезъ заселеніе крѣпкими государству навсегда, войдутъ не только географически и политически, но и этнографически и экономически въ составъ имперіи. Вотъ съ какихъ точекъ зрѣнія мы смотримъ на правильное устройство у насъ колонизаціи, какъ на насущную потребность, и не понимаемъ, почему бы она предполагала непремѣнно удержаніе права каждаго на клочокъ общинной земли. Въ новой статьѣ, какъ и въ прежней, мы, напротивъ, прямо говоримъ о томъ, что и при правильномъ устройствѣ общиннаго землевладѣнія, люди, не имѣющіе своего надѣла и хозяйства, будутъ, какъ были и прежде [1]).

Мыслей автора относительно порядка и условій предоставленія надѣловъ въ общинной землѣ, послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, другимъ лицамъ и относительно правъ, сопряженныхъ съ владѣніемъ такими надѣлами (стр. 166 и 167), мы не раздѣляемъ вполнѣ. Но такъ какъ взгляды г. Кейсслера по этимъ предметамъ высказаны здѣсь мимоходомъ, съ оговоркой, что подробно они будутъ развиты во второй части, то мы отлагаемъ наши замѣчанія до выхода ея въ свѣтъ. Вопросы, возбуждаемые его указаніями, слишкомъ важны, чтобъ можно было разрѣшить ихъ въ двухъ-трехъ словахъ.

К. Кавелинъ.



[1]) Недоразумѣніе это уже выяснено частной перепиской съ г. Кейсслеромъ, который обѣщалъ сдѣлать оговорку во второй части своего труда.

ПРОЩАНІЕ

Прощай, поэзія! Отнынѣ
Ты не владычица сердецъ;
Другимъ богамъ, другой святынѣ
Назначенъ тронъ твой и вѣнецъ;

Прошла пора молитвъ и пѣсень;
Твой дивный зáмокъ и сады
Покрыли мохъ и пыль, и плѣсень—
Вѣковъ тяжелые слѣды.

Но надъ твоей люблю могилой
Бродить печальный и больной—
Не плакать, нѣтъ! Все проходило
И все проходитъ подъ луной.

Священны мнѣ твои руины,
Ихъ грустный мракъ и тишина,
Нѣмые гроты и долины —
Боговъ забытая страна.

Свѣтилъ померкшихъ трепетъ блѣдный
Отрадно сердцемъ уловлять,
Отрадно пѣснею послѣдней
Нѣмыя струны оживлять, —

О томъ, какъ немощны и хилы
Святыни новыя людей,
О томъ, какъ сумрачнѣй могилы
Сталъ міръ безъ прелести твоей.

Хотѣлъ бы я твою цѣвницу
Съ улыбкой гордой раздробить,
Хотѣлъ бы трупъ твой и гробницу
Навѣкъ для міра схоронить;

Чтобы твой образъ величавый
И струны славныя твои
Служить для смѣха и забавы
Глупцамъ бездушнымъ не могли;

Въ твои чтобъ царскія одежды
Не наряжалися шуты,—
Не оскверняли бы невѣжды
Чертогъ имъ чуждой красоты.

Н. Минскій.



РОССІЯ и ЕВРОПА

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I *).

I.

Какъ въ отдѣльныхъ народахъ сильныя движенія, перемѣны и борьбы служатъ мѣриломъ силъ народныхъ, крѣпости извѣстнаго государственнаго строя; какъ въ отдѣльныхъ народахъ исторія этими движеніями и борьбами провѣряетъ, постукиваетъ и выслушиваетъ, что въ народномъ организмѣ крѣпко и что слабо, гдѣ болѣзнь, отъ которой народъ можетъ или не можетъ излечиться,—такъ и въ цѣлой группѣ народовъ, которые живутъ общею жизнію, какъ народы европейскіе, подобныя движенія и борьбы служатъ той же цѣли, указывая силу или слабость каждаго члена народной группы, выясняя характеръ, задачи, историческое значеніе каждаго изъ нихъ. Поэтому, изученіе такихъ великихъ движеній бываетъ въ высокой степени поучительно, и дѣятельность лицъ, стоявшихъ на первомъ планѣ во время этихъ событій, останавливаетъ особенно вниманіе историка.

Общія великія движенія въ Европѣ слѣдуютъ одно за другимъ, послѣ того, какъ политическій организмъ ея сложился; они

---

*) Рядъ статей, предпринятыхъ нынѣ С. М. Соловьевымъ, вмѣстѣ съ его изслѣдованіемъ, напечатаннымъ у насъ, десять лѣтъ тому назадъ, подъ заглавіемъ: „Эпоха конгрессовъ“, составитъ отдѣльную книгу, которую авторъ приготовляетъ къ началу декабря нынѣшняго года, когда исполнится первое столѣтіе со времени рожденія императора Александра I.—*Ред.*

происходятъ въ силу стремленія поддержать этотъ организмъ, равновѣсіе между органами, поддержать выработанное европейско-христіанскою жизнію начало—общую жизнь народовъ или государствъ при ихъ самостоятельности: такова была продолжительная и упорная борьба Франціи съ Габсбургскимъ домомъ, въ которой сильнѣйшія государства Европы сдерживали другъ друга. Тридцатилѣтняя война, начавшаяся подъ религіознымъ знаменемъ, кончилась также стремленіемъ сдержать усиленіе Габсбургскаго дома, что и удалось Франціи. Война за испанское наслѣдство произошла изъ того же стремленія—обезопасить Европу отъ французской гегемоніи, и увѣнчалась успѣхомъ; Семилѣтняя война имѣла цѣлію сдержать опасное усиленіе Пруссіи. Но всѣ эти борьбы затмились въ сравненіи съ страшною борьбою, которую Европа должна была вести въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка съ завоевательными стремленіями Франціи.

Причинъ такой важности и продолжительности послѣдней борьбы, разумѣется, надобно искать на той и на другой изъ борющихся сторонъ. Со стороны Франціи сила завоевательныхъ стремленій условливалась тѣмъ, что войско и его главнокомандующій, способнѣйшій изъ генераловъ, явились на первомъ планѣ съ своими интересами. Послѣдніе дѣятели конвента покончили съ революціею, съ республикою, когда, въ борьбѣ съ реакціею, призвали на помощь войско, генерала. Но это обращеніе къ войску произошло не случайно, не было личнымъ дѣломъ—чьимъ-либо. Революція истребила всѣхъ своихъ крупныхъ дѣятелей, своихъ вождей; на ея сторонѣ не было больше способностей; но въ это самое время въ арміи увеличилось число военныхъ способностей, вслѣдствіе переворота, который далъ возможность даровитымъ людямъ быстро двигаться снизу вверхъ; война усилила эту возможность, ускорила развитіе военныхъ способностей. Такимъ образомъ, на сторонѣ войска не была одна матеріальная сила. Кромѣ того, революціонное движеніе оказалось несостоятельнымъ въ глазахъ большинства; идеалы, выставленные двигателями революціи, явились недостижимыми; нарушенія извѣстныхъ нравственныхъ интересовъ, кровавыя явленія и лишенія матеріальныя возбудили отвращеніе къ обманувшему надежды движенію, и какъ скоро революція истребила послѣднихъ своихъ сильныхъ дѣятелей, оказалась могущественная реакція. Народъ требовалъ прекращенія революціоннаго движенія, требовалъ отдыха, возстановленія спокойствія, порядка, требовалъ силы, которая бы разобралась въ развалинахъ, примирила интересы, или хотя бы даже задавила борьбу между ними: эту силу можно

было найти только въ войскѣ. Внутри обманъ, разочарованіе, лишенія всякаго рода, тоскливая жажда выхода изъ настоящаго положенія—безъ средствъ къ этому выходу, ибо, при недовольствѣ настоящимъ, разрывъ съ прошедшимъ былъ такъ силенъ, что возвращеніе къ прошедшему для многихъ и многихъ не было желательно и возможно; но извнѣ—необыкновенные военные успѣхи, слава побѣдъ и завоеваній; это была единственно свѣтлая сторона народной жизни; все сочувствіе славолюбиваго народа должно было обратиться къ войску и вождямъ его, и если одинъ изъ этихъ вождей станетъ выше всѣхъ способностями и успѣхами, то въ его рукахъ будетъ судьба страны. Такимъ былъ Наполеонъ Бонапартъ.

Италія давно уже высылала сыновъ своихъ, которые отдавали свои способности и дѣятельность разнымъ государствамъ Европы. Недостатокъ государственнаго единства родной страны рано дѣлалъ ихъ космополитами, искателями приключеній, въ родѣ старинныхъ сказочныхъ богатырей, которые служили въ семи ордахъ семи королямъ, пріучая ихъ примѣняться къ различнымъ народностямъ и положеніямъ, служить многоразличнымъ интересамъ, оставаясь холодными ко всѣмъ этимъ интересамъ, кромѣ собственнаго, личнаго. Оторванность отъ родной почвы, безъ привязанности къ странѣ пріютившей, ставила ихъ въ какое-то междуумочное, нейтральное, международное положеніе, вслѣдствіе чего они преимущественно посвящали себя дипломатической дѣятельности; находясь между небомъ и землею, они были очень способны создавать общіе, широкіе, смѣлые планы, въ которыхъ частнымъ соображеніямъ давалось мало мѣста: отсюда и въ ихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ съ перваго раза странная смѣсь хитрости, коварства, неразборчивости средствъ, и въ то же время—широты и величія, смѣшаннаго съ фантастичностью.

Эти черты даровитыхъ итальянцевъ, служившихъ чужимъ государствамъ, чужимъ народностямъ, черты Мазарини, Альберони, Піатоли, Люкезини и другихъ, находимъ и въ Бонапартѣ, корсиканцѣ, пріемышѣ Франціи. Космополитизмъ, присущій ему по его положенію среди чуждой народности, развился въ немъ еще сильнѣе отъ воспитанія, полученнаго во время революціи, проникнутой началомъ космополитизма, которое особенно усилилось вслѣдствіе потрясенія начала религіознаго: Бонапартъ былъ бы готовъ стать ренегатомъ и предводительствовать войсками султана. Вообще, революція если не породила, то развила многіе основныя черты въ характерѣ знаменитаго корсиканца. Среди страшной ломки, крушенія стараго государственнаго зданія, онъ при-

вык безбоязненно и равнодушно вращаться среди опасностей, привык къ игрѣ случая, къ возвышенію сегодня, къ паденію завтра, пріобрѣлъ магометанскую вѣру въ судьбу; привыкъ въ то же время къ развалинамъ и трупамъ, привыкъ равнодушно располагать и жизнью человѣческою, и жизнью династій и государствъ. Корсиканецъ не привесъ въ революціонную Францію никакихъ государственныхъ и общественныхъ идеаловъ и убѣжденій; онъ былъ совершенно чистъ отъ нихъ; чуждый происходившему вокругъ него, интересамъ, боровшимся, сокрушавшимъ другъ друга, онъ привыкъ дѣйствовать по инстинкту самосохраненія, бить, чтобъ не быть убиту, взбираться на верхъ по трупамъ, чтобъ не быть погребеннымъ подъ ними. Привычка дѣйствовать по инстинкту самосохраненія развила въ немъ хищническіе пріемы: притаиться, хитрить, плести пестрыя рѣчи для того, чтобъ обмануть, усыпить жертву и вдругъ скакнуть, напасть на неприготовленныхъ; напасть врасплохъ, поразить ужасомъ—было любимымъ его пріемомъ; убѣжденіе въ необходимости дѣйствовать ужасомъ (терроромъ) основано было на презрѣніи къ людямъ, какъ стаду, лишенному нравственной силы, и въ убѣжденіи этомъ онъ окрѣпъ, дѣйствуя въ послѣднія времена революціи, когда сильные люди были покошены гильотиною, поколѣніе измельчало нравственно, и Бонапартъ не находилъ нужнымъ съ нимъ церемониться; извнѣ, въ сношеніяхъ съ другими народами онъ также имѣлъ несчастіе встрѣчать постоянно людей мелкихъ нравственно, гибкихъ передъ силою, и пріучался ими къ насилію въ словѣ и дѣлѣ, и рѣдкія исключенія не могли сдерживать его, а только раздражали и заставляли еще сильнѣе высказываться печальныя стороны его характера, врожденныя и пріобрѣтенныя.

Будучи чуждъ Франціи, ея прошедшему, и, очутившись при началѣ своего поприща въ революціонной Франціи, которая такъ рѣзко порвала съ своимъ прошедшимъ, постаралась вырыть такую пропасть между нимъ и своимъ настоящимъ, Бонапартъ не могъ быть Монкомъ и возстановить старую династію; окруженный развалинами и не уважая ни новыхъ людей, ни новыя учрежденія, не питая никакого сочувствія къ настоящему, какъ результату общаго труда, Бонапартъ не могъ быть и Вашингтономъ Франціи; вся обстановка вела къ тому, чтобы онъ взялъ верховную власть себѣ и явился деспотомъ. Но предстоялъ страшный вопросъ: долго ли можетъ просуществовать военный деспотизмъ во Франціи? Онъ былъ допущенъ усталымъ большинствомъ, которое требовало прежде всего и во что бы то ни стало внутренняго

успокоенія, чтобъ отдохнуть, разобраться послѣ страшной бури; военный деспотизмъ былъ допущенъ по закону реакціи, но надолго ли? Французскій народъ отличался своею способностію скоро отдыхать, скоро оправляться; но, оправившись, отдохнувъ, приметъ ли онъ военный деспотизмъ, какъ необходимую, постоянную форму своего новаго правленія подъ новою династіею? Отвѣтъ естественно долженъ былъ представляться отрицательнымъ, особенно послѣ революціи, съ которою Бонапартъ долженъ былъ постоянно считаться, по крайней мѣрѣ, формально; но можно ли было ограничиться только формами? Римскіе цезари считали нужнымъ считаться съ республикою, уважать ея формы; но въ ихъ время республика съ ея формами была явленіемъ, отживающимъ свой вѣкъ, чего нельзя было сказать о началахъ, провозглашенныхъ во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, и надобно было ожидать, что, устраненные временно, они появятся съ новою силою и предъявятъ свои права на осуществленіе. Не въ характерѣ Бонапарта была однако возможность уступки имъ; съ другой стороны, онъ не могъ не предвидѣть, что при необходимомъ столкновеніи съ ними борьба должна быть страшная и побѣда вовсе не вѣрная. Но оставался выходъ, возможность предупредить борьбу. Право Бонапарта на мѣсто, которое онъ занялъ во Франціи, основывалось на его побѣдахъ; но на чемъ основывалось оно, тѣмъ должно было и поддерживаться; какъ только пройдетъ нѣсколько продолжительное время послѣ побѣдъ, память о нихъ будетъ ослабѣвать и значеніе побѣдителя уменьшаться; какъ бы ни были полезны его внутреннія учрежденія и распоряженія, какъ скоро, благодаря либеральнымъ формамъ, которыхъ власть обойти не могла, выскажутся либеральныя начала, борьба съ ними заставитъ забыть всякую внутреннюю заслугу. Оставалось одно средство для новой, неосвященной власти сохранять вполнѣ свою силу—это постоянно отвлекать вниманіе народа отъ внутренняго къ внѣшнему, постоянно ослѣплять славолюбивый народъ военною славою, поддерживать нравственное преклоненіе предъ властію постоянными ея тріумфами; но и тутъ одной нравственной поддержки было недостаточно. Какъ для борьбы внѣшней, такъ и на случай борьбы внутренней необходимо было войско, войско вполнѣ преданное, боготворившее вождя; а эту преданность войска государь вчерашняго дня могъ поддержать только постоянными войнами и побѣдами, усиливая постоянно значеніе войска въ глазахъ народа, дѣлая войско представителемъ народа, сосредоточивая въ арміи духъ націи,—съ другой стороны, питая честолюбіе и корыстолюбіе вождей второстепенныхъ по-

честями и выгодами, которыя они получали послѣ каждой войны, т.-е. послѣ каждаго завоеванія. Такимъ образомъ, кромѣ основного характера своего, какъ предводителя войска, характера, отъ котораго Бонапартъ, разумѣется, не могъ никакъ отказаться, который долженствовалъ быть всегда на первомъ планѣ и требовать постояннаго удовлетворенія, по самому положенію своему, для поддержанія этого положенія онъ долженъ былъ вести постоянныя войны; слова: Наполеонъ, французская имперія,—стали для Европы синонимами постоянной войны, постоянныхъ завоеваній, постоянныхъ территоріальныхъ измѣненій, не говоря уже о томъ, что каждая война, оканчивавшаяся успѣхомъ, завоеваніемъ, порождала необходимо новую войну, усиливая обиду, увеличивая число обиженныхъ, раздраженныхъ.

Франція осуждена была на постоянныя войны, постоянныя побѣды и завоеванія, что необходимо вело ко всемірной монархіи; но основное начало европейской политической жизни состояло въ недопущеніи такой монархіи. Наполеонъ долженъ былъ формально уступать этому началу; какъ республиканская Франція, вступивъ въ борьбу съ монархическою Европою, изъ завоеванныхъ ею странъ дѣлала республики, повидимому независимыя, не сливая ихъ съ собою, но только умножая число однородныхъ по формамъ государствъ, для противовѣса государствамъ съ другими формами, — такъ и Наполеонъ, перемѣнивъ правительственную форму во Франціи, ставши въ ней монархомъ, передѣлалъ эти республики въ государства съ монархическими формами, устраивая подобныя же государства и изъ дальнѣйшихъ завоеваній, государства повидимому независимыя, посажалъ на престолы ихъ своихъ родственниковъ, для своей безопасности и удобствъ, продолжая производить въ Европѣ перевороты, только династическіе. Здѣсь, повторяемъ, была уступка господствовавшему въ европейской исторіи началу; Франція и ея императоръ, повидимому, не хотѣли всемірной монархіи, отдѣльныя народности, повидимому, были обезпечены. Но это только повидимому; уступка была только формальная; на самомъ же дѣлѣ народности, ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ, не были обезпечены отъ тяжкаго преобладанія французскаго народа; ихъ новые правители были вассалами французской имперіи, чувствовавшіе тяжелую руку своего сюзерена, при первой попыткѣ подумать объ интересахъ своихъ государствъ не въ связи съ интересами имперіи, какъ они представлялись императору французовъ. Такимъ образомъ, обманъ въ уступкѣ правамъ народностей оказывался съ самаго же начала, и опас-

ность, грозившая повидимому только старымъ династіямъ, грозила одинаково и народностямъ, вслѣдствіе чего въ необходимой борьбѣ противъ всемірной монархіи дѣло старыхъ династій тѣсно связалось съ дѣломъ народностей.

Европа должна была бороться противъ императорской Франціи однимъ способомъ, который уже давно употреблялся въ подобныхъ случаяхъ: посредствомъ соединенія силъ остальныхъ державъ противъ державы, стремящейся къ преобладанію, посредствомъ, такъ называемой, коалиціи. Успѣхъ борьбы на сторонѣ коалиціи считался, по опыту и простотѣ разсчета, несомнѣннымъ, и если борьба была продолжительная и страшная, и долгое время Франція побѣдоносно боролась съ коалиціями, то необходимо предположить, кромѣ чрезвычайнаго напряженія силъ и особенно благопріятныхъ условій на ея сторонѣ, также упадокъ силъ и особенныя неблагопріятныя обстоятельства на сторонѣ противоположной. Мы употребили множественное число: коалиціи, и это уже самое показываетъ слабость общаго дѣйствія, перерывъ его, недружность стремленія, что и давало возможность долгаго торжества Наполеону. Правила его политики, которая служила подспорьемъ его наступательнымъ военнымъ движеніямъ, были естественно одинаковыя съ военными правилами: быстрымъ, внезапнымъ движеніемъ, не дать времени непріятельскимъ силамъ сосредоточиться, разрѣзывать враждебное войско, бить его по частямъ; въ то же время переговорами не давать государствамъ вступать въ союзы, разстроивать коалицію, разъединять интересы державъ и сокрушать ихъ силы поодиночкѣ. На сторонѣ противниковъ были условія, которыя долгое время давали ему возможность употреблять эти средства съ блестящимъ успѣхомъ.

Эти условія высказались еще въ концѣ прошлаго вѣка при борьбѣ съ революціонною Франціею. Окруженная слабыми, мелкими, разъединенными государствами, итальянскими, нѣмецкими, Швейцаріею, Франція могла быстро овладѣть ими, равно какъ и Голландіею, которой австрійскіе Нидерланды, по своей отдаленности отъ главной державы, служили плохою защитою. Препятствіе она могла встрѣтить въ восточныхъ, самыхъ сильныхъ германскихъ державахъ—старой Австріи и молодой Пруссіи, которыя должны были защищать Германію. И дѣйствительно, первая коалиція, образовавшаяся противъ революціонной Франціи, была коалиція австро-прусская. Но могла ли быть крѣпка коалиція между державами, у которыхъ вовсе еще не остыла ненависть другъ къ другу, вынесенная изъ Силезской и Семилѣтней войнъ? Каждая изъ державъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣ-

дила за всякимъ движеніемъ другой, не имѣетъ ли это движеніе цѣлью пріобрѣсть что-нибудь, усилиться; въ каждой изъ нихъ неудача другой возбуждала великую радость, а малѣйшій успѣхъ—тревогу и досаду? Обязанныя защищать Германію отъ французовъ, вступая поневолѣ въ коалицію, Австрія и Пруссія имѣли прежде всего въ виду не французскую войну, а наблюденіе, чтобъ одна какъ-нибудь, чего-нибудь не пріобрѣла больше, чѣмъ другая; онѣ загодя уже выговорили себѣ плату за войну, которая сама по себѣ не могла окупиться: Австрія брала себѣ Баварію взамѣнъ невыгодныхъ для нея Нидерландовъ, Пруссія—польскія области, по второму раздѣлу. Пруссія, скрѣпя сердце, соглашалась на эту сдѣлку, ибо долю Австріи считала значительнѣе своей. Коалиціи и при лучшихъ отношеніяхъ между союзниками удаются тогда, когда коалиція, ея цѣль для нихъ на первомъ планѣ, когда всѣ счеты по частнымъ интересамъ они откладываютъ до времени совершеннаго достиженія этой цѣли, когда идутъ прямо въ ней, не озираясь на стороны; понятно, что австро-прусская коалиція не удалась. Невольные союзники перессорились изъ-за дѣлежа добычи: Австрія дѣйствовала враждебно противъ Пруссіи при второмъ раздѣлѣ Польши; Австріи не хотѣлось допустить Пруссію немедленно же пріобрѣсти польскія области, тогда какъ усиленіе Австріи чрезъ промѣнъ Бельгіи на Баварію было только еще впереди; потомъ Пруссія не хотѣла допустить Австрію къ участію въ третьемъ раздѣлѣ Польши. Коалиція представляла картину постоянной борьбы между союзниками, и, наконецъ, Пруссія заключила отдѣльный миръ съ Франціею въ Базелѣ (1795 г.), пожертвовавъ интересами Германіи, причемъ въ Берлинѣ министры высказывались такъ: «Какъ можно скорѣе и съ какими бы то ни было пожертвованіями мы должны заключить отдѣльный миръ съ Франціею. Хуже всего то, что мы точно также должны бояться побѣдъ нашихъ союзниковъ, какъ и торжества нашихъ враговъ. Каждый успѣхъ Австріи противъ французовъ есть шагъ къ нашей пагубѣ».

Австрія оставалась одна; но оставить ее одну значило отдать на жертву Франціи, упрочить торжество и преобладаніе послѣдней въ Европѣ. Обязанность воспрепятствовать этому, спасти Европу отъ французской игемоніи—падала на двѣ другія сильнѣйшія державы, Россію и Англію. Обѣ въ описываемое время очень хорошо сознавали эту обязанность, разумѣется, тѣсно соединенную съ самыми существенными ихъ интересами. Въ Англіи могли найтись люди, которые говорили: зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ дѣла континента, море спасаетъ насъ отъ опасности со стороны

тамошнихъ завоевательныхъ стремленій; и въ Россіи могли найтись люди, которые говорили и теперь, и послѣ: Франція далеко отъ насъ, нападать на насъ не можетъ, изъ-за чего же мы будемъ воевать съ нею, вмѣшиваясь въ чужія дѣла? Но такой близорукій взглядъ не могъ быть раздѣляемъ государственными умами обѣихъ странъ, ибо отдаленность и не такая, какъ отдаленность Франціи отъ Россіи, не спасала народовъ отъ нашествія завоевателей, и мудрость политическая состоитъ въ предусмотрѣніи и предотвращеніи опасности въ самомъ ея зародышѣ. Въ Англіи могли радоваться смутамъ французской революціи въ ихъ началѣ; но когда волненіе, по самому положенію Франціи, по ея историческому значенію и характеру народа, быстро начало выходить изъ береговъ, грозя залить всю Европу, Англія вооружилась, и, съ ничтожнымъ перерывомъ, вела неутомимую борьбу до тѣхъ поръ, пока французскій разливъ не вошелъ въ берега. Въ Россіи, Екатерина II оканчивала свое знаменитое царствованіе съ неослабною дѣятельностію и нетускнѣющею ясностію политическаго взгляда. Екатерина поняла, что ей относительно Франціи предстоитъ тотъ же образъ дѣйствія, какой былъ принятъ императрицею Елисаветою относительно Пруссіи, т.-е. установлять и поддерживать коалиціи державъ противъ напора завоевательнаго движенія. Англія, какъ держава не континентальная, по незначительности сухопутныхъ силъ, не могла принимать непосредственно важнаго участія въ борьбѣ на материкѣ Европы; она должна была стараться составлять коалиціи и поддерживать ихъ преимущественно денежною помощію; Россія, по своей отдаленности отъ Франціи, также не могла принять непосредственное участіе въ борьбѣ: она должна была составлять и поддерживать войскомъ коалицію ближайшихъ къ Франціи державъ, преимущественно Австріи и Пруссіи; при этомъ тѣсный союзъ Россіи съ Англіею подразумѣвался.

Екатерина, съ самаго начала слѣдя зорко за всѣми фазами революціи и ея разливомъ, выступленіемъ изъ границъ Франціи, считала необходимостію поддерживать австро-прусскую коалицію. Будучи занята вначалѣ ближайшими отношеніями къ Швеціи, Турціи и Польшѣ, она могла поддерживать борьбу противъ Франціи только деньгами, причемъ для прекращенія внутренняго революціоннаго движенія во Франціи она считала единственнымъ средствомъ внутреннее же національное движеніе: по ея взгляду, французскіе принцы могли успѣть въ своихъ предпріятіяхъ только въ томъ случаѣ, если бы дѣйствовали по примѣру Генриха IV. Отпаденіе Пруссіи отъ коалиціи, невозможность оставить одну

Австрію безъ помощи, заставили Екатерину заключить союзъ съ Англіею и Австріею, причемъ Россія обязалась выставить корпусъ войскъ для поддержанія послѣдней. Но смерть Екатерины разстроила дѣло; Павелъ I не захотѣлъ продолжать его: слѣдствіемъ были разгромъ Австріи Бонапартомъ и Кампо-Формійскій миръ. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка образовалась другая коалиція: изъ Россіи, Австріи и Англіи; но отъ этой коалиціи только на долю Россіи выпала слава суворовскихъ подвиговъ. Коалиція была неполная, ибо въ ней не участвовала Пруссія; у союзниковъ не было яснаго, опредѣленнаго плана дѣйствія, не было утверждено, что всѣ частные счеты и распредѣленія должны происходить только по достиженіи общей цѣли. Россія вела войну по принципу, чему благопріятствовали ея отдаленность, ея независимость отъ преданій прошлаго, и отъ непосредственныхъ отношеній къ Франціи, отъ которыхъ могли бы родиться частные интересы и счеты. Но Австрія жила преданіями, вела съ Франціею долгую борьбу, длинные счеты, и при каждомъ возобновленіи борьбы все принимало въ ея глазахъ практическій смыслъ. Въ продолженіи многихъ вѣковъ она боролась съ Франціею въ Италіи, которая, по отсутствію государственнаго единства и проистекавшей отсюда слабости, представляла свободную арену для борьбы сильныхъ сосѣдей, была «res nullius, quae cedit primo occupanti». Практическій вопросъ для Австріи постоянно состоялъ въ томъ, усилиться ли самой въ Италіи, или дать усилиться въ ней Франціи. Достиженіе цѣли, поставленной Россіею, возстановленіе престоловъ и алтарей, не вело къ рѣшенію практическаго вопроса, ибо возстановленіе мелкихъ итальянскихъ владѣній, не давая Италіи силы и самостоятельности, не прекращало на ея почвѣ борьбы между Австріею и Франціею. Практическій вопросъ рѣшался однажды навсегда объединеніемъ Италіи; но до этого еще было далеко; пока онъ рѣшался такимъ образомъ: получитъ успѣхъ въ борьбѣ Австрія— Италія или по крайней мѣрѣ преобладаніе въ ней должно принадлежать Австріи; восторжествуетъ Франція—она и должна господствовать въ Италіи. При такомъ различіи отношеній, взглядовъ и стремленій, различіи, не отстраненномъ на время сознаніемъ общей опасности и необходимости прежде всего довести до конца избавленіе отъ нея, коалиція не могла быть прочна и продолжительна, даже оставя въ сторонѣ вліяніе характера главныхъ дѣятелей. Коалиція кончилась разрывомъ, враждою, которая грозила совершенною перемѣною системы: Россія вступала въ союзъ съ Франціею и въ войну съ Англіею. Въ эту-то рѣшительную

для Европы минуту въ Россіи произошла перемѣна: на престолъ вступаетъ молодой императоръ Александръ I-й.

Прошелъ ровно вѣкъ со вступленія Россіи въ общую жизнь Европы, и ни одинъ еще государь не всходилъ на русскій престолъ при такомъ затруднительномъ положеніи европейскихъ дѣлъ, какъ Александръ I, которому предназначено было принять такое первенствующее участіе въ выводѣ Европы изъ этого положенія, такъ наглядно показать значеніе вступленія Россіи въ общую европейскую жизнь. Александръ взошелъ на престолъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Ему было 12 лѣтъ, когда началась революція во Франціи, и не исполнилось еще 19 лѣтъ, когда эта революція, обманувши столько надеждъ, оканчивалась, выставивъ новыя силы и отношенія и оставляя столько вопросовъ на рѣшеніе игрѣ этихъ новыхъ силъ и отношеній, и въ то же время умираетъ великая бабка, отнялась отъ Россіи сильная, искусная, опытная правительственная рука, и началось сильное колебаніе, качка, повергавшая экипажъ корабля все болѣе и болѣе въ печальное, болѣзненное состояніе. Въ это время молодой Александръ долженъ былъ принять обязанности кормчаго. Необыкновенно воспріимчивый, впечатлительный по природѣ, въ самый впечатлительный возрастъ, онъ подвергался впечатлѣнію цѣлаго ряда явленій, небывалыхъ по своей силѣ, и когда оглушительное дѣйствіе ихъ стало прекращаться, началась эта внутренняя тряска, качка, которыя не давали покоя и возможности для сосредоточенія мыслей и чувствъ. Впечатлѣніе отъ этой качки могло бы еще ослабѣвать, если бы молодому человѣку можно было привыкнуть мысленно сосредоточиваться на важныхъ занятіяхъ, входить въ подробности дѣлъ и чрезъ это создавать подъ собою твердую почву, вращаться среди дѣйствительныхъ, близкихъ, осязаемыхъ отношеній. Но такихъ занятій онъ былъ лишенъ; онъ осужденъ былъ относиться ко всему или страдательно, или отрицательно. События, отдаленныя, по своей силѣ и значенію дѣйствовали могущественно, захватывали все вниманіе, явленія ближайшія шли поодаль, являлись чуждыми и мелкими. Съ конца XVIII вѣка начинается новый періодъ въ новой русской исторіи, вслѣдствіе новой постановки и осложненія европейскихъ отношеній. Съ начала XVIII вѣка и до послѣдняго его десятилѣтія отношенія Россіи къ западной Европѣ были просты и спокойны. При сравнительномъ взглядѣ на свое и чужое, въ народѣ живомъ и развивающемся являлась сильная потребность, стремленіе заимствовать какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе то, что являлось лучшимъ у опередившихъ насъ въ цивилизаціи наро-

довъ, и это заимствованіе казалось легкимъ, ибо на все заимствуемое смотрѣли какъ на что-то внѣшнее, на всѣ нововведенія по чужому образцу смотрѣли какъ на переодѣваніе въ болѣе удобное и красивое платье. Это дѣлалось очень легко, безо всякой внутренней, нравственной тяжести, безо всякаго нравственнаго приниженія. Напротивъ того, русскій человѣкъ высоко поднималъ голову, чувствуя свою силу, свое превосходство. Передъ нимъ возвышался небывалый образъ историческаго дѣятеля — образъ Петра Великаго; народная гордость питалась значеніемъ европейской дѣятельности дочери Петра, удачею и блескомъ плановъ Екатерины II. Политическія отношенія къ европейскимъ народамъ, къ ихъ государственному устройству были также просты и, такъ-сказать, внѣшни; различныя политическія формы производили главное впечатлѣніе только по отношенію къ силѣ или слабости государства. Польша погибала вслѣдствіе своихъ республиканскихъ формъ; въ Швеціи боялись больше всего усиленія королевской власти, ибо это усиленіе дало бы странѣ могущество, сдѣлавъ ее опасною для сосѣдей. Но событія послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка произвели переворотъ во взглядахъ и отношеніяхъ: то, о чемъ прежде читалось только въ книгахъ и могло спокойно, на досугѣ, по выбору, съ передѣлками и ограниченіями, по волѣ власти, примѣняться къ извѣстному государственному строю, то теперь изъ теоріи перешло въ практику въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, съ явнымъ стремленіемъ на дѣлѣ пересоздать общества на новыхъ началахъ. Вопросы внутренняго строя народовъ выдвинулись впередъ, овладѣли вниманіемъ мыслящихъ людей, стали опредѣлять симпатіи и антипатіи правительствъ и народовъ. Такое осложненіе отношеній не могло остаться безъ сильнаго вліянія на русскихъ людей, давленіе западно-европейскихъ явленій удвоилось, и для многихъ спокойное отношеніе къ нимъ исчезло и замѣнилось болѣе страстнымъ, т.-е. болѣе страдательнымъ; такимъ образомъ отношенія русскихъ людей къ европейской цивилизаціи въ XIX вѣкѣ явились иныя, чѣмъ были въ XVIII, и поколѣніе, котораго императоръ Александръ I-й былъ представителемъ, стояло на границѣ двухъ вѣковъ, на границѣ двухъ міровъ, и должно было выдержать первый напоръ отъ усиленнаго вліянія Запада, тамошнихъ порывистыхъ движеній впередъ и соотвѣтственно порывистыхъ отступленій назадъ или реакцій. Деспотизмъ Наполеона смѣнилъ революціонныя бури; наполеоновскій гнетъ надъ своими и чужими народами усилилъ симпатіи къ подавленнымъ этимъ гнетомъ формамъ, которыя и ожили вслѣдствіе паденія Наполеона и, въ свою очередь, начали грозить

усиленнымъ развитіемъ и порождать реакціи. Не могши, по своему положенію, быть простымъ зрителемъ этихъ движеній, при сознаніи своихъ средствъ, дававшихъ возможность могущественнаго участія и рѣшенія, Александръ естественно призналъ своею задачею какъ внѣшнее, такъ и внутреннее успокоеніе народовъ, примиреніе борющихся началъ. Задача обольстительная; но была ли она легка?

Наконецъ, затруднительность положенія молодого императора увеличивалась отсутствіемъ помощниковъ въ первое, самое тяжелое время. Для народнаго утѣшенія Александръ объявилъ, что будетъ царствовать по мысли бабки своей Екатерины, и собралъ около себя оставшихся дѣятелей знаменитаго царствованія. Но это были дѣятели второстепенные, исполнители, привыкшіе ждать внушеній и по нимъ дѣйствовать; другіе же, болѣе самостоятельные люди не имѣли тѣхъ способностей, которые даютъ силу совѣту, мнѣнію, или имѣли одностороннее направленіе, или были далеко и не хотѣли приблизиться. Все это были уже старики, а государственная машина, естественно, нуждалась въ новыхъ, молодыхъ работникахъ, которые, разумѣется, вносили въ работу новыя понятія и стремленія. Явились одна подлѣ другой двѣ группы людей, имѣющихъ мало общаго другъ съ другомъ. Императоръ, по возрасту своему, естественно болѣе близкій къ молодымъ, долженъ былъ соединять старыхъ съ молодыми, и обыкновенно соединялъ ихъ попарно въ извѣстныхъ кругахъ дѣятельности, подлѣ старика ставилъ молодого, прибиралъ ихъ по извѣстнымъ отношеніямъ другъ къ другу, чтобъ не было между ними борьбы.

Новый императоръ обѣщалъ царствовать по мысли знаменитой бабки; внѣшнія отношенія, которыя онъ получилъ въ наслѣдство, были опредѣлены вовсе не по мысли Екатерины II, и, несмотря на то, Александръ и лучшіе люди должны были сознавать, что было бы вовсе не по мысли Екатерины круто и порывисто измѣнить всѣ эти отношенія. Александръ наслѣдовалъ войну съ Англіею, вражду съ Австріею, сближеніе съ Франціею и Пруссіею и нѣкоторыя тяжелыя для Россіи обязательства относительно государствъ второстепенныхъ. Безцѣльную и, по обстоятельствамъ, больше чѣмъ безцѣльную войну съ Англіей надобно было прекратить, пока она еще не началась настоящимъ образомъ; но въ союзѣ съ Англіею и въ пожертвованіяхъ для этого союза другими отношеніями не предстояло еще нужды; по общему ходу дѣлъ, надобно было прекратить и вражду съ Австріею, но эту разгромленную Бонапартомъ Австрію нельзя было сейчасъ же

сдѣлать авангардомъ новой коалиціи противъ Франціи; относительно же послѣдней нужно было естественно принять выжидательное положеніе: чтó будетъ съ этой республикой, которою управлялъ побѣдоносный генералъ подъ именемъ перваго консула? чего должна ждать отъ этого генерала Европа: новыхъ ли завоевательныхъ движеній, которымъ должно противопоставить новыя коалиціи, или Бонапартъ обратится къ внутреннему устройству потрясенной революціей Франціи и этимъ дастъ возможность и другимъ державамъ разоружиться и заняться внутренними дѣлами; послѣднее казалось мало вѣроятнымъ, но во всякомъ случаѣ надобно было ждать.

Въ инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ высказаны были основанія политики императора Александра (4 іюля 1801 года). Императоръ отказывается отъ всякихъ завоевательныхъ замысловъ и увеличенія своего государства: «если я подниму оружіе,—говоритъ онъ,—то это единственно для обороны отъ нападенія, для защиты моихъ народовъ или жертвъ честолюбія, опаснаго для спокойствія Европы. Я никогда не приму участія во внутреннихъ раздорахъ, которые будутъ волновать другія государства, и каковы бы ни были правительственныя формы, принятыя народами по общему желанію, онѣ не нарушатъ мира между этими народами и моею имперіею, если только они будутъ относиться къ ней съ одинаковымъ уваженіемъ. При восшествіи своемъ на престолъ я нашелъ себя связаннымъ политическими обязательствами, изъ которыхъ многія были въ явномъ противорѣчіи съ государственными интересами, а нѣкоторыя не соотвѣтствовали географическому положенію и взаимнымъ удобствамъ договаривающихся сторонъ. Желая однако дать слишкомъ рѣдкій примѣръ уваженія къ публичнымъ обѣщаніямъ, я наложилъ на себя тяжелую обязанность исполнить, по возможности, эти обязательства. Убѣжденный, что союзъ великихъ державъ можетъ одинъ возстановить миръ и общественный порядокъ, котораго нарушители торжествовали при пагубномъ разрывѣ этого союза, я немедленно позаботился о томъ, чтобъ обмануть ихъ надежды, заявивши вѣнскому двору искреннее желаніе забыть все прошлое. Общій планъ вознагражденій (государствамъ, пострадавшимъ отъ французскихъ завоеваній) будетъ главнымъ предметомъ моихъ переговоровъ съ вѣнскимъ дворомъ, и если онъ хочетъ искренно содѣйствовать моимъ благодѣтельнымъ видамъ, мы соединимъ наши усилія для того, чтобъ этотъ планъ былъ принятъ и Пруссіею. Большая часть германскихъ владѣній просятъ моей помощи. Независимость и безопасность Германіи такъ важны для будущаго

мира, что я не могу пренебречь этимъ случаемъ для сохраненія за Россіею первенствующаго вліянія въ дѣлахъ имперіи. Рѣшившись продолжать переговоры, начатые съ Франціею, я руководствовался двойнымъ побужденіемъ: упрочить для моей имперіи миръ, необходимый для возстановленія порядка въ разныхъ частяхъ управленія, и въ то же время по возможности содѣйствовать ускоренію окончательнаго мира, который бы далъ Европѣ время возстановить поколебленное зданіе соціальной системы. Если первый консулъ сохраненіе и утвержденіе своей власти поставитъ въ зависимость отъ раздоровъ и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не признаетъ, что власть, основанная на неправдѣ, всегда непрочна, ибо питаетъ ненависть и даетъ законность возмущенію; если онъ позволитъ увлечь себя революціонному потоку, если наконецъ онъ ввѣритъ себя одному счастію — война можетъ продлиться, и при такомъ порядкѣ вещей уполномоченный, которому ввѣрены мои интересы во Франціи, долженъ ограничиться наблюденіемъ хода тамошняго правительства и тянуть время, пока обстоятельства болѣе благопріятныя позволятъ употребленіе средствъ болѣе дѣйствительныхъ. Но въ случаѣ, если первый консулъ окажется болѣе понимающимъ собственные интересы и болѣе чувствительнымъ къ истинной славѣ, если захочетъ излечить раны, нанесенныя революціей и дать своей власти основаніе болѣе прочное уваженіемъ независимости правительствъ, то многія чрезвычайно вѣскія соображенія могутъ внушить ему желаніе искренняго согласія съ Россіею и заставить принять рядъ мѣръ къ возстановленію европейскаго равновѣсія: въ такомъ случаѣ переговоры, начатые въ Парижѣ, могутъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Въ этомъ предположеніи моему уполномоченному велѣно предложить тюльерійскому кабинету многія статьи, которыя могутъ служить основаніемъ ко всеобщему умиротворенію. Легкость, съ какою Бонапартъ принялъ большую часть изъ нихъ, не даетъ еще мнѣ достаточнаго ручательства въ томъ, что онъ раздѣляетъ мои виды. Возможно, что онъ будетъ охотнѣе содѣйствовать имъ, когда лучше узнаетъ ихъ добросовѣстность и безкорыстіе; вѣрно то, что въ царствованіе покойнаго императора консулъ имѣлъ особенно въ виду пріобрѣсть помощь моего августѣйшаго родителя противъ Великобританіи, а теперь, быть можетъ, онъ старается только выиграть время для вывѣданія моей системы, чтобы, по соображенію съ нею, распорядить и свои политическія операціи, не обращая вниманія на обязательства, заключенныя въ промежуточное время. Отъ его дальнѣйшаго поведенія будетъ зависѣть мое рѣшеніе, и необходимая осторожность

не позволяетъ мнѣ ускорить этимъ рѣшеніемъ. Я поручилъ графу Моркову (русскій посолъ въ Парижѣ) дать первому консулу самыя положительныя удостовѣренія, что въ моихъ сближеніяхъ съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ не скрывается никакого враждебнаго намѣренія противъ Франціи, что ни тотъ, ни другой не предлагалъ мнѣ наступательнаго союза и что я не буду принимать подобныхъ предложеній, если французское правительство будетъ уважать права и независимость моихъ союзниковъ».

Это изложеніе политики новаго императора прежде всего останавливаетъ вниманіе заявленіемъ начала невмѣшательства во внутреннія движенія и установленія правительственныхъ формъ въ другихъ государствахъ; правительство Наполеона и всякое другое не могло быть помѣхою сближенію и общему дѣйствію Россіи съ Франціею, если только это французское правительство не будетъ продолжать завоевательнаго движенія; въ противномъ случаѣ Россія будетъ служить твердою стѣною, на которую обопрется всякая коалиція противъ нападчика. Коалиціи еще нѣтъ, сближеніе съ Англіею и Австріею не есть наступательный союзъ съ ними; но сближеніе превратится въ такой союзъ, если Франція начнетъ наступательное движеніе. Въ этой, повидимому, столь умѣренной и осторожной программѣ положено было начало борьбы съ наполеоновскою Франціею, могшей кончиться только паденіемъ знаменитаго корсиканца, ибо твердо и ясно было выставлено начало недопущенія преобладанія Франціи въ Европѣ.

Но эта мирная программа повела прежде всего къ ожесточенной борьбѣ между русскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, и управлявшимъ иностранными дѣлами въ Петербургѣ, графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ,—къ борьбѣ, въ которой всего лучше отражаются отношенія императора Александра къ людямъ, наслѣдованнымъ имъ отъ предшествовавшихъ царствованій. Авторомъ или редакторомъ приведенной инструкціи былъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, завѣдывавшій почти исключительно иностранными дѣлами, ибо другой *парный* министръ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, не принималъ участія собственно во внѣшнихъ сношеніяхъ. Панинъ былъ унаслѣдованъ Александромъ отъ павловскаго царствованія, былъ дѣятелемъ этого времени. Собственно представителемъ екатерининскаго царствованія, изъ дипломатовъ оставался графъ Морковъ, принимавшій важное участіе въ послѣднихъ его событіяхъ; но Морковъ былъ отправленъ въ Парижъ, вести переговоры съ первымъ консуломъ и наблюдать за нимъ. Были еще два старыхъ дипломата, братья Воронцовы, графъ Александръ и графъ Семенъ

Романовичи; по времени своего служенія оба они всецѣло принадлежали екатерининскому царствованію; но въ дѣйствительности не были и не хотѣли быть его представителями по фамильнымъ отношеніямъ. Родные племянники елисаветинскаго канцлера графа Михаила Иларіоновича Воронцова, они всѣми своими лучшими воспоминаніями и самыми сильными привязанностями принадлежали царствованію знаменитой «дщери Петровой»; будучи родными братьями Елисаветы Романовны Воронцовой, они не раздѣляли симпатій и антипатій другой своей сестры Екатерины Романовны (Дашковой) и враждебно встрѣтили переворотъ 28 іюня. Екатерина II, не умѣвшая удалять отъ службы способныхъ людей, не удалила отъ нея и Воронцовыхъ, но не могла питать къ нимъ и особеннаго расположенія; они никогда не могли надѣяться на приближеніе, чувствовали себя постоянно въ почетной опалѣ и потому постоянно находились въ оппозиціи главнымъ силамъ и ихъ дѣятельности. Никита Ивановичъ Панинъ, замѣнившій канцлера Воронцова (графа Михаила Иларіоновича) въ управленіи иностранными дѣлами, не терпѣлъ Воронцовыхъ и заставилъ графа Александра Романовича покинуть дипломатическое поприще, и этимъ создалъ себѣ и своей политической системѣ непримиримыхъ враговъ въ графѣ Александрѣ и братѣ его Семенѣ, которые по тѣсной дружбѣ составляли одного человѣка, такъ что графъ Семенъ, перемѣнившій впослѣдствіи военное поприще на дипломатическое, въ перепискѣ своей не щадилъ выходокъ противъ Панина и его управленія, видѣлъ однѣ ошибки въ его политической системѣ, въ прусскомъ союзѣ и его слѣдствіяхъ. Графъ Александръ, перешедши къ дѣламъ внутренняго управленія, съ почетомъ занималъ важныя должности, былъ сенаторомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи, но стоялъ въ отдаленіи собственно отъ двора, и кліенты Потемкина считали его вліятельнымъ членомъ кружка, враждебнаго ихъ патрону; послѣднее время царствованія Екатерины и все царствованіе Павла онъ провелъ вдали отъ дѣлъ. Выше его по способностямъ былъ графъ Семенъ, занимавшій съ 1785 года постъ русскаго министра при лондонскомъ дворѣ до самой кончины Екатерины. Осыпанный сначала милостями при Павлѣ, онъ вдругъ подвергся опалѣ, былъ отставленъ, имѣніе его конфисковано; Александръ, по восшествіи на престолъ, поспѣшилъ отнестись къ обоимъ Воронцовымъ съ особенною лаской и уваженіемъ; графъ Семенъ возстановленъ былъ на прежнемъ любимомъ мѣстѣ, графъ Александръ сдѣланъ членомъ совѣта. Графъ Семенъ, оставаясь горячимъ патріотомъ, съ участіемъ слѣдя за всѣмъ, чтó дѣлалось въ Россіи, не могъ однако не подверг-

нуться вліянію долгаго пребыванія внѣ Россіи и въ странѣ, которая ему, по разнымъ причинамъ, очень нравилась, приходилась вполнѣ по его природѣ, неспособной гнуться предъ людьми и обстоятельствами, по стремленію къ независимости. Министръ, которому не очень по душѣ та страна, въ которой онъ служитъ представителемъ своего государства, спокойнѣе, безпристрастнѣе смотритъ на отношенія къ ней своего отечества, легко мирится и съ мыслію о возможности охлажденія между ними, и съ мыслію о возможности покинуть свой постъ; но министръ, которому очень нравится въ странѣ, гдѣ онъ пребываетъ, боится столкновенія между нею и своимъ отечествомъ, какъ имѣющаго нарушить его привычныя отношенія и связи, столь дорогія ему, боится мысли быть принужденнымъ совершенно порвать ихъ и удалиться изъ любимой среды. Упрекъ, который дѣлали графу Семену въ его пристрастіи къ Англіи, нельзя назвать неосновательнымъ; доказательствомъ служило его неудовольстіе на постановленія вооруженнаго нейтралитета, который естественно и необходимо вытекалъ изъ національной русской политики, былъ на морѣ такимъ же дѣйствіемъ, какимъ на сушѣ участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ и борьба ея съ Наполеономъ. Но съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка положеніе графа Семена было чрезвычайно выгодно, потому что по необходимости борьбы съ Франціею тѣсное сближеніе Россіи съ Англіею стояло на очереди, должно было требоваться государственными людьми какъ необходимость.

Графъ Семенъ Воронцовъ сначала былъ хорошо расположенъ къ графу Н. П. Панину: это расположеніе Панинъ умѣлъ заискать уваженіемъ, довѣренностію, которыя выражались въ его письмахъ къ Воронцову. Но графъ Александръ Воронцовъ написалъ брату очень дурной отзывъ о характерѣ представителя непріятной фамиліи, и этого было довольно, чтобъ перемѣнить отношенія графа Семена къ Панину: съ одной стороны, неограниченное довѣріе къ брату,—съ другой, невольное раздраженіе старика, принужденнаго находиться въ извѣстномъ подчиненіи у молодого человѣка, раздраженіе, которое обыкновенно ищетъ только предлога, оправданія, чтобъ выразиться. Панинъ, еще въ царствованіе императора Павла, имѣлъ неосторожность высказать, въ одномъ изъ писемъ къ графу Семену, основанія своей политической системы: эта система состояла въ союзѣ съ Англіею, Пруссіею и Портой Оттоманскою. «По моимъ принципамъ,—писалъ Панинъ,—надобно обуздывать честолюбіе Австріи политикою Екатерины II-й, и сдерживать Швецію союзомъ съ Турціей». Но эта политика очень напоминала политику дяди Панина, знаменитаго Никиты

Ивановича, вслѣдствіе чего племянникъ, въ глазахъ Воронцовыхъ, явился такимъ же пруссакомъ, какъ и дядя,—а этого наслѣдственнаго грѣха простить ему было нельзя, особенно, когда приверженецъ прусскаго союза не употреблялъ всѣхъ своихъ усилій для удовлетворенія требованіямъ Англіи, необходимаго—по мнѣнію приверженца англійскаго союза. Такъ, графу Моркову поручено было, между прочимъ, предложить Бонапарту посредничество Россіи въ примиреніи Франціи съ Турціею. Въ Англіи сильно встревожились, потому что боялись вліянія Франціи въ Константинополѣ. Самъ король счелъ нужнымъ переговорить объ этомъ съ Воронцовымъ: «Императоръ Павелъ,—говорилъ Георгъ III,—во время самой сильной ненависти противъ насъ, сдѣлалъ это предложеніе Бонапарту, зная, что миръ между этимъ консуломъ и Портой будетъ чрезвычайно вреденъ и враждебенъ для Великобританіи; а нынѣшній императоръ, другъ Великобританіи, дѣлаетъ Франціи то же предложеніе, какое императоръ, его отецъ, сдѣлалъ по ненависти. Положимъ, что императоръ Александръ также питаетъ нерасположеніе къ Англіи, что́, впрочемъ, кажется невозможнымъ, но зачѣмъ же онъ хочетъ принести въ жертву и Турцію; ибо какую безопасность этимъ миромъ она пріобрѣтетъ противъ интригъ Франціи, для которой нѣтъ ничего священнаго? Франція снова поведетъ выгодную торговлю съ Левантомъ, которая дастъ ей средства продолжать войну съ нами. Она заведетъ консула, вице-консула и другихъ агентовъ по всѣмъ областямъ Турціи, гдѣ они сдѣлаютъ то же, что́ ихъ товарищи сдѣлали въ Швейцаріи: станутъ революціонировать грековъ, и меньше чѣмъ въ три года Европейская Турція представитъ сцены болѣе страшныя, чѣмъ тѣ, которыя опозорили человѣчество во Франціи въ первые годы ея проклятой революціи. Я предоставляю его величеству императору обсудить: справедливо ли и выгодно ли для его имперіи подвергать пожару сосѣдку Турцію. Революція, начавшись въ Эпирѣ, Македоніи, Босніи, Болгаріи, перейдетъ въ Молдавію и Валахію, и явится на границахъ русской имперіи. Но прежде всего Порта очутится въ неловкихъ отношеніяхъ къ Англіи, которыя необходимо поведутъ къ войнѣ. Эта война ускоритъ гибель Турціи, ибо Франція, подъ предлогомъ сохраненія для Порты странъ, подверженныхъ нападенію англійскихъ эскадръ, введетъ туда французскіе гарнизоны, которыхъ уже больше не выведетъ и которые сдѣлаются центромъ для революціонированія жителей. Такимъ образомъ, если его величество императоръ желаетъ охранить Турцію, которая вовсе для него не опасна, то онъ долженъ не совѣтовать ей заключенія отдѣльнаго мира съ Франціей, но

внушать ей, чтобы она не отставала отъ Великобританіи, которая никогда не покидаетъ своихъ союзниковъ и не постановитъ мира съ Франціею, не включивъ въ него Порты».

Но въ Петербургѣ никакъ не трогались объясненіями его великобританскаго величества, чтó сильно безпокоило и раздражало Воронцова, дѣлая неловкимъ его положеніе въ Англіи, гдѣ имѣли право думать, что онъ или не хочетъ настаивать при своемъ дворѣ на удовлетвореніи англійскимъ требованіямъ, или не можетъ этого сдѣлать, не имѣетъ достаточно вліянія. Въ этомъ раздраженіи Воронцовъ обрушивается на Панина: онъ всему виною, чрезъ него одного императоръ ведетъ иностранныя дѣла, съ нимъ однимъ совѣтуется;—другое дѣло, еслибъ иностранныя дѣла проходили чрезъ совѣтъ: тамъ братъ Александръ и его единомышленники. Въ это время сильнаго раздраженія приходитъ циркулярная инструкція. Ее написалъ Панинъ, мальчикъ, которому было 13-ть лѣтъ, когда Воронцовъ оставилъ Россію, а теперь этотъ мальчикъ пишетъ наставленія, и какія наставленія! Инструкція представляла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ темноту, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ противорѣчіе, представляла нѣкоторыя неудачныя выраженія. Воронцовъ рѣшился воспользоваться всѣмъ этимъ, разгромить инструкцію, и сдѣлать это въ письмѣ къ самому императору. Основныя положенія Воронцова были: иностранныя дѣла должны обсуждаться въ совѣтѣ предъ государемъ, а не поручаться одному лицу; этимъ довѣреннымъ лицомъ никакъ не можетъ быть Панинъ. Громя инструкцію, Воронцовъ давалъ видъ, что приписываетъ ее одному Панину, выдѣляя совершенно императора, чтó для послѣдняго могло быть не менѣе оскорбительно. Но Воронцовъ сослался на письмо Александра, гдѣ тотъ писалъ ему: «Я долженъ васъ благодарить за то, что вы сочли меня достойнымъ внимать истинѣ. Жду отъ вашей вѣрности и отъ вашего патріотизма, что вы будете продолжать говорить мнѣ съ тою же прямотою».

Александръ не отрекся отъ этихъ требованій своихъ; онъ благодарилъ Воронцова за откровенность, съ какою написано его письмо, повторялъ, что требуетъ отъ каждаго правды, и въ доказательство, съ какимъ удовольствіемъ будетъ онъ принимать все, чтó напишетъ ему человѣкъ такихъ лѣтъ, такой опытности и такихъ заслугъ, какъ Воронцовъ, императоръ вошелъ въ объясненія по поводу его письма. Онъ призналъ пользу обсужденія иностранныхъ дѣлъ въ совѣтѣ, и высказывалъ надежду, что впослѣдствіи будетъ возможность вносить въ совѣтъ дѣла наиболѣе важныя, но до сихъ поръ онъ не могъ этого сдѣлать, дол-

женъ былъ ограничиться работою въ кабинетѣ съ каждымъ изъ министровъ отдѣльно, потому что уже нашелъ такой порядокъ установленнымъ и не хотѣлъ измѣнять его, не пріобрѣтя прежде извѣстной опытности и извѣстнаго спокойствія, которыя могли бы дать средства подумать о перемѣнѣ полезной. Александръ признавалъ всю справедливость замѣчаній Воронцова на счетъ пользы сближенія съ Англіею; но замѣчалъ въ свою очередь, что нельзя было вдругъ въ пользу Англіи отказаться отъ началъ вооруженнаго нейтралитета, пожертвовать выгодами сѣверныхъ державъ, Швеціи и Даніи, которыя Россіею же были привлечены къ союзу противъ Англіи, и нельзя было вдругъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ Англіи: это значило бы обнаружить страхъ предъ ея флотомъ, который находился въ Балтійскомъ морѣ, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Англіи императора Павла. «Но теперь, писалъ Александръ, когда опытность освоила меня съ этими предметами и затрудненія, встрѣченныя мною при восшествіи на престолъ, начинаютъ ослабѣвать, конечно, я не смѣшаю интересовъ Россіи съ интересами сѣверныхъ державъ. Я особенно постараюсь слѣдовать національной системѣ, т.-е. системѣ, основанной на выгодахъ государства, а не на пристрастіяхъ къ той или другой державѣ, какъ это часто случалось. Я буду хорошъ съ Франціею, если сочту это полезнымъ для Россіи, точно такъ какъ теперь эта самая польза заставляетъ меня поддерживать дружбу съ Великобританіею». Наконецъ, императоръ счелъ нужнымъ упомянуть и о мнѣніи англійскаго короля относительно примиренія Турціи съ Франціею, потому что Воронцовъ сильно настаивалъ на справедливости этого мнѣнія и требовалъ его принятія. Александръ объявилъ, что онъ не признаетъ его основательнымъ. Россія не могла отказать Портѣ въ посредничествѣ для примиренія ея съ Франціею, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ отказа Порта обошлась бы и безъ русскаго посредства, обратившись прямо къ французскому правительству; кромѣ того, отказъ возбудилъ бы въ туркахъ подозрѣніе относительно видовъ Россіи, тогда какъ слѣдуетъ сохранять ихъ довѣріе. Наконецъ, принятіе посредничества необходимо слѣдуетъ изъ искренняго желанія императора видѣть установленіе всеобщаго спокойствія; Россія точно также предложила свое посредничество и Англіи для примиренія ея съ Франціею.

Спокойный тонъ, который господствовалъ въ письмѣ государя, въ сравненіи съ раздражительностію и страстностію, отличавшими письмо подданнаго, придавалъ письму Александра особенное величіе и объясненіямъ императора особенную вѣскость. Воронцовъ

не могъ не почувствовать всей силы урока, который данъ былъ ему, старику, очень молодымъ государемъ, несмотря на всѣ увѣренія послѣдняго въ своемъ уваженіи и довѣріи къ лѣтамъ и опытности заслуженнаго вельможи. Особенно урокъ былъ силенъ въ пунктѣ о національной политикѣ, которая исключаетъ пристрастіе къ той или другой державѣ. Воронцовъ долженъ былъ увидать, что, преслѣдуя Панина, встрѣтился съ борцомъ болѣе сильнымъ, и что сущность инструкціи принадлежала не Панину, а самому Александру, готовому защищать ее. Что же касается графа Панина, то императоръ въ этомъ же письмѣ объявлялъ Воронцову, что молодой министръ самъ удалился отъ дѣлъ, недовольный, какъ говорили, тѣмъ, что императоръ недостаточно наградилъ его въ день коронаціи, и тѣмъ, что по поводу жалобы, поданной на него княземъ Куракинымъ, императоръ взялъ сторону послѣдняго. Но торжество Воронцовыхъ зависѣло не отъ удаленія Панина, а оттого, что *національный интересъ* дѣлалъ невозможнымъ сближеніе съ Франціею и Пруссіею, а требовалъ сближенія съ Англіею и Австріею. Вполнѣ соотвѣтственно этому требованію въ челѣ управленія иностранными дѣлами явился графъ Александръ Воронцовъ, составлявшій по своимъ убѣжденіямъ одно существо съ братомъ. Помощникомъ старику Воронцову былъ приданъ другъ молодости императора, польскій князь Адамъ Чарторыйскій. Чарторыйскій нравился обоимъ Воронцовымъ: онъ, повидимому, вполнѣ раздѣлялъ ихъ взгляды, не могъ быть приверженцемъ прусской системы Паниныхъ, которая повела къ раздѣлу Польши; какой же былъ собственный взглядъ Чарторыйскаго,—о томъ онъ Воронцовымъ не говорилъ.

С. Соловьевъ.

ИРОДІАДА

Вторая легенда *).

Перевелъ И. С. Тургеневъ.

I.

Махэрусская цитадель возвышалась—на востокъ отъ Мертваго моря—на базальтовой скалѣ, имѣвшей видъ конуса. Четыре глубокихъ долины ее окружали: двѣ съ боковъ, одна впереди, четвертая сзади. Куча домовъ тѣснилась у ея подошвы, охваченная круглымъ каменнымъ валомъ, который тó вздымался, тó ниспадалъ, слѣдуя неровностямъ почвы; извилистая дорога, высѣченная въ скалѣ, соединяла городъ съ крѣпостью. Стѣны той крѣпости, вышиною въ сто-двадцать локтей, изобиловали уступами, углами, бойницами; башни высились тамъ-и-сямъ, составляя какъ-бы звенья каменнаго вѣнца, воздвигнутаго надъ бездной.

Внутри цитадели находился дворецъ, украшенный портиками, съ плоской крышей, въ видѣ террассы. Перила изъ смоковичнаго дерева замыкали ее со всѣхъ сторонъ;—длинныя мачты, на которыя натягивался веларіумъ, стояли вокругъ, надъ перилами.

Однажды, до восхода солнца, тетрархъ Иродъ Антипа появился на вершинѣ дворца—и, облокотясь о перила, принялся глядѣть.

Прямо передъ нимъ лежавшія горы начинали показывать свои гребни, между тѣмъ какъ вся ихъ масса, до самаго дна

*) См. выше: апр., 603 стр.

ущелій, пребывала еще въ тѣни. Туманы бродили... Они вдругъ разорвались—и ясно выступили очертанія Мертваго моря. Заря уже зажигалась позади Махэруса; уже начинали разливаться ея красноватыя отраженія. Понемногу освѣтила она прибрежные пески, холмы, пустыню; а тамъ, дальше къ небосклону, зарумянились и Іудейскія горы съ своими сѣрыми, шероховатыми покатостями. Посерединѣ—Энгадди протянулось черною чертою; Эбронъ въ углубленіи закруглился куполомъ, Эсколь показалъ свои гранатовыя рощи, Сорэкъ свои виноградники, Газеръ—поля, усѣянныя кунгутомъ; кубышкообразная, громадная Антоніева башня тяжело повисла надъ Іерусалимомъ. Тетрархъ отвелъ отъ нея свои взоры и сталъ созерцать Іерихонскія пальмы; вспомнилъ онъ тутъ остальные города своей Галилеи: Капернаумъ, Аэндоръ, Назаретъ—и Тиверіаду, куда онъ, можетъ быть, никогда не возвратится. Іорданъ струился передъ нимъ по безжизненной пустынѣ. Внезапно вся побѣлѣвшая, она слѣпила глаза, подобно снѣговой скатерти. Мертвое море становилось похожимъ на большой лазоревый камень—и на сѣверной его оконечности, со стороны Іемена, Антипа открылъ именно тò, чтò онъ боялся найти: разбросанныя палатки темно-бураго цвѣта виднѣлись тамъ; люди, съ копьями въ рукахъ, двигались промежъ лошадей,—а потухавшіе огоньки блистали искрами,—низко,—на самомъ уровнѣ земли.

Тó было войско аравійскаго царя, съ дочерью котораго Антипа развелся для того, чтобы взять за себя Иродіаду, жену одного изъ своихъ братьевъ. Братъ этотъ жилъ въ Италіи, безо всякаго притязанія на власть.

Антипа ожидалъ помощи отъ римлянъ; и такъ какъ Вителлій, сирійскій правитель, медлилъ прибытіемъ — безпокойство терзало тетрарха.—«Агриппа», думалъ онъ, «навѣрное повредилъ мнѣ у императора». Филиппъ, третій его братъ, владѣлецъ Ватанеи, тайно вооружался. Іудеевъ возмущали идолопоклонническіе обычаи тетрарха; другихъ его подданныхъ тяготило его правленіе. Вотъ онъ и колебался между двумя рѣшеніями: либо смягчить аравитянъ—либо заключить союзъ съ пареянами;—и, подъ предлогомъ имениннаго празднества, онъ, въ тотъ самый день, пригласилъ на великій пиръ главныхъ начальниковъ своихъ войскъ, приставовъ по имѣніямъ и важнѣйшихъ лицъ Галилеи.

Остро-напряженнымъ взоромъ пробѣжалъ онъ всѣ дороги. Онѣ были пусты. Орлы летали надъ его головою. Вдоль крѣпостного вала солдаты спали, прислонившись къ стѣнѣ. Во дворцѣ ничего не шевелилось.

Внезапно, отдаленный голосъ, какъ-бы выходившій изъ нѣдръ земли, заставилъ поблѣднѣть тетрарха. Онъ нагнулся, чтобы вѣрнѣе прислушаться. Но голосъ умолкъ. Потомъ онъ опять раздался... и, хлопнувъ нѣсколько разъ въ ладоши, Иродъ закричалъ: «Маннàи! Маннàи!»

Появился человѣкъ, обнаженный до пояса, подобно баньщику. Онъ былъ очень высокаго роста, старъ, страшно худъ: на лядвѣ у него висѣлъ большой ножъ въ бронзовыхъ ножнахъ—и такъ какъ его волосы, захваченные гребнемъ, были всѣ вздѣты кверху, то лобъ его казался длины необычайной. Странная сонливость заволакивала его безцвѣтные глаза. Но зубы его блестѣли—и ноги легко и твердо ступали по плитамъ. Гибкость обезьяни сказывалась во всемъ его тѣлѣ,—безстрастная неподвижность муміи—на лицѣ.

— Гдѣ онъ?—спросилъ тетрархъ.

— Все тамъ же!—отвѣчалъ Маннàи, указывая позади себя большимъ пальцемъ правой руки.

— Мнѣ почудился его голосъ!—И Антипа, вздохнувъ глубоко до дна груди, освѣдомился объ Іоаканамѣ,—о томъ человѣкѣ, котораго латиняне называютъ святымъ Іоанномъ Крестителемъ.

— Приходили ли вновь тѣ два человѣка, которые, мѣсяцъ тому назадъ, были, по снисхожденію, допущены въ его тюрьму—и стала ли извѣстна причина ихъ посѣщенія?

Маннàи отвѣчалъ:

— Они обмѣнялись съ нимъ таинственными словами, ни дать, ни взять ночные воры на перекресткахъ дорогъ. Потомъ они отправились въ верхнюю Галилею, объявивъ, что скоро вернутся съ великою вѣстью.

Антипа наклонилъ голову;—потомъ, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ:

— Береги его! береги!—воскликнулъ онъ,—и никого не допускай до него! Запри крѣпко дверь! Прикрой яму!—Никто не долженъ даже подозрѣвать, что онъ еще живъ!

Еще не получивъ этихъ приказаній, Маннàи уже исполнялъ ихъ, ибо Іоаканамъ былъ іудей, и Маннàи, какъ всѣ самаритяне, ненавидѣлъ іудеевъ.

Гаризинскій ихъ храмъ, храмъ самаритянъ, предназначенный Моисеемъ быть средоточіемъ Израиля, не существовалъ со временъ короля Гиркана;—а потому іерусалимскій храмъ наполнялъ душу Маннàи тою яростью оскорбленія, которую возбуждаетъ торжествующая несправедливость. Маннàи однажды тайно пробрался въ іерусалимскій храмъ съ другими товарищами для того, чтобы

осквернить алтарь возложеніемъ на священное мѣсто мертвыхъ костей. Его спасло проворство ногъ;—сообщникамъ его отрубили головы.

И вотъ онъ увидѣлъ ненавистный храмъ вдали, въ разрѣзѣ двухъ холмовъ. Поднявшееся солнце ярко освѣщало бѣломраморныя стѣны и золотыя плиты крыши. Храмъ являлся лучезарной горой, чѣмъ-то сверхъестественнымъ; все кругомъ было подавлено его великолѣпіемъ, его гордыней.

Маннàи протянулъ руку въ направленіи Сіона — и, выпрямивъ станъ, сжавъ кулаки, закинувъ лицо, произнесъ анаѳему. Онъ билъ увѣренъ, что клятвенныя слова имѣютъ дѣйствительную силу!

Антипа равнодушно выслушалъ его возгласъ. Самаритянинъ продолжалъ:

— Отъ времени до времени онъ волнуется, онъ хочетъ бѣжать; онъ надѣется на освобожденіе. Иногда у него видъ спокойный, какъ у больного звѣря; а не то онъ вдругъ начнетъ ходить взадъ и впередъ въ потьмахъ, безпрестанно повторяя: —«Что нужды!—Дабы онъ возвеличился, нужно мнѣ умалиться!»

Антипа и Маннàи обмѣнялись взорами. Но долгія размышленія уже утомили тетрарха.

Всѣ эти горы вокругъ него, подобныя уступамъ большихъ окаменѣлыхъ волнъ, черныя разсѣлины на склонѣ крутыхъ скатовъ, громадность синяго неба, сильный дневной свѣтъ, глубина пропастей—все его смущало; и безнадежное уныніе овладѣвало имъ при зрѣлищѣ пустыни, почва которой, искаженная допотопными переворотами, являла видъ обрушенныхъ церковъ и дворцовъ. Горячій вѣтеръ приносилъ вмѣстѣ съ запахомъ сѣры какъ-бы испаренія Богомъ проклятыхъ городовъ, зарытыхъ глубоко, ниже береговъ Мертваго моря, подъ тяжелыми его водами. Эти слѣды безсмертнаго гнѣва пугали умъ тетрарха; и онъ пребывалъ недвижимъ, опершись обоими локтями на перила и сжимая виски руками. Кто-то слегка тронулъ его. Онъ обернулся: передъ нимъ стояла Иродіада.

Легкій пурпурный хитонъ облекалъ ее всю до самыхъ сандалій. Торопливо покинувъ свои покои, она не успѣла надѣть ни ожерелья, ни серегъ; густая косьма черныхъ волосъ падала ей на плечо, прильнувъ концомъ къ груди, въ промежуткѣ сосцовъ. Вздернутыя ноздри трепетали; радость торжества озаряла лицо. Громкимъ голосомъ взывая къ тетрарху:—

— Цезарь насъ любитъ!—промолвила она.—Агриппа посаженъ въ тюрьму.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Ужъ я знаю! Онъ въ тюрьмѣ, — продолжала она, — за то, что пожелалъ Каію [1]) быть императоромъ.

Этотъ Агриппа, живя ихъ подаяніемъ, стремился добыть себѣ царскій титулъ, котораго и они домогались. Но теперь его уже нечего страшиться! Тюрьмы Тиверія отпираются нелегко, и самая жизнь въ нихъ не всегда надежна!

Антипа понялъ ее; и хотя она была сестра этого самаго Агриппы — жестокій смыслъ ея послѣднихъ словъ не возмутилъ его; напротивъ, онъ ее оправдывалъ. Къ тому же, всѣ эти убійства проистекали изъ самой силы вещей; они были какъ-бы необходимостью въ тогдашнихъ царскихъ домахъ. Въ домѣ Ирода ихъ уже не считали... такъ ихъ было много.

Затѣмъ она разсказала тетрарху всѣ свои старанія; упомянула о подкупѣ кліентовъ, о вскрытыхъ письмахъ, о лазутчикахъ, приставленныхъ ко всѣмъ дверямъ; разсказала, какъ ей удалось переманить главнаго доносчика Эвтихія... все, все сообщила она. — Я ничего не жалѣла! Для тебя, чего я не сдѣлала? Не отреклась ли я отъ собственнаго сына?

Послѣ развода, она оставила этого ребенка въ Римѣ, надѣясь имѣть другихъ дѣтей отъ тетрарха. До того дня она никогда не упоминала объ этомъ. И онъ спрашивалъ себя: откуда въ ней этотъ внезапный приливъ нѣжности — и что̀ онъ значитъ?

Между тѣмъ прислужники натянули веларіумъ, принесли и положили на полъ широкія подушки. Иродіада опустилась на одну изъ нихъ, и заплакала, обернувшись спиною къ мужу. Но вотъ она провела ладонью по вѣкамъ... Она рѣшила, что не будетъ думать о прошломъ, что она теперь счастлива! И она принялась напоминать тетрарху долгія ихъ бесѣды тамъ, въ далекомъ Римѣ, въ атріумѣ дворца; встрѣчи ихъ подъ портиками бань, прогулки по «Священной улицѣ» [2]), и вечера, проведенные въ просторныхъ виллахъ, при рокотѣ водометовъ, подъ цвѣточными арками, въ виду римской Кампаньи. Она взглядывала на него, какъ въ бывалые дни, и съ кошачьими движеніями всего тѣла, ластилась къ его груди. Онъ оттолкнулъ ее.

Та любовь, которую она старалась оживить, была теперь такъ отъ него далеко! Причиной всѣхъ его бѣдствій была эта любовь. По ея милости война продолжалась, вотъ уже скоро девять лѣтъ; по ея милости тетрархъ состарѣлся. Облеченная въ темную тогу съ

---

[1]) Кай Калигула, наслѣдникъ Тиверія.

[2]) *Via Sacra* — главная улица древняго Рима.

лиловой каймой, его спина горбилась; сѣдина мелькала въ бородѣ, и лучи солнца, проникавшіе сквозь ткань натянутаго покрова, озаряли живымъ свѣтомъ его угрюмый, сморщенный лобъ. На лбу Иродіады тоже видиѣлись складки и, сидя другъ противъ друга, они мѣнялись враждебными, суровыми взглядами.

Межъ тѣмъ горныя дороги оживлялись. Пастухи погоняли быковъ остріемъ дротиковъ, дѣти тащили за собой ословъ, конюхи вели вьючныхъ лошадей. Тѣ, которые спускались съ высотъ, лежавшихъ за Махэрусомъ, исчезали постепенно за стѣнами замка; другіе поднимались вдоль ущелій, ведшихъ къ Махэрусу—и, войдя въ городъ, складывали свою ношу по дворамъ домовъ. То были поставщики тетрарха и слуги гостей, высланные впередъ своими господами. Но вотъ налѣво, на самомъ концѣ террасы появился ессей, босой, въ бѣлой одеждѣ, съ видомъ стоика. Маннàи тотчасъ бросился къ нему на встрѣчу, обнаживъ и высоко поднявъ свой ножъ.

— Убей его!—кричала ему Иродіада.

— Стой!—промолвилъ тетрархъ.

Маннàи остановился; тотъ тоже.

Потомъ оба отступили, пятясь другъ отъ друга и не покидая другъ друга взглядомъ; и оба исчезли—каждый по другой лѣстницѣ.

— Я знаю его!—сказала Иродіада;—его имя Фануилъ; онъ старается свидѣться съ Іоаканамомъ, такъ какъ ты настолько слабъ, что сохраняешь его въ живыхъ.

Антипа возразилъ, что изъ Іоканама можно было извлечь пользу. Его постоянныя нападки на Іерусалимъ привлекали къ нимъ обоимъ остальныхъ евреевъ.

— Нѣтъ!—воскликнула она.—Евреи покоряются всѣмъ своимъ властителямъ. Они не въ состояніи создать себѣ родину. А того, кто тревожитъ народъ, возбуждая въ немъ надежды, сохранившіяся со временъ Гегеміаса—того должно уничтожить.—Вотъ самая вѣрная политика.

— Намъ не къ спѣху!—увѣрялъ тетрархъ.—Іоаканамъ—опасенъ! Вотъ выдумала!!

И онъ смѣялся притворно.

— Молчи,—крикнула она.

И она снова разсказала то униженіе, которому подверглась она въ день своей поѣздки въ Галаадъ для сбора бальзама. На берегу рѣки какіе-то нагіе люди надѣвали свои одежды. Тутъ же, на вершинѣ холма, стоялъ человѣкъ и говорилъ. Онъ былъ препоясанъ по чресламъ верблюжьей кожей—и его голова похо-

дила на голову льва.—Какъ только онъ увидѣлъ меня,—продолжала Иродіада,—онъ изрыгнулъ на меня всѣ проклятія пророковъ. Его зеницы пылали, голосъ завывалъ; онъ поднималъ руки къ небу, какъ-бы желая достать оттуда громовыя стрѣлы. Бѣжать было невозможно; колесница моя до самыхъ ступицъ завязла въ пескѣ... И я поневолѣ медленно удалялась, закрываясь мантіей—и вся кровь моя стыла отъ оскорбленій, которыя сыпались на меня, какъ дождевой ливень!

Іоаканаанъ не давалъ жить Иродіадѣ! Когда его схватили и связали веревками—солдатамъ данъ былъ приказъ зарѣзать его, еслибъ онъ вздумалъ сопротивляться. Но тутъ онъ, какъ нарочно, явился смиренникомъ. Въ его тюрьму напустили змѣй: змѣи околѣли.

Неудача ея козней выводила изъ себя Иродіаду. Зачѣмъ онъ нападалъ на нее? Чтó его побуждало? Его рѣчи, обращенныя къ толпѣ, распространялись повсюду, ихъ повторяли—она слышала ихъ вездѣ,—онѣ наполняли воздухъ. Она не была лишена мужества—но эта сила, болѣе язвительная, чѣмъ лезвіе мечей, сила, которую невозможно было схватить, наводила на нее нѣчто въ родѣ оцѣпенѣнія. Иродіада расхаживала взадъ и впередъ по террассѣ, вся помертвѣлая отъ гнѣва, не находя словъ, чтобы выразить все, чтó душило ее.

Она думала также о томъ, что тетрархъ, уступая общему мнѣнію, могъ, пожалуй, развестись съ нею. Тогда все погибло! Съ самыхъ младыхъ ногтей она питала мечту о великомъ царствѣ. Только для того, чтобы осуществить эту мечту, рѣшилась она оставить своего перваго мужа и соединиться съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который ее обманываетъ.

— Хорошую я нашла подпору, нечего сказать, войдя въ твою семью!

— Моя семья не хуже твоей,—спокойно отвѣчалъ тетрархъ.

Въ жилахъ Иродіады внезапно закипѣла кровь ея прадѣдовъ, первосвященниковъ и царей!

— Твой дѣдъ подметалъ храмъ въ Аскалонѣ! Другіе твои родичи были пастухами, разбойниками, поводырями каравановъ! Сволочь, платившая дань Іудѣ, со временъ царя Давида! Всѣ мои предки били твоихъ предковъ! Первые изъ Маккавеевъ выгнали васъ изъ Геброна, Гирканъ принудилъ васъ обрѣзаться!

И давъ волю чувству презрѣнія, презрѣнія патриціанки къ плебэю, рода Якова къ роду Эдома, Иродіада начала осыпать Антипу упреками за его равнодушіе къ оскорбленіямъ, за его

уступчивость передъ предателями, фарисеями, за его трусость передъ народомъ, который его ненавидѣлъ.

— Ты такой же, какъ они—признайся! И ты сожалѣешь о томъ, что оставилъ аравійскую дѣвку, ту, что пляшетъ вокругъ камней! Возьми же ее опять! Ступай и живи въ ея холщевой палаткѣ! Пожирай ея хлѣбъ, испеченный подъ золою! Глотай кислое молоко ея овецъ! Лобызай ея синія щеки—и оставь меня!

Но тетрархъ уже не слушалъ ея. Онъ устремилъ глаза на плоскую крышу сосѣдняго дома, гдѣ внезапно увидѣлъ молодую дѣвушку; рядомъ съ нею старуха держала зонтикъ съ тростниковой ручкой, длинный, какъ рыбачье удилище. По серединѣ ковра стоялъ раскрытый дорожный коробъ; пояса, спутанныя ткани, разноцвѣтные покровы, золотыя подвѣски, въ безпорядкѣ свѣшивались черезъ его края. Отъ времени до времени молодая дѣвушка наклонялась къ этимъ предметамъ, встряхивала ихъ на воздухѣ. Она была одѣта римлянкой—въ тонкую тунику и въ пеплумъ съ застежками изъ изумруда; синія перевязи удерживали ея косу, вѣроятно, очень тяжелую: дѣвушка изрѣдка трогала ее сзади рукою. Тѣнь отъ зонтика колебалась надъ нею, скрывая ее до половины. Раза два удалось Антипѣ замѣтить ея гибкую шею, уголъ глаза, часть небольшого рта. Но онъ могъ видѣть весь ея станъ отъ бедръ до затылка. Онъ видѣлъ, какъ онъ склонялся и выпрямлялся—легко и упруго. Онъ караулилъ возвратъ этого стройнаго движенія—и дыханіе его становилось усиленнымъ, огоньки зажигались въ глазахъ. Иродіада наблюдала за нимъ.

— Кто это?—спросилъ онъ наконецъ.

Она отвѣчала, что не знаетъ... и, внезапно утихнувъ, удалилась.

Тетрарха ожидали подъ портикомъ галилеяне: завѣдывавшій письменной частью, главный приставъ надъ пастбищами, управляющій соляными копями и еврей изъ Іерусалима, начальникъ его конницы. Всѣ привѣтствовали его дружнымъ восклицаніемъ... Но онъ обратился ко внутреннимъ покоямъ.

Фануилъ возникъ передъ нимъ на поворотѣ корридора.

— Опять ты! Ты, конечно, пришелъ сюда ради Іоаканама?

— И ради тебя! Мнѣ нужно сообщить тебѣ важное извѣстіе...

И, не покидая болѣе Антипу, онъ проникъ вслѣдъ за нимъ въ темную храмину.

Свѣтъ падалъ въ нее сквозь рѣшетчатое отверстіе, растилаясь во всю длину карниза. Стѣны были выкрашены красно-лиловой, почти черной краской. У задней стѣны возвышалось

ложе изъ чернаго дерева, съ тесьмами изъ бычачьей кожи. Золотой щитъ блисталъ, какъ солнце, надъ изголовьемъ.

Антипа перешелъ всю храмину и бросился на ложе. Фануилъ, стоя, поднялъ руку съ внушительнымъ и вдохновеннымъ видомъ.

— Всевышній посылаетъ иногда одного изъ чадъ своихъ... Іоаканамъ—такое Его чадо. Если ты будешь притѣснять его — тебя постигнетъ кара.

— *Онъ* преслѣдуетъ меня,—воскликнулъ тетрархъ.—Онъ потребовалъ отъ меня невозможнаго!—Съ тѣхъ поръ онъ всячески меня поноситъ. Сначала я кротко съ нимъ обращался... Но онъ послалъ изъ Махэру́са людей, которые возмущаютъ моихъ подданныхъ.—Онъ нападаетъ на меня... Я защищаюсь.

— Іоаканамъ слишкомъ ретивъ въ гнѣвѣ, точно,—возразилъ Фануилъ. —Но какъ бы то ни было, его надо освободить!

— Дикихъ звѣрей не выпускаютъ на волю,—сказалъ тетрархъ.

— Не тревожься болѣе!—отвѣчалъ Фануилъ.—Онъ пойдетъ къ аравитянамъ, къ галламъ, къ скиѳамъ.—Дѣлу, къ которому онъ призванъ, суждено достигнуть предѣловъ земли.

Антипа казался погруженнымъ въ нѣкое видѣніе.

— Его власть велика! Я, противъ собственной воли, люблю его.

— Такъ освободи его!

Тетрархъ покачалъ головою. — Онъ боялся Иродіады, Маннэи... онъ страшился неизвѣстнаго будущаго.

Фануилъ попытался убѣдить его. Залогомъ правдивости словъ своихъ, онъ представлялъ постоянную покорность ессеевъ царямъ. Эти люди, бѣдные, недоступные страху пытки и казней, покрытые льняной одеждой, умѣвшіе читать въ книгѣ звѣздного неба, внушали невольное уваженіе. Антипа вспомнилъ слово, сказанное Фануиломъ въ началѣ разговора.

— Какое важное извѣстіе хотѣлъ ты сообщить мнѣ?

Но вдругъ появился негръ. Все его тѣло побѣлѣло отъ пыли.—Онъ хрипѣлъ отъ усталости и могъ только произнести:

— Вителлій!

— Какъ? Онъ сюда идетъ?

— Я видѣлъ его... Черезъ три часа онъ здѣсь!

Занавѣсы корридоровъ заколыхались, какъ-бы вздутые вѣтромъ; шумъ наполнилъ весь за́мокъ, топотъ и грохотъ бѣгавшихъ людей, перетаскиваемыхъ мёбелей, лязгъ и звонъ серебряныхъ сосудовъ... а съ вышины башенъ зычно гремѣли трубы, призывавшія разбредшихся рабовъ.

II.

Толпы народа покрывали крѣпостные валы, когда Вителлій вошелъ во дворъ зáмка. Онъ опирался объ руку своего толмача; слѣдомъ за нимъ подвигались большія носилки, обитыя красной тканью, украшенныя зеркалами и помпонами.—Вителлій былъ одѣтъ въ тогу съ широкою пурпуровою каймою, въ консульскіе полусапожки; ликторы окружали его особу.

Они вонзили въ землю передъ дверью двѣнадцать пуковъ прутьевъ, перевитыхъ ремнемъ, съ топоромъ по серединѣ... и всѣ зрители тайно вострепетали передъ величіемъ римскаго народа.

Носилки, которыми орудовали восемь человѣкъ, остановились... Юноша, съ толстымъ животомъ, съ лицомъ угреватымъ, съ жемчужными кольцами на пальцахъ—вышелъ оттуда. — Ему тотчасъ предложили кубокъ съ виномъ и душистыми пряностями.—Онъ выпилъ и потребовалъ еще. Между тѣмъ тетрархъ упалъ на колѣни передъ проконсуломъ, сокрушаясь о томъ, что не былъ раньше увѣдомленъ о великой милости его прибытія.— А то бы онъ, тетрархъ, отдалъ приказъ, чтобы по всѣмъ дорогамъ было припасено тó, что подобаетъ Вителліямъ. Они происходили отъ богини Вителліи; дорога, ведшая отъ Яникула къ морю, носила ихъ имя; квестурамъ, консульствамъ не было счету въ ихъ родѣ! Чтó же до самого Люція, ставшаго теперь гостемъ тетрарха, то всѣ были ему обязаны благодарностью, какъ побѣдителю строптивыхъ клитовъ и отцу того юнаго Авла, который, прибывъ сюда, казалось, возвращался въ свое владѣніе — такъ какъ Востокъ всегда считался родиной боговъ!—Всѣ эти гиперболы были высказаны тетрархомъ по-латыни—Вителлій принималъ ихъ холодно и спокойно.

Онъ отвѣчалъ наконецъ, что одного Великаго Ирода достаточно для славы цѣлаго народа. Аѳиняне почтили его завѣдываніемъ олимпійскихъ игръ. Онъ построилъ храмы въ честь Августа, и отличался всегда терпѣніемъ, смышленостью, воинской доблестью и постоянной вѣрностью цезарямъ. Между колоннами съ бронзовыми капителями появилась Иродіада. Она шествовала съ видомъ императрицы, окруженная женщинами и евнухами; они несли золотые подносы, на которыхъ курились благовонія.

Проконсулъ шагнулъ три раза ей на встрѣчу. Привѣтствовалъ его легкимъ наклоненіемъ головы:—Какое счастье!—воскликнула она,—что Агриппа, врагъ Тиверія, впередъ не можетъ вредить болѣе!—Вителлій ничего не зналъ объ этомъ событіи. Иро-

діада показалась ему опасной.... и такъ какъ Антипа началъ клясться богами, что сдѣлаетъ все для императора: —

— Да, прибавилъ проконсулъ—даже во вредъ другимъ.

(Вителлію нѣкогда удалось добыть заложниковъ отъ парѳянскаго царя; но императоръ не обратилъ вниманія на эту заслугу—ибо Антипа, присутствовавшій при совѣщаніи, немедленно, чтобы выставить себя, первый послалъ объ этомъ вѣсть. Этотъ поступокъ тетрарха породилъ глубокую ненависть въ Вителліи; оттого онъ и мѣшкалъ привести обѣщанную помощь).

Тетрархъ смутился и не зналъ, что́ сказать; но Авлъ промолвилъ со смѣхомъ:

— Не бойся! *Я* твой покровитель!

Проконсулъ притворялся, что не слышалъ словъ, сказанныхъ его сыномъ. Счастье отца зависѣло отъ оскверненія сына; и этотъ Авлъ, этотъ цвѣтокъ, возросшій на грязи Капреи, доставлялъ ему такія значительныя выгоды, что онъ окружалъ его самыми предупредительными заботами — хоть и не довѣрялъ ему: цвѣтокъ этотъ былъ ядовитъ.

Подъ воротами поднялся громкій шумъ. Появился цѣлый рядъ бѣлыхъ муловъ, на которыхъ возсѣдали люди въ священнической одеждѣ. То́ были саддукеи и фарисеи, которыхъ одна и та же честолюбивая мысль приводила въ Макэрусъ. Саддукеи желали получить право жертвоприношенія;—а фарисеи — удержать это право за собою. Лица этихъ людей были мрачны, особенно лица фарисеевъ, прирожденныхъ враговъ тетрарха и Рима. Они путались въ полахъ своихъ хламидъ среди тѣснившейся толпы— и тіары ихъ колебались на ихъ головахъ, подвязанныя узкими лентами, на которыхъ были начертаны письменные знаки.

Почти въ то же время прибыли солдаты римскаго авангарда. Они вложили щиты свои въ мѣшки, чтобы сохранить ихъ отъ пыли—а за ними шелъ Марцеллъ, намѣстникъ проконсула, вмѣстѣ съ митарями, державшими подъ мышками деревянныя таблицы.

Антипа представилъ проконсулу главныхъ своихъ приближенныхъ, Толмаія, Карѳера, Секона, Аммоніаса изъ Александріи, который закупалъ для него асфальтъ, Наамана, начальника его легкой пѣхоты, вавилонца Яссима.

Вителлій уже прежде замѣтилъ Маннаи.

— А этотъ кто?

Тетрархъ объяснилъ ему знакомъ, что это былъ палачъ. Потомъ онъ представилъ Вителлію саддукеевъ.

Іонаѳанъ, человѣкъ малаго роста, весьма развязный въ своихъ движеніяхъ и говорившій по-эллински, началъ умолять

проконсула посѣтить его въ Іерусалимѣ. Тотъ отвѣчалъ, что вѣроятно туда прибудетъ.

Элеазаръ, человѣкъ съ крючковатымъ носомъ и длинной бородою, сталъ требовать отъ имени фарисеевъ плащъ первосвященника, задержанный въ Антоніевой башнѣ гражданской властью.

Затѣмъ галилеяне подали доносъ на Понтія Пилата. Пользуясь тѣмъ предлогомъ, что нѣкій безумецъ отыскивалъ золотые сосуды Давида въ пещерѣ близъ Самаріи, онъ повелѣлъ убить нѣсколькихъ жителей.—Всѣ они говорили въ одно и то же время—Маннàи громче и настойчивѣе другихъ. Вителлій увѣрялъ ихъ, что виновные будутъ наказаны.

Внезапно бранные слова и крики раздались передъ однимъ изъ портиковъ, гдѣ солдаты повѣсили свои щиты. Они сняли съ нихъ чехлы—и фигура цезаря, изображенная на пупѣ каждаго щита, возбудила негодованіе іудеевъ, считавшихъ это идолопоклонствомъ.—Антипа началъ ихъ усовѣщевать рѣчью — а Вителлій, сидѣвшій подъ колоннадой на высокомъ креслѣ, дивился ихъ неразумной ярости.—Да, думалъ онъ, Тиверій былъ правъ, что сослалъ четыре сотни такихъ іудеевъ въ Сардинію. Но здѣсь они были у себя дома—они были сильны... Вителлій приказалъ унести щиты.

Но тутъ они всѣ окружили проконсула, испрашивая—кто отмѣны какой-либо несправедливости, кто—особыхъ привилегій, кто—просто милостыни. Они рвали свои одежды, продирались впередъ; чтобы удержать ихъ, рабы били ихъ палками—направо, налѣво. Ближайшіе къ дверямъ стали спускаться по дорогѣ—но другіе поднимались по ней и снова надвигали ихъ на проконсула. Два теченія образовалось въ этой массѣ людей, которая грузно колебалась, стѣсненная оградою стѣнъ.

Вителлій спросилъ, какая была причина такого многочисленнаго собранія? Антипа отвѣтилъ, что всѣ эти люди пришли на праздникъ его имениНъ—и указалъ на нѣкоторыхъ слугъ своихъ. Свѣсившись съ бойницъ, втаскивали они на веревкахъ огромныя корзины, полныя мясами, плодами, овощами.—Онъ указалъ еще на антилопъ, аистовъ, широкихъ рыбъ лазореваго цвѣта, на виноградныя гроздья, дыни, тыквы, гранаты, нагроможденныя въ видѣ пирамидъ.—Авлъ не выдержалъ. Онъ устремился въ кухню, увлеченный тѣмъ обжорствомъ, которому, много лѣтъ спустя, было суждено удивить цѣлый міръ [1].

[1] Этотъ Авлъ Вителлій былъ, какъ извѣстно, императоромъ послѣ Отона, въ 69 году по Р. Х.

Проходя мимо погреба, онъ увидалъ кастрюли, подобныя двойнымъ латамъ. Вителлій также подошелъ посмотрѣть на нихъ— и потребовалъ, чтобы ему отперли подземныя комнаты за̀мка.

Онѣ были высѣчены въ скалѣ—въ видѣ высокихъ подваловъ со сводами, которые подпирались столбами. Въ первой комнатѣ находился складъ стараго, уже негоднаго оружія. Но вторая была биткомъ набита пиками; тѣсно и дружно торчали ихъ острія, охваченныя пучками перьевъ. Стѣны третьей комнаты казались обтянутыми множествомъ цыновокъ: до того густо были насажены кругомъ тонкія стрѣлы, стоймя, другъ возлѣ дружки. Лезвія мечей покрывали стѣны четвертой комнаты. Посреди пятой—длинныя линіи шлемовъ съ ихъ гребнями уподоблялись легіону красныхъ змѣй. Въ шестой комнатѣ находились одни колчаны, въ седьмой однѣ ножныя латы (кнэмиды), въ восьмой—налокотники, въ остальныхъ — вилы, крюки, лѣстницы, канаты; — тутъ были даже шесты для катапультовъ, даже бубенчики для верблюжьихъ нагрудниковъ... И такъ какъ гора шла, расширяясь книзу, вся пробуравленная изнутри какъ пчелиный улей—то подъ однимъ рядомъ комнатъ разстилался другой—а еще глубже—третій.

Вителлій, Финеасъ, его толмачъ, и Сизенна, начальникъ мытарей, проходили всѣ эти комнаты при свѣтѣ факеловъ, несомыхъ тремя евнухами. Смутно виднѣлись въ тѣни безобразные предметы, изобрѣтенные варварами: палицы, усѣянныя гвоздями, отравленные дротики, клещи, подобные челюстямъ крокодиловъ... Тетрархъ обладалъ въ Махэрусѣ военными снарядами, достаточными для вооруженія сорока тысячъ солдатъ. Онъ собралъ всѣ эти снаряды въ предвидѣніи опаснаго союза противниковъ; но проконсулъ могъ подумать или даже сказать, что это все было наготовлено съ цѣлью воевать противъ римлянъ; и тетрархъ старался представить оправданія, извиненія.

Не всѣ оружія ему принадлежали.—Многія служили защитой отъ разбойниковъ. Кромѣ того, нужно было сражаться съ арабитянами. Иное досталось ему отъ отца. — И вмѣсто того, чтобы идти позади проконсула, тетрархъ бѣжалъ впередъ торопленными шагами. Онъ вдругъ прислонился къ стѣнѣ, растягивая тогу растопыренными локтями. Но верхняя часть двери виднѣлась надъ его головою. Вителлій замѣтилъ эту дверь—и захотѣлъ узнать, что̀ скрывается за нею?

Вавилонецъ могъ одинъ отворить ее.

— Позвать вавилонца!

Его подождали.

Отецъ этого вавилонца прибылъ съ береговъ Эвфрата съ пятью-

стами всадниковъ. Онъ предложилъ Великому Ироду свои услуги для защиты восточныхъ окраинъ. Послѣ раздѣленія царства, Ясимъ остался жить у Филиппа—а теперь служилъ Антипѣ.

Онъ явился наконецъ, съ лукомъ на плечѣ, съ бичомъ въ рукѣ. Разноцвѣтныя бичевки тѣсно стягивали его кривыя ноги. Туника въ видѣ поддёвки не покрывала его обнаженныхъ толстыхъ рукъ; мѣховая шапка бросала черную тѣнь на хмурое лицо и на бороду, завитую въ колечки.

Сначала онъ притворился, что не понимаетъ толмача. Но Вителлій глянулъ на Антипу... и тотъ немедленно повторилъ его повелѣніе. Тогда Ясимъ приложился обѣими руками къ двери: скользнувъ, она вошла въ стѣну.

Струею теплаго воздуха пахну́ло изъ мрака. Широкій корридоръ, спускаясь винтообразно, велъ въ глубь. Всѣ отправились по этому корридору и достигли порога пещеры, болѣе просторной, чѣмъ всѣ другія подземелья.

На противоположномъ концѣ этой пещеры зіяло отверстіе арки, выходившей на самую кручь бездны, которая съ той стороны защищала крѣпость. Дикая жимолость, цѣпляясь за сводъ арки, колебала на прозрачномъ воздухѣ свои цвѣточныя гроздья, озаренныя живымъ свѣтомъ дня; по дну пещеры журчала узкая струйка ключевой воды.

Около сотни бѣлыхъ лошадей находилось тамъ; онѣ ѣли ячмень, насыпанный на доску, поднятую въ уровень съ ихъ мордами. Гривы ихъ были окрашены въ синюю краску; копыта—обернуты въ плетёные мягкіе мѣшечки; чолки между ушами вздымались хохолкомъ въ видѣ париковъ. Своими длинными хвостами онѣ тихонько похлопывали себѣ по берцамъ. Проконсулъ онѣмѣлъ отъ удивленія.

То́ были дивныя животныя, гибкія какъ змѣи, легкія какъ птицы. Онѣ мчались, не отставая отъ стрѣлы, пущенной всадникомъ, сбивали съ ногъ людей, грызли ихъ зубомъ, мигомъ высвобождались изъ нагроможденныхъ камней и скалъ, прыгали черезъ пропасти, а среди ровнаго поля неслись какъ бѣшеныя, безъ устали, отъ зари до зари. Сто́ило сказать одно слово — и онѣ тотчасъ останавливались какъ вкопанныя. Какъ только Ясимъ вошелъ въ пещеру, онѣ всѣ побѣжали къ нему какъ овцы къ пастуху—и, вытягивая тонкія шеи, тревожно глядѣли на него своими дѣтскими глазами. По привычкѣ, онъ крикнулъ на нихъ дикимъ, гортаннымъ крикомъ; этотъ звукъ ихъ развеселилъ—и онѣ стали вздыматься на дыбы, прыгать... Жажда простора, жажда скачки въ нихъ загорѣлась.

Антипа, боясь, какъ бы проконсулъ не взялъ ихъ себѣ, заперъ ихъ въ этомъ мѣстѣ, особо предназначенномъ для животныхъ въ случаѣ осады.

— Нехорошая конюшня,—сказалъ проконсулъ.—Ты рискуешь потерять ихъ.—Запиши ихъ въ инвентарь, Сизенна.

Мытарь досталъ дощечку изъ-за пояса, перечелъ лошадей и записалъ ихъ. Агенты фискальныхъ обществъ подкупали правителей, чтобы удобнѣе грабить провинціи. И этотъ Сизенна, съ своей лисьей мордочкой и вѣчно мигавшими глазками, разнюхивалъ все и всюду.

Наконецъ, всѣ возвратились на дворъ зáмка. Бронзовыя круглыя доски, затычки, въ родѣ плоскихъ вьюшекъ, прикрывали разбросанныя тамъ-и-сямъ цистерны. Проконсулъ замѣтилъ одну изъ этихъ досокъ, которая была шире другихъ и глуше звенѣла подъ каблукомъ. Онъ поочередно постукалъ по всѣмъ—и вдругъ затопалъ ногами, заревѣлъ неистово!

— Нашелъ! нашелъ! Вотъ онѣ, Иродовы сокровища!

Отыскать эти сокровища — эта мысль какъ гвоздь засѣла въ голову каждаго римлянина.

Тетрархъ поклялся, что никакихъ сокровищъ тутъ не было.

— Такъ что же тутъ такое?

— Ничего... человѣкъ одинъ... узникъ.

— Покажи его!—сказалъ Вителлій.

Тетрархъ не повиновался. Іудеи узнали бы его тайну.

Его явное нежеланіе открыть эту доску раздражило Вителлія.

— Выбить ее!—закричалъ онъ ликторамъ.

Маннàи догадался, въ чемъ было дѣло. Увидавъ принесенный топоръ, онъ подумалъ, что хотятъ обезглавить Іоаканана; и при первомъ ударѣ лезвія о бронзовую плиту — онъ всунулъ между ею и каменьями мостовой длинный крюкъ; затѣмъ, вытянувъ и напрягши свои худыя, жилистыя руки, осторожно приподнялъ плиту... Она отвалилась. Всѣ изумились силѣ старика. Подъ этой бронзовой крышкой, подбитой деревомъ, показался трапъ. Маннàи ударилъ по немъ кулакомъ—и онъ распался на двѣ створчатыя половинки. Открылась яма, черная глубокая дыра, въ которую вонзалась узкая круглая лѣстница безъ перилъ; и тѣ, которые нагнулись надъ отверстіемъ, увидали тамъ, глубоко на днѣ, что-то смутное и ужасное.

Человѣкъ лежалъ тамъ на землѣ. Его длинные волосы перепутались съ шерстью звѣриной шкуры, облекавшей его члены. Онъ поднялся. Его лобъ коснулся поперечной желѣзной рѣшетки,

крѣпко вдѣланной въ стѣны ямы... Отъ времени до времени онъ отходилъ прочь и исчезалъ во тьмѣ подземелья.

Острыя верхушки тіаръ, рукоятки мечей сверкали на солнцѣ; тяжелый зной раскалилъ плиты мостовой — и голуби, слетая съ карнизовъ, кружили надъ дворомъ. Тó былъ обычный часъ, когда Маннàи кормилъ ихъ зерномъ. Онъ присѣлъ на корточки передъ тетрархомъ, который стоялъ недвижно возлѣ Вителлія. Галилеяне, священники, солдаты составляли сзади широкій кругъ — всѣ молчали въ нѣмотствующемъ ожиданіи.

Сперва послышался глубокій вздохъ, похожій на хриплое, протяжное рычаніе.

Иродіада услышала этотъ вздохъ на другомъ концѣ дворца. Охваченная неотразимымъ влеченіемъ, она прошла сквозь всю толпу, и, положивъ руку на плечо Маннàи, наклонивъ впередъ все тѣло, она принялась слушать.

Голосъ заговорилъ:

— «Горе вамъ, фарисеи и саддукеи, исчадье змѣй, мѣха надутые, кимвалы звенящіе!»

Всѣ узнали Іоаканама... всѣ повторяли его имя.

Много еще подбѣжало народу.

— «Горе тебѣ, народъ, горе вамъ, іудейскіе измѣнники, пьяницы эфраимскіе, горе вамъ, живущимъ въ тучныхъ долинахъ, вамъ, чьи путаются ноги, отягченныя винищемъ!...

— «Да расточатся они какъ вода изсякающая, какъ истлѣвающій червь, какъ недоносокъ женщины, которому не суждено увидѣть солнца!...

— «О, Моавъ, тебѣ придется скрываться въ вѣтвяхъ кипариса, подобно воробью, въ тьмѣ пещеръ, подобно тушканчику! Какъ орѣховая шелуха, раздробятся ворота крѣпостей и рухнутъ стѣны, и воспылаютъ города! Бичъ Всевышняго разить не перестанетъ! Въ твоей же крови вываляетъ Онъ твои члены, словно шерсть въ чану красильщика! Онъ истолчетъ тебя какъ зерно въ ступѣ; какъ новая борона терзаетъ грудь земли — такъ Онъ тебя истерзаетъ; по горамъ и доламъ разбросаетъ Онъ клочья твоего мяса!...»

— О какомъ завоевателѣ говоритъ онъ?—спрашивали себя слушатели.—Не о Вителліѣ-ли?—Одни римляне могли совершить такія истребленія!

И жалобы возникали кругомъ, раздавались стенанія. — Довольно! довольно! вели ему замолчать!

Но Іоканамъ продолжалъ еще громче:

— «Хватаясь за трупы своихъ матерей, малыя дѣти будутъ

ползти по горячему пеплу! Ночью, подъ страхомъ и на авось меча, люди пойдутъ искать посреди развалинъ огрызки хлѣба! На площадяхъ городскихъ, тамъ, гдѣ нѣкогда бесѣдовали старцы, чекалки станутъ оспаривать другъ у друга мертвыя кости! — Глотая слезы, юныя дѣвы будутъ играть на лютняхъ передъ пирующими иноземцами — и самые храбрые сыны твои, о, Моавъ!— преклонять хребты подъ непосильными ношами!»

Столпившійся народъ безмолвно слушалъ эти заклинанія,—и передъ его духовными очами возникали дни изгнанія, бѣдствія и напасти прошедшихъ временъ. — Точно такія рѣчи гремѣли въ устахъ древнихъ пророковъ.—Іоаканамъ посылалъ свои возгласы одинъ за другимъ, съ разстановкой—словно наносилъ удары.

И вдругъ его голосъ сталъ тихимъ, сладкозвучнымъ, пѣвучимъ.—Онъ предвѣщалъ скорое освобожденіе, царство справедливости, милости, благополучія. Небеса засіяютъ непреходнымъ сіяніемъ, въ пещерѣ дракона родится младенецъ, золото заступитъ мѣсто глины, пустыня расцвѣтетъ пышнѣе розы!—То, что̀ теперь сто̀итъ шестьдесятъ гиккасовъ, не будетъ стоить больше обола.—Молочные источники заструятся изъ нѣдра скалъ — всѣ люди, довольные, пресыщенные, будутъ опочивать въ тѣни виноградныхъ лозъ!....

— «Когда же придешь Ты, кого я ожидаю!—Уже теперь всѣ народы преклоняютъ колѣни—и царствію Твоему не будетъ конца, о, сынъ Давида!»

Тетрархъ откинулся назадъ.—Существованіе Давидова сына оскорбляло его какъ угроза.

Іоаканамъ началъ поносить его за его владычество —(нѣтъ другого владыки, кромѣ Предвѣчнаго!)—за его сады, его статуи, его театры, за его утварь изъ слоновой кости... Онъ поносилъ его какъ безбожнаго Ахава!

Антипа схватился за грудь, и перервавъ шнурокъ, на которомъ висѣла его печать, швырнулъ ее въ яму—и приказалъ ему молчать.

Но голосъ отвѣчалъ:

— «Я буду кричать, какъ рычитъ медвѣдь, какъ онагръ кричитъ, какъ женщина въ мукахъ родовъ! — За кровосмѣшеніе твое тебя уже постигло наказаніе! Богъ покаралъ тебя безплодіемъ мула!»

Быстрый смѣхъ промчался въ толпѣ, подобный плесканію волнъ.

Вителлій упорствовалъ, не хотѣлъ уйти. Толмачъ, съ безстрастнымъ видомъ, передавалъ на языкѣ римлянъ всѣ оскорбле-

нія, которыя Іоаканамъ изрекалъ на своемъ языкѣ — и такимъ образомъ тетрархъ и Иродіада принуждены были выслушивать ихъ два раза сряду.

Тетрархъ задыхался отъ бѣшенства; она глядѣла на дно ямы, вся помертвѣлая, съ раскрытыми губами.

Ужасный человѣкъ закинулъ назадъ голову—и, ухватившись за желѣзные прутья рѣшетки, прижалъ къ ней свое волосатое лицо, походившее съ виду на спутанный кустъ, въ которомъ сверкали два угля.

— «А, это ты, Іезавель! Скрыпъ твоихъ сандалій завладѣлъ его сердцемъ!—Ты ржала отъ похоти, какъ кобылица!—Ты поставила ложе свое на вершинѣ горы и тамъ совершала свои жертвы!... Но Господь сорветъ съ тебя твои серьги, твои пурпуровыя одежды, твои льняные покровы! Онъ сорветъ запястья съ рукъ твоихъ и кольца съ ногъ твоихъ—и тѣ подвѣски, тѣ золотые серпы, которые дрожатъ и блещутъ на челѣ твоемъ — и серебрянныя твои зеркала и вѣера изъ страусовыхъ перьевъ—и тѣ перламутровыя высокія подошвы, на которыя ты ставишь свои ноги — и краску ногтей твоихъ — и всѣ ухищренія нѣги твоей! Все Онъ отниметъ насильно, жестоко—и не хватитъ каменьевъ, чтобы побить тебя всю, кровосмѣсительница!»

Иродіада оглянулась кругомъ, какъ-бы ища защиты. Фарисеи съ притворнымъ сожалѣніемъ опускали взоры, саддукеи отворачивали головы, боясь оскорбить проконсула. Антипа казался мертвымъ человѣкомъ.

А голосъ все росъ, все возвышался. Онъ перекатывался отрывисто, какъ внезапно разразившійся громъ — и эхо горъ повторяло молніеносные звуки, которыми онъ такъ и поражалъ Махэрусъ!

— «Пресмыкайся въ пыли, дщерь Вавилона! Мели муку! Сбрось твой поясъ, сними твою обувь, засучи край твоей одежды, перейди черезъ рѣки... Ничто не спасетъ тебя! Стыдъ твой будетъ открытъ, позоръ твой увидятъ всѣ люди!—Твои же рыданія сокрушатъ твои зубы! — Всевышнему мерзитъ вонь твоихъ преступленій! Проклятая! Проклятая! Околѣвай, какъ псица!»

Но тутъ трапъ закрылся, крышка захлопнулась... Маннàи готовъ былъ задушить Іоаканама.

Иродіада исчезла; фарисеи были возмущены. Стоя посреди ихъ, Антипа старался оправдаться.

— Конечно,—замѣтилъ Елеазаръ,—слѣдуетъ заключать бракъ съ овдовѣвшей женой своего брата; но Иродіада не была вдовою—

и, сверхъ того, у ней живъ ребенокъ;—а въ этомъ-то и состоитъ вся мерзость грѣха.

— Неправда! Заблужденіе!—возражалъ саддукей Іонаѳанъ.—Законъ осуждаетъ подобные браки—но не отвергаетъ ихъ вовсе.

— Какъ вы ни толкуйте—вы всѣ несправедливы ко мнѣ—твердилъ Антипа.—Развѣ Авессаломъ не сочетался съ женами своего отца, Іуда со своей невѣсткой, Аммонъ съ своей сестрою, Лотъ съ дочерьми своими?

Въ это мгновеніе появился Авлъ, который уже успѣлъ выспаться.—Узнавъ, о чемъ шла рѣчь, онъ одобрилъ тетрарха.—Стоило стѣсняться изъ-за подобныхъ пустяковъ! — И онъ много смѣялся—и укоризнамъ священниковъ, и ярости Іоаканама.

Иродіада, съ высоты крыльца, обратилась къ нему.

— Ты напрасно такъ говоришь, о, господинъ!—Онъ приказываетъ народу не платить даней.

— Правда это?—тотчасъ спросилъ мытарь. — Всѣ отвѣчали утвердительно.—Тетрархъ, съ своей стороны, подкрѣплялъ ихъ слова доказательствами.

Вителлію пришло въ голову, что узникъ могъ убѣжать — и такъ какъ поведеніе Антипы ему казалось сомнительнымъ — то онъ повелѣлъ поставить стражу у всѣхъ дверей, вдоль стѣнъ, на дворѣ.

Затѣмъ — онъ отправился въ свои покои. — Выборные отъ священниковъ пошли за нимъ. Не касаясь вопроса о жертвоприношеніи, они излагали свои жалобы. Они наскучили ему... онъ велѣлъ имъ удалиться.

Уходя отъ проконсула, Іонаѳанъ увидѣлъ возлѣ одной изъ бойницъ Антипу. Онъ разговаривалъ съ человѣкомъ длинноволосымъ, одѣтымъ въ бѣлый хитонъ, съ ессеемъ... Іонаѳанъ въ душѣ пожалѣлъ о томъ, что поддержалъ тетрарха.

Одна мысль утѣшала Антипу,—Іоаканамъ уже не зависѣлъ отъ него болѣе: римляне взялись его караулить... Какое облегченіе!—Фануилъ расхаживалъ въ это время по брустверу. Онъ позвалъ его—и, указавъ на солдатъ:—

— Они сильнѣе меня,—сказалъ тетрархъ.—Я не могу теперь его освободить... Это не моя вина!

Межъ тѣмъ дворъ опустѣлъ. Рабы отдыхали. На красномъ полѣ неба, зажженнаго вечерней зарей—малѣйшіе отвѣсные предметы выдѣлялись черными чертами.—Антипа могъ различить соляныя копи по ту сторону Мертваго моря; аравійскихъ палатокъ не было видно болѣе.—Вѣроятно,—они откочевали?—Луна всплывала—и въ сердце его спустилось успокоеніе.

Фануилъ, какъ человѣкъ подавленный горемъ, пребывалъ недвижимъ, уронивъ на грудь подбородокъ.—Онъ высказалъ, наконецъ, то, что̀ хранилъ на душѣ.

Съ самаго начала мѣсяца онъ наблюдалъ и изучалъ небо.—Созвѣздіе Персэя находилось въ зенитѣ, Агала̀ едва показывался, Альгонъ блестѣлъ слабымъ блескомъ, Мира-Коэти совсѣмъ исчезъ; и Фануилъ заключалъ изо всего этого—что нынѣшней же ночью, въ Махэру̀сѣ, долженъ покончить жизнь важный человѣкъ.

Но кто?—Вителлія окружала его стража; Іоаканамъ не будетъ казненъ...

— «Ужъ не *я* ли—тотъ человѣкъ?» думалось тетрарху.—«Быть можетъ, аравитяне возвратятся? А не то̀—проконсулъ откроетъ мои сношенія съ пареянами?—Іерусалимскіе клевреты сопровождали священниковъ—подъ одеждами они скрывали кинжалы...» Тетрархъ не сомнѣвался въ мудрости и познаніяхъ Фануила.

Не прибѣгнуть ли къ Иродіадѣ?—Спору нѣтъ—онъ ее ненавидитъ... но она придастъ ему мужества. Къ тому же, не были еще порваны всѣ нити чаръ, которыми она нѣкогда его опутала.

Когда онъ вошелъ въ ея комнату—въ порфировой вазѣ курился киннамонъ; и всюду были разбросаны стклянки съ духами, благовонные порошки, ткани, подобныя облакамъ, вышитыя кисеи, легче перьевъ.

Тетрархъ слова не проронилъ—ни о предсказаніи Фануила, ни о страхѣ, который внушали ему аравитяне и евреи. Онъ упомянулъ только о римлянахъ. Вителлій не сообщилъ ему ни одного изъ своихъ военныхъ плановъ. Онъ подозрѣвалъ, что Вителлій другъ Кая, котораго посѣщаетъ Агриппа. Онъ боялся, что его, тетрарха, сошлютъ въ ссылку — а, можетъ быть, и зарѣжутъ.

Иродіада, съ презрительной снисходительностью, старалась его успокоить. Видя, что слова ея мало дѣйствуютъ, она вынула изъ небольшого ящичка медаль странной формы, украшенную головою Тиверія въ профиль. Ликторы должны были поблѣднѣть при видѣ этой медали;—всѣ обличители—умолкнуть.

Благодарный, растроганный, Антипа спросилъ, какимъ образомъ она достала эту медаль?

— Мнѣ ее дали,—отвѣчала она.

Вдругъ, изъ-подъ занасѣва двери выдвинулась обнаженная до плеча рука, рука молодая, прекрасная, словно выточенная Поликлетомъ изъ слоновой кости. Нѣсколько неловко, но красиво, двигалась эта рука по воздуху, вправо и влѣво, ища, стараясь захватить тунику, оставленную на небольшой скамьѣ, возлѣ стѣны.

Старуха-прислужница тихонько подала эту тунику за дверь, приподнявъ занавѣсь.

Тетрарху что-то внезапно вспомнилось... но что̀ именно — онъ не могъ сказать.

— Эта рабыня тебѣ принадлежитъ? — спросилъ онъ наконецъ.

— Какое тебѣ дѣло! — отвѣчала Иродіада.

III.

Гости наполняли залу, гдѣ совершалось пиршество. Она распадалась на три придѣла, подобно базиликѣ; ихъ раздѣляли колонны изъ алгуминнаго дерева съ бронзовыми капителями, съ изваянными украшеніями. Двѣ галереи съ прорѣзнымъ поломъ опирались на эти колонны — а третья, вся изъ золотой филиграни, округлялась на концѣ залы, прямо напротивъ громадной арки входа.

Пылавшіе канделябры, на столахъ, поставленныхъ во всю длину залы, возвышались огненными кустами между чашами изъ крашеной глины, мѣдными блюдами, тиснёными грудами снѣга, кучами винограда. Эти красныя пятна свѣта постепенно сливались въ отдаленіи, подавленныя вышиною потолка; лучистыя точки сверкали въ трибунахъ, между древесными вѣтвями, подобно ночнымъ звѣздочкамъ.

Сквозь отверстіе входа виднѣлись факелы, зажженные на террассахъ домовъ. Антипа задавалъ пиръ друзьямъ своимъ, народу, всякому, кто желалъ быть гостемъ.

Рабы, обутые въ войлочныя сандаліи, кружили быстрѣе псовъ, съ подносами на рукахъ. На золотой трибунѣ третьей галереи, на особо устроенномъ помостѣ изъ жимолостныхъ досокъ, стоялъ проконсульскій столъ. Вавилонскіе ковры, подвѣшанные къ потолку, образовали кругомъ нѣчто въ родѣ павильона.

Три ложа изъ слоновой кости, одна на почетномъ мѣстѣ, двѣ другія по бокамъ, окружали столъ. На нихъ возлежали: проконсулъ налѣво возлѣ двери, Авлъ направо, тетрархъ по серединѣ.

На немъ былъ тяжелый черный плащъ, весь расшитый разноцвѣтными накладками; румяна покрывали его щеки, борода раскинулась вѣеромъ, вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней сжималъ волосы, посыпанные пудрой лазореваго цвѣта. Вителлій сохранилъ свою пурпуровую перевязь; косвенно пересѣкала она его льняную тогу. Авлъ велѣлъ повязать себѣ за спину рукава

своей лиловой шелковой ризы, исполосованной серебряными галунами; въ три ряда поднимались его завитыя кудри — и сапфирное ожерелье блистало на его груди, бѣлой и тучной, какъ грудь женщины. Подлѣ него, на цыновкѣ, скрестивъ ноги, сидѣлъ чрезвычайно-красивый ребенокъ, который постоянно улыбался. Авлъ увидѣлъ его въ кухнѣ — и не могъ уже съ нимъ разстаться. Не будучи въ состояніи запомнить его халдейское имя, онъ называлъ его просто Азіатомъ (Asiaticus). Отъ времени до времени Авлъ опускался навзничь на свое ложе — и тогда его голыя ноги, высоко поднятыя, царили надо всѣмъ собраніемъ.

Съ той же стороны находились священники и офицеры Антипы, іерусалимскіе жители, главныя лица греческихъ городовъ; а со стороны проконсула и пониже его — Маркеллъ съ мытарями, собирателями податей, друзья тетрарха, важныя особы изъ Каны, Птолемаиды, Іерихона; дальше сидѣли, уже безъ чиновъ, горцы съ Ливанона, старые воины Ирода Великаго, двѣнадцать ѳракійцевъ, идумейскіе пастухи, султанъ Пальмиры, эзіугаверскіе моряки. Передъ каждымъ гостемъ лежала лепешка изъ мягкаго тѣста, о которую онъ утиралъ пальцы — и жадныя руки безпрестанно протягивались, какъ пигарговы шеи, за оливками, фисташками, миндалинами. Всѣ лица, увѣнчанныя цвѣтами, сіяли веселіемъ.

Фарисеи отказались отъ этихъ вѣнковъ, какъ отъ римскаго нечестья. Они содрогнулись, когда ихъ окропили смѣсью галбана и ладана; жидкость эта употреблялась только для священныхъ обрядовъ храма.

Авлъ натеръ ею свои мышки — и Антипа обѣщалъ прислать ему цѣлый корабль, нагруженный этимъ составомъ, вмѣстѣ съ тремя корзинами той настоящей мастики, которая возбуждала въ Клеопатрѣ желаніе присвоить себѣ Палестину.

Одинъ изъ начальниковъ тиверіадскаго гарнизона, только-что прибывшій въ Махэрусъ, помѣстился позади тетрарха, и, казалось, сообщалъ ему вѣсти о событіяхъ необыкновенныхъ. Но все его вниманіе было поглощено проконсуломъ, а также и тѣмъ, что̀ говорилось на сосѣднихъ столахъ. Тамъ толковали объ Іоаканамѣ и о подобныхъ ему людяхъ. Приводились разные факты:

— Симеонъ изъ Гиттбя, напримѣръ, омывалъ грѣхи огнемъ. Нѣкій Іисусъ...

— Этотъ хуже всѣхъ, — замѣтилъ Элеазаръ. — Презрѣнный обманщикъ!

Позади тетрарха вдругъ поднялся человѣкъ, блѣдный, бѣлый

какъ кайма его собственной хламиды. Онъ сошелъ съ помоста— и, обратившись къ фарисеямъ:—

— Вы лжете!—воскликнулъ онъ.—Іисусъ творитъ чудеса!

Антипа пожелалъ увидѣть этого Іисуса.

— Зачѣмъ ты не привелъ его? Сообщи о немъ, что̀ знаешь.

Тогда тотъ разсказалъ, какъ онъ, Яковъ, имѣя дочь больную, отправился въ Капернаумъ для того, чтобы умолить Учителя излечить ее. И Учитель отвѣчалъ ему:—Ступай домой; твоя дочь здорова. И онъ, Яковъ, возвратясь, нашелъ дочь свою на порогѣ дома... Она покинула свое ложе, когда «гномонъ» дворца показывалъ третій часъ, самый тотъ часъ, когда онъ приступилъ къ Іисусу.

Но фарисеи представили возраженія.—Конечно, говорили они, существуютъ извѣстныя дѣйствія, травы, одаренныя чародѣйною силою. Въ самомъ Махэрусѣ иногда можно было найти траву «Баарасъ», которая дѣлаетъ человѣка неуязвимымъ. Но вылечить больного, не видѣвъ и не коснувшись его... какая нелѣпость! одно развѣ: Іисусъ призываетъ въ помощь демоновъ?

И друзья Антипы, начальствующіе люди между галилеянами, повторяли, качая головами:

— Да, демоновъ... это несомнѣнно!

Яковъ, стоя между ихъ столомъ и столомъ священниковъ, сохранялъ тотъ же видъ, надменный—и кроткій.

— Говори же, говори!—приставали они къ нему:—Доказывай его могущество!

Онъ нагнулся, приподнялъ плечи—и чуть слышнымъ голосомъ, медленно, какъ испуганный человѣкъ:—

— Вы развѣ не знаете, что онъ Мессія?—сказалъ онъ.

Всѣ священники переглянулись, а Вителлій потребовалъ объясненія этого слова. Толмачъ, прежде чѣмъ отвѣтить, помолчалъ съ минуту.

— Евреи называютъ этимъ именемъ, — объяснилъ онъ наконецъ—освободителя, который наградитъ ихъ обладаніемъ всѣхъ благъ земныхъ и владычествомъ надъ остальными народами. Иные утверждаютъ даже, что слѣдуетъ ожидать двухъ Мессій. Одинъ будетъ побѣжденъ Гогомъ и Магогомъ, сѣверными демонами; но другой истребитъ князя зла; и вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ они ежечасно его ожидаютъ.

Между тѣмъ священники поговорили между собою—и Элеазаръ попросилъ слова.

— Во-первыхъ, — такъ началъ онъ — Мессія будетъ сынъ Давида, а не плотника. Во-вторыхъ: онъ утвердитъ законъ, а

этотъ назареянинъ его разрушаетъ. Главное же возраженіе Элезара состояло въ томъ, что Мессіи долженъ предшествовать Илія пророкъ.

— Но онъ уже пришелъ, Илія!—вскричалъ Яковъ.

— Илія! Илія!—повторила толпа до самаго конца залы.

И воображенію всѣхъ немедленно представилась цѣлая картина: старецъ подъ тучею врановъ, небесный огнь, падающій на алтарь, идолопоклонническіе жрецы, низвергнутые въ бурный потокъ... Женщины въ трибунахъ вспоминали о Сарептской вдовицѣ.

Но Яковъ продолжалъ настойчиво утверждать, что онъ его видѣлъ! Онъ его видѣлъ! И весь народъ его видѣлъ!

— Его имя! имя!

Тогда онъ закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Іоаканамъ!

Антипа опрокинулся назадъ, словно что ударило его прямо въ грудь. Саддукеи ринулись на Якова. Среди шума и гама Элеазаръ разглагольствовалъ, возвышая голосъ, силясь привлечь къ себѣ вниманіе.

Когда, наконецъ, тишина возстановилась, онъ закутался въ свой плащъ, и, какъ судья, сталъ ставить вопросъ.

— Вѣдь пророкъ Илія умеръ?

Смятенный ропотъ перервалъ его. Многіе были убѣждены, что Илія только исчезъ, а не умеръ. Элеазаръ вспылилъ... однако продолжалъ свой допросъ.

— Ты полагаешь, что онъ воскресъ?

— А почему же нѣтъ?—отвѣчалъ Яковъ.

Саддукеи пожимали плечами, а Іонаѳанъ, вытараща глаза, усиленно старался смѣяться, словно шутъ какой.—Чтó могло, дескать, быть глупѣе притязанія бреннаго тѣла на вѣчную жизнь? И онъ продекламировалъ, ради проконсула, стихъ современнаго поэта:

„Nec crescit, nec post mortem durare videtur" [1]).

Но въ эту минуту увидали Авла, склонившагося на край триклиніума: съ испариной на лбу, съ лицомъ позеленѣвшимъ, онъ прижималъ оба кулака къ желудку.

Саддукеи притворились перепуганными. (На другой же день право жертвоприношенія было имъ даровано). Антипа являлъ всѣ признаки отчаянія; одинъ Вителлій пребывалъ безучастнымъ,

---

[1]) „Ни рости, ни существовать послѣ смерти не можетъ".

хоть онъ и ощущалъ въ душѣ жестокую тревогу: вмѣстѣ съ сыномъ онъ терялъ всю свою карьеру.

Авла стошнило... Но какъ только его рвота кончилась, онъ опять захотѣлъ ѣсть.

— Подайте мнѣ скобленнаго мрамора, наксосскаго сланцу, морской воды, чего-нибудь, скорѣй! Или вотъ что: не взять ли мнѣ ванну?

Онъ принялся грызть снѣжные комья. Затѣмъ, послѣ недолгаго колебанья—за что ему приняться: за коммагѐнскій ли паштетъ, за розовыхъ ли дроздовъ—онъ рѣшился взять тыквы на меду. «Азіатъ» съ благоговѣніемъ созерцалъ Авла: этотъ даръ неустаннаго пожиранія изобличалъ, по его понятію, существо необычайное, принадлежащее высшей породѣ!

Авлу подали бычачьихъ почекъ, жареную бѣлку, соловьевъ, рубленнаго мяса, завернутаго въ виноградные листья. А между тѣмъ священники продолжали спорить о воскресеніи мертвыхъ. Аммоніасъ, ученикъ платоника Филона, находилъ подобные толки нелѣпыми и высказывалъ свое мнѣніе тутъ же сидѣвшимъ грекамъ, которые смѣялись надъ оракулами. Маркеллъ и Яковъ подошли другъ къ другу. Маркеллъ разсказывалъ о блаженствѣ, которое онъ испыталъ, принявъ вѣру персидскаго бога Митры, а Яковъ убѣждалъ его послѣдовать Христу. Пальмовыя и тамарисовыя, сафетскія и библосскія вина текли ручьями изъ амфоръ въ кувшины, изъ кувшиновъ въ чаши, изъ чашъ въ гортани. Поднялся говоръ болтовни, начались сердечныя изліянія. Ясимъ, хоть и еврей, не скрывалъ болѣе своего обожанія планетъ; купецъ изъ Аѳаки изумлялъ кочевниковъ подробнымъ описаніемъ чудесъ Гіерополисскаго храма — и тѣ спрашивали у него, что стоило путешествіе туда? За то другіе крѣпко держались за свои прирожденныя повѣрья. Полуслѣпой германецъ пѣлъ гимнъ во славу того скандинавскаго мыса, гдѣ боги являютъ въ лучахъ свои лики; а люди изъ Сихема отказывались отъ жареныхъ голубей—изъ уваженія къ священной горлицѣ Азима.

Многіе бесѣдовали, стоя посреди залы, и отъ пара дыханья и дыма свѣтильниковъ въ воздухѣ образовалось нѣчто въ родѣ тумана. Фануилъ проскользнулъ вдоль стѣны. Онъ только-что снова произвелъ наблюденіе надъ небесными созвѣздіями; но не подвигался въ направленіи тетрарха, страшась выпачкаться въ масло, что для ессеевъ было великимъ оскверненіемъ.

Вдругъ послышались удары въ ворота замка. Народъ узналъ о заключеніи Іоаканама. Люди съ факелами въ рукахъ карабка-

лись вдоль тропинокъ; темныя массы кишѣли въ оврагахъ—и отъ времени до времени поднимались протяжные вопли:

— Іоаканамъ! Іоаканамъ!

— Онъ всему помѣхой,—сказалъ Іонаѳанъ.

— Не будетъ доходовъ, деньги переведутся, если ему позволятъ продолжать,—толковали фарисеи.

И отовсюду неслись упреки, жалобы.

— Защити насъ, тетрархъ! Пора покончить съ этимъ человѣкомъ! Ты отступаешься отъ вѣры!—Ты безбожникъ, какъ все Иродово племя!

— Меньше, чѣмъ вы!—возразилъ тетрархъ...—Мой отецъ соорудилъ вашъ храмъ.

Тогда фарисеи, сыновья изгнанниковъ, сторонники Маттаѳіи, начали упрекать тетрарха въ преступленіяхъ его семейства.

У иныхъ изъ этихъ людей черепа были заостренные, взъерошенныя бороды, слабыя и какъ-бы злыя руки; у другихъ—курносыя рожи, круглые, выпученные глаза: они смотрѣли бульдогами. Человѣкъ двѣнадцать писцовъ и іерейскихъ слугъ, кормившихся остатками жертвоприношеній, подбѣжало къ самому помосту, обнаживъ ножи,—они грозили Антипѣ, который продолжалъ держать имъ рѣчь, между тѣмъ какъ саддукеи неохотно и слабо заступались за него. Онъ увидѣлъ Маннàи и знàкомъ повелѣлъ ему удалиться; Вителлій являлъ видъ равнодушный, какъ-бы давая знать, что все это до него не касается.

Оставшіеся на триклиніумѣ фарисеи пришли вдругъ въ неистовую ярость: они разбили въ дребезги стоявшія передъ ними блюда. Имъ подали любимое кушанье Мецената—жаренаго дикаго осла подъ соусомъ,—а они гнушались этимъ мясомъ, какъ нечистымъ.

Авлъ глумился намъ ними, напоминная имъ ту ослиную голову, которую, по слухамъ, они считали святыней. Много другихъ обидныхъ словъ высказалъ онъ, по поводу ихъ отвращенія къ свининѣ. Вѣроятно, они потому такъ ненавидѣли это животное, что оно убило ихъ Вакха; и они всеконечно были пьяницы, такъ какъ въ ихъ храмѣ была найдена виноградная лоза, вычеканенная изъ золота.

Священники не понимали его словъ. Финеасъ, родомъ галилеянинъ, отказался перевести ихъ. Тогда Авлъ разгнѣвался безмѣрно, тѣмъ болѣе что «Азіатъ», перепугавшись, исчезъ. Обѣдъ не нравился Авлу: кушанья были грубыя, недостаточно приправленныя. Онъ однако успокоился при видѣ блюда изъ хвостовъ сирійскихъ барановъ, настоящихъ комковъ жирнаго сала.

Всѣ эти іудеи, ихъ поступки и нравы казались Вителлію гнусными.—Ихъ богъ ужъ не тотъ ли Молохъ, думалось ему, алтари котораго ему попадались по дорогамъ? Принесенныя въ жертву малыя дѣти пришли ему на память, вмѣстѣ съ тѣмъ сказаніемъ о невѣдомомъ нѣкіемъ человѣкѣ, котораго будто бы тайно откармливали эти іудеи. Его латинское сердце съ негодованіемъ отвращалось отъ ихъ нетерпимости, отъ ихъ иконоборной ярости, отъ ихъ звѣринаго упорства. Проконсулъ собирался уже удалиться... Но Авлъ не хотѣлъ встать съ мѣста.

Спустивъ свою хламиду до самыхъ бедръ, онъ лежалъ, распростертый передъ цѣлой грудой мясъ и яствъ. Онъ до того былъ пресыщенъ—что уже ничего ѣсть не могъ—но не въ силахъ былъ оторваться ото всей этой благодати.

Возбужденіе толпы все росло. Возникали мечты о независимости, вспоминалась древняя слава Израиля! Не подверглись ли всѣ завоеватели небесной карѣ? Антигонъ, Крассъ, Варъ...

— Негодяи!—воскликнулъ вдругъ проконсулъ.

Онъ понималъ по-сирійски—и держалъ при себѣ толмача только для того, чтобы дать себѣ время приготовить отвѣты.

Антипа поспѣшно досталъ медаль императора—и самъ, съ трепетомъ на нее взирая, показывалъ ее толпѣ со стороны лицевого изображенія.

Но тутъ внезапно раскрылись створчатыя двери золотой трибуны—и при яркомъ блескѣ свѣчей, окруженная рабами, гирляндами изъ анемонъ, появилась Иродіада. Ассирійская митра, прикрѣпленная подбородникомъ, спускалась ей на лобъ. Перекрученныя кудри разсыпались вдоль пурпурнаго пеплума, прорѣзаннаго во всю длину рукавовъ. Каменныя чудовища, подобныя тѣмъ, что̀ находились въ Аргосѣ, надъ сокровищницей Атридовъ, вздымались по обѣимъ сторонамъ дверей, и, стоя между ними—она уподоблялась Цибелѣ, сопровождаемой ея двумя львами. Съ вышины балюстрады, которая царила надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился Антипа, она, держа въ рукѣ плоскій кубокъ, громко закричала:

— Да здравствуетъ цезарь!

Вителлій, Антипа и священники тотчасъ подхватили этотъ крикъ. Но въ это мгновеніе съ конца залы пробѣжалъ гулкій говоръ изумленія, удивленія... Молодая дѣвушка вошла въ залу.

Подъ голубоватымъ вуалемъ, который закрывалъ ей голову и грудь,—можно было различить полукруглыя линіи ея бровей, ея халкедоновыя серьги, бѣлизну ея кожи. Схваченный на тальѣ золотымъ поясомъ, четырехъугольный кусокъ шелковой ткани пере-

гивчатаго цвѣта лежалъ на ея плечахъ; черные шальвары были усѣяны изображеніями мандрагоръ, и небрежно и лѣниво постукивая своими маленькими туфлями изъ пуха райской птицы, она тихо подвигалась впередъ.

На самомъ верху помоста она сняла свой вуаль. Она походила на Иродіаду въ молодости. Потомъ она стала танцовать.

Она переставляла ноги, одну передъ другою, подъ ладъ флейты и пàры кроталъ. Ея округленныя руки призывали кого-то, который все убѣгалъ отъ нея.—Легче бабочки преслѣдовала она его, словно Психея, въ которой зажглось любопытство, словно тѣнь души, осужденной скитаться... и, казалось, то-и-дѣло готовилась улетѣть.

Похоронные звуки «гингры» замѣнили кроталы.—Безнадежное уныніе заступило мѣсто рѣзвой надежды. Каждое движеніе дѣвушки выражало тоску—и вся она замирала въ такомъ томленіи, что невозможно было сказать, плачетъ ли она о покинувшемъ ее богѣ—или изнываетъ подъ его лаской. Полузакрывъ рѣсницы, она крутила свой станъ, волнообразно колыхала свои бедра, вздрагивала грудями—а лицо оставалось неподвижнымъ. За то ноги не останавливались.

Вителлій сравнилъ ее съ пантомимомъ Мнестеромъ. Авла рвало по-прежнему. Тетрархъ—словно во снѣ, терялся въ мечтаніяхъ. Онъ уже не думалъ объ Иродіадѣ. Ему показалось, что она подошла къ саддукеямъ.—Но то̀ видѣніе удалилось.

Это не было видѣніе. Иродіада—вдали отъ Махэрȣса отдала въ науку Саломею, свою дочь—въ той надеждѣ, что она понравится тетрарху. Ея разсчетъ оказывался вѣрнымъ. Теперь она уже не сомнѣвалась въ этомъ.

Но вотъ пляска снова измѣнилась.—То̀ былъ неистовый порывъ любви, жаждущей удовлетворенія. Саломея плясала, какъ пляшутъ индійскія жрицы, какъ нубіянки, живущія близъ катарактъ Нила, какъ лидійскія вакханки. Она круто склонялась во всѣ стороны, подобно цвѣтку, поражаемому ударами сильнаго вѣтра. Блестящія подвѣски прыгали въ ея ушахъ, ткань на ея плечахъ играла переливами; отъ ея рукъ, ногъ, отъ ея одеждъ отдѣлялись невидимыя искры, которыя зажигали сердца людей. Арфа запѣла гдѣ-то—и толпа отозвалась рукоплесканіями на ея томительные звуки. Не сгибая колѣнъ и раздвигая ноги, Саломея нагнулась такъ низко, что подбородокъ ея касался пола—и кочевники, привыкшіе къ воздержанію, римскіе воины, искушенные въ забавахъ разврата, скупые мытари, старые, зачерствѣлые въ

диспутахъ жрецы—всѣ, расширивъ ноздри, трепетали подъ наитіемъ нѣги.

Затѣмъ, она принялась кружить около стола Антипы, съ бѣшеной быстротою... и онъ, голосомъ прерывавшимся отъ сладострастныхъ рыданій, говорилъ ей:—«Ко мнѣ! Приди!..» Но она все кружилась, тимпаны звенѣли буйно, съ дребезгомъ—такъ и казалось, что вотъ-вотъ разлетятся они. Народъ ревѣлъ—а тетрархъ кричалъ все громче и громче:—«Ко мнѣ! Приди ко мнѣ! Я дамъ тебѣ Капернаумъ, долину Тиверіады, всѣ мои крѣпости, половину моего царства!»

Она вдругъ упала на обѣ руки, пятками кверху, прошлась такимъ образомъ вдоль помоста, подобно большому жуку—и внезапно остановилась.

Ея затылокъ и хребетъ составляли прямой уголъ. Темныя шальвары, покрывавшія ея ноги, спустились черезъ ея плеча—и окружили дугообразно ея лицо, на локоть отъ-полу. Губы у ней были крашеныя, брови чернѣе черниль, глаза грозные, страшные... Крохотныя капельки на ея лбу казались матовымъ испареніемъ на бѣломъ мраморѣ.

Она ничего не говорила. Она глядѣла на тетрарха—и онъ глядѣлъ на нее.

Кто-то щелкнулъ пальцами на трибунѣ. Саломея быстро взбѣжала туда, появилась снова—и немного картавя, дѣтскимъ голоскомъ произнесла:

— Я хочу, чтобы ты далъ мнѣ на блюдѣ голову... голову... Она позабыла имя—но тотчасъ же прибавила съ улыбкой:—голову Іоаканама.

Тетрархъ, словно раздавленный, опустился на ложе.

Данное слово связывало его... Народъ ждалъ...

«Но, быть можетъ», подумалъ Антипа, «это и есть та предсказанная смерть... и она, обрушившись на другого, пощадитъ меня! Если Іоаканамъ точно Илія—онъ съумѣетъ ея избѣгнуть; если же нѣтъ—убійство не представляетъ важности.»

Маннàи стоялъ возлѣ него... и понялъ его мысль. Онъ уже удалялся; но Вителлій позвалъ его обратно и сообщилъ ему пароль. Римскіе солдаты стерегли ту яму.

Всѣмъ точно полегчило. Черезъ минуту все будетъ кончено. Но Маннàи вѣрно замѣшкался...

Онъ возвратился... На немъ лица не было. Сорокъ лѣтъ онъ исполнялъ должность палача. Онъ утопилъ Аристовула, задушилъ Александра, за-живо сжёгъ Маттаѳію, обезглавилъ Зосиму, Пап-

паса, Іосифа и Антипатера... И онъ не дерзалъ убить Іоаканама! Зубы его стучали... все тѣло тряслось.

Онъ увидѣлъ передъ самой ямой—великаго ангела самаритянъ; покрытый по всему тѣлу глазами, ангелъ потрясалъ огромнымъ мечомъ, краснымъ и зубчатымъ какъ пламя молніи.—Маннàи привелъ съ собою двухъ солдатъ, свидѣтелей чуда.

Но солдаты объявили, что не видѣли ничего, кромѣ еврейскаго воина, который бросился-было на нихъ,—и котораго они тутъ же уничтожили.

Обуянная несказаннымъ гнѣвомъ, Иродіада изрыгнула цѣлый потокъ площадной, кровожадной брани.—Она переломила себѣ ногти о рѣшетку трибуны — и два изваянныхъ льва, казалось, кусали ея плечи и рычали такъ же, какъ она. Антипа закричалъ не хуже ея. Священники, солдаты, фарисеи—всѣ требовали отмщенія; а прочіе негодовали на замедленіе, причиненное ихъ удовольствію.

Маннàи вышелъ, закрывъ лицо руками.

Гостямъ время показалось еще продолжительнѣе... Становилось скучно.

Вдругъ шумъ шаговъ раздался по переходамъ... Тоска ожиданія стала невыносимой.

И вотъ—вошла голова. Маннàи держалъ ее за волосы напряженной рукою, гордясь рукоплесканіями толпы.

Онъ положилъ ее на блюдо—и подалъ Саломеѣ. Она проворно взобралась на трибуну — и нѣсколько мгновеній спустя, голова была снова принесена той самой старухой, которую тетрархъ замѣтилъ сперва на платформѣ одного дома,—а потомъ въ комнатѣ Иродіады.

Онъ отклонился въ сторону, чтобы не видѣть этой головы. Вителлій бросилъ на нее равнодушный взглядъ.

Маннàи спустился съ помоста—и показалъ ее римскимъ начальникамъ, а затѣмъ всѣмъ гостямъ, сидѣвшимъ съ той стороны.

Они разсматривали ее внимательно.

Острое лезвіе меча, скользнувъ сверху внизъ, захватило часть челюсти. Судорога стянула углы рта, уже запекшаяся кровь пестрила бороду. Закрытыя вѣки были блѣдно-прозрачны какъ раковины, а кругомъ свѣточи проливали свой лучистый свѣтъ.

Голова достигла стола священниковъ.—Одинъ фарисей съ любопытствомъ перевернулъ ее; но Маннàи, поставивъ ее снова стоймя, поднесъ ее Авлу, котораго это разбудило.

Сквозь узкое отверстіе рѣсницъ мертвыя зеницы Іоаканама и потухшія зеницы Авла, казалось, что-то сказали другъ другу.

Потомъ Маннàи представилъ голову Антипѣ; и слезы потекли по щекамъ тетрарха.

Факелы погасли. Гости удалились—и въ залѣ остались только Антипа и Фануилъ. Стиснувъ виски руками, тетрархъ все смотрѣлъ на отрубленную голову; а Фануилъ, стоя неподвижно посреди пустой залы и протянувъ руки—шепталъ молитвы.

Въ самое мгновеніе солнечнаго восхода, два человѣка, нѣкогда отправленныхъ Іоаканамомъ, появились съ столь давно ожидаемымъ отвѣтомъ.

Они сообщили этотъ отвѣтъ Фануилу, который тотчасъ восторженно умилился духомъ.

Онъ имъ показалъ ужасный предметъ на блюдѣ, между остатками пира.

Одинъ изъ двухъ людей сказалъ ему:

— Утѣшься! Онъ сошелъ къ мертвымъ, чтобы извѣстить ихъ о пришествіи Христа.

Ессей теперь только понялъ тѣ слова Іоаканама: «Дабы онъ возвеличился, нужно мнѣ умалиться!»

И всѣ трое, взявши голову Іоаканама, направились въ сторону Галилеи.

Такъ какъ она была очень тяжела — они несли ее поочерёдно.

Гюставъ Флоберъ.

СТАРАЯ и НОВАЯ БОЛГАРІЯ

I.

— *Иречекъ*, К.: Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876.
— *Иречекъ*, К.: Книгописъ на ново-българска-та книжнина, 1806—1870. Віена, 1872.
— *Каницъ*: Donau-Bulgarien und der Balkan. Historisch-geographisch-ethnographische Reisestudien aus den Jahren 1860—1876. Leipzig, 1875—1877. Два тома.
— *Дриновъ*, М.: Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ. М. 1876.
— *Миллеръ*, Всев.: Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ». М. 1877.

Съ именемъ Болгаріи въ умѣ современнаго читателя тотчасъ является мысль о несчастномъ, забитомъ народѣ, который такъ ужасно заплатилъ своими бѣдствіями за послѣднюю попытку южно-славянскаго освобожденія. Эти бѣдствія послужили поводомъ къ тому, что о Болгаріи заговорили вездѣ, заговорили и у насъ люди, только по этому случаю узнавшіе имя этой страны и народа. Печальный поводъ; но, къ сожалѣнію, такъ очень часто бываетъ: лишь послѣдній предѣлъ бѣдствія заставитъ людей обратить свое разсѣянное вниманіе не только на судьбу отдѣльнаго человѣка, но и цѣлаго народа; всякое общество, какъ и всякій почти человѣкъ, слишкомъ заняты своими частными заботами и интересами или слишкомъ поглощены себялюбивымъ наслажденіемъ благами жизни, чтобы принять участіе въ комъ-то страдающемъ и не подающемъ о себѣ голоса. Только крайнее бѣдствіе, слухъ о которомъ разстроитъ наши нервы, можетъ разбудить въ насъ человѣческій интересъ—котораго, опять, хватаетъ все-таки не на-долго.

Послѣднія событія въ Болгаріи слишкомъ ясно показали положеніе вещей, и, вѣроятно, вниманіе къ славянскому вопросу будетъ серьёзнѣе, чѣмъ прежде; но и теперь, среди событій, часто надо было желать, чтобы къ нему относились не съ од-

ними темными инстинктами, но и съ пониманіемъ дѣйствительныхъ отношеній историческихъ и международныхъ. У насъ думаютъ многіе, что нѣтъ никакой надобности въ филологіи и археологіи, что для общественныхъ сочувствій довольно знать, что есть бѣдствующіе единоплеменники, что для помощи и защиты довольно этого братскаго сочувствія. Дѣйствительно, и одни инстинктивныя симпатіи или національный энтузіазмъ могутъ стать большою силою въ первомъ порывѣ, въ минуту борьбы; но неопредѣленное, не сознанное, не провѣренное чувство несостоятельно и недостаточно для установленія прочныхъ, нравственно-общественныхъ отношеній съ единоплеменниками, независящихъ отъ случайнаго факта и впечатлѣнія,—что собственно и должно составить настоящую, крѣпкую солидарность. Въ освободительной борьбѣ помощь сильнаго единоплеменника можетъ рѣшить все дѣло; но съ удаленіемъ внѣшняго ига и можетъ кончиться его вліяніе въ родственномъ племени,—одни инстинкты не рѣшатъ вопроса общественнаго, могутъ оказаться безсильны въ дѣлѣ нравственно-образовательнаго развитія, которое предстоитъ родственному племени и окончательно опредѣлитъ его будущее положеніе—и національное, и политическое. Россія, какъ государство, можетъ помочь, или сама совершить освобожденіе Болгаріи; но чтобы заключить тѣсныя культурныя и народныя связи съ Болгаріей, нужно участіе и другихъ элементовъ, дѣятельность самого общества. Отъ свойства и количества его силъ и будутъ зависѣть послѣдующія отношенія: русское общество можетъ привлечь къ себѣ внутреннія образовательныя силы болгарскаго народа,—но можетъ и не привлечь.

Россія, какъ государство, оказывала не-разъ большую помощь Сербіи, съ начала нынѣшняго столѣтія; но въ результатѣ не получилось тогда общественной связи, какой можно было бы ожидать. Русскія войска не-разъ бывали въ болгарскихъ областяхъ; Россія должна казаться для болгарскаго народа единственной надеждой на спасеніе національности,—но и русское общество до послѣдняго времени оставалось безучастно къ южно-славянскому національному вопросу, и сами болгары искали путей своего будущаго развитія не въ одной Россіи, какъ было, напримѣръ, въ болгарскомъ церковномъ вопросѣ, какъ замѣтно отчасти въ стремленіяхъ болгарскихъ молодыхъ поколѣній. О сербахъ и говорить нечего. Наши газеты не одинъ разъ жаловались, что южно-славянская интеллигенція ищетъ образованія не въ Москвѣ, а на Западѣ, и вслѣдствіе того удалена отъ Россіи, не расположена или даже враждебна къ ней, и т. д.; прибавляли, что

народъ, напротивъ, къ намъ расположенъ, и что интеллигенція въ этомъ случаѣ становилась въ противорѣчіе съ самымъ своимъ народомъ. Эти неудовольствія очень поспѣшны и несправедливы: интеллигенція выходитъ изъ этого же самаго народа; народъ, какъ всякая масса, руководится очень несложными соображеніями, и, видя въ Россіи могущественное, національно-родственное и единовѣрное государство, припоминая, что отъ нея не-разъ шла, такъ или иначе, помощь южному славянству, не спрашиваетъ дальше и отдаетъ Россіи свои сочувствія; но интеллигенція задаетъ вопросы дальше, и многія вещи понимаетъ точнѣе и лучше: отчасти, она въ самомъ-дѣлѣ, принимаетъ западно-европейскія мнѣнія о Россіи, но отчасти сама создаетъ свои мнѣнія,—и, при этомъ, между прочимъ ревниво опасается за свою національную особность. Словомъ, въ направленіи интеллигенціи виновато вовсе не одно нежеланіе воспринять русскія вліянія;—но самыя эти вліянія кажутся ей требующими провѣрки. Наконецъ, еслибъ это недовѣріе происходило только отъ вліянія западной школы,—чтó же съ этимъ сдѣлать? Намъ это можетъ не нравиться, но мы не можемъ же насильно удалить сербскую или болгарскую интеллигенцію отъ западной школы, и если намъ желательно уничтожить въ передовыхъ классахъ южнаго славянства ихъ заблужденія относительно русской жизни, привязать ихъ къ нашему національному,—для этого есть одно средство: конкурренція, соревнованіе съ западной школой. Мы должны желать для нашей собственной школы (въ обширномъ смыслѣ) той же научной силы, слѣд. и той же свободы изслѣдованія, свободы печати и т. п., чтó въ настоящее время составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій превосходства западной школы, т.-е. науки и литературы, надъ нашими. Безъ этого, они останутся всегда открыты вліяніямъ западной школы,—они будутъ не только искать тамъ просвѣщенія, науки, которыя тамъ безспорно шире, чѣмъ у насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ жизнь станетъ складываться въ иныя формы, подчиняться западнымъ вліяніямъ, а затѣмъ неизбѣжно будутъ еще болѣе усвоивать то отдаленіе отъ Россіи, на которое у насъ жалуются.

Конкурренція, путемъ которой должно быть, по нашему мнѣнію, завоевано русское вліяніе на умы южнаго славянства,—съ точки зрѣнія славянофильскихъ идей, должна, вѣроятно, показаться униженіемъ для національнаго достоинства: мы и такъ настолько превосходимъ Европу, какъ истина превосходитъ ложь; мы можемъ уступать европейцамъ въ образованности, но славянство, тѣмъ не менѣе, только у насъ должно искать истины, и

т. д.; но эти аргументы принадлежать къ области чувства и фантазіи,—а на фактѣ мы видимъ именно славянство открытымъ для поглощающихъ вліяній Запада, и надо предполагать, что когда все южное славянство пріобрѣтетъ свободу, просторъ для западныхъ вліяній будетъ еще шире: въ немъ должна закипѣть національная жизнь, и съ этимъ народятся сильныя умственныя потребности, откроется возможность получать образованіе бо̀льшему числу лицъ; бо̀льшее число ихъ будетъ направляться въ западные университеты; вліянія промышленной Европы откроютъ другой путь западнымъ элементамъ и т. д. Давняя исторія и современная дѣйствительность доставляютъ такъ много примѣровъ утрачиванія славянами своей національности, податливости чужимъ національнымъ вліяніямъ (дѣйствовавшимъ такъ сильно именно потому, что соединялись съ новыми для славянства культурными преимуществами чужой народности), что такое ожиданіе не представляетъ ни малѣйшей невѣроятности. До сихъ поръ подобное явленіе задерживалось только турецкимъ игомъ, вслѣдствіе котораго никакое образовательное движеніе не могло утвердиться на почвѣ народнаго безправія и правительственнаго произвола.

Итакъ, безъ соревнованія съ Европой въ наукѣ, въ экономической дѣятельности, въ литературѣ и вообще въ гражданскомъ, общественно-политическомъ развитіи, невозможно и утвержденіе прочной солидарности съ возрождающимся славянствомъ. Могутъ сказать, что это соревнованіе очень трудно; но надо признать, что у насъ мало его и пробовали, а главное, надо замѣтить, что при нѣсколько значительномъ расширеніи нашей общественности, науки и литературы, русская общественная сила имѣла бы громадное преимущество передъ всякими европейскими вліяніями именно въ національномъ родствѣ,—которое, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ общественныхъ, могло бы оказать чрезвычайно широкое дѣйствіе.

Еслибъ національное родство подкрѣплено было историческимъ сознаніемъ и въ особенности свободной общественной иниціативой, оно открыло бы столько общихъ духовныхъ интересовъ, что изъ нихъ и могла бы возникнуть та національно-общественная солидарность, о которой въ настоящую минуту мы только еще воображаемъ, что она есть. Близость языка способна чрезвычайно облегчить и личныя сношенія, и распространеніе русской литературы; близость старой исторіи русскаго племени и южнаго славянства, особенно болгаръ, чрезвычайное сходство обычаевъ и народно-поэтическихъ преданій уже теперь доставляютъ общую почву, гдѣ встрѣчаются русскій ученый и болгарскій патріотъ; интересъ къ

народу, въ разнообразныхъ отношеніяхъ его быта, отличающій нашу новѣйшую литературу, совпадалъ бы съ стремленіями южно-славянскихъ патріотовъ и сближалъ бы передовые слои обоихъ обществъ въ самомъ насущномъ вопросѣ ихъ общественно-политической жизни.

Само собою разумѣется, что для достиженія подобной солидарности нужно время; нужны прежде всего труды освободительной борьбы, усилія нашего внутренняго улучшенія, потомъ труды взаимнаго изученія (которые могли бы помогать другъ другу и идти параллельно); широкій результатъ подобнаго рода не можетъ быть полученъ вдругъ, однимъ прекраснымъ желаніемъ, да и рѣчь идетъ во всякомъ случаѣ о народахъ, въ настоящую минуту извѣстныхъ у насъ огромному большинству лишь по имени [1]).

Изученіе, о которомъ мы говоримъ, необходимо было бы для уясненія въ общественныхъ понятіяхъ самой сущности національнаго вопроса—права національности. Уже издавна, когда заходитъ у насъ рѣчь объ отношеніи русскаго народа къ другимъ славянскимъ народамъ (а особенно такимъ первобытнымъ какъ турецкое славянство), то всего чаще, или почти всегда предполагается напередъ, что они должны занять относительно насъ не равноправное отношеніе (какого можно бы ожидать по «родству» и «братству»), а подчиненное. При этомъ имѣется въ виду обыкновенно только превосходство государственной силы,— которое, разумѣется, громадно; но забывается, что государственность есть лишь одна сторона національной жизни. Среди несомнѣннаго государственнаго могущества нашего, славянофилы оплакиваютъ господство «петербургскаго періода» и его новѣйшія проявленія, и въ извѣстномъ смыслѣ они правы, — потому что дѣйствительно существо русскаго общества, какъ оно исторически развилось къ настоящему времени, остается не выра-

---

[1]) У насъ думаютъ еще, что такое знаніе можетъ быть получено вдругъ, стóитъ только журналамъ помѣстить нѣсколько статей о сербахъ и болгарахъ. По поводу моей послѣдней статьи о южно-славянскомъ вопросѣ, сдѣланъ былъ въ газетахъ упрекъ „Вѣстнику Европы", что онъ не помѣщалъ статей о сербахъ и болгарахъ, а мнѣ, что я ихъ не писалъ. Но я не полагаю, чтобы нѣсколько журнальныхъ статей могли дать обществу то пониманіе предмета, какое мы считаемъ нужнымъ; думать, что онѣ исцѣлятъ застарѣлое и всеобщее незнаніе публики—такъ же странно, какъ странно Акакій Акакіевичъ думалъ помочь заплатами безчисленнымъ прорѣхамъ своей шинели. Вопросъ не таковъ, чтобы его можно было рѣшать подобными заплатами; весь его объемъ обширнѣе, чѣмъ условія русской литературы и публицистики въ настоящую минуту. Наконецъ, относительно писанія статей о сербахъ и болгарахъ, можно было бы вѣрнѣе направить упреки къ присяжнымъ спеціалистамъ по славянству.

женнымъ въ такихъ формахъ, какихъ оно требуетъ, и не съ одной только славянофильской точки зрѣнія—не получаетъ права гражданства въ дѣйствительной жизни. Жалобы на «нѣмцевъ», хотя скучны по своей безплодности, имѣютъ свое основаніе. Люди не-славянофильскихъ мнѣній, въ другомъ направленіи, скорбятъ о недостаткахъ нашего образованія и общественности — а иногда въ томъ же самомъ направленіи, какъ славянофилы, не удовлетворяются положеніемъ народнаго быта, хозяйственнаго, юридическаго, религіознаго и т. д. Если, такимъ образомъ, въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ развитіе государственности не сопровождается пока желательнымъ развитіемъ общественной самодѣятельности въ національномъ смыслѣ, то понятно, что мы, *какъ общество*, не имѣемъ резона превозноситься надъ другими единоплеменниками; — а только на общественномъ превосходствѣ и могло бы быть основано наше притязаніе господствовать надъ культурными отношеніями славянства.

На это возражаютъ обыкновенно, что каковы бы ни были наши домашнія pia desideria, русская литература все-таки гораздо выше всякой другой славянской литературы, и это опять указываетъ мѣру нашего превосходства.—Но это вопросъ очень сложный. Мы сами думаемъ, что въ дальнѣйшей перспективѣ русская литература, едвали не одна изъ всѣхъ славянскихъ, можетъ стать со временемъ на уровнѣ главнѣйшихъ европейскихъ литературъ; что по богатству, разнообразію, силѣ своихъ талантовъ, она стоитъ выше всѣхъ другихъ славянскихъ литературъ, — но изъ этого нельзя заключить, чтобы теперь уже она могла занять между ними руководящее положеніе. По объему образовательнаго труда, по распространенію просвѣщенія въ народной массѣ, чешская литература стоитъ, напр., относительно гораздо выше русской; историко-этнографическія изученія славянства у сербо-хорватовъ, въ послѣднія два десятилѣтія, заявлены трудами первостепеннаго достоинства, не уступающими русскимъ, и т. п. А главное, какъ уже замѣчено, русская литература еще далеко не переработала своихъ частныхъ, спеціально-русскихъ вопросовъ, чтобы пріобрѣсть обще-человѣческое значеніе, — а только при этомъ послѣднемъ условіи она можетъ получить и обще-славянское значеніе.—Поэтому, въ настоящее время надо съ осторожностью говорить о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, или о необходимости для славянъ русскаго языка, какъ общаго языка литературнаго. И то, и другое кажется нетруднымъ лишь для тѣхъ, кто или не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, или не хочетъ быть справедливъ къ «славянскимъ ручьямъ».

Принятіе русскаго языка для обще-славянской литературы было бы великимъ подспорьемъ для національнаго развитія славянства, какъ сосредоточеніе однородныхъ силъ и, слѣдовательно, возможность быстрѣйшаго ихъ дѣйствія;—но чрезвычайно трудно сказать, можетъ ли этотъ литературный языкъ стать въ такое господствующее положеніе въ средѣ славянскихъ нарѣчій, какъ нѣмецкій, французскій, англійскій между мѣстными нарѣчіями Германіи, Франціи, Англіи. Русскому языку приходилось бы завоевывать свое значеніе въ славянствѣ въ такую пору, когда именно усилились стремленія отдѣльныхъ народностей къ развитію ихъ особенностей, и быть можетъ, онъ достигъ бы лишь искусственной и ограниченной степени господства въ родѣ той, какую имѣла ученая латынь. Но главное, такое господство русскаго языка не можетъ быть достигнуто силой или запретительными пошлинами, а только путемъ свободной конкурренціи и внутренняго достоинства. Говорить объ этомъ не лишнее, потому что при всемъ народолюбіи и славянолюбіи у насъ слышатся однако и высокомѣрное отношеніе къ другимъ славянскимъ литературамъ и настоящая вражда къ литературнымъ проявленіямъ мѣстныхъ нарѣчій,—хотя и то и другое составляетъ именно признакъ національнаго возрожденія, которому въ то же время мы какъ будто радуемся.

Появленіе мелкихъ литературъ было непосредственнымъ слѣдствіемъ и вмѣстѣ орудіемъ славянскаго возрожденія, совершающагося въ послѣднее столѣтіе. Развитіе ихъ было мѣркой развитія самыхъ народностей, ихъ образованности и общественнаго сознанія. Ихъ смыслъ былъ существенно освободительный и демократическій; онѣ бросались въ старину—потому что въ ней были времена свободной національности; свой новый языкъ онѣ создавали изъ современнаго народнаго языка; онѣ съ сочувствіемъ вникали въ народную жизнь, и новое развитіе хотѣли основать въ ея духѣ. Чешская литература уже вскорѣ доставила монументальныя произведенія, которыя стали краеугольнымъ камнемъ для возстановленія общеславянской древности и пунктомъ соприкосновенія для научныхъ стремленій у современнаго славянства (труды Шафарика, Палацкаго, Юнгманна и пр.). Сербская литература, менѣе богатая научными силами, открыла изумительный запасъ свѣжаго народно-поэтическаго творчества,—который опять сталъ иного рода откровеніемъ для общеславянскаго сознанія. Но и самые мелкіе оттѣнки и разновидности племени стремились основать свои особыя литературы, заявляли свое право на существованіе, хотя бы ихъ нарѣчія мало отличались отъ языка

сосѣдняго племени, хотя они были малочисленны и лишены всякой возможности политической реставраціи. Такъ возникло множество литературъ, или попытокъ и притязаній на литературу— рядомъ съ чехами, у моравановъ и словаковъ; рядомъ съ чехами и поляками, у лужичанъ, верхнихъ и нижнихъ; у сербовъ явилась особая литература въ княжествѣ, Хорватіи и Далмаціи, на кирилловскомъ и латинскомъ письмѣ; явились книги у словинцевъ или хорутанъ; у турецкихъ болгаръ; рядомъ съ русской, литература малорусская, и особо отъ нея галицкая. Это размноженіе мелкихъ литературъ заставляло иногда недоумѣвать даже друзей славянскаго возрожденія: что станется съ этимъ раздѣленіемъ языковъ, которое трудно было примирить съ ожиданіями славянскаго объединенія. Нѣкоторые приходили къ мысли, что это просто вредно, и что мелкія литературы подлѣ крупныхъ не имѣютъ права существовать: словацкая подлѣ чешской, малорусская подлѣ русской и пр.; сербы думали, что болгарамъ подлѣ нихъ не зачѣмъ имѣть своей особой литературы.

Какой же критерій можетъ рѣшить, которая изъ частныхъ литературъ имѣетъ право существовать, и которая нѣтъ? Да ясно, что всякая имѣетъ право существовать, и отвергать это можетъ только непониманіе народной потребности, дѣйствующей въ писателяхъ, слѣпое стремленіе къ единообразію, и, конечно, неуваженіе къ чужому нравственному интересу. Вопросъ подобнаго рода невозможенъ въ обществѣ, привыкшемъ къ свободѣ мысли и слова; мѣстная литература есть такое же выраженіе общественнаго мнѣнія. Національное, народное чувство, на которомъ коренятся частныя литературы, имѣетъ такое же нравственное право выраженія, какъ, напр., чувство религіозное; если такая литература возникаетъ и поддерживается своей публикой, значитъ она удовлетворяетъ ея потребности, и отвергать такую литературу, преслѣдовать ее—значитъ, безъ всякой надобности тѣснить и оскорблять народное чувство. Возникновеніе этихъ мѣстныхъ литературъ должно, напротивъ, радовать друзей народа, потому что въ нихъ все-таки высказывается пробужденіе народнаго сознанія: въ исторіи новѣйшихъ славянскихъ литературъ можно видѣть ясно, что появленіе книгъ на народныхъ языкахъ бывало признакомъ, что въ массы начинало проникать сознаніе своей народной личности, забота о своемъ народномъ правѣ и общественномъ улучшеніи. Тамъ, гдѣ приходилось бороться съ иноплеменнымъ гнетомъ, литературное движеніе было опорой народной устойчивости, ручательствомъ за нее; успѣхи образованія, съ какими оно должно соединяться, помогаютъ народу сознавать

свое человѣческое достоинство. То же самое, конечно, и тамъ, гдѣ эти литературы возникаютъ и внѣ борьбы съ иноплеменнымъ гнетомъ: ихъ возрастаніе есть мѣрка повышенія уровня народной жизни.

Понятно, что при этомъ не можетъ быть рѣчи о такъ-называемомъ «вредѣ» мѣстныхъ литературъ. Дѣло въ томъ, что ихъ нынѣшнее развитіе есть только предварительная работа національностей: онѣ возбуждаютъ массу народныхъ силъ, которая до сихъ поръ дремала и гибла безъ всякой дѣятельности, или увеличивала собой и безъ того слишкомъ большой запасъ невѣжества, или, въ странахъ, гдѣ славянская народность подчинена не славянамъ, шла на упитаніе этихъ послѣднихъ, какъ въ Германіи, Австріи, Турціи. Работа этихъ литературъ и состоитъ только въ элементарномъ воспитаніи народной мысли: ихъ содержаніе—педагогическое и этнографическое. Чтобы каждая изъ нихъ могла возвыситься до серьёзнаго значенія, это просто немыслимо: въ лужицкой или словинской литературѣ не можетъ явиться не только Шекспиръ или Гёте, но Пушкинъ и Гоголь; необширная среда не дастъ пищи писателю такой силы; малочисленная публика не дастъ опоры ни для широкаго поэтическаго таланта, ни для широкой научной мысли,—и сильный писатель естественно примкнетъ къ другой, болѣе обширной, родственной, или даже чужой литературѣ: малоруссъ Гоголь будетъ писать по-русски; словакъ Колларъ или Шафарикъ будетъ писать по-чешски, даже по-нѣмецки и т. п. Но этимъ писателямъ, и поэтамъ, и ученымъ, будетъ существеннымъ благомъ ихъ тѣсная связь съ ихъ первоначальной народной средой, съ ихъ родиной: мѣстная жизнь научитъ ихъ понимать народъ во всей непосредственности его быта и внушитъ сочувствіе къ народу, какого можетъ и не дать теоретическое воспитаніе.

Такимъ образомъ, мѣстная литература является не только не раздѣленіемъ силъ, какъ на это иногда жалуются, а, напротивъ, необходимымъ и благотворнымъ укрѣпленіемъ народнаго сознанія. Это ясно тамъ, гдѣ, какъ, напр., было у чеховъ или сербовъ, народности нужно было бороться за свою независимость противъ чужого ига или освобождаться отъ вѣкового застоя; менѣе ясно, но столь же несомнѣнно это и тамъ, гдѣ народно-литературное движеніе является въ видѣ мѣстнаго провинціализма. Что и этотъ послѣдній вызывается здоровой и законной потребностью, это очевидно изъ того факта, что мѣстныя литературы на провинціальныхъ нарѣчіяхъ расширяются въ послѣднее время даже въ та-

кихъ громадно-богатыхъ литературахъ, какъ нѣмецкая или французская.

Болгарская литература по своему объему до сихъ поръ есть такая же мѣстная литература; тридцать - сорокъ лѣтъ тому назадъ она совсѣмъ не существовала; ея содержаніе до сихъ поръ очень бѣдно,—но мы именно и хотѣли сказать, что, какъ бы ни были тѣсны ея границы, она имѣетъ несомнѣнное право на существованіе и должны быть совершенно отвергнуты тѣ притязанія, напр., чтобы болгары приняли сербскій или русскій литературный языкъ. Съ общей точки зрѣнія можетъ показаться полезнѣе, если бы болгары сейчасъ же получили литературный языкъ сосѣдей съ готовой литературой. Возможно, что со временемъ и случится такая комбинація: съ усиленіемъ образованія можетъ сказаться потребность въ болѣе широкомъ поприщѣ дѣйствія для литературы, для чего и придется употребить болѣе распространенный литературный языкъ. Но покамѣсть, болгарская литература необходима просто потому, что болгарскій народъ не понимаетъ другого языка кромѣ болгарскаго;—чтó будетъ дальше, мы не знаемъ: до сихъ поръ мы еще не видали свободнаго выраженія этого народа, и вовсе неизвѣстно, скажется ли онъ за тѣ комбинаціи, какія устроиваютъ для него сосѣди. Литература болгарская еще только возникаетъ, но и въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ она уже удовлетворяетъ ближайшимъ народнымъ потребностямъ, пріучаетъ къ книгѣ, помогаетъ элементарному образованію.

Болгарская литература—до сихъ поръ единственное выраженіе народа—проходитъ тѣ же ступени, какія вообще проходили литературы возрождавшагося славянства. Первое народное сознаніе всегда направлялось на исторію и этнографію; это было очень естественно: чтобы начать новую дѣятельность, надо было опредѣлить себя, вспомнить прошлое народа, узнать его современныя особенности. Первый патріотизмъ бывалъ именно археологическій и этнографическій: отыскиванье памятниковъ старины, записыванье народныхъ пѣсенъ, обычаевъ, преданій; изученіе возстановляло подлинную народную личность, забытую исторіей, подавленную чуженароднымъ господствомъ. Извѣстно, какимъ увлекающимъ направленіемъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія даже у господствующихъ европейскихъ націй тотъ археологическій романтизмъ, который возстановлялъ средніе вѣка въ фантастически окрашенной картинѣ. Очень похожъ на это былъ народный романтизмъ въ возрождающемся славянствѣ, когда изученіе воскрешало времена старой свободы, открывало въ народѣ поэтическія произве-

денія неподдѣльной красоты и неподдѣльной старины: народная личность возставала въ привлекательныхъ чертахъ неиспорченной патріархальности; народъ, вѣрно хранившій память отдаленной старины, не измѣнявшій ей подъ всѣми испытаніями исторіи, становился предметомъ энтузіазма для патріотовъ-изслѣдователей; народное ставилось выше всего, что давала «цивилизація», которую начинали обвинять въ искусственности и аристократическомъ забвеніи о народѣ. Подъ такими впечатлѣніями начиналось возрожденіе народностей, которое потомъ, усиливаясь новыми интересами, шло такъ быстро, что два-три поколѣнія, отдѣляющія насъ отъ первыхъ его начатковъ, произвели чрезвычайное измѣненіе въ положеніи народностей. Достаточно сравнить Чехію и Сербію въ концѣ прошлаго вѣка и въ настоящее время.

Въ Болгаріи, вслѣдствіе ея положенія политическаго подъ турецкимъ игомъ, возрожденіе вообще началось позднѣе, чѣмъ у какой-либо другой славянской народности. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оно стояло еще на той ступени, какая у сербовъ была въ концѣ прошлаго столѣтія. У сербовъ дѣло облегчалось тѣмъ, что часть племени, жившая въ Австріи и Далмаціи, имѣла возможность образованія, какой не было для болгаръ; въ самой Турціи на сербскомъ племени не лежалъ такой крайній, отчаянный гнетъ, какой лежалъ на болгарахъ; нѣкоторыя доли племени всегда оставались свободны, или почти свободны какъ Черногорія, и въ народномъ характерѣ сербовъ сбереглось больше чувства независимости; политическое освобожденіе, созданное этимъ чувствомъ, съ начала столѣтія открыло путь для сильнаго національнаго движенія. Болгарія лишена была этихъ условій, и отстала. Но процессъ, хотя медленно и несмѣло, тѣмъ не менѣе совершался, и въ концѣ-концовъ идетъ къ тому же результату. Не дальше, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, болгарское племя было такъ мало извѣстно даже своимъ ближайшимъ единоплеменникамъ, что лучшій въ свое время знатокъ славянства, Шафарикъ, считалъ его численность не болѣе какъ въ нѣсколько сотъ тысячъ, тогда какъ по нынѣшнимъ (хотя все еще мало опредѣленнымъ) даннымъ болгаръ оказывается отъ пяти съ половиною до семи милліоновъ.

Любопытно, что возрожденіе народности вызывало большое участіе и внѣ самой Болгаріи: гдѣ не доставало болгарскихъ литературныхъ силъ, являлись на помощь не только славянскіе единоплеменники, но чужіе европейскіе ученые. До сихъ поръ, старая Болгарія больше всего была изучаема русскими, а новая особенно нѣмцами, англичанами и французами, а не болгарами.

Ами-Буэ, Пуквиль, Бартъ, Лежанъ, Гохштеттеръ, Ганъ, Каницъ изслѣдовали топографію Болгаріи и опредѣляли этнографическую область племени, дали внѣшнія описанія мѣстъ и населеній; Шафарикъ началъ научную разработку болгарской древности; Востоковъ, и за нимъ длинный рядъ русскихъ ученыхъ— Бодянскій, Григоровичъ, Срезневскій, Лавровскій, Гильфердингъ, Ламанскій, Макушевъ, Голубинскій,—своими многочисленными и важными трудами разъяснили исторію древней болгарской письменности. Въ послѣднее десятилѣтіе все умножается число иностранныхъ путешественниковъ въ мало извѣстную страну, и въ ихъ разсказахъ все больше раскрывается страна, любопытная и по природѣ, и по историческимъ воспоминаніямъ; ея славянское населеніе возбуждало въ этихъ путешественникахъ живѣйшую симпатію чертами своего характера, мирнымъ трудолюбіемъ, положительной талантливостью и несомнѣнными задатками будущаго развитія и культуры,—если только кончится его безобразное настоящее.

Такимъ образомъ, національное возрожденіе было такое естественное, необходимое требованіе времени, что поддерживалось и чужими силами, когда свои еще не могли дѣйствовать. Иностранные изслѣдователи, изучая забытую страну, волей или неволей защищали ея народное право, помогали самимъ болгарамъ познакомиться съ ихъ отечествомъ. Какъ много и какъ справедливо обвиняли политику англичанъ въ безсердечіи къ положенію болгаръ, и однако едва ли не англійской литературѣ принадлежитъ лучшее до Каница путешествіе по Болгаріи;—это было путешествіе г-жъ Мэкензи и Ирби (1867), черезъ которое познакомился съ болгарскимъ вопросомъ его новѣйшій горячій защитникъ Гладстонъ. «Болгарскіе ужасы» также открыты были англійскимъ журналистомъ.

Въ средѣ самихъ болгаръ однимъ изъ первыхъ, и сильнѣйшимъ возбудителемъ народнаго сознанія былъ опять не-болгаринъ, а карпатскій русинъ, дѣйствовавшій въ русской литературѣ—извѣстный Венелинъ. Онъ сдѣлалъ возстановленіе болгарской народности задачей своей жизни, и его энтузіазмъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ небольшомъ тогда кружкѣ образованныхъ болгарскихъ патріотовъ; число патріотическихъ ревнителей народности стало размножаться; болгарская молодежь училась въ Вѣнѣ, Парижѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, и въ новыхъ поколѣніяхъ народное возрожденіе приходитъ уже къ сознательной и серьёзной работѣ надъ національнымъ дѣломъ. Вопросы историческіе и этнографическіе и здѣсь явились пер-

выми на очереди. Таковы труды Раковскаго, Каравелова, Жинзифова (недавно умершаго), братьевъ Миладиновыхъ, Дринова и проч. Ими сдѣланы болѣе или менѣе замѣчательные труды по изученію ихъ родины; братья Миладиновы оставили по себѣ память прекраснымъ сборникомъ пѣсенъ; Дриновъ (писавшій по-русски и по-болгарски) самыми первыми трудами своими пріобрѣлъ извѣстность лучшаго знатока исторіи своего отечества.

Размѣры болгарской литературы до сихъ поръ крайне невелики. Въ библіографической книжкѣ Иречка, заглавіе которой мы выписали въ началѣ статьи, представленъ по возможности полный списокъ болгарскихъ книгъ, вышедшихъ съ 1806 по 1870 годъ, и число ихъ не превышаетъ 550,—хотя здѣсь считается все, чтò только печаталось на болгарскомъ языкѣ, до самыхъ мелкихъ брошюръ, учебниковъ, букварей и т. п. Это начало болгарской литературы совершенно напоминаетъ характеръ, напр., сербской литературы въ началѣ нынѣшняго столѣтія—элементарно-педагогическій и этнографическій: главный матеріалъ ея составляютъ церковныя и нравоучительныя книги, учебники, популярные разсказы, особенно переводные. Вообще, это — литература для школы, нужнѣйшія книги для первоначальнаго народнаго образованія. Книги болѣе серьёзнаго достоинства уже начинаютъ появляться, но еще крайне рѣдки (по исторіи и этнографіи). Но если Болгарія еще не имѣетъ средствъ для научныхъ работъ, необходимыхъ для національнаго возрожденія,— эти средства, какъ мы замѣтили, приходятъ извнѣ. Къ числу этихъ иноземныхъ работъ по изученію Болгаріи принадлежитъ другое сочиненіе того же чешскаго ученаго, Іос. Конст. Иречка— «Исторія Болгаръ», первый законченный трудъ этого рода, которымъ восполняется давній пробѣлъ въ славянской исторіи, и который получитъ, вѣроятно, у самихъ болгаръ особенную цѣну. Эта книга явилась сначала на чешскомъ языкѣ; она выйдетъ (или уже вышла) и по-русски.

Болгарская исторія составляла дò сихъ поръ едва ли не самый темный пунктъ въ исторіи славянства. Наиболѣе вниманія посвящено было только древнѣйшимъ временамъ ея: Шафарикъ впервые установилъ научнымъ образомъ первые факты этой исторіи въ своихъ «Древностяхъ»; русскіе археологи говорили только о первыхъ вѣкахъ болгарскаго христіанства по ихъ связи съ древнѣйшими памятниками русской письменности. Но дальнѣйшіе вѣка почти не имѣли изслѣдователей: чтó происходило въ двухъ болгарскихъ царствахъ, чтó сталось съ Болгаріей послѣ ея паденія, какъ шла жизнь этого народа подъ турецкимъ господ-

ствомъ, оставалось почти неизвѣстно. Такимъ образомъ, автору предстоялъ большой трудъ работать надъ мало изслѣдованными источниками и возстановить по нимъ историческую судьбу болгарскаго народа отъ его перваго появленія въ исторіи до послѣдняго времени. Чешскій ученый выполнилъ свою задачу очень успѣшно, съ большой внимательностью собравъ почти все, что только могъ найти по болгарской исторіи, и сдѣланный имъ сводъ извѣстій—первый въ славянской исторической литературѣ.

Книга Иречка начинается топографіей страны, по новымъ изслѣдованіямъ и путешествіямъ; далѣе, древняя исторія страны въ до-славянскія времена, въ эпоху заселенія полуострова славянами,—приходъ болгаръ, первое и второе болгарскія царства, завоеваніе Болгаріи турками. Исторія событій въ дѣятельную эпоху болгарскаго народа занимаетъ бóльшую половину книги. Далѣе, рядъ любопытныхъ главъ заключаетъ описаніе внутреннихъ отношеній болгарской жизни въ древнихъ царствахъ,—исторію турецкаго господства съ XV-го вѣка до нашего времени,—характеристику церковнаго фанаріотскаго владычества,—разсказъ о новомъ пробужденіи болгарской народности,—о русскихъ войнахъ нынѣшняго столѣтія и греческомъ возстаніи,—наконецъ, о послѣднемъ національномъ движеніи и возникновеніи новой болгарской литературы.

Другой замѣчательный трудъ, посвященный современной Болгаріи, представляетъ книга Каница о Дунайской Болгаріи и Балканахъ. Каницъ съ 1860 года началъ изученіе славянскихъ земель Балканскаго полуострова, и составилъ себѣ извѣстность въ особенности большой книгой о Сербіи, изданной въ 1868 году. Въ свое время объ этой книгѣ было говорено въ «Вѣстникѣ Европы». Два тома вышедшаго теперь сочиненія Каница о Болгаріи представляютъ еще болѣе обширный трудъ, къ которому авторъ обѣщаетъ прибавить и третій томъ. Послѣ общихъ вводныхъ свѣдѣній о краѣ, его географіи и этнографіи, Каницъ излагаетъ свои замѣтки и наблюденія въ порядкѣ маршрута своихъ переѣздовъ по Болгаріи. И эти переѣзды Каницъ совершаетъ въ такомъ количествѣ, какъ вѣроятно никто изъ прежнихъ путешественниковъ, иностранныхъ и болгарскихъ. Онъ искрестилъ Дунайскую Болгарію, т.-е. сѣверную часть цѣлой болгарской территоріи, во всѣхъ направленіяхъ, включая и Балканы, которые перешелъ семнадцать разъ въ различныхъ мѣстахъ. Подробныя описанія мѣстности, поселеній отъ города до деревни, путей сообщенія, особенностей почвы, климатическихъ условій, произведеній природы и промысловъ; описанія жителей, нравовъ и обы-

чаевъ, костюмовъ и занятій; замѣтки о памятникахъ древности, развалинахъ античныхъ временъ, могилахъ и курганахъ до-классической эпохи и т. д., все это доставляетъ изобильный матеріалъ свѣдѣній, какого не удавалось собрать никому изъ другихъ изслѣдователей Болгаріи. Въ началѣ книги, Каницъ даетъ общія свѣдѣнія о странѣ, и въ особенности довольно обширную этнографическую характеристику Болгаріи, разсказываетъ о новомъ движеніи болгарской народности, которое выразилось между прочимъ въ церковномъ освобожденіи отъ константинопольскаго патріарха, объ отдѣльныхъ попыткахъ (доселѣ несчастныхъ) возстаній противъ турецкаго ига.

Долгое изученіе, конечно, познакомило хорошо Каница съ характеромъ болгарскаго народа, открыло много симпатичныхъ сторонъ, которыхъ не могли замѣтить люди, не видѣвшіе этого народа такъ близко, и Каницъ говоритъ о болгарахъ съ большимъ и, безъ сомнѣнія, искреннимъ сочувствіемъ. Первый томъ книги вышелъ въ то время, когда еще не было послѣдняго взрыва восточнаго вопроса; но Каницъ угадывалъ роль болгарскаго племени въ будущей судьбѣ народовъ Балканскаго полуострова, указывалъ его права на вниманіе Европы, трудолюбіе, даровитость народа, стремленіе къ просвѣщенію, удивительную стойкость въ его первой церковной борьбѣ. Второй томъ явился въ разгарѣ послѣднихъ событій, когда перемиріе только-что завершило сербскую войну.

«Очень быстро оправдалось предвидѣніе, высказанное мной на первой страницѣ этого труда, — говоритъ Каницъ въ предисловіи ко второму тому, въ декабрѣ прошлаго года.—Болгарія, которую прежде едва называли, въ послѣдніе мѣсяцы сдѣлалась настоящимъ средоточіемъ восточнаго вопроса и предметомъ величайшаго интереса для Европы.

«На театрѣ кровавой борьбы между Дунаемъ и Моравой, теперь, правда, господствуетъ перемиріе, потому что сильное слово посредниковъ раздѣлило бойцовъ за крестъ и полумѣсяцъ. Но черезъ короткій промежутокъ времени начинается та гораздо болѣе опасная дипломатическая борьба въ Константинополѣ, которая, несмотря на самые противоположные интересы участвующихъ въ дѣлѣ державъ, должна прежде всего опредѣлить «автономію» или, вѣрнѣе, мѣру человѣческихъ нравъ для сурово испытанной «болгарской райи».

«Новыя политическія созданія, не говоря о другихъ факторахъ, возможны только на основаніи самыхъ всестороннихъ объективныхъ изученій. Прежде всего, физико-географическій характеръ и связь

территорій, о которыхъ идетъ рѣчь, должны быть столь же ясны государственнымъ людямъ, рѣшающимъ вопросъ, какъ исторія, этнографія, религіозныя и культурныя отношенія ихъ населенія. Безъ этого дипломатія никогда не могла бы исполнить своего дѣла политическаго перерожденія въ духѣ настоящей справедливости и съ полной надеждой на жизненность этого дѣла.

«Поэтому я издаю теперь вторую часть моей книги съ желаніемъ принесть скромное содѣйствіе разъясненію великаго вопроса, волнующаго эту часть свѣта. Минута появленія книги должна быть благопріятная. Книга описываетъ именно ту въ высокой степени важную, бóльшей частью чисто болгарскую центральную страну между Дунаемъ и Балканами, которую прежде всего должны затронуть появляющіяся въ виду на политическомъ горизонтѣ дѣйствія Россіи.

«Пусть духъ всесторонней умѣренности съумѣетъ разрѣшить мирно кризисъ, висящій надъ Болгаріей. Пусть въ то же время ея прекрасному народу будетъ оказана давно желанная, вполнѣ заслуженная справедливость, вступиться за которую я съ 1860 года считалъ для себя священной обязанностью».

Такъ говоритъ нѣмецкій писатель, и огромный трудъ, предпринятый и сдѣланный имъ для изученія малоизвѣстной и ему чуждой народности составляетъ его большую, несомнѣнную заслугу. Между прочимъ, онъ старается защитить болгаръ отъ осужденій, какія въ послѣднее время не однажды слышались противъ нихъ, напр., отъ осужденій въ недостаткѣ патріотическаго мужества, въ тугомъ ходѣ національнаго сознанія и даже умственнаго развитія. Такія обвиненія высказывались между прочимъ по сравненію съ сербами, и отчасти шли именно отъ сербовъ, которые хотѣли видѣть болгаръ подъ своей гегемоніей; но должно припомнить, во-первыхъ, что положеніе болгаръ издавна было непохоже на положеніе сербовъ; первые были гораздо ближе къ источнику турецкаго гнета и гораздо больше его испытали, такъ что сама защита стала несравненно труднѣе; недавно мы видѣли, что въ этомъ отношеніи есть большая разница между разными частями самаго сербскаго племени, напр. между черногорцемъ, или даже герцеговинцемъ, и нынѣшнимъ сербомъ княжества; во-вторыхъ, о степени даровитости народа трудно было до сихъ поръ высказать какое-нибудь опредѣленное мнѣніе, потому что рѣдко кто наблюдалъ его съ этой стороны. Напротивъ, въ разсказахъ путешественниковъ, напримѣръ, въ изданныхъ недавно наблюденіяхъ англичанъ, долго живавшихъ въ Болгаріи, характеръ народа выставляется весьма благопріятно и съ этой сторо-

ны: болгарскій народъ является несомнѣнно способнымъ къ принятію образованія и обѣщающимъ впереди богатое развитіе; болгаринъ, повидимому, уже и теперь превосходитъ серба какъ разумная рабочая и промышленная сила. Въ книгѣ Каница также приводится нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ большой воспріимчивости и даровитости болгаръ; нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ вызывали въ немъ настоящее удивленіе. Эти отзывы тѣмъ убѣдительнѣе, что исходятъ отъ наблюдателей иной національности, вообще ни мало къ славянству не расположенной, и особенно любопытны въ виду политическаго и умственнаго соперничества между сербами и болгарами, которому вѣроятно еще предстоитъ развиться въ будущемъ.

Но Каницъ, несмотря на эти сочувственныя стороны его сужденій, далеко не всегда удовлетворитъ русскаго читателя. Каницъ—нѣмецко-австрійскій патріотъ, и это нерѣдко отражается на книгѣ не въ ея пользу. Дальше мы увидимъ примѣры. Затѣмъ, у человѣка, очень близко видѣвшаго положеніе болгаръ и турецкое управленіе, очень странно встрѣтить, напр., восторженные отзывы о благотворномъ управленіи Болгаріей Мидхата-паши, который, конечно, устроивалъ въ Болгаріи дороги и госпитали, но еще лучше устроилъ свое собственное состояніе. Каницъ восхищается его «просвѣщенной» энергіей, и считаетъ его желательнымъ идеаломъ турецкаго администратора,—но изъ его же разсказовъ видно, что тотъ же Мидхатъ былъ крайнимъ и свирѣпымъ врагомъ болгарскаго національнаго возрожденія, въ томъ числѣ церковнаго движенія болгаръ противъ греческаго патріархата,—тогда какъ самъ Каницъ вполнѣ сочувствуетъ этому движенію, и освобожденіе болгаръ отъ греческой патріархіи считаетъ необходимымъ. Къ турецкой администраціи Каницъ относится такъ, какъ будто это была въ самомъ дѣлѣ правильная администрація, хотя въ другихъ эпизодахъ книги она является и у него чистымъ произволомъ и грабежомъ; онъ даже записываетъ комплименты, которые говорилъ турецкимъ чиновникамъ, не чувствуя, какъ они выходятъ странны.

Какъ истый австрійскій нѣмецъ, Каницъ, при всемъ своемъ расположеніи къ болгарскому народу, не выноситъ его религіи, т.-е. православія. По немъ, это только невѣжественное суевѣріе; болгарское монашество внушаетъ ему неизмѣнную антипатію. Но факты, имъ разсказанные, даютъ иное понятіе о предметѣ. Невѣжества и суевѣрія въ болгарскомъ народѣ столько же, сколько во всякой заброшенной народной массѣ, и католическія народныя суевѣрія не уступятъ болгарскимъ. Но должно вспомнить, что

болгарскій народъ до очень недавняго времени не имѣлъ совсѣмъ никакой народной школы и теперь далеко не богатъ ею, да и тамъ ограниченъ однимъ элементарнымъ обученіемъ—такъ что этимъ прежде всего объясняется его пониманіе религіи. Грубое суевѣріе въ особенности свободно развивалось въ продолжительное господство греческой іерархіи, смотрѣвшей на свою паству только какъ на источникъ грабительскаго дохода, что признаетъ и самъ Каницъ, и упорная борьба болгарскаго народа противъ этой іерархіи рядомъ съ заботой о школѣ была, и по его признанію, первымъ энергическимъ народнымъ движеніемъ. Наконецъ, въ разсказахъ самого Каница, болгарское духовенство и монашество являются съ такими чертами, которымъ безпристрастный наблюдатель не можетъ отказать въ сочувствіи. Это духовенство близко къ своему народу, дѣлитъ его труды и невзгоды, сколько можетъ, работаетъ для его просвѣщенія, и какъ ни бывало печально его собственное положеніе, ему по всей вѣроятности должна быть приписана большая доля въ томъ, что болгарскій народъ сохранилъ свою народность и съ ней способность возродиться со временемъ къ новой, болѣе счастливой жизни. Народъ отождествлялъ свою національность съ религіей, и въ его тягостной исторіи народное (не греческое) духовенство въ грубыхъ формахъ, въ неясныхъ представленіяхъ давало ему однако нравственную поддержку. Любопытно сознаніе самого Каница, высказанное по поводу болгарскаго церковнаго движенія послѣднихъ годовъ: когда въ народѣ созрѣло стремленіе освободиться отъ власти греческаго патріархата и добыть себѣ церковную автономію, нѣкоторые изъ предводителей движенія, въ ожиданіи найти себѣ помощь въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ надѣялись ея отъ Франціи и католичества; послѣднее схватилось было за удобный случай вести уніатскую и католическую пропаганду, но какъ ни были благопріятны обстоятельства, пропаганда не пошла, и Каницъ самъ утверждаетъ, что она не имѣетъ шансовъ успѣха.

Какъ чтеніе, книга Каница довольно тяжела. Это — не талантливый разсказчикъ; народная жизнь все-таки оставалась ему чуждой; наконецъ, отчасти виной сухости разсказа была и самая его задача: предпринимая свое путешествіе, онъ въ особенности имѣлъ въ виду дать точныя топографическія описанія; онъ описываетъ страну, какъ ее видѣлъ на своемъ пути, съ экскурсіями по сторонамъ; ему надо было провѣрить прежнія карты, прежнюю номенклатуру мѣстностей (причемъ приходилось встрѣчать и исправлять множество ошибочныхъ указаній, даже у лучшихъ авторитетовъ). Но для серьёзнаго изученія книга Каница достав-

ляеть богатый матеріалъ; впрочемъ, нѣкоторыя описанія, какъ, напр., перехода черезъ Балканы, сдѣланы очень живо и изобразительно.

Самая интересная глава цѣлой книги есть этнографическое описаніе Дунайской Болгаріи. Эта глава заставляеть жалѣть, что до сихъ поръ этнографическое изученіе болгарскаго народа не было сдѣлано русскимъ ученымъ, который могъ бы замѣтить тѣ чрезвычайно любопытныя параллели, какія представляются между обычаями болгарскими и русскими. Русскимъ, бывавшимъ теперь въ Сербіи, не одинъ разъ бросалось въ глаза, что южно-славянскій, именно сербскій, народный быть многими чертами своими замѣчательно напоминаеть русскіе, особенно малорусскіе обычаи. То же надо сказать и о болгарахъ. Типы и сцены, изображенныя въ иллюстраціяхъ Каница, точно нарисованы въ Малороссіи; бытовые и религіозные обычаи болгаръ иногда точно списаны съ нашихъ. Намъ кажется вообще, что сличеніе русскаго народнаго быта съ южно-славянскимъ, сдѣланное въ широкихъ размѣрахъ, доставить нѣкогда любопытнѣйшіе этнографическіе результаты.

Древней порѣ болгарской исторіи посвящено и новое изслѣдованіе г. Дринова, профессора харьковскаго университета. Болгарско-византійскія отношенія, имѣющія, какъ мы замѣчали, большую роль и въ нашей древней исторіи, еще только разработываются; до недавняго времени они были извѣстны лишь въ общихъ и довольно неопредѣленныхъ очертаніяхъ; новѣйшія изысканія Бодянскаго, Срезневскаго, Рачкаго, Голубинскаго, Андрея Попова, Павлова, Васильевскаго и др. открывають много новыхъ точекъ соприкосновенія и во внѣшней исторіи, и особенно въ письменности и складѣ религіозныхъ вѣрованій и образованности. Къ этимъ изслѣдованіямъ присоединяются и труды г. Дринова, который съ первыхъ работь заявилъ въ себѣ основательнаго ученаго. Не останавливаясь на его новой книгѣ, слишкомъ спеціальной, мы укажемъ подробнѣе на другую книгу, въ которой опять любопытнымъ образомъ русская старина сближается съ южно-славянской.

Это—изслѣдованіе г. Всеволода Миллера. «Слово о полку Игоревѣ» столько занимало нашихъ ученыхъ, столько разъ комментировалось, какъ ни одинъ изъ памятниковъ нашей письменности, но г. Миллеръ справедливо думалъ, что основные вопросы —о самостоятельности автора «Слова», о характерѣ произведенія—до сихъ поръ не могутъ считаться рѣшенными, «хотя уже

ученики заучиваютъ въ учебникахъ, что «Слово» было прежде пѣснью и записано лишь впослѣдствіи, что авторъ его принадлежалъ къ «дружиннымъ» пѣвцамъ, что оно относится къ дружинному эпосу, что Боянъ былъ древне-русскій пѣвецъ» и т. д.

Взглядъ самого г. Миллера такъ оригиналенъ, что нѣсколько подробностей изъ его комментарія будутъ вѣроятно любопытны для читателя, которому не чужды вопросы древней русской литературы. Авторъ ставитъ прежде всего главный вопросъ: есть ли «Слово» пѣсня (народная или дружинная), записанная впослѣдствіи книжниками, или оно съ самаго начала есть произведеніе книжнаго человѣка, знакомаго съ литературой своего времени?—и справедливо полагаетъ, что «Слово» вовсе не имѣетъ признаковъ народной эпической пѣсни. Если предположить, что оно только въ теченіи одного поколѣнія ходило въ устахъ дружины,—неужели оно могло такъ мало исказиться, что историкъ находитъ въ немъ цѣлую генеалогію князей, воспоминаніе объ ихъ отношеніяхъ, характерѣ, событіяхъ ихъ жизни? Попытки отыскивать въ «Словѣ» метрическій складъ (за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ) были вообще крайне натянуты. Если книжникъ, записывавшій его якобы изъ устъ народа, забылъ складъ пѣсни, т.-е. самые стихи, то онъ, конечно, забылъ бы и много частныхъ подробностей, смѣшалъ имена или отчества князей и т. п.; если бы, напротивъ, онъ хорошо помнилъ пѣсню, то метрическій складъ сохранился бы гораздо ярче, нежели въ извѣстномъ намъ текстѣ. Вмѣсто того, чтобы искать мнимыхъ остатковъ пѣсеннаго склада, по мнѣнію г. Миллера, проще принять, что авторъ «Слова» въ теченіи своего разсказа невольно впадалъ въ лирическое настроеніе и облекалъ поэтическіе эпизоды въ форму, похожую на стихъ.

Далѣе, г. Миллеръ отвергаетъ ходячее мнѣніе, что авторъ «Слова» былъ воиномъ, дружинникомъ и имѣлъ еще (или помнилъ) языческое міровоззрѣніе, такъ какъ много разъ упоминаетъ языческихъ боговъ Дажьбога, Велеса, Хорса, Стрибога. Новый критикъ считаетъ всѣ эти предположенія совершенно произвольными. «Достаточно — говоритъ онъ — прочесть искусственное начало «Слова», это колебаніе автора, слѣдовать ли ему замышленію поэта Бояна или былинамъ своего времени,—вспомнить кудреватыя и вычурныя выраженія, политическую тенденцію, фамильярность съ князьями, полное знаніе ихъ взаимныхъ отношеній — чтобъ убѣдиться, что авторъ не могъ быть неграмотнымъ пѣвцомъ, проникнутымъ народными миѳическими воззрѣніями».

Не видя въ авторѣ «Слова» той дѣтской наивности, какая ему приписывается, и, напротивъ, предполагая въ немъ человѣка

вполнѣ развитаго по своему времени, съ ясными политическими идеями, г. Миллеръ не принимаетъ буквально тѣхъ «языческихъ» подробностей, какія есть въ «Словѣ», и думаетъ, что авторъ «Слова» вѣрилъ столько же въ Стрибоговъ и Велесовъ, сколько мы сами, и что это были не болѣе какъ поэтическія или реторическія украшенія,—припомнимъ, что рядомъ съ этими божествами говорится и о Богородицѣ Пирогощей. По всему характеру «Слова» надо заключать, что это не была народная эпическая пѣсня, а произведеніе книжное, и въ такомъ случаѣ, оно должно носить на себѣ признаки современной ему литературы, потому что какъ бы ни былъ писатель талантливъ, онъ долженъ отразить въ своемъ произведеніи характеръ времени, тонъ умственной жизни.

Итакъ, гдѣ же книжныя связи и параллели «Слова о полку Игоревѣ»? Г. Миллеръ находитъ ихъ именно въ византійской болгарской литературѣ. Этихъ книжныхъ связей «Слова» всего ближе искать въ современной ему литературѣ; а объ ней мы знаемъ вообще, что она была наполнена памятниками византійско-болгарскаго происхожденія, что у русскихъ она складывалась подъ этими вліяніями, и, наконецъ, что въ ней былъ именно цѣлый отдѣлъ сказаній и повѣстей, въ родѣ исторіи Александра Македонскаго, сказанія о Троянской войнѣ, о Девгеніѣ, о Соломонѣ и проч. Всего скорѣе представляется сличеніе съ «Девгеніевымъ Дѣяніемъ», которое въ византійской литературѣ также было книжной героической эпопеей о подвигахъ современнаго героя,—которое, вѣроятно, уже издавна перешло въ болгарскую литературу, затѣмъ перенесено было въ русскую и между прочимъ находилось въ томъ старомъ сборникѣ, гдѣ сохранилось и самое «Слово».

Для нашей цѣли нѣтъ надобности слѣдить подробно за доказательствами автора и за степенью силы каждаго изъ нихъ. Довольно сказать, что его объясненія «Слова» представляютъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ комментаріевъ, какіе можетъ указать обширная литература объ этомъ памятникѣ, и доказательства его, если еще не всѣ достаточно строго проведены, во многихъ случаяхъ очень близки къ истинѣ, къ дѣйствительному опредѣленію этого загадочнаго памятника.

Сначала, онъ останавливается на сказаніи о Девгеніѣ-Дигенисѣ [1]), и рядомъ сравненій выясняетъ, что литературные пріемы «Слова» имѣютъ свои прототипы если не именно въ «Девгеніѣ»,

---

[1]) См. объ этомъ памятникѣ ст. г. Веселовскаго, въ „Вѣстн. Европ.", 1875, апрѣль.

то вообще въ книжно-поэтическихъ произведеніяхъ византійскихъ, пришедшихъ къ намъ черезъ болгарскіе переводы и переработки. Таково первое воззваніе «Слова», гдѣ авторъ его, очевидно, останавливается на вопросѣ, какой манерой, какимъ стилемъ написать ему восхваленіе своего князя; таковы поэтическіе, иногда немного вычурные эпитеты и сравненія, съ какими онъ говоритъ о князьяхъ и ихъ воинскихъ дѣяніяхъ—сравненія, для которыхъ мы дѣйствительно не найдемъ параллели въ другихъ русскихъ памятникахъ, и найдемъ въ «Девгеніѣ». Таковы миѳологическія украшенія нашей поэмы, гдѣ, по объясненію г. Миллера, языческія божества, какъ Дажьбогъ, Велесъ и проч., не были вовсе сберегавшимся воспоминаніемъ русскаго язычества, а поэтическимъ украшеніемъ, форма котораго дана болгарскими памятниками, передававшими византійскіе образцы,—такъ что въ этихъ именахъ божествъ мы имѣемъ передъ собой отголоски не русскаго, а болгарскаго язычества. Сюда примыкаетъ и имя «Трояна», такъ затруднявшее до сихъ поръ нашихъ комментаторовъ; по объясненію г. Миллера, оно также принадлежитъ болгарскимъ образцамъ и вообще встрѣчается въ нашей письменности именно въ памятникахъ болгарскаго происхожденія, — оно и до сихъ поръ цѣло и популярно въ южно-славянскихъ народныхъ преданіяхъ.

Очень остроумно, хотя всего меньше доказано то объясненіе, какое г. Миллеръ даетъ личности пѣвца Бояна. Наши комментаторы издавна рѣшили видѣть въ Боянѣ—«соловья стараго времени», древне-русскаго народнаго поэта, который предшествовалъ пѣвцу Игоря и служилъ ему образцомъ и идеаломъ. Г. Миллеръ, по слѣдамъ теоріи, давно заявленной Венелинымъ, припоминаетъ историческія преданія о болгарскомъ царевичѣ Баянѣ, сынѣ царя Симеона; старый историкъ Ліутпрандъ разсказываетъ о Баянѣ, что онъ «такъ изучилъ волшебство, что могъ внезапно изъ человѣка обращаться въ волка и въ любого другого звѣря». Г. Миллеръ находитъ, что не слишкомъ смѣло искать вѣщаго пѣвца Бояна на той почвѣ, гдѣ дѣйствительно жилъ Баянъ чародѣй, въ той странѣ, гдѣ ходили преданія о Троянѣ, гдѣ звучало имя Велесъ и еще ходятъ разсказы о дивахъ, самодивахъ. Свою гипотезу онъ объясняетъ такимъ образомъ. «Съ теченіемъ времени народная фантазія въ Болгаріи овладѣла историческимъ Бояномъ: историческія черты были забыты и стерты, преданія о Боянѣ слились съ другими, по общему закону, господствующему повсюду въ устныхъ произведеніяхъ; быть можетъ, уже черезъ нѣсколько поколѣній является болгарскій книжникъ, воспитанный

на красотахъ византійской литературы и усвоиваетъ какое-то византійское произведеніе своимъ соотечественникамъ. Находя въ византійскомъ произведеніи миѳологическіе эпитеты, онъ передѣлываетъ ихъ въ славянскія, замѣняя, какъ переводчикъ Малалы, Геліосовъ, Аполлоновъ, Эоловъ—Дажьбогами, Велесами и Стрибогами; находя тамъ же воззваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности—Гомеру, онъ подставляетъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ. Подобное болгарское произведеніе переходитъ вмѣстѣ съ рядомъ другихъ на русскую почву. Прельщенный византійско-болгарскими красотами, русскій авторъ черпаетъ отсюда «старыя словеса», иногда не отдавая себѣ въ нихъ отчета. Человѣкъ съ прирожденнымъ чувствомъ и пониманіемъ изящнаго не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе. Но чтобы придать неизвѣстному пѣвцу русскую окраску, онъ дѣлаетъ его пѣвцомъ Ярослава, Мстислава, Романа и Всеслава. Была ли здѣсь намѣренная травестія или наивное смѣшеніе чужого съ своимъ — рѣшить трудно. Важно одно, что при этомъ замѣщеніи авторъ не былъ послѣдователенъ и, устранивъ нѣкоторыя чужія черты, не стеръ другихъ: называя Бояна, напримѣръ, пѣвцомъ русскихъ князей, онъ заставляетъ его рыскать *въ тропу Трояню*, и называетъ внукомъ Велеса, а не Волоса» [1])...

Это толкованіе можетъ показаться слишкомъ мало мотивированнымъ, но оно едва ли менѣе мотивировано, чѣмъ общепринятое мнѣніе, которое, не задумываясь, на имени Бояна построило цѣлую исторію русской народной поэзіи XI-го вѣка. Къ сожалѣнію, такъ скудны источники, которыми изслѣдователь долженъ довольствоваться, что пока очень трудно требовать въ этомъ вопросѣ какихъ-нибудь рѣшительныхъ доказательствъ.

Но утверждая эту подражательность и заимствованіе «Слова», г. Миллеръ замѣчаетъ, что это ни мало не уменьшаетъ достоинства его автора—оговорка, не лишняя у насъ для людей, которымъ историческая критика еще не вразумительна, и, напр., изслѣдованіе о Дмитріѣ Донскомъ, если оно не есть диѳирамбъ, кажется, посягательствомъ на наше національное достоинство.—Въ тѣ времена не имѣли нашего понятія о литературномъ заимствованіи, чужія произведенія смѣло были вносимы въ свою письменность и подъ извѣстными передѣлками ходили въ руко-

[1]) „Велесъ", по мнѣнію г. Миллера, очень вѣроятному, есть болгарская форма „Волоса".

писяхъ за свои собственныя, какъ и наоборотъ случалось, что русскія сочиненія, по неизвѣстности ихъ авторовъ или для большаго авторитета, носили имена какихъ-нибудь знаменитыхъ церковныхъ учителей. Для автора «Слова» воспользоваться пріемами и цитатами изъ читаннаго имъ византійско-болгарскаго произведенія не было ничего необыкновеннаго. Съ этой точки зрѣнія, авторъ «Слова» дѣйствительно не нуждается въ оправданіи. Но его собственныя достоинства остаются при немъ. «Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ, онъ ведетъ разсказъ объ историческихъ событіяхъ по былинамъ своего времени, мастерски группируя эти событія для гражданской цѣли и облекая поэтическимъ колоритомъ дѣйствующія лица. Если, при несомнѣнныхъ достоинствахъ разсказа, коегдѣ замѣтно подражаніе, оно только свидѣтельствуетъ о художественномъ вкусѣ автора, объ умѣньи пользоваться «старыми словесами» для украшенія своего произведенія».

Давно было замѣчено, что въ старой нашей литературѣ есть одинъ памятникъ, того же самаго времени, который очень напоминаетъ «Слово» по своему стилю и языку,—именно Галицко-Волынская лѣтопись. Г. Миллеръ замѣчаетъ, что характеръ этой лѣтописи обличаетъ въ ея составителѣ человѣка мірского, граждански развитаго и по своему времени хорошо образованнаго, что онъ принадлежалъ, повидимому, къ людямъ того же направленія, какъ авторъ «Слова». Такимъ образомъ, — заключаетъ г. Миллеръ,—авторъ «Слова» не представляется уже исключительнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ: «онъ является скорѣе представителемъ литературнаго направленія, быть можетъ, основателемъ школы писателей, воспитавшихся на книжныхъ свѣтскихъ произведеніяхъ, но не чуждавшихся при этомъ родныхъ образовъ южно-русской поэтической рѣчи» (стр. 138).

[redacted]

Спеціальная критика, вѣроятно, выдѣлитъ во взглядѣ г. Миллера доказанное отъ недоказаннаго. Мы привели его здѣсь, какъ новый примѣръ, что изслѣдованіе нашей старины все больше и больше раскрываетъ ея историческую связь съ южнымъ славянствомъ. Оказывается, что эта связь выступаетъ и на томъ замѣчательномъ памятникѣ, который, при всей порчѣ формы, какъ она до насъ дошла, считается лучшимъ украшеніемъ нашей древней литературы и считался самобытнѣйшимъ ея произведеніемъ. Если желательно, чтобы наше національное сочувствіе къ южному славянству вошло въ сознаніе общества, то разъясненіе нашихъ старыхъ историческихъ отношеній къ этому славянству

и народно-бытовыхъ сходствъ можетъ стать предметомъ не одного чисто-научнаго интереса.

Фельетонные просвѣтители замѣтятъ саркастически, что мы освобожденіе славянъ сводимъ на археологію. Но немножко знать исторію дѣйствительно очень не лишнее для тѣхъ, кто изображаетъ себя пламенными друзьями угнетенныхъ единоплеменниковъ. Эти единоплеменники переживаютъ теперь первую пору народнаго возрожденія; ихъ историческія воспоминанія, этнографическое изученіе своего народа составляютъ для нихъ важный литературный и нравственный интересъ, и намъ не мѣшаетъ понять его и помочь ему.

Это опять возвращаетъ насъ къ общему вопросу. Насъ упрекали въ скептическомъ отношеніи къ славянскимъ увлеченіямъ нашего общества. Отвѣчать на это становится скучно. Мы отдавали полную справедливость искреннему, хотя бы наивному увлеченію вопросомъ славянскаго освобожденія; такого увлеченія нельзя не цѣнить высоко,—такъ рѣдки у насъ, къ сожалѣнію, примѣры искренняго увлеченія. Но мы не сочувствовали дѣланнымъ восторгамъ и выкрикиваніямъ «глубокихъ симпатій»,—чего также было не мало. Мы не могли, и не хотѣли скрывать отъ себя, что у большинства славянскій вопросъ остается теменъ, ставится неправильно, что для вѣрной постановки его недостаетъ существенныхъ условій, во-первыхъ,—по недостаткамъ нашей собственной общественности, во-вторыхъ,—по крайнему незнанію славянства. Мы не хотѣли скрывать отъ себя этого факта, потому что не считаемъ полезнымъ питать общественныя самообольщенія и иллюзіи;—ихъ и безъ того слишкомъ много носится надъ нашей жизнью и мѣшаетъ ей пробиться на божій свѣтъ. Славянскій вопросъ есть вопросъ освобожденія и общественнаго развитія племенъ, намъ родственныхъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ нами исторіей и на насъ надѣющихся; если мы думаемъ, что можемъ имъ помочь, если насъ призываютъ на это дѣло, какъ на священную обязанность, то къ этому дѣлу надо приступать дѣйствительно такъ, какъ требуетъ священная обязанность. Нужно, чтобы общество понимало о чемъ идетъ рѣчь и какими внутренними силами оно можетъ располагать: оно само должно чувствовать себя взрослымъ и свободнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уважать чужую народную личность — иначе можно испортить самую помощь и грубымъ отношеніемъ оскорбить тѣхъ, кого хочешь спасать и освобождать; къ сожалѣнію, подобное и успѣло оказаться въ разныхъ случаяхъ прошлаго года, между прочимъ и въ печатныхъ заявленіяхъ ревнителей

славянства. Для достойнаго, человѣчнаго отношенія къ родственному племени нужна прежде всего собственная зрѣлость общества, а потомъ знаніе этихъ родственныхъ народностей. Поэтому, говоря о славянскихъ отношеніяхъ, мы указывали на необходимость подумать и о внутреннихъ отношеніяхъ: это было существенно важное условіе въ разрѣшеніи славянскаго вопроса, а не отклоненіе и не удаленіе отъ него. Все это, кажется, было довольно просто понять; къ сожалѣнію, мы этого пониманія не встрѣтили; напротивъ, искреннія, не на вѣтеръ высказанныя слова принимались одними злобно, другими—съ шуточками; и то и другое было печально, какъ образчикъ страшно-распространенной нетерпимости, а еще больше—легкомыслія.

Призывающіе публицисты ссылались особенно на авторитетъ государства. Нѣтъ сомнѣнія, что только государство и можетъ имѣть рѣшающую роль въ основномъ политическомъ вопросѣ; но государство не можетъ сдѣлать всего; кромѣ внѣшне-политической стороны, въ славянскомъ вопросѣ есть своя общественная сторона, и мы думаемъ, что способъ и тонъ, въ которомъ общество понимаетъ вопросъ, могутъ отразиться и въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ государства.

Наше знаніе славянства вообще, и южнаго въ томъ числѣ, до сихъ поръ крайне ограниченно въ обществѣ; самый интересъ къ славянству возникаетъ только теперь, тогда какъ до сихъ поръ знакомство съ нимъ было удѣломъ немногихъ спеціалистовъ и любителей, работавшихъ въ чисто-научномъ смыслѣ. Если нынѣшній интересъ къ славянству не окажется мимолетнымъ и скоропреходящимъ, то изученіе славянства должно бы, повидимому, возбудить сильное любопытство общества,—потому что въ самомъ дѣлѣ, въ будущемъ развитіи южнаго славянства для насъ можетъ представиться не только нравственный, но и практическій интересъ. Куда будетъ тянуть освобожденное южное славянство? У насъ обыкновенно не сомнѣваются, что оно будетъ тянуть къ Россіи; и дѣйствительно, напримѣръ, для Болгаріи это было бы чрезвычайно естественно; но, обративъ вниманіе на то, что дѣлается, не трудно видѣть, что русскія вліянія уже теперь встрѣтятся здѣсь съ иными вліяніями—и религіозными, и образовательными, и культурными. Для нѣмцевъ (въ этомъ можно убѣдиться изъ книги Каница) Балканскій полуостровъ начинаетъ уже представляться какъ область, удовлетворяющая «стремленію на Востокъ»; образованіе молодыхъ болгарскихъ поколѣній въ достаточномъ классѣ идетъ уже мимо русскихъ источниковъ; религіозная пропаганда, католическая и протестантская, хотя еще

слабо, но уже бросаетъ тамъ корни; вліянія промышленныя всего легче могутъ пройти мимо русскихъ рукъ, и т. д. Представимъ себѣ дальнѣйшее развитіе всѣхъ этихъ отношеній, и будетъ очевидно, что подобный ходъ вещей будетъ не укрѣплять, а ослаблять ту славянскую связь, на которую мы возлагаемъ надежды, какъ на связь непоколебимую.

Между тѣмъ, современная Болгарія гораздо больше была изучаема нѣмцами, англичанами, французами, чѣмъ русскими, которымъ, повидимому, это изученіе должно бы быть такъ близко, и по исторической близости, и по національному родству, и по сосѣдству, и по политическимъ перспективамъ.

Древняя русская исторія тѣснѣйшимъ образомъ связана съ Болгаріей. Отсюда шло русское христіанство; языкъ нашей церкви есть старый болгарскій; изъ Болгаріи пришли славянскій переводъ св. писанія, богослужебныя книги, цѣлая масса переводныхъ византійскихъ и собственно-болгарскихъ произведеній церковной литературы, законодательства, легенды; путемъ южно-славянскихъ, особенно болгарскихъ переводовъ, пришли къ намъ византійскія историческія книги и космографіи, свѣтскія повѣсти и поэмы; этимъ же путемъ приходилъ обильный запасъ произведеній народной христіанской миѳологіи, еретическихъ книгъ богомильства и т. д. Словомъ, отъ высшей церковной сферы до народнаго преданія и суевѣрія, религіозная жизнь шла на одной почвѣ съ южнымъ славянствомъ, и эта связь народныхъ представленій и обычаевъ сохранилась въ замѣчательной степени до настоящей минуты. Древне-русскіе памятники церковной письменности часто вполнѣ тождественны съ болгарскими.

Паденіе болгарскаго царства разрознило болгаръ отъ русскихъ; первые, въ массѣ, остались до сихъ поръ на старой степени развитія, сохраняя наивное средневѣковое міровоззрѣніе, которое и до сихъ поръ, впрочемъ, можетъ дѣлать ихъ близкими къ нашей народной массѣ. Болгарія еще мало изучена въ этнографическомъ отношеніи, но изъ того, что̀ извѣстно, и что̀, напримѣръ, разсказывается во второй главѣ книги Каница, читатель можетъ увидѣть, до какой степени сходно съ нашимъ сложились у болгаръ народныя понятія и самые обычаи патріархальнаго сельскаго быта. Если для немногихъ русскихъ ученыхъ, которые искали въ Болгаріи древнихъ письменныхъ памятниковъ, Болгарія доставила любопытнѣйшія находки, то безъ сомнѣнія она доставитъ массу подобныхъ находокъ и ученому этнографу.

Быть можетъ, мы стоимъ наканунѣ крупныхъ историческихъ

событій, и болгарскій народъ пріобрѣтетъ, наконецъ, условія политической жизни, которыя дадутъ ему возможность сколько-нибудь правильнаго общественнаго развитія и образованія. Если въ нашей національной жизни славянскія отношенія въ самомъ дѣлѣ заняли такую важную роль, какъ теперь кажется многимъ, изученіе южнаго славянства должно стать болѣе широкимъ литературнымъ интересомъ, чѣмъ было до сихъ поръ: только этимъ путемъ будетъ пріобрѣтено сознательное пониманіе иной народности и нашихъ разумныхъ отношеній къ ней. Это изученіе можетъ имѣть тѣмъ больше значенія, что въ немъ, какъ мы видѣли, совмѣщается вопросъ объ историческихъ судьбахъ нашей собственной народности.

А. П.



РОССІЯ

въ книгѣ

Д. МАККЕНЗИ-УОЛЛЕСА

Russia, by D. Mackenzie Wallace, M. A. Vols I et II. 1877.

Иностранная книга о Россіи читается нами еще съ бо́льшимъ интересомъ, чѣмъ тѣми иностранцами, для которыхъ собственно она написана. Причина этого понятна. Но даже и въ русскомъ извлеченіи, когда иностранецъ является въ обыкновенныхъ условіяхъ, окружающихъ русскаго писателя,—мнѣніе иностранца намъ всегда любопытно узнать. Однимъ словомъ, писать о Россіи для иностранца—трудъ благодарный. Свои прочтутъ книгу медленно, съ разстановкой, извлекая изъ нея свѣдѣнія о странѣ мало имъ извѣстной; а такъ какъ Россія болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе, то дѣльная книга очень скоро расходится. Такъ, сочиненіе, котораго заглавіе выписано выше, помѣчено 1877 годомъ, но выдержало уже три изданія. Русскіе же читатели—какъ только книга дойдетъ до нихъ—проглотятъ книгу иностранца о Россіи съ жадностью. Нужды нѣтъ, что собственно новыхъ свѣдѣній они найдутъ въ ней немного. Но вѣдь мы за новыми свѣдѣніями не особенно и гонимся. За то намъ очень интересно—новое мнѣніе. Мнѣніемъ иностранца интересуются вездѣ, но у насъ особенно—и это понятно. Русское общество, при своей разрозненности, имѣетъ еще весьма мало твердыхъ коллективныхъ представленій даже о самыхъ первобытныхъ вещахъ. Въ Россіи все еще много разсуждаютъ на тэму «чѣмъ намъ быть»; стало-быть, не

окончательно, по крайней мѣрѣ для массы общества, выяснено, чтó такое мы есть. Все, чтó относится къ такому вопросу, у насъ возбуждаетъ любопытство, и вотъ почему мнѣніе о насъ человѣка со стороны, иностранца, намъ очень интересно; оно, думаемъ мы, обѣщаетъ намъ разъясненіе насъ самихъ.

Книга г. М. Уоллеса не только удовлетворяетъ этой нашей потребности въ самопровѣркѣ, потому что представляетъ обстоятельное описаніе видѣннаго и узнаннаго авторомъ въ Россіи, но даетъ даже болѣе этого. Нѣкоторыя ея главы представляютъ даже совершенно самостоятельную обработку вопросовъ русской жизни; изъ такихъ главъ мы можемъ не только провѣрить себя, но даже научиться,—а это высшая похвала, какую можетъ дать печать извѣстной страны иностранному писателю объ этой странѣ. Намъ остается ожидать не безъ нетерпѣнія обѣщаемыхъ авторомъ изслѣдованій по другимъ отдѣльнымъ вопросамъ; въ настоящихъ двухъ книгахъ, самостоятельную обработку вопросовъ представляютъ не всѣ главы, а только нѣкоторыя. Остальныя—посвящены описанію и изложенію впечатлѣній.

Авторъ предваряетъ насъ въ предисловіи, что изъ собранныхъ имъ матеріаловъ о Россіи, онъ употребилъ въ дѣло въ настоящей книгѣ только тѣ, которые могутъ интересовать массу публики (англійской). Однако никакъ нельзя сказать, чтобы книга была нѣчто въ родѣ ряда фельетоновъ. Скорѣе ее должно назвать «путешествіе по Россіи, съ объяснительными справками». Хотя г. М. Уоллесъ провелъ въ Россіи почти шесть лѣтъ не исключительно въ разъѣздахъ, и зимы употреблялъ преимущественно на изученіе матеріаловъ и на обработку своихъ статей, но книга его все-таки сохранила преимущественно характеръ «путешествія». Дѣло въ томъ, что не всѣ статьи обработаны одинаково, а расположены онѣ такъ, что связью между ними служитъ именно переѣздъ автора съ одного конца Россіи на другой. Бросимъ взглядъ на составъ книги.

Она такъ и начинается прямо съ описанія особенностей путешествія по Россіи. Во второй же главѣ авторъ объясняетъ, что ему неудобно расположить свой разсказъ съ точностью въ порядкѣ его проживанія и переѣздовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, такъ какъ это было бы слишкомъ утомительно для читателя. А потому онъ рѣшился «избѣгнуть метода строго-хронологическаго и ограничиться описаніемъ наиболѣе выдающихся предметовъ и случаевъ, которые обратили на себя его вниманіе».—«Свѣдѣнія, которыя я извлекъ изъ книгъ,—поясняетъ онъ,—помогутъ мнѣ приложить бѣглые комментаріи къ тому, чтó мнѣ

случилось видѣть и слышать». Книга совершенно соотвѣтствуетъ этой программѣ. Мы не можемъ требовать отъ автора болѣе, чѣмъ онъ самъ предпринялъ, и должны признать, что предпріятіе свое въ указанномъ смыслѣ онъ исполнилъ очень добросовѣстно и толково. Но мы должны настоять на томъ, что книга эта прежде всего—описаніе путешествія, для того именно, чтобы объяснить и оправдать недостатокъ въ ней той связи полноты и соотвѣтственности размѣровъ разныхъ статей — ихъ важности, которыя были бы совершенно необходимы въ сочиненіи болѣе научнаго характера. Какъ вообще въ путевыхъ замѣткахъ людей, обладающихъ запасомъ свѣдѣній, здѣсь къ мелочамъ, попадающимся на глаза случайно, присоединяются наблюденія болѣе общаго свойства, и затѣмъ между двумя-тремя главами подъ-рядъ есть прямая связь, но потомъ опять случайность путешествія заноситъ автора въ другія мѣста и иную сферу общихъ наблюденій.

Такъ, авторъ обращается сперва въ деревню новгородской губерніи, куда онъ отправился, возымѣвъ оригинальную и практичную мысль—учиться русскому языку у сельскаго священника, который не знаетъ никакихъ иностранныхъ языковъ. Бесѣды съ священникомъ даютъ ему поводъ для взгляда на положеніе русскаго духовенства; потомъ онъ изучаетъ непосредственно — крестьянство, описываетъ талантливо и замѣчательно-вѣрно живую крестьянскую семью, отъ нея переходитъ къ общему взгляду на бытъ сѣвернаго крестьянства, открываетъ міръ, особенности его склада и управленія, переходитъ къ описанію общины въ хозяйственномъ смыслѣ, и тутъ же, такъ какъ уже повелъ рѣчь о крестьянствѣ, онъ вставляетъ главу о селеніяхъ финскихъ и татарскихъ. Затѣмъ онъ, уже слѣдуя связи скорѣе логической, чѣмъ матеріальной, оставляетъ крестьянство, отложивъ до слѣдующаго тома статьи объ освобожденіи крестьянъ и его послѣдствіяхъ, и обращается къ городамъ и торговымъ классамъ. Вставивъ историческую справку о Новгородѣ, онъ снова порываетъ связь логическую, чтобы обратиться къ связи матеріальной и, оставаясь въ Новгородѣ, описываетъ общее административное устройство имперіи: тутъ логическая связь побуждаетъ его вставить статью о земскихъ учрежденіяхъ, но затѣмъ логическая связь снова прерывается, такъ какъ о другихъ реформахъ послѣдняго времени онъ говоритъ въ другомъ томѣ, а здѣсь возвращается къ оставленной-было нити описанія сословій въ Россіи и даетъ двѣ удачныя главы о помѣщикахъ «старой и новой школы»; главы эти представляютъ нѣчто въ родѣ портретовъ. Затѣмъ, сознавая необхо-

димость объясненія для англійскихъ читателей, авторъ вставляетъ главу о русскомъ дворянствѣ вообще и еще главу о «сословіяхъ» (social classes) въ Россіи, которою дополняетъ и заключаетъ нѣсколько предшествующихъ главъ. Но въ заключеніи перваго тома, уже нисколько не логическая необходимость, а просто поѣздка автора на Волгу, побуждаетъ его неожиданно увезти читателя съ собою изъ области наблюденій надъ общественнымъ складомъ Россіи въ совсѣмъ иную сферу—раскольничью.

Первая глава второго тома посвящена раскольникамъ же, и казалось бы—вотъ наиболѣе удобный случай, чтобы говорить объ отношеніяхъ государства и церкви въ Россіи. Нѣтъ, объ этомъ предметѣ авторъ будетъ трактовать въ восьмой главѣ второго тома, а во второй бесѣдуетъ — о чемъ? О башкирахъ, калмыкахъ и ногайскихъ татарахъ. Такъ велитъ случайность путешествія; затѣмъ—уступка логикѣ: глава о татарскомъ господствѣ въ Россіи и затѣмъ, въ связи съ татарами—глава о казакахъ, а въ связи съ казаками—такъ какъ читатель прибылъ съ авторомъ уже съ востока на югъ—глава о нѣмецкихъ и другихъ колонистахъ въ степныхъ губерніяхъ.

Далѣе идутъ: описаніе «Петербурга и европейскаго вліянія», описаніе «Москвы и славянофильства». Такое сопоставленіе, конечно, имѣетъ нѣкоторое значеніе наглядности, особенно для иностранцевъ. Петербургъ — представитель и органъ европейскаго вліянія, Москва—хранительница древнихъ преданій; это картина, пожалуй, наиболѣе рельефная для англичанъ. Но неудобство такого расположенія состоитъ въ томъ, что описаніе аттрибутовъ петербургскихъ дворниковъ смѣшивается въ одной главѣ съ «цѣлями Петра Великаго», архитектурный стиль Растрелли съ вліяніемъ энциклопедистовъ, и затѣмъ, все движеніе русской мысли въ литературѣ, школы романтическая и реальная, гоголевское вліяніе и Гоголь являются въ видѣ дополненія къ этой пестрой картинѣ. О Бѣлинскомъ въ ней одна строчка, о дворникахъ—семнадцать.

Послѣ сопоставленія Петербурга и Москвы, нить матеріальная, обусловливаемая путешествіемъ, окончательно прерывается, и слѣдующія двѣ главы посвящены государству и церкви, крымской войнѣ и ея послѣдствіямъ; а потомъ слѣдуютъ пять главъ, излагающихъ ходъ и послѣдствія реформъ: крестьянской (весьма обстоятельно) и судебной. Въ концѣ является статья о «территоріальномъ расширеніи» Россіи, о «движеніи» (advance) къ Индіи и стремленіи въ сторону Константинополя, прибавленная, очевидно, для удовлетворенія «злобы дня».

Читатель, которому теперь извѣстенъ составъ книги г. М.

Уоллеса, пусть не выведетъ изъ предшествующихъ замѣчаній заключенія, направленнаго въ ущербъ хорошему мнѣнію объ этой книгѣ. Мы только хотѣли указать на расположеніе ея и обусловленные этимъ расположеніемъ недостатки въ смыслѣ догматическаго трактата о Россіи. Но настоящее сочиненіе не есть трактатъ; оно, повторяемъ, прежде всего — «путешествіе». Въ описаніи путешествія могло бы не быть и никакихъ справокъ историческаго и публицистическаго свойства. Если авторъ ихъ сдѣлалъ и даже отвелъ имъ бо̀льшую половину книги, то онъ этимъ много возвысилъ достоинство своей книги, какъ описанія путешествія. Но она все-таки—не трактатъ, и мы были бы не въ правѣ требовать, чтобы «путешествіе» было трактатомъ потому только, что оно сопровождается подобными справками. Авторъ имѣлъ въ виду своихъ читателей, и даже частый перерывъ связи въ его разсказѣ можетъ объясняться желаніемъ его не утомлять читателей, взявшихъ въ руки его книгу, какъ книгу популярную. Но мы должны имѣть въ виду русскихъ читателей, и потому прежде всего должны были объяснить имъ съ точностью, какъ слѣдуетъ смотрѣть на трудъ г. М. Уоллеса, что̀ находится въ немъ, и чѣмъ объясняется отсутствіе въ немъ многаго, что̀ должно бы было быть въ догматическомъ описаніи «Россіи».

Наши извлеченія изъ книги и объясненія по нимъ относятся къ тѣмъ предметамъ, которые могутъ наиболѣе интересовать именно русскихъ читателей. Вотъ почему намъ пришлось и расположить изложеніе не въ томъ порядкѣ, какой принятъ авторомъ. Мы обратимся сперва къ его взгляду на послѣдствіе важнѣйшей изъ нашихъ реформъ: освобожденія крестьянъ и надѣла ихъ землею, къ крестьянскому самоуправленію, и только мимоходомъ—къ общинѣ. Не выходя изъ сферы явленій крестьянской жизни, мы приведемъ затѣмъ отношеніе автора къ расколу. Отъ сельскаго сословія мы перейдемъ къ городскому, торговому, а отъ него—къ дворянству; потомъ остановимся на взглядѣ автора по вопросу о сословіяхъ вообще и сословности въ Россіи. Отсюда — естественный переходъ къ болѣе широкой сферѣ духа національнаго: къ вліянію Европы и реакціи противъ этого вліянія. Отъ вопроса обще-національной жизни, перенесемся въ область мѣстнаго самоуправленія, то-есть земства, причемъ отмѣтимъ отношеніе автора къ общественной дѣятельности въ Россіи вообще, и придемъ къ заключенію.

I.

Авторъ, разумѣется, долженъ былъ предположить, что англійскіе читатели потребуютъ отъ него яснаго и категорическаго отвѣта на вопросъ: улучшилось ли матеріальное и нравственное положеніе крестьянства послѣ освобожденія? Онъ допускаетъ, что естественно требовать отвѣта на это отъ человѣка, который прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, притомъ немало живалъ въ деревняхъ и имѣлъ доступъ какъ къ оффиціальнымъ статистическимъ источникамъ, такъ и къ личнымъ разспросамъ и помѣщиковъ, и крестьянъ. Однакоже онъ отказывается отвѣчать рѣшительно на этотъ вопросъ. Что юридическое положеніе крестьянства подверглось огромному улучшенію, что крестьянамъ открылось безконечно болѣе возможности улучшить свое положеніе—это несомнѣнно. Но если спрашивается именно, насколько они воспользовались этой возможностью, то тутъ-то отвѣтъ и становится затруднительнымъ. Встрѣчаются мѣстами такія деревни или волости, относительно которыхъ, въ отдѣльности, можно прямо сказать, что онѣ сдѣлали значительные успѣхи. Но за то въ сотняхъ другихъ деревень и волостей хорошія и дурныя послѣдствія такъ смѣшаны одни съ другими, что невозможно сдѣлать никакого вывода.

Научнымъ путемъ вопроса рѣшить нельзя по недостаточности существующаго статистическаго матеріала. Основываться на отзывахъ тѣхъ, кто имѣлъ случай наблюдать прежнее положеніе крестьянъ и нынѣшнее—напрасно, потому что здѣсь слишкомъ большую роль играетъ настроеніе. Большинство образованныхъ русскихъ, по словамъ автора, находятся теперь подъ впечатлѣніемъ значительнаго разочарованія относительно крестьянской реформы и послѣдствій, какія отъ нея ожидались. Люди, сочувствовавшіе великому преобразованію, тѣшили себя мыслью, что Россія открыла новый путь прогресса и этимъ путемъ избѣгаетъ тѣхъ суровыхъ экономическихъ законовъ, которые давятъ рабочіе классы Запада; что, посредствомъ земельнаго надѣла и развитія общиннаго начала въ смыслѣ самоуправленія, Россія заложила себѣ твердую основу будущаго благосостоянія. Относительно участи помѣщиковъ можно было сомнѣваться, но относительно будущности крестьянъ сомнѣніе представлялось невозможнымъ. Думали, что крестьяне, какъ только почувствуютъ волю, постараются улучшить свой бытъ, станутъ обработывать землю старательнѣе, разберутъ и вспашутъ пустопорожнія мѣста, умножатъ свой

скоть; что старые пороки, созданные и поддержанные крѣпостнымъ правомъ, исчезнуть, а сельскія учрежденія въ новомъ своемъ видѣ развернуть здоровую общественную дѣятельность. Однимъ словомъ, ожидали вдругъ слишкомъ многаго, слишкомъ быстрой перемѣны.

Эти ожиданія не сбылись. Прошелъ годъ, прошло пять лѣтъ, потомъ десять лѣтъ, а ожиданное превращеніе не произошло. Наоборотъ, появились и такіе нехорошіе признаки, которые вовсе не были включены въ программу ожиданій. Начало распространяться мнѣніе, что крестьяне стали пить больше, а работать меньше. «Горлопаны» (въ подлинникѣ) пріобрѣли вредное вліяніе на мірскихъ сходкахъ, а во многихъ волостяхъ, выборные судьи стали поддаваться вліянію угощенія. Результатомъ и было разочарованіе, которымъ запечатлѣно доселѣ общее мнѣніе о положеніи крестьянъ. Понятно, что тѣ, кто дѣлу реформы не сочувствовалъ, тѣ воспользовались всѣми оказавшимися недостатками и начали разсуждать на тэму: мы это предсказывали, насъ не хотѣли слушать и т. п. Крайніе «либералы» также расположены, хотя и по другимъ причинамъ, участвовать въ этомъ плачевномъ хорѣ. Имъ хочется, чтобы законодательство зашло далѣе въ пользу крестьянъ, а потому и они описывають положеніе крестьянства въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Такимъ образомъ, настроеніе образованнаго класса вообще теперь имѣеть въ этомъ отношеніи пессимистическій характеръ и потому на мнѣнія, слышимыя въ обществѣ, положиться нельзя.

Отчего же не справиться у самихъ крестьянъ?—спрашиваетъ себя авторъ отъ лица своихъ читателей, и потомъ объясняетъ, что пробовалъ справляться, да не добился убѣдительнаго отвѣта, по разнымъ причинамъ; между прочимъ и по той, что простой человѣкъ не умѣетъ дѣлать обобщеній; сверхъ того, онъ иногда недовѣрчиво относится къ разспросамъ, а еще чаще подлаживаетъ свои отвѣты къ своей догадкѣ, какъ бы вопрошающему желательно было, чтобы онъ отвѣчалъ. Затѣмъ—крестьянинъ дѣйствительно и самъ не знаетъ. Онъ избавился отъ барщины, во всѣхъ ея видахъ, но лишился и части угодій, и денежные сборы нынѣ его одолѣвають. Вотъ оттого ему и трудно придти къ общему заключенію, и онъ, выслушавъ вашъ вопросъ: лучше-ли?—почешетъ себѣ затылокъ и по всей вѣроятности искренно отвѣтитъ: «какъ вамъ сказать... и лучше, и хуже (въ подлинникѣ)».

Авторъ однако не отказывается отъ обслѣдованія этого вопроса, хотя разрѣшить его категорически не можетъ. Онъ замѣчаеть, что самая трудность найти рѣшительный отвѣть имѣеть

свое значеніе. Если бы въ положеніи крестьянства произошло большое, рѣшительное улучшеніе, то оно, конечно, было бы замѣчено и повѣдано во всеуслышаніе. Между тѣмъ, теперь именно тѣ, кто лучше знакомъ съ положеніемъ дѣлъ, наиболѣе избѣгають произносить рѣшительное мнѣніе. Итакъ, если улучшеніе въ быту крестьянства и состоялось, оно незначительно; ожиданія пока не оправдались. Чему же приписать этотъ застой? Тутъ опять сужденія расходятся. Одни ссылаются на пьянство крестьянъ и ихъ нравственную неразвитость, и предлагаютъ въ видѣ специфика—обученіе въ нравственномъ духѣ; другіе обвиняють во всемъ—недостатки общиннаго устройства, и требуютъ отмѣны общины, съ передѣлкой крестьянскаго самоуправленія; третьи указывають на особенности того экономическаго положенія, въ которое нынѣ поставлено крестьянство, и предлагаютъ значительное уменьшеніе податей и выкупныхъ платежей, коренную финансовую реформу и свободу переселенія.

По мнѣнію автора, во всѣхъ этихъ взглядахъ и соотвѣтствующихъ имъ средствахъ улучшенія ошибочна только односторонность, исключительность каждаго изъ нихъ; онъ признаетъ подходящимъ къ дѣлу только эклектическій пріемъ, допускаетъ, что общій результатъ вызванъ не только тою или другой изъ названныхъ причинъ, но многими изъ нихъ вмѣстѣ.

Но прежде, чѣмъ послѣдовать за авторомъ въ указаніи дѣйствія каждой изъ нихъ, мы должны оговориться, что мнѣнія о положеніи крестьянъ, высказанныя либеральной печатью, далеко не всѣ были запечатлѣны односторонностью и исключительностью. Позволимъ себѣ указать на свой примѣръ, какъ на наиболѣе памятный, конечно, намъ самимъ. Мы стояли бы, по опредѣленію автора, въ третьей группѣ указываемыхъ имъ критиковъ, такъ какъ мы предлагаемъ «значительное уменьшеніе податей и выкупныхъ платежей (особенно), коренную финансовую реформу и свободу переселенія». Но мы никогда не отрицали факта распространенія пьянства, и его важнаго вліянія на народный бытъ; напротивъ, мы старались всегда указывать вредъ либеральнаго благодушества въ игнорированіи этого факта. Мы не раздѣляли даже убѣжденія въ необходимости поддерживать общину искусственными мѣрами, а противъ круговой поруки мы были всегда; мы только утверждали, что рѣшеніе вопроса объ общинѣ должно быть предоставлено закономъ самимъ крестьянскимъ обществамъ, по условію простого большинства голосовъ. Наконецъ, мы никогда не старались скрывать и недостатковъ волостного суда, и при обозрѣніи относившихся къ нему оффиціальныхъ свѣдѣній

приходили къ предпочтенію суда мирового, по мѣрѣ возможности его введенія на соединенныя въ нѣсколькихъ волостяхъ средства нынѣшняго волостнаго суда (т.-е. на счетъ тѣхъ совокупныхъ сбереженій, какія образовались бы въ нѣсколькихъ волостяхъ отъ освобожденія старшины и писаря отъ судебнаго дѣлопроизводства и отъ отмѣны волостныхъ судей). Стало быть, принадлежа къ третьей группѣ разсуждающихъ о положеніи крестьянства, по опредѣленію автора, мы вовсе не отрицали безусловно нѣкоторыхъ фактовъ, которые другимъ группамъ представлялись, дѣйствительно, главными причинами застоя и даже упадка въ бытѣ крестьянъ. Не мы одни, конечно, придерживались такого «эклектическаго», то-есть въ сущности—трезваго взгляда на вещи, и, значитъ, онъ не совсѣмъ новъ.

Переходимъ къ отдѣльному дѣйствію причинъ, какъ его разумѣетъ г. М. Уоллесъ. Что пьянство много ухудшаетъ общее положеніе крестьянъ,—въ этомъ онъ не сомнѣвается. Примѣръ старовѣрческихъ и молоканскихъ селеній, которыя сравнительно процвѣтаютъ, именно потому, что въ нихъ нѣтъ пьянства и надзоръ общества за нравственностью отдѣльныхъ членовъ дѣйствительнѣе,—доказываетъ это. Если бы духовенство, замѣчаетъ авторъ, могло удерживать крестьянъ отъ пьянства столь же успѣшно, какъ оно удерживаетъ ихъ отъ употребленія скоромной пищи въ теченіи значительной части года, то оказало-бы тѣмъ крестьянамъ неоцѣнимую услугу. Но онъ самъ этого не ожидаетъ и мимоходомъ вставляетъ вѣрное замѣчаніе, что «ходячее мнѣніе, будто приходское духовенство имѣетъ въ Россіи огромное вліяніе на народъ, совершенно ошибочно». Быть можетъ, школа сдѣлаетъ больше въ нравственномъ отношеніи, но нескоро. Гигіеническими мѣрами нельзя ограничиваться при леченіи; не мѣшаетъ пользоваться и лекарствами, даже и отъ операціи отказываться не слѣдуетъ. Не можетъ ли быть примѣнено какое-нибудь болѣе скоро-дѣйствующее средство, чѣмъ нравственное перерожденіе цѣлаго народа школою? Нельзя ли пустить въ ходъ законодательный ланцетъ?

Тутъ авторъ вдается въ разборъ двухъ мнѣній: одно, которое видитъ зло главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ устройствѣ крестьянскаго самоуправленія; другое, которое усматриваетъ корень зла — съ самой общинѣ, въ сущности ея. Разборъ этотъ былъ помѣщенъ въ переводѣ въ «Вѣстникѣ Европы» [1]), до изданія его въ англійскомъ подлинникѣ. Поэтому, мы можемъ выпустить здѣсь

[1]) Августъ, 1876, стр. 649—674.

все касающееся экономическихъ свойствъ общины. Но такъ какъ нашъ настоящій обзоръ всего сочиненія г. М. Уоллеса не можетъ не включать въ себѣ отношенія автора къ быту и характеру русскаго крестьянства, поэтому мы повторимъ здѣсь на двухъ-трехъ страницахъ то, что̀ говорилось въ упомянутой статьѣ собственно объ общинномъ крестьянскомъ самоуправленіи.

Объяснивъ, что крестьянское самоуправленіе — чисто сословное, авторъ признаетъ разныя несовершенства его. Зажиточные крестьяне сами неохотно принимаютъ на себя общественныя должности; въ обыкновенномъ теченіи жизни никакого управленія въ сущности нѣтъ, а въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., при падежахъ и пожарахъ, крестьянскія власти бездѣйствуютъ; нерѣдки случаи растраты волостными старшинами общественныхъ денегъ; составъ мірскихъ сходовъ увеличился и ухудшился вслѣдствіе умноженія раздѣловъ, то-есть увеличенія числа нерадивыхъ и несостоятельныхъ хозяевъ; вошло въ обычай «угощать міръ»; сами старики-крестьяне говаривали автору, что «нынѣ порядка нѣтъ, народъ избаловался, при господахъ было лучше». Господа̀ же, своими филиппиками, не мало содѣйствуютъ пессимистическому настроенію общественнаго мнѣнія. Послушать ихъ—такъ теперь невозможно жить въ деревнѣ, скоро придется строить укрѣпленные замки и тому подобное. Между тѣмъ, авторъ, проведя немалую часть своего времени, именно въ селеніяхъ — утверждаетъ, что никогда не видѣлъ ничего, что̀ подавало бы «хоть малѣйшее основаніе для такихъ преувеличенныхъ отзывовъ». «Многіе,—по его словамъ,—требуютъ отъ крестьянскаго управленія такихъ благъ, которыхъ никакое управленіе создать не можетъ, а потому немалая часть тѣхъ жалобъ, которыя особенно часто приходится слышать, просто не имѣютъ реальнаго основанія. Сдѣлать то, что̀ желали бы эти землевладѣльцы, значило бы вручить начальнику волости или иному должностному лицу ту патріархальную власть, какою прежде пользовался помѣщикъ, а это равнялось бы возстановленію именно худшаго изъ всѣхъ элементовъ прежняго порядка».

Правда, не одни землевладѣльцы жалуются: отъ старыхъ крестьянъ тоже слышится, что нынѣ порядку стало меньше. Но авторъ съ замѣчательной для иностранца разсудительностью совѣтуетъ не принимать ихъ жалобъ слишкомъ буквально. «Старики,—замѣчаетъ онъ,—всегда склонны сожалѣть о добромъ старомъ времени—особенно если новѣйшія перемѣны повели къ уменьшенію ихъ авторитета—и русскіе крестьяне не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія. Въ своей борьбѣ съ трудностями

настоящаго времени, они склонны забывать или невольно уменьшать себѣ трудности и бѣдствія прошлаго». Что слышимыя иногда отъ стариковъ сѣтованія въ этомъ родѣ преувеличены, въ этомъ авторъ убѣдился не одними общими соображеніями, но еще и фактами довольно знаменательными. Если бы управленіе общинными дѣлами дѣйствительно находилось подъ господствомъ лѣнивыхъ, негодныхъ членовъ общины, то въ сѣверной земледѣльческой полосѣ, гдѣ нельзя обходиться безъ удобренія, общинные передѣлы земли были бы очень часты. Лѣнивые могли бы этимъ средствомъ добывать себѣ участки хорошо-удобренные взамѣнъ участковъ истощенныхъ. Между тѣмъ, авторъ — къ своему удивленію — не нашелъ ничего подобнаго. Во всѣхъ или почти во всѣхъ посѣщенныхъ имъ общинахъ въ томъ краѣ не бывало общаго передѣла полей съ самаго освобожденія крестьянъ.

Въ общемъ выводѣ, относительно крестьянскаго самоуправленія, авторъ признаетъ, что насильственныя перемѣны общаго характера были бы вредны. Слишкомъ рано судить о крестьянскихъ учрежденіяхъ по прошествіи всего 15-ти лѣтъ со времени поднятія крестьянъ изъ рабства къ самоуправленію. Правда, міръ существовалъ и при крѣпостномъ правѣ; но онъ не былъ свободенъ, ни въ помѣстьяхъ, ни въ государственныхъ имуществахъ. «Дѣйствительное самоуправленіе,—замѣчаетъ авторъ,—не можетъ возникнуть въ столь короткое время; говорю намѣренно—«возникнуть» потому, что *создано* законодательствомъ самоуправленіе быть не можетъ. Все, что законодательство можетъ сдѣлать, это — устранить препятствія и создать формы; затѣмъ, духъ, который долженъ придать этимъ формамъ жизнь, можетъ явиться только изъ самого народа и порождается единственно долговременной опытностью». Авторъ замѣчаетъ, что уже теперь крестьяне сами начинаютъ сознавать недостатки; такъ, напр., растрата старшинами денегъ чувствительно отзывается на крестьянахъ и вѣроятно станетъ побуждать ихъ требовать отъ старшинъ квитанцій въ сдачѣ денегъ. Авторъ не согласенъ и съ мыслью объ отмѣнѣ волостныхъ судовъ, главнымъ образомъ, потому, что приписываетъ «обычному праву» въ крестьянскомъ быту болѣе значенія, чѣмъ оно, по нашему мнѣнію, имѣетъ въ дѣйствительности.

Обращаясь къ мнѣнію тѣхъ, которые корень зла усматриваютъ въ самой сущности общины, авторъ опредѣляетъ его такъ: «по этому мнѣнію, крѣпостная зависимость отмѣнена только по имени. Прежде крестьянинъ былъ крѣпостнымъ помѣщика, теперь онъ крѣпостной—общины». Не вдаваясь въ этомъ мѣстѣ въ обсуж-

деніе общиннаго порядка вообще (ему посвящена особая глава), авторъ указываетъ, что тѣ, кто разсуждаетъ указаннымъ образомъ, по бо́льшей части забываютъ, что община далеко не вездѣ имѣетъ одинаковое дѣйствіе. Въ черноземной полосѣ, гдѣ совокупность годовыхъ платежей ниже нормальной цифры земельной ренты—принадлежность къ общинѣ представляется преимуществомъ; на сѣверѣ, гдѣ платежи ренту превышаютъ, тамъ принадлежность къ общинѣ представляется тягостью. И правда, что на сѣверѣ община вступила въ мѣсто помѣщика и держитъ своихъ членовъ въ состояніи насильственнаго прикрѣпленія; но это вина не общины, не ея сущности. Тамъ община, въ дѣйствительности, просто—сборщикъ податей, отвѣтственный и присужденный закрѣплять плательщиковъ. Итакъ, то, что́ здѣсь называютъ крѣпостной зависимостью отъ общины, произошло не отъ природы общины, но оттого, что члены ея принуждены были купить себѣ свободу подъ предлогомъ уплаты за землю, которою они были надѣлены безъ своего согласія. Въ черноземной полосѣ, гдѣ платежи не превышаютъ нормальнаго размѣра ренты, гдѣ община имѣетъ болѣе характеръ добровольной ассоціаціи, не слышно жалобъ на крѣпостную зависимость отъ нея, на прикрѣпленіе къ землѣ. Каждый членъ, желающій отлучиться, здѣсь легко можетъ передать свой участокъ и связанные съ нимъ платежи кому-либо изъ сосѣдей, имѣющихъ надобность въ пополненіи своихъ участковъ. Ему легко даже совсѣмъ выдти изъ общины, такъ какъ прочіе общинники охотно соглашаются взять на себя платежи за оставляемый имъ надѣлъ. «Итакъ,—продолжаетъ авторъ,—мы видимъ, что многія изъ обвиненій, обыкновенно предъявляемыхъ противъ общины, скорѣе относятся къ установленной системѣ платежей. Какъ бы ни была тяжела или ненавистна подать, нельзя обвинять за нее сборщика податей, который только исполняетъ свою обязанность,—нельзя особенно въ томъ случаѣ, когда онъ сдѣланъ былъ сборщикомъ противъ своей воли».

Разобравъ затѣмъ аргументацію тѣхъ, кто видитъ въ общинѣ препятствіе всякимъ экономическимъ улучшеніямъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что насильственная отмѣна ея или хотя бы регулированіе ея дѣятельности закономъ были бы вредны, и утверждаетъ, что вопросъ о сохраненіи или отмѣнѣ общины долженъ быть предоставленъ самимъ крестьянамъ. При этомъ, онъ замѣчаетъ, что каждая община имѣетъ и теперь право раздѣлить землю на наслѣдственные участки, но очень мало общинъ доселѣ высказали желаніе воспользоваться такимъ правомъ. Но авторъ

забываетъ сказать, что для раздѣла общинной земли недостаточно простого большинства голосовъ, а стало быть, въ иныхъ случаяхъ желаніе не высказывается, быть можетъ, потому только, что оно было бы безнадежно къ осуществленію.

Хотя мы не приводимъ здѣсь экономическихъ взглядовъ автора на русскую общину, мы должны сказать, что главы его труда, посвященныя крестьянскому быту, представляютъ, по крайней мѣрѣ для русскихъ читателей, наиболѣе цѣнную часть всей книги. Мы лично, когда касались вопроса объ общинѣ, были весьма близки къ основнымъ взглядамъ автора относительно вліянія стѣсненія переселеній и круговой поруки на самое возникновеніе общины, относительно неспособности ея навсегда устранить отъ Россіи зло пролетаріата, относительно возможности естественной перемѣны въ самой сущности русской общины и вмѣстѣ—относительно вреда насильственной отмѣны ея, и особенно сохраненія ея отвѣтственности съ стѣсненіемъ ея свободы распоряженія своими дѣлами. Окажется ли возможнымъ, чтобы община превратилась со временемъ въ земледѣльческую артель, мы теперь угадывать не можемъ, но можемъ сказать только, что русская община, какъ она извѣстна почти три вѣка, вовсе не есть земледѣльческая ассоціація, а только ограниченіе личнаго земельнаго владѣнія въ видахъ круговой отвѣтственности въ уплатѣ податей.

Замѣтимъ, что авторъ нигдѣ не высказываетъ убѣжденія въ раціональности русской общины, какъ экономическаго учрежденія. Вся его защита общины сводится на указаніе путаницы въ обвиненіяхъ, предъявляемыхъ на нее тѣми, кто желалъ бы насильственной ея отмѣны или искаженія. Онъ ограничивается тѣмъ, что говоритъ: такое и такое явленія зависятъ не отъ сущности общины, то и другое требованіе не можетъ быть осуществлено путемъ законодательства, и т. д. Эта полемическая защита у него строго-логична и убѣдительна. Но онъ нигдѣ не сказалъ, что въ сохраненіи общины все спасеніе Россіи, вся ея будущность, какъ то утверждаютъ истые приверженцы этого учрежденія. Мы находимъ это естественнымъ. Земледѣліе, то-есть производство хлѣба, какъ и всякое другое производство, можетъ быть поставлено раціонально только на одномъ изъ двухъ началъ: началѣ артельномъ, ассоціаціонномъ, или началѣ личнаго владѣнія. Первое изъ этихъ началъ предполагаетъ общій трудъ, общій рискъ и общій дѣлежъ прибылей соразмѣрно количеству и достоинству труда, или хотя бы соразмѣрно нуждамъ рабочихъ семей. Второе начало предполагаетъ единичный трудъ или единичное ру-

зяйство наемнымъ трудомъ, единичный рискъ, отсутствіе дѣлежа прибылей и полноправность владѣльца,—стало быть, полную собственность. Въ русской общинѣ ни то, ни другое изъ этихъ началъ не проведено логично. Полной собственности въ ней нѣтъ, нѣтъ и полной свободы личнаго труда, а между тѣмъ, нѣтъ и артельнаго обезпеченія противъ риска. Хорошій сборъ на однихъ участкахъ не вознаграждаетъ пользующихся участками худшаго качества. Община не предохраняетъ своихъ членовъ отъ бѣдствій падежа, пожара, наводненія, градобитія, болѣзни. Солидарность существуетъ только въ отношеніи платежа податей, да и эта солидарность вступаетъ въ дѣйствіе только въ случаѣ окончательной несостоятельности бѣднѣйшихъ членовъ, а не ранѣе. Съ точки зрѣнія экономической и притомъ, не только той политической экономіи, которую г. М. Уоллесъ называетъ «правовѣрною», но и той, которая беретъ въ основаніе ассоціацію труда, устраненіе посредничества и дѣлежъ прибылей между производителями, сообразно труду и нуждамъ,—наша община не можетъ быть признана правильнымъ органомъ производства. Но все наше возраженіе идетъ только противъ тѣхъ преувеличеній, которыя выставляютъ русскую общину, какъ нѣчто безусловно необходимое и спасительное. Возраженіе наше нисколько не клонится къ принятію искусственныхъ мѣръ для отмѣны общины. Изъ того, что мы признаемъ ее учрежденіемъ несовершеннымъ, никакъ не слѣдуетъ, что мы желаемъ насильственной ея отмѣны. Нельзя отмѣнять за одно несовершенство, въ смыслѣ теоретическомъ, вѣковыхъ учрежденій, не зная съ достовѣрностью, что на ихъ мѣсто можно поставить теперь же нѣчто лучшее. Единственными компетентными судьями практической возможности чего-либо иного могутъ быть сами крестьянскія общества.

Повторяя, что наиболѣе цѣнная часть книги г. М. Уоллеса представляется именно главами о крестьянскомъ бытѣ, мы, конечно, должны отнести нѣкоторую долю заслуги къ тѣмъ русскимъ дѣятелямъ, на совѣты и указанія которыхъ ссылается авторъ въ своемъ предисловіи. Но это нисколько не уменьшаетъ заслуги самого автора, который съумѣлъ воспользоваться указаніями, добросовѣстно изучить матеріалъ и составилъ себѣ самостоятельные взгляды на предметъ.

II.

Замѣчательно, что наиболѣе вѣрное пониманіе, полное усвоеніе предмета, точная оцѣнка сравнительной важности разныхъ его сторонъ, однимъ словомъ,—всѣ достоинства изученія проявляются у англійскаго автора въ статьяхъ, посвященныхъ такимъ явленіямъ русской жизни, которыя, казалось бы, по своей своеобразности, наиболѣе недоступны пониманію иностранца, и требуютъ наиболѣе старательнаго, притомъ не книжнаго только, но и нагляднаго, личнаго изученія. Проживъ шесть лѣтъ въ Россіи, казалось бы намъ, не трудно человѣку, знающему языкъ, составить себѣ общее, но довольно правильное понятіе о духѣ и стремленіяхъ общества, о текущей литературѣ его, о значеніи и дѣйствіи новѣйшихъ реформъ, наконецъ, о сферѣ государственной и экономической: о финансахъ, арміи, торговлѣ, фабрикаціи и т. д. Гораздо труднѣе, казалось бы, составить себѣ не только ясное понятіе о такихъ своеобразныхъ явленіяхъ, какъ община и расколъ, но и самостоятельный взглядъ на нихъ.

Между тѣмъ, послѣднее оказалось легче перваго или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе удалось автору. Впрочемъ, можно объяснить себѣ это. Государственныхъ и экономическихъ функцій страны авторъ, повидимому, не намѣренъ былъ разбирать въ предлежащей книгѣ. Въ ней онъ занимается преимущественно бытовой стороной общественной и народной жизни, а потому и о самой администраціи говоритъ единственно настолько, насколько это нужно для характеристики быта и объясненія реформъ. Умолчаніе о текущей литературѣ можетъ быть также намѣренно, но изъ нѣкоторыхъ сужденій автора объ отношеніи общества къ реформамъ и даже изъ его очерка движенія нашей литературы до Гоголя включительно, мы не могли не вынесть впечатлѣнія, что собственно съ русской печатью авторъ знакомъ менѣе, чѣмъ съ общиной и расколомъ. Быть можетъ, отчасти оттого его статьи о земствѣ и судебной реформѣ далеко уступаютъ главамъ объ освобожденіи крестьянъ, крестьянскомъ самоуправленіи, бытѣ и хозяйствѣ, а также о расколѣ.

Отдѣльныя явленія, какъ бы своеобразны, сложны и чужды для иностранца они ни были, могутъ вполнѣ уясниться ему при добросовѣстномъ изученіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но тѣ сферы, въ которыхъ отражается именно общій смыслъ положенія дѣлъ, общіе результаты умственной жизни націи, какъ оказывается, требуютъ и болѣе продолжительнаго знакомства съ нею,

и большихъ усилій для того, чтобы войти въ смыслъ ея жизни. Для этого необходимо какъ-бы самому слиться съ нею и сдѣлаться русскимъ, хотя бы и не переставая быть англичаниномъ. Извѣстно, что наши нѣмцы, оставаясь въ Россіи въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, иногда проявляютъ замѣчательное изученіе отдѣльныхъ отраслей, но остаются чуждыми истинному общему смыслу умственной жизни Россіи.

Какъ бы то ни было, главы о расколѣ у г. М. Уоллеса, повторяемъ, принадлежатъ къ числу лучшихъ. Онъ съумѣлъ представить краткій, но столь ясный, логическій и интересный обзоръ сектъ, что мы съ удовольствіемъ привели бы цѣликомъ двѣ главы, посвященныя этому предмету. Тогда въ нашемъ журналѣ, которому самъ авторъ сообщилъ въ рукописи свою главу объ общинѣ и часть главы о бытѣ крестьянъ, были бы помѣщены цѣликомъ наиболѣе цѣнныя части почтеннаго труда англійскаго писателя. Но чтобы не выходить изъ размѣровъ статьи, предназначенной для одной книги журнала, мы ограничимся нѣсколькими страницами, которыя познакомятъ читателей съ пріемами автора для изученія раскола.

Будучи въ Самарѣ, авторъ немало наслышался о молоканахъ, и видъ ихъ селеній возбудилъ въ немъ интересъ къ нимъ, такъ какъ долженъ былъ предположить, что особенности ихъ вѣры оказываютъ вліяніе на особенность ихъ матеріальнаго быта. Принадлежа къ тому же народу и находясь среди тѣхъ же условій, какъ окружающее ихъ православное крестьянство, они живутъ въ болѣе порядочныхъ избахъ, лучше одѣты, исправнѣе платятъ подати, однимъ словомъ, обнаруживаютъ большее благосостояніе. Въ одной изъ предшествующихъ главъ, авторъ поясняетъ, что въ русскомъ православномъ народѣ нѣтъ фанатизма, но ему свойственъ такой взглядъ, что вѣра и національность — одно и то же; поэтому, народъ нисколько не ненавидитъ татарина за его вѣру, и не склоненъ убѣждать его къ принятію православія, понимаетъ, что нѣмецъ держится нѣмецкой вѣры, но убѣжденъ, что русскій долженъ быть православнымъ. Въ одну поѣздку по сѣверовосточному краю, авторъ вступилъ въ разговоръ съ православнымъ крестьяниномъ, хорошо знавшимъ татаръ, и спросилъ его, какой народъ эти татары?—«Ничего», отвѣчалъ крестьянинъ,—а на дальнѣйшіе разспросы высказалъ, что они народъ даже очень хорошій.

— А вѣра ихъ какова? — продолжалъ спрашивать авторъ.

— Довольно хорошая вѣра,—быстро отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Лучше чѣмъ у молоканъ?

— Навѣрное лучше молоканской вѣры.

— Неужели! — невольно воскликнулъ авторъ, и стараясь далѣе скрыть свое удивленіе при этомъ странномъ приговорѣ, спросилъ еще:—Что-жъ, развѣ молокане скверные люди?

— Совсѣмъ нѣтъ. Молокане—люди добрые, честные.

— Почему же вы думаете, что вѣра ихъ гораздо хуже магометанской?

— Какъ вамъ сказать,—и крестьянинъ, помолчавъ немного, какъ-бы собираясь съ мыслями, медленно выговорилъ:—видите ли, татарамъ вѣра ихъ дана отъ Бога, все-равно, какъ ихъ кожа; а молокáне вѣдь русскіе, но сами выдумали себѣ вѣру!—«И такъ, по этому воззрѣнію,—замѣчаетъ авторъ,—кáкъ напрасно стараться измѣнить у татаръ цвѣтъ кожи, тáкъ нелѣпо было бы стараться заставить ихъ измѣнить вѣру. Она—*ихъ* вѣра, какъ православіе—*русская* вѣра. Вотъ почему воззрѣніе на молокáнскую вѣру совсѣмъ иное; она представляется какъ-бы неестественною и незаконною».

Изъ образованныхъ людей, у которыхъ авторъ допытывался въ Самарѣ о молокáнахъ, всѣ согласно отзывались, что—это народъ смирный, порядочный и трезвый; но о молокáнской вѣрѣ они могли сообщить только неопредѣлительныя и противорѣчивыя свѣдѣнія. Одни считали молокáнъ близкими къ протестантамъ или лютеранамъ, другіе говорили, что это—остатокъ одной изъ первобытныхъ сектъ христіанства. Одинъ джентльменъ пробовалъ убѣдить автора, будто молокáнство—только нѣсколько измѣненная форма манихейства, но авторъ ему не повѣрилъ, потому что, спросивъ его о манихействѣ, увидѣлъ, что онъ и манихейство-то зналъ только по имени. Характерно уже самое это незнаніе и равнодушіе на мѣстѣ къ знанію сущности окружающихъ бытовыхъ явленій, для изученія которыхъ пріѣхалъ иностранецъ изъ тридесятаго царства, и пробылъ шесть лѣтъ въ Россіи!

Авторъ познакомился съ однимъ богатымъ молокáномъ въ Самарѣ и просилъ у него писемъ къ уставщикамъ въ окрестныхъ молокáнскихъ деревняхъ; тотъ обѣщалъ, но потомъ раздумалъ. Авторъ посѣтилъ тѣ деревни, но никто не хотѣлъ давать ему свѣдѣній. «Привыкнувъ къ долговременной системѣ вымогательствъ и преслѣдованія со стороны чиновниковъ,—пишетъ авторъ,—и подозрѣвая во мнѣ тайнаго агента, они отвѣчали на мои разспросы такъ, какъ будто стояли передъ великимъ инквизиторомъ». Изъ добытыхъ скудныхъ свѣдѣній, г. М. Уоллесъ убѣдился все-таки, что въ молокáнствѣ есть нѣкоторое, хотя по-

верхностное сходство съ пресвитеріанствомъ, а изъ прежнихъ опытовъ онъ зналъ, что умные русскіе крестьяне охотно слушаютъ разсказы о чужихъ странахъ. На этихъ двухъ нитяхъ онъ и основалъ свою стратегію. Встрѣтивъ, при удобныхъ обстоятельствахъ, молокана или такого человѣка, въ которомъ можно было подозрѣвать молокана, авторъ начиналъ съ нимъ разговоръ о погодѣ и хлѣбахъ, потомъ переходилъ къ погодѣ и хлѣбамъ на своей родинѣ—Шотландіи, а отсюда понемногу—къ шотландской пресвитеріанской церкви. Почти всегда политика эта имѣла желанный успѣхъ. Слыша, что есть на свѣтѣ такая земля, гдѣ народъ самъ толкуетъ священное писаніе, не имѣетъ архіереевъ, и не уважаетъ иконъ, крестьянинъ выказывалъ глубокое вниманіе. Когда же онъ узнавалъ, что въ той удивительной странѣ приходы ежегодно шлютъ своихъ повѣренныхъ въ такое собраніе, въ которомъ всѣ дѣла ихъ церкви обсуждаются свободно и гласно,—то слушатель непремѣнно выражалъ живѣйшее удивленіе и самъ задавалъ много вопросовъ о той землѣ: гдѣ она лежитъ? на востокъ ли, или на западъ отсюда? далеко ли она?—и выражалъ желаніе, чтобы «учитель слышалъ это».

Такимъ путемъ, г. М. Уоллесъ добился бесѣдъ съ молоканскими учителями или «пресвитерами», какъ онъ ихъ называетъ. Учителя эти—такіе же крестьяне, какъ и прочіе, но смѣтливѣе, и лучше знакомы съ писаніемъ. Нѣсколько разъ онъ проводилъ часть ночи въ бесѣдахъ съ такими «пресвитерами», и отъ нихъ узналъ многое о догматахъ и обрядахъ секты. Слѣдствіемъ подобныхъ бесѣдъ бывало, что на автора вся деревня смотрѣла съ уваженіемъ и ему предоставляли возможность довѣрчиваго пріема въ другихъ, сосѣднихъ молоканскихъ селеніяхъ. Тутъ ему совѣтовали поѣхать въ Александровъ-Хай, селеніе, лежащее на границѣ киргизской степи. «Мы здѣсь народъ тёмный,—говорили ему,—а тамъ вы увидите людей, свѣдущихъ въ вѣрѣ, и они станутъ разсуждать съ вами».

Авторъ побывалъ во внутренней киргизской ордѣ и, возвращаясь оттуда, чрезъ нѣсколько недѣль, прибылъ въ Александровъ-Хай. Здѣсь онъ былъ принятъ радушно однимъ изъ членовъ братства и просилъ его познакомить себя съ человѣкомъ свѣдущимъ въ священномъ писаніи и твердымъ въ вѣрѣ. На другое утро, только-что убранъ былъ самоваръ, какъ дверь вновь отворилась и въ нее вошли цѣлыхъ двѣнадцать крестьянъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій съ ними, хозяинъ увѣдомилъ автора, что они пришли говорить съ нимъ о вѣрѣ, и затѣмъ, безъ дальнихъ церемоній, положилъ передъ авторомъ славянскую библію in-folio,

для того, чтобы авторъ могъ находить въ ней тексты въ опору своихъ мнѣній. Авторъ былъ нѣсколько озадаченъ неожиданностью и не зналъ, съ чего начать. Однако началъ съ того, что, бесѣдовавъ много съ ихъ единовѣрцами въ разныхъ деревняхъ, онъ убѣдился въ нѣкоторыхъ заблужденіяхъ ихъ. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ обнаруживалось русское равнодушіе къ знанію Россіи—хотя авторъ и не дѣлаетъ этого замѣчанія. Онъ только говоритъ, что двое его знакомыхъ, съ которыми онъ ѣздилъ въ орду, при появленіи въ комнату молоканъ, ушли, сказавъ, что «предоставляютъ его—собственной его участи»;—«они не интересовались этими вещами», прибавляетъ авторъ.

Вступленіе въ бесѣду со стороны автора было нѣсколько ex abrupto; онъ началъ тѣмъ, «что не понимаетъ, почему они считаютъ незаконнымъ ѣсть свинину». Но каково бы ни было достоинство этого приступа, онъ представилъ собою практическую почву для начала преній. Молокане пытались сперва доказать тезисъ, что употребленіе свинины запрещается новымъ завѣтомъ, но, не успѣвъ въ томъ, обратились къ Пятикнижію. «Отъ отдѣльнаго, обрядоваго пункта,—говоритъ авторъ,—мы перешли къ болѣе широкому вопросу о томъ, насколько вообще обрядовый законъ еще обязателенъ, а отсюда—къ другимъ пунктамъ одинаковой важности. Хотя логика крестьянъ не всегда была безупречна, за то ихъ знакомство съ священнымъ писаніемъ не оставляло ничего желать. Въ подтвержденіе своихъ мнѣній они приводили на память длинныя выдержки, и какъ только я, неопредѣленнымъ образомъ, ссылался на какой-либо текстъ, нужный для меня, они тотчасъ произносили его наизусть, такъ что большой фоліантъ библіи служилъ только украшеніемъ. Трое или четверо изъ нихъ, повидимому, знали на память весь Новый Завѣтъ. Излишне было бы описывать ходъ нашего безформеннаго словопренія; достаточно сказать, что послѣ четырехъ-часовой, непрерывной бесѣды, мы пришли къ заключенію, что расходимся въ вопросахъ второстепенныхъ (of detail), и разстались другъ съ другомъ безъ слѣда того раздраженія, которое обыкновенно порождается религіозными спорами. Никогда я не встрѣчался съ людьми болѣе добросовѣстными и вѣжливыми въ спорѣ, болѣе серьёзно ищущими правды, и менѣе стремящимися къ побѣдамъ свойства діалектическаго, чѣмъ эти простые, необразованные крестьяне. Если при томъ или другомъ пунктѣ спора и было обнаружено нѣсколько излишней горячности, то справедливость побуждаетъ меня сказать, что въ ней не оказались виновными они».

Какъ это, такъ и многочисленныя другія пренія, какія авторъ

имѣлъ съ «пресвитерами» и другими членами молоканской секты въ разныхъ мѣстностяхъ, подтвердили его первоначальное предположеніе, что ихъ ученіе очень похоже на пресвитеріанское. Но есть важное различіе, зависящее отъ того, что пресвитеріанство, пользуясь церковной организаціею и письменнымъ изложеніемъ вѣроученія, гласностью и полемическою литературой, давно выяснило себѣ и опредѣлило свои догматы, а молокане, при отсутствіи этихъ средствъ, не могли доселѣ привесть своихъ неопредѣленныхъ вѣрованій въ ясную и точную, логическую систему. Вслѣдствіе того, богословіе ихъ находится еще въ состояніи неконченной кристаллизаціи, и нельзя предсказать, въ какомъ видѣ оно установится окончательно.

«Объ этомъ мы еще не думали», часто говаривали они, отвѣчая на какой-нибудь отвлеченный вопросъ, мною предложенный: «надо будетъ потолковать объ этомъ при сходкѣ въ воскресенье. А вы-то сами, какъ полагаете объ этомъ?» Сверхъ того, и основные ихъ принципы предоставляютъ имъ широкій просторъ для личныхъ и мѣстныхъ разномыслій. Они видятъ въ одномъ св. писаніи правило вѣры и поведенія, но считаютъ, что толковать писаніе слѣдуетъ по духу, а не по буквальному смыслу. Такъ какъ они не признаютъ такого авторитета на землѣ, который могъ бы разъяснять обязательно сомнительные пункты, то каждому у нихъ предоставляется держаться того толкованія, которое кажется ему лично болѣе убѣдительнымъ. По всей вѣроятности, это, со временемъ, приведетъ къ раздробленію секты на тóлки, но уже и теперь существуетъ различіе мнѣній между разными общинами. Оно только, пока, еще не признано, и вообще въ молоканской средѣ незамѣтно того фанатическаго догматическаго крючкотворства, которое составляетъ душу сектаторства вообще.

Въ духовной организаціи своей, молокане берутъ въ образецъ первобытное христіанство и рѣшительно отвергаютъ всякіе другіе авторитеты. Вслѣдствіе того, у нихъ нѣтъ ни іерархіи, ни оплачиваемаго духовенства; они избираютъ изъ своей среды «пресвитера» и двухъ помощниковъ, обращая свой выборъ на людей извѣстныхъ примѣрной жизнью и отличнымъ знаніемъ св. писанія. Обязанность этихъ лицъ наблюдать за религіознымъ и нравственнымъ благоустройствомъ паствы. По воскресеньямъ они собираются въ частныхъ домахъ, такъ какъ церквей строить имъ не дозволяютъ, и проводятъ 2—3 часа въ пѣніи псалмовъ, молитвѣ, чтеніи писанія и дружеской бесѣдѣ о предметахъ вѣры. У кого есть какое-либо сомнѣніе или недоразумѣніе по вопросу

вѣроученія, тотъ сообщаетъ о томъ собранію, а другіе выражаютъ свои мнѣнія, приводя въ подтвержденіе ихъ тексты. Если вопросъ рѣшается ясно текстами, онъ и почитается рѣшеннымъ; если нѣтъ, то онъ оставляется открытымъ.

Какъ и во многихъ другихъ юныхъ сектахъ—по замѣчанію автора, которому мы предоставляемъ слово въ этой главѣ, — у молоканъ дѣйствуетъ система нравственнаго надзора. Если какой либо членъ оказывается виновнымъ въ пьянствѣ или иномъ проступкѣ, христіанину не подобающемъ, то онъ подвергается сперва увѣщанію «пресвитера наединѣ или въ самомъ собраніи вѣрныхъ; если это не оказываетъ успѣха, виновнаго устраняютъ на болѣе или менѣе продолжительное время отъ участія въ собраніяхъ и отъ всякаго общенія съ другими членами». Наконецъ, въ случаяхъ крайнихъ, употребляется изгнаніе. Съ другой стороны, молокану, если онъ не по своей винѣ попалъ въ денежные затрудненія, другіе оказываютъ помощь. Авторъ видитъ въ этой системѣ взаимнаго надзора и взаимнаго вспоможенія одну изъ причинъ того благосостоянія, той трезвости и прямоты, которыми молокане всегда отличаются отъ всего окружающаго ихъ населенія.

Какъ исторія, такъ и статистика молоканъ мало извѣстны. Одни полагаютъ, что молоканство было основано протестантами-иностранцами въ шестнадцатомъ столѣтіи, но не могутъ подтвердить этого ничѣмъ, сверхъ неопредѣленныхъ преданій. Сколько извѣстно автору, старѣйшее оффиціальное извѣстіе о молоканахъ относится къ царствованію Екатерины II. Что касается численности молоканъ, то ея опредѣлить совсѣмъ нельзя. Во всякомъ случаѣ ихъ много тысячъ, а можетъ быть, нѣсколько сотенъ тысячъ. Ихъ въ прежнія времена выселяли въ пограничныя области, вслѣдствіе чего они и находятся въ юговосточныхъ уѣздахъ самарской губерніи, на сѣверномъ прибрежьѣ Азовскаго моря, въ Крыму, на Кавказѣ и въ Сибири. Но ихъ много и въ срединной полосѣ имперіи, въ особенности въ тамбовской губерніи.

Готовность молоканъ видоизмѣнять свои вѣрованія согласно съ тѣмъ, что̀ имъ представляется новой истиной, спасаетъ ихъ отъ лицемѣрія и фанатизма, но за то дѣлаетъ ихъ болѣе склонными поддаваться обманамъ. «Лживые пророки подымаются среди насъ», сказалъ автору однажды одинъ здравомыслящій молоканинъ, «и многихъ отводятъ въ сторону отъ вѣры». Г-нъ М. Уоллесъ разсказываетъ, что наиболѣе примѣчательнымъ изъ такихъ лжепророковъ въ новѣйшее время былъ нѣкто, называвшій себя Иваномъ Григорьевымъ и жившій сперва по турецкому, а по-

томъ по американскому паспортамъ, но казавшійся чистымъ русскимъ. Въ Александровъ-Хай онъ явился нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ называлъ себя молоканомъ и былъ принятъ за такового, на сходкахъ онъ выражалъ многія новыя и удивлявшія всѣхъ мысли. Такъ, сперва онъ сталъ убѣждать своихъ слушателей жить подобно первобытнымъ христіанамъ, дѣлясь всѣмъ другъ съ другомъ, и это показалось обществу истиной, такъ какъ молокане именно считаютъ себя во всемъ послѣдователями первобытныхъ христіанъ. Но когда учитель пояснилъ затѣмъ, что совмѣстное владѣніе должно распространяться и на любовь, то оказалась сильная оппозиція. Ему возразили, что первобытная церковь отвергала прелюбодѣяніе. Онъ однако нашелся возразить и противъ этого, сильнаго аргумента. Онъ напомнилъ члену общества, что по ихъ же ученію, писаніе слѣдуетъ разумѣть не въ буквальномъ смыслѣ, но толковать его по духу, что христіанство сдѣлало людей свободными, и что истинный христіанинъ долженъ пользоваться своей свободой. «Все законно, но не все благопотребно (expedient)»—таково было его толкованіе; то-есть: въ поступкахъ слѣдуетъ руководствоваться единственно пользою, а всѣ возраженія съ той точки зрѣнія, что то или другое—незаконно, должны пасть. Кто считаетъ себя рабомъ закона, тотъ не истинный христіанинъ.

Автору разсказывалъ объ этомъ ученіи Григорьева одинъ ученый молоканинъ, бывшій прежде крестьяниномъ, потомъ ставшій торговцемъ; авторъ былъ у него въ гостяхъ, въ Ново-Узенскѣ, главномъ городѣ того уѣзда, къ которому принадлежитъ Александровъ-Хай. «Мнѣ показалось,—говоритъ г. М. Уоллесъ,—что изобрѣтатель подобной попытки согласить христіанство съ утилитаризмомъ долженъ быть образованный человѣкъ, скрывающій свое настоящее званіе, и я сообщилъ о томъ хозяину, но онъ со мной не согласился.

— Нѣтъ, мнѣ думается, что нѣтъ, возразилъ онъ, и продолжалъ такъ:—«по правдѣ, я даже увѣренъ, что онъ крестьянинъ, и подозрѣваю, что онъ бывалъ и солдатомъ. Онъ не очень ученъ, но у него удивительное дарованіе—говорить. Никогда не слыхалъ я, кто бы такъ говорилъ, какъ онъ. Онъ бы уговорилъ всю деревню, да нашелся старикъ, которому и онъ пришелся не чета. Вотъ онъ и ушелъ въ Орловъ-Хай, и тамошнихъ—уговорилъ». Къ чему собственно онъ уговорилъ тамошнихъ, авторъ не могъ узнать съ точностью, но, по слухамъ, онъ учредилъ тамъ общину, въ которой самъ сталъ и главой и казначеемъ, и убѣдилъ членовъ ея въ необыкновенномъ ученіи о «пророческомъ преемствѣ»,

которое изобрѣлъ вѣроятно для удовлетворенія своихъ чувственныхъ побужденій.

Болѣе ничего хозяинъ разсказать г. М. Уоллесу не могъ, но посовѣтовалъ ему обратиться къ самому пророку, который въ то время содержался въ острогѣ по обвиненію въ проживательствѣ по фальшивому виду, или къ одному изъ его знакомыхъ, нѣкоему г. И......, жившему въ городѣ. Такъ какъ добиться допущенія къ арестанту было трудно, а у автора не было времени, то онъ обратился къ И...., который и самъ представляетъ интересную личность: онъ былъ сперва студентомъ въ Москвѣ, но впослѣдствіи долженъ былъ оставить этотъ городъ, и прождавъ нѣсколько лѣтъ напрасно измѣненія своей участи, отказался затѣмъ отъ мысли о вступленіи въ какую-нибудь ученую профессію, женился на крестьянской дѣвушкѣ, снялъ въ аренду кусокъ земли, купилъ пару верблюдовъ и сдѣлался мелкимъ фермеромъ. Онъ много разсказывалъ автору объ Иванѣ Григорьевѣ. По его словамъ, это въ самомъ дѣлѣ — крестьянинъ, но неносѣдливый, безпокойный умъ не далъ ему остановиться ни на чемъ.

Гдѣ онъ родился и почему оставилъ родину, о томъ онъ никогда не говорилъ; ясно было, что онъ много путешествовалъ и много наблюдалъ. Былъ ли онъ въ Америкѣ—сомнительно, но въ Турціи навѣрное бывалъ и зналъ тамошнихъ русскихъ раскольниковъ. Его истинное намѣреніе было не только толковать вѣру, но основать новую вѣру, долженствующую замѣнить христіанство. Но ему недоставало одного необходимаго для основателя новой вѣры качества—у него не было искренняго религіознаго энтузіазма и никакой готовности къ мученичеству. Многому изъ того, что онъ проповѣдывалъ, онъ самъ лично не вѣрилъ и, повидимому, питалъ даже нѣкоторое презрѣніе къ тѣмъ, кто вѣрилъ во все это. Онъ не только лукавилъ, но и сознавалъ самъ, что лукавитъ, зналъ, что играетъ роль. Между тѣмъ было бы несправедливо сказать, что онъ былъ просто обманщикомъ, исключительно ищущимъ собственной пользы. Онъ былъ человѣкъ чувственный и не упускалъ случая удовлетворять чувственности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ все-таки думалъ въ самомъ дѣлѣ, что его ученіе объ общности владѣнія должно принесть пользу не ему одному, но и всѣмъ. «Онъ былъ смѣсь пророка, общественнаго реформатора и лукаваго обманщика», вотъ какъ характеризуетъ Ивана Григорьева авторъ, и прибавляетъ: «выступитъ ли онъ когда-либо снова въ качествѣ пророка—неизвѣстно, но между самарскими молоканами ему уже не предстоитъ шансовъ на успѣхъ».

Относительно будущности раскола вообще авторъ высказываетъ такое мнѣніе, что наиболѣе грубыя и фантастическія секты, вѣроятно, будутъ исчезать по мѣрѣ распространенія образованія въ народѣ, но секты протестантскаго направленія, повидимому, обладаютъ большой жизненностью. По крайней мѣрѣ въ настоящее время онѣ распространяются (rapidly spreading)». «Я видѣлъ,—говоритъ онъ,—большія села, въ которыхъ, по свидѣтельству жителей, лѣтъ пятнадцать назадъ не было ни одного раскольника, а теперь цѣлая половина населенія — молоканы; и такая перемѣна произошла несмотря на отсутствіе всякой организованной пропаганды. Власти гражданская и духовная знаютъ объ этомъ движеніи, но не въ состояніи устранить его. Тѣ мѣры, какія были приняты, остались безъ успѣха или привели къ результату противоположному. Въ отношеніи къ штундистамъ испробованы были тѣлесныя наказанія, надѣюсь, безъ вѣдома центральнаго начальства, а къ молоканамъ самарской губерніи посланъ былъ ученый монахъ, для увѣщанія ихъ посредствомъ дѣйствія разумомъ и даромъ слова. Какой успѣхъ оказали березовые прутья среди штундистовъ, этого я не могъ узнать, но думаю, что не особенный, такъ какъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, численность секты возрастаетъ. О миссіи въ самарской губерніи мнѣ извѣстно болѣе, и я могу удостовѣрить—со словъ многихъ крестьянъ, въ томъ числѣ и православныхъ,—что сперва возбудился фанатизмъ и даже послѣдовали новыя отпаденія въ раскольничій лагерь». Далѣе, по объясненію автора, оказалось труднымъ найти общую почву для успѣшныхъ преній потому именно, что основные взгляды сторонъ были слишкомъ различны. Когда молоканамъ разъясняли догматы, ссылаясь на авторитетъ церкви, единственной хранительницы истины, то это было имъ непонятно, такъ какъ они не знаютъ такого авторитета и основываются на одной библіи. Однажды собесѣдникъ ихъ попробовалъ остаться на ихъ собственной почвѣ и сталъ ссылаться только на библію, но тутъ трудность представилась въ возраженіяхъ молоканъ противъ почитанія иконъ. Послѣ того, оказалось необходимымъ ссылаться на вселенскіе соборы и отцовъ церкви, а молоканы этимъ не убѣждаются. Однимъ словомъ, обѣ стороны остались неудовлетворенными, говоритъ авторъ: «мнѣ, по секрету, признался одинъ православный крестьянинъ, что — напрасно это было сдѣлано; что молоканы—народъ хитрый, и монахъ былъ имъ не-ровня въ начитанности; что церкви не слѣдовало бы снисходить до споровъ съ раскольниками».

Приведемъ еще слѣдующее замѣчаніе г. М. Уоллеса: «Часто

слышится, что эти раскольничьи секты имѣютъ оттѣнокъ политическаго недовольства, и молоканъ особенно считаютъ опасными въ этомъ смыслѣ. Быть можетъ, и есть нѣкоторое основаніе для подобнаго мнѣнія, но только въ томъ смыслѣ, что люди вообще склонны отрицать власть, ихъ преслѣдующую. Можно утверждать съ увѣренностью, что если когда-либо и существовалъ фанатизмъ въ такомъ именно смыслѣ, онъ нынѣ лишился всякаго значенія, съ тѣхъ поръ какъ дѣятельныя преслѣдованія вышли изъ обычая. По отношенію къ молоканамъ, я считаю обвиненіе это неосновательной клеветою. Политическія идеи, повидимому, совершенно имъ чужды. Въ продолженіи моихъ сношеній съ ними, я нерѣдко слышалъ отъ нихъ о мѣстной полиціи такіе отзывы, что «волковъ кормить надо», но никогда не слышалъ, чтобы они относились къ императору иначе, какъ въ выраженіяхъ, запечатлѣнныхъ сыновней любовью и почитаніемъ».

III.

Тѣ главы книги, которыя, по своему содержанію, носятъ характеръ наиболѣе популярный, посвящены характеристикѣ нашихъ сословій. При всей популярности, даже «фельетонности», какъ принято выражаться у насъ, онѣ все-таки дѣльны, не только потому, что въ нихъ нѣтъ никакихъ ошибокъ въ фактахъ, но еще и потому, что авторъ въ нихъ все-таки знакомитъ читателей съ самымъ устройствомъ учрежденій. Для русскихъ читателей тутъ нѣтъ, конечно, ничего интереснаго, кромѣ самаго способа изложенія автора. Чтобы дать понятіе о пріемахъ, употребляемыхъ имъ при такихъ характеристикахъ, мы пробѣжимъ нѣсколько замѣтокъ его о торговомъ классѣ и о землевладѣльцахъ.

Изложивъ вкратцѣ исторію нашихъ городскихъ учрежденій и описавъ ихъ совершенно ясно для иностранцевъ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ класса городского по преимуществу, то-есть торговаго. Сокращая описаніе, мы сохраняемъ его нить и манеру.

Развитіе торговли и промышленности, конечно, обогатило торговый классъ, но не измѣнило его образа жизни. Среди новыхъ условій, онъ оказывается консервативнымъ. Русскій купецъ, разбогатѣвъ, построитъ себѣ богатый домъ или купитъ готовый барскій, но отдѣлаетъ его наново и не жалѣетъ денегъ на паркеты, огромныя зеркала, малахитовые столы, большіе рояли лучшихъ фабрикантовъ и дорогую мебель. Но онъ не живетъ среди этой

роскошной обстановки. Парадные покои служатъ ему только для особыхъ оказій. Весь употребленный на нихъ расходъ не измѣняетъ его обыденной жизни. Иногда вся эта великолѣпная обстановка устраивается въ бель-этажѣ, а хозяинъ съ семействомъ живетъ въ нижнемъ этажѣ, въ тѣсныхъ, грязноватыхъ комнатахъ, мёблированныхъ совсѣмъ иначе, болѣе согласно съ тѣмъ, что представляется удобствомъ, потому что согласно съ привычкой. Въ обыкновенное время, если вы являетесь съ визитомъ, послѣ какого-нибудь пышнаго пріема, вы не безъ затрудненій войдете въ домъ съ параднаго подъѣзда. Позвонивъ нѣсколько разъ, вы увидите кого-нибудь вышедшаго съ задняго крыльца, и онъ спроситъ, чего вамъ требуется. Послѣ объясненій и нѣкотораго ожиданія, вамъ послышатся, наконецъ, шаги за той дверью, передъ которой вы стоите, и васъ впускаютъ въ пространные аппартаменты. Въ гостиной расположеніе мёбели почти всегда однообразно. Чрезъ нѣсколько минутъ къ вамъ выходитъ хозяинъ въ двубортномъ черномъ сюртукѣ и хорошо-вычищенныхъ высокихъ сапогахъ. Волосы его раздѣлены проборомъ по срединѣ головы, а на бородѣ не видно никакихъ слѣдовъ ножницъ или бритвы. Послѣ привѣтствій, приносятъ чай въ стаканахъ, съ прибавленіемъ ломтиковъ лимона и варенья, или же является бутылка шампанскаго. Дамы не выходятъ, развѣ если вы хорошо знакомы; затворничество женщинъ, существовавшее до Петра, все еще какъ-бы сохраняется, хотя въ малѣйшей долѣ. Хозяинъ вашъ, по всей вѣроятности—человѣкъ умный, но совершенно—необразованный и молчаливый. О пустякахъ онъ будетъ бесѣдовать съ вами, но если вы пожелаете, для пополненія своихъ свѣдѣній, заговорить съ нимъ о томъ, что ему лучше всего извѣстно—о той отрасли торговли, въ которой онъ самъ участвуетъ, вы узнаете отъ него не много. Съ вами можетъ даже приключиться нѣчто въ родѣ того, что случилось однажды съ моимъ знакомымъ, русскимъ дворяниномъ, который имѣлъ порученіе отъ двухъ ученыхъ обществъ собрать данныя о хлѣбной торговлѣ. Когда онъ явился къ купцу, который пообѣщался помочь ему въ сборѣ такихъ свѣдѣній, и завелъ рѣчь о ходѣ торговли хлѣбомъ въ томъ уѣздѣ, то купецъ вдругъ прервалъ его и предложилъ ему разсказать одинъ случай.

«Случай» былъ такого рода: у нѣкоего богатаго барина былъ сынъ — очень избалованный ребенокъ; однажды этотъ мальчикъ выпросилъ у отца приказъ, собрать къ двери дома крѣпостныхъ парней и дѣвушекъ, чтобы пѣсни пѣть. Отецъ сперва не слушалъ, наконецъ согласился, и крѣпостная молодежь была

собрана. Но какъ только они стали запѣвать, мальчикъ выскочилъ изъ двери и прогналъ ихъ. Купецъ разсказывалъ все это очень обстоятельно, но не видно было, къ чему этотъ разсказъ ведетъ. Разсказавъ, онъ остановился, налилъ себѣ чаю на блюдечко, выпилъ и спросилъ:

— Какъ по вашему, отчего онъ такъ странно поступилъ?— Мой знакомый отвѣчалъ, что не можетъ угадать. — Видите,— объяснилъ купецъ, глядя ему прямо въ глаза, съ плутоватой усмѣшкой:—ни отчего; мальчикъ имъ просто сказалъ: пошли вонъ, я отхотѣлъ (въ подлинникѣ).

Невозможно было не понять, куда клонился «случай», и мой знакомый воспользовался намекомъ, ушелъ.

Русскій купецъ любитъ блеснуть своимъ богатствомъ и именитостью, но пріемы у него для этого совсѣмъ иные, чѣмъ тѣ, которые употребительны въ Англіи, иной смыслъ самаго фанфаронства. Онъ будетъ чваниться роскошью парадныхъ аппартаментовъ, великолѣпными обѣдами, быстрыми рысаками и дорогими мѣхами, или развернется богатыми приношеніями на церкви, монастыри или богоугодныя заведенія; но, дѣлая все это, онъ никогда не пытается казаться не тѣмъ, кто онъ есть на самомъ дѣлѣ, онъ — не «снобъ» въ англійскомъ смыслѣ. Обыкновенно, онъ носитъ даже одежду такую, которая прямо указываетъ его общественное положеніе, нисколько не старается перенять изящныя манеры или элегантные вкусы и не добивается быть принятымъ въ тотъ кругъ, который въ Россіи называется la société. А такъ какъ онъ не желаетъ казаться кѣмъ-либо инымъ, чѣмъ есть въ дѣйствительности, то у него манеры просты, не аффектированы, иногда запечатлѣны спокойнымъ сознаніемъ достоинства и тѣмъ благопріятно отличаются отъ аффектаціи нѣкоторыхъ мелкихъ дворянчиковъ, претендующихъ на высокую благовоспитанность и старающихся перенять внѣшнія формы французской культуры. Правда, за парадными обѣдами, которые онъ задаетъ, купецъ любитъ видѣть «генераловъ», то-есть чиновныхъ особъ, желаетъ имѣть ихъ возможно больше, особенно такихъ, что со звѣздами. Но у него и въ мысли нѣтъ водить съ ними тѣсныя, интимныя отношенія или домогаться приглашенія къ нимъ въ домá. Купецъ просто любитъ украшать ими свой столъ и сознаетъ, что это возвышаетъ тотъ почетъ, какимъ онъ пользуется въ своей собственной средѣ. Генераломъ онъ можетъ блеснуть передъ такимъ соперникомъ, у котораго ихъ не бываетъ, тремя генералами—передъ тѣмъ, кто не могъ достать болѣе двухъ. А «генералы» кушаютъ отличный обѣдъ и, сверхъ того, получаютъ какъ-

бы право приглашать такого купца къ пожертвованіямъ въ пользу разныхъ заведеній. Авторъ, впрочемъ, понимаетъ, что не всегда пожертвованія требуются въ пользу именно заведеній, но не вѣритъ, чтобы это могло бывать часто, хотя и разсказываетъ нѣчто въ подобномъ смыслѣ объ одномъ губернаторѣ съ губернаторшей. Не дурно слѣдующее примѣчаніе: «купцы вообще не признаютъ иной аристократіи, кромѣ чиновной. Многіе купцы согласны бы дать двадцать фунтовъ стерлинговъ, чтобы у нихъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ; пусть онъ и самъ не слыхивалъ, кто-такой былъ у него дѣдушка, за то у него—звѣзда. И тѣ же купцы не дали бы двадцати пенсовъ за присутствіе нечиновнаго князя, хотя бы онъ происходилъ отъ полу-миѳическаго Рюрика. О немъ они навѣрно сказали бы такъ: «а кто ихъ знаетъ! (въ подлинникѣ)». Между тѣмъ лицо, названное выше, особа чиновная, носитъ на себѣ неподлежащую сомнѣнію, оффиціальную «пробу» своей важности.

По отзыву автора, въ Россіи распространено мнѣніе, что купцы, во-первыхъ, невѣжественны, во-вторыхъ, нечестны. Разбирая такое мнѣніе, онъ съ первымъ соглашается, такъ какъ образованныхъ купцовъ встрѣчалъ немного, хотя и знаетъ, что дѣло идетъ впередъ и въ этой области, и молодые образованные люди есть, только, къ сожалѣнію, бросаютъ дѣла своихъ отцовъ, а потому не могутъ служить закваскою для поднятія уровня образованности въ торговомъ классѣ. Что касается второго обвиненія, то онъ допускаетъ его только условно и различая особенности мѣстныхъ условій самой торговли. Онъ говоритъ, что англійской мѣрки и здѣсь примѣнять нельзя, «такъ какъ торговля въ Россіи еще только начинаетъ выходить изъ того первобытнаго состоянія, въ которомъ опредѣленныя цѣны и умѣренные барыши совершенно неизвѣстны. «И когда мы встрѣчаемся здѣсь,—продолжаетъ онъ,—съ случаями явной нечестности, она намъ кажется особенно ненавистной, потому что пріемы обмана слишкомъ просты и грубы сравнительно съ тѣми, къ какимъ мы привыкли. Такъ, напр., обманъ въ недовѣсѣ и недомѣрѣ, который въ Россіи вовсе не рѣдкость, гораздо болѣе возбуждаетъ наше негодованіе, чѣмъ тѣ остроумные пріемы фальсификаціи продуктовъ, которые употребляются ближе къ намъ и многими почитаются даже почти законными». Такія соображенія надо не упускать изъ виду, но тѣмъ не менѣе, самъ народный голосъ въ Россіи свидѣтельствуетъ не въ пользу добросовѣстности торговаго класса, несмотря на всю склонность низшихъ классовъ въ Россіи (какъ и въ Америкѣ) ощущать нѣкоторое удивленіе къ

людямъ «ловкимъ» (smart). Когда въ балаганахъ представляютъ грубую пантомиму, въ которой чортъ, обманувъ людей разныхъ профессій, наконецъ, проводится за носъ русскимъ купцомъ, то публика вполнѣ соглашается съ этимъ нравоученіемъ. «Впрочемъ, на югѣ, въ прибрежныхъ Черному морю городахъ,—замѣчаетъ авторъ,—пришлось бы значительно измѣнить это нравоученіе, потому что тамъ русскій купецъ представляется добросовѣстнѣе въ сравненіи съ евреями, греками и армянами.— «Какъ это евреи дѣла ведутъ!» воскликнулъ въ моемъ присутствіи одинъ тамошній русскій купецъ. «Покупаетъ онъ пшеницу въ деревняхъ по 11 рублей четверть, везетъ къ порту на свой счетъ и потомъ продаетъ на вывозъ по 10 рублей; а между тѣмъ, имѣетъ барышъ! Говорятъ, русскій торговецъ хитеръ, но здѣсь нашему брату ничего не подѣлать».

Стараясь выяснить англійскимъ читателямъ, въ какой степени основательно мнѣніе о недобросовѣстности русской торговли, авторъ говоритъ, что она вся ведется на принципахъ сходныхъ съ тѣми, какіе приняты въ конскомъ барышничествѣ въ Англіи. Желающій купить или продать долженъ полагаться на свое знаніе товара или свою смѣтливость, а затѣмъ, если сдѣлка выйдетъ невыгодная или онъ позволитъ обмануть себя, то—пусть на себя пеняетъ. Англичанамъ, пріѣзжающимъ въ Россію съ торговыми цѣлями, по отзыву автора, на первыхъ порахъ всегда приходится поплатиться за незнаніе мѣстныхъ обычаевъ, но потомъ они къ нимъ примѣняются, начинаютъ брать большіе барыши, чтобы вознаградить себя за безнадежные долги, и вообще успѣваютъ получать хорошій доходъ, предполагая энергію и имѣніе капитала. Тѣмъ не менѣе, сословіе англійскихъ купцовъ въ Россіи, по мнѣнію автора, не имѣетъ будущности. Времена измѣнились, и теперь невозможно составлять себѣ капиталы прежнимъ покойнымъ и легкимъ путемъ. А для того, чтобы воспользоваться новыми условіями, нужно знать страну гораздо болѣе, чѣмъ ее знали старинные здѣшніе англійскіе купцы. Сыновья же ихъ знаютъ ее еще менѣе своихъ отцовъ. Вотъ почему представляется вѣроятнымъ, что нѣмецкое купечество, которое вообще имѣетъ лучшее коммерческое образованіе и гораздо лучше знаетъ условія страны, отниметъ у англійскихъ домовъ всѣ дѣла, какъ уже отняли у нихъ многія.

Неудовлетворительныя свойства русской торговли авторъ не относитъ къ русскому національному характеру. Онъ говоритъ, что всѣ «новыя» страны проходятъ чрезъ такое положеніе дѣла, и что уже не мало признаковъ улучшенія его замѣчается въ

Россіи теперь. Въ каждомъ большомъ городѣ можно уже найти купцовъ, которые ведутъ дѣла на западно-европейскій ладъ и убѣдились дѣломъ, что добросовѣстность — выгоднѣйшая изъ политикъ. Поэтому и г. М. Уоллесъ не отказывается вѣрить въ вѣроятность образованія у насъ со временемъ — но очень не скоро — богатаго и просвѣщеннаго буржуазнаго класса, tiers-état съ общественнымъ и политическимъ значеніемъ.

IV.

Перейдемъ теперь ко взглядамъ автора на русское дворянство. Сдѣлавъ, по обыкновенію, краткій историческій очеркъ русскаго дворянства, авторъ указываетъ на особенности его развитія, лишающія его рельефнаго характера. Въ Германіи, Франціи, Англіи дворянство было включено въ однородное цѣлое тѣми условіями, среди которыхъ оно развилось. Оно боролось, съ одной стороны, съ королевской централизующей властью, съ другой — съ буржуазіею. Борьба эта заставляла дворянъ держаться вмѣстѣ и развила въ нихъ сословіи сильный esprit de corps. Немногіе новые члены, проникавшіе въ его составъ, не могли измѣнить его характера, не устраняли своимъ появленіемъ фикціи о «чистотѣ крови»; наоборотъ, незамѣтно сливались съ наслѣдственнымъ сословіемъ, приставая ко всѣмъ его воззрѣніямъ. Въ разныхъ странахъ судьба дворянства была различна: въ Германіи оно долѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранило феодальныя преданія и проникнуто доселѣ общественной исключительностью; во Франціи оно лишено было политическаго значенія монархіею и сокрушено революціею; въ Англіи оно умѣрило свои притязанія, вступило въ союзъ съ среднимъ сословіемъ, создало, подъ видомъ конституціонной монархіи — аристократическую республику и шагъ за шагомъ уступало свое политическое вліяніе буржуазіи, то-есть той союзницѣ, которая помогла ему уменьшить власть королей. Такимъ образомъ, нѣмецкій баронъ, французскій gentilhomme и англійскій лордъ представляютъ три различныхъ, рельефныхъ типа, но у всѣхъ ихъ есть и нѣчто общее, а именно: нѣкоторая доля высокомѣрнаго сознанія прирожденнаго, неизгладимаго превосходства надъ низшими сословіями и нѣкоторая доля, хотя и тщательно скрываемой, нелюбви къ тому классу, который былъ и остался доселѣ соперникомъ, постепенно отнимающимъ у аристократіи все преимущество.

Ничто изъ этой характеристики не подходитъ къ дворянству

русскому. Оно образовалось изъ элементовъ болѣе многочисленныхъ и болѣе разнородныхъ, притомъ не самодѣятельныхъ элементовъ, стремящихся къ образованію органическаго цѣлаго, но изъ матеріаловъ вдавленныхъ въ одну форму внѣшней силою. Полу-независимымъ факторомъ въ государствѣ оно никогда не было. Всѣ свои права и преимущества оно получило отъ власти, и потому не могло и думать о какомъ-либо соперничествѣ съ нею. Борьбы съ прочими сословіями ему никогда не приходилось весть, а потому оно не чувствуетъ по отношенію къ нимъ ни вражды, ни боязни уступить слишкомъ много. Если случается слышать русскаго дворянина, говорящаго съ негодованіемъ о бюрократіи или со злобою о буржуазіи, то можно быть увѣреннымъ, что такія чувства онъ не всосалъ изъ средневѣковыхъ преданій, но вычиталъ изъ книгъ. Сословіе, къ которому онъ принадлежитъ, перешло чрезъ столько превращеній, что у него нѣтъ ни преданій, ни предразсудковъ, и оно всегда готово примѣниться къ существующимъ условіямъ. Благодаря отсутствію преданій и предразсудковъ, оно являетъ способность къ великодушнымъ порывамъ и къ спазмодической сильной дѣятельности, но за то спокойное, нравственное мужество и выдержанность въ намѣреніяхъ не принадлежатъ къ его главнымъ свойствамъ. Въ русскомъ дворянствѣ нѣтъ или почти нѣтъ того, что̀ зовется «аристократическимъ чувствомъ», нѣтъ того духа высокомѣрія, преобладанія и исключительности, который въ Англіи привыкли соединять съ представленіемъ объ аристократіи. Въ Россіи много людей, гордящихся своимъ богатствомъ, своей образованностью или своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, но едва-ли встрѣтишь хоть одного человѣка, который бы гордился своимъ происхожденіемъ или воображалъ, что родословное древо даетъ ему какое-либо право на политическія ли преимущества, или хотя бы на значеніе въ обществѣ. Русскому дворянину, каковъ онъ есть обыкновенно, такія идеи кажутся нелѣпыми и смѣшными. Поэтому можно въ извѣстномъ смыслѣ допустить справедливость часто-повторяемаго мнѣнія, что аристократіи въ Россіи, собственно говоря, вовсе нѣтъ.

«Ужъ, конечно, дворянство въ своей совокупности,—продолжаетъ авторъ,—не можетъ быть названо аристократіей. Названіе это, если вообще оно примѣнимо, должно относиться только къ кружку немногихъ фамилій, составляющихъ первые ряды дворянства. Аристократическое общество включаетъ въ себѣ много древнихъ родовъ, но реальной его основой есть все-таки оффиціальное положеніе и общая образованность, а не рядъ пред-

ковъ. Феодальныя понятія о благородномъ происхожденіи, хорошемъ родѣ и т. п., правда, усвоены нѣкоторыми членами этого общества, но не составляютъ характерныхъ его чертъ. Оно хотя и держится нѣкоторой исключительности, но не имѣетъ такихъ кастовыхъ свойствъ, какія присущи германскому Adel и совершенно неспособно даже понять такія учрежденія, какъ, напр., Tafelfähigkeit, въ силу которой человѣкъ, не имѣющій родословной опредѣленной длины, считается недостойнымъ сѣсть за королевскій столъ. Русское аристократическое общество болѣе принимаетъ себѣ за образецъ аристократію англійскую, и питаетъ нѣкоторую надежду на будущность въ этомъ именно смыслѣ». Далѣе, авторъ объясняетъ однако, что «полу-бюрократическій характеръ» этого общества, вмѣстѣ съ раздѣломъ наслѣдствъ и наслѣдованіемъ всѣми членами рода одного титула, препятствуютъ прочности сословія. «Люди новые вступаютъ въ эту среду путемъ служебныхъ отличій, а древніе роды иногда выступаютъ изъ нея вслѣдствіе обѣднѣнія. Сынъ мелкаго землевладѣльца и даже приходскаго священника можетъ возвыситься до высшихъ государственныхъ должностей, а иные потомки полу-миѳическаго Рюрика перешли въ сельское состояніе». Авторъ ссылается на примѣръ одного потомка титулованной древней фамиліи, который въ недавнее время былъ извощикомъ въ Петербургѣ.

Итакъ, ни древность рода, ни даже титулы не обусловливаютъ въ Россіи принадлежности къ аристократическому обществу. Что касается роли, какая можетъ предстоять русскому дворянству въ будущемъ, то авторъ полагаетъ, что оно скорѣе сольется съ другими классами, чѣмъ сплотится въ какую-либо исключительную корпорацію. «Можно поддерживать наслѣдственныя аристократіи,—замѣчаетъ онъ, — или по-крайней-мѣрѣ замедлять ихъ разложеніе—тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, но наново создавать ихъ, кажется, уже невозможно. Въ западной Европѣ еще остается значительная доза аристократическаго чувства какъ въ дворянахъ, такъ и въ народѣ, но оно существуетъ скорѣе наперекоръ нынѣшнимъ соціальнымъ условіямъ, чѣмъ вслѣдствіе ихъ. Оно не есть продуктъ современной исторіи, а остается въ видѣ наслѣдія, завѣщаннаго временами феодализма, когда и сила, и богатство, и образованность сосредоточивались въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ. Если даже въ Россіи когда-либо и существовалъ періодъ, соотвѣтственный феодальному западно-европейскому, то онъ давно забытъ. Аристократическаго чувства нѣтъ, почти нѣтъ, ни въ народѣ, ни въ дворянахъ, и трудно представить себѣ, изъ какого источника оно могло бы быть извлечено вновь. Можно

сказать болѣе: сами дворяне не желаютъ подобнаго пріобрѣтенія. Насколько они думаютъ о политическомъ развитіи, они имѣютъ въ виду болѣе совокупность націи, чѣмъ одинъ привилегированный классъ. Въ томъ кружкѣ, который я назвалъ аристократическимъ обществомъ, обрѣтается нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, желающихъ исключительнаго политическаго вліянія своему классу, но успѣхъ такихъ пожеланій невѣроятенъ».

V.

Г-нъ М. Уоллесъ призналъ нелишнимъ включить въ свою книгу особую, краткую главу, въ которой онъ разбираетъ общій вопросъ, есть ли вообще сословія въ Россіи,—или она страна совсѣмъ безсословная. Такъ какъ въ сводѣ законовъ находится цѣлый томъ о состояніяхъ, и такъ какъ каждому изъ этихъ состояній соотвѣтствуютъ въ нашей статистикѣ крупныя цифры, то авторъ признаетъ невозможнымъ сказать, что въ Россіи не существуетъ сословій. Но грани между ними такъ легко переходятся, личность ихъ въ исторіи такъ мало могла выразиться, отношенія между ними, издавна сдерживаемыя въ общей рамкѣ, такъ мало развивали антагонизмъ, что ни сословнаго духа, ни сословныхъ стремленій и цѣлей въ Россіи не образовалось и не существуетъ. Стало-быть, духъ русскаго общества все-таки безсословный. Въ подтвержденіе, авторъ ссылается на участіе дворянства въ проведеніи крестьянской реформы и на отсутствіе сословнаго антагонизма въ земствѣ. Отсюда, по его словамъ, многіе русскіе выводятъ, что со временемъ, когда въ Россіи будетъ болѣе широкое самоуправленіе, то и оно обойдется безъ партій, что̀ ему представляется утопіею. «Но можно имѣть увѣренность,—заключаетъ онъ,—что̀ когда политическія партіи въ Россіи возникнутъ, онѣ представятъ нѣчто очень непохожее на тѣ, какія существуютъ въ Германіи, Франціи и Англіи».

Намъ кажется, что въ такихъ сравненіяхъ, авторъ, какъ иностранецъ, находящійся подъ вліяніемъ различій внѣшнихъ, различій на-глазъ, нѣсколько склоненъ преувеличивать непреложность внутреннихъ, основныхъ различій Россіи отъ разныхъ другихъ государствъ Европы. Русскій Востокъ сближается съ Западомъ не однимъ только путемъ нашихъ успѣховъ въ общечеловѣческомъ развитіи и нашихъ заимствованій у Запада, но еще и другимъ путемъ, и именно тѣмъ, по которому самъ Западъ идетъ къ намъ навстрѣчу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отказы-

ваясь отъ нѣкоторыхъ различій. Это несомнѣнно въ особенности именно по отношенію къ сословному складу и духу. На Западѣ принципъ безсословности дѣлаетъ, не съ нынѣшняго дня, все бóльшія и бóльшія завоеванія. Весь Западъ, взятый въ совокупности, столь же мало представляетъ условія незыблемаго общественнаго строя, какъ и Востокъ русскій. Если мы возьмемъ Германію до Наполеоновскихъ войнъ, раздѣленную на 289 государствъ, съ 228-ю дворами, съ безчисленными привилегіями дворянства и крестьянской барщиной на сѣверѣ и востокѣ ея, и сравнимъ съ нею нынѣшнюю Германію, въ которой еврей Ласкеръ имѣетъ болѣе политическаго значенія, чѣмъ половина прусской палаты «господъ», въ которой часто можно встрѣтить крестьянина болѣе зажиточнаго и самостоятельнаго, чѣмъ иной «Junker», кормящійся службой въ мелкомъ чинѣ, то мы должны будемъ признать, что какъ бы силенъ ни былъ еще въ нравахъ остатокъ феодальныхъ временъ, новѣйшія, столь огромныя перемѣны должны же были много повліять на самые нравы, на самый духъ общества. Еще бóльшую перемѣну мы видимъ во Франціи, если сравнимъ всемогущій, въ смыслѣ общественномъ, дворъ послѣднихъ Лудовиковъ, безчисленныя привилегіи, какими маркизы пользовались въ ущербъ самой буржуазіи, которая, по словамъ Сіейеса, была «ничто» и должна быть «все», и лишенному всякихъ правъ, страшно обремененному народу,—съ нынѣшнимъ кружкомъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, который не пользуется никакой привилегіей, кромѣ собственнаго нежеланія принимать къ себѣ въ гости такого или такого человѣка, кружкомъ, который утратилъ всякую реальную силу, даже блескъ, такъ какъ и въ сферѣ роскоши, моды, спорта онъ уступалъ первыя мѣста людямъ, которые сто лѣтъ тому назадъ назывались «подлыми» (vilains), какъ и у насъ въ Россіи. Современная Франція, весь складъ и духъ французскаго общества, созданы революціею, и остатокъ феодальныхъ временъ, въ смыслѣ нравственномъ если и есть еще, то не можетъ не быть весьма слабъ въ сравненіи съ тѣмъ духомъ, который обусловливается дѣйствительностью и соотвѣтствуетъ ей.

Въ самой Англіи, доселѣ считаемой аристократической страной по преимуществу, должна была произойти немалая перемѣна—и въ политическомъ складѣ, и въ общественномъ духѣ, если во главѣ ея можетъ стоять еврей по происхожденію, homo novus, котораго единственное наслѣдіе представляется тѣмъ, что уже отецъ его былъ литераторомъ. Когда мы видимъ, что въ день чтенія тронной рѣчи, члены общинъ призываются въ па-

лату лордовъ и являются туда безъ шляпъ, между тѣмъ какъ лорды сидятъ въ своей палатѣ въ шляпахъ, то эта картина, дѣйствительно, представляетъ «остатокъ прошлаго», могущій сказываться и въ нравахъ. Но когда мы въ то же время знаемъ, что эти стоящіе безъ шляпъ передъ лордами коммонеры представляютъ дѣйствительнаго государя Соединеннаго королевства, далеко превосходящаго могуществомъ—и палату лордовъ, и королеву, взятыхъ вмѣстѣ, то мы не можемъ же не предположить, что такой реальный фактъ оказываетъ и на нравы вліяніе, вѣроятно, бо́льшее, чѣмъ такой остатокъ преданій, который обратился въ пустую форму. И дѣйствительно, если мы сравнимъ значеніе аристократіи въ Англіи до избирательной реформы 1832 года съ нынѣшнимъ ея значеніемъ послѣ реформы 1867 года и затѣмъ введенія баллота, и параллельно съ этимъ сравнимъ общественные нравы конца прошлаго и начала текущаго столѣтія съ нынѣшними нравами, то должны будемъ признать громадную перемѣну, громадный шагъ—въ какую сторону? Въ сторону безсословности, конечно. Сами англійскіе беллетристы свидѣтельствуютъ, что общественныя грани въ ихъ странѣ ослабѣваютъ, что страна американизируется, демократизируется, т.-е. что духъ сословной исключительности ослабѣваетъ вмѣстѣ съ постепенной отмѣной, путемъ законодательнымъ, преобладанія высшихъ классовъ. Въ настоящее время едва ли уже возможно говорить объ Англіи, какъ объ «аристократической республикѣ», когда избирателемъ, т.-е. законодателемъ, въ ней является всякъ, кто нанималъ въ теченіи года квартиру цѣною въ 10 фунтовъ за годъ, и когда такой избиратель назначаетъ себѣ представителя закрытой подачей голоса, такъ что никакое вліяніе неспособно стѣснять полную свободу его выбора.

Итакъ, отсутствіе въ Россіи незыблемыхъ граней между сословіями, отсутствіе въ ней сословныхъ стремленій и сословнаго духа совершенно напрасно выставлять, какъ такую самобытную національную черту, которая всегда будетъ отдѣлять Россію отъ Запада и даже долженствуетъ сдѣлать наши будущія политическія партіи совсѣмъ не похожими на тѣ, которыя мы видимъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Историческій ходъ у насъ былъ, конечно, иной; но главное все-таки не въ томъ, что мы шли съ востока, а они съ запада, но въ томъ, что и мы и они идемъ къ однѣмъ и тѣмъ же общечеловѣческимъ цѣлямъ и что пути наши все болѣе и болѣе сближаются.

Какъ неосновательна эта мнимо-фатальная, на вѣки нерушимая отчужденность (по-славянофильски—самобытность) Россіи

отъ всего европейскаго Запада, такъ же неосновательно то представленіе, въ силу котораго всѣ страны Запада, по отношенію къ Россіи, представляютъ нѣчто однородное, почти тождественное въ себѣ, совершенно и навсегда отличное отъ нея. Спеціально въ отношеніи сословныхъ граней, сословной исключительности и сословнаго духа, разныя страны Запада не только въ настоящее время далеко не представляютъ сходнаго съ тѣмъ, что̀ въ нихъ было сто, даже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но и между собою, одна противъ другой, представляютъ коренныя различія. Въ этомъ смыслѣ, страны, населенныя латинскими и скандинавскими племенами, быть можетъ, не менѣе далеки отъ странъ англо-саксонскихъ и тевтонскихъ, чѣмъ отъ Россіи. Во Франціи, дѣйствительно, существуетъ антагонизмъ между сословіями; но спрашивается еще, есть ли онъ нынѣ преимущественно-феодальное наслѣдство, или скорѣе послѣдствіе революцій, въ которыхъ сословія раздѣлились на взаимно-враждебные лагери изъ-за формъ правленія, теоретически предпочтенныхъ тѣми и другими классами? Первая революція несомнѣнно имѣла въ сильной степени характеръ общественный. Но въ настоящее время борьба идетъ въ самой Франціи только отчасти изъ-за соціальныхъ интересовъ; въ значительной же степени она продолжается просто потому, что существуютъ политическія партіи, созданныя революціями. Въ дѣйствительности, легитимисты, орлеанисты, бонапартисты и умѣренные республиканцы вовсе не добиваются нынѣ перестройки общества въ интересахъ того или другого сословія. Всѣ эти партіи имѣютъ только сословную окраску, но не сословныя цѣли; такую окраску дала имъ исторія революцій, роль сословій въ установленіи той или другой формы правленія. Въ дѣйствительности и во Франціи нынѣ только двѣ общественныя партіи: консерваторовъ въ смыслѣ соціальномъ, и преобразователей въ томъ же смыслѣ.

Въ Испаніи, гдѣ революціи имѣли болѣе характеръ военный, чѣмъ общественный, сословнаго антагонизма нѣтъ, нѣтъ даже и сословной окраски политическихъ партій. Сословный духъ въ Испаніи и въ Италіи крайне слабъ, демократичность въ этихъ странахъ вошла въ нравы почти настолько же, сколько у насъ въ Россіи. Въ Даніи, Швеціи и особенно Норвегіи преобладаетъ и въ учрежденіяхъ, и въ нравахъ духъ совершенно-демократическій.

Въ Англіи и въ Германіи мы, дѣйствительно, видимъ еще нѣчто иное, но опять, въ Германіи—далеко не то, что̀ въ Англіи. Если будемъ говорить объ «аристократическомъ чувствѣ» и «значеніи аристократіи», то повсюду встрѣтимся съ элементами весьма

многоразличными и сложными, которыхъ разнообразіе таково, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то сплоченномъ, цѣльномъ, единомъ сословно-европейскомъ духѣ въ отличіе отъ духа русскаго, всесословнаго. Чтó такое, во-первыхъ, нынѣшняя англійская аристократія, и насколько она соотвѣтствуетъ «высокомѣрному сознанію благородства происхожденія, превосходства, внушаемаго чистотою крови?» Изъ числа 423 нынѣшнихъ наслѣдственныхъ членовъ палаты лордовъ, считая и Бенджамина Дизраэли, но не считая ни духовныхъ, ни избирательныхъ пэровъ, ни принцовъ крови—138 суть представители титуловъ, пожалованныхъ самой королевой Викторіею. Болѣе двухъ-третей общаго состава наслѣдственныхъ пэровъ носятъ титулы, пожалованные въ нынѣшнемъ столѣтіи, то-есть болѣе недавніе, чѣмъ титулы членовъ того аристократическаго общества въ Россіи, которое авторъ справедливо не признаетъ аристократіею въ полномъ смыслѣ слова. Правда, въ составѣ палаты пэровъ есть такіе (весьма немногіе), которые носятъ титулы, жалованные въ XV, XIV, даже XIII столѣтіи. Но вѣдь и самое ношеніе стародавняго титула еще не означаетъ стародавняго происхожденія, вѣковой чистоты крови. Прочтите полныя имена и титулы представителей знаменитѣйшихъ историческихъ родовъ Англіи, и вы очень часто найдете въ полномъ титулѣ одного лица такія крайне буржуазныя прозвища, какъ, напр., Смитъ. Чтó это означаетъ? То, что древніе титулы въ значительномъ числѣ перешли къ разбогатѣвшимъ торговцамъ, которые вступали въ браки съ наслѣдственной аристократіей. Въ виду такихъ фактовъ можно ли примѣнять къ англійской nobility разсужденія о томъ, что немногіе случаи вступленія новыхъ людей въ замкнутый классъ аристократіи не могли измѣнить его преданій и духа? Когда большинство палаты лордовъ состоитъ изъ людей *вновь* пожалованныхъ даже по нашимъ, русскимъ, понятіямъ, то можно ли говорить о «немногихъ» и о цѣльности преемственнаго духа сословія?

На «чистоту крови», безъ всякаго сомнѣнія, болѣе можетъ претендовать дворянство французское, испанское, итальянское, особенно германское и австрійское, чѣмъ сословіе благородныхъ лордовъ. При нѣкоторыхъ германскихъ дворахъ было принято за правило, что даже женитьба дворянина на не-дворянкѣ лишала родъ «чистоты крови» и нѣкоторыхъ связанныхъ съ нею преимуществъ, притомъ не только въ одномъ, но въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, какъ-бы впредь до возстановленія «чистоты крови». Между тѣмъ, въ Англіи женитьба представителей землевладѣльческихъ домовъ на дочеряхъ капиталистовъ и торговцевъ издавна

представляетъ систему, которая вполнѣ объяснима невозможностью поддержанія блеска рода доходомъ съ имѣній въ той странѣ, гдѣ они приносятъ два процента въ годъ, а часто приносятъ только чистый убытокъ и удерживаются въ рукахъ рода только именно для блеска. Можно еще сказать, что въ сословіи англійской gentry, то-есть country-squires, есть немало родовъ, въ которыхъ «благородное происхожденіе» представляется длиннымъ рядомъ предковъ въ мужской линіи. Но и они въ настоящее время никакъ не составляютъ большинства gentry, такъ какъ всѣ разбогатѣвшіе торговцы стремятся пріобрѣсть имѣніе, хотя бы въ убытокъ, и затѣмъ становятся равноправными членами той gentry въ смыслѣ участія въ мѣстномъ самоуправленіи, а во второмъ поколѣніи—уже и въ общественномъ смыслѣ. Сверхъ того, и nobility и gentry издавна систематически нарушали пресловутую чистоту крови, женясь на дочеряхъ торговцевъ. Иначе и быть не могло. Могла ли бы малодоходная земля трехъ небольшихъ острововъ конкуррировать иначе съ колоссальными богатствами, какія собирала съ Индіи и со всего свѣта британская торговля?

А между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что роды нобльменовъ, баронетовъ и сквайровъ не могли не измѣнять своихъ феодальныхъ воззрѣній и своего «аристократическаго чувства» подъ вліяніемъ воспитанія ихъ членовъ матерью-мѣщанкой и сожительства съ мѣщанкой-женой. Это вліяніе дѣйствовало, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ вліяніе въ томъ же смыслѣ непосредственнаго вступленія въ nobility и gentry цѣлыхъ массъ «новыхъ людей», необладавшихъ никакими традиціями. И nobility, и gentry не могли не сознавать, что въ сущности все ихъ богатство и значеніе давно обусловливается только тѣми капиталами, какіе принесли съ собой въ ихъ среду новые члены, то-есть торговцы и ихъ дочери-приданницы. Самое землевладѣніе, а съ нимъ и всякое значеніе въ selfgovernment'ѣ давнымъ-давно исчезло бы безъ такого буржуазнаго, торговаго прилива.

И дѣйствительно, не только французскій, но и испанскій, и итальянскій, дворяне, не претендующіе уже совершенно ни на какое вліяніе въ силу сословности, чаще думаютъ о своихъ гербахъ и родословныхъ, чѣмъ англійскіе лорды, потомки Смитовъ и Джонсовъ. Правда, въ Англіи существуетъ еще фикція о такихъ вещахъ, какъ благородство происхожденія и чистота крови, но собственно этого рода «аристократическое чувство» въ ея аристократическомъ классѣ безконечно слабѣе, чѣмъ «высокомѣрное чувство превосходства» совсѣмъ иного рода: спѣсь богатствомъ. Между истиннымъ духомъ богатаго аристократа и по-

томка двухъ поколѣній банкировъ въ Англіи нѣтъ никакой разницы. Высокомѣріе ихъ совершенно одного рода, и если аристократъ кичится предъ банкиромъ еще тѣмъ, чего у послѣдняго нѣтъ, то все-таки банкира онъ признаетъ безконечно, внѣ всякаго сравненія, болѣе respectable, чѣмъ Говарда или хотя бы Стюарта, живущаго трудомъ, получающаго жалованье, однимъ словомъ,—человѣка *наемнаго*. Вотъ гдѣ въ Англіи истинная грань сословій: наниматели и наемники. Это понятіе чисто-купеческое, торговое: хозяева и служащіе. Оно обще Англіи съ Соединенными Штатами, которыхъ никто не называетъ «аристократическою республикой»; оно присуще и нашему родному Титу Титычу. Между тѣмъ во Франціи потомокъ Клермонъ-Тоннерровъ не видитъ въ трудѣ и полученіи жалованья ничего унизительнаго, а притомъ хранитъ еще въ душѣ нѣчто отъ мнѣнія одного изъ своихъ предковъ, будто и на томъ свѣтѣ ему зачтется порода: Dieu ne sçauroit damner un Clermont-Tonnerre! И это однакоже не дѣлаетъ его столь высокомѣрнымъ по отношенію къ «низшимъ классамъ», какъ британскій лордъ или, все равно, банкиръ, видящіе въ нихъ толпу наемниковъ. Чисто-аристократическое чувство сохранилось въ немъ только въ смыслѣ нѣкоторой поэзіи. Но ближайшая, единственная осязательная исторія научила его, что Клермонъ-Тоннерръ долженъ стать солдатомъ, что его голосъ равенъ голосу любого блузника, что блузникъ не имѣетъ къ нему никакого уваженія. Артисту, солдату, рабочему онъ скорѣе подастъ руку, чѣмъ англійскій банкиръ, хотя бы потому уже, что родной братъ его, такой же Клермонъ-Тоннерръ, служитъ простымъ Traîne-ta-patte (гусаръ, которому приписывается особая походка, вслѣдствіе висящей у него ташки), а собственный дѣдъ его во время эмиграціи былъ танцмейстеромъ въ Лондонѣ, потомъ контрабасомъ въ одесской итальянской оперѣ.

Не хотимъ продолжать картины, вводя въ нее духъ прусскаго, полу-бюрократическаго, полу-офицерскаго, бѣднаго, служащаго изъ жалованья юнкерства, и австрійскаго Adel, болѣе мягкаго, болѣе изящнаго, болѣе cavalier-mässig (какъ говорятъ въ Вѣнѣ), но отчасти держащагося еще изреченія Виндишгреца, что «человѣкъ начинается только съ баронскаго званія». Мы только старались уяснить, что степень и самое свойство сословнаго духа въ разныхъ странахъ европейскаго Запада весьма различны; что духъ этотъ, по самой сущности своей, въ иной странѣ Запада въ одномъ отношеніи ближе къ тому, какой мы можемъ наблюдать въ Россіи, нежели къ тому, какой удерживается въ другой странѣ того же Запада, отдаленной отъ первой полутора-часовымъ

переѣздомъ; что, стало быть, Западъ въ отношеніи крѣпости сословныхъ граней и свойства сословнаго духа далеко не представляетъ чего-либо однороднаго и цѣльнаго; наконецъ, что повсюду этотъ духъ, во всѣхъ его видахъ, ослабѣваетъ, что Западъ въ этомъ отношеніи идетъ на встрѣчу русскому Востоку, который самъ спѣшитъ поравняться съ Западомъ въ иныхъ отношеніяхъ. Отсюда ясно — справедливо ли вѣчное славянофильское сопоставленіе русской самобытной безсословности съ европейскимъ (?) дѣленіемъ на враждующія, замкнутыя касты, и справедливо ли высказываемое г. М. Уоллесомъ, на этомъ именно основаніи, мнѣніе, будто, когда у насъ возникнутъ политическія партіи, то онѣ будутъ совсѣмъ не похожи на партіи въ Германіи, Франціи и въ Англіи. Мы полагаемъ, что будущность партій нынѣ вездѣ одинакова: во всѣхъ странахъ партіи болѣе и болѣе сводятся къ двумъ лагерямъ—консерваторовъ и новаторовъ въ смыслѣ общественнаго быта; и Россія не составитъ въ этомъ исключенія.

VI.

Обращаясь къ главамъ о «Петербургѣ и европейскомъ вліяніи», «Москвѣ и славянофильствѣ», мы поневолѣ должны отчасти удержать смѣшеніе внѣшнихъ «видовъ» съ общими взглядами, о которомъ упомянуто выше. Въ страницахъ, посвященныхъ описанію внѣшняго вида Петербурга и Москвы, пріятно поражаетъ отсутствіе тѣхъ ошибокъ, которыя неизбѣжно встрѣчаются даже въ иностранныхъ «гидахъ», не говоря уже о «путевыхъ замѣткахъ» другихъ иностранцевъ. Если авторъ говоритъ, что на Невѣ—одинъ каменный мостъ, то прибавляетъ, что другой строится; если упоминаетъ о мостахъ на плашкоутахъ, то не смѣшиваетъ съ ними деревянныхъ мостовъ на другихъ рукавахъ рѣки; когда переводитъ русскія слова, какъ, напр., «бѣлокаменная», «златоглавая», «Христосъ воскресе» и т. п., то пишетъ и переводитъ ихъ правильно. Оригинальнаго въ этихъ замѣткахъ почти нѣтъ. Петербургъ похожъ на Берлинъ, физіономія Москвы имѣетъ индивидуальность, которой Петербургу недостаетъ и т. д. Оригинально, пожалуй, только то, что авторъ не оцѣнилъ Растрелли потому, что судилъ о немъ единственно—по Зимнему дворцу, нашелъ статуи Лѣтняго сада, въ числѣ которыхъ, есть очень хорошія—«артистическими уродствами», хотя правильнѣе можно бы назвать нѣкоторыя изъ нихъ изуродован-

ными артистическими произведеніями, а въ сценѣ толпы въ Кремлѣ во время заутрени на пасху, со звономъ «сорока сороковъ» и пушечными выстрѣлами только и нашелъ звонъ и пальбу, особенно пальбу, которая въ его глазахъ придала всей сценѣ впечатлѣніе воинственное (warlike)! Впрочемъ, и то сказать—шелъ дождь.

Но перейдемъ къ «европейскому вліянію» и славянофильству. Взгляды автора на то и другое обнаруживаютъ, какъ то, впрочемъ, доказывается всей книгой, что г. М. Уоллесъ достаточно ознакомился самъ съ тѣми фактами, о которыхъ высказываетъ сужденія. Но въ этомъ собственно пунктѣ произносимое имъ сужденіе неясно для читателя, а нѣкоторыя мѣста наводятъ на мысль, что авторъ, хотя и знаетъ достаточно фактовъ,—не успѣлъ еще вполнѣ выяснить себѣ ихъ совокупнаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ у него такія мѣста: «во время насильственныхъ реформъ Петра, Россія отбросила свое историческое прошлое со всѣми тѣми зародышами, какіе могли въ немъ заключаться, и затѣмъ она уже не обладала никакимъ элементомъ настоящей (genuine) національной культуры. Она находилась въ положеніи бѣглеца, который спасся отъ рабства, но, увидѣвъ опасность голода, ищетъ себѣ новаго господина». Это сужденіе высказывается, чтобы объяснить, какимъ образомъ германское вліяніе у насъ смѣнилось французскимъ. Въ слѣдующей главѣ, указывая на заслугу славянофиловъ въ числѣ поборниковъ отмѣны крѣпостного права, авторъ приписываетъ имъ еще и слѣдующую заслугу: «они,—говоритъ онъ,—успѣшно проповѣдывали ученіе, что историческое развитіе Россіи было своеобразно, что нынѣшнее ея соціальное и политическое устройство кореннымъ образомъ отлично отъ устройства западной Европы и что, слѣдовательно, тѣ соціальные и политическіе недостатки (evils), которыми она страдаетъ, не могутъ быть излечены тѣми лекарствами, которыя оказались дѣйствительными для Франціи и Германіи. Эти истины,—прибавляетъ г. М. Уоллесъ,—которыя нынѣ представляются общеизвѣстными (commonplace), въ прежнее время вовсе не были всѣми признаваемы, и славянофиламъ принадлежитъ заслуга въ привлеченіи къ нимъ вниманія». Это мѣсто, какъ будто выписано изъ книги г. Р. Фадѣева: «Чѣмъ намъ быть». Онъ почти въ тѣхъ же словахъ приписывалъ славянофиламъ такую же заслугу. Но у него это признаніе служило логически для обоснованія нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ, произвольныхъ, но во всякомъ случаѣ, оригинальныхъ и остроумныхъ выводовъ. У англійскаго же автора сужденіе это остается безъ всякаго при-

мѣненія. Если сопоставить два только что выписанныя мѣста (о бѣгствѣ отъ своего, о голодѣ, исканіи новаго господина, и о заслугѣ славянофиловъ въ разъясненіи, что Россія отличается отъ западной Европы), то выходитъ нѣчто цѣльное, но въ то же время нѣчто крайне странное въ устахъ англійскаго писателя. Вѣдь изъ такого взгляда можно вывесть и оправдать всѣ самыя крайнія воззрѣнія славянофиловъ. Возвратиться къ *своему,* и впредь отыскивать себѣ *самобытный* путь—вотъ, вѣдь, въ сущности совѣтъ, который мы могли бы извлечь изъ приведенныхъ сужденій автора. Изъ такого взгляда вѣдь истекаютъ и тѣ «дикія преувеличенія» славянофиловъ, на которыя онъ указываетъ довольно пренебрежительно, и которыя онъ коротко характеризуетъ словами: «осужденіе всего иностраннаго и восхваленіе всего русскаго», открытіе «драгоцѣннаго плода духа христіанской покорности и самоотверженія» въ неразвитости учрежденій, примиреніе съ отсутствіемъ «всякихъ удобствъ повседневной жизни»—потому только, что это отличаетъ насъ отъ «Запада, избравшаго комфортъ себѣ Богомъ!» Коль скоро надо держаться своего, ставить *свое* выше чужого, потому только, что то́ — свое, а это — чужое, то естественно придется и «дымъ отечества» находить пріятнымъ, пріискивать «пріятныя» объясненія всѣмъ собственнымъ недостаткамъ. А между тѣмъ, г. М. Уоллесъ не затруднился признать указанныя сейчасъ «дикія преувеличенія» славянофиловъ — «ребячествомъ, которое только пріобрѣло своимъ выдумщикамъ репутацію невѣжественныхъ, узко-умныхъ (предразсудочныхъ, narrow-minded) людей, пропитанныхъ ненавистью къ просвѣщенію и желающихъ весть свою страну назадъ къ первобытному ея варварству». Такой приговоръ, замѣтимъ, слишкомъ рѣзокъ и справедливъ только по отношенію къ нѣкоторымъ приверженцамъ славянофильства, но не относительно самихъ славянофиловъ. «Что славянофилы въ самомъ дѣлѣ осуждали, по крайней мѣрѣ въ *наиболѣе спокойныя минуты,*—говоритъ авторъ,—было не европейская культура, но безразборчивое, некритическое усвоеніе ея ихъ соотечественниками». Прекрасно, но, вѣдь, въ томъ и дѣло, на какомъ же основаніи дѣлать разборъ, и въ чемъ представляется критерій для критики?

Если подъ общеизвѣстными и вошедшими нынѣ въ общее сознаніе (commonplace and generally recognised) истинами, которыя успѣшно проведены славянофилами, авторъ подразумѣваетъ такія истины, что Россія болѣе различается отъ всѣхъ западныхъ странъ Европы, чѣмъ каждая изъ этихъ странъ отличается одна отъ другой, и что одно усвоеніе внѣшнихъ признаковъ культуры еще

не создаетъ культуру, то эти истины не болѣе какъ общія мѣста; онѣ именно commonplace, и всегда были такими и никакой услуги въ разъясненіи ихъ славянофилы намъ не оказали. Наоборотъ, они только затемнили, запутали до нѣкоторой степени и эти истины въ общемъ сознаніи, примѣшавъ къ весьма простой вещи мистицизмъ не количественнаго, но качественнаго различія двухъ культуръ. Если авторъ, заимствуя у славянофиловъ нѣкоторыя слова̀ и признавая ихъ вѣрность, для безпристрастія, самъ придаетъ имъ только такое значеніе, что заимствовать Россія должна только то, что̀ ей въ самомъ дѣлѣ пригодно, въ такомъ случаѣ напрасно онъ приписываетъ славянофиламъ заслугу въ доказательствѣ, что дважды-два—четыре. Но если авторъ идетъ далѣе такого труизма и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что «такъ какъ устройство Россіи коренньмъ образомъ отличается отъ западно-европейскаго, то, слѣдовательно, тѣ недостатки, которыми она страдаетъ, не могутъ быть излечены тѣми лекарствами, которыя оказались дѣйствительными для Франціи и Германіи»,—въ такомъ случаѣ онъ напрасно осуждаетъ какія-либо преувеличенныя выходки славянофиловъ противъ примѣненія къ намъ западно-европейскихъ, несвойственныхъ намъ лекарствъ. Въ такомъ случаѣ, онъ самъ стоитъ на почвѣ славянофильства и затѣмъ мы могли бы только спросить его: увѣренъ ли онъ въ томъ, что хоть нѣкоторые изъ тѣхъ «недостатковъ» (evils), которыми страдаетъ Россія, не заключаются именно въ нѣкоторыхъ различіяхъ ея быта отъ нынѣшняго западно-европейскаго? Увѣренъ ли онъ, что хоть нѣкоторыми изъ нашихъ нынѣшнихъ недостатковъ не страдала прежде и западная Европа? Если онъ такой увѣренности имѣть не можетъ, то почему же изъ того, что такое и такое различіе существуетъ, можетъ слѣдовать, что оно никогда не должно сглаживаться; почему изъ наличности какого-либо недостатка, общаго намъ съ прошлою Европой, слѣдуетъ, что мы не должны примѣнять къ нему тѣхъ лекарствъ, которыя уже оказались дѣйствительными въ иныхъ мѣстахъ? Единственное «коренное» историческое различіе наше съ Европою представляется въ отсутствіи у насъ твердыхъ сословныхъ граней и въ существованіи у насъ въ средѣ одного крестьянства—плотнаго общественнаго кружка̀, совпадающаго съ земледѣльческой общиной, которая есть также, хотя и не есть исключительно русское, но все-таки уже въ продолженіи вѣковъ отличительно-русское учрежденіе. Но нѣтъ никакой необходимости, чтобы дальнѣйшее наше сближеніе съ Европою, дальнѣйшее наше развитіе на обще-европейскихъ началахъ шло въ разрѣзъ съ этими двумя самобытными чертами. Самъ

Западъ отчасти пришелъ, отчасти идетъ къ отмѣнѣ сословности, а міръ основанъ на началѣ, которому самыя драгоцѣнныя пріобрѣтенія Запада нисколько не противны. Стало быть, все пригодное намъ, практичное для нашихъ успѣховъ въ общечеловѣческомъ развитіи, мы смѣло можемъ брать у Запада и должны заимствовать у него, потому что было бы нелѣпо сочинять заново общечеловѣческую культуру.

Затѣмъ всѣ остальныя различія наши съ Западомъ, на которыя указываютъ славянофилы, относятся къ двумъ категоріямъ: различія, представляющія собою только нашу запоздалость въ усвоеніи себѣ удобствъ и условій благосостоянія, и различія, входящія въ спорную область философскихъ міровоззрѣній и національно-психическихъ наблюденій, догадокъ, сочувствій и предразсудковъ. Относительно различій первой изъ этихъ двухъ категорій самъ авторъ признаетъ «ребячествомъ» вмѣнять себѣ въ заслугу покорность неудобству, примиреніе съ неразвитостью; въ такой покорности и примиреніи несомнѣнно менѣе христіанскаго чувства, чѣмъ лѣни, неряшества, апатіи, незнанія лучшаго, а главное—просто бѣдности. Стало быть, такія различія наши съ Европой мы должны стараться по возможности устранять, потому что эти различія — неимѣніе школъ и дорогъ, непривычка жить по-человѣчески и по-человѣчески обходиться другъ съ другомъ, бѣдность, пьянство, неразсчетливость и невѣжество. Противъ этихъ различій и недостатковъ не можетъ и быть иныхъ «лекарствъ», чѣмъ тѣ, которыя помогли въ иныхъ мѣстахъ, хотя бы во Франціи и Германіи.

Наконецъ, что касается послѣдней категоріи различій—различія вѣры, и будто-бы обусловливаемой такимъ различіемъ совершенно спеціальной миссіи Россіи, и особыхъ свойствъ въ нашей душѣ—свойствъ любви, кротости, братолюбія, самоотреченія и т. д.—то все это почтенный авторъ едва ли согласится признать такимъ основнымъ и вмѣстѣ окончательнымъ, кореннымъ и безусловнымъ различіемъ Россіи отъ остальной Европы, чтобы для Россіи во всемъ былъ необходимъ путь совершенно самобытный, а общій путь не годился бы ей для достиженія никакой цѣли, будь то національной или общечеловѣческой. Масса православныхъ на Востокѣ доказываетъ, что можно быть православными, не будучи нисколько похожими на русскихъ. Съ грекомъ и румыномъ мы, кромѣ вѣры, не имѣемъ рѣшительно ничего общаго. Ни отсутствіе сословности, ни вѣчевое начало въ сельскомъ мірѣ, ни земледѣльческая община, нисколько не истекаютъ изъ православія. Если инородцы могутъ принимать православіе

и все-таки оставаться инородцами, то мы не понимаемъ, почему русскіе, даже уклонившись въ иную вѣру, не могутъ оставаться русскими. По догматамъ, иныя изъ нашихъ сектъ ближе къ протестантству, чѣмъ къ православію, а между тѣмъ и молокане, и штундисты нисколько не перестаютъ быть русскими. И оставаясь православными, русскіе могутъ быть европейцами, какими географическое положеніе и самое сродство съ прочими славянами предназначило ихъ быть. Особность нашей вѣры вовсе не можетъ составлять коренного различія во всемъ нашемъ призваніи съ призваніемъ другихъ, христіанскихъ же народовъ, если не приписывать собственно вѣрѣ того произвольно-преувеличеннаго вліянія, какое ей приписываютъ славянофилы, усматривая въ ней источникъ мнимыхъ, особенно-трогательныхъ свойствъ нашей души: кротости, любвеобилія, самоотверженности и т. д.

Такому собственно вѣроисповѣдному различію и приписываемымъ ему мнимымъ послѣдствіямъ авторъ напрасно сталъ бы придавать главное значеніе. А если онъ имъ именно *главнаго* значенія не придавалъ бы, въ такомъ случаѣ онъ тотчасъ разошелся бы окончательно со взглядомъ славянофиловъ, потому что у нихъ это-то и есть главное, и изъ особности вѣры они выводятъ весь тотъ мистицизмъ особыхъ свойствъ русской души и особаго призванія русскаго народа, которымъ они дорожатъ болѣе всего. Такъ какъ мы не можемъ увѣрить себя, что авторъ раздѣляетъ именно эти преувеличенныя и вмѣстѣ ребяческія представленія, то и должны признать въ употребленныхъ имъ и выписанныхъ нами выше словахъ простое недоразумѣніе. Мы должны объяснить себѣ мнѣніе его, будто мы только отъ славянофиловъ узнали, что заимствовать слѣдуетъ съ разборомъ,— ошибочнымъ, а самую эту истину—дѣйствительно общеизвѣстною или лучше сказать—общимъ мѣстомъ, каково и есть буквальное значеніе термина commonplace.

VII.

Изъ области національной жизни, мы обратимся теперь въ сферу мѣстнаго самоуправленія. Предоставимъ автору слово о земствѣ, его характерѣ и будущности.

Въ то время, когда издано было положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, значительная часть русскаго образованнаго общества имѣла простой критерій для оцѣнки всякаго рода учрежденій. Спрашивалось единственно, насколько новое учрежденіе либе-

рально и демократично, и если въ характерѣ его преобладали эти элементы, оно одобрялось. Вопросы о томъ, примѣнимо ли оно къ существующимъ условіямъ и духу народа, и о томъ, не будетъ ли оно, при всемъ своемъ превосходствѣ, обходиться слишкомъ дорого, сравнительно съ цѣлью, для которой предназначено, оставлялись безъ вниманія. Все, что основывалось на началѣ избирательства и открывало поле свободному общественному слову, встрѣчалось съ безусловнымъ сочувствіемъ. Учрежденіе же земства вполнѣ соотвѣтствовало этимъ двумъ условіямъ. На земство возложены были надежды и политическаго, и хозяйственнаго свойства. Если въ Англіи, какъ то доказано нѣмецкими учеными, мѣстное самоуправленіе охранило политическую самодѣятельность націи, несмотря на свой аристократическій характеръ, то чего нельзя было ожидать отъ учрежденій свойства гораздо болѣе либеральнаго и демократическаго? Въ Англіи провинціальныхъ парламентовъ не бывало, и мѣстное управленіе всегда было въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ; между тѣмъ въ Россіи каждый уѣздъ получалъ свое выборное собраніе, въ которомъ крестьянинъ лично сравненъ съ богатѣйшимъ помѣщикомъ.

Тѣ же, кого успѣхи хозяйственные (у автора—social) занимали болѣе, чѣмъ политическіе, ожидали, что земство въ скоромъ времени снабдитъ страну хорошими дорогами, прочными мостами, многочисленными сельскими школами, больницами и другими потребностями цивилизаціи; что вслѣдствіе его дѣятельности земледѣліе улучшится, торговля и промышленность разовьются, а бытъ крестьянства поправится; наконецъ, что застой провинціальной жизни и равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ исчезнутъ.

Всѣ эти чрезмѣрныя ожиданія не осуществились. Земскимъ учрежденіямъ не была предназначена какая-либо политическая роль или какое-либо вліяніе въ этомъ смыслѣ, и достаточно было одного примѣра, чтобы выяснить это на дѣлѣ. Но и въ томъ кругѣ, который прямо указанъ земству закономъ, оно не оправдало ожиданій. Оно не покрыло страну сѣтью шоссе, мосты все еще не совсѣмъ прочны, сельскихъ школъ мало и лазареты рѣдки. Для развитія ремеслъ или фабрикъ сдѣлано имъ мало, и селенія остались пока весьма похожими на то, какими они были при прежнемъ управленіи. Между тѣмъ, мѣстные сборы чувствительно возросли (а именно въ 30 губерніяхъ, въ теченіи всего трехъ лѣтъ—съ 5 до $14^1/_2$ милл. р.), и вотъ иные начинаютъ уже говорить, что земскія учрежденія не принесли пользы, такъ какъ увеличили податную тягость, а между тѣмъ не дали странѣ соотвѣтственныхъ улучшеній. Но, въ сущности, земство только не

сдѣлало чудесъ, потому что не могло ихъ сдѣлать. Россія бѣднѣе и гораздо менѣе заселена, чѣмъ тѣ страны, которыя она взяла себѣ въ образецъ. Предположить, что она могла вдругъ, посредствомъ одной реформы управленія, создать у себя всѣ тѣ удобства, которыми пользуются другія, опередившія ее націи,— было столь же нелѣпо, какъ было бы нелѣпо вообразить, что человѣкъ бѣдный можетъ вдругъ построить себѣ великолѣпный дворецъ, потому только, что получилъ отъ богатаго сосѣда нужные для того архитектурные чертежи. Не только годы, но цѣлыя поколѣнія должны миновать, прежде чѣмъ Россія получитъ видъ Германіи, Франціи или Англіи. Такое превращеніе, конечно, можетъ быть ускорено или замедлено тѣмъ или другимъ устройствомъ управленія, но не можетъ быть осуществлено внезапно, хотя бы совокупная мудрость всѣхъ философовъ и государственныхъ людей Европы была употреблена на выработку съ этой цѣлью законовъ.

Земство все-таки сдѣлало болѣе, чѣмъ предполагаетъ большинство его критиковъ. Во-первыхъ, оно довольно порядочно (tolerably well) исполняетъ свои обыденныя обязанности и очень мало заражено взяточничествомъ. Во-вторыхъ, оно много улучшило состояніе больницъ, пріютовъ и вообще тѣхъ учрежденій общественнаго призрѣнія, которыя ему ввѣрены; оно сдѣлало много—сравнительно съ тѣми ограниченными средствами, которыми можетъ располагать—для распространенія образованія, посредствомъ учрежденія народныхъ школъ и нѣсколькихъ учительскихъ семинарій. Въ-третьихъ, земство ввело новую, болѣе справедливую систему распредѣленія сборовъ, которая привлекла къ участію въ нихъ—частныхъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ. Наконецъ,—и это не мало значитъ,—оно создало въ селахъ взаимное страхованіе. Въ книгѣ приведены общія цифры распредѣленія расходовъ земства, безъ указанія, впрочемъ, отношенія расходовъ обязательныхъ и необязательныхъ.

Такіе результаты авторъ признаетъ значительными, но признаетъ также, что земство теперь переживаетъ критическое время. Оно уже не пользуется тѣмъ довѣріемъ, которое выражалось въ прежнихъ, общихъ ожиданіяхъ, и обнаруживаетъ симптомы истощенія. По увѣренію автора, всѣ признаютъ это явленіе, и наиболѣе компетентныя мнѣнія почти сходятся въ объясненіи его причинъ. Надо оговорить впередъ, что самъ авторъ не согласенъ съ объясненіемъ, которое ссылается на нѣкоторыя дополнительныя постановленія о земскихъ учрежденіяхъ, какъ-то—на ограниченіе права земскаго обложенія патентовъ и обнародованія

журналовъ. Объясненіе это онъ находитъ несостоятельнымъ, хотя и совершенно соотвѣтствующимъ взглядамъ общества русскаго, какъ и вообще обществъ странъ централизованныхъ, привыкшихъ всего ожидать отъ центральной власти и приписывать ея распоряженіямъ все, чтó происходитъ. Авторъ признаетъ, что земская дѣятельность встрѣчается съ ограниченіями, но говоритъ, что отъ ограниченій можетъ падать только такое дѣло, которое лишено жизненности само въ себѣ. Причину истощенія и апатіи (languor), которыя нынѣ усматриваются въ земствѣ, онъ ищетъ не въ административныхъ условіяхъ, которыми оно обставлено, но,—по его увѣренію,—«гораздо глубже».

Чтобы выяснить ее, онъ проводитъ сперва извѣстную параллель между англійскими способами улучшенія учрежденій и русскими. Въ Англіи все сохраняется какъ можно дольше, новое возникаетъ только послѣ того, какъ жизненная потребность рѣшительно принудила дать себѣ удовлетвореніе; но и тогда новое строится, по мѣрѣ возможности, на старомъ. Такимъ образомъ, всѣ данныя, необходимыя для реальнаго дѣйствія учрежденія, бываютъ на-лицо ранѣе, чѣмъ оно дѣйствительно осуществляется, и потому въ открываемое вновь русло стремится тотчасъ волнами дѣйствительная жизнь; изъ новаго учрежденія тотчасъ же извлекается вся польза, какую только оно способно произвесть. Короче: оно является какъ уступка напору самой жизни, а не кàкъ попытка пересоздать жизнь или создать ее вновь. Въ Россіи—наоборотъ: всѣ попытки улучшеній въ управленіи являлись въ видѣ созданія новой эры согласно съ современными европейскими научными теоріями. Учрежденія создавались внѣ жизни для удовлетворенія такихъ потребностей, которыхъ народъ въ дѣйствительности еще не сознавалъ. Вслѣдствіе того, административное улучшеніе не находило готовой силы въ народѣ и поддерживалось въ своемъ дѣйствіи только правительственною энергіей. Правда, земство имѣло болѣе шансовъ успѣха, чѣмъ прежнія попытки создать óрганы мѣстнаго самоуправленія въ помощь центральной власти. Бóльшая часть дворянства сознавала необходимость улучшить управленіе, и участіе въ общественнымъ дѣламъ было живѣе, чѣмъ когда-либо въ прежнее время. Согласно съ этимъ, новое учрежденіе на первыхъ порахъ было встрѣчено съ восторгомъ и пока оно было ново, не мало дѣла было въ дѣйствительности сдѣлано. Но скоро къ нему присмотрѣлись, вниманіе обратилось въ другую сторону: развитіе разныхъ другихъ отраслей дѣятельности (желѣзно-дорожной, банковой и т. д.), отняло у земства много

лучшихъ дѣятелей, которымъ земство, разумѣется, не могло дать такихъ средствъ, какія они нашли въ другихъ областяхъ.

Но это еще не главное. Главное, по отзыву автора, все-таки въ томъ, что только еще немногіе люди живо (keenly) чувствуютъ насущную потребность въ тѣхъ вещахъ, какія должно дать земство. Напримѣръ, хотя бы—въ хорошихъ дорогахъ. Что хорошія дороги необходимы для развитія національныхъ средствъ—это принципъ извѣстный всякому русскому, имѣющему хотя бы только притязаніе считаться образованнымъ; но очень немногіе, даже изъ дѣйствительно-просвѣщенныхъ гласныхъ, которые провозглашаютъ этотъ принципъ, въ самомъ-дѣлѣ и сами чувствуютъ такое же живое желаніе имѣть хорошія дороги, въ своемъ же уѣздѣ, какое они ощущаютъ, напримѣръ, въ составленіи себѣ «партіи» для игры въ карты. Одно желаніе—теоретическаго свойства, другое—реальнаго. Вотъ, когда землевладѣльцы станутъ весть правильные хозяйственные счеты, когда они узнàютъ, на чтó и сколько у нихъ выходитъ въ хозяйствѣ денегъ или обращается рабочей силы, когда они убѣдятся, что расходъ по улучшенію дороги съ излишкомъ покроется для нихъ сокращеніемъ стоимости для доставокъ или вывоза изъ имѣній,—тогда, и только тогда, коммисіи по улучшенію дорогъ пріобрѣтутъ дѣйствительную силу. Это же замѣчаніе, съ тѣмъ или другимъ видоизмѣненіемъ, можетъ быть примѣнено ко всѣмъ прочимъ отраслямъ мѣстнаго самоуправленія.

Съ цѣлью «иллюстрировать» непрактичность нынѣшней земской дѣятельности, авторъ разсказываетъ, какъ онъ присутствовалъ однажды въ засѣданіи уѣзднаго земскаго собранія и слушалъ пренія по вопросу о введеніи въ уѣздѣ системы обязательнаго обученія. Автора не мало удивляла рѣчь въ пользу принятія такой мѣры, такъ какъ ораторъ не касался вопроса о томъ, что для дѣйствительнаго ея осуществленія прежде всего пришлось бы умножить въ двадцать разъ число существующихъ школъ. Для бóльшей либеральности, главный ораторъ отвергалъ всякій штрафъ за неприсылку дѣтей въ школу. Но въ то время, когда происходили пренія о такой идеальной постановкѣ учебнаго дѣла, на улицѣ, передъ домомъ земскаго собранія была грязь въ два фута толщины. Правда, нѣкоторые гласные пріѣхали въ своихъ экипажахъ; но и ѣхать въ этой грязи было нелегко, а одинъ гласный, на одной изъ главныхъ улицъ, опрокинулся съ своимъ тарантасомъ прямо въ грязь.

Впрочемъ, авторъ высказываетъ, что было бы несправедливо судить съ слишкомъ большой строгостью дѣятельность учрежденія

недавняго, неимѣющаго опытности, и признаетъ, что земскія учрежденія все-таки «безконечно лучше тѣхъ, которыя замѣнены ими». «Если мы сравнимъ земство съ тѣми формами, въ которыхъ выражались въ прежнія времена попытки создать мѣстное самоуправленіе, то должны будемъ признать, что русскіе сдѣлали большой успѣхъ въ своемъ политическомъ развитіи. Какая ему (земству) предстоитъ будущность, я не рѣшаюсь предсказать. Я склоненъ вѣрить, что оно переживетъ свое нынѣшнее состояніе застоя и постепенно пріобрѣтетъ новую, здоровую жизненность, по мѣрѣ того, какъ люди сами начнутъ болѣе и болѣе чувствовать потребность въ тѣхъ вещахъ, для доставленія которыхъ земство учреждено. Но, съ другой стороны, не невозможно, что оно умретъ отъ недостатка питанія, или будетъ снесено прочь какимъ-либо новымъ увлеченіемъ преобразовательнаго свойства, прежде чѣмъ успѣетъ пустить глубокіе корни».

Во взглядѣ автора на земство повторяется то, что замѣчается въ его взглядахъ на многія другія стороны русской жизни, да и вообще въ сужденіяхъ большинства добросовѣстныхъ иностранныхъ разсказчиковъ о Россіи. Одно дѣло—изучить положеніе какого-либо спеціальнаго вопроса; при образованности и добросовѣстномъ выборѣ и разборѣ источниковъ, это возможно для иностранца, прожившаго въ Россіи нѣсколько лѣтъ или хотя бы одинъ годъ. Но другое дѣло—отдать себѣ отчетъ въ общемъ положеніи дѣлъ въ Россіи. Въ теченіи шести лѣтъ едва ли возможно лучше узнать и толковѣе изложить общее положеніе дѣлъ, чѣмъ сдѣлалъ авторъ. Онъ изъѣздилъ бо́льшую часть Россіи, научившись сперва русскому языку, собиралъ данныя почти исключительно изъ русскихъ источниковъ. Если смотрѣть на его книгу, какъ на сдаваемый имъ экзаменъ на званіе иностранца, знакомаго съ Россіей, то слѣдуетъ признать, что экзаменъ этотъ онъ выдерживаетъ отлично, предполагая, впрочемъ, что программа экзамена не зависѣла отъ его выбора, такъ что онъ и не имѣлъ возможности коснуться того многаго, чего онъ не коснулся. Въ извѣстномъ смыслѣ это именно такъ, потому что, составляя книгу для всей англійской публики (great public), то-есть книгу до нѣкоторой степени популярную, онъ долженъ былъ разсказать въ ней болѣе о томъ, что́ считалъ наиболѣе интереснымъ для этой публики. Эта программа, естественно, не могла совпасть съ тою, какую предложили бы ему мы. Цѣли своей онъ достигаетъ почти вполнѣ, и мы можемъ засвидѣтельствовать передъ англичанами, что въ его книгѣ ошибокъ мало, а искаженій совершенно нѣтъ. Но въ ней, конечно, далеко не все *досказано* и притомъ о весьма

существенныхъ вопросахъ. Таковъ, напримѣръ, и вопросъ о дѣятельности земства. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, главная работа иностранца по ознакомленію съ Россіею обращается на узнаніе массы фактовъ чисто-внѣшнихъ, а существеннѣйшіе вопросы національной жизни могутъ быть усвоены имъ только въ главныхъ чертахъ, причемъ, — и при всемъ трудолюбіи, при всей добросовѣстности,—онъ не можетъ пріобрѣсть вѣрнаго такта въ оцѣнкѣ относительной важности дѣйствія каждой изъ нихъ въ томъ общемъ результатѣ, который находится у него передъ глазами въ людяхъ, въ видѣ страны, въ книгахъ и цифрахъ статистическихъ данныхъ.

Насъ нисколько не обижаетъ тотъ дидактическій тонъ, въ которомъ авторъ указываетъ на слабыя стороны (далеко не всѣ, впрочемъ), которыя онъ замѣтилъ въ Россіи, выясняетъ элементъ преувеличенія, даже ребячества въ увлеченіяхъ русскаго общества въ эпоху реформъ и т. д. Мы привыкли къ поучительному, притомъ гораздо болѣе рѣзкому тону со стороны такихъ русскихъ писателей, которые сами не стояли выше уровня русскаго образованнаго общества, но иногда находились и находятся сами ниже этого уровня. Нѣсколько-покровительственный (patronising) тонъ англійскаго ученаго, когда онъ говоритъ о нашихъ зачаткахъ самоуправленія, о первыхъ нашихъ шагахъ на пути «либерализма», представляется даже естественнымъ. Авторъ долженъ былъ бы лицемѣрить, если бы сталъ говорить о насъ въ этихъ отношеніяхъ какъ равный о равныхъ. Но, если позволено выразиться иносказательно, онъ не всегда «ставитъ надъ *i* точку», а иногда ставитъ точку такъ, что она не приходится надъ самымъ *i*. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы замѣчаемъ, что иностранцу трудно пріобрѣсть въ нѣсколько лѣтъ вѣрный тактъ въ оцѣнкѣ относительной важности дѣйствія разныхъ причинъ.

Иногда онъ оцѣняетъ ихъ такъ, что даже иностранные читатели не могутъ не придти къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Такъ, прочитавъ главу о русскомъ земствѣ, они должны придти къ выводу, что русскіе общественные дѣятели еще сами не доросли до сознанія дѣйствительной потребности въ тѣхъ вещахъ, какія можетъ дать земская дѣятельность; что въ ней не мало верхоглядства, искусственности, а потому и невыдержанности. Между тѣмъ, прочтя въ другомъ мѣстѣ похвалы автора энергіи, здравомыслію и практичности мировыхъ посредниковъ при приведеніи въ дѣйствіе величайшей изъ реформъ, тѣ же читатели должны спросить себя: откуда же могли взяться такіе люди, и неужели они исчезли безъ всякаго слѣда, не оказавъ никакого

вліянія на характеръ дѣятельности земства? Русскимъ читателямъ такой вопросъ не представится, такъ какъ они очень хорошо знаютъ, что въ земствѣ приняли участіе такіе же люди и что въ числѣ лучшихъ, наиболѣе вліятельныхъ земскихъ дѣятелей можно найти тѣхъ же первоначальныхъ мировыхъ посредниковъ или людей, нисколько не уступающихъ имъ ни въ энергіи, ни въ практичности, ни въ безкорыстіи. Стало быть, если та причина, на которой главнымъ образомъ останавливается авторъ и которой онъ преимущественно приписываетъ «кризисъ и застой», нынѣ переживаемый земской дѣятельностью, а именно—неполное сознаніе самими дѣятелями потребности, напр., хоть въ хорошихъ дорогахъ—если та причина и дѣйствуетъ, то во всякомъ случаѣ она не можетъ быть главною.

Мы готовы согласиться, что у иного дѣятеля, который въ земскомъ собраніи горячится по поводу губернскихъ дорогъ, бываетъ у собственной мызы невозможно проѣхать чрезъ мость, а надо ѣхать въ бродъ, въ экипажѣ; это бываетъ. Но есть такія области дѣятельности, въ которыхъ, по признанію самого автора, оно достигло несомнѣнныхъ успѣховъ, какъ-то, напр., школы. Между тѣмъ извѣстно, что, во-первыхъ, право земства облагать сборами торговыя заведенія ограничено, а земля обременена разными платежами; что въ распоряженіи земства находится только меньшая половина изъ тѣхъ средствъ, какія представляются земскими сборами; что земскія пренія и сношенія обставлены нѣкоторыми условіями, а наконецъ, что именно въ дѣлѣ школы ему приходится бороться съ наибольшими трудностями. Не естественно ли предположить, что въ этомъ, напримѣръ, дѣлѣ, въ которомъ «сознаніе потребности» не подлежитъ сомнѣнію, успѣхъ земской дѣятельности былъ бы значительнѣе при бо́льшихъ средствахъ и бо́льшемъ просторѣ? Когда судишь о полученномъ успѣхѣ, то естественно прежде всего справляться съ наличностью средствъ и возможности, а уже потомъ только дѣлать до́гадки о степени собственной охоты въ работавшихъ. Степень охоты представляетъ вопросъ важный, хотя рѣшеніе его всегда можетъ быть только болѣе или менѣе гадательнымъ. Но главное въ томъ, что его напрасно и возбуждать до тѣхъ поръ, пока не поставлена внѣ сомнѣнія именно наличность достаточныхъ средствъ и возможности.

Трудность полнаго усвоенія иностранцемъ, въ теченіи даже нѣсколькихъ лѣтъ, сравнительной важности тѣхъ причинъ, которыхъ дѣйствіе онъ видитъ или угадываетъ, еще замѣтнѣе проявляется въ сужденіяхъ автора о самостоятельности новыхъ су-

дебныхъ учрежденій въ Россіи. Неполное усвоеніе сравнительной важности разныхъ причинъ и ихъ взаимодѣйствія приводятъ здѣсь даже прямо къ нѣкоторой логической слабости, отъ которой свободны вообще другія части этого труда. Признавая, что постепенное развитіе судебныхъ учрежденій выдерживало идею самостоятельности менѣе, чѣмъ другія основныя мысли судебной реформы, авторъ приходитъ къ заключенію, которое мы выпишемъ. «Я не увѣренъ,—говоритъ онъ,—что слѣдуетъ сожалѣть объ этомъ. Самоуправленіе безъ сомнѣнія превосходная вещь, само по себѣ, и даже особенно необходимая Россіи, но и оно не представляетъ чудотворной панацеи и рѣдко приноситъ хорошіе плоды, когда внезапно насаждается среди народа, который долгое время былъ къ нему непривыченъ». Какимъ же образомъ можетъ народъ, непривыкшій съ самоуправленію, привыкнуть къ нему—иначе, какъ пользуясь имъ—остается непонятно. И почему же самоуправленіе особенно необходимая Россіи вещь, если допустить, что оно не можетъ принесть въ ней хорошихъ плодовъ? Тутъ есть логическая слабость, которая зависитъ, очевидно, отъ того, что авторъ впереди сдѣлалъ много разнообразныхъ оговорокъ, спеціально примѣнимыхъ къ Россіи, и затѣмъ не имѣетъ компаса, чтобы указать каждой изъ нихъ свое мѣсто, а между тѣмъ пробуетъ согласить ихъ въ своемъ заключеніи. «Опыты, доселѣ сдѣланные въ Россіи»,—продолжаетъ онъ о самоуправленіи, по поводу самостоятельности судовъ,—«оказались не особенно ободрительными — особенно въ университетахъ (?), которые во многихъ отношеніяхъ представляютъ аналогію съ судами. Всякъ, кому извѣстно то, что могло бы быть названо histoire intime университетовъ, въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, можетъ основательно усомниться, возвысилось-ли бы навѣрное достоинство дѣятельности (the efficiency) мѣстныхъ судовъ, отъ предоставленія имъ независимости и автономіи, въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Политическаго значенія ихъ самостоятельность не могла бы имѣть при существованіи административной процедуры, уже описанной. Когда образованные классы пріобрѣтутъ нѣсколько болѣе истинной (genuine) независимости въ другихъ сферахъ дѣятельности и когда создастся (?) здоровое, могущественное, подвергающее все (?) своему контролю общественное мнѣніе, тогда будетъ, мнѣ кажется, еще время освободить мѣстные суды отъ надзора центральныхъ начальствъ».

Во всемъ этомъ много страннаго. Въ какой мѣрѣ histoire intime нашихъ университетовъ за послѣднее время можетъ служить доказательствомъ невыгодъ излишней *самостоятельности*—это вопросъ,

который неудобно было бы разбирать здѣсь во всѣхъ его подробностяхъ. Мы замѣтимъ только слѣдующее: если внутренняя исторія университетовъ, именно за послѣдніе годы, представила какія-либо особыя явленія, между тѣмъ какъ самостоятельность университетовъ, въ томъ видѣ, какъ начертана въ законѣ, существуетъ съ 1864 года, то, стало быть, въ послѣдніе годы произошло нѣчто такое, чего прежде не было. Одно изъ двухъ: если особыя явленія зависѣли отъ самостоятельности, то они должны были оказываться съ 1864 года, то-есть въ теченіи 13 лѣтъ; если же явленія эти стали замѣчаться только въ самые послѣдніе годы (last few years—у автора), то, стало быть, они были обусловлены не закономъ 1864 года. Мы готовы допустить даже, что въ этихъ явленіяхъ могъ отражаться элементъ самостоятельности или несамостоятельности университетовъ. Но, во всякомъ случаѣ, если явленія эти произошли не съ 1864 г., а только въ послѣдніе годы, то въ такомъ предположеніи — оставалось бы приписывать ихъ какой-либо перемѣнѣ, происшедшей на практикѣ въ положеніи университетовъ, какъ оно опредѣлено закономъ съ 1864 года. Едва ли авторъ могъ убѣдиться, что такая перемѣна на практикѣ въ послѣдніе годы послѣдовала въ смыслѣ расширенія и усиленія самостоятельности университетовъ; если же перемѣна состоялась не въ этомъ направленіи, а особыя явленія все-таки имѣютъ связь со степенью самостоятельности, какою пользуются нынѣ университеты на дѣлѣ, то выводъ изъ этого можетъ быть только одинъ. Онъ по необходимости долженъ быть прямо противоположенъ тому, какой сдѣланъ авторомъ.

Это—собственно объ университетахъ. Что касается судовъ, то къ нимъ примѣръ университетовъ въ настоящемъ случаѣ у насъ даже и подходить не можетъ. Дѣло въ томъ, что самостоятельность судовъ представляетъ иныя стороны, чѣмъ самостоятельность университетовъ. Было бы ошибочно думать, какъ то, повидимому, допускаетъ авторъ, что у насъ мѣстные (?) суды зависятъ отъ центральнаго начальства, какъ зависятъ отъ него, напр., университеты. Въ университетахъ начальство можетъ не утверждать самыя рѣшенія совѣтовъ или не давать хода этимъ рѣшеніямъ; относительно судебныхъ приговоровъ это немыслимо. Если въ университетахъ вопросъ о бóльшей или меньшей ихъ самодѣятельности есть вопросъ о бóльшемъ или меньшемъ ихъ нравственномъ благосостояніи, то по отношенію къ судамъ вопросъ этотъ имѣетъ еще несравненно бóльшую важность: онъ сводится на вопросъ: находится ли власть судебная дѣйствительно въ рукахъ судовъ, или она находится на дѣлѣ въ рукахъ власти

административной? Послѣдняго явленія, которое обращало бы въ ничто всю организацію суда, у насъ нѣтъ. Отступленія отъ принципа самостоятельности въ области организаціи судебныхъ органовъ были только второстепенныя или неимѣвшія характера общаго. Если у насъ есть суды несамостоятельные, по самому своему устройству, то никакъ нельзя сказать, что всѣ наши, и притомъ именно мѣстные суды самостоятельностью не пользуются. Въ отношеніи къ нимъ, не было существенныхъ отступленій отъ принципа самостоятельности. Окружной судъ и судебная палата могутъ оставаться самостоятельными въ своихъ дѣйствіяхъ, даже при отсутствіи несмѣняемости судебныхъ слѣдователей и безъ существованія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Намъ остается резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ мнѣніе наше о трудѣ г. М. Уоллеса, уже высказанное по поводу отдѣльныхъ его частей. Для полнаго уразумѣнія иностранцами общаго положенія дѣлъ въ Россіи, книга эта недостаточна; въ ней слишкомъ многаго нѣтъ. Быть можетъ, обѣщанныя авторомъ изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ пополнятъ пробѣлы; быть можетъ, авторъ оставитъ то или другое необслѣдованнымъ. Судя книгу въ данныхъ ея рамкахъ, признаемъ, что то, что въ ней есть, представляетъ для англійской публики весьма обстоятельное, при всей популярности, изложеніе тѣхъ явленій русской жизни, которыхъ авторъ коснулся. Для русскихъ же читателей дѣйствительную цѣнность имѣютъ главы объ общинѣ, о крестьянскомъ самоуправленіи и — въ смыслѣ ясной классификаціи — главы о расколѣ. Остальныя главы прочтутся русскими читателями съ интересомъ, и дадутъ имъ матеріалъ для «самопровѣрки», но въ нѣкоторыхъ главахъ читатели найдутъ не совсѣмъ вѣрное освѣщеніе фактовъ, хотя собственно ошибокъ въ фактахъ, по крайнѣй мѣрѣ, существенныхъ ошибокъ, не найдутъ. Доказательствомъ нашего высокаго мнѣнія о трудѣ почтеннаго автора послужитъ и то, что книга его пріобрѣтетъ нѣкоторый авторитетъ въ самой Россіи, а потому мы и занялись болѣе подробнымъ разборомъ и даже опроверженіемъ нѣкоторыхъ его воззрѣній, именно такихъ, въ которыхъ видимъ нелишенное опасности полусогласіе автора съ разными существующими у насъ фантастическими толками.

Л. П.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1877.

Высочайшій манифестъ о войнѣ.—Очеркъ положенія Россіи при прежнихъ войнахъ съ Турціею.—Война 1828—29 гг. — Война 1853—56 гг.—Нынѣшнее положеніе Россіи.—Что̀ должно и что̀ можетъ общество? — Проектъ добровольнаго налога.

Во главѣ нынѣшняго обозрѣнія приводимъ слова Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Турціею, даннаго въ городѣ Кишиневѣ, апрѣля 12-го дня:

„Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

„Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлію достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными и дружественными Намъ Великими Европейскими Державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ Правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣ-

жденія Порты, всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ Кабинетамъ составить особый протоколъ, съ внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

„Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція, отказомъ своимъ, поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ уповании на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи".

Война.... Двадцать-одинъ годъ мира сдѣлали то, что слово это звучитъ теперь чѣмъ-то новымъ, хотя и повторялось столько разъ въ теченіи послѣдняго года. Оно произнесено послѣ того какъ было „исчерпано до конца миролюбіе" Того, кому „кровь и достояніе подданныхъ всегда дороги". Произнесено оно съ той благородной скромностью, которая соотвѣтствуетъ глубокому убѣжденію, сознанію неизбѣжности великихъ жертвъ, но и несомнѣнности великаго долга. Миролюбіе было именно „исчерпано до конца", и „высокомѣрнымъ упорствомъ Порты" Россія „вынуждена къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ". Мы ничего прибавить не можемъ къ совершенной истинѣ и полной убѣдительности словъ Высочайшаго манифеста. Теперь оказывается несомнѣннымъ, что во взглядѣ на войну, съ самаго начала восточнаго вопроса и до послѣдняго момента, всѣ, отстаивавшіе мирное разрѣшеніе вопроса, были близки ко взгляду правительства, которому принадлежитъ охрана интересовъ Россіи и ея достоинства. Мы также говорили не разъ въ пользу мира, мы поставляли на видъ обществу опасность преждевременнаго увлеченія, и напоминали, что въ такомъ дѣлѣ „достаточно не отставать отъ правительства". Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы посильно старались уяснить все значеніе русскаго вопроса на юговостокѣ Европы, и въ спеціальной статьѣ [1]) откровенно выражали мнѣніе, что русскія войска принуждены будутъ вступить въ предѣлы

[1]) „Русскій вопросъ на юго-востокѣ Европы", въ ноябрѣ 1876 г.

Турціи, если пострадавшимъ христіанскимъ областямъ не будетъ дана *политическая* автономія. Но правительство, желая щадить до послѣдней возможности кровь и достояніе народа, зашло еще далѣе въ своемъ миролюбіи: оно согласилось принять участіе въ константинопольской конференціи, изъ программы которой впередъ была исключена мысль о политической автономіи для тѣхъ областей: рѣчь шла только объ автономіи административной. Въ виду этого, намъ казалось, что Россіи все-таки необходимо удовлетвореніе и что для обезпеченія административныхъ реформъ все-таки необходимо временное военное занятіе, съ участіемъ въ этой экзекуціонной мѣрѣ войскъ русскихъ. Затѣмъ, слѣдя за ходомъ переговоровъ на конференціи, мы высказали мнѣніе, что необходимымъ послѣдствіемъ неудачи конференціи долженъ быть переходъ русскихъ войскъ чрезъ турецкую границу, и замѣчали, что „общество напрасно теперь уже слишкомъ не расположено къ войнѣ, какъ оно было прежде слишкомъ расположено къ ней". „Послѣ всей нашей уступчивости", говорили мы въ январѣ, „послѣ торжественныхъ заявленій, всей тревоги въ обществѣ и даже въ массѣ народа, послѣ мобилизаціи арміи съ огромными пожертвованіями, Россія имѣетъ основаніе не удовольствоваться чѣмъ-то въ родѣ реформъ Андраши, безъ всякой матеріальной гарантіи ихъ исполненія. Мы можемъ отказываться и отказывались отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но нельзя требовать отъ насъ отказа, такъ сказать, отъ самихъ себя, отъ своего авторитета на юго-востокѣ".

Порта отвергла и тѣ низведенныя до минимума реформы, какія потребованы были отъ нея на конференціи, даже безъ всякой оккупаціи въ обезпеченіе ихъ исполненія. Между тѣмъ, наше правительство и тогда не сочло еще неизбѣжнымъ обращеніе къ самостоятельному образу дѣйствій, о необходимости котораго, въ крайнемъ случаѣ, было возвѣщено въ памятныхъ словахъ, произнесенныхъ Государемъ въ Москвѣ. „Желая испытать", какъ сказано теперь въ манифестѣ, „для убѣжденія Порты всевозможные способы соглашенія", правительство обратилось къ иностраннымъ кабинетамъ съ циркуляромъ, на который долго не было отвѣта, пока, наконецъ, новыя усилія русской дипломатіи не привели къ подписанію лондонскаго протокола, въ который были внесены самыя существенныя постановленія конференціи и которыми констатировалось еще разъ нежеланіе Россіи отступить отъ согласныхъ дѣйствій съ другими державами до тѣхъ поръ, пока оставалась еще хоть тѣнь вѣроятности, что такія согласныя дѣйствія могутъ склонить Порту къ согласію на требуемыя реформы.

Въ виду такой уступчивости русской дипломатіи, мы не прида-

вали значенія протоколу, находили его удовлетвореніемъ недостаточнымъ для Россіи, и разбирали вопросъ, не слѣдовало-ли бы или прямо начать военныя дѣйствія, или же—демобилизировать армію, по собственному почину. „Если мы готовы къ войнѣ съ Турціею",—такъ говорили мы мѣсяцъ тому назадъ,—„можемъ выносить ея издержки и хотимъ дѣйствительно понудить Порту къ существеннымъ уступкамъ въ пользу христіанъ, то армія нынѣ же можетъ вступить на турецкую территорію и ожидать *на ней* короткое время мировой сдѣлки; иначе—идти впередъ. Если это почему-либо признается неудобнымъ, въ такомъ случаѣ Россія можетъ выдти изъ нынѣшняго положенія по собственному почину, объявивъ, что сама даетъ Турціи срокъ на три года... и по прошествіи этого времени сама предоставитъ себѣ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, принять мѣры дѣйствительнаго принужденія". На эту вторую часть альтернативы мы указывали потому именно, что менѣе всего могли допускать мысль, чтобы Россія согласилась удовлетворить желаніе Англіи въ смыслѣ обязательства къ разоруженію.

Итакъ, мы всегда указывали на войну, какъ на крайнее средство,—но, признаемся, намъ всегда казалось излишнимъ предварительное исполненіе „воинственной пляски" передъ боемъ, въ соединеніи съ различными заклинаніями; все это мы предоставляли литературнымъ краснокожимъ, и за то понесли отъ нихъ упреки въ недостаткѣ патріотизма.

Теперь, когда „миролюбіе исчерпано до конца", когда мы знаемъ, что наступило время,—намъ нисколько не поздно встрѣтить съ глубокимъ и безусловнымъ сочувствіемъ конецъ томительнаго ожиданія и привѣтствовать рѣшительный призывъ къ оружію. Въ русскомъ народѣ всегда была и есть готовность, всѣми силами и не считая никакихъ жертвъ, идти къ достиженію указанной ему національной задачи. Въ этомъ народномъ духѣ—все значеніе нашей исторіи, въ немъ—основа того величія, до котораго доросла Россія; въ немъ же—залогъ ея могущества въ будущемъ.

Вся обстановка, при которой нынѣ начинается война съ Турціею, обнаруживаетъ съ одной стороны менѣе безотчетнаго увлеченія, съ другой—болѣе дѣйствительной силы, чѣмъ въ былыя эпохи. Истощивъ до крайности всѣ средства къ согласію, Россія приступаетъ безъ воинственнаго задора къ неизбѣжной войнѣ, хотя въ дѣйствительности никогда Россія не была такъ сильна и такъ готова къ войнѣ, какъ нынѣ. Никогда не было болѣе глубокаго и всеобщаго убѣжденія, что слѣдуетъ весть войну, и никогда не было менѣе притязательности въ приступѣ къ ней. Такому началу всего менѣе соотвѣтствовало бы и въ печати повтореніе погудокъ на старые лады, въ родѣ

„шапками закидаемъ" и „Воевода Пальмерстонъ". Ни общество, ни масса народа, внявшія словамъ Государя, не имѣютъ нужды въ возбужденіи и ободреніи. Долгъ печати теперь прежде всего—уяснять, насколько наше нынѣшнее положеніе фактически благопріятнѣе, чѣмъ въ прежнія двѣ войны съ Турціею, и затѣмъ—указывать на тѣ средства, на тѣ пожертвованія, какими люди, остающіеся дома, могли бы помочь своимъ братьямъ сражающимся, страдающимъ и умирающимъ за Россію. Умѣющій писать бравадные стихи, умѣетъ также, какъ всѣ, щипать корпію; пусть онъ предпочтетъ послѣднее. Банкеты съ воинственными тостами могли бы, съ великой пользою, быть замѣнены пожертвованіями въ пользу дѣла „Краснаго Креста".

Бросимъ теперь взглядъ на тѣ сравнительныя условія, среди которыхъ мы начинали и вели войны съ Турціею въ 1828—1829, 1853—1856 годахъ, и начинаемъ такую войну нынѣ. Численность нашей регулярной арміи въ 1828—1829 годахъ составляла отъ 811 до $824^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Но эти цифры выражали только списочное состояніе людей, съ которымъ, какъ всегда въ прежнее время, сильно расходилась дѣйствительность. Достаточно напомнить, что, начиная еще съ 1845 года, численный составъ регулярной арміи, по спискамъ, постоянно превышалъ цифру милліона нижнихъ чиновъ. Въ кампаніи 1828—29 годовъ дѣйствовали три пѣхотныхъ корпуса, съ одною лишнею дивизіею, кавалерійскій корпусъ, также съ одною добавочною дивизіей, и на время—еще одинъ пѣхотный корпусъ, и гвардія. Стало быть, наибольшая сила, употребленная въ дѣло въ то время, выражалась въ пѣхотѣ пятью корпусами изъ девяти, состоявшихъ въ то время, сверхъ трехъ такъ-называвшихся „отдѣльныхъ": кавказскаго, оренбургскаго и сибирскаго.

Государственные доходы представляли въ 1828 году 115,9 м. р., въ 1829 г. 116,8 м. р., а расходы—113 м. и 118,8 м. Начавъ войну, съ избыткомъ доходовъ предъ расходами въ слишкомъ $2^3/_4$ м. р., мы окончили ея съ дефицитомъ въ 2 м. р. Внѣшній заемъ на войну былъ сдѣланъ одинъ: въ 24 мил. руб., 5-ти-процентный; количество бумажныхъ денегъ въ обращеніи числилось въ $597^3/_4$ мил. руб. ассигнаціями; курсъ ассигнаціоннаго рубля былъ въ $3^1/_2$ раза менѣе серебрянаго. Желѣзныхъ дорогъ вовсе не существовало. Общественное мнѣніе, можно сказать, также не существовало, такъ какъ общество находилось въ нѣкоторомъ оцѣпенѣніи послѣ недавнихъ внутреннихъ событій и еще только вступало въ новый періодъ, не успѣвъ усвоить себѣ того настроенія, какое было создано впослѣдствіи долговременнымъ дѣйствіемъ новой системы.

Война 1828—1829 годовъ была дополненіемъ къ битвѣ навари-

ской, въ которой турецкій флотъ былъ уничтоженъ флотами Франціи, Англіи и Россіи. Оскорбительный для Россіи манифестъ, изданный вслѣдствіе того султаномъ и объявленіе имъ недѣйствительности аккерманскаго договора, побудили императора Николая объявить Турціи войну. Объявленіе послѣдовало 14 апрѣля 1828 года, съ объясненіемъ, что Россія не стремится къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ. Всего за $2^1/_2$ мѣсяца предъ тѣмъ была окончена война съ Персіею,—туркманчайскимъ договоромъ. Русскія войска перешли Прутъ 25 апрѣля, подъ начальствомъ графа Витгенштейна; составъ арміи, по спискамъ, доходилъ до 150 т. чел.; 6 іюня, взятъ былъ Браиловъ, находящійся на лѣвомъ берегу Дуная. Браиловъ былъ въ то время одною изъ турецкихъ крѣпостей на лѣвомъ берегу, обезпечивавшихъ переправу съ праваго (турецкаго) берега въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она наиболѣе удобна. Дѣло въ томъ, что Дунай представляетъ оборонительную линію, чрезвычайно благопріятную для турокъ. Онъ широкъ и быстръ, правый берегъ его почти вездѣ выше лѣваго, то-есть командуетъ тѣмъ берегомъ, съ котораго наши войска должны предпринимать переправу. Лѣвый берегъ, вдобавокъ, болотистъ, мало-доступенъ. Въ тѣхъ же пунктахъ, гдѣ онъ наиболѣе доступенъ, которые наиболѣе удобны для переправы, турки въ то время имѣли передовыя укрѣпленія, такъ-называемые теть-де-поны: Калафатъ противъ Виддина, Журжу противъ Рущука, Браиловъ и др. Послѣ войны 1828—1829 гг. укрѣпленія эти были уничтожены. Но противъ тѣхъ пунктовъ лѣваго берега, въ которыхъ онъ наиболѣе доступенъ и которые наиболѣе удобны для переправы, турки имѣютъ и нынѣ на правомъ берегу крѣпости: Виддинъ, Рахову, Никополь, Рущукъ, Силистрію и укрѣпленные города и селенія: Систовъ, Туртукай, Гирсово, Мачинъ, Исакчу и Тульчу. Удобнѣйшія мѣста для переправы: 1) Калафатъ противъ Виддина; здѣсь переправа облегчается островкомъ Маре, лежащимъ на Дунаѣ; 2) селеніе Челеи, противъ устья рѣки Искера, между Раховой и Никополемъ; 3) Журжа—противъ Рущука; 4) Ольтеница, противъ Туртукая; 5) Калярашъ, противъ Силистріи; 6) Гура-Яломица, близъ Гирсова, и 7) Браиловъ; здѣсь лѣвый берегъ на протяженіи пяти верстъ доступенъ.

По взятіи Браилова, армія переправилась чрезъ Дунай и, отдѣливъ отряды для обложенія Силистріи и Виддина, главныя силы свои устремила на ключъ второй естественной оборонительной линіи Турціи, Валканскаго хребта,—крѣпость Шумлу, и на ключъ черноморскаго прибрежья Турціи—приморскую крѣпость Варну, которая была обложена съ суши и съ моря. Въ концѣ сентября Варна была взята. На восточномъ берегу Чернаго моря, взята была Анапа, въ Малой Азіи — Карсъ. Силистрія и Шумла остались не взятыми, а

приближеніе зимняго времени побудило русскія войска возвратиться на лѣвый берегъ Дуная, оставивъ гарнизонъ въ Варнѣ. Война возобновилась слѣдующей весною. Въ концѣ апрѣля совершена была, подъ начальствомъ Дибича, вторичная переправа чрезъ Дунай у Гирсова, затѣмъ войска направились на Силистрію. Въ маѣ турецкая армія изъ Шумлы выступила противъ русскаго отряда генерала Рота, стоявшаго между Варной и Праводы; Ротъ понесъ потерю, но не отдалъ Праводы. Тогда Дибичъ, оставивъ подъ Силистріей отрядъ для наблюденія, направился въ тылъ туркамъ, угрожавшимъ Роту, и, ставъ между Шумлой и Праводы, отрѣзалъ турецкую армію отъ Шумлы. Такимъ образомъ, турки, принужденные принять сраженіе въ открытомъ полѣ, при Кулерджи, 31 мая, были совершенно разбиты. Силистрія сдалась 18 іюня, а Дибичъ стянулъ къ себѣ русскія войска оттуда и направилъ отрядъ противъ Шумлы, но самъ съ главными силами миновалъ ее и, пройдя чрезъ Балканы, неожиданно появился, 7 августа, близъ Адріанополя. Стоявшій въ Адріанополѣ турецкій отрядъ отступилъ, и русскіе безъ боя заняли, 18 августа, Адріанополь. Но громадна была потеря въ нашихъ войскахъ отъ болѣзней. Изъ 150 т. чел., съ которыми онъ началъ кампанію, Дибичъ привелъ въ Адріанополь только 30 т. Въ Азіи въ эту кампанію Паскевичъ взялъ Эрзерумъ. Естественно, что съ 30-ти-тысячнымъ войскомъ нельзя было помышлять о взятіи Константинополя, хотя Дибичъ и находился отъ него всего въ четырехъ переходахъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, силы Дибича были еще незначительнѣе. Поэтому наше правительство приняло услуги Пруссіи, взявшейся склонить султана къ миру. Адріанопольскій миръ, заключенный 2 сентября, далъ Россіи острова въ устьѣ Дуная, а въ Азіи — Поти, Анапу, Ахалцыхъ, Ахалкалаки и др. Условія аккерманскаго мира были возобновлены въ отношеніи Молдавіи, Валахіи и Сербіи, съ дарованіемъ имъ болѣе самостоятельнаго устройства, а по отношенію къ Греціи, Порта признала договоры Франціи, Англіи и Россіи 1827 и 1829 гг., по которымъ Греція должна была пріобрѣсть самостоятельность, на вассальномъ правѣ.

Сравнительно съ тѣми жертвами, какихъ намъ стоила война 1828—1829 годовъ, можно сказать, что результаты ея не были достаточны; можно было извлечь изъ огромнаго военнаго успѣха болѣе практической пользы въ смыслѣ улучшенія участи турецкихъ христіанъ. Но не слѣдуетъ забывать, что въ то время, да и еще гораздо позднѣе, мысль ограниченія правъ султана надъ его христіанскими подданными вовсе не казалась столь естественною, какъ она представляется теперь всѣмъ.

Въ началѣ войны 1853—56 гг. въ регулярной арміи состояло но

спискамъ 1 м. 123½ т. чел., а въ 1855 году числилось уже 1½ милл. Если къ послѣдней цифрѣ прибавить 239½ т. чел. войскъ иррегулярныхъ, то можно, пожалуй, подумать, что тогдашняя армія превышала ту, какою Россія можетъ располагать въ настоящее время. А между тѣмъ, въ самый разгаръ войны у насъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Крыму, въ 1855 г. не было болѣе 150 т. чел., т.-е. могло быть сосредоточено немного болѣе двѣнадцатой части всего списочнаго состава. Достаточно сказать, что изъ 1½ милл. списочнаго состоянія оказывалось даже по штатному комплекту войскъ дѣйствующихъ только одна треть, а именно до 500 т. регулярныхъ и 40 тысячъ казаковъ. Между тѣмъ, громадное число людей, затерянныхъ въ мѣстныхъ командахъ и нестроевой службѣ, обременяло страну размѣромъ наборовъ, а бюджетъ—расходами на содержаніе. При началѣ войны на Дунай были двинуты 3 корпуса съ дивизіею, на Кавказѣ находился отдѣльный корпусъ, усиленный 2-мя дивизіями, въ Крыму были поставлены всего 2½ дивизіи, 1 дивизія въ Финляндіи, 2 дивизіи на балтійскомъ прибрежьѣ, всего 4 дивизіи въ царствѣ польскомъ, 2 дивизіи въ Петербургѣ и двѣ дивизіи оставались, въ видѣ общаго резерва, въ Новгородѣ. Таково было распредѣленіе войскъ дѣйствующихъ. Ихъ вездѣ, кромѣ на Дунаѣ, оказывалось недостаточно: 4-хъ дивизій въ Польшѣ было, очевидно, мало; а 2½ дивизіи въ Крыму, который скоро сдѣлался центромъ войны, было также мало; на дѣлѣ же въ Крыму было въ іюнѣ 1854 года всего 25 т. чел., и затѣмъ въ самомъ сраженіи при Альмѣ, чрезъ три мѣсяца, было всего 35 т. чел., изъ которыхъ до 6-ти т. чел. выбыли изъ строя въ этомъ первомъ же дѣлѣ. На Кавказѣ недостаточность войскъ ощущалась въ такой мѣрѣ, что князь Воронцовъ отзывался, что не можетъ выставить въ поле болѣе четырехъ батальоновъ.

Оказывалось, что опредѣленныхъ по штатамъ резервныхъ и запасныхъ частей было слишкомъ недостаточно; самые кадры для нихъ были слишкомъ слабы (по 1 офицеру, по нѣскольку унтеръ-офицеровъ и 16 или 8 рядовыхъ на каждый батальонъ или эскадронъ) и число кадровъ было недостаточно, явилась необходимость формированія частей совершенно наново, а затѣмъ и созывъ ополченія. При этомъ, такія новыя части получали различныя назначенія: нѣкоторыя оставались для гарнизонной службы, а нѣкоторыя (въ томъ числѣ и нѣкоторыя ополченскія дружины) были прямо посланы въ дѣйствующую армію, едва умѣя взять ружье въ руки. Оказалось, что вся военная организація, существовавшая до войны, уступила мѣсто комбинаціямъ случайнымъ. Корпуса, содержавшіеся въ мирное время, были раздроблены, дѣйствующія войска смѣшались съ резервными и

ополченіями. Вооруженіе было неудовлетворительно. Иностранная пѣхота имѣла ружья ударныя (пистонныя), а частью уже и нарѣзныя. Наша пѣхота нарѣзныхъ ружей вовсе не имѣла, а часть ея была вооружена еще кремневыми ружьями. Въ порохѣ былъ большой недостатокъ. Наконецъ, относительно боевого образованія, приведемъ отзывъ историка, генерала Богдановича: „обученіе пѣхоты ограничивалось чистотою и изяществомъ ружейныхъ пріемовъ, точностью пальбы залпами. Маневры, производимые въ мирное время, были эффектны, но мало поучительны. Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно и зависѣло отъ бо́льшаго или меньшаго довольства мѣстныхъ жителей". Массу войскъ составляло крѣпостное крестьянство, поступавшее изъ крѣпостной зависимости въ кабалу 25-тилѣтней военной службы, съ тогдашними, крайне тяжкими ея условіями.

Финансовыя средства при началѣ восточной войны вдвое превосходили средства, какими располагало правительство въ 1828 году; но въ дѣйствительности финансовое положеніе было гораздо менѣе благопріятно. Въ 1853 году на 261,9 м. р. доходовъ приходилось 313 м. расходовъ; въ 1854 г. на 260½ м. доходовъ—383,7 м. расходовъ; въ 1855 и 1856 годахъ цифры эти возросли: доходовъ—до 264 м. и 353½ м. р., а расходовъ—до 525,9 м. и 619½ м. р. Неподвижность, непроизводительность,—вотъ чѣмъ характеризовалась та эпоха во всѣхъ отношеніяхъ. Возросшее съ тѣхъ поръ поколѣніе, привыкшее къ быстрому развитію во всѣхъ сферахъ государственной и народной жизни, а въ томъ числѣ и въ сферѣ производительныхъ силъ страны, привыкшее видѣть ежегодное возрастаніе доходовъ милліоновъ на 20 и болѣе, не можетъ себѣ и представить тогдашнихъ застоя, неподвижности, непроизводительности, отсутствія всякой эластичности во всемъ, а въ томъ числѣ и въ доходахъ государства. Въ годы войны 1854 и 1855 цифра доходовъ возрастала ежегодно всего на 1½ и на 3¾ мил. руб. Передъ тѣмъ, въ 1849 году доходы упали на 11 м. р., и въ 1850 г. всего на 3 м. р. превышали доходъ 1848 г. Затѣмъ, въ 1852 году они вдругъ поднялись-было на 23 м. р., но на слѣдующій же годъ, прошедшій почти весь безъ войны, возрастаніе сказывалось уже только въ 13 м. р., а въ самые годы войны, какъ уже показано, доходы представлялись незначительными. Возрастаніе усилилось вновь до 9 м. р. только въ 1856 году, котораго бо́льшая часть протекла уже по заключеніи мира. За этимъ былъ рядъ колебаній: паденія и возвышенія, но всегда въ большихъ размѣрахъ, пока не началось, наконецъ, съ 1867 года правильное возрастаніе.

Дефициты годовъ войны были громадны. Но они были особенно тяжки для страны потому, что самой войнѣ предшествовалъ непрерывный рядъ дефицитовъ въ продолженіи 21 года, причемъ дефициты

годовъ ближайшихъ къ 1853 представляли цифры отъ 32 до 62 милліоновъ. Вотъ какъ неудовлетворительна была финансовая подготовка къ той восточной войнѣ. Въ годы войны явились дефициты въ 123 м. р., 261³/₄ м. р. и 265³/₄. Внѣшнихъ займовъ въ теченіи войны было заключено только два, въ 50 м. р. каждый, по 5%. Но обоихъ ихъ вмѣстѣ было бы недостаточно для покрытія перваго же военнаго дефицита 1854 года. Само собою разумѣется, что главнымъ источникомъ для удовлетворенія чрезвычайныхъ нуждъ казначейства явилось бумажное обращеніе. Въ 1852 году кредитныхъ билетовъ было въ обращеніи на 311½ м. р., при размѣнномъ фондѣ въ 146³/₄ м. По окончаніи разсчетовъ за войну, въ 1857 году, кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 735¼ м. р., при размѣнномъ фондѣ въ 141 м. р. Всѣ эти средства еще не покрыли бы суммы громадныхъ военныхъ дефицитовъ, если бы къ средствамъ двухъ займовъ процентныхъ и увеличенію бумажно-денежнаго обращенія не присоединились въ 1857 году заключеніе новаго внѣшняго займа въ 7 м. фунтовъ стерл. и громадное сокращеніе цифры расходовъ (съ 619½ до 347³/₄ мил. руб.). Естественно, что, съ увеличеніемъ въ теченіи всего 3-хъ лѣтъ бумажно-денежнаго обращенія на почти 379 мил. руб. и одновременнымъ сокращеніемъ размѣннаго фонда до 16% суммы этого обращенія, сдѣлался невозможнымъ размѣнъ, кредитные билеты сохраняли свою цѣнность только номинально, вслѣдствіе обязательнаго курса, но за то цѣны на всѣ предметы быстро возросли. Короче, произошли тѣ послѣдствія, отъ которыхъ мы не избавились и до сихъ поръ, несмотря на 21-лѣтній миръ.

Желѣзныхъ дорогъ не было, кромѣ той, которая соединяла обѣ столицы. А такъ какъ петербургскія войска не были отправлены на югъ, то и эта дорога не много облегчила передвиженіе войскъ. Понятно, что о быстромъ сосредоточеніи войскъ въ Крыму и своевременномъ пополненіи убыли не могло быть и рѣчи, хотя бы и отправлялись на войну части наново сформированныя и ополченіе. Отсутствіе желѣзныхъ дорогъ отзывалось тяжкими послѣдствіями и въ снабженіяхъ войскъ. Отсюда недостатокъ, ощущавшійся въ Севастополѣ во всемъ, а передъ его паденіемъ — даже въ боевыхъ снарядахъ, между тѣмъ какъ непріятель пользовался для своихъ передвиженій и снабженій моремъ, имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе 300 англійскихъ и французскихъ транспортныхъ судовъ.

Россія того времени, вступившая въ борьбу съ четырьмя государствами, во главѣ которыхъ находились богатѣйшія страны Европы—Англія и Франція, была страна не только бѣдная сравнительно съ ними, но и не снявшая съ себя еще тѣхъ тяжкихъ путъ, которыми устранялась всякая возможность ея развитія экономическаго и

нравственнаго. Это была Россія крѣпостная и откупная; главнымъ условіемъ народнаго быта въ ней была не свобода труда и просторъ для его развитія; хозяйственное положеніе массы было основано на минимумѣ того, что́ нужно человѣку, чтобы поддерживать въ немъ рабочую силу. Развитію промышленныхъ компаній не благопріятствовали господствовавшіе взгляды, а кредитъ былъ невозможенъ, вслѣдствіе неудовлетворительнаго устройства судовъ. Сдавленныя всѣмъ строемъ жизни, лучшія стремленія, чувства самостоятельности, достоинства—какъ-бы заглохли въ массѣ общества. Подчиненность и безмолвіе были единственными добродѣтелями, которымъ оказывалось поощреніе и которыхъ признавалась законность. Съ такими свойствами вполнѣ уживались лихоимство и казнокрадство. Нажива на казенный счетъ рѣшительно вошла въ общій обычай. Малочисленные кружкі, сохранившіе въ себѣ свѣтильникъ чистыхъ народныхъ стремленій, сознаніе великой неправды, тяготѣвшей надъ народомъ и фальши декоративнаго, внѣшняго величія, оставались безъ всякаго вліянія на ходъ дѣлъ, хотя не безъ большого вліянія на умы возраставшей молодежи. Ее неудержимо влекла къ нимъ потребность жизни, предчувствіе будущности. Но для массы практическихъ дѣятелей во всѣхъ сферахъ администраціи, суда, торговли и военнаго дѣла, тѣ кружкі оставались совершенно—чуждыми, даже неизвѣстными. Ихъ отдѣляла отъ нея та грань недоброжелательства, подозрительности, а вмѣстѣ высокомѣрнаго презрѣнія, которой были окружены люди, къ нимъ принадлежавшіе. Масса общества успѣла уже отлиться въ новую форму, проникласъ своего рода цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, которое можно было назвать утилитарнымъ квіетизмомъ. Масса общества въ самомъ дѣлѣ проникласъ убѣжденіемъ, что все, кромѣ успѣховъ и наживы на службѣ, карьеры и раздобрѣнія—пустяки, или по меньшей мѣрѣ—„не наше дѣло".

А между тѣмъ, зловредныя свойства, выросшія какъ плевелы среди колосьевъ, „подчиненности и безмолвія", испортили всю жатву, подточили самую военную силу, на созданіе которой было обращено все вниманіе. Генералъ Богдановичъ, въ своемъ превосходномъ описаніи восточной войны, приводитъ, между прочимъ, слѣдующіе факты о санитарной части въ крымской арміи: „продовольствіе было весьма достаточно, но, къ сожалѣнію, больные не всегда имъ пользовались, частью по винѣ офицеровъ и чиновниковъ, сопровождавшихъ транспорты, частью же по мѣстнымъ обстоятельствамъ, затруднявшимъ правильное снабженіе. Нерѣдко случалось, что больные терпѣли недостатокъ не только въ горячей пищѣ, но даже въ хлѣбѣ. Въ одномъ изъ транспортовъ, прибывшихъ въ Херсонъ, супъ раздавался только на первой станціи отъ Севастополя, а въ остальные дни больнымъ отпу-

скалось по 10-ти коп. на человѣка, на что можно было купить только три фунта черного хлѣба. Въ другомъ транспортѣ, прибывшемъ весною 1855 года въ Перекопъ, вмѣсто положенной порціи сбитня, отпускалось по 4½ крышки водки, а пища готовилась такая, что больные отъ нея отказывались и покупали на свой счетъ булки; тѣ же, у которыхъ не было денегъ, питались одними сухарями. Въ ноябрѣ 1855 года, больные одного изъ транспортовъ, проходившихъ чрезъ Екатеринославъ, объявили при опросѣ, что они въ послѣдніе два дня не получали хлѣба и что на всемъ пути отъ Симферополя мясо имъ отпускалось въ уменьшенномъ количествѣ. Въ столь же прискорбномъ состояніи находились транспорты съ больными и ранеными и въ отношеніи врачебной помощи. Не было ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ въ достаточномъ количествѣ; медиковъ при транспортахъ состояло по одному на нѣсколько сотъ человѣкъ, а госпитальной прислуги почти вовсе не было; случалось даже, что при значительномъ числѣ больныхъ не имѣлось ни чиновниковъ, ни врачей..... Одинъ изъ свидѣтелей тѣхъ ужасовъ, которые представляла госпитальная часть нашей арміи въ восточную войну, говоритъ: не внѣшній врагъ насъ побѣдилъ, а внутренній—наши безпорядки, неурядицы и отчасти равнодушіе общества къ общему дѣлу". Но развѣ, замѣтимъ мы, и можно было ожидать иного отъ общества, которое, самымъ послѣдовательнымъ и бдительнымъ образомъ, было воспитано въ понятіи, что „общее дѣло" — не наше дѣло, что „общее дѣло"—дѣло начальства, что не только стараться для какого-либо „общаго дѣла", но даже и думать о немъ предосудительно и едва ли даже не преступно.

Общественное мнѣніе того времени—если исключить тѣ кружки, о которыхъ говорено выше, и въ которыхъ восточная война вызвала тяжкія думы о неминуемыхъ бѣдствіяхъ — было именно таково, что оно должно было встрѣтить объявленіе войны, какъ и всякое распоряженіе начальства, внѣшнимъ удовольствіемъ, выраженіемъ слѣпой самоувѣренности подчиненнаго, непривыкшаго, чтобы начальство когда-либо оказалось неправымъ, а вмѣстѣ — полнымъ невѣдѣніемъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, о соотношеніи нашихъ силъ съ силами непріятеля, и внутреннимъ равнодушіемъ, отсутствіемъ потребности принять участіе въ національномъ дѣлѣ. Каковы бы ни были поводы, послужившіе для начала восточной войны, разъ война была объявлена, она становилась дѣломъ національнымъ и должна была вызвать нѣчто болѣе, чѣмъ пассивную готовность къ жертвамъ, требуемымъ начальствомъ, тѣмъ болѣе, что такія жертвы ложились главнымъ образомъ не на образованное общество, конечно. Достовѣренъ разсказъ о томъ богачѣ, который, проживая въ Парижѣ, „по-

вергъ все свое состояніе и самую жизнь", но затѣмъ не безъ особыхъ настояній со стороны былъ принужденъ возвратиться въ Россію, а пожертвованія никакого на дѣлѣ не дѣлалъ, такъ что ему наконецъ было формально опредѣлено сколько онъ жертвуетъ, и какихъ видахъ, и на какое время.

Манифестъ о занятіи княжествъ Молдавіи и Валахіи послѣдовалъ 14 (26) іюня 1853 года. По мысли самого правительства это еще не означало войны. Цѣль занятія княжествъ выражена опредѣлительно въ запискѣ, хранящейся въ главномъ военномъ архивѣ, такимъ образомъ: „по полученіи окончательнаго отказа Порты въ принятіи нашихъ условій, переправить чрезъ Прутъ войска на молдавской границѣ собираемыя и занять Дунайскія Княжества, не объявляя войны, но объяснивъ, что войска наши займутъ эти области *въ залогъ*, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливыхъ требованій Россіи".

Мы не намѣрены дѣлать хотя бы краткаго очерка хода восточной войны, но укажемъ только на нѣсколько главныхъ фактовъ, а прежде всего — на дѣйствія русскихъ войскъ въ придунайскомъ краѣ, такъ какъ это представляетъ наибольшій интересъ въ настоящее время. Авангардъ русской арміи переправился 21 іюня (3 іюля) чрезъ Прутъ у Леова и пошелъ въ Бухарестъ, а главныя силы перешли Прутъ между 21 іюня и 4 іюля у Скулянъ и Леова, и направились чрезъ Яссы и Берладъ къ Текучу, а часть одной дивизіи расположилась на нижнемъ Дунаѣ, у Рени, Измаила и Киліи. Въ концѣ сентября, войска были расположены у Бухареста, гдѣ была и главная квартира кн. Горчакова. Войскъ у него было, за отдѣленіемъ части одной дивизіи на низовья Дуная, и за убылью больныхъ, всего до 55 т. чел., а турецкихъ войскъ на правомъ берегу Дуная было 120—130 т. чел.; около половины ихъ находились въ Шумлѣ и Адріанополѣ, остальныя на самомъ Дунаѣ, отъ Виддина до устья. Но изъ всѣхъ этихъ войскъ въ то время только меньшую половину составляли регулярныя войска (низамъ) а бо́льшую—ополченія (редифъ).

Собственно военныя дѣйствія начались только 11 октября, то-есть болѣе чѣмъ чрезъ три мѣсяца послѣ перехода черезъ Прутъ. Это зависѣло оттого, что княжества были заняты только въ видѣ залога, а наступательныхъ дѣйствій сперва не предполагалось. Русскимъ отрядамъ, расположеннымъ по Дунаю, было положительно запрещено пытаться перейти на правый берегъ. Турецкій главнокомандующій Омеръ-паша 27-го сентября обратился къ кн. Горчакову съ требованіемъ объ очищеніи княжествъ въ 15-ти-дневный срокъ, и, получивъ отказъ, наканунѣ срока открылъ первый огонь по нашимъ пикетамъ. Первое дѣйствіе съ нашей стороны было успѣшное движеніе отъ Измаила къ Галацу по Дунаю, мимо турецкаго укрѣпленія Исакчи,

двухъ русскихъ пароходовъ съ 8-ю канонерками, 11-го октября, причемъ были уже потери съ обѣихъ сторонъ. Подъ прикрытіемъ густыхъ осеннихъ тумановъ, турки стали переправляться небольшими партіями на нашъ лѣвый берегъ Дуная и нападали на аванпосты. Но сильный турецкій отрядъ, стоявшій на островѣ противъ Виддина, въ половинѣ октября переправился на лѣвый берегъ и занялъ Калафатъ, откуда стали уже появляться на разныхъ дорогахъ въ Краіово турецкіе отряды всѣхъ родовъ войскъ. Какимъ образомъ произошло, что кн. Горчаковъ, котораго ген. Богдановичъ упрекаетъ за излишнее дробленіе войскъ, имѣвшее цѣлью именно наблюденіе за всей линіей Дуная, допустилъ сильный турецкій отрядъ переправиться въ Калафатъ и утвердиться въ немъ — это въ сочиненіи, съ которымъ мы справляемся, остается безъ разъясненія. Мы знаемъ только съ одной стороны, что кн. Горчаковъ желалъ предупредить возможность перехода турокъ чрезъ Дунай и отдалъ приказаніе: „при первой попыткѣ переправиться чрезъ Дунай стараться атаковать его во время самой переправы"; съ другой—что туркамъ удалось безъ всякаго сопротивленія совершить переправу въ Калафатъ и занять тамъ позицію, которая впослѣдствіи сдѣлалась ключомъ всей войны на Дунаѣ.

Турки переправились на лѣвый берегъ еще у Туртукая и заняли селеніе Ольтеницу, при которомъ и произошло первое, безплодное сраженіе 23-го октября. Наши войска уже овладѣли частью непріятельской позиціи, но были отозваны назадъ, въ предположеніи, что имъ все равно не удалось бы удержаться на ней подъ огнемъ турецкихъ батарей праваго берега, хотя такое соображеніе, конечно, умѣстнѣе было бы передъ началомъ дѣла, въ которомъ наша потеря была до тысячи человѣкъ. Въ западной Европѣ сраженіе при Ольтеницѣ было прославлено какъ побѣда Омера-паши. Впослѣдствіи, турки, впрочемъ, сами оставили позицію на лѣвомъ берегу противъ Туртукая и возвратились на правый берегъ, вѣроятно вслѣдствіе усиленія русскихъ войскъ, направленныхъ противъ этой позиціи. Но въ Калафатѣ они остались. Противъ Рущука турки также показали-было видъ, что намѣрены перейти на лѣвый берегъ. Они заняли островъ Маканъ, но были прогнаны оттуда. Они сосредоточили войска у Калафата.

Между тѣмъ, 8-го октября, то-есть еще до перваго выстрѣла на Дунаѣ, англо-французской эскадрѣ отдано было приказаніе вступить въ Босфоръ, а 27-го октября она появилась у входа въ Черное море. Значительная турецкая эскадра вышла изъ Босфора въ Черное море, но, встрѣченная бурею, укрылась въ Синопѣ. Нахимовъ, крейсировавшій у береговъ Анатоліи, 18-го (30-го) ноября, атаковалъ ее и уничтожилъ.

Въ Калафатѣ, въ концѣ ноября, турки имѣли до 20 тыс. чел. и явно было, что они намѣрены были дѣйствовать наступательно со стороны Калафата; вслѣдствіе того усилены были наши войска въ Малой Валахіи, въ Краіовѣ, но движеніе войскъ потребовало много времени, до двадцатыхъ чиселъ декабря; а тогда Омеръ-паша собралъ въ Виддинѣ до 40 тыс. чел., считая и тѣ, которыя стояли въ Калафатѣ, и, чтобы предупредить усиленіе русскихъ войскъ въ Малой Валахіи, предписалъ сдѣлать нападеніе на передовой нашъ отрядъ у Четати; здѣсь произошло блистательное для нашихъ войскъ дѣло; малочисленный отрядъ, котораго бо̀льшая часть осталась на мѣстѣ, устоялъ противъ большихъ силъ, и, получивъ подкрѣпленіе, отбилъ ихъ. Январь и февраль прошли въ передвиженіяхъ нашихъ войскъ для усиленія мало-валахскаго отряда и въ разныхъ военныхъ экскурсіяхъ турокъ изъ Калафата.

Между тѣмъ, наступательныя наши дѣйствія предположено было начать не съ Калафата и Виддина, но гораздо ниже по Дунаю, вдоль морского берега. Хотя путь въ Турцію отъ Виддина удобнѣе и представляетъ возможность войти въ сношеніе съ сербами, но онъ былъ признанъ неудобнымъ уже потому, что дѣйствіе русскихъ войскъ въ согласіи съ сербами и вблизи австрійской границы могло возбудить неудовольствіе Австріи, а между тѣмъ путь вдоль морского берега представляетъ болѣе удобствъ для снабженія арміи, пользуясь моремъ, болѣе краток, и въ 1829 году по немъ русскія войска быстро перешли за Балканы.

Военныя дѣйствія со стороны Кавказа начались въ ноябрѣ 1853 года, и скоро увѣнчались побѣдами при Ахалцыхѣ и Башъ-Кадыкларѣ. Въ февралѣ же 1854 года западныя державы потребовали отъ русскаго правительства, чтобы оно вывело свои войска изъ дунайскихъ княжествъ къ 30-му апрѣля, предваряя, что неисполненіе будетъ сочтено объявленіемъ войны; вѣнскій и берлинскій кабинеты согласились поддерживать это требованіе. Затѣмъ состоялся англо-французскій союзъ и появился манифестъ нашего правительства о войнѣ съ Англіею и Франціею, оканчивавшійся словами: „за вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто же на ны!“

Въ концѣ февраля 1854 года въ нашей дунайской арміи было уже 150 тыс. чел. При возобновленіи кампаніи имѣлись въ виду разные пункты для переправы черезъ Дунай; между прочимъ, помышляли и о Виддинѣ, но остановились, наконецъ, все-таки на выборѣ пунктовъ гораздо болѣе близкихъ къ морю: Браилова и Галаца, такъ какъ между этими городами Дунай течетъ однимъ русломъ, и хотя широкъ, такъ что мостъ долженъ имѣть не менѣе 250 саженъ, а въ иныхъ мѣстахъ и 600 саженъ, но за то въ этой мѣстности лѣвый,

т.-е. нашъ берегъ, господствуетъ надъ правымъ, между тѣмъ, какъ у Виддина правый берегъ выше лѣваго. Въ Измаилѣ были собраны 163 лодки и построены паромы; другія лодки и паромы были приготовлены въ Галацѣ и Браиловѣ. Всего было 350 лодокъ и 62 парома. Переправа совершена была 11-го и 12-го марта; 11-го числа переправился у Измаила отрядъ, оставленный на нижнемъ Дунаѣ.

Переправа была сдѣлана вполнѣ удачно и затѣмъ, по предначертанію самого Государя, предстояло идти на Силистрію; въ ней было не болѣе 12 тыс. турокъ. Придти къ Силистріи можно было въ 12 дней. Но между тѣмъ у морского берега уже показались англійскіе и французскіе пароходы, сдѣлавшіе мысль о пользованіи моремъ для снабженій неисполнимою; сверхъ того, кн. Горчаковъ, зная, что будетъ вскорѣ замѣщенъ кн. Паскевичемъ, не рѣшался идти на Силистрію и взять ея врасплохъ.

Такимъ образомъ, благопріятное время и было упущено. Кн. Паскевичъ даже, принявъ начальство надъ дунайскою арміею, полагалъ, что не слѣдовало предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій до полученія положительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Австріи, такъ какъ держаться въ княжествахъ, въ случаѣ войны съ нею, невозможно. Онъ даже выразилъ мнѣніе, что „можетъ быть лучше-бъ было очистить добровольно княжества, чтобы занять въ нашихъ предѣлахъ болѣе надежную позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами". Что касается дѣйствій противъ Калафата и перехода чрезъ Дунай у Виддина, то фельдмаршалъ, узнавъ, какъ неблагопріятно относилась къ тому Австрія, приказалъ нашему отряду въ Малой Валахіи отойти назадъ, къ Краіову.

Только настоятельныя приказанія побудили кн. Паскевича начать осаду Силистріи. Первые наши отряды подошли къ ней только 4-го мая. „Такимъ образомъ", замѣчаетъ ген. Богдановичъ, „было потеряно болѣе мѣсяца драгоцѣннаго времени. Этому обстоятельству должно, по всей справедливости, приписать неудачу нашихъ послѣдующихъ дѣйствій за Дунаемъ". Вслѣдъ за прибытіемъ первыхъ отрядовъ къ Силистріи, по правому берегу Дуная, была устроена еще одна переправа чрезъ Дунай, а именно у Калараша, противъ Силистріи.

Осада Силистріи продолжалась до 11 іюня. Кн. Горчаковъ, которому фельдмаршалъ сдалъ команду, воспользовался для этого первымъ согласіемъ Государя, хотя оно и было условное, то-есть разрѣшалось снять осаду только „въ такомъ случаѣ, если бы осадный корпусъ не могъ взять Силистріи, не подвергаясь опасности быть атакованнымъ превосходными силами непріятеля. Такой опасности",— прибавляетъ ген. Богдановичъ,—„не было, и даже весьма вѣроятно,

что если бы мы не потеряли напрасно цѣлый мѣсяцъ и успѣли овладѣть Силистріею въ началѣ мая, то, съ одной стороны, Австрія была бы осторожнѣе въ своихъ домогательствахъ, а съ другой—англо-французы, будучи заняты непосредственною защитою Турціи, можетъ быть, не рѣшились бы предпринять крымскую экспедицію". Но главная причина заключалась въ томъ, что Паскевичъ не былъ расположенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, опасался и Австріи, и высадки союзниковъ на своемъ флангѣ, въ Кюстенджи, а вѣрнѣе кажется сказать—опасался вообще отвѣтственности.

Читая переписку всѣхъ главнокомандующихъ того времени, на Дунаѣ и въ Крыму съ Государемъ и съ военнымъ министромъ, не только Паскевича, но и Меньшикова, и Горчакова, выносишь изъ нея то главное впечатлѣніе, что главнымъ ихъ врагомъ былъ не непріятель и даже не неурядица въ организаціи, но именно—боязнь отвѣтственности. Отличительная черта всѣхъ ихъ дѣйствій и донесеній—пессимизмъ, доходящій до безнадежности, вѣчныя колебанія и недоумѣнія, отсутствіе всякаго смѣлаго личнаго почина къ наступленію, привычка съ одной стороны прятаться за приказанія изъ Петербурга, а съ другой—оправдываться невозможностью ихъ исполненія, преувеличивать невыгодныя стороны дѣла, а потомъ ссылаться на то, что они и впередъ предвидѣли и предсказывали неуспѣхъ. Переписка, насколько она приводится ген. Богдановичемъ, да и многіе факты въ его изложеніи должны значительно измѣнить установившіеся общіе взгляды на ходъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ то время и на долю отвѣтственности отдѣльныхъ дѣятелей. Такъ, напрасно полагаютъ, что наши генералы, а въ числѣ ихъ и сами главнокомандующіе, были люди неспособные. Они дѣлали ошибки, но способность и Паскевича, и Горчакова, и Меньшикова, ярко проявляется въ нѣкоторыхъ планахъ, ими составлявшихся, но почти никогда не исполненныхъ ими до конца, почти всегда оставленныхъ на полдорогѣ къ осуществленію. Второстепенныхъ генераловъ хорошихъ было не мало. Не говоря о генералѣ Тотлебенѣ, огромной заслугѣ котораго теперь отдаетъ справедливость общественное мнѣніе и у насъ (хотя въ первые годы послѣ войны онъ пользовался гораздо бо́льшей славой за границей, чѣмъ въ Россіи), были Нахимовъ, Хрулевъ, Шильдеръ, Соймоновъ и многіе другіе замѣчательные военачальники.

Но несомнѣнно, что сверхъ основной причины тогдашняго неуспѣха—неприготовленности Россіи къ войнѣ, несоразмѣрности ея силъ съ тѣми, какія выставили и могли еще выставить далѣе наши противники, сверхъ этой основной причины—первою представлялись именно тѣ выказанныя нашими главнокомандующими качества, которыя могли бы быть сведены къ общему опредѣленію: робость предъ

отвѣтственностью. Читая предписанія Государя и замѣчанія, сдѣланныя имъ на донесеніяхъ, убѣждаешься, что въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ моментовъ онъ былъ болѣе правъ, чѣмъ тѣ люди, которые должны были руководить дѣйствіями на мѣстѣ. Но ихъ воспитаніе, та система, при которой они образовались, были именно таковы, что въ нихъ не могъ развиться духъ самостоятельной рѣшимости, твердаго, независимаго убѣжденія и мужества передъ отвѣтственностью. Они болѣе боялись Петербурга, чѣмъ соединенныхъ непріятельскихъ лагерей. Вотъ въ чемъ духъ, въ то время поощряемый и развиваемый, духъ, въ которомъ предполагался залогъ несокрушимому могуществу Россіи, оказался врагомъ, прежде всего,—ея могущества.

Итакъ, русскія войска въ іюлѣ перешли обратно на правый берегъ Дуная. Австрійскія войска въ княжества не вступали, но сосредоточивались въ Трансильваніи. За то французы и англичане еще въ апрѣлѣ высадились въ Галлиполи, откуда были въ маѣ перевезены въ Варну. Здѣсь ихъ постигла страшная холера, отъ которой они потеряли 5—10 тыс. чел. Наши же войска, въ концѣ августа, переправились на лѣвую сторону Прута, у Скулянъ. По мѣрѣ ихъ отступленія, Омеръ-паша подвигался впередъ и наконецъ вступилъ въ Бухарестъ. Но вскорѣ въ Валахію вступили австрійскія войска и, по соглашенію съ Портою, заняли княжества, а турки выступили оттуда. Такимъ образомъ, хотя концентрація австрійской арміи и послужила поводомъ къ отступленію русскихъ войскъ изъ княжествъ, но мнѣнія о томъ, достаточенъ ли былъ этотъ поводъ къ тому, чтобы отказаться отъ сдѣланныхъ усилій и успѣховъ, могутъ быть еще различны и въ настоящее время. По крайней мѣрѣ, въ сочиненіи ген. Богдановича проглядываетъ мнѣніе, что выступленіе нашихъ войскъ изъ княжествъ было, во всякомъ случаѣ, преждевременно. Въ одномъ мѣстѣ, онъ замѣчаетъ, что если бы мы „рѣшились атаковать турокъ, стоявшихъ впереди Журжи, и разбили ихъ, то австрійское правительство продолжало бы дѣйствовать медленнымъ путемъ дипломаціи и не осмѣлилось бы направить войска въ княжества, пока стояла тамъ наша армія. Но князь Горчаковъ, основываясь на преувеличенныхъ свѣдѣніяхъ и опасаясь наступленія съ одной стороны 150-ти тысячъ австрійцевъ, а съ другой—100 тыс. турокъ, сомнѣвался въ возможности отступленія за Прутъ (т.-е. возвращенія при такихъ обстоятельствахъ въ наши предѣлы) безъ значительной потери“. Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же авторъ говоритъ: „по всей вѣроятности, если бы наша армія осталась еще нѣкоторое время въ княжествахъ, то союзники были бы принуждены отсрочить экспедицію въ Крымъ и какъ вскорѣ наступила бы глубокая осень, то война могла бы принять совершенно иной оборотъ“. Замѣтимъ еще, что дѣйствія союзни-

ковъ на Балканскомъ полуостровѣ были парализованы эпидеміей. Что касается связи между высадкою союзниковъ въ Крымъ и выходомъ нашей арміи изъ княжествъ, то эту связь угадывалъ самъ Государь. Союзники, хотя они съ самаго начала имѣли въ виду Севастополь, не могли обратиться на него, пока русская армія стояла близъ Дуная. Отступленіе ея развязало имъ руки. „Пойдутъ ли за тобой союзники съ турками—сомнѣваюсь", писалъ онъ князю Горчакову послѣ снятія осады Силистріи; „скорѣе думаю, что всѣ ихъ усилія обратятся на десанты въ Крымъ или Анапу, и это не меньшее изъ всѣхъ тяжкихъ послѣдствій нашего теперешняго положенія".

Высадка союзниковъ въ Крыму, у Евпаторіи, послѣдовала 2—6 сентября; 8-го была битва при Альмѣ, съ половины сентября началась правильная осада Севастополя съ южной стороны, а 30-го августа 1855 года развалины Севастополя, послѣ геройской 11-ти-мѣсячной обороны его нашими войсками, были заняты союзниками. Дѣйствія наши въ Малой Азіи были постоянно успѣшны и увѣнчались взятіемъ графомъ Николаемъ Муравьевымъ крѣпости Карса, 16-го ноября 1855 года, со сдачею въ плѣнъ самого главнокомандующаго тамошней турецкой арміи. Парижскій трактатъ, 18 марта 1856 года, наложилъ на Россію тѣ ограниченія на Черномъ морѣ, которыя отмѣнены въ 1870 году, и о которыхъ графъ Морни впередъ говорилъ князю А. М. Горчакову въ Вѣнѣ, что „подобныя условія вообще продолжаются не долѣе, какъ обстоятельства, подавшія къ нимъ поводъ".

Теперь Россія начинаетъ войну, будучи сама не тою, какою она была въ 1828 и 1853 годахъ. Не сообщая никакихъ свѣдѣній о силахъ и расположеніи нашей арміи въ настоящее время, кромѣ тѣхъ, какія имѣются въ печатныхъ сборникахъ, доступныхъ каждому, упомянемъ только, что по спискамъ вся наша армія, въ полномъ составѣ, считая полевыя и мѣстныя, а также иррегулярныя войска, должна составить 1 милл. 825 тыс. человѣкъ, съ 3,382-мя полевыми орудіями. Но главное, конечно, не въ однѣхъ списочныхъ цифрахъ. Главное—въ томъ фактѣ, что мобилизація корпусовъ, поставленныхъ на военную ногу, вполнѣ оправдала исчисленія списковъ и совершилась необыкновенно быстро, не менѣе быстро, чѣмъ мобилизація арміи германской въ 1870 году, а именно—въ двухъ-недѣльный срокъ. При этой спѣшной мобилизаціи, въ людяхъ не только не оказалось недобора противъ ожидавшихся чиселъ, но въ общей сложности оказался даже излишекъ. Сосредоточеніе арміи въ Бессарабіи и на югѣ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, могло быть произведено въ самое короткое время. Всѣ мѣстности, на которыхъ

можетъ происходить война, какія бы она ни приняла размѣры, Дунай, Одесса, Крымъ, Кавказъ, западная граница соединены желѣзными дорогами съ центромъ государства и имѣютъ, сверхъ того, непосредственное соединеніе между собою въ линіяхъ южныхъ и западныхъ. Перенесеніе частей войскъ съ одной мѣстности на другую, сообразно обороту войны, можетъ быть теперь совершаемо съ быстротою и удобствомъ, о которыхъ не имѣлось понятія въ прежнія наши войны: тамъ, гдѣ требовались прежде мѣсяцы, теперь достаточно нѣсколькихъ дней. Громадныя разстоянія Россіи перестали быть препятствіемъ къ своевременному снабженію войскъ продовольственными, боевыми и госпитальными припасами.

Собственно регулярная армія, при полной мобилизаціи, по спискамъ должна состоять изъ около $1^1/_2$ милл. человѣкъ. Треть ея будетъ вооружена ружьями одной изъ лучшихъ извѣстныхъ доселѣ системъ—системы Бердана; но вся армія будетъ имѣть ружья скорострѣльныя. Ружей въ войскахъ и складахъ числится до двухъ милл.; патроновъ около 270-ти милл. Эти цифры, которыя мы уже приводили въ прошломъ декабрѣ, мы повторяемъ теперь для удостовѣренія, что недостатка въ средствахъ вооруженія теперь быть не можетъ; что мы не можемъ теперь нуждаться въ снарядахъ, какъ въ эпоху первой восточной войны.

Все устройство и образованіе арміи измѣнились. Русская армія состоитъ уже не изъ крѣпостныхъ, поступившихъ изъ одной кабалы въ другую, но изъ вольныхъ людей и притомъ людей всѣхъ сословій государства. Срокъ службы въ ней сократился противъ прежняго вчетверо. Новобранцы поступаютъ въ армію съ охотою, а не съ тѣмъ отчаяніемъ, которое вызывало необходимость брить рекрутамъ лбы и водить ихъ въ кандалахъ. Все, что̀ было похуже въ нравственномъ отношеніи, прежде сдавалось въ армію помѣщиками и обществами; теперь солдатъ выбираетъ жребій, и выбираетъ ихъ изъ людей самаго свѣжаго и крѣпкаго возраста. Опороченные люди въ армію вовсе не принимаются; она уже не мѣсто ссылки, но цвѣтъ народа. Всѣ условія службы нынѣ совершенно иныя: иное продовольствіе, иное обращеніе, иная система взысканій, иное обученіе. Все измѣнено съ цѣлью облегченія солдата, начиная отъ срока службы и кончая обмундированіемъ; а обученіе сведено съ цѣлей парадныхъ на цѣли практическія. Солдатъ плохо обученныхъ или и вовсе не обученныхъ стрѣльбѣ нынѣ нѣтъ. Благодаря полковымъ школамъ, войско гораздо образованнѣе, чѣмъ масса народа.

Формировать новыя части при мобилизаціи не окажется нужнымъ; всѣ части имѣются на лицо. Правда, что при этомъ каждая изъ нихъ, въ отдѣльности, малочисленнѣе, чѣмъ была прежде. Но

этотъ недостатокъ—представляющійся только при тактическихъ соображеніяхъ и устранимый соотвѣтственнымъ исчисленіемъ—вознаграждается съ избыткомъ тѣмъ, что не придется создавать на-ново части и собирать ихъ потомъ въ такіе отряды и арміи, которыя не имѣли никакой однородности. Этотъ послѣдній недостатокъ имѣлъ огромное значеніе въ смыслѣ стратегическомъ, такъ какъ командующій не могъ одинаково разсчитывать на весь составъ своего войска, не могъ знать съ достовѣрностью, что̀ съ нимъ можно предпринять и чего нельзя.

Обращаясь къ нашему финансовому положенію, замѣчаемъ, что цифра нашихъ доходовъ въ сравненіи съ 1828 годомъ упятерилась, а въ сравненіи съ 1853 болѣе чѣмъ удвоилась. Бюджетъ 1877 года сведенъ на балансѣ въ 570¾ милл. р. Конечно, соотвѣтственно съ доходами, возросли и расходы. Но вмѣсто ряда ежегодныхъ дефицитовъ милліоновъ въ 32—62, который предшествовалъ 1853 году, мы за послѣдніе годы имѣемъ почти непрерывный радъ небольшихъ превышеній дохода предъ расходами; за послѣдніе же два контрольныхъ года, т.-е. 1874 и 1875, превышеніе въ доходахъ предъ расходами выразилось въ цифрахъ 14⅖ милл. р. и 33¼ милл. р.

Кредитъ нашъ находится въ положеніи не менѣе удовлетворительномъ, чѣмъ въ 1828 и 1853 годахъ. Правда, доселѣ намъ не удалось заключить внѣшняго займа, но вѣдь это зависѣло, конечно, отъ тѣхъ условій, далѣе которыхъ мы сами не хотѣли идти. Во всякомъ случаѣ, послѣдній нашъ внѣшній заемъ былъ сдѣланъ за 4½ процента, чего не было до 1832 года, ни съ 1854 года. Только въ промежутки между этими двумя годами были заключены внѣшніе займы менѣе, чѣмъ за 5%, а именно за 4 и 4¼. Замѣтимъ еще, по поводу того, что доселѣ не сдѣлано внѣшняго займа на войну, что и въ восточную войну первый внѣшній заемъ былъ сдѣланъ не ранѣе 1854 года, то-есть послѣ открытія военныхъ дѣйствій.

Что касается состоянія долга внутренняго безпроцентнаго, то изъ свѣдѣній о состояніи счетовъ государственнаго банка къ началу войны, а именно къ 1-му минувшаго апрѣля, мы видимъ, что кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на сумму 734.772,025 р. (если не считать 38 милл. кред. рублей, временно выпущенныхъ на подкрѣпленіе конторъ и отдѣленій банка, или 28 м. р., за вычетомъ изъ первой цифры 10 милл. р. капитала конторъ и отдѣленій), а размѣнный фондъ составлялъ 180.085,802 рубля. Отношеніе это гораздо менѣе благопріятно, чѣмъ бывшее въ 1853 году и показанное выше. Въ то время итогъ бумажно-денежнаго обращенія немногимъ превышалъ двойную сумму размѣннаго фонда и потому существовалъ размѣнъ, а кредитный рубль стоялъ на пàри. Теперь бумажное обра-

щеніе превышаетъ наличность фонда болѣе чѣмъ вчетверо и размѣна нѣтъ, а полуимперіалъ стóитъ (петерб. биржа 15 апрѣля) 7 р. 57 к., то-есть на металлическій рубль есть лажъ въ 48 коп., совершенно такой, какой былъ въ 1807 году. Въ этихъ фактахъ вина не нашего времени; ассигнаціонная масса и отсутствіе размѣна, это — все еще послѣдствія именно войны 1853—56 гг., отъ которыхъ мы еще не успѣли освободиться. Но дѣйствіе фактовъ отъ этого нисколько не измѣняется. Хотя нынѣшній размѣръ бумажно-денежнаго обращенія и унаслѣдованъ нами отъ восточной войны и представляетъ цифру только на полмилліона рублей меньшую, чѣмъ та, какая была въ 1857 году, но она все-таки показываетъ, что теперь мы не можемъ увеличить этого обращенія въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это было сдѣлано въ то время, то-есть выпустить вновь кредитныхъ денегъ на 379 милл. рублей. Лажъ въ 48 к. на металлическій рубль не даромъ напоминаетъ намъ о 1807 годѣ, за которымъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія выпусковъ послѣдовало паденіе кредитнаго рубля уже въ совсѣмъ иныхъ размѣрахъ. Уже въ 1809 г. металлическій рубль стóилъ 2 р. 24 к., а потомъ, какъ извѣстно, доходилъ почти до 4 р.

Излишне было бы слишкомъ настаивать на этомъ обстоятельствѣ, которое, какъ оно ни серьёзно, можетъ не оказать никакого ощутительнаго дѣйствія, если мы будемъ весть войну, какъ теперь, только съ одною Турціей, и если въ отношеніи выпусковъ кредитныхъ денегъ будетъ, какъ мы въ томъ увѣрены, соблюдена осторожность. Имѣвъ къ 1 января нынѣшняго года, какъ намъ показываетъ контрольный отчетъ, совершенно свободныхъ остатковъ, образовавшихся отъ избытка доходовъ, слишкомъ сорокъ милліоновъ рублей, и сдѣлавъ внутренній заемъ въ 92 милл. р., мы могли быть въ состояніи покрыть первыя издержки военнаго времени и безъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. И дѣйствительно, въ балансахъ государственнаго банка за послѣдніе четыре мѣсяца не только не оказывается увеличенія кредитнаго обращенія, но, наоборотъ, замѣчается даже нѣкоторое уменьшеніе его. Къ 22 ноября оно составляло 735.222,025 р. (сумма кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ на подкрѣпленіе отдѣленій, составляла въ то время еще 45½ милл. р.), а къ 1 апрѣля — какъ уже сказано — 734.772,025 р.; металлическій фондъ за это время уменьшился на около 450 т. р. Въ дополненіе къ наличнымъ ресурсамъ, остаткамъ и внутренему займу можетъ быть сдѣланъ, когда потребуется, заемъ внѣшній.

Что онъ возможенъ и даже не на особенно обременительныхъ— по обстоятельствамъ военнаго времени—условіяхъ, въ этомъ ручаются намъ весьма солидныя соображенія. Европейскій финансовый міръ

привыкъ къ безусловно-добросовѣстному, неукоснительному, исполненію Россіею ея финансовыхъ обязательствъ. Никогда не было не только затрудненія, но и сомнѣнія въ своевременной оплатѣ хотя бы одного купона русскихъ облигацій. Кредитъ значитъ довѣріе, а для полнаго довѣрія финансоваго міра къ Россіи есть всѣ данныя. И дѣйствительно, объявленіе войны дало блистательный биржевой результатъ въ отношеніи нашихъ фондовъ. Тѣ изъ нихъ, которые преднонитаются спекуляціею, не только не упали, но возросли въ цѣнѣ по объявленіи войны. Сравнивая биржевые бюллетени за двѣ недѣли, раздѣляемыя объявленіемъ войны, мы находимъ, что первый выигрышный заемъ, который подъ вліяніемъ страха спекуляціи передъ войною упалъ до 166 р., впослѣдствіи поднялся вновь до 176 р., когда выяснилось, что война вовсе не вызвала такого паденія русскихъ фондовъ заграницею, какого наши спекулянты опасались. Наши 5% консолидированныя бумаги и теперь (биржа 15 апр.) стоятъ выше пàри (102¾), то-есть всего на 1¼ процента уступаютъ пятипроцентнымъ же французскимъ, несмотря на то, что во Франціи золота нéкуда дѣвать, а у насъ оно съ сильной преміей, и что въ Парижѣ дисконтъ 2%, а въ Петербургѣ 6%.

Стало быть, не надо преувеличивать себѣ опасеній по поводу положенія нашей валюты (курсъ рубля на Парижъ 270 сант.). Рессурсы въ кредитѣ заграницею мы можемъ сохранить, несмотря на это обстоятельство, если только будетъ соблюдена осторожность въ отношеніи пользованія системой внутренняго безпроцентнаго кредита. Впрочемъ, осторожность, какъ извѣстно, составляетъ характеристическую черту исчисленій нашего нынѣшняго министерства финансовъ. Она представляется качествомъ тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ нынѣ, по сравненію съ эпохами 1828 и 1853 годовъ, что на казначействѣ лежитъ не только совсѣмъ иная сумма прямыхъ государственныхъ долговъ, чѣмъ та, какая соотвѣтствовала прежнимъ временамъ, но еще и иныя, большія обязательства.

Выводъ изъ этого сравнительнаго финансоваго очерка явствуетъ самъ собою: наличныхъ рессурсовъ у насъ нынѣ гораздо болѣе, чѣмъ было въ 1853 году, и рискъ нынѣшняго положенія больше,— стало быть, будетъ болѣе и осторожности, а съ нею мы можемъ выдти изъ финансовыхъ тягостей, какія неизбѣжно налагаются войной, не только безъ какого-либо существеннаго ухудшенія, но даже съ блистательнымъ результатомъ. Если бы оказалось, что Россія могла вести войну безъ всякой пертурбаціи въ поступленіи доходовъ и въ положеніи кредита, то это обстоятельство представило бы такое удостовѣреніе нашей солидности, что фонды наши на иностранныхъ биржахъ сильно поднялись бы въ цѣнѣ, и мы, по заклю-

ченія мира, легко могли бы сдѣлать на самыхъ выгодныхъ условіяхъ большой заемъ съ цѣлью серьёзныхъ мѣръ къ улучшенію положенія нашей валюты.

Но не станемъ забѣгать такъ далеко, а обратимся вновь къ наличности нашихъ силъ при началѣ нынѣшней войны. Упомянувъ о положеніи военномъ и финансовомъ, мы не можемъ не бросить взгляда и на другія сферы нашей государственной и народной жизни. Та ли предъ нами Россія, какою она представлялась мыслящимъ людямъ въ 1828 и 1853 годахъ? Вмѣсто 628 верстъ желѣзныхъ путей, мы имѣемъ ихъ (къ декабрю 1876 г.) 17,997 верстъ, и почти такое же различіе отдѣляетъ Россію прежнюю отъ Россіи нынѣшней и въ другихъ областяхъ государственно-народной дѣятельности. Освобожденъ народъ, трудъ народной массы возвращенъ ей самой, ему открытъ доступъ къ развитію. Съ образованнаго общества снято тяжкое сознаніе, что государство требуетъ новыхъ пожертвованій отъ народа какъ-бы забывъ о немъ,—то сознаніе, которое въ прежнее время во многихъ сдерживало національное увлеченіе скорбной мыслью. Теперь мы можемъ всецѣло отдаться мысли о посильномъ содѣйствіи дѣлу національному. Если самая мысль о содѣйствіи могла быть мало свойственна тому обществу, которое не признавалось самостоятельной силой въ государствѣ, то такое положеніе дѣлъ нынѣ въ самомъ принципѣ измѣнилось. Въ сферѣ суда и мѣстнаго управленія элементъ общественный нынѣ признанъ именно какъ отдѣльная, самостоятельная сила, которой поручены нѣкоторыя функціи государства. Сообразно съ этимъ предоставлена общественному голосу и возможность высказываться объ общихъ, государственныхъ дѣлахъ путемъ печати: каковы бы ни были условія, среди которыхъ она дѣйствуетъ нынѣ, они совсѣмъ не тѣ, которыя существовали въ прежнія эпохи, когда въ основѣ государственныхъ воззрѣній была мысль, что никакого содѣйствія, кромѣ пассивнаго исполненія предписаній начальства, общество оказывать не можетъ и не должно, что за него все будетъ сдѣлано, безъ его участія, и что чѣмъ менѣе оно будетъ разсуждать, тѣмъ будетъ лучше.

Самыя реформы, вмѣнившія въ обязанность обществу содѣйствіе власти государственной, не могли бы быть осуществлены безъ сильнаго, активнаго содѣйствія со стороны общества. Успѣхъ учрежденія мировыхъ посредниковъ, а потомъ—мировыхъ судей, присяжныхъ и земскихъ гласныхъ превзошелъ то, чтó можно было ожидать отъ общества, дотолѣ систематически недопускаемаго до самодѣятельности. Какова бы ни была нынѣшняя степень участія общества въ дѣлахъ, главное, основное пріобрѣтеніе его заключалось все-таки въ самомъ признаніи его права на участіе въ нихъ. Теперь война ста-

вить передъ нашими глазами первый долгъ гражданина: солидарность въ защитѣ чести, безопасности и интересовъ страны. Она даетъ вмѣстѣ обществу случай показать, что оно способно и къ болѣе широкой самодѣятельности. Въ этомъ національномъ вопросѣ болѣе и менѣе образованныя части всего русскаго народа совершенно понимаютъ другъ друга, одинаково мыслятъ, одного желаютъ, и дѣятельность ихъ можетъ выражаться въ одномъ направленіи. Ни степень образованности, ни размѣръ средствъ здѣсь не составляютъ различія. Современное образованное русское общество, пріобрѣтя многое, чего оно въ старину не имѣло, и желая еще успѣховъ, о которыхъ не можетъ помышлять масса народа, незнающая хода реформъ и ихъ взаимной связи, нисколько не оторвалось отъ того духа безконечной преданности государственно-національнымъ цѣлямъ и мощной солидарности въ ихъ достиженіи, которыя создали Россію такою, какъ она есть, и которыя способны поддержать ея величіе, хотя бы ей предстояла война съ новымъ союзомъ внѣшнихъ враговъ.

Обратимъ же всю свою энергію на самое дѣло, оставивъ восторги и ликованія. Возьмемъ примѣръ съ рабочей массы въ томъ, какъ она несла свои жертвы въ пользу славянъ: ея жертвы были не только больше нашихъ, но скромнѣе и чище. Достаточно указать на два факта. Одни крестьяне наполняли своими копѣйками и пятаками кружки, поставленныя на улицахъ; въ обществѣ же кружки, привѣшанныя у стѣны, оставались пусты, а пожертвованія клались въ кружки или блюда, лично подносимыя къ каждому жертвователю или отсылались для припечатанія въ вѣдомостяхъ. Сколько разъ случалось наблюдать въ разныхъ собраніяхъ, какъ кружка цѣлый вечеръ виситъ себѣ одинокою, никто не подойдетъ къ ней; а явится сборщикъ или сборщица и начнутъ свой обходъ, такъ что на каждаго смотрятъ сосѣди, и собирается обильная жатва. А казалось, если кто имѣлъ внутреннее, то-есть искреннее побужденіе пожертвовать въ этотъ вечеръ, почему же онъ не самъ подходилъ къ кружкѣ, но ждалъ, пока она подойдетъ къ нему? Относительно жертвъ самимъ собой, своимъ трудомъ и здоровьемъ, замѣчено было всѣми согласно, что лучшими „добровольцами“ были люди изъ простого народа; о себѣ они думали менѣе, о дѣлѣ больше. Вотъ тотъ примѣръ, которымъ мы должны воспользоваться.

Теперь войну ведутъ уже не сербы, но Россія. Не требуется выяснять ни себѣ, ни другимъ, въ какой степени пожертвованія необходимы, нѣтъ нужды описывать чьихъ-либо страданій или — какъ предлагалъ кто-то прошлымъ лѣтомъ—пускать въ народъ листы съ картинами истязаній славянъ турками. Никакого искусственнаго воз-

бужденія не требуется, всякъ будетъ жертвовать не потому, что на него смотрятъ. Большія пожертвованія требуются на облегченіе участи тѣхъ изъ насъ, которыя подвергнутся ранамъ и болѣзнямъ за общее наше дѣло. Московское городское общество сдѣлало первый шагъ, постановивъ выдать милліонъ для благороднаго дѣла попеченія о нихъ, находящагося подъ руководительствомъ Государыни Императрицы. Но надо, чтобы каждый жертвовалъ лично отъ себя. Для этого могли бы быть образованы по участкамъ городовъ и уѣздовъ комитеты отъ жителей, которые, получивъ отъ полиціи и волостныхъ старшинъ списки всѣмъ хозяевамъ и одинокимъ, живущимъ, въ участкѣ, кромѣ рабочихъ, крестьянъ, слугъ и солдатъ, опредѣлили бы нѣсколько категорій доходовъ, начиная, напр., съ 500 р. на каждаго хозяина или одинокаго взрослаго мужчину. Затѣмъ, могло бы быть предоставлено каждому жителю вносить себя въ любую категорію, сообразно тому доходу, какой онъ самъ пожелаетъ объявить. Размѣръ добровольнаго налога долженъ бы быть установленъ каждымъ комитетомъ впередъ. Такъ, при установленіи, напримѣръ, налога въ полпроцента, объявляющій 500 р. дохода заплатилъ бы 2 р. 50 коп., объявляющій 1000 р.—5 р., а 5000 р.—25 р. Въ городахъ комитеты посылали бы листки на домъ къ каждому жителю, для указанія имъ на этомъ листкѣ цифры дохода, какую онъ объявляетъ и уплаты соотвѣтственной суммы; одинъ листокъ доставлялся бы посланнымъ въ комитетъ, для отмѣтки въ спискѣ, другой оставался бы въ рукахъ жертвователя, служа ему квитанціею. Крестьяне, рабочіе и слуги, какъ лица, которыхъ единичный доходъ долженъ быть предположенъ ниже 500 рублей, не вносились бы въ списки, но повѣстки посылались бы для нихъ по нѣскольку экземпляровъ въ каждый домъ или на фабрику и въ каждое селеніе, на случай объявленія кѣмъ-либо изъ этихъ лицъ дохода свыше 500 р. и для сбора коллективныхъ приношеній всѣхъ остальныхъ желающихъ—въ любомъ размѣрѣ.

Такимъ образомъ устроилось бы нѣчто въ родѣ добровольнаго подоходнаго налога. Добровольнымъ онъ непремѣнно долженъ быть, ибо установлялся бы въ смыслѣ приношеній, а не въ смыслѣ сбора. Разъяснить это было бы важно съ той цѣлью, чтобы никто не могъ подумать, что объявленная имъ при этомъ случаѣ цифра дохода могла бы послужить впослѣдствіи мѣркою для обложенія его настоящимъ, обязательнымъ подоходнымъ налогомъ. Такое опасеніе было бы неосновательно потому, что при добровольномъ сборѣ многіе пожелали бы сдѣлать пожертвованіе въ размѣрѣ бо́льшемъ того, какой будетъ принятъ, и потому зачислили бы себя въ категорію, высшую чѣмъ та, которая соотвѣтствовала бы доходу, дѣйствительно ими

получаемому. Но лучше предоставить на волю каждаго опредѣлить именно, къ какой категоріи по доходу онъ себя относитъ, чѣмъ оставить безъ опредѣленія самый размѣръ процентнаго взноса. Дѣло въ томъ, что, при всей искренней готовности приносить пожертвованія, человѣческая скупость беретъ свое, и скупость эта вѣрнѣе можетъ быть устранена опасеніемъ сдѣлать нѣчто неприличное, чѣмъ опасеніемъ показаться недостаточно милосердымъ. Иной милліонеръ охотно примирится съ мыслью выказаться менѣе милосердымъ, чѣмъ чиновникъ, живущій жалованьемъ, и, при отсутствіи опредѣленнаго процентнаго размѣра, дастъ 10 рублей, какъ чиновникъ, получающій 2 т. р. въ годъ. Но совсѣмъ иначе ему представится дѣло, если, желая дать только десять рублей, онъ долженъ будетъ объявить, что весь ежегодный его доходъ составляетъ только 2 т. рублей. Тогда онъ долженъ будетъ отнесть себя къ такой категоріи по доходу, въ которой станетъ на ряду съ людьми, которые въ дѣйствительности только рабочіе. Управляющій его, даже иной богатый крестьянинъ, могутъ оказаться въ категоріи высшей, чѣмъ та, къ которой отнесъ бы себя такой, слишкомъ бережливый милліонеръ. Вопросъ о приличіи, объ общественномъ соревнованіи вѣрнѣе всего устранитъ несоразмѣрную скупость и, благодаря такому соревнованію, люди, получающіе 10 т. р. дохода, должны будутъ дать по 50 руб., а люди богатые—по 100, по 200, по 500 руб. Но понятіе о богатствѣ—относительное, оно видоизмѣняется по мѣстнымъ условіямъ, а потому комитетъ каждаго участка может опредѣлить самъ процентную норму; одни примутъ ½%, другіе 1%, какъ сочтутъ возможнымъ. Между ними также явится соревнованіе; одинъ уѣздъ не захочетъ много отставать отъ другихъ, одинъ городъ не пожелаетъ быть бѣднѣе всѣхъ сосѣднихъ.

Для скорости поступленія средствъ по назначенію, земствамъ и городскимъ обществамъ можетъ быть разрѣшено теперь же выслать изъ общественныхъ наличныхъ суммъ небольшіе авансы, которые покроются и далеко превзойдутся впослѣдствіи сборами. Но само собой разумѣется, что назначеніе такихъ авансовъ должно быть дѣлаемо со всевозможной осторожностью, съ полной увѣренностью, что они будутъ покрыты сборомъ, причемъ полезно было бы круговое ручательство въ возвратѣ такихъ авансовыхъ суммъ изъ сбора, а при недостаткѣ его—изъ личныхъ средствъ тѣхъ гласныхъ, которые подадутъ голосъ за высылку такой авансовой суммы въ комитетъ, состоящій подъ покровительствомъ Государыни.

У насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія, какую сумму могъ бы составить въ годъ подоходный налогъ, при допущеніи минимума, отъ него избавляющаго. Но если въ Пруссіи (одной

Пруссіи) подоходный и поразрядный налоги доставляютъ въ годъ около 20 милл. талеровъ, то нѣтъ основанія предполагать, что подоходный сборъ, о которомъ мы говоримъ, доставилъ бы менѣе половины этой суммы—10 милл. рублей. Пусть въ Пруссіи больше капиталовъ, сравнительно съ числомъ населенія, но вѣдь Россія побольше Пруссіи, а мы принимаемъ цифру только въ половину прусской. Какъ слышно, и въ административныхъ сферахъ у насъ было высказываемо предположеніе, что подоходный налогъ въ Россіи могъ бы дать именно около 10 милл. р. въ годъ.

Учредимъ его сами, на великое дѣло милосердія и любви къ своей родинѣ. И въ Англіи income-tax явился какъ средство на войну. Но то былъ налогъ государственный, обязательный. Пусть разсуждаютъ у насъ о введеніи подоходнаго налога, въ видѣ ли средства къ преобразованію подушныхъ сборовъ, нынѣ лежащихъ на податной массѣ, въ видѣ ли прибавки къ совокупности налоговъ существующихъ. Но почему бы намъ, русскому обществу, не показать, что мы сами дозрѣли до серьёзной инипіативы въ дѣлѣ общей пользы государства? На этомъ пути, именно при предложеніи земствами подоходнаго налога для замѣны подушныхъ сборовъ, впервые выразилась у насъ общественная самодѣятельность въ обсужденіи вопроса общаго, не-мѣстнаго. Пусть бы мы воспользовались этимъ прецедентомъ для созданія въ дѣйствительно-знаменательныхъ размѣрахъ дѣла содѣйствія государству, вынужденному къ войнѣ, и нашей арміи, которая выноситъ ее своей грудью. Не собраться ли намъ духомъ, не напрячь ли своихъ силъ, чтобы облегчить ея страданія и содѣйствовать ея исцѣленію, когда на этой, нашей же груди, струится кровь?

Добровольное, общественное установленіе, въ согласіи съ законами, подобнаго сбора на дѣло милосердія представляло бы многія выгоды: пожертвованія были бы, въ общей сложности, обильнѣе, такъ какъ къ нимъ былъ бы призванъ лично всякъ имущій; общественныя суммы были бы сохранены своему прямому назначенію, а русское общество правильной организаціею такого большого дѣла доказало бы свою зрѣлость и право на названіе силы самостоятельной, какою оно признано совершившимися реформами. Показавъ свою зрѣлость въ настоящемъ, залогъ своей способности въ будущемъ, оно осталось бы вѣрно и прошлому всего русскаго народа, который не только всегда самоотверженно и дружно выносилъ на своихъ плечахъ многотрудную службу государству въ бояхъ и внутреннемъ устроеніи, но и спасъ государство самъ, своей самодѣятельностью, по словамъ Козьмы Минина: „если мы захотимъ помочь московскому государству, то нечего намъ жалѣть имѣнія...“

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 апрѣля, 1877.

Англія во время послѣдняго кризиса.

Въ настоящую минуту Европа въ пятнадцатый или двадцатый разъ въ послѣдніе полтора года переживаетъ то волненіе, которое служитъ предвѣстникомъ великихъ потрясеній. „Будущее чревато“ грозными событіями, и взоры всѣхъ съ тревогой обращены на сѣвернаго Фабриція, скрывающаго въ складкахъ своей тоги войну или миръ. Давно уже народы ждутъ развязки съ замираніемъ сердца, переходя поочередно отъ страха къ надеждѣ, но въ сущности попадая изъ Харибды въ Сциллу. Умъ отказывается отъ всякихъ дальнѣйшихъ предположеній, и настойчивость военныхъ приготовленій разсѣяла надежды самыхъ горячихъ оптимистовъ.

Какъ бы то ни было, а надо приступить къ обозрѣнію событій съ того момента, на которомъ мы остановились въ прошлый разъ: исторія и истина не признаютъ отказовъ въ искѣ, основанныхъ на утомленіи и скукѣ, порождаемыхъ всякимъ неопредѣленнымъ положеніемъ, когда оно слишкомъ долго длится. Здѣсь у насъ новымъ событіемъ въ области далеко не новаго восточнаго вопроса было посѣщеніе генерала Игнатьева, представлявшаго русское правительство на злополучной константинопольской конференціи.

Едва только успѣлъ онъ ступить одной ногой въ городъ, какъ подулъ легкій и попутный вѣтерокъ. Атмосфера мира и уступчивости распространилась отъ Вестминстера до Сити и отъ парламентскаго дворца до Ломбардской улицы. Арматоры, не снарядившіе ни одного корабля въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, банкиры, уже предвидѣвшіе моментъ, когда касса ихъ опустѣетъ, начали потирать руки и усматривать возможность успѣха для самыхъ рискованныхъ предпріятій. Королева Мэбъ—эта шаловливая особа—снова усѣлась въ свою орѣховую скорлупу и заскакала въ мозгу „лорда-мэра“ и гг. альдерменовъ, возмечтавшихъ о великолѣпныхъ аферахъ и о цѣломъ дождѣ милліоновъ. Пресса стала эхомъ этихъ пріятныхъ фантазій, и вскорѣ всѣ событія окрасились розовымъ свѣтомъ. Готовность Россіи искать содѣйствія и одобренія другихъ державъ казалась самымъ благопріятнымъ признакомъ. Нѣтъ больше сомнѣнія, восклицали почти всѣ газеты, царь рѣшилъ отказаться отъ своихъ плановъ, и только

изыскиваетъ средство привести это въ исполненіе, не унижая своего народа.

Таково было первое и непосредственное дѣйствіе пріѣзда генерала Игнатьева въ наши „стѣны", если только можно примѣнить такое выраженіе къ этому непропорціональному городу, который представляетъ собою какъ-бы цѣлую націю и почти такъ же населенъ, какъ вся Бельгія. Къ тому же, генералъ провелъ большую часть своего времени въ Гатфильдѣ у маркиза Салисбюри, своего экс-сочлена въ Стамбулѣ.

Къ несчастію, такое положеніе дѣлъ не долго длилось. Первое охлажденіе воспослѣдовало вслѣдствіе разговора русскаго уполномоченнаго посла въ Вѣнѣ съ однимъ изъ издателей газеты „Presse" и сообщеннаго въ „Times", по телеграфу, отъ 28 марта. Генералъ Игнатьевъ объявилъ, между прочимъ, что Англія дѣйствительно очень желаетъ сохраненія европейскаго мира, но ничего не дѣлаетъ, чтобы добиться этого. Большинство государственныхъ людей Англіи живутъ со дня на день, и весьма немногіе изъ нихъ понимаютъ историческое значеніе восточнаго вопроса. Въ Англіи, прибавилъ генералъ, люди не понимаютъ смысла и значенія великой идеи: они дорожатъ лишь матеріальными интересами. Къ тому же, политика, которой держатся въ Лондонѣ, не есть политика англійскаго народа. Все зависитъ отъ проблематическихъ преній въ парламентѣ. Если война разразится, то главная отвѣтственность падетъ на Англію.

Хотя эти заявленія генерала Игнатьева и были признаны невѣрными въ частностяхъ, совсѣмъ тѣмъ, они не могли остаться безъ возраженія. „Times" и на этотъ разъ взялъ на себя роль выразителя общественнаго мнѣнія въ Англіи, задѣтаго за живое: „Мы уже слыхали это,—говорилъ онъ,—и слышимъ всякій разъ, какъ люди, въ родѣ генерала Игнатьева, сдѣлаютъ намъ честь посвятить три или четыре дня на изученіе нашего національнаго характера. Если мы покажемъ, что критикъ нашъ нѣсколько ошибается, то не съ тѣмъ, чтобы упрекать его въ этомъ... Русскому совсѣмъ невозможно понять всю сложность нашей парламентской жизни. Общество, въ которомъ онъ живетъ, и управленіе его страны сравнительно просты по своему устройству... Но если бы когда-нибудь Россія стала торговой націей, если бы малѣйшія колебанія „Stock Exchange" отражались на самыхъ отдаленныхъ селахъ, и если бы парламентъ долженъ былъ выражать всѣ направленія общественнаго мнѣнія, то она скорѣхонько отдѣлалась бы отъ „великихъ идей"... Впрочемъ, не взирая на то категорическое заявленіе, у Англіи оказываются тоже „великія идеи", за которыя она многимъ жертвовала и готова жертвовать. Любовь къ религіозной и политической свободѣ, ненависть къ

торгу невольниками, рѣшимость преобразовать цивилизацію Индіи, согласно англійскому идеалу нравственности и справедливости,— вотъ наши „великія идеи"... Мы не такъ легко, какъ русскіе, обнажаемъ шпагу: согласны. Но причина этого весьма проста. Интересы британской имперіи такъ обширны и сложны, что было бы преступленіемъ со стороны англійскихъ государственныхъ людей воевать изъ-за „великихъ идей", которыя могутъ служить приманкой для государствъ съ менѣе совершенной организаціей и менѣе развитой цивилизаціей". („Times", 18/30 марта).

Я нарочно привелъ почти цѣликомъ эту выходку, весьма дерзкую, но характеристичную. Она имѣетъ, кромѣ того, важное значеніе: когда два великихъ народа, давно уже косящихся другъ на друга, наговорятъ другъ другу такихъ любезныхъ вещей, то нельзя ожидать между ними добраго согласія. И въ сущности то, что будто бы высказалъ генералъ Игнатьевъ, и то, что отвѣчалъ „Times"—это именно думаютъ другъ о другѣ обѣ націи.

Около того же времени, 12/24 марта, происходили новыя пренія въ палатѣ общинъ по этому вопросу. Я уже сообщалъ о предъидущихъ, и эти послѣднія были ихъ повтореніемъ, съ тою однако разницей, что оппозиція не смогла уклониться отъ голосованія, чего до сихъ поръ умѣла избѣжать. Фоусетъ, профессоръ политической экономіи, и одинъ изъ хорошо извѣстныхъ вожаковъ либеральной партіи, держалъ рѣчь и, пренебрегая всѣми предъидущими уловками, прямо предложилъ палатѣ объявить: „что всѣ обѣщанія, дѣлаемыя Портой безъ гарантій—призрачны; что державы имѣютъ право, въ интересахъ европейскаго мира, потребовать отъ Порты серьёзныхъ гарантій въ улучшеніи ея управленія; что, наконецъ, плохая администрація, причинившая столько золъ турецкимъ христіанамъ, будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока великія державы не добьются гарантій, на счетъ которыхъ условились на конференціи".

Это предложеніе, конечно, отличалось откровенностью, но не ловкостью. Послѣднее мнѣніе высказалъ оффиціальный глава оппозиціи, маркизъ Гартингтонъ, и вывелъ такимъ образомъ на свѣтъ божій разладицу, царствующую въ либеральной партіи. Онъ утверждалъ, что друзья его желаютъ преній, но вовсе не резолюціи и не голосованія. Послѣ этого всталъ одинъ членъ большинства, поздравилъ благороднаго маркиза съ ловкостью, съ какою онъ устраняется отъ рѣшенія, но объявилъ, что правительство не можетъ допускать, чтобы его обвиняли въ томъ, что оно бросило на произволъ судьбы турецкихъ христіанъ; что оно готово допустить пренія, но что необходимо, наконецъ, узнать настоящее мнѣніе палаты.

Тутъ снова выступилъ Гладстонъ, и снова въ англійскомъ парламентѣ раздались въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ похвалы

Россіи. Съ большой ловкостью и находчивостью онъ привелъ Кайнарджискій миръ и показалъ, что со времени этого договора Россія въ самомъ дѣлѣ пользовалась несомнѣннымъ правомъ покровительства надъ турецкими христіанами, правомъ, отнятымъ у нея парижскимъ трактатомъ. „И теперь,—прибавилъ онъ,—я вовсе не хочу сказать, чтобы Россія совсѣмъ не заслуживала порицанія, вызывавшагося иногда ея политикой; все, чего я требую,—это, чтобы къ ней были справедливы, какъ и ко всякой другой державѣ. Но, сознаюсь со стыдомъ и съ горестью, что ей, одной ей турецкіе христіане обязаны всѣмъ тѣмъ, что̀ сдѣлала для нихъ Европа. Дунайскія княжества не ей обязаны своей послѣдней организаціей, но они ей обязаны правами и привилегіями, полученными до этого послѣдняго фазиса. Ей обязана Сербія,—которая всегда вела не болѣе, какъ войну гверильясовъ,—что стала независимой провинціей. Ей главнымъ образомъ обязаны основаніемъ греческаго государства".

Знаменитый ораторъ говорилъ на эту тэму еще нѣкоторое время и кончилъ запросомъ правительству: какія мѣры имѣетъ оно въ виду для покровительства болгаръ въ случаѣ войны? Послѣ небольшой перестрѣлки между менѣе выдающимися членами, всталъ министръ финансовъ сэръ Стаффордъ-Норткотъ, въ предвидѣніи грядущаго торжества. Правительство, сказалъ онъ, радуется, видя передъ собой противника, неотступающаго передъ заявленіемъ своего мнѣнія. Оно отвергаетъ укоры м-ра Фоусета: кабинетъ, что̀ бы тамъ ни толковали, не отступалъ отъ принятаго имъ образа дѣйствій. „Но мы отвергаемъ также,—прибавилъ онъ,—и оскорбленія, нанесенныя почтеннымъ членомъ не только правительству королевы, не только странѣ, но и всей Европѣ за то, что она не хочетъ легкомысленно подвергнуть вселенную ужасамъ пагубнаго и кроваваго столкновенія. (*Продолжительныя рукоплесканія*). Какъ! намъ говорятъ, что мы въ испугѣ отступаемъ передъ турецкой имперіей! Эта мысль совсѣмъ нелѣпа, и хуже даже, чѣмъ нелѣпа: она злонамѣренна и вредна сама по себѣ и въ особенности въ настоящій моментъ, когда мы употребляемъ всѣ свои усилія, чтобы добиться мирнаго и удовлетворительнаго рѣшенія вопроса,—въ этотъ моментъ нехорошо бросать намъ въ лицо и въ лицо цѣлой Европы такую дикую мысль, что если мы не прибѣгаемъ къ насильственнымъ мѣрамъ, то лишь потому, что не смѣемъ" (*Взрывъ рукоплесканій*).

М-ръ Фоусетъ.—Я не хочу требовать слова для призыва къ порядку. Но я не употребилъ ни одного выраженія, которое могло бы мотивировать рѣчь министра финансовъ.

Министръ финансовъ.—Я только привелъ собственныя слова почтеннаго члена.

М-ръ Фоусетъ.—Г. президентъ, я продолжаю настаивать, что не произносилъ ни одного изъ этихъ выраженій (*Громкій перерывъ; крики: „садитесь!"*). Я не сяду, г. президентъ, до тѣхъ поръ, пока вы этого не потребуете. Я не употреблялъ выраженія „кровавая война".

Министръ финансовъ. — Я не хочу препираться о частностяхъ этого спора... Мы употребляемъ всѣ усилія и не безъ надежды на успѣхъ, чтобы добиться благопріятнаго результата. Но дѣйствія наши могутъ быть парализованы и весьма серьёзно, какъ враждебнымъ голосованіемъ палаты, если бы таковое воспослѣдовало, такъ—и еще хуже — рѣчами, сильными краснорѣчіемъ и авторитетомъ тѣхъ, кто ихъ произноситъ, и имѣющими полное право на вниманіе страны,— рѣчами, стремящимися уронить насъ въ глазахъ Европы, ослабить наше вліяніе на ея совѣщаніяхъ, и окончательный результатъ которыхъ долженъ быть оскорбленіе самой Европы, обвиненіемъ ея въ трусости и небрежности, когда она пытается привести къ благополучному концу дѣло мира, надъ которымъ мы всѣ работаемъ". (*Продолжительныя рукоплесканія*).

Сэръ Стаффордъ-Норткотъ заключилъ требованіемъ, чтобы палата объявила на этотъ разъ посредствомъ голосованія: продолжаетъ ли правительство, да или нѣтъ, пользоваться ея довѣріемъ? Послѣ тщетныхъ усилій оппозиціи уклониться отъ этого голосованія, она должна была сдаться и признать себя оффиціально побитой 233 правительственными голосами противъ 80. Нѣкоторые члены воздержались отъ голосованія.

Таковъ былъ несомнѣнный и предвидѣнный исходъ, который столько уже разъ предсказывался на этихъ страницахъ. Либеральная партія отдѣлывалась отъ него только благодаря уловкамъ: она довольствовалась придирками къ министерству, но въ рѣшительную минуту всякій разъ уклонялась отъ борьбы. Это ничего не измѣняло въ положеніи дѣлъ. Но рѣзкость преній—какъ это видно изъ приведеннаго мною обстоятельства—фактъ характерный и получаетъ историческое значеніе, по мѣрѣ того какъ событія надвигаются и усложняются.

Тѣмъ временемъ, послѣ различныхъ перипетій страха и надежды, дошло до всеобщаго свѣдѣнія, что протоколъ подписанъ. Тотчасъ же послѣдовалъ новый взрывъ радости, сопровождавшій пріѣздъ въ Лондонъ генерала Игнатьева. „Теперь, когда протоколъ подписанъ, восклицала пресса, мы можемъ поздравить наше правительство, одержавшее важную дипломатическую побѣду. Двѣ великихъ державы, соглашаясь на сдѣлку, позволяющую каждой изъ нихъ поддержать важнѣйшія изъ сдѣланныхъ ими заявленій, предоставляютъ до нѣкоторой степени побѣду Англіи. Россія, конечно, только искала во-

четнаго предлога къ отступленію: прекрасно, что ей доставили этотъ предлогъ, и нашему правительству будутъ рукоплескать какъ либералы, такъ и консерваторы за то, что оно не допустило столкновенія, которое могло привести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ".

Вотъ какъ разсуждали не далѣе 21 марта (2 апрѣля)—до такой степени справедлива поговорка, что охотно вѣришь тому, чего желаешь! Все приняло праздничный видъ, и бумаги поднялись на лондонской, какъ и на парижской биржахъ. Увы! это было не болѣе, какъ мимолетный просвѣтъ. Сумерки, одну минуту обѣщавшія-было разсѣяться, снова сгустились, и сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь! Они продолжаютъ сгущаться съ каждымъ днемъ.

Протоколъ былъ подписанъ 19 (31) марта въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ представленъ палатѣ общинъ только пять дней спустя; но съ этого момента и при болѣе внимательномъ наблюденіи, нельзя было больше питать никакихъ иллюзій на счетъ значенія этого достопамятнаго документа.

Происхожденіе его ясно показано въ депешѣ, посланной графомъ Дёрби къ лорду Лофтусу, еще отъ 1 (13) марта. Цѣлью поѣздки генерала Игнатьева, говоритъ глава министерства иностранныхъ дѣлъ, было объяснить истинныя намѣренія петербургскаго кабинета и содѣйствовать мирному рѣшенію вопроса. Послѣ жертвъ, принесенныхъ Россіей, застоя въ ея промышленности и торговлѣ и громадныхъ издержкахъ, поглощенныхъ мобилизаціей 500,000-ной арміей, она не можетъ отступить и распустить свои войска, не добившись какого-нибудь осязательнаго и серьёзнаго результата относительно положенія турецкихъ христіанъ. Императоръ серьёзно желаетъ мира, *но не во что бы то ни стало*. При такихъ обстоятельствахъ Россія думала, что самымъ практическимъ и благопріятнымъ для мира рѣшеніемъ будетъ составленіе и принятіе протокола; и подписавъ его, великія державы покончатъ съ этимъ вопросомъ.

Вотъ данныя: результатъ извѣстенъ. И надо сказать, что протоколъ является законнымъ и естественнымъ слѣдствіемъ конференціи. Отказываясь отвѣчать на циркуляръ князя Горчакова, англійское правительство упраздняло фактически и дѣлало призрачной эту конференцію, приводившую къ нулю. Поэтому принятіе новаго дипломатическаго орудія могло считаться уступкой и даже понятнымъ шагомъ сенъ-джемскаго кабинета.

Другой фактъ болѣе важный: державы разсчитываютъ, что Порта употребитъ самыя энергическія и самыя поспѣшныя усилія для улучшенія судьбы христіанскихъ населеній,—условіе, признаваемое необходимымъ для спокойствія и мира Европы. Державы принимаютъ на себя обязательство внимательно наблюдать, черезъ посредство

своихъ представителей въ Константинополѣ и ихъ мѣстныхъ агентовъ за тѣмъ, какъ будетъ примѣнять турецкое правительство реформы и осуществлять данныя обѣщанія. Если принять во вниманіе этотъ параграфъ и то, что онъ подписанъ тѣми державами, которыя подписали парижскій трактатъ, то нельзя не признать, что этотъ трактатъ отнынѣ окончательно отмѣненъ; по крайней мѣрѣ въ томъ, что̀ касается независимости Турціи и невмѣшательства Европы въ ея внутреннія дѣла. Итакъ, на этомъ важномъ пунктѣ англійскому кабинету нанесено новое пораженіе. И всего пикантнѣе ловкость, съ какою его связываютъ сообществомъ прежнихъ сочленовъ 1856 г.

Но мало того: указывая на возможность, когда „надежды державъ были бы обмануты, онѣ сообща принимаютъ такія мѣры, какія признаютъ наипригоднѣйшими для обезпеченія благосостоянія христіанскихъ населеній, равно какъ и мира Европы",—Англія не дѣлаетъ никакой оговорки, а въ виду того, что правительство лорда Биконсфильда постоянно отвергало, даже при этой крайности, вооруженное вмѣшательство, кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ, что это правительство не подумало ничего постановить на этотъ случай. Итакъ, намъ остается заключить, что *оно не могло этого* сдѣлать, а этого нельзя, конечно, считать успѣхомъ.

Правда, что къ протоколу прибавлена слѣдующая декларація, сдѣланная лордомъ Дёрби раньше того, что онъ былъ подписанъ: „Нижеподписавшійся статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ и проч. объявляетъ, что: принимая во вниманіе, что правительство ея британскаго величества согласилось подписать протоколъ, предложенный Россіей, единственно лишь въ интересахъ европейскаго мира, заранѣе подразумѣвается, что въ случаѣ, если бы предположенная цѣль не была достигнута—т.-е. взаимное разоруженіе Россіи и Турціи и миръ между этими двумя державами—настоящій протоколъ будетъ считаться недѣйствительнымъ и несуществующимъ".

Уфъ! простите за фразу: дипломатія любитъ подобныя длинноты, которыя для нея одной ясны. Но это еще не конецъ. Смыслъ деклараціи лорда Дёрби въ сущности уничтожается деклараціей графа Шувалова, слѣдующей ниже. Русскій посланникъ объявляетъ, что если Порта заключитъ миръ съ Черногоріей, разоружится, серьёзно приступитъ къ требуемымъ реформамъ; если она пришлетъ въ Петербургъ спеціальнаго уполномоченнаго для обсужденія разоруженія, то Его Величество Императоръ, съ своей стороны, согласится на это. Но если произойдетъ рѣзня, подобная болгарской, то это положитъ немедленно конецъ всякимъ мѣрамъ демобилизаціи. Наконецъ, въ видѣ „букета" слѣдуетъ замѣтка Италіи, которая объявляетъ, что считаетъ себя связанной протоколомъ лишь до тѣхъ поръ, пока бу-

деть существовать теперешнее согласіе между державами. Мало лестное недовѣріе и худое предзнаменованіе!

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдствія не замедлили проявиться. Какъ Турція оставалась глуха къ совѣтамъ конференціи, такъ по тѣмъ же причинамъ она не тронулась съ мѣста въ виду протокола.

Не можетъ быть ничего плачевнѣе жалобъ прессы въ послѣднюю недѣлю. „Times", прыгавшій отъ радости на прошедшей недѣлѣ вмѣстѣ со всѣми Stock-brokers и джентльменами Сити, теперь совсѣмъ повѣсилъ носъ.

2-го (14-го) апрѣля вопросъ о протоколѣ былъ внесенъ въ парламентъ. Зала была полна, какъ во всякіе торжественные случаи. Маркизъ Гартингтонъ, съ своимъ длиннымъ лицомъ и своей манерой говорить нараспѣвъ, потребовалъ болѣе монотоннымъ голосомъ, чѣмъ когда-либо, сообщенія всѣхъ документовъ, касающихся послѣднихъ переговоровъ и главнымъ образомъ проектъ протокола, представленный русскимъ посланникомъ 11-го марта. Похваливъ Россію, которой, наконецъ, возвращали протекторатъ, который она имѣла право и обязанность оказывать турецкимъ христіанамъ, глава оппозиціи перешелъ къ обычнымъ нападкамъ на кабинетъ. На этотъ разъ выгоды были на его сторонѣ, когда, допустивъ усилія правительства къ поддержанію мира, онъ сопоставилъ имъ добытый результатъ.

Но присутствующіе, если только у нихъ не были завязаны глаза, не могли не быть поражены манерами маркиза въ то время, какъ онъ говорилъ рѣчь. Неподвижный и точно не рѣшаясь поднять глазъ на присутствующихъ, онъ произнесъ свою рѣчь точно человѣкъ, который самъ не вѣритъ тому, что̀ говоритъ. Быть можетъ, это происходило отъ того, что́ онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ полуоффиціальной ролью, въ силу которой ему приходилось почти черезъ каждыя двѣ недѣли повторять отъ имени своихъ собратовъ почти то же самое и всегда съ однимъ и тѣмъ же результатомъ. Это одно изъ весьма существенныхъ неудобствъ парламентской системы, которая, какъ и всякое подлунное учрежденіе, не можетъ претендовать на совершенство.

Но если бы не сознаніе своего безсилія, то положеніе либеральной партіи было бы весьма выгодно. Военный министръ Гаторнъ-Гарди, возражая лорду Гартингтону, не говорилъ, что трактатъ 1856 г. отмѣненъ оффиціально,—нѣтъ; но фактически онъ отмѣненъ въ силу тѣхъ самыхъ статей протокола, какъ мы это показали выше. Совершенно справедливо, что державы обязываются не начинать войны безъ взаимнаго согласія. Но это совсѣмъ не убѣдительно, и столько есть средствъ уклониться отъ этого обязательства! Онъ настаивалъ, болѣе для виду, нежели основательно, на декларація лорда Дёрби, говоря, что

Англія не подписала бы протокола, если бы Россія не утверждала, что это лучшее средство добиться миролюбиваго рѣшенія. Онъ утверждалъ, что, вопреки обстоятельствамъ, послѣднее слово еще не было сказано и что можно еще питать нѣкоторую надежду, и закончилъ обычнымъ заявленіемъ: „Какъ бы ни сложились событія, мы будемъ слѣдить за ними, но не упуская изъ виду интересовъ турецкихъ христіанъ; мы съумѣемъ остаться вѣрны обязательствамъ, падающимъ на насъ, какъ на министровъ короны, и поддержать здѣсь, какъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, честь и интересы Соединеннаго Королевства".

Гаторнъ-Гарди не ораторъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Со всѣмъ тѣмъ, увѣренность въ поддержкѣ большинства не только въ палатѣ, но и въ странѣ, сообщала нѣкоторое обаяніе его словамъ и его жестамъ, и когда онъ произнесъ слова: „во всѣхъ частяхъ свѣта", громъ рукоплесканій заглушилъ его голосъ. И это громкое одобреніе раздавалось не только на скамьяхъ большинства, но и на скамьяхъ оппозиціи.

Со всѣмъ тѣмъ, либеральная фракція не сочла себя побѣжденной. Различные члены набросились съ упреками на министерство, сводившимися главнымъ образомъ къ тому, что кабинетъ, хвалившійся тѣмъ, что заставлялъ плясать по своей дудкѣ Европу, Турцію и Россію, въ концѣ-концовъ оказался побитымъ.

Тутъ поднялся одинъ человѣкъ съ рѣзкой и задирательной рѣчью, изъ тѣхъ, кого французы сравниваютъ съ „paysan de Danube", настоящій саксъ стараго закала, сердитый и желчный, но не безъ лукавства, патріотъ до мозга костей. Его зовутъ Ребукъ: настоящее имя ему было бы Джонъ Буль. Во время óно онъ былъ радикаломъ, однимъ изъ редакторовъ программы чартистовъ; съ тѣхъ поръ онъ по временамъ склонялся на сторону консервативной партіи. Но всего чаще, онъ съ одинаковымъ презрѣніемъ относился какъ къ торіямъ, такъ и къ либераламъ, и не стѣснялся выражать это презрѣніе. При этомъ, какъ честный человѣкъ, онъ пользуется въ палатѣ авторитетомъ и независимостью, придающими его рѣчамъ тѣмъ больше значенія, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи.

„Я желаю,—сказалъ онъ среди общаго молчанія,—высказать въ короткихъ словахъ свое мнѣніе. У меня нѣтъ предпочтенія ни къ какой изъ партій. Въ этомъ случаѣ, какъ и раньше, я не приставалъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ и, какъ человѣкъ, долго изучавшій политику, какъ человѣкъ, проведшій въ этой палатѣ бóльшую часть жизни, приходящей уже къ концу, желаю высказать свое мнѣніе о вопросѣ крайне важномъ для нашей страны (*Рукоплесканія*). Настоящее министерство достигло власти, какъ

и всякій англійскій кабинетъ, и оказалось связаннымъ не только собственной политикой, но и политикой своихъ предшественниковъ, существующими договорами, а также и традиціями страны. Оно наслѣдовало администраціи, принимавшей участіе въ Крымской войнѣ, политической системѣ, покровительствовавшей турецкой имперіи, министрамъ, противодѣйствовавшимъ изъ всѣхъ силъ успѣхамъ Россіи и выказавшимъ по отношенію къ этой державѣ совсѣмъ иныя чувства, но не чувство восторга, до того дня, какъ джентльмены противной стороны оказались вынужденными, подъ давленіемъ обстоятельствъ, высказаться противъ Россіи".

Затѣмъ, намекнувъ на рѣзню, онъ напомнилъ, какъ лордъ Дёрби высказалъ общее негодованіе и объявилъ Турціи, что, въ случаѣ повторенія такихъ событій, она не должна разсчитывать на поддержку Англіи. „Что̀ могъ онъ больше сдѣлать? (*Шумныя рукоплесканія*). Кабинетъ обвиняютъ и говорятъ ему: почему вы ничего не сдѣлали? Прекрасно! Но почему джентльмены, задающіе этотъ вопросъ, не говорятъ, что̀ бы слѣдовало сдѣлать? По ихъ мнѣнію, я полагаю возможнымъ одно только: объявить войну Турціи въ союзѣ съ Россіей. (*Очень хорошо!*). Но думаете-ли вы, что англійскій народъ допустилъ бы это? (*Рукоплесканія*). Прошедшею осенью громкіе крики раздавались среди оппозиціи противъ правительства, точно это послѣднее было виновникомъ болгарскихъ убійствъ. Почему это?

„Разумѣется, джентльмены оппозиціи желали мира и благосостоянія своихъ братьевъ-христіанъ; но они желали еще кое-чего, и было ясно какъ божій день, что они имѣли прежде всего въ виду нападенія на правительственную партію (*Рукоплесканія*). Безъ сомнѣнія, англійскій народъ, добрый и великодушный, пришелъ въ ужасъ при извѣстіи о рѣзнѣ, и когда краснорѣчивые люди принялись передавать событія гомерическимъ слогомъ и съ гомерическими метафорами, народъ на одну минуту былъ выведенъ изъ себя, и показалось, особливо тѣмъ лицамъ, которыя возбудили безпорядки, что пробилъ послѣдній часъ министерства. Но вскорѣ узнали, что кабинетъ поступалъ честно, какъ ему подобало, и поднявшаяся-было буря уступила мѣсто полному затишью, потому что англійскій народъ, милостивый государь [1]), будучи великодушнымъ и симпатичнымъ народомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ столько же честенъ, сколько и благоразуменъ. Онъ знаетъ, что если война вспыхнетъ, то вся вина падетъ на Россію, а не на Англію. Но что̀ бы ни случилось, а англійская нація не потерпитъ, чтобы Турція перешла въ руки Россіи. (*Продолжитель-*

---

[1]) Извѣстно, что обычай требуетъ, чтобы въ парламентѣ ораторъ обращался только къ президенту.

ныя рукоплесканія). Австрія этого тоже не допуститъ, а также и Германія, Франція и Италія.

„Безъ сомнѣнія, Константинополь съ выгодой замѣнилъ бы Петербургъ или Москву; безъ сомнѣнія, царь бы охотно промѣнялъ пребываніе на сѣверѣ на очаровательные берега Босфора. Но пусть онъ не заблуждается! Никогда русскіе не возьмутъ Константинополя (*шумныя рукоплесканія, перебивающія на минуту оратора*), пока у Англіи есть въ распоряженіи одинъ корабль и одинъ солдатъ".

Вѣрно во всемъ этомъ одно, что англійскій народъ сказалъ свое слово устами этого человѣка: такъ дѣйствительно думаетъ каждый англичанинъ.

Послѣднее слово, и я покончу съ жгучимъ вопросомъ. Многія англійскія газеты приводили на-дняхъ письма Маццини, изданныя въ 1857 г. о славянской задачѣ. Не безъинтересно будетъ привести слѣдующіе отрывки изъ нихъ:

„Важность движенія въ смыслѣ національнаго объединенія, совершающагося въ различныхъ группахъ славянской расы, не можетъ отрицаться тѣми, кому извѣстно ихъ географическое распредѣленіе и численность,—пишетъ итальянскій патріотъ.—Я говорю не объ одной только Россіи или Польшѣ, но также и о населеніи въ 79 милліоновъ душъ, занимающемъ пространство земли, отъ Архангельска до Өессаліи и отъ устьевъ Эльбы до устьевъ Волги......

„Всѣ эти племена смѣлы, энергичны, сильны и стойки. Ихъ имя синонимъ славы. Пѣсни ихъ запечатлѣны мужественной энергіей, незнакомой среди насъ. Въ нихъ слышится отголосокъ глубокой меланхоліи, но зачастую звучитъ громкій вызовъ, протестъ, подобный протесту Прометея, стремленіе къ высшей и таинственной судьбѣ, сознаніе непреодолимой силы, со временемъ восторжествующей надъ тираннiей природы и человѣка".

Затѣмъ онъ раздѣляетъ славянъ на четыре группы, обнимающія русскихъ, поляковъ, славянъ Чехіи, Моравіи и Венгріи. „Четвертой группѣ,—говоритъ онъ,—повидимому предназначено политически объединить, при федеративномъ управленіи, сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, далматовъ, словаковъ и кроатовъ". Чехи и моравы, сплотившись въ одно цѣлое, положатъ конецъ австрійской имперіи. Четвертая группа, пробудивъ эллинскія племена, еще подвластныя туркамъ, оттѣснитъ исламъ въ Азію и совершенно измѣнитъ характеръ восточнаго вопроса" [1]).

А теперь вернемся къ болѣе скромнымъ событіямъ. Совсѣмъ недавно произошелъ случай, который привелъ всѣхъ въ ужасъ и, опла-

---

[1]) *Славянскія письма*, напечатанныя въ *L'Italia del popolo*, 1857 г.

кивая его во всѣхъ отношеніяхъ, я тѣмъ не менѣе съ жадностью ухватываюсь за него, потому что онъ мнѣ даетъ новый поводъ пополнить уже сообщенныя мною подробности объ англійскомъ правосудіи и главное объ уголовномъ судопроизводствѣ.

Фактъ очень простъ: человѣка два раза повѣсили — вотъ и все. Извѣстны были смѣлые и интересные опыты одного нѣмецкаго ученаго, который изъ любви къ наукѣ нѣсколько разъ вѣшался. Онъ могъ наблюсти такимъ образомъ замѣчательныя явленія—относительно зрѣнія: молніи, зарницы;—относительно слуха—музыкальный и весьма продолжительный шумъ: въ общей сложности совсѣмъ не непріятныя ощущенія. Само собой разумѣется, что веревку перерѣзывали въ критическую минуту,—обстоятельство довольно щекотливое.

На-дняхъ въ Лидсѣ, несчастный, осужденный за убійство соперника въ ссорѣ, поводомъ къ которой послужила ревность, вынужденъ былъ повторить—но противъ воли—этотъ интересный опытъ. Его ввели на платформу съ связанными руками и ногами, съ черныхъ колпакомъ на глазахъ, накинули петлю на шею, и палачъ, открывъ клапанъ, отправилъ его въ пустое пространство и въ вѣчность,—по крайней мѣрѣ вообразилъ, что его отправилъ; но къ великому ужасу зрителей оказалось, что веревка порвалась. Тутъ всѣ потеряли голову и всѣхъ болѣе судья, палачъ и священникъ. Между тѣмъ какъ послѣдній неистово читалъ молитвы, послышались вдругъ стоны изъ-подъ эшафота. Осужденный упалъ съ высоты десяти футъ и лежалъ неподвижно, такъ какъ руки и ноги у него были связаны. Наконецъ, судья, палачъ и священникъ опомнились отъ своего испуга и рѣшились подойти къ несчастному; ему развязали ноги, заставили снова взойти на эшафотъ и наконецъ, послѣ всей этой проволочки, онъ былъ снова повѣшенъ, и на этотъ разъ безповоротно.

Опытъ былъ совершёнъ; къ несчастію, забыли спросить у осужденнаго объ его впечатлѣніяхъ, которыя интересно было бы узнать, хотя бы затѣмъ, чтобы сравнить ихъ съ ощущеніями нѣмецкаго ученаго.

Само собой, разумѣется, пресса подняла шумъ. По этому случаю былъ даже запросъ въ парламентѣ, гдѣ министръ внутреннихъ дѣлъ отказался принять этотъ фактъ на свою отвѣтственность, говоря, что это дѣло шерифа. Онъ прибавилъ, что отнынѣ будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы веревки были крѣпкія, и приправилъ свою рѣчь маленькимъ разсужденіемъ о сравнительной пріятности смерти черезъ повѣшеніе.

Откровенно говоря, я не думаю, чтобы этотъ родъ смерти былъ тяжелѣе другого, но нахожу, что въ здѣшней странѣ слишкомъ усердно вѣшаютъ людей: цѣль этимъ не достигается, а безполезное насиліе просто-на-просто—варварство.

Дѣло въ томъ, что нельзя въ одинъ день отдѣлаться отъ вѣковыхъ привычекъ. Между тѣмъ, насколько смертные приговоры были рѣдки у англо-саксонцевъ, какъ и у остальныхъ германцевъ, настолько они усилились послѣ завоеванія. При Тюдорахъ и въ особенности при Генрихѣ VIII, число преступленій—наказываемыхъ смертію, достигло ужасающихъ размѣровъ. Но не заходя такъ далеко, достаточно указать на недавнее сравнительно время, 1827 г., когда изъ 75 родовъ уголовныхъ преступленій, 31 родъ наказывался смертію!

Характерной подробностью, отмѣненной въ томъ же 1827 г., былъ такъ-называемый „benefit of clergy". Всякій субъектъ, приговоренный къ смертной казни и объявлявшій себя членомъ церкви, передавался въ вѣдѣніе епископа и обыкновенно дешево отдѣлывался отъ бѣды. Нѣчто подобное существовало и на континентѣ въ большинствѣ католическихъ странъ. Парижскій университетъ, напримѣръ, требовалъ въ свое вѣдѣніе всѣхъ своихъ членовъ, совершившихъ преступленіе. Но въ Англіи дѣло зашло еще дальше.

Клерки узнавались по ихъ костюму и по тонзурѣ. Эти признаки найдены были недостаточными и, въ виду общаго состоянія общественнаго образованія въ среднихъ вѣкахъ, нашли болѣе раціональнымъ примѣту: умѣетъ ли читать человѣкъ, или нѣтъ, и такимъ образомъ привилегія нечувствительно распространилась и на мірянъ. Каждый, обвиненный въ уголовномъ преступленіи, имѣлъ право требовать „benefit of clergy". Ему подавали псалтырь: если онъ справлялся съ нимъ, то объявляли: legit ut clericus (читаетъ, какъ клеркъ), и передавали въ вѣдѣніе епископа, по бóльшей части отпускавшаго его на всѣ четыре стороны. Если же отвѣтъ гласилъ: non legit (не умѣетъ читать) — его вѣшали. Выгоды образованія никогда еще не ощущались такъ положительно. Позднѣе эту привилегію ограничили однимъ разомъ: субъекту прикладывали небольшое клеймо къ рукѣ и въ случаѣ рецидива его вѣшали, какъ и всѣхъ остальныхъ. Іаковъ I, болѣе галантный, чѣмъ его предшественники, распространилъ права духовенства и на женщинъ, которыхъ до тѣхъ поръ они не касались. Наконецъ, при королевѣ Аннѣ ихъ распространили на всѣхъ, какъ грамотныхъ, такъ и неграмотныхъ. Это служило просто предлогомъ для облегченія наказанія виновнымъ, выказывавшимъ раскаяніе. Законъ, изданный въ царствованіе короля Георга IV, окончательно отмѣнилъ это право.

Надо сознаться, что вотъ странный фактъ и подобнаго которому я не знаю въ другой странѣ. Но въ настоящее время законъ одинъ для всѣхъ. Извѣстно, что преступленія судятся ассизами или въ Лондонѣ, или въ одномъ изъ восьми *округовъ* Англіи и Уэльскаго княжества (*см. „Вѣстникъ Европы" декабрь мѣсяцъ, 1876 г.*). Полицейскій чинов-

никъ, коронеръ или присяжные, созванные судьей, не имѣютъ права непосредственно отдать человѣка подъ уголовный судъ. Ихъ „билль" вносится въ верховное жюри, рѣшающее этотъ вопросъ окончательно. Это верховное жюри состоитъ изъ нотаблей графства, набираемыхъ шерифомъ. Оно засѣдаетъ обыкновенно въ числѣ двадцати-трехъ лицъ и обязано разсматривать всѣ дѣла, приготовленныя для сессіи. И только въ томъ случаѣ, когда оно найдетъ обвиненіе основательнымъ, издаетъ „настоящій билль", какъ онъ обыкновенно называется, и только въ этомъ случаѣ обвиненнаго призываютъ въ ассизы. Такимъ образомъ, въ различныхъ крупныхъ уголовныхъ дѣлахъ Лондона часто фигурируетъ „верховное жюри" Миддльсекскаго графства.

Обвиненнаго призываютъ въ судъ. Судебный приставъ обращается къ его членамъ съ рѣчью, весьма замѣчательной, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Онъ напоминаетъ имъ, что обвиненный вручаетъ свое дѣло Богу и своей странѣ — which country you are, — а вы составляете его страну. Невозможно опредѣленнѣе обозначить самый характеръ учрежденія.

Извѣстно, что во время судебныхъ преній, обвиненнаго не спрашиваютъ: и это несомнѣнно выгодное для него обстоятельство. Адвокаты противной стороны довольствуются тѣмъ, освѣщаютъ всѣ формы, допрашивая по очереди свидѣтелей. Дѣло кончается оправданіемъ или осужденіемъ, и послѣднее слишкомъ часто бываетъ смертною казнью.

Преступленія въ англійскомъ законодательствѣ раздѣляются на treason, felony и misdemeanour. Единственныя, наказываемыя въ настоящее время смертію, кромѣ государственной измѣны, это убійство и грабежъ съ насиліемъ. И это только съ 1861 г. (criminal laws consolidations acts). До тѣхъ поръ присуждали къ смертной казни за воровство съ нанесеніемъ ранъ и проч. Но справедливость требуетъ сказать, что наказаніе почти всегда смягчалось, такъ что цифра смертныхъ казней остается почти безъ измѣненія какъ въ годы предшествующіе 1861 г., такъ и въ послѣдующіе.

Но хотите-ли знать, какъ велика цифра смертныхъ казней въ Англіи и въ Уэльскомъ княжествѣ послѣ всѣхъ этихъ улучшеній? Съ 1861 по 1869 г. ихъ было 117, то-есть около 13 въ годъ [1]). Во Франціи, для сравненія, въ тотъ же періодъ времени мы находимъ 94 смертныхъ казни, т.-е. среднимъ числомъ 10 въ годъ. И это при населеніи въ 38 милліоновъ, тогда какъ въ Англіи и въ Уэльскомъ княжествѣ насчитывалось тогда всего 20 милліоновъ. Слѣдовательно, въ Англіи бываетъ вдвое болѣе смертныхъ казней, нежели во Франціи.

---

[1]) *Parliament papers*, tom. 39, page 22, 1875 г.

Теперь возьмемъ, напримѣръ, 1874 г. и разсмотримъ дѣло въ подробности. Оффиціальная статистика показываетъ 16 смертныхъ казней[1]). Въ томъ числѣ *шесть* субъектовъ повѣшены за то, что вслѣдствіе семейной ссоры и безъ предумышленія убили жену или любовницу. Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ были такъ-называемыя *смягчающія обстоятельства*.

Вообще вопросъ этотъ весьма сложенъ, но англійское жюри рѣшаетъ его напрямки, не зная его. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ—хотя англійскіе присяжные объ этомъ и не подозрѣваютъ—вовсе не идеальное и свободное существо, какимъ его представляютъ себѣ метафизики. Идея, которую онъ составляетъ себѣ о свободѣ, справедливо замѣчаетъ Спиноза, происходитъ оттого, что ему неизвѣстны причины ея опредѣляющія. То же самое явствуетъ изъ прекрасныхъ изслѣдованій Кетлэ, въ его сочиненіи, озаглавленномъ „Physique Sociale". Тамъ мы находимъ, между прочимъ, что относительно преступленій въ Англіи maximum колеблется между 22 и 23 годами.

Итакъ, въ смыслѣ философскомъ и абсолютномъ отвѣтственность призрачна; *съ уголовной точки зрѣнія она вещь второстепенная: самымъ важнымъ дѣломъ въ этомъ вопросѣ является интересъ общества*. Въ этомъ смыслѣ общество имѣетъ право отдѣлываться отъ убійцы, но это право имѣетъ свои границы: оно дѣйствительно только въ томъ случаѣ, если смерть преступника уменьшаетъ, если не предупреждаетъ подобнаго рода преступленія. Между тѣмъ Беккарія совершенно справедливо говоритъ: „опытъ всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что смертная казнь никогда не останавливала негодяевъ, рѣшившихся на преступленіе". Поэтому всѣ ваши казни не что иное, какъ убійства, и вы, великая англійская нація, по справедливости величаемая таковою за нѣкоторыя стороны своего характера—вы стоите ниже всѣхъ цивилизованныхъ народовъ по своей уголовной статистикѣ. При всемъ вашемъ лоскѣ чувствительности и при всѣхъ вашихъ воззваніяхъ къ нелѣпой сантиментальности относительно животныхъ, вы пренебрегаете самымъ достойнымъ изъ нихъ, царемъ ихъ, человѣкомъ, и страданія индійской свиньи для васъ ближе страданій соотечественника. Не далѣе, какъ въ 1814 г., въ вашемъ уголовномъ кодексѣ существовалъ законъ, постановлявшій, что въ случаѣ государственной измѣны:

„Преступникъ будетъ повѣшенъ за шею, но *не* до самой смерти: его вынутъ изъ петли еще живымъ и, вырвавъ у него внутренности, сожгутъ ихъ у него на глазахъ (before their faces); затѣмъ голова будетъ отдѣлена отъ туловища, и туловище разрѣзано на четыре ча-

[1]) Bruxelles et St.-Pétersbourg. 1869. 2 vol. in 8°.

сти, и эта голова и эти части предоставлены будутъ въ распоряженіе короля".

И это существовало въ царствованіе Георга III, въ 1814 г.! Просто душу воротитъ: it makes one sick, какъ говорится. Когда въ кодексѣ какого-нибудь народа красуются такія вещи, то привкусъ отъ нихъ долго сохраняется, и мы можемъ только удивляться въ 1877 г., что англичане вѣшаютъ всего только вдвое больше преступниковъ, нежели остальныя европейскія націи. Это серьёзный прогрессъ: будемъ надѣяться, что онъ не остановится.

Да, общество обязано принимать мѣры для нравственнаго, какъ и для матеріальнаго улучшенія своихъ членовъ. Здѣсь начали съ народнаго образованія, шесть лѣтъ тому назадъ: и давно пора, но этого недостаточно. Безъ сомнѣнія, необходимо наказывать преступниковъ, хотя бы они совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ — фактъ часто повторяющійся,—но необходимо стремиться къ обузданію пьянства. Задача огромная! И кажется, что до сихъ поръ еще не находилось Геркулеса, способнаго расчистить эти Авгіевы конюшни.

Однако, нашелся охотникъ. Радикальный представитель Бирмингема, м-ръ Гамберлэнъ, надѣлалъ нѣкотораго шума въ теченіи этой сессіи, предложивъ примѣненіе такъ-называемой „готтенбургской системы", примѣняющейся въ шведскомъ городѣ этого имени. Дѣло идетъ о томъ, чтобы предоставить городамъ муниципалитетскимъ право пріобрѣтать всѣ мѣстные кабаки и пивныя. Приходъ предоставитъ ихъ управленіе делегатамъ, собственнымъ агентамъ, которые будутъ передавать ему и всѣ получаемые доходы. Такимъ образомъ, само собой разумѣется, они будутъ завѣдывать продажей напитковъ и отказывать тѣмъ, которые злоупотребляютъ ими. Это напоминаетъ нѣсколько такъ-называемые здѣсь „Permissive bills". Во всякомъ случаѣ мало вѣроятности, чтобы эта мѣра была принята парламентомъ, члены котораго поддерживались на выборахъ массой кабатчиковъ и другихъ продавцовъ напитковъ. Спрашивается также, насколько она дѣйствительна и совмѣстима съ личной свободой.

Мнѣ остается еще указать въ числѣ недавнихъ событій на смерть извѣстнаго члена рабочихъ ассоціацій, Джоржа Оджери. Родившись въ 1820 г. въ маленькомъ селеніи Девоншира, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ борцовъ ремесленныхъ союзовъ. Башмачникъ по ремеслу, онъ, повидимому, не нажилъ состоянія въ своей скромной профессіи. У него не было недостатка ни въ краснорѣчіи, ни въ талантѣ, но все же способности его не были въ уровень съ его честолюбивыми замыслами. Онъ неоднократно былъ въ числѣ кандидатовъ-рабочихъ въ парламентъ: въ 1870 г. онъ получилъ болѣе 4-хъ

тысячъ голосовъ въ Соутвердѣ, одномъ изъ избирательныхъ предмѣстьевъ метрополіи. Но менѣе счастливый, чѣмъ его собратъ Макъ-Дональдъ, онъ такъ и не успѣлъ проникнуть въ уэстминстерскій дворецъ.

Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и печать была единодушна въ своихъ похвалахъ, которыми осыпала его послѣ смерти. Похороны его происходили при громадномъ стеченіи народа и отличались довольно торжественнымъ характеромъ, что рѣдко наблюдается на похоронахъ въ Лондонѣ. Профессоръ Бислей изъ университетской коллегіи произнесъ надгробное слово. Джорджъ Оджери былъ типомъ англичанъ хорошихъ людей, отличающихся не столько умомъ, сколько стойкостью характера, и которые при жизни возбуждаютъ нѣкоторые толки, но о которыхъ по смерти сохраняется лишь память какъ о честныхъ людяхъ. Этого недостаточно для славы; но надобно принять въ соображеніе относительно покойника скромную долю, въ какой онъ родился.

Въ концѣ-концовъ, хотя мы находимся въ полномъ разгарѣ сезона, а все очень печально. Политическій міръ жалуется и въ салонахъ не замѣчается веселаго оживленія. Перестали даже шутить на счетъ интриги одной русской дамы съ м-ромъ Гладстономъ. Объ этомъ фактѣ я до сихъ поръ не упоминалъ, потому что всѣ эти закулисныя политическія тайны, которымъ нѣкоторые придаютъ такое важное значеніе, на мой взглядъ лишены всякаго интереса. Экс-премьеръ не нуждался ни въ совѣтахъ, ни въ обольщеніи, чтобы выступить на тотъ путь, на которомъ онъ теперь дѣйствуетъ.

Къ довершенію бѣды, кажется, и стихіи рѣшились отравлять намъ жизнь. Наступила весна, но весна ледяная, съ холоднымъ вѣтромъ, пронизывающимъ васъ до костей. И въ то время, какъ на востокѣ все пробуждается и оживляется, здѣсь ни растительный сокъ не поднимается въ деревьяхъ, ни мужество не просыпается въ сердцахъ людей. На западѣ, такъ еще недавно потрясаемомъ страшными войнами, всѣ дрожатъ и печалуются, и готовы воскликнуть съ поэтомъ:

> Quem vocet divûm populus ruentis
> Imperii rebus?..

„Какихъ боговъ станемъ призывать мы въ эти времена, когда имперіи, повидимому, грозитъ разрушеніе?“ Но риторика уже не у мѣста и, кажется, что остается только призвать одного бога: „пушку“!

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 апрѣля, 1877.

Альфредъ де Мюссе и его произведенія.

I.

Я намѣренъ говорить объ Альфредѣ де-Мюссе. Давно уже мнѣ хочется посвятить статью этому прелестному поэту, пробуждающему во мнѣ самыя дорогія воспоминанія молодости. А теперь оно и кстати: Поль де-Мюссе, переживший брата, только-что издалъ сочиненіе: „Biographie d'Alfred de Musset, sa vie et ses oeuvres"; такимъ образомъ, я опять коснусь текущихъ событій.

Но прежде чѣмъ раскрыть это сочиненіе, я хочу раскрыть свое сердце. Наступилъ 1856 г., мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и я росъ въ одномъ изъ уголковъ Прованса. Я указываю на эту эпоху потому, что она знаменуется литературной страстью всего молодого поколѣнія. Насъ было трое пріятелей, трое мальчишекъ-школяровъ. Въ вакаціонное время, мы, бывало, какъ только освободимся отъ уроковъ, такъ и пустимся бродить по полямъ и лугамъ. Насъ манили чистый воздухъ, солнечный припёкъ, глухія тропинки на днѣ овраговъ, раздолье и просторъ, пустынные уголки дѣвственной природы, въ которые мы являлись, какъ завоеватели. О! какія несконченаемыя прогулки совершали мы по окрестнымъ холмамъ! Какіе привалы устраивали въ зеленыхъ дебряхъ, возлѣ небольшихъ потоковъ! Какъ весело возвращались по вечерамъ домой, притаптывая густую пыль большихъ дорогъ, хрустѣвшую подъ ногами, какъ снѣгъ. Зимой мы обожали стужу, почву, скованную морозомъ и весело звенѣвшую подъ ногами, и ходили ѣсть яичницу въ сосѣднія села, восхищаясь чистымъ и яснымъ небомъ. Лѣтомъ сборнымъ пунктомъ для насъ служила рѣка: мы всѣ любили воду и по цѣлымъ часамъ барахтались въ ней, выскакивая изъ нея по временамъ, чтобы растянуться на тонкомъ пескѣ, согрѣтомъ солнцемъ. Затѣмъ, осенью новая страсть овладѣвала нами: мы становились охотниками,—о! весьма невинными, потому что охота служила для насъ только предлогомъ къ длиннымъ прогулкамъ. Надо сказать, что въ той мѣстности совсѣмъ не водится дичи, ни крупной, ни мелкой, ни зайцевъ, ни куропатокъ. За однимъ кроликомъ гоняются десять охотниковъ. Стрѣляютъ подчасъ дроздовъ и кое-какихъ мелкихъ пташекъ; винноягодниковъ, овсянокъ,

зябликовъ. Но это насъ не смущало. Если порою намъ и случалось выстрѣлить изъ ружья, то единственно ради удовольствія произвести грохотъ. Охота всегда оканчивалась гдѣ-нибудь подъ деревомъ, гдѣ, растянувшись на спинѣ, мы бесѣдовали о своихъ дѣтскихъ страстишкахъ.

А главной страстишкой нашей въ ту пору были поэты. Мы путешествовали въ ихъ обществѣ. У насъ по карманамъ и въ охотничьихъ сумкахъ были засунуты книги. Въ теченіи цѣлаго года Викторъ Гюго царилъ надъ нами, какъ абсолютный монархъ. Онъ завоевалъ насъ яркостью своихъ красокъ; онъ приводилъ насъ въ восторгъ своей мощной риторикой и повергалъ въ почтительное изумленіе и безмолвіе поразительными фокусами, выкидываемыми имъ въ каждой строфѣ. Мы знали наизусть многія стихотворенія; въ сумерки возвращались домой подъ мѣрный ритмъ прекрасныхъ стиховъ, звучныхъ какъ труба. Но вотъ въ одно прекрасное утро кто-то изъ насъ принесъ съ собой томъ стихотвореній Мюссé. Мы были крайне невѣжественны въ нашемъ провинціальномъ углу, а профессора наши и не заикались о современныхъ поэтахъ. Чтеніе Мюссé расшевелило наши сердца. Дрожь пробѣжала по нашимъ членамъ и мы почувствовали себя влюбленными. Я пишу не литературную критику, а просто-на-просто передаю ощущенія троихъ ребятишекъ, вырвавшихся на свѣжій воздухъ. Поклоненію Виктору Гюго нанесенъ былъ тяжкій ударъ и мало-по-малу мы къ нему охладѣли; стихи его улетучились изъ нашей памяти; намъ не случалось больше находить томы его „Orientales“ или „Feuilles d'automne“ въ своихъ патронташахъ и пороховницахъ. Альфредъ де-Мюссé завладѣлъ нашими охотничьими сумками.

Какія славныя воспоминанія! Мнѣ стóитъ только закрыть глаза, и предо-мной проносятся тѣ счастливые дни. Въ одно прекрасное сентябрьское утро, теплое и пасмурное, когда голубое небо было какъ-бы окутано бѣлымъ газомъ, мы завтракали во рву, подъ большими ивами, тонкія вѣтви которыхъ наклонялись надъ нашими головами. День былъ дождливый, но мы тѣмъ не менѣе пустились въ путь и вынуждены были пріютиться въ углубленіи скалы, потому что дождь полилъ какъ изъ ведра. День былъ вѣтреный и дулъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ вѣтровъ, чтó ломаютъ деревья, и вотъ мы наконецъ укрылись въ деревенскомъ кабачкѣ, радуясь мысли провести въ немъ утро. И во всемъ этомъ главною прелестью было то, что съ нами былъ Мюссé; во рву, въ гротѣ, въ деревенскомъ кабачкѣ онъ сопровождалъ и увеселялъ насъ. Онъ утѣшалъ насъ во всѣхъ неудачахъ, разгонялъ досаду, мы тѣснѣе сближались каждый разъ, какъ перечитывали его. Порою, когда какая-нибудь любопытная птица

усаживалась слишкомъ близко отъ насъ, мы считали своимъ долгомъ выстрѣлить въ нее, но, къ счастію, мы были очень плохіе стрѣлки, и птица почти всегда отряхивала перья и улетала. Но это даже не прерывало того изъ насъ, кто читалъ вслухъ въ двадцатый разъ „Rollo" или „les Nuit". Я другой охоты никогда не понималъ. Стóитъ только заговорить при мнѣ объ охотѣ, и мнѣ тотчасъ же припоминаются долгія мечтанія подъ открытомъ небомъ, подъ аккомпаниментъ стиховъ, какъ-бы улетающихъ съ широкимъ взмахомъ крыльевъ. И передо мной встають зеленыя деревья, жгучія равнины, палимыя солнцемъ, обширный кругозоръ, казавшійся тѣснымъ для нашего юнаго и высокомѣрнаго честолюбія.

Въ настоящее время, когда я пытаюсь анализировать ощущенія, испытанныя мною въ ту эпоху, я прихожу къ заключенію, что Мюссé увлекъ насъ первоначально своимъ задоромъ геніальнаго мальчишки. „les Contes d'Italie et d'Espagne" переносили насъ въ насмѣшливый романтизмъ, и мы, сами того не подозрѣвая, отдыхали на немъ отъ убѣжденнаго романтизма Виктора Гюго. Мы обожали средневѣковую обстановку, волшебные напитки и удары шпагой, но все это казалось намъ особенно привлекательнымъ съ приправой тонкой насмѣшки и скептицизма, сквозившею въ каждой строкѣ. Баллада къ лунѣ приводила насъ въ восторгъ, потому что казалась намъ вызовомъ со стороны смѣлаго поэта, брошеннымъ какъ классикамъ, такъ и романтикамъ, громкимъ хохотомъ независимаго ума, въ которомъ наше поколѣніе признавало брата. Сначала насъ очаровали шаловливыя стороны произведеній Мюссé, но затѣмъ насъ окончательно увлекла его глубокая гуманность. Онъ пересталъ быть для насъ геніальнымъ мальчишкой, братомъ всѣхъ насъ, шестнадцати-лѣтнихъ мальчугановъ; онъ представился намъ столь глубоко человѣчнымъ, что мы почувствовали, какъ забились наши сердца въ тактъ съ его стихами. И вотъ, когда онъ сталъ нашимъ богомъ,—не развлеченіемъ служилъ онъ намъ, а религіей. Сквозь слезы и ребяческій смѣхъ его, мы разобрали слезы, и онъ сталъ нашимъ любимымъ поэтомъ съ той минуты, какъ слеза прошибла насъ, читая его.

Чтобы понять господство Мюссè надъ молодежью моего времени,—надо знать самую молодежь. Мы родились на другой день послѣ побѣды романтизма. Литературная жизнь открылась для насъ послѣ декабрьскаго переворота, и мы знали о битвахъ 1830 года только по разсказамъ старшихъ. Романтическая горячка уже значительно улеглась. Викторъ Гюгó въ изгнаніи представлялся намъ какъ-бы въ апоѳеозѣ. Несмотря на наше поклоненіе ему, мы были не изъ его приверженцевъ, такъ какъ никогда его не видали и раздѣляли восторги его современниковъ лишь подъ условіемъ подвергнуть со вре-

менемъ анализу эти восторги. Въ насъ смутно уже шевелилась реакція, новое литературное движеніе, неизбѣжно долженствовавшее проявиться.

Мы уже начинали мало-по-малу увлекаться точнымъ анализомъ. Отъ этого происходило—въ настоящее время я убѣжденъ въ этомъ—медленное разочарованіе, испытанное почти всѣми нами относительно Виктора Гюгò. Мы не могли бы сказать, почему его стихи гораздо слабѣе трогали наше сердце, нежели стихи Мюссé. Но на насъ уже сказывалось леденое дѣйствіе колоссальнаго набора риторики. Злоупотребленіе риторикой—вотъ чтó убило въ насъ Виктора Гюгò. И мы полюбили Мюссé за то, что риторики у него не существуетъ,—за то, что онъ безъ всякихъ фразъ трогаетъ сердце. Конечно, Викторъ Гюгó былъ и будетъ самымъ искуснымъ работникомъ во французской литературѣ. Но Мюссè съ лѣтами завоевалъ себѣ безсмертіе на-ряду съ нимъ. Я не устанавливаю какой-нибудь іерархіи, а просто изучаю душевныя движенія, вызванныя обоими поэтами въ моемъ поколѣніи. Мы отдались тому, чье сердце и чей слогъ были правдивѣе.

Литературная школа, которая ставитъ выше всего совершенство формы, по моему мнѣнію, стоитъ на весьма опасной дорогѣ. Эти непогрѣшимые писатели разсуждаютъ такъ: безъ формы, безъ совершенства нѣтъ ничего вѣчнаго; безсмертны одни только прекрасныя и правильныя произведенія. И ссылаются на исторію, мечтаютъ обезсмертить свои произведенія, придавъ имъ позы греческихъ статуй; изъ гордости они не хотятъ оставить по себѣ ни одной страницы, которая бы не была изъ бронзы или изъ мрамора. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ нашихъ современныхъ писателей мы насчитываемъ такихъ, которые превосходно примѣняли эти теоріи. Но я всего больше опасаюсь за послѣдователей, за учениковъ, потому что однообразное совершенство формы въ концѣ-концовъ сообщаетъ произведеніямъ сухость и мертвенность. Къ тому же, несправедливо, что одна только красота безсмертна; жизнь еще безсмертнѣе. Языкъ можетъ исчезнуть, эстетика преобразиться, идеалъ перемѣщается, но вопли человѣческой души, правдивый крикъ радости или горя вѣчны. Мы уже больше не чувствуемъ техническаго совершенства стиховъ Гомера или Виргилія; если они живутъ по истеченіи цѣлаго ряда вѣковъ, то лишь потому, что проникнуты живымъ духомъ, потому что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается человѣчество. Творецъ стоитъ выше техника слова. Самолюбіе заставляетъ нѣкоторыхъ безсильныхъ художниковъ воображать, что они будутъ жить вѣчно, если имъ удастся расположить въ гармоническомъ порядкѣ нѣкоторую часть словаря. Нѣтъ, они не будутъ жить, если въ нихъ нѣтъ жизни,

нѣтъ человѣческой правды, нѣтъ личнаго выраженія радости или горя. Возьмемъ для примѣра Альфреда де-Мюссé и Виктора Гюго. Первый свободно относился къ грамматикѣ и просодіи; второй былъ изъ искуснѣйшихъ техниковъ слова, какого только можно встрѣтить. Ну, и чтò-жъ? Будьте увѣрены, что фразы послѣдняго отживутъ, когда стихи перваго будутъ еще свѣжи, потому что поэтъ не столько сочинилъ ихъ, сколько пережилъ. Колоссальныя постройки, нагромождаемыя риторами, въ концѣ-концовъ всегда валятся на-земь.

Само собой разумѣется, что въ шестнадцать лѣтъ мы такъ не разсуждали. Мы просто подчинялись обаянію Мюссè. Онъ казался намъ братомъ. Плохія риемы, за которыя его такъ упрекаютъ, пренебреженіе къ поэтической позѣ, индивидуальныя рамки, въ которыя онъ замыкается, не шокировали насъ;—напротивъ того: составляли, быть можетъ, одну изъ причинъ нашей къ нему нѣжности. Онъ говорилъ намъ о женщинахъ съ горечью и страстью, насъ воспламенявшими. Мы хорошо сознавали, что онъ ихъ обожаетъ подъ маской презрительнаго и насмѣшливаго Донъ-Жуана, обожаетъ ихъ настолько, чтобы умереть отъ ихъ любви. Онъ былъ такимъ же скептикомъ и такимъ же пылкимъ, какъ и мы; онъ былъ слабъ и гордъ, и съ такимъ же увлеченіемъ каялся въ грѣхахъ, какъ и грѣшилъ. Говорили, что онъ выразилъ собою вѣкъ; портретомъ его считали въ особенности Роллу, пресыщеннаго въ двадцать лѣтъ и убивающаго себя на квартирѣ у падшей женщины, которую полюбилъ, испуская духъ. Образъ прекрасный, показывающій, какъ безсмертная любовь оживаетъ сама собой, и доказывающій, что даже поколѣнія, прожигающія жизнь, напрасно отчаяваются, потому что радость любви безсмертна; но я нахожу, что у Мюссè гораздо больше общечеловѣческаго, чѣмъ современнаго. Ролла у него драпированный поэтъ, фигура сочиненная. Онъ роковымъ образомъ былъ сыномъ первыхъ романтиковъ; восемнадцати лѣтъ, глядясь въ зеркало, онъ навѣрное мечталъ о Рене и о Манфредѣ. Въ силу этого создался сынъ вѣка, на котораго ссылаются и по сіе время: этотъ капризный сынъ, ангелъ и демонъ, разбивающій чашу, изъ которой пьетъ, и охваченный безконечнымъ сомнѣніемъ и безконечной страстью. Но, къ счастью, онъ не застылъ на этомъ лицѣ. Геній у него былъ слишкомъ свободенъ, чтобы не проявиться во всей шири. Когда онъ писалъ „Les Nuits“, онъ уже сбросилъ романтическое одѣяніе; онъ перестал быть представителемъ своей эпохи, и сталъ общечеловѣческимъ поэтомъ. Голосъ его звучалъ, какъ крикъ любви и горя всего человѣчества. Тутъ онъ внѣ моды, внѣ литературныхъ школъ. Жалобы его откликаются въ сердцахъ всѣхъ людей. Вотъ какъ я объясняю въ настоящее время то сочувствіе, какое онъ въ насъ возбуждалъ. Мы уже не были

школьниками, восхищенными совершенствомъ фразы, но людьми, которые вдругъ услышали отголосокъ своихъ собственныхъ чувствъ. Онъ жилъ жизнью человѣчества, и мы съ нимъ переживали ее.

Въ ту эпоху не существовало молодого человѣка въ провинціи, у котораго бы въ библіотекѣ не было стихотвореній Альфреда де-Мюссе́. Еще и по сіе время, увѣряютъ меня, каждый юноша, окончившій курсъ въ коллежѣ, первымъ дѣломъ покупаетъ его стихотворенія. Въ провинціи очень мало читаютъ. Въ каждомъ маленькомъ городкѣ есть пятнадцать-двадцать молодыхъ людей, занимающихся литературой. Новыя книги туго проникаютъ въ эти замкнутые кружки; въ нихъ придерживаются извѣстныхъ, любимыхъ сочиненій. Вотъ тамъ-то Мюссе́ царитъ безусловно. Поэтому экземпляры его стихотвореній шибко расходятся, и издатель увѣрялъ меня недавно, что въ послѣднія двадцать лѣтъ, несмотря на множество изданій, продажа не ослабѣвала. Я привожу этотъ фактъ, чтобы показать постоянство успѣха. Правда, что въ числѣ покупателей Мюссе́ надо считать и женщинъ. Въ провинціи и женщины также его много читаютъ. Долгое время онѣ придерживались Ламартина. Но потомъ Ламартинъ сталъ поэтомъ молодыхъ дѣвушекъ, единственнымъ поэтомъ, который терпится въ рукахъ пансіонерокъ; а на другой день свадьбы каждая молодая дама проникается обожаніемъ къ Мюссе́. Межъ тѣмъ какъ звѣзда Ламартина блѣднѣетъ, звѣзда Мюссе́ сіяетъ на горизонтѣ ровнымъ блескомъ. Поучительно бываетъ прослѣдить направленіе моды, перемѣщающей восторги. Если нельзя еще окончательно классифицировать поэтовъ начала нынѣшняго вѣка, то уже теперь можно предвидѣть, каковы будутъ эти классификаціи въ будущемъ вѣкѣ.

Сознаюсь, впрочемъ, что я, лично, не могу разсуждать о Мюссе́ съ холоднымъ безпристрастіемъ. Какъ я уже говорилъ, онъ наполнялъ мою юность. Когда я читаю его стихи, во мнѣ оживаетъ моя молодость. Поэтому я не имѣю въ виду представить здѣсь критическій этюдъ. Я просто хочу поговорить о поэтѣ, по поводу біографіи, изданной его братомъ.

II.

Книга Поля де-Мюссе́, давно обѣщанная, ожидалась съ нетерпѣніемъ. Публика надѣялась узнать, наконецъ, истину о Мюссе́. Не существуетъ писателя, о жизни котораго сложилось бы больше легендъ. Даже при жизни о немъ разсказывались самыя противорѣчивыя исторіи. Отсюда возникало весьма законное любопытство: если Поль де-Мюссе́ не скажетъ правды, то отъ кого же ждать ея. Ему

легко было узнать ее, и въ этомъ отношеніи онъ исполнялъ долгъ, въ которомъ никто не могъ съ нимъ соперничать.

Но вотъ что. Поразмысливъ хорошенько, я думаю, что на книгу Поля де-Мюссé перестали бы такъ разсчитывать. Конечно, никто не могъ лучше его описать жизнь брата; у него подъ руками и воспоминанія, и всякаго рода документы. Но дѣло въ томъ, что хотя онъ знаетъ больше, чѣмъ другіе, за то роковымъ образомъ долженъ желать о многомъ умолчать. Книга его съ первыхъ же страницъ должна была превратиться въ защитительную рѣчь. Онъ не разсказываетъ жизнь брата, онъ его защищаетъ отъ слуховъ, носящихся на его счетъ. Онъ охотно набрасываетъ покрывало на недостатки и напираетъ на хорошія качества. Словомъ, онъ недостаточно безпристрастенъ, чтобы мы могли повѣрить ему на слово. Такимъ образомъ вывожу, что біографія Альфреда де-Мюссé, написанная Полемъ де-Мюссé, должна приниматься съ извѣстными ограниченіями.

Но она получаетъ громадный интересъ, благодаря документамъ. Въ книгѣ пропасть новыхъ фактовъ. Мы должны смотрѣть на нее, какъ на сборникъ матеріаловъ, которыми воспользуется будущій біографъ. Сличивъ защиту съ обвиненіемъ, мы получимъ, быть можетъ, со временемъ настоящую правду. Слѣдовало бы разспросить современниковъ Мюссé, находящихся еще въ живыхъ, сличить ихъ показанія съ свидѣтельствомъ его брата, и высказать сужденіе послѣ тщательнаго изслѣдованія. Впрочемъ, это не входитъ въ мои планы. Я удовольствуюсь разборомъ документовъ, представленныхъ Полемъ де-Мюссé.

Альфредъ де-Мюссé былъ, какъ кажется, буйнымъ и преждевременно развитымъ ребенкомъ. Онъ родился въ Парижѣ, въ 1810 г., въ улицѣ des Noyers, одной изъ самыхъ узкихъ и населенныхъ улицъ стараго Парижа. Домъ, подъ № 33, существуетъ до сихъ поръ, хотя цѣлая часть улицы отрѣзана новымъ бульваромъ. Поэтъ росъ тамъ въ строгой семьѣ подъ сѣнью стариннаго жилища. Трудно было бы найти болѣе неподходящую среду для его страстнаго и свободнаго генія, стремившагося на просторъ. Поль де-Мюссé сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ его ранняго дѣтства. Я приведу слѣдующую: „Альфреду было три года, когда ему принесли пару маленькихъ красныхъ башмачковъ, показавшихся ему великолѣпными. Его стали одѣвать, ему не терпѣлось показаться на улицѣ въ своихъ новыхъ башмакахъ, цвѣтъ которыхъ совсѣмъ очаровалъ его. Въ то время, какъ мать расчесывала свои длинные локоны, онъ топалъ ногами отъ нетерпѣнія. Наконецъ вскричалъ слезливымъ голосомъ: „да торопись же, мамаша! мои новые башмаки сдѣлаются старыми!" Біографъ усматриваетъ въ этомъ нетерпѣніи жажду скорѣе

насладиться жизнью, позднѣе отличавшую Альфреда де-Мюссé. Вотъ другой фактъ, который кажется мнѣ еще страннѣе. Альфреду де-Мюссé было въ ту пору девять лѣтъ. „У Альфреда начались нервные припадки отъ недостатка воздуха и движенія, напоминавшія припадки дѣвушекъ, страдающихъ отъ блѣдной немочи. Въ одинъ прекрасный день онъ разбилъ одно изъ зеркалъ гостиной шаромъ слоновой кости, порѣзалъ новыя занавѣсы, и прилѣпилъ большую облатку къ картѣ Европы какъ разъ по срединѣ Средиземнаго моря. Эти три проказы остались безъ наказанія, потому что онъ очень сокрушался о нихъ“.

Дѣтство будущаго великаго поэта протекло подъ крылышкомъ у матери. Къ нему приходили учителя, и онъ гораздо позднѣе поступилъ въ коллежъ. Зимы протекали въ старомъ домѣ въ улицѣ des Noyers. Лѣтомъ ѣздили иногда въ деревню, къ родственникамъ, или же въ имѣніе одной пріятельницы m-me Мюссè. Умъ ребенка повидимому впервые пробудился при чтеніи рыцарскихъ романовъ. Ему было тогда восемь лѣтъ. „Намъ дали читать „Освобожденный Іерусалимъ“. Мы проглотили его. Затѣмъ прочитали „Неистоваго Роланда“, „Амадиса“, „Пьерра де Провансъ“, „Жерара де-Неверъ“ и пр. Мы бредили рыцарскими подвигами, битвами, ударами копья и шпаги. Что касается любовныхъ сценъ, то онѣ намъ не нравились, и мы поскорѣе переворачивали страницы, когда паладины принимались ворковать. Вскорѣ голова наша наполнилась различными похожденіями...“ Прежде рыцарскихъ романовъ его восхитили сказки „Тысячи и одной ночи“, до такой степени, что онъ разыгрывалъ въ лицахъ эти сказки вмѣстѣ съ братомъ. Они построили восточное зданіе въ саду, изъ старой конторки, обойной лѣстницы и нѣсколькихъ досокъ, и это зданіе было ареной настоящихъ битвъ. Позднѣе они избѣгали всѣ закоулки дома, чтобы узнать, не содержитъ ли онъ потаенныхъ мѣстъ, какъ сказочные дома; они искали потайныхъ дверей, лѣстницъ, подземелій. Затѣмъ, вмѣстѣ съ годами явилось сомнѣніе, и они увѣрились въ печальной истинѣ, что сквозь стѣны не очень удобно путешествовать. Чтеніе „Донъ-Кихота“ довершило разочарованіе. Такъ разрѣшился въ дѣтствѣ Альфреда де-Мюссè періодъ чудеснаго и невозможнаго, — болѣзнь, не представлявшая для него опасности, такъ какъ онъ отдѣлался отъ нея въ ту пору, когда другіе ею обыкновенно заболѣваютъ. Она оставила въ немъ лишь поэтическій и великодушный элементъ, нѣкоторую наклонность смотрѣть на жизнь, какъ на романъ, юношеское любопытство и любовь къ непредвидѣнному сцѣпленію обстоятельствъ, къ капризамъ случая.

Повторяю, дѣтство Альфреда де-Мюссè не представляло ничего выдающагося. Онъ былъ, повидимому, хорошимъ ученикомъ, прилеж-

нымъ и трудолюбивымъ. У него былъ сначала наставникъ, затѣмъ онъ поступилъ въ небольшое заведеніе, гдѣ оставался недолго; товарищи преслѣдовали его, били даже тогда, когда онъ спасался подъ прикрытіе слуги, отводившаго его домой. Наконецъ, онъ поступилъ въ коллежъ Henri IV; тамъ товарищемъ его былъ герцогъ Шартрскій, котораго отецъ, будущій король Луи-Филиппъ, отдалъ туда, въ доказательство своихъ демократическихъ чувствъ. Вотъ въ эту-то эпоху Мюссѐ случилось проводить каникулы въ зàмкѣ Нейльи. „Онъ понравился всей Орлеанской фамиліи и въ особенности матери молодыхъ принцевъ, которая рекомендовала своему сыну не забывать маленькаго блондинчика. Рекомендація была излишняя: де-Шартръ— какъ его звали въ коллежѣ —оказывалъ явное предпочтеніе Альфреду. Во время классовъ онъ писалъ ему кучу записокъ на бумажныхъ „обрывкахъ". Альфредъ де-Мюссѐ получилъ вторую награду за латинскую диссертацію „О происхожденіи нашихъ чувствъ". Это одно доказываетъ, что онъ отлично учился.

Я не могу слѣдить шагъ за шагомъ за біографіей Мюссѐ и предпочитаю сгруппировать факты такъ, чтобы освѣтить различныя стороны человѣка и поэта. Меня прежде всего интересуетъ человѣкъ. Итакъ, я прямо перейду отъ ребенка къ взрослому и займусь исторіею страстей Мюссѐ. Онъ много любилъ; его братъ даетъ понять, что число его любовныхъ похожденій было безконечно. Но самой громкой изъ его связей и повліявшей, по сказаніямъ легенды, на всю его жизнь, была связь съ Жоржъ-Сандъ. Эта кратковременная любовь произвела много шума. По смерти поэта, Поль де-Мюссѐ и Жоржъ-Сандъ обмѣнялись романами, точно ударами кистеня; первый стремился доказать, что любовница была во всемъ виновата, вторая возражала—что любовникъ оказался нестерпимымъ.

Поэтому въ біографіи, написанной Полемъ де-Мюссѐ, любопытные искали новыхъ подробностей; но любопытство не было удовлетворено, біографъ не прибавилъ ничего къ фактамъ, уже раньше обнародованнымъ.

Эта исторія въ общихъ чертахъ извѣстна, Альфредъ де-Мюссѐ и Жоржъ-Сандъ отправились вмѣстѣ путешествовать по Италіи. Въ Венеціи Мюссѐ заболѣлъ, и Жоржъ-Сандъ измѣнила ему ради молодого доктора итальянца, лечившаго его. Поэтъ вернулся во Францію одинъ, больной и съ разбитымъ сердцемъ. Эта исторія, въ которой очень трудно допытаться до настоящей правды, въ сущности очень банальна. Она получила трагическое и глубокое значеніе только благодаря высокому литературному положенію обоихъ лицъ. Любовная ссора ихъ окрашивалась ихъ геніемъ, и гласность, окружавшая всѣ ихъ дѣйствія, роковымъ образомъ удесятерила значеніе этого приключенія. Измѣна Жоржъ-Сандъ несомнѣнна и кажется нѣсколько

жестокою, благодаря обстоятельствамъ, при которыхъ произошла. Но надо сказать и то, что едва ли существовало другихъ два лица, менѣе созданныхъ другъ для друга, какъ Мюссе и Жоржъ-Сандъ. Насколько одинъ былъ избалованнымъ ребенкомъ, требовательнымъ и капризнымъ, руководствующимся однимъ личнымъ наслажденіемъ, живущимъ со дня на день, настолько другая была солидна и холодна, методична и занималась писательствомъ съ аккуратностью хорошей торговки. Понятно, что они роковымъ образомъ полюбили другъ друга, но еще понятнѣе, что они не ужились другъ съ другомъ и разстались недружелюбно. Они должны были измучить другъ друга. Я, впрочемъ, убѣжденъ, что Мюссѐ всю свою жизнь былъ самымъ невыносимымъ любовникомъ, какого только можно себѣ представить. Это до нѣкоторой степени объясняетъ измѣну Жоржъ-Сандъ.

Затѣмъ я полагаю, что много сказочнаго въ страданіяхъ Мюссѐ, послѣ разрыва съ Жоржъ-Сандъ. Самолюбіе его, конечно, было жестоко оскорблено. Онъ вернулся въ Парижъ въ плачевномъ видѣ. Вотъ что̀ разсказываетъ его братъ: „10 апрѣля вернулся, наконецъ, бѣдняжка блудный сынъ, съ исхудалымъ лицомъ и измученнымъ видомъ. Какъ только-что онъ пріютился подъ материнское крылышко, выздоровленіе стало вопросомъ времени; но можно судить о серьёзности его болѣзни по медленности выздоровленія и по психологическимъ явленіямъ, сопровождавшимъ его. Въ первый разъ какъ братъ вздумалъ разсказать намъ о своей болѣзни и о причинахъ его возвращенія въ Парижъ, онъ вдругъ поблѣднѣлъ и упалъ въ обморокъ. Съ нимъ сдѣлался страшный нервный припадокъ, и прошелъ цѣлый мѣсяцъ, прежде чѣмъ онъ могъ вернуться къ этому предмету и докончить свой разсказъ". Это доказываетъ главнымъ образомъ нервную чувствительность Мюссѐ, чувствительность, подтверждаемую другими любопытными примѣрами. Онъ долго просидѣлъ взаперти, какъ это всегда случалось съ нимъ послѣ каждой любовной ссоры. Впрочемъ, вотъ эпилогъ исторіи. „Онъ объявилъ мнѣ, послѣ того какъ написалъ „la Nuit de mai", что рана его окончательно зажила. Я спросилъ у него, не можетъ ли она вновь раскрыться. „Можетъ быть,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—но если она когда-нибудь еще раскроется, то только въ поэтическомъ смыслѣ". Двадцать лѣтъ позже, однажды вечеромъ, въ гостиной нашей матери зашла рѣчь о разводѣ. Альфредъ сказалъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, которыя этого не забыли: „законы о бракѣ вовсе не такъ дурны. Была такая минута въ моей молодости, когда я охотно отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы разводъ существовалъ въ нашемъ кодексѣ, и я могъ бы жениться на замужней женщинѣ. Если бы желанія мои исполнились, я бы пустилъ себѣ пулю въ лобъ шесть мѣсяцевъ спустя".

Итакъ, трудно объяснить печальный конецъ Мюссѐ горечью ве-

дикой, обманутой любви. Если онъ облѣнился и спился, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть результатъ извѣстнаго темперамента. Онъ былъ предназначенъ къ этому паденію. Жажда наслажденія, стремленіе прожигать жизнь въ погонѣ за непосредственными ощущеніями, должны были привести къ этой быстрой потери власти надъ самимъ собой. Восемнадцати лѣтъ онъ ринулся въ омутъ удовольствій. Какъ говоритъ его братъ, „прогулки верхомъ были въ модѣ: онъ нанималъ верховыхъ лошадей. Азартная игра была въ ходу: онъ сталъ играть. Принято было проводить ночи безъ сна: онъ не спалъ ночей". И такимъ образомъ, всю свою жизнь онъ израсходовалъ на сильныя ощущенія. Поль де-Мюссѐ, который его, однако, защищаетъ, приводитъ слѣдующую весьма характеристическую подробность. „Зачастую Альфредъ жаловался, что жизнь долга̀ и что проклятое время совсѣмъ не движется". А дальше, упомянувъ про внезапные припадки мизантропіи, когда Альфредъ запирался въ своей комнатѣ, онъ сообщаетъ: „когда у него являлось желаніе развлечься и измѣнить образъ жизни, онъ переходилъ отъ одной крайности въ другую. Онъ ходилъ десять разъ съ-ряду въ итальянскую оперу, или въ Opéra-comique, и затѣмъ возвращался въ одинъ прекрасный вечеръ, надолго пресытившись музыкой. Когда онъ предпринималъ другое какое-нибудь увеселеніе, то набрасывался на него съ тѣмъ же увлеченіемъ. Все это было неблагоразумно и зачастую вредно для его здоровья, но до самой кончины своей онъ ни за что не хотѣлъ подчиниться болѣе правильному образу жизни или хоть сколько-нибудь беречься". Все это показываетъ несимметричный темпераментъ, съ головой бросающійся въ житейскій омутъ, торопясь скорѣе покончить какъ съ хорошими, такъ и съ дурными вещами, непостоянный какъ у ребенка и быстро переходящій отъ увлеченія къ отвращенію. Послѣ женщинъ долженъ былъ наступить чередъ вина. Женщины заставляли его страдать; вино, быть можетъ, утѣшитъ его. И я представляю его себѣ въ эту эпоху тѣмъ самымъ Донъ-Жуаномъ, котораго онъ создалъ, и который, утомясь искать прекрасное, напивается пьянъ въ кофейнѣ, чтобы отдѣлаться отъ докучливаго разума.

Лѣность его объясняется точно также. Онъ слишкомъ увлекался поэзіей, и она перестала удовлетворять его. Братъ приводитъ его слова, которыя весьма типичны. Мюссѐ говорилъ: „развѣ я экспедиторъ или комми-вояжеръ, что ко мнѣ пристаютъ съ тѣмъ, ка̀къ я трачу свое время! Я много писалъ; я написалъ столько же стиховъ, сколько Данте и Тассо. Чортъ побери! кому приходило въ голову обзывать ихъ лѣнтяями? Когда Гёте пришла охота сложить руки, кто и когда попрекалъ его тѣмъ, что онъ слишкомъ долго развлекается научными бездѣлками? Я буду поступать, какъ Гёте, до

конца жизни, если это мнѣ понравится. Муза моя мнѣ принадлежитъ и я докажу публикѣ, что она меня слушается, и что для того, чтобы получить отъ нея что-либо, надо мнѣ понравиться". Это не болѣе, какъ изворотливая и капризная выходка. Въ самомъ дѣлѣ, если писатель всегда воленъ перестать писать, то тѣмъ не менѣе, когда онъ не пишетъ, — этимъ доказываетъ, что сказать ему больше нѣчего. Между тѣмъ писатель, которому нѣчего сказать,—писатель поконченный, отжившій, какіе бы резоны ни приводилъ онъ въ свое оправданіе. Особенно характерно заявленіе Мюссé, что муза ему принадлежитъ и что онъ намѣренъ обращаться съ ней, какъ съ рабой. Онъ весь высказался въ этихъ словахъ. Онъ способенъ былъ приревновать свою музу къ публикѣ и перестать писать затѣмъ, чтобы его больше не читали, изъ желанія наслаждаться въ одиночествѣ. Произнося публичную исповѣдь, онъ вдругъ умолкъ, охваченный желаніемъ молчанія. Или же, быть можетъ, онъ чувствовалъ, что его геній старѣется, и желалъ остаться вѣчно молодымъ.

Но какъ бы то ни было, а факты на лицо: Мюссè пережилъ свой геній и спился съ круга. Когда онъ умеръ, 2 мая 1857 г., толковали про болѣзнь сердца; но въ сущности онъ медленно убивалъ себя разгульной жизнью. Къ чему защищать его въ настоящее время? Потомство не станетъ требовать отъ него буржуазныхъ добродѣтелей. Голова его увѣнчана безсмертными лаврами не за то, что онъ рано ложился спать и пользовался уваженіемъ въ своемъ околоткѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы менѣе великъ, если бы велъ регулярную жизнь. Его возвеличиваетъ и дѣлаетъ дорогимъ для всѣхъ насъ именно то обстоятельство, что онъ прожигалъ жизнь, что онъ выражалъ собою молодость и безуміе нашего вѣка. Въ нашу нервозную эпоху, онъ былъ самымъ нервнымъ организмомъ, самымъ впечатлительнымъ и отзывчивымъ. Его слѣдуетъ признать съ его геніемъ и съ его заблужденіями. Оспаривать причину его смерти—значило бы умалять его значеніе.

III.

Перехожу теперь къ Мюссè, какъ писателю. Братъ рисуетъ его намъ съ довольно неожиданной стороны. Онъ утверждаетъ, что въ немъ скрывался великій критикъ. По его словамъ, Мюссé прежде всего наслаждался всѣмъ, чтó ему нравилось. „Онъ разгорячался, приходилъ сначала въ восторгъ, затѣмъ начиналъ разбирать и критиковать. Упражняя способности, повидимому, исключающія другъ друга, восторгъ и проницательность, онъ пріобрѣлъ не только въ

литературѣ, но и во всѣхъ искусствахъ такую основательность въ сужденіяхъ, что за неимѣніемъ лучшаго могъ бы быть однимъ изъ самыхъ значительныхъ критиковъ своего времени". Мнѣ это кажется довольно сомнительнымъ, но одно вѣрно, что Мюссé не былъ сектантомъ въ литературѣ, что онъ не держался какихъ-нибудь опредѣленныхъ принциповъ или теорій, а слѣдовалъ указаніямъ своего вкуса и разума. Все его литературное развитіе—въ этомъ.

Вотъ довольно любопытныя обстоятельства, при которыхъ высказалось призваніе Мюссé. Его семья жила въ Отейлѣ и сдружилась съ семьей водевилиста Мемвилля. Устроился домашній спектакль, и будущій поэтъ „Nuits" снискалъ рукоплесканія Скриба — что довольно пикантно. Между тѣмъ Мюссе продолжалъ посѣщать лекціи въ Парижѣ и каждое утро и вечеръ проходилъ черезъ Булонскій лѣсъ. „Въ тотъ день, какъ онъ унесъ съ собою стихотворенія Андре Шенье, онъ позже обыкновеннаго вернулся на дачу. Увлеченный прелестью этой элегической поэзіи, онъ избралъ самую длинную дорогу. Отъ удовольствія перечитывать и говорить наизусть стихи, которые нравятся, до желанія писать ихъ—одинъ шагъ. Альфредъ не устоялъ передъ искушеніемъ. Онъ сочинилъ элегію, которую не счелъ достойной сохранить". Итакъ, эта элегія первое стихотвореніе, написанное поэтомъ. Вотъ теперь исторія съ первымъ журналомъ, гдѣ были напечатаны его стихи. „Маленькая газетка, самаго крошечнаго формата—выходила тогда въ Дижонѣ, три раза въ недѣлю, подъ заглавіемъ: „Провинціалъ"... По рекомендаціи Поля Фуше, юный и неизвѣстный поэтъ послалъ туда балладу, нарочно написанную для „Провинціала". Это стихотвореніе, озаглавленное „Un rêve" появилось въ воскресномъ нумерѣ, 31 августа 1828 г. Подъ нимъ стояли заглавныя буквы „A. D. M." Въ лѣсу Отейля юный блондинъ сочинилъ эту шутку". Мюссè было тогда восемнадцать лѣтъ. Наконецъ, нѣсколько мѣсяцевъ позже, онъ напечаталъ свою первую книгу. „Альфредъ счелъ за счастіе перевести съ англійскаго небольшой романъ для книгопродавца Мама. Онъ озаглавилъ его просто: „Le Mangeur d'opium". Издатель непремѣнно захотѣлъ, чтобы романъ названъ былъ: „l'Anglais, mangeur d'opium". Этотъ небольшой томикъ, который трудно было бы, по всей вѣроятности, достать въ настоящее время, былъ написанъ въ одинъ мѣсяцъ".

Критическое чутье, приписываемое Альфреду де-Мюссé его братомъ, вмѣстѣ съ независимостью его таланта, объясняетъ его роль въ романтической плеядѣ. Съ самаго начала онъ былъ однимъ изъ восторженнѣйшихъ послѣдователей Виктора Гюго. „Онъ еще не кончилъ курса, какъ уже былъ введенъ въ домъ Виктора Гюго своимъ собратомъ и другомъ Полемъ Фуше. Онъ встрѣчалъ тамъ Альфреда

де-Виньи, Проспера Меримэ, Сентъ-Бёва, Эмиля и Антони Дешанъ, Луи Буланже и др. Вскорѣ онъ сталъ новобранцемъ новой религіи и былъ допущенъ къ вечернимъ прогулкамъ, когда ходили смотрѣть, какъ садится солнце и созерцать Парижъ съ высоты башенъ Нотръ-Дамъ". Въ эту эпоху написалъ онъ маленькую поэму, чистѣйшее подражаніе Виктору Гюго. То была небольшая романтическая сцена, дѣйствіе которой происходило въ Испаніи и которую позднѣе онъ не призналъ достойной печати. Долгое время однако онъ скрывалъ, что пишетъ стихи. Наконецъ, однажды рѣшился прочитать элегію и нѣсколько балладъ. „Элегіи много хлопали; но поэма „Agnès", подражаніе Виктору Гюго, возбудила настоящій восторгъ. Громадное различіе въ манерѣ и слогѣ не могло ускользнуть отъ вниманія такихъ умныхъ слушателей... Изъ этого можно было бы заключить, что ему трудно будетъ служить долго подъ какимъ-нибудь знаменемъ и что онъ вскорѣ пойдемъ своимъ путемъ; но объ этомъ никто не подумалъ". Эти первыя стихотворенія никогда не появлялись въ печати. Мюссè, ободренный, тотчасъ же написалъ другіе и прочиталъ ихъ своимъ друзьямъ. Эти стихотворенія всѣмъ извѣстны: „le Lever", „l'Andalouse", „Don Paëz", „les Marrons du feu", „Portia", „la Ballade à la Lune". Мюссé было тогда девятнадцать лѣтъ, и онъ уже вполнѣ развился. Кружокъ Виктора Гюго рукоплескалъ стихотвореніямъ блондина, повидимому не подозрѣвая, что они вносятъ съ собой литературную революцію. Чтобы открыть глаза романтикамъ, надо было, чтобы вышелъ первый томъ сочиненій поэта „Les Contes d'Espagne". Изданіе этой книги сдѣлалось цѣлымъ событіемъ, отнынѣ принадлежащимъ литературной исторіи. Отецъ Мюссé, безпокоясь о судьбѣ сына, помѣстилъ его въ конторѣ нѣкоего Февреля, взявшаго на себя подрядъ отопленія казармъ. Натурально, поэтъ задыхался въ этой должности, и ему пришло въ голову попытать свои силы на литературномъ поприщѣ, въ надеждѣ тронуть семью и завоевать себѣ свободу. Онъ снесъ свои стихотворенія къ издателю Урбену Канелю, который согласился ихъ напечатать, но объявилъ дебютанту, что ему нужно еще по крайней мѣрѣ пятьсотъ стиховъ, чтобы издать приличную книжку. И вотъ Мюссé лихорадочно принялся за работу. Онъ получилъ отпускъ; отправился въ Манъ, гдѣ жилъ одинъ изъ его дядей, и вернулся три недѣли спустя съ поэмой „Mardoche". Кажется, что наборщики набирали въ свободные часы произведеніе поэта, никому еще неизвѣстнаго. Мюссé прочиталъ свою книгу всѣмъ друзьямъ дома, и ему предсказывали большой успѣхъ. И дѣйствительно, успѣхъ былъ громадный. „Испанскія сказки" появились въ концѣ декабря 1829 г. Ихъ напечатали пятьсотъ экземпляровъ, потому что въ тѣ времена книгъ во Франціи не покупали, а брали ихъ изъ библіотекъ для

чтенія. Журналы разсердились, публика пришла въ восторгъ, и романтическій кружокъ увидѣлъ, что великій поэтъ-отщепенецъ выросъ въ его средѣ.

Разрывъ между Мюссé и романтиками близился. Послѣдніе признали въ „Испанскихъ сказкахъ" произведеніе единомышленника. Но произведенія, послѣдовавшія затѣмъ и напечатанныя въ „Revue de Paris": „les Voeux stériles", „Octave", а главное „les Penseés de Rhaphaël", очень ихъ разсердили Я предоставляю слово его брату: „извѣстно, что поэтъ приносилъ повинную родному языку въ томъ, что порою нарушалъ его правила. Расинъ и Шекспиръ, говаривалъ онъ, сталкиваются у него на столѣ съ Буало, который имъ простилъ; и хотя онъ похвалялся, что муза его ходитъ босикомъ, какъ истина, но классикамъ могло казаться, что она обута въ золотыя котурны. Они могли бы порадоваться принесенной повинной, но сдѣлали видъ, что не признаютъ ее, и какъ Мольеровскій маркизъ наладилъ одно про tarte à la crême, такъ и они наладили про „un point sur un i" въ „Ballade à la lune". Въ то же самое время романтики, оскорбленные взглядами Рафаэля, стали жаловаться на измѣну и не преминули объявить, что авторъ „Испанскихъ сказокъ" выдохся и не сдержалъ того, чтó обѣщалъ вначалѣ. Альфредъ де-Мюссé вдругъ очутился безъ союзниковъ; всѣ партіи возстали на него; но онъ былъ молодъ и высокомѣренъ... Мало-по-малу произошелъ полный разрывъ. Романтики совсѣмъ разсердились и стали относиться къ Мюссé, какъ къ взбунтовавшемуся мальчишкѣ". Но любопытнѣе всего то, что и въ настоящее время въ кружкѣ состарѣвшагося Виктора Гюго о Мюссé отзываются съ величайшимъ пренебреженіемъ. Его упрекаютъ въ слабыхъ риѳмахъ и въ неумѣньи писать стихи. Я слышалъ какъ одинъ нераскаянный романтикъ изрекъ слѣдующую изумительную вещь: „Мюссé — поэтъ-аматёръ". Никогда риторы 1830 г. не могли простить возмутившемуся послѣдователю, что онъ былъ прежде человѣкомъ, а потомъ уже писателемъ. Кромѣ того, онъ былъ виноватъ въ томъ, что оказался непокорнымъ ученикомъ Виктора Гюго и занялъ мѣсто, почти равное тому, какое занималъ этотъ послѣдній. Такія преступленія не прощаются между поэтами.

Впрочемъ, Мюссé претерпѣлъ всѣ оскорбленія, какія наноситъ глупость геніальнымъ людямъ. Чтó должно было особенно огорчать его, это заговоръ молчанія, который долго поддерживала относительно его пресса. Во Франціи этотъ фактъ повторялся со всѣми крупно-талантливыми людьми, которые выростаютъ особнякомъ, не принадлежала ни къ какой котеріи. Когда новичокъ покажется безпокойнымъ, печать рѣшается никогда ни словомъ не упоминать о немъ, какъ бы ни были велики его произведенія. Она надѣется, что

такимъ образомъ публика не будетъ знать о немъ, и онъ съ отчаянія броситъ, быть можетъ, писать. Вотъ поучительная страница, написанная Полемъ де-Мюссé: „онъ сталъ замѣчать, что въ моментъ своего появленія самыя замѣчательныя его стихотворенія какъ-бы падали въ пустоту. Съ тѣхъ поръ какъ геній его расширилъ свой полетъ, съ тѣхъ поръ какъ стихи его стали понятны всѣмъ, потому что нужно было только имѣть сердце, для того чтобы понять ихъ красоты, печать стала прикидываться, что игнорируетъ его, и если когда и произносила его имя, то лишь какъ поэта „Испанскихъ сказокъ" и „Andalouse", какъ будто съ 1830 г. онъ ничего не писалъ". Къ счастію, этотъ заговоръ молчанія столько же неловокъ, какъ и глупъ. Наступаетъ часъ, когда первое попавшееся обстоятельство развязываетъ языкъ самымъ лукавымъ изъ противниковъ. Тогда поэтъ, котораго хотѣли устранить, представляется еще болѣе великимъ, и выходитъ точно будто прорвалась плотина; задержанныя слова поневолѣ текутъ изъ устъ и наполняютъ міръ. Относительно Альфреда де-Мюссé заговоръ былъ нарушенъ, вслѣдствіе успѣха, который имѣла его пьеса „Caprice" въ Comédie-Française, о которой я поговорю ниже.

Я уже упоминалъ про лѣность Мюссé. Онъ принадлежалъ къ поколѣнію писателей, выказывавшихъ презрѣніе къ труду. Мощные труженики тридцатыхъ годовъ работали украдкой; мода требовала, чтобы всѣ думали, что стóитъ только открыть окно и вдохновеніе влетитъ, какъ божественная птица. Насъ это немного удивляетъ въ настоящее время, потому что мы полагаемъ всю нашу силу въ трудѣ и ставимъ себѣ за честь, что талантъ пріобрѣтается нами путемъ терпѣнія. Самый совершенный типъ поэта той эпохи, это — Чаттертонъ Альфреда де-Виньи, юноша, рыдающій потому, что пишетъ за деньги и торгуетъ своимъ геніемъ. Мюссé страдалъ той же диковинной болѣзнью. Онъ желалъ работать, когда ему вздумается, и не имѣть ничего общаго съ фабрикантомъ, который долженъ доставить въ назначенный срокъ спѣшный заказъ. Братъ сообщаетъ намъ объ этомъ самыя любопытныя свѣдѣнія. Мюссé печаталъ почти все, что написалъ, въ „Revue des Deux-Mondes". Но онъ часто страдалъ отъ обязательствъ, принимаемыхъ имъ на себя относительно этого журнала. Однажды Мюссé, послушавшись совѣта брата, рѣшилъ написать нѣсколько прозаическихъ повѣстей, чтобы заработать денегъ, а Феликсъ Боннèръ, представитель „Revue", какъ разъ пришелъ къ нему съ визитомъ. „Онъ пришелъ на всякій случай, чтобы попросить какой-нибудь вещицы въ стихахъ или въ прозѣ, и ожидалъ услышать обычный отвѣтъ: „я ничего не высидѣлъ и не хочу высиживать, о, Боннèръ!" Потому, для него было пріятнымъ сюрпризомъ узнать о предполагавшихся работахъ. Альфредъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ

дѣлѣ, что обязался письменно доставить три повѣсти, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. „Но это обязательство послужило исходнымъ пунктомъ цѣлой драмы. Уже съ слѣдующаго дня онъ рѣзко бранилъ брата и кричалъ ему: „ты обратилъ меня въ ремесленника мысли, въ крѣпостного, прикрѣпленнаго къ землѣ, въ каторжника, осужденнаго на каторжную работу". Я подчеркиваю это отношеніе къ труду, потому что оно характеризуетъ цѣлый литературный періодъ. Неоднократно Мюссé пытался сѣсть за работу, чтобы выполнить свои обязательства. Онъ началъ странное произведеніе, которое хотѣлъ озаглавить „le Poète déchu" и въ которомъ высказывалъ всѣ свои горести, всѣ свои поэтическія и любовныя разочарованія; но это произведеніе никогда не было окончено, и онъ взялъ съ брата слов никогда не печатать того, чтó было написано. Поль де-Мюссé довольствуется въ „біографіи" тѣмъ, что приводитъ нѣсколько отрывковъ, весьма любопытныхъ. Наконецъ, поэту удалось освободиться какимъ-то образомъ отъ своего обязательства относительно „Revue", и только тогда онъ вздохнулъ свободно. Всякая насильственная работа была для него нестерпима. Конечно, въ настоящее время мы иначе понимаемъ вещи, потому что самые великіе писатели нашей эпохи хвалятся тѣмъ, что работаютъ по десяти часовъ въ сутки, и у многихъ есть контракты, заранѣе подписанные, съ нѣсколькими журналами и нѣсколькими издателями.

Альфредъ де-Мюссè въ своей ненависти къ правильному труду, повидимому, впередъ предвидѣлъ громадный успѣхъ фельетонныхъ романовъ. Вотъ чтó говоритъ его братъ: „съ проницательностью, которой я удивляюсь и понынѣ, онъ за три года впередъ угадалъ, что эта новая литература произведетъ вскорѣ революцію и сильно испортитъ вкусъ публики". Фельетонный романъ былъ его bête noire. Онъ обвинялъ его въ томъ, что онъ отвлекаетъ читателей отъ прекрасныхъ произведеній и, защищаясь отъ обвиненій въ лѣности, восклицалъ: „Желалъ бы я знать, гонялись ли за Петраркой десятки педагоговъ или городскихъ сержантовъ, заставляя его, съ ножомъ, приставленнымъ къ горлу, воспѣвать голубые глаза Лауры, когда ему хотѣлось отдыхать... Въ числѣ тѣхъ, кто обвиняетъ меня въ лѣности, сколько такихъ, желалъ бы я знать, которые повторяютъ это обвиненіе по наслышкѣ, и другихъ, которые въ жизнь свою не прочитали ни одной строчки стиховъ, и были бы очень озадачены, если бы ихъ заставили читать что-либо, кромѣ „Парижскихъ тайнъ". Фельетонный романъ—вотъ настоящая литература нашего времени".

Но и этотъ гордый и ревниво оберегавшій свою свободу писатель поддался однако минутной слабости. Я говорю о той минутѣ,

когда онъ согласился искать титула академика и поклониться тому, чтó онъ сожигалъ. Всѣ лица, присутствовавшіе при его пріемѣ въ академію, говорятъ, что у нихъ сердце сжималось, глядя на его смиренный видъ и слушая извиненія, которыя онъ счелъ нужнымъ принести за свой свободный геній. Поль де-Мюссé упоминаетъ лишь вскользь объ этомъ эпизодѣ въ жизни брата. Вотъ страница, написанная имъ по этому поводу и содержащая любопытные факты: „Альфредъ де-Мюссé полагалъ, что классики французской академіи слишкомъ низкаго о немъ мнѣнія, чтобы претендовать на мѣсто въ ихъ средѣ. Однако рѣшился на это, по настояніямъ Меримэ... Авторъ „Ночей“ оказался болѣе чувствительнымъ, чѣмъ бы я ожидалъ, къ этому знаку отличія, который онъ считалъ какъ-бы необходимымъ освященіемъ его таланта. Въ тотъ день, какъ онъ читалъ похвалу Дюпати, чье кресло занялъ, я слышалъ среди элегантной публики des petits nez roses шопотъ удовольствія и удивленія, вызванный моложавостью и бѣлокурыми волосами новаго академика. Ему можно было дать не болѣе тридцати лѣтъ... Выборы его совершились не безъ затрудненія. Изъ всѣхъ солидныхъ особъ, окружавшихъ его въ тотъ день, едва ли бы набрался десятокъ, читавшихъ его стихотворенія. Самъ Ламартинъ публично сознавался, что не читалъ ихъ. Другіе бранили его съ чужихъ словъ, не желая лично познакомиться съ нимъ. Наканунѣ баллотировки, Ансело́, особенно любившій кандидата и твердо рѣшившійся отдать ему свой голосъ, говорилъ въ Палерояльскомъ саду издателю Шарпантье: „Этотъ бѣдный Альфредъ —милый малый и самый пріятный свѣтскій человѣкъ, но, между нами будь сказано, онъ никогда не умѣлъ и никогда не съумѣетъ писать стиховъ“.

Изъ этого можно, слѣдовательно, заключить, что Мюссé былъ избранъ въ академики въ качествѣ свѣтскаго человѣка. Академія игнорировала его произведенія и избрала его лишь вслѣдствіе салонной интриги. Онъ былъ изъ хорошей фамиліи, и этого показалось достаточно. Признаюсь,—честь, оказанная при такихъ условіяхъ, недостойна геніальнаго человѣка.

IV.

Одной изъ самыхъ интересныхъ частей „Біографіи“ является та, гдѣ Поль де-Мюссé сообщаетъ исторію главнѣйшихъ стихотвореній своего брата. Это стóитъ изученія.

Поэтъ работалъ, когда ему хотѣлось, и ему нужно было предварительно возбудить себя чѣмъ-нибудь. Обыкновенно онъ принимался

за работу лишь подъ вліяніемъ сильнаго волненія. Когда онъ чувствовалъ охоту писать, то дожидался вечера, запирался въ своей комнатѣ, куда приказывалъ подать ужинъ, зажигалъ съ десятокъ свѣчей и работалъ до утра. Это было какъ-бы праздникомъ, который онъ задавалъ себѣ или своей музѣ, какъ говорили въ то время. Къ музѣ относились какъ къ любовницѣ. Мюссé назначалъ ей свиданіе; убиралъ свою комнату и ночь проходила en tête-à-tête. Прелестная иллюзія, способная скрасить тяжкій трудъ поэта! Мы снова сталкиваемся здѣсь съ вѣрой въ вдохновеніе, въ образѣ ангела, дожидающаго ночной тиши, чтобы влетѣть въ открытое окно къ поэту.

Вотъ, напримѣръ, исторія того, какъ была написана „Майская Ночь".

„Въ одинъ весенній вечеръ, возвратясь съ прогулки, совершённой имъ пѣшкомъ, Альфредъ прочиталъ мнѣ первыя двѣ строфы разговора между музой и поэтомъ, сочиненные имъ подъ каштанами въ Тюльери. Онъ проработалъ до утра. Когда онъ пришелъ къ завтраку, я не замѣтилъ на его лицѣ никакихъ слѣдовъ утомленія. Муза завладѣла имъ. Въ продолженіи всего дня онъ поочередно разговаривалъ и писалъ. Минутами онъ уходилъ отъ насъ, чтобы написать съ десятокъ стиховъ, затѣмъ возвращался болтать. Но вечеромъ вернулся къ работѣ, какъ на любовное свиданіе. Онъ приказалъ подать себѣ ужинъ въ комнату. Онъ охотно бы велѣлъ накрыть два прибора, чтобы у музы было опредѣленное за ужиномъ мѣсто. Всѣ подсвѣчники въ домѣ были вытребованы на этотъ случай; онъ зажегъ двѣнадцать свѣчей. Обитатели дома, увидя такую иллюминацію, могли подумать, что онъ даетъ балъ. Утромъ второго дня стихотвореніе было окончено, муза улетѣла; но ее такъ хорошо приняли, что она обѣщала вернуться. Поэтъ задулъ свѣчи, легъ спать и проспалъ до вечера. Проснувшись, онъ перечиталъ стихотвореніе и не сдѣлалъ въ немъ ни одной помарки. И вотъ, изъ міра идеальнаго, гдѣ онъ пробылъ два дня сряду, поэтъ съ-разу упалъ на землю, вздыхая, какъ будто его насильно пробудили отъ чуднаго и волшебнаго сна".

Я привелъ эту страницу цѣликомъ, потому что она показываетъ, какъ работалъ Альфредъ де-Мюссé. Онъ работалъ, какъ и жилъ, по капризу, и при постоянной иллюзіи наслажденія, которое желалъ съ-разу исчерпать до дна. Поэтому, послѣ такого увлеченія работой, онъ испытывалъ глубокое отвращеніе. Понятно, что ему такъ же скоро надоѣла поэзія, какъ и жизнь. Когда жизнь показалась ему пустой, онъ впалъ въ развратъ; когда трудъ показался ему лишнимъ, онъ отдался лѣни.

Исторія „Декабрьской Ночи" тоже очень интересна. До сихъ поръ

думали, что проклятія, содержащіяся въ этомъ стихотвореніи, обращены къ Жоржъ-Сандъ. Но, повидимому, это не такъ. Поль де-Мюссé разсказываетъ, что его братъ написалъ эти стихи, вслѣдствіе новаго любовнаго разрыва. „Однажды вечеромъ, вернувшись около полуночи домой, въ отвратительную погоду, я увидѣлъ столько свѣта въ окнахъ брата, что подумалъ, что у него гости. Онъ писалъ „Декабрьскую Ночь"... Я знаю, что многіе изъ читателей видѣли въ „Декабрьской Ночи" возвратъ къ воспоминаніямъ объ Италіи и какъ-бы дополненіе къ „Майской Ночи;" но это заблужденіе, которое слѣдуетъ исправить. Зная истину, я не могу допустить, чтобы смѣшивали двѣ совершенно разныя личности". Изъ этого видно, какъ составляются легенды. Альфредъ де-Мюссé совсѣмъ утѣшился въ измѣнѣ Жоржъ-Сандъ и, не умѣя жить безъ любви, оплакивалъ много другихъ разбитыхъ привязанностей.

Почитатели Альфреда де-Мюссé не подозрѣваютъ, что чуть было не получили новой „Ночи"—„Іюльской Ночи". Вотъ анекдотъ, и сверхъ того четыре неизданныхъ стиха поэта: „Однажды я видѣлъ, что братъ расхаживаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то напѣвая, то бормоча сквозь зубы слова, располагавшіяся въ полустишія. Наконецъ, онъ остановился передъ своимъ письменнымъ столомъ, взялъ большой листъ бумаги и написалъ на немъ нижеслѣдующее:

La Nuit de juin.

Le poète.

Muse, quand le blé pousse il faut être joyeux.
Regarde ces coteaux et leur blonde parure.
Quelle douce clarté dans l'immense nature!
Tout ce qui vit ce soir doit se sentir heureux.

„Приближался часъ обѣда. Такъ какъ я зналъ, что муза любила появляться съ закатомъ солнца, то и не сомнѣвался, что на другой день стихотвореніе будетъ на половину написано. Къ несчастію, вошелъ Таттэ (близкій другъ Мюссé); онъ пришелъ звать Альфреда обѣдать въ ресторанъ. Я умолялъ его не перебивать такого серьезнаго труда... Таттэ обѣщалъ мнѣ, что разойдутся сейчасъ послѣ обѣда. Альфредъ ушелъ..." Коротко сказать, стихотвореніе осталось недописаннымъ.

Чтобы докончить исторію „Ночей", надо сообщить какъ были написаны „Августовская" и „Октябрьская Ночи". „Августовская Ночь" была для автора по-истинѣ восхитительной ночью. Онъ убралъ свою комнату и открылъ окна. Свѣтъ свѣчей озарялъ цвѣты, наполнявшіе четыре вазы, разставленныя симметрично. Муза явилась точно новобрачная. Никакое развлеченіе, никакой праздникъ не могли срав-

ниться съ этими прекрасными часами пріятнаго и легкаго труда, и такъ какъ на этотъ разъ мысли поэта были ясныя, сердце излечилось, умъ бодръ, а воображеніе свѣжо, то онъ испытывалъ такое счастіе, о какомъ дюжинные люди и не подозрѣваютъ". Что касается „Октябрьской ночи", то она была написана въ промежуткахъ между двумя повѣстями. „Передавая о любви Валентина къ m-me Делонэ, авторъ размечтался о старыхъ воспоминаніяхъ и прошедшихъ горестяхъ. Воспоминанія воскресали все съ бо́льшей силой, и ему пришло въ голову написать дополненіе къ „Майской Ночи". Онъ ощущалъ въ сердцѣ точно наступающій приливъ. Муза вдругъ ударила его по плечу. Она не хотѣла ждать; онъ всталъ, чтобы принять ее, и хорошо сдѣлалъ, потому что она принесла ему „Октябрьскую Ночь", которая въ самомъ дѣлѣ является необходимымъ дополненіемъ къ „Майской Ночи", послѣднимъ словомъ великой горести и самой законной, какъ и самой убійственной местью: прощеніемъ".

Я дольше остановился на „Ночахъ"; но есть другое стихотвореніе, которое является тоже историческимъ въ жизни Мюссе́. Я говорю о „l'Espoir en Dieu", этомъ воплѣ вѣры, сорвавшемся вмѣстѣ съ рыданіемъ съ устъ величайшаго скептика изъ поэтовъ. Исторія этого стихотворенія довольно странная. Мюссе́ писалъ въ это время повѣсть „Фредерикъ и Бернеретта". Онъ заимствовалъ сюжетъ изъ своихъ воспоминаній, мимолетной связи съ одной сосѣдней гризеткой; но только, какъ поэтъ-идеалистъ, онъ не захотѣлъ передать голую правду. И вмѣсто настоящей Бернеретты, хорошенькой дѣвушки, безъ особенной грусти перешедшей къ новой любви, сочинилъ симпатичную и трогательную Бернеретту, умирающую двадцати лѣтъ. Между тѣмъ, въ то время, какъ онъ сочинялъ эту исторію, на него нашелъ припадокъ философской пытливости, — и это съ нимъ иногда бывало; его мучила задача человѣческой судьбы и окончательной цѣли жизни. Братъ говоритъ, что часто заставалъ его сидящимъ: охвативъ голову обѣими руками, стремясь проникнуть эту тайну, онъ требовалъ доказательствъ. Онъ прочиталъ всѣхъ возможныхъ философовъ, не найдя удовлетворенія. Тутъ я опять предоставляю слово Полю де-Мюссе́: „онъ закрывалъ книгу и принимался за исторію бѣдной Бернеретты. Но въ тотъ самый день, какъ онъ уложилъ въ могилу свою героиню, и слезы навертывались у него на глазахъ въ то время, какъ онъ дописывалъ послѣднюю страницу, сомнѣнія его разсѣялись. Онъ сказалъ мнѣ слѣдующія слова, которыхъ я въ жизни не забуду: „я достаточно читалъ, изслѣдовалъ, вникалъ. Слезы и молитва по существу своему божественны. Богъ далъ намъ способность плакать, и если слезы идутъ отъ него, то и молитва возносится къ нему". Въ слѣдующую же ночь, онъ началъ „l'Espoir en Dieu".

Я разскажу еще со словъ біографіи, какимъ образомъ былъ сочиненъ „le Rhin allemand". Я нахожу необыкновенную прелесть въ томъ, чтобы проникать такимъ образомъ во внутреннюю жизнь геніи и изучать у самаго источника вдохновеніе, волновавшее столько сердецъ. Однажды, завтракая съ матерью и съ братомъ, Мюссé перелистывалъ книжку „Revue des Deux-Mondes", гдѣ напечатана была пѣсня Беккера противъ Франціи и отвѣтъ Ламартина: „la Marseillaise de la paix". На кровавыя оскорбленія нѣмецкаго поэта Ламартинъ отвѣтилъ гуманной теоріей, стихотвореніемъ о братствѣ народовъ. Это былъ слишкомъ возвышенный и слишкомъ безкорыстный взглядъ на вопросъ. Поэтому Мюссé немедленно задумалъ также отвѣтить Беккеру. Онъ выходилъ изъ себя, крича, стуча кулакомъ по столу. Вдругъ онъ вскочилъ, побѣжалъ въ свою комнату, заперся въ ней—и два часа позже появился съ „le Rhin allemand". Извѣстно, какого шума надѣлала эта пѣсня, крайне высокомѣрная и презрительная въ своей напускной фамильярности. Болѣе пятидесяти композиторовъ положили ее на музыку. Ее распѣвали во всѣхъ казармахъ. Наконецъ, любопытная подробность: множество нѣмецкихъ офицеровъ прислали поэту вызовъ на дуэль. Поэтъ говорилъ, смѣясь: „отчего Беккеръ не пишетъ ко мнѣ? Его бы я охотно кольнулъ шпагой. Что касается юныхъ пруссаковъ, пусть дерутся съ французскими офицерами, вызывавшими на дуэль Беккера, если таковые найдутся".

V.

Альфредъ де-Мюссé былъ также и драматическимъ писателемъ, и самымъ оригинальнымъ и прелестнымъ, какого только можно себѣ представить. Поэтому исторія его пьесъ и отношеній къ театральнымъ дирекціямъ весьма характерна. Я разскажу вкратцѣ эту исторію.

Въ ранней молодости онъ подумывалъ о театрѣ и неоднократно брался за драматическія произведенія. Ему было не болѣе двадцати лѣтъ, когда онъ впервые попыталъ счастіе на театральномъ поприщѣ. Онъ только-что получилъ отъ отца позволеніе оставить свою должность и желалъ доказать ему, что съумѣетъ заработывать себѣ хлѣбъ. И вотъ когда онъ написалъ пьесу въ трехъ картинахъ, подъ заглавіемъ „la Quittance de minuit"; каждая картина состояла изъ одной сцены въ стихахъ. Эта пьеса была представлена въ театрѣ „des Nouveautés", принявшемъ нѣсколько лѣтъ спустя нынѣшнее названіе театра „du Vaudeville". Начались уже репетиціи, но на томъ дѣло и остановилось, и Поль де-Мюссé полагаетъ, что представленію по-

мѣшала іюльская революція. Пьеса, говоритъ онъ, до сихъ поръ лежитъ въ столѣ. Изъ этого анекдота можно заключить, что существуетъ неизданная пьеса Альфреда де-Мюссé. Само собой разумѣется, что эта пьеса должна быть довольно плоха и по всей вѣроятности никогда не выйдетъ въ свѣтъ.

Но театръ готовилъ поэту болѣе крупную обиду. Въ тотъ же годъ, осенью, директоръ *Одеона* попросилъ у автора „Испанскихъ сказокъ", слава котораго въ эту минуту гремѣла, новой и смѣлой пьесы. Онъ желалъ произвести сенсацію. Мюссé далъ ему „Венеціанскую ночь", и репетиціи живо пошли, а 1 декабря 1830 г. дано было первое представленіе. Никогда не бывало болѣе шумнаго паденія. Со второй сцены свистки перебивали рѣчи актеровъ. Зрители кричали, топали ногами, хохотали въ лучшихъ мѣстахъ. Публика, повидимому, рѣшила не слушать представленія. Еще и понынѣ трудно объяснить себѣ такое ожесточеніе. И что́ всего удивительнѣе, это то, что тотъ же шумъ повторился и на второмъ представленіи. Второе представленіе отмѣчено было еще одной изъ тѣхъ маленькихъ неудачъ, которыя въ театрѣ влекутъ за собой весьма крупныя послѣдствія. Героиня должна была опереться въ извѣстный моментъ на зеленый трельяжъ; между тѣмъ этотъ трельяжъ не успѣлъ высохнуть, и когда актриса, на которой было надѣто великолѣпное бѣлое атласное платье, повернулась къ публикѣ, всѣ увидѣли, что на бѣломъ атласѣ отпечатались зеленыя клѣтки трельяжа. Это приключеніе довершило бѣду. Зала, охваченная безумнымъ хохотомъ, не захотѣла слушать далѣе представленія. Альфреду де-Мюссé пришлось взять пьесу обратно.

Понятно, что онъ долго послѣ этого сердился на театръ. Его оскорбили слишкомъ жестоко для того, чтобы онъ вновь захотѣлъ попытать счастіе на новомъ поприщѣ. Долгое время онъ утверждалъ, что ремесло драматическаго писателя самое послѣднее изъ всѣхъ. Кромѣ того, онъ поклялся, что если когда-нибудь вздумаетъ писать театральную пьесу, то напишетъ ее, какъ ему вздумается, не принимая въ разсчетъ сценическихъ условій. И сдержалъ слово, написавъ „la Coupe et les lèvres". Онъ написалъ ее послѣ смерти отца, когда увидѣлъ, что у него нѣтъ средствъ къ жизни и даже подумывалъ о томъ, чтобы сдѣлаться солдатомъ. Однако, прежде чѣмъ поступить въ солдаты, онъ попытался пробить себѣ дорогу новымъ томомъ стихотвореній. Послѣ „la Coupe et les lèvres" онъ написалъ: „A quoi rêvent les jeunes filles". Издатель Рандюэль согласился напечатать книжку, но довольно неохотно. Въ то время, какъ ее набирали, онъ нашелъ, что она слишкомъ тонка, и потребовалъ еще одного стихотворенія. Мюссé пришлось написать „Namouna", но уже не въ

драматической формѣ. Со всѣмъ тѣмъ сочиненіе сохранило заглавіе „Un spectacle dans un fauteuil“, показывавшее, что Мюссé все еще сердитъ на театръ и намѣренъ сочинять драматическія произведенія только для печати. Надо прибавить, что эта книга произвела гораздо меньше шума, чѣмъ „les Contes d'Espagne et d'Italie“.

Итакъ, Альфредъ де-Мюссé отказался отъ театра и все еще болѣлъ отъ раны, нанесенной его самолюбію рѣзкимъ паденіемъ „Венеціанской Ночи“. Время-отъ-времени, когда ему приходилось писать прозаическую повѣсть, онъ избиралъ, вмѣсто повѣствовательной формы, форму разговорную, которою отлично владѣлъ. Но, повторяю, сочиняя эти прелестныя вещицы, онъ вовсе не думалъ о сценѣ, о драматическихъ представленіяхъ, и его очень бы удивили и даже испугали, еслибы сказали ему, что эти пьесы со временемъ будутъ поставлены на сценѣ. Тѣмъ временемъ болѣзнь уже посѣтила его, онъ провелъ нѣсколько времени на морскихъ купаньяхъ въ Круазикѣ, какъ вдругъ, вернувшись въ Парижъ, узналъ поразительную новость: собирались ставить „Капризъ“ въ „Théâtre Français“. Это происходило въ 1847 году. Вотъ удивительная исторія этой пьесы. „M-me Алланъ, позабытая парижанами, пользовалась большой милостью при русскомъ дворѣ. Принятая въ высшемъ обществѣ, она переняла тонъ и манеры знатныхъ дамъ. Однажды въ Петербургѣ ей посовѣтовали посмотрѣть на русской сценѣ одну небольшую пьесу... M-me Алланъ такъ восхитилась ею, что немедленно потребовала, чтобы ее перевели, собираясь сыграть ее при дворѣ. Пьеса эта была „Caprice“ Альфреда де-Мюссé, и ее чуть-чуть не перевели на тотъ языкъ, на которомъ она была написана. Это непремѣнно приказано было бы сдѣлать, если бы одно лицо, хорошо знакомое съ французской литературой, какихъ много въ Россіи — быть можетъ больше, чѣмъ во Франціи — не предупредило m-me Алланъ, что русская пьеса, такъ сильно ей понравившаяся, не что иное какъ переводъ съ французскаго. Когда m-me Алланъ вернулась во Францію, она привезла съ собой „Капризъ“. Въ Comédie Française всѣ были очень изумлены, когда она объявила, что хочетъ играть въ этой пьесѣ. Всѣ ожидали самаго жалкаго фіаско. Театральные знатоки, ссылаясь на свою мнимую опытность, прямо объявляли, что „Капризъ“ совсѣмъ не сценическая вещь. Встревоженному Альфреду де-Мюссé, не забывшему два представленія „Венеціанской Ночи“, не хотѣлось допустить этого представленія. Несмотря на то, „Капризъ“ былъ данъ 27-го ноября 1847 г. И успѣхъ былъ колоссальный.“

Но всего изумительнѣе то, что „Капризъ“ принесъ больше славы Мюссé, нежели всѣ серьёзныя произведенія, написанныя имъ до того времени. Поль де-Мюссé говоритъ не безъ основанія: „успѣхъ

„Каприза" былъ драматическимъ событіемъ, и чрезвычайный успѣхъ этой бездѣлки больше содѣйствовалъ прославленію имени его автора, нежели всѣ другія его произведенія. Въ нѣсколько дней имя автора проникло въ тѣ средніе слои публики, куда поэзія и книги никогда не проникаютъ. Нѣкотораго рода запрещеніе, тяготѣвшее на немъ, было снято какъ-бы волшебствомъ, и не проходило дня, чтобы печать не упоминала объ его стихахъ". Да, заговоръ молчанія, о которомъ я говорилъ, прекратился въ тотъ день, какъ Мюссé одержалъ драматическій успѣхъ. Писатель, написавшій столько великихъ произведеній, прославился лишь благодаря бездѣлкѣ, именуемой „Caprice". Вся сила театральной пропаганды высказывается въ этомъ характерномъ фактѣ.

Итакъ, вотъ писатель, который не намѣревается писать для театра, который съ нѣкоторой аффектаціей даетъ полную волю своей фантазіи въ повѣстяхъ, написанныхъ имъ въ разговорной формѣ—и вдругъ, о, чудо! эти повѣсти въ разговорной формѣ оказываются превосходными для сцены и переживаютъ комедіи и драмы, сфабрикованныя для сцены патентованными мастерами. Послѣ этого яркаго примѣра, кто еще осмѣлится серьёзно толковать о сценическихъ условіяхъ, о требованіяхъ драматическаго кодекса? Развѣ не очевидно, что можно давать на сценѣ все, что̀ угодно, лишь бы произведеніе было талантливое.

Послѣ успѣха „Каприза" Альфредъ де-Мюссé написалъ нѣсколько пьесъ, которыя давались съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но его постоянной мечтой было написать роль для Рашели, бывшей тогда въ полномъ блескѣ своей славы. Но на бѣду поэтъ и трагическая актриса никакъ не могли поладить другъ съ другомъ. Поль де-Мюссé сообщаетъ, впрочемъ, прехорошенькій анекдотъ. На обѣдѣ, данномъ Рашелью въ 1846 г., гости замѣтили на пальцѣ у своей хозяйки великолѣпное кольцо. Актриса, видя ихъ восхищеніе, воскликнула: „господа, такъ какъ это кольцо вамъ нравится, то я продаю его съ аукціона. Сколько вы мнѣ за него дадите". Кольцо въ нѣсколько минутъ было оцѣнено въ три тысячи франковъ. Мюссé молчалъ, и Рашель обратилась къ нему:—„а вы, мой поэтъ? что̀ вы мнѣ за него дадите? — Я вамъ дамъ свое сердце, отвѣтилъ Мюссé.—Кольцо ваше! объявила Рашель". И съ живостью ребенка бросила его на тарелку поэта. Она ни за что не хотѣла взять его назадъ, несмотря на всѣ усилія Мюссé, и заключила съ нимъ слѣдующую сдѣлку: она даетъ ему кольцо въ благодарность за роль, которую онъ для нея напишетъ, а онъ удерживаетъ кольцо, какъ залогъ въ исполненіи даннаго обѣщанія. Позднѣе, когда послѣ нѣсколькихъ ссоръ, они окончательно разошлись, Мюссé отослалъ кольцо

Рашели, и она взяла его обратно. Дѣло въ томъ, что эти двѣ независимыя и безъискусственныя натуры не могли поладить другъ съ другомъ. Проживъ въ великой дружбѣ недѣли двѣ, они взаимно оскорбляли другъ друга изъ-за какого-нибудь слова. У Мюссé не было хладнокровнаго мужества, переносить капризы актрисы и вопреки имъ продолжать дѣятельность драматическаго писателя. Ему слѣдовало дѣлать по-своему, и Рашель въ концѣ-концовъ подчинилась бы; но онъ поддавался нервной обидчивости, онъ мечталъ о такой исполнительницѣ его произведеній, которая была бы въ одно и то же время любящей и покорной рабой.

Театръ Мюссé сталъ въ настоящее время классическимъ. Большинство его пьесъ находится въ репертуарѣ Comédie-Française. Нельзя представить себѣ ничего прелестнѣе: „On ne badine pas avec l'amour", „le Chandelier", „Il ne faut jurer de rien". Къ несчастію, до сихъ поръ еще не рѣшились поставить на сценѣ самую совершенную и самую глубокую пьесу Мюссé: „Lorenzacio". Это драма, достойная Шекспира. До сихъ поръ всѣ отступали передъ трудностью постановки и смѣлостью нѣкоторыхъ положеній. Но очевидно, что, рано или поздно, попытка будетъ сдѣлана, и я ей предсказываю огромный успѣхъ.

Въ заключеніе этого біографическаго этюда о Мюссé не могу не привести еще одного анекдота. Онъ будетъ служить какъ-бы эпилогомъ славной жизни поэта. Я говорилъ, что товарищемъ Мюссé въ коллежѣ былъ герцогъ Шартрскій, сынъ короля Луи-Филиппа. Позднѣе молодые люди возобновили сношенія, и герцогъ относился съ неизмѣннымъ дружелюбіемъ къ поэту. Онъ даже захотѣлъ однажды заставить Луи-Филиппа восхищаться сонетомъ Альфреда де-Мюссé. Но король, не особенно любившій литературу, высказалъ довольно рѣзкое сужденіе. Вотъ и самъ анекдотъ.

„Одно странное обстоятельство доказало, что герцогъ Шартрскій, видя, какъ впечатлѣніе, произведенное сонетомъ на короля, неблагопріятно, былъ столь деликатенъ, что не назвалъ автора. Въ тотъ день, какъ представляли Альфреда де-Мюссé королю, Луи-Филиппъ подошелъ къ нему, улыбаясь: „Ахъ!—сказалъ король, какъ будто пріятно изумленный,—вы пріѣхали изъ Жуанвиля; я очень радъ васъ видѣть". Альфредъ былъ слишкомъ свѣтскій человѣкъ, чтобы выказать малѣйшее удивленіе. Онъ почтительно поклонился, и въ то время, какъ король подходилъ къ другому лицу, сталъ ломать голову надъ тѣмъ, что̀ бы такое могли значить слова короля и улыбка, сопровождавшая ихъ. Тогда онъ вспомнилъ, что у насъ былъ въ Жуанвилѣ двоюродный братъ, человѣкъ очень умный и образованный,

вполнѣ достойный такого любезнаго пріема и который былъ инспекторомъ лѣсовъ въ королевскомъ удѣлѣ. Король позабылъ о томъ времени, когда онъ посылалъ своихъ сыновей въ училище, и имена дѣтей, которыхъ принималъ у себя въ Нейльи; но хорошо зналъ положеніе дѣлъ и персоналъ въ своемъ удѣлѣ. Съ именемъ Мюссé у него связывалось представленіе объ инспекторѣ, бдительномъ охранителѣ его лѣсовъ, которымъ онъ не безъ основанія дорожилъ. Въ продолженіи послѣднихъ одиннадцати лѣтъ своего царствованія, онъ видалъ разъ или два въ зиму мнимаго инспектора все съ тѣмъ же удовольствіемъ и награждалъ его улыбками, возбуждавшими зависть во многихъ царедворцахъ и, быть можетъ, слывшими за поощреніе поэзіи и литературы. Но несомнѣнно, что Луи-Филиппъ такъ и не узналъ, что во время его царствованія жилъ великій поэтъ, носившій то же имя, какъ и инспекторъ королевскихъ лѣсовъ".

Безполезно прибавлять къ этому комментаріи, которые бы только испортили исторію. Она просто восхитительна.

VI.

Альфредъ де-Мюссе любимый поэтъ, и самыя заблужденія его возбуждаютъ восторгъ въ его почитателяхъ. Зачастую писатель умаляется, когда знакомишься съ человѣкомъ. Мюссé же можетъ громко разсказать, какой онъ былъ человѣкъ, и его только лучше поймешь. На него взводились самыя тяжкія обвиненія, но сила очарованія такъ велика, что совсѣмъ не видишь необходимости въ томъ, чтобы какой-нибудь адвокатъ защищалъ его память. Пусть намъ оставятъ его такимъ, какъ онъ есть, съ его сердцемъ и его слабостями; геній его, заливаясь горькими слезами, всегда заставитъ насъ оправдать его.

Вотъ почему я посмотрѣлъ на „Біографію", изданную Полемъ де-Мюссè, просто только какъ на сборникъ весьма интересныхъ документовъ; читателямъ Мюссè полезно будетъ заняться ими. Они найдутъ въ нихъ нѣкоторыя указанія, исторію главнѣйшихъ стихотвореній, объясненіе намековъ, содержащихся въ нихъ, всѣ тѣ разоблаченія внутренней жизни великихъ писателей, до которыхъ публика такъ лакома. Что касается защиты, содержащейся въ этомъ сочиненіи, то, повторяю еще разъ, она безполезна. Никто въ настоящее время не нападаетъ больше на Мюссè, какъ на человѣка, потому что писатель снискалъ уже себѣ безсмертіе.

Мюссé—преемникъ великихъ французскихъ писателей. Онъ изъ семьи Раблэ, Монтаня и Лафонтена. Если при дебютѣ онъ и драпировался въ романтическія лохмотья, то въ настоящее время можно подумать, что онъ родился въ этотъ маскарадный костюмъ, съ цѣлью посмѣяться надъ растрепанной литературой того времени. Французскій геній, съ его чувствомъ мѣры, его логикой и ясностью мысли, былъ присущъ этому поэту, начавшему столь шумно свое поприще. Впослѣдствіи его рѣчь отличалась несравненной чистотой и мягкостью. Онъ будетъ жить въ нашей памяти вѣчно, потому что много любилъ и много страдалъ.

Эмиль Зола.

ОПЕЧАТКИ и ПОПРАВКИ.

Въ апрѣльской книгѣ:

Стран.	Строч.	*Напечатано*:	*Вмѣсто*:
616	7 сн.	украшенныхъ	разубранныхъ
626	15 св.	ружейной	оружейной
680	16 сн.	сомовъ	сёмгу

М. Стасюлевичъ.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

☞ Лаокоонъ. Соч. Лессинга. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Монастырь. Романъ Вальтеръ-Скотта. Съ двумя картинами, гравированными на стали, и 45 политипажами въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

На просторѣ. Очерки В. И. Немировича-Данченко. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Новая жизнь. Романъ въ трехъ частяхъ. Бертольда Ауэрбаха. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Новые разсказы Жюля Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Гранвиля. Текстъ. П. Сталя, Бальзака де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франклина, Густава Дроза, Жюля Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Віарди Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес за 3 ф.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

По Волгѣ. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Повісті Осипа Федьковича. З переднім словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Поэзія, какъ предметъ науки. П. И. Аландскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Про українських козаків, татар та турків. Зложив М. Драгоманов. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Путешествіе къ центру земли. Жюля Верна, съ 60 рисунками художника Ріу. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Романы Вальтеръ Скотта, съ картинами, гравированными на стали, и политипажами въ текстѣ. 9 томовъ. Ц. 31 р. 50 к. съ пересылкою, отдѣльно каждый томъ 3 р. 50 к, съ перес. 4 р.

Сербські народні думи и пісні. Пер. М. Старицький. Чиста выручка на користь братів-славьян. Київ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к, съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Сила характера. Романъ въ трехъ частяхъ. С. Смирновой. Ц. 2. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ. Спб. 1876. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Славянскій сборникъ. Томъ III, изданный подъ наблюденіемъ члена славянскаго комитета П. А. Гильтебрандта. Спб. 1876. Ц. 3 р.

☞ Славянскій ежегодникъ. 1877. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Сост. Н. Задерацкій. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое, Кіевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Аполлона Григорьева Т. I (съ портретомъ автора). Критическія статьи. Спб. 1876. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. 4-й. Спб. 1877. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 60 к.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціею Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

☞ Сочиненія Н. Д. Ивановшева. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☞ Сочиненія Ксенофонта. Воспоминанія о Сократѣ (Memorabilia), перевелъ Г. Я. Янчевецкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, съ

портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Гекерторна, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Францъ фонъ-Зиккингенъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассаля. Перев. А. и С. Криль. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., вѣс. 2 ф.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

☞ **Біографическія Картинки.** Сочиненіе А. В. Грубе. Переводъ съ нѣмецкаго М. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

☞ **Болховская земля и ея значеніе въ Русской Исторіи.** Эпизодъ изъ исторіи южной Руси въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Н. Дашкевича. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Венгрія и ея жители. Соч. А. Петерсона. Ц. 3 р. съ перес.

☞ **Графъ Н. С. Мордвиновъ.** Историческая монографія В. С. Иконникова. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовича-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Іезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Иванъ Максимовичъ Сошенко. Біографическій очеркъ. М. Чалый. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Исторія Бохары или Трансоксаніи съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго. Соч. Г. Вамбери. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Испанія девятнадцатаго вѣка. Сочиненіе А. Трачевскаго. Часть I. Ц. 2 руб. 50 к., перес. за 3 ф.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Джона Уильяма Дрэпера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

☞ **Католическая лига и Кальвинисты во Франціи.** Опытъ исторіи демократическаго движенія во Франціи во второй половинѣ XVI вѣка (по неизданнымъ источникамъ). И. В. Лучицкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Паріи въ человѣчествѣ. Луи Жакольо, переводъ съ французскаго. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 года. Ѳ. Фортинскаго. Кіевъ. 1877. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго, изданныя I. Крашевскимъ. 2 т. Ц. 4 р., съ пересылкою.

Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. П. Кудрявцева. Изданіе третье, съ рисунками. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ.—Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ленормана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русскіе трактаты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія. А. А. Русова. Съ картами. Кіевъ. 1876. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. включительно. Ц. 8 руб. 10 к., перес. за 4 ф.

Русская Исторія. К. Бестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на полученіе т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. 1770—1776 гг. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

☞ **Сказанія о св. Гралѣ.** Изъ исторіи средневѣковаго романтизма. Изслѣдованіе Николая Дашкевича. Кіевъ. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе Александра Трачевскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, съ картою Средней Азіи. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ в. I—VIII. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 40 к., съ перес. 60 к.

Новая Зеландія и Океанія или острова Южнаго моря. Исторія открытія. Занятіе европейцами. Образъ жизни, нравы и обычаи жителей. Ихъ религіозныя вѣрованія. Людоѣдство. Успѣхи христіанства. Современное состояніе. Кристмана и Оберлендера. Съ 2-мя картами и рисунками. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☞ **Краткій Отчетъ** о геологическомъ путешествіи по Туркестану въ 1875 г. И. Мушкетова. Съ картою рудныхъ мѣсторожденій Кульджинскаго района и геологическими разрѣзами. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. въ переплетѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Поѣздка въ Обонежье и Корелу. В. Майнова. Изданіе второе, значительно дополненное авторомъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны **Тянь-Шаня.** Н. Сѣверцовъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Вып. 13-й. 1876. Зоогеографическія изслѣдованія. Пчелы. Тетрадь вторая, съ 3 таблицами. Ц. простому экземпляру 1 р. 70 к., веленевому 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

☞ **Англійская свободная торговля.** Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и начала государственнаго вмѣшательства. И. Янжулъ Выпускъ I. Періодъ меркантильный. Съ билетомъ на 2-й выпускъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Исторія Банковъ. Выпускъ I. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій Пьетро Рота. Съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями И. И. Кауфмана. Выпускъ II. Исторія Банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи И. И. Кауфмана. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Ростиславова. Спб. 1876. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

☞ **Опытъ статистическаго изслѣдованія** о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсона. Профессора И. Спб. Университета. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ (фондахъ, акціяхъ и облигаціяхъ) Россіи. Руководство для помѣщенія капиталовъ. И. К. Гейлеръ. Ц. 5 р. съ перес.

Строй экономическихъ предпріятій. Изслѣдованія морфологіи хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховыя артели и долевая рабочая плата. Примѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Графа Л. Н. Толстого въ 12 книгахъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Бабушкины сказки Жоржъ-Санда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

☞ **Государство и народное образованіе** начальное и профессіональное, т.-е. ученое, реальное и художественное, въ Германіи, Англіи и Франціи. Очеркъ изслѣдованій Лоренца Штейна, составленный профессоромъ Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р. въ переп. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Сост. И. Лозановъ. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Иллюстрированные разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ пачкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р., за перес. 25 к. на экземпляръ.

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

На память о Жоржъ-Сандѣ. Съ портретомъ автора и предисловіемъ А. Михайлова. Иллюстраціи художника Н. А. Богданова. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.; въ переплетѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Наши мохнатые и пернатые друзья. Сочин. Миссъ Гуинфринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малышевой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Начальная алгебра, составленная Д. Ростиславовымъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

О черногорцахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

О сербахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Объ университетскомъ воспитаніи. Рѣчь профессора Гексли при открытіи университета Джонса Гопкинса въ Балтиморѣ, въ пользу черногорцевъ. Спб. 1876. Ц. 25 к., съ перес. 40 к.

Очерки и разсказы. Книга для юношества. Е. Сысоевой, съ гравюрами. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Послѣднія сказки Андерсена, съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора, съ гравюрами. Переводъ Е. Сысоевой. Спб. 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравированными политипажами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школѣ и дома методически составлены Отто Улэ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 88 политипажами. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ програмѣ реальныхъ училищъ, и Христоматія съ задачами для устнаго и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реальнаго училища С. Весинъ. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Разсказы Альфонса Додэ. Съ портретомъ автора. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; переп. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ, по програмѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Весинъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ журнала „Дѣтскій Садъ“, т. II, для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ педагогическаго журнала „Дѣтскій садъ“, для старшаго возраста. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

☞ **Учебникъ плоской Тригонометріи.** Д-ра Франца Мочника. Ц. 45 к., съ пер. 55 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV сто-



дѣтія. Сочиненіе И. Водуэна-де-Куртенэ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго **Домостроя**. Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученыя вѣдомости на 1777 годъ. Н. И. Нóвикова. Изданіе второе А. Н. Неустроева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

☞ **Словарь къ Геродоту.** Скиѳія. IV. 1—144, и сраженіе при Ѳермопилахъ. VII. 201—238. Сост. Г. А. Янчевецкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ I. Спб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь Н. Анненкова. Новое, исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Цѣна полному изданію 8 р. Окончится печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 3 выпуска А—Р.

Вліяніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндаля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

☞ **Выгонная или пастбищная система** по отношенію къ сельскому хозяйству въ Россіи. Назначается сельскимъ хозяевамъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Двѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

Душевныя болѣзни по отношенію къ ученію о вмѣненіи. Профес. Доктора Сκржечки. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Изслѣдованіе воды въ санитарномъ отношеніи. Краткое руководство для экспертовъ. Составилъ магистръ фармаціи Ѳ. Розенблатъ. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Канализація и вывозъ нечистотъ. Популярныя лекціи Петтенкофера. Переводъ съ нѣмецкаго инженеровъ С. Уманскаго и А. Попова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Клиническія лекціи Труссо. 2 ч. Ц. 12 р. вѣс. 10 ф.

☞ **Клиническая фармакопея.** Dr. F. W. Müller. 400 рецептныхъ формулъ для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыръ. Описаніе производства, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Наумовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Новая химія. Джосія Кука, профессора химіи и минералогіи въ гарвардскомъ университетѣ. Съ 31 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Бутлерова. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Вокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Основы патологіи обмѣна веществъ. Ф. В. Бенеке. Перевелъ съ нѣмецкаго лекарь Татариновъ. Съ 1 хромолитографированною таблицею. М. 1876. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Основанія физіологіи ума съ ихъ примѣненіями къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Карпентера. Спб. 1877 г. Ц. за 2 т. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; вышелъ изъ печати томъ I.

☞ **Плугъ,** его выборъ, устройство и употребленіе. Краткое руководство для практическихъ сельскихъ хозяевъ. М. В. Неручева. Съ 80 политипажами въ текстѣ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Пчелы. О томъ, какъ онѣ живутъ, какъ ихъ размножать и какъ отъ нихъ получать пользу. Народное руководство. Сост. А. И. Покровскимъ-Жоравко. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ клиническимъ методамъ изслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ орга-

ковъ, съ приложеніемъ ляринґоскопія, П. Гутмана. Изд. 2-е. М. 1876. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Руководство къ патологической анатоміи. Д-ра Бирхъ-Гиршфельда. Часть I. Общая патологическая анатомія. Харьковъ. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экснера, съ 8-ми политипажами. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на физіологію и патологическую анатомію. Ф. Нимейера (обработанное Е. Зейтцомъ). Выпускъ 3-й. Болѣзни моче-половыхъ органовъ и головного мозга. К. 1876. Ц. 2 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, издаваемое проф. Ziemssen'омъ. 9-ть выпусковъ. Ц. 12 руб. съ пересылкою.

☞ **Русское землевладѣніе и земледѣліе.** М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Совмѣстное изданіе общества естество-испытателей при русскихъ университетахъ за 1875 г. **Ботаника.** Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. **Зоологія.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. **Минералогія и Геологія.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р 25 к.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ III. Ц. 2 р. Т. IV, в. I. Ц. 1 р. 75 к. В. II. Ц. 75 к. Т V, в. I. Ц. 2 р. В. II. Ц. 1 р. Т. VI. Ц. 2 р. Т. VII. Ц. 2 р. За пересылку прилагается по 10 к. на рубль.

Труды Арало-каспійской экспедиціи, издаваемые подъ редакціей О. А. Гримма. Выпускъ I. Обзоръ экспедицій и естественно-историческихъ изслѣдованій въ арало-каспійской области съ 1720 по 1874 г. М. Н. Богданова. Ц. 30 к., съ перес. 50 к. Выпускъ II. Каспійское море и его фауна О. А. Гримма. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.—Выпускъ III. Гады острововъ и береговъ Аральскаго моря. Владиміра Аленицына. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

У колыбели. Совѣты молодымъ матерямъ по гигіенѣ перваго дѣтскаго возраста. Передѣлка съ французскаго подъ редакціей А. П. Волкенштейна, съ политипажами въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.; въ переп. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

☞ **Ученіе о сифилисѣ.** Д-ра Э. Лансеро. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей профессора В. М. Тарновскаго съ тремя хромолитографическими таблицами и многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Физіологія органовъ чувствъ. И. Сѣченова. Зрѣніе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Физіологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физіологіи въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Государственная дѣятельность графа Михаила Михайловича Сперанскаго. Проф. Романовича-Славатинскаго. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Журналъ Гражд. и Торг. Права за 1871 г, 3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; **Журн. Гражд. и Уголовн. Права** за 1873, 1874, 1875 гг. по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 5 лѣтъ—25 р. вмѣсто 38 р. 70 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій Изданіе третье. Вятка. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Изученіе соціологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 8 ф.

Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философіей. Поля-Жанэ. Книга I. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Кассаціонныя рѣшенія правительствующаго сената за 1866 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.; за 1867 г. Ц. 5 р. 25 к., съ перес. 6 р.; за 1868 г. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 9 р.; за 1869 г. Ц. 9 р., съ перес. 10 р. 50 к.; 1872 г. Ц. 8 р., съ перес. 10 р.; за 1873 г. Ц. 10 р., съ перес. 12 р.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С.



Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Спб. университета. Томъ II. Органы управленія. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія соціологіи. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому. Проф. А. Романовича-Славатинскаго. Ц. за 2 выпуска 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Государственныхъ знаній подъ редакціей В. П. Безобразова. Томъ III. Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго д-та прав. сената за 1874 г. Составили А. Книримъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право. Т. II, Судопроизводство. Спб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

☞ **Драматическія Сочиненія.** Викторъ Крыловъ (Александровъ). Т. I. Къ мировому. По духовному завѣщанію. На хлѣбахъ изъ милости. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. II. Въ осадномъ положеніи. Земцы. (Змѣй Горынычъ). Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вилльяма Реймона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Какъ снѣгъ на голову, или сердечныя паутинка. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ М. В. Карнѣева. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Осторожнѣе съ огнемъ. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. М. В. Карнѣева. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Лекціи объ искусствѣ, читанныя въ парижской школѣ изящныхъ искусствъ. Г. О. Тэнъ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Карманная справочная книжка для ружейныхъ охотниковъ и любителей собакъ, съ чертежами. Сост. Л. Хлыстовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Состав. В. С. Глуховъ, П. И. Собко и Ѳ. И. Сулима. Изд. 2-е. Ц. 4 р., пер. за 2 ф.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонеровъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, Московскаго Отдѣленія

I. ЮРГЕНСОНА, П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта)

Москва, Петровка, № 6 (на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

Для одного фортепіано: **Jaell,** Rigoletto. Illustration (35 к.). Le carillon. Morceau élégant (45 к.). Nocturne dramatique (30 к.). Bonheur extrême (45 к.). **Jungmann,** Sérénade italienne (20 к.). La cloche des vêpres (20 к.). Prière du soir (15 к.). Le mal du pays.—Тоска по родинѣ (20 к.). Le carnaval de Venisea. Capriccio (30 к.). Les dernières valses d'un fou (30 к.). Un rêve de fleurs. Vision (30 к.). La chapelle de la forêt. Idylle (30 к.). L'attente (20 к.). Près d'elle (20 к.). Rêve d'une jeune fille (35 к.). Souvenir de Spa. Mélodie célèbre de Servais (30 к.). Prière de l'opéra Moïse (45 к.). Gondelständchen (30 к.). Sympathie. Mélodie (20 к.). Feu follet (20 к.). Ave Maria (20 к.). Гитарная серенада (30 к.). Chant du pêcheur (30 к.). Allegresse. Morceau de salon (30 к.). L'absence. Andante (20 к.). **Kalkbrenner,** Le rêve. Grande fantaisie (60к.). Le fou. Scène dramatique (60 к.). **Ketterer,** L'argentine. Fantaisie-Mazurka (35 к.). Rose d'hiver (30 к.). Phoebus. Polka (30 к.). Gaëtana. Mazurka (20 к.). Oiseaux légers. Mélodie favorite (35 к.). Chant du Lido. Rêverie-nocturne (35 к.). Souvenir de Florence. Romance (30 к.). Mabel. Valse favorite (50 к.). Si vous n'avez rien à me dire. Romance favorite (30 к.). Non torno! Romance de Mattei (30 к.) Mignon de Thomas. Fantaisie (45 к.). Chant napolitain (30 к.). Les Huguenots. Fantaisie (60 к.). Légende (30 к.). Le Prophète. Fantaisie (50 к.). Bouquet de bal. Mazurka (35 к.). La Mandolinata (35 к.). **Крамеръ,** „Воевода" Попурри изъ оперы Чайковскаго (60 к.). **Krüger,** Deux airs russes. Fantaisie (45 к.). La séparation. Transcription (30 к.). **Kuhe,** Rose d'hiver. Nocturne (20 к.). Feu follet. Scherzo (30 к.). Valse favorite de Venzano (35 к.). La joyeuse. Morceau de salon (30 к.). Graziella. Morceau de salon (20 к.). Air célèbre du Stabat Mater de Rossini (35 к.). Airs russes. Fantaisie (45 к.). La fille du régiment. Fantaisie (45 к.). **Kullak,** Perles d'écume. Fantaisie - étude (35 к.). „Kinderleben". Дѣтская Жизнь. 24 маленькихъ пьесы въ двухъ тетр. (каждая 75 к.).

Духовно-музыкальныя сочиненія: Духовно музыкальный сборникъ. Сочиненія **Бортнянскаго** (26 №№), **Галуппи** (3 №), **Давыдова** (6 №№), **Березовскаго** (1 №) и Херувимская Симоновская, переложенныя на 4 мужскихъ голоса В. Соколовымъ (съ переложеніемъ для одного фортепіано) (5 р.). То же поголосно (3 р.). Духовно-музыкальный сборникъ. Сочиненія **Бортнянскаго** (26 №№), **Галуппи** (3 №), **Березовскаго** (1 №) и Херувимская Симоновская, переложенныя на 4 женскихъ голоса (съ переложеніемъ для одного фортепіано) (3 р.). То же поголосно (3 р.). Трехголосныя Духовно-музыкальныя сочиненія **Бортнянскаго,** переложенныя на 3 мужскихъ голоса (съ переложеніемъ для фортепіано) (1 р. 50 к.). То же поголосно (1 р. 50 к.). То же на 3 женскихъ голоса (съ переложеніемъ для фортепіано) (1 р. 50 к.). Поголосно (1. 50 к.)

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Каталогъ дешевымъ изданіямъ высылается безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.



BULLETIN LITTERAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER (A. Münx).

St.-Pétersbourg, Perspective de Newsky, № 14.

Nouveautés d'Avril 1877.

GENERALKARTE v. BOSNIEN, HERZEGOWINA, MONTENEGRO u. SERBIEN. 12 Blatt. 12 r.

KIEPERT. Generalkarte d. Europ. Türkei. auf Leinw. 7 r. 15 k.

KIEPERT. Generalkarte d. Türkischen Reichs. auf Leinw. 6 r. 60 k.

SCHEDA. Generalkarte d. europ. Türkei u. d. Königreichs Griechenland. 13 Blatt. 10 r.

BLOCHWITZ. Die Türken, kurzer Abriss ihrer Geschichte. 1 r. 10 k.

BOSIZIO, A. Die Geologie u. die Sündfluth. Eine Studie üb. d. Urgeschichte der Erde. 4 r. 50 k.

BROGLIE, E. de. Le fils de Louis XV. 1 r. 75 k.

BUNGE. F. r. Das Herzogthum Esthland unter d. Königen v. Daenemark. 4 r. 40 k.

CHALON, H. Chretiens et Musulmans. Etude sur la question normale. 1 r. 50 k.

ХВОСТОВЪ. А. Русскіе и сербы въ войну 1876 г. 60 к.

COMTE, A. Lettres à John Stuart Mill. 5 r.

CROUSSE, F. La Peninsule Greco-Slave. 5 r.

DESJARDINS, E. Géographie historique et administ. de la Gaule romaine. T. I. 10 r.

DIEFFENBACH, L. Volkstämme d. Türkei. 1 r. 30 k.

FLIGIER. Zur Praehistor. Ethnologie d. Balkanhalbinse l. 90 k.

FORMENTINI. M. Il. Ducato di Milano. 7 r. 50 k.

FRANZOS, C. Aus Halb-Asien. Culturbilder aus d. Bukowina, Rumaenien, Süd-Russland. 2. Bde. 5 r. 50 k.

GRÜBLER, C. Muhammedanismus, Panslavismus u. Byzantismus. 1 r. 10 k.

GYLDEN, H. Grundlehren d. Astronomie. 3 r. 85 k.

HARTUNG u. DULK. Fahrten durch Norvegen u. Lappmark. 3 r. 30 k.

HENNE-AM-RHYN, O. Allgem. Culturgeschichte von der Urzeit bis auf die Gegenwart. I. II. 9 r. 90 k.

HILLEBRAND, C. Geschichte Frankreichs von der Thronbesteigung Louis Philipps bis zum Falle Napoleon III. Theil. I. 8 r. 25 k.

JACOLLIOT, L. Voyage au pays de la liberté. 1 r. 50 k.

JACOLLIOT, L. La femme dans l'Inde. 1 r. 50 k.

KANITZ, F. Donau-Bulgarien. 2 Bde 18 r. 15 k.

KAPP, E. Grundlinien einer Philosophie d. Technik. 3 r. 30 k.

KELLNER, W. Das türkische Reich. Polit. Statistik. 85 k.

KOHL, J. Geschichte der Entdeckungsreisen u. Schifffahrten zur Magellans Strasse. 1 r. 65 k.

LANDAU, M. Giovanni Boccaccio, sein Leben, seine Werke. 3 r. 62 k.

MEYER, C. Geschichte v. Troja. 1 r. 45 k.

MOLTKE, H. Briefe üb. Zustände u. Begebenheiten der Türkei. 4 r. 40 k.

NEUMANN, L. Grundriss d. heut. europ. Völkerrechts. 1 r. 65 k.

PRICOT DE ST. MARIE. Les Slaves méridionaux. 1 r. 65 k.

PROKESCH-OSTEN, A. Zur Geschichte d. orient. Frage. Briefe aus dem Nachlass. F. v. Gentz 1823—29. 2 r. 75 k.

RAMBAUD, A. Français et Russes. Moscou et Sevastopol. 1812—1854. 1 r. 75 k.

RASCH, G. Türken in Europa. 2 Bde. 3 r. 30 k.

RENEHR, G. Im Donaureich. Zustände u. Politik. 3 r. 30 k.

ROSKIEWICZ, I. Studien üb. Bosnien und die Herzegowina. 4 r. 40 k.

RUSSEL, F. Russia and wars with Turkey. 3 r. 60 k.

SCHMEIDLER, W. Geschichte d. Königreichs Griechenland. 4 r. 40 k.

TAINE, H. Entstehung d. modernen Frankreich. I. 4 r. 50 k.

TISSOT, J. La folie considerée surtout dans ses rapports avec la psychologie normale. 4 r. 50 k.

WATTENWYL, v. Zwei Jahre in Algerien. 2 r. 40 k.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсона. Спб. 1877. Стр. 160 и 26 стр. таблицъ. Ц. 1 р. 25 к.

Это не только полнѣйшій систематическій сводъ всѣхъ наличныхъ цифровыхъ данныхъ нашего землевладѣнія, но и попытка разъяснить вопросъ о степени обезпеченности, какую представляетъ крестьянскому владѣльцу его недвижимая поземельная собственность. Авторъ разъясняетъ это дѣло, съ полною независимостью отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ взглядовъ, при помощи точного сравненія даннаго поземельнаго имущества и необходимыхъ потребностей съ дѣйствительными платежами крестьянскаго населенія. Такой научный пріемъ заставилъ автора ближе выяснить тѣ условія, при которыхъ состоялась вая норма крестьянскаго землевладѣнія въ различныхъ мѣстностяхъ. Трудъ г. Янсона, безъ сомнѣнія, будетъ признанъ фундаментальнымъ при обсужденіи всякихъ вопросовъ, касающихся благоустройства нашей громадной массы крестьянскаго населенія, въ связи съ которымъ тѣсно связано наше общее экономическое положеніе. Въ заключеніе, авторъ обстоятельно указываетъ на мѣры, которыя могутъ исправить и дополнить многое въ нашемъ аграрномъ законодательствѣ, упущенное при спѣшности многосложныхъ и многотрудныхъ его работъ. Однимъ словомъ, трудъ Янсона есть вмѣстѣ и програма, и сборникъ матеріаловъ первой важности для дальнѣйшей успѣшной разработки у насъ аграрнаго законодательства.

Русская библіотека, томъ седьмой: Н. А. Некрасовъ. Съ портретомъ и біографіею. Спб. 1877. Стр. 260 и XII. Ц. 75 коп.

Новый выпускъ „Русской Библіотеки" содержитъ въ себѣ свыше 40 избранныхъ стихотвореній Н. А. Некрасова, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ (1845 — 1876 гг.). Главное мѣсто принадлежитъ лирикѣ; изъ поэмъ заимствованы отдѣльныя главы. Біографическій очеркъ частью составленъ со словъ поэта и имъ просмотрѣнъ.

Послѣднія пѣсни. Стихотворенія Н. Некрасова. Спб. 1877. Стр. 169. Ц. 2 руб.

Въ дополненіе къ шести частямъ полнаго собранія стихотвореній Н. А. Некрасова, которое издано было до 1874 года, появился особый сборникъ за послѣдніе три года (1874—1877 г.). Въ его первый отдѣлъ вошли лирическія стихотворенія; второй—занятъ сатирою „Современники"; третій — отрывками изъ поэмы: „Мать", и пѣснью „Баюшки-баю". Многія изъ этихъ последнихъ стихотвореній напоминаютъ своею необыкновенною красотой и высокимъ лиризмомъ лучшія изъ стихотвореній поэта, несмотря на то, что они писаны, или, вѣрнѣе сказать, продиктованы имъ въ минуты тяжкаго недуга. Отрывки изъ поэмы „Мать" могутъ служить поэтическою автобіографіею—въ нихъ заключены воспоминанія изъ собственной молодости поэта.

Союзъ Князей и Нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—90 гг. Истор. изслѣдованіе А. Трачевскаго. Спб. 1877. Стр. 527. Ц. 2 р.

Новый трудъ г. Трачевскаго извѣстенъ нашимъ читателямъ: онъ печатался у насъ отдѣльными главами въ прошедшемъ году. Особенность этого труда, отличающая его отъ всей заграничной литературы вопроса, состоитъ въ томъ, что авторъ воспользовался московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ хранятся подлинныя донесенія русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Германіи, неизвѣстныя иностраннымъ историкамъ, или не вполнѣ извѣстныя. Отдѣльное изданіе дополнено, противъ нашего, цѣлою заключительною главою съ приложеніями, гдѣ помѣщены болѣе двадцати по большей части весьма любопытныхъ документовъ.

Драматическія сочиненія, въ двухъ томахъ. Виктора Крылова. Спб. 1877. Ц. 3. р.

Въ дополненіе къ первому сборнику комедій, опереттъ, сценъ и фарсовъ того же автора, подъ заглавіемъ: „Для сцены" — явилось новое собраніе его сценическихъ произведеній, весьма хорошо знакомыхъ публикѣ нашихъ театровъ, гдѣ онѣ занимали преобладающее мѣсто. Сюда вошли пять новыхъ комедій: „Къ мировому", „По духовному завѣщанію", „На хлѣбахъ изъ милости", „Въ осадномъ положеніи" и „Змѣй Горыничъ"; послѣдняя была напечатана въ нашемъ журналѣ, года три тому назадъ, подъ первоначальнымъ заглавіемъ: „Земцы".

Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества. Съ картою, въ 2-хъ томахъ. Георгія Властова. Спб. 1877. Около 1200 страницъ. Ц. 7 р. 50 к.

Авторъ этого огромнаго труда самъ опредѣляетъ его характеръ и значеніе словами, дополняющими заглавіе книги: „Священная лѣтопись, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ"; тѣ, кому кажется ясною подобная мысль, найдутъ въ изслѣдованіи г. Властова обширнѣйшіе комментаріи самаго разнообразнаго свойства и чуть не къ каждому слову книги Бытія, Исхода и Левитъ, гдѣ авторъ думаетъ отыскать ключь къ разъясненію всѣхъ вопросовъ и по всѣмъ наукамъ. Мы должны предоставить спеціалистамъ судить, сколь глубоки познанія автора въ еврейскомъ языкѣ, чтобы съ пользою комментировать Библію; впрочемъ, независимо отъ того, сводъ историческихъ и географическихъ примѣчаній изъ иностранныхъ ученыхъ къ тексту писанія, въ соединеніи съ картами мѣстностей, описываемыхъ въ Библіи, дѣлаетъ этотъ трудъ небезполезнымъ для преподавателей ветхозавѣтной церковной исторіи.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ-Мосту: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова.

На 1877-ой годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Шта[ты]
24 р. — Азія; 25 р. — остальная Америка.

Примѣчаніе.—Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ☚

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную достав[ку] журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніе[мъ] прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.



Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1877.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1877 г. см. ниже, на оберткѣ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА

ПОПЕЧЕНІЯ О РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНАХЪ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ АРМІЙ.

Пожертвованія принимаются:

I. Въ Главномъ управленіи общества.

II. Въ мѣстныхъ управленіяхъ и комитетахъ общества въ различныхъ городахъ Имперіи.

III. Двумя главноуполномоченными общества: княземъ Владиміромъ Александровичемъ Черкасскимъ, находящимся при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, и Николаемъ Саввичемъ Абаза, находящимся въ тылу арміи, въ городѣ Кишиневѣ.

IV. Въ церквахъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода.

Пожертвованія могутъ быть дѣлаемы деньгами, вещами, не исключая и медикаментовъ, и личною службою, какъ по уходу за больными и ранеными воинами, такъ и принятіемъ на себя административныхъ обязанностей по обществу Краснаго Креста.

I. *Въ Главномъ управленіи* (въ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, на Большой Морской):

А) Для денежныхъ пожертвованій учреждается въ немъ постоянное дежурство изъ членовъ общества, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Жертвователямъ выдаются квитанціи.

Для лицъ, приносящихъ пожертвованія внѣ опредѣленныхъ часовъ, устанавливается въ Главномъ управленіи кружка, въ которую опускаются деньги или билеты, съ обозначеніемъ имени жертвователя, если онъ того пожелаетъ.

Независимо пріема въ помѣщеніи Главнаго управленія, въ различныхъ мѣстностяхъ города выставляются кружки, съ надписью: «Въ пользу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

Денежныя пожертвованія, полученныя по почтѣ, принимаются казначеемъ общества и вписываются въ общую книгу пожертвованій.

О всѣхъ пожертвованіяхъ публикуется въ газетахъ на другой или на третій день по поступленіи ихъ; о деньгахъ, вынутыхъ изъ кружекъ, публикуется по вскрытіи кружекъ еженедѣльно.

Б) Вещевыя пожертвованія могутъ быть производимы въ приготовленномъ видѣ и въ сыромъ матеріалѣ; тѣ и другія принимаются въ Центральномъ петербургскомъ складѣ общества (у церкви Благовѣщенія, въ казармахъ 8-го флотскаго экипажа).

О поступившихъ въ теченіи недѣли вещевыхъ пожертвованіяхъ публикуется въ газетахъ.

В) Предложенія личныхъ услугъ отъ желающихъ посвятить себя уходу за ранеными и больными и воинами, а равно служенію по административной части общества заявляются Главному управленію общества, при слѣдующихъ условіяхъ:

1. При заявленіи отъ общинъ и другихъ учрежденій слѣдуетъ представлять подробныя указанія о числѣ лицъ, о желаемомъ мѣстѣ ихъ употребленія, о той санитарной подготовкѣ, которая дана имъ, и о той матеріальной помощи,

которою они снабжены, а равно и о той, которую они ожидаютъ получить отъ общества Краснаго Креста.

2. При предложеніи услугъ докторовъ и фельдшеровъ представляются ихъ аттестаты и свидѣтельства подлежащаго начальства, а равно и подписки въ томъ, что на основаніи предлагаемыхъ ими услугъ, они обязываются вполнѣ подчиняться распоряженіямъ управленія общества, гдѣ бы и когда бы они ни были употреблены для исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

3. При заявленіи братьевъ и сестеръ милосердія, представляются ими удостовѣренія отъ общинъ и госпиталей, при которыхъ они состояли или приготовлялись въ санитарномъ отношеніи; лица, неполучившія должной подготовки, по представленіи ими свидѣтельствъ въ ихъ благонадежности, направляются въ учрежденія, гдѣ они могутъ выслушать предположенный для этой цѣли сокращенный курсъ.

Во всѣхъ случаяхъ лица, заявляющія свою готовность служить обществу, обязываются поставить Главное управленіе въ извѣстность о мѣстѣ своего жительства.

II. *Пожертвованія чрезъ мѣстныя управленія и комитеты общества.*

Мѣстныя учрежденія общества принимаютъ пожертвованія, также какъ и Главное управленіе, деньгами, вещами и предложеніемъ личныхъ услугъ, причемъ руководствуются тѣми же правилами, какъ и Главное управленіе. Мѣстныя учрежденія общества непремѣнно заявляютъ, что они принимаютъ пожертвованія не только на удовлетвореніе мѣстныхъ ихъ потребностей, какъ-то: устройство мѣстныхъ госпиталей для раненыхъ и больныхъ воиновъ, устройство складовъ, и проч., но что чрезъ посредство ихъ могутъ быть направлены пожертвованія въ Главное управленіе, для общихъ нуждъ общества, а также и къ главноуполномоченнымъ, находящимся при арміи, а потому деньги, предназначаемыя жертвователями для санитарной помощи на самомъ театрѣ войны, полностію пересылаются мѣстными учрежденіями или въ Главное управленіе, или, по желанію жертвователей, прямо на имя главноуполномоченныхъ. Вещевыя пожертвованія должны быть вообще хорошаго качества и, предназначаемыя къ отправленію прямо на театръ войны, въ готовомъ видѣ для употребленія.

Предложенія личныхъ услугъ принимаются мѣстными учрежденіями при тѣхъ же условіяхъ, кои выше обозначены для Главнаго управленія.

III. *Пожертвованія, направленныя къ главноуполномоченнымъ общества.*

Такія пожертвованія поступаютъ: 1) вслѣдствіе вызововъ, дѣлаемыхъ ими самими чрезъ публикаціи въ мѣстныхъ или столичныхъ органахъ печати; 2) изъ Главнаго управленія общества, которыя будутъ получены въ немъ съ спеціальною цѣлью пересылки ихъ въ распоряженіе главноуполномоченныхъ; 3) изъ мѣстныхъ управленій и комитетовъ общества, полученныя тамъ съ тою же цѣлью.

Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, учрежденія общества, служа передаточными инстанціями для облегченія жертвователей, публикуютъ еженедѣльно въ газетахъ; главноуполномоченные дѣлаютъ тоже о пожертвованіяхъ, непосредственно ими полученныхъ.

Всѣ пожертвованія, въ какомъ бы видѣ они ни предлагались на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ, могутъ достигнуть своей цѣли не иначе, какъ чрезъ учрежденія общества Краснаго Креста.

С.-Петербургскій Центральный складъ общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, снабжающій преимущественно дѣйствующія арміи за границей, объявляетъ, что всякаго рода пожертвованія могутъ быть присылаемы и доставляемы въ помѣщеніе склада, у Благовѣщенія, въ казармахъ 8-го флотскаго экипажа. Пріемъ въ складѣ производится во всякое время, съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера, лицами, составляющими управленіе склада. Сверхъ того, въ складѣ будутъ находиться ежедневно, съ 12 до 4 часовъ пополудни, дежурныя дамы, обязательно принявшія на себя участіе въ семъ дѣлѣ. Желающіе могутъ получать отъ нихъ свѣдѣнія о тѣхъ вещахъ и предметахъ, которые преимущественно требуются для врачебной помощи и для удовлетворенія нуждъ больныхъ и раненыхъ въ военное время.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ.

Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Сочин. **гр. А. К. Толстого.** Второе изданіе. Спб. 1869. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

I. **Смерть Іоанна Грознаго.**—II. **Царь Өедоръ.**—III. **Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстого.** Спб. 1876. Стр. 451. Цѣна 2 руб. — При ней особая брошюра: „Проектъ постановки на сценѣ трагедіи „Царь Өедоръ Іоанновичъ". Спб. 1870. Ц. 25 к.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе **А. Н. Пыпина.** Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новымъ рядомъ писемъ Бѣлинскаго, доселѣ неизданныхъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

П. В. Анненкова. Спб. 1874. Цѣна 1 руб. 75 коп.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЭЖЕНЪ РУГОНЪ.

Романъ изъ временъ второй французской имперіи. **Эмиля Зола.** Спб. 1876. Цѣна 2 руб.

ОКОЛО ДЕНЕГЪ.

Романъ изъ сельской фабричной жизни. **Алексѣя Потѣхина.** Спб. 1877. Стр. 289. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ **А. Н—въ.** Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп. вмѣсто 3-хъ рублей.

ВСАДНИКЪ.

Практическій курсъ верховой ѣзды. **В. Франкони.** Переводъ съ французскаго. **Л. Н.** Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр 445. Ц. 2 р.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Иногородные прилагаютъ за пересылку по почтѣ 10% со стоимости книги, въ круглыхъ цифрахъ.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

АВГУСТЪ
И
УСТАНОВЛЕНІЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

I.

Французскіе историки объ Августѣ.

Il faut d'abord qu'une pensée soit ingénieuse, juste après autant que possible.

Pensées de Fréderic Sauvage. 1876.

При оцѣнкѣ историческихъ лицъ и ихъ дѣятельности давно уже чувствуется потребность въ болѣе положительныхъ, твердыхъ нормахъ.

Не только отдѣльные люди слишкомъ склонны судить о другихъ съ своей субъективной точки зрѣнія, но и каждая почти эпоха выставляетъ особенныя нравственныя требованія, возбуждаетъ новыя общественныя и политическія задачи и обращается со всѣми этими требованіями и задачами къ прошедшему. Оттого исторіографія нерѣдко болѣе походитъ на зеркало, въ которомъ отражается современность, чѣмъ на то внимательное и безпристрастное судилище, на которое такъ часто возлагаютъ свои надежды дѣятели, встрѣтившіе непріязнь и неблагодарность въ окружавшей ихъ средѣ. Вслѣдствіе этого люди, которыхъ отталкиваетъ такой произволъ и такое колебаніе историческихъ приговоровъ, или которые желали бы придать исторіи болѣе науч-

ный характеръ, нерѣдко впадаютъ въ другую крайность: признавая, что жизнь народовъ протекаетъ по опредѣленнымъ законамъ, они ставятъ дѣйствіе историческихъ лицъ въ полную зависимость отъ этихъ непреложныхъ законовъ и этимъ устраняютъ всякую необходимость и даже возможность оцѣнки. Но такой пріемъ, справедливо называемый фаталистическимъ, не приводитъ къ цѣли, и подлежитъ, какъ нравственнымъ, такъ и научнымъ возраженіямъ; нравственнымъ—потому что уничтожаетъ всякую вмѣняемость и нравственную отвѣтственность лица передъ обществомъ и потомствомъ; съ другой стороны, научность отъ этого также не выигрываетъ; ибо такъ какъ полагаемые въ основаніе человѣческихъ дѣйствій историческіе законы не найдены и не указаны, то упомянутымъ пріемомъ нисколько не объясняются ни отдѣльныя дѣйствія историческихъ лицъ, ни общій характеръ ихъ, и все сводится къ фразѣ, за которой скрывается или нравственное равнодушіе, или отсутствіе политическихъ убѣжденій и интересовъ.

Но этими возраженіями нисколько не устраняется потребность пріискать сколько-нибудь твердыя нормы при произнесеніи приговоровъ надъ историческими лицами. Отсутствіе такихъ нормъ особенно живо ощущается при оцѣнкѣ исторической дѣятельности императора Августа, основателя и во всякомъ случаѣ организатора римской имперіи.

Императора Августа можно назвать центральнымъ человѣкомъ римской исторіи. Съ нимъ завершается римская республика, и поэтому къ нему, какъ кажется, сходятся всѣ нити республиканской исторіи; онъ же стоитъ во главѣ римской имперіи, его организація была исходнымъ пунктомъ для всѣхъ мѣръ его преемниковъ, и отъ него поэтому идутъ всѣ нити императорской исторіи. Кромѣ того, Августъ стоитъ въ центрѣ римской литературы золотого вѣка. Отношеніемъ къ нему опредѣляется въ значительной степени содержаніе и общій характеръ лучшихъ римскихъ поэтовъ.

Отчасти именно вслѣдствіе этого центральнаго своего значенія, Августъ возбуждалъ въ потомкахъ самыя разнообразныя чувства и вызывалъ ихъ на самые противорѣчащіе отзывы. Впрочемъ, пока рѣчь шла о вліяніи Августа на литературу, рѣдко слышалось разногласіе; за эту сторону его дѣятельности онъ встрѣчалъ всеобщую похвалу. И потому въ эпохи, когда господствовали литературные интересы, среди гуманистовъ ренессанса и филологовъ Германіи преобладало благопріятное отношеніе къ Августу. Но какъ скоро выступали политическіе интересы, точка зрѣнія

на Августа подчинялась имъ и потому очень видоизмѣнялась. Въ средніе вѣка Августа причисляли къ благодѣтелямъ рода человѣческаго, какъ основателя великой имперіи, которая, сдѣлавшись христіанской, стала орудіемъ Провидѣнія для нравственнаго и религіознаго воспитанія человѣчества. Il buon Augusto, благимъ Августомъ называетъ перваго императора восторженный поклонникъ имперіи—Данте. Этотъ взглядъ измѣнился кореннымъ образомъ въ XVIII вѣкѣ, когда во французскомъ обществѣ пробудился политическій либерализмъ, и свободу, и достоинство гражданина стали ставить выше другихъ благъ. На Августа начали въ то время смотрѣть какъ на врага этихъ высшихъ интересовъ человѣческихъ, и ему поставили въ вину даже то, что онъ лишилъ римскихъ гражданъ свободы не насильственными крутыми мѣрами, а старался сдѣлать для нихъ незамѣтнымъ переходъ отъ республики къ монархіи. «Августъ,—говоритъ Монтескьё,—хитрый тиранъ, привелъ римлянъ къ рабству. Очень можетъ быть, что тѣ свойства, которыя всего менѣе дѣлаютъ ему чести, именно и принесли ему всего болѣе пользы. Если бы онъ съ самаго начала оказался великодушнымъ, всѣ отнеслись бы къ нему съ недовѣріемъ»... «Августъ (это прозвище льстецы дали Октавію) установилъ порядокъ, т.-е. упроченное рабство, ибо когда въ свободномъ государствѣ захватываютъ верховную власть, то называютъ порядкомъ все, что̀ можетъ обезпечить безпредѣльную власть—а смутой, усобицей и дурнымъ управленіемъ все, что̀ можетъ поддержать честную свободу подданныхъ».

Не менѣе рѣзко выразился о личности Августа—Вольтеръ, «поклонникъ» просвѣтительныхъ деспотовъ своего вѣка: «Августъ былъ чрезвычайно дурнымъ человѣкомъ, онъ былъ равнодушенъ къ преступленіямъ и къ добродѣтелямъ, одинаково пользовался ужасами первыхъ и мнимымъ покровомъ вторыхъ; онъ не умиротворилъ земного шара, но обагрилъ его кровью; оружіе и законы, религія и удовольствіе служили ему только средствомъ для достиженія господства,—для самого себя онъ все приносилъ въ жертву».

Хотя съ тѣхъ поръ, какъ Монтескьё открылъ путь къ болѣе правильному научному изученію исторіи, указавъ на органическую связь политическихъ формъ съ внѣшними условіями, съ религіей, нравами и цивилизаціей страны—историческая наука сдѣлала большіе успѣхи, но вопросъ объ Августѣ отъ этого мало выигралъ; сужденія о немъ подвержены такимъ же колебаніямъ и нерѣдко даже приближаются къ одностороннимъ представленіямъ XVIII вѣка. Послѣднему особенно содѣйствовали полити-

ческія событія, пережитыя Франціей за послѣднюю четверть столѣтія. Утвержденіе *второй* Наполеоновской имперіи, положившей конецъ республикѣ и политической свободѣ и представлявшей много аналогическаго съ переворотомъ, совершившимся при Августѣ—возбудило усиленный интересъ къ римской имперіи, но, съ одной стороны, перенесло въ эту отдаленную эпоху современныя политическія страсти и понятія, съ другой же—вызвало стремленіе воспользоваться исторіографіей, чтобы преподать современникамъ уроки политической мудрости и гражданской нравственности. А между тѣмъ, какъ самый переворотъ въ римской исторіи, виновникомъ котораго считается Августъ, такъ и дѣятельность Августа при установленіи имперіи и даже самая личность перваго императора въ меньшей степени подлежатъ спорному отношенію, чѣмъ это можетъ казаться, ибо самая римская исторія указываетъ ту точку зрѣнія на упомянутые вопросы, которую намъ слѣдуетъ занять, и даетъ такую норму для сужденія объ Августѣ и его дѣятельности, которую съ пользой можно примѣнить и ко многимъ другимъ историческимъ событіямъ.

Выяснить эту норму и указать на ту точку зрѣнія, которая можетъ вывести вопросъ объ Августѣ изъ шаткаго положенія, препятствующаго согласному разрѣшенію его—есть цѣль предлагаемаго очерка. Но для разъясненія спорныхъ сторонъ вопроса, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей со взглядами нѣкоторыхъ замѣчательныхъ французскихъ историковъ на Августа и его дѣло. Обозрѣніе этихъ взглядовъ, столь характеристическихъ для современной французской исторіографіи, будетъ составлять предметъ первой статьи.

II.

Среди второго поколѣнія знаменитыхъ историковъ, выставленныхъ столь богатой талантливыми писателями Франціей съ 30-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, когда историки эпохи реставраціи, Гизо, Тьерри, Тьеръ, Минье, Вильмэнъ и Форіэль уже достигли всемірной извѣстности,—выдается своею поэтической натурой и симпатической личностью Жанъ-Жакъ Амперъ. Сынъ извѣстнаго ученаго физика, молодой Амперъ представлялъ въ томъ смыслѣ контрастъ съ своимъ отцомъ, что сначала искалъ своего призванія не въ наукѣ, а въ поэзіи. Только со времени его пребыванія въ Боннѣ, въ 1826 году (ему было тогда 26 лѣтъ), начинается его непрерывное служеніе наукѣ. Между боннскими

профессорами самое сильное впечатлѣніе должны были произвести на молодого француза Нибуръ, археологъ Вёлькеръ и историкъ всеобщей литературы Шлегель. У Ампера сначала преобладалъ литературный интересъ, какъ переходъ отъ поэзіи къ исторіи,—онъ предался изученію древне-скандинавской литературы, задался вопросомъ объ отношеніи Нибелунговъ къ Эддѣ и, въ интересахъ своего изслѣдованія, предпринялъ путешествіе въ Скандинавію. Когда, послѣ іюльской революціи, была вновь открыта нормальная школа, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія учредилъ въ ней каѳедру всеобщей литературы, которая была поручена Амперу. Въ то же время Амперу пришлось замѣстить при словесномъ факультетѣ Форіэля, а потомъ Вильмена. Наконецъ, по смерти Андріё, Амперъ былъ избранъ профессоромъ въ коллежъ-де-Франсъ на каѳедру французской литературы. Занятія по этой каѳедрѣ долго совершенно поглощали вниманіе Ампера, и плодомъ его трудовъ было его извѣстное сочиненіе—«Histoire littéraire de la France avant le XII siècle», вышедшее въ 1839 году. Но при замѣчательной воспріимчивости своей натуры, Амперъ былъ не въ состояніи оставаться безучастнымъ къ ученымъ и литературнымъ вопросамъ, возбуждавшимъ интересъ современнаго общества. Это выражалось не только въ постоянныхъ путешествіяхъ, имъ предпринимаемыхъ въ Италію, въ Грецію, на Востокъ, въ Египетъ и въ Америку, результатомъ которыхъ были различныя описанія и ученыя изслѣдованія, но онъ, кромѣ того, серьёзно углублялся въ самыя трудныя задачи—изучилъ іероглифы, чтобы убѣдиться въ справедливости Шампольоновскихъ изысканій, писалъ о греческой литературѣ и о Данте, выучился китайскому языку, перевелъ китайскій романъ и писалъ о философіи Ла-отзе. Но вліяніе Нибура и Вёлькера, а можетъ быть и частыя посѣщенія Рима взяли, наконецъ, свое: съ 50-хъ годовъ Амперъ предался исключительно римской исторіи, и для этого, въ 1855 году отказался отъ своей каѳедры и переселился въ Римъ. Результатомъ этихъ занятій была его «Исторія Рима въ Римѣ» [1])—оригинальная попытка тѣснѣе слить въ одно исторію политическую съ литературною и особенно съ культурной исторіей народа. Еще прежде чѣмъ вышли первые два тома этого сочиненія, обнимавшіе исторію римской республики до галльскаго нашествія, Амперъ напечаталъ въ «Revue des Deux-Mondes», въ 1856 г., статьи объ Августѣ, за которыми послѣдовали статьи о преемникахъ Августа. Эти статьи вошли, по смерти Ампера,

[1]) J. J. Ampère. Histoire Romaine à Rome. P. 1862.

въ составъ V и VI томовъ его исторіи Рима. Самъ Амперъ переработалъ для своей исторіи только часть, относящуюся къ эпохѣ Августа, но не успѣлъ окончить новаго изданія.

Амперъ, по описанію своихъ друзей, былъ одаренъ сильнымъ воображеніемъ, склоннымъ къ мечтательности, замѣчательной—можно сказать—женской чуткостью души, экзальтированной чувствительностью и вслѣдствіе этого безпокойнымъ характеромъ, чрезвычайнымъ благородствомъ стремленій и прямотой. Подъ вліяніемъ этого характера находились его политическія убѣжденія: «Будучи прежде всего теоретикомъ и человѣкомъ съ литературными вкусами, но въ то же время горячимъ приверженцемъ религіозной и политической свободы, Амперъ называлъ себя республиканцемъ, по своему темпераменту—принадлежалъ къ оппозиціи при всякомъ режимѣ и питалъ сильную ненависть къ произволу» [1]).

При такихъ убѣжденіяхъ переворотъ 2-го декабря не могъ не произвести глубокаго впечатлѣнія на Ампера. Онъ совершенно раздѣлялъ взгляды своего друга Токвиля и съ искреннимъ чувствомъ убѣжденія повторялъ его знаменитыя слова, высказанныя въ предисловіи къ сочиненію: «L'Ancien Régime et la Révolution», что больное и развращенное общество можетъ исцѣлить только свобода, но никакъ не деспотизмъ. Чувствительный ко всякому произволу, онъ не могъ сочувствовать порядку, установившемуся въ его отечествѣ. «Всякій разъ,—восклицаетъ онъ, въ исторіи Августа [2]),—какъ единая воля становится во главѣ всего, будь то воля одного человѣка, цѣлой касты или собранія, пусть управленіе называется королевствомъ, республикой или иначе, власть становится, какъ выражались древніе, тираннической или, какъ я буду ее называть, чтобы избѣгнуть этого непріязненнаго имени, абсолютной».

Изъ всего этого видно, что Амперъ ни по характеру своему, ни по вкусамъ и политическимъ убѣжденіямъ, ни по роду своихъ занятій не могъ быть вполнѣ безпристрастнымъ историкомъ Августа. Его никакъ нельзя обвинять при этомъ въ неискренности. Въ Амперѣ было слишкомъ много прямоты и честности, чтобы приносить истину въ жертву, хотя бы то было для цѣли, которая ему казалась благородной. Говоря о прославленіи царствованія Августа, Амперъ замѣчаетъ: «Я не хотѣлъ, чтобы этимъ могли

---

[1]) Madame Récamier, les amis de sa jeunesse et sa correspondance intime, par l'auteur des souvenirs de M. Récamier (M. Lenormant). P. 1872, p. 287.

[2]) H. de l'Emp. R. I. 235.

злоупотреблять въ интересахъ деспотизма, который прикрываетъ себя внѣшнимъ покровомъ свободы, и потому я писалъ свою книгу съ нѣкоторою горячностью и, пожалуй, даже съ нѣкоторой страстью — j'y ai mis quelque véhémence et, si l'on veut, quelque passion. Но при этомъ я искренно убѣжденъ, что не исказилъ исторіи, которую я пытался возстановить въ истинномъ ея смыслѣ послѣ великихъ историковъ новаго времени, и тѣмъ, которые меня обвинили, что я написалъ памфлетъ по поводу Августа, я могу возразить съ Саллюстіемъ: въ томъ, что̀ я сказалъ объ Августѣ и о римской имперіи, заключается мое искреннее мнѣніе—neque me diversa pars movit a vero [1]).

Полная искренность Ампера именно и заставляетъ читателя примиряться съ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ становится несправедливъ къ Августу. Исторія эпохи Августа не была для него предметомъ отвлеченнаго, научнаго анализа, а какъ-бы осязательною реальностью, которую онъ пережилъ и перестрадалъ. Его живое воображеніе постоянно возстановляло передъ его глазами потрясающія сцены проскрипцій и возбуждало его негодованіе противъ того, кто былъ однимъ изъ виновниковъ ихъ. Описывая пріемъ, сдѣланный Августу послѣ его побѣды надъ С. Помпеемъ и его обращеніе къ народу на форумѣ, Амперъ восклицаетъ: «Мнѣ сдается, что я слышу Октавія, говорящаго съ приличіемъ и съ достоинствомъ, и забывчивую толпу, которая ему рукоплещетъ. Но пока онъ говоритъ, и пока ему рукоплещутъ, я вижу кровь, которая вокругъ него заливаетъ форумъ, и отрубленныя головы, скученныя имъ на этой самой трибунѣ. Они снова занимаютъ тамъ свои мѣста вмѣстѣ съ головой Цицерона и отвѣчаютъ ему своимъ неподвижнымъ взоромъ и своими нѣмыми устами» (p. 175). Но и въ болѣе спокойныя минуты, когда воображеніе не ослѣпляло его подобными сценами, его чистая и честная душа постоянно находилась въ возбужденномъ состояніи, испытывая, при видѣ жестокости съ одной стороны, лести и отсутствія убѣжденій съ другой, то, что̀ онъ такъ чистосердечно назвалъ «la colère d'un ami de la liberté. Подъ вліяніемъ этого чувства онъ склоненъ представлять себѣ оппозицію въ преувеличенномъ и въ выгодномъ свѣтѣ: «Подъ управленіемъ Августа,—говоритъ онъ,—нашлось меньшинство, которое покорилось игу только вслѣдствіе силы и протестовало всякій разъ, какъ находило къ этому случай. Это меньшинство всегда существовало

[1]) H. de l'Emp. R. I, p. 319.

въ имперіи; безъ сомнѣнія, оно было слабо, ибо состояло исключительно изъ людей честныхъ и мужественныхъ» (271).

За то большинство, допустившее установленіе имперіи, руководилось, по мнѣнію Ампера, только раболѣпнымъ и равнодушнымъ эгоизмомъ. Негодованіе Ампера противъ отдѣльныхъ личностей, выдававшихся отсутствіемъ твердости или политической честности, выражается иногда въ крайне наивной формѣ. Л. Мунацій Планкъ, въ утѣшеніе котораго Горацій написалъ седьмую оду I книги:—

> ...Sic tu sapiens finire memento
> Tristitiam vitaeque labores
> Molli, Plance, miro....

принадлежалъ къ числу слабыхъ натуръ, для нравственности которыхъ особенно пагубны эпохи междоусобицъ. Онъ былъ однимъ изъ сподвижниковъ Цезаря; по смерти его долго колебался между сенатомъ и Антоніемъ, выступилъ, наконецъ, противъ Антонія, но потомъ сдѣлался его приверженцемъ; во время проскрипцій допустилъ гибель своего родного брата; во время раздора между Антоніемъ и Октавіемъ сначала держалъ сторону Антонія, но потомъ перешелъ къ Октавіану, передалъ ему завѣщанія Антонія и выступилъ въ сенатѣ противъ него съ самыми рѣзкими обвиненіями. Впослѣдствіи, онъ же предложилъ въ сенатѣ поднести властителю Рима почетное имя Августа. Упомянувъ о храмѣ Сатурна, который былъ реставрированъ Планкомъ на свой счетъ, и перечисливъ измѣны Планка, Амперъ восклицаетъ: «Я скорблю, что Горацій посвятилъ оду этому негодяю и что основателемъ города Ліона, гдѣ я родился, былъ подобный человѣкъ» (220). До извѣстной степени мѣшала у Ампера вполнѣ объективному представленію дѣятельности Августа самая манера его изложенія. Изъ всѣхъ европейскихъ историковъ, французы наиболѣе близко подходятъ къ римскимъ историкамъ по риторичности разсказа; другое сходство между ними заключается еще въ томъ, что они болѣе другихъ склонны морализировать по поводу историческихъ событій; и у Ампера встрѣчаются мѣста, гдѣ желаніе воспользоваться случаемъ для произнесенія нравственной сентенціи руководитъ его историческимъ сужденіемъ. Такъ, напр., установленіе императорской власти представляется въ видѣ *возмездія* римлянамъ за ихъ способъ управленія провинціями. «Римляне подчиняли покоренныя области безграничной власти, и имъ пришлось искупить эту несправедливость — настала день, когда иго, которому они подвергли міръ, было возложено на нихъ самихъ — имперія обращалась съ ними какъ съ побѣжденными».

Описывая смуту между солдатами, потребовавшими, чтобы имъ показали въ живыхъ ихъ товарища, удаленнаго по приказанію Октавія изъ театра за то, что онъ посмѣлъ сѣсть въ ряды, отведенные для всадниковъ — Амперъ восклицаетъ: «не рѣдко приходится платить великимъ униженіемъ за удовольствіе унижать людей» (p. 164). Смертность въ семьѣ Августа представляется карой постигшей его: «наказаніе Августа пришло не со стороны римлянъ, которыхъ онъ поработилъ, но со стороны его семьи, которую онъ возвеличилъ. Такого рода кара подъ часъ настигаетъ деспотовъ, которымъ все удается».

Поводомъ въ другого рода увлеченіямъ послужилъ самый характеръ сочиненія Ампера. Памятники искусства, зданія, бюсты, камеи, о которыхъ вскользь говорятъ политическіе историки, должны были, по плану «Исторіи Рима въ Римѣ», послужить новымъ богатымъ матеріаломъ для пополненія другихъ источниковъ этой исторіи. Но, задумываясь надъ развалинами или надъ отрывочными свѣдѣніями, сохранившимися у древнихъ писателей о какомъ-нибудь зданіи въ Римѣ и стараясь силою дивинаціи извлечь изъ этого какое-нибудь показаніе цѣнное для историка, Амперъ нерѣдко увлекался столь любимымъ французами остроуміемъ (pointe) и «свидѣтельства памятниковъ искусства» сводились у него не разъ на звонкую фразу или даже каламбуръ. Такъ, напр., упомянувъ, что Августъ реставрировалъ храмъ Юпитера-Освободителя [1]) на Авентинѣ, Амперъ спрашиваетъ: «Значитъ ли это только, что этотъ храмъ находился близъ храма Свободы, построеннаго на Авентинѣ Семпроніемъ Гракхомъ, или же Августъ, наложивъ цѣпи на римскую свободу, дерзнулъ посвятить храмъ Юпитеру-Освободителю?»

Храмъ согласія былъ реставрированъ Тиберіемъ и освященъ въ годовщину того дня, когда Октавіанъ получилъ имя Августа. По замѣчанію Ампера, день освященія былъ, конечно, выбранъ по желанію Августа, «который любилъ выставлять свою власть какъ торжество *Согласія*. Это согласіе далось ему дешево: тамъ, гдѣ нѣтъ свободы мнѣнія, легко быть согласнымъ» (p. 217). Августъ, кромѣ того, возстановилъ храмъ *Надежды*, истребленный пожаромъ; но онъ не успѣлъ его достроить—«символъ надеждъ,—прибавляетъ историкъ,—которыя имперія внушила при своемъ началѣ и которыхъ она не сдержала».

---

1) Въ Анцирскомъ памятникѣ, гдѣ впрочемъ (c. 19) употреблено выраженіе *feci*, храмъ въ латинскомъ текстѣ обозначенъ aedes Jovis Libertatis, въ греческомъ же переводѣ „Dios Eleutherion", что значитъ освободитель, какъ назывался Зевсъ въ Аѳинахъ.

М. Филиппъ, отчимъ Августа, возобновилъ храмъ Геркулеса Музагета — т.-е. вождя Музъ; «это возобновленіе—замѣчаетъ Амперъ—совершенно кстати; Музы готовы были слишкомъ охотно, даже въ ущербъ своему достоинству, — слѣдовать за силой». Чтобы построить свой форумъ, Августъ сталъ скупать дома частныхъ лицъ и сносить ихъ; но такъ какъ нѣкоторые владѣльцы не согласились на продажу своихъ участковъ, а Августъ не захотѣлъ принуждать ихъ, то мѣсто, на которомъ былъ устроенъ форумъ, имѣло очень неправильное очертаніе. «Забавно (Il est piquant)—разсуждаетъ по этому поводу Амперъ,—взирать теперь на эту уступчивость Августа передъ общественнымъ мнѣніемъ, которое онъ желалъ расположить въ себѣ. Когда предъ вашими глазами ограда уклоняется отъ своего направленія вслѣдствіе того, что пришлось не трогать нѣсколькихъ домовъ, вамъ сдается, будто вы видите на яву, какъ всемогущество Августа намѣренно преклоняется предъ интересомъ частныхъ лицъ, единственной силой, съ которой приходилось ему считаться, послѣ того какъ исчезъ всякій общій интересъ. Уклончивость политики Августа усматривается въ уклоненіи стѣны, которая дѣлаетъ, такъ сказать, осязательнымъ способъ дѣйствія тиранніи, притаившейся для того, чтобы упрочиться. Стѣна кривитъ, какъ постоянно кривилъ императоръ». Такимъ образомъ, по мнѣнію Ампера, въ форумѣ Августа обнаруживается характеристическая черта поведенія и личности этого императора: «лицемѣрное присвоеніе верховной власти (la dissimulation du souverain pouvoir, l'affectation du respect des droits privés), мнимое уваженіе частныхъ правъ въ то время, когда власть на самомъ дѣлѣ не имѣла предѣловъ, когда всѣ общественныя права были попраны».

Картины греческихъ живописцевъ, поставленныя Августомъ въ выстроенной имъ куріи Юлія, представляются Амперомъ какъ символы тогдашняго положенія дѣлъ. Картина Никія изображала нимфу Немеса, сидящую на львѣ, и рядомъ съ нею старца, опирающагося на палку. «Не эпиграмма ли это,—спрашиваетъ Амперъ,—противъ сената и римскаго государства, которые были не въ состояніи держаться на своихъ слабыхъ ногахъ и были принуждены опираться на палку, которая поддерживаетъ и въ то же время бьетъ, т.-е. на деспотизмъ? Тенденціозность другой картины еще явственнѣе: она представляла старца, похожаго на своего сына: Августъ хотѣлъ заставить новыхъ римлянъ думать, что они похожи на своихъ отцовъ; наверху былъ орелъ, державшій въ когтяхъ змѣю; и въ этомъ, конечно, Августъ съ удовольствіемъ

видѣлъ намекъ на свое торжество; но намекъ былъ бы гораздо важнѣе, если бы змѣя схватила орла и задушила его».

Во время игръ, праздновавшихся при открытіи театра Марцелла, въ Римѣ въ первый разъ показывали ручного тигра. «Въ этомъ тигрѣ римскій народъ могъ созерцать свой образъ». По случаю освященія храма Марса-Мстителя, Августъ устроилъ *наумахію*, т.-е. морское сраженіе, между двумя флотами на бассейнѣ, нарочно для этого приспособленномъ. Сражавшіеся представляли аеинянъ и персовъ. «Подъ этими именами,—замѣчаетъ Амперъ,—деспотизмъ боролся со свободой. Свободный народъ одерживалъ побѣду надъ народомъ рабовъ. Побѣда ошиблась временемъ» (se trompait de date,—p. 259).

Но всего болѣе мѣшало Амперу вѣрно или по крайней мѣрѣ безпристрастно изобразить эпоху и дѣятельность Августа его отношеніе къ политическимъ вопросамъ. Амперъ былъ по своей природѣ теоретикомъ (esprit spéculatif, какъ выражаются французы), и этимъ обусловливалось у него отсутствіе интереса къ изученію политическихъ формъ и пониманію жизни государства, какъ организма. Къ исторіи Рима онъ, поэтому, относится только съ точки зрѣнія человѣка, которому дорога политическая свобода; онъ не былъ убѣжденъ въ необходимости преобразованія римской республики въ монархію. Онъ повторялъ мнѣніе, высказанное друзьями свободы еще въ древности, что причиной установленія монархической формы правленія и централизаціи власти было «*нравственное паденіе* римскаго общества; престолъ Августа, говорилъ онъ, опирался на низость нѣкоторыхъ и утомленіе всѣхъ». Если же минутами онъ и допускалъ мысль, что исчезновеніе республики было неизбѣжнымъ, то онъ не видѣлъ причинъ, почему монархія въ Римѣ не приняла, напр., либеральныхъ, конституціонныхъ формъ Орлеанской монархіи. «Свобода, никакая свобода не была возможна въ Римѣ!—восклицаетъ Амперъ (p. 309). Вѣрно ли это? развѣ нельзя было преобразовать республику, не уничтоживъ ее? Развѣ нельзя было основать монархію, которая не была бы абсолютнымъ деспотизмомъ?»

Вслѣдствіе той же причины, Амперъ чрезвычайно рѣзко отзывается о римской имперіи и не признаетъ за ней никакого значенія въ общемъ ходѣ европейской исторіи. «Кто можетъ знать, что могло бы случиться,—продолжаетъ Амперъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ:—легко произносить сужденіе послѣ совершившагося событія и объявить, что оно было неизбѣжнымъ, потому что оно случилось; но, что я знаю хорошо и что будетъ доказано продолженіемъ моего разсказа, это то, что *не могло быть*

ничего хуже римской имперіи (qu'il ne pouvait rien y avoir de pire que l'empire romain), этого долгаго внутренняго паденія, которое временно задерживалось нѣсколькими замѣчательными императорами, но никогда не было пріостановлено; ничего не могло быть хуже того нравственнаго развращенія, которое, объ этомъ слишкомъ часто забываютъ, при смутахъ, возобновлявшихся съ каждымъ новымъ царствованіемъ, при частыхъ междоусобныхъ войнахъ привело къ постепенному захвату Рима варварами и всеобщему наступленію варварства. Я не думаю, чтобы республика могла причинить міру болѣе зла!» Этотъ упрекъ имперіи въ *непрочности* Амперъ постоянно повторяетъ, несмотря на замѣчательную прочность государственнаго организма, который въ послѣднемъ своемъ оплотѣ,—въ Константинополѣ, продержался, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, въ продолженіи пятнадцати вѣковъ.

Понятно, какъ при такихъ убѣжденіяхъ Амперъ долженъ былъ взглянуть на Августа и на его дѣло. Тотъ пьедесталъ, благодаря которому личность Августа такъ возвышается въ глазахъ потомства, т.-е. тотъ фактъ, что онъ былъ организаторомъ величественной римской имперіи, въ глазахъ Ампера не только умаляется, но и становится основаніемъ для рѣзкаго обвиненія. «Августъ основалъ организацію имперіи, но это было *дезорганизацией* римскаго общества, жизненнымъ принципомъ котораго была свобода, а эта дезорганизація, какъ всегда, имѣла своимъ послѣдствіемъ смерть. Августъ съ терпѣливымъ искусствомъ устроилъ ненавистную машину для тиранніи—правительство удушенія и рабства, которое можно было благословлять развѣ только за одно его свойство: то, что оно носило въ самомъ себѣ, вслѣдствіе чрезмѣрности деспотизма, начало своего разложенія и что оно впослѣдствіи—справедливая кара—должно было предать въ жертву варварамъ выродившійся народъ, дозволившій ему упрочиться» (р. 308).

«Имперія, основанная Августомъ,—такъ опредѣляетъ ее Амперъ въ другомъ мѣстѣ съ еще болѣе энергической краткостью,—была концомъ римской жизни и началомъ ея замиранія».

Съ этимъ общимъ взглядомъ Ампера на дѣло Августа согласна неблагопріятная оцѣнка частныхъ результатовъ его дѣятельности при установленіи имперіи. Амперъ отрицаетъ почти всѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя приписываются имперіи, или выставляетъ на видъ ихъ обратную сторону.

Говорятъ, что Августъ далъ римлянамъ внутренній миръ, но это былъ, по мнѣнію Ампера, тотъ миръ, который называется рабствомъ. Превозносятъ улучшеніе быта провинцій при управ-

ленія Августа — Амперъ отрицаетъ это, ссылаясь на отзывъ *Лабуле* и на вымогательства Лицинія, одного изъ сборщиковъ податей Августа въ Галліи, раскрытыя по жалобѣ галловъ. Правленіе Августа выставляютъ эрой внѣшняго мира — но это очень преувеличено. Августъ велъ много войнъ, и ни одна изъ нихъ не была очень успѣшна. Экспедиція, предпринятая Эліемъ Галломъ, префектомъ Египта, въ Аравію, представляла въ маломъ видѣ бѣдственный походъ французовъ на Москву подъ противоположнымъ климатомъ. Августъ хвалится въ своемъ завѣщаніи, что онъ не воевалъ ни съ какимъ народомъ безъ справедливой причины; но страннымъ комментаріемъ къ этимъ словамъ могутъ служить отвратительныя несправедливости, совершавшіяся надъ германскими племенами Варомъ и искупленныя такимъ страшнымъ пораженіемъ. Августъ былъ столь же мало великимъ законодателемъ, какъ онъ былъ великимъ полководцемъ. Вообще говоря, его законы были благоразумны, но мѣры его противъ дурныхъ нравовъ не повлекли за собой важныхъ результатовъ, какъ оказалось впослѣдствіи. Основывая имперію, этотъ моралистъ открылъ эру чудовищнаго разврата, которымъ эта эпоха римской жизни удивила послѣдующіе вѣка.

За то гораздо болѣе плодовъ принесли законы Августа, имѣвшіе цѣлью стѣснить свободу. Законъ объ оскорбленіи величества былъ направленъ противъ памфлетовъ, на самомъ же дѣлѣ противъ свободы писать; журналъ, обнародывавшій пренія, происходившія въ сенатѣ, былъ прекращенъ. *Краснорѣчіе* было *умиротворено* тѣмъ, кто выдалъ Цицерона Антонію, а его языкъ — Фульвіи. Этотъ образъ дѣйствій въ наше время одни назвали бы — преслѣдованіемъ печати и наложеніемъ запрета на трибуну, другіе же установленіемъ порядка (р. 287). Большая часть законовъ Августа сводится на полицейскія распоряженія, и вотъ все, что онъ сдѣлалъ для законодательства. Ни одной важной реформы не ввелъ онъ въ гражданское право. Онъ не собралъ и не систематизировалъ массы римскихъ законовъ, какъ это собирался сдѣлать Цезарь и какъ это совершилъ Юстиніанъ. Онъ не приноровилъ къ своему государству старинной юриспруденціи страны, какъ это сдѣлалъ Наполеонъ. Съ тѣхъ поръ какъ вошло въ моду взывать къ демократіи, чтобы усилить власть, стараются превратить Августа въ демократа, и выставляютъ на показъ уравнивавшее вліяніе имперіи. Но это грубое смѣшеніе идей никого не должно было бы вводить въ обманъ, даже если бы этотъ предразсудокъ не былъ осужденъ Токвилемъ: свободу отождествляютъ съ равенствомъ, а равенство съ рабствомъ. Вотъ

это-то послѣднее именно и установилъ Августъ. Въ эпоху, когда почти вымеръ патриціатъ, Августъ вздумалъ возводить плебеевъ въ санъ патриціевъ—это уже не равенство, а привилегія, сдѣланная для всѣхъ доступною.

Несмотря на всѣ попеченія Августовой администраціи, уменьшеніе производительности, начавшееся въ Италіи со времени Гракховъ, по свидѣтельству Дюро-де-ла-Маля, вмѣсто того, чтобы пріостановиться во время эры мира, которымъ пользовалась эта страна отъ Августа до смерти Нерона, принимала *все большіе и большіе размѣры*». Итакъ, увеличеніе налоговъ и уменьшеніе производительности—вотъ что было слѣдствіемъ *возстановительныхъ* мѣръ (du régime réparateur) Августа.

Нельзя оправдать, по мнѣнію Ампера, Августа тѣмъ, что его мѣры были необходимы для спасенія государства. «Ничего не могло случиться съ римлянами худшаго, чѣмъ то, что они стали, по словамъ Монтескьё, самымъ презрѣннымъ изъ всѣхъ народовъ». Есть люди, которые полагаютъ, что народъ не долженъ, по выраженію римскаго поэта, ради сохраненія своего существованія, допустить утрату того, изъ-за чего только и стоитъ жить—

Et propter vitam vivendi perdere causas.

А къ тому же, Римъ ни отъ чего не былъ спасенъ имперіей: ни отъ войны, ни отъ мятежей, ни отъ варваровъ.

Вслѣдствіе такой низкой оцѣнки результатовъ дѣятельности Августа, въ глазахъ Ампера должны были очень понизиться и способности Августа, какъ государственнаго дѣятеля и какъ политика; и тамъ, гдѣ Амперъ признаетъ за нимъ какое-нибудь достоинство, особенно замѣтно, какъ его оцѣнка способностей Августа обусловливается оцѣнкой его дѣла.

«Августъ, говорятъ, былъ великимъ администраторомъ: я согласенъ съ этимъ. Я не отрицаю благодѣяній искусной администраціи; но я отношусь къ ней всегда нѣсколько недовѣрчиво, ибо исторія показываетъ, что дѣятели, отличавшіеся этимъ достоинствомъ, почти всегда примѣняли въ дѣло усовершенствованную администрацію для того, чтобы организовать и упрочить рабство. Китай передъ своимъ паденіемъ былъ въ этомъ отношеніи образцомъ, и Западу никогда не сравниться съ нимъ. Августъ также вездѣ установилъ административную правильность, т.-е. лучшій порядокъ въ рабствѣ.

«Августъ ввелъ разныя полезныя мѣры въ управленіи про-

винціями. Онъ создалъ для городского управленія 3062 чиновника (!). Онъ замѣнилъ чиновниками на жалованьѣ откупщиковъ, которые брали на откупъ государственные доходы. Августъ не оставлялъ безъ вниманія ничего, чтó относится къ благоустройству большого города и пространной имперіи.—Я, поэтому, охотно соглашусь, что Августъ былъ замѣчательнымъ администраторомъ и очень хорошимъ префектомъ *римской имперіи*. Эта заслуга и еще то, что онъ покровительствовалъ литературѣ и искренно любилъ ее—единственныя заслуги, которыя я могу открыть въ Августѣ» (р. 293).

Амперу потому легко было сводить значеніе Августа, какъ государственнаго дѣятеля, на степень ревностнаго и ловкаго оберъ-полиціймейстера, что онъ не вникъ въ смыслъ той политической организаціи, которую Августъ далъ римской республикѣ. Амперу казалось даже ненужнымъ вникать въ этотъ смыслъ: онъ былъ напередъ убѣжденъ, что это лишній трудъ, и относился только съ насмѣшкой къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ выразилась политическая организація имперіи. «Августъ,—говоритъ онъ,—сохранилъ формы республики. Въ Римѣ по прежнему былъ сенатъ, были консулы, трибуны, происходили даже выборы. Ничего не измѣнилось; формы остались тѣ же; но принципъ погибъ; сущность дѣла была замѣнена названіемъ, пустымъ словомъ (inania verba). Серьёзный историкъ не можетъ принимать эту мнимую обстановку за дѣйствительность» (р. 235). По возвращеніи въ Италію послѣ Акціумской побѣды, Октавіанъ сложилъ съ себя чрезвычайную власть, которою онъ былъ облеченъ въ качествѣ тріумвира. Это сложеніе ненормальной власти съ ненавистнымъ именемъ, о которомъ Августъ говоритъ въ Анцирской надписи съ такимъ неподражаемымъ величіемъ[1]) и которое послужило исходнымъ пунктомъ для послѣдующей организаціи имперіи—по мнѣнію Ампера не что иное какъ мнимое отреченіе отъ императорской власти, отвергнутое сенатомъ[2]). Амперъ повидимому смѣшиваетъ этотъ актъ съ позднѣйшими предложеніями Августа отказаться отъ принципата, который онъ принималъ всегда на извѣстный срокъ. Постоянная трибунская власть, присвоенная

---

[1]) In consulatu VI et VII postquam bella civilia exstinxeram, per consensum universarum potitus rerum omnium, rem publicam ex mea potestate in Senatus populique Romani arbitrium transtuli. VI. 14.

[2]) Auguste nous apprend (Insc. Anc. VI. 14) que ces lauriers lui furent décernés quand il rendit la république au sénat, c'est à dire quand le sénat eut rejeté cette offre d'abdication mise en avant par Auguste, parcequ'il savait bien qu'elle serait refusée. P. 207.

Августомъ, какъ основаніе *гражданской* власти императора, въ противоположность военному имперіуму надъ войскомъ и провинціалами, по выраженію Ампера, только насмѣшка, n'est qu'une dérision (p. 190).

При такомъ пренебреженіи къ вопросамъ государственнаго права, положеннаго въ основаніе новаго порядка вещей, образъ дѣйствій Августа, какъ государственнаго человѣка или, какъ говорятъ, его внутренняя политика могли казаться Амперу очень ничтожными, средства и цѣли Августа—мелочными.

Заботливость Августа о томъ, чтобы доставить римскому народу удобства и удовольствія, представляются въ такомъ свѣтѣ, что это было въ интересахъ деспотизма, которому нужно забавлять народъ всѣми возможными средствами и изнѣжить его какъ можно скорѣе; старанія императора украсить городъ Римъ посредствомъ красивыхъ зданій и памятниковъ художества—объясняется тѣмъ, что онъ хотѣлъ вызолотить клѣтку, въ которую былъ посаженъ римскій народъ.

По поводу попеченій Августа, чтобы посѣщеніе театровъ и цирковъ, въ которыхъ римляне проводили цѣлые дни, не содѣйствовало распущенности нравовъ, вслѣдствіе чего мужчинамъ, а также мальчикамъ и ихъ педагогамъ были отведены особыя мѣста, женщины же должны были ограничиться мѣстами въ верхнемъ ярусѣ—Амперъ замѣчаетъ: вслѣдствіе своихъ распорядительныхъ способностей Августъ любилъ такія мелочи—le génie ordonnateur d'Auguste se complaisait dans ces détails (p. 248). Главное средство политики Августа было очень незатѣйливо: оно состояло въ томъ, чтобы опираться на воспоминаніе о своемъ дядѣ—Юліѣ Цезарѣ; онъ постоянно старается выставлять впередъ это имя, чтобы оно служило ему украшеніемъ и щитомъ. Цѣль же Августа—*основать династію*. Въ его дѣйствіяхъ постоянно проглядываетъ мысль о династіи (la pensée dynastique). Ради этой династіи, которую ему не удалось основать, онъ нанесъ смертельный ударъ республикѣ, вмѣсто того, чтобы возстановить ея силы. «Долженъ ли врачъ, вмѣсто того, чтобы бороться съ серьёзной болѣзнью, сдѣлать ее смертельной? Долженъ ли онъ, если больной въ опасности, покончить дѣло дозой опіума? А это именно и сдѣлалъ Августъ» (p. 309).

Подъ вліяніемъ своего нерасположенія къ Августу, Амперъ не только умаляетъ его заслуги и способности, но и охотно пользуется всякимъ случаемъ, чтобы бросить невыгодный свѣтъ на него.

Мы привели одно мѣсто, въ которомъ Амперъ соглашается,

что онъ долженъ по-крайней-мѣрѣ признать за Августомъ заслуги относительно литературы. Но въ другомъ мѣстѣ онъ спѣшитъ уменьшить значеніе этой похвалы, указывая на то, что процвѣтаніе литературы при Августѣ было слѣдствіемъ той жизни, которая трепетала среди смутъ республики, и что, когда послѣ этого наступилъ покой, энергія жизни обратилась къ искусству и литературѣ, однако скоро погасла подъ вліяніемъ деспотизма (p. 267). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что, конечно, Августъ повидимому дѣйствительно любилъ литературу; но «ненависть къ литературѣ рѣдко встрѣчается у дурныхъ государей; это клеймо крайняго отверженія тирановъ — le dernier signe de la réprobation pour les tyrans».

Амперъ постоянно сопоставляетъ Августа съ Цезаремъ, конечно для того, чтобы перваго унизить. Сравнивая походъ Августа въ Испанію съ экспедиціей на востокъ, въ которую собирался Цезарь передъ тѣмъ какъ его убили, Амперъ замѣчаетъ: «то была маленькая война вмѣсто значительной. Августъ не былъ Цезаремъ. Всякій дѣлаетъ то, на что гораздъ».

Сравнивая форумъ Августа съ форумомъ Цезаря, Амперъ говоритъ, что первый былъ обширнѣе. «Августъ былъ въ состояніи превзойти Цезаря относительно величія только такимъ способомъ» (p. 228).

Чуть не съ злорадствомъ говоритъ Амперъ о судьбѣ мавзолея, который воздвигъ Августъ для своей семьи на Марсовомъ полѣ. Верхняя часть этого памятника и окружавшія его мраморныя колонны исчезли; сохранился только остовъ зданія въ видѣ амфитеатра, кругомъ застроеннаго домами; здѣсь даются теперь подъ открытымъ небомъ театральныя представленія. «Комедія, впрочемъ, — прибавляетъ Амперъ, — у мѣста въ мавзолеѣ лицемѣрнаго и трусливаго человѣка, который въ продолженіи почти полувѣка игралъ въ пользу деспотизма комедію свободы» (p. 301). Нерѣдко это нерасположеніе къ Августу приводитъ Ампера къ невѣрному толкованію фактовъ. Августъ со времени Акціумской побѣды ежегодно занималъ одно изъ консульскихъ мѣстъ. Это продолжалось 8 лѣтъ. Но Августъ не желалъ основать императорскую власть на консульствѣ, и въ 732 (22) году не принялъ консульства. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, отправившись на нѣсколько лѣтъ въ провинцію, онъ опять отказался отъ предоставленнаго ему консульства. На вакантное мѣсто явилось два кандидата, которые, по разсказу Діона Кассія, своей избирательной агитаціей произвели такую смуту, что благоразумные граждане просили Августа возвратиться. Но такъ какъ Августъ

этого не желалъ, то онъ отпустилъ обоихъ кандидатовъ, пріѣхавшихъ къ нему въ Сицилію, съ строгимъ выговоромъ и приказалъ приступить къ выборамъ въ его отсутствіи. Одинъ изъ нихъ и былъ выбранъ послѣ новыхъ агитацій. Амперъ же, хотя и цитуетъ Діона Кассія, но представляетъ дѣло совершенно иначе и въ невыгодномъ для Августа свѣтѣ. По его разсказу, Августъ самъ оставилъ за собой одно изъ консульскихъ мѣстъ, но затѣмъ не захотѣлъ принять его; тогда выступили два кандидата. Послѣдовавшія затѣмъ смуты представляются «тѣмъ движеніемъ, которое всегда сопровождаетъ настоящее избраніе». Августъ вызвалъ соперниковъ: «рѣзко отдѣлалъ ихъ за то, что они дерзнули выступить кандидатами («les tança fort d'avoir osé l'être») и запретилъ имъ являться въ Римъ во время выборовъ».

Другая, болѣе важная ошибка, въ которую Амперъ впадаетъ вмѣстѣ съ многими прежними историками, заключается въ предположеніи, что Августъ заставилъ сенатъ провозгласить себя стоящимъ выше законовъ или необязаннымъ подчиняться существующимъ законамъ (legibus solutus).* Это анахронизмъ, который рѣзко противорѣчитъ политикѣ Августа и духу его времени. Только императоры III-го вѣка были legibus soluti; подъ этими законами слѣдуетъ, впрочемъ, разумѣть постановленія гражданскаго права. Первые же императоры ограничивались тѣмъ, что заставляли народное собраніе, а потомъ сенатъ, избавлять себя отъ обязанности (диспенсировать) подчиняться извѣстнымъ, опредѣленно обозначеннымъ формальностямъ или законамъ гражданскаго права, напр., отъ запрещеній, стѣснявшихъ холостыхъ или бездѣтныхъ при полученіи наслѣдства; подобнымъ образомъ народное собраніе признало за Августомъ право отпускать своихъ рабовъ на волю простымъ заявленіемъ своего желанія, безъ формальности ударенія прутомъ (виндиктой) въ присутствіи претора. Иногда же нерасположеніе Ампера къ Августу доводитъ его до явной несправедливости или даже до искаженія истины. Такъ, напр., Амперъ не хочетъ признать, что Августъ имѣлъ право раздвинуть городскія стѣны (Померіумъ). Римляне, какъ извѣстно, признавали это право только за тѣми, кто раздвинулъ границы имперіи. Августъ же, не говоря о томъ, что окончательно покорилъ горцевъ, жившихъ въ Пиренеяхъ, Альпахъ и въ Далмаціи, присоединилъ къ Риму Рецію, Винделицію и Египетъ.

При Августѣ Римъ былъ снабженъ такимъ количествомъ хорошей воды, какого никогда не имѣлъ никакой городъ. Между прочимъ, Августъ провелъ въ Римъ водопроводъ Альсіетинскій, чтобы питать имъ бассейнъ, устроенный для наумахіи, для питья

же вода альсіетинская была мало пригодна. По этому поводу Амперъ, пользуясь однимъ выраженіемъ Фронтина, которое вовсе не имѣетъ этого смысла, восклицаетъ: «До сихъ поръ вода проводилась только для нуждъ римскаго народа»—pour le peuple romain, какъ будто наумахія была устроена не для римскаго народа.

Но самый серьёзный упрекъ можно сдѣлать Амперу за то тяжкое обвиненіе, которое онъ возводитъ противъ Августа за его отношенія къ его дочери Юліи. Августъ, говоритъ онъ, наказалъ Юлію чрезвычайно строго и обнаружилъ противъ нея гнѣвъ, за которымъ, можетъ быть, скрывалось другое чувство, чѣмъ негодованіе отца» (p. 329). Единственнымъ поводомъ, нельзя даже сказать основаніемъ, служатъ для Ампера намеки Овидія на причины его изгнанія на берега Чернаго моря [1]), хотя гораздо правдоподобнѣе, что эти намеки относятся не къ дочери, а къ внучкѣ Августа; но, помимо этого, несообразно съ здравымъ смысломъ предположить, чтобы поэтъ, желавшій получить отъ Августа прощеніе, рѣшился напоминать императору въ стихахъ, предназначенныхъ для публичности, о такомъ ненавистномъ во всѣ времена преступленіи. Всего хуже то, что Амперъ самъ чувствуетъ неотразимую силу такого возраженія, но устраняетъ его недостойной шуткой: «Признаюсь, трудно вѣрится (que j'ai peine à croire), чтобы Овидій такъ часто напоминалъ виновному о такомъ происшествіи, но это позорящее подозрѣніе можетъ считаться справедливымъ наказаніемъ Августу за тайну, которою онъ облекъ вину Овидія, столь варварски наказанную».

При полномъ пренебреженіи къ дѣлу Августа и при такомъ предубѣжденіи противъ него самого, Амперъ, конечно, не польстилъ римскому императору, описывая его какъ человѣка. При изображеніи личности Августа, Амперъ склоненъ вѣрить всѣмъ невыгоднымъ для него свидѣтельствамъ, даже въ томъ случаѣ, когда въ источникахъ прямо сказано, что оно заимствовано у враждебнаго для Августа писателя, напр., взято изъ памфлета Антонія. При такомъ настроеніи Амперъ основываетъ свою характеристику личности Августа главнымъ образомъ на слѣдующихъ двухъ свойствахъ: жестокости и лицемѣріи. Для доказа-

[1]) Сарказмъ, которымъ сопровождаетъ Амперъ это обвиненіе, увеличиваетъ вину историка: Ces expressions voilées se rapportent très bien à quelque honte de la famille impériale, à un amour incestueux d'Auguste pour sa fille Julie, dont Ovide aurait été le témoin involontaire. L'une et l'autre en ce genre étaint capables de tout... ils s'expliquent mieux (т.-е. намеки Овидія) si l'on admet que l'inceste impérial... avait commencé sous le toit modeste du sage Auguste. P. 375.

тельства жестокости собраны всѣ факты въ источникахъ, относящіеся ко времени проскрипцій и гражданскихъ войнъ, и не придается значенія тому, что Августъ вовсе не обнаруживалъ жестокости въ продолженіи 44 лѣтъ своего единовластія. Упрекъ же въ лицемѣріи не основанъ ни на какихъ фактахъ, а просто положенъ въ основаніе всего поведенія Августа, и потому повторяется на всѣ лады о заботахъ Августа возобновить храмы, пополнить греческія коллегіи и возстановить нѣкоторые старинные, національные культы. Амперъ говоритъ: Auguste *afficha* toujours un grand respect pour la religion (p. 214). По поводу стараній Августа примѣромъ своей домашней обстановки поддержать уваженіе къ республиканской простотѣ въ нравахъ, Амперъ замѣчаетъ:—il affecta la simplicité dans sa demeure. Попытка Августа положить предѣлъ лести—такъ, напр., однажды онъ велѣлъ снять около 80 [1]) пѣшихъ и конныхъ серебряныхъ статуй, поставленныхъ ему въ Римѣ, перелить ихъ и обратить вырученныя деньги на драгоцѣнныя приношенія въ храмъ Аполлона отъ своего имени и имени жертвователей—въ глазахъ Ампера только подтверждаетъ его лицемѣрное смиреніе — cette modestie habile que sa prudence affecta toujours (200). Даже въ томъ обстоятельствѣ, что ограда Августова форума сложена изъ пеперина—римскаго камня, изъ котораго сдѣланы всѣ постройки республиканской эпохи—Амперъ видитъ доказательство лицемѣрія. Отношенія къ сенату, которыя лежали въ основаніи политической системы Августа, сводятся на *смѣшное почтеніе*, разыгрываемое императоромъ.

Амперъ тщательно собираетъ однородные отзывы объ Августѣ у писателей XVIII и XIX вѣковъ, и по этому поводу восклицаетъ: «что меня всего болѣе возмущаетъ въ личности Августа, такъ это его постоянное лицемѣріе—и до и послѣ установленія имперіи». Амперъ видитъ это лицемѣріе не только въ стараніяхъ Августа придать своей власти срочный характеръ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Августъ дѣйствовалъ совершенно искренно, руководствуясь твердо сознаннымъ принципомъ. Такъ, напр., однажды во время общаго бѣдствія — заразы, голода и наводненія, толпа захотѣла, чтобы Августъ былъ провозглашенъ диктаторомъ. Эта власть и связанныя съ ней воспоминанія вовсе не были согласны съ политической системой Августа. На колѣняхъ и скинувъ съ плечъ, по римскому обычаю, свою тогу въ знакъ сильнаго огорченія, онъ умолялъ народъ успокоиться. Амперъ

---

[1]) У Ампера, по ошибкѣ, сказано 90 статуй (p. 296).

называетъ его за это Тартюфомъ и говоритъ, что Августъ, наученный судьбою диктатора Цезаря — «употребилъ все свое искусство, чтобы, сооружая имперію, скрыть ее и, уничтожая свободу, сохранить мнимую республику». Né de la république, il ne violenta pas sa mère; il se contenta de l'étrangler sans la faire crier (295). Августъ дозволилъ провинціаламъ воздвигать себѣ храмы, въ которыхъ почиталось его изображеніе;—на эллинскомъ востокѣ давно уже было въ обычаѣ оказывать царямъ и правителямъ божескія почести. Но въ Римѣ и Италіи, какъ опредѣленно говоритъ Діонъ Кассій, никто изъ людей сколько-нибудь порядочныхъ на это не «дерзалъ». Тѣмъ не менѣе Амперъ говоритъ, что Августъ «заставилъ себя упрашивать сдѣлаться богомъ. Но, наконецъ, его скромность уступила, и даже въ самомъ Римѣ ему еще при жизни было воздвигнуто святилище въ Палатинѣ» (р. 296). Историкъ, который акуратно цитуетъ свои источники, на этотъ разъ ничего не привелъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Въ одномъ лишь отношеніи защищаетъ Амперъ личность Августа—отъ несправедливыхъ нападокъ своихъ предшественниковъ, но эта защита не совсѣмъ убѣдительна. Враги Августа, особенно Антоній, обвиняли его въ трусости—это была явная клевета, основанная на нелѣпомъ толкованіи нѣкоторыхъ фактовъ, напр., крѣпкаго сна Августа передъ битвой съ Помпеемъ. Напротивъ, у Августа не было даже недостатка въ личной храбрости воина, которую онъ, напр., доказалъ въ битвѣ передъ Мутиной, когда онъ выхватилъ орла у раненаго знаменоносца и повелъ дрогнувшій легіонъ цезаревыхъ ветерановъ на непріятеля. Несмотря на это, многіе писатели XVIII вѣка называли Августа трусомъ. Защищая Августа противъ «этой клеветы, слишкомъ легкомысленно допущенной Монтескьё и Вольтеромъ», Амперъ, однако, тутъ же приводитъ нѣкоторые факты и обставляетъ ихъ такими выраженіями, которыя очень ослабляютъ силу защиты. На войнѣ Августа противъ горцевъ случилось, что во время одного ночного перехода молнія ударила въ землю передъ самыми носилками императора и убила раба, шедшаго впереди съ факеломъ. Августъ послѣ того воздвигъ храмъ Юпитеру громовержцу, пощадившему его жизнь, и какъ часто случается, былъ такъ потрясенъ вынесеннымъ имъ впечатлѣніемъ, что не былъ въ состояніи спокойно переносить грозы. По крайней мѣрѣ, Светоній прямо говоритъ, что страхъ грозы у Августа былъ слѣдствіемъ упомянутаго случая.

У Ампера эти факты представлены въ превратной связи — разсказавши, что Августъ всегда имѣлъ при себѣ тюленью шкуру,

какъ предохранительное средство, и во время сильной грозы удалялся въ комнату, покрытую сводами, онъ продолжаетъ: понятно, почему онъ соорудилъ храмъ Юпитеру по случаю своего спасенія отъ грозы. Самый храмъ служитъ историку поводомъ къ сарказму. «Странно, восклицаетъ онъ, что императоръ воздвигъ послѣ испанской войны памятникъ не своей храбрости, которую онъ не разъ доказалъ, а своего страха». А въ другомъ мѣстѣ (p. 230), онъ говоритъ, что испанская экспедиція принесла Августу мало славы и доставила ему случай увѣковѣчить памятникомъ только его страхъ предъ громомъ (où il n'avait trouvé à immortaliser par un monument que sa peur du tonnerre).

Амперъ вообще находитъ мало похвальнаго въ личности Августа; и даже тамъ, гдѣ онъ его хвалитъ, къ похвалѣ примѣшивается горечь несправедливаго упрека. По поводу отношеній Августа къ Агриппѣ, которыя можно назвать безукоризненными, Амперъ говоритъ, что Августъ допускалъ къ чести тріумфальнаго въѣзда тѣхъ изъ своихъ полководцевъ, которые недостаточно прославились, чтобы затмить его самого, — но что Агриппа, самый славный изъ нихъ, и потому болѣе всѣхъ внушавшій безпокойства, старался приписывать всѣ свои побѣды Августу, котораго онъ хорошо зналъ; къ этому разсказу историкъ прибавляетъ замѣчаніе: «умный деспотизмъ Августа былъ способенъ къ предусмотрительной ревности, но не къ безцѣльному тщеславію».

Только тамъ, гдѣ пробуждается артистическая натура историка, онъ искренно отдаетъ справедливость, если не Августу лично, то духу времени, выразившемуся въ его дѣятельности. Говоря о храмѣ Марса Мстителя, Амперъ замѣчаетъ: «этотъ памятникъ еще отмѣченъ простотою стиля» (tient encore du style chaste), свойственной зданіямъ республики, столь близкимъ къ греческому изяществу—но онъ въ то же время уже отмѣченъ величественнымъ и грандіознымъ стилемъ имперіи. Онъ представляетъ переходную ступень въ искусствѣ, подобно тому, какъ деспотизмъ въ республиканскихъ формахъ Августа былъ переходной политической ступенью—однако болѣе счастливой» (p. 235).

По поводу одной надписи Амперъ говоритъ: «въ ея стилѣ есть благородство. То же можно сказать о всѣхъ надписяхъ эпохи Августа. Позднѣе императорскія надписи впадаютъ въ напыщенность, которая всегда является слѣдствіемъ лести. При Августѣ нравственное паденіе (la décadence des âmes) еще не коснулось слога. Мужественная простота свободныхъ вѣковъ еще довольно долго жила въ надписяхъ на памятникахъ, и въ слогѣ

еще долго слышалось величіе, когда оно уже было утрачено въ въ самыхъ чувствахъ».

Но артистическая натура—опасный даръ для историка, если онъ даетъ волю своему воображенію. Это не разъ случалось съ Амперомъ, и между прочимъ и въ книгѣ объ Августѣ. Потомъ, по плану своего сочиненія—обогатить исторію свидѣтельствами недостаточно изслѣдованныхъ памятниковъ искусства, онъ, конечно, не могъ въ характеристикѣ Августа не прибѣгнуть къ помощи его портретныхъ бюстовъ, сохранившихся въ музеяхъ. Читать въ физіономіи гораздо легче, чѣмъ отгадывать духъ и характеръ лица сквозь противорѣчивыя и не безпристрастныя свидѣтельства источниковъ или посредствомъ возстановленія политическаго и нравственнаго быта давно отжившаго общества. Лицо, сохранившееся на полотнѣ или въ мраморѣ, всегда какъ будто живо предъ нами, и всегда готово отвѣчать на наши вопросы. Но отвѣты слишкомъ часто подсказываются наблюдателемъ. И Амперъ также прочелъ на челѣ Августа все, что ему хотѣлось.

Никогда, можетъ быть, восклицаетъ Амперъ, скульптура не оказывала исторіи бóльшей услуги, какъ въ вопросѣ объ Августѣ. Поэзія оставила намъ идеализированный, фальшивый портретъ Августа. Къ счастью, до насъ дошли не одни только его портреты въ стихахъ, а сохранились также портреты въ мраморѣ, а послѣдніе не лгутъ. Двѣ черты его характера особенно явствуютъ изъ этихъ портретовъ—коварство (la fausseté de son âme), выражающееся въ его взорѣ, и его злость, обнаруживающаяся въ мрачномъ выраженіи его лица».

Мы упоминали, что Амперъ не счелъ нужнымъ примирить извѣстіе о жестокости Октавіана, во время тріумвирата, съ извѣстіями о его милосердіи и великодушіи во время единовластія. Теперь становится яснымъ, почему это было не нужно. «Обыкновенно дѣлаютъ слишкомъ большое различіе,—замѣчаетъ онъ,—между свирѣпымъ сообщникомъ Антонія, которой назывался Октавіемъ, и мирнымъ властителемъ вселенной, которому дали прозвище Августа. Скульптура доказываетъ торжество Октавіана и Августа. Въ дѣйствительности не два лица въ этомъ человѣкѣ, хотя онъ и носилъ два имени. Въ исторіи Августъ надѣлъ маску на лицо Октавія; но для скульптуры не существуетъ маски; elle copie le nu. Скульптура сохранила за Августомъ, прикрывшимъ себя личиною мягкости и даже добродушія (bonhomie), жестокую и лицемѣрную физіономію Октавія».

«По словамъ Светонія, Августъ былъ красивъ и *имѣлъ красоту всѣхъ возрастовъ*. Таковымъ представляютъ его портреты;

но его коварная, невозмутимая и въ глубинѣ злая душа бросаетъ на нихъ отблескъ такой же двусмысленный, какъ она сама. Въ Ватиканѣ находится прелестный бюстъ молодого Августа; черты лица его очень опредѣленныя и въ то же время самыя тонкія, почти нѣжныя. Но взоръ нѣсколько мраченъ и на этомъ гладкомъ челѣ лежитъ угроза. На большей же части портретовъ злое выраженіе преобладаетъ. Такимъ образомъ портретъ, который называютъ геніемъ Августа, представляетъ злого генія—злого духа Рима». Августъ съ покрываломъ жертвователя—хорошо сдѣлали, что изобразили его съ покрываломъ — довольно похожъ на Калигулу. На другомъ бюстѣ Августъ имѣетъ видъ ханжи. На бюстѣ въ Капитолійскомъ музеѣ у Августа видъ преступника (scélérat). Случай сохранилъ намъ такимъ образомъ тотъ видъ, какой имѣлъ Августъ когда былъ тріумвиромъ.

Наконецъ, въ Ватиканѣ находится бюстъ стараго Августа; у этого плутоватый видъ (l'air finaud), въ полуоткрытыхъ устахъ ироническое выраженіе. Шестьдесятъ лѣтъ хитрости отпечатлѣлись на морщинахъ этого завядшаго лица, которое могло бы быть портретомъ стараго прокурора, если бы не было скорѣе портретомъ стараго комедіанта».

Несмотря однако на то, что этотъ «коронованный комедіантъ» на смертномъ одрѣ сбросилъ маску и съ циническимъ признаніемъ спросилъ окружавшихъ его: хорошо-ли я съигралъ комедію жизни? присовокупивъ къ этому, по обычаю своихъ собратьевъ на сценѣ, приглашеніе: «рукоплещите» — ему удалось обмануть потомство, какъ онъ обманулъ современниковъ. «Потомство приняло эпоху Августа за великую эпоху человѣчества, тогда какъ она была только концомъ жизни. Подобно тому, какъ Августъ узурпировалъ верховную власть надъ своими согражданами, онъ узурпировалъ въ воображеніи людей мѣсто, котораго не заслуживаетъ».

Какъ это случилось? Амперъ объясняетъ это тѣмъ, что на долю Августа выпало три большихъ счастья: его прославили Виргилій и Горацій, Тацитъ едва коснулся его въ своей римской исторіи, и наконецъ его біографія, написанная Плутархомъ, не дошла до насъ. Благодаря этому, лесть вовзвела Августа на высоту, на которой его удерживали—въ средніе вѣка: религіозныя и политическія теоріи, связывавшія съ Августомъ начало Имперіи и Церкви;—въ эпоху возрожденія: обоготворенія литературы и жажда протекціи;—въ XVII вѣкѣ: торжество абсолютной монархіи въ Европѣ. Писатели XVIII вѣка не успѣли дать здравому смыслу въ общественномъ мнѣніи перевѣсъ надъ избитой

фразой. Амперъ не хотѣлъ поддаться этому возвеличенію, какъ онъ говоритъ, подъ-часъ небезкорыстному. «Нѣтъ, я не рукоплещу тебѣ,—восклицаетъ онъ въ концѣ своей книги,—за то, что ты обманулъ свѣтъ, который хотѣлъ быть обманутымъ; за то, что ты успѣлъ съ искусствомъ, которому помогала общая жажда рабства, сохраняя личину свободы, основать тотъ деспотизмъ, который при твоихъ преемникахъ обнаружилъ свои неминуемыя послѣдствія. И чѣмъ заслужилъ ты рукоплесканія? Римскій народъ былъ утомленъ: ты воспользовался его утомленіемъ, чтобы усыпить его. Когда онъ былъ усыпленъ, ты лишилъ его мужества. Ты ничего не возстановилъ, ничего не возобновилъ; ты душилъ, ты гасилъ».

III.

Перейдемъ теперь къ другому французскому сочиненію, о томъ же предметѣ—сочиненію Бёле—«Августъ, его семья и его друзья» [1]). Этотъ ученый давно былъ извѣстенъ въ кругу спеціалистовъ своими сочиненіями по греческой археологіи—«Аѳинскій Акрополь», «Аѳинскія Монеты», «Исторія Греческаго Искусства до Перикла» и множествомъ другихъ. Въ 1873 году Бёле пріобрѣлъ извѣстность въ болѣе обширнахъ кругахъ, когда занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Но тутъ онъ вскорѣ сдѣлался жертвой непопулярности министерства герцога Брольи. Оппозиція въ палатѣ и въ печати подхватила нѣкоторыя неудачныя выраженія новаго министра въ его рѣчахъ и въ циркулярахъ, и погубила его насмѣшкой—этимъ смертельнымъ орудіемъ противъ общественныхъ дѣятелей, особенно во Франціи. Съ 1867 года Бёле началъ издавать рядъ очерковъ изъ исторіи Августа и его династіи, составленныхъ по стенографическимъ запискамъ лекцій, читанныхъ имъ въ императорской библіотекѣ. Кромѣ вышеупомянутой книги объ Августѣ, сюда относятся: «Тиберій и наслѣдство Августа», «Кровь Германика» и «Титъ и его династія».

Всѣ эти сочиненія Бёле по римской исторіи заслуживаютъ вниманія не столько своими научными достоинствами, сколько ученостью автора, интереснымъ изложеніемъ и своимъ успѣхомъ не только во Франціи, но и въ Германіи, гдѣ всѣ сочиненія Бёле о Римѣ переведены, чего иногда не случается съ лучшими французскими книгами. Главнымъ же образомъ эти сочиненія

---

[1]) Beulé: Auguste, sa Famille et ses amis. V-me ed. Paris. M. Lévy. 1875.

интересны для насъ потому, что показываютъ, до чего можетъ довести историка политическая оппозиція и увлеченіе чувствомъ. Историческая «манера» Бёле представляетъ много общаго съ Амперовской. И онъ по преимуществу занятъ памятниками искусства и литературой, и приступаетъ къ исторіи, чтобы обогатить ее результатами своихъ спеціальныхъ наблюденій. Онъ держится тѣхъ же политическихъ убѣжденій, какъ Амперъ и также признаетъ за историкомъ нравственное призваніе облагороживать стремленія и сужденія своихъ современниковъ. Немудрено поэтому, что въ сочиненіи Бёле объ Августѣ мы находимъ не только общіе взгляды разсмотрѣнной нами книги Ампера, но и поразительное сходство въ мелочахъ, а иногда даже почти буквальное повтореніе.

На той страницѣ, напр., гдѣ Бёле объясняетъ причины несправедливой популярности Августа въ глазахъ потомства и объявляетъ, что онъ «съ своей стороны не подчиняется этому приговору, но, напротивъ, негодуетъ»—читатель, знакомый съ Амперомъ, даже невольно ищетъ ссылки на этого писателя, до такой степени повторенъ здѣсь ходъ его мысли, вытекающій, впрочемъ, изъ общей точки зрѣнія обоихъ писателей.

И Бёле также не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поглумиться надъ Августомъ по поводу судьбы его мавзолея, оправдывая себя замѣчаніемъ, что нельзя не повторять постоянно этого назидательнаго урока. Но вслѣдствіе ненужныхъ длиннотъ, излишняго паѳоса и натяжекъ, этотъ урокъ у Бёле теряетъ свою назидательную силу. Описавши подробно теперешній видъ мавзолея и противопоставивъ всеобщему равнодушію къ нему то уваженіе, которое и теперь еще окружаетъ надгробные памятники Сципіоновъ, Метеллы, Назоновъ и др., Бёле продолжаетъ: «а самая обширная гробница Рима, самая величественная, которая должна была возвышаться надъ Римомъ подобно тому, какъ императоръ надъ всѣми господствовалъ своею личностью, что съ нею сталось?—Она превращена въ вещь безъ имени, затерянную, забытую, покинутую, обезславленную низкимъ своимъ назначеніемъ и грубыми ремеслами, опозоренную смѣхомъ черни, оглашающимъ могильные склепы, обращенные въ конюшни и погреба».

Напомнивши потомъ предсмертныя слова Августа, Бёле заключаетъ: «Провидѣніе воспользовалось этими словами и превратило ихъ въ кровавый урокъ, который теперь еще ежедневно возобновляется и даетъ намъ право сказать въ нашу очередь: «Ты должна быть довольна, душа божественнаго Августа, когда витаешь на орлѣ твоей апотеозы надъ Тибромъ и Марсовымъ

Полемъ. Комедія продолжается; и нигдѣ время не проводятъ такъ весело, какъ въ твоей роскошной гробницѣ; римляне все еще смѣются и, не думая о томъ, топчатъ прахъ, оставленный тобою на землѣ; ихъ рукоплесканія ежедневно долетаютъ до твоего Олимпа; правда, они относятся къ актерамъ плохого сорта. Еслибъ кто раскрылъ внутренности твоего непризнаннаго памятника, тамъ оказались бы довольно значительные конгіеріи, накопленные тамъ продавцами колбасы и почти достойные тѣхъ, которые ты раздавалъ голодной толпѣ. Ты глумился надъ всѣмъ, чтó свято здѣсь на землѣ, и эмблемой твоей династіи безъ будущности служитъ этотъ памятникъ, который долженъ былъ давить римскую почву своей величественной тяжестью, но сохранился только для того, чтобы быть предметомъ презрѣнія. Справедливая кара!» [1]) Всѣ тѣ свойства историка Ампера, на которыя мы указывали какъ на препятствія къ правильному историческому пониманію значенія и дѣятельности Августа,—еще ярче обнаруживаются въ книгѣ Бёле и представляются болѣе крупными недостатками: полемическое отношеніе къ деспотизму римскихъ императоровъ во имя современной свободы, морализующая точка зрѣнія и недостаточно серьёзное изученіе политической стороны дѣла. Но потому ли, что у Бёле менѣе таланта, менѣе такта и тонкаго чутья мѣры, или потому, что у него еще сильнѣе было чувство негодованія, онъ постоянно впадаетъ въ преувеличеніе не только относительно сужденій и характеристикъ, чтó для читателей, мало знакомыхъ съ источниками, было бы не замѣтно, но относительно самой формы и изложенія. Въ его тирадахъ противъ деспотизма краснорѣчіе искренности нерѣдко переходитъ въ напыщенный паѳосъ и негодованіе моралиста принимаетъ комическій характеръ вслѣдствіе выспренности рѣчи и натяжекъ. Впрочемъ, въ оправданіе Бёле нужно помнить, что его сочиненіе состоитъ изъ стенографическихъ записокъ по его лекціямъ. Въ устной рѣчи, при прямомъ, свободномъ обращеніи къ слушателямъ многое можетъ быть умѣстнымъ, чтó въ книгѣ окажется страннымъ и изысканнымъ, а кромѣ того присутствіе юношества, которое Бёле хотѣлъ предостеречь отъ гражданскаго эгоизма и политическаго равнодушія, легко могло увлечь его за предѣлы безпристрастія и спокойной объективности, какъ и многихъ другихъ французскихъ профессоровъ временъ имперіи; оканчивалъ же тогда и ученый Лабуле свои лекціи о законодательствѣ у вестготовъ каждый разъ какимъ-

[1]) Beulé, Tibère et l'héritage d'Auguste, p. 54. Въ этомъ сочиненіи помѣщена послѣдняя глава объ Августѣ—„Смерть Августа".

нибудь политическимъ намекомъ, который заставлялъ трепетать аудиторію.

Такъ и у Бёле, среди повѣствованія о событіяхъ эпохи Августа часто выступаетъ «злоба дня»; тамъ, напр., гдѣ онъ говоритъ, что «въ преступленіяхъ противъ страны (attentats contre le pays) всегда двѣ виновныя стороны: тотъ, кто дерзаетъ, и тѣ, которые дозволяютъ; тотъ, ктò нарушаетъ, и тѣ, которые допускаютъ нарушить законъ; тотъ, кто захватываетъ, и тѣ, которые отрекаются отъ власти». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «обличая частную жизнь Августа также какъ и его совѣсть, мы указали съ глубокимъ удовлетвореніемъ во имя истины, во имя нравственности, во имя человѣческаго достоинства, на наказанія, постигшія этого человѣка, который поставилъ себя выше закона»; или гдѣ историкъ говоритъ о національномъ характерѣ галловъ и прибавляетъ не безъ ироніи, что «у нихъ былъ недостатокъ, который, конечно, исчезъ у ихъ потомковъ, оставшихся на римской почвѣ—un naturel empressement à se faire courtisan et une tendance aimable à la servitude (p. 34).

Если въ описаніи космополитическаго характера древняго Рима, который «сдѣлался центромъ вселенной, но центромъ наслажденій, роскоши, удовольствія во что бы то ни стало», можно искать укора современному Парижу, то безъ сомнѣнія въ характеристикѣ римскаго юношества въ концѣ царствованія Августа нельзя не видѣть сатиры на парижскую jeunesse dorée,—сатиры, въ которой звучитъ чувство оскорбленнаго, негодующаго патріота и искреннее желаніе, чтобы французскіе юноши не походили на римскихъ.

Сенатъ, всадники, народъ—все было испорчено деспотизмомъ Августа, увлечено эгоизмомъ и личными интересами. «Но одна сила оставалась, которая могла не знать ни интереса, ни страха, ни измѣны—юношество; юношество—это сокровище, которое все вновь нарождается на гордость народамъ процвѣтающимъ и въ утѣшеніе народамъ порабощеннымъ; юношество, которое еще не связано обязательствами и не знаетъ угрызеній, любитъ добро, и сердце котораго бьется при словахъ «отечество и любовь», которое нуждается въ воздухѣ, чтобъ дышать и жить, а этотъ воздухъ—свобода. И вотъ, римское юношество, — оно не выходитъ изъ театровъ, изъ цирковъ, изъ термъ и мѣстъ разврата. Литература, исполненная нѣги и лести, испортила его съ того момента, какъ только его память стала способна воспринимать; оно любитъ со страстью удовольствія, роскошь, низкія и матеріалистическія удовольствія. Юношество стало положительно, оно разсчитываетъ

съ кускомъ мѣла на доскѣ съ той минуты, какъ выучилось считать, оно жаждетъ золота, жаждетъ жалкихъ почестей, и только тѣхъ, которыя доставляютъ богатство. Не говорите ему о свободѣ, о строгой славѣ древней республики, объ этихъ воспоминаніяхъ, забытыхъ уже 50 лѣтъ». Разбирая потомъ вліяніе деспотизма и указывая на то, что деспотизмъ лицемѣрный, который оставляетъ форму и портитъ корни, гораздо вреднѣе открытаго смѣлаго, воинственнаго деспотизма, Бёле заключаетъ сравненіемъ, «что воздухъ для растеній, то свобода для юношества».

Морализующая тенденція особенно проявляется у Бёле въ главѣ о литературѣ. Впрочемъ, Бёле пришлось бы и тутъ идти по стопамъ Ампера, если бы послѣднему удалось написать главу о нравственной оцѣнкѣ римской литературы золотого вѣка. Въ этой главѣ у Бёле искреннее негодованіе моралиста переливается въ патетическія тирады, доходящія до наивности. Представивши характеръ вліянія Мецената на литературу, Бёле восклицаетъ: «Пусть другіе восторгаются этимъ изящнымъ обольстителемъ, этимъ любезнымъ расточителемъ благодѣяній, который усладилъ жизнь бѣдныхъ поэтовъ только съ тѣмъ, чтобъ отвлечь ихъ отъ ихъ вдохновенія, скомпрометтировать ихъ геній, заставить его служить намѣреніямъ эгоистической политики и увлечь его незамѣтно коварными и прельстительными приманками въ ловушки деспотизма! Подобно тѣмъ ручнымъ птицамъ, которыя привлекаютъ свободныхъ птицъ въ клѣтку, покровительствуемые Меценатомъ поэты слишкомъ хорошо успѣли убѣдить своихъ согражданъ, заставить ихъ забыть о своихъ обязанностяхъ, утратить свою совѣсть, отречься отъ своей воли передъ волею одного. Благодаря этимъ волшебникамъ, потомство раздѣлило политическія иллюзіи римлянъ относительно имперіи; оно сдѣлало изъ Мецената типъ всѣхъ покровителей литературы, а изъ Августа—идеалъ милосердія и отеческой власти. Что касается меня, то я не могу не присоединить къ снисходительному презрѣнію, какое заслуживаетъ такой человѣкъ, болѣе глубокое озлобленіе, когда я подумаю о тѣхъ произведеніяхъ, которыхъ онъ насъ лишилъ. Виргилій не написалъ бы Георгикъ, но соперничалъ бы съ Гезіодомъ и превзошелъ бы Θеокрита. Онъ не сталъ бы прославлять ни благочестиваго и плаксиваго Энея, ни маленькаго Юла, ни холодную Лавинію; но онъ воспѣлъ бы славу республиканскаго Рима, и описалъ бы пуническую войну—которая была войною гигантовъ. Безъ Мецената Горацій остался бы достойнымъ дружбы Брута, и, вмѣсто того, чтобы постоянно шептать имена Лесбіи и Лалаге, онъ восхвалялъ бы Сципіоновъ, Гракховъ и обоихъ Катоновъ въ сти-

хахъ, подобныхъ его одѣ о «Справедливомъ». О, болѣе счастливый Цицеронъ! болѣе счастливые проскрипты, которыхъ погубилъ Октавій! Они лишились только жизни!»

«Не уважать генія, обольщать его, сдѣлать изъ него орудіе эгоистическаго честолюбія, сообщника политической системы, обратить противъ свободы отечества священный огонь, который отечество произвело, чтобы подняться надъ своими бѣдствіями и прославить свою свободу, это болѣе чѣмъ ловкость—это преступленіе. Человѣчество имѣетъ право потребовать строгаго отчета у тѣхъ, которые такимъ образомъ задушили въ зародышѣ красоты, навсегда утраченныя».

Разсмотрѣнію государственныхъ условій и политической обстановкѣ въ книгѣ Бёле отведено еще менѣе мѣста, чѣмъ у Ампера; онъ еще менѣе проникнутъ убѣжденіемъ въ неизбѣжности централизованной власти, еще болѣе и, можно сказать, наивнѣе вѣритъ въ возможность продолженія республики. Онъ не только убѣжденъ въ живучести всѣхъ республиканскихъ учрежденій, не исключая и римскихъ комицій, но даже послѣ установленія власти Августа считаетъ возможнымъ возстановленіе республики. Онъ упрекаетъ римлянъ за то, что они не воспользовались для того старостью и ослабленіемъ воли Августа, и особенно истребленіемъ трехъ легіоновъ Вара въ лѣсахъ Германіи. Когда Августъ въ огорченіи бился головой объ стѣны своей комнаты и взывалъ: «Варъ, Варъ, возврати мнѣ мои легіоны»—«тогда было бы логично и патріотично, если бы римскіе граждане бились головой объ колонны форума и кричали: Августъ, Августъ, возврати намъ нашу свободу, наше участіе въ дѣлахъ государства, наше право раздѣлять съ тобой отвѣтственность, опасность, усилія и ошибки».

Бёле мечтаетъ о томъ, что Августу слѣдовало бы, по примѣру Суллы, отказаться отъ власти. Еслибъ Августъ сказалъ римлянамъ послѣ 44 лѣтъ царствованія: я былъ грозенъ, потомъ милосердъ, я захватилъ власть и оставилъ за магистратурами только мнимое существованіе—для того, чтобы васъ спасти; я положилъ конецъ междоусобнымъ войнамъ, я унизилъ надменную аристократію, я усмирилъ народъ; теперь же, когда вы привыкли быть согласными, дисциплинированными, равными подъ уровнемъ моего деспотизма — я возвращаю вамъ свободу, чтобы произвести съ нею новую попытку... «Какая бы то была прекрасная роль для Августа! какой бы это былъ великолѣпный примѣръ, неслыханный, ни съ чѣмъ несравнимый въ анналахъ человѣчества! Какая чистая слава, какое величіе сдѣлалось бы удѣломъ Августа! Самые

строгіе судьи его были бы обезоружены, и потомство было бы принуждено простить ему его проскрипціи и его лицемѣріе».

Бёле вообще того мнѣнія, что для замѣны имперіи республикой достаточно было одного желанія со стороны императора или со стороны народа. Несмотря на то, что Августъ не обнаружилъ никакого расположенія къ великодушной программѣ, начерченной историкомъ, но приготовилъ все нужное для укрѣпленія во власти своего преемника, по смерти перваго императора, какъ думаетъ Бёле, наступилъ удобный моментъ для римлянъ, чтобы возстановить республику—и римскій народъ виноватъ передъ потомствомъ и передъ самимъ собой въ томъ, что не воспользовался случаемъ, которой Провидѣніе сдѣлало столь благопріятнымъ. Августъ умеръ въ южной Италіи; преемникъ его находился тамъ же; притомъ Тиберію, который былъ храбръ передъ непріятелемъ, недоставало гражданской смѣлости. Его трусость не устояла бы передъ твердостью народа, если бы народъ сталъ спокойно пользоваться своими правами. Въ городѣ были консулы — имъ оставалось только собрать сенатъ, созвать народное собраніе, и такимъ образомъ вдохнуть жизнь въ омертвѣлое тѣло. Rome pour s'affranchir n'avait qu'à se laisser vivre.

Бёле превзошелъ Ампера въ стараніи умалить достоинства Августа. До чего это доходитъ, тому можетъ послужить поразительнымъ примѣромъ отзывъ перваго о такъ-называемомъ Анцирскомъ памятникѣ. Амперъ по крайней мѣрѣ удовольствовался тѣмъ, что отдалъ справедливость благородной простотѣ и величественности слога въ надписяхъ временъ Августа, чтó особенно отразилось въ Анцирской надписи. Дѣйствительно, нельзя читать безъ уваженія этихъ мощныхъ словъ, въ которыхъ 75-ти-лѣтній императоръ съ такою сдержанностью и съ такимъ достоинствомъ подводитъ итогъ своей дѣятельности и своимъ почестямъ. Бёле же, признавъ достоинство слога, вдругъ заявляетъ, что Анцирскій памятникъ самый чудовищный примѣръ эгоизма—l'infatuation la plus éblouissante de la personnalité. Августъ не упоминаетъ ни комъ изъ своихъ сподвижниковъ и говоритъ только о себѣ съ лучезарнымъ высокомѣріемъ египетскихъ фараоновъ, которые съ помощью бича управляли своими подданными; сумма денегъ, розданныхъ императоромъ, число гладіаторовъ и хищныхъ звѣрей, выведенныхъ въ его играхъ, уступаютъ только числомъ въ надписяхъ царей Саргона и Навуходоносора. Но колоссъ стоитъ на глиняныхъ ногахъ;—рѣдкое высокомѣріе Августа закончилось замѣчательною низостью и лицемѣрнымъ смиреніемъ, обнаружившими слабости царственнаго автора—тамъ, гдѣ онъ говоритъ о

республиканскомъ характерѣ своей власти. «Паденіе быстро, ибо отъ звучной надменности азіатскаго властелина, который едва знаетъ, существуютъ ли подъ нимъ люди, Августъ вдругъ переходитъ къ скромности, которая соперничаетъ съ добродѣтелью будущихъ христіанъ; но это ложное величіе не болѣе какъ маска, также какъ и это ложное униженіе». По этому сужденію о надгробной надписи Августа можно составить себѣ понятіе объ оцѣнкѣ, которой удостоилась его жизнь.

Разсматривая Августа какъ человѣка, какъ политическаго дѣятеля, какъ администратора и какъ покровителя литературы и искусства, Бёле выражаетъ мнѣніе, что Августа нельзя признать античнымъ характеромъ—у него не было ни величія души, ни любви къ свободѣ, ни преданности отечеству. Онъ обнаружилъ преждевременную свирѣпость, своею жестокостью заслужилъ отъ близкихъ лицъ прозвище палача, былъ развратенъ, измѣнялъ поочередно всѣмъ партіямъ. Даже на престолѣ онъ остался самымъ ловкимъ изъ эгоистовъ, лицемѣромъ, который всегда только думалъ о себѣ. Онъ былъ всегда полонъ разсчета, всегда владѣлъ собой, никому не довѣрялъ и даже, когда собирался говорить о чемъ-нибудь важномъ съ Ливіей, которая была для него настоящимъ *государственнымъ совѣтомъ*, онъ записывалъ впередъ, что собирался сказать.

Это изображеніе пополняется, какъ и у Ампера, впечатлѣніемъ, которое производитъ скульптурный портретъ Августа. Но Бёле не водитъ читателя отъ одного бюста къ другому. Уже послѣ того, какъ была написана книга Ампера, близъ Рима въ виллѣ Ливіи была найдена превосходная статуя Августа, нынѣ находящаяся въ Ватиканѣ. На этой статуѣ останавливается Бёле для характеристики императора: «Всего болѣе поражаютъ сильно выступающія скулы; въ нихъ высказывается выраженіе, доходящее до жесткости. Челюсть обнаруживаетъ замкнутость и упорство. На лбу отражается твердая и спокойная воля, способность къ болѣе личнымъ, чѣмъ къ возвышеннымъ идеямъ. Глаза мрачны; вмѣсто того, чтобы выражать что-нибудь, они отталкиваютъ; въ нихъ нѣтъ ни той мягкости, ни того оттѣнка душевной ясности, который такъ умѣла налагать античная скульптура. Уста тверды, сжаты, непреклонны. Сколько тайнъ они умѣли сохранить, сколько хитрости въ нихъ скрывается, сколько благоразумія и сдержанности! Это болѣе чѣмъ уста Маккіавели, это уста человѣка, который напередъ записывалъ то, что́ хотѣлъ сказать Ливіи. Нижняя часть лица заслуживаетъ особеннаго вниманія; она обнаруживаетъ развратъ, въ ней есть что-то матеріальное, она не ли-

шена нѣкоторой низости. Понятно, что Ливія считала благоразумнымъ закрывать глаза на его невѣрности. Общее впечатлѣніе наружности хорошо подтверждаетъ свидѣтельство современниковъ; оно выражаетъ жестокость и лицемѣріе, страсть и хитрость, замкнутость (concentration) и плохо сдержанные порывы, которые прорываются иногда въ страшныхъ вспышкахъ гнѣва; это властелинъ міра, который старается быть господиномъ самого себя и которому не всегда это удается».

Можно усомниться, прочелъ ли бы ученый знатокъ античнаго искусства все это на лицѣ статуи, если бы у него не была составлена напередъ характеристика Августа; но, во всякомъ случаѣ, въ изображеніи политической дѣятельности Августа у Бёле мы находимъ еще менѣе реальной основы, еще болѣе фантазіи и произвола. Значеніе Августа, какъ политика, сводится къ нулю. Августъ не спасъ Рима; развѣ Римъ нуждался въ спасеніи въ то время, когда его консулы покоряли для него провинціи крайняго Запада и Востока? Августъ не обезпечилъ благополучія Рима; это благоденствіе едва продолжалось одно царствованіе; исторія имперіи не что иное, какъ рядъ позорныхъ паденій, прерываемыхъ тщетными усиліями подняться. Наслѣдственность — это благодѣяніе, приписываемое Августу, оказалось не болѣе какъ химерой — не осуществилась даже для его дѣтей и его внуковъ.

Если Амперъ, осуждая политическую систему Августа, ограничился вопросомъ, развѣ нельзя было основать монархію безъ деспотизма, то Бёле формулируетъ уже опредѣленную политическую программу, которой слѣдовало бы держаться Августу, чтобы быть дѣйствительно великимъ человѣкомъ. Августу слѣдовало бы, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ власть и умиротворивъ республику, по прошествіи 10-ти лѣтъ сложить власть, заставивъ при себѣ избрать себѣ достойнаго преемника также на 10 лѣтъ. Если бы Августъ это сдѣлалъ, онъ упрочилъ бы римскую республику не на четыре, а на десять вѣковъ. Этотъ великій объединенный міръ и въ себѣ самомъ нашелъ бы элементы прочности; сенатъ римскій могъ быть очищенъ, сословіе всадниковъ расширено, и римскій народъ, непринужденный избирать навязанныхъ свыше кандидатовъ, могъ бы въ свободныхъ комиціяхъ осуществить свое право. Августъ же уничтожилъ сенатъ, сдѣлалъ изъ него сообщника своихъ комедій и безстыднаго льстеца; римскіе юристы стали служить орудіемъ для несправедливыхъ процессовъ, для оправданія беззаконій; армія, состоявшая прежде изъ гражданъ, превращена въ солдатъ императора. Говорятъ, что все это было нужно въ интересахъ римскаго величія, что нужно было разло-

мать рамки, которыя оказались слишкомъ тѣсными для міра, нужно было устранить республиканскія формы, чтобы создать ту *администрацію*, которая сдѣлалась образцомъ для человѣчества— однимъ словомъ, прославляютъ Августа, какъ администратора!

Французы слишкомъ цѣнятъ усовершенствованную современную администрацію или бюрократію, которую они же сами создали, чтобы не отдать справедливости административной дѣятельности римскихъ императоровъ, особенно Августа; потому и Бёле, подобно Амперу, особо выдѣляетъ оцѣнку Августа-администратора изъ обсужденія его государственной дѣятельности. Но если Амперъ сводитъ заслуги Августа въ этомъ отношеніи на мелочную регламентацію полицейскаго характера, то Бёле готовъ совершенно взять назадъ свою похвалу. Правда, замѣчаетъ онъ, относительно администраціи много хорошаго (de belles choses) было сдѣлано при Августѣ. Но на такомъ большомъ разстояніи трудно судить о достоинствахъ такого сложнаго механизма. Впрочемъ, кажется, главное было сдѣлано еще до Августа. Въ искусствѣ управлять народами римская республика не была такъ неискусна, какъ это представляютъ. Были, конечно, злоупотребленія, бывали алчные проконсулы, склонные къ беззаконію, бывали, напримѣръ, Верресы, но это было исключеніемъ. Если бы кадры администраціи не существовали прежде, то конечно Августъ ничего бы не сдѣлалъ. Чтò Августъ необыкновенно развилъ своею ловкостью, такъ это то, чтó можно назвать *политической подушкой* (l'oreiller politique), то пріятное и сладкое чувство, которое избавляетъ гражданъ отъ заботъ о своихъ дѣлахъ, которое въ дни кризиса и опасности, гдѣ надо доказать свою бодрость, избавляетъ ихъ отъ энергіи, необходимой для сопротивленія — онъ имъ сказалъ: живите спокойно, вотъ вамъ хлѣбъ, вотъ игра, храмъ Януса запертъ; все этò очень хорошо, но вѣдь это — сонъ.

Остается разсмотрѣть Августа, какъ покровителя литературы и искусства. Здѣсь онъ, по словамъ Бёле, является въ большомъ блескѣ—il fait grande figure; здѣсь онъ обезпечилъ за собой большое преимущество, ибо поэты создали для потомства фантастическій образъ Августа — выдумали эту химеру абсолютнаго и обоготвореннаго авторитета, передъ которой преклонялись восемнадцать вѣковъ. Августъ, правда, любилъ литературу и самъ занимался ею, онъ любилъ искусство, какъ его любили вельможи республиканской эпохи; но не слѣдуетъ забывать о заслугахъ республики, о величіи, оригинальности, смѣлости республиканскаго искусства. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Августъ не вдохновилъ безсмертныя произведенія современной ему литературы, онъ только съумѣлъ

занять въ нихъ мѣсто; его вліяніе даже отклонило поэтовъ отъ великихъ сюжетовъ и превратило въ льстецовъ тѣхъ, которые великими идеями могли возродить народъ. Относительно искусства труднѣе указать на непосредственное вліяніе Августа. Архитектура становится величественной — ея произведенія принимаютъ громадные размѣры и эмфатическій видъ; архитектура, греческая по своей формѣ, становится императорской по претензіямъ и характеру. Она примѣняется къ нуждамъ народа и удовлетворяетъ своими фонтанами, термами, крытыми рынками матеріальныя потребности гражданъ; она также содѣйствуетъ пріуготовленію «политической подушки», и ея внѣшній блескъ маскируетъ западню, поставленную гражданамъ. Скульптура болѣе сохраняетъ греческій характеръ, но и она становится въ служебное отношеніе, принимаетъ характеръ личный, декоративный; еще болѣе декоративна становится живопись.

Бёле однако озабоченъ тѣмъ, чтобы блестящій «вѣкъ Августа» не подалъ повода къ ложному и безнравственному выводу изъ исторіи. Было бы оскорбительно, говоритъ онъ, если бы въ литературѣ и въ искусствѣ нравственность не играла никакой роли; было бы грустно, если бы пришлось заключить, что такая-то эпоха, проникнутая низкими интересами, раболѣпіемъ и лестью, лишенная свободы, главнаго условія геніальнаго вдохновенія, оказалась значительнѣе и плодовитѣе въ литературѣ и искусствѣ чѣмъ какая-нибудь другая эпоха, когда люди умѣли почитать справедливость, любить отечество и защищать свободу. Но исторія не даетъ права сдѣлать изъ нея такого вывода. Самая великая въ литературѣ и въ искусствѣ эпоха—вѣкъ Перикла—была временная, когда въ политикѣ и вездѣ господствовала любовь къ великому и изящному, уваженіе къ свободѣ и истинѣ. Эпоха ренессанса была также творческой; но творческій характеръ она имѣла не при дворѣ Льва X, куда искусство было занесено, а художники приглашены,—но въ республикахъ пизанской, флорентинской, венеціанской и генуэзской.

Вѣкъ Августа былъ эпохой не творчества, а подражанія. Все, что при немъ создается въ Римѣ, не больше какъ подражаніе. Горацій и Виргилій подражаютъ греческимъ поэтамъ; большая часть современныхъ имъ художниковъ провели жизнь, копируя образцы греческаго искусства.

До сихъ поръ, какъ читатель видитъ, Бёле идетъ рука объ руку съ Амперомъ; кое-гдѣ употреблено болѣе сильное выраженіе, кое-гдѣ ослабленъ какой-нибудь доводъ, говорящій въ пользу Августа, или прибавлено новое пикантное выраженіе—un trait—

къ его ущербу; но Бёле этимъ не ограничился; далѣе онъ становится оригинальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ прибавляетъ къ характеристикѣ Августа двѣ новыя черты, благодаря которымъ она превращается въ совершенную каррикатуру. Первая заключается въ томъ, что Бёле, не боясь противорѣчія даже съ собственнымъ изложеніемъ, дѣлаетъ изъ Августа настоящую маріонетку, которую постоянно дергаютъ люди, поставленные за сценой. Всѣ близкія къ Августу лица—характеристикѣ ихъ посвящена большая часть книги—принимаютъ участіе въ управленіи этимъ автоматомъ, котораго считаютъ основателемъ римской имперіи—Ливія, Агриппа и Меценатъ. Ливія, по милости Бёле, была не только самою вліятельною личностью при Августѣ, но вліятельнѣе самого Августа. Вліяніемъ Ливіи Бёле объясняетъ то противорѣчіе между тріумвиромъ Октавіемъ и императоромъ, которое Амперъ объяснялъ тѣмъ, что императоръ надѣлъ маску на тріумвира; подъ вліяніемъ Ливіи молодой Октавій, вспыльчивый, грубый, кровожадный, сталъ владѣть собой, сдѣлался способенъ къ мягкости, умѣренности и къ ловкому лицемѣрію. Бёле не задумался поправить Тацита и перевернуть смыслъ его словъ. Тацитъ говоритъ, что Ливія усвоила себѣ искусное поведеніе своего мужа—(artibus mariti)—но Тацитъ оказывается не правъ: *Августъ* усвоилъ себѣ маккіавелизмъ Ливіи и незамѣтно превращенъ ею въ властелина Рима и міра. Ливія стоитъ за всѣми дѣйствіями Августа, которыми онъ упрочилъ себѣ единовластіе. До своего знакомства съ Ливіей, Августъ зналъ только одно политическое средство,—всѣхъ убивать; онъ погубилъ своего опекуна и Цицерона, и всѣхъ остальныхъ, кто былъ ему преградой на пути честолюбія. Ливія поняла, что для торжества надъ республикой необходимы болѣе прочныя средства, что лучше овладѣть сердцемъ народа, и потому она надѣла узду на свирѣпаго тріумвира и пріучила его къ терпѣливой и выжидательной политикѣ. Ливія посылаетъ подарки Антонію, выдаетъ за него сестру своего мужа, и когда Антоній прогоняетъ Октавію, Ливія отправляетъ ее еще разъ къ нему съ деньгами и, чтó ему особенно дорого и въ то же время опасно для Октавія—съ войсками. Все это было сдѣлано потому, что Октавій еще не былъ готовъ къ войнѣ, и чтобы привлечь въ западню Антонія. Таковымъ же остается вліяніе Ливіи и по достиженіи единовластія; истинный характеръ Августа прорывается иногда, когда при немъ нѣтъ Ливіи, и страсти имъ неожиданно овладѣваютъ; но на другой день происходитъ исправленіе, къ нему возвращается благоразуміе, жена опять вводитъ мужа въ ту

колею, по которой онъ достигъ власти и можетъ ее сохранить. Такимъ образомъ «союзъ этой страшной четы» (l'association de ce couple terrible) положилъ основаніе вѣчному рабству римскаго народа.

Впрочемъ, эту честь у Ливіи оспариваетъ Агриппа. Если 18-лѣтній Октавій рѣшился принять наслѣдство Цезаря, и отправиться въ Римъ одинъ безъ войска, то только благодаря мужественному совѣту Агриппы. Агриппа, болѣе зрѣлый и менѣе нерѣшительный, рѣшаетъ этимъ роковымъ совѣтомъ будущія судьбы міра. Но онъ, кромѣ того, человѣкъ дѣла. При осадѣ Перузіи, *онъ* обезпечилъ за Октавіемъ побѣду; во время войны съ Помпеемъ Октавій погибъ бы безъ Агриппы; побѣдителемъ при Акціумѣ былъ Агриппа. Когда Агриппа умеръ, въ имперіи не было больше полководца. «Такимъ образомъ, Агриппа—настоящій основатель имперіи, и будьте увѣрены, восклицаетъ Бёле, что безъ него не было бы ни побѣдителя Октавія, ни безнаказаннаго Августа, ни римской имперіи, ни разрушенія республики; по крайней мѣрѣ эти бѣдствія были бы отсрочены на такое время, которое нельзя и опредѣлить» (p. 250).

Однако къ основателямъ имперіи слѣдуетъ, по мнѣнію Бёле, причислить и Мецената, который былъ совѣтникомъ, дипломатомъ Августа, подобно тому какъ Агриппа былъ человѣкомъ дѣла и полководцемъ; оба они были руками Августа, а Ливія представляла голову этой ужасной ассоціаціи. Меценатъ устроилъ бракъ между Октавіемъ и Скрибоніей, чтобы разстроить союзъ между Помпеемъ и Антоніемъ; Меценатъ велъ переговоры о мирѣ между Октавіемъ и Антоніемъ и выхлопоталъ у послѣдняго помощь противъ Помпея. Меценатъ, конечно, оберегъ Октавія отъ обольщеній Клеопатры; онъ же спасалъ его не разъ отъ его дурныхъ наклонностей къ гнѣву и жестокости. Меценатъ своимъ вліяніемъ на литературу съумѣлъ заставить полюбить абсолютизмъ.

Другого рода преувеличеніе, доходящее даже до комизма, представляетъ моралистическая тенденція Бёле. Бёле откровенно заявляетъ, что эта тенденція составляетъ главную задачу его сочиненія; но онъ оправдываетъ свои преувеличенія, въ которыхъ чистосердечно признается. «Я прошу,—говоритъ онъ въ предисловіи,—историковъ и критиковъ не прилагать ко мнѣ своихъ снарядовъ (leurs instruments de précision), но выслушать голосъ своего сердца. Портреты, мною очерченные, представляютъ прежде *нравственные очерки* (des études morales), и я стараюсь изъ нихъ извлечь уроки исторіи. Люди съ чистою совѣстью найдутъ въ нихъ утѣшеніе, люди съ совѣстью пошатнувшейся—спаси-

тельное наставленіе, ибо поэты, льстецы, ложные легисты всѣхъ временъ сдѣлали изъ Августа типъ, который не можетъ не огорчить людей мыслящихъ, оправдать льстецовъ и обмануть правителей». Мы согласны, что историкъ можетъ быть моралистомъ и выражать свои негодованія противъ всего, чтò оскорбляетъ его нравственное чувство, можетъ даже пользоваться изложеніемъ исторіи для возбужденія нравственнаго чувства; но за нимъ нельзя признать права сдѣлаться глашатаемъ Провидѣнія и превращать исторію въ моралистическую драму, подъ конецъ которой порокъ наказывается. Между тѣмъ Бёле старается доказать, что всѣ актеры описанной имъ драмы получили здѣсь на землѣ справедливую кару, и эта мысль сдѣлалась основой всего его сочиненія.

«Преступленія противъ отечества,—восклицаетъ онъ,—находятъ свое искупленіе даже при жизни виновнаго». Въ самомъ императорскомъ домѣ оказались тѣ бичи, которые были орудіемъ искупленія Августа—то были Ливія и его дочь Юлія. Благодаря Ливіи, Августъ искупилъ ту власть, которую онъ захватилъ такимъ насильственнымъ и лицемѣрнымъ образомъ. Средствомъ искупленія послужили преступленія Ливіи противъ членовъ его семьи, противъ того, чтò для него было всего дороже—его династіи и наслѣдства власти въ его семьѣ.

Чтобы провести свои мысли, Бёле считаетъ не только несомнѣнными слухи, которые приписывали Ливіи смерть внуковъ Августа, но онъ ставитъ ей въ вину то, въ чемъ никто ее не обвинялъ — смерть Марцелла и удаленіе Юліи; онъ, наконецъ, вѣритъ тому, чтò совершенно невѣроятно: будто бы Ливія послѣ 52 лѣтъ счастливаго брака отравила дряхлаго и больного Августа, когда престолъ уже былъ упроченъ за Тиберіемъ. Ливія, по изложенію Бёле, была палачомъ Августа; она заставила его искупить его сложную, извилистую, лицемѣрную политику. Но Августъ достоинъ былъ еще другой кары за его развратность, незнавшую совѣсти. Орудіемъ кары, назначеннымъ для этого Провидѣніемъ, послужила его дочь Юлія: она своимъ образомъ жизни глубоко оскорбила гордость императора, гордость законодателя, доказавши, что всѣ его законы въ защиту брака ни къ чему не послужили.

Такимъ образомъ, Августъ искупилъ свою жестокость преждевременной смертью дорогихъ ему лицъ; свой маккіавелизмъ—тѣмъ, что сдѣлался слѣпымъ орудіемъ Ливіи, которая спускаетъ его съ цѣпи или останавливаетъ, заставляетъ его свирѣпствовать или миловать, кáкъ ей угодно, и держитъ его въ невѣдѣніи относи-

тельно своихъ преступленій; свою безнравственность Августъ искупилъ позоромъ, которымъ покрыли его дочь и внучка. «Вы видите,—заключаетъ Бёле,—что не нужно глубокихъ изысканій, что нѣтъ никакихъ особенныхъ препятствій для того, чтобы доказать даже въ самыя смутныя и надменныя эпохи существованіе того великаго человѣческаго закона, который необходимо было бы прослѣдить во всѣ времена, и который называется *искупленіемъ*».

Пусть лесть скрываетъ слѣды этой кары: «будьте увѣрены вмѣстѣ со всѣми честными людьми, что для преступленія всегда существуетъ наказаніе; а если вы не найдете его въ выводахъ историковъ, потребуйте у археологіи, чтобы она раскрыла вамъ двери и окна дворцовъ; она укажетъ вамъ *справедливость* съ одной стороны, *кару*—съ другой, сидящими у очага всякаго, кто былъ преступенъ и нарушилъ законы нравственности въ то же время, какъ и законы отечества»[1]) (p. 200).

«Но не одинъ только главный актеръ драмы искупилъ свою вину; искупили ее и всѣ его сподвижники. Агриппа понесъ три наказанія: первымъ была его жена Юлія, запятнавшая его имя позоромъ, который онъ долженъ былъ молча переносить, такъ какъ Юлія связывала его съ Августомъ и съ престоломъ. Во-вторыхъ, Агриппа былъ несчастливъ въ своихъ дѣтяхъ: два сына были отравлены, третій сосланъ еще Августомъ за буйный нравъ и потомъ убитъ при переходѣ власти къ Тиберію; дочь его Юлія послѣдовала образу жизни матери и подверглась той же судьбѣ. Агриппина, честная женщина, погибла при Тиберіѣ. Особенно настаиваетъ Бёле на третьемъ наказаніи, которое Агриппа понесъ еще при жизни — durum servitium Augusti, какъ обозначаетъ онъ его словами Плинія: тяжелая зависимость отъ Августа. Агриппа былъ орудіемъ и рабомъ; онъ, къ довершенію всего, зналъ, что его другъ можетъ сдѣлаться его палачомъ. Эта кара

---

[1]) Послѣдній намекъ относится къ страницѣ, которая особенно характеристична стремленіемъ прослѣдить до мелочей законъ возмездія. По поводу того, что Юлія избрала однажды трибуну на форумѣ мѣстомъ для своихъ оргій, Бёле говоритъ: „J'ai besoin de faire ressortir du récit de ces infamies la moralité qu'il contient, et cette moralité est profonde. Il y a quelque chose de providentiel dans cette conduite de Julie. Remarquez bien que cette tribune profanée, c'est celle qu'Auguste a rendu muette. Par une expiation terrible, c'est là, dans cette tribune, où furent clouées la langue et la main de Cicéron, comme pour dire au peuple Romain: „le patriotisme est mort avec l'éloquence", c'est là que la fille de l'empereur, la fille chérie d'Auguste, vient se prostituer et se deshonorer à la face de la république, vengée devant la posterité. Les ruines de la pudeur sont le digne complément des ruines de la liberté" (p. 176).

была вполнѣ заслужена, ибо сколько зла сдѣлалъ Агриппа! Онъ очистилъ дорогу цѣлому ряду чудовищъ, опозорившихъ человѣчество. Онъ былъ жерновомъ, раздробившимъ въ прахъ свободу, тогда какъ, если бы онъ спасъ республику, онъ достигъ бы въ десять разъ бо́льшей славы и славы чистой. Въ дѣйствительности же ему пришлось играть второстепенную роль: его слава, его извѣстность поглощены Августомъ. Справедливое наказаніе! ибо если онъ и сдѣлалъ немного добра, такого же мимолетнаго, какъ онъ самъ, то онъ положилъ основаніе злу глубокому, прочному, неисцѣлимому—римской имперіи.

«Меценатъ былъ человѣкомъ слишкомъ мягкимъ, чтобы страдать отъ тяжкаго ига, налагаемаго Августомъ. Его искупленіе было другого рода; онъ былъ наказанъ отношеніемъ Августа къ его женѣ и охлажденіемъ къ нему императора, послѣ того какъ Меценатъ не съумѣлъ сохранить въ тайнѣ открытіе заговора Мурена, какъ ему было приказано. Ливія была наказана тѣмъ, что Тиберій, ради котораго она совершила столько преступленій, изъ ревности къ ея власти сталъ выказывать къ ней не только холодность, но явно враждебное расположеніе, не посѣтилъ ее передъ смертью, отмѣнилъ ея завѣщаніе и не воздалъ ей посмертныхъ почестей. Наказанъ былъ и малодушный сообщникъ Августа — римскій народъ. Августъ завѣщалъ ему два наказанія — своего преемника и свои учрежденія. Преемникомъ былъ Тиберій, котораго Августъ можетъ быть избралъ для того, чтобы прославиться контрастомъ и заставить римлянъ пожалѣть о себѣ. Учрежденія Августа — это всемогущество одного человѣка, безъ аппеляціи, безъ контроля, безъ другого правила, кромѣ удовлетворенія всѣхъ своихъ капризовъ, всѣхъ страстей, всѣхъ бредней въ ущербъ человѣчеству. Римскій народъ узналъ, какою цѣною онъ поплатился за то, что отказался отъ своихъ правъ, и за то, что не захотѣлъ снова принять того, что́ ему предлагала судьба. Онъ узналъ слишкомъ поздно, что если абсолютизмъ иногда кажется необходимостью, то онъ всегда есть зло и никогда не долженъ быть принципомъ. Самъ Тиберій сказалъ однажды: «вы не знаете, что́ за звѣрь — имперія». Да, это было чудовище, и это чудовище, поглотившее при Августѣ учрежденія, поглотило гражданъ при Тиберіѣ, Калигулѣ и Неронѣ, и кончило тѣмъ, что поглотило само себя» [1]).

---

[1]) Tibère, p. 57.

IV.

Главный недостатокъ взглядовъ на Августа, высказанныхъ въ двухъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненіяхъ, происходитъ отъ шаткости почвы, на которую становится историкъ. Самый существенный для оцѣнки Августа вопросъ о томъ, была ли замѣна краткосрочныхъ республиканскихъ магистратуръ, ограниченныхъ коллегіальностью и мѣстнымъ кругомъ дѣйствія, единичной, общей и пожизненной властью — дѣломъ случая, человѣческаго произвола или личнаго честолюбія, — этотъ вопросъ не ставится отчетливо на первый планъ, и историкъ обходится при разрѣшеніи его разными благонамѣренными фразами, сожалѣніями о быломъ и мечтаніями о томъ, что̀ могло бы быть. Этого недостатка мы не встрѣчаемъ въ сочиненіи Дюрюи [1]), къ обсужденію котораго намѣрены приступить. Подъ руководствомъ Дюрюи мы вступаемъ на болѣе твердую научную почву. Дюрюи—историкъ въ болѣе строгомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ Амперъ и Бёле. Хотя многія историческія сочиненія его относятся не къ разряду научныхъ изслѣдованій, а имѣютъ болѣе общій, учебный характеръ, но онѣ пріучили его къ строгому историческому методу, расширили область его понятій и интересовъ, дали ему болѣе научную мѣрку событій. Но помимо того, его «Исторія римлянъ» выходитъ изъ ряда дидактическихъ сочиненій; она основана на серьёзныхъ занятіяхъ и имѣетъ значеніе самостоятельнаго труда; особенно же его исторія Августа, которая начинается во II томѣ и занимаетъ почти весь III объемистый томъ «Исторіи римлянъ», представляетъ характеръ ученаго труда. Кромѣ этого спеціально-историческаго характера своихъ занятій и интересовъ, Дюрюи, какъ историкъ Августа, имѣлъ другое важное преимущество передъ Амперомъ и Бёле — его политическія убѣжденія не могли быть для него такимъ препятствіемъ при оцѣнкѣ римской имперіи, какъ для ожесточенныхъ противниковъ декабрьскаго переворота. Бывшій наполеоновскій министръ не былъ врагомъ цезаризма и не относился съ предвзятымъ предубѣжденіемъ къ тѣмъ политическимъ формамъ, которыя были въ извѣстномъ смыслѣ прототипомъ и должны были служить оправданіемъ наполеоновскаго деспотизма. Съ другой стороны, либеральныя убѣжденія

---

[1]) Duruy: Histoire des Romains depuis les temps les plus reculés jusqu'à la fin du règne des Antonins. Hachette. Первый томъ вышелъ въ 1848 году. Третій въ 1871 году.

должны были предохранить Дюрюи отъ неблагодарной роли историка-льстеца и апологета деспотизма и сохранить за нимъ беспристрастіе при изображеніи римскаго абсолютизма.

Однако и сочиненіе Дюрюи представляетъ поучительный примѣръ того, до какихъ увлеченій и анахронизмовъ можетъ довести серьёзнаго историка наклонность *модернизировать* событія, прилагать къ нимъ современную мѣрку и извлекать изъ нихъ практическія назиданія для согражданъ—манера, которая особенно въ ходу у французскихъ историковъ, вслѣдствіе ли живости и впечатлительности ихъ національнаго характера, или вслѣдствіе захватывающаго интереса и быстрыхъ колебаній ихъ политической жизни, или же вслѣдствіе моды, налагаемой на писателей читающимъ обществомъ, требующимъ и отъ научныхъ сочиненій пикантности.

Установленіе единовластія въ Римѣ было неизбѣжно; для Дюрюи это не подвержено сомнѣнію. «Римляне,—говоритъ онъ,—а также и великій историкъ ихъ, Тацитъ, представляли себѣ слишкомъ просто тотъ переворотъ, который привелъ республику къ имперіи. Тацитъ, подобно массѣ, предпочитаетъ приписывать тотъ переворотъ лицамъ, а не обстоятельствамъ, потому что факты приходится хладнокровно анализировать, лица же представляютъ ту живую и полную страсти сторону исторической драмы, которая навлекаетъ на себя вниманіе поэта и толпы. Если бы не существовало ни Суллы, ни Помпея, если бы даже не было ни Цезаря, ни Августа, римская республика все-таки перестала бы существовать. Деспотизмъ зародился потому, что свобода не могла болѣе жить; а свобода умирала, потому что міръ нуждался въ другомъ. Успѣхъ не доказываетъ законности, но если великое дѣло погибаетъ безвозвратно, если извѣстный принципъ надолго исчезаетъ изъ общественнаго строя, то это исчезновеніе имѣетъ свое основаніе. Къ несчастію, недостаточно называться истиной и справедливостью или быть этимъ въ глазахъ немногихъ; необходимо, чтобы всѣ признавали эту истину и справедливость. Свободныя правительства—самыя лучшія, потому что они предполагаютъ много развитія и нравственности со стороны людей; но вслѣдствіе этого ихъ всего труднѣе сохранить. Римляне не были въ состояніи сохранить республиканскаго устройства».

Къ такому выводу Дюрюи подготовляетъ читателей во второмъ томѣ своего сочиненія, гдѣ онъ слѣдитъ за постепеннымъ *разложеніемъ* римскаго общества: Римъ изъ городской общины превратился въ цѣлый міръ и не могъ для управленія имъ сохранить тѣ же учрежденія, которыя были приноровлены къ го-

родской территоріи. Римляне, неуспѣвшіе во-время замѣнить городское устройство государственнымъ, лишившись перваго, остались безъ всякаго устройства и сдѣлались жертвою случая и произвола, какъ корабль безъ руля. Двѣ причины особенно угрожали имъ роковыми событіями. Уничтоживши арміи всѣхъ народовъ Средиземнаго моря, римляне наложили на себя обязанность содержать большую военную силу, которая необходимо требовала единства въ начальствованіи. Съ другой стороны, допустивши замѣну энергическаго народа прежнихъ дней, съ одной стороны, сенатомъ изъ проходимцевъ, незнавшихъ чести, съ другой—безчисленнымъ пролетаріатомъ вольноотпущенныхъ, римляне дали неизбѣжному вождю легіоновъ средство найти въ самомъ Римѣ ту тѣнь законности, которая ему была нужна, чтобы освятить свою узурпацію. Наступила страшная эпоха гражданскихъ войнъ и проскрипцій; республиканская партія была истреблена; Италія была разорена, народъ въ Римѣ голодалъ. Тогда,—какъ нѣкогда было сказано о французахъ послѣ смутъ лиги, что они *возжаждали царя*,—римляне стали желать господина, который установилъ бы порядокъ, обезпечилъ безопасность, безъ которой человѣческое общество не можетъ существовать, и сталъ бы кормить жителей Рима. Всѣмъ этимъ потребностямъ удовлетворилъ Августъ. Только потому онъ и является великимъ въ памяти потомства, несмотря на свою посредственность (son médiocre génie), что онъ удовлетворилъ всеобщему ожиданію. Такимъ образомъ, по мнѣнію Дюрюи, все значеніе Августа въ томъ, что онъ явился *кстати*, онъ l'homme à propos. Впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—и самые великіе люди становятся таковыми только въ томъ случаѣ, если приходятъ во-время и умѣютъ воспользоваться обстоятельствами для своихъ цѣлей. Пониманіе своего времени и его потребностей и составляло силу Августа. Эту личность,—говоритъ Дюрюи,—слишкомъ превозносили и въ то же время слишкомъ унижали. Продолжительное счастье его не было только слѣдствіемъ благопріятныхъ случайностей, ибо счастье служитъ только тѣмъ, которые умѣютъ приковать его къ себѣ—а эти люди двухъ свойствъ: сильные и искусные; послѣдніе менѣе велики, чѣмъ первые, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ болѣе полезны. Августъ принадлежалъ къ ихъ числу.

Итакъ, главная характеристическая черта, главный талантъ Августа заключаются въ его ловкости, его искусности. Этимъ свойствомъ думаетъ объяснить Дюрюи и то противорѣчіе между образомъ дѣйствія Октавія, между его жестокостью и великодушіемъ, которое такъ различно истолковывали. Напрасно изъ тріум-

вира и императора дѣлали двухъ различныхъ людей. Августъ просто понялъ, что насталъ часъ умѣренности. Сдѣлавшись сначала вождемъ свирѣпымъ, Октавій мало-по-малу сталъ вождемъ умѣреннымъ.

Можно было бы ожидать, что при такомъ взглядѣ на Августа, что это былъ человѣкъ по преимуществу ловкій, понимавшій потребности времени и умѣвшій сообразовать съ ними свой образъ дѣйствія и даже свой характеръ, Дюрюи усмотритъ доказательства ловкости Августа не только въ его личномъ поведеніи, но и въ его политической системѣ и въ его учрежденіяхъ, а потому и послѣднія признáетъ вполнѣ соотвѣтствовавшими времени и отнесется къ нимъ съ одобреніемъ. Но тутъ-то и отразилось на нашемъ авторѣ то свойственное французскимъ историкамъ стремленіе примѣнять къ прошедшему современную мѣрку и вносить въ нихъ современныя стремленія. Дюрюи былъ приверженцемъ либеральной имперіи; онъ желалъ видѣть во Франціи сильную, наслѣдственную государственную власть, но обставленную свободными учрежденіями, выработанными европейскимъ парламентаризмомъ. Вотъ тотъ идеалъ, какой грезился его патріотизму; его онъ ставилъ въ образецъ своимъ соотечественникамъ и, подъ вліяніемъ такихъ патріотическихъ мечтаній, онъ этотъ же идеалъ перенесъ на древній Капитолій. Дюрюи представляетъ Августа какъ-бы на перепутьѣ—ему приходится идти или на востокъ, и возстановить мертвящій строй азіатскихъ монархій, или же на западъ, чтобы воскресить свободныя и федеральныя учрежденія племенъ греческихъ, италійскихъ и галльскихъ. Но Августъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, а какъ обыкновенный честолюбецъ (ambitieux vulgaire), предпочелъ сдѣлаться слугой событій, слѣдовать за ними съ послушнымъ эгоизмомъ, эксплуатируя ихъ, впрочемъ, въ своемъ интересѣ (p. 366). Въ другомъ мѣстѣ дилемма, представлявшаяся Августу, опредѣляется инымъ способомъ и въ еще болѣе современныхъ краскахъ. Августъ могъ выбирать между двумя системами—между системой свободныхъ учрежденій въ городахъ, въ провинціяхъ и, наконецъ, въ центрѣ государства, которыя служили бы связью между вершиной и основаніемъ,—и чистой монархіей, искусно организованной, съ вездѣ присущими агентами государя, гдѣ связь между вершиной и основаніемъ производилась бы административными звеньями, т.-е. какъ-бы бюрократіей французскаго цезаризма. «Но Августъ не испробовалъ ни той, ни другой; онъ сохранилъ съ нѣкоторыми улучшеніями то, чтó было установлено при за-

воеванія, и удовольствовался тѣмъ, что республикѣ далъ главу, а своимъ проконсуламъ господина (р. 383).

Разсматривая Августа и его учрежденія въ такомъ *зеркалѣ*, Дюрюи, конечно, могъ видѣть только искаженныя изображенія ихъ, и долженъ былъ остаться недовольнымъ ихъ безобразіемъ. Критикуя внутреннюю политику Августа, французскій историкъ оставилъ реальную, историческую почву и не заботился о противорѣчіяхъ, въ которыя впадалъ. Въ одномъ мѣстѣ, сравнивая *ловкаго* Августа, который употребилъ почти полвѣка на то, чтобы привести мягкими мѣрами Римъ къ царской власти, съ *сильнымъ* Наполеономъ, который въ четыре года шагнулъ отъ консульства къ имперіи, Дюрюи замѣчаетъ совершенно справедливо: «во Франціи исконной формой была *монархія* и, вопреки враждебнымъ ей идеямъ, къ ней клонили нравы; въ Римѣ же искони была *республика*, и ея воспоминаніе было трудно устранить». На другой же страницѣ, гдѣ говорится объ отношеніяхъ Августа къ республиканскимъ формамъ, Дюрюи совершенно забываетъ объ этомъ и представляетъ консервативную политику Августа въ иномъ свѣтѣ. «Когда узурпація,—восклицаетъ онъ,—хочетъ покрыть себя легальностью, она сохраняетъ старинныя имена и старинныя власти». Говоря о полномочіяхъ, которыми сенатъ и народъ осыпали Октавія по его возвращеніи въ Римъ послѣ Акціума, Дюрюи замѣчаетъ: «Не Октавій узурпируетъ власть, но самъ римскій народъ отъ всего отрекается. Форма спасена, и законность пріобрѣтена деспотизмомъ».

Уваженіе Августа къ старымъ формамъ подвергается со стороны Дюрюи осмѣянію; онъ старается въ рѣзкихъ краскахъ изобразить передъ читателемъ *смѣшной контрастъ* между напыщенностью формъ и отсутствіемъ реальнаго значенія. Верховный народъ не что иное, какъ толпа нищихъ, дѣлающихъ видъ, какъ будто они желаютъ именно того, что̀ угодно императору, который ихъ питаетъ и потѣшаетъ. Римскіе сенаторы произносятъ рѣчи и подаютъ свой голосъ такъ, какъ можно было ожидать отъ людей, не имѣвшихъ ни чувства личнаго достоинства, ни авторитета, ни общественной независимости; подъ своей, окаймленной пурпуромъ тогой, они не пользуются даже правомъ, которое сохранилъ бѣднякъ въ рубищѣ—громко смѣяться надъ великой комедіей, такъ серьёзно разыгрываемой Августомъ и римской аристократіей. Такимъ образомъ, консерватизмъ Августа въ отношеніи формъ, выработанныхъ римской республикой, и у Дюрюи въ сущности сводится на желаніе играть комедію и на лицемѣріе. И Дюрюи также считаетъ себя обязаннымъ съ негодованіемъ

клеймить это политическое ханжество. Лицемѣріемъ объясняется желаніе Августа выставить себя *первымъ гражданиномъ* республики—«онъ былъ великъ,—замѣчаетъ по этому поводу Дюрюи,—тѣмъ, что старался казаться малымъ. Il fut grand en affectant de se faire petit». Дюрюи не хочетъ быть введенъ въ заблужденіе послѣднимъ заявленіемъ, которое сдѣлалъ Августъ въ этомъ смыслѣ; онъ не хочетъ вѣрить словамъ его, написаннымъ на краю могилы на 76-мъ году жизни для надгробной надписи. «Нельзя думать,—говоритъ Дюрюи,—чтобы великій обманщикъ самъ увлекся обманомъ своей жизни. Нѣтъ, онъ хорошо сознавалъ, что онъ былъ господиномъ и полновластнымъ господиномъ; но онъ хотѣлъ ввести въ заблужденіе судъ потомства, и справедливымъ воздаяніемъ ему служатъ упреки потомства, обвиняющаго его въ безплодномъ лицемѣріи и признающаго, что его политика была лишена величія».

Еще съ бóльшею рѣзкостью осуждаетъ Дюрюи реставрирующій характеръ политики Августа. «Мало заботясь о нововведеніяхъ, Октавій постарался изъ кусочковъ и остатковъ сшить конституцію, которая осталась безъ имени на политическомъ языкѣ и которая въ теченіи трехъ вѣковъ покоилась на лжи (repose sur un mensonge). Обманъ обыкновенно не бываетъ такъ проченъ; здѣсь это случилось потому, что обманъ заключался только въ формѣ» (p. 148).

Вслѣдствіе этого, Дюрюи относится съ большимъ пренебреженіемъ къ отдѣльнымъ частямъ, изъ которыхъ *склеено* государственное зданіе Августа. Аристократія, которую старался возстановить Августъ, «чтобы увеличить разстояніе между собою и толпой», имѣла только мнимое значеніе, какъ всякая аристократія, которая не обязана самой себѣ своимъ существованіемъ; она не имѣла силы, чтобы защитить себя отъ того, кто ее создалъ, и была въ то же время слишкомъ слаба, чтобы защитить его самого или сдержать его, чтò также есть способъ защиты. Законы, которыми Августъ хотѣлъ возстановить нравственность, принесли мало добра, потому что не измѣнили нравовъ; но сдѣлали много зла, потому что породили племя доносчиковъ. Мѣры, которыми Августъ вздумалъ спасти религію, также не имѣли успѣха—Олимпъ того времени превратился въ лавку съ антикварнымъ хламомъ (magasin de bric-à-brac), наполненную костюмами, фигурами и театральными декораціями, которыя еще пугали женщинъ и дѣтей и которыми пользовались по потребностямъ минуты поэты и политики для лучшаго эффекта своей оды или рѣчи.

Реставрирующая политика была, по мнѣнію Дюрюи, такою же ошибкой со стороны Августа, какъ и со стороны Наполеона I-го. Въ послѣдній часъ, когда нерѣдко открывается истина, Наполеонъ сказалъ: «революція—это я!» А между тѣмъ именно онъ возстановилъ *старый порядокъ*, который столько же содѣйствовалъ его гибели, сколько его честолюбіе. Августъ былъ также наслѣдникомъ революціи и былъ призванъ, чтобы, организуя ее, дать ей торжество, но и онъ смотрѣлъ, подобно Наполеону, не впередъ, а назадъ. Онъ еще болѣе, чѣмъ Наполеонъ, шелъ наперекоръ времени и исторіи. Онъ побѣдилъ олигархію и пытался основать новую аристократію. Въ то время, когда общество стремилось къ равенству, онъ возвелъ въ принципъ императорскаго правительства разграниченіе гражданъ и провинціаловъ на два народа, смѣшенію которыхъ были поставлены преграды. Наканунѣ дня, когда христіанство перестало дѣлать различіе между рабомъ и патриціемъ, Августъ затруднилъ отпущеніе на волю рабовъ. Итакъ, онъ старался идти противъ теченія того потока, по которому плылъ міръ; впрочемъ, не имѣя честолюбія вступить въ борьбу съ своимъ временемъ, Августъ просто самымъ мелочнымъ образомъ (petitement) полагалъ, что для спасенія Рима достаточно установить тамъ порядокъ съ помощью обветшалыхъ идей и мнимыхъ учрежденій (p. 400).

Слѣдовательно, Августъ дурно исполнилъ свое дѣло—вмѣсто починки ветхаго зданія ему слѣдовало бы возвести новое, на новыхъ основаніяхъ. Оттого имперія, имъ организованная, не соотвѣтствовала своему историческому назначенію. Создала ли она римскую національность? обезпечила ли она внутренній порядокъ, pax romana, хорошими учрежденіями? Проникнуты ли ея войска духомъ уваженія къ закону? поддержала ли она очагъ цивилизаціи въ тѣхъ странахъ, гдѣ она начала гаснуть?—вотъ упреки, которые дѣлаетъ Дюрюи этой имперіи въ формѣ вопросовъ. Но самый главный упрекъ дѣлу Августа и самое явное доказательство его несовершенства—это непрочность имперіи. «Конечно,—говоритъ Дюрюи,—имперія должна была умереть: таковъ вѣчный законъ преобразованія вещей; но человѣку дана возможность отсрочить роковой конецъ своимъ благоразуміемъ. Четыре столѣтія, изъ которыхъ половина прошла въ бѣдствіяхъ и въ позорѣ, не составляютъ еще народнаго вѣка. Имперія могла дольше и лучше жить.

«Какое государство было когда-либо лучше приспособлено природою и людьми къ прочному и славному существованію, какъ не имперія цезарей? Ни снаружи, ни внутри не грозило

ей никакой опасности. Ее окружали границы, легко защищаемыя противъ враговъ, сначала мало опасныхъ, а внутри этого оплота, состоявшаго изъ большихъ рѣкъ, пустошей и высокихъ горъ, жили народы, счастливые своимъ повиновеніемъ, потому что въ немъ они находили покой и благосостояніе.

«Много приводили причинъ,—говоритъ Дюрюи,—чтобы объяснить паденіе римской имперіи; всѣ эти причины: экономическое состояніе и нравы Рима, рабство, отсутствіе дисциплины въ легіонахъ, фискальный характеръ правительства — справедливы, но надъ всѣми ими преобладаетъ другая причина, и ея одной было бы достаточно, чтобы сдѣлать это паденіе неизбѣжнымъ и быстрымъ,—*имперія не имѣла необходимыхъ для нея учрежденій*, не имѣла другихъ учрежденій, кромѣ воли императора».

Современный историкъ не ограничивается тѣмъ, что раскрываетъ слабыя стороны Августова дѣла; но онъ указываетъ на тó, чтó слѣдовало бы сдѣлать Августу. Онъ говоритъ намъ, въ какихъ именно учрежденіяхъ нуждалась имперія. Ему въ точности извѣстна та политическая программа, которая, будь она осуществлена Августомъ, обезпечила бы за имперіей долговѣчность, внутреннее благосостояніе и цивилизующее значеніе.

Три главныхъ совѣта заключаются въ этой программѣ; три важныя реформы или мѣры упустилъ изъ вида Августъ: организацію верховной власти, введеніе свободныхъ учрежденій для ограниченія и направленія верховной власти—и нормальное устройство арміи.

Самая важная ошибка Августа состояла въ томъ, что онъ не опредѣлилъ, не упрочилъ той власти, которую онъ захватилъ. Имперія при немъ была фактомъ, а не принципомъ. Августъ не рѣшился прямо объявить наслѣдственности верховной власти. Онъ хорошо понималъ необходимость этого, но лицемѣрное безкорыстіе всей его жизни помѣшало ему въ этомъ. Такимъ образомъ, все было предоставлено случаю; эта роковая ошибка 300 лѣтъ вредила имперіи, и ее слѣдуетъ поставить въ вину Августу, потому что подъ конецъ своего управленія онъ могъ быть достаточно увѣренъ въ послушаніи римлянъ, чтобы наконецъ отказаться отъ лицемѣрныхъ уступокъ.

Но не превращеніе Августова принципата въ простую наслѣдственную монархію составляетъ собственно предметъ желаній Дюрюи. Онъ требуетъ отъ Августа наслѣдственности только потому, что, по его мнѣнію, умъ этого императора былъ недостаточно «обширенъ и самостоятеленъ», чтобы придумать другую систему. Политическій рецептъ, входящій въ программу Дюрюи,

тотъ самый, который уже былъ предложенъ со стороны Беле. Римъ, по словамъ Дюрюи, нуждался не въ пожизненной абсолютной власти, которая подвергаетъ государство опасности слабаго или страстнаго правителя, ни въ наслѣдственности, которая влечетъ за собой рискъ управленія несовершеннолѣтнимъ по возрасту или по разуму. Наслѣдственная монархія является охранительной силой только у народовъ, гдѣ существуютъ собственной силой великія корпораціи, заинтересованныя въ поддержкѣ престола, какъ, напримѣръ, въ древней Франціи—или же въ странахъ, учрежденія которыхъ достаточно сильны, чтобы королевская власть служила для нихъ только вѣнцомъ и украшеіемъ. Римъ же не имѣлъ великихъ политическихъ корпорацій, торыя создаются временемъ, а Августъ не съумѣлъ дать ему трежденій, которыя могутъ быть созданы политическимъ дѣятемъ. Поэтому монархія не находила тамъ ни одного изъ услоі, необходимыхъ для правильнаго ея существованія.

Остановимся на послѣдней фразѣ, и спросимъ: въ чемъ же ждался Римъ? Римъ нуждался, по мнѣнію Дюрюи, въ такой бинаціи, которая не представляла бы ни наслѣдственности, пожизненной власти; оба эти принципа были особенно неястны греко-римскому міру, гдѣ идея власти была тѣсно свя съ понятіями избранія и личной доблести избираемаго, и ничего не было приспособлено къ противоположной системѣ. сту было легко придать своей замаскированной царской и такой характеръ, который соотвѣтствовалъ бы и обстоятвамъ, и общественному мнѣнію—и даже преданіямъ рим-

Ему оставалось только назначить срокъ для своей власти имѣнить къ ней нѣкоторыя правила, уже дѣйствовавшія въ ги политическаго и гражданскаго законодательства римлянъ. например, члены сената нѣкогда избирались цензорами, оръ назначался однимъ изъ консуловъ, авгуры избирались товарищами,—такъ и императоръ могъ бы назначать реемника; гражданскій законъ давалъ возможность граждапосредствомъ адопціи или аррогаціи, усыновить другого нина и основать легальную семью даже въ ущербъ кровасльдникамъ;—тѣмъ же способомъ и императоръ могъ бы ать своего преемника. Августъ даже думалъ объ этомъ. аждыя 10 лѣтъ возобновлялъ свои полномочія, не имѣя мужества отказаться отъ нихъ; а во время болѣзни, коонъ считалъ смертельной, онъ передалъ свой перстень ѣ, какъ самому достойному. Но съ лѣтами эгоизмъ отепривязанностей одержалъ верхъ, и интересъ семейный

преодолѣлъ интересъ государственный. Однако мысль Августа колебалась до послѣдней минуты, и еще въ своемъ завѣщаніи онъ совѣтовалъ не довѣрять всей власти одному лицу, а предоставить республиканскимъ магистратамъ значительную долю вліянія и авторитета.

Но организаціи верховной власти, въ смыслѣ указанномъ Дюрюи, по мнѣнію послѣдняго, было еще недостаточно для благоденствія и прочности имперіи. По политической системѣ Августа, въ государствѣ не было другихъ учрежденій, кромѣ воли императора. Это зло беретъ свое начало съ перваго дня и съ перваго государя. Потомство имѣетъ право потребовать за это отчета у Августа, привившаго огромному тѣлу республики болѣзнь, съ которой могутъ жить государства Востока, но которая смертельна для западныхъ обществъ.

На востокѣ цари, по крайней мѣрѣ, сыны неба; религія и касты ихъ охраняютъ; гдѣ же были въ Римѣ тѣ оплоты, которые могли бы защитить воздвигнутый престолъ? Въ этомъ мірѣ, столь давно проникнутомъ идеями равенства, никто не принимаетъ серьёзно апотеозу государя, и онъ остается безъ жрецовъ, безъ дворянства, одинокій въ виду 80 милл. людей. Въ этомъ положеніи ему грозитъ двойная опасность: на такой высотѣ, гдѣ онъ видитъ весь міръ у своихъ ногъ, и гдѣ онъ стоитъ такъ близко къ богамъ, голова его легко можетъ закружиться; съ другой стороны, чтобы взобраться на эту высоту, заговорщикамъ достаточно лишить жизни одного человѣка. Оттого-то въ ряду римскихъ императоровъ отъ Августа до Константина такъ много безумныхъ и такъ много жертвъ. Изъ 59-ти — двѣ-трети или 41 погибли насильственной смертью.

Чтобы отвратить это зло, необходимы были учрежденія. Они же были нужны для того, чтобы обезпечить благосостояніе народа. Августъ произвелъ въ судьбѣ провинціаловъ благодѣтельный переворотъ, но этотъ переворотъ былъ непродолжительнѣе его жизни—и все оттого, что Августъ не съумѣлъ гарантировать благосостояніе провинцій *учрежденіями* менѣе *мимолетными*.

Такая панацея, которая, по мнѣнію Дюрюи, спасла бы престолъ и провинціи, римскій народъ и имперію—представительныя учрежденія.

«Провинціи нуждались въ такихъ органахъ, которые, не разрушая отдѣльнаго существованія общинъ и народовъ, создали бы общую жизнь. Эта общая жизнь сдѣлалась бы жизненнымъ принципомъ имперіи и оправдала бы ея существованіе. Между госу-

дарствомъ, представленнымъ императоромъ съ его верховной волей, и тысячами общинъ, сохранявшихъ внутреннее самоуправленіе, необходимо было посредничество мѣстныхъ учрежденій, находившихся въ зависимости отъ грознаго правительства императора и поставленныхъ выше скромныхъ и робкихъ магистратовъ, кругъ дѣйствій, взоръ и интересы которыхъ не выходили изъ-за стѣнъ ихъ города. Такими посредниками могли бы быть *провинціальныя собранія*, составленныя изъ депутатовъ тѣхъ общинъ, которыя входили въ составъ каждой провинціи. А если бы Августъ установилъ нѣкоторую связь между этими провинціальными сенатами и римскимъ сенатомъ; если бы онъ избиралъ нѣкоторыхъ сенаторовъ изъ среды провинціальныхъ собраній, на основаніи опредѣленныхъ правилъ, и сдѣлалъ бы такимъ образомъ изъ сената дѣйствительно верховный совѣтъ націи, онъ замѣнилъ бы чисто-*муниципальное* устройство имперіи прочной и живучей *государственной* организаціей. Тогда, вмѣсто пирамиды, состоявшей только изъ вершины и основанія, безъ посредствующихъ ступеней, римская имперія представила бы гармоническое зданіе, неразрушимое на цѣлые вѣка» (p. 380).

Но Августъ съ своимъ узкимъ умомъ дѣйствовалъ въ противоположномъ смыслѣ. Онъ пренебрегъ этимъ спасительнымъ учрежденіемъ, которое могло бы послужить ему, если бы онъ съумѣлъ его развить, точкой опоры въ обществѣ, смущенномъ столькими войнами и проскрипціями, гдѣ не осталось никакого сильнаго интереса, кромѣ одного страха новыхъ войнъ и проскрипцій. Августъ видѣлъ въ государствѣ только Римъ, а въ Римѣ одинъ сенатъ, который онъ хотѣлъ довести до 300 членовъ, чтобы сохранить управленіе міромъ въ рукахъ римской аристократіи; что же касается до депутатовъ изъ провинцій, то онъ только приглашалъ ихъ для того, чтобы сожигать ѳиміамъ на своемъ алтарѣ. Подобно древнему сенату, этотъ императоръ хотѣлъ управлять міромъ изъ Рима и посредствомъ Рима; все сосредоточилось въ столицѣ, и оттуда исходило; тамъ бьется сердце государства, но бьется слишкомъ быстро. Такимъ образомъ, на берегу Тибра встрѣчаемъ мы первый типъ тѣхъ знаменитыхъ городовъ, которые, притягивая къ себѣ всѣ жизненные соки страны, подвержены періодическимъ смутамъ, отъ которыхъ остальное общественное тѣло болѣзненно страдаетъ.

Дюрюи полагаетъ, что древній міръ въ эпоху Августа былъ не только достаточно подготовленъ къ политической программѣ, имъ начертанной, но уже и представлялъ довольно развитые и многочисленные зачатки представительныхъ учрежденій. Онъ ука-

зываетъ, съ одной стороны, на нѣкоторыя федеративныя собранія, существовавшія еще до завоеванія римлянами эллинскаго востока,—такъ, напр., въ Ликіи былъ федеративный совѣтъ, состоявшій изъ депутатовъ 23 городовъ Ликіи, который нѣкогда рѣшалъ вопросы о войнѣ, мирѣ и союзахъ, и еще во время римскаго владычества избиралъ ликіарха и нѣкоторыхъ другихъ магистратовъ. Съ другой стороны, Дюрюи указываетъ на собраніе депутатовъ 64 галльскихъ племенъ, созванныхъ при Августѣ въ Ліонъ, гдѣ былъ построенъ на общій счетъ храмъ *Ромѣ* и *Августу* и гдѣ галлы ежегодно жертвоприношеніями и празднествами ознаменовывали свое подчиненіе Риму. Ограничившись этими двумя примѣрами и не разсматривая ближе, какъ мало общаго между этими явленіями и зачатками представительныхъ провинціальныхъ учрежденій, Дюрюи эмфатически восклицаетъ: «Подобнымъ образомъ и Испанія и всѣ восточныя провинціи: Виѳанія, Понтъ, Каппадокія, Галатія, Киликія, Пергамъ, Финикія, Критъ, различныя области Эллады и Македонія имѣли подобныя собранія, и императоръ Адріанъ установилъ въ Аѳинахъ, въ храмѣ Зевса Панэллинскаго, такое общее собранія для всѣхъ грековъ».

Дюрюи соглашается, что императоры съ самаго начала старались привлекать въ сенатъ знатныхъ и богатыхъ провинціаловъ:—уже подъ 22 годомъ по Р. Х., т.-е. 8 лѣтъ по смерти Августа, Тацитъ замѣчаетъ въ своей лѣтописи, что «новые люди изъ муниципій, колоній и даже изъ провинцій, часто призываемые въ сенатъ, внесли туда нравы домашней бережливости»,—но объясняетъ это необходимостью, вызванною противъ воли императоровъ бѣдностью въ людяхъ. Притомъ это пополненіе, совершавшееся случайно, на основаніи личной милости императора, не представляло выгодъ организаціи, которая соединила бы всѣ провинціи и примѣнила бы къ дѣлу всѣ мѣстныя силы, представляемыя знатностью и связями, умомъ и состояніемъ. Онъ наконецъ признаетъ, что со стороны императоровъ дѣлались попытки развить и упрочить провинціальныя собранія, но замѣчаетъ, что попытки эти не принесли плодовъ, потому что за нихъ принялись тогда, когда уже было слишкомъ поздно.

На Дюрюи, правда, находитъ минутное сомнѣніе относительно возможности осуществленія провинціальныхъ собраній въ томъ смыслѣ, какъ онъ ихъ понималъ, и относительно результата, какого можно было бы отъ нихъ ожидать: «Если-бы кто возразилъ, что нѣтъ такой организаціи, которая была бы способна заставить жить единой жизнью коптовъ на берегахъ Нила и галловъ на

берегахъ Сены, я отвѣчу, что, можетъ быть, эти учрежденія не спасли бы имперіи, но они бы ускорили возникновеніе великихъ современныхъ національностей; а эти націи, организованныя, вооруженныя и дисциплинированныя, сдѣлались бы достаточно сильными, чтобы воспротивиться нашествію варваровъ».

Но провинціальныя собранія, которыя должны были сдѣлать изъ Рима нѣчто въ родѣ современной Австріи, только въ громадныхъ размѣрахъ, съ болѣе многочисленными ландтагами и сеймами и съ бо́льшимъ разнообразіемъ языковъ, національностей и національныхъ антипатій, еще не исчерпываютъ программы французскаго историка, начерченной для Августа. Мы еще должны коснуться третьяго совѣта, заключающагося въ программѣ и соотвѣтствующаго послѣднему шагу, сдѣланному современной Европой, послѣднему изобрѣтенію государственной мудрости, съ которымъ сами французы познакомились только въ 1870 году, т.-е. въ тотъ самый годъ, когда Дюрюи оканчивалъ свою исторію Августа—мы разумѣемъ замѣну солдатскаго войска всенароднымъ ополченіемъ.

Своей военной системой Августъ, по заявленію Дюрюи, погубилъ имперію. Сдѣлавъ изъ военной службы ремесло, онъ отдѣлилъ солдатъ отъ гражданъ и создалъ въ имперіи два народа: одинъ сталъ слабымъ, робкимъ и трусливымъ; другой былъ силенъ и надмененъ — если не всегда противъ врага, то по-крайней-мѣрѣ противъ императора.

Населеніе Рима утратило воинственность; граждане отвыкли отъ оружія и забыли добродѣтели, связанныя съ военной службой: уваженіе дисциплины, чувство долга, способность жертвовать собой. Незаинтересованные въ защитѣ отечества, они лишились той связи между собой, которая устанавливается общей славой и общей опасностью.

Армія же набиралась изъ людей безпокойныхъ и буйныхъ, предпочитавшихъ случайности военной жизни обязанностямъ гражданина, и изъ людей негодныхъ, которыхъ, по выраженію Вегеція, частныя лица не хотѣли имѣть въ числѣ своихъ слугъ. Но эти наемники и эти холопы приносили съ собою въ лагерь совершенно иныя чувства, чѣмъ честь и патріотизмъ. Всякій разъ, когда потомъ въ исторіи возникалъ абсолютизмъ, онъ возстановлялъ римскій принципъ, отчуждавшій армію отъ гражданъ и оставлявшій послѣднихъ безоружными; но этотъ принципъ губилъ тѣ же государства, которыя были имъ основаны. Армія, оторванная отъ народа, раздувши честолюбіе или самоувѣренность своихъ вождей, заставила умереть Карла V въ уединеніи, Людовика XIV

въ горѣ, Наполеона въ плѣну. Народное ополченіе создало могущество Греціи и Рима, спасло швейцарцевъ въ ихъ горахъ, Голландію среди ея каналовъ, Соединенные-Штаты въ ихъ безпредѣльной территоріи. «А въ наши дни,—говоритъ министръ павшаго Наполеона III,—ученая военная организація Пруссіи, призвавшая весь народъ къ ружью и дисциплинировавшая его, сдѣлалась причиной нашихъ недавнихъ несчастій, потому что мы не съумѣли во-время замѣнить обветшалый механизмъ новымъ» (р. 392).

Излагая програму, которой слѣдовало бы держаться Августу и которая бы спасла имперію, Дюрюи не возбуждаетъ вопроса о возможности такой программы, не останавливается на препятствіяхъ, которыя бы она встрѣтила при своемъ осуществленіи. Какъ будто въ отвѣтъ на всѣ такого рода сомнѣнія и вопросы онъ восклицаетъ: «Не будемъ вносить фатализма въ исторію». Но, устраняя фатализмъ, онъ вноситъ въ исторію случай и отвергаетъ повидимому всякую органическую связь событій. «На другой день,—говоритъ онъ,—послѣ Акціумской битвы побѣдитель былъ господиномъ событій, и то, чего Августъ не съумѣлъ сдѣлать, человѣкъ съ болѣе обширнымъ умомъ и менѣе трусливый былъ бы въ состояніи осуществить».

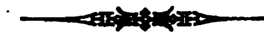
Итакъ, упомянутая програма не осуществилась только вслѣдствіе случайности, только потому, что побѣдившій при Акціумѣ Октавіанъ не былъ геніальнымъ человѣкомъ. «Чтобы предпринять тотъ переворотъ, который привелъ бы древній міръ отъ идеи общины (idée de la commune), не разрушая его, къ идеѣ государственнаго быта, не преувеличивая ея — необходимъ былъ великій человѣкъ; но Августъ не принадлежитъ къ геніямъ, онъ не изъ породы Цезаря, Александра и Наполеона (il n'est point de leur famille), и онъ долженъ занять свое мѣсто вдали отъ нихъ».

Для осуществленія спасительнаго переворота необходимъ былъ геніальный человѣкъ, а во главѣ всего оказался только человѣкъ искусный. Порядокъ, правильность, миръ — единственная цѣль Августа. Онъ думалъ осуществить этотъ порядокъ мелочными распоряженіями, предосторожностями отца семейства, озабоченнаго честью своего дома. Всѣ мѣры его, послѣ Акціума, были честны, и всѣ остались безплодны, потому что онъ ничего не видѣлъ далѣе настоящей нужды и наступившаго часа. Онъ пустилъ въ дѣло множество мелкихъ средствъ, которыя дали обществу покой, но покой сонливый; онъ усыпилъ Римъ и имперію вмѣсто того, чтобы вдохнуть въ нихъ могучую жизнь. Онъ былъ отличнымъ

администраторомъ; если бы онъ явился вторымъ, его слава была бы полна, ибо для государства уже организованнаго достаточно безупречнаго управленія и бдительнаго рвенія; но онъ пришелъ первымъ, и оказался ниже своей роли.

Цезарь и Александръ—геніи симпатичные, Наполеонъ—геній грозный; Августъ же не вызываетъ ни симпатіи, ни поклоненія. А между тѣмъ никогда судьба не предоставляла человѣку возможности играть такую великую роль, имѣть такое громадное, роковое вліяніе на всю будущность человѣчества. «Если бы,—заключаетъ Дюрюи свою исторію Августа,—имперія была лучше организована, то нашествіе варваровъ было бы остановлено, среднихъ вѣковъ не существовало бы и, вмѣсто десяти вѣковъ мрака и порабощенія, человѣческій духъ пережилъ бы десять вѣковъ просвѣщенія, а можетъ быть—и свободы».

В. Герье.



ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

ЖИЗНИ МИНИСТРА

The Prime Minister, by Anthony Trollope; in four volumes.

Хроникёръ англійской жизни, по преимуществу, Антонъ Троллопъ, въ многочисленныхъ своихъ романахъ, создалъ своего рода «эпосъ» англійскаго общества. Посвященные описанію жизни нѣсколькихъ классовъ этого общества, они находятся во взаимной связи не только по общей мысли, но по отношеніямъ между выведенными въ нихъ типами. Между ними нѣтъ почти ни одного, которое нельзя было бы поставить въ связь съ любымъ изъ остальныхъ; два лица, хотя бы взятые одно изъ перваго романа Троллопа, а другое—изъ послѣдняго, непремѣнно окажутся «знакомыми знакомыхъ». У Троллопа есть цѣлый свой міръ, какъ у Бальзака.

И вотъ, въ ряду его героевъ, одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ занимаетъ Плантадженетъ Поллизеръ, впослѣдствіи, по смерти дяди—герцогъ Омніумъ. Въ однихъ романахъ онъ является лично, въ нѣкоторыхъ другихъ упоминается. Слѣдившіе за романами Троллопа, по мѣрѣ ихъ появленія, издавна сжились съ этимъ типомъ сухого, но въ высшей степени добросовѣстнаго, гордаго, но нѣсколько застѣнчиваго и слишкомъ чувствительнаго аристократа. Знакомство съ нимъ весьма наглядно уясняетъ, сколько ума, трудолюбія и всеобщаго уваженія—не говоря уже о богатствѣ — нужно, чтобы сдѣлаться министромъ въ Англіи. Герои Троллопа и героини его всѣ—необыкновенно живы; это

почти виданные нами люди, наши знакомые. Плантадженета Полливера читатели помнять еще съ того времени, когда онъ былъ простой «мистеръ», хотя и племянникъ богатѣйшаго лорда—циническаго герцога Омніума; помнять, какъ онъ сдѣлался канцлеромъ казначейства, какъ онъ страшно работалъ въ то время и какъ былъ доволенъ, вѣря въ свою полезность; какъ онъ сдѣлался герцогомъ, и какъ положеніе герцогини Омніумъ пристало къ его женѣ, леди Гленкорѣ Полливеръ, женщинѣ довольно фантастичной и неугомонной, но блестящей по своему уму, связямъ и отчасти—красотѣ.

Теперь оказывается, что передъ герцогомъ Омніумъ открылось еще болѣе широкое поле для дѣятельности: онъ былъ сдѣланъ первымъ министромъ. Если читателямъ угодно, они прослѣдять съ нами, кàкъ это отразилось на внутреннемъ настроеніи и личныхъ вкусахъ выводимаго авторомъ государственнаго человѣка.

Но—одна оговорка, прежде чѣмъ начнемъ. Въ прежнихъ нашихъ очеркахъ [1]) англійской общественной жизни по романамъ Троллопа, мы замѣчали, что этотъ авторъ, захватывая живьемъ современность, дѣйствительность, совершенно точенъ только въ отношеніи нравовъ, условій, пріемовъ, общественныхъ положеній; но относительно отдѣльныхъ лицъ не только предоставляетъ себѣ полную свободу компоновки, но и намѣренно вставляетъ въ свои рисунки такія черты, которыя дѣлаютъ ихъ неприложимыми въ частности ни къ кому изъ политическихъ дѣятелей, дѣйствительно живущихъ. Въ картинахъ Троллопа — «виды» и сцены изъ общественной жизни безусловно вѣрны; они просто срисованы съ натуры; но лица нѣсколько измѣнены, такъ—чтобы ихъ нельзя было узнать. Блондинъ сдѣланъ брюнетомъ, холостой—женатымъ, портретъ изъ партіи тори нарочно носитъ одежду вига. Всѣ черты чисто-личныя, а потому случайныя, у него болѣе или менѣе произвольны. Даже факты измѣнены, но фотографически вѣрно изображены условія жизни.

Поэтому общественныя картины Троллопа—прямая противоположность пресловутымъ «политическимъ» романамъ нѣмецкаго писателя Самарова. У того—напротивъ—все дѣло въ портретахъ; Бисмаркъ, Наполеонъ, Мольтке у него ничего не сдѣлаютъ и не скажутъ, отъ чего не вѣяло бы сильнымъ запахомъ именно Бисмарка, Наполеона или Мольтке, хотя и сомнительно, чтобы эти дѣятели каждую минуту думали только о томъ, какъ бы

---

[1]) См. 1875 г. дек., 726 стр.

изобразить самихъ себя, какъ бы остаться вѣрнымъ тѣмъ своимъ типамъ, которые выставлены въ окнахъ всѣхъ торговцевъ канцелярскими принадлежностями въ Берлинѣ и однажды навсегда литературно отчеканены въ «Gartenlaube» и безчисленныхъ альманахахъ. Самая же исторія составлена у Самарова по газетамъ, съ прибавкою разговоровъ между Бисмаркомъ и императоромъ въ тиши кабинета. Ничего изъ всей этой фальши и дѣланности нѣтъ у Троллопа. Разсказъ о жизни у него течетъ изъ непосредственнаго, точнаго, крайне-трезваго и немного-юмористическаго наблюденія. Въ рисовкѣ лицъ—совершенный просторъ кисти, который даетъ автору право приводить ихъ самые интимные разговоры, даже излагать ихъ внутреннія ощущенія безъ всякой фальши, такъ какъ о лицахъ вымышленныхъ никто не можетъ спросить: откуда то или другое извѣстно автору? Онъ пользуется всѣми правами беллетриста, и благодаря тому, не только избѣгаетъ фальши, но еще имѣетъ возможность досказывать намъ все о своихъ герояхъ, дѣлать ихъ внутренній міръ совершенно прозрачнымъ для насъ, чего невозможно сдѣлать съ Бисмаркомъ. Поэтому изъ нихъ и выходятъ живыя лица, а не говорящіе условные портреты, какъ у Самарова. Но въ той или другой чертѣ, иногда, мы узнаемъ, чувствуемъ, что находимся въ кругу лицъ въ самомъ дѣлѣ намъ современныхъ и извѣстныхъ,—только переодѣтыхъ.

Такъ, въ разныхъ романахъ Троллопа можно подмѣтить, что въ м-рѣ Мильдмеѣ есть нѣкоторыя черты положенія графа Росселя, въ м-рѣ Добени—нѣкоторыя черты Дизраэли, а въ м-рѣ Грешэмѣ—Гладстона. Но это все-таки—не портреты. Положимъ, относительно самого Плантадженета Поллизера поставлена слѣдующая задача: данъ человѣкъ еще молодой (для министра), который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ канцлеромъ казначейства, а недавно былъ первымъ министромъ; дано, что этотъ человѣкъ носитъ титулъ герцога и очень богатъ; что у него очаровательная жена, рожденная леди, и потому сохранившая свой титулъ въ замужствѣ за простымъ мистеромъ; дано, что она—изъ дома не менѣе богатаго, чѣмъ ея мужъ; наконецъ, дано, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ наслѣдственно-вигской фамиліи и сидитъ въ парламентѣ на тѣхъ скамьяхъ, министерства или оппозиціи, гдѣ въ данное время возсѣдаютъ либералы. Затѣмъ требуется составить изъ этихъ элементовъ уравненіе и вывесть x, то-есть опредѣленное, извѣстное намъ всѣмъ имя. Въ результатѣ непремѣнно получится $x = o$ или $= \frac{A}{o}$, потому что въ самые опредѣлительные элементы o входилъ множителемъ;

этотъ *о*—произвольныя личныя черты, нарочно взятыя авторомъ. По нѣкоторымъ даннымъ, мы можемъ воображать себѣ, что въ герцогѣ Омніумѣ есть черты маркиза Гартингтона, нынѣшняго leader'а либераловъ; но онъ канцлеромъ казначейства не былъ, и будетъ ли когда первымъ министромъ — неизвѣстно. Можемъ воображать себѣ, что въ герцогѣ Омніумѣ есть черты маркиза Солсбёри или графа Дёрби, хотя портретъ былъ бы совершенно не похожъ на перваго ни по карьерѣ, ни по женитьбѣ, а на второго—по направленію его дѣятельности, не касавшейся финансовъ; наконецъ, оба эти нобльмена—тори, а не виги. Нѣчто взято у одного, нѣчто у другого, у третьяго, многое совершенно произвольно, но тѣмъ не менѣе живо и вѣрно главное—картина общественной жизни.

— Чѣмъ же они васъ теперь сдѣлаютъ?—спросила герцога жена его, леди Гленкора. Въ тонѣ ея была насмѣшка, и онъ это сознавалъ; онъ зналъ, что она смѣется надъ «педантизмомъ», въ силу котораго онъ готовъ былъ принять меньше того, на что имѣлъ право въ ея глазахъ, какъ герцогъ Омніумъ. Она какъ будто спрашивала, не удовольствуется ли онъ ролью помощника статсъ-секретаря. На такіе попреки, въ формѣ ироническихъ вопросовъ, онъ обыкновенно улыбался и потомъ произносилъ два-три слова о чемъ-либо, чтобъ показать, что не сердится. Но теперь на лицѣ его не показалось улыбки; онъ задумчиво молчалъ.

— Сообщили вамъ, что дѣло обойдется и безъ васъ?—воскликнула она почти страстно:—я такъ и знала заранѣе. Людей цѣнятъ другіе не выше, чѣмъ они сами думаютъ о себѣ.

— Я былъ бы радъ, если бы было такъ,—произнесъ онъ:—я бы крѣпче уснулъ сегодня.

При этихъ словахъ, она быстро вскочила со стула.

— Плантадженетъ! Скажите же, что такое?

— Кора, я никогда не сердился на ваши шутки, но теперь мнѣ нужно ваше сочувствіе.

— Если вы хотите сдѣлать что-нибудь, въ самомъ дѣлѣ,—то-есть въ самомъ дѣлѣ, то я готова вамъ сочувствовать. О, отъ души готова!

— Я получилъ повелѣніе ея величества явиться въ Виндзоръ; черезъ полчаса долженъ ѣхать.

— Васъ назначаютъ первымъ министромъ!—воскликнула она, расширивъ руки и бросаясь къ нему на грудь. — О, Плантадженетъ,—если только я могу чѣмъ-нибудь помочь вамъ, я стану трудиться какъ раба.

— Погодите, Кора. Я еще не знаю пока, чтó будетъ. Знаю навѣрное одно: если бы не было трусостью уклониться отъ этой задачи, я, конечно, уклонился бы.

— О, нѣтъ! Да это и было бы трусостью, безъ сомнѣнія,— сказала герцогиня, которой было все-равно, какое бы чувство ни связывало его, лишь бы связывало.—Вы обязаны ухватиться за это крѣпко теперь,—прибавила она, сжимая сама пальцы въ кулакъ.

— Изъ личнаго честолюбія я и однимъ пальцемъ не ухвачусь,—возразилъ герцогъ.—Быть можетъ, что я въ самомъ дѣлѣ обязанъ попытаться; а быть можетъ и то, что предпріятіе мнѣ не удастся, и это будетъ для меня очень горько. Но если мнѣ укажутъ возможность такой попытки, я ее сдѣлаю. Герцогъ Сентъ-Бонге будетъ здѣсь вечеромъ. Пусть мнѣ оставятъ обѣдъ, хотя не знаю, когда буду въ состояніи обѣдать.—Съ этими словами онъ вышелъ.

Дѣло въ томъ, что наступило такое время, когда политическія дѣла завязались въ одинъ изъ тѣхъ отчаянныхъ узловъ, которыхъ иногда не въ состояніи распутать мудрость даже семидесятилѣтнихъ государственныхъ мужей. Въ палатѣ общинъ не оказывалось, такъ сказать, большинства ни на той сторонѣ, ни на этой. Умы ея членовъ такъ разошлись, что, по самому вѣрному разсчету, могло предвидѣться большинство въ около десятка голосовъ противъ всякаго министерства, каково бы оно ни было. Такое большинство несомнѣнно оказалось бы противъ любого изъ двухъ наиболѣе испытанныхъ, но мало внушавшихъ довѣрія въ ту минуту, первыхъ министровъ: г. Грешэма и г. Добени. Г. Добени еще сохранялъ должность перваго министра, хотя дважды подавалъ въ отставку. Г. Грешэмъ дважды былъ призванъ въ Виндзоръ, и въ первый разъ взялся, а во второй отказался составить новый кабинетъ. Тогда г. Добени попробовалъ двѣ-три комбинаціи, но безуспѣшно, и не зналъ чтó далѣе дѣлать. Правда, внѣшняя власть была еще въ рукахъ; онъ могъ назначать епископовъ, жаловать пэровъ и раздавать ленты. Но онъ не могъ провесть закона и оставался министромъ только вопреки своимъ желаніямъ.

Вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ г. Грешэмъ и посовѣтовалъ королевѣ послать за герцогомъ, а ему сказалъ, что онъ обязанъ вывести страну изъ затрудненія. Между тѣмъ, какъ же отразилось въ умѣ герцогини извѣстіе, весьма впрочемъ еще нерѣшительное, переданное ей мужемъ. Только-что онъ вышелъ, какъ она послала записку къ своей пріятельницѣ, г-жѣ Финнъ, съ

просьбой пріѣхать немедленно, такъ какъ сама герцогиня не въ состояніи ѣхать. Г-жа Финнъ тотчасъ же явилась.

— Ну, душа моя, какъ вы полагаете, окончательно ли рѣшено дѣло?—обратилась къ ней герцогиня.

— Герцогъ назначается первымъ министромъ?—спросила та.

— Какимъ образомъ вы могли догадаться?

— Потому что ничто иное не могло бы привесть васъ въ такое возбужденное состояніе. Сверхъ того, у нихъ доселѣ были все тѣ же два, неизмѣнные старые актера; не тотъ, такъ другой. Пора взять свѣжаго человѣка, а въ такомъ случаѣ, кого же взять какъ не герцога?

— Онъ такъ упорно держался позади всѣхъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ перешелъ въ верхнюю палату, что я, признаюсь, была теперь очень удивлена.

— И обрадовались?

— О, да. Вамъ я все могу сказать. Да, я рада, что онъ будетъ первымъ министромъ, хотя для меня это будетъ тяжелой обузой.

— Какъ такъ?

— Съ нимъ такъ трудно; онъ несговорчивъ. Я разумѣю не политику, конечно. Натурально, это должно быть нѣчто въ родѣ смѣси, но мнѣ все равно, какая бы краска въ этой смѣси ни преобладала: радикальная или консервативная. Вѣдь страна, все равно, живетъ сама, худо ли, хорошо ли. Не все ли равно, какіе законы проходятъ? Но между нами, въ нашей средѣ, далеко не все равно, кто получаетъ подвязку и должности лордовъ-лейтенантовъ графствъ, кого жалуютъ въ бароны и въ графы, и чьи имена стоятъ во главѣ всего.

— На такое воззрѣніе — замѣтила г-жа Финнъ, — герцогъ всегда окажется несговорчивъ.

— Всегда—это еще вопросъ. Сперва принципы, конечно, но вѣдь и власть что-нибудь значитъ. Укажите мнѣ такого перваго министра, которому бы надоѣла власть. Вѣдь я не требую, чтобы онъ продалъ свое отечество Германіи или превратилъ Англію въ американскую республику для того собственно, чтобы купить себѣ безсмѣнность. Но я хочу и надѣюсь настоять на томъ, чтобы, взявъ поводья въ руку и почувствовавъ ихъ въ ней, онъ не упускалъ ихъ. Мы должны сдѣлать такъ, чтобы онъ убѣдился, что самое существованіе страны зависитъ отъ прочности его на мѣстѣ.

— Не думаю, чтобы это удалось; онъ вѣритъ только въ то,

къ чему издавна привыкъ или въ то, чтó вывелъ самъ личными размышленіями.

— Ну, вы всегда поете ему хвалы. Г. Финнъ, конечно, тоже войдетъ въ кабинетъ. Вы будете довольны?

— Совсѣмъ нѣтъ. Его тогда въ домѣ не будетъ видно. Но пусть дѣлаетъ, какъ самъ хочетъ.

— То-то думать теперь есть о чемъ. Если это рѣшится...

— А развѣ еще не рѣшено?

— Вѣдь онъ еще въ первый разъ вызванъ въ Виндзоръ, а тѣ, другіе, вотъ уже три недѣли летаютъ изъ Лондона въ Виндзоръ и обратно, какъ мячики въ воланѣ. Но если рѣшится... Тогда я хочу имѣть свой собственный маленькій кабинетъ, для моихъ дѣлъ; вы будете министромъ внѣшнихъ сношеній.

— Сдѣлайте меня лучше канцлеромъ казначейства.

— Нѣтъ, это я сама буду. Дѣло въ томъ, что я пущу въ ходъ такіе сверхсмѣтные кредиты, которые напугали бы самыхъ безстрашныхъ, и, конечно, васъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ также буду сама, и оберъ-церемоніймейстеромъ. Знаете,—мнѣ хотѣлось бы спустить внизъ королеву.

— Чтó съ вами, чтó вы говорите?

— Не о государственномъ преступленіи. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы Бокингемскій дворецъ отошелъ на задній планъ въ жизни свѣта. Вижу, что вы несовсѣмъ понимаете.

— Это правда.

— Скоро поймете. Заѣзжайте завтра, къ завтраку. Но навѣрно, вся моя корзинка съ хрустальными чудесами будетъ уже въ дребезгахъ.

Этого однако не случилось. Г. Грешэмъ, старый герцогъ Сентъ-Бонге и другіе политическіе друзья убѣдили герцога, что долгъ велитъ ему стать во главѣ коалиціоннаго кабинета, единственно возможнаго. Прежде и выше всего—странѣ нужно правительство. А оно состояться не могло безъ герцога Омніума. Герцогъ покорился. Но въ приведенныхъ двухъ разговорахъ уже ясно опредѣляется все, чтó имѣетъ произойти далѣе. Герцогъ съ трепетомъ и неувѣренностью въ себѣ принялъ великій постъ; онъ считалъ себя неспособнымъ; въ дѣйствительности же онъ былъ только слишкомъ щекотливъ. Герцогиня предприняла упрочить его на мѣстѣ своими усиліями. Какихъ обѣдовъ, баловъ, пріемовъ всякаго рода, охотъ и спектаклей, какихъ чудесъ нельзя было вызвать къ жизни, какой обворожительной панорамой нельзя было увлечь и плѣнить навсегда общество, сдѣлавъ въ немъ герцога популярнѣйшимъ изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ, на

будущее время совершенно необходимымъ первымъ министромъ? Вѣдь соединенные доходы ея и ея мужа были столь громадны, что такой рядъ чудесъ могъ непрерывно тянуться шесть и болѣе лѣтъ, не причинивъ все-таки ущерба наслѣдству ихъ дѣтей. А мало ли могли значить любезность, находчивость, умѣнье всякаго привлечь, собрать вокругъ себя все выдающееся изъ ряда, свойства, которыми обладала герцогиня съ полнымъ сознаніемъ, что обладаетъ ими? Для Англіи могло наступить нѣчто въ родѣ продолжительнаго вавилонскаго плѣненія подъ управленіемъ герцога, но плѣненія въ самомъ дѣлѣ плѣнительнаго. Бѣда была только въ томъ, что герцогиня дѣйствовала слишкомъ страстно, а потому не всегда могла дѣйствовать съ разборомъ. На мужѣ ея это отозвалось непріятно очень скоро. Еще не появился оффиціально списокъ новыхъ министровъ, когда она пристала къ нему, чтобы онъ назначилъ ее оберъ-гофмейстериной. Мысль просить милости для жены, и на первыхъ же порахъ, должна была крайне не понравиться такому человѣку. Но эту непріятность легко было устранить: онъ просто отказалъ женѣ.

Раздача должностей вообще тяготила его; домогательства и интриги, неизбѣжныя въ такомъ случаѣ, его возмущали. Онъ однажды крайне удивилъ своего стараго друга герцога Сентъ-Бонге, который половину своей жизни провелъ въ министерствахъ виговъ и давно пріобрѣлъ олимпійское спокойствіе въ государственныхъ дѣлахъ. Старый герцогъ зналъ Плантадженета Поллизера за человѣка серьёзнаго, даже сухого и крайне-трезваго въ выраженіяхъ. Вдругъ новый премьеръ, при окончательномъ составленіи списка, выразился, что «желалъ бы вдохновенія съ неба».—Доброй ночи,—говорилъ ему старый герцогъ уходя,—и не думайте слишкомъ много о великости всего этого дѣла. Старинный нашъ премьеръ лордъ Брокъ сказалъ мнѣ разъ, что хорошаго кучера гораздо труднѣе найти, чѣмъ хорошаго министра». Но это замѣчаніе не исправило молодого герцога. Онъ только подумалъ, что лордъ Брокъ былъ въ сущности недостоинъ въ свое время быть премьеромъ Великобританіи, если могъ отпускать подобныя шутки о вещахъ, которыя должны внушать почти благоговѣніе.

Такъ какъ новый кабинетъ имѣлъ характеръ коалиціонный, то нѣкоторые члены торійскаго министерства остались на мѣстахъ, другіе уступили мѣста вигамъ. Это произвело неизбѣжныя неудовольствія въ обоихъ лагеряхъ: неудовольствіе въ тѣхъ, которыхъ просьбы объ отставкѣ были приняты, неудовольствіе въ тѣхъ, которые не попали, согласно своимъ ожиданіямъ, на мѣста,

оставшіяся занятыми членами прежняго кабинета. Такъ, лордъ Рамсденъ остался лордомъ-канцлеромъ, а, стало быть, сэръ Грегори Гроградъ, старый и весьма значительный вигъ—судья—не получилъ этого мѣста, на которое онъ разсчитывалъ навѣрное, на которомъ онъ сдѣлался бы пэромъ и послѣ котораго сохранилъ бы на весь остатокъ жизни огромную пенсію. Иные назначенія были противны главѣ новаго кабинета, но должны были состояться въ видѣ уступокъ съ его стороны. Таково особенно было назначеніе сэра Орландо Дроута первымъ лордомъ адмиралтейства; по мнѣнію новаго премьера, это былъ человѣкъ пошлый и несносный. Однако, пришлось его включить и, мало того—поручить ему такъ-называемое руководительство въ палатѣ общинъ, то-есть поручить ему быть въ ней главнымъ органомъ новаго правительства, такъ какъ самъ премьеръ былъ членомъ верхней палаты, а г. Монкъ, новый канцлеръ казначейства, не умѣлъ заставить себя слушать въ палатѣ, не пользовался авторитетомъ оратора.

Когда начались роскошные пріемы и вечера герцогини, то и здѣсь ожидали герцога непріятности. Онъ жалѣлъ не денегъ, конечно, хотя расходы поднялись баснословнымъ образомъ. Но ему докучала вѣчная толпа, и онъ угадывалъ, что въ ней много людей лишнихъ, такихъ людей, которымъ бы не слѣдовало быть въ его домѣ, которымъ онъ бы неохотно подалъ руку; угадывалъ, что они приглашаются, и что передъ ними расточаются любезности и заискиванья—кѣмъ же? — его женою. Онъ понималъ, что она думаетъ этимъ подкупить такихъ людей въ его пользу, въ пользу премьера Великобританіи, который, конечно, не на своемъ мѣстѣ, если его не держитъ сила вещей, если ему могутъ быть полезны подобныя средства. Въ свою очередь, и герцогиня была недовольна мужемъ. Она признавалась своей подругѣ, г-жѣ Финнъ, что трудно все сдѣлать за него ей, герцогинѣ, одной. Онъ, напримѣръ, покажется на своемъ собственномъ балѣ ровно полчаса и изъ нихъ двадцать минутъ проведетъ съ пріятелемъ, вмѣсто того, чтобы подойти къ тому и другому, одного привлечь, другого примирить дружескимъ словомъ; къ женщинамъ онъ и вовсе не подходилъ.—«Вотъ я наговорила съ три короба этому старому хомяку, сэру Орландо Дроуту,—сѣтовала она,—а между тѣмъ, знаю, что почти напрасно; это не замѣнитъ одного дружескаго слова со стороны мужа; одно такое слово, сказанное имъ, сдѣлало бы больше, чѣмъ все мое тараторство. Ну, скажите на милость, какъ мнѣ одной провесть его благополучно сквозь всѣ затрудненія, если онъ будетъ продолжать такъ?»

Въ политическомъ мірѣ сперва вообще думали, что коалиція продержится не долго. Однако она держалась благополучно. Одно изъ главныхъ ея преимуществъ было — отсутствіе надобности въ ирландскихъ членахъ палаты, безъ которыхъ министерство г. Грешэма не могло обходиться. Съ приверженцами Home Rule трудно было имѣть дѣло, такъ какъ за союзъ ихъ надо было дѣлать и имъ уступки, въ видѣ хотя незначительныхъ, но неудобныхъ мѣръ. Коалиція по своей численности не нуждалась въ такомъ союзѣ, и это одно уже давало палатѣ чувство облегченія, такъ что на коалицію стали смотрѣть какъ на нѣчто необходимое, а потому, вѣроятно — прочное. Но съ радикалами дѣло было труднѣе. Сэръ Орландо Дроутъ возражалъ на ихъ философію шутками. Шутки, дѣйствительно, хорошее оружіе, но только тогда, когда министръ вполнѣ увѣренъ въ сонмѣ своихъ приверженцевъ. Первая же стычка съ радикалами выказала, что сэръ Орландо не былъ на высотѣ своей задачи. Но это бы еще ничего, — только облачко. Вдали показывалась однако туча. Пивовары и владѣльцы винокуренныхъ заводовъ давно домогались отмѣны нѣкоторыхъ стѣсненій въ продажѣ напитковъ и уменьшенія патентнаго сбора. Они присылали депутацію изъ своей среды къ разнымъ министерствамъ. Партія пивоваровъ и винокуровъ могущественна. Если сложить капиталы однихъ членовъ любой ихъ депутаціи, то окажется сумма, на которую можно купить половину города Лондона. Но г. Монкъ не включилъ въ свой бюджетъ ни отмѣны, ни уменьшенія патентнаго сбора. Были и въ кабинетѣ такіе члены, которые склонялись къ уступкѣ, тѣмъ болѣе, что пивовары и винокуры были рѣшительно расположены въ пользу новаго кабинета при его образованіи. Но г. Монкъ остался твердъ, и самъ герцогъ не хотѣлъ слышать объ уступкѣ. Тогда впервые прошла по странѣ молва, что министерство слабо по части финансовъ. Это было, во-первыхъ, обидно для главы кабинета, который самъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ канцлеромъ казначейства; во-вторыхъ, это было опасно, такъ какъ если бы кабинетъ оказался вынужденнымъ на уступку пивоварамъ, г. Монкъ, очевидно, не могъ бы остаться министромъ. Въ палатѣ бюджетъ прошелъ благополучно, и поправка, предложенная передъ вторымъ чтеніемъ въ пользу пивоваровъ, была отвергнута. Но общее впечатлѣніе къ концу сессіи было таково, что коалиція нѣсколько ослабла.

По окончаніи сессіи, герцогъ съ семействомъ уѣхалъ въ свой замокъ Гэзромъ-Кэстль. Это былъ огромный, великолѣпный домъ, выстроенный его дядей. Настоящій герцогъ терпѣть не могъ

этого громаднаго зданія, построеннаго собственно для цѣлей остентаціи. Онъ гораздо охотнѣе переселился бы въ другое свое имѣніе—Матчингъ, гдѣ домъ былъ уютнѣе, хотя вполнѣ достаточенъ даже для самой пышной жизни. Но герцогиня для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ считала необходимымъ продолжать свои великолѣпные пріемы въ такомъ помѣщеніи, какъ Гэзромъ-Кэстль, и уговорила мужа, что если когда жить тамъ, то именно при настоящихъ обстоятельствахъ,—иначе Гэзромъ-Кэстль никогда и не понадобится. Герцогъ согласился, и Омніумы переселились туда. Разумѣется, лэди Гленкора поставила тамъ все вверхъ дномъ. Армія каменьщиковъ, плотниковъ и обойщиковъ вторглась въ зáмокъ; устроили новую оранжерею, сняли нѣкоторыя внутреннія стѣны, перемѣнили обои, мебель и т. д. Постоянное гостепріимство было разсчитано на сорокъ персонъ. Сорокъ душъ гостей, живущихъ, спящихъ и ѣдящихъ въ зáмкѣ, не говоря объ ихъ прислугѣ! Гости были раздѣлены на категоріи или очереди, и одна очередь смѣняла другую, согласно числамъ, условленнымъ въ перепискѣ между приглашенными и герцогинею, которая была обременена не только строительной и гофмаршальской частями, но еще огромной перепиской. Главный управляющій жаловался-жаловался ей на расходы, наконецъ долженъ былъ докладывать герцогу, такъ какъ наличныхъ суммъ, регулярно поступавшихъ на хозяйство, конечно, не хватало. Герцогъ задумался, но только на нѣсколько минутъ. Жена принесла ему приданое, равное его собственнымъ средствамъ, и онъ не счелъ ни справедливымъ, ни сообразнымъ съ его привязанностью къ женѣ лишать ее средствъ на удовольствія. Въ разговорахъ съ нею, онъ протестовалъ только противъ того значенія, какое она придавала всему этому. Подобныя средства онъ считалъ, разумѣется, не серьёзными, но главное — несоотвѣтствующими ихъ личному достоинству. Однажды, въ подобномъ разговорѣ съ женой, онъ даже назвалъ это «вульгарностью», чѣмъ привелъ ее въ негодованіе.

Неудовольствіе его усилилось, когда онъ получилъ отъ издателя пошлаго, хотя ядовитаго листка «Народное Знамя», г. Слайда, письмо съ предложеніемъ поручить ему, Слайду, репортерство о «великолѣпныхъ празднествахъ, предназначенныхъ къ умноженію вполнѣ заслуженной имъ, премьеромъ, популярности», и съ выраженіемъ надежды, что ему, Слайду, будетъ прислано съ этой цѣлью приглашеніе въ Гэзромъ-Кэстль. Онъ показалъ это письмо своему старому другу, герцогу Сентъ-Бонге. Тотъ, прочитавъ, разсмѣялся.

— Вы, конечно, оставили безъ отвѣта?—спросилъ онъ.

— У меня заведено отвѣчать на всѣ письма, кромѣ писемъ людей положительно-сумасшедшихъ. Я поручилъ Уорбёртону, моему частному секретарю, отвѣтить этому человѣку, что онъ не можетъ получить просимаго приглашенія. Но вѣдь это крайне непріятно; человѣкъ вторгается въ мой домъ.

— Вторгнуться онъ, положимъ, не можетъ.

— Какъ не можетъ? Да вѣдь уже это письмо его есть вторженіе. И не онъ одинъ совершаетъ такое вторженіе. И все равно, онъ будетъ писать о моемъ домѣ, хочу я этого или нѣтъ. Боюсь, что Гленкора перешла мѣру. Не вижу, по какому праву надоѣдаю вамъ такими вещами, но я чувствую себя не по себѣ.

— Отчего же?

— Мнѣ кажется, она забрала себѣ въ голову—удивить свѣтъ мишурнымъ блескомъ.

— А я думаю, что она можетъ и хочетъ завоевать его своей любезностью и гостепріимствомъ.

— Это—одно и то же. Къ чему ей завоевывать то, чтó мы называемъ свѣтомъ? Естественно съ ея стороны принять моихъ друзей и заботиться о нихъ, потому что они мои друзья; если на томъ мѣстѣ, которое мнѣ пришлось занять, у меня такъ-называемыхъ друзей оказывается больше, пусть принимаетъ больше гостей, но далѣе этого не о чемъ заботиться. Мысль о завоеваніи людей, какъ вы выразились, и подчиненіи ихъ себѣ посредствомъ кормленія ихъ, мнѣ невыносима. Если это будетъ продолжаться, я сойду съ ума; или брошу все, такъ какъ не могу перенесть такого бремени.—Онъ говорилъ съ такой страстностью, какой никогда еще не высказывалъ передъ своимъ маститымъ другомъ. Въ концѣ, онъ даже прибавилъ — «мнѣ не слѣдовало принимать этого поста; я неспособенъ къ нему».

На это герцогъ Сентъ-Бонге возразилъ, что никто не имѣетъ ни возможности, ни права судить, способенъ или не способенъ онъ быть первымъ министромъ. Это опредѣляется только силою вещей. И когда королева, по совѣту вождей главныхъ партій, поручаетъ извѣстному человѣку взять на себя эту должность, онъ *обязанъ* это сдѣлать, если только это не идетъ въ разрѣзъ прямо съ его совѣстью или если болѣзнь не дозволяетъ ему исполнить долга. «А остальное, то-есть веденіе дома, — заключилъ старый герцогъ, отечески любившій лэди Гленкору,—предоставьте герцогинѣ. Она лучше и легче, чѣмъ мы съ вами, устроитъ все какъ слѣдуетъ, а на г. Слайда вамъ не слѣдуетъ обращать вниманія».

Но мы сейчасъ увидимъ, что г. Слайдъ самъ нашелъ сред-

ства обратить на себя вниманіе премьера. Въ Гэзромъ-Кэстль явились, въ числѣ приглашенныхъ, между прочими и такіе люди, которые просто шатались изъ салона въ салонъ, настоящіе свѣтскіе паразиты, люди, которыхъ премьеръ не зналъ и которыхъ, если бы онъ узналъ ихъ, сталъ бы презирать. Явились даже и такіе, которыхъ знали еще очень немногіе, но которыхъ сама герцогиня случайно узнала отъ кого-либо, будто они, «идутъ въ гору», хотя никому не было извѣстно, откуда они идутъ въ гору и какова эта гора.

Таковъ былъ нѣкто Лопесъ, по всей вѣроятности португальскій еврей, занимавшійся коммиссіонной торговлей, красавецъ, и по манерамъ — совершенный джентльменъ. Его романъ, романъ трагическій, идетъ въ разсказѣ Троллопа параллельно съ исторіею этого эпизода въ жизни Плантадженета Поллисера. Онъ очень понравился герцогинѣ, и такъ какъ предстояли выборы въ принадлежавшемъ герцогу городкѣ Сильвербриджѣ, то она просила мужа, чтобы онъ выставилъ Лопеса своимъ кандидатомъ на эти выборы. Не могло быть малѣйшаго сомнѣнія, что торговцы, которые всѣ зависѣли отъ герцога, выберутъ его кандидатомъ.

— Вамъ требуются люди новые, свѣжіе, вамъ надо новой крови, — убѣждала она. — Повѣрьте мнѣ и выдвиньте этого человѣка. Онъ не бѣднякъ, онъ не въ деньгахъ нуждается. — Такъ отзывалась она о Лопесѣ на основаніи его туалета, вѣроятно, и затѣмъ нѣсколькихъ словъ, которыми обмѣнялась съ нимъ на раутѣ.

— Кора, — сказалъ герцогъ, — у васъ всѣ гуси — лебеди.

— Вотъ что̀ называется быть несправедливымъ. Еще ни разу я вамъ не представила гуся. Всѣ мои лебеди были настоящіе лебеди — и она сослалась ему на примѣры.

— Да, главное, — продолжалъ онъ, — не въ моей власти избрать члена палаты за Сильвербриджъ. — Тогда она взглянула на него такъ, что даже онъ едва не разгнѣвался. — Вы не совсѣмъ ясно понимаете эти вещи, — сказалъ герцогъ далѣе. — То вліяніе, которымъ пользовались въ мѣстечкахъ крупные землевладѣльцы, съ каждымъ днемъ падаетъ, и представляется вопросъ, можетъ ли нынѣ человѣкъ добросовѣстный пользоваться въ этихъ случаяхъ той долей вліянія, какое еще сохранилось.

— Неужели вамъ будетъ пріятно, если представитель вашего Сильвербриджа (старшій мальчикъ герцога даже носитъ титулъ: лордъ Сильвербриджъ) будетъ въ оппозиціи противъ вашего кабинета? О какой тутъ иной добросовѣстности можетъ быть рѣчь?

Вѣдь, Лопесъ—человѣкъ совершенно посторонній, вы избрали бы его просто по его личнымъ качествамъ.

— Наконецъ, я совсѣмъ не знаю личныхъ качествъ г. Лопеса,—сказалъ еще герцогъ.

— За нихъ я поручаюсь вамъ,—произнесла герцогиня. Мужъ ея разсмѣялся и ушелъ. Но герцогиня, при первой же встрѣчѣ, сообщила уже свой проектъ самому Лопесу. Тотъ былъ въ восхищеніи и разсказалъ ей о предстоящей своей женитьбѣ на дочери очень извѣстнаго человѣка, судьи, члена хорошей фамиліи. Любовный романъ окончательно увлекъ герцогиню на сторону Лопеса.

Премьеръ видѣлъ себя какъ-бы чужимъ въ собственной своей гостиной и за собственнымъ своимъ столомъ. Такая вѣчно была масса народу незнакомаго, лишняго, противнаго герцогу, потому что онъ зналъ, что большинство его явилось изъ разсчета, что ни одна фраза не говорится даромъ, что всѣ обращенные къ нему взгляды, улыбки и фразы имѣютъ смыслъ особый, скрытый, означаютъ не то, чѣмъ кажутся; что за всѣмъ этимъ кроется желаніе влѣзть къ нему въ душу, произвесть эффектъ, подѣйствовать на него такъ или иначе и потомъ пріобрѣсть чтó-нибудь; все равно чтó, но непремѣнно пріобрѣсть. Онъ чувствовалъ себя постоянно такъ, какъ будто на него насѣла масса паразитовъ, и онъ живетъ не для страны и не для семейства,—наконецъ, не для себя, а для нихъ.

Были, конечно, люди и иного рода. Была, напримѣръ, пожилая дѣвица, леди Розина де-Курси. Ей нѣчего было домогаться, и все міровоззрѣніе ея было искреннее; оно заключалось въ томъ, чтобы все дѣлать въ назначенный часъ. Разговоръ ея былъ не блестящъ, но на немъ можно было отвесть душу, потому что въ немъ всѣ слова имѣли только то значеніе, какое имѣютъ въ лексиконѣ. Ей было лѣтъ пятьдесятъ, но главная прелесть ея заключалась въ томъ, что она совершенно игнорировала въ герцогѣ перваго министра, никогда даже намека не дѣлала на политическія дѣлà, между тѣмъ какъ герцогъ не могъ ступить шагу, чтобы кто-либо или не попросилъ у него чего-нибудь, или не подалъ ему какого-либо совѣта, чтó даже со стороны сотоварищей-министровъ всегда раздражало герцога, такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ нескромность.

Примѣръ: леди Розина, встрѣтивъ герцога утромъ въ паркѣ, продолжаетъ съ нимъ свою, заранѣе опредѣленную прогулку, хотя аллеи покрыты только-что выпавшимъ осеннимъ снѣгомъ.

— Погода васъ не устрашаетъ?—замѣтилъ герцогъ.

— Никогда, ваша свѣтлость. У меня всегда толстые сапоги и пробочныя подошвы.

— Отличное дѣло, пробочныя подошвы,—замѣтилъ герцогъ.

— Я, право, думаю,—объяснила она,—что не разъ онѣ мнѣ сохранили жизнь. У васъ въ Сильвербриджѣ есть человѣкъ, который ихъ дѣлаетъ. Его зовутъ Спрутъ. Ваша свѣтлость никогда ему не заказывали?

— Что-то не помню—отвѣчалъ первый министръ.

— Въ такомъ случаѣ попробуйте. Въ Лондонѣ, тамъ торговцы ставятъ цѣны какія хотятъ и все еще думаютъ, что мало. А отъ Спрута сапоги я вотъ ношу цѣлую зиму, и потомъ къ нимъ можно еще сдѣлать подметки; они выдерживаютъ. Вы, конечно, никогда не думаете о такихъ вещахъ?

— Я люблю, чтобы у меня ноги не промокали.

— А мнѣ приходится считать, сколько на нихъ идетъ.

Въ это время они встрѣтили одного изъ гостей, маіора Понтни, который давно тутъ прогуливался и теперь снялъ шляпу и раскланялся съ вѣжливостью бо́льшею, чѣмъ слѣдовало.

— Не знаю, какъ зовутъ этого джентльмена,—замѣтила лэди Розина.

— Кажется, его зовутъ маіоръ Понтни.

— Понтни? Есть фамилія Понтни въ Лейстерширѣ,—можетъ, онъ происходитъ отъ нихъ?—спросила пожилая дѣвица.

— Право, не знаю,—отвѣтилъ герцогъ,—откуда онъ происходитъ, да правду сказать, не интересуюсь и тѣмъ, куда онъ дѣнется впослѣдствіи.

Лэди Розина взглянула съ любопытствомъ на своего собесѣдника.

— Кажется, онъ изъ тѣхъ людей, которые проводятъ жизнь, ходя изъ салона въ салонъ и ничего не дѣлая.

— Вы же его пригласили?—спросила она.

— Нѣтъ, вѣроятно, жена.

— Вотъ странно, если она думаетъ, что—вы.

— Что́ дѣлать,—какъ-бы извинился герцогъ:—ей приходится принимать людей всякаго сорта.

— Да, конечно, когда у васъ бываетъ такъ много. Вотъ и мое время кончилось; завтра уже я ѣду, и на мое мѣсто прибудетъ другое лицо.

— Надѣюсь, лэди Розина, что вы не уѣдете; развѣ обѣщали быть гдѣ-нибудь. Мы вамъ очень рады...

— Герцогиня очень добра, но...

— Боюсь, что она не можетъ удѣлить достаточно своего

времени дѣйствительнымъ друзьямъ. Мнѣ ваше присутствіе здѣсь доставляетъ большое удовольствіе.

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ. Но мое назначенное время кончается, и я полагаю, герцогъ, что уйду. Я, видите ли, вообще методична и во всемъ слѣдую правиламъ. Вотъ, теперь я прошла свои двѣ мили и потому войду въ домъ. Если вамъ въ самомъ дѣлѣ нужны сапоги на пробочныхъ подошвахъ, вы, смотрите, обратитесь къ Спруту. Ахъ... вотъ этотъ маіоръ Понтни—опять; это ужъ въ пятый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы начали ходить сегодня.

Лэди Розина вошла въ домъ, а герцогъ повернулъ назадъ и шелъ, думая о своей собесѣдницѣ, а можетъ быть и о пробочныхъ подошвахъ. Понятно, что разговоры съ лэди Розиной не могли удовлетворять его умственныхъ потребностей. Но тѣмъ не менѣе она ему нравилась и никогда не была ему въ тягость. Она была натуральна и ничего отъ него не ждала. Когда она говорила о пробочныхъ подошвахъ, то разумѣла именно только пробочныя подошвы, и больше ничего. И притомъ, никогда она не наступала на многочисленныя его мозоли. Думая такъ, онъ сдѣлалъ еще поворотъ въ другую аллею и хотѣлъ идти домой, когда увидѣлъ маіора Понтни, ставшаго ему поперекъ дороги.

— Холодно вамъ, — произнесъ герцогъ, чувствуя себя обязаннымъ не пройти мимо гостя безмолвно.

— Даже очень холодно, ваша свѣтлость, очень.

Герцогъ хотѣлъ пройти мимо, но тотъ не двигался. Маіоръ ошибался въ характерѣ герцога; считалъ его застѣнчивымъ и подлежащимъ нѣкоторому насилію, посредствомъ постановки въ стѣсненное положеніе.

— Очень холодно, но до сихъ поръ погода была чудесная,— продолжалъ онъ. Потомъ, протянувъ руку въ направленіи зàмка, воскликнулъ съ паѳосомъ:—замѣчательное созданіе архитектуры!

— Домъ большой,—сказалъ герцогъ.

— Истинно благороднаго стиля зàмокъ; во всѣхъ трехъ королевствахъ едва ли есть болѣе величественный,—сказалъ маіоръ Понтни, и, видя, что собесѣдникъ его сдѣлалъ движеніе впередъ, онъ произнесъ поспѣшно: — кстати, у меня есть дѣло до вашей свѣтлости, если вашей свѣтлости угодно будетъ удѣлить мнѣ двѣ минуты. Я желаю служить государству.

— Вы ужъ служите,—прервалъ герцогъ.

— Да, я въ арміи; былъ въ Канадѣ при штабѣ и намѣренъ спеціально посвятить себя арміи, но—въ парламентѣ. У

меня есть просьба. Трудно пріискать такой округъ, въ которомъ можно бы имѣть вѣрные шансы избранія.—Герцогъ взглянулъ ему прямо въ глаза. Но майоръ не понялъ и ринулся впередъ, къ своей погибели.—«Мы всѣ знаемъ, что въ Сильвербриджѣ открывается вакансія. Могу увѣрить вашу свѣтлость, что если бы могло войти въ разсчеты вашей свѣтлости обратить благосклонное ваше расположеніе въ мою пользу, то вы нашли бы во мнѣ приверженца самаго вѣрнаго, и быть можетъ, не совершенно безполезнаго!» Мѣсто о «благосклонномъ расположеніи» было выучено наизусть и произнесено въ носъ. Маіоръ слѣдовалъ всю жизнь убѣжденію, что смѣлость города беретъ.—«Если бы я могъ почитать себя кандидатомъ вашей свѣтлости», заключилъ онъ, «я былъ бы истинно счастливъ».

— Я полагаю, сэръ, — отвѣчалъ ему герцогъ,—что ваше предложеніе — самое неприличное и дерзкое изъ всѣхъ, какія я когда-либо слышалъ.—У маіора опустились углы рта, а глаза онъ выпялилъ на министра.—Прощайте,—прибавилъ тотъ уходя. Маіоръ съ минуту простоялъ на мѣстѣ и, несмотря на холодъ, былъ весь въ поту. На моментъ даже ему было тяжко сознаніе, что «ну, пропалъ». Затѣмъ онъ утѣшилъ себя тѣмъ, что, во всякомъ случаѣ, герцогъ «его не съѣстъ» и пошелъ въ домъ, въ свою комнату.

Но для герцога этотъ, пустой повидимому случай, былъ болѣзненнымъ ударомъ. Дерзость этого человѣка унижала въ его глазахъ и герцогиню, и его самого. Человѣкъ, совершенно незнакомый, посмѣлъ обратиться къ нему открыто, какъ къ лорду, занимающемуся запугиваньемъ избирателей! Посмѣлъ ли бы когда-нибудь подобный человѣкъ обратиться такимъ образомъ къ одному изъ прежнихъ премьеровъ: къ лорду Броку, или лорду Де-Террьеру, или г. Мильдмею? Навѣрное, нѣтъ! Они умѣли внушать уваженіе къ себѣ личнымъ своимъ достоинствомъ. Онъ, значитъ, не умѣлъ. Да, наконецъ, развѣ къ его дядѣ, покойному герцогу Омніуму, осмѣлился бы кто-нибудь подступить такимъ образомъ? Едва-ли! И неудивительно, что къ нему, къ Плантадженету Паллизеру, подступить осмѣлился этотъ человѣкъ. Развѣ и онъ не приглашенъ сюда для того, чтобы быть «завоеваннымъ», «задобреннымъ» гостепріимствомъ Гленкоры. Вотъ онъ и указываетъ на средство задобрить себя.

Въ душѣ герцога была буря. Лучше бросить все, министерство и парламентъ, совсѣмъ укрыться въ частную жизнь, чѣмъ подвергаться наглости всякаго Понтни. Входя въ комнату жены, онъ увидѣлъ, что у нея г-жа Финнъ.

— Извините,—мрачно произнесъ онъ.

— Нисколько,—весело сказала герцогиня, сіяя воодушевленіемъ.—Я только-что говорила ей: я хочу, чтобы вы теперь же дали мнѣ обѣщаніе относительно выборовъ въ Сильвербриждѣ; говорите при ней, ничего. Я только-что получила письмо отъ г. Лопеса («въ перепискѣ съ Лопесомъ!» мелькнуло у него въ умѣ). Могу я обѣщать ему положительно вашу поддержку?

— Безъ сомнѣнія—нѣтъ,—сказалъ герцогъ, у котораго лицо на моментъ такъ исказилось гнѣвомъ, что самой женѣ его стало страшно.—Я хотѣлъ поговорить съ вами одной.

Г-жа Финнъ встала.—Не уходите, —сказала ей лэди Гленкора:—онъ будетъ браниться.—Но герцогъ подошелъ къ г-жѣ Финнъ и просилъ извинить его возбужденіе, оставить ихъ вдвоемъ на нѣсколько минутъ, и не обидѣться этой просьбой. Онъ не кончилъ своей фразы; голосъ его задрожалъ; онъ взялъ руку г-жи Финнъ и поднялъ ее къ своимъ губамъ. Конечно, она ушла.

— Ради неба, Плантадженетъ — спросила герцогиня: — чтó случилось?

— Кто—маіоръ Понтни? спросилъ онъ.

— Кто? Онъ—маіоръ Понтни; онъ бываетъ вездѣ.

— Не приглашайте его никогда въ мой домъ. Но это—мелочь. Прошу васъ, Гленкора, никогда болѣе не говорить мнѣ ни слова о выборахъ въ Сильвербриджѣ. Я не могу теперь объяснять вамъ, но я рѣшился ничего не знать объ этихъ выборахъ.

— Зачѣмъ же отказываться отъ своихъ преимуществъ? Вѣдь это слабость.

— Вмѣшательство пэра въ выборы общинъ незаконно.

— А чтó дѣлаетъ въ Бриксолѣ маркизъ Кромберъ?—энергически возражала лэди Гленкора:—а лордъ Ломлей—у него цѣлое графство въ карманѣ и два города! Пустяки, Плантадженетъ. Все законно или незаконно,—съ какой точки посмотришь.

— Очень хорошо, душа моя, пусть это пустяки. Но я прошу васъ вѣрить, что таково мое намѣреніе, и сообразоваться съ нимъ. И это еще не все. Мнѣ жаль отрывать васъ отъ удовольствій, но до тѣхъ поръ, пока я буду обремененъ этой должностью, я не хочу болѣе принимать гостей въ моемъ домѣ.

— Плантадженетъ!

— Выгнать ихъ нельзя же; но прошу васъ не дѣлать новыхъ приглашеній.

— Да вѣдь они сдѣланы! Мой другъ, вы нездоровы, должно быть.

— Да, нездоровъ—духомъ. Вновь не разсылайте никакихъ

приглашеній. Но будьте добры и попросите лэди Розину де-Курсй остаться здѣсь еще.—Герцогиня смотрѣла на него и ей думалось, что чтó-нибудь въ самомъ дѣлѣ—не такъ.—Все это оказалось полной неудачей—продолжалъ онъ—и унижаетъ меня. —Затѣмъ, не дождавшись ея слова, онъ ушелъ.

Но и этого ему было мало. Придя на свою половину, герцогъ написалъ маіору записку въ третьемъ лицѣ, прося его оставить Гэвромъ-Кэстль и предлагая ему свой экипажъ до Сильвербриджа. Маіоръ уѣхалъ, прислалъ отвѣтную записку, которую министръ бросилъ въ каминъ.

Между тѣмъ, Лопесъ былъ увѣренъ, что будетъ избранъ въ Сильвербриджѣ. Обѣщавъ ему это, лэди Гленкора не хотѣла совсѣмъ отречься отъ обѣщанія. Она написала ему только, что открытаго кандидата герцога не будетъ. Вскорѣ, главноуправляющій герцога прислалъ въ мѣстную газету письмо герцога къ себѣ въ такомъ смыслѣ, что герцогъ не намѣренъ поддерживать никого и проситъ избирателей подавать голоса исключительно по собственному ихъ убѣжденію. Ранѣе этого, лэди Глэнкора тѣмъ не менѣе замолвила два слова въ пользу Лопеса, лично отъ себя, вліятельнѣйшему избирателю — торговцу желѣзными издѣліями, Спруджену. Но письмо секретаря герцога, напечатанное въ газетѣ, убѣдило избирателей въ полной ихъ свободѣ. А Лопесъ, между тѣмъ, сильный обѣщаніемъ герцогини и содѣйствіемъ Спруджена, явился въ Сильвербриджъ и израсходовалъ изъ своихъ денегъ 500 фунтовъ на обычныя издержки. Только обходъ, то-есть визиты къ избирателямъ, вмѣстѣ съ кандидатомъ, убѣдили Спруджена, что на избраніе Лопеса нѣтъ надежды. Онъ совѣтовалъ ему удалиться. Но Лопесъ не хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что 500 фунтовъ для него была сумма огромная. Результатъ былъ тотъ, что онъ провалился.

Это было уже зимой, когда приближалась сессія. Первые ея мѣсяцы были похожи на прошлогодніе. Ничего блестящаго министерство не дѣлало, и казалось празднымъ. Но оппозиція созрѣвала внутри самого министерства или по крайней мѣрѣ внутри коалиціи. Сэръ Орландо Дроутъ непремѣнно хотѣлъ построить четыре новыхъ броненосца, на чтó требовались деньги. Вслѣдствіе того, онъ былъ убѣжденъ, что Англіи можетъ угрожать въ близкомъ будущемъ вторженіе изъ Германіи и Франціи, а Индія будетъ ими предана Россіи; что Канада будетъ присоединена къ Соединеннымъ Штатамъ, въ Ирландіи установится всемогущая католическая іерархія, а Мальта и Гибралтаръ будутъ отняты у Великобританіи. Чтобы устранить всѣ эти бѣдствія, совершенно

необходимо было построить четыре новыхъ броненосца. Это было несносной обузой для кабинета, особенно для премьера, котораго возмущала всякая недобросовѣстность. Но это было не все. Такъ какъ премьеръ и большинство въ кабинетѣ рѣшили не строить этихъ броненосцевъ, то сэръ Орландо Дроутъ не могъ уже затѣмъ никакъ понять, для чего г. Монку непремѣнно требовалось измѣненіе въ избирательномъ правѣ въ графствахъ. Онъ утверждалъ, что *его* партія, *его* приверженцы, соглашаясь поддерживать нынѣшнее правительство, никогда не думали соглашаться на такую, разрушительную для ихъ партіи, мѣру. Онъ объяснилъ даже, что если мысль г. Монка одержитъ верхъ въ кабинетѣ, онъ и его друзья должны будутъ удалиться.

Тогда молодой герцогъ просилъ совѣта у стараго герцога. Тотъ совѣтовалъ отсрочить избирательный проектъ и прибавилъ о самомъ сэръ Орландо Дроутѣ: «вы пустите ему веревку вольнѣе; когда конецъ въ его рукахъ будетъ достаточно длиненъ, онъ и самъ повѣсится. Если теперь поссоритесь, то съ нимъ уйдутъ и Дрёммондъ, и Рамсденъ, и Бисваксъ; тогда кабинетъ разстроится; но на слѣдующую сессію онъ самъ уединитъ себя, и вамъ легко будетъ отъ него отдѣлаться».

Но сэръ Орландо Дроутъ, воспользовавшись однимъ запросомъ въ палатѣ общинъ по вопросу объ избирательномъ правѣ, высказался о перемѣнѣ безусловно отрицательно и выдалъ свое личное мнѣніе, какъ будто это было мнѣніе кабинета. Премьеръ негодовалъ, видя въ этомъ ложь и новую недобросовѣстность. Онъ вмѣстѣ и разочаровывался въ людяхъ и въ дѣлахъ, и — страннымъ образомъ — втягивался во вкусъ самой власти.

Празднества у герцогини продолжались и въ Лондонѣ по прежнему, несмотря на описанную вспышку герцога. Но пользы отъ этого не было, и общее впечатлѣніе въ свѣтѣ было таково, что герцогиня «слишкомъ старается». Молодые люди даже стали привыкать называть ее, въ разговорахъ между собой, просто «Гленкорой», — такъ она хлопотала и заискивала. Наконецъ, старикъ Сентъ-Бонге попытался дружески повліять на нее, чтобы удержать ея пылъ. Но, конечно, ему неудалось ее переспорить. Между тѣмъ, она соображалась съ чувствами мужа только въ одномъ случаѣ, а именно — въ отношеніи сэра Орландо Дроута. Она перестала приглашать его обѣдать. Онъ имѣлъ неделикатность пожаловаться на это герцогу, сказавъ, что такое отсутствіе радушія между членами кабинета можетъ быть истолковано во вредъ кабинету. Осталось неизвѣстнымъ, что̀ отвѣтилъ ему герцогъ, котораго отъ этого навѣрное покоробило. Секретарю своему

Уорбёртону; онъ послѣ сказалъ: «надѣюсь, что я воленъ въ выборѣ своихъ гостей, хотя невольникъ во всемъ прочемъ». Уорбёртонъ намекнулъ герцогинѣ, что слѣдовало бы иногда звать сэра Орландо. Но безуспѣшно. Лэди Гленкора отвѣчала, что пусть герцогъ выразитъ ей свое желаніе; вѣдь онъ самъ — противъ системы «задобриванія».

Между тѣмъ разговоры о пріемахъ и обѣдахъ герцогини составляли главную часть бесѣдъ въ лондонскомъ свѣтѣ и, конечно, стало всѣми признаннымъ фактомъ, что жена перваго министра не пускаетъ къ себѣ въ домъ перваго лорда адмиралтейства. Даже въ «Народномъ Знамени», въ его статьяхъ, всегда совершенно враждебныхъ первому министру, дважды было упомянуто о неприличіи такой исключительности; тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію этого листка, одинъ сэръ Орландо Дроутъ и былъ способенъ править націею.

Сэръ Орландо, конечно, видѣлъ эти статьи и въ глубинѣ своей души сознавалъ, что вотъ, наконецъ, и въ средѣ журналистовъ явился человѣкъ дѣйствительно дѣльный. Къ несчастію, и герцогъ прочелъ тѣ статьи. Въ прежнее время, до премьерства, ему было достаточно двухъ газетъ; одной утренней и одной вечерней; но теперь онъ читалъ всѣ газеты, считалъ нужнымъ непремѣнно дойти до тѣхъ статей, гдѣ его ругали. И тогда онъ бывалъ глубоко уязвленъ ими. Никому на свѣтѣ онъ не признался бы въ томъ, что г. Слайдъ могъ заставить его страдать. Но тѣмъ не менѣе онъ страдалъ. Особенно возмущало его, конечно, трактованіе объ его женѣ и ея «великолѣпныхъ», «слишкомъ великолѣпныхъ» пріемахъ.

Въ свѣтѣ стало даже извѣстно и то, что сэръ Орландо Дроутъ жаловался герцогу на неприглашеніе себя къ обѣдамъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ жаловался даже дважды. Во второй разъ онъ замѣтилъ, что «въ такомъ отчужденіи какъ-бы скрываются сѣмена раздора». Но герцогъ отвѣтилъ только, что, кажется, «такихъ сѣменъ нѣтъ». Тогда сэръ Орландо высокомѣрно поклонился премьеру и уѣхалъ, поклявшись себѣ, что взорветъ коалицію.

Несогласіе его съ многими членами кабинета становилось все болѣе и болѣе очевидно; наконецъ, уже въ іюлѣ, онъ явился къ герцогу, въ оффиціальный его кабинетъ, и сообщилъ ему, что совѣсть побуждаетъ его отказаться отъ должности. Герцогъ поклонился и сказалъ нѣсколько словъ сожалѣнія. Затѣмъ, пославъ просьбу объ отставкѣ, сэръ Орландо счелъ нужнымъ за однимъ общественнымъ обѣдомъ разъяснить причины своего выхода изъ министерства, «членовъ котораго онъ вполнѣ уважаетъ», и, какъ

водится, отдѣлалъ ихъ, какъ только могъ, въ вѣжливыхъ словахъ. Но онъ былъ чувствительно наказанъ: министерство не рушилось отъ его выхода.

Когда наступили вновь парламентскія вакаціи, герцогъ не хотѣлъ и слышать о Гэвромъ-Кестлѣ. Всѣ убѣжденія жены остались тщетны, и герцогъ съ семействомъ переселился на этотъ разъ—въ Матчингъ. Такъ какъ на вопросъ жены, кого онъ желаетъ пригласить, онъ отвѣчалъ: «никого, кромѣ друзей»; и такъ какъ на вопросъ: «какихъ друзей?» онъ отвѣчалъ: «напримѣръ, лэди Розину де-Курси», то герцогиня вдругъ вздумала наказать его. Она, впрочемъ, и сама начинала уставать; дѣло ея не удавалось, вліяніе не пріобрѣталось, хотя удовольствіе блеска и кипучей дѣятельности, конечно, было.

Она не пригласила въ Матчингъ — никого, кромѣ лэди Розины де-Курси. «Пусть ухаживаетъ за ней», говорила она пріятельницѣ: «я не ревнива». Сама г-жа Финнъ не могла на первыхъ порахъ поѣхать въ Матчингъ, такъ какъ Финнъ былъ назначенъ на мѣсто сэръ Орланда первымъ лордомъ адмиралтейства, и, соблюдая обычай, отправился въ море, взявъ и ее съ собой.

Герцогъ, между тѣмъ, нисколько не смутился уединеніемъ Матчинга. Напротивъ, онъ былъ радъ отдохнуть, а къ подобнымъ капризамъ и шалостямъ жены, въ пику себѣ, онъ давно привыкъ. Онъ показывалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ. Но въ Матчингѣ его ожидалъ другой сюрпризъ. Онъ получилъ тамъ письмо отъ Лопеса съ просьбою и почти требованіемъ возвратить тѣ 500 фунтовъ, въ которые Лопесу обошлись неудачные выборы въ Сильвербриджѣ (хотя, сказать мимоходомъ, Лопесъ уже выманилъ равную сумму у своего тестя подъ тѣмъ же предлогомъ).

Послѣдовало объясненіе премьера съ женой, съ новыми упреками за ея вмѣшательство въ это дѣло вопреки его просьбамъ.

— Заплатите,—сказала она;—для васъ это ничего не значитъ.

— Да, если бы дѣло было только въ расходѣ. Но вѣдь это сдѣлается извѣстнымъ. Скажутъ, что я незаконно вліялъ на выборы, а потомъ далъ человѣку деньги, чтобы онъ молчалъ; это будетъ въ газетахъ. Объ этомъ можетъ быть даже запросъ въ палатѣ.

— И пусть,—равнодушно сказала она. — Пошлите деньги, а потомъ скажите всю правду; объясните, что недоразумѣніе произошло по моей винѣ. Мнѣ это все равно.

— Кора, вы этого не понимаете...

— Я ничего не понимаю.

— По крайней мѣрѣ не понимаете, что чувствуетъ человѣкъ въ отношеніяхъ свѣта къ его женѣ. Неужели вы думаете, что я въ состояніи обвинить васъ передъ кѣмъ-либо, хотя бы передъ другомъ?

Онъ однако послалъ деньги, при письмѣ отъ секретаря. Тогда вскорѣ начался новый походъ на него со стороны «Народнаго Знамени». Сперва появлялись статейки съ требованіемъ разъясненія: «кѣмъ были уплачены избирательные расходы г. Лопеса въ Сильвербриджѣ? Если г. Лопесъ увѣритъ насъ, что имъ самимъ, мы вполнѣ удовольствуемся». Потомъ явился прямой намекъ на перваго министра. Наконецъ, явилось самое письмо секретаря герцога, и за нимъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ съ благороднымъ негодованіемъ доказывалось, что пэръ, нарушившій конституцію посредствомъ попытки подтасовки выборовъ въ палату общинъ, недостоинъ, не можетъ быть долѣе первымъ министромъ Великобританіи.

Герцогъ читалъ все это — и страдалъ, глубоко страдалъ. Но и друзья его всполошились. Старый герцогъ Сентъ-Бонге, въ послѣднее время, сильно безпокоился о своемъ молодомъ другѣ и даже начиналъ раскаяваться, что рекомендовалъ государственнаго человѣка съ столь щекотливой кожею, очевидно слишкомъ чувствительною для должности перваго министра. По мнѣнію старика, можно быть добросовѣстнымъ, но слѣдуетъ быть мужественнымъ. Но кѣмъ же замѣнить его? Г. Грешэмъ — не хочетъ. Г. Добени? Но вѣдь цѣлью всей жизни стараго герцога доселѣ по-видимому было — не допускать г. Добени въ управленіе страною или изгонять его изъ управленія ею. «Не слѣдовало бы людямъ быть изъ севрскаго фарфора, но изъ добраго кремнезема», думалъ онъ.

Парламентская сессія открылась въ половинѣ февраля и вскорѣ, по совѣту г. Монка, одинъ изъ приверженцевъ кабинета выступилъ съ запросомъ объ издержкахъ при выборахъ въ Сильверbegриджѣ, чтобы устранить запросъ изъ враждебнаго лагеря. Палата въ засѣданіе, назначенное для запроса, была биткомъ набита. Отвѣчалъ на запросъ г. Финнъ, и отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ, что Лопесъ могъ быть введенъ въ заблужденіе ошибочными отзывами подчиненныхъ герцогу лицъ, и потому герцогъ, какъ частный человѣкъ, счелъ себя обязаннымъ вознаградить его за ошибку, несмотря на несерьёзность и нравственное неприличіе требованія Лопеса. Никто не говорилъ за рѣчью Финна, и дѣло было кончено.

Прошло еще полгода. Наступили новыя осеннія вакаціи, а

министерство коалиціи въ сущности ничего не сдѣлало доселѣ. Необходимо было приготовить къ слѣдующей сессіи значительную мѣру. Такою мѣрой могло быть только расширеніе избирательства въ графствахъ наравнѣ или почти наравнѣ съ городскимъ. Оно давно было обѣщано министерствомъ, правда, неопредѣленно. Но неопредѣленныя обѣщанія все-таки положительны въ томъ смыслѣ, что влекутъ за собой обѣщанія опредѣленныя. Герцогъ Сентъ-Бонге долго былъ за отсрочку этого дѣла, но г. Монкъ настаивалъ, и его поддерживалъ Финнъ. Премьеръ самъ наконецъ убѣдился, что такъ какъ необходимо было сдѣлать нѣчто, то нельзя было далѣе откладывать мѣры, которая, по личному его убѣжденію, должна была принесть пользу странѣ. Замѣчательно, что старый герцогъ также присоединился къ этому мнѣнію. Онъ все-таки былъ либералъ и долженъ былъ поддерживать реформы; но ему больно было видѣть, какъ одно за другимъ исчезали тѣ учрежденія, въ которыхъ онъ лично признавалъ опоры общества. Ему оставалось только желаніе и самому отправиться въ вѣчность, чтобы не видѣть окончательнаго уничтоженія прежней Англіи.

Итакъ, герцогъ провелъ вакаціи тихо, въ Матчингѣ, съ семействомъ и гг. Монкомъ и Финномъ, а также другими помощниками, выработывая полный проектъ избирательной реформы для графствъ, съ опредѣленіемъ новаго ценза и новымъ распредѣленіемъ парламентскихъ мѣстъ. Но всѣ они дѣлали это съ увѣренностью, смутно сознавая, что правленіе Аристида успѣло уже наскучить.

Уже передъ вторымъ чтеніемъ билля было ясно, что онъ не пройдетъ. Лордъ Дрёммондъ, лордъ Рамсденъ и сэръ Тимоти Бисваксъ, прежде не воспротивившіеся внесенію билля, увидѣвъ расположеніе палаты, вдругъ открыли въ немъ нѣкоторыя статьи, несогласныя съ ихъ убѣжденіями и готовы были подать въ отставку. Оба герцога собрались обсудить вопросъ — не слѣдуетъ ли отложить второе чтеніе? Они признали это напраснымъ. Что касается измѣненій, требуемыхъ названными тремя министрами, то вопросъ ставился такъ: кѣмъ пожертвовать—этими ли, невѣрными союзниками, или г. Монкомъ, который былъ почти душой кабинета. Разумѣется, они рѣшили держаться Монка. Но герцогъ Сентъ-Бонге былъ увѣренъ въ пораженіи.

— Что касается меня,—замѣтилъ онъ,—я нисколько не пожалѣю, если намъ представится случай удалиться. Мы все-таки сдѣлали свое дѣло; страна имѣла правительство, которое иначе не могло состояться. Теперь, я думаю, нашлось бы опять въ па-

латѣ большинство для г. Грешэма или г. Монка, который могъ бы стать предводителемъ либеральной партіи, и я увѣренъ, что это было бы хорошо для страны.

— Отчего же вамъ не удержать бы за собою президентство въ совѣтѣ?

— Нѣтъ, я бы не могъ; — по крайней мѣрѣ — не теперь, вѣроятно—никогда. Но вы—вы въ цвѣтѣ лѣтъ.

Премьеръ нахмурилъ брови, и мрачная тѣнь скользнула по его лицу.

— Не думаю, чтобы я могъ сдѣлать это,—сказалъ онъ.— Цезарь не хотѣлъ бы командовать однимъ изъ легіоновъ Помпея.

— А между тѣмъ, такіе примѣры были—и съ выгодою для страны. Я лично нисколько не пожалѣю, если намъ придется удалиться,—повторилъ старикъ.

— Но вѣдь это—первая важная мѣра, съ которой мы выступили.

— Другъ мой, нашимъ назначеніемъ вовсе и не было провести важныя мѣры. Припомните, много ли важныхъ мѣръ было проведено Питтомъ,—но онъ провелъ благополучно свою страну чрезъ опаснѣйшій кризисъ.

— Чтó же нами сдѣлано?

— Благополучно управляли страною три года. Развѣ этого мало? Мы сдѣлали то, чего отъ пасъ ожидали парламентъ и страна.

Премьеръ за послѣднее время замѣтно постарѣлъ. Онъ былъ худъ, а въ рѣдкихъ волосахъ его стало гораздо замѣтнѣе сѣдина. Онъ постоянно былъ недоволенъ всѣмъ и собою. Такъ и теперь: онъ былъ недоволенъ своей ссылкой на Цезаря, которая казалась ему притязательной и неумѣстной. Конечно, въ данномъ случаѣ, Цезарь былъ малъ; но вѣдь и Помпей былъ не великъ. Сравненіе все-таки было вѣрно. По крайней мѣрѣ, онъ чувствовалъ, что кто бы ни сдѣлался Помпеемъ, онъ, маленькій Цезарь, никогда не будетъ въ состояніи вести легіонъ.

Судьба билля, однако, осталась нерѣшенной въ день, назначенный для второго чтенія. Пренія затянулись, и поздно ночью были отсрочены до завтра. На другой день, не позже полуночи, пренія окончились безъ особеннаго успѣха для которой бы то ни было стороны, и исхода нельзя было даже въ тотъ моментъ предвидѣть съ точностью. Голосованіе происходило по поправкѣ, внесенной сэромъ Орландо Дроутомъ и направленной противъ важной части билля. Результатомъ голосованія было, что по-

правка эта была отвергнута, но большинствомъ всего девяти голосовъ.

Съ такимъ большинствомъ по вопросу о существованіи кабинета онъ существовать долѣе не могъ. Министры подали въ отставку. Составленіе новаго кабинета было поручено г. Грешэму; онъ предложилъ герцогу Омніуму президентство въ совѣтѣ, или должность хранителя печати, или что̀ тотъ захочетъ взять. Но герцогъ былъ непоколебимъ.

— Жаль,—сказалъ г. Грешэмъ, когда онъ уѣхалъ.

— Нѣтъ человѣка,—замѣтилъ лордъ Кэнтрипъ,—котораго бы болѣе чѣмъ его уважали тѣ, которые его близко знаютъ.

Возвратясь домой, герцогъ вошелъ къ женѣ. — Теперь рѣшено,—сказалъ онъ ей.—Г. Грешэмъ—первый министръ.

— И напрасно,—сердито отвѣчала герцогиня.

— Напротивъ, онъ имѣетъ наиболѣе правъ.

— А вы?

— Я—частный человѣкъ, и могу теперь удѣлять болѣе времени женѣ и дѣтямъ, чѣмъ могъ когда-либо доселѣ.

— Какъ мило! И вы довольны?

— Долженъ бы быть доволенъ. Но для меня теперь важнѣе знать, довольны ли вы, Кора?

— Если вы меня спрашиваете, Плантадженетъ, то вѣдь вы знаете, что я скажу правду.

— И скажите.

— Человѣку, который долго пилъ коньякъ, едва ли понравится красное вино по шиллингу бутылка. На мой желудокъ оно слабо. Вы спрашиваете правду, и вотъ вамъ правда, голая правда.

— Совсѣмъ голая.

— Вы же хотѣли знать.

— И хорошо сдѣлали, что сказали, хотя несовсѣмъ пріятно слышать. Впрочемъ, тому, кто слишкомъ много пилъ коньяку, можетъ быть даже полезно вино по шиллингу бутылка.

— Я думаю о васъ больше чѣмъ о себѣ. Я способна, по крайней мѣрѣ, дѣлать разныя непріятности кому попало, и этимъ путемъ добыть себѣ нѣкоторое возбужденіе. Но что̀ станете дѣлать вы? Вы говорите о мнѣ и дѣтяхъ; это все такъ. Но что̀ же вамъ придумывать для насъ? Реформу для насъ вы придумать не можете. Десятичной системы мѣръ и вѣсовъ и монеты вы намъ не дадите. Усилить наше потребленіе уменьшеніемъ нашихъ налоговъ вы не въ состояніи. Напрасно вы не пошли въ какое-нибудь вѣдомство.—А между тѣмъ она любила

его, по-своему. Она даже признавалась своей подругѣ, что «онъ—совершенство, нѣкій богъ; только бѣда, что я—не богиня. Впрочемъ, онъ — богъ сухой, дѣловой и иногда сердитый. Я предпочла бы грѣшника; но грѣшникъ, о которомъ я мечтала въ молодости, былъ совершенный негодяй». А герцогъ былъ все-таки счастливъ съ нею, хотя она его мучила. Осенью, въ Матчингѣ, Монкъ уговаривалъ герцога принять какое-нибудь мѣсто при первомъ преобразованіи въ кабинетѣ, какія всегда болѣе или менѣе предвидятся. И герцогъ на этотъ разъ не отвѣчалъ безусловнымъ отказомъ. Онъ только теперь бы не желалъ.

— Во главѣ правительства я никогда не стану—сказалъ онъ;— но постараюсь думать о такомъ времени, когда буду въ состояніи принять болѣе скромную роль и быть полезнымъ по моимъ способностямъ.

Л. А—въ.



ЧЕРНИЦЫ

Бытовой очеркъ.

У насъ есть цѣлый классъ женщинъ, пріютившійся въ провинціи, но столичнымъ жителямъ знакомый развѣ по слухамъ, и то довольно смутнымъ и неопредѣленнымъ. Это — «черницы» или «чернички»; ни у великороссовъ, ни у малороссовъ, — напримѣръ, въ воронежской губерніи, — подъ этимъ именемъ вовсе не разумѣютъ обитательницъ монастырей, монахинь. Черница — та же міранка, въ мірѣ живущая, но, такъ сказать, не-оффиціально посвятившая себя служенію Богу. Объ этомъ особомъ классѣ я и намѣренъ разсказать что знаю; этотъ классъ выработанъ самостоятельно нашею народною жизнью и ея бытовыми условіями. Мужской полъ имѣетъ тоже подобныхъ представителей въ лицѣ разнаго рода странниковъ, каликъ перехожихъ; о нихъ не мало было говорено въ нашей литературѣ, но о черницахъ сказано до сихъ поръ немного, — почти ничего. Я помню всего одну повѣсть, помѣщенную въ «Воронежской Бесѣдѣ» 1862 года, подъ заглавіемъ «Черница». Въ «Кобзарѣ» Шевченки есть недоконченная поэма «Черница». Судя по замѣчанію къ этой поэмѣ въ изданіи «Кобзаря», видно, что поэма была писана въ харьковской губерніи. Я думаю, что сюжетомъ этой поэмы была именно черница-міранка, а не монахиня: въ харьковской губерніи Шевченко могъ встрѣчать черницъ. Въ «Запискахъ семинариста», Никитина только вскользь помянуты чернички. Я не имѣлъ возможности прослѣдить, насколько это состояніе — черницы — далеко распространяется на сѣверъ отъ воронежской губерніи, и насколько типъ этотъ своебытенъ у великоруссовъ и не заимствованъ ли онъ ими отъ малоруссовъ. У

великоруссовъ этотъ типъ существуетъ. Если предположить, что расколъ великорусскій создалъ этотъ типъ, то тогда придется согласиться съ тѣмъ, что это состояніе впервые явилось у великоруссовъ, и въ слободской Украйнѣ заимствовано отъ нихъ малоруссами. Говорятъ, на востокѣ, по Волгѣ, чернички называются *келейницами*, и тамъ ихъ до того много, что они образуютъ цѣлые женскіе скиты, которые такъ подробно описаны г. Мельниковымъ въ его «За Волгой» и «Въ лѣсахъ». Но я ограничусь тѣмъ типомъ, который мнѣ лично знакомъ на югѣ, и который, если не ошибаюсь, не былъ наблюдаемъ въ литературѣ.

Источникомъ происхожденія черницъ въ простонародьѣ служитъ вопросъ, интересующій и общество: «что дѣлать дѣвушкѣ, если ей не удалось выдти замужъ?» «Стае черничить»—говорятъ у насъ въ крестьянскомъ и мѣщанскомъ быту о дѣвушкѣ, которая по какимъ-нибудь обстоятельствамъ не нашла себѣ мужа. На это бываетъ много причинъ: физическій недостатокъ; иной пришлось «спотвнуться» въ жизни и страхъ беретъ разсчитываться съ требовательнымъ женихомъ; ославилась чѣмъ-либо дѣвка—женихи обманули, лѣта прошли; а иногда какая-нибудь родственница-черница увлечетъ дѣвушку разсказами о счастливой жизни черницъ—и вотъ, новая черница готова. Я знаю такой случай, что самъ отецъ, «уподобавшій себѣ» жизнь сестры своей черницы, уговорилъ дочь не выходить замужъ, а идти черничить: кстати, молъ, и руководительница есть — родная тётка. «Кто ее знаетъ, что бы ей и дѣлать! ужъ мы лечили, лечили ее, ко всякимъ докторамъ подавались, ничего не помогаетъ; надумались вотъ это учить грамотѣ—пускай идетъ въ черницы—хоть Богу будетъ на славу, да и себѣ на пожитокъ»—такъ говорила мнѣ одна старая женщина про свою болящую дочь. Случается еще, что вдовы, невышедшія замужъ вторично, тоже черничатъ. «Покидячки», т.-е. покинутыя мужьями (у малоруссовъ) втягиваются также при случаѣ въ эту жизнь.

Въ большинствѣ случаевъ дѣвушки, идущія въ черницы, пользуются правами идущихъ замужъ, а именно правомъ выдѣла имъ принадлежащаго на ихъ долю семейнаго имущества, хотя бы въ размѣрѣ предполагаемаго приданаго, выходятъ изъ семьи и заживаютъ особнякомъ. Впрочемъ, рѣдко такія живутъ одиноко. Если у отдѣляющейся имѣется достаточно средствъ, то она, купивъ или построивъ себѣ (келью) домъ, непремѣнно принимаетъ къ себѣ одну или двухъ, обыкновенно молодыхъ, черничекъ, въ качествѣ учепицъ своего мастерства или грамотности. Неимѣющія достаточно средствъ на постройку или

покупку кельи, складываются вдвоемъ, втроемъ, и на общія средства устраиваются. Тогда является у нихъ своего рода артель, въ которой равноправность членовъ и главенство одного изъ нихъ обусловливается количествомъ вносимаго въ артель денежнаго или издѣльнаго пая. Понятно, что болѣе умѣлая или больше имѣющая руководить въ артели. Даже живя въ семьѣ, черницы имѣютъ свое отдѣленное имъ разъ навсегда имущество, и сами имъ, независимо отъ другихъ членовъ, распоряжаются. Въ этомъ случаѣ равноправность ихъ съ прочими членами семьи устанавливается обыкновенно родителями, одинаково жалѣющими невышедшую замужъ дочь, а по смерти родителей независимость этого положенія зависитъ оттого, какъ съумѣетъ черница поставить себя къ остальнымъ членамъ семьи. Обладающая, въ большинствѣ случаевъ, выдѣленнымъ ей имуществомъ въ видѣ денегъ, хотя бы и небольшихъ, ссуживая въ нуждѣ брата-домохозяина, завоевываетъ себѣ положеніе нужнаго человѣка, и живетъ на харчахъ у семьи, отчасти только пособляя въ работахъ, скорѣе по доброй волѣ, чѣмъ по долгу. Постояннымъ работникомъ въ семьѣ ей не дозволяетъ быть ея занятіе набожностію. Развѣ только какая-нибудь скудоумная, калѣка, остается весь свой вѣкъ въ подчиненномъ, зависимомъ положеніи въ семьѣ.

Живя отдѣльно, или въ семьѣ, черницы добываютъ себѣ средства къ жизни разными женскими работами: шитьемъ, вязаньемъ, тканьемъ холстовъ, сукна, поясовъ и ковровъ, вышиваньемъ рушниковъ, очипковъ и кокошниковъ, выдѣлываніемъ цвѣтовъ, оклейкой иконъ въ рамы съ украшеніемъ фольгою. Это все работы ручныя. Кромѣ этого, у нихъ есть еще заработки въ моленіяхъ и грамотности. Между черницами очень много грамотныхъ; это даже какъ-бы вмѣняется въ непремѣнное условіе черницы. Грамотность, впрочемъ, ограничивается умѣньемъ, часто чуть не наизусть, читать церковныя книги, особенно часословъ, псалтырь и разнаго рода акаѳисты, рѣдко евангеліе, и почти никогда библію. Случается, что черница, сдѣлавшаяся извѣстною своею грамотностію при ученіи своихъ же черницъ, въ селѣ, гдѣ нѣтъ учителя, учитъ дѣтей. Ученіе это идетъ по весьма старой методѣ и ограничивается только чтеніемъ тѣхъ же книгъ, но безъ письма, такъ какъ черницы очень рѣдко умѣютъ сами писать. Отдавшись на служеніе Богу, черницы часто хорошо знаютъ обиходъ церковный, и знаніе это эксплуатируютъ такимъ образомъ: ихъ часто приглашаютъ читать надъ покойниками, разумѣется, за плату, а такимъ черницамъ, про которыхъ знаютъ, что онѣ набожны и богомольствуютъ, заказываютъ со-

рокоусты, а иногда и годовое поминовеніе. Читаетъ, вотъ, черница надъ покойникомъ (обыкновенно не одна—двѣ, три, перемѣняясь), всѣ это видятъ. Она такая чистенькая, опрятная, такъ это «истово» читаетъ и крестится, далеко не такъ, какъ полупьяный дьячокъ—и нюхающій, и курящій. Всѣмъ это видно. Одна читаетъ, а другія ея товарки помогаютъ при стряпнѣ и уборкѣ—дѣло подходящее всякому—не дай Богъ, покойникъ въ домѣ случится. Видятъ далѣе, что черницамъ заказываютъ сорокоустъ за покойника,—ну, тутъ и своихъ родственниковъ вспомнишь, да кстати и припишешься къ заказанному уже сорокоусту; не много тамъ, ну, рубль-два дашь—а оно имъ и подмога.

Кромѣ этихъ заработковъ черницамъ случается кое-что получить харчемъ за помощь въ стряпнѣ и приготовленіяхъ, по поводу какихъ-либо домашнихъ торжествъ въ домахъ родичей и знакомыхъ. Тутъ черница весьма кстати, такъ какъ она, не занятая никакими обязательными у себя въ кельѣ работами, какъ это бываетъ съ другими женщинами—хозяйками, женами, матерями въ семьяхъ—всегда свободна и готова къ услугамъ. Притомъ же черницы, занимающіяся этимъ, опытны по части стряпни и распорядка: онѣ съумѣютъ и приготовить, и подать, и присмотрѣть за посудой, чтобъ была цѣла и чтобъ отдать, у кого занимали изъ сосѣдей. Она и досмотритъ, и не украдетъ: ей можно все это довѣрить. Нерѣдко можно видѣть черницъ, исполняющихъ роль сидѣлокъ при больномъ: пожить въ домѣ на время отъѣзда куда-либо хозяевъ, наблюсти по хозяйству, присмотрѣть за дѣтьми—все это дѣло черницъ.

Я исчислилъ почти всѣ извѣстныя мнѣ занятія черницъ, какъ онѣ добываютъ себѣ хлѣбъ-насущный. Не упомянулъ я только объ одномъ: черницы занимаются ворожбою, но это не есть исключительное ихъ занятіе; точно также по селамъ, гдѣ нѣтъ трактировъ, черницы иногда заработываютъ, торгуя чаемъ, т.-е. по заказу ставятъ самоваръ и угощаютъ заказывателей. Бываетъ также, что черницы, имѣя довольно обширное помѣщеніе, пускаютъ жильцовъ. Таковы, напримѣръ, случаи, когда пріѣзжаютъ въ село позолотчики, иконостасчики, при перестройкѣ и постройкѣ церквей. Впрочемъ, хорошія черницы жильцовъ къ себѣ въ домъ, и даже компанію, желающую напиться чайку, не пустятъ. Дѣлаютъ это только черничащія на половину. Знаю два случая, что черницы (въ обоихъ случаяхъ три сестры) содержали постоялый дворъ. Но «это ужъ такія и черницы—это только грѣхъ! Какъ тамъ ужъ безъ грѣха?!»—говорятъ о нихъ прочія. Наконецъ, есть черницы изъ вдовыхъ и сиротствующихъ

женщинъ духовнаго состоянія, которымъ епархіальное начальство даетъ въ извѣстномъ размѣрѣ (весьма маломъ, впрочемъ) вспомоществованіе денежное отъ прихода, или поручаетъ печеніе просфоръ.

Идеалъ черническій состоитъ въ слѣдующемъ: черница должна быть цѣломудренна (если дѣвушка, то дѣвственна), должна быть набожна, воздержна въ пищѣ, осмотрительна въ словахъ и поступкахъ, грамотна и свѣдуща въ церковномъ обиходѣ,—вообще должна быть «кротка, яко голубь, а мудра аки змій». Насколько удается имъ, въ борьбѣ съ окружающею обстановкою, достигать идеала,—это мы увидимъ дальше.

Черницы—по обязанности набожны, блюдутъ посты и праздники, усердно посѣщаютъ церкви, не преминутъ побывать по сосѣдству на храмовыхъ праздникахъ. Войдя въ любую церковь, переступивъ порогъ, оглянитесь на-право и на-лѣво—непремѣнно увидите много черницъ, такъ рѣзко выдѣляющихся своими темными платками среди пестрыхъ костюмовъ бабъ и дѣвокъ. Окончилось въ церкви служеніе,—выходитъ народъ, и въ концѣ цѣлой толпы, за всѣми, идутъ черницы, какъ-то медленно, не спѣша. Народъ уже прошелъ, а черницы все-еще стоятъ—и разговариваютъ между собой. Моленіе ихъ не ограничивается церковью: они молятся у себя на дому, въ своихъ кельяхъ по заказу. Есть такія, что и безъ заказа совершаютъ усердное моленіе независимо отъ церковнаго. Такихъ немного. Про нихъ народъ говоритъ, что онѣ *спасаются*. Я видѣлъ въ одной кельѣ за перегородкой что-то въ родѣ аналоя, зажженныя передъ образами лампадки и свѣчи, а черничка истово читаетъ, крестится и кладетъ поклоны. Это былъ сорокоустъ по заказу. Черница вообще въ жизни своей старается подражать монахинямъ, и Богъ у нея поминается на всякомъ мѣстѣ. Привѣтствіе черничекъ: «Господи, Іисусе Христе, помилуй насъ!»—«Христосъ посреди насъ!»—и на каждомъ шагу: «Спаси Господи!»

Кромѣ церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній, черницы любятъ распѣвать на свободѣ разнаго рода гимны. Такъ, у нихъ можно услышать много пѣсней Сковороды. Это все называется *пѣть псальмы*. Нерѣдко можно встрѣтить у черницъ, кромѣ церковныхъ книгъ, и книги гражданской печати,—это бо́льшею частью книги душеспасительнаго содержанія, или брошюрованныя житія святыхъ. Такія книги читаютъ черницы уже болѣе грамотныя и нерѣдко задаются толкованіемъ читаннаго, примѣненіемъ словъ прочитанныхѣ къ жизни окружающей. У такой черницы является извѣстнаго рода ораторское искуство, и слова свои она не-разъ

сопровождаетъ слезами. Дать черничкѣ переписанную церковными буквами «псальму»—это значитъ чуть не на цѣлый вѣкъ расположить ее къ себѣ. При разныхъ торжественныхъ случаяхъ черницы нерѣдко всенародно поютъ разные гимны. Я знаю въ одной слободѣ весьма недурной хоръ пѣвчихъ, подъ режиссерствомъ вдоваго діакона, въ которомъ тонкія голоса поютъ мѣстныя черницы. Въ одной слободѣ пришлось получить съ почты, присланную съ Аѳона въ одну изъ церквей, икону цѣлителя Пантелеймона, на кипарисной доскѣ, писанную греческой живописью. Получилъ эту икону церковный староста. Черницы заблагоразсудили встрѣтить эту икону *подобающимъ* образомъ. Отправились къ почтѣ, приняли икону съ рукъ старосты и несли ее съ пѣніемъ *подобающихъ* кантовъ. Народъ, встрѣчаясь, крестился и прикладывался, хотя икона еще не была освящена. Впрочемъ, одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, встрѣтивъ случайно эту процессію, разогналъ черницъ.

Другой разъ помню, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такой случай. Въ одномъ селѣ на р. Битюгѣ проявилось чудо — *лозина* (верба) *встала*. У мужика на левадѣ, надъ самымъ протекающимъ тамъ ручьемъ, росла верба. Вода подмыла корень вербы и вѣтеръ свалилъ ее. Но, тѣмъ не менѣе, верба, питаемая отчасти соками набившагося между корнями огромнаго кома земли, не переставала прозябать—разумѣется, не въ такой уже, какъ прежде, степени, но все-таки жива была. По недостаточности соковъ верхъ дерева усыхалъ, боковыя же вѣтви своимъ чередомъ увеличивались въ объемѣ, а слѣдовательно, и въ силѣ своей упругости. Такимъ образомъ, тяжесть лежащей вершины все уменьшалась и уменьшалась отъ усыханья, а тяжесть корней, питаемыхъ въ нижней ихъ части омывающею ихъ водою, увеличивалась. Упирающія въ землю боковыя вѣтви при своемъ развитіи, очевидно, все больше и больше поднимали стволъ дерева. Само собою пришло время, когда центръ тяжести перешелъ окончательно въ комъ земли при корнѣ, и верба должна была «встать». Такъ случилось и тутъ. Хозяинъ вербы, говорятъ, хотѣлъ передъ вешнимъ Николой (9 мая) срубить эту вербу; но почему-то раздумалъ—«*Богъ*, говорили, *не допустилъ*»,—а на утро онъ увидѣлъ вербу уже въ перпендикулярномъ положеніи. Узнали объ этомъ въ селѣ, и чернички сейчасъ же признали тутъ чудо. Сталъ народъ стекаться и молиться. Живя въ сосѣднемъ селѣ, я увидалъ утромъ въ воскресный день цѣлыя вереницы русскихъ бабъ и дѣвокъ, тянувшихся по непонятному для меня направленію. Изъ разспросовъ оказалось, что это идутъ *ко вставшей ло-*

зии. Наканунѣ того дня, въ томъ селѣ, гдѣ находилась *лозина*, былъ большой пожаръ. Я успѣлъ подговорить нѣсколькихъ знакомыхъ, и мы послѣ обѣда поѣхали посмотрѣть вчерашній пожаръ и «вставшую» вербу, и не пожалѣли, что поѣхали: картина, какую пришлось увидѣть, была оригинальна. По зеленому лугу протекаетъ быстрая узкая рѣченка, отѣненная кое-гдѣ высокими вербами. На этомъ фонѣ пестрѣла толпа народу, большею частію бабъ и дѣвокъ въ ихъ цвѣтныхъ костюмахъ. Я замѣтилъ, что всего меньше было мѣстныхъ жителей, все больше сторонніе. Въ компаніи нѣсколькихъ знакомыхъ мужиковъ и бабъ мы шли къ толпѣ. Вербы всѣ почти были одинаковы, но только около одной видно было больше народа, и среди толпы виднѣлись платки черничекъ и слышалось ихъ пѣніе кантовъ. Шедшіе съ нами мужики какъ-то нерѣшительно взялись-было за шапки, но послѣ раздумали ихъ снимать, увидѣвъ другихъ, стоящихъ и поближе къ вербѣ въ шапкахъ. По рѣчкѣ, пониже вербы, купались мужчины и женщины, чающія, вѣроятно, исцѣленія отъ болѣзней. Когда мы подошли къ вербѣ, черницы перестали пѣть и молиться — пріутихли. Вдругъ раздался какой-то вопль въ сторонѣ, похожій и на плачъ ребенка, и на лай собаки—это кликуша стала кликать... Вскорѣ послѣ нашего посѣщенія мѣстный священникъ, съ помощію станового пристава, разогналъ устроившихся тамъ для постояннаго моленія черничекъ, а вербу, соблазна ради, срубили. Одинъ хозяинъ чудесной вербы остался въ накладѣ: посидѣлъ сутки въ холодной, и траву на левадѣ ему вытоптали. Одна изъ черницъ разсказывала послѣ, что внизу у корня вербы она видѣла батюшку *Миколу*, въ серединѣ ствола св. Акиноія, а въ усохшей части нечистую силу. «Такъ вечеромъ и вержетъ онъ синій огонь, такъ и вержетъ» — разсказывала она.

Вообще, черницы охотно готовы вѣрить всякому чуду, и въ этомъ отношеніи не знаютъ предѣловъ. Кромѣ видѣнной мною вербы, я слышалъ, какъ чернички ходили поклоняться къ одной вдовѣ, о беременности которой онѣ распространили такой нелѣпый слухъ, что епархіальное начальство принуждено было путемъ формальнаго слѣдствія разбирать это дѣло. А вотъ что̀ случилось со мною самимъ. Я купилъ одной старой черницѣ гостинецъ въ кіевской лаврѣ,—обыкновенную восковую въ полфунта вѣсомъ свѣчу, окрашенную зеленою краскою. Черница эта жила въ монастырѣ, а потому, подъѣзжая къ воротамъ монастыря съ сигарой, я бросилъ ее у воротъ. Въ келіи я засталъ старушку, она что-то поправляла около иконъ. Разспросивши кто я, такъ

какъ она видитъ чрезвычайно слабо, старуха была мнѣ рада, и особенно рада гостинцу изъ Кіева.

— Сядь, сядь же, батюшко ты мій, я хоть посижу около тебя. Такъ ты былъ въ Кіевѣ?! Побывалъ у угодниковъ?! То-то я и чую отъ тебя такое благоуханіе.

Я, разумѣется, промолчалъ о брошенной сигарѣ.

Къ числу религіозныхъ упражненій черницъ относится также и странствованіе ко святымъ мѣстамъ. Каждая черница старается собраться со средствами для странствованія. Ходятъ далеко отсюда: къ Троицѣ Сергію, въ Почаевъ, Кіевъ, а то даже и въ Соловки, и въ Палестину. Нельзя далеко идти, такъ хоть по близости пойдутъ помолиться чернички. Этотъ общій народный обычай у черницъ въ большой силѣ. Есть у нихъ и облюбленныя мѣста. Въ нашей мѣстности пользуются извѣстностью пустыни Саровская, саратовской губерніи, и Софронтіевская, курской губерніи, около Путивля. Въ каждой почти келіи можно встрѣтить изображеніе старцевъ Саровской пустыни, Серафима и Іоанна, особенно уважаемыхъ черницами. Въ келіяхъ у черницъ всегда въ переднемъ углу и по стѣнамъ много изображеній разныхъ обителей; это ими купленныя лично на мѣстѣ, или гостинцы знакомыхъ странниковъ-иноковъ. Побывавшія въ *Старомъ Іерусалимѣ* черницы считаютъ себя много совершеннѣе въ дѣлѣ подвижничества. Странствія свои черницы предпринимаютъ иногда съ весьма ограниченными средствами, томятся голодомъ въ дорогѣ, часто заболѣваютъ, и принуждены бываютъ отдыхать на пути въ какомъ-нибудь гостепріимномъ монастырѣ по недѣлѣ и по двѣ. Здѣсь-то у нихъ и сводятся тѣ знакомства съ монашествующею братіею, которая въ жизни черницъ играетъ важную роль. Съ какимъ же увлеченіемъ разсказываютъ черницы о видѣнномъ въ ихъ странствіи, сколько неподдѣльнаго умиленія и восторга въ этихъ разсказахъ о святыхъ мѣстахъ, о видѣнныхъ ими торжествахъ служенія, о мѣстностяхъ?!

Такова религіозная, набожная сторона черничекъ. Въ нихъ, какъ въ фокусѣ религіозныхъ народныхъ воззрѣній, сосредоточивается все то, во что народъ вѣритъ, весь взглядъ народа на Бога и на религію.

Въ черницахъ можно также прослѣдить разницу религіозныхъ воззрѣній простолюдина великорусса и малорусса. Религіозность черницъ «московокъ» состоитъ во внѣшности ея проявленій. Черница «московка» знаетъ церковный обиходъ чуть не наизусть, знаетъ псалтырь, она нашла въ псалтырѣ такую каѳизму, въ которой нѣтъ двухъ буквъ *б* и *х* (буки и хѣръ); она смыслитъ въ

степеняхъ чиновъ ангельскихъ; порицаетъ скоромноядѣніе и табакокуреніе, соблазняется пѣснею, запѣтою послѣ вечерни, наканунѣ какого-либо праздника, или *неистово, въ скоромашку*, исполненнымъ крестнымъ знаменіемъ; но она не такъ понимаетъ смыслъ любви христіанской, кротости, терпѣнія и несенія креста своего, какъ это понимаетъ знающая черница «хохлушка». «Московка»-черничка уважаетъ святыхъ Господнихъ по отношенію къ ихъ предстательству предъ Господомъ за насъ грѣшныхъ, по силѣ цѣлительной способности ихъ мощей и изображеній. Она смотритъ съ уваженіемъ на старцевъ-подвижниковъ потому, что «они навѣрное въ мѣстѣ горнемъ обрящутъ мѣсто одесную Бога Всевышняго». «Хохлушка»—напротивъ: она говоритъ о святыхъ не по ихъ заслугѣ предъ Богомъ, а какъ о достойныхъ подражанія въ ихъ праведной жизни, въ ихъ подвижничествѣ; цѣлительную силу мощей и иконъ «хохлушка» понимаетъ, какъ результаты истинной вѣры. Разумѣется, этихъ положеній нельзя принять за общія, ибо и самыя черницы, по ихъ неразвитости, часто не въ состояніи *объяснить* своихъ взглядовъ. Вообще, черничка-«московка» производитъ впечатлѣніе фанатика-раскольника; черница-«хохлушка»—ханжи-піэтистки.

— Въ мірѣ какъ спастись? Кругомъ соблазнъ. Духовные наши, что они теперь?! Въ карты играютъ, пѣсни свѣтскія поютъ, курятъ и пьютъ. Тѣмъ-то и оскудѣла теперь благодать Божія: иконъ являться стало меньше, чудеса рѣдко бываютъ, — все это намъ по грѣхамъ нашимъ. Видно уже скоро скончаніе вѣка,—толкуетъ черница-«московка».

— Что въ монастырѣ?! Тамъ спасаться легко, никто тебѣ не мѣшаетъ, ничѣмъ не соблазнишься; а вотъ въ мірѣ спасись, когда кругомъ тебя самое только искушеніе, да соблазнъ. Тутъ вотъ съ самыми сосѣдями прости Господи имъ, согрѣшишь—грѣха наберешься. Ужъ такъ это стараешься терпѣть—свое постоянно уступаешь. Нѣтъ-таки, иногда доведутъ тебя до спорки; послѣ ужъ такъ это сокрушаешься: потерпѣть бы слѣдовало — Богъ за насъ не то вытерпѣлъ,—разсуждаетъ черница-«хохлушка».

— Теперь вотъ хоть бы и нашъ (священникъ): за мерзкимъ табачищемъ и ладаннаго благоуханія не слышно. Какъ къ нему пойдешь исповѣдываться, когда онъ самъ-то погрѣшнѣе нашей сестры. Объ святкахъ это наѣлся еле-еле душа въ тѣлѣ, а тоже еще благословить руку подымаетъ!—говоритъ черница-«московка».

— Ну, да все-таки онъ священникъ. Всѣ мы грѣшны предъ Господомъ—а у него все-таки благодать, отъ Господа ему данная. Развѣ я ему исповѣдываюсь, я исповѣдываюсь Богу истин-

ному. Все равно кто прійметь, но прійметь съ души эту тяготу,—толкуетъ въ свою очередь черница-«хохлушка».

— Нéшто *мнѣ* ее, этакую скверна́вку, просить прощенія?! Я все-таки, можетъ быть, по-достойнѣе какой-нибудь, прости Господи, шлюхи. Она ужъ таскалась, таскалась — гдѣ ее только не было—да вотъ это теперь уже она черница. Мы подавнѣе ея,—говоритъ обиженная на свою сестру черницу — черница-«московка».

— Такъ это промежду насъ вышло, кто его знаетъ и изъ-за-чего. Отецъ-діаконъ на меня *ремствуютъ*, а я себѣ отъ нихъ отстала. Такая это меня скорбь взяла. Это, думаю, дѣло нечистаго: ему радостно, когда христіане разладятъ про-между собою, когда между ними нѣтъ настоящей любви. Пошла я это къ нимъ. Такъ и такъ, говорю:—«будетъ намъ отецъ-діаконъ *чернаю* радовать, простимся». Поклонилась я ему это въ ноги, а онъ мнѣ—попрощались мы, и вотъ уже сколько лѣтъ я съ ихъ семействомъ какъ со своими,—разсказывала мнѣ одна старая черница-«хохлушка». Она была выдана замужъ насильно. Мужъ ея оказался болѣзненнымъ, и она согрѣшила. Съ той поры она стала сокрушаться во грѣхѣ своемъ, сдѣлалась набожна, порѣшила, что грѣхъ выламываться отъ предназначеннаго Богомъ *предѣла*, и стала черничить. На зиму она всегда давала у себя пріютъ своему мужу-калѣкѣ, а лѣтомъ онъ—въ полѣ, въ пасѣкахъ. У нея устроилась цѣлая компанія подъ ея главенствомъ. Дочь, прижитая ею, тоже черница.

Самая набожность у черницъ имѣетъ много качественныхъ отличій. Есть черницы исключительно только и занятыя моленіемъ и божественностію; а у другихъ набожность ограничивается хожденіемъ въ церковь и повтореніемъ вѣчной фразы: «Спаси Господи». Между этими двумя крайностями вмѣщаются прочія видоизмѣненія проявленія религіозности у черницъ. Тѣмъ не менѣе, религіозность въ бóльшей или меньшей степени все-таки составляетъ непремѣнное качество черницы. Есть, какъ я сказалъ уже, черницы, исключительно преданныя религіозности,—о нихъ и народъ говоритъ, что онѣ *спасаются*; а есть и такія, что, по выраженію народному, *еле помазаны набожностію*. Вотъ эти-то послѣднія очень легко падаютъ въ борьбѣ съ плотью. Народъ смотритъ на такое паденіе — скорѣе съ насмѣшкой. «Что, молъ, не устояла»?! Народъ даже и не вѣритъ въ возможность устоять противъ искушенія и, смотря снисходительно на поведеніе черницъ, не вмѣняетъ имъ этого въ особую вину. «Построю

я келью на улицу дверью», — смѣется народъ надъ черницами въ своихъ прибауткахъ.

Но никогда черница не доходитъ до разврата. Ведя постоянныя знакомства съ разнаго рода странниками, *иноками*, еще неопредѣленными въ монастырь, черничкм бóльшею частію соблазняются ими же, чтó и весьма понятно. И странникъ, и черница — оба находятся въ исключительномъ положеніи. Притомъ, странникъ особенно хорошъ по части сокровенности; онъ не *выявитъ* ничего, — ибо самъ онъ себя бережетъ. Поэтому-то у черницъ всегда очень много знакомства между молящеюся братіею, странниками, и т. п. людомъ, по монастырямъ и пустынямъ, ими посѣщаемымъ, и знакомства и связи эти не лишены иногда даже извѣстной степени сантиментальности. Мнѣ случалось читать письма весьма чувствительныя о томъ, что вотъ, дескать, «тебѣ хорошо, ты за богатаго мужика вышла, а я сиротствую—осталась мнѣ одна ваша карточка. Выйду я, говоритъ инокъ въ письмѣ далѣе, въ ту рощицу, гдѣ мы просиживали, выйму вашу карточку (фотографическую) — смотрю, смотрю, поцѣлую ее, да и заплачу». Иногда письма пишутся въ стихахъ. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось читать такія письма, и, по ихъ содержанію, о «сути» отношеній можно только догадываться, подозрѣвая переписывающихся по установившемуся о нихъ мнѣнію; но въ текстѣ говорится только о любви христіанской, о взаимномъ моленіи другъ о другѣ, и только изъ нѣкоторыхъ вопросовъ можно видѣть, что письмо это писано не откровенно, а предоставляетъ многое отгадывать читающему. Въ послѣднее время корреспонденція эта все болѣе и болѣе передается — по почтѣ, а прежде, да еще и теперь отчасти, письма передавались по случаю. При такихъ передачахъ, письма часто сопровождаются разными взаимными гостинцами и подарками. Инокъ даритъ черничекъ разными предметами, въ родѣ: просфоръ девятичинныхъ, херувимскаго ладану, регальцу, свѣчей, чотокъ, ложекъ монастырскаго издѣлія, или самописныхъ картинъ и т. д. Картины эти весьма плохой живописи, бóльшею частію перомъ, но замѣчательны по богатству фантазіи рисующаго. Мнѣ случалось видѣть, напр., картину, сдѣланную изъ вырѣзанныхъ изъ бумаги, размалеванныхъ чернилоиъ и синькой, изображеній монастыря съ его церквами, трапезной, дворомъ и деревьями. Деревья дѣлаются изъ гусинаго пера, окрашеннаго зеленою краскою; на дворѣ монастыря, по-за окнами храмовъ и домовъ видны тоже вырѣзные изъ бумаги монахи, странники и странницы. Разумѣется, здѣсь и помину нѣтъ о законахъ перспективы.

Разъ я видѣлъ такое изображеніе: на четвертушкѣ бумаги перомъ нарисованъ наконечникъ стрѣлы—одинъ изъ наконечниковъ скиѳскихъ стрѣлъ, по народному *площикъ*. Кругомъ этого изображенія написано церковно-славянскими буквами: «Изображеніе громовой стрѣлы, найденной» —тамъ то. Это издѣліе прилѣплено было на ряду съ образами. Къ числу подарковъ нужно отнести разнаго рода шапочки, выкройки слѣда Богородицы, поясюки и т. п. Кромѣ того, монастырская братія снабжаетъ черницъ разнаго рода рукописными *псальмами* (гимнами), списками сна Пресвятой Богородицы, сказаніями о двунадесяти пяткахъ; но ничѣмъ не бываютъ такъ довольны черницы, какъ фотографическими карточками—это ихъ слабость. У нихъ,—какъ и вообще у простонародія, я замѣтилъ,—фотографическая карточка чрезвычайно цѣнится, и часто можно встрѣтить карточки лицъ, которыя даже и незнакомы обладателямъ ихъ, а такъ—*изъ-за любопытства больше*. За эти всѣ подарки черницы съ своей стороны тоже отдариваютъ своихъ по Христу братій, — чулками, холстомъ, шитымъ бѣльемъ, а иногда матеріей на рясу, а то и деньгами. Не было еще случая, чтобы подобныя передачи не доходили по назначенію.

Бываютъ примѣры, что черницы выходятъ замужъ, рѣдко за парней, а большею частью за вдовцовъ или за пожилыхъ холостяковъ, не женившихся почему-либо въ обыкновенный для простонародія брачный возрастъ, т.-е. между 18-ю и 23-мя годами. Большею частью это бываютъ солдаты. Дѣвки за нихъ идутъ неохотно, а черницы представляютъ уже, въ большинствѣ случаевъ, для этихъ жениховъ извѣстной степени обезпеченность жизни. Къ числу жениховъ черницъ нужно причислить также овдовѣвшихъ церковныхъ причетниковъ, которымъ какъ-то скоро бросаются въ глаза черницы въ минуты ихъ скорби по умершимъ женамъ. Жены изъ черницъ выходятъ хорошія, толковыя хозяйки, знающія жизнь.

Черницы вообще домовиты; въ кельяхъ у нихъ весьма опрятно и чисто: стѣны увѣшаны образами и изображеніями, печь вымазанная, занавѣсочки въ окнахъ чистенькія, лампадка передъ образами, вазочки въ окнахъ. Много въ такомъ порядкѣ помогаетъ отсутствіе дѣтей съ ихъ непосидчивостью и мужчинъ съ табакомъ, смазными сапогами, хомутомъ, нагольнымъ тулупомъ и т. под. спутниками надворной хозяйственной жизни. У нихъ этого нѣтъ, какъ нѣтъ и никакого хозяйства. Стряпня у печи, да стирка бѣлья и передпраздничная приборка на короткое время нарушаютъ обыкновенную чистоту и опрятность черницъ-

ихъ келій. Все у нихъ въ порядкѣ. Кровать застлана, чего нѣтъ въ крестьянской избѣ; посуда чайная въ шкафикѣ, салфетки на столѣ.

Въ одеждѣ черницы тоже чисты и опрятны. Любимый цвѣтъ одеждъ черный, хотя можно встрѣчать и иные, но непремѣнно темные цвѣта;—въ большинствѣ случаевъ черный платокъ на головѣ—вотъ костюмъ черницы на улицѣ, въ людяхъ, въ церкви. При этомъ черницы стараются щегольнуть чистотою видимаго бѣлья: воротничками, рукавчиками и чулками. У себя въ кельяхъ можно ихъ видѣть въ кофточкахъ, тоже темнаго цвѣта, или чисто-вымытаго бѣлаго каленкора. Въ кельяхъ же случается видѣть на головѣ небольшой платочекъ, тоже бѣлый—или бѣлый съ мелкими цвѣтными крапинками. Платья носятъ черницы—болѣе *образованныя*, живущія въ слободахъ черничми-хохлушки; духовнаго званія; московки же чернички, болѣе изъ сѣраго люда—носятъ юбки и халатики, изъ того же не-валянаго сукна, изъ какого дѣлаются у московокъ панёвы и сарафаны, только окрашеннаго въ черный или натурально-сѣрый цвѣтъ. Черницу-московку можно еще увидать зимою въ нагольномъ кожухѣ или полушубкѣ; но черница-хохлушка не надѣнетъ мѣха нагольнаго,—а непремѣнно крытый. У болѣе богатыхъ черницъ можно встрѣтить на платьяхъ, кофтахъ и халатахъ—люстринъ, сатинъ, вигонь, фланель и сукно,—часто при бархатной или плисовой отдѣлкѣ; но у бѣдныхъ—только ситецъ и черный каленкоръ. У черницъ-московокъ можно часто видѣть, какъ и у заправскихъ монашенокъ, подрѣзанныя косы,—хохлушки этого не дѣлаютъ.

Богатая слободская и городская черница позволяетъ себѣ разнообразить пищу приправами разнаго рода, между тѣмъ какъ черница хуторская и сельская, да еще и при недостаткахъ, питается тою же сѣрою пищею, какую вообще ѣстъ народъ. Посты всѣ черницы блюдутъ со строгостью еще большею, чѣмъ народъ, и набожнѣйшія изъ нихъ слѣдуютъ строго монастырскому уставу въ этомъ отношеніи, имѣя его въ любыхъ святцахъ, помѣщаемыхъ при часословцахъ и молитвословахъ. Но тѣмъ не менѣе черницы, не поставленныя въ необходимость сообразоваться съ требованіями большой семьи, хозяйственнаго крестьянскаго распорядка времени, могутъ, по мѣрѣ силъ своихъ, удовлетворять прихоти, смотря по своимъ средствамъ. Для пріема дорогого гостя у черницъ найдется лакомый кусочекъ, лакомая приправа къ кушанью, къ чаю. Явится на столѣ и водочка къ обѣду, яблоко моченое къ кушанью, масло къ яичницѣ, а иногда и варенье къ чаю. Самоваръ и чай, завоевывая себѣ все болѣе и

болѣе мѣсто въ обиходѣ народномъ, у черницъ не-рѣдки. И сама черничка побалуется чайкомъ, и захожаго странника напоитъ, и попоитъ сельское начальство, заискивая ихъ расположеніе,—и удовлетворитъ самоварчикомъ требованія заѣхавшаго въ глушь какого-либо чиновника. Вообще можно сказать, что если черницы въ пищѣ и не всегда роскошествуютъ, то, какъ одиночки, такъ и въ артели, будучи взрослыми работницами, не отягощенныя непроизводительными членами (какъ, напримѣръ, дѣти въ семьяхъ), онѣ не голодаютъ. Черницы никогда такъ не голодаютъ, какъ, напримѣръ, воронежскія монахини, гдѣ монастырское начальство принуждено бываетъ на лѣтніе мѣсяцы распускать монахинь по домамъ, чтобы онѣ, помогая *«по-домашности»* семьямъ, могли заработать себѣ на зиму харчи.

Весь этотъ оригинальный бытъ цѣлаго класса людей созданъ однако не религіозными побужденіями, а усиліями женщины устроиться, независимо отъ обезпеченій, какія представляетъ бракъ. Религіозная обстановка и мотивы являются тутъ, какъ удобная точка опоры въ убѣжденіяхъ народныхъ массъ, которыя только въ этой формѣ могутъ терпѣть независимое положеніе женщины. Такимъ образомъ, черницы представляютъ собою любопытное соціальное явленіе, одну изъ попытокъ къ тому, что̀ у насъ называлось «эмансипаціею женщины». Форма этой «эмансипаціи», конечно, должна была соотвѣтствовать той средѣ, въ которой она сложилась. Черничество дало слабой женщинѣ средство къ самозащитѣ и къ борьбѣ съ цѣлою массою житейскихъ невзгодъ. Благодаря внѣшнимъ формамъ своего быта, обставленнаго религіозною практикою, черница пріобрѣтаетъ то значеніе и почетъ, какимъ можетъ окружать женщину одинъ бракъ, достающійся на долю не всѣмъ. Съ этой стороны, классъ черницъ представляетъ много любопытнаго для бытовыхъ наблюденій; мы въ нашемъ очеркѣ имѣли въ виду только указать болѣе подробно на фактъ ихъ оригинальнаго существованія, и выяснить его значеніе, какъ неяснаго и почти безсознательнаго протеста женщины и ея стремленій найти для себя какой-нибудь исходъ, и получить общественное значеніе, если случай не далъ ей ни положенія жены, ни положенія матери.

Б. П—скій.



ТЕХНИКА и ТЕХНИКИ

Очерки изъ науки и жизни.

Умомъ громамъ повелѣваю!
. . . .
Былинкой въ прахѣ истлѣваю.
Державинъ.

I.

Восхищеніе передъ современными успѣхами техники стало «общимъ мѣстомъ». Восклицательныхъ знаковъ по поводу такого успѣха поставлено множество, и, очевидно, не предстоитъ нужнымъ прибавлять еще новые,—тѣмъ болѣе, что тутъ, какъ вездѣ, есть своя оборотная сторона медали, значеніе которой едва ли не серьёзнѣе, чѣмъ то принято думать. Кто хочетъ опредѣлить въ точности достоинство предмета, тому необходимо знать: во чтó онъ обходится? Иная вещь хороша, если стóитъ дешево,—и становится дурной, если цѣна ея чрезмѣрна. Спрашивали ли мы, напримѣръ, чего стоютъ намъ наши техническіе успѣхи? Да, спрашивали, и не разъ, но отвѣты получали чрезвычайно разные, прямо согласованные—не съ дѣйствительностію, и до сего дня представляющей искомый x, за недостаткомъ статистической разработки предмета,—но съ личными симпатіями и антипатіями авторовъ запроса. Тѣмъ не менѣе, одинъ, наприм., изъ такихъ отвѣтовъ фактически несомнѣненъ: техническій прогрессъ, обусловленный и порожденный раздѣленіемъ и упрощеніемъ труда—притупилъ способности рабочаго, такъ что если прежній ремесленникъ былъ человѣкъ *наиболѣе развитый,* то современный—*наиболѣе тупоумный.* Но этимъ вовсе не исчерпывается вопросъ. Такое положеніе дѣла люди охотно допускаютъ въ видѣ переходнаго положенія. Можно

легко вообразить, какъ, путемъ постепеннаго упрощенія и спеціализаціи труда, вскорѣ настанетъ время, когда человѣкъ избавится отъ ига работы, и всю жизнь будетъ посвящать наслажденію. Единственною обязанностію каждаго будетъ—возставъ отъ сна, пожать какую-либо пуговку, подавить какой-либо рычажокъ или просто сомкнуть цѣпь электрической батареи, и все для него необходимое, отъ сапога до обѣда, явится безъ дальнѣйшаго труда и заботы. И такое предположеніе далеко не кажется химерой; есть полная возможность теоретическаго рѣшенія вопроса и въ настоящее время—въ предположеніи, что на землѣ *нѣтъ* національностей и существуетъ одно только общество высокоразвитыхъ людей и тѣ силы, которыя находятся въ данную минуту въ нашемъ распоряженіи;—но вопросъ *о стоимости* такого порядка существовать не перестанетъ, и отвѣтъ на него одинъ: подобное развитіе техники *не по средствамъ природѣ*. Въ предположеніи (въ дѣйствительности имѣющемъ мѣсто), что человѣчество въ своемъ развитіи будетъ *увеличиваться численно*,—на такой вопросъ можно отвѣчать *отрицательно*, подкрѣпивъ отрицаніе математически. Въ самомъ дѣлѣ, поверхность земли постоянна (я беру конечный моментъ культуры земного шара), назовемъ ее черезъ A; minimum потребностей человѣка, при данномъ образѣ жизни, также величина постоянная, и если ее выразить въ единицѣ поверхности земли, способной произвести такой minimum, то, назвавъ его черезъ a,—мы можемъ выразиться такою формулою:

$$\frac{A}{a} = \text{maximum } N$$

—гдѣ N = численности человѣческаго рода. Очевидно, первая дробь величина конечная, а потому и N не можетъ быть сдѣланъ сколь угодно бóльшимъ. Разъ же N будетъ продолжать увеличиваться безконечно, придется уменьшать a, т.-е. средній достатокъ, средній комфортъ каждаго, ибо A нѣтъ возможности увеличить. Слѣдовательно, сомнительный отвѣтъ на заданный вопросъ возможенъ въ предположеніи, что человѣчество, дойдя до численнаго maximum'а, перестанетъ увеличиваться. Будетъ ли это достигнуто искусственными мѣрами, или совершится само собой—для насъ безразлично. Предположивъ, что человѣчество перестанетъ возрастать численно, и представивъ себѣ наивыгоднѣйшую культуру наибольшей земной поверхности, мы должны предположить и средній уровень благосостоянія постояннымъ, тогда вышеприведенное уравненіе обратится въ тождество: $A = A$, справедливое и возможное только при математическомъ постоянствѣ

населенія и требуемаго каждымъ степенью благосостоянія. Возможно ли послѣднее? Почему нѣтъ,—математически возможно, но вообще говоря, разумъ легче примиряется, для даннаго случая, съ уравненіемъ перемѣнныхъ, нежели съ тождествомъ постоянныхъ величинъ. Дѣло въ томъ, что, въ механическомъ смыслѣ, такое тождество, выражая собою условіе прочнаго равновѣсія всѣхъ дѣйствующихъ и при томъ постоянныхъ по напряженію и направленію силъ,—есть въ сущности выраженіе абсолютнаго *покоя*. До сихъ же поръ, мы не знаемъ не только общаго, но даже частнаго случая такого покоя, ни въ растительномъ, ни въ животномъ, ни даже въ минеральномъ царствахъ природы; но такъ какъ видимая цѣль этой жизни природы, ея стремленіе и есть именно конечный покой, то стремленіе человѣка къ такому же вѣчному неизмѣнному порядку не представляетъ само по себѣ чего-либо анормальнаго. За то, если спуститься изъ области чистой математической абстракціи на почву практики, то вопросъ этотъ не рѣшается такъ легко и просто въ благопріятномъ смыслѣ. Представимъ себѣ, что, собственно на земной поверхности, силы и возбуждаемыя ими сопротивленія доведены до равновѣсія. Результатъ полезной работы всей совокупности земныхъ машинъ вполнѣ своевременно и *безъ остатка* поглощается человѣкомъ. Но вотъ происходитъ космическая перемѣна, измѣняющая среднюю годовую температуру земного шара,—перемѣна, ни предупредить, ни повліять на которую мы не имѣемъ возможности; тождество нарушено, одна изъ главныхъ силъ, обусловливающая производительность природы, стала болѣе или менѣе,—словомъ, измѣнила свое напряженіе,—во чтó же обратится равенство? Тутъ могутъ быть два случая, именно: если весь трудъ человѣка будетъ ограниченъ какимъ-либо незначительнымъ движеніемъ безъ усилій, и притомъ совершенно механическимъ, и вся работа, для него необходимая, будетъ производиться механическими приспособленіями (случай, когда техника достигнетъ полнаго совершенства и наибольшаго развитія), это тождество превратится въ неравенство, причемъ для возстановленія его потребуется или новое уменьшеніе N (численности людей), или уменьшеніе a, т.-е. средняго благосостоянія каждаго. Понятно, что увеличенія того или другого невозможны ни при какихъ, даже благопріятныхъ космическихъ перемѣнахъ. Недостатокъ урожая, какъ и чрезмѣрный урожай, равно произведутъ уменьшенные результаты, и если въ первомъ случаѣ—недостаточный выходъ обусловливается недостаткомъ предметовъ для обработки, причемъ сила машинъ (нормальная) пойдетъ на вра-

щеніе холостыхъ колесъ и регуляторовъ, то во второмъ—избытокъ (противъ нормальнаго) матеріала въ обработкѣ потребуетъ бóльшаго напряженія силъ; разъ же послѣднихъ нѣтъ, и нѣтъ во всей постепенности послѣдовательной обработки, ея не будетъ именно къ концу работы, для послѣднихъ операцій, чтó естественно повлечетъ къ уменьшенію полезнаго результата; такъ что недостатокъ матеріала, неурожай — будетъ гораздо выгоднѣйшимъ случаемъ, нежели урожай, способный повести къ разстройству всей системы. Другой выводъ получится, когда вмѣсто развитія *безусловно* машиннаго труда, человѣчество достигнетъ благосостоянія при трудѣ личномъ. Дѣло въ томъ, что всякій живой двигатель, а тѣмъ болѣе человѣкъ, обладаетъ запасами такъ сказать *потенціальной* работы, способной превращаться въ работу активную, по желанію и волѣ человѣка и при томъ въ теченіи довольно продолжительнаго времени [1]). Этотъ запасъ, сравнительно ничтожный въ одной особи, дѣлается громаднымъ, будучи умноженъ на массу ихъ. Кромѣ того (и это пожалуй важнѣе) приложеніе *силы* живого двигателя, какъ болѣе разнообразное, можетъ измѣняться по обстоятельствамъ, чѣмъ совершенно не обладаютъ машины. Неурожай, происшедшій отъ уменьшенія средней годовой температуры земли, можетъ и во второмъ случаѣ повліять на уменьшеніе численности людей или на уменьшеніе благосостоянія каждаго, но его, если не вполнѣ, то частію, можно парализовать обработкою особыхъ безплодныхъ мѣстъ, обработкою, совершённою при помощи потенціальной работы человѣчества. За то усиленный урожай не потребуетъ и того. Нормально необходимое будетъ снято, остальное уничтожено хотя бы огнемъ, или затоплено водою. Но можетъ показаться, что я не вполнѣ безпристрастенъ, принимая при сравненіи нормальную работу машины за наибольшую ея работу, и напротивъ, для человѣка принимаю только среднюю работу, допускающую увеличеніе количества его труда въ извѣстномъ предѣлѣ. Такое возраженіе не будетъ справедливымъ. Человѣка и животное можно накормить въ запасъ. Мускульная сила живого двигателя, являясь продуктомъ питанія, не вся тратится безъ остатка; при обыкновенныхъ условіяхъ часть ея идетъ впрокъ и сохраняется въ потенціальномъ состояніи въ видѣ возможной работы. Лошадь, пробѣжавшая безъ корма 60 верстъ, пробѣжитъ при случаѣ и 80, и даже 100, но не спадетъ съ тѣла, ибо послѣднія 20—40 верстъ будетъ рабо-

---

[1]) Частію и потому, что животный трудъ равенъ 1/5 поглощеннаго при его производствѣ тепла, тогда какъ машины развиваютъ только 1/17—1/40 полезной работы.

тать запасомъ, неизрасходованнымъ прежде. Паровую же машину натопить впрокъ невозможно. Если сажени дровъ достаточно на 100 верстъ, то локомотивъ не пробѣжитъ ни версты болѣе. Мало того, животное, кончая извѣстную работу, тотчасъ же и перестаетъ тратить мускульную силу иначе какъ на поддержаніе своей жизни; машина же, исполнивъ полезную работу, продолжаетъ вертѣть остаткомъ своихъ силъ пустое колесо, ради собственнаго спасенія, иначе неизрасходованная на полезную работу сила пойдетъ на разрушеніе самой машины. Вотъ почему основательно наибольшую работу машины сравнивать съ обыкновенной работой человѣка. Такимъ образомъ, помимо всего прочаго, не входя ни въ какія детали, мы видимъ, что развитіе техники и упрощеніе личнаго труда въ концѣ-концовъ приведетъ къ уменьшенію рода человѣческаго. Величина N все болѣе и болѣе будетъ уменьшаться, до извѣстнаго предѣла, при которомъ прекратится цивилизація. Напротивъ, такой конецъ предвидится въ гораздо болѣе отдаленномъ будущемъ при предположеніи, что личный трудъ человѣка, достаточной силы и напряженности, будетъ поддерживаться изъ рода въ родъ, способный—колеблясь между нѣкоторыми предѣлами—побѣждать природу и подчинять ее себѣ во всякихъ перипетіяхъ борьбы съ нею. Такова будущность прогрессивнаго развитія техники: это—или полное равновѣсіе дѣйствующихъ на земномъ шарѣ силъ и сопротивленій, т.-е. покой, безжизненность, абсолютная смерть, или разрушеніе создавшей эту технику — цивилизаціи. Но разсуждая такъ, и только такъ, я недалеко удаляюсь отъ людей, говорящихъ о техническомъ прогрессѣ съ помощью восклицательныхъ знаковъ. Они, стоя на фактической почвѣ, говорятъ: настоящее техники—блестяще; а я, опираясь на умозрительную логику, говорю, что этотъ блескъ обусловливаетъ мрачную будущность. Но что же изъ этого слѣдуетъ, если ни восклицанія первыхъ, ни пророчества второго не помѣшаютъ роковому ходу вещей? Итакъ, надо спуститься ниже, надо поставить вопросъ уже, чтобы добиться отвѣтовъ, годныхъ для практическаго употребленія.

II.

Вооружимся мужествомъ, не дадимъ себя побороть миражу, и посмотримъ прямо въ глаза техническому прогрессу. Въ чемъ его сущность и цѣль? какова его общая традиціонная идея?

Удешевленіе производства, не правда ли? По крайней мѣрѣ,

такъ принято говорить и думать. А между тѣмъ это—сугубое заблужденіе, опровергаемое на каждомъ шагу.

Угодно вамъ посмотрѣть на эту роскошно-одѣтую барыню. Ея безконечное платье—нѣжнаго, *больного* или даже *умирающаго* голубого цвѣта, съ вычурной уборкой, смыслъ и даже форму которой непривычному глазу понять трудно, лежитъ на полу такими пріятными складками, и ласкаетъ глазъ нѣжностью тона, красотою свѣтовыхъ и тѣневыхъ переливовъ. Знаете ли вы, что оно составлено изъ шелка и бумаги въ пропорціи половина на половину? Барыня этого, конечно, не знаетъ, и не можетъ знать, такъ как она завтра надѣнетъ другое такое же великолѣпное платье цвѣта «закопченной резеды» и не замѣтитъ подмѣси, но ея горничная, которой будетъ сдѣланъ дорогой подарокъ, вполнѣ успѣетъ оцѣнить, что это прекрасное одѣяніе не можетъ выдержать мѣсяца обыкновенной носки. Между тѣмъ, спора нѣтъ, наружность матерій не оставляетъ желать лучшаго, она безукоризнена. Но вотъ и шерстяное платье, болѣе скромное и на разстояніи трехъ шаговъ весьма похожее на шелковое. Такой же прелестный, чистый цвѣтъ, такія же эластическія складки. Однако въ этой матеріи не только нѣтъ шелка, въ ней очень мало и шерсти. Она вся или на $^{9}/_{10}$ бумажная!

Манчестеръ, полубархатъ (на бумажной основѣ), полу-атласъ, шелкъ мальтрассе, нансукъ, кембрикъ, полубатистъ, шертингъ и прочіе бумажные и полубумажные фабрикаты (имъ же числа нѣтъ) стоимостью отъ 15 коп. до 3-хъ руб. за аршинъ (смотря по выдѣлкѣ),—не очевиднѣйшее ли это доказательство, что техника въ своемъ прогрессѣ, весьма заботливо относясь къ разнообразію формъ произведеній, мало или вовсе не занимается ихъ *улучшеніемъ* (по сущности и по цѣнѣ)?

Подойдите сами къ зеркалу. Вашъ пиджакъ, цвѣта запыленнаго сукна, на $^{2}/_{3}$ бумажный; пуговицы на немъ превосходной работы, и рельефное изображеніе кабаньей головы, стоющія не 50 коп. сер. за штуку: композиція легкоплавкихъ металловъ, оксидированная при помощи гальванопластики! Ваша сорочка съ темносиними полосами—полотняная, и носилась бы долго, почему техническій прогрессъ и умудрился раскрасить ее такъ безобразно, что мода не дозволитъ доносить ее не только вамъ, но даже вашему лакею. На васъ надѣты ботинки, съ резинкою и пуговками, простроченныя по всѣмъ швамъ и не-швамъ. На этихъ ботинкахъ кожи *въ три* раза менѣе, чѣмъ на прежнихъ сапогахъ съ голенищами, но самыя ботинки стóятъ въ три раза дороже прежнихъ сапоговъ, такъ какъ на нихъ болѣе работы, часть ко-

торой, и весьма значительная (строчка шелкомъ) идетъ на разрушеніе *прочности* матеріала. Посмотрите вокругъ. Ваша прелестная, по рисунку, лампа сдѣлана изъ сплава свинца и цинка, и можетъ быть испорчена полотенцемъ, которымъ съ нее стираютъ пыль. Капли стеарина довольно, чтобы превратить этотъ *стальной*, такъ чисто отполированный подсвѣчникъ, въ мѣдный, да не въ чисто-мѣдный, а покрытый только тонкимъ слоемъ мѣди, способнымъ принять окраску *подъ сталь*. А чтó стóитъ ваша лампа, чтó стóитъ подсвѣчникъ? Жена ваша принесла вамъ свои наслѣдственные уборы: жемчугъ, золото и драгоцѣнные камни. Какъ они ни красивы, но положите около этихъ массивныхъ золотыхъ серегъ бѣднаго рисунка современныя серьги новаго золота — колебаться въ выборѣ невозможно: мѣдныя серьги несомнѣнно лучше золотыхъ! Какая настоящая бирюза можетъ равняться своимъ изъ-зелена-голубымъ цвѣтомъ, съ небеснымъ цвѣтомъ подкрашеннаго фарфора? Великолѣпныя стразы современныхъ уборовъ смѣло становятся рядомъ съ брилліантами. Бургиньоны даже у богатыхъ женщинъ вытѣснили жемчугъ! Какъ тутъ быть? Несите золото, брилліанты и жемчугъ, купленныя бабушкой вашей супруги, въ ломбардъ, купите прекрасныхъ украшеній изъ новаго золота, бургиньоновъ, стразъ, крашенаго фарфора и богемскаго стекла, но помните, что *внукъ* вашей супруги закладывать будетъ нечего, такъ какъ отъ всего этого дешеваго великолѣпія не останется даже воспоминаній. И такъ до мелочей: сахаръ, который вы кладете въ чай, какой онъ бѣлый! Но положите его на снѣгъ, и вы увидите, что это бѣлизна синьки! Вино, которое вы пьете, развѣ виноградное вино? По бóльшей части это микстура изъ кислаго вина, сахара и спирта. Войдите въ лавку бакалейныхъ товаровъ, взгляните на эти разнообразные и красивые консервы сухого мяса, дичи, рыбы, зелени, сливочныхъ и бульонныхъ экстрактовъ, готоваго кофе, шеколада и прочаго. Чтó это какъ не голодная смерть, наряженная *техническимъ прогрессомъ* въ мантіи изъ полубумажнаго бархата, со звѣздами сусальнаго золота!? Но ни бульонъ Либиха, въ которомъ есть многое, но нѣтъ бульона, ни мельхіоровое серебро «Кача», «Фраже» и иныхъ, также заключающее много металловъ, исключая серебра, не представляютъ еще достаточно типично традицію *поддѣлки подъ настоящее*. Произведенія современнаго «строительнаго искусства», поражающія своею грандіозностью воображеніе профановъ, назидательнѣе и поучительнѣе много. Начать съ того, что эти произведенія непомѣрно дороги...

Мостъ черезъ Днѣпръ у Кіева стóитъ около 2 милліоновъ. Онъ

очень красивъ, не стѣсняетъ русла, и льститъ своею длиною нашему самолюбію. Но если особая гордость не-спеціалистовъ, упирающихъ на длину всего моста, есть заблужденіе, ибо мостъ американской системы съ пролетами въ 60° гораздо болѣе удивителенъ, нежели мостъ хотя въ 10 верстъ длиною, но съ пролетами въ 20—30°; то еще болѣе напрасна гордость иныхъ спеціалистовъ, видящихъ въ желѣзной архитектурѣ прогрессъ искусства, послѣднее его слово, достойное награды и удивленія. Имъ бы слѣдовало знать, что всѣ произведенія этого послѣдняго слова науки могутъ существовать, благодаря только одному благородному малярному мастерству. Такимъ образомъ, человѣчеству недостаточно истратить капиталъ на сооруженіе желѣзнаго моста, нужно положить еще на вѣчныя времена извѣстное *приданое* этому мосту въ видѣ капитала, проценты съ котораго шли бы на его вѣчную окраску. Въ настоящее время сумма всего желѣзно-мостового приданаго, доставляющаго необходимыя деньги на окраску ихъ, навѣрное превосходитъ 100 милл. руб. сер. Но это далеко не все, и тѣмъ болѣе далеко не главное. Важнѣе тотъ фактъ, что при самой тщательной окраскѣ, въ силу свойствъ желѣза *мѣнять свое строеніе* отъ постоянныхъ сотрясеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, терять значительно въ прочности и способности сопротивляться, опытные инженеры опредѣляютъ долговѣчность желѣзнаго моста 100 годами; въ то же время, если бы *дерево*, которое сжигается при всѣхъ работахъ по желѣзному мосту, отъ выплавки рудъ до прокатки раскосовъ и до монтажа ихъ, употребить прямо на постройку мостовъ и ограничить долговѣчность деревяннаго моста 15-ю годами, то мы могли бы имѣть такихъ мостовъ на 200 лѣтъ. Сколько бы при этомъ сохранилось лѣса, работы и капиталовъ? Наконецъ, стоимость желѣзныхъ сооруженій, несмотря на значительную круглоту цифры, все же не настоящая. Они стóютъ несравненно дороже, и подлинную ихъ стоимость узнàютъ наши внуки, а можетъ быть, и дѣти наши. Дѣло въ томъ, что мы беремъ расходуемое нами *тепло* «изъ запасовъ прежнихъ лѣтъ» *даромъ*, увѣривъ себя, что этотъ запасъ неограниченъ или безконечно великъ!.. Между тѣмъ, онъ очень конеченъ и даже не великъ.

Говорятъ о *правильномъ* лѣсномъ хозяйствѣ; но гдѣ же это правильное хозяйство? Не существуетъ ли самая возможность его въ нашемъ воображеніи? Факты же краснорѣчивы. Коммиссія техниковъ, составлявшая въ 1842 году проектъ канализаціи Эльбы, нашла низкія воды этой рѣки за 1842 годъ ниже когда-либо существовавшихъ прежде и отмѣченныхъ съ достаточною

ясностію на скалахъ Пильзена. Въ наивности своей, разсчитывая на *правильное* лѣсное хозяйство, она почла возможнымъ принять за самыя низкія воды—воды, стоящія на 6 д. выше низкихъ водъ 1842 года, и въ такомъ предположеніи сдѣлала проектъ. И вотъ, когда на исполненіе этого проекта при-эльбскими городами была израсходована сумма въ 40 милліоновъ гульденовъ, та же коммиссія съ ужасомъ и удивленіемъ увидѣла, что низкія воды 1858 года (только черезъ 16 лѣтъ) на 8 д. ниже водъ 1842 года, вслѣдствіе чего канализація рѣки не удалась. Не слѣдуетъ ли отнести эти 40 милл. на счетъ стоимости *желѣзныхъ* сооруженій въ періодъ отъ 1842 по 1858 годъ? Во что̀ можетъ оцѣнить человѣчество обмелѣніе всѣхъ рѣкъ Европы, обмелѣніе, идущее быстрыми шагами? Во что̀ обошлось оскудѣніе источниковъ, повлекшее за собою пріостановку дѣятельности заводовъ, работавшихъ водой, и замѣну ея двигателями паровыми, ведущими къ дальнѣйшему лѣсоистребленію? Назадъ тому не далѣе 10 лѣтъ мы кричали, что лѣсное богатство Россіи неисчерпаемо. Гдѣ же это богатство теперь? Лѣсоистребленіе стало общей тэмой разговоровъ, газетныхъ статей, мѣропріятій земствъ, но лѣсу отъ всего этого не прибавится, разъ по всему лицу земли свирѣпствуетъ эпидемія «техническаго прогресса». Мы уже начинаемъ чувствовать какое-то смутное безпокойство! Пиръ въ полномъ разгарѣ! Съ шикомъ, съ отвагою юнаго гусарскаго офицера, сжигаемъ мы цѣлыя лѣсныя области, чтобы *ускорить* (и только ускорить) работу, обрекаемъ цѣлыя мѣстности безводію и превращаемъ ихъ въ пустыни, доступныя всѣмъ вѣтрамъ и открытыя палящимъ лучамъ солнца, чтобы сшить себѣ непрочную рубашку или связать такіе же непрочные носки! Но запасъ тепла быстро тянетъ къ концу, пора ѣхать въ киргизскія степи за топливомъ, и вскорѣ человѣчество увидитъ удивительное зрѣлище, какъ будутъ сжигать *десять* саженъ, чтобы привезти *одну!*

Такимъ образомъ, если продукты заводской и фабричной техники есть поддѣлка въ прямомъ смыслѣ, то поддѣлка техники строительной—еще хуже. Это хищничество природы, незамѣтное за выдаваемымъ изъ запаснаго капитала дивидендомъ. Это миражъ, стоющій неисчислимо дорого, но за который рано или поздно тому или другому поколѣнію людей придется расплатиться. Итакъ, *основа* современнаго техническаго прогресса: замѣна *хорошей сущности—красивой внѣшностью.* Цѣль же всякаго новаго техническаго успѣха—ускореніе работы, и это понятно: такая цѣль логично вытекаетъ изъ первоначальной основы. Пре-

кратите скорость выдѣлки, и черезъ годъ, много *два*, декоративно одѣтое человѣчество окажется голымъ. Этой-то *скорости* главнымъ образомъ и приносится ежедневная жертва драгоцѣннаго запаса природы—топлива,—минеральнаго, которое истребляется *навсегда*, и растительнаго, которое возстановляется только въ незначительной степени. Пользуясь такими двигателями, какъ вѣтеръ и вода, мы имѣемъ *силу даровую*. Такая сила въ концѣ-концевъ окажется силою солнечнаго тепла, употребляя которую мы дѣйствительно производимъ новыя богатства на землѣ, не разрушая уже существующаго и накопленнаго богатства природы. Но при этомъ мы не можемъ *въ данную* единицу времени развить силу *произвольно* большую; мы не можемъ увеличивать скорость до безконечности. Паровая же сила, развивающаяся на счетъ химическаго процесса горѣнія, завися отъ количества тепла и давленія, можетъ быть сдѣлана очень большою, въ сравнительно короткое время. Отсюда возникъ тезисъ и принципъ *скорости* производства, скорости передвиженія, немыслимой ни при какой другой рабочей силѣ. Въ началѣ, конечно, предполагали, что скорость производства поведетъ къ увеличенію продуктовъ производствъ и къ удешевленію ихъ. На повѣрку же вышло, что эта скорость повела къ разнообразію и красотѣ внѣшняго вида произведеній, къ ухудшенію ихъ сущности и потому къ уменьшенію прочности и долговѣчности ихъ [1]). Прежде человѣкъ могъ шить новое платье въ три года разъ, теперь онъ его *долженъ* шить каждый годъ. Прежнее бѣлье носилось 5—10 лѣтъ, новое носится три-четыре года, и хотя само по себѣ стоитъ дешевле, но, будучи слабѣе въ большей степени, въ теченіи всей жизни человѣка поглощаетъ большую долю его работы, нежели поглощало прежде. Съ другой стороны, *форма*,

---

[1]) Независимо отъ частностей, вообще можно сказать, что и въ будущемъ широкое развитіе механической фабричной дѣятельности едва ли послужитъ къ *удешевленію* произведеній (съ точки зрѣнія потребителей). Дѣло въ томъ, что количество труда прядильщика и ткача (измѣреннаго хотя бы по отношенію къ потерѣ тепла во время работы и тѣмъ и другимъ) едва ли составитъ 1/100 часть той потерѣ этого тепла, которое необходимо для обработки, посѣва, произрастанія, сбора и подвоза къ станкамъ мѣры хлопка. Очевидно, что, *ускоряя* первую работу и не имѣя возможности ускорить *вторую*, по причинамъ отъ насъ независящимъ, мы безсильны удешевить продуктъ производства. Конечно, такое замѣчаніе слѣдуетъ понимать съ механической стороны. Съ коммерческой же стороны, мнѣ кажется, въ этомъ лежитъ причина, что капиталъ, создавая *бо́льшую* механическую силу, нежели нужно для *простой* (полезной) обработки сырого продукта, избытокъ этой силы тратитъ на форму произведенія, мало заботясь о полезности послѣдней. Принимая во вниманіе *стоимость* этой силы (по отношенію къ природѣ), во всемъ этомъ утѣшительнаго не много.

развиваясь крайне быстро, развила громадную массу фиктивных нуждъ. Недостаточно имѣть вещь извѣстнаго полезнаго назначенія, но необходимо имѣть ее въ современной формѣ. Такія фиктивныя нужды стали настоятельнѣе нуждъ существенныхъ, и потому теперь многіе находятъ страннымъ заботу о сущности ещи. Эта же особенность, заставляя производство спѣшить раз-ообразіемъ внѣшности, породила употребленіе непрочныхъ и редныхъ анилиновыхъ красокъ и фуксина, и въ самомъ произ-дствѣ допустила такіе пріемы, которые, вредно дѣйствуя на оровье рабочаго, разрушаютъ въ то же время прочность про-зеденій (бѣлѣніе хлоромъ и т. п.) [1]). За всѣмъ тѣмъ во всемъ мъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ вредныхъ частностей изводства, не было бы ничего дурного. Напротивъ, мы ни-) не теряемъ, имѣя возможность одѣваться часто въ новое и дый разъ въ болѣе красивое платье; пусть сущность нашей ановки мишура, но разъ, при безпрерывной замѣнѣ новаго, не полинявшаго, еще болѣе новымъ, мы смѣло можемъ имать мишуру за золото, манчестеръ за бархатъ, стразы за іанты—во всемъ этомъ много неизвѣданнаго нашими пред-удовольствія. И все это было бы дѣйствительно прекрасно, ь могло продолжаться вѣчно или по крайней мѣрѣ долго. (каменный уголь), найденный нами случайно, и признан-а неисчерпаемый, скоро будетъ исчерпанъ, а паровая ма-роковымъ образомъ множится въ числѣ не по днямъ, а амъ, и, способная ковать громадныя массы желѣза, за-жантильную претензію шить нѣжное бѣлье и дамскія Послѣднее уже *сознается* многими,—чувствуется же почти но подобно тому, какъ сознаніе чрезмѣрнаго опьяненія спѣшитъ утопить въ delirium tremens'ѣ, такъ нѣкоторые болѣе чувствующихъ спѣшатъ закрыть свои глаза фан-зими представленіями съ увѣреніями, что *пробужденіе*, или утѣшаютъ себя *демократизирующимъ* вліяніемъ каго прогресса, указывая, что баринъ и слуга одѣты), но забывая прибавить—одинаково бѣдно. Между тѣмъ, замѣтно истребленіе лѣса, повлекшее за собою обме-съ Европы, оскудѣніе источниковъ и увеличеніе навод-кже уничтоживъ сущность въ пользу недолговѣчной

типичный образчикъ, можно привести подмѣшиванье въ гуттаперчевую ливки резиновыхъ калошъ—песка и глины. Фабриканты увѣряютъ, что ости, на самомъ же дѣлѣ гуттаперчевыя калоши безъ глины и песка может быть, втрое долѣе. Тутъ все дѣло въ быстротѣ обращенія ка-

формы, кому, по правдѣ сказать, эта техника оказала благодѣянія? Никому, рѣшительно никому, ниже самому обогатившемуся фабриканту. Она, кромѣ всего прочаго, убила *идею* и *увлеченіе* трудомъ, убила смыслъ накопленія богатства, и превратила нашу жизнь въ нѣчто до крайности пустое и нелѣпое.

Вчерашній торгашъ, парія въ нравственномъ, умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, сегодня получилъ концессію, и дѣлается *великимъ* міра! Онъ—сила, идолъ, которому приходится кланяться. Но въ чемъ выразится его величіе, куда пойдутъ его фиктивные капиталы? Онъ по прежнему въ тревогѣ, не доѣлъ и не доспалъ на эти капиталы, какъ прежде не доѣдалъ и не досыпалъ за цѣлковый. Его *гонитъ* нажива, и куда, къ какой цѣли, къ какому концу? Прежній меценатъ-богачъ зналъ цѣну своего богатства, заставляя его служить мысли, мысли, вылившейся въ прочную форму и способной переживать вѣка. Трудъ Микель-Анжело великъ, онъ существуетъ уже шесть столѣтій. И этотъ трудъ великъ не самъ по себѣ, но по той идеѣ, по той громадной силѣ, которая воодушевляетъ человѣка не желаніемъ нажить бóльшую кучу штампованной бумаги, но желаніемъ превзойти себѣ подобныхъ величіемъ мысли, талантомъ выполненія и геніемъ цѣлаго. Вспомнить, что въ тѣ темныя, варварскія времена короли снимали шляпы, спускаясь въ мастерскую художника! Красота доставалась человѣку трудно, и онъ по неволѣ выбиралъ благородный матеріалъ для изящной и прочной формы. Я говорю: «художникъ»—понимая это слово весьма широко, такъ какъ въ то время всякій *ремесленникъ* былъ и художникомъ. Произведеніе давало значеніе фирмѣ. Покупавшія вещи платили въ сущности *меньше* ея дѣйствительной стоимости. Существовала *техническая отвѣтственность*, одно названіе которой приводитъ современныхъ техниковъ въ ярость. Говорили: *вещь работы такого-то*, не для опредѣленія ея должной стоимости, но для опредѣленія ея *несомнѣннаго* достоинства. Слѣдовательно, тогда въ произведеніе клали не только трудъ, но и честь, трудъ становился не только средствомъ жизни, но и цѣлью ея. Всякій рождался не затѣмъ, чтобы уничтожить извѣстное число пудовъ пищи, но произвести что-либо прочное, что-либо болѣе *долговѣчное*, нежели онъ самъ. При этомъ могло накопляться богатство, и богатство дѣйствительное, а не фиктивное. Однако я ни минуты не думаю, что древнее ремесло было *выше* современнаго. Это нелѣпость. Современная наука богаче древней, — современное машинное производство—ни въ чемъ не похоже на прежнее. Одинъ какой-нибудь цилиндрическій патронъ, патронной фабрики,

могъ бы поставить втупикъ и изумленіе лучшаго оружейника среднихъ вѣковъ. Но я утверждаю, что прежній ремесленникъ былъ лучше современнаго ремесленника, обреченнаго дѣлать $1/_{28}$ часть булавки, $1/_{12}$ часть игральной карты и при томъ дѣлать не лучше, но скорѣе, оставляя какъ можно менѣе своего личнаго *я* на работѣ. Никакая швея не можетъ сдѣлать руками ого, чтó сдѣлаетъ всякій на швейной машинѣ ногами,—но ея рудъ—былъ трудомъ осмысленнымъ, доставлявшій вѣроятность овершенствованія, и позволявшій личные варіанты по желанію инціативѣ мастерицы. Машинный трудъ, не допуская ни овершенствованія, ни варіантовъ сообразно моему желанію, гдъ идіотскій, прямо приводящій къ безапелляціонному рѣше-, что жизнь—«пустая и глупая шутка». Слѣдовательно, я забо-ь не о произведеніи, а о человѣкѣ производящемъ.

Покуда стремленіе—сдѣлать *лучше* сосѣда, замѣнялось стреніемъ заработать *больше* сосѣда, равновѣсіе стимуловъ казавосстановленнымъ, но это только покуда, которое, кажется, проходитъ. Заработки и значительные выпадаютъ на долю орыхъ, но довольныхъ не видно. И это понятно. Если ную швею искусство ея не всегда кормило сытно и одѣдостаточно тепло, то оно все же давало ей преимущество швеей менѣе искусной. Глядя на безукоризненный шовъ, зную, прямую и чистую строчку, она могла ощущать иэго рода гордость.

ежде, еще недавно, думали, что *нажить* деньги—трудно, ъ и разумъ, да и искусство тоже. Теперь, когда весь свѣтъ, что вчерашній проходимецъ, битый не разъ кредиторами и й росписки на пряникахъ, нажилъ милліоны, иллюзія сама опала на-поваль, и кое-кто сталъ догадываться, что, должно огатства бываютъ не настоящія. Изъ-за чего же онъ бьется? его милліоновъ, также какъ отъ оловянныхъ пуговицъ ькѣ, свинцовыхъ лампъ, гипсовыхъ статуекъ и олеограь картинъ, не останется воспоминаній. Пусть Ротшильдъ эвыразимую цифру милліоновъ—и ни одно поколѣніе итъ ему самаго маленькаго памятника. Пусть уберетъ ату изумрудами и серебромъ,—она все же будетъ бѣдты Вольтера, съ ея шерстяными занавѣсами, отъ коче шестое поколѣніе обрываетъ лоскутья на память! Поабыли именно многихъ богачей, за которыми бѣгали но не забыли Беранже, составителя нѣсколькихъ девуазныхъ пѣсенъ, хотя онъ умеръ бѣднякомъ—имѣя и случаи нажиться? Потому, что послѣдній богатъ

тѣмъ золотомъ, которое не ходитъ на биржѣ, и, сохраняя настоящую и вѣчную цѣнность, не способствуютъ ажіотажу. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ человѣкѣ—два человѣка: *человѣкъ плоти*, который ѣстъ, пьетъ, родитъ плоть, и ничѣмъ (кромѣ часто разстроеннаго пищеваренія) не отличается отъ животнаго, коровы, лошади, собаки и т. п. Назначеніе его — измѣнить форму съ помощію пищевыхъ органовъ, въ извѣстномъ вѣсовомъ количествѣ матеріи—и другой цѣли ему нѣтъ. Въ звенѣ природы онъ ни на волосъ ни выше, ни ниже и благороднѣе своихъ сосѣдей, жующихъ жвачку. Другой человѣкъ—*человѣкъ мысли*, человѣкъ идеи. Это—творецъ, «громамъ повелѣвающій», считающій «пески—лучи планетъ» и ведущій постоянную борьбу съ природой: за право, за справедливость и за разумъ! Онъ стоитъ (или, вѣрнѣе, стремится поставить себя) внѣ природы, дабы со стороны наблюдать и изучать ея сложныя явленія и законы. Такой подвигъ труденъ, мало того, скажемъ просто, *онъ не естественъ*, но за то ему-то, какъ дѣлу чисто человѣческому, и поклоняются люди. Цѣль и назначеніе человѣка плоти—*здоровье*, т.-е. постоянная готовность уничтожить приходящуюся на его долю пищу. Чѣмъ этотъ человѣкъ плоти болѣе ѣстъ, крѣпче спитъ и легче родитъ, тѣмъ лучше, тѣмъ онъ совершеннѣе. Наоборотъ, человѣкъ мысли въ значительной степени разстраиваетъ здоровье человѣка плоти, онъ заставляетъ эту плоть тратить свои животныя силы не на той простой работѣ, какъ предполагала природа, но на работахъ исключительно человѣческихъ. Мало того: тезисы природы и тезисы человѣка взаимно исключаются. Природа построена по закону эгоизма—по закону права сильнаго: кто кого сможетъ, тотъ того и сгложетъ. Война желудковъ—вотъ жизнь природы. Напротивъ, тезисы человѣка мысли—миръ, основанный на взаимной выгодѣ,—справедливость, вмѣсто права силы,—великодушіе, самоотверженіе—вмѣсто эгоизма. Весьма легко себѣ представить, что если бы человѣку мысли удалось побѣдить плоть, то этотъ человѣкъ вышелъ бы изъ природы, и тогда получилъ возможность не только понять и увидѣть законъ жизни, во всемъ его объемѣ, но и сдѣлать въ немъ надлежащія измѣненія *въ свою* пользу. Такое стремленіе, хотя уже намѣчено человѣческой исторіею давно, еще далеко до своего разрѣшенія. Борьба человѣка мысли съ человѣкомъ плоти шла и идетъ и понынѣ, — борьба не на животъ, а на смерть. Результатомъ ея оказываются различныя аномаліи въ жизни отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ народовъ. За плотью стоитъ вся природа со всѣми ея животными инстинктами, а за мыслью только историческое прошлое человѣка и значительная

доля *мыслительной* силы, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ наслѣдственнымъ. Превосходныя страницы Золá, гдѣ онъ повторяетъ библейскую войну *тучныхъ* и *тощихъ*, въ сущности представляютъ такую борьбу мысли и плоти въ лицахъ. Но если тощіе не безъ плоти, то тучные не безъ мысли. Вотъ почему теперь такъ мало довольныхъ. Тучный, не желая поддерживать силу мысли, не задаваясь цѣлью осилить природу и заботясь о питаніи своей плоти *раньше* и *прежде* всего, несомнѣнно обижается, если это ему высказываютъ. Мало того: онъ дѣлаетъ даже попытки заслонять отъ себя такой, по его мнѣнію, непріятный выводъ. То пожертвуетъ капиталъ на богадѣльню, купитъ себѣ титулъ барона, то даже дастъ кое-что и на школу, или университетскую стипендію. Объясняется это прямо тѣмъ, что если животная жизнь вполнѣ обусловливается и дирижируется человѣкомъ плоти, то общественная, соціальная, гражданская жизнь наша уже на половину, по меньшей мѣрѣ, подчинена человѣку мысли, который хотя частенько умираетъ съ голоду—убитый во плоти, но воскресаетъ въ мысли, которой человѣчество ставитъ на долгія времена и вещественные и невещественные памятники. Мамонъ еще властвуетъ и владѣетъ, но онъ не царствуетъ надъ человѣкомъ. Плоть еще дерзаетъ распинать «Царя Іудейскаго», но и она уже вѣритъ, что этотъ царь воскреснетъ въ третій день, и возстановитъ разрушенные храмы. Тучные милліонеры бьются какъ рыба объ ледъ, наживая милліонъ за милліономъ, въ грустномъ чаяніи дойти до *царствующаго* числа милліоновъ, но тщетно. Вотъ ихъ десять, вотъ ихъ сотъ ихъ тысячи, а все недостаточно, чтобы царствовать надъ... Милліону кланяются, ему даже удивляются,—у него обѣдаютъ, занимаютъ деньги, спрашиваютъ совѣта, но надъ нимъ потѣшаются, оскорбляютъ публично съ подмостковъ театра, ...ютъ въ лакейской, на улицѣ и на биржѣ! Итакъ, если ... плоти владѣетъ человѣкомъ мысли,—то, въ свою очередь— ... мысли царствуетъ—надъ человѣкомъ плоти. Тàкъ по ... мѣрѣ было, тáкъ есть, и надо думать что тáкъ будетъ, ...счастливаго момента, когда царствующему будетъ при... титулъ владѣющаго нами! Но я уклонился отъ прямой ..., съ которою сказанное имѣетъ только побочную связь.

...къ образомъ, *дешевизна* труда и *дороговизна* матеріаловъ ...отки воцарили форму надъ сущностью и произвели ...одящую *моду*, цѣль которой—быстрое истребленіе по...ьнаго ряда возникающихъ богатыхъ формъ при той же ...цности. Въ результатѣ—обнищаніе природы и обра-

зованіе на ея счетъ фиктивныхъ капиталовъ и богатствъ. Уже теперь ясно, что вся суть технического прогресса — *скорость производствъ*, достигаясь на счетъ запасовъ имѣющаго на землѣ топлива,—ничѣмъ не обогатила ни общества, ни человѣка. Она сняла съ него шолкъ и бархатъ и надѣлила бумагой, — золото промѣняла на сплавъ мѣди съ цинкомъ, брилліанты на стразы; но что самое худшее—она имя честнаго производителя, автора вещи, замѣнила, — миѳомъ, — господиномъ «Никто»—лицомъ не юридическимъ и потому неотвѣтственнымъ.

III.

Еще разъ повторяю, что, не вооружаясь противъ техники,—въ настоящемъ изложеніи я возстаю противъ того именно господина «Никто», который обратилъ весь техническій прогрессъ въ свое домашнее животное и разрушаетъ съ его помощію природу въ свою пользу, тогда какъ ея богатства годились бы и намъ, и потомкамъ нашимъ. Возставать же противъ самыхъ техническихъ успѣховъ было бы глупо, и еще болѣе смѣшно. Конечно, въ экономическомъ отношеніи выгоднѣе, если бы человѣкъ могъ справлять всѣ свои нужды десятью природными пальцами, но разъ это стало фактически невозможнымъ еще во времена каменнаго періода, то въ наши дни невозможность такого порядка вещей болѣе нежели очевидна. Признавъ же необходимымъ для человѣка топоръ, ножницы и молотокъ, мы были бы крайне ограничены, осуждая всѣ усовершенствованія, дѣлаемыя въ этихъ инструментахъ съ цѣлью уменьшенія и ускоренія человѣческой работы. Нѣтъ, самъ по себѣ техническій прогрессъ, какъ конкретное представленіе и понятіе, есть замѣчательнѣйшій памятникъ нашему вѣку. Мало того, самая *контрафакція* машинныхъ произведеній—не дѣло (по крайней мѣрѣ, за ничтожнымъ исключеніемъ) этого прогресса. Не все ли равно машинѣ прясть шелкъ, бумагу или шерсть? Не все ли равно ткать чистый ленъ, или ленъ съ бумагой? Слѣдовательно, не разрушеніе машинъ, не запрещеніе изобрѣтеній, не «точку» для техническаго прогресса, подразумѣвалъ я, осуждая технику,—напротивъ, я подразумѣвалъ *техническую отвѣтственность* производителя, и самое производство считалъ полезнымъ ограничить только въ этомъ смыслѣ, и затѣмъ мнѣ нѣтъ дѣла до измѣненій, которыя должны будутъ претерпѣть орудія производства: машины и технологія, — разъ принципы производства будутъ поставлены на менѣе техническую почву. Я говорю—необходима техническая отвѣтственность

не только въ смыслѣ добросовѣстнаго выполненія проекта, — но и въ смыслѣ цѣлесообразности и пользы самаго проекта. Напрасно думають, будто изобрѣтеніе вообще безвредно, если не всегда полезно, — одинъ изобрѣтатель всегда невиненъ. Наши средства *самопознанія* такъ еще слабы, такъ туго примѣняются къ изученію акцій и реакцій въ обществѣ того или другого новаго фактора, что мы можемъ видѣть *зло*, произведенное этимъ факторомъ, только когда оно становится *очевиднымъ*, такъ сказать, бросается въ глаза массѣ. Напримѣръ: до сихъ поръ еще говорятъ, что желѣзная дорога поднимаетъ промышленность края, между тѣмъ можетъ случиться совершенно обратное: желѣзная дорога можетъ усилить *денежные* обороты центровъ, и *убить промышленность страны*. Обороты Москвы, Петербурга, Кіева, Варшавы, Одессы несомнѣнно усилились, но за то промышленность и торговля попутныхъ городовъ упала. Это—фактъ. Если прежде, еще въ 1860 году, можно было, напр., въ Брестъ-Литовскѣ достать и хорошее полотно, и порядочную матерію; если тамъ дѣлали не красивую, но прочную и дешевую мебель, шили сапоги и прочее, то въ настоящее время при четырехъ желѣзныхъ дорогахъ, пересѣкающихъ этотъ городъ, нельзя уже найти ни сноснаго полотна, ни порядочной мёбели, но за то можно ихъ получить изъ Варшавы, Москвы, Кіева, словомъ—изъ центровъ. Дорога, соединяющая Владикавказъ съ Россіей, только-что кончена, и товары покуда идутъ къ намъ черезъ Астрахань (куда сплавляются водою) по степи, на верблюдахъ и быкахъ, по 60 коп. съ пуда. Торговля владикавказская процвѣтаетъ, промышленность тоже. Здѣсь есть мебельщики, портные, сапожники; есть свой «*техникъ зубного искусства*», какъ гласитъ вывѣска, мѣдники, лампистъ, словомъ—чего хочешь, того просишь, но, конечно, произведенія этихъ художниковъ не могутъ выдержать конкурренціи съ произведеніями столицы. Съ прибытіемъ къ намъ перваго локомотива—едва ли дѣло улучшится, но послѣ соединенія Владикавказа съ Тифлисомъ черезъ горы навѣрное ухудшится. Владикавказъ станетъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи пригородомъ Тифлиса. И въ настоящую минуту вы здѣсь достанете прекрасную берлинскую лампу Стобвассера, издѣлія русской кожи, и вообще предметы роскоши, за цѣны петербургскія, потому что дороговизна перевозки тонетъ въ дороговизнѣ этихъ маловѣсныхъ вещей вообще. Дорого здѣсь желѣзо, стекло, дерево, словомъ, сырые матеріалы и притомъ тяжеловѣсные. Предметы эти подешевѣютъ съ пріѣздомъ локомотива, но такъ какъ цѣны на все прочее, какъ-то: квартиры, хлѣбъ, мясо, фрукты, поднимутся, то въ результатѣ,

вмѣсто обогащенія города, желѣзная дорога произведетъ его обнищаніе. Магазины роскоши,—которымъ придется конкуррировать съ Тифлисомъ или съ Одессой (чрезъ Ростовъ), найдутъ свое существованіе невыгоднымъ. Магазины бакалей будутъ держать плохой сыръ, кривые чайники, да литое стекло, ибо все прочее—каждый богатый житель Владикавказа можетъ самъ выписать изъ центра [1]) и т. п. Мёбельщики, сапожники и портные потеряютъ самую лучшую половину своей работы, а потому принуждены будутъ всѣ средства для своего существованія брать съ бѣдняковъ. Но этого мало. Теперь мѣстное населеніе бѣдной ставропольской губерніи занимается извозомъ, у кого есть лошадь или пара воловъ, тотъ и хозяинъ. Везетъ онъ на быкахъ товары по степи и изъ 5-ти паръ продаетъ во Владикавказѣ 4, а легкія двухъ-колесныя телѣжки везетъ на одной пятой парѣ назадъ. Въ результатѣ этого—благосостояніе мелкихъ собственниковъ и дешевизна мяса во Владикавказѣ. Желѣзная дорога убьетъ и то и другое. Собственнику воловъ, при счастіи, удастся поступить желѣзно-дорожнымъ сторожемъ, — заработокъ его замѣнится жалованьемъ, вольный трудъ—службой въ пользу акціонера. Барыши, остававшіеся въ ставропольской губерніи, развѣются по всему лицу Россіи и $^9/_{10}$ ихъ числа увеличатъ капиталы центровъ. Но и это еще не все. Дорóга животный трудъ замѣнила трудомъ механическимъ, заставя работать химически произведенную *теплоту*, т.-е. сдѣлала новую брешь въ кладовой природы. Всякій знаетъ, что она будетъ работать въ убытокъ, и такъ какъ, кромѣ того, построена по принципу *дешевизны*, а что̀ дешево, то гнило, съ саманными станціями, съ дурнымъ балластомъ, то весь ея небольшой заработокъ пойдетъ на ремонтъ, а собственно *барыши* акціонерамъ будетъ выдавать государство, т.-е. опять-таки лица, въ барышахъ предпріятія не участвующія. Итакъ, логическій выводъ прямо указываетъ, что край можетъ обѣднѣть, мѣстная промышленность упадетъ, торговля уменьшитъ свои обороты, природа потеряетъ въ годъ нѣсколько сотенъ десятинъ лѣса, а государство заплатитъ лишніе 600,000 руб.=5% гарантіи. Выиграютъ 3—4 богатыхъ акціонера, да биржа городовъ Одессы, Москвы, можетъ быть, Ростова.

Требуя отвѣтственности за цѣлесообразность изобрѣтенія или вообще техническаго проекта, я однако не имѣю въ виду отвѣт-

[1]) Въ частности, по отношенію къ Владикавказу, всего этого можетъ и не случиться потому только, что этотъ городъ имѣетъ всѣ данныя сдѣлаться центромъ Сѣвернаго Кавказа.

ственности изобрѣтателя и техника за вторыя и третія послѣдствія ихъ изобрѣтеній и работъ на пользу общества. Такого рода требованія были бы равносильны требованіямъ обязательнаго пророчества отъ лица, необладающаго и необязаннаго обладать даромъ ясновидѣнія. Нельзя изобрѣтателя первой *деревянной* желѣзной дороги, на каменно-угольныхъ копяхъ въ Англіи, дѣлать отвѣтственнымъ за всѣ громадныя послѣдствія и хорошія, и дурныя, порожденныя въ обществѣ его изобрѣтеніемъ. Нельзя винить ни Уатта, ни Стефенсона за лѣсоистребленіе, такъ какъ въ немъ виновато все человѣчество, допустившее, чтобы ради минутной выгоды громадная и дорогая сила расходовалась на вязанье чулокъ, т.-е. на работу, считавшуюся по силамъ старой бабѣ! Нѣтъ, понятіе о цѣлесообразности проекта должно быть значительно съужено. Всякій техническій проектъ долженъ быть цѣлесообразенъ въ границахъ своего техническаго смысла и значенія. Напримѣръ: если инженеръ проектируетъ домъ — то послѣдній долженъ быть *удобенъ* для жительства, прочень, сухъ, тепелъ и здоровъ; больница должна быть зданіемъ возстановленія здоровья больного, а не мѣстомъ вѣчной болѣзни; дорóга должна быть вполнѣ безопасна, прочна, не требовать большого ремонта и т. п., и въ такихъ предѣлахъ *инженеръ* долженъ быть отвѣтственъ передъ обществомъ.

Но я слышу уже недоумѣвающіе возгласы моихъ читателей,— изъ которыхъ одни убѣждены, что такая отвѣтственность существуетъ, а другіе (техники), напротивъ, увѣрены, что она невозможна. И тѣ и другіе ошибаются. Первымъ я долженъ возразить, что техническая отвѣтственность можетъ быть только *личною*, а такъ какъ *личность* ремесленника убита всѣмъ строемъ современной техники, то объ отвѣтственности личной не можетъ быть и рѣчи.—Вторымъ, напротивъ, я долженъ доказать, что *личная* отвѣтственность техника вполнѣ возможна. Пусть же они вспомнятъ Альбрехта Дюрера, Микель-Анжело, и вообще всѣхъ прежнихъ зодчихъ, не исключая и молодыхъ, но отвѣтственныхъ лично, инженеровъ Великаго Петра, произведенія которыхъ намъ приходится уничтожать порохомъ [1]). Почему постройки на Дону, конца XVIII столѣтія, видны и понынѣ, тогда какъ постройки 30-хъ годовъ XIX стол. уничтожены временемъ?! Но объ этомъ

---

[1]) Объ истинѣ этого можетъ свидѣтельствовать М. Борсковъ, работавшій надъ разрушеніемъ Петровской стѣны въ средней гавани въ Кронштадтѣ. Тамъ, когда сломали шестой тулонскій винтъ, при выдергиваніи Петровскихъ свай, принуждены были прибѣгнуть къ взрывамъ.

подробнѣе послѣ; я уже слышу грозное слово: a—force majeur'ы? Вы забыли непреодолимыя силы, съ которыми борется техника, и не всегда успѣваетъ подчинить ихъ себѣ при всей честности, при всемъ желаніи своихъ представителей! Самый опытный морякъ можетъ потерпѣть крушеніе. Вліяніе климатическихъ и метеорологическихъ факторовъ на произведенія, хотя бы строительнаго искусства, громадно. Больше дождя, больше снѣга, чѣмъ записано за памятью дѣдовъ,—и лучшіе мосты падаютъ, крѣпчайшія сооруженія размываются. Морозъ дробитъ стальные рельсы, сырость портитъ шпалы скорѣе, нежели кто либо могъ предполагать. Возможна ли при всемъ этомъ уголовная отвѣтственность инженера?—Но имѣетъ ли онъ всегда въ этихъ «мажорныхъ» силахъ природы своихъ вѣрнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ защитниковъ передъ судомъ общественной совѣсти?

Вообще, къ чему тутъ силы природы, что̀ значатъ самые сильные дожди, громы, снѣга, морозы, вѣтры и прочее, одинаково проносящіеся и надъ постройками старыхъ и новыхъ инженеровъ, но почему-то страшные только послѣднимъ, передъ ужаснѣйшей, неопреодолимѣйшей мажорной силой — *низкой страстью къ деньгамъ*, которая разрушаетъ мосты и дробитъ рельсы,—силой, которая, взобравшись на профессорскую каѳедру, вмѣсто *лучшихъ* способовъ, преподаетъ юношеству *дешевѣйшіе* способы, и съ первыхъ шаговъ пріучаетъ ихъ умъ къ компромиссамъ, между указаніями точнаго знанія, законами физики, химіи, механики, и барышами, ради дешевизны построекъ и дороговизны ремонта сооруженій? Сколько дождя нужно, чтобы смыть правильно устроенный мостъ, сколько времени, грозъ, вѣтровъ и прочаго необходимо, чтобы разрушить угловыя башни Супраслійскаго монастыря [1]), уже 700 лѣтъ стоящихъ безъ малѣйшихъ поврежденій? Но является грозная сила удешевленія, ведя за собой: кирпичъ плохого качества, *саманъ*, *турлукъ* и тому подобныя изобрѣтенія бѣдности, варварства и невѣжества, и вотъ, дожди размываютъ станціи, рѣки сбрасываютъ мосты, вѣтеръ разрушаетъ полотно дороги, морозъ разбиваетъ рельсы (бракованные—прибавимъ въ скобкахъ—ибо эти стоютъ дешевле), и техникъ-инженеръ оправданъ. Извольте видѣть, его побѣдили force majeur'ы! По-моему, если бы случилось землетрясеніе въ Петербургѣ, то архитекторы обрушенныхъ домовъ могли бы быть оправданы; но за обрушеніе домовъ въ Шемахѣ, за исключеніемъ какого-либо изъ ряду вонъ выходящаго переворота, техника должна быть отвѣтственна.

[1]) Гродненской губерніи, въ мѣстечкѣ Супраслѣ, въ 15 верстахъ отъ Бѣлостока.

Въ Петербургѣ климатъ сырой, но дома должны быть сухи, и техника даетъ указаніе, какъ это сдѣлать. Рельсы, выдержавшіе установленную пробу, не лопнутъ отъ 40⁰ мороза, иначе въ такой морозъ лопались бы *всѣ* рельсы, что было бы равносильно невозможности проводить желѣзныя дороги въ сѣверныхъ странахъ. Если же лопнули нѣкоторые, виноватъ техникъ, допустившій ихъ пріемку. Мосты съ отверстіями, построенными по правиламъ, собраннымъ у Клоделя, Понселе и друг., стоятъ вѣка, на нихъ не вліяютъ ни высокія, ни низкія воды цѣлыхъ столѣтій; нѣтъ основаній предполагать, чтобы это правило перестало быть справедливымъ для работъ современныхъ инженеровъ? Очевидно, кирпичъ съ начинкою изъ негашеной извести, растирающійся между пальцами, не можетъ выдерживать атмосферныя перемѣны такъ же хорошо, какъ кирпичъ изъ перемятой, перемороженной глины, какъ его дѣлали наши предки; но кто же виноватъ? Тотъ же принципъ дешевизны — внѣдрившійся во всю технику и заставляющій мечтать о произведеніи, способномъ въ кратчайшій срокъ доставить возможно *бо́льшее количество денегъ*, какъ будто въ этомъ заключается вся суть и смыслъ человѣческой дѣятельности. Разъ техника не предъявляла бы требованій на дурной матеріалъ, его бы и не было въ предложеніи. Я имѣю въ виду ходячее мнѣніе, что инженеръ обязанъ создать *хорошее* изъ *плохого* матеріала, и возраженіе, что если онъ будетъ заниматься только капитальными сооруженіями, то вскорѣ человѣчеству негдѣ будетъ укрыться отъ непогоды; но думаю, что такъ какъ современная медицина пришла къ выводу, что лучше не лечить вовсе, чѣмъ ощупью и съ помощію недѣйствительныхъ средствъ, такъ же должна сдѣлать и техника. Дурной, сырой и непрочный домъ — не домъ. Построивъ его, человѣчество не избавилось отъ бѣдствій, напротивъ, можетъ быть еще увеличитъ ихъ. Нисколько не парадоксально мнѣніе, что даже холодный чистый воздухъ здоровѣе сырой атмосферы подвала. Въ первомъ случаѣ, мы боремся противъ вѣковыхъ неблагопріятныхъ условій, потому эта наслѣдственная борьба выработала для насъ нѣкоторое спасеніе, заключающееся въ особенностяхъ нашей натуры (сжатіе поръ кожи, покрытіе ее пухомъ у животныхъ, усиленное дыханіе, движеніе и т. п.), но противъ ненатуральной сырости квартиры наша природа безсильна — это отрава, которая губитъ ее навѣрняка.

Наконецъ, если строить изъ подручнаго матеріала, къ чему тогда инженеръ, къ чему знаніе? Всякій мужикъ и даже баба съумѣетъ построить мазанку изъ турлука или самана. Слѣдо-

вательно, тратить деньги на инженеровъ, на содержаніе строительныхъ училищъ, институтовъ и академій—напрасно. Чтобы строить дешево, достаточно десятника; инженеръ и вообще ученый техникъ долженъ существовать для того, чтобы строить прочно и здорово; въ томъ его прямое назначеніе, и въ этомъ смыслѣ онъ обязанъ быть отвѣтственнымъ. Но разъ мы поставимъ технику на строго-научную почву, намъ сейчасъ же придется сойти съ почвы экономической, на которой мы такъ прочно усѣлись. Дѣло въ томъ, что строить можно или прочно и здорово, или *дешево*. Если наука учитъ строить прочно и здорово, то экономическія условія нашего быта, рабство капиталу, живущему оброками съ труда, заставляютъ строить дешево. Есть однако мудрецы, воображающіе, что можно строить и дешево и здорово; но это явное заблужденіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, взглянемъ поближе на практическое значеніе слова *дешево* въ примѣненіи къ постройкамъ. Цѣнность всякаго сооруженія составляется изъ:

1) Процентовъ на капиталъ, реализаціи капитала и прочее. Эта часть вполнѣ непроизводительна, произвольна, и потому, не составляя необходимаго элемента цѣнности сооруженія, можетъ быть вовсе выброшена. Другими словами: на эту часть цѣнности построекъ можно смотрѣть, какъ на дань биржѣ.

2) Изъ процентовъ подрядчика, коммиссіонеровъ, изъ платы за техническое знаніе и надзоръ. Эта часть не можетъ и не должна быть дѣлаема дешевле необходимаго, такъ какъ при сколько-нибудь значительномъ сооруженіи этотъ процентъ ничтоженъ.

3) Изъ цѣны за работу. Главная работа при строеніи можетъ быть разсматриваема, какъ работа силы тяжести. Всякое строеніе имѣетъ извѣстный вѣсъ, точно равный вѣсу употребленныхъ на него матеріаловъ. Этотъ вѣсъ долженъ быть привезенъ и поднятъ на извѣстную высоту. Сила, способная это выполнить, составитъ главную потребную рабочую силу при сооруженіи. Такъ какъ вѣсъ строенія постояненъ, и силы, имѣющіяся въ распоряженіи для преодолѣнія этого вѣса, также постоянны (т.-е. извѣстныя силы—поѣзда, лошади, человѣка), то удешевленіе и тутъ немыслимо. Ни строеніе не можетъ быть сдѣлано легче, ни сила больше; слѣдовательно, и эта часть стоимости постоянна. Вторая, меньшая по значенію,—работа штучная, состоящая въ приданіи извѣстному матеріалу необходимыхъ формъ, можетъ быть подвержена колебанію. Такимъ образомъ, при выдѣлкѣ кирпича можетъ быть мятье сдѣлано *хуже*, и въ извѣстное время за то

выработано болѣе *дешеваго* кирпича. Тёска камня можетъ быть сдѣлана менѣе тщательно, пригонка и обдѣлка деревянныхъ частей менѣе совершенна, на что̀ потребуются менѣе искусные мастера, или меньше времени,—и работа станетъ дешевле. Наконецъ,—

4) Изъ цѣны матеріала. Тутъ удешевленіе возможно въ самой значительной степени. Хорошій кирпичъ сто̀итъ отъ отъ 12—14 и до 20 рублей за тысячу. Тысяча самана сто̀итъ 1 рубль, или въ 12 разъ менѣе. Сосна, гдѣ ея нѣтъ, сто̀итъ очень дорого, и ее замѣняютъ—карагачемъ, который коробится,—ясенью, которая трескается, и тому подобными породами *дешевыхъ* деревъ, и удешевляютъ постройку вдвое. Насколько соблазнительно можетъ быть такое удешевленіе, лучше всего видно на примѣрѣ рельсовъ. Нормальный вѣсъ виньолевскаго рельса 26 фунтовъ одинъ пог. футъ. Уменьшите этотъ вѣсъ только на 4 фунта, допустите рельсы въ 22 фунта и на разстояніи 600 верстъ, для которыхъ нужно 5.000,000 футъ рельсовъ, мы, считая съ развозкой пудъ рельсовъ въ 2 рубля, выгадываемъ цѣлый милліонъ. А что̀, казалось бы, значитъ 4 фунтика меньшаго вѣса? Слѣдовательно, дешевая постройка,—есть несомнѣнно *худшая* постройка, т.-е. такая, гдѣ точныя указанія науки, по части границъ прочности и доброкачественности, пасуютъ передъ требованіемъ сохранить неприкосновеннымъ денежный капиталъ. И замѣтьте,—удешевленіе исключительно только можетъ быть достигнуто (при данномъ проектѣ) ухудшеніемъ работы и употребленіемъ матеріаловъ низкаго качества. Вотъ, слѣдовательно, точка приложенія majeurной силы нашего времени, дѣлающей всѣ наши эфемерно-грандіозныя сооруженія недолговѣчными. Затѣмъ, по части удешевленія, остается еще одинъ пріемъ—*ухудшеніе* самаго проекта. Это также операція выгодная. Напримѣръ, надо построить *шоссе*. Подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ дорогу, удобную во всякое время года, не тяжелую ни для лошадей, ни для экипажей. Вооружившись принципомъ удешевленія, легко уменьшить *количество* работъ противъ необходимаго для проведенія настоящаго шоссе. Сдѣлайте шоссе съ уклономъ въ $^1/_{17}$,—оно станетъ значительно дешевле шоссе съ уклономъ въ $^1/_{30}$ и $^1/_{25}$, но за то, если по послѣднимъ всегда бы ѣздили, — то первое постоянно и всегда будутъ объѣзжать. Къ этому же разряду относятся всякія сдѣлки съ требованіями науки, происходящими изъ принципа, лучше *что-либо, нежели ничего*. Говорятъ: «лучше какая-нибудь дорога, нежели никакой!» Да,—это справедливо, но только для перваго, примитивнаго сооруженія, такъ-сказать, для первой про-

сѣки, для палатки, способной укрыть отъ перваго дождя, и т. п. Но разъ сооруженіе потребовало искусства и денежныхъ затратъ, оно должно—или остановиться на своей примитивной формѣ, какъ самой дешевѣйшей, а потому выгоднѣйшей,—или, напротивъ, шагать прямо къ формѣ самой совершенной, самой научной, а потому, хотя первоначально и дорогой, но за то прочной. Понять это весьма не трудно, если въ разсмотрѣніе ввести вопросъ о ремонтѣ. Аксіома гласитъ: чѣмъ хуже употребленный на постройку матеріалъ, чѣмъ хуже, небрежнѣе работа, тѣмъ постройка будетъ требовать наибольшаго ремонта; причемъ если и достигается на сегодняшній день экономія, то за нѣсколько слѣдующихъ дней она поглотится вся, въ видѣ излишняго ремонта. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ съ рельсами, уменьшая ихъ вѣсъ и выгадывая сытый милліонъ, мы, конечно, сохранимъ капиталъ, который можетъ въ годъ приносить 50,000 рублей въ видѣ процентовъ. Но такъ какъ уменьшеніе вѣса рельсовъ можетъ произойти только отъ уменьшенія размѣровъ его профиля, а съ уменьшеніемъ послѣдней намъ придется уменьшить давленіе на ведущія колеса паровоза,—а вмѣстѣ *вѣсъ* поѣзда, идущаго за паровозомъ,—и притомъ пропорціонально первому уменьшенію, изъ чего выходитъ, что, сохраняя въ годъ 50,000 рублей, мы на 15% должны уменьшить количество перевозимаго груза [1]! Дорога, при постройкѣ которой можно было облегченіемъ рельса на 4 фунта выгадать 1.000,000 руб., должна имѣть верстъ 600 и, считая версту въ 40 т., мы увидимъ, что весь ея капиталъ составитъ 24 милліона. Положимъ, что такими же ухудшеніями выгадано 1 милліонъ на рельсахъ и 2 милліона на чемъ-либо другомъ, и дорога стала въ 21 милліонъ. Тогда ежегодно сохраненные проценты составятъ 150,000 рублей, а ежегодно потерянные проценты отъ уменьшенія грузовъ $= 21 \times 0{,}05 \times 0{,}15 = 157^1/_2$ тысячамъ. Кто же въ барышахъ? И замѣтьте,—я великодушно подарилъ экономіи еще 2 милліона, не принимая ихъ вліяющими на количество грузовъ: вотъ почему получилась ежегодная незначительная приплата. По справедливости же, такъ какъ уменьшеніе грузовъ происходитъ только отъ рельсовъ, слѣдовало по-

---

[1]) Всему этому можно было привести математически точное доказательство, но я его не считаю умѣстнымъ въ журналѣ, который не имѣетъ своею спеціальностію техническіе вопросы въ ихъ узкомъ смыслѣ. Кромѣ того, приведя для наглядности цифры, я прошу понимать ихъ относительно, но не абсолютно: такъ, напримѣръ, если 22 ф. рельсы совершенно удовлетворяютъ техническимъ условіямъ, безъ ущерба эксплуатаціи, то, конечно, ихъ слѣдуетъ поставить на мѣсто 26 ф. и взять еще болѣе облегченные рельсы и т. п.

казать барышъ въ 50 тысячъ, а убытокъ въ $172^1/_2$ тысячи, или болѣе, чѣмъ втрое [1]). То же можно сказать относительно разсадниковъ тифа, ревматизма и холеры, извѣстныхъ подъ названіемъ новыхъ петербургскихъ домовъ. Если вы видите домъ, цѣною въ 2 милліона,—сырой, затхлый, но щеголяющій грубо-лѣпною работой на фасадахъ,—то знайте, что его владѣлецъ пожалѣлъ на него сумму не болѣе 200,000 рублей, чтобы, вмѣсто новой общественной язвы, построить дѣйствительный и здоровый домъ. Мало того: есть случаи, гдѣ онъ приплатилъ даже, но приплатилъ за красоту въ ущербъ здоровью,—и за какую красоту? За красоту толстопузыхъ алебастровыхъ амуровъ, прилѣпленныхъ гдѣ-либо ни къ селу, ни къ городу,—или за красоту зеркальныхъ оконъ, для бо̀льшаго удобства нашего сѣвернаго художника-мороза—рисовать свои причудливые узоры, и морозить кости тѣхъ, кто помѣстился за этими гладко отполированными картонами. Онъ и слышать не хочетъ о дренажѣ,—засмѣется въ глаза, если ему предложатъ въ теченіи двухъ зимъ отапливать домъ, не вставляя въ рамы стеколъ и не наклеивая шпалеръ. Онъ за скверный кирпичъ охотнѣе дастъ 10 рублей, нежели за хорошій 12, выгадывая этимъ цѣлыя 10 тысячъ! Ехидно улыбается, если ему напомнятъ, что для подваловъ удобнѣе цементъ по 7 рублей 50 коп. за бочку въ 12 куб. футъ,—нежели известка по 40 рублей за куб. сажень.—Да и къ чему?—толстопузые амурчики, выкрашенные блѣдно-лиловою краскою,—такъ жантильны, а гирлянды, цвѣты, аттрибуты благородныхъ профессій: войны, охоты и искусства,—такъ пестро разбѣжались по всему дому и не даютъ замѣтить разсѣянному взору—адскую дисгармонію главныхъ линій и частей! Одни зеркальныя окна чего стоятъ!! Развѣ наниматель станетъ спрашивать о дренажѣ?—кому есть дѣло до кирпича или извести! Вѣдь и нанимателю нужна представительность, а хозяину барышъ. Доволенъ первый,—доволенъ и второй, и благо архитектору, умѣвшему вездѣ насажать розовыхъ купидоновъ, и сохранить притомъ круглыхъ двѣсти тысячъ рубликовъ на будущее предпріятіе!

Да, вы paterfamilias, вы строитель этого дома, вы въ выигрышѣ! Домъ вашъ прекрасенъ, и занятъ отъ подвала до мансардовъ! Но проходитъ 15, положимъ 20 лѣтъ. Двадцать разъ на ваши амуры, гирлянды и аттрибуты падалъ снѣгъ и таялъ тамъ мало-по-малу. Четыре раза вы красили вашъ домъ *масля-*

---

[1]) Вспомните Московско-Смоленскую желѣзную дорогу. (См. „Биржевыя Вѣдомости“, 1875 года, № 337).

ной краской (запишите, чего это стоило)? Пять разъ вы были у мирового судьи, и разъ имѣли уголовное дѣло за одного изъ вашихъ амуровъ, который упалъ на голову человѣку и лишилъ его жизни. Это былъ молодой человѣкъ, и жизнь его могла бы быть полезна. Изъ подваловъ ваши жильцы выѣхали—тамъ наводненіе. Зеркальныя стекла полопались отъ мороза, и вы имѣете бездну процессовъ съ жильцами, неимѣющими средствъ вставить новыя. Изъ вашего дома, гдѣ числилось до 2 т. жителей,—500 человѣкъ ранѣе времени отправились на кладбище, а у прочихъ ломитъ члены, дѣлая ихъ неспособными къ работѣ. Вы сами похоронили четырехъ человѣкъ дѣтей и жену, и сидите теперь, 50-ти лѣтъ отъ роду, въ теплыхъ сапогахъ на креслѣ, и передвигаетесь старымъ сварливымъ лакеемъ, составляющимъ для васъ сущее наказаніе! Прикажите вывезти кресло, и посмотрите на ваше великолѣпіе, только 20 лѣтъ назадъ признанное украшеніемъ города. Посмотрите, что̀ оставляете вы вашему сыну, хилому блѣднолицему юношѣ: вы ему оставляете 200-т., да, къ несчастію, за поправку дома требуютъ полмилліона, и не хотятъ васъ обманывать, что и послѣ этой поправки онъ, пропитанный почвенной водой и нечистотами, задержанными въ стѣнахъ блѣдно-розовою масляною краскою, служившею до нѣкоторой степени защитою непрочнымъ алебастровымъ амурамъ, не сдѣлается много лучше! Хороши ли барыши ваши, почтеннѣйшій, и ловко ли вамъ сидится на вашемъ креслѣ передъ этимъ храмомъ смерти, на который рука времени наложила вѣрную и характеристическую печать скрофулёзнаго больного? Но этого мало. Если не вы, то жильцы ваши, ропща и жалуясь, заклеивали отстававшія на сырыхъ стѣнахъ обои, терпѣли отъ угара и холода зимой. Вы, черезъ 10 лѣтъ, въ нижнемъ этажѣ принуждены были перемѣнить балки (хорошія, здоровыя балки, у которыхъ отгнили только концы). Отъ половъ въ подвалѣ осталась какая-то бродящая плѣсень, заражающая не только воздухъ двора, но и улицы. Не могли же вы ихъ перемѣнять сами, пришлось бы тронуть 200-т.; а жильцы мѣнять были не обязаны, они выѣхали. Но—что̀ всего печальнѣе—вы потеряли $^1/_5$ дохода, потому что въ теченіи 20 лѣтъ—постоянно $^1/_5$ квартиръ была не занята, попадались на нихъ или люди, спрашивавшіе о кирпичѣ, или такіе, которые не могли выносить холода и угара. По разсчету, домъ долженъ былъ приносить 200-т. въ годъ валового дохода, онъ приносилъ только 160-т., до 30-ти тысячъ среднимъ счетомъ уходило на ремонтъ, упадавшій волей-неволей на хозяина. Такимъ образомъ, почтеннѣйшій, вы потеряли въ 20 лѣтъ 800 тысячъ на наемной платѣ,

да тысячъ 200 на излишнемъ ремонтѣ, итого—милліонъ! Чтó же вамъ принесли ваши 200-т. экономіи? Считая хотя по 10 процентовъ въ годъ, они доставили вамъ 400-т., слѣдовательно, абсолютно вы потеряли 600! Замѣтьте — я не ставлю вопроса на общественную почву. Существуй санитарный контроль, и ваша храмина съ амурами и зеркалами, вмѣсто оконъ, осуждена была бы, во здравіе городского населенія, стоять постоянно пустою.

Итакъ, я повторю, что строить можно или *дешево*, или *здорово*. Кто внимательно прослѣдилъ, изъ чего я составляю стоимость всякаго сооруженія, тотъ пойметъ, что я вовсе не ратоборствую за дороговизну построекъ, происходящую отъ современнаго намъ порядка вещей, отъ деспотизма капитала, или прямой недобросовѣстности техника и тому подобнаго.

Я желаю убѣдить, что все имѣетъ свою настоящую цѣну,— ниже которой спускаться еще болѣе невыгодно (если не сейчасъ, то впослѣдствіи), нежели подниматься выше отъ случайныхъ неблагопріятныхъ причинъ. Выводъ этотъ, столь очевидно невыгодный частнымъ лицамъ, еще болѣе невыгоденъ государству.

IV.

Теперь о техникѣ желѣзныхъ дорогъ.

«Во-первыхъ, государство не должно на свой счетъ и своими средствами заниматься коммерческими предпріятіями, ибо *всегда* будетъ въ убыткѣ; во-вторыхъ, государственныя постройки должны быть *безусловно необходимы*. Всякія прочія, нужныя и полезныя предпріятія—приличнѣе частнымъ лицамъ» и т. д.

Назадъ тому три-четыре года, такой выводъ почти считался аксіомой, въ настоящее же время, то тутъ, то тамъ, возникаютъ сомнѣнія въ его точности, и вотъ, года два, какъ въ нашей печати высказываются мысли о желательной передачи эксплуатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ казенное вѣдомство. А между тѣмъ, по нашему личному убѣжденію *), если бы этимъ желаніямъ суждено было осуществиться, то черезъ 2—3 года по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ могли бы ѣздить только чиновники по *долгу* службы, для слѣдствія надъ тѣмъ или другимъ лопнувшимъ локомотивомъ, или упавшимъ мостомъ. Но, honny soit qui mal

---

*) Нашимъ читателямъ извѣстно, что наше личное убѣжденіе въ этомъ вопросѣ не сходится съ личнымъ убѣжденіемъ почтеннаго автора,—но audiatur et altera pars.—*Ред.*

y pense,—не подумайте, что дѣло заключается только въ недобросовѣстности казенной агентуры. О, нѣтъ! потомство Чичикова жирѣетъ и подвизается очень хорошо и на частной службѣ, но тутъ есть другая разница.

Позвольте по этому поводу маленькую картинку:

„Буря мглою небо кроетъ,
„Вихри снѣжные крутя...

—въ желѣзно-дорожной выемкѣ, вполнѣ засыпанной снѣгомъ, подошелъ поѣздъ и сталъ. Частный инженеръ, быстро выпрыгнувъ изъ вагона, кутаясь въ шубу и жмурясь, посылаетъ рабочаго и дорожнаго мастера въ ближайшую деревню за помощью. Проходитъ томительный часъ, покуда являются въ рваныхъ полушубкахъ нѣсколько красноносыхъ мужиковъ, а за ними оторопѣлый дорожный мастеръ.—Просятъ по 4 руб., разбойники, за ночь, докладываетъ онъ инженеру.—Лопаты съ ними?—Съ нами, отецъ.—Сколько васъ?—100 человѣкъ.—Беретесь очистить выемку черезъ два часа?—Можно,—часа въ три безпримѣнно справимся, потому еще валитъ, особливо коли по косушкѣ поднесешь.—Валяйте!—И работа закипаетъ.

Отозвавъ дорожнаго мастера въ сторону, Павелъ Ивановичъ (это былъ онъ) шепчетъ:—«Покажите завтра 150 человѣкъ, и изъ этого числа 10 пойдутъ въ вашу пользу—поняли.

— Понялъ—говоритъ дорожный мастеръ.—Черезъ 4 часа поѣздъ проходитъ выемку и слѣдуетъ дальше. Злодѣяніе совершилось, общество потеряло 200 руб., на 600 руб. траты 33%!

—Да, но поѣздъ прошелъ.—За нимъ прослѣдовало еще 4 товарныхъ, всего счетомъ 100 вагоновъ, и общество положило въ свою кассу 5000 руб. лишнихъ *за эти сутки*.

Повернемъ медаль и представимъ себѣ, что за дѣло взялась казна. Ея агентъ (честнѣйшихъ правилъ), выскочивъ, подобно предшественнику, въ снѣжную выемку въ коротенькомъ пальто и въ рабочей *формѣ*, ёжась и корчась отъ вѣтра и вьюги, съ отчаяніемъ произноситъ: что́ дѣлать?—Послать телеграмму къ начальнику!—Является телеграфистъ, съ трудомъ забрасываетъ свой приводъ на телеграфную проволоку, и телеграмма къ начальнику летитъ. Начальство оказалось спящимъ. На станціи возникаетъ Гамлетовскій вопросъ? Будить или не будить? Рѣшеніемъ его занимаются два часа, наконецъ, порѣшили разбудить.—Начальство отвѣчаетъ: созвать рабочихъ, но при наймѣ строго руководствоваться §§ урочнаго положенія, циркуляромъ министра, и не переходить за предѣлъ предоставленной закономъ власти.

— «Рабочіе просятъ вдесятеро, урочное положеніе дозволяетъ дать только втрое»,—снова телеграфируетъ инженеръ по начальству. Наступаетъ утро. Начальство одѣвается въ мундиръ и скачетъ далѣе. *Запросъ:* Какъ велика сумма расхода? *Отвѣтъ:* Рабочіе, прождавъ всю ночь рѣшенія, разбѣжались, вблизи нѣтъ другого селенія, а эти не хотятъ идти на работу ни за какія деньги. *Резолюція:* послать за мѣстною полицейскою властью. *Отвѣтъ:* Становой боленъ, а исправникъ въ 100 верстахъ по дѣлу о мертвомъ тѣлѣ. Публика умираетъ отъ холоду и голоду. *Резолюція:* поступить, какъ показываютъ обстоятельства, довести поѣздъ до ближайшей станціи и составить актъ.—Простоявъ въ полѣ 24 часа, поѣздъ является обратно на станцію. Казенный инженеръ не укралъ ни копѣйки, даже отморозилъ себѣ ноги, изъ числа пассажировъ умерло отъ простуды 20 человѣкъ, заболѣло 40; движеніе по всей линіи прекратилось на сутки, вслѣдствіе чего казна потерпѣла убытокъ въ 10,000 руб. А всѣ поступали по закону. Черезъ два года контроль дѣлаетъ на инженера начетъ въ 12 руб. сер. за водку, розданную рабочимъ, потому что водочныя деньги по урочному положенію не предусмотрѣны. Да-съ, но это не все.

На другую зиму, частный инженеръ Чичиковъ, вспомня заработанные за ночь 160 рублей, во всякую вьюгу пуститъ поѣздъ со станціи, и потому не задержитъ на частной дорогѣ движенія, болѣе чѣмъ это строго и неизбѣжно необходимо; а казенный инженеръ, какъ только снѣгъ и вѣтеръ, вспоминая отмороженныя ноги и 12 руб., взысканные совершенно по закону контролемъ, задержитъ движеніе, даже и тогда, когда этого вовсе не требуется. И развѣ въ него можно кинуть камень осужденія! Но еще разъ повторяю: honny soit qui mal y pense. Такъ бываетъ, *но иначе и быть не можетъ,* безъ коренного измѣненія въ понятіяхъ цѣлаго общества. Казна путемъ долгаго опыта могла разувѣриться въ добросовѣстности окружающихъ ее агентовъ. Всѣ, забавныя иногда въ примѣненіи, ограниченія и формальности, не дѣлаютъ этихъ агентовъ честнѣе, но все же они затрудняютъ казнокрадство, заставляя воровать по формѣ, съ соблюденіемъ уставовъ, что иногда дѣйствительно оказываетъ благотворные результаты на итоги украденнаго. Въ самомъ дѣлѣ, частный человѣкъ и частное общество, работая на *свои* средства, въ *свою* пользу, могутъ личнымъ наблюденіемъ, личною повѣркою замѣнить бумажный контроль и отчетность. Когда частному строителю инженеръ говоритъ, что нуженъ цементъ, частный строитель *видитъ,* что цементъ дѣйствительно привезли, можетъ

даже сосчитать число бочекъ, самъ съѣздить на дѣловой дворъ и справится о цѣнѣ, существующей въ данное время на рынкѣ. Инженеру, чтобы обокрасть этого строителя, нужно прибѣгнуть къ воровству въ самой его грубой, грязной формѣ,—украсть бочки съ работы, но настолько уже понятій станетъ у большинства техниковъ, чтобы не пачкаться такимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что тутъ необходимо посредничество мелкихъ лицъ, а это *всегда* невыгодно. Чичиковъ, своровавшій тѣ 160 руб. въ свою пользу, становится въ нѣкоторую зависимость отъ дорожнаго мастера: чтó, если этотъ мастеръ проболтается? И въ этомъ гарантія технической честности въ частномъ дѣлѣ; совершенно иначе въ дѣлѣ казенномъ. Принужденная искать гарантій въ соблюденіи бумажной отчетности, формальнаго контроля, казна невольно и всегда будетъ стоять за форму. Но дѣло техники не укладывается ни *въ какія формы*. Вотъ почему это *дѣло*—спеціально частное дѣло. Не имѣя возможности допустить *дѣйствительную* отчетность—казна по необходимости требуетъ отчетности формальной, а потому *дѣйствительная* повѣрка даже черезъ честнѣйшаго агента невозможна. Такъ, возьмемъ тотъ же примѣръ. Въ урочномъ положеніи исчислено излишнее количество цемента, которое нельзя употребить въ работу (не дѣлая швовъ слишкомъ толстыми, чтó также вредитъ дѣлу), и потому цементъ остается въ экономіи безъ всякаго злоупотребленія инженера,—но такой экономіи показать нельзя! Какую гарантію будетъ имѣть казна, что показана *вся* экономія, что положено въ дѣло достаточно матеріала?

Знаете ли вы, напримѣръ, что надъ казенными зданіями проносится въ два раза болѣе бурь, нежели надъ сосѣдними или частными домами. А почему? Казна не допускаетъ людской неосторожности, или хочетъ, чтобы за нее платили виноватые; но если этотъ виноватый—солдатъ, у котораго *нѣтъ ничего*, какъ тутъ быть? Нечего дѣлать, необходимость давно заставила тузить виноватыхъ, а разбитыя стекла взваливать на бури, которыхъ мѣстные обыватели, по странной разсѣянности, не замѣчаютъ. Еще того хуже съ мѣдными приборами. Казна ихъ считаетъ *вѣчными*, ну, а они, какъ и все земное, не вѣчны. Вотъ почему, не браните слишкомъ строго техника за дурные замки и приборы въ казенномъ зданіи, ввѣреннымъ его же попеченіямъ, за веревочную петлю въ хорошей и дорогой двери, ибо *всякій* ремонтъ сихъ вѣчныхъ произведеній онъ долженъ производить или *на свой счетъ*, или путемъ экономіи негласной. Все это странно, каррикатурно даже—для лица частнаго, но неизбѣжно для казны. Все же *бури* не могутъ свирѣпствовать каждый день, или даже каж-

дую недѣлю,—а бить стекла можно всегда. Гвозди при постройкѣ казеннаго зданія могли украсть рабочіе, но могъ украсть и я, и притомъ въ удвоенномъ количествѣ, *чтобы было изъ-за чего марться*, и т. д., а потому невольно будешь искать гарантіи *въ формальности*, даже въ ущербъ дѣйствительности, въ ущербъ иногда здравому смыслу.

Дѣло техника, по моему мнѣнію, всего менѣе дѣло казенное.

Формальное отправленіе дѣла производитъ еще одну особенность, преимущественно свойственную казенному дѣлу. Это—недовѣріе *къ личности* и вѣра *во множество*.

Отдѣльныя личности способны увлекаться идеей, но мы не видали общества, способнаго воспроизвести идеи коллективнымъ мышленіемъ. Между тѣмъ, связавъ экономическія соображенія, подлежащія контролю, съ техническою идеею, какъ элементомъ творчества особи, техника нашла удобнымъ подчинять всякій личный техническій починъ коллегіи экспертовъ—коммиссіямъ. Дѣло всякаго искусства, въ томъ числѣ и искусствъ техническихъ, дѣло *условное*. Разсматривая извѣстный предметъ, всегда открываютъ въ немъ рядъ выгодныхъ, и такой же рядъ невыгодныхъ, но по существу присущихъ ему сторонъ. Художникъ, выбирая точку для копированія извѣстнаго ландшафта, поступаетъ въ силу присущей ему идеи вдохновенія, заставляющей его именно стать такъ, а не иначе, жертвуя *навѣрное* нѣкоторыми возможными эффектами ландшафта, но избѣгая за то многихъ существенныхъ чертъ, невыгодныхъ для тѣхъ же эффектовъ. Словомъ, у него есть идея ландшафта, которой онъ подчиняетъ свою работу. То же, или еще рельефнѣе случается въ техническомъ проектѣ, гдѣ недостатки, такъ сказать, конецъ съ концомъ вяжутся съ извѣстными выгодами. Напримѣръ, необходимость доставить больше свѣта повлечетъ за собой *неминуемо* бо́льшее охлажденіе комнатъ, и обратно; извѣстный планъ выгоденъ въ одномъ отношеніи и *навѣрное* невыгоденъ въ другомъ. Составляя проектъ, нужно, слѣдовательно, въ основаніе его положить *идею* и стремиться именно къ совершенному осуществленію послѣдней. Эти *идеи*, при раціональномъ устройствѣ дѣла, должны *задаваться* технику заказчиками его произведеній. Такъ какъ такихъ идей *много*, то до заказа можно составлять совѣщательныя коммиссіи, со столькими членами, сколько есть сторонъ въ дѣлѣ, причемъ на долю техника упадетъ только одинъ голосъ. Такъ, напримѣръ, при проектѣ больницы, для составленія программы должны совѣщаться медики и городскіе или земскіе представители; дѣло техника при этомъ ограничиться спеціальными

указаніями, что *наиболѣе свѣтлое и наиболѣе теплое* помѣщенія невозможны, что раціональная и дешевая постройка исключають одна другую и т. п. Затѣмъ, разъ будеть выяснена идея, добиваться ли наибольшей теплоты, или наибольшаго свѣта, наибольшей дешевизны или наибольшаго совершенства, достаточно, чтобы техникъ *былъ настоящій цеховой* мастеръ, и дѣло будетъ сдѣлано *навѣрное* наилучшимъ образомъ его единичнымъ усиліемъ. Между тѣмъ поступають совершенно обратно. Для выработки *условій* заданія назначають коммиссію техниковъ, куда иногда въ качествѣ совѣщательнаго члена приглашають представителей интересовъ заказчика, пишуть широковѣщательныя программы, гдѣ одинъ пунктъ враждуеть съ своими сосѣдями [1]), и затѣмъ предлагають составить проектъ, не справляясь о компетентности составителя. Очевидно, послѣдній не въ силахъ при всемъ желаніи удовлетворить программѣ, и удовлетворяеть *чему-либо* по своему, не всегда удачному, личному выбору, а коммиссія начинаеть свою Сизифову работу исправленія. При этомъ повторяются комическія и безплодныя усилія журавля вылѣзти изъ болота, въ которомъ онъ сначала увязъ носомъ, а выдернувъ послѣдній, хвостомъ, потомъ носомъ и опять хвостомъ, какъ это поется въ одной старой русской сказкѣ. Я даже думаю, что и сказку-то эту сочинилъ какой-либо обиженный техникъ на коммиссію, поправлявшую его проекты.—«Палаты ваши недостаточно свѣтлы, — замѣчаеть одинъ экспертъ, — надо увеличить число оконъ»;—увеличивають. «Да, но теперь они могуть быть недостаточно теплы», замѣчаеть другой послѣ исправленія. Планъ неудобенъ—близко отхожее мѣсто. Отодвигають это мѣсто далѣе. —Да, но за то теперь изъ той или другой палаты въ него попадать трудно, и онъ заслоняеть окна глазного отдѣленія,—возражають не менѣе компетентные эксперты; и вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ преній и кучи остроумнѣйшихъ поправокъ и контръ-поправокъ, доказывающихъ, что каждый изъ экспертовъ коммиссіи твердо знаеть свою таблицу умноженія, является проектъ коммиссіи. Его приводять въ исполненіе, и только когда приходится размѣщать больныхъ въ новомъ помѣщеніи, оказывается, что послѣднее чрезвычайно, можеть быть, годилось бы для театра, школы, фабрики, но не годится только для госпиталя. Читатель мой, не смѣйтесь, не глядите на послѣднія строчки, какъ на парадоксъ, какъ на упражненіе въ остроуміи. Я не преувеличилъ

[1]) Премію по конкурсу на походные бараки выдали человѣку, математически доказавшему несовмѣстимость условій заданія.

дѣла ни на волосъ. Мало того: я взялъ покуда только техническія возраженія, а еще бываютъ и экономическо-техническія. Боже великій, что производятъ и порождаютъ послѣднія! Я знаю одинъ госпиталь, который четыре года просилъ о постройкѣ при немъ бани; наконецъ, проектъ составили, разсмотрѣли, но сумма оказалась болѣе значительною, нежели предполагалось возможнымъ отпустить на это важное сооруженіе. И вотъ, представилась альтернатива: баня нужна, а денегъ мало—какъ быть? Порѣшили построить баню безъ предбанника—и построили, только до сихъ поръ въ ней мылись одни здоровые сторожа, и то съ опасностью для здоровья, а больныхъ и доселѣ продолжаютъ кое-какъ обмывать въ ваннахъ! Нравится вамъ такая экономическая поправка?

Вспомнимъ, что геній Лессепса осуществилъ то, что многими разноплеменными коммиссіями признавалось за невозможное. Исторія альпійскаго тоннеля распадается на два существенно различныхъ періода, изъ которыхъ первый, отъ 1832 до 1857 года, прошелъ въ борьбѣ разныхъ частныхъ лицъ (Медаля, Мооса, Коллодона и даже Соммелье) съ коммиссіями. Четверть столѣтія продолжались всякіе non possumus'ы всевозможныхъ коммиссій, и только 14 лѣтъ производилась работа, и изъ этихъ 14-ти лѣтъ еще десять лѣтъ итальянское правительство мечтало объ экономіи при работахъ, покуда, наконецъ, за четыре года до окончанія не отдало все въ руки инженеровъ на концессіонномъ правѣ *безъ торгу*. И работа менѣе чѣмъ черезъ четыре года была окончена. Неужели это не убѣдительно? Но вотъ и другіе примѣры. Я цитировалъ выше, по поводу лѣсоистребленія, работу о канализаціи Эльбы. Эта работа, работа коммиссіи изъ восьми опытныхъ экспертовъ, продолжалась отъ 1842 до 1869 года. Рѣку испортили фундаментально, такъ что послѣдній протоколъ этой коммиссіи гласитъ слѣдующее:

1) Рѣка въ 124 мѣстахъ имѣетъ глубину менѣе 36″, именно отъ 18 до 30″.

2) Въ 113 мѣстахъ судоходство затруднено, частію недостаточною глубиною и шириною рѣки, частію острыми поворотами фарватера. Въ числѣ ихъ есть мѣста, гдѣ судно своею толщиною запираетъ весь фарватеръ, и тѣмъ препятствуетъ всякому движенію по рѣкѣ.—Такой казусъ случился съ пароходомъ самой коммиссіи. И это послѣ расхода въ 40 милліоновъ гульденовъ!

Проектъ инженера Венса, о канализаціи Дуная въ видахъ судоходства, былъ представленъ на утвержденіе коммиссіи. Что же сдѣлала послѣдняя? Она, во-первыхъ, *не признала убыль въ рѣкѣ доказанною*, хотя эта убыль *очевидна*, но согласилась на измѣ-

ненія проекта единственно въ виду такой убыли, т.-е. согласилась углубить каналъ и съузить его ширину, причемъ, вмѣсто *вычисленной* ширины по собраннымъ даннымъ предложило свою, въ видѣ первой круглой цифры, помѣщавшейся между прежнею и новою широтами канала. Это замѣчательно чистый и типичный примѣръ поправокъ коммиссіи, настоящая коллегіальная логика, неумѣющая посылки согласовать съ заключеніями. Примѣры можно бы продолжать до безконечности.

Но не спѣшите осужденіемъ. Лица тутъ рѣшительно не причемъ. Составьте коммиссію изъ Лессепса, Соммелье, Брюнеля, Поаре, Клоделя; присоедините къ нимъ превосходнаго инженера, за 28 тысячъ поднявшаго ангела на Петропавловскій шпицъ, когда коммиссія порѣшила, что это невозможно сдѣлать дешевле 150 тысячъ; присоедините строителя мостовъ на Николаевской желѣзной дорогѣ, строителя Николаевскаго моста; присоедините туда же (хотя бы честь была и не по заслугамъ) вашего покорнаго слугу, и поручите всей этой компаніи построить будку для желѣзнодорожнаго сторожа, и я пари́ держу, что такая будка не будетъ построена въ теченіи столѣтія, а если и будетъ, то сторожъ въ въ ней не проживетъ недѣли: угоритъ, замерзнетъ, или, просто, не помѣстится за недостаткомъ мѣста. Повторяю еще, что *независимо* отъ лицъ, ихъ знаній, ихъ добросовѣстности, техническая коммиссія имѣетъ свойства отрицательныя по отношенію къ успѣху и совершенству техническаго дѣла. Причинами такого свойства, если разобрать ихъ по порядку, будутъ:

1) *Условность техническихъ знаній*, въ которыхъ члены коммиссіи черпаютъ аргументы, дозволяющіе одинъ и тотъ же предметъ называть бѣлымъ, сѣрымъ и чернымъ.

2) Удивительно совершенное смѣшеніе условій заданій *вовсе не техническихъ* и не имѣющихъ съ техникой ничего общаго, съ условіями выполненія, прямо техническими, смѣшенія, изъ котораго выходятъ новые союзники для безплодныхъ препирательствъ различныхъ авторитетовъ, препирательствъ, помѣщающихся подъ рубрикой: *Что нужнѣе?* Не естественно ли одному хвалить необходимость арбуза, а другому превозносить свиной хрящикъ.

3) Полнѣйшее забвеніе пословицы: *дешево да гнило, дорого да мило*, откуда выступаютъ на сцену экономическія возраженія.

4) Борьба *практики* съ *теоріей*, и борьба не безплодная. Напримѣръ, по вопросу: можетъ ли человѣкъ безъ *лѣсовъ* влѣзть на шпицъ Петропавловскаго собора, теорія отвѣчаетъ: *не можетъ*, а мужикъ-практикъ, захвативъ съ собой нѣсколько саженъ ве-

ревки, валѣзъ! Дорого ли обойдется сдвинуть ферму моста въ 12 тысячъ пудовъ на два дюйма въ сторону?—Дороговько, отвѣчаетъ теоретикъ.—Ну, а вотъ у меня есть одинъ товарищъ, прекрасный инженеръ, ему-то практика предложила ту же задачу.—Чтó же вы сдѣлали?—спросилъ я.—Приказалъ десятнику Никитѣ подвинуть.—И сказали кáкъ?—Не думалъ говорить, потому что самъ утромъ пошелъ на работу учиться, кàкъ онъ это такую махину подвинетъ.—Ну, и чтó же?—Подвинулъ.—Какъ же?—Да такъ, просто, поднялъ на 3-хъ домкратахъ, заложилъ тали, впрягъ въ нихъ 120 человѣкъ рабочихъ—и подвинулъ.—Въ Кронштадтѣ нужно было переставить брустверъ желѣзной баттареи; коммиссія написала смѣту въ 80 тысячъ рублей. Работавшій на баттареѣ инженеръ взялся исполнить работу за 24 тысячи, ему разрѣшили, и онъ перестановилъ всю штуку за 4 тысячи въ трое сутокъ (кажется). Коммиссія полагала, что нужны машины; работавшій инженеръ обошелся деревянными катками да обыкновеннымъ канатомъ. Теорія еще разъ спасовала передъ практикой. Читатель воскликнетъ:—какая же это теорія?!—и ошибется; теорія самая настоящая! Дѣло въ томъ, что если бы мужику предложить слазить на Петропавловскій шпицъ 10 разъ, онъ бы *навѣрное* разбился. Изъ десяти примѣненій способа десятника Никиты и Кронштадтскаго инженера навѣрное случится одинъ такой, который возьметъ съ практикантовъ за все, чтó они сберегли въ прочихъ *девяти*. Лопни канатъ, напряженный *выше* мѣры (теоретической), и десять, двадцать и даже сто человѣкъ могутъ лишиться жизни. Глядя на ихъ трупы, обыкновенно просятъ у теоріи прощенія, и изливаютъ справедливый гнѣвъ на самоучекъ, а затѣмъ, похоронивъ жертвы, опять принимаются за дешевую, но и *рискованную* практику. Теорія говоритъ, что желѣзо съ дюймовыми сѣченіями можетъ выдержать 4000 пудовъ нагрузки и не скоро разорвется, но дозволяетъ въ сооруженіяхъ на такое желѣзо вѣшать не болѣе 1000—1200 пудовъ. Но вѣдь понятно, что можно съ извѣстною безопасностью повѣсить и 1800, и 2000, и 2500 и даже 3000. Отчего, въ важныхъ случаяхъ, не рискнуть и на 4000? Понятно ли, какое тутъ обширное поле для ратоборства членовъ коммиссіи, и возможно ли согласіе между ними? Честнѣйшій членъ *А*, у котораго въ одну изъ его практикъ убило 10 человѣкъ рабочихъ, потому что онъ рискнулъ повѣсить 1800 пудовъ туда, гдѣ полагалось вѣшать только 1000 (на грѣхъ, желѣзо попалось дурное), выражаетъ *ясное практическое* убѣжденіе въ опасности переходить предѣлъ 1000 пуд. Напротивъ, другой честнѣйшій и умнѣйшій инженеръ-практикъ

Б представилъ даже примѣры существующихъ сооруженій, доказывая, что тамъ есть напряженія до 2500 пудовъ, и прибавляетъ, что такое допущеніе можетъ сберечь милліоны! Кто изъ нихъ правъ, читатель? Составьте изъ вашихъ близкихъ коммиссію, и вы во-очію увидите безсиліе этой коммиссіи рѣшить вопросъ! А изъ обоихъ инженеровъ А и Б, — оба безусловно правы, и оба могутъ быть превосходными техниками. Какъ частное слѣдствіе этой общей причины, является замѣчательная особенность коммиссій. Если въ ней преобладающій элементъ *теоретики*, то всѣ ея сужденія будутъ ultra практическія; наоборотъ, при составѣ коммиссіи изъ практикантовъ, слабыхъ въ теоріи, результаты сужденій будутъ тянуть къ теоріи. Происходитъ это потому, что вообще члены *показываются* одинъ передъ другимъ и, боясь впасть въ *смѣшной* педантизмъ, о которомъ говорится даже и въ теоріи, впадаютъ въ другую крайность. Практиканты же, чувствуя свою уязвимость по части теоріи, спѣшатъ заглянуть въ «*книжечку*» и тамъ почерпнуть quasi-научные выводы для предстоящихъ разсужденій. Это обще-человѣческая причина; но тутъ дѣйствуетъ еще и техническая. Теоретики, при слабой практикѣ, зная *несовершенство* своей теоріи, способны *добросовѣстно* благоговѣть передъ удачнымъ разсѣкновеніемъ какого-либо узла десятникомъ Никитой; напротивъ, богатые практическою опытностію знаютъ, чѣмъ кончаются неудачные tour de force'ы самоучекъ и не такъ неблагосклонны къ теоріи (если они не круглые невѣжды).

5) Пятой причиной, парализующей компетентность сужденій всякихъ коммиссій, будетъ неясность фактическихъ данныхъ, такъ сказать двуличность (чтобы не сказать болѣе) практическихъ результатовъ. Извѣстно, что совершенства нѣтъ; обыкновенно люди, смотрящіе на Суэзскій каналъ *послѣ того*, какъ чрезъ него проѣхало нѣсколько милліоновъ пудовъ товаровъ, съ остроуміемъ, достойнымъ лучшей участи, указываютъ на его недостаточную ширину и глубину. Говоря объ Альпійскомъ тоннелѣ, забываютъ пробивателя Соммелье, всѣ его споры съ авторитетами о возможности предпріятія, а указываютъ на случавшіеся въ тоннелѣ обвалы. Проѣхавъ въ вагонѣ отъ Поти до Тифлиса непремѣнно посѣтуютъ за отсутствіе на перевалѣ тоннеля, фундаментально забывая, что на послѣдній нужно 8 милліоновъ руб. и можетъ быть лѣтъ 20 времени! Вѣдь все это не очевидно, — за то очевидно, что черезъ перевалъ (16 верст.) везутъ такъ же тихо, какъ и на лошадяхъ! Но если даже постороннему человѣку пріятнѣе разговоръ о пятнахъ солнца, нежели объ его свѣтѣ, — то

собратьямъ по искусству, независимо отъ ихъ относительной авторитетности, пятна въ работахъ гораздо любезнѣе ихъ свѣтлыхъ сторонъ. Вотъ почему даже ссылки на существующія сооруженія ни отъ чего не спасаютъ. Вы видите одну ихъ сторону, а ваши сосѣди непремѣнно будутъ показывать другія. Вотъ почему согласіе *вообще* невозможно ни въ какой коммиссіи. Если послѣднія состоятъ изъ *активныхъ авторитетныхъ* членовъ, то въ концѣ-концовъ будетъ непремѣнно ссора, иногда проскакивающая даже въ публику, и потому-то коммиссіи стараются составлять изъ членовъ пассивныхъ, которые также рѣдко сходятся въ принципахъ, за то сходятся въ одномъ желаніи—*тормазить дѣло*.

Какъ сказано, перечисленныя мною пять причинъ дѣйствуютъ на всемъ земномъ шарѣ и служатъ къ тому, что коммиссія изъ лучшихъ техническихъ силъ человѣчества не придетъ къ соглашенію по самому простому техническому вопросу. Но такихъ коммиссій не бываетъ; чаще же всего въ составѣ технической коммиссіи есть только одна *единица*, а прочіе—нули, одержимые постояннымъ недоразумѣніемъ, стать ли имъ по правую или по лѣвую сторону единицы. Въ случаяхъ, гдѣ единица—предсѣдатель, они становятся справа, но при этомъ значеніе коммиссіи въ смыслѣ гарантіи и контроля не только равно нулю, но еще представляетъ значительную отрицательную величину, ибо, не препятствуя *единицѣ* ни въ чемъ, она снимаетъ съ нее *всякую отвѣтственность*, являясь той *водой*, въ которой удобно концы прятать. Техникъ-единица, предсѣдательствуя въ коммиссіи нулей, пріобрѣтаетъ *для себя* значеніе 1000 или болѣе, а для казны, общества или земства, назначавшаго коммиссію, является той же единицей, или, вѣрнѣе, тѣмъ же нулемъ, какъ и его товарищи. Конечно, все хорошее—при немъ и останется, а все дурное—падетъ на коммиссію. И такое-то сочетаніе — прямо фатально. Еще хуже комбинація другого рода, когда предсѣдательствуетъ техническій нуль, а единица находится въ членахъ. Смѣло скажу, что самыя скверныя техническія попытки суть дѣтища такихъ коммиссій. Въ нихъ, къ несчастію, по различнымъ частямъ одного и того же вопроса единица получаетъ различную цѣнность, что́ главнымъ образомъ зависитъ отъ предсѣдательствующаго нуля, куда ему стать заблагоразсудится, на-право отъ единицы или на-лѣво. Коммиссія по канализаціи Дуная именно была въ такомъ родѣ. Когда разбирали вопросъ, убываетъ ли въ Дунаѣ вода ежегодно, предсѣдатель, желая пооригинальничать, сталъ слѣва; напротивъ, когда вопросъ разбирался объ уве-

личенія глубины, чувствуя, что тутъ дѣло существенное,—сталъ справа и т. д. Нечего и говорить, что положеніе этой единицы незавидно. Наконецъ, существованіе въ коммиссіи двухъ, трехъ и болѣе единицъ все болѣе и болѣе мѣшаетъ какому бы то ни было соглашенію, плодя только переписку и громадную кучу *особыхъ мнѣній*, которыхъ въ концѣ-концовъ накопляется столько, что для разбора ихъ требуются еще новыя коммиссіи, новыя особыя мнѣнія, и такъ до безконечности.

Мнѣ кажется, что все это слишкомъ очевидно, просто и понятно, чтобы продолжать далѣе. Однако меня, съ нѣкоторымъ основаніемъ, могутъ спросить, почему я *условность* технической теоріи выставляю какъ доводъ *противъ* коммиссій, тогда какъ его же всего чаще выставляютъ въ пользу существованія послѣднихъ? Лица, желающія условность техническаго дѣла утопить въ совѣщательномъ характерѣ коммиссій, держатся поговорки: *умъ хорошо, а два лучше;* только они забываютъ, что польза этой чиновничьей мудрости нигдѣ и никогда не была доказана при обсужденіяхъ вопроса *съ одной какой-либо спеціальной стороны*. Въ самомъ дѣлѣ, если мысль составить коммисію для повѣрки таблицы умноженія кажется смѣшною, то почему не смѣшны всякія техническія коммиссіи?—Потому, что техническое дѣло—условное, отвѣчаютъ многіе,—и потому одинъ умъ не можетъ всегда охватить всѣхъ его, часто другъ другу противорѣчащихъ сторонъ, тогда какъ пропуски одного ума въ коммиссіи будутъ дополняться поправками другого.

Но вѣдь условно не самое техническое дѣло, условна только его философія, самые же исполнительные пріемы такъ же просты, какъ и таблица умноженія. Условность же философская такого рода, что, принявъ въ основаніе *одну* руководящую идею, мы исключаемъ *всѣ* прочія. Выборъ *идеи*—предшествуетъ дѣлу, и, какъ пояснено выше, можетъ и долженъ лечь въ основаніе *заданій*, при составленіи которыхъ техникъ не болѣе какъ совѣщательный членъ. Разъ выбрана для сооруженія *идея дешевизны*, всѣ прочія условности явятся сами собой, и могутъ быть такъ же хорошо (если не лучше) пересчитаны однимъ Брюнелемъ, какъ Брюнелемъ + Лессепсъ + Пооре + Кербедзъ, и т. д. Когда же выбрали *идею наибольшей прочности*, опять остается выбрать только дѣйствительнаго *мастера*—и дѣло будетъ сдѣлано. Что же касается до промежуточныхъ компромиссовъ между наибольшей дешевизной и наибольшей прочностью, то всѣ они и суть работа существовавшихъ коммиссій, а потому лишены вполнѣ логики. Они-то и даютъ самыя разорительныя и въ то же время самыя

непрочныя сооруженія. Строю я что-либо *временное*, я и знаю, что это *временное* сооруженіе, и имѣю право отъ него требовать только удовлетворенія самой ближайшей цѣли. Возьмите дождевой зонтикъ: цѣль его укрыть отъ перваго дождя, и потому его дѣлають изъ вполнѣ проницаемой для воды матеріала. Идея его—*возможная легкость* и *дешевизна*. Составьте коммиссію для сужденія о *лучшемъ* зонтикѣ, и навѣрное въ этой коммиссіи предложатъ зонтикъ изъ гуттаперчи, который, безспорно, укроетъ отъ дождя лучше шелковаго, но будетъ вчетверо тяжелѣе и въ пять разъ менѣе проченъ—вслѣдствіе порчи гуттаперчи отъ солнечнаго жара и пыли, которымъ онъ подверженъ чаще, нежели дождю. Доклады экспертовъ такой коммиссіи будутъ блистать остроуміемъ, знаніемъ, высокими соображеніями и безкорыстною любовью къ человѣчеству, попавшему подъ дождь,—только зонтикъ этой коммиссіи не будетъ годенъ къ употребленію. Возьмите желѣзно-дорожный мостъ. Денегъ нѣтъ, принципъ дешевизны одержалъ побѣду, и на дорогѣ является дешевый временной мостъ на сваяхъ. При сдачѣ дороги — сдатчикъ упираетъ на слово *временной*. При эксплуатаціи, машинисту пишутъ это слово въ инструкціи, рекомендуя осторожность; у моста ставятъ сторожей съ *особымъ* наказомъ о наблюденіи за рискованной постройкой. О ней знаютъ всѣ—и всѣ же постоянно контролируютъ ея состояніе. Но вотъ, вмѣсто идеи чистой *дешевизны*, коммиссія вводитъ только *удешевленіе* и строитъ мостъ изъ рваного камня на плохомъ растворѣ, безъ шпунтовыхъ свай, съ уменьшеннымъ пролетомъ (иногда)—но по наружности—ничѣмъ не отличающійся отъ прочихъ мостовъ дороги. Скажите же, м. г., гдѣ же болѣе шансовъ погибнуть, на *дешевомъ* ли мосту чистой идеи, или на *удешевленномъ* мосту компромисса коммиссіи? Что лучше: вовсе не имѣть бани при госпиталѣ, или имѣть баню безъ предбанника? и т. д. Вотъ почему, если *условность* предмета *съ различныхъ его сторонъ* допускаетъ совѣщаніе спеціалистовъ по каждой такой сторонѣ и можетъ привести къ чему-либо путному, то условность *узкаго спеціальнаго дѣла*, какимъ и является дѣло техническое, ведетъ только къ затемненію принциповъ и идей, положенныхъ въ его основаніе, и потому бѣдственно. Давно существуетъ антагонизмъ между архитекторами и инженерами; первые (по странному заблужденію) получаютъ *гораздо* худшее строительное образованіе, нежели *инженеры*, а между тѣмъ хотя я самъ инженеръ, но долженъ сознаться, что постройки архитекторовъ вообще цѣлесообразнѣе и лучше построекъ инженерныхъ. Причина этому одна: архитекторы часто

являются вольными мастерами, а инженеры всегда влекутъ за собой коммиссіи. Есть въ Петербургѣ *чудо* строительнаго дѣла— архитравъ Казанскаго собора (на воротахъ къ Мѣщанской): дѣло это — мысль и идея очень посредственнаго архитектора, почти мастерового, между тѣмъ *оно* до сего дня не *признано* оффиціальной строительной наукой, — наукой питающей всевозможныя коммиссіи. Трещины въ куполѣ Микель-Анжело недавно собрали *коммиссію* изъ современныхъ зодчихъ, и я трепещу (не зная рѣшенія этой коммиссіи), что мои внуки будутъ имѣть понятіе объ этомъ куполѣ по наслышкѣ! Кажется довольно,—забудемъ, что умъ хорошо, а два лучше, но будемъ помнить, что только по широкому полю удобно идти въ развернутомъ фронтѣ, каждому по своей тропѣ, но всѣмъ къ одной цѣли. Выѣзжая на дорогу, фронтъ надо съузить по ширинѣ этой дороги, а на тропинкѣ, по карнизу скалы, удобнѣе и цѣлесообразнѣе идти гуськомъ, имѣя во главѣ опытнаго колонновожатаго. Дѣло техническое не поле и не дорога, а узкая тропа, и по ней *одинъ* умъ, хорошо выученный, дисциплинированный и честный, надежнѣе десяти умовъ приведетъ слѣдующихъ за нимъ, съ цѣлью путешествія, къ успѣшному выполненію заданій.

Такимъ образомъ, съ техническо-экономической стороны коммиссіи, по меньшей мѣрѣ, безполезны. Полезны ли техническія коммиссіи съ *контрольной* цѣлью? Ни мало,—но я и не буду останавливаться здѣсь надъ этимъ, и замѣчу только мимоходомъ, что контрольная коммиссія, при выбранномъ проектѣ сооруженія и дѣйствительномъ мастерѣ, завѣдующемъ исполненіемъ,—не имѣетъ ничего общаго съ *техникой*, и перейду ко второму тезису главы.

Откуда же, спросятъ меня, возникло такое пристрастіе къ совѣщательной техникѣ, именно для *казенныхъ* работъ, если результаты такихъ совѣщаній были, очевидно, неблагопріятны? На это можно отвѣтить положительно. Государство, бросившись на спекулятивныя работы, шоссе, желѣзныя дороги, фабрики, заводы и прочее, искало въ коммиссіяхъ той гарантіи, которой ему не представлялъ *вольный* мастеръ. Передъ лицомъ казны техническія *коммиссіи* играютъ роль техническаго залога. Но если *залогъ* денежный не только ничего не гарантируетъ казнѣ, но заставляетъ ее входить въ сношеніе не съ *мастеромъ* у котораго денегъ нѣтъ, а съ коммиссіонеромъ, то и въ послѣднемъ случаѣ знаніе техниковъ коммиссіи, находящееся у нея въ залогѣ,—обыкновенно фиктивно. Залоги, лежащіе въ сундукахъ казны, всего менѣе принадлежатъ подрядчикамъ, и они-то служатъ самымъ прямымъ образомъ къ *ухудшенію* предметовъ поставки, ибо, кромѣ

процентовъ себѣ, подрядчикъ долженъ добыть еще 10 (иногда 14) процентовъ рискующимъ залогодателямъ. Такимъ образомъ, платя *рубль*, казна можетъ получить вещь, дѣйствительная фабричная стоимость которой не выше 60 копѣекъ, тогда какъ частный человѣкъ у того же купца, за тотъ же рубль,—беретъ цѣнность въ 80 копѣекъ. Въ случаѣ же разоренія подрядчика платятъ вполнѣ *невинные*. Коммиссія также состоитъ изъ невинной щуки, столь же невиннаго рака и еще болѣе невиннаго лебедя,—можно ли взыскивать съ нихъ за возы, порученные ихъ перевозкѣ, но которые плохо двигаются съ мѣста. Нѣтъ, нельзя, и вотъ причина, корень и основаніе технической невмѣняемости,—невмѣняемости, въ которой такъ же удобно похоронить ошибку, какъ и преступленіе. Между тѣмъ, если отъ денежнаго залога трудно отказаться въ силу *укоренившейся* привычки, также точно та же привычка порождаетъ коммиссіи. Чувствуя свою неспособность къ *торговому* предпріятію, казна хватается за послѣднія, какъ утопающій за соломенку. А между тѣмъ тутъ есть прекрасный выходъ: не браться за дѣло, несвойственное массивной организаціи. Мало-по-малу этотъ тезисъ проникаетъ въ сознаніе финансистовъ, государство и казна начинаютъ вездѣ отказываться отъ производства даже *орудій* защиты, прибѣгая къ частнымъ заказамъ. Такимъ образомъ, не мѣшало бы отказаться и отъ строительной дѣятельности спекулятивнаго характера.

Но что же дѣлать той же казнѣ при постройкѣ *необходимой* и притомъ *бездоходной?* Вѣрить таланту и *наказывать*, а *не предупреждать* преступленіе, скажу я. Понимая слово «*необходимо*» въ самомъ широкомъ, безусловномъ его значеніи, я рѣшительно теряю способность записывать копѣйки, рубли и даже тысячи. Постройка казенная—необходимая—должна быть прочнѣйшею, ибо страшнѣйшій врагъ казны, хищникъ, прогрызающій дыры въ ея сундукахъ, это—*ремонтъ* зданій; мы уже видѣли, что чѣмъ дешевле (хуже) зданіе, тѣмъ ремонтъ его больше, слѣдовательно, рѣшаясь что-либо построить, казна не должна торговаться, а заказать вещь авторитету, знанію, таланту (какъ орудія—заводу Круппа), совершенно какъ *частный* человѣкъ, преслѣдуя прямую необходимость! Разъ нужна крѣпость, существованіе которой гарантируетъ безопасность государству—не все ли равно, стоила ли она 5, 6, 7 милліоновъ? Вѣдь одна неудачная война унесетъ ихъ *тысячи*, и безвозвратно, тогда какъ деньги на постройку останутся въ государствѣ, и тѣмъ, что увеличатъ заработокъ извѣстныхъ его членовъ,—повліяютъ вновь на государственные же доходы. Сколько доходовъ (косвенныхъ, раз-

умѣется) принесъ государству Вышневолоцкій каналъ, и что передъ этими доходами значатъ цифры его первоначальной стоимости! Наконецъ, зданіе музея, театръ, памятникъ государственному человѣку,—какъ постройки, въ которыхъ выражается благосостояніе цѣлаго народа въ данную эпоху, какъ будущіе свидѣтели нашей культуры передъ лицомъ отдаленнаго потомства, какъ слава и гордость мысли цѣлаго человѣчества,—развѣ могутъ стóить дорого?

Но Боже меня сохрани проповѣдывать безконтрольную растрату государственной собственности—кроваваго труда всего народа, по прихоти вольнаго техника,—о, далеко нѣтъ! Вѣря въ человѣка, въ талантъ и геній, казна имѣетъ всякое право казнить—и жестоко—низость и шарлатанство. Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ наказаніемъ должны руководить не идеи исправленія, устрашенія или имъ подобныя, дискредитированныя попытки человѣческаго самообольщенія, но просто *возмездіе*—возмездіе *всѣхъ* противъ безчестности *одного*. Много дано, много и спросится. Техническая отвѣтственность въ казенномъ дѣлѣ—безусловно необходима, и не только за умышленныя преступленія, но и за ошибки.

V.

Если внимательно посмотрѣть на арену собственно нашей технической дѣятельности, то можно замѣтить еще одно явленіе удивительное и ей одной свойственное: у насъ знаніе борется не противъ другого знанія, не талантъ помрачаетъ талантъ, но борются и помрачаютъ другъ друга—мундиры техниковъ; идетъ ожесточенная борьба кантовъ, преимущественно зеленаго и синяго. Понятія о дурномъ и хорошемъ техникѣ не существуетъ вовсе, за то чрезвычайно ясно выступаютъ вѣдомства того или другого служителя техническаго знанія. Ученики императорской академіи художествъ, строительнаго училища, инженеры морской строительной части (бѣлый кантъ), инженеры военнаго вѣдомства (красный кантъ) и, наконецъ, инженеры путей сообщенія (кантъ зеленый) взаимно исключаютъ одинъ другого. Если разсматривать права ихъ по отношенію къ дѣлу, то получишь невообразимую смѣсь. Извѣстно, что ученики академіи художествъ, въ весьма недавнемъ прошломъ, не только не получали строительнаго, но часто даже и простого образованія; это были по бóльшей части талантливые рисовальщики. Не много лучше (по существу) стоитъ дѣло и нынѣ, а между тѣмъ, по

отношенію къ строительному дѣлу, они самые правоспособные. Труднѣйшія сооруженія: церкви, дворцы, рынки и торговые дома выполняются ими безъ особеннаго контроля. Ученики строительнаго училища суть оффиціальные зодчіе, зодчіе-чиновники, но ихъ строительныя познанія плохи. Титулъ инженеръ-архитектора они получаютъ обыкновенно за чужую работу, и тогда черезъ ихъ руки проходитъ громадное большинство провинціальнаго строительнаго дѣла, ибо мѣста губернскихъ и уѣздныхъ архитекторовъ и инженеровъ спеціально ихъ мѣста. Затѣмъ, инженеръ путей сообщенія, ученикъ института, имѣетъ недостаточно опредѣленныя права. Были между ними строители дворцовъ, церквей, но правоспособность ихъ часто подчинялась ученику строительнаго училища, въ качествѣ губернскаго архитектора и инженера; между тѣмъ познанія ихъ (судя по программѣ) неизмѣримо выше познаній послѣдняго. Наконецъ, инженеръ военный? Чтó это такое? Представитель военно-строительнаго дѣла? Да неужели такое бываетъ? Мнѣ всегда странно слышать титулы: *военный инженеръ*, *военный медикъ*, *военный технологъ* (ученикъ артиллерійской академіи). Если кто *военный* медикъ, то надо думать, что онъ можетъ или умѣетъ лечить только людей въ *военномъ* мундирѣ. Разъ на человѣкѣ платье гражданское—онъ пасуетъ, солдатъ не его спеціальность. Вы смѣетесь надъ моимъ остроуміемъ, но представьте же вы себѣ, что военный инженеръ, строющій соборъ, дворецъ, казарму въ *чертѣ* крѣпости, не правоспособенъ построить себѣ деревянной хижины за чертой ея—безъ одобренія *архитектора*. Развѣ это не то же самое? Чтó же касается до инженеровъ бѣлаго канта, то и происхожденіе ихъ и права теряются для меня во мракѣ неизвѣстности. Занимаются они самою трудною частью строительнаго искусства—гидротехническими сооруженіями, и занимаются съ честью; дальнѣйшія же ихъ права мнѣ неизвѣстны [1]). Инженеры краснаго и зеленаго канта—вѣчные антагонисты, вѣчно воюющія стороны, и воюющія спеціально изъ-за канта, причемъ переходъ изъ вѣдомства краснаго въ вѣдомство зеленаго канта—весьма затруднителенъ. Практика и извѣстность въ разсчетъ не принимаются.

Такое явленіе мундирной техники—явленіе давнишнее, къ нему привыкли не только профаны, но и спеціалисты, которымъ хотя и частенько кидаются въ глаза многія странности ихъ положенія, но они не пускаются въ ихъ дальнѣйшее разсмотрѣніе. Вотъ

---

[1]) Инженеры морской строительной части выходятъ также изъ николаевской инженерной академіи.

почему, я убѣжденъ,—частію потому, что уже года два тому назадъ пробовалъ писать на эту тэму,—что мысль моя, при всей очевидной угловатости предмета, не будетъ достаточно понята.— Понятіе о военно-строительномъ искусствѣ не кажется страннымъ притупленному слуху,—мало того: военная медицина, на глазахъ нашихъ храбро парадируетъ подъ руку съ военной гигіеной, и сопровождается сзади, въ качествѣ деньщика, уже дѣйствительно военной фармакологіей,—и кому же это кажется страннымъ. Я знаю одного умнаго врача, который пощупалъ мой пульсъ, когда я высказалъ еретическое сомнѣніе въ существованіи *военной* гигіены, и предложилъ ему читать лучше лекціи о генеральской, полковничьей, прапорщичьей и солдатской гигіенѣ, нежели вообще о гигіенѣ военной. Мнѣ хорошо извѣстны лица, сознающія нелѣпость *военной* гигіены, но они, благодушно улыбаясь, твердятъ: «что въ имени тебѣ моемъ»,—если сущность *та же?* А между тѣмъ какъ они сугубо ошибаются! Поглядите вы на эту фельдшерскую фармакологію, которая важно, въ качествѣ самодовольнаго провожатаго, шагъ за шагомъ, слѣдуетъ за старой военной медициной, идущей подъ руку съ молодой военной гигіеной, и осмѣльтесь также весело спросить: «что въ имени тебѣ моемъ?» Красивая фигура—не такъ ли, а вѣдь она обязана своимъ существованіемъ, и какъ вамъ хорошо извѣстно—существованіемъ фатальнымъ для солдатскаго здоровья,—единственно *мундиру медицины*. Только выдѣленіе *солдатской болѣзни*, изъ цикла *болѣзней общечеловѣческихъ* могло породить мысль, что если *человѣку* въ лихорадкѣ нужна *дорогая* хина, то *солдату* достаточно *дешевой* магнезіи. Наука, желая оставаться на высотѣ своего призванія, не должна и думать о мундирѣ. Вообще, какъ это ни странно, но *принципъ* часто важнѣе сущности предмета. Принципъ же военнаго врача, фармацевта, инженера, технолога, есть извѣстный компромиссъ между *невозможностью* имѣть *настоящихъ* дѣятелей по этимъ отраслямъ и *желаніемъ* имѣть *хоть какихъ*-либо. Это наслѣдіе прошлаго, имѣющее свою исторію. По существу оно сохранилось только въ военной аптекѣ, но по принципу осталось и въ прочемъ. Между тѣмъ понятія (нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ) діаметрально измѣнились, и если прежняя военная практика требовала болѣе дисциплины, нежели знанія по всѣмъ отраслямъ даже чисто научнымъ,—то современное военное дѣло требуетъ *развитія* даже отъ рядового солдата. Вотъ почему, если прежній военный врачъ былъ врачомъ плохимъ, то современный *врачъ военнаго вѣдомства* долженъ быть *лучшимъ* врачомъ изъ всего современнаго медицинскаго состава. То же можно примѣнить и

ко всѣмъ прочимъ научнымъ и техническимъ познаніямъ, состоящимъ на службѣ по военному министерству. Оно такъ на дѣлѣ и есть. Медико-хирургическая академія можетъ съ честью выставить имена своихъ извѣстныхъ питомцевъ, и число ихъ едва ли не превзойдетъ имена свѣтилъ медицинской науки, обязанныхъ своими первоначальными знаніями факультетамъ даже московскаго и дерптскаго университетовъ. Инженерное училище и академія дали также многихъ чисто-спеціальныхъ дѣятелей по строительному искусству и въ данную минуту, по числу извѣстностей, далеко оставили за собою институтъ путей сообщенія даже на поприщѣ его узкой спеціальности. Чтобы не показаться голословнымъ, назовемъ нѣсколько примѣровъ. Безспорно, лучшій курсъ строительной механики по ясности, простотѣ и математическому изяществу изложенія, не только въ Россіи, но и заграницей, принадлежитъ уважаемому профессору Н. И. А. ген.-маіор. Г. Е. Паукеру, извѣстному строителю Петропавловскихъ лѣсовъ, Царскосельскаго желѣзнаго купола и многаго другого. Форты Кронштадта приводятъ изяществомъ, монументальностью и притомъ искусствомъ строительнаго дѣла въ восторгъ иностранцевъ, и всѣ служатъ неопровержимыми доказательствами, насколько работы *военныхъ инженеровъ* были искуснѣе работъ инженеровъ прочихъ кантовъ. Вопросы о *вентиляціи* и *отопленіи*, забытыя институтомъ путей сообщенія, разработаны инженерами военными. Имя полковника Войницкаго, послѣ чудесъ, устроенныхъ имъ въ Зимнемъ дворцѣ, стало извѣстно до нѣкоторой степени и публикѣ. Вопросы о цементѣ разработаны и акклиматизированы въ Россіи инженерами военнаго вѣдомства, — ибо заводчики (Роше, Черкасовъ и Бахметьевъ) служатъ военному министерству или работаютъ на его деньги. Это до того непреложно, что даже (о, чудо!) институтъ въ прошломъ году пригласилъ *военнаго* инженера на каѳедру строительныхъ матеріаловъ. Кажется и этого было бы достаточно, но мы пойдемъ далѣе. Инженеръ Струве, — военный инженеръ, инженеръ Березинъ (замѣчательный авторитетъ по строительной механикѣ) — военный. Взгляните на спеціальную литературу. Обширнѣйшее сочиненіе по строительному искусству, курсъ объ основаніяхъ (лучшій въ Европѣ) принадлежитъ военному инженеру В. Карловичу. Громадный трудъ, совершённый въ пять лѣтъ А. А. Недзялковскимъ, по изданію «Таблицъ и формулъ», трудъ, плодами котораго живетъ вся строющая Россія [и служащій великолѣпнымъ примѣромъ, пропущеннымъ въ предъидущей главѣ, что можетъ сдѣлать *одинъ* человѣкъ, если надъ нимъ нѣтъ коммиссіи (въ pendant къ урочному положенію 1869 года, надъ

которымъ работала 24 года коммиссія, и гдѣ, кромѣ новыхъ ошибокъ и типографскихъ и иныхъ, ничего нѣтъ новаго)], совершёнъ также военнымъ инженеромъ. Единственный полный курсъ морскихъ сооруженій по-русски написанъ М. Н. Герсевановымъ. Наконецъ, вспомнивъ, что премія за Мстинскій мостъ (приходилось конкуррировать съ г. Энрольдомъ, профессоромъ института) взята военнымъ инженеромъ; что единственно построенный въ Россіи портъ *Петровскій*—работа военнаго инженера;—Пражскій соборъ (въ Варшавѣ), обширнѣйшій изъ русскихъ церквей въ царствѣ,—построенъ военнымъ инженеромъ,—мы можемъ придти къ заключенію, что на всѣхъ поприщахъ строительнаго дѣла они если не лучше, то ни на волосъ не хуже инженеровъ зеленаго канта. А между тѣмъ по принципу они все же *худшіе* инженеры, и генералу Паукеру и г. Недзялковскому, чтобы перейти въ путейское вѣдомство, пришлось бы *по закону* экзаменоваться, и не выше четвертаго класса института, ибо тамъ и *своя механика*, и *свое* строительное искусство, отличное отъ нашего. Вотъ это-то, мундирность и мундирность пяти министерствъ, обрушившаяся на одно простое и общеполезное дѣло, вредитъ болѣе дождя, снѣга, грома и всѣхъ majeur'ныхъ сихъ—возможности технической отвѣтственности. Выстройте въ шеренгу пять разношерстныхъ мундировъ, служащихъ строительному дѣлу вообще, и попробуйте распредѣлить между ними отвѣтственность. Задача съ разу покажется невозможной, ибо отвѣтственность можетъ быть или *полной*, когда потребуется и полная правоспособность, или *никакой*, когда можно удовольствоваться какой-либо степенью (вполнѣ случайно) строительной правоспособности. Отсюда вытекаетъ необходимость одной программы для полученія такой правоспособности. Инженеръ безъ всякаго мундира, равно какъ врачъ, ученый и всякій мастеровой, долженъ оставаться полноправнымъ инженеромъ. Имя—вотъ лучшій мундиръ техника. Затѣмъ, служба инженера можетъ происходить въ любомъ вѣдомствѣ, въ любомъ министерствѣ, не прибавляя ему, какъ инженеру, ничего, и ничего не убавляя. Разъ инженеръ Войницкій—спеціалистъ по вентиляціи, имѣетъ европейское реномé, то почему бы вѣдомству путей сообщенія не воспользоваться его трудомъ, также какъ и всѣмъ прочимъ? Разъ военнымъ инженеромъ написано лучшее изъ донынѣ существующихъ курсовъ основаній, то для чего бы путейцамъ писать новый курсъ? Разъ военное вѣдомство нуждается въ желѣзной дорогѣ, зачѣмъ ему *военный* непремѣнно инженеръ, когда *всякій инженеръ*, какъ и *всякій врачъ*, должны быть обязаны служить государству въ мирное время, а о военномъ и говорить нечего. Но кто же

будетъ строить крѣпости? Да тотъ же инженеръ. Развѣ крѣпость, какъ постройка вообще, являетъ что-либо особенное, по отношенію къ прочему строительному искусству? *Заданія* при проектѣ крѣпости другія, также какъ заданія для церкви иныя нежели заданія для желѣзно-дорожной станціи, и если условія заданія для церкви должны исходить отъ духовныхъ лицъ,—условія заданія госпиталей отъ авторитетовъ медицины, условія заданія торговыхъ домовъ отъ санитарныхъ комитетовъ (родъ медицинской полиціи), условія заданія для станціи желѣзной дороги отъ спеціалистовъ по эксплуатаціи ихъ (спеціалистовъ службы тракціи); то заданія крѣпостныя должны исходить отъ лицъ военныхъ, а выполненіе всѣхъ этихъ заданій, съ *ручательствомъ за прочность*, должно лежать на вполнѣ признанномъ авторитетномъ инженерѣ, подъ условіемъ уголовной отвѣтственности за непрочность и недобросовѣстность постройки, въ чемъ бы она ни состояла. При такомъ положеніи дѣла, кромѣ ясности, логики и простоты его, выигрывается еще много второстепенныхъ ставокъ, а именно: 1) всѣ средства обученія, какъ личныя, такъ и матеріальныя, можно эманципировать отъ мундира и отдать прямо на службу *инженерному дѣлу* въ обширномъ смыслѣ. Почему великолѣпная спеціальная библіотека института путей сообщенія закрыта художнику архитектору, ученику строительнаго училища, военному инженеру, а открыта только путейцамъ, занимающимся по преимуществу коммерческой, а не научной стороной дѣла? Вѣдь это прямой убытокъ государству, въ виду того, что библіотека института—все же казенная библіотека. Почему мундиръ—и только мундиръ, мѣшаетъ студенту института пользоваться счастіемъ прослушать курсъ Г. Е. Паукера? Почему военные инженеры, рядомъ съ превосходнымъ курсомъ основаній, слушаютъ плохой курсъ общаго строительнаго искусства, а путейцы, плохо зная искусство дѣлать прочные фундаменты, слушаютъ подробные курсы менѣе важныхъ отраслей строительнаго дѣла? Почему принципъ инженерной академіи: *знаніе деталей образуетъ инженера*, и потому тамъ не гнушаются плотничнымъ и кирпичнымъ ремеслами, заставляя учениковъ дѣлать вычерчиваніе вырубки и кладку, тогда какъ принципъ института: *бросаніе общихъ инженерныхъ взглядовъ*, причемъ знаніе деталей считается какою-то профанаціею искусства, низведенія его на степень плотническаго ремесла—не болѣе? Почему архитектору необязательно знать даже Пиѳагорову теорему, не говоря уже о тригонометріи, а инженерамъ (менѣе ихъ свободнымъ по отношенію къ ремеслу) необходима высшая математика? Почему существуютъ два плохихъ инженерныхъ журнала, когда во всѣхъ вѣ-

домствахъ нѣтъ силъ и для одного хорошаго? Наконецъ, почему въ пестротѣ разныхъ мундирныхъ инженеровъ забытъ одинъ спеціалистъ — *гидротехникъ!* Всѣ эти вопросы разрѣшаются однимъ указаніемъ на разномундирность,—ведущую не къ солидарности, не къ соединенію усилій, дабы ихъ цѣлесообразнѣе направить къ одной цѣли; но къ личной враждѣ самолюбій, къ препирательству разноцвѣтныхъ кантовъ, по поводу выѣденнаго яйца или сальной свѣчки.

Я не позволю себѣ произнести слово «экономія». Нѣтъ, пусть лучше отсохнутъ тѣ руки, которыя подымаются писать о какой бы то ни было экономіи въ училищномъ и ученомъ дѣлѣ. Но приданіемъ техническому дѣлу одной формы будетъ соблюдена желательная и благотворная экономія учащихся силъ.—Училища разныхъ вѣдомствъ доступны не всѣмъ, — права, даваемыя ими ученикамъ, не одинаковы—и это не только несправедливо вообще, но и невыгодно. Безспорно, что желаніе доставить *дѣтямъ* своихъ служащихъ извѣстныя преимущества по воспитанію можетъ найти оправданіе и даже извѣстную похвалу и сочувствіе, но этого также легко достигнуть стипендіями. Николаевская Инженерная академія, выпуская 15 человѣкъ среднимъ числомъ въ годъ, обходится въ 150 тысячъ,—слѣдовательно, назначивъ стипендію въ 1,000 руб., да *платя* за слушаніе по 1,000 руб. на человѣка въ годъ, — военное министерство могло бы имѣть 75 стипендіатовъ, обезпеченныхъ во всѣхъ своихъ нуждахъ за тѣ же деньги.—Но если высшее даровое воспитаніе сына, въ награду за службу отца—похвально,—то монополизировать, ради того же *знанія*, этому сыну уже вовсе невыгодно, да и не нужно. Съ одной стороны, если военному министерству требуется ежегодно только 15 ч. инженеровъ, то ему выгоднѣе выбирать ихъ изъ всей массы студентовъ, кончившихъ курсъ, не стѣсняясь лицами, получившими стипендію, — съ другой,—не для чего заставлять иного превосходнаго гидротехника стѣны красить бѣлилами, а подоконники кирпичомъ, — разъ въ другомъ вѣдомствѣ терпятъ громадный убытокъ, за неимѣніемъ надежныхъ спеціалистовъ по гидравликѣ. Тутъ выгода взаимная, а кто за кого платилъ,—разъ всѣ деньги изъ одного *сундука*, и только вынимаются разными казначеями, — не важно. Въ общее училище, въ родѣ Парижской Политехнической школы, можетъ пойти всякій, — выйдетъ же оттуда способнѣйшій, и всѣ силы, потянувшіяся изъ молодого поколѣнія къ строительному дѣлу, — размѣстятся по дѣйствительному ихъ знанію уже со школы. Спеціальности выдѣлятся и обособятся, и вмѣсто разноцвѣтныхъ инженеровъ, —

цвѣта которыхъ ничего не обозначаютъ, кромѣ грубаго смѣшенія понятій,—мы будемъ имѣть ясно и опредѣленно выраженныя отрасли строительнаго дѣла въ лицѣ инженеръ-архитектора, инженера мостовъ и дорогъ, и инженеръ-гидротехника. Уже много лѣтъ дѣлается опытъ вмѣстить въ одной головѣ всѣ *технологическія* познанія,—соединивъ въ курсѣ Михайловской артиллерійской академіи всю механическую и химическую технологіи, со включеніемъ горнаго и литейнаго дѣла, — и почти безуспѣшно. Сами испытанные, прославленные профессора этой академіи, гдѣ авторитетъ стоитъ рядомъ съ авторитетомъ, пришли давно уже къ заключенію, что курсъ академіи, въ полномъ объемѣ, не по силамъ одному человѣку. Нѣкоторые кончали въ ней курсъ только въ два пріема, уѣзжая на годъ или на полтора на отдыхъ, и возвращаясь вторично. Результаты по численности ничтожны:—5-ть—много 8 человѣкъ выпуска, но чего они стоютъ! Между тѣмъ, какъ бы военное вѣдомство могло поднять своими стипендіатами горный институтъ и особливо оба отдѣленія института технологическаго. Самое же дѣло отъ того рѣшительно бы только выиграло, потому что переученный — не больно далеко ушелъ отъ недоученнаго. Усвоившій себѣ баллистику Маевскаго, интегральное исчисленіе Лаврова, механику Вышнеградскаго, химію Шишко и технологію съ кристалографіею Гадолина едва-ли годится для канцелярскаго дѣла казенныхъ горныхъ и литейныхъ заводовъ. Не боясь никого обидѣть—скажемъ, что Михайловская академія даетъ *ученыхъ*,—но не технологовъ, между тѣмъ какъ ученые тяготятся своей мизерной практикой; — дѣйствительные технологи, технологическаго института—сидятъ безъ хлѣба,—ибо имъ государственная карьера закрыта, — а въ частной еще не привыкли къ наукѣ. Кромѣ перечисленнаго и касающагося всѣхъ мундировъ, военное министерство, устроивая чисто-техническія школы, проигрываетъ еще въ одномъ отношеніи — уничтожаетъ *техника войны*. Дѣло военное есть дѣло тоже техническое, и притомъ распадающееся на три узкія и ясно очерченныя спеціальности: — *техника строя*, *техника оружія нападенія* и *техника орудій защиты*. Первому нужно знать солдата и все, что касается его — *какъ солдата;* — второму нужно знать *свойство* разнаго оружія — *какъ оружія нападенія* (но вовсе не какъ предметъ промышленности или торговли);—наконецъ, третьему—*средства защиты по отношенію только къ защитѣ*,—независимо отъ всякихъ другихъ ихъ значеній. Ясно, что первому не для чего быть ни философомъ, ни психологомъ, ни медикомъ,—вто-

рому незачѣмъ технологія и литейное дѣло, а третьему—безполезно строительное искусство вообще.

Выбросивъ изъ высшаго военнаго образованія всѣ техническія знанія и ограничивъ курсъ строго военными предметами, военное вѣдомство могло бы имѣть академію съ однимъ общимъ и тремя частными курсами, по тремъ военнымъ спеціальностямъ, и такая академія могла бы существовать при практическомъ полигонѣ и распускать своихъ слушателей на лѣтніе мѣсяцы въ строй. Изъ нея выходили бы техники *пріемовъ*, а не сущности. Инженеровъ же, медиковъ и технологовъ военное вѣдомство можетъ нанимать со всего свѣта, выбирая *лучшихъ*, такъ какъ ему именно и чаще всего необходимо высшее знаніе, высшая способность. Очевидно, впрочемъ, что имъ не для чего носить военный мундиръ, не для чего подчиняться военной дисциплинѣ, такъ какъ дѣло ихъ и въ военномъ вѣдомствѣ—узко-техническое. Продолжаю далѣе.

При такомъ порядкѣ удобно устроить одну корпорацію техниковъ, взаимно наблюдающихъ одни за другими, на подобіе корпораціи адвокатовъ. Корпорація могла бы имѣть свой совѣтъ, свои кассы, свои изданія и даже свой спеціальный судъ (научнаго характера). Все это, взятое вмѣстѣ, образовало бы дѣйствительную гарантію государству при сооруженіи *государственныхъ* построекъ, — давало бы и частнымъ, *желающимъ*, возможность получить или честнаго, или дешеваго техника. Наконецъ, облегчало бы коллективныя работы по наблюденіямъ за извѣстнымъ предметомъ съ научною цѣлью, какъ-то: за перемѣнами въ атмосферѣ, за рѣками, за технической статистикой въ обширномъ смыслѣ слова, а то въ настоящее время всѣ такія наблюденія щеголяютъ въ разныхъ мундирахъ. Напримѣръ, на Бугѣ у кр. Брестъ-Литовска три футштока, — одинъ вѣдомства военнаго у цѣпного моста, другой вѣдомства путей сообщенія у плотины Поаре (100⁰ ниже), а третій вѣдомства воронежско-тамбовской желѣзной дороги (частный) у желѣзно-дорожнаго моста, еще 100⁰ ниже. Всѣ они между собой *несоизмѣримы*, и первые два произвольны, а третій поставленъ по уровню Балтійскаго моря.

Помимо обязательной *технической отвѣтственности* по сооруженіямъ, при этомъ можетъ выработаться извѣстное цеховое соревнованіе, соперничество именъ — отчего главнымъ образомъ выгадаетъ наука. Теперь же, облеченный техническимъ мундиромъ, по оставленіи школьной скамейки, можетъ до гроба не брать въ руки ни одной спеціальной книги и довольствоваться только справочными календарями (благо имъ и числа нѣтъ), да книжкою

урочнаго положенія. Ясно, что въ цехѣ силенъ только заправскій мастеръ, и это — прекрасная сторона цеха, возстановить которую (независимо отъ замкнутости послѣдняго, чтó безусловно вредно) вполнѣ было бы желательно.

Кстати тутъ поговорить о технической журналистикѣ. При значительномъ числѣ спеціальныхъ изданій, у насъ все же нѣтъ хорошихъ техническихъ журналовъ, а у состоящихъ на лицо нѣтъ читателей. Многіе изъ такихъ журналовъ пользуются оффиціальной субсидіей правительства, и правомъ обязательной подписки — и все же, не во гнѣвъ имъ будь сказано, плохи. Главныя причины такого явленія: раздѣленіе науки по мундирамъ и казенный характеръ изданій. Полнѣйшее фіаско прежняго журнала путей сообщенія, замѣченное даже не-спеціальными журналами, привело наконецъ къ его преобразованію. Казенный характеръ долженъ исчезнуть (по крайней мѣрѣ въ запискахъ института) — но *мундиръ* сохранится, и это предвѣщаетъ мало добраго. Боюсь я, чтобы, при сотрудничествѣ одного *зеленаго* канта, эти записки не превратились въ сборникъ способовъ ухудшать постройку желѣзныхъ дорогъ. Что же касается до статистическаго и административнаго органа министерства путей сообщенія, — то отъ него можно ждать только положительныхъ фактовъ, — факты же свойства отрицательнаго едва ли найдутъ въ немъ мѣсто — въ силу *природы* вещей. Еще печальнѣе положеніе военно-технической журналистики. Именно въ силу того, что особой военной техники и военной медицины не существуетъ, журналы эти лишены всякой идеи, всякаго научнаго значенія и являются сборниками болѣе или менѣе удачныхъ анекдотовъ по строительной, механической или медицинской части. Въ составѣ книжекъ этихъ журналовъ попадаются иногда статьи серьёзнаго, научнаго значенія, но такъ какъ такія статьи вполнѣ случайны, то никто изъ частныхъ лицъ не можетъ разсчитывать на нихъ при подпискѣ и потому не подписываются, и хорошее пропадаетъ вмѣстѣ съ плохимъ. Затѣмъ, въ оффиціальномъ журналѣ не можетъ быть *критики*, а критика-то и должна составлять душу всякаго журнала, — не только общаго, но и спеціальнаго характера. Каждое произведеніе имѣетъ всегда свѣтлыя и темныя стороны. Не всякій читатель можетъ ихъ раздѣлить съ помощію своего собственнаго разсужденія, — дѣленіе такое — дѣло критики. Между тѣмъ эти рекламоподобныя, жидкія, похвальныя библіографическія свѣдѣнія, помѣщаемыя какъ въ инженерномъ, такъ и въ артиллерійскомъ журналѣ — развѣ они чего-нибудь стоютъ? Перепечатай оглавленіе книги *своими словами*, съ разведеніемъ ихъ водой риторическихъ

похвалъ — вотъ и критика. Кому же охота ее читать, и кому она можетъ быть полезна? А между тѣмъ сколько шарлатанства гуляетъ по бѣлому свѣту въ видѣ почтенной, аккредитованной науки? Какая бѣдность по части философіи каждаго техническаго знанія, — а спеціальной техникѣ въ ея оффиціальномъ мундирѣ до всего этого нѣтъ дѣла.

Но очевидно также, что критика науки возможна *на чистомъ* полѣ науки, внѣ всякихъ мундирныхъ и иныхъ соображеній. Слѣдовательно, вотъ главная причина неудобства оффиціальныхъ техническихъ журналовъ. Есть еще и второстепенныя. Русскихъ техниковъ, интересующихся не барышами своей профессіи, но знаніями, для нея необходимыми,—мало. Этотъ печальный фактъ породилъ обязательную подписку, т.-е. фактъ еще болѣе печальный. По существу (какъ уже было замѣчено давно), обязательная подписка является налогомъ на *лѣнивыхъ* въ пользу прилежныхъ; и это бы еще ничего, хотя юридически и несправедливо,—но бѣда состоитъ въ томъ, что изданіе при обязательной подпискѣ, при редакторѣ, получающемъ опредѣленное жалованье, и сотрудникахъ, плохо оплачиваемыхъ за ихъ трудъ—всегда изданіе мертвое. Человѣкъ работаетъ охотно только въ томъ случаѣ когда ему платятъ *задѣльно*, разъ же платятъ гуртомъ, то, кромѣ лицъ, фанатически преданныхъ дѣлу, всякій смертный не будетъ очень много заботиться о составѣ этого гурта. Велѣно издать 12 книжекъ въ годъ—12 книжекъ отъ 6 до 10 печатныхъ листовъ, напечатано—и дѣло въ шляпѣ. Въ то же время мундирность,—совершенно исключающая всякую фанатическую (всегда мало приличную и мало разборчивую) преданность дѣлу, не дозволяетъ надѣяться, чтобы дѣло попало въ руки особеннаго человѣка—для котораго дѣло и жизнь—синонимы.

Съ другой стороны, техническій журналъ, *свободный* отъ всякаго мундира и получающій *большую* субсидію отъ государства, вполнѣ необходимъ. Теперь *разрабатывать науку* невыгодно. Выгоднѣе изобрѣсти новое ушко у швейной иголки и основать на заемныя деньги фабрику, нежели написать трактатъ о механической философіи, обнимающій всевозможныя иголки съ ушками и безъ оныхъ, такъ какъ первое доставитъ благосостояніе, а второе—ничего. Спрашивается, если казенныя субсидіи *актерамъ* считаются дѣломъ необходимымъ, то неужели люди науки, умомъ которыхъ живетъ общество, знаніями которыхъ благоденствуетъ и гордится—неужели имъ не обязано оно же помогать и помогать щедро, ибо *голодное брюхо къ ученью глухо*, какъ типично выражается языкъ русскій. Хотя помощь такого рода существуетъ, но она существуетъ

въ качествѣ синекуры почетнаго званія академика, пенсіона и тому подобнаго, а это-то и нехорошо. Обыкновенно, человѣкъ напишетъ научное изслѣдованіе, получитъ титулъ ученаго и сопряженныя съ этимъ выгоды, и погружается въ сонъ непробудный; затѣмъ новый авторитетъ дѣлается только новымъ тормазомъ для дальнѣйшаго движенія въ наукѣ. Существованіе вольныхъ журналовъ ученаго характера—*съ возможно-дешевой* подпиской, но съ большой полистной платой за сочиненія *чисто-научнаго характера,* уплачиваемыя изъ государственнаго фонда, на мой взглядъ были бы лучшимъ рѣшеніемъ вопроса. Фондъ такого рода устроить чрезвычайно просто, стоитъ только, чтобы желѣзныя дороги, фабрики, заводы, шоссе и вообще всякія техническія промышленныя предпріятія, пользующіяся научнымъ знаніемъ, хоть и не въ первой его формѣ, удѣляли изъ своихъ барышей извѣстную долю процента въ особый издательскій капиталъ. Если бы желѣзныя дороги при ихъ современномъ доходѣ давали $^1/_5\%$ съ валового дохода, то ежегодно притекало бы около 250,000 съ одной только отрасли техническаго труда, и такой налогъ, будучи необременителенъ, былъ бы справедливѣйшемъ изъ всѣхъ существующихъ налоговъ.

При такихъ условіяхъ, спеціальные журналы могутъ служить въ выработкѣ философіи техническихъ знаній, и это крайне важно для техники, которой пора бы, переставъ быть искусствомъ, сдѣлаться наукой. Какъ ближайшее послѣдствіе такой работы, и притомъ послѣдствія практическаго — будетъ выясненіе *вопросовъ заданія,* въ настоящее время рѣшительно ни для кого не ясныхъ. Для доказательства предлагаю бросить взглядъ на наши конкурсы.

Всматриваясь въ различные конкурсы, заданные въ послѣднее время, мы невольно будемъ поражены однимъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ. Каждый конкурсъ, въ предѣлахъ требуемыхъ имъ условій и поставленныхъ цѣлей, представляетъ неразрѣшимую задачу. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ страннаго, но несомнѣнно существующаго заблужденія, что невозможное вообще дѣлается возможнымъ путемъ публичнаго конкурса.

Возьмемъ, напримѣръ, вентиляцію. Современнымъ инженерамъ извѣстно, что всякое зданіе должно быть хорошо вентилировано, для чего ближайшимъ образомъ можетъ служить топка. Хорошо же вентилированнымъ зданіемъ называется такое, гдѣ въ 1 часъ времени приходится на каждаго человѣка не менѣе 1 куб. саж. свѣжаго воздуха. И вотъ, этихъ условнѣйшихъ знаній доста-

точно, чтобы предложить на публичный конкурсъ такую задачу: усадить человѣка въ каменный гробъ, длиною и высотою въ $3^1/_2$ и шириною въ $2^1/_2$ аршина, въ которомъ онъ будетъ исполнять всѣ жизненныя отправленія безъ исключенія, но при этомъ доставить ему такую же возможность наслаждаться свѣжимъ воздухомъ, какъ будто онъ находился «среди полей и лѣсовъ цвѣтущихъ». Какое дѣло задающему задачу, что у насъ лѣтомъ снаружи можетъ быть $+30^0$, а зимою -30^0 по Реомюру. Какое ему дѣло, что проводить воздухъ, содержащій достаточно влажности при -30^0, нагрѣтымъ до $+20^0$, со скоростью, при которой въ 1 часъ времени все внутреннее содержаніе такой кельи перемѣнится около 2 разъ, значитъ высушить человѣка, какъ сушатъ вяленое мясо, или, наоборотъ проводя воздухъ, насыщенный парами, при температурѣ до $+30^0$, въ каменную келью—съ температурой не превосходящей 15—17^0, значитъ подвергать заключеннаго дѣйствію сырости, чтó, конечно, не можетъ быть полезно и лѣтомъ, такъ что даже удачное разрѣшеніе задачи поведетъ только къ тому, что заключенному придется, отсырѣвъ лѣтомъ, высохнуть зимою. Безспорно, техника нашего времени можетъ доставить теченіе воздуха, не уступающее урагану, но это будетъ стоить денегъ,—вотъ почему, заказывая вентиляцію, нужно спросить, имѣются ли таковыя и въ какомъ количествѣ. По бóльшей части у насъ (да не у насъ однихъ) полагаютъ, что вентиляція должна ничего не стоить, или очень мало.

Возьмемъ другой примѣръ: конкурсъ на походные лазаретные бараки. Конкурсъ этотъ, взятый такъ сказать внѣ времени, внѣ стоимости, внѣ климата, словомъ, совершенно абстрактно, вовсе не представитъ затруднительной задачи. Пускай стѣнки барака будутъ сдѣланы изъ слюды, или вязаны изъ пуха—это *все равно*, разъ баракъ проектируется *безъ цѣны* и внѣ климата—и на бумагѣ онъ окажется превосходнымъ [1]). Но разъ мы задаемъ проектъ *барака* для помѣщенія 6-ти больныхъ, зимою и лѣтомъ—баракъ, стѣнки котораго не впитывали бы вредныхъ испареній, и въ то же время были бы легки, съ вентиляціей и отопленіемъ, и притомъ такъ, чтобы на провозъ этого барака и на его установку потребовалось бы менѣе лошадей и людей, чѣмъ сколько нужно на то, чтобы увезти этихъ раненыхъ съ поля

[1]) Покойный В. А. Гартманъ проектировалъ такой баракъ изъ массы краснаго дерева, всѣ части котораго складывались и образовали 2-хъ-колесную телѣжку. По разсчету, такая игрушка должна была стоить до 15-т. руб. и могла вмѣстить 6 человѣкъ раненыхъ.

сраженія, мы тотчасъ впадаемъ въ невозможное. A priori можно сказать, что привезти домъ для больныхъ, отопленный и вентилированный какъ зимой, такъ и лѣтомъ, будетъ труднѣе и потребуетъ бо́льшихъ механическихъ и перевозныхъ средствъ, нежели обыкновенная уборка этихъ раненыхъ съ поля. Этого нельзя будетъ сказать относительно *какого-нибудь* временного помѣщенія для больныхъ на лѣтнее и весеннее время, гдѣ бы сдѣлали первую перевязку, и подъ которымъ раненый могъ бы укрыться отъ непогоды, до отправленія его въ постоянный госпиталь, такъ какъ подобіе такого помѣщенія уже существуетъ—это двойная офицерская палатка, гдѣ смѣло могутъ помѣщаться два человѣка. Три же такихъ палатки, по какой угодно дорогѣ, привезутъ на одномъ возу, чего не сдѣлаютъ съ 6-ю ранеными.

Такихъ примѣровъ можно бы привести еще нѣсколько, но мы ограничимся только однимъ, остановясь на немъ подробнѣе, во-первыхъ, потому, что онъ представляетъ интересъ для жителей города Петербурга, а во-вторыхъ, потому, что въ немъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, видны существеннѣйшіе недостатки, общіе всѣмъ нашимъ конкурснымъ заданіямъ: я подразумѣваю бывшій конкурсъ на составленіе проекта моста чрезъ р. Неву.

Разсматривая условія этого публичнаго и *всемірнаго* конкурса, мы прежде всего поражаемся одной замѣчательной особенностью, именно отсутствіемъ возможности сравненія присланныхъ на конкурсъ рѣшеній, такъ какъ составители программы нашли удобнымъ не назначать *цѣны*, которую не должны были превосходить стоимости проектируемыхъ мостовъ. На чемъ же можно было основать сравненіе мостовъ различной стоимости? Но этого мало. Чтобы опредѣлить цѣну моста, нужно знать цѣны составляющихъ его матеріаловъ и работъ, необходимыхъ для его возведенія. Какія это цѣны?—Условія конкурса предлагали ихъ брать каждому автору, откуда ему будетъ угодно, съ указаніемъ на источники. Что́ же вышло? Въ голландскомъ проектѣ поставлено за куб. саж. тесаной гранитной кладки 260 руб. Въ проектѣ г. Ординга (Max am Ende) за куб. саж. тесаной кладки 870 руб. Въ проектѣ подъ девизомъ Б. С. кубическая сажень тесаной кладки считана въ 1000 руб. и тому подобное, и каждый изъ авторовъ ссылается на свои источники: конечно, голландецъ на голландскія работы, англичанинъ на англійскія, русскій на свои русскія. Спрашивается въ виду этого: могла ли повѣрочная коммиссія сказать не только то, который проектъ лучшій, но хоть бы то, который дешевѣйшій? Въ данномъ случаѣ, кромѣ опредѣленія maximum'а стоимости моста, и приложенія расцѣночной вѣдомо-

сти для составленія всѣхъ смѣтъ, гдѣ бы таковыя ни составлялись, надлежало обратить, въ экономическомъ отношеніи, вниманіе на то, что въ городскомъ мостѣ двѣ стороны:—утилитарная и художественная: мостъ и его украшенія. Стоимость послѣдней простирается отъ нуля до безконечности, т.-е. украшеній можно вовсе не дѣлать, или на нихъ потратить милліоны. Въ виду послѣдняго—наибольшая стоимость моста должна быть опредѣлена только въ его утилитарной части, для инженернаго моста; украшенія же могли быть проектированы безъ цѣны, такъ какъ ихъ можно возводить постепенно, по мѣрѣ накопленія средствъ города. Лишивъ себя экономической единицы мѣры, при присужденіи премій, коммиссія, составлявшая программу конкурса, лишила себя и другой единицы—технической. Такъ, въ VI §, опредѣливъ наибольшую нагрузку на верхнее строеніе моста, она не дала *напряженій*, которыя авторы могли допускать въ различныхъ частяхъ проектируемыхъ ими сооруженій. Между тѣмъ наибольшія допускаемыя напряженія не только различны въ разныхъ странахъ, но даже у насъ различны для мостовъ желѣзныхъ дорогъ, строившихся неодновременно. Очевидно, что эти напряженія не одинаковы у авторовъ, представившихъ проекты. Такимъ образомъ, коммиссіи въ своихъ сужденіяхъ пришлось руководствоваться при оцѣнкѣ одной мѣрой—количествомъ работы по проекту, независимо отъ достоинства его. Первую премію выдать тому, кто болѣе начертилъ,—вторую, кто болѣе написалъ, а третью, у кого фасадъ былъ покрасивѣе прочихъ. Упустивъ главнѣйшія условія практическаго конкурса, коммиссія задалась въ то же время требованіями излишними и непонятными: можно ли себѣ представить, чтобы даже въ будущемъ, по мосту, строго совпадающему съ нынѣшнимъ плавучимъ Литейнымъ мостомъ, на уровнѣ мостовой Литейной улицы прошла *паровая* желѣзная дорога? Можно ли себѣ представить желѣзно-дорожный мостъ съ уклономъ отъ средины въ обѣ стороны въ $1/25$ или 0,04, который допущенъ только для Сурамскаго перевала на Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ, но и тамъ оказавшійся черезъ-чуръ значительнымъ? Между тѣмъ программа требуетъ и того и другого, отчего мостъ дѣлается шире на 2 сажени; при разсчетахъ вмѣсто 40 пудовъ на погонный футъ пути, какъ бы слѣдовало для конно-желѣзной дороги, пришлось брать 80 пудовъ, отчего и всѣ размѣры также удвоиваются, а вмѣстѣ съ этимъ вѣсъ и *стоимость* моста возрастаютъ. И все это напрасно, такъ какъ пустить локомотивъ по Литейной невозможно, да и подняться ему на уклонъ не только въ $1/25$, но и въ $1/50$ будетъ нѣсколько трудновато. Затѣмъ далѣе,

коммисеія потребовала, кромѣ пристаней у береговъ, еще *двѣ* пристани на двухъ среднихъ быкахъ. Желательно было бы знать—для чего? Програма этого не поясняла, а между прочимъ такой вопросъ—далеко не праздный вопросъ. Если эти среднія пристани назначены только для службы рѣчной полиціи, тогда ихъ можно было сдѣлать подъ мостомъ—въ видѣ небольшого уступа въ кладкѣ быковъ, отчего получится только экономія въ гранитной кладкѣ. Но если онѣ назначались для эксплуатаціи ихъ публикой, то имъ надо было дать бóльшіе размѣры, а такъ какъ средніе быки придутся на глубинѣ шести саженъ, то стоимость этихъ пристаней не можетъ быть менѣе 200-т. рублей, такъ какъ они удвоятъ работу по сооруженію мостовыхъ основаній въ самомъ *трудномъ* мѣстѣ. Сказанное мною—не фантазія. Понимая вопросъ въ первомъ смыслѣ, г. Ординъ сдѣлалъ пристани, которыя ничего не стоютъ, но годны только для рѣчной полиціи; напротивъ, придавъ ему второе значеніе, гг. Буаче-Ромбургъ истратили на такія пристани съ ведущими къ нимъ лѣстницами до полмилліона. Который же изъ нихъ ошибся? Къ той же категоріи увлеченій, безусловно лучшимъ, надо отнести требованіе програмой непремѣнно двухъ разводныхъ частей. Конечно, двѣ разводныя части абсолютно удобнѣе одной, а четыре столь же абсолютно удобнѣе двухъ и т. д.; но практическіе вопросы такъ нельзя ставить, если мы желаемъ получить практическое же рѣшеніе. Между тѣмъ, требуя двухъ разводныхъ частей, которыя, по-моему, въ виду необходимости судамъ, кромѣ Литейнаго, проходить еще Троицкій и Тучковъ мостъ, по Малой Невѣ, и Дворцовый и постоянный Николаевскій—по Большой, имѣющіе по одной только разводной части, вовсе не нужны,—составители програмы забыли сдѣлать слѣдующія существенныя оговорки: 1) чтобы каждый поворотный пролетъ имѣлъ свой независимый механизмъ вращенія, дабы въ случаѣ порчи одного можно было разводить другой; 2) чтобы разводныя части, настилка которыхъ будетъ по всему вѣроятію деревянная, допускали бы перемѣну мостовой безъ остановки или значительнаго затрудненія движенія по мосту. Теперь же, когда этихъ оговорокъ не сдѣлано, въ большинствѣ представленныхъ проектовъ эти условія не соблюдены, оба вращающіеся пролета имѣли общій механизмъ, порча котораго повлечетъ за собою полную остановку въ пропускѣ судовъ,—и въ то же время заставитъ даже для пропуска одного судна всегда отворять два пролета, чтò въ нашъ механическій вѣкъ можетъ показаться нѣсколько забавнымъ. Гоняясь такимъ образомъ за лучшимъ и упуская существенное, програма вдругъ

удивляетъ васъ требованіемъ, чтобы *планы и разрѣзы* (а фасады?) были составлены непремѣнно въ масштабѣ 5 саж. въ дюймѣ? Тогда какъ, не все ли равно, въ какомъ масштабѣ сдѣланы чертежи, если они понятны? Вотъ далеко не все равно, какую систему для мостовыхъ фермъ примутъ авторы, а между тѣмъ выборъ ея безусловно былъ предоставленъ на волю послѣднихъ безъ всякаго ограниченія. Результатомъ столь пагубной свободы вышло то, что колоссальный по количеству работы проектъ подъ девизомъ «не слыть, а быть», состоявшій изъ 80 чертежей и толстѣйшей смѣты и записки, при всѣхъ своихъ математическихъ достоинствахъ, немыслимъ въ такомъ плоскомъ городѣ, какъ нашъ Петербургъ, по своему архитектурному безобразію. Наконецъ, въ той же программѣ есть одно требованіе, которое на мой взглядъ также невыполнимо, и не выполнено ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ проектовъ,—это *детальные чертежи приспособленій, необходимыхъ при производствѣ работъ*. Кто можетъ умозрительнымъ путемъ придумать и заранѣе разрѣшить всѣ случайности работы, да еще въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ, т.-е. въ срокъ, на мой взглядъ, слишкомъ малый для добросовѣстнаго выполненія и вычисленія одного только проекта? Что послѣдній срокъ малъ, доказывается фактически неполнотою *всѣхъ проектовъ*—даже проекта подъ девизомъ «не слыть, а быть». Всѣ они страдали или краткостью записокъ, или неполнотою и неясностью разсчетовъ, недодѣланностью чертежей—или неполнотою деталей. Въ самомъ-дѣлѣ, если для ученическихъ заданій полагается годовой срокъ и болѣе, то для столь серьёзной программы слѣдовало бы дать втрое болѣе времени, при болѣе опредѣлительной и ясной программѣ, нежели данная.

Вотъ такъ-то у насъ пишутся... конкурсныя заданія! Не мудрено, что, получивъ программу столь неопредѣленную, никто изъ *знаменитостей* строительнаго дѣла не рискнулъ употребить свое время на ея осуществленіе. Петербургская дума, потративъ около 20-ти тысячъ на эту затѣю, осталась безъ надлежащаго проекта годнаго къ постройкѣ Литейнаго моста. Какъ я замѣтилъ выше, главная причина такой и подобныхъ неудачъ лежитъ въ незнаніи присущихъ свойствъ предметовъ. Такъ, требуя вентиляціи,—требуютъ *даровой* вентиляціи, забывая, что воздухъ, годный для дыханія, приходится,—прежде вдуванія,—еще *приготовить* (нагрѣть и увлажить или высушить), т.-е. подвергнуть сырой продуктъ обработкѣ, т.-е. увеличить его цѣну. Требуя жилого дома, со всѣми удобствами,—забываютъ, что онъ не можетъ быть столь же легокъ, какъ шатеръ или кибитка. Требуя

городского моста, годнаго и для желѣзной дороги,—забываютъ, что эта послѣдняя заставитъ всѣ части его сдѣлать болѣе солидными,—и, въ свою очередь, необходимость пустить по желѣзнодорожному мосту экипажи заставитъ уширить его; а такъ какъ при этомъ удлиннятся поперечины, и изгибъ ихъ увеличится пропорціонально квадрату ихъ длины,—то это, въ свою очередь, заставитъ дѣлать ихъ еще болѣе прочными, нежели того требуетъ одна тяжесть локомотива, и т. д.

Послѣ всего сказаннаго нами, мы можемъ выставить въ заключеніе слѣдующіе два тезиса:

I. Общій характеръ современнаго техническаго прогресса—*плохая сущность и красивая форма*;—причины: *дешевизна труда*, обусловленная машинами и низкою оцѣнкою *топлива*, по отношенію къ прочимъ богатствамъ природы,—и, напротивъ, *дороговизною продуктовъ земледѣлія*, происходящею отъ истощенія почвы, принадлежащей цивилизованнымъ народамъ.

II. Представители техническаго прогресса *со стороны науки и знанія*, равно какъ и представители того же *со стороны капитала*, на дѣлѣ не *отвѣтственны* за свои дѣйствія,—причинами чего будутъ:

а) Недостаточная разработка техническихъ вопросовъ съ философской стороны; кратковременность,—и что главнѣе—условность собранныхъ статистическихъ данныхъ, недозволяющихъ ясную постановку этихъ техническихъ вопросовъ.

б) Казенный характеръ всего техническаго дѣла, подчиненный или регламенту неподвижной формы (въ дѣлѣ государственныхъ техническихъ работъ), — или деспотизму капитала, какъ *безусловнаго* его хозяина (въ дѣлѣ работъ частныхъ).

в) Соединеніе въ одномъ лицѣ, по нѣкоторымъ частностямъ техническаго дѣла, какъ *заказчика*, такъ и *исполнителя* предметовъ производства.

г) Разномундирность техническаго знанія, влекущая за собой неполную правоспособность техниковъ по отношенію къ созидаемому ими предмету.—Наконецъ, какъ маленькая частность—

д) Злоупотребленіе «мажорными» силами природы, которыхъ слишкомъ часто заставляютъ нѣкоторые техники быть безъ вины виноватыми.

В. Петерсонъ.

1876 г.



ЛѢСЪ

Изъ сказки Альфонса Додэ: «Wood-stown».

1.

Есть берегъ чудесный—морская волна,
Къ нему подбѣгая, смолкаетъ;
Тамъ силы дремучей и тѣни полна
Кругомъ вѣковая царитъ тишина,
Тамъ лѣсъ-богатырь почиваетъ.

2.

Онъ дремлетъ, и грезитъ, и шепчетъ сквозь сонъ;
Волшебенъ и страненъ тотъ шопотъ,
Какъ темная молвь стародавнихъ временъ,
Какъ дальняго вѣча торжественный звонъ,
Какъ моря безбрежнаго ропотъ.

3.

Но шопоту лѣса, но бреду тому
Внимать человѣкъ не дерзаетъ.
Подъ хмурые своды, въ зеленую тьму
Въ волшебную чащу нѣтъ хода ему—
Людей къ себѣ лѣсъ не пускаетъ.

4.

Однажды изгнанники чуждой земли—
Богъ знаетъ зачѣмъ и откуда—
Причалили смѣло свои корабли
И на̀ берегъ шумной толпою сошли:
Молъ, жить намъ здѣсь будетъ не худо!

5.

И городъ построить хотѣли они,
Рубить стали лѣсъ топорами,
Работали дружно и ночи, и дни;
Но лѣсъ, охраняя владѣнья свои,
Надъ ихъ издѣвался трудами.

6.

Гдѣ дерево сломятъ, тамъ выростетъ два,
Гдѣ вырубятъ глушь вѣковую,
Тамъ злобной щетиной опять дерева
Ползутъ изъ земли,—а кусты и трава
Сплетаются въ чащу густую!

7.

Разгнѣвались люди и лѣсъ подожгли;
На пеньяхъ среди пепелища,
На черныхъ холмахъ обгорѣлой земли
Себѣ и кумирамъ своимъ возвели
Палаты, дворцы и жилища.

8.

Тó было ужъ поздней осенней порой,
И лѣсъ ихъ оставилъ въ покоѣ.
Гордилися люди побѣдой такой
И славили мудрость свою... но весной
Вновь горе постигло ихъ злое.

9.

Лишь только на землю съ весеннихъ небесъ
Лучъ солнца блеснулъ горячѣе,
Забытый, проспавшійся зà зиму лѣсъ
Очнулся и снова на приступъ полѣзъ,
Несмѣтнаго войска грознѣе.

10.

И чудо свершилось: земля ожила
И силу вдохнула въ строенье;
Въ стропилахъ и бревнахъ вновь жизнь потекла,

Могучая зелень домà облекла
Въ корняхъ пробудилось движенье.

11.

Сквозь камни и плиты сплошной мостовой
Ростки молодые прорвались.
Сначала не поняли люди, какой
Имъ мрачный сосѣдъ угрожаетъ бѣдой,
И чудомъ такимъ любовались.

12.

Но съ башни дозорной отчаянный крикъ:
«Смотрите на лѣсъ!»—вдругъ раздался,
И люди взглянули: мохнатъ и великъ,
На городъ озлобленъ, нахмуренъ и дикъ,
Со всѣхъ онъ сторонъ надвигался.

13.

И слышался шумъ, какъ отъ многихъ шаговъ,
И ропотъ, и трескъ, и гудѣнье!
Тó рылися корни подъ стѣны домовъ,
Тó вѣтви и сучья мятежныхъ дерёвъ
Въ людское вползали владѣнье!

14.

И ужасъ мгновенно весь городъ объялъ,
И нà смерть борьба завязалась:
Пила завизжала, топоръ застучалъ;
Но лѣсъ все тѣснѣе объятья сжималъ,
Все выше трава поднималась!

15.

И скоро не стало дворовъ, площадей,
Проѣздовъ и улицъ широкихъ—
Все скрылося въ мракѣ мохнатыхъ вѣтвей,
Лишь крики, проклятья и стоны людей
Носилися въ дебряхъ глубокихъ!

16.

Все рѣже и глуше звучали они;
Деревья сплетались все гуще.
Въ вершинахъ, какъ въ добрые, старые дни,
Пернатыя хоромъ запѣли въ тѣни;
А лѣсъ разростался все гуще!

17.

Свершилось!—Въ живыхъ ни единой души
На мѣстѣ борьбы не осталось,
И вновь все заснуло средь мертвой тиши;
Людей появленье въ чудесной глуши,
Какъ сонъ мимолетный промчалось!

18.

И нынѣ, какъ прежде, морская волна
Близъ тѣхъ береговъ умолкаетъ,
Гдѣ силы дремучей и тѣни полна
Кругомъ вѣковая царитъ тишина,
Гдѣ лѣсъ-богатырь почиваетъ.

19.

Но въ царство лѣсное незваныхъ гостей
Пускать она больше не хочетъ,
И мачты завидѣвъ вдали кораблей
На встрѣчу къ нимъ мчится съ прибрежныхъ камней,
Дробится, реветъ и грохочетъ!

20.

А лѣсъ-побѣдитель смѣется сквозь сонъ,
И, ужасомъ люди объяты,
Бѣгутъ того смѣха!—Пугаетъ ихъ онъ,
Какъ въ полночь набата погибельный звонъ,
Какъ божьяго грома раскаты!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

и

ЕГО ГЛАВНЫЯ ЗАДАЧИ

Землевладѣніе и Земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Два тома. С.-Петербургъ. 1876.

I.

Обширный трудъ князя Васильчикова, посвященный одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной и государственной жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, составилъ одно изъ крупныхъ явленій нашей литературы и науки за послѣднее время. Въ этомъ трудѣ авторъ не ограничился изученіемъ однихъ лишь формъ и видовъ землевладѣнія и земледѣлія, въ ихъ простомъ историческомъ развитіи; онъ пошелъ гораздо глубже и достигъ полной обширности всего аграрнаго вопроса, включивъ сюда и такія общенародныя явленія, какъ переселеніе и колонизація; стремясь связать синтетически всѣ стороны многоразличныхъ взаимныхъ отношеній между общественнымъ человѣкомъ и землею, онъ успѣлъ такимъ образомъ создать относительно вѣрный политическій взглядъ на нынѣшнее положеніе всѣхъ существующихъ въ наше время сельско-хозяйственныхъ организацій общественнаго и государственнаго характера, имѣющихъ цѣлью способствовать правильному развитію сельско-хозяйственной дѣятельности, безъ всякаго вреда для общаго благосостоянія и для тѣхъ дѣятелей, которые принимаютъ въ немъ личное участіе,—все равно, будетъ ли оно умственное или физическое. Для насъ, въ Россіи, задача,

поставленная кн. Васильчиковымъ, имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ мы — народъ прежде всего земледѣльческій, и такъ тѣсно связано у насъ все съ землевладѣльческими и земледѣльческими интересами страны, что какіе бы вопросы ни подымались, политическіе ли, или общественные, или экономическіе,—на первомъ планѣ и въ самой глубинѣ этихъ вопросовъ мы всегда встрѣтимъ главную и самую могучую нашу силу,—ту народную массу, которая разработала своими руками и своею инициативою все громадное пространство русскаго государства, которая въ продолженіи цѣлой тысячи лѣтъ крѣпко стояла за свое право на свободное пользованіе своею землею. Даже тогда, когда народъ закрѣпостили, земля все-таки оставалась въ его рукахъ, и онъ всегда держался своихъ оригинальныхъ воззрѣній относительно своей хозяйственной и семейной жизни, вопреки всѣмъ законамъ и политическимъ перемѣнамъ въ государственной жизни Россіи. Его неутомимая настойчивость и изумительное терпѣніе внесли, съ теченіемъ времени, и въ другіе слои русскаго общества тѣ характеристическія черты русскаго человѣка, которыя довольно рѣзко отличаютъ его отъ другихъ европейцевъ.

При этомъ понятно, какую услугу можетъ оказывать всякая правильная разработка нашего аграрнаго вопроса. Кн. Васильчиковъ обѣщаетъ,—если будутъ приняты во вниманіе его предложенія, то весь этотъ трудный и сложный вопросъ можетъ быть рѣшенъ у насъ безъ всякихъ переворотовъ и насилій. «Русское общество—говоритъ онъ—въ своемъ историческомъ развитіи не перешло еще того рокового рубежа, когда мирныя соглашенія и преобразованія становятся неисполнимыми по той причинѣ, что интересы разныхъ классовъ жителей, соприкасаясь и тѣсня другъ друга, вступили уже между собой въ соперничество и борьбу. Этой борьбы, которую въ Европѣ называютъ антагонизмомъ сословій, рабочимъ вопросомъ, враждой капитала и труда, соціализмомъ и коммунизмомъ—*этой борьбы въ Россіи нѣтъ*, и, дай Богъ, чтобъ мы воспользовались промежуточнымъ періодомъ, когда соціальныя отношенія у насъ еще окончательно не установились, чтобы порѣшить по правдѣ и справедливости аграрный вопросъ, причинившій столько замѣшательства всѣмъ народамъ древняго и новаго міра».

Рабочій вопросъ и тѣсно, неразрывно съ нимъ связанный пролетаріатъ—эти соціалистическія пугала Европы, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ частное проявленіе аграрнаго вопроса, неправильно рѣшеннаго. Всѣ соображенія ходячей политической экономіи о наемномъ трудѣ и рабочей платѣ, выра-

жаемыя въ формѣ естественныхъ или научныхъ законовъ, будто бы совершенно незыблемыхъ, въ дѣйствительности суть не что иное, какъ миражи и обманъ, которые путають мысли людей всякаго рода, даже серьёзныхъ ученыхъ и самихъ рабочихъ, во всѣхъ тѣхъ общественныхъ дѣлахъ, которыя касаются коренной основы человѣческаго существованія—земли. Если мы заглянемъ въ исторію тѣхъ временъ, когда впервые явились рабочіе, то мы увидимъ, что это были земледѣльцы, согнанные съ своей земли или убѣжавшіе отъ преслѣдованій своихъ феодальныхъ владыкъ.

Рабочій вопросъ, вопросъ спроса и предложенія труда, это вовсе не наука, но экономическая фантазія, сочиненная на основаніи принципа грубаго эгоизма; изъ этой самой фантазіи вышла и знаменитая теорія Мальтуса, тоже совершенно безнравственнаго свойства, и которая не имѣетъ никакого основанія въ положительной наукѣ, такъ какъ физіологія прямо говоритъ, что воздержаніе отъ половой жизни и произведенія дѣтей сопряжено съ разными опасными болѣзнями въ организмѣ, и можетъ приводить людей къ сумасшествію или къ такимъ опаснымъ привычкамъ, какъ онанизмъ и т. п. Ясное дѣло, что подобныя теоріи могутъ быть проповѣдуемы только такими людьми, которые преслѣдуютъ какія-нибудь цѣли весьма неблаговидныя и совершенно одностороннія. Въ западной Европѣ этотъ вопросъ создаетъ множество ожесточенныхъ партій, которыя нерѣдко доходятъ до политическихъ заговоровъ и политическихъ преслѣдованій самаго отвратительнаго свойства. Это происходитъ, разумѣется, потому, что это вопросъ не серьёзной науки, но вопросъ разнузданныхъ страстей, возникшихъ изъ неясности самаго термина и опредѣленія этого вопроса, и изъ противорѣчій, которыя онъ возбуждаетъ въ нравственной жизни капиталистовъ и рабочихъ, создавая среди нихъ безсмысленный и безнравственный антагонизмъ и безсмысленныя и безнравственныя требованія. Не понимая главнаго, коренного вопроса—аграрнаго, они объясняютъ всѣ стороны современной европейской жизни, какъ нѣчто нормальное и неизмѣнное, или какъ такое, которое возможно разрѣшить лишь посредствомъ насильственныхъ переворотовъ. Европейская интеллигенція и имущественные классы объясняютъ органическій порокъ своей государственной и общественной жизни единственно тѣмъ, что рабочіе классы и простой народъ вообще невѣжественны и не понимаютъ будто бы своихъ прямыхъ интересовъ, и что именно поэтому увлекаются простодушными народолюбцами и повинуются народнымъ агитаторамъ.

Но, къ счастью, существуетъ въ современномъ народномъ

быть такое явленіе, которое можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ противъ теорій политической экономіи, и которое показываетъ, что нынѣшній соціальный порядокъ вещей въ самыхъ свободныхъ и цивилизованныхъ государствахъ представляетъ, даже при самой полной политической равноправности, такое глубокое разстройство въ домашнемъ благосостояніи низшихъ классовъ, что даже самые способные люди изъ нихъ, сознавая полную свою несостоятельность въ обезпеченіи своего будущаго на родинѣ, стремятся покинуть ее и разрываютъ всѣ связи родства и прежней жизни, въ надеждѣ найти полное удовлетвореніе въ другихъ странахъ, хотя бы страны эти и не представляли такихъ политическихъ правъ, какими обладали они на своей родинѣ. Не въ одной политической свободѣ все счастіе людей, такъ какъ эта свобода можетъ существовать въ полномъ совершенствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не приноситъ никакой пользы для личнаго обезпеченія милліоновъ людей, желающихъ жить своимъ трудомъ; ибо свободный трудъ можетъ быть только тогда дѣйствительно производительнымъ для всего народа, когда рабочая сила такъ организована въ обществѣ, что дѣятельность ея направлена не только для умноженія общественныхъ богатствъ и общественнаго развитія вообще, но и для того, чтобы эти богатства и это развитіе распредѣлялись и распространялись не какъ попало, но непремѣнно въ виду пользъ и нуждъ трудовыхъ и умственныхъ силъ мѣстныхъ жителей, ихъ насущныхъ потребностей, ихъ пропитанія и содержанія. Если же трудовая сила организована такъ, что благосостояніе однихъ классовъ людей составляется на счетъ другихъ, и притомъ такимъ образомъ, что тѣ другіе лишаются при этомъ полнаго удовлетворенія самыхъ необходимыхъ человѣческихъ потребностей, опредѣляемыхъ положительною наукою о человѣческомъ организмѣ, и истекающими изъ этой науки гигіеническими правилами,—то ясно, что такая экономическая организація неудовлетворительна, и ведетъ населеніе страны къ тому, что рабочія силы покидаютъ ее и ищутъ хозяйственнаго обезпеченія въ другихъ странахъ, гдѣ они могутъ свободно своимъ трудомъ обезпечить за собою домашнее благосостояніе. Такой протестъ, обличающій современную Европу въ ея несправедливости къ трудовымъ силамъ, называется *переселеніемъ—эмиграціей*. Князь Васильчиковъ видитъ въ ней признакъ глубокаго соціальнаго разстройства отъ неравномѣрнаго размѣщенія жителей и недвижимыхъ имуществъ; онъ утверждаетъ, что оно произошло вслѣдствіе обезземеленія крестьянъ посредствомъ введенія системы крупнаго землевладѣнія,—и дѣйствительно, оно появилось въ такихъ

странахъ, какъ Англія, Германія и нашъ Прибалтійскій край, гдѣ крупное землевладѣніе преобладаетъ надъ всѣми другими земледѣльческими системами.

Эмиграція—явленіе новое; свой постоянный характеръ она получила въ Англіи лишь съ 1815 года. Въ XVIII столѣтіи, только въ 1709 году англійское правительство рѣшилось выселить въ свои американскія колоніи 30 тыс. человѣкъ; но этотъ фактъ былъ обусловленъ особенною случайностью: неурожайнымъ годомъ и суровою зимою. Такія же случайности были потомъ еще три раза: въ 1719, 1750 и 1785 годахъ, и всякій разъ парламентъ издавалъ законы противъ стремленія голодающихъ и разоренныхъ переселяться въ Америку. Были еще переселенія въ Америку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, но тѣ имѣли чисто религіозный или политическій характеръ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи эмиграція превратилась въ ежегодное явленіе и унесла въ продолженіи 55 лѣтъ (1815—1869) почти семь милліоновъ, погодно по 123,395 человѣкъ. Въ Ирландіи, гдѣ населеніе, до переселенія, возрастало съ необыкновенною скоростью, по 14% въ годъ, и дошло 8,300,000, въ 1844 году, когда начались неурожаи картофеля вслѣдствіе истощенія почвы,—голодные крестьяне, при помощи англійскаго правительства, стали выселяться въ Соединенные Штаты, и цифра этихъ переселенцевъ въ 1861 году достигла до 2,209,389, а цифра оставшагося населенія въ Ирландіи понизилась до 5,746,000. Если вычесть эту послѣднюю сумму изъ первой цифры общаго населенія и затѣмъ остатокъ сравнить съ числомъ эмигрантовъ, то получится еще сумма въ 345,000, которые неизвѣстно куда дѣвались, если не предположить съ кн. Васильчиковымъ, что они, должно быть, умерли отъ болѣзней и голода. Въ наше время нѣмецкіе переселенцы въ Америку уже превосходятъ своимъ числомъ переселяющихся ирландцевъ. Эмиграція изъ Англіи и Германіи нисколько не уменьшила общую сумму населенія въ этихъ странахъ: въ Англіи ежегодный прирость жителей 150 тыс. или 5,6% всего населенія,—ежегодная эмиграція ея достигаетъ въ послѣдніе годы той же цифры, и такимъ образомъ оказывается, что съ 1821 по 1861 годъ населеніе Англіи умножилось на 8 милліоновъ, а эмиграція за эти годы дала 6 милл. Въ Германіи съ 1818 по 1865 г. населеніе увеличилось на 14,204,500, а эмиграція только 2 милл. Въ Германіи ежегодный прирость населенія 150 тысячъ, а въ Австріи 300 тыс. Изъ этого видно, что въ нѣмецкихъ земляхъ выселеніе еще далеко не уравновѣшиваетъ приращенія ихъ, и что оно будетъ еще постоянно возрастать, какъ въ Англіи, до

полнаго равновѣсія, то-есть до 300—400 тысячъ эмигрантовъ въ годъ.

Между англійскою эмиграціею и нѣмецкою есть огромная разница. Въ Англіи, гдѣ главное затрудненіе хозяйственнаго быта состоитъ въ избыткѣ рабочихъ силъ и дороговизнѣ предметовъ потребленія, эмиграція служитъ лучшимъ средствомъ для возстановленія равновѣсія между спросомъ и сбытомъ. Въ Англіи поэтому эмиграціонный вопросъ есть нормальное, правильное явленіе, которое можетъ быть регулировано и, при нѣкоторомъ содѣйствіи правительства, имѣть очень полезное вліяніе на улучшеніе хозяйственнаго быта народа, водворяемаго на новыхъ привольныхъ мѣстахъ жительства въ Австраліи, Канадѣ и англійскихъ колоніяхъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Англичане, шотландцы и ирландцы, которые уходятъ въ Соединенные-Штаты, тоже не исчезаютъ съ лица земли, а остаются такими же кельтами и англо-саксами, говорящими и мыслящими на англійскомъ языкѣ, какими они обитали на своихъ Британскихъ островахъ.

Въ Германіи этотъ вопросъ принимаетъ другую форму: тамъ правительственная эмиграція приноситъ пользу исключительно мѣстнымъ хозяйственнымъ интересамъ тѣхъ жителей, которые остаются дома, потому что земли, покидаемыя нѣмецкими эмигрантами, увеличиваютъ надѣлы остающихся крестьянъ. Въ этомъ и заключается вся благопріятная сторона эмиграціи изъ Бадена и другихъ при-рейнскихъ провинцій. Но нѣмецкая эмиграція имѣетъ также и много неблагопріятнаго для всего германскаго народа; она ведетъ къ тому, что нѣмцы безвозвратно сливаются въ новой странѣ съ американцами,—и, такимъ образомъ, уступаютъ иностранной землѣ лучшую, бодрую и трудолюбивую часть своихъ рабочихъ классовъ. Для тевтонской расы это убытокъ огромный и даже угрожающій національному существованію. Денежный убытокъ, который терпитъ Германія отъ эмиграціи, простирается, по вычисленіямъ Энгеля, директора статистическаго отдѣла въ Пруссіи, и Коппа, бывшаго членомъ эмиграціоннаго бюро въ Нью-Іоркѣ,—до полутора милліардовъ талеровъ, по 500 талеровъ на каждомъ эмигрантѣ;—всѣхъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, съ 1815 по 1872 годъ, было 3 милл. Сдѣлаемъ еще одно сравненіе: 1,500 милл. талеровъ равняются общей суммѣ всѣхъ государственныхъ долговъ всѣхъ германскихъ государствъ. Многіе нѣмцы бѣгутъ за-границу изъ-страха военной службы; такихъ дезертировъ было въ Пруссіи, въ продолженіи 9 лѣтъ, съ 1856—1864 годъ,—48,576 человѣкъ: это цѣлый

армейскій корпусъ, набранный изъ людей въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ.

Всѣ эти факты не имѣютъ того нормальнаго характера, какой эмиграція имѣетъ въ Англіи. Тамъ, дѣйствительно, эмиграція дѣйствуетъ въ отношеніи пролетаріата, «какъ охранительный клапанъ, выпускающій лишніе пары изъ котла»; тамъ—«она даетъ выходъ тревожной дѣятельности народныхъ массъ, замкнутыхъ въ слишкомъ тѣсной средѣ относительно своей дѣятельности въ экономическихъ дѣлахъ». Но въ Германіи это явленіе вовсе не нормальное, и оно нисколько не спасаетъ ее отъ избытка населенія, или отъ тѣхъ революціонныхъ движеній и междоусобицъ, которыми ознаменовало себя французское общество, «лишенное эмиграціи, какъ охранительнаго снаряда, бродящее и вскипающее періодически исключительно по этой причинѣ». По густотѣ населенія, Англія, взятая только вмѣстѣ съ Уэльсомъ, не подходитъ подъ рубрику кн. Васильчикова, который считаетъ густоту населенія самымъ главнымъ признакомъ существованія въ странѣ крупнаго землевладѣнія. Но пропорціональныя таблицы густоты населенія показываютъ, что если брать всю Великобританію, въ сравненіи съ странами мелкаго землевладѣнія, Англія уступаетъ только мелкимъ государствамъ, въ родѣ Бельгіи и Голландіи, но она стоитъ на первомъ мѣстѣ при сравненіи съ любымъ изъ европейскихъ государствъ: въ ней на каждую квадратную милю приходится 5,489 человѣкъ; въ Италіи и Франціи, земель мелкаго землевладѣнія, 4,916 и 3,819; въ Германіи, гдѣ есть и мелкое землевладѣніе, цифра густоты 4,026. Одна Англія съ Уэльсомъ, отдѣльно взятая, имѣетъ 7,942 жителя на каждой квадратной милѣ, и тогда она становится въ разрядъ съ самыми густыми населеніями; только Бельгія и королевство Саксонія населены еще гуще, а Голландія съ своею статистической единицею въ 6,131 человѣкъ, отступаетъ назадъ.

Гораздо вѣрнѣе доводъ кн. Васильчикова, когда онъ ссылается на дѣйствіе климатовъ, какъ на важную причину переселенія. Дѣйствительно, климатъ имѣетъ огромное вліяніе на движеніе населенія относительно его бѣдности, относительно пролетаріата. Постоянная теплота производитъ на людей совершенно не то психическое настроеніе, какое бываетъ у человѣка въ холодныхъ странахъ или въ умѣренныхъ. Бокль отлично разъяснилъ этотъ вопросъ. И разъ принявши это положеніе за научную истину, мы можемъ легко понять, почему въ такихъ странахъ, какъ древняя Греція и Римъ, или какъ нынѣшняя Италія и Испанія, крупное аристократическое землевладѣніе не произво-

дило переселенія,—потому, что въ тѣхъ теплыхъ странахъ пролетаріату легче переносить нищету, чѣмъ въ такихъ странахъ, какъ Германія и Англія, гдѣ нельзя спать подъ открытымъ небомъ, гдѣ низшіе классы имѣютъ причины ясно и горько заявлять о лишеніи ихъ собственныхъ жилищъ и осѣдлости, и гдѣ поэтому правительство, какъ, напримѣръ, въ Англіи, находитъ нужнымъ тратить огромныя суммы денегъ на призрѣніе бѣдныхъ.

Но эти эмигранты, о которыхъ мы теперь говоримъ, — не нищіе, не пролетаріи, не тѣ слабые или неумѣлые рабочіе, которые получаютъ низшую плату, недостаточную даже для обезпеченія за ними самыхъ первыхъ потребностей человѣческой жизни: здоровой, питательной пищи, здороваго помѣщенія, теплой одежды, и вообще нѣкотораго самостоятельнаго хозяйства и возможности независимой домашней жизни; все это обыкновенно пріобрѣтается, если у рабочаго есть хоть такой клочокъ земли, обработка котораго могла бы доставить ему доходы, покрывающіе расходы на первыя потребности семейной жизни. Эмигранты—это рабочіе особаго рода, не чернорабочіе: они занимаются ремеслами, торговлею, арендаторствомъ земли. Они представляютъ собою цвѣтъ рабочихъ классовъ, они—«бодрые, трудолюбивые и бережливые люди». Это ясно доказывается цифрами денегъ (280 до 546 рублей на каждаго), которыя они увозятъ въ желанную страну, и еще тѣми громадными сбереженіями, которыя они дѣлаютъ въ своей новой жизни, сдѣлавшись американскими землевладѣльцами, съ опредѣленнымъ тамошними законами количествомъ земли. Эти сбереженія они нерѣдко высылаютъ въ Европу своимъ роднымъ и друзьямъ, для того, чтобы и они ѣхали въ Америку или въ ту колонію, гдѣ они сами поселились.

Очевидно, что эмиграція есть не что иное, какъ явный и свободный протестъ лучшихъ людей рабочаго класса противъ несправедливостей такихъ законовъ и обычаевъ, которые лишаютъ рабочихъ (мы разумѣемъ тутъ всѣхъ рабочихъ и земледѣльцевъ), земельной собственности, имъ необходимой для хозяйственной дѣятельности и обезпеченнаго состоянія вообще. Потому данныя о переселенцахъ служатъ кн. Васильчикову исходными положеніями всѣхъ дальнѣйшихъ его изслѣдованій о землевладѣльческихъ вопросахъ. Эти данныя «свидѣтельствуютъ о фактѣ, который насъ поражаетъ своею многозначительностью, а именно, что соціальныя смуты, волнующія современную Европу, имѣютъ *основаніе* и опредѣленную *цѣль; основаніе ихъ то, что большая часть народовъ этой части свѣта находится въ состоя-*

нiи вѣчной рабочей кабалы, не имѣя осѣдлости и собственности, и работая весь свой вѣкъ, изъ рода въ родъ, на другихъ, на хозяевъ; цѣль ихъ, отчасти безсознательно проявляющаяся въ эмиграцiи, *есть стремленiе къ прiобрѣтенiю недвижимаго имущества* въ полную собственность, стремленiе, которое въ Европѣ удовлетворено быть не можетъ, по относительной дешевизнѣ труда и дороговизнѣ недвижимыхъ имуществъ вообще—и поземельной собственности въ особенности».

Обобщивъ такимъ образомъ свою задачу и признавъ, что нынѣшнiя европейскiя системы поземельной собственности не въ состоянiи удовлетворить главной потребности человѣческой жизни и человѣческаго благосостоянiя, кн. Васильчиковъ, увѣренный вполнѣ, что только русская система—русскiй мiръ—можетъ спасти Россiю отъ тѣхъ заблужденiй, въ которыя впадала европейская политика и европейская экономическая наука при разрѣшенiи вопроса объ отношенiяхъ человѣческаго рода въ пользованiи землею, въ видахъ общаго благосостоянiя каждаго народа въ отдѣльности,—рѣшаетъ этотъ вопросъ тѣмъ фактомъ, что въ нашей исторической жизни преобладали двѣ замѣчательныя черты: 1) шаткость понятiя о правѣ собственности, и 2) несостоятельность всѣхъ мѣръ, принятыхъ для устройства поземельной собственности. Эти черты показываютъ, что русская система никогда не была организована и потому можетъ имѣть надежду на болѣе благопрiятную будущность.

II.

Понятiе о поземельной собственности, которое служило въ другихъ странахъ краеугольнымъ камнемъ общественности, въ русской землѣ было издревле и до новѣйшихъ временъ такъ шатко и смутно, что едва проникало въ сознанiе народа и правителей. У насъ съ древнѣйшихъ временъ было очень твердое понимание слова и дѣла «владѣнiя», въ смыслѣ держанiя, занятiя, пользованiя землей; но выраженiе «собственность» и весь кругъ юридическихъ понятiй, сопряженныхъ съ правомъ собственности, въ древней Руси едва ли существовалъ; самое это слово не встрѣчается ни въ нашихъ лѣтописяхъ, ни въ нарѣчiи нашего простого народа, даже новѣйшихъ временъ; въ древнихъ актахъ мы иногда находимъ выраженiя, соотвѣтствующiя слову собственникъ, напр. «своеземцы», или термины, означающiе принадлежность имущества частному мiру: «купчiя земли, свои села»; но они приводятся

какъ будто въ видѣ исключеній изъ общаго порядка, не какъ право, а какъ привилегія, льгота, царская милость и пожалованіе. Напротивъ, владѣніе, какъ *фактъ*, какъ заимка земель, лежащихъ впустѣ, составляло, повидимому, очень твердую основу; давность освящала это право, земля считалась принадлежностью того обывателя-хлѣбопашца, рыболова или звѣролова, который на ней сидитъ, и пространство владѣнія опредѣлялось тоже *фактическимъ* пользованіемъ, объемомъ занятаго мѣста. Очевидно, что эта черта не составляетъ особенности нашего русскаго быта и что она встрѣчается у всѣхъ народовъ при первобытномъ ихъ водвореніи въ ненаселенныхъ мѣстахъ; но нигдѣ, какъ въ Россіи, она не сохранилась такъ долго, не пережила въ смутномъ сознаніи народа эпоху гражданскаго и государственнаго устроенія,—нигдѣ право собственности не было такъ шатко, а право владѣнія, напротивъ, такъ твердо, какъ у насъ; даже и по сіе время понятіе о собственности и владѣніи не ясно различается нашими простолюдинами и крестьянами. На вопросъ: чья эта земля, они отвѣчаютъ, напр.—наша, но это еще не значитъ, чтобы земля была его собственная. Если вы разспросите его дальше, то, пожалуй, окажется, что она деревенская, надѣльная или его частная, купчая; но можетъ случиться, что онъ называетъ своимъ и угодье, снятое имъ въ оброчное содержаніе, въ аренду. Далѣе, если вы спросите: какъ она ему досталась, то онъ скажетъ, что эта земля у него куплена; если затѣмъ вы еще пожелаете узнать, какъ она имъ пріобрѣтена, то можетъ быть окажется, что она куплена въ гóды, даже на одно слѣтье, одинъ урожай, и что онъ называетъ ее своей по праву срочнаго пользованія. Подъ „куплею" и „продажею" крестьянинъ разумѣетъ безразлично и пріобрѣтеніе или уступку права полной собственности, и право временного владѣнія; собственность представляется ему какъ продолженіе владѣнія на долгій срокъ, и онъ различаетъ только виды владѣнія: вѣчное, пожизненное, срочное, въ гóды или на одинъ годъ. Но полное сознаніе права распоряженія, полное юридическое понятіе о неотъемлемости имущества въ русскомъ быту и во всѣхъ сословіяхъ, какъ помѣстныхъ, такъ и крестьянскихъ, проявляется очень смутно и несравненно слабѣе, чѣмъ у другихъ народовъ.

Другая черта поземельныхъ отношеній древней и новой Россіи состоитъ въ томъ, что они складывались въ теченіи вѣковъ и сложились окончательно сами собой, независимо отъ тѣхъ оффиціальныхъ формъ, законодательныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій, которыя по временамъ издавались для ихъ устройства. Дѣйствительная жизнь народа имѣла всегда совершенно иной видъ,

чѣмъ то, о чемъ говорили эти законы и указы. Порядковъ не было, началъ никакихъ не признавалось; исключеній было больше, чѣмъ правилъ: всякій владѣлъ, чѣмъ Богъ послалъ и чтó могъ удержать въ собственномъ своемъ распоряженіи собственною своею властью. Законодатели и правители издавали правила и уставы, но сами же ихъ нарушали; подданные выслушивали царскіе указы, покорялись имъ, но не соблюдали. Государевы слуги строго преслѣдовали нарушеніе закона, но потворствовали нарушеніямъ для извлеченія изъ нихъ своихъ поборовъ и кормовъ. Самоволію крестьянъ вторило самовластіе помѣстнаго и служилаго сословія, и указы, уставы, грамоты собственно служили для напоминанія и подтвержденія правилъ, которыя не соблюдались; такъ что историческіе наши акты суть не что иное, какъ перечень тѣхъ порядковъ и устроеній, которые вводились и не были введены, предписывались и не исполнялись, проектировались и не приводились въ дѣйствіе. Начиная съ самыхъ древнихъ временъ и кончая новѣйшими законодательствами Александра I и Николая I, Россія шла черезъ длинный рядъ несостоявшихся реформъ, которыя всѣ прошли мимо народа, не касаясь его внутренней жизни. Судя по разнымъ терминамъ, которые употреблялись во всѣхъ этихъ преобразовательныхъ реформахъ, можно думать, что русскій народъ жилъ какъ современная ему Европа, но въ дѣйствительности жизнь народа шла наперекоръ всему тому, чтó устроивалось правительствами для его жизни: ни великіе, ни малые князья не достигли значенія феодаловъ, потому что были подавлены московскими царями; бояре и мужи не могли отстоять не только политическихъ, но и землевладѣльческихъ своихъ правъ, и были разжалованы въ простые дворяне, т.-е. придворныхъ служителей; ихъ вотчины, которыя будто бы означали преемственное родовое владѣніе, отбирались въ казну за простое ослушаніе, за неявку на службу;—наоборотъ, помѣстья, которыя жаловались за службу, часто переходили по наслѣдству и обращались въ потомственныя владѣнія; съ другой стороны, крестьянскія черныя земли считались неотчуждаемою собственностью, и безпрерывно скупались частными лицами; сами крестьяне были крѣпки землѣ и скитались безнаказанно изъ края въ край Россіи. Вольности и правъ не было на Руси, но своеволіе и самовластіе были полныя, и ими-то и воспользовались русскіе черные люди для устройства своего хозяйственнаго быта *по-своему*, обходя съ замѣчательною ловкостью всѣ формы общежитія, навязываемыя ему благонамѣренными просвѣтителями русской земли (т. I, 297—301).

Совсѣмъ другое происходило въ западной Европѣ уже тогда,

когда Россія еще не начиналась. Европейскія системы землевладѣнія произошли путемъ завоеванія во времена *переселенія народовъ*. Послѣ грековъ и итальянцевъ, Европу заселили кельты, славяне и тевтоны. Кельты прошли до самаго Атлантическаго океана и перебирались на британскіе и ирландскіе берега. Славяне проникли до береговъ Рейна и поселились въ сѣверной и средней Германіи, по Балтійскому берегу; еще восточнѣе были чехи и поляки, а среди Россіи, въ непроходимыхъ лѣсахъ и болотахъ, усѣлись русскіе славяне. Вторженіе тевтонской расы было послѣднее, и оно-то произвело совершенный переворотъ въ римскомъ владычествѣ надъ всѣмъ тогдашнимъ міромъ. Тевтонскіе варвары, которые пришли изъ степей Средней Азіи, поступили съ первобытными поселенцами по-варварски; но это варварство было слабѣе, чѣмъ управленіе цивилизованныхъ римлянъ, которые не рѣдко истребляли, выселяли или обращали въ рабство цѣлыя племена: напр. Цезарь, побивъ адуатовъ, продалъ ихъ всѣхъ въ рабство, а венетовъ раздарилъ поголовно своему войску. Завоеванія и занятія земель варварами имѣли въ Европѣ двоякій характеръ. Въ однихъ мѣстахъ завоеватели, покоряя туземцевъ, ограничивались обложеніями ихъ деньгами и сборами, и оставляли неприкосновенными весь хозяйственный и аграрный бытъ природныхъ жителей. Въ другихъ — покореніе имѣло предметомъ и цѣлью присвоеніе себѣ земли, и во всей западной Европѣ помѣстная, дворянская собственность установилась такимъ образомъ. Саксонцы вторгнулись въ землю швабовъ и потребовали у нихъ уступки части земель; сначала швабы предложили имъ 1/3 своихъ угодій, на чтò саксонцы не согласились; тогда имъ предложена была половина, потомъ 2/3, на чемъ они и помирились, но съ придачею всего скота, который и былъ забранъ саксонцами. Франки и бургунды также отобрали въ Галліи двѣ-трети земель у римскихъ владѣльцевъ. Дѣлежъ этотъ происходилъ такимъ порядкомъ, что каждый дворъ (Salhof) дѣлился на двѣ или на три части, и побѣдители и побѣжденные поселялись вмѣстѣ въ однихъ селеніяхъ; были случаи, что пришельцы отбирали всѣ ихъ земли безъ остатка, — ломбарды въ Италіи и англо-саксы въ Англіи. Но обыкновенно захваты происходили постепенно, въ нѣсколько пріемовъ. Ломбарды, сначала умертвивъ римскихъ патриціевъ, владѣльцевъ земель, оставили на своихъ мѣстахъ земледѣльцевъ-крестьянъ и рабовъ, потомъ ихъ обложили оброками, и наконецъ отняли и у нихъ земли и обратили всѣ частныя владѣнія въ крупныя вотчины (latifundia). Точно также дѣйствовали англо-

саксы, забирая постепенно земли у бриттовъ и соединяя ихъ въ такъ-называемые „the waste of thanes",—пустоши лордовъ.

На эти порядки первоначальнаго разселенія вліялъ также и составъ дружинъ и ополченій. Однѣ орды являлись подъ знаменами предводителей и состояли бóльшею частью изъ вождей съ ихъ прислугой и дворней и разныхъ, волею или неволею, завербованныхъ людей; другія орды составлялись изъ равноправныхъ и своевольныхъ ополченцевъ, младшихъ сыновей и братьевъ, не имѣвшихъ своихъ хозяйствъ на родинѣ, или бродягъ, искателей счастія и приключеній. Первыя, къ которымъ надо причислить разныя племена, занявшія земли галловъ и западную Германію, довольствовались мѣньшимъ, потому что только предводители дружинъ и знатнѣйшіе ихъ спутники забирали земли, а рядовые люди употреблялись на работы точно такъ, какъ и туземцы изъ прежнихъ жителей, и поэтому смѣшались съ ними окончательно; такъ, галлы, франки и бургунды составили одно сплошное и, повидимому, однoплеменное населеніе хлѣбопашцевъ, которое потомъ легло въ основу нынѣшней Франціи. Ихъ предводители забрали въ свои руки только тѣ богатства и тѣ земли, которыя уже находились у римскихъ правителей; всѣ же другія земли, гдѣ сидѣли туземные земледѣльцы, остались въ рукахъ обывателей согласно съ мѣстными обычаями, которые допускали наслѣдованіе, семейные раздѣлы, продажу и отчужденіе недвижимыхъ имуществъ. Свобода владѣнія землею, дѣлимости ея и наслѣдованія обезпечивала мелкому люду нѣкоторую независимость въ домашнихъ распоряженіяхъ, внутри обществъ и семействъ, хотя во внѣшнихъ отношеніяхъ они и подчинялись власти государевой и помѣщичьей.

Въ восточной Европѣ, гдѣ всѣ дружинники или ополченцы, какъ равные товарищи, потребовали себѣ равную долю въ добычѣ, эта доля, какъ мы знаемъ, состояла изъ одной или двухъ третей земель первобытныхъ поселенцевъ. Захвативъ эту часть, пришлые люди вездѣ поставили себя и свое помѣстье въ привилегированное положеніе. Туземцы эти были славянскія и финскія племена; ихъ завоеватели — чистокровные германцы — саксонцы. Такъ образовалось основаніе нынѣшней Германіи. Это былъ общій порядокъ поселенія во всей восточной Европѣ, начиная съ Остзейскихъ краевъ и до адріатическихъ, до Ломбардіи и Истріи; дворянство и крестьянство составили по всей этой серединной полосѣ Европы два разные элемента: одинъ — инородный и побѣдоносный, и другой — туземный и подвластный. Такимъ образомъ

въ Германіи легла въ основаніе всѣхъ гражданскихъ обществъ племенная и соціальная рознь.

Въ Россіи если и было какое-нибудь покореніе, то добровольное, какъ это видно изъ изреченія русскихъ пословъ: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите владѣть ею и княжить». Подъ «княженіемъ» разумѣется политическая власть, которая сливается съ землевладѣніемъ: государство съ землей и вся территорія разъ навсегда и на вѣчныя времена признается общенароднымъ достояніемъ, впослѣдствіи государевымъ и государственнымъ имуществомъ, такъ что черезъ 1000 лѣтъ послѣ призванія варяговъ, пройдя черезъ безконечный рядъ всякихъ превратностей и выходя изъ вѣковой крѣпостной зависимости, *русскій народъ все еще признаетъ землю царскою*, и право распоряженія государя ставитъ выше всѣхъ правъ частной и общинной собственности.

Это было, повидимому, основное начало, внесенное норманскими дружинами во всѣ страны, гдѣ они водворились, ибо въ Англіи точно такъ, какъ въ Россіи, юридической основы частнаго землевладѣнія не существуетъ и по сіе время; вся территорія тоже признается государевою, собственники называются tenants, т.-е. держатели земель, и право гражданства, политическая равноправность обусловливается не правомъ собственности, а держаніемъ и занятіемъ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ. Названіе «occupier» означаетъ человѣка, занимающаго домъ или землю, въ качествѣ ли полнаго собственника или арендатора, жильца, и ему приписывается въ Англіи полная гражданская и политическая правоспособность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на него возлагаются всѣ общественныя повинности, служебныя и податныя. Этому термину вполнѣ соотвѣтствуетъ русское слово: «обыватель», человѣкъ постоянно бывающій, обитающій на землѣ или въ строеніи; только у насъ изъ этого понятія развилось совершенно другое послѣдствіе,—не полноправность, а только полнообязательность обывателя, т.-е. что на него были возложены всѣ повинности, какъ и на англійскаго occupier'а, но безъ соотвѣтствующихъ правъ.

Княжеское владѣніе въ древней Руси имѣло смѣшанный характеръ государственнаго владычества и частной собственности. Великіе и малые князья раздавали столы, добывали земли и волости, искали, промышляли города не изъ чувства властолюбія, а просто, какъ они наивно выражаются, чтобы быть «сыты», чтобы взимать дани и поборы натурою и имѣть кормленіе отъ мѣстныхъ жителей. Они довольствовались повинностями, взимае-

мыми въ ихъ пользу. Они не отбирали земель отъ прежнихъ владѣльцевъ, не отдавали ихъ своимъ дружинамъ, какъ германскіе завоеватели, а только ставили себя и своихъ именитыхъ товарищей, малыхъ князей и бояръ, надъ простыми людьми, оставляя ихъ на мѣстахъ полными хозяевами. Отъ этого произошло общее смѣшеніе понятій о правѣ владѣнія въ древней Руси. Термины: волость и станъ, какъ территоріальныя дѣленія,—княжество и удѣлъ, какъ политическія,—вотчина и село, какъ владѣльческія, постоянно употребляются одинъ за другого. Ясно, что княжеское владѣніе во весь періодъ удѣльный и отчасти во времена первыхъ царей—было грубое смѣшеніе правительственныхъ и частныхъ правъ, державныхъ и вотчинныхъ. Правда, что въ концѣ перваго періода нашей исторіи, періода «вольнаго перехода», какъ называетъ его кн. Васильчиковъ, въ XV и XVI столѣтіяхъ уже встрѣчаются случаи покупки имѣній на имя великихъ князей и государей, и начинаетъ образовываться частное ихъ владѣніе: княжескія села, дворцовыя вотчины, въ различіе отъ черныхъ или тяглыхъ волостей и казенныхъ имуществъ. Но и тутъ происходитъ постоянное смѣшеніе не только названій, но и повинностей, оброковъ въ тѣхъ и другихъ волостяхъ; и съ черныхъ людей, т.-е. вольныхъ крестьянъ, сходитъ въ царскую казну гораздо болѣе, чѣмъ съ селъ, составляющихъ царскую личную собственность. Вся земля русская считалась княжескою или царскою, законъ не ограждалъ ничьей собственности, и само юридическое понятіе о собственности было смутное и сбивчивое.

Въ то же время и съ самаго прихода варяжской дружины начало образовываться и частное землевладѣніе; еще прежде призванія Рюрика, въ новгородскихъ лѣтописяхъ упоминаются какіе-то лучшіе, старшіе люди, *мужи*, которые владѣли землями отдѣльно отъ малыхъ мужей, *мужиковъ*, т.-е. крестьянъ. Варяжская дружина усилила этотъ землевладѣльческій элементъ, и рядомъ съ князьями начинаютъ появляться бояре изъ дружинниковъ и княжескихъ слугъ; это были тоже правители, намѣстники, которымъ отдавались волости на прокормленіе, и единственное право, по которому они владѣли, былъ вольный договоръ на службу князю, покуда онъ княжитъ въ землѣ. Но и сами князья были непрочны на своихъ столахъ. Однако люди и тогда уже раздѣлялись не только на мужей и мужиковъ, но также на господъ и крестьянъ, владѣльцевъ и работниковъ. Первымъ запрещается обижать своихъ поселянъ, отбирать ихъ земельные участки—старицы. Какъ бы ни было, но понятіе о полной, вотчинной, т.-е. наслѣдственной собственности развивалось очень слабо какъ въ служащемъ сословіи, такъ и въ

княжескихъ родахъ. До XII вѣка нѣтъ ни одного извѣстія о пріобрѣтеніи боярами недвижимыхъ имуществъ, но съ XII и XIII вѣка въ лѣтописяхъ появляется выраженіе: «наши села». Если бояре измѣняли своему князю и уходили служить другому, то земля, находившаяся въ ихъ владѣніи, вотчина, отбиралась. Этотъ отборъ несомнѣнно показываетъ, что всякое владѣніе, какъ княжеское, такъ и боярское, въ то время было *условное* и давало право съ каждаго изъ нихъ собирать дани, пошлины, оброки, но не самую землю. Земля оставалась за крестьянами, которыхъ называли тогда смердами и закупами. Вотчина была не частное и преемственное владѣніе, а право кормленія, пожалованное отцу и перешедшее по счастливой случайности къ сыну. Такъ было, по крайней мѣрѣ, во весь періодъ удѣльный и татарскій, покуда не началось собираніе земель около Москвы. Тогда появился и быстро устроился новый элементъ землевладѣнія — *помѣстный*, который получилъ такое преобладаніе, что вся частная собственность постепенно обратилась въ помѣстную. Права князей и царей все болѣе усиливались, права владѣльцевъ все болѣе стѣснялись— *условіе*, прежде только подразумѣваемое, *объ обязательной службѣ* землевладѣльцевъ князю или царю окончательно подтвердилось, и помѣстное сословіе, какъ *сословіе служилое*, осталось такимъ до той знаменитой грамоты Екатерины II, въ которой слово «дворянство» употреблено въ первый разъ. Угроза помѣщикамъ лишеніемъ помѣстья сдѣлалась во времена московскаго періода основною причиною прикрѣпленія владѣльцевъ къ службѣ. Кормленіе, вотчина, помѣстье—вотъ тѣ виды, въ которыхъ проявлялась служилая и владѣльческая дѣятельность высшихъ и среднихъ классовъ. Условность этихъ владѣній была установлена уже при первомъ изъ нихъ, при кормленіи, изъ котораго и произошли оба другія владѣнія; но только въ XV столѣтіи, по минованіи монгольскаго ига, частная собственность начинаетъ пріобрѣтать тѣ черты, которыми она отличается отъ казенной и отъ вольныхъ и черныхъ земель; различіе это выражается въ терминѣ: *бѣлой* или *обѣленной земли*, въ сравненіи съ черною.

Первобытно всѣ земли, заселенныя и воздѣланныя, считались государственною властью подлежащими подати, и эти-то земли назывались черными волостями. На чьей бы землѣ ни сидѣлъ крестьянинъ, если только земля распахана или идетъ на сѣнокошеніе, то ее облагали данью и сборомъ. Въ тѣ далекія времена *бѣлыми* назывались земли дикія, пустыя, гдѣ не было жилья; ими тоже пользовались какъ крестьяне, такъ и частные владѣльцы для выгона скота, сѣнокоса, даже для пашни и, вѣ-

роятно, съ бо́льшими выгодами, чѣмъ на старинныхъ, болѣе или менѣе выпаханныхъ черныхъ угодьяхъ. Но эти земли въ оборотъ не включались, лежали въ сторонѣ, въ лѣсахъ или отхожихъ пустошахъ, и были не измѣрены и неизвѣстны властямъ. Когда государственные окладчики наѣзжали на такіе новые выселки и запашки, то владѣльцы старались исходатайствовать себѣ грамоту на *обѣленіе*, то-есть на освобожденіе отъ податей, которыя возложены на черныя земли. Изъ этихъ двухъ источниковъ: изъ неизвѣстнаго завладѣнія землею и изъ жалованныхъ царями грамотъ, какъ это видно по изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, создался многолюдный классъ *бѣломѣстцевъ*. Но кромѣ тѣхъ бѣломѣстцевъ, изъ крестьянъ, которые оставались неизвѣстными, освобожденіемъ отъ поземельныхъ податей пользовались въ своихъ вотчинахъ разные любимцы великихъ князей и царей: бояре, окольничьи, стольники, патріархи и митрополиты. Изъ низшихъ классовъ тоже выдѣлялись бѣломѣстцы просто покупкою (хотя это было запрещено) крестьянской черной земли, и они также отказывались платить подати, какъ государственныя, такъ и мірскія, а между тѣмъ поселялись въ той же деревнѣ и пользовались землею какъ хотѣли. Бѣломѣстцы высшихъ сословій переманивали на свои земли крестьянъ черныхъ, обѣщая имъ все то, чтó они имѣютъ въ своей волости, и, сверхъ того, освобожденіе отъ всякихъ казенныхъ и мірскихъ податей. Такимъ образомъ, всѣ поземельныя подати, которыя съ теченіемъ времени все увеличивались въ своихъ окладахъ и ложились исключительно на черныя волости, дошли, въ XVI столѣтіи до такой высокой степени, что вызвали жалобы въ черныхъ крестьянахъ противъ обѣленія разныхъ земель и противъ ухода и бѣгства черныхъ крестьянъ на службу къ бѣломѣстцамъ.

Но чтó же такое были черные люди? Въ «Русской Правдѣ» и вообще въ X и XI вѣкахъ крестьяне назывались закупами или наймитами. Они были вполнѣ вольные люди, пользовались гражданскими правами, принимались въ свидѣтели, получали вознагражденіе за обиду (въ 12 гривенъ) и, сидя на чужихъ земляхъ, обработывали ихъ за условленную плату или въ возвратъ ссуженныхъ имъ денегъ... Эти закупы и наймиты были не батраки, не поденщики, а поселяне-домовладѣльцы. «Русская Правда» говоритъ, что они жили на двоякихъ условіяхъ: или получали часть урожая, какъ половники, или часть земли, за которую обязывались работать на другой части господской земли. Господа ихъ были туземные землевладѣльцы, лучшіе мужи и бояре, упо-

минаемые еще при Рюрикѣ, также дружинники, которыхъ князья ставили въ города и волости, наконецъ, и князья стали ихъ господами. Тогдашніе богатѣйшіе люди присвоивали себѣ обширныя пространства простыхъ пустыхъ, ненаселенныхъ земель, и совершали занятіе ихъ поселеніемъ въ этихъ пустошахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ;—все, что оставалось незанятымъ, признавалось общественною собственностью и называлось княжескою или царскою вотчиною. Здѣсь сошлись смерды, простые люди, неимѣвшіе прежде собственныхъ земель, строили села и деревни и разверстывали между собою полевыя полосы и луга, владѣя ими сообща. Такъ произошло общинное или, вѣрнѣе сказать, мірское землевладѣніе. Можетъ быть, что въ самомъ началѣ Руси русская община представлялась не въ формѣ *міра*, а въ формѣ семейнаго союза, причемъ земли, какъ это видно изъ писцовыхъ книгъ, отводились по одному двору на каждую крестьянскую семью. Всѣ лѣтописи и грамоты свидѣтельствуютъ однако, что исконный порядокъ въ Россіи представлялъ не наслѣдованіе, а семейный раздѣлъ, что младшіе члены семейства должны были получать свой надѣлъ при достиженіи полнаго возраста, и ихъ заставляли брать тягло, какъ только они вступали въ бракъ и хозяйство. А если разъ принято правило надѣлять всякаго рабочаго и женатаго крестьянина особой полосой, то ясно, что если первое поколѣніе могло еще подѣлить отцовскую землю, послѣдующее за нимъ не могло быть посажено на тягло безъ того, чтобы не передвинуть всѣ полосы, ибо иначе тягла были бы или по размѣру, или по качеству угодій неравны.

Съ образованіемъ городовъ и княжествъ, всѣ удобныя земли считались принадлежащими этимъ городамъ и князьямъ, и на нихъ крестьяне жили по бóльшей части семейнымъ образомъ, подворнымъ порядкомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные акты и договоры тѣхъ временъ. Но пустоши или дикія земли, которыя только номинально считались принадлежащими князьямъ и городамъ, могли служить хлѣбопашцамъ для поселенія на нихъ по собственной своей волѣ цѣлыми группами дворовъ, съ улицею, выгономъ и съ полями, подѣленными на полосы, дѣлянки и углы, которые по возможности уравнивались между всѣми домохозяевами. Сама природа русской земли требовала, чтобы дикія земли занимались многими людьми вмѣстѣ, цѣлыми обществами или артелями. Несмотря на необъятность пространствъ русскихъ земель, выборъ удобныхъ земель въ тѣ древнія времена ограничивался лѣсами, болотами и пустошами, вообще, мѣстами, которыя представляли очень мало удобствъ для разселенія и хлѣбо-

пашества. На сѣверѣ и востокѣ Европейской Россіи и въ наше время встрѣчаются въ лѣсахъ дремучихъ и среди зыбкихъ болотъ чистыя площади зеленой земли въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, расположенныя болѣе или менѣе возвышенно и съ песчаными десятинами кругомъ, или сплошь и рядомъ, или въ разбросъ. Такія естественныя приволья побуждали поселенцевъ устраивать свое хлѣбопашество такимъ образомъ, чтобы всѣмъ доставались земли разнаго качества и въ достаточномъ количествѣ для общаго и свободнаго сожительства. И вотъ, они стали селиться всѣ вмѣстѣ и нарѣзать полевыя угодья узкими полосами, протягивающимися отъ дворовъ повсюду, куда только можетъ проникнуть топоръ, соха и коса. Эта общежительность вызывалась еще и желаніемъ охраняться отъ дикихъ звѣрей. Въ южной и степной Россіи къ такой же формѣ жизни и хлѣбопашества побуждали русскихъ вольныхъ людей всѣ затрудненія, представляемыя тамошнимъ климатомъ и недостаткомъ въ водопоѣ. Тамъ люди скоплялись по берегамъ рѣкъ и ручьевъ и строили всѣ свои селенія и села въ широкихъ размѣрахъ и скученно, потому что они подвергались тамъ сильнымъ и частымъ нападеніямъ со стороны кочевыхъ хищническихъ племенъ татарскаго происхожденія. Финскія племена, жившія на сѣверѣ, были рыболовы и звѣроловы, и отличаясь болѣе мирнымъ характеромъ, довольствовались всегда своими скудными пріобрѣтеніями.

Такъ шло заселеніе земель къ сѣверу отъ Новгорода, къ востоку отъ Москвы и къ югу отъ Кіева; туда шли всѣ люди, которые не хотѣли подчиняться порядкамъ городовъ, бояръ и пановъ, и искали себѣ лучшей доли на привольныхъ пространствахъ пустой земли. Они забирали все, чтó имъ казалось лучшимъ и удобнымъ для распашного хозяйства, и самовольно становились хозяевами и владѣльцами захваченной ими земли. Тутъ дѣйствовало право заимки или первоначальнаго занятія, освящаемое давностью.

Когда наступило двухвѣковое татарское иго, вся общественная жизнь русскихъ людей пришла въ большое разстройство, и развитіе крестьянскаго быта застыло. Только въ концѣ XV столѣтія, когда монгольское иго было свергнуто и настало господство Москвы, на крестьянъ начинаютъ смотрѣть, какъ на людей осѣдлыхъ; ихъ называютъ «обывателями», то-есть постоянными жителями каждаго отдѣльнаго мѣста, и ихъ начинаютъ считать и записывать въ податные оклады, раздѣлять по ихъ занятіямъ и т. п. Настоящихъ крестьянъ называютъ «черными» или тяглыми, разумѣя подъ этими названіями ихъ прочную осѣдлость

на землѣ и истекающихъ отсюда податныхъ обязанностей;—другіе крестьяне, которые земли не имѣли, причислялись къ разрядамъ «пріемышей, работниковъ, подсусѣдниковъ и холоповъ», которые оставались на волѣ и мірскому управленію не подчинялись,—и потому не пользовались никакими правами ни въ волостныхъ, ни въ сельскихъ разметахъ и разрубахъ. Купцы и гости тоже должны были сдѣлаться тягловыми, то-есть платить въ казну и имѣть земли, потому что иначе они теряли въ городѣ всякое общественное и гражданское значеніе, то-есть лишались права заниматься своимъ промысломъ. Даже бояре и монастыри, если они пріобрѣтали земли или промышляли чѣмъ-нибудь, тоже приписывались къ территоріальному округу, но не по личному своему состоянію, а по «землѣ и водѣ, коими владѣють». Еще болѣе опредѣлительный характеръ приняли всѣ поземельныя отношенія, когда въ московскомъ княжествѣ установился поземельный окладъ, который служитъ общимъ мѣриломъ не только для налоговъ и повинностей, но и для всѣхъ другихъ общественныхъ отправленій.

Податныхъ единицъ было двѣ: одна крупная, общественная, для распредѣленія всѣхъ сборовъ по территоріи—это *соха*; другая частная, хозяйственная, для надѣла и владѣнія отдѣльныхъ домохозяевъ—это *выть* или *обжа*. Соха есть мѣра условная; она опредѣляется не протяженіемъ и объемомъ земли, а повинностью, на нее наложенною. Сохи были различныя, по разнымъ мѣстностямъ и по родамъ владѣнія. Новгородская соха была въ 10 разъ больше московской, а въ Москвѣ полагались три разряда сохъ: 1) доброй земли полагалось на одну соху 600—800 четвертей въ полѣ, а вмѣстѣ съ другими двумя полями «въ дву потомужъ», т.-е. въ 3-хъ поляхъ 1800—2400 четвертей или 900—1200 десятинъ (1 дес. = 2 четв.); средней земли больше 700—1000, дурной отъ 800—1200. Сохи были также различны по состоянію жителей и владѣльцевъ, и чѣмъ *льготнѣе* было это состояніе, тѣмъ болѣе приписывалось земли къ окладной единицѣ. Такъ, въ дворцовыхъ имѣніяхъ въ сохѣ считалось 1300 четвертей (650 дес.), въ вотчинахъ боярскихъ 800—1200 четв., въ монастырскихъ 600, наконецъ, въ черныхъ волостяхъ или въ крестьянскихъ общинахъ только 400; а такъ какъ всѣ эти разныя сохи облагались равнымъ окладомъ, то черная соха, вслѣдствіе того, платила въ $1^1/_2$, 2 и 3 раза болѣе каждой изъ остальныхъ, потому что она сама имѣла меньше десятинъ. Въ городахъ соха считалась не по четвертямъ, а по дворамъ и тоже по разрядамъ; съ лучшихъ земель соха была 40, съ среднихъ 80,

а съ младшихъ 160; бѣднѣйшіе платили, слѣдовательно, болѣе богатыхъ. Сельскія сохи относились только къ пашнѣ; луга считались особо, копнами, кучами сѣна по среднему урожаю; лѣса измѣрялись линейною мѣрою, верстами, вдоль и поперекъ. Это была мѣра окладная, фискальная, очень крупная, отъ 600 до 1950 дес.

Другая хозяйственная и частная мѣра, *выть*, означала мелкую платежную единицу, съ коей отбывались служба и повинность. На одну соху считалось 71 выть, въ каждой выти по 10 четвертей или 5 десятинъ; здѣсь примѣнялся тотъ же порядокъ, что и въ сохѣ, смотря по тому, кому хотѣли больше угодить: въ соху черныхъ волостей въ окладѣ клали только 42 (210 дес.) выти, въ монастырскихъ 50, а въ помѣстьяхъ 67.

Натуральною оцѣнкою поземельной мѣры былъ посѣвъ ржи: на каждую четверть пашни считали $^1/_2$ четверти (4 четверика) сѣмянъ. Счетъ на десятины былъ также различный, то въ 2,400 кв. саж., то въ 3,200, то въ 3,600, причемъ прикладывалась только длина и ширина, а углы выкидывались или опредѣлялись глазомѣромъ.

Земли было въ волю и никто не стѣснялся ея владѣніемъ, но жителей, рабочихъ имъ было мало. Князья, бояре, монастыри и владыки, и всего болѣе черные люди наперерывъ заботились о томъ, чтобы на ихъ земляхъ было какъ можно болѣе хлѣбопашцевъ; высшія сословія стремились сманивать разныхъ безземельныхъ людей и отщепенцевъ отъ тягловаго хозяйства, чтобы увеличить доходность своихъ земель, а крестьяне, чтобы разверстать свои подати и оброки на бо́льшее число плательщиковъ. Но такъ какъ крупные собственники земли могли съ своими богатствами сильно противодѣйствовать не только своимъ вліяніемъ при дворѣ, но также прямо на самихъ тяглыхъ крестьянъ посредствомъ обѣщанія имъ разныхъ существенныхъ льготъ и даже «грамотъ обѣленія», а тяглые люди начали, съ своей стороны, писать царю постоянныя жалобы, что деревни и дворы пустуютъ, что «порожнихъ мѣстъ все прибываетъ», и что богатые бѣломѣстцы скупаютъ крестьянскія тяглыя земли и обѣляютъ ихъ отъ налога, выпрашивая себѣ жалованныхъ грамотъ отъ князей и бояръ,—то московскіе цари поняли, что такое движеніе дѣйствительно разоряетъ тяглыхъ крестьянъ, отъ которыхъ царская казна имѣетъ самый бо́льшій доходъ; и вотъ, въ концѣ XV вѣка и потомъ въ XVI являются судебники Іоанна III и IV, изъ которыхъ видно, что цари рѣшились создать мужицкое царство съ самодержавіемъ во главѣ. Эти судебники имѣютъ цѣлью регулировать отношенія

крестьянъ къ владѣльцамъ и казнѣ, и установить общее уравненіе всѣхъ сельскихъ обывателей передъ царскою властью. Холопство, какъ личное рабство или какъ состояніе безземельныхъ слугъ и работниковъ, признается вреднымъ и хотя не отмѣняется безусловно, но ограничивается въ дальнѣйшемъ своемъ распространеніи. Съ другой стороны, судебники вмѣшиваются въ разсчеты владѣльцевъ съ крестьянами и уничтожаютъ всякое различіе между черными волостями и бѣломѣстцами уравненіемъ всѣхъ хлѣбопашцевъ относительно царской казны. Всѣ крестьяне, за кѣмъ они ни жили, становятся такимъ образомъ черными, тяглыми людьми, получаютъ свое выборное мірское управленіе и губныхъ старостъ, справляютъ подати царевы или великаго князя безъ изъятія, чинятъ сами судъ и расправу и—что еще важнѣе—разверстываютъ оклады и земли внутри обществъ по своему усмотрѣнію. Здѣсь уже выясняются всѣ тѣ черты сельскаго мірского быта, которыя, переживъ три столѣтія и подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ государственной жизни, сохранились до нашихъ временъ. Раскладка земель по дворамъ и тягламъ признана за дѣло мірское; волость, староста съ крестьянами раздаютъ земли, лѣса, даютъ жеребьи на пустые дворы, присуждаютъ пустоши, вазываютъ новыхъ жихарей (тяглыхъ новичковъ) на пустыя деревни и получаютъ право выводить обратно прежнихъ тяглецовъ, перезванныхъ бѣломѣстцами, на свои земли и сажать ихъ назадъ по старымъ деревнямъ. Разверстка тяголъ есть тоже дѣло сельское, общественное, въ которое не входятъ ни казна, ни владѣлецъ; дѣлается она не по какимъ-либо нормальнымъ размѣрамъ, дворамъ, десятинамъ, вытямъ, а по животамъ и промысламъ, то-есть по расцѣнкѣ рабочихъ силъ, всего ближе опредѣляемыхъ въ сельскомъ быту числомъ скота (животовъ) и по соображенію особыхъ промысловъ (рыбныхъ, лѣсныхъ), находящихся въ пользованіи отдѣльныхъ деревень и хозяевъ.

Такой порядокъ устроился съ незапамятныхъ временъ, и прежде онъ существовалъ вмѣстѣ съ порядкомъ подворнаго устройства, введеннаго въ Россію частными владѣльцами; крестьяне однако признавали всегда правильнымъ порядокъ общинный, который дѣйствительно согласовался съ выгодами государевой казны и съ интересами черныхъ, вольныхъ волостей. По исконному обычаю всѣхъ крестьянъ на Руси, каждый рабочій получалъ землю и вступалъ въ тягло, какъ только становился совершеннолѣтнимъ и вступалъ въ бракъ. Тогда давали ему или свою часть изъ отцовскаго участка, или надѣляли смежнымъ дворомъ, или, если ему отказывали въ этомъ, онъ уходилъ на другія земли и всту-

палъ въ вольную общину, которая всегда устраивалась въ формѣ мірового владѣнія. Этотъ міровой порядокъ, какъ мы уже говорили, распространялся по всему сѣверу отъ Новгорода до Ледовитаго моря, и по всему востоку отъ Москвы до Перми, и по всему югу отъ Кіева, во всѣхъ казачествахъ, гдѣ они жили совершенно привольно, не имѣя надъ собою никакого установленнаго властью начальства.

Съ теченіемъ времени государственныя потребности росли все шире, и налоги съ черныхъ волостей постепенно становились все болѣе тяжкими, такъ что крестьянскій бытъ пришелъ въ XVI столѣтіи въ совершенный упадокъ; появились бобыли и гулящіе люди. Еще болѣе тягостными оказывались казенные и земскіе налоги на крестьянъ своеземцевъ, то-есть имѣвшихъ свои собственныя земли; они должны были распродавать ихъ, жалуясь на то, что «изнемогли службы служити и дани давати и всякихъ разрубовъ земскихъ». Между тѣмъ московскіе государи, нуждаясь въ деньгахъ и служилыхъ людяхъ, все повышали оклады съ черныхъ волостей и даже жаловали этими волостями своихъ бояръ и боярскихъ дѣтей. Въ Новгородѣ, Псковѣ и Казани, немедленно по присоединеніи ихъ къ Москвѣ, розданы были обширныя помѣстья государевымъ служилымъ людямъ и богатыя вотчины монастырямъ. Крестьяне, водворенные на этихъ жалованныхъ земляхъ, никакихъ убытковъ не потерпѣли и даже почувствовали нѣкоторое облегченіе повинностей, такъ какъ помѣщики и владыки старались, посредствомъ подкуповъ царскихъ писцовъ или сборщиковъ податей, показывать большинство своихъ земель, давно заселенныхъ и воздѣланныхъ, совершенно пустыми и поросшими угодьями. Черныя волости такимъ образомъ разорялись окончательно, и только благодаря тому, что царская власть, несмотря на свою неограниченность и грозность, была въ дѣйствительности очень слаба и всѣ ея постановленія постоянно нарушались и не исполнялись самими царскими служителями, русскій народъ нисколько не падалъ духомъ, но только крѣпче соединялся между собою и съ судьбою всѣхъ классовъ великорусскаго племени, такъ какъ и сами бояре и всѣ служилые люди точно также страдали подъ гнетомъ деспотизма и находили для себя полезнымъ защищать и скрывать состояніе своихъ крестьянъ. Эти чувства солидарности всѣхъ обывателей русской земли дожили и до нашихъ временъ, несмотря на установленіе крѣпостного права, на тягостную податную систему и на всѣ вольности, которыми русская императрица, пропитанная иностранными идеями, надѣляла русское дворянство. Всѣ русскіе люди, и крестьяне, и купцы и

дворяне, остались при томъ убѣжденіи, что державіе земли есть обязанность, повинность, отъ коей не изъемлется никто изъ обывателей русской земли: земское тягло не есть право, а повинность.

Идти еще далѣе по той же самой дорогѣ въ обложенія тяглыхъ крестьянъ все большимъ количествомъ налоговъ становилось все труднѣе, такъ какъ крестьяне пришли въ сильное броженіе. Явились мѣры, изъ которыхъ впослѣдствіи выросли принципы крѣпостного права, но въ своемъ началѣ до смерти Петра Великаго эти мѣры имѣли полезныя для крестьянскаго сословія цѣли, потомъ же сдѣлались невыносимымъ рабствомъ. При Петрѣ и «шляхетство» (такъ называлось тогда дворянство) подвергалось значительнымъ угнетеніямъ и гоненіямъ, въ видахъ образованія изъ нихъ особаго сословія полезныхъ людей для государственной службы.

Весь крѣпостной періодъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ мѣръ Іоанна III и Іоанна IV, предпринимавшихся съ цѣлью закрѣпленія дворянъ къ службѣ и крестьянъ къ землѣ. Періодъ этотъ, какъ извѣстно, продолжался до 19 февраля 1861 года, до дня освобожденія крестьянъ нынѣшнимъ императоромъ. Извѣстныя постановленія царя Ѳедора Ивановича и затѣмъ Бориса Годунова были только первымъ шагомъ, и сами издатели нисколько не предполагали, что ихъ законы доведутъ Россію до безконтрольнаго господства всероссійскаго дворянства надъ всѣмъ русскимъ народомъ. Процессъ закрѣпленія шелъ медленно и постепенно, да это иначе и быть не могло, такъ какъ въ тѣ времена сами землевладѣльцы, бояре и монастыри, все еще изыскивали для пользы своихъ имѣній разныхъ вольныхъ работниковъ, которыхъ стали вскорѣ называть гулящими дѣтьми.

Чтобы обратить помѣщичье сословіе къ приказной (бюрократической) городской и земской службѣ, стали набирать боярскихъ дѣтей, крестьянъ-своеземцевъ и дѣтей торговыхъ людей, какъ рекрутовъ, въ царскую службу, при посредствѣ дарованія имъ разныхъ участковъ земли, что называлось на оффиціальномъ языкѣ «верстанье помѣстьемъ», какъ бы въ параллель съ «крестьянскимъ верстаньемъ» міровой земли между домохозяевами. У крестьянъ это дѣлалось огульно, по среднему размѣру ихъ общей земли. У новиковъ, какъ назывались эти молодые люди, верстаніе помѣстьями тоже происходило огульно, по 400 помѣстій и болѣе разомъ. Податной окладъ съ крестьянъ этихъ помѣстьевъ служилъ жалованьемъ этимъ новикамъ. Если у отца такихъ молодыхъ сыновей есть до пяти (500 четвертей) въ помѣстьѣ, то двое младшихъ оставались при отцовскомъ помѣстьѣ, въ томъ

предположеніи, что по достиженіи совершеннолѣтія они будутъ служить за отцовское помѣстье, причемъ каждому изъ нихъ будетъ по 250 четв., а старшимъ сыновьямъ надѣлялись особыя помѣстья. Если у отца было менѣе 500 четв., то отцу оставляли только одного сына. Для этой цѣли посылались въ имѣнія окладчики и писцы, которымъ приказывали также осматривать здоровье новобранцевъ — годенъ ли онъ на службу, — какъ это дѣлается и въ наше время, во время рекрутскихъ наборовъ съ нынѣшними юношами. Давались также помѣстья на прожитокъ вдовамъ и малолѣтнимъ дѣтямъ, но ихъ давали только на срокъ: до замужства вдовы или при постриженіи ея въ монастырь, или до совершеннолѣтія дѣтей; но впослѣдствіи это прожиточное право обратилось въ обычай и способствовало помѣстью стать наслѣдственнымъ владѣніемъ. Вообще, право на помѣстье давалось, какъ кормовыя деньги, для покрытія служебныхъ издержекъ. Разницею по службѣ и по ихъ издержкамъ опредѣлялась и величина помѣстья, которое отдавали служилому человѣку. Помѣстное владѣніе имѣло и то сходство съ крестьянскимъ, что оно не было ни наслѣдственное, ни пожизненное; и какъ старый крестьянинъ, перестающій въ своемъ мірѣ считаться рабочею силою по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, долженъ передавать свои земли сыну или міру назадъ, если сыновей у него нѣтъ,—такъ и помѣстья, если не было наслѣдниковъ, годныхъ для службы, отписывались назадъ—на царя или казну, и въ этомъ отношеніи знатнѣйшіе князья приравнивались къ простому мужику: князья Бѣлосельскіе были въ 1556 году отставлены отъ службы, потому что «стары и больны», а помѣстья ихъ переданы сыну и внуку. Главная цѣль царей была, чтобы земля всегда была въ рукахъ дѣйствительно служащихъ. Одно время помѣщики раздѣлялись на разряды по мѣстамъ ихъ владѣнія и службы, и такимъ образомъ создалось *мѣстничество*. Московскій уѣздъ былъ самый выгодный по мѣстамъ службы, и всѣ стремились и боролись между собою за эти теплыя мѣстечки, которыя давали возможность служить передъ лицомъ самого царя. Въ украинскихъ городахъ, вдали отъ Москвы помѣстья раздавались вдвое болѣе крупными, чѣмъ въ московскихъ уѣздахъ, а еще отдаленнѣе, гдѣ-нибудь въ Новгородѣ, дворяне при Алексѣѣ Михайловичѣ верстались или надѣлялись помѣстьями въ 550—1,100 четв.; но были средства и удвоить и утроить количество земли, если желающій расширить свои владѣнія добавленіемъ пустынныхъ мѣстъ. Наконецъ, были еще *выморочныя* помѣстья, которыя переходили назадъ въ царскую казну вслѣдствіе смерти или бѣгства всѣхъ владѣльцевъ

рода или племени. Помѣстья потомъ стали становиться не только служилымъ имуществомъ, но и наслѣдственнымъ, т.-е. тѣмъ, чѣмъ были прежде вотчины.

Служилое сословіе стало мало-по-малу, въ XVII вѣкѣ, весьма своевольнымъ и возставало, съ одной стороны, противъ правительственныхъ распоряженій, уклоняясь отъ службы, и противъ крестьянъ, путемъ расширенія правъ надъ крѣпостнымъ населеніемъ. Бояре и монастыри принимали на себя личину самаго униженнаго подобострастія и смиренной покорности передъ государемъ, но, забравшись въ помѣстья, они пускали въ ходъ всякія интриги и пронырства, чтобы избавиться отъ царской службы. Такихъ лѣнивыхъ и гулящихъ служилыхъ людей наросло такое множество, что ихъ стали называть «нѣтчиками» при царяхъ, и «недорослями» при императорѣ Петрѣ. Они убѣгали и изъ военной, и изъ гражданской службы. Въ царскихъ указахъ этихъ людей стали называть просто «ворами», и имъ угрожали серьёзными карами и конфискаціями всѣхъ видовъ имуществъ. Многіе помѣщики скрывали у себя бѣглыхъ крестьянъ и всѣхъ людей, которыхъ новые законы царей именовали «бродягами».

Первый указъ Годунова, изданный 24 ноября 1597 года, воспретилъ крестьянамъ сходить съ тѣхъ земель, гдѣ ихъ засталъ указъ. Въ этомъ указѣ, впрочемъ, поставлены весьма слабыя требованія: «чтобы на тѣхъ крестьянъ, которые изъ-за бояръ и другихъ владѣльцевъ выбѣжали за пять лѣтъ назадъ, давать судъ крестьянамъ съ помѣщиками и возить ихъ назадъ, а прочихъ, которые бѣжали съ 1592 года, суду не предавать и оставлять на своихъ мѣстахъ». Въ это время съ крестьянъ взыскивали «накрѣпко всякіе сыски» не иначе какъ судомъ, равноправнымъ съ боярами. Еще позже, въ 1601—2 году тотъ же указъ былъ распространенъ на всѣхъ крестьянъ, и на дворцовыхъ, и на черныя волости. Но другимъ указомъ Годунова, изданнымъ тоже въ 1602 году, въ «общую память новгородскимъ старостамъ», пишется, что если захотятъ изъ-за помѣщичья идти обратно въ крестьянство, то чтобы ихъ отпускали «въ Юрьевъ день, да послѣ Юрьева дня двѣ недѣли позже, и чтобы ихъ выпускали со всѣми ихъ животы, безъ всякой задержки, не дѣлая имъ боевъ и грабежей, не задерживая ихъ насильно и не продавая ихъ имущества, а взимая только пожилаго за дворъ 1 рубль и два алтына». Тутъ повторяется то, что̀ было прежде указа 1597 года. Въ 1606 году, во время самозванцевъ, боярская дума постановила приговоръ, что если «про котораго крестьянина скажутъ, что въ тѣ голодныя лѣта обрѣлъ онъ помѣщика по бѣдности,

что было ему кормиться немочно, то тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его прокормилъ въ голодныя лѣта, а истцу отказать, потому-де что онъ не умѣлъ своего крестьянина прокормить, а нынѣ его не пытай». Голодъ продолжался въ теченіи трехъ лѣтъ, 1602—4, и, слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени указъ Годунова бездѣйствовалъ.

Болѣе строгія мѣры были изданы въ 1640 году, при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, пятилѣтній срокъ былъ замѣненъ десятилѣтнимъ, для вывоза крестьянъ, самовольно бѣжавшихъ отъ господъ, и пятнадцатилѣтнимъ—для тѣхъ крестьянъ, которые выведены насильно новыми владѣльцами изъ-за прежнихъ; кромѣ того, за каждаго бѣжавшаго крестьянина положено 5 руб. штрафа въ годъ съ того помѣщика, который его принялъ и укрывалъ, и дѣйствіе закона распространено на всѣ помѣстья и вотчины: помѣщичьи, дворцовыя и на черныя волости. Изъ этого указа очевидно, что и помѣщики и крестьяне нарушали всѣ изданные законы, и что укрывательство и пристанодержательство бѣглыхъ крестьянъ существовали въ огромномъ числѣ случаевъ. Еще позже, въ 1649 году крѣпостное право было распространено и на «гулящихъ людей», для которыхъ до сихъ поръ вольный переходъ отъ одного хозяина къ другому былъ дѣйствительною вольностью. Переселенія изъ вольныхъ казенныхъ деревень въ господскія были такъ часты въ первой половинѣ XVII вѣка, что угрожали опустѣніемъ черныхъ волостей. Въ то же время въ подмосковныхъ и замосковныхъ уѣздахъ крѣпостное сословіе увеличивалось, по свидѣтельству Котошихина, не по днямъ, а по часамъ. Но это было только около Москвы. Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича, крѣпостное право дѣлаетъ большой шагъ впередъ подъ вліяніемъ челобитной, поданной царю провинціальными мелкопомѣстными дворянами и боярскими дѣтьми всѣ городовъ противъ бояръ и московскихъ приказныхъ людей: окольничихъ и стольниковъ, которыхъ челобитная называетъ «сильными людьми». Эти дворяне жалуются, что они 33 года служили государеву отцу и на службѣ оскудѣли вслѣдствіе того, что ихъ помѣстья и вотчины опустѣли, потому что гулящіе люди и крестьяне выходятъ изъ помѣстій бѣдныхъ городовыхъ горожанъ и поселяются у «сильныхъ людей», которые не только скрываютъ бѣглецовъ, но еще при помощи послѣднихъ сманиваютъ другихъ крестьянъ. Побуждаемый такими фактами, царь издалъ въ 1649 году особое «уложеніе», указъ о прикрѣпленіи всѣхъ крестьянъ къ землѣ. Съ этою же цѣлью было еще прежде введено правило считать землю жилою, то-есть на вѣчныя времена податною, какъ

скоро она разъ населена; такимъ образомъ, помѣщикъ, если изгналъ съ жилой земли крестьянъ, то онъ и за оставшуюся пустошь все-таки долженъ былъ платить казенный окладъ съ земли. Но помѣщики нашли себѣ друзей среди царскихъ писцовъ, которые вписывали къ книги жилые дворы пустыми. Для этой цѣли, по взаимному уговору, помѣщики переводили крестьянъ изъ нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ, всякій разъ, какъ писцы являлись производить свой осмотръ. Утайка дворовъ сдѣлалась, такимъ образомъ, самымъ обыкновеннымъ поступкомъ.

Уложеніе Алексѣя Михайловича, во всякомъ случаѣ, тоже осталось безъ всякаго существеннаго результата. Сроки исчезли и старинныхъ крестьянъ можно было преслѣдовать и возвращать, когда бы они ни убѣжали, хотя и 50 лѣтъ тому назадъ. Но въ дѣйствительности этотъ законъ послужилъ только для распространенія лихоимства и взяточничества среди царскихъ служителей. Накопились массы разныхъ исковъ о побѣгахъ, и само уложеніе явилось какъ-бы преміей за удальство и ловкость въ пристанодержательствѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ. Уложеніе грозило самыми жестокими наказаніями, но фактически кары, если падали на кого-нибудь, то лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Все, что вышло изъ вліянія уложенія на общественную жизнь народа, это—укрѣпленіе и расширеніе помѣстнаго и вотчиннаго землевладѣнія путемъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Служилые люди были всѣ испомѣщены и начали понемногу обращать временныя свои владѣнія въ наслѣдственныя; боярскія и дворянскія дѣти припускались къ отцовскимъ помѣстьямъ; имѣнія, оставленныя, по царской милости, на прожитокъ, переходили по замужству дочерей и вдовъ къ зятьямъ и мужьямъ, и переименовывались сами собой въ вотчины, не по закону, либо юридическому различію родовой собственности отъ пріобрѣтенія, не на основаніи какихъ-либо понятій о наслѣдственной принадлежности имѣній, а просто — по факту, что сыновья или другіе родственники случайно получили то помѣстье, которымъ владѣлъ отецъ, дѣдъ или дядя. Такимъ образомъ, самое различіе между вотчиною и помѣстьемъ совершенно изглаживается вслѣдствіе того, что и тѣ и другіе отбираются въ казну, по указу 1649 г., за пріемъ бѣглыхъ и за неявку на службу; вотчина ли или помѣстье—все равно: на нее законъ смотрѣлъ, какъ на простое право крѣпостного владѣнія, которое можно всегда отнять за каждое преступленіе. Такимъ образомъ, всѣ помѣщики, и крупные и мелкіе, какими бы землями они ни владѣли, находились подъ угрозою лишенія всей своей собственности;

и кто былъ сильнѣе и пользовался бо́льшею властью, могъ, при помощи прямого грабежа и набѣга, производить всякія неправды надъ слабыми. Власть и сила стали орудіемъ для обхода законовъ и для противодѣйствія верховной власти. Царская власть однако не унывала и становилась все тверже. Въ 1658 году, государь пишетъ: «Въ замосковскихъ разныхъ городахъ крестьяне разоряютъ своихъ помѣщиковъ-дворянъ, грабятъ ихъ животы, пожигаютъ дома, а иныхъ до-смерти побиваютъ, и потомъ бѣгаютъ и живутъ въ бѣгахъ за всякихъ чиновъ людьми». Эта страшная картина тогдашней общественной жизни Россіи внушаетъ государю усилить уголовныя наказанія: являются на сцену государственной кары новыя жестокія мѣры: *кнутъ* за грабежи, и повѣшеніе за біеніе помѣщиковъ. Еще прошло три года, и является новый указъ, изъ котораго видно, что бѣглые преступники не отыскиваются, и что ихъ скрываютъ сами господа и ихъ приказчики;—опять въ дѣло кнутъ, и область его распространяется до приказчиковъ, а для взысканія съ господъ повелѣвается царемъ перевозить бѣглыхъ на ихъ счетъ къ прежнимъ владѣльцамъ, и давать этимъ послѣднимъ въ придачу еще другого бѣглаго крестьянина, съ женою и дѣтьми. Еще черезъ три года оказалась недостаточною и эта кара; новый законъ требуетъ отнимать отъ укрывателя-помѣщика по четыре крестьянскихъ семьи, и притомъ не бѣглыхъ, а тѣхъ, которые помѣщику крѣпко держатся. Такія варварскія мѣры противорѣчили всѣмъ прежнимъ узаконеніямъ и народнымъ обычаямъ; онѣ стремились создать совершенно новое начало въ законодательствѣ и общественной жизни, создать крестьянское сословіе, лишенное земли. Нашелся и человѣкъ, способный на такое дѣло,—царскій любимецъ, бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, который, воспользовавшись этимъ закономъ, получилъ право записывать людей за себя и притомъ безъ подписныхъ челобитенъ, т.-е. безъ особаго доклада государю. Съ легкой руки этого боярина и другіе дворяне пошли по той же дорогѣ, а въ помѣстномъ приказѣ и думные дьяки, ссылаясь на примѣръ Матвѣева, начали записывать безъ доклада всѣ продажи, мѣны и переселенія крестьянъ безъ земли.

Въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка положеніе крестьянъ въ замосковныхъ городахъ и уѣздахъ сдѣлалось столь тяжкимъ и побѣги ихъ до того увеличились, что правительство принимаетъ почти каждый годъ все новыя и новыя мѣры, одинаково безуспѣшныя: и всѣ назначаемые штрафы съ помѣщиковъ, и всѣ «нещадныя біенія» кнутомъ и смертныя казни не только не достигаютъ цѣли, но почти никогда не совершаются, потому что пре-

неты преслѣдованія всегда исчезали неизвѣстно куда. Очень часто помѣщики, вмѣстѣ съ крестьянами, вооружившись чѣмъ попало, били и убивали до смерти всѣхъ посыльныхъ и служилыхъ людей; «многіе вотчинники», какъ говоритъ одинъ царскій указъ, «забывъ страхъ Божій и презрѣвая указы великаго государя, принимали бѣглыхъ гласно и открыто, и потомъ высылали не въ Москву, куда имъ велѣно, а къ другимъ владѣльцамъ, которые ихъ на перепутьи принимали». Тутъ опять слѣдуютъ угрозы: лишеніе помѣстьевъ и вотчинъ, смертная казнь, а также требованія отбирать отъ обвиняемыхъ помѣщиковъ сказки, подъ присягою по евангельской заповѣди... Такія повелѣнія разсылались воеводамъ.

Послѣдніе указы этого времени были изданы въ 1706—1707 годахъ. Правительство вводитъ народную перепись и успокоивается на предположеніи, что съ введеніемъ ревизскихъ сказокъ бродяжничество само-собой прекратится. «Но оно вовсе не прекратилось; слѣды его не исчезали изъ законодательства, и дѣло сыска и поиска бѣглыхъ сдѣлалось обыденнымъ дѣломъ администраціи и суда, источникомъ взятокъ и всякихъ поборовъ, которыми кормились приказные и подъячіе XVIII столѣтія, и пользовались бѣглые и бродяги, продолжая скитаться по-прежнему съ Тихаго-Дона на матушку-Волгу, изъ новгородскихъ погостовъ — за Онегу, Ладогу и въ Поморье». Эти бѣглецы и бродяги были вовсе не пустые и праздные люди; они создали въ русской исторіи великое явленіе *раскола*, создали казачество и завоевали Сибирь. Вся эта громаднѣйшая часть Россіи создана волею русскаго свободнаго человѣка, безъ всякаго вмѣшательства со стороны государственной власти, хищниковъ бояръ и воеводъ и хищниковъ духовенства.

III.

Вотъ въ какомъ положеніи являлась Россія передъ первымъ своимъ преобразователемъ на европейскій образецъ—Петромъ. Онъ несомнѣнно видѣлъ, что весь русскій народъ шелъ наперекоръ закону и верховной власти, что подъ самодержавною властью великихъ государей образовалось такое самовластіе сильныхъ людей, такое самоуправство слабыхъ и такое своеволіе всѣхъ и каждаго, что прежде чѣмъ вводить новые порядки, надо узнать: гдѣ кто живетъ, кто чѣмъ владѣетъ, куда бѣжали люди, и гдѣ они поселились. Съ этою цѣлью былъ изданъ указъ 6-го

мая 1714 года, а потомъ предпринята была перепись, по указу 22-го января 1719 года. Вся дѣятельность Петра ясно показываетъ, что, увидя свой народъ въ состояніи закоснѣлаго упорства, онъ хотѣлъ переломить его упрямое и насильное сопротивленіе, изучивъ предварительно тѣ силы, которыя таились въ самомъ народѣ. Однако ему не удалось ни то, ни другое. Всѣ его нововведенія въ землевладѣльческомъ вопросѣ ограничиваются немногими законами. Первый его законъ 1714 года есть не что иное, какъ продолженіе управленія первыхъ Романовыхъ, государей болѣе благодушныхъ, чѣмъ Іоаннъ III и Іоаннъ IV, поддерживавшихъ развитіе помѣстной системы вмѣстѣ съ подавленіемъ вотчинной. Петръ допускалъ наслѣдованіе и по такимъ имуществамъ, которыя были верстаны пожизненно на службу. Указомъ Петра утверждались раздѣлы между сыновьями, «понеже онъ (*завѣщатель*) въ тѣхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ самовластенъ, и раздѣлилъ ихъ по своей родительской власти». Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ продолжалъ укрѣплять прежнюю обязательную службу дворянъ, на которыхъ онъ наложилъ такую строгую служебную повинность, какой не испытывало русское дворянство со временъ Іоанна Грознаго.

Въ томъ же 1714 году и еще раньше (23-го марта) Петръ издалъ указъ о единонаслѣдіи. Этотъ указъ былъ слово въ слово переведенъ изъ нѣмецкихъ политико-экономическихъ трактатовъ того времени, и представлялъ изъ себя единственную въ русской исторіи первую и послѣднюю попытку ввести въ поземельный бытъ Россіи начала западно-европейскаго землевладѣнія съ его аристократическимъ строемъ. Такой указъ прямо противорѣчилъ всѣмъ опытамъ русскаго народнаго духа, а также понятіямъ и нравамъ самого русскаго дворянства, хотя сущность указа имѣетъ цѣлью превознести дворянскія права до такого апогея, что они поглотили бы всѣ права народа. Мысль императора приводила его къ тому выводу, что наилучшее устройство землевладѣнія есть такое, которое, обезпечивая пышность и богатство старшихъ сыновей, заставляетъ не изъ чести, а изъ насущнаго хлѣба младшихъ справлять государеву службу. Петру, разумѣется, была важна въ этомъ указѣ не «слава знатныхъ фамилій», а поголовная служба всѣхъ вліятельныхъ людей. Онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы побудить русское дворянство принять на себя дѣло нѣмецкихъ рыцарей и бароновъ, но законъ единонаслѣдія оно понять не могло. Бояре переодѣлись въ нѣмецкихъ бароновъ и французскихъ маркизовъ, скрѣпя сердце, вывезли своихъ женъ и дочерей изъ теремовъ на его ассамблеи, ѣздили въ чужіе края,

учились чужимъ языкамъ, перенимали все, что приказано было перенять у европейской цивилизаціи, но усвоить себѣ тѣ порядки землевладѣнія и наслѣдованія землею, какія существуютъ въ Европѣ, они не могли. Русскіе люди продолжали оставаться въ своемъ общезавѣтномъ въ Россіи правилѣ: дѣлить отцовское наслѣдіе поровну между сыновьями и братьями. Послѣ шестнадцатилѣтняго существованія законъ о единонаслѣдіи былъ отмѣненъ по указу сената 9 декабря 1730 г.

Ревизія Петра потребовала много разныхъ добавленій. Первые указы велѣли зачислить въ ревизію, кромѣ крестьянъ, и дворовыхъ людей (задворныхъ и дѣловыхъ); но *ревизскими душами* слѣдуетъ считать только тѣхъ, которые «устроены пашнею». Другіе указы разъясняли этотъ терминъ, что такое отличіе необходимо для податного оклада, такъ какъ подати съ пашень платили прежде и будутъ платить теперь крестьяне, надѣленные землею. Тутъ подъ податью разумѣлось вовсе не то, что послѣ стали называть подушною податью, то-есть налогъ съ души; напротивъ: подушный счетъ былъ вставленъ въ этотъ законъ для того, чтобы дворяне не утаивали, подъ именемъ дворовыхъ, настоящихъ хлѣбопашцевъ.

Другое нововведеніе Петра, указъ 1-го іюня 1722, было повелѣніе относительно «вольныхъ гулящихъ или государевыхъ людей», которыхъ Петръ хотѣлъ непремѣнно уничтожить. Этотъ разрядъ крестьянъ набирался и размножался, какъ мы видѣли, отъ семейныхъ раздѣловъ и постоянно переходилъ въ другія сословія, городскія и сельскія, записывая себя на владѣльцевъ или въ города, то по добровольнымъ порядным, то по разнымъ вынужденнымъ сдѣлкамъ. Они имѣли очень различныя прозванія: сперва назывались захребетниками, подсусѣдниками, потомъ казаками, бобылями, потомъ крестьянскими вольными дѣтьми, и наконецъ прозваніемъ петровскаго времени: «людьми гулящими». Петръ приказалъ всѣмъ имъ явиться къ переписи, а переписчикамъ — ихъ осмотрѣть: годныхъ изъ нихъ писать въ солдаты, а негодныхъ объявить съ запискою, чтобы никто изъ нихъ въ гулящихъ не былъ, а всѣ опредѣлялись бы въ другія службы и безъ службы не шатались; наконецъ, ослушниковъ приказано брать въ крѣпостную работу. Но всѣ эти планы великаго преобразователя имѣли только формальное значеніе и въ народъ не проникли. Послѣдній указъ въ этомъ родѣ былъ написанъ въ 1724 году, а въ слѣдующемъ году смерть положила предѣлъ его дѣятельности, и предсмертныя начинанія Петра такъ и остались начинаніями. Подушный расчетъ съ того времени сдѣлался всеобщимъ,

казеннымъ основаніемъ для всякихъ фискальныхъ и административныхъ распоряженій, но въ народный быть ни при Петрѣ, ни послѣ никогда не проникъ, и народъ по душамъ не считался. Принадлежность самого крестьянина, его тѣла и души, великій государь не признавалъ, ибо иначе онъ не приказалъ бы переписать всѣхъ людей, гдѣ, кто и за кѣмъ живетъ.

Всѣ эти мѣры закрѣпленія крестьянъ землѣ не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что̀ бы могло унизить или задавить свободную дѣятельность личности или сколько-нибудь повредить его благосостоянію; эти мѣры имѣли цѣлью обуздать излишнее упорство одной части крестьянскаго населенія, которое не хотѣло нести на себѣ никакихъ государственныхъ повинностей, а жить себѣ своевольно, какъ кому хочется. Они вполнѣ оправдываются еще тѣмъ, что и помѣщикамъ угрожали въ то же самое время мѣры такія же строгія и такія же варварскія за всякое нерадѣніе къ государственной службѣ, къ которой ихъ приготовляли и за которую они получали приличное вознагражденіе; ихъ нѣтчики и недоросли не поставлены въ какое-нибудь привилегированное положеніе: если крестьянамъ назначается кнутъ, то онъ назначается точно также и помѣщичьимъ гулящимъ людямъ. Все, что̀ отъ крестьянъ требовали—это опредѣленной осѣдлости, безъ которой невозможны были какіе-нибудь успѣхи въ производствѣ самыхъ необходимыхъ продуктовъ въ государствѣ, и сама безопасность жизни всѣхъ требовала и оправдывала сильныя энергическія мѣры. То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ мѣрахъ, которыя были направлены противъ управляющаго класса, отъ котораго тоже требовали самаго высшаго напряженія на службу государственныхъ и общественныхъ пользъ. Со стороны государства, въ видахъ всеобщей пользы, не было допущено никакой поблажки ни той, ни другой сторонѣ. Правда, что все это происходило не въ полномъ совершенствѣ, но въ дѣйствительности ни помѣщики, ни крестьяне никогда не отвергали своей подчиненности царскимъ велѣніямъ, хотя, въ силу своего самовластія и самоуправства, часто нарушали и вовсе не исполняли возложенныхъ на нихъ обязанностей. И мы видимъ изъ всей исторіи русскаго народа, что сами законы никогда въ точности не исполнялись и что они если что-нибудь представляютъ, то лишь отпечатокъ обратной стороны народной жизни, нисколько не касаясь сущности ея.

Совсѣмъ иначе пошла русская исторія послѣ Петра Великаго, и это потому, что государственные люди, управлявшіе Россіею, никакой естественной связи съ русскимъ народомъ не имѣли,

и если они о чемъ-нибудь заботились, то не о благосостояніи русскаго народа, а о тѣхъ интересахъ, которыми волновались *они* въ европейской жизни того времени; а эта жизнь была такова, что привела всю Европу въ самое опасное состояніе.

Князь Васильчиковъ совершенно правъ, отдавая полную справедливость Годунову, Алексѣю Михайловичу и Петру Великому, которые были воодушевлены истинною преданностью интересамъ русскаго народа и русскаго государства. Онъ также вполнѣ справедливъ, когда оставляетъ за русскими государственными людьми XVIII вѣка «недобрую память того ига, которое для русскаго народа было несравненно тяжелѣе татарскаго. Дѣйствительное крѣпостное право произошло не изъ русскаго быта, не изъ указовъ русскихъ царей Рюрикова и Романова родовъ, также не изъ старинныхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, коими пользовалось очень умѣренно и снисходительно старинное русское боярство; нѣтъ, оно вышло изъ смежныхъ земель польскаго и германскаго племенъ, изъ понятій о собственности и помѣщичьей власти, принятыхъ въ этихъ странахъ, пересаженныхъ въ Россію вмѣстѣ съ европейскою культурою и разсаженныхъ по всему пространству имперіи знатнымъ и вліятельнымъ дворянствомъ, окружавшимъ мягкосердечныхъ императрицъ» (т. I, стр. 456).

Дѣятели XVII вѣка создали только одно ограниченіе—это запрещеніе вольнаго перехода, и мѣра эта такъ мало стѣсняла хозяйственный бытъ крестьянъ, что и въ настоящее время, когда крестьяне уже признаются вольными людьми, запрещеніе это остается въ своей силѣ, отказъ отъ земли допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, и закрѣпленіе къ землѣ сохраняется въ первобытномъ своемъ значеніи. Въ этомъ первоначальномъ своемъ видѣ закрѣпленіе людей къ землѣ было равносильно закрѣпленію земли за людьми; такъ оно принято было и народомъ и правительствомъ; право частной собственности служилаго сословія было срочное и условное; право мірского владѣнія крестьянъ, напротивъ, безсрочное, ненарушимое и неотчуждаемое; черные люди были вполнѣ обезпечены вѣчнымъ пользованіемъ своею пашнею, вотчинники не вполнѣ, потому что ихъ имѣнія отбирались въ казну въ случаѣ неявки на службу; а помѣщики владѣли помѣстьями только въ видѣ временного оклада, замѣняющаго прежнее кормленіе или денежное жалованье. Измѣнилось это положеніе только послѣ Петра, и тутъ послѣдовало нѣсколько распоряженій, которыя можно назвать нарушеніями крестьянскихъ правъ и вольностей; самыя чувствительныя изъ нихъ были указы 1729 и 1742 годовъ, въ силу которыхъ всѣхъ людей, записав-

шихся за господами, по частнымъ условіямъ (кабаламъ), велѣно записать въ *вѣчное* владѣніе, а государевыхъ вольныхъ людей отдавать въ крѣпостное владѣніе тѣмъ, кто пожелаетъ записать ихъ за собою въ подушный окладъ. Такъ, въ силу этихъ указовъ всѣ вольныя и срочныя сдѣлки дворянъ съ крестьянами были однимъ почеркомъ пера превращены въ вѣчныя и обязательныя, и всѣ крестьянскія дѣти, государевы вольные люди, однимъ разомъ приписаны къ тѣмъ помѣщикамъ, которые пожелали ихъ взять и кормить. Съ этого только времени крѣпостное право начало развиваться въ полномъ и суровомъ своемъ значеніи, а къ концу столѣтія дошло до того, что крестьяне, по произволу помѣщиковъ, отдавались въ рекруты (по указу 1747 г.), ссылались въ Сибирь (по указу 1760 г.), продавались съ публичнаго торга (только безъ молотка), отпускали ихъ на волю только для того, чтобы избавиться отъ престарѣлыхъ и безсильныхъ работниковъ;—этого мало: помѣщикамъ государство начало выплачивать нѣчто въ видѣ преміи за злоупотребленіе власти зачетомъ рекрута за каждаго крестьянина, наказаннаго за неповиновеніе кнутомъ и посланнаго въ каторгу за негодность. Въ 1765 году крестьянамъ было запрещено подавать прошенія въ руки самой императрицы, въ 1767 году самая подача жалобы крѣпостными людьми на своихъ господъ признавалась сама по себѣ преступленіемъ: имъ угрожали за это кнутомъ и вѣчными работами въ Нерчинскѣ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты. «Всѣ эти мѣропріятія—говоритъ кн. Васильчиковъ—относятся не къ древнимъ временамъ варварства и злодѣйства московскихъ царей, а къ тому образованному вѣку, когда европейская цивилизація проникла въ высшія сферы русскаго общества, и когда наши меценаты (Шуваловъ, Румянцовъ) вкусили уже всѣхъ плодовъ науки и искусствъ, а придворное дворянство (Орловы, Разумовскіе, Потемкинъ) славилось своими образованными вкусами и нравами,—къ тому времени, когда наше правительство сроднилось съ Европой, и наше старинное боярство успѣло уже выучиться у польскаго шляхетства и нѣмецкаго баронства искусству округлять свои владѣнія и расширять свою власть въ качествѣ благороднаго сословія, опоры престола и для вящшаго упроченія монархической власти и священныхъ правъ собственности» (т. I, 454—456).

Всѣ эти мѣры дошли наконецъ до лишенія крестьянъ, въ ихъ отношеніяхъ съ помѣщиками, всякаго суда и всякой связи съ самимъ государемъ. Чернымъ людямъ, слѣдовательно, не оставалось больше ничего, какъ бунтъ и возстаніе. И возстанія

крестьянъ дѣйствительно состоялись, и продолжались въ продолженіи всего XVIII столѣтія. Пугачевское возстаніе есть такая же мрачная страница въ исторіи россійскаго землевладѣнія, какъ крестьянскія возстанія въ Германіи и жакерія во Франціи; но тѣ возстанія происходили въ средніе вѣка, а наши во время царствованія такой высокопросвѣщенной императрицы, какъ Екатерина II, которая состояла въ либеральной перепискѣ съ Вольтеромъ и Дидрò. Причины здѣсь и тамъ были тѣ же, и тѣ же неистовства ознаменовали это послѣднее бореніе нѣкогда вольныхъ людей съ поглотившимъ и подавившимъ ихъ помѣщичьимъ деспотизмомъ.

Чтобы совсѣмъ разрушить всякія связи съ прошлою исторіею землевладѣльческаго интереса въ Россіи, указъ 1785 года далъ однимъ полную вольность отъ всякой службы и изъ нихъ создалъ цѣлый классъ крупныхъ собственниковъ, которымъ закрѣпостилось 800,000 душъ; 389,175 душъ были закрѣпощены такимъ же образомъ предшествовавшими императрицами, и 114,896 душъ императоромъ Павломъ. Екатерина II закрѣпила въ крѣпостное право даже такую вольную землю, какъ Малороссія.

Въ древней Россіи мы находимъ крупныхъ владѣльцевъ только въ подмосковныхъ областяхъ. Дворяне, поверстанные помѣстьями въ московскомъ уѣздѣ, писались особо въ московскомъ спискѣ. Изъ нихъ-то и выбирались всѣ начальные люди, бояре, воеводы, стольники, окольничьи; ихъ земли были устроены не для хлѣбопашества и давали небольшіе доходы. Пребывая безотлучно на службѣ при государѣ, занимая высшіе чины и должности, и создавая изъ своихъ подмосковныхъ помѣстьевъ богатыя подгородныя дачи, а сами разъѣзжая на воеводства, на розыски и слѣдствія, они совершенно утратили всякую связь съ сельскими жителями, прочими дворянами и крестьянами; но имъ и не нужно было обращать вниманіе на доходы своихъ имѣній, потому что они могли пользоваться большими служебными окладами, кормленіями и поборами въ приказахъ и воеводствахъ. Въ этомъ дворянствѣ, слѣдовательно, зарождался тотъ высшій типъ его, который сопровождается политическою властью. Съ переводомъ въ Петербургъ, московское дворянство еще болѣе утратило свое землевладѣльческое значеніе и стало особымъ сословіемъ знатныхъ и богатыхъ владѣльцевъ, но приказныхъ или придворныхъ, а не земскихъ людей. Въ концѣ XVII столѣтія древнихъ боярскихъ и княжескихъ родовъ было уже очень мало: почти всѣ вымерли или такъ обѣднѣли, что старинныхъ вотчинъ за ними оставалось очень мало. Аристократическій классъ состоялъ тогда изъ немногихъ фамилій, къ которымъ прибавилось еще нѣсколько знаменитыхъ

своими богатствами людей, вышедшихъ изъ торговаго и промышленнаго сословія, какъ Строгоновы, Демидовы, Пашковы и т.-п., которые нажили свое состояніе собственнымъ трудомъ и своими оборотами. Но вся аристократія, вышедшая въ XVIII вѣкѣ и обогащенная царскими подарками, была совершенно чужда не только простому народу, но и среднему разряду помѣстныхъ дворянъ. Знатныя особы временъ Екатерины и Александра жили при дворѣ, изрѣдка выѣзжали въ свои подмосковныя усадьбы, удалялись въ деревни только въ случаѣ опалы или наказанія, объяснялись по-французски легче, чѣмъ по-русски, переходили цѣлыми фамиліями въ католическую вѣру, воспитывали дѣтей въ іезуитскихъ школахъ, подсмѣивались надъ провинціалами и щеголяли полнѣйшимъ своимъ отчужденіемъ отъ нравовъ и обычаевъ своего отечества. И имъ-то принадлежали почти цѣлая четверть земель Европейской Россіи и не менѣе половины крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ царствованіе Александра I и Николая I помѣстное и крѣпостное право оставалось неподвижно въ великороссійскихъ губерніяхъ, но въ остзейскомъ краѣ и Польшѣ была дарована крестьянамъ личная свобода безъ земли. Кн. Васильчиковъ замѣчаетъ при упоминаніи этого факта, что хорошо, «что, по неисповѣдимому Божьему промыслу, благодѣяніе это миновало Россію, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что если бы благіе виды либераловъ того времени случились въ началѣ столѣтія, то русскіе крестьяне очутились бы на волѣ изгнанными съ своей земли». Въ этотъ 50-лѣтній періодъ времени крестьяне оставались такими же безправными, какъ и въ XVIII в., и особенно страдали оттого, что большинство крупныхъ землевладѣльцевъ, пропитанныхъ благоговѣніемъ къ польскимъ и нѣмецкимъ управляющимъ, сами жили на Петергофской дорогѣ или на Каменномъ островѣ въ дачахъ, построенныхъ изъ барочнаго лѣсу, предоставляя крестьянъ на произволъ своихъ middlemen'овъ, о которыхъ мы скажемъ по-подробнѣе при изложеніи англійскихъ учрежденій. Эти middlemen'ы вмѣшивались даже въ дѣла мірского управленія. И по поводу этого явленія тоже можно благодарить небо, что ихъ оказывается не очень много. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ Кеппеномъ, въ 1834 году, нашей дворянской знати, обладающей помѣстьями въ 1,000 и болѣе душъ, было не болѣе 1,453 человѣка, но за ними 3.556,959 ревизскихъ душъ, около $^1/_3$ всѣхъ крѣпостныхъ, а въ средней сложности приходилось на каждаго владѣльца по 2,461 крестьянину, что равняется доходности 24,610 руб. Къ нимъ примыкали 2,273 помѣщика, но

владѣніи которыхъ состояли 1.562,831 крестьянинъ; среднимъ числомъ по 687 ревизскихъ душъ и съ 6,870 руб. доходности. За этими крупными собственниками, владѣвшими вмѣстѣ съ первыми почти цѣлою половиною всего крѣпостного населенія, слѣдуетъ другой рядъ помѣщиковъ, владѣвшихъ отъ 100 до 500 душъ, среднимъ числомъ по 217 въ которомъ считалось 16,740 дворянъ и 4.634,194 крѣпостныхъ. Этотъ слой дворянскихъ фамилій жилъ не при дворѣ, хотя между ними были и столбовые боярскіе роды; служилъ онъ не въ гвардіи, а въ арміи, въ провинціи, но не въ столицахъ,—нравы ихъ были нѣсколько грубы и обхожденіе съ крестьянами иногда очень крутое. Но въ 40—50 годахъ упрекъ этотъ уже относился къ старому, отживавшему поколѣнію или къ немногимъ отставнымъ генераламъ и маіорамъ, которые вынесли изъ тогдашней военной службы преувеличенное пристрастіе къ дисциплинѣ. Молодое поколѣніе этихъ помѣщиковъ средней руки были, въ огромномъ большинствѣ, люди хотя и неглубоко образованные, воспитанники кадетскихъ корпусовъ, но съ нравами мягкими, съ образомъ мыслей добродушнымъ; радушные, гостепріимные и разгульные, они уживались довольно мирно и согласно съ своими крестьянами, потому что раздѣляли бо́льшую часть ихъ слабостей и пороковъ. Между ними начинали появляться и люди совершенно другого закала, съ серьёзнымъ образованіемъ, съ душевнымъ желаніемъ улучшить и облагородить сельско-хозяйственный бытъ, и эти немногіе, скромные и бѣдные землевладѣльцы получали въ своихъ околоткахъ большое вліяніе на крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, это среднее помѣстное сословіе стояло къ народу ближе, чѣмъ всѣ прочія сословія, знало его нужды и пользы лучше, чѣмъ правительство, и управляло крестьянами хотя и хуже, безпорядочнѣе, но несравненно мягче, снисходительнѣе, чѣмъ управители крупныхъ землевладѣльцевъ; они были имъ менѣе ненавистны, чѣмъ иностранные вводители иностранныхъ порядковъ, спѣсивые, недоступные, остзейскіе агрономы и поляки, всѣ поголовно считавшіеся крестьянами измѣнниками и врагами въ вотчинахъ, которыми управляли. Хуже всего было положеніе крестьянъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, гдѣ они обращены были почти въ батраковъ и годовыхъ рабочихъ; но число этихъ крестьянъ было незначительно: у 42,978 помѣщиковъ было 339,586 ревизскихъ душъ. Было еще 106 тысячъ мелкихъ помѣстныхъ дворянъ, но изъ нихъ 17,000 вовсе не имѣли земли и владѣли только людьми, приписанными къ домамъ; 58,000 другихъ владѣли среднимъ числомъ по 77 ревизскихъ душъ,—и 31,000 остальныхъ владѣли по 49 душъ. Эти послѣд-

ніе, этотъ разрядъ дворянъ, по размѣрамъ своихъ владѣній, по своему состоянію и по образу жизни, стоялъ ближе къ крестьянству, чѣмъ къ знатному столичному дворянству; тѣ немногіе изъ нихъ, старики и убогіе, которые жили въ своихъ усадьбахъ и занимались хлѣбопашествомъ, ничѣмъ не отличались въ своемъ хозяйственномъ быту отъ зажиточныхъ крестьянъ. Люди бодрые и молодые искали другихъ занятій и промысловъ и, получивъ кое-какое воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, въ уѣздныхъ школахъ, поступивъ на службу въ армію, или въ канцеляріи губернскихъ присутствій, вскорѣ забывали свое дворянское происхожденіе, содержали себя личнымъ трудомъ, службой и скуднымъ жалованьемъ, и составляли такимъ образомъ въ средѣ дворянства огромнѣйшее большинство, въ 84% родовитыхъ, но бѣдныхъ дворянъ, вовсе чуждыхъ интересамъ прочихъ помѣщиковъ и питающихъ къ нимъ чувства болѣе враждебныя, чѣмъ сами крестьяне. Въ послѣднее время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ мелкопомѣстные и безпомѣстные дворяне сдѣлали огромные успѣхи въ образованіи, едва ли не бо́льшіе, чѣмъ высшее дворянство. Пользуясь образовательными средствами, сосредоточенными въ столицахъ и городахъ, молодые люди проходили высшіе учебные курсы, и изъ нихъ постепенно набирались ученые, литераторы, художники, армейскіе офицеры и гражданскіе чиновники, дворяне по роду и племени, но составлявшіе главную оппозицію противъ крѣпостного права и преобладанія крупнаго землевладѣнія.

IV.

Обратимся теперь къ важнѣйшей части сочиненія кн. Васильчикова—той, гдѣ онъ сравниваетъ всѣ данныя и порядки русскаго землевладѣнія прежнихъ временъ и нынѣшнихъ, существующихъ уже около 15-ти лѣтъ.

Въ 1836 году, дворянъ-помѣщиковъ было 109,340 семействъ; въ самый моментъ изданія «Положенія о крестьянахъ» число это состояло (1858) изъ 100,247; число мелкопомѣстныхъ (до 100 дес.) уменьшилось на 12,360, число среднепомѣстныхъ (100—500) увеличилось на 3,190, а крупнопомѣстныхъ увеличилось на 77. Но при болѣе подробномъ разсмотрѣніи этихъ данныхъ оказывается, что дѣйствительно увеличилось только одно среднее, потому что крупное землевладѣніе въ продолженіи 22 лѣтъ увеличилось только по числу владѣльцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно лишилось въ это время 599,461 души, то-есть около 11% всѣхъ

принадлежавшихъ ему земель. Среднее помѣстное сословіе увеличило и свое крестьянское владѣніе на 291,008 душъ. Этотъ фактъ можно признать, какъ выраженіе искусственности созданія такого рода землевладѣнія, которое создалось путемъ пожалованій. По свѣдѣніямъ, собраннымъ редакціонными коммиссіями и министерствами государственныхъ имуществъ и удѣловъ, число дворянъ-помѣщиковъ въ 1861 году нѣсколько увеличилось въ сравненіи съ 1858 годомъ: 103,158, которымъ принадлежало, за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ, 82.466,000 десят. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ губернаторовъ для податной коммиссіи, число всѣхъ помѣстныхъ владѣльцевъ внезапно возрасло втрое, и показывается въ 41 губерніи въ 313,529 (по 8-ми губерніямъ свѣдѣній не получено). Вычитая изъ этого числа 103,158 дворянъ, мы получимъ 210,351 землевладѣльца, непринадлежащихъ дворянству. По свѣдѣніямъ губернаторовъ, крупныхъ владѣльцевъ (имѣющихъ болѣе 1,000 десят.) 14,822 съ 48.174,727 дес.; среднихъ (отъ 100 до 1,000 дес.) 56,320 съ 16.995,409 дес.; мелкихъ (менѣе 100 дес.) 242,397 съ 4.546,461 дес. На каждаго владѣльца приходится, поэтому, по 3,297 дес., 298 дес. и 19,16 дес.; слѣдовательно, пропорція между ними будетъ 6%, 17% и 77%. Низшій разрядъ мелкихъ владѣльцевъ обладаетъ въ среднемъ выводѣ такимъ небольшимъ количествомъ земли (около 20 дес.), что его можно было бы причислить къ крестьянскимъ. Землевладѣльческій элементъ поэтому можетъ быть представленъ въ числѣ 71,112 семействъ не однихъ дворянъ, а и другихъ сословій, или около 284,448 жителей обоего пола. Если присоединить сюда и тѣ 8 губерній, откуда свѣдѣній не получено, а также удѣлы съ 5.517,232 дес., то мы получимъ круглымъ числомъ около 80,000 крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ-домохозяевъ, владѣющихъ около 90 милл. десятинъ удобной земли.

Въ городахъ Россіи насчитывается до 8.157,162 жителей обоего пола, но изъ нихъ къ городскимъ сословіямъ принадлежитъ не болѣе 4.794,175. Среди этихъ лицъ было 477,009 владѣльцевъ домами и другими недвижимыми имуществами. Кн. Васильчиковъ насчиталъ 207 городскихъ поселеній, гдѣ общественныхъ земель приходится болѣе одной десятины на ревизскую душу; въ нѣкоторыхъ городахъ городскія земли составляютъ огромныя площади въ 80,000 дес. Въ 374 городахъ общественной земли болѣе 10 тыс. дес.; всѣхъ городовъ считается 599; мѣстечекъ, посадовъ и заштатныхъ городовъ: 1,608; дворовъ во всѣхъ городахъ 534,872, домохозяевъ 477,009 или

около 3 мил. душъ обоего пола. Общественныя земли въ городахъ потребляются по большей части на земледѣліе: это или пашни, или огороды на общинномъ правѣ. Итакъ, городскіе жители и по составу своего населенія, и по мірской формѣ землевладѣнія, и по промысламъ сливаются съ сельскимъ бытомъ, такъ что князь Васильчиковъ остается въ недоразумѣніи, почему въ городахъ заведены особые порядки для административнаго и хозяйственнаго управленія.

Самый крупный элементъ въ русскомъ землевладѣніи составляютъ земли 22.554,583 ревизскихъ душъ, по 5,1 десятины на каждую — 116.103,720 дес. Помѣщичьи крестьяне, въ числѣ 9.795,163 (по другимъ свѣдѣніямъ 10.682,400), владѣли въ 1861 году 35,779,014 дес., что составляетъ на душу 3,6. Къ 1-му январю 1872 года число крестьянъ, выкупившихъ земли, было 6.600,206, а число десятинъ выкупленной земли 23.078,545, на душу 3,5. Такимъ образомъ оказывается, что, несмотря на право отрѣзки, предоставленное помѣщикамъ, которымъ они и воспользовались въ многоземельныхъ губерніяхъ очень широко, и несмотря на право такъ-называемаго дарового надѣла, примѣненнаго въ обширныхъ размѣрахъ въ саратовской и другихъ степныхъ губерніяхъ и уменьшившаго пространство крестьянскихъ угодій на $^3/_4$, — несмотря на это, въ общемъ итогѣ выкупленныя земли почти равняются среднему числу десятинъ, бывшихъ въ пользованіи у крѣпостныхъ. Самое замѣчательное пониженіе средняго душевого надѣла произошло въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне соблазнились даровымъ надѣломъ: въ саратовской губерніи средній надѣлъ уменьшился на душу на 0,65 десятинъ, въ воронежской столько же, въ екатеринославской на 0,54. Увеличеніе надѣловъ послѣдовало преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земли имѣютъ мало цѣнности: въ астраханской на 2,31 дес. на душу и въ оренбургской на 1,68. Такъ какъ можно ожидать, что и дальнѣйшій выкупъ пойдетъ тѣмъ же путемъ, то вѣроятно, что всѣ 35 мил. десятинъ крестьянской земли немного измѣнятся послѣ полнаго освобожденія. Земли удѣльныхъ крестьянъ (861,740 ревизскихъ душъ) никакимъ отрѣзкамъ не подвергались; они владѣютъ по прежнему 4,336,454 дес., или по $5^3/_4$ дес. на душу. Государственные крестьяне тоже сохранили по владѣннымъ записямъ всѣ земли, на которыхъ они сидѣли. Этихъ крестьянъ считается 9.246,891 душа, и они владѣютъ 64.985,011 дес. или на одну ревизскую душу по 7,2 десятины. Колонистамъ принадлежитъ 2.000,000 дес.; а крестьянамъ, имѣющимъ собственныя земли, невключенныя

въ мірской надѣлъ, принадлежатъ, среди государственныхъ крестьянъ, 2.003,465 десятинъ.

По другимъ исчисленіямъ, заимствованнымъ изъ новѣйшихъ оффиціальныхъ источниковъ (1872 г.), общее распредѣленіе землевладѣнія распредѣляется такимъ образомъ:

Земель помѣщичьихъ за надѣломъ крестьянъ. . .	63.734,697 дес.
Сельскаго податного сословія, т.-е. крестьянъ всѣхъ наименованій	746.103,720 „
Удѣльныхъ крестьянъ	5.517,232 „
Прочихъ владѣльцевъ и городовъ.	24.654,991 „

Всѣ эти земли облагаются государственнымъ земскимъ сборомъ и, слѣдовательно, принадлежатъ къ удобнымъ землямъ. Въ нихъ не включены земли, состоящія на льготномъ положеніи казацкія:—около 40 мил. дес. и колонистскія—около 2 милл. Вмѣстѣ съ другими крестьянскими землями онѣ составляютъ около 158 милл. Если считать крестьянскимъ владѣніемъ такое, которое болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ собственнымъ рабочимъ силамъ одной крестьянской семьи, то изъ 93 милл. дес. земель частнаго владѣнія нужно исключить 4 милл. десятинъ мелкихъ частныхъ участковъ, которые, какъ мы видѣли, составляли по 19 дес. на каждаго владѣльца, и также 1.700,000 дес. городскихъ земель, состоящихъ въ пользованіи всѣхъ городскихъ обывателей. Въ такомъ случаѣ мелкаго владѣнія, крестьянскаго и городского—будетъ 164 милл. десятинъ, а средняго и крупнаго, частныхъ и удѣловъ 88 милл. Наконецъ, слѣдуетъ еще принять одну группу земель, которую составляютъ казенныя земли и лѣса,—205.319,525 дес., изъ коихъ 125 милл. удобныхъ. Во Франціи число мелкихъ крестьянъ-собственниковъ очень велико, почти въ десять разъ больше числа среднихъ и крупныхъ владѣльцевъ; но по пространству и доходности владѣнія послѣдніе имѣютъ перевѣсъ надъ первыми, и богатая французская буржуазія въ соціальномъ отношеніи имѣетъ несравненно болѣе вѣса и вліянія, чѣмъ французское крестьянство. Въ Россіи и по числу домохозяевъ, и по пространству и цѣнности владѣній крестьянскій элементъ является преобладающимъ во всѣхъ *коренныхъ* русскихъ земляхъ. Крестьянъ всѣхъ наименованій считается 23 милл. ревизскихъ душъ и между ними 7.220,788 крестьянскихъ дворовъ, составляющихъ каждый отдѣльное хозяйство; частныхъ владѣльцевъ около 350,000 въ 41 губерніи. Въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ (30), гдѣ введены земскія учрежденія, земли, принадлежащей крестьянамъ, считалось 70.285,923 дес., а земли

землевладѣльцевъ вмѣстѣ съ казной и удѣломъ состоять въ 73.157,127 дес. Замѣчательно, что удобныхъ земель у помѣщиковъ, въ казнѣ и въ удѣлахъ прежде, при крѣпостномъ порядкѣ, показывалось 40% и 30%, а крестьянскихъ только 20%. Когда же потребовалось обложить сборомъ, то количество удобныхъ земель вдругъ измѣнилось: крестьянскіе изъ 20% стали 50, а помѣщичьи, казенныя и удѣльныя стали изъ 40 и 30 вмѣстѣ тоже 50; всѣ свои лѣса они объявили дикими пустошами, неприносящими будто бы никакого дохода.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ очевидно, что крестьянскія владѣнія составляютъ въ Россіи бо́льшую часть поземельной собственности, какъ по числу хозяйства и домочадцевъ, такъ и по количеству земли; такое же превосходство они имѣютъ и относительно ихъ цѣнности и доходности, какъ это видно изъ того факта, что въ промышленныхъ и хлѣбородныхъ губерніяхъ преобладаетъ крестьянское владѣніе, крестьянскія земли, а владѣльческія имѣнія преобладаютъ въ лѣсной и степной полосахъ. Въ черноземной полосѣ пашни и луга должны быть оцѣнены, по крайней мѣрѣ, втрое противъ земель лѣсной полосы.

Весьма важно знать также, какъ совершается переходъ земель изъ помѣщичьихъ родовъ къ другимъ собственникамъ; упадокъ помѣстнаго сословія и распродажа помѣщичьихъ имѣній начались уже во времена крѣпостного періода. Послѣ 1861 года продажа имѣній, въ цѣломъ составѣ, происходила по прежнему лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ потому, что въ сѣверной и восточной полосѣ Россіи есть недостатокъ въ покупщикахъ, а въ центральной и южной—недостатокъ въ продавцахъ. Въ первой полосѣ, за надѣломъ крестьянъ, остались въ распоряженіи владѣльцевъ лишь запольныя пашни, горные луга и лѣсныя дачи; эти послѣднія, какъ самыя цѣнныя земли имѣній, были распроданы на срубъ въ теченіи перваго десятилѣтія (1861—1870). Съ вырубленными лѣсами имѣнія лишились всякой цѣнности. Въ другой полосѣ продажа цѣлыхъ имѣній прекратилась, потому что при постепенномъ возвышеніи цѣнъ на земли владѣльцы стали въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать къ залогу ихъ въ поземельныхъ банкахъ и запрашивать непомѣрно высокія цѣны. Но въ то же самое время по всей Россіи открылась значительная распродажа помѣщичьихъ земель крестьянамъ мелкими участками. Въ сѣверной и восточной Россіи, гдѣ крестьяне пользовались, во время крѣпостного права, всѣмъ пространствомъ помѣщичьихъ и казенныхъ земель, и полнымъ привольемъ относительно распашки и лѣсовъ, и гдѣ они получили большіе на-

дѣлы и гдѣ, при введеніи уставныхъ грамотъ, почти во всѣхъ имѣніяхъ были произведены въ значительныхъ размѣрахъ отрѣзки земель, причемъ ближайшія навозныя пашни поступали въ надѣлъ крестьянамъ,—сперва помѣщики возставали противъ этого, но потомъ увидѣли, что эти отрѣзки земли оказались крайне нужными для крестьянъ, такъ какъ эти безплодные отрѣзки мѣшали проѣзду крестьянъ и прогону ихъ скота. Землевладѣльцы изъ числа отсутствующихъ и незанимающихся хозяйствомъ спѣшили продать эти отрѣзки какъ можно дешевле, но другіе, болѣе предусмотрительные и разсчетливые люди, стали сдавать эти отрѣзки въ срочное содержаніе, т.-е. въ аренду, и такимъ образомъ устроили себѣ неожиданные доходы. Крестьяне платили большія суммы, чтобы пріобрѣсть эти отрѣзки въ свою собственность. Въ южной черноземной полосѣ помѣщики тоже нашли удобнымъ сдавать въ аренду крестьянамъ мелкія земли, но въ скоромъ времени потомъ аренды стали возвышаться, и когда дошли съ одного рубля за десятину до 6 и 7, то тутъ нахлынули мѣстные купцы, воспользовавшіеся этимъ обстоятельствомъ, чтобы скупать или арендовать земли большими участками, или, раздѣляя ихъ на мелкіе участки, сдавать въ аренду крестьянамъ, собирая съ нихъ огромные проценты. И иногда бывало, что крестьяне покупали земли подъ бѣлотурку по 80—90 и даже 100 руб. за десятину. Такимъ образомъ, всѣ сколько-нибудь удобныя земли, пашенныя, и луговыя стали быстро повышаться въ цѣнѣ, а всѣ тѣ земли, которыя были уничтожены хищническою культурою прежнихъ лѣтъ, сильно понизились и даже остались заброшенными. Всѣ дикія пустоши и лѣсныя дачи, которыя остались невырубленными, получили огромную, двойную и тройную цѣнность противъ прежней. Такимъ образомъ, всѣ земли, которыя могутъ служить хлѣбопашеству и не истощены во времена крѣпостного права, всѣ онѣ поднялись въ цѣнѣ. То же самое сдѣлалось и съ арендными платами.

Въ сѣверной полосѣ, отъ Пскова до Казани, и отъ Костромы до Калуги долгосрочныхъ арендъ вовсе нѣтъ, а краткосрочныя и по-годныя очень умножились: на одно, два или три слѣтья по словеснымъ сдѣлкамъ, засвидѣтельствованнымъ (если желаютъ владѣльцы) въ волостномъ правленіи. Но такая культура быстро истощила всѣ эти земли, а арендная плата поднималась только на цѣлинахъ и луговыхъ, поемныхъ угодьяхъ; на всѣхъ же истощенныхъ земляхъ она, напротивъ, понижалась. Вообще говоря, въ сѣверной полосѣ Россіи, гдѣ почвенный слой мелкій и тощій, и гдѣ рабочаго времени мало, плодородіе можетъ быть

обезпечено только правильною культурою, съ сильнѣйшимъ удобреніемъ. Но при такихъ хищныхъ арендахъ, какія тамъ теперь совершаются, цѣны на земли должны продолжать падать не только отъ прежняго, крѣпостного хозяйства, но и теперешняго, когда еще сильнѣе рубятъ лѣса или жгутъ ихъ подъ лядины, и когда земли сдаются подъ рѣзку или 3—4-лѣтніе посѣвы льна безъ навоза. Теперь уже идутъ въ дѣло послѣднія цѣлины и старыя залежи отъ льна (дербаки), всѣ онѣ сдаются подъ ленъ, луга распахиваются, лѣса вырубаются, и громадныя цѣны, установившіяся на эти новыя земли и поемные луга (20, 30, 40 руб. арендной платы) суть не что иное, какъ печальные предвѣстники близкаго истощенія почвы. Если мы подвинемся еще далѣе къ сѣверу и сѣверо-востоку, то перейдемъ линію земледѣльческой полосы и вступимъ въ край тундръ и лѣсовъ: олонецкая, вологодская, архангельская, отчасти пермская и вятская. Здѣсь земледѣліе перестаетъ быть промысломъ и служитъ только подспорьемъ къ другимъ занятіямъ: звѣроловству, рыболовству, лѣснымъ сплавамъ и т. п. Край этотъ однако, въ отношеніи средней зажиточности крестьянъ, выше смежныхъ съ нимъ уѣздовъ новгородской, тверской, псковской и смоленской, чтó надо приписать тому, что здѣсь было меньше помѣщичьихъ крестьянъ и что здѣшніе казенные крестьяне платили меньше податей и владѣли надѣломъ вдвое бóльшимъ... Такими же промышленными губерніями слѣдуетъ считать еще одну группу нечерноземной полосы: ярославскую, владимірскую, калужскую, московскую и др. Здѣсь земледѣліе вытѣсняется дурнымъ качествомъ почвы и болѣе выгодными промыслами: фабричными, кустарными, отхожими и др. Во владимірской губерніи были случаи, что цѣлыя деревни въ полномъ составѣ сельскаго общества передавали ее въ удѣльное вѣдомство и переписывались въ мѣщанство. Но замѣчательно, что гдѣ наиболѣе развита фабричная промышленность, напр., въ селѣ Ивановѣ, около города Шуи, жители вовсе не отличаются своимъ благосостояніемъ отъ другихъ мѣстностей, чисто-земледѣльческихъ. Земледѣліе здѣсь—побочное занятіе,—оно сдано женщинамъ, подросткамъ и слабымъ крестьянамъ; бодрые и здоровые люди идутъ на промыслы или круглый годъ торгуютъ въ другихъ мѣстахъ, пріѣзжая къ своимъ семьямъ только на побывку: это офени, разнощики, красноторговцы, коробейники,—всѣ они выѣзжаютъ изъ владимірской и калужской губерній.

Въ черноземной полосѣ земледѣліе находится несомнѣнно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ прочихъ краяхъ Россіи. Тутъ есть довольно густое населеніе и глубокій слой плодороднѣйшаго

чернозема, то-есть именно тѣ условія, которыя должны обезпечить процвѣтаніе сельскаго хозяйства, хлѣбородную почву и обиліе рабочей силы.

Въ этой полосѣ Россіи арендованіе земель имѣетъ совершенно иной характеръ, и приняло въ послѣднее время другое направленіе. Подъ этой полосой слѣдуетъ разумѣть хлѣбородныя губерніи, лежащія на югъ отъ Москвы, отъ Симбирска и до запада волынской и подольской губерній. Здѣсь арендованіе устроилось быстро и стало главнымъ промысломъ крестьянъ, выгоднымъ для землевладѣльцевъ.

Въ крайней восточной группѣ губерній: саратовской, симбирской и части нижегородской, а также въ дальнѣйшихъ уѣздахъ самарской, аренда приняла особенный характеръ. Въ *самарской* губ. все земледѣліе находится въ рукахъ крестьянъ; въ ставропольскомъ уѣздѣ крестьяне арендуютъ ежегодно до 900,000 десятинъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше земля попадаетъ въ руки арендующихъ крестьянъ; въ юго-восточныхъ уѣздахъ крестьяне арендуютъ киргизскія земли до крайнихъ предѣловъ безводныхъ степей и песковъ каспійскаго поморья. Здѣсь крестьяне стараются пріобрѣсть долгосрочную аренду, отдѣльные хозяева берутъ отъ 10 до 30 дес. и даже до 100, но въ большей части случаевъ крестьяне дѣйствуютъ цѣлыми мірскими обществами и истребляютъ разомъ по 2—5 тыс. десятинъ самой лучшей земли, цѣлины и старыя залежи. Цѣны на земли, разумѣется, повысились: въ десятилѣтіе (1858—68) съ 20 коп. за десятину до 3 руб. Такое положеніе дѣлъ привлекло сюда массу спекулянтовъ изъ купцовъ, и они захватили всѣ земли отъ удѣловъ и помѣщиковъ, перебивъ предложенія крестьянскихъ обществъ. Купцы наживаютъ иногда на этой арендѣ по 75% съ арендной платы, а крестьяне платятъ купцамъ отступного отъ 10 до 30%. Неразсудительные, хотя сановитые владѣльцы этихъ земель растрачиваютъ купеческія деньги на балы и разныя аристократическія увеселенія въ Петербургѣ, а удѣльное вѣдомство вполнѣ довольно, что ему не нужно больше заботиться объ этихъ земляхъ. Между тѣмъ земли эти, въ продолженіи десяти лѣтъ (до 1868—70 годовъ) до такой степени истощали и сдѣлались негодными, что вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, который привелъ всю эту страну, въ 1873 году, къ небывалому голоду крестьянскаго населенія. Ясное дѣло, что весь трудъ крестьянскій оказался совершенно безплоднымъ, и въ концѣ-концовъ они остались не при чемъ и дали только своими разсказами объ ужасныхъ бѣдствіяхъ ихъ голодной жизни удобный поводъ къ выраженію

въ обществѣ своего сочувствія и къ разнымъ пререканіямъ въ прессѣ и между земствами и правительственными сферами. Всѣхъ обвиняли, но главныхъ виновниковъ оставили въ сторонѣ, и самъ вопросъ былъ, наконецъ, преданъ волѣ Божіей—во всемъ виноваты неурожаи.

Въ остальныхъ губерніяхъ этой группы крестьяне арендовали непосредственно у самихъ помѣщиковъ и удѣльнаго вѣдомства; но здѣсь проявилось быстрое возвышеніе арендныхъ цѣнъ, вслѣдствіе малоземелья крестьянъ, созданнаго такъ-называемымъ «даровымъ надѣломъ», т.-е. $^{1}/_{4}$ нормальнаго надѣла уступали даромъ. Эту ловкую приманку устроили крупные и знатные собственники, владѣвшіе въ этихъ краяхъ большими имѣніями. Такимъ образомъ, лишенные достаточнаго надѣла, крестьяне попали въ руки землевладѣльцевъ, которые, отдавъ имъ $^{1}/_{4}$ надѣла даромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ повысили цѣны за тѣ земли, которыя должны были сдѣлаться крестьянскими, и теперь всѣмъ этимъ крестьянамъ приходится платить за свои прежнія пашни по цѣнѣ, возрастающей съ каждымъ годомъ: то, что̀ стоило въ 1864 году 3 рубля, стоило въ 1872 году 7 рублей.

Въ слѣдующей полосѣ, настоящей *черноземной*, отъ Волги къ западу, состоящей изъ губерній, группирующихся между Рязанью и Тулою до Курска и Харькова, среднія продажныя цѣны земли почти удвоились въ 10—15 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринославской и таврической губерній онѣ утроились, а въ ѳеодосійскомъ уѣздѣ учетверились. Въ прочихъ губерніяхъ повышеніе шло съ 1861 до 1872, ежегодно увеличиваясь на 10—15 процентовъ, но вслѣдствіе неурожаевъ (!) 1872—1874 годовъ движеніе это пріостановилось. Долгосрочныхъ арендъ здѣсь нѣтъ: съёмщиками являются лишь мѣстные крестьяне или крестьянскія общества; сдѣлки годовыя и словесныя съ самими владѣльцами на отдѣльные участки. Здѣсь бываетъ и такъ (въ орловской, курской и др.), что сельскія общества берутъ въ аренду на 6—9 лѣтъ участками въ 300—600 десятинъ; цѣны тогда стоятъ довольно высокія, 5—6 рублей, и требуется трехъ-лѣтній сѣвооборотъ, съ паромъ включительно. Мѣстные дворяне отзываются о крестьянскихъ арендаторахъ, какъ о наиболѣе исправныхъ плательщикахъ. Аренда луговъ дорожаетъ гораздо больше пашенъ: за луга платятъ вдвое и даже больше.

Еще далѣе къ западу, въ черноземной полосѣ, въ Малороссіи и юго-западномъ краѣ, являются долгосрочныя аренды, которыя принимаютъ уже характеръ не оброчный, а настоящихъ аренд-

ныхъ условій, фермерства, формальныхъ контрактовъ; съёмщиками земли здѣсь являются не одни крестьяне и сельскія общества, но бóльшею частью лица другихъ сословій, польскіе мелкіе дворяне, шляхтичи и евреи,—у евреевъ арендъ всего больше, и чѣмъ дальше пойти къ западной границѣ, тѣмъ сильнѣе преобладаніе евреевъ. Несмотря на запрещеніе закона, они заключаютъ контракты на чужое имя на долгое время, на выгодныхъ условіяхъ, и, имѣя мало наклонности къ сельскому хозяйству, эксплуатируютъ имѣнія въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, извлекая и выжимая изъ почвы и землевладѣльцевъ ихъ соки и силы. Долгосрочныя аренды вытѣсняютъ совершенно мелкихъ съёмщиковъ, крестьянъ; въ подольской губерніи помѣщичьи земли сдаются крестьянамъ не иначе, какъ за часть урожая, причемъ часть въ пользу владѣльца годъ-отъ-году увеличивается. Въ великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне принимаютъ такія условія лишь по безденежью: въ харьковской губерніи они отдаютъ $^1/_3$ урожая, въ самарской одинъ мѣшокъ бѣлотурки въ 8 мѣръ, въ волынской они берутъ въ свою пользу часто $^2/_3$, а иногда и $^3/_4$ всего урожая зерна и соломы... Цѣны аренды и здѣсь повышаются, но не такъ быстро, какъ въ восточныхъ и центральныхъ губерніяхъ: въ волынской и подольской губ. они стоютъ 4—6 рублей, а въ кіевской 4—$4^1/_2$; лѣтъ шесть или десять тому назадъ, онѣ считались 3 рубля; въ этомъ отношеніи большое вліяніе можетъ имѣть, съ одной стороны, сама долгосрочная система арендованія посредствомъ крупныхъ съёмщиковъ,—съ другой, спекулятивные обороты ловкихъ евреевъ, причемъ возвышеніе арендныхъ цѣнъ становится гораздо слабѣе, чѣмъ возвышеніе продажныхъ цѣнъ. И рента владѣльцевъ, и заработная плата рабочихъ, такимъ образомъ, отбираются самымъ выгоднымъ образомъ для арендаторовъ.

Къ сѣверу отъ черноземной полосы идутъ полосы бѣлорусскихъ губерній и остзейскаго края. Здѣсь господствуетъ подворное и участковое владѣніе; здѣсь земли наслѣдуются сыновьями отъ отцовъ преемственно и бóльшею частью по первенству,—дворы составляютъ цѣльныя нераздѣльныя имущества, имѣющія опредѣленную норму: гуфу и уволоку. Здѣсь существуютъ жалобы о разстройствѣ сельскаго хозяйства вслѣдствіе политическихъ смутъ 1863 года, на контрибуціонный сборъ съ имѣній поляковъ, и на сервитуты и черезполосность помѣщичьихъ дачъ съ крестьянскими. Слаба также правительственная мѣра надѣлить всѣхъ прежнихъ батраковъ, неимѣвшихъ земли, только тремя десятинами на семейство; сами землевладѣльцы виленской и ко-

венской губерніи вполнѣ признають, что эти крестьяне попали въ жалкое и невыгодное положеніе: «они на своихъ участкахъ содержатъ одну корову и нѣсколько овецъ, рабочій скотъ нанимаютъ у крестьянъ-хозяевъ изъ-за дней, отработываемыхъ лѣтомъ, теряя, такимъ образомъ, половину рабочей лѣтней поры; другая половина издерживается на собственномъ хозяйствѣ, и только позднею осенью они могутъ отыскивать вольно-наемную работу, необходимую для ихъ существованія». Этихъ батраковъ существуетъ въ ковенской губерніи 110,800 душъ; остальные крестьяне, 208,000 душъ, имѣютъ или подворные участки въ $17^1/_2$ десятинъ, или душевой надѣлъ въ $6^1/_2$ десятинъ. Нормальная величина ковенской уволоки опредѣлена русскимъ правительствомъ въ 20 десятинъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне проживаютъ не деревнями, а односельями, крестьянскіе участки превышаютъ нормальную величину и достигаютъ до 100 десятинъ, а иногда и болѣе. Въ деревняхъ же вмѣстѣ съ уволочными участками нерѣдко усматриваются полуволочные (въ 10 десятинъ) и огородные... Остальная треть крестьянъ—это батраки (годовые работники), кутники и бобыли, неимѣющіе никакой собственности и живущіе личнымъ трудомъ въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствахъ; кутники имѣютъ, правда, собственныя усадьбы, но воздвигнутыя на клочкахъ чужой земли, за нихъ несутъ тяжкія повинности въ пользу хозяевъ: «одинъ видъ этихъ усадьбъ», кто видѣлъ ихъ, «возбуждаетъ величайшее состраданіе». Батраки 1-го разряда, полные, получаютъ не болѣе 25—30 рублей въ годъ жалованья и облагаются сельскими сходами отъ 5 до 8 рублей на пополненіе однихъ подушныхъ податей; батраки-мальчики, пастухи получаютъ въ годъ по 5 и не болѣе 10 рублей, и съ нихъ берутъ оклада 2 рубля; въ неурожайные и безпокойные годы, всѣ безземельные крестьяне лишаются и этихъ скудныхъ заработковъ, и тогда наступаетъ голодъ, какъ это было въ смутное время 1862—1863 годовъ и въ неурожайные 1867—1868. Крестьяне, получившіе хорошіе надѣлы, пользуются относительнымъ благосостояніемъ. Несчастное положеніе бѣлорусскихъ и литовскихъ крестьянъ усугубляется еще тѣмъ, что всѣ промыслы находятся въ рукахъ евреевъ.

То же самое видимъ мы и въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ нѣмецкое дворянство, не подражая легкомысленнымъ польскимъ панамъ, затѣявшимъ политическія смуты, чтобы отстоять свои владѣльческія права, — въ тоже время умѣло, другими средствами, завладѣть бóльшею частью крестьянскихъ земель. Выкупа земель въ остзейскомъ краѣ не было; тамъ была вольная

продажа, зависѣвшая вполнѣ отъ благоусмотрѣнія помѣщиковъ. Когда законъ 1863 года объявилъ о пріобрѣтеніи крестьянами въ собственность арендныхъ участковъ, продажныя и арендныя цѣны внезапно возвысились, и притомъ такимъ образомъ, что занятые крестьянами подворные участки продавались на 30—35% дороже, чѣмъ участки, продаваемые по вольнымъ сдѣлкамъ. Въ крестьянскомъ дворѣ, въ курляндской губерніи, считается среднимъ числомъ по 42—56 десятинъ; это значитъ 3,360—5,400 рублей. Купить такой участокъ могутъ только очень зажиточные хозяева. Въ лифляндской губерніи арендныя цѣны повысились на 25% въ послѣднія шесть-десять лѣтъ, и среднія цѣны одной десятины стоятъ на 66 рубляхъ; стоимость подворнаго участка колеблется между 2,564 и 4,926 руб. Въ эстляндской губерніи участки меньшихъ размѣровъ, въ 36 десятинъ, и 48 рублей за десятину. Средняя цѣна подворнаго участка около 1728 рублей. Эти цѣны показываютъ, что остзейскому крестьянину трудно стать самостоятельнымъ хозяиномъ. Неудивительно тоже, что продажа крестьянскихъ дворовъ идетъ тамъ очень медленно и туго: всего, съ 1865 года по 1872, продано, изъ общаго числа дворовъ помѣщичьихъ и крестьянъ, въ Курляндіи изъ 11,906—2,556 (21,47%), въ Лифляндіи изъ 36,956—7,080 (19,10%), въ Эстляндіи изъ 26,300—904 (3,43%). Въ Россіи въ разрядъ собственниковъ перешло $^2/_3$ крестьянъ, а въ Прибалтійскомъ краѣ только $^1/_7$. На 10,530 дворовъ крестьянъ-собственниковъ приходится, по средней сложности (944 души на одинъ дворъ), всего около 100,000 душъ, а такъ какъ всѣхъ прибалтійскихъ крестьянъ 685,160, то ясно, что вся остальная часть находится еще на оброчномъ состояніи, и что значительная часть не имѣетъ вовсе земель... Законъ 26 февраля 1870 года предполагалъ надѣлить безземельныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель полными участками въ 12—20 десятинъ и мелкими отъ 3 до 8; послѣдними только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, кромѣ хлѣбопашества, имѣются и другіе промыслы. Но что же вышло изъ этого закона? *Вопреки* этому постановленію (такъ пишетъ самъ курляндскій губернаторъ) отводятся большею частью участки въ 3 десятины и менѣе, и число мелкихъ хозяйствъ размножается выше мѣры, и взысканіе платежей налоговъ годъ отъ году болѣе затрудняется. Губернскій предводитель той же губерніи заявляетъ о неудобствахъ издавна существующаго порядка наслѣдства, «по которому крестьянскія хозяйства преимущественно переходятъ по первородству въ нераздѣльномъ составѣ, причемъ наслѣдникъ, принимающій хозяйство по оцѣнкѣ, обязанъ выплатить капиталъ про-

чимъ членамъ семейства, и часто, когда оцѣнка высока, обременяется неоплатными долгами». Изъ эстляндской губерніи пишутъ, что переходъ земель къ крестьянамъ посредствомъ продажи идетъ медленно, потому что крестьяне этой губерніи менѣе зажиточны, чѣмъ въ другихъ остзейскихъ; что крестьянскіе дворы состоятъ бо́льшею частью изъ черезполосныхъ несплошныхъ земель, и что продажа совершается только тогда, когда крестьянское хозяйство размежевано и округлепо. Наконецъ, въ Лифляндіи крестьяне и сельскія общества постоянно жалуются, что аренда съ хуторовъ доходитъ до непомѣрной цѣны, что земли подъ ленъ платили аренды въ 40—60 р. въ верроскомъ уѣздѣ и 75—80 р. въ дерптскомъ. Но еще болѣе возмущаетъ ихъ одинъ изъ параграфовъ (12-тый) положенія 13 ноября 1860 г., по которому требуется согласіе собственника на установленіе арендной платы; они желали бы нормированія аренды и сроковъ закономъ, точно такъ, какъ оно установлено въ Россіи для временно-обязанныхъ крестьянъ. При нынѣшнихъ порядкахъ, собственники пользуются своею монополіею самымъ безсовѣстнымъ образомъ: то, что продавалось лѣтъ 10 тому назадъ за 90, теперь стоитъ 300, около 75—100 руб. за десятину. Еще одна очень справедливая жалоба на тотъ законъ, которымъ наименьшій размѣръ крестьянскаго двора опредѣленъ въ 30 десятинъ; сельскія общества просятъ его уменьшить до 15—20; въ противномъ случаѣ крестьяне не особенно зажиточные оказываются въ такомъ положеніи, что, не имѣя средствъ выкупить слишкомъ большой подворный участокъ, они бросаютъ свои участки и, или переселяются во внутреннія русскія губерніи, или переходятъ на житье и постой къ другимъ хозяевамъ.

Сельскій пролетаріатъ показался и въ русскихъ губерніяхъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ составляетъ 5, 12 и 15 процентовъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ: явленіе это, повидимому, независимо отъ качества почвы и отъ мѣстныхъ условій вообще.

Есть еще одно обстоятельство, которое всегда гнететъ русскихъ земледѣльцевъ,—это отношеніе прямыхъ налоговъ къ поземельной собственности и къ платежнымъ средствамъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ. Мы уже видѣли, что государство брало налоги съ земли только съ однихъ тяглыхъ крестьянъ, съ земель заселенныхъ и воздѣланныхъ, въ отличіе отъ пустыхъ. Частнымъ владѣльцамъ предоставлено было показывать число своихъ неудобныхъ земель по собственному усмотрѣнію, и такимъ образомъ вся тяжесть поземельныхъ окладовъ легла и лежитъ до сихъ поръ на крестьянскихъ селеніяхъ. Правомъ этимъ воспользовались не

только помѣщики, но и всѣ казенныя вѣдомства. Когда въ 30-ти губерніяхъ были введены земскія учрежденія, то оказалось, что у крестьянъ есть удобныя и заселенныя земли 70.285,923 десятины, и что другимъ вѣдомствамъ: казнѣ, удѣламъ и помѣщикамъ принадлежитъ почти столько же такой же земли: 75.187,129 десятинъ. Со всѣхъ этихъ земель земство собираетъ опредѣленный налогъ почти равными сборами. Но совсѣмъ другое получается, если взять всю массу прямыхъ налоговъ и разныхъ обязательныхъ платежей, выкупныхъ и земскихъ, и общій итогъ жителей по всей имперіи: тогда мы вдругъ приходимъ отъ земскихъ цифръ: 4.811,781 руб. съ крестьянъ и 4.824,623 съ помѣщиковъ, удѣла и казны, къ другой совершенно суммѣ—въ 177.000,000, которая взимается: a) безъ различія сословій (разныхъ пошлинъ и сборовъ, торговыхъ и промышленныхъ, падающихъ на крестьянъ, купцовъ и дворянъ)—18.234,830, или 10% общей суммы всѣхъ прямыхъ налоговъ; b) съ землевладѣльцевъ разныхъ званій — 11.798,127 или 7%; и наконецъ c) *съ крестьянъ* 147.102,251 или 83%. Такое отягощеніе крестьянъ было засвидѣтельствовано 228-ью уѣздами, которые сказали, что платежи сельскихъ податныхъ крестьянъ въ Россіи въ бо́льшей части губерній почти равняются доходности ихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, въ нѣкоторыхъ они превышаютъ, и въ общемъ среднемъ итогѣ не оставляютъ ни одной копѣйки съ валового дохода десятины въ сбереженіе домохозяина.

V.

Представивъ съ большими подробностями исторію русскаго землевладѣнія, и показавъ, что́ выработала русская жизнь въ области сельско-хозяйственныхъ вопросовъ и въ обезпеченіи земледѣльческаго труда въ лицѣ рабочаго, крестьянскаго населенія,—намъ необходимо, для рѣшенія всего аграрнаго вопроса въ Россіи, познакомиться въ общихъ чертахъ съ главными европейскими землевладѣльческими системами: насколько онѣ могутъ помочь намъ въ разрѣшеніи важнѣйшихъ задачъ землевладѣльческой и сельско-хозяйственной дѣятельности, насколько и какимъ образомъ, какими способами намъ слѣдуетъ искать въ опытѣ, пріобрѣтенномъ европейскими народами, тѣхъ правилъ и постановленій хозяйственныхъ, научныхъ и политическихъ, которыя уже выработались въ европейскихъ странахъ и которые могутъ быть очень выгодными и полезными для насъ, или такими, что

ихъ слѣдуетъ устраняться и избѣгать, какъ мѣръ вредныхъ и никуда негодныхъ.

Кн. Васильчиковъ называетъ русскую систему землевладѣнія тягловою, мірскою и даже просто *мужицкою* или крестьянскою. Въ дѣйствительности, во многихъ изъ нашихъ губерній господствуютъ также и иныя системы, и притомъ соотвѣтствующія тѣмъ, которыя уже развились въ важнѣйшихъ государствахъ Европы: Англія, Шотландія и Ирландія, напримѣръ, представляютъ систему арендную и аристократическую или феодальную; Франція—систему общинную и буржуазную; наконецъ, Германія—систему подворную и сословную. Въ Англіи мы можемъ видѣть примѣръ сосредоточенія всей земли въ немногихъ рукахъ, и борьбу между аристократіей и демократіей; въ Ирландіи вліяніе абсентеизма помѣщиковъ и дѣятельность съёмщиковъ — купцовъ или помѣщичьихъ управителей и посредниковъ между крестьянами и отсутствующими помѣщиками. Во Франціи: раздробленіе земли на самые мелкіе участки и черезполосность въ огромныхъ размѣрахъ; земля общедоступна для всѣхъ; господство буржуазіи надъ мелкими собственниками. Въ Германіи потомственное землевладѣніе въ обоихъ главныхъ сословіяхъ: помѣщичьемъ и крестьянскомъ.

Англія жила государственною жизнью, по всей вѣроятности, болѣе 2,000 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ о городѣ Лондонѣ римскіе историки говорятъ уже до Р. Х. Уже тогда тамъ была и торговля, и промышленность, и сельское хозяйство; тамъ были свои короли и арміи, вооруженныя колесницами, наводившими страхъ на непріятеля; тамъ были проведены хорошія дороги, слѣды которыхъ существуютъ до сихъ поръ. Земля тамъ называлась народною, folkland, и состояла въ общинномъ или мірскомъ управленіи. Земли раздѣлялись на три разряда: на общинныя, состоявшія изъ выгоновъ и лѣсовъ, пользованіе которыми принадлежало сообща цѣлому селенію, или township, и всѣмъ домохозяевамъ безъ изъятія; затѣмъ, шли земли пахатныя и луговыя, подлежавшія срочнымъ передѣламъ по жеребью; — и наконецъ, усадьбы съ жилыми домами и хозяйственными строеніями, которыя состояли въ потомственномъ владѣніи и признавались частною ихъ собственностью. Эти усадьбы, огороженныя и окопанныя, были первые зародыши участковаго и личнаго владѣнія, и самый актъ огораживанія считался выдѣломъ изъ общиннаго владѣнія, изъ мірской земли, принадлежавшей селенію — town. Въ исходѣ саксонскаго періода уже послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ этомъ равноправномъ владѣніи; изъ массы народа,

изъ крестьянъ, выдѣлились нѣсколько крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ, но несравненно бо̀льшая часть земель состояла въ общинномъ владѣніи крестьянъ, подъ именемъ commons или open fields. Эти частныя владѣнія стали вноситься въ документъ, и такая земля получила новое названіе: bookland, и эти вольныя земли стали даваться оброчникамъ въ видѣ обязаннаго владѣнія. Слѣды настоящаго общиннаго пользованія еще сохранялись въ концѣ XVIII столѣтія въ Ирландіи, въ нагорной Шотландіи и во многихъ округахъ Англіи.

Въ началѣ XI столѣтія состоялось хищническое нападеніе со стороны нормансвихъ и бретонскихъ рыцарей, подъ предводительствомъ Вильгельма, прозваннаго Завоевателемъ. Покоривши всѣ англо-саксонскія царства, онъ ввелъ въ страну феодальные порядки. Онъ провозгласилъ себя одного собственникомъ всей земли, и, присвоивъ себѣ всѣ 1422 помѣстья (menor), которыя принадлежали прежнимъ саксонскимъ владѣтелямъ и приносили 400,000 фунт. стерл. ежегоднаго дохода, онъ раздѣлилъ всю другую землю, состоявшую изъ 60,215 вотчинъ или «феодовъ» между рыцарями-баронами и церковью: первые получили 32,100, а духовенство 28,115. Какъ бароны, такъ и духовенство, должны были за пользованіе этими землями служить государству: рыцари должны были нести военную службу и управлять своими хозяйствами; для достиженія этой цѣли имъ подчинялись всѣ крестьяне, которые въ то время представляли три класса: 23,000 sochemans обитавшихъ на вольныхъ земляхъ, другіе назывались villani (102,702); это были обязанные поселяне, то-есть должны были нести повинности и обязанности, а третій разрядъ servi и cottari (107,000) употреблялся на земледѣльческія работы на земляхъ рыцарей, и, не имѣя своей собственной земли, составлялъ классъ невольныхъ, неимущихъ, съ мелкими участками земли. Уже въ 1215 году бароны воспользовались недостатками управленія короля Іоанна Безземельнаго, и провозгласили политическую свободу (Magna Charta) всѣхъ жителей королевства, чтобы такимъ образомъ дать равноправность всѣмъ сословіямъ передъ судомъ и закономъ. Эта мѣра была направлена противъ королевскаго произвола, но вмѣстѣ съ тѣмъ она закрѣпляла права аристократовъ на владѣніе землею и подчиняла себѣ крестьянъ вольныхъ и невольныхъ, созданіемъ особеннаго общественнаго права для вольныхъ людей—common soccage, вслѣдствіе котораго изъ крестьянскаго сословія возникли потомъ, при Эдуардѣ IV, фригольдеры, вольные содержатели земли — какъ представители крестьянскихъ общинъ (commons), и стали избираться, какъ члены общаго пар-

ламента, особою (нижнею) палатою, совмѣстно съ баронскою палатою, учрежденною великою хартіею. Такимъ образомъ, отвлекая этихъ вольныхъ людей отъ остальныхъ крестьянъ, бароны удерживали за собою другихъ крестьянъ въ неволѣ. Но закрѣпленные крестьяне не хотѣли сидѣть на землѣ. Духовенство первое стало освобождать этихъ поселянъ и выдавать имъ вольноотпускные акты. За нимъ пошли и свѣтскіе владѣльцы, но волненія крестьянъ продолжались, пока, наконецъ, король Эдуардъ IV не призналъ ихъ tenants of Crown. Это было въ концѣ XIII столѣтія. Тогда аристократія поняла, наконецъ, что продолжать крѣпостное состояніе нелѣпо, и освободила всѣхъ обязанныхъ поселянъ, надѣливъ ихъ контрактами, съ точностью опредѣлявшими ихъ частныя повинности по всѣмъ оброчнымъ статьямъ: это были инвентари на земли, принадлежавшія поселянамъ, и копію съ нихъ вручили имъ самимъ. Такимъ образомъ всѣ крестьяне: и полные хозяева, и однодворцы, и бобыли, и крѣпостные, и обязанные были слиты въ одно сословіе — copyholders, инвентарные содержатели земель. Эти контракты получили законную силу; поселяне не могли быть выселены, покуда отбывали свои повинности, — чернорабочіе, villani, были подведены подъ общую охрану обычнаго права,—custom, common law, ихъ службы и платежи были опредѣлены, и прежнія произвольныя распоряженія помѣщиковъ окончательно отмѣнены. Въ остальной Европѣ въ это самое время неограниченно царило *кулачное право*. Въ то же время, въ XIV столѣтіи, послѣдовали и первыя распоряженія о рабочихъ классахъ, о тѣхъ сельскихъ жителяхъ, которые остались вовсе безъ земли, и такъ какъ осѣдлыхъ поселенныхъ земледѣльцевъ было немного, около 100 тыс. семействъ на 60,000 помѣстій, то лордамъ надо было заблаговременно позаботиться о привлеченіи и удержаніи наемныхъ рабочихъ. Для этого въ 1350 году парламентомъ былъ изданъ сельскій уставъ о хлѣбопашцахъ—Statute of labourers—первый въ Европѣ для узаконенія наемнаго труда. Этотъ статутъ признавалъ наемную плату предметомъ закона, и она вошла въ кругъ дѣлъ мировыхъ судей. Въ другихъ странахъ всѣ такія дѣла находились въ рукахъ патримоніальнаго самосуда помѣщиковъ-вотчинниковъ. Такимъ образомъ, уже въ XIV столѣтіи обязанные поселяне и крѣпостные люди, водворенные на помѣщичьихъ земляхъ, получили, кромѣ личной вольности, и акты своего, хотя и условнаго, но законнаго владѣнія и въ званіи copyholders пользовались гражданскими правами, общей подсудностью и охраной закона. Что касается до сельскихъ рабочихъ, они тоже

стали полноправными гражданами, ихъ защищалъ законъ и судъ, надъ ними не стояла ни вотчинная полиція, ни помѣщичья расправа, какъ это было въ тогдашней Европѣ.

Въ XIV столѣтіи, когда цѣны на земледѣльческій трудъ стояли высокія, бароны старались найти другой родъ культуры, который могъ бы сократить ихъ издержки по хлѣбопашеству. Какъ разъ въ это время появился большой запросъ на шерсть, а такъ какъ производство овецъ, требующее для ухода лишь немногихъ пастуховъ, производство менѣе дорогое, чѣмъ хлѣбопашество, то понятно, что они сейчасъ же и съ большимъ усердіемъ принялись срывать крестьянскіе дворы (to pull down the cottages). несостоятельныхъ крестьянъ и обращать землю подъ ними въ пастбища для овецъ. Это «pull down» распространилось съ такою скоростью по всей Англіи, что парламентъ въ 1442 году рѣшился провесть весьма важную мѣру въ видахъ спасенія крестьянскихъ усадебъ, имѣющихъ въ своемъ пространствѣ болѣе 20 акровъ или 7,4 десятины земли. Тотъ же законъ запрещаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ отмежевывать и загораживать господскія фермы отъ общинныхъ, крестьянскихъ угодій (inclosures). Эта мѣра ограждала права самостоятельныхъ крестьянъ отъ хищничества ландлордовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она давала вотчинникамъ возможность скупать и уничтожать самыя мелкія усадьбы. Вслѣдствіе этой хитро-устроенной прорѣхи въ биллѣ, къ концу XV вѣка явились новые межевые знаки на пустошахъ, на которыхъ были поселены бобыли. Мало того: вотчинники перестали заключать письменные контракты и съ значительными уступками оставляли арендныя земли за прежними съёмщиками, но только безъ срока и безъ всякаго вида и акта, на волю ландлорда. Казалось, что сельскій бытъ остается все въ прежнемъ положеніи, но между тѣмъ въ продолженіи двухъ столѣтій, XVI и XVII, бѣдные обыватели, пользуясь милостями и покровительствомъ лордовъ, могли вовсе не замѣчать, какъ ихъ имущества мало-по-малу всѣ перешли путемъ купли и de jure въ полную собственность ихъ знатныхъ господъ. Въ то же самое время, всѣ крестьяне, имѣвшіе менѣе 20 акровъ земли, были освобождены отъ платы прямыхъ налоговъ на землю и вмѣстѣ съ тѣмъ лишились избирательнаго права въ народныя собранія, утверждающія государственный бюджетъ и взиманіе податей. Этотъ процессъ разверстанія (inclosure) или расчистки (clearing) помѣстій произвелъ въ практической жизни Англіи раздѣленіе всѣхъ землевладѣльцевъ на отдѣльныя сословія съ неравными правами. Самъ парламентъ потомъ въ 1487 году жаловался на умень-

шеніе числа мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ 1549 и 1607 годахъ вспыхнули крестьянскія возстанія; крестьяне поняли, что они обмануты. Эти возстанія были подавлены легко; это былъ ихъ послѣдній протестъ противъ обезземеленія. Еще позже, злоупотребленія англійской аристократіи, поддерживаемыя династіею Стюартовъ, вызвали на борьбу съ ними все, чтó было честнаго въ тогдашней Англіи. Во главѣ этого движенія былъ величайшій герой Англіи, Кромвелль; самъ онъ происходилъ изъ бѣдной фамиліи и занимался хлѣбопашествомъ. Его лучшая часть войска, которая постоянно одерживала побѣды, состояла изъ замѣчательной конницы, которую онъ набралъ среди фригольдеровъ,— крестьянъ, жившихъ на своихъ собственныхъ земляхъ; ихъ тогда было 125,000 человѣкъ. Кромвелль уничтожилъ послѣдніе слѣды крѣпостного права въ Шотландіи и, завоевавъ Ирландію, хотѣлъ ввести тамъ систему землевладѣнія поселившихся уже прежде въ провинціи Ольстеръ протестантскихъ переселенцевъ изъ Шотландіи съ ихъ tenant-right. Но вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, въ Англіи вновь установилось господство аристократіи, и это господство окончательно погубило процвѣтаніе крестьянской поземельной собственности не только въ Англіи, но и въ Шотландіи и въ Ирландіи. Мы не будемъ говорить объ ихъ грабительскихъ подвигахъ во всѣхъ частяхъ британскаго государства и о конфискаціяхъ въ Ирландіи, но укажемъ на важный актъ, посредствомъ котораго забранный въ руки аристократіи Карлъ II отказался въ пользу лэндлордовъ отъ своихъ королевскихъ правъ на землю, отъ коронной регаліи, которую установилъ Вильгельмъ нормандскій. Всѣ вотчины сдѣлались закрѣпленными за феодальными владѣльцами (tenants in capite). Послѣ того возникъ и вопросъ, распространяется ли это закрѣпленіе на однѣ помѣстныя усадьбы и дворы (manors), или и на общинныя земли. На эти земли всегда заявляли свои права и прочіе обыватели: вольные, мелкопомѣстные владѣльцы — freeholders — считали себя участниками въ пользованіи этими угодьями; обязанные поселяне—copyholders—считали за собой право въѣзда, сервитуты въ общіе лѣса и выгоны; даже арендаторы—leaseholders, и тѣ заявляли, что пользованіе общинными землями входило въ кондиціи ихъ первоначальныхъ оброчныхъ сдѣлокъ и контрактовъ. Актъ Карла II (1676 г.) порѣшилъ всѣ эти претензіи въ пользу аристократовъ, и съ того времени общинныя угодья признавались въ Англіи пустошами лордовъ: wastes of commons превратились въ wastes of lords, вслѣдствіе чего и всѣ дальнѣйшія разверстки

были подчинены общему условію—согласію лордовъ—will of the lord.

Но этого было мало англійской аристократіи: около 1685 года она создала такую систему крупнаго землевладѣнія, которая имѣла цѣлью совершенно уничтожить продажный характеръ земли и такимъ образомъ обратить всю землю Англіи въ руки немногихъ землевладѣльцевъ. Система эта чисто-фиктивнаго свойства съ густымъ юридическимъ содержаніемъ. Англійскіе аристократы уже давно собирались создать такую систему, потому что система первородства, которую они тоже лелѣяли въ своемъ баронскомъ сердцѣ, къ несчастію, дѣйствовала очень медленно, и закономъ ее ни короли, ни парламенты не утверждали.

Въ первобытномъ состояніи общества наслѣдственныя понятія могли заключать въ себѣ только одну естественную справедливость—дѣлили всѣмъ по-ровну; тогда земля казалась предметомъ безграничнымъ: изъ-за обладанія ею не предвидѣлись невозможныя затрудненія, но потомъ взгляды измѣнились. Адамъ Смитъ опредѣляетъ происхожденіе двоякаго взгляда на землю весьма просто и съ большою точностью: «Пока земля была разсматриваема только какъ средство къ существованію и наслажденію, естественный законъ наслѣдства дѣлилъ ее между всѣми дѣтьми семейства;... но когда стали разсматривать землю какъ средство не существованія только, но и власти и покровительства, тогда сочли наилучшимъ, чтобы она переходила нераздѣльною только къ одному». Таково истинное историческое объясненіе, и также экономическое объясненіе перваго происхожденія принципа первородства и майоратнаго права. Въ Англіи, отецъ могъ, правда, заявлять свою посмертную волю въ формѣ майоратнаго владѣнія, то-есть отказывать всю землю старшему сыну, но эти его дѣйствія, хотя и формально утвержденныя, не обязывали наслѣдниковъ дѣлать то же самое. Статутъ Эдуарда IV, дозволявшій лордамъ учреждать майораты (entails), сталъ мертвою буквою вслѣдствіе того, что судьи объясняли его обязательную сторону только для непосредственнаго, для перваго наслѣдника и только до срока его совершеннолѣтія (21 годъ). До самаго XVII вѣка, майораты весьма часто переходили опять въ свободное владѣніе, и только этимъ можно объяснить, что въ продолженіи всего періода Тюдоровъ и ранняго періода Стюартовъ майораты уничтожались въ большомъ числѣ и свобода пріобрѣтенія земли въ собственность быстро создала цѣлый огромный классъ англійской джентри, йоменри и фригольдеровъ, которые воспитывали въ себѣ замѣчательную преданность всякимъ прогрессивнымъ движеніямъ, и ко-

торые отличались замѣчательною независимостью въ своей дѣятельности. Это явленіе сильно пугало аристократію, и она старалась всѣми разными способами найти какія-нибудь юридическія теоріи для уничтоженія такого безсилія майоратнаго владѣнія. Первая перемѣна, о которой они хлопотали въ опредѣленіи майората, это замѣнить въ майоратныхъ документахъ слова: «первый сынъ», «старшій сынъ»—словомъ: «наслѣдникъ тѣла». Отецъ бралъ въ наслѣдственномъ договорѣ майоратнаго имѣнія estate-tail, то-есть такое имѣніе, майоратная наслѣдственность котораго совершенно опредѣлена, и которое, поэтому, онъ можетъ немедленно обратить въ совершенно свободное (fee-simple-estate) къ продажѣ и ко всякимъ операціямъ; онъ бы бралъ только имѣніе какъ «life-estate», то-есть такое, которое давало бы ему лишь пожизненное пользованіе доходами съ имѣнія, но чтобы онъ не имѣлъ никакого контроля надъ возвращаемостью имѣнія въ свободное или опять въ пожизненное. Такое требованіе исходило изъ стремленія даровать, насколько возможно, пожизненныхъ имѣній (life-estates), вмѣсто имѣній, способныхъ переходить въ вольное (estates-tail), цѣлому первому поколѣнію лицъ, входящихъ въ составъ семейнаго договора (settlement),—въ такомъ случаѣ, такъ какъ содержатель имѣнія, способнаго возвращаться въ вольное (tenant in tail), разъ вступивъ во владѣніе имъ, не можетъ быть лишенъ своей власти сдѣлаться хозяиномъ собственности, пріобрѣтеніе этой власти можетъ быть уступлено другому и можетъ быть даже еще позднѣйшему поколѣнію. Но, по причинамъ, извѣстнымъ юридическому синклиту, такое дѣло не можетъ быть совершено дѣйствительнымъ образомъ безъ дальнѣйшаго средства, изобрѣтеннаго весьма хитрыми и пронырливыми юристами, сэромъ Орландо Бриджмэномъ и сэромъ Джоффрей Пальмеромъ во время гражданскихъ войнъ, и принятаго вообще послѣ реставраціи Карла II. Это замѣчательное изобрѣтеніе «особыхъ опекуновъ для предохраненія отъ случайной возвращаемости майоратнаго имѣнія въ вольное», о которомъ довольно сказать, что оно покровительствуетъ интересамъ содержателей in tail противъ риска быть побѣжденнымъ предосудительнымъ актомъ прежнихъ пожизненныхъ содержателей. Но тотъ принципъ все-таки былъ поддержанъ, что майоратное имѣніе можетъ быть разрѣзано содержателемъ in tail, хотя для него технически и необходимо, если онъ еще не владѣлецъ, пріобрѣсть согласіе лица (обыкновенно его собственнаго отца), которому было вручено непосредственно свободное содержаніе (freehold) земли. Этотъ принципъ былъ нарушенъ законодательнымъ собраніемъ въ первый разъ

въ важномъ актѣ Вильгельма IV, который создалъ «протектора сеттльмента». Со времени этого акта, сдѣлалось положительнымъ правиломъ закона, а не простою техническою необходимостью то, что, когда содержатель in tail, находящійся подъ сеттльментомъ, желаетъ вполнѣ отмѣнить майоратъ, онъ долженъ получить согласіе «протектора», то-есть, въ юридическомъ смыслѣ, того лица, которое имѣетъ первое помѣстье свободнаго владѣнія прежде своего собственнаго estate-tail.

Такимъ образомъ, англійскій законъ сеттльментовъ (settlement) создаетъ возможность каждому землевладѣльцу, посредствомъ акта или завѣщанія, ограничить землю (limit the land) послѣ своей смерти какому угодно числу его родственниковъ, оставшихся послѣ него, на всю ихъ жизнь, и неродившемуся первому сыну послѣдняго, пережившаго всѣхъ, такъ что такой не-родившійся сынъ станетъ первымъ лицомъ, который будетъ имѣть полную власть надъ землею послѣ смерти сдѣлавшаго актъ или завѣщаніе. Допуская несовершеннолѣтіе сына послѣдняго пережившаго, законъ фактически дозволяетъ человѣку связать землю съ одною жизнью или со многими, уже существующими, и опредѣляетъ 21-й годъ послѣ смерти послѣдней жизни. Какъ только старшій сынъ будетъ признанъ взрослымъ (21 года), обыкновенно переназначаютъ землю такимъ образомъ, чтобы сдѣлать его только содержателемъ земли на всю жизнь, съ возвращаемостью земли къ *его* первому сыну, и такъ далѣе,—все къ первому сыну, такъ что собственникъ во время своего пребыванія всегда остается содержателемъ земли на всю свою жизнь, и земля никогда не выходитъ изъ фамиліи, пока какой-нибудь слѣдъ ея остается.

Главное лицо въ этомъ искусственномъ сцѣпленіи обстоятельствъ—это содержатель земли на всю жизнь или «ограниченный собственникъ», «limited owner», какъ его называютъ. Онъ можетъ весьма мало. Онъ можетъ занять денегъ подъ землю, не иначе, какъ требуютъ спеціальныя условія парламентскаго акта, или посредствомъ страхованія своей жизни, которое можетъ и не случиться, если онъ нездоровъ, и которое всегда совершается очень дорогою и безполезною процедурою. Онъ не можетъ вложить свои деньги въ улучшенія, имѣющія постоянный характеръ, какъ устройство коттэджей или фермерскихъ строеній, дренажа и засаживанія какого-нибудь новаго растенія, не отдавая всѣхъ благъ такой затраты одному изъ дѣтей его фамиліи, которое и безъ того хорошо снабжено, или, можетъ быть, какому-нибудь знакомству, къ которому онъ не питаетъ большого вниманія. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда его доходъ очень великъ или

когда онъ имѣетъ другіе доходы, кромѣ своей земли, только тогда онъ, вѣроятно, согласится это сдѣлать. Онъ не можетъ продать какую-нибудь часть помѣстья безъ согласія повѣренныхъ лицъ сеттльмента, и когда она продастся, онъ не получитъ въ свои руки эти деньги, но долженъ ихъ употребить на новое пріобрѣтеніе другой земли. Такимъ образомъ, въ какихъ бы затрудненіяхъ онъ ни былъ, онъ не имѣетъ никакого другого исхода, за исключеніемъ—держаться той землѣ, которую онъ унаслѣдовалъ. Содержатель земли на всю жизнь не можетъ даже устроить свои семейныя дѣла, чтобы удовлетворить потребностямъ своихъ дѣтей, и его естественный авторитетъ надъ ними замѣщенъ предварительными условіями документа, который въ очень многихъ случаяхъ былъ начертанъ прежде, чѣмъ родилось дитя. Короче сказать, онъ только номинальный собственникъ — нѣчто въ родѣ управителя въ помѣстьѣ для своей семьи. Онъ имѣетъ достоинство собственника, но не авторитета его, ни его силъ; онъ имѣетъ этихъ силъ настолько, насколько онѣ вовникаютъ изъ общественнаго уваженія къ нему. Слишкомъ часто отъ него ожидаютъ многаго, чего онъ не можетъ доставить, и хотя по своему имени онъ владѣтель крупнаго владѣнія, онъ можетъ быть менѣе свободнымъ и болѣе добычею денежныхъ заботъ, чѣмъ его собственные арендаторы.

При такомъ безпомощномъ положеніи самого ландлорда, неудивительно, что изъ такого устройства землевладѣнія могутъ выходить результаты весьма печальные во всѣхъ сторонахъ англійской народной жизни: и въ политической дѣятельности, и въ соціальной, и въ экономической, и въ нравственной, и даже въ интересахъ семейнаго быта. Политически, такое землевладѣніе постоянно ухудшаетъ гибельный дуализмъ между городами и сельскими округами; при такой сильной централизаціи земель въ рукахъ 30,000 собственниковъ, огромная масса сельскаго населенія постоянно увеличиваетъ населеніе городовъ и создаетъ въ нихъ пролетаріатъ, который тяжкимъ налогомъ лежитъ на всемъ населеніи Англіи. Лучшіе рабочіе должны покидать свою страну и уходить сотнями тысячъ ежегодно въ прерію Соединенныхъ-Штатовъ и въ австралійскія колоніи. И для чего все это дѣлается? Нѣкоторые сторонники сеттльментовъ увѣряютъ, что это нужно для сохраненія палаты лордовъ; но нынѣшняя палата лордовъ вовсе не имѣетъ аристократическаго характера, и, напротивъ, нерѣдко сама поднимаетъ вопросы даже объ уничтоженіи сеттльментовъ или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи расширенія этихъ губительныхъ учрежденій. Большинство ея членовъ принадлежа

прежде въ палатѣ общинъ и перешло за свои заслуги по всѣмъ отраслямъ управленія страны. Что же касается родовыхъ лордовъ, большинство ихъ совершенно пустые люди и чрезвычайно рѣдко посѣщаютъ палату.

Въ соціальномъ отношеніи, такая система землевладѣнія если служитъ чему-нибудь, то только поддержкѣ кастовой организаціи всѣхъ классовъ англійскаго народа въ «горизонтальныхъ слояхъ», воздвигающихъ въ тысячахъ сельскихъ приходахъ территоріальную аристократію, которая, какою бы она благодушною себя ни проявляла, содержитъ фермерское и рабочее населеніе въ ненормальномъ состояніи зависимости отъ каждаго землевладѣльца, между тѣмъ какъ изъ сельскихъ округовъ постепенно исчезаютъ всѣ слѣды англійскаго джентри и фригольдеровъ, число которыхъ было, по Маколею, въ 1685 году 160,000 съ среднимъ доходомъ въ 60—70 фунт. ст. (420—490 руб.). Эти крестьянскіе собственники служили спасительнымъ мостомъ черезъ пучину между богатыми и бѣдными. Но въ 1816 году ихъ было только 16,000, а въ 1831 еще менѣе: 7,200; въ настоящее время ихъ число ничтожное... Укажемъ еще на одинъ важный соціальный фактъ, на обогащеніе разныхъ классовъ въ Англіи: оно идетъ гораздо быстрѣе въ высшихъ классахъ, чѣмъ въ среднихъ и низшихъ. Въ 1685 году было только три семейства герцоговъ, имѣвшихъ дохода до 20,000 ф. въ годъ; средній доходъ лордовъ былъ 3,000 ф., баронетовъ 900, членовъ палаты общинъ 800; въ среднемъ сословіи между врачами, адвокатами 1000 ф. считалось уже богатствомъ; фригольдеры имѣли только 60—70 ф. Въ 1821 г. Марчолъ (Marchall) разсчитывалъ, что домохозяевъ въ 5000 ф. дохода было 4000, съ 1500 до 5000 ф.—52,000, съ 200 до 1,500 ф.—386,000, и $2^1/_2$ милліона съ доходомъ менѣе 200 ф. Въ 1847 году по подоходному налогу считалось:

Доходовъ			
болѣе 5,000 ф.	1,164	противъ 1812 г. болѣе на	189%
отъ 2 до 5,000 »	2,584	— —	118%
» 1 » 2,000 »	5,234	— —	148%
» 500 » 1,000 »	13,387	— —	148%
» 150 » 500 »	91,101	— —	196%

Изъ отчетовъ о поземельной подати (probate duty), видно, что число помѣстьевъ (estates), имѣющихъ 30,000 ф. ежегоднаго дохода, въ періодъ 1839—1848 уменьшилось, между тѣмъ какъ прочихъ прибыло: имѣющихъ дохода въ 15,000 ф. на 6,36%, въ 10,000 ф. на 16,38%, въ 5000 ф. на 9,21%, въ 1500 ф. и менѣе на 15,65%. Въ періодѣ 1848—1857 ходъ былъ обрат-

ный: крупные доходы умножились гораздо болѣе, чѣмъ мелкіе. Доходы въ 150—500 ф. только на 7%, доходы въ 500—1000 на 9,5%, въ 10,000—50,000 на 42,4%, свыше 50,000 на 142%. То же самое направленіе и въ 1858—1864: промышленные и торговые доходы ниже 200 ф. умножились на 19%, и доходы той же категоріи въ 10,000 ф. на 59%.

Съ экономической точки зрѣнія, система сеттльментовъ стѣсняетъ ландлордовъ во всей ихъ экономической дѣятельности, такъ какъ большинство ихъ не что иное, какъ «пожизненные собственники», пользующіеся уже существующими доходами со всѣхъ частей сеттльмента, и доходами, какъ мы видимъ, весьма почтенныхъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе только въ рѣдкихъ случаяхъ позволяющихъ имъ употреблять свои капиталы на какія-нибудь улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ ихъ собственныхъ имѣній. Во-первыхъ, имъ приходится играть важную роль въ своемъ графствѣ, въ качествѣ сквайра, который обставленъ всѣми правами мѣстнаго мирового судьи, который держитъ судъ безконтрольно надъ всѣми обывателями приходовъ и которому подчинено и мѣстное духовенство, состоящее по бóльшой части изъ младшихъ братьевъ самого сквайра. Но поддержаніе такого общественнаго положенія и того достоинства, которымъ облечена ихъ дѣятельность и почетъ, требуетъ значительныхъ расходовъ и многихъ заботъ. Сверхъ того, они чувствуютъ себя обязанными обезпечить всѣхъ своихъ другихъ дѣтей хорошимъ образованіемъ въ лучшихъ школахъ Англіи и оставить имъ въ наслѣдство какую-нибудь сумму, чтобы они могли начать хорошую карьеру. Изъ этихъ младшихъ сыновей и дочерей сквайровъ выходятъ часто отличные, трудолюбивые и благоразумные люди, которые прославили Англію своею дѣятельностью на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Они не имѣютъ никакихъ титуловъ, но, пользуясь своими знаніями по всѣмъ отраслямъ науки, они забываютъ о своемъ происхожденіи и въ парламентѣ ихъ нерѣдко можно встрѣтить въ числѣ защитниковъ либеральныхъ реформъ и врагами сеттльментовъ. Ихъ отцы тоже по бóльшей части люди почтенные, но, будучи только пожизненными и ограниченными собственниками, находятся нерѣдко въ очень критическомъ положеніи, потому что всѣ ихъ доходы нисколько не поощряютъ такого собственника дѣлать какіе-нибудь расходы на улучшеніе земли, ему только номинально принадлежащей, такъ какъ вся прибыль съ этихъ улучшеній пойдетъ, послѣ смерти этого собственника, въ руки его старшаго сына, а всѣ другія дѣти останутся не причемъ, если самъ отецъ о нихъ не позаботится. Положеніе фермеровъ тоже незавидное въ улучшеніи

имѣнія, такъ какъ ихъ положеніе весьма критическое, ничѣмъ не обезпеченное, кромѣ воли ландлорда. Бываютъ случаи, что ландлорды поступаютъ весьма несправедливо съ фермерами, притѣсняя ихъ даже въ ихъ политической совѣсти, или, просто, увеличивая среднюю плату, какъ только фермеръ сдѣлаетъ какое-нибудь улучшеніе. Такіе случаи, правда, бываютъ рѣдки, но они все-таки бываютъ, какъ видно изъ извѣстій въ «Agricultural Gazette». Что англійское земледѣліе сильно страдаетъ отъ такого устройства землевладѣнія, видно изъ того, что изъ 37 милліоновъ акровъ дѣйствительно обработываются только 13; все прочее лежитъ впустѣ. Между тѣмъ производство пшеницы такъ недостаточно, что Англіи приходится прикупать изъ-заграницы цѣлую половину потребляемой ея народомъ пшеницы. Въ 1871 году Англія нуждалась въ 10.000,000 квартеровъ иностранной пшеницы, и она заплатила за нее 25—30 милліонами ф. ст. больше, еслибъ сама удвоила свое производство. Такіе важные авторитеты, какъ покойный графъ Дёрби, отецъ нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, и графъ Лейстеръ, весьма богатые помѣщики съ сеттльментами, постоянно говорили, что если бы земля въ Англіи обработывалась, какъ слѣдуетъ быть по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, то Англія давала бы двойную сумму того, что она теперь получаетъ. Это они, конечно, говорили по результатамъ своихъ собственныхъ опытовъ; и это дѣйствительно объясняется весьма просто: именно тѣмъ, что у каждаго изъ этихъ лордовъ есть и посторонніе огромные капиталы, которые они могутъ разстрачивать на свои сеттльменты. То же самое слѣдуетъ сказать и объ имѣніяхъ герцоговъ Нортумберланда и Бедфорда, и маркиза Вестминстера. Всѣ эти аристократическіе тузы, разумѣется, нисколько не стѣсняются въ своихъ сельско-хозяйственныхъ реформахъ.

Съ нравственной точки зрѣнія сеттльменты не представляютъ ничего хорошаго. Въ самомъ дѣлѣ, почти во всякомъ старшемъ сынѣ эта система возбуждаетъ увѣренность, что онъ будетъ богатъ и могуществененъ, и что все это богатство и могущество перейдетъ къ нему послѣ смерти отца, а достоинъ ли онъ этого, или недостоинъ—этого сеттльментъ не внушаетъ. И есть не мало молодыхъ юношей, которые, подъ вліяніемъ такихъ идей, дѣлаютъ огромные долги въ ожиданіи будущихъ временъ и развратничаютъ напропалую; такіе скандалы повторяются все чаще въ семейномъ бытѣ, гдѣ авторитетъ отца сильно падаетъ надъ старшимъ сыномъ, и въ то же время возбуждается взаимное неудовольствіе между старшимъ братомъ съ одной стороны и меньшими братьями и

сестрами—съ другой. Въ Англіи замѣчаютъ, что нравственность аристократовъ слабѣетъ, и что злоупотребленія ими своею властью въ графствахъ постоянно умножаются. Достоинство отцовъ, когда старшій сынъ признается совершеннолѣтнимъ, страдаетъ иногда очень сильно; иногда отцу приходится совѣтоваться съ сыномъ, когда онъ желаетъ вступить во второй бракъ или застраховать свою жизнь, чтобы получить взаймы деньги, чтобы сдѣлать какое-нибудь предпріятіе, которое можетъ находиться внѣ сеттльмента, или просто для того, чтобы чѣмъ-нибудь обезпечить будущность своихъ остальныхъ дѣтей. Случаются и такія дѣла, что сестра старшаго брата, уже сдѣлавшагося настоящимъ ландлордомъ, выходитъ замужъ и получаетъ, по установленіямъ сеттльментскаго договора, доходы съ извѣстнаго участка для воспитанія своихъ дѣтей. Но если у нея дѣтей нѣтъ, или дѣти умрутъ, старшій братъ лишаетъ ее этого дохода.

Вотъ какіе результаты получаются изъ этого добровольнаго обычая англійской аристократіи: смѣсь добра и зла, но зла гораздо больше. Припомнимъ «весь этотъ процессъ обезземеленья», который, какъ говоритъ кн. Васильчиковъ, «совершился законно, подъ охраной суда, но, правда, по законамъ, установленнымъ крупными собственниками, и по суду, составленному изъ лицъ имущественныхъ классовъ».

Итакъ, въ Англіи устроена арендная система. Кн. Васильчиковъ признаетъ, что эта система покоится «на такихъ твердыхъ основаніяхъ и обставлена такими прочными гарантіями, что, въ хозяйственномъ отношеніи, арендаторъ является какъ-бы полнымъ хозяиномъ, и собственникъ отодвигается на второй планъ. Хотя эта система ставитъ крупной арендѣ условія срока отъ 7 до 14-ти лѣтъ, послѣ котораго можетъ послѣдовать возвышеніе аренды, и хотя мелкіе фермеры находятся въ полной волѣ лорда—*at will*, но въ практической жизни преданія аристократическаго владѣнія съ одной стороны, и благотворное дѣйствіе свободы слова и печати—съ другой, наложили на землевладѣльцевъ такую строгую узду, что злоупотребленія помѣщичьей власти, или даже примѣненіе всѣхъ правъ, предоставленныхъ по закону лордамъ въ отношеніи ихъ оброчниковъ, сдѣлались для нихъ крайне неудобными. Судебная практика и обычное право (common-law) ввели въ общественныя отношенія нѣсколько правилъ, ограждающихъ фермеровъ: фермерское хозяйство считается личнымъ имуществомъ (personal property), которое переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну; на какихъ бы условіяхъ ни была заключена сдѣлка, письменныхъ или словесныхъ, по контракту или at will, разби-

рательство жалобъ производится гласно, въ общихъ судебныхъ инстанціяхъ; внезапное возвышеніе арендной платы возбуждаетъ такое всеобщее негодованіе, что землевладѣльцы, по разсчету, чтобы не лишиться арендаторовъ, остерегаются такихъ крутыхъ мѣръ. Условія *съ воли лорда* въ дѣйствительности сдѣлались почти безсрочными обязательствами; мелкіе оброчники, пока они исправны, оставляются на мѣстахъ изъ рода въ родъ и дѣлаютъ все относительно наслѣдованія и завѣщанія, какъ будто бы они дѣйствительные потомственные владѣльцы, такъ что многія фермы, первоначально сданныя одному домохозяину, находятся нынѣ у 20—30 съемщиковъ, наслѣдниковъ перваго фермера. Наконецъ, и самый законъ далъ этимъ вольнымъ арендамъ сдѣлкамъ косвенное, побочное утвержденіе, предоставивъ право выбора въ члены парламента, если только они платятъ аренду свыше 50 ф. ($312^1/_2$ руб.)

Еще бо̀льшее обезпеченіе получили фермеры и крестьяне въ Ирландіи, послѣ введенія туда ирландскаго поземельнаго билля, проведеннаго въ лондонскомъ парламентѣ министерствомъ Гладстона и Джона Брайта въ 1862 году.

Этотъ законъ обезпечиваетъ фермеру право требовать за всѣ имъ произведенныя улучшенія законное вознагражденіе; билль опредѣляетъ и нормальный размѣръ такой неустойки со стороны землевладѣльца: «она возвышается въ обратной пропорціи къ суммѣ арендной платы: для фермъ, коихъ аренда менѣе 10 ф. стерл., норма неустойки, какую можетъ требовать фермеръ, равняется 10-кратной суммѣ аренды; для фермъ отъ 10 до 32 ф. неустойка полагается въ 5 разъ противъ годовой аренды; для самыхъ крупныхъ фермъ, болѣе 100 ф., высшая сумма неустойки равна годовому платежу». Изъ этого выходитъ значительное преимущество для мелкихъ, бѣднѣйшихъ фермеровъ передъ зажиточными арендаторами; въ этомъ биллѣ видно, что онъ стремится «закрѣпить по возможности за крестьянами-оброчниками пользованіе настоящими ихъ оброчными статьями и удалить отъ нихъ конкурренцію богатѣйшихъ фермеровъ, перекупающихъ ихъ фермы за самую дешевую приплату». Еще болѣе радикальное нововведеніе «состоитъ въ томъ, что всякія новыя сооруженія и устройства (improvements), произведенныя фермерами за ихъ счетъ, даютъ имъ право требовать полнаго разсчета отъ владѣльца, и что разсчетъ этотъ, если онъ не принимается помѣщикомъ, подлежитъ разсмотрѣнію начальства;—отъ этого права на разсчетъ фермеръ *не можетъ отрекаться*, и всякое условіе такого рода, если оно будетъ включено въ контрактъ, *предполагается вынуж-*

деннымъ и не имѣетъ силы; изъятіе изъ этого правила допускается только въ томъ случаѣ, если аренда заключена на долгій срокъ, не менѣе 31 года». Но самое главное и строгое распоряженіе въ этомъ законѣ касается неисправнаго платежа арендной суммы; тогда «дѣло переносится на разсмотрѣніе *поземельнаго присутствія*, которое обсуждаетъ, не произошла ли неисправность фермера отъ требованія слишкомъ высокой платы (rack-rent), и въ случаѣ, когда требуемая плата оказывается дѣйствительно чрезмѣрной и непосильной, помѣщику запрещается изгнать фермера, и послѣдній остается въ пользованіи имъ арендуемой земли; въ случаѣ же формальнаго протеста со стороны помѣщика, судъ принуждаетъ его къ уплатѣ всѣхъ проторей и убытковъ, какіе, по усмотрѣнію трибунала, терпитъ арендаторъ отъ своего изгнанія съ земли. Для этого, при каждомъ поземельномъ присутствіи назначаются *присяжные оцѣнщики*, которые опредѣляютъ по совѣсти сумму вознагражденія за улучшенія и сооруженія и подаютъ мнѣніе относительно высоты арендной платы...» Въ томъ же законѣ есть еще «многозначительное нововведеніе», *опредѣляющее право покупки фермерами арендуемыхъ ими земель*. Билль выговариваетъ право арендаторовъ скупать свои участки, съ согласія землевладѣльца, не опредѣляя ни размѣра купчихъ земель, ни нормальной ихъ цѣнности, и оставляя всѣ условія на соглашеніе договаривающихся сторонъ. Кн. Васильчиковъ признаетъ въ этомъ правѣ намекъ на дальнѣйшіе виды англійскаго правительства и первый опытъ введенія выкупной операціи; значеніе этого закона важно потому, что онъ касается коренныхъ правъ и основъ англійскаго землевладѣнія, затрогивая ихъ такимъ образомъ, что они, если и не отмѣняются, то, по крайней мѣрѣ, обходятся и колеблются. Но эти коренныя права и основы есть не что иное, какъ право свободнаго, неограниченнаго распоряженія частной собственностью. Этотъ законъ прямо мѣтитъ на отмѣну entails и settlements, этихъ двухъ аристократическихъ обычаевъ—учреждать майораты и установлять по завѣщаніямъ отказы имѣній въ пользу нѣсколькихъ поколѣній наслѣдниковъ. Такія постановленія сильно мѣшали свободной продажѣ земель, и бывали примѣры settlement'а, когда срокъ наслѣдованія продолжался 50—60 лѣтъ и даже цѣлое столѣтіе... Но вотъ чтó важно: главныя основанія этого преобразованія уже предначертаны въ этомъ самомъ биллѣ: разъ состоялось соглашеніе между фермеромъ и землевладѣльцемъ о продажѣ оброчной земли, казна открываетъ первому кредитъ въ размѣрѣ $^2/_3$ продажной цѣны, погашеніе долга разсрочивается на 35 лѣтъ, по

разсчету 5% въ годъ. Кромѣ того, если чернорабочіе, безземельные батраки и поденщики пожелаютъ пріобрѣсти въ собственность свой коттэджъ (усадьбу), въ которомъ живетъ онъ самъ съ своею семьею, дается ссуда отъ правительства съ таковой же разсрочкой (т. I, стр. 144—148).

Въ Ирландіи поземельный вопросъ поставленъ былъ гораздо обременительнѣе для крестьянъ, чѣмъ въ Англіи, хотя система землевладѣнія была та же и съ одинаковыми послѣдствіями. И тамъ были майораты и сеттльменты, и сдача земель at will of lord, но эта will не имѣла того благороднаго характера, который продолжается въ Англіи до сихъ поръ, подъ вліяніемъ свободы пресси и давленія общественнаго мнѣнія. Въ Ирландіи съ фермерами обращались самымъ грубымъ образомъ и всѣ сдѣлки установлялись по желанію хищныхъ торговыхъ съемщиковъ, которые смотрятъ на эксплуатацію земли, какъ на орудіе обогащенія во что бы то ни стало. Въ концѣ-концовъ, большинство земель въ трехъ провинціяхъ перешло въ управленіе разныхъ посредниковъ, middlemen,—которые внесли въ страну хищническую культуру, чтобы взять изъ земли все, чтó только можно извлечь изъ нея. Что же касается до самихъ лордовъ, они жили постоянно въ Лондонѣ и довольствовались тѣми доходами, которые присылали middlemen'ы. Такимъ образомъ, всѣ доходы съ ирландской земли растрачивались за-границею, и лорды нисколько не заботились о состояніи своихъ земель и о положеніи крестьянскаго населенія. Между тѣмъ съемщики держали всѣхъ фермеровъ подъ страхомъ изгнанія въ 6-ти-мѣсячный срокъ. Ежегодно, въ извѣстные сроки, они посылали всѣмъ фермерамъ записки объ удаленіи съ участка: *notices to quit,* если они не согласны повысить арендную плату. Нѣсколько сотъ тысячъ семействъ жили постоянно подъ такими угрозами. Правительство старалось разными мѣрами прекратить эти злоупотребленія, но это не удавалось. Когда, въ 1793 году, расширено было избирательное право и распространено на всѣхъ сельскихъ обывателей, плативших 40 шилл. (12 р. 40 к.) прямыхъ налоговъ, то землевладѣльцы, для пріобрѣтенія голосовъ, начали подраздѣлять крупныя фермы на участки, соотвѣтствующіе этому цензу, и сдавали ихъ не иначе, какъ подъ уговоромъ подавать голосъ за кандидатовъ, указываемыхъ помѣщиками. Въ 1829 году этотъ законъ былъ отмѣненъ и избирательное право было оставлено только за тѣми фермерами, которые держатъ аренды по формальнымъ договорамъ. Тогда землевладѣльцы начали избѣгать заключенія договоровъ и сдавали земли по словеснымъ сдѣлкамъ на одинъ

годъ, чѣмъ еще болѣе стѣснялись бѣдные арендаторы. Въ 1849 г. помѣщики уже порядочно поразорились, и англійское правительство рѣшилось продавать всѣ эти имѣнія въ руки другихъ людей, болѣе предпріимчивыхъ; но эти предпріимчивые люди, вмѣсто того, чтобы производить хлѣбопашество, обратили свое вниманіе на скотоводство, и началось срываніе арендаторскихъ жилищъ и залуженіе пахатныхъ полей, разводили на мѣстахъ прежнихъ поселеній тонкорунныхъ овецъ и дойныхъ коровъ. Правительство хотѣло очистить имѣнія, то-есть полюбовно размежевать фермерскія хозяйства, но это возбудило аграрныя убійства землевладѣльцевъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что послѣдніе опять вернулись къ системѣ откупщиковъ, которые довели свое дѣло до того, что масса ирландскихъ крестьянъ стала питаться однимъ картофелемъ, а всѣ другіе хлѣба шли въ уплату хозяевамъ въ натурѣ, то-есть запродавались ихъ приказчикамъ на корню. Но въ 1848 году истощенная почва перестала давать урожай на картофель и три года сряду не давала даже сѣмянъ на посѣвъ, и вотъ начались огромныя переселенія въ Америку: въ продолженіи 14-ти лѣтъ, до 1861 года, выселилось 2.203,389 жителей; 600,000 превратились въ пролетаріатъ, и въ Ирландіи введенъ англійскій сборъ на общественное призрѣніе.

Съ 1861 года начинается «періодъ улучшенія»: увеличеніе средняго размѣра фермъ или подворныхъ участковъ, сдаваемыхъ крестьянамъ; число мелкихъ фермъ, составляющихъ одну усадебную осѣдлость, каковыми считаются фермы менѣе 5 акровъ (1,85 дес.), уменьшилось почти на 75%; фермъ въ 5 — 15 акровъ (1,85 до 5,55 дес.) тоже меньше съ 1848 по 1865 на 30%. Наоборотъ, крупныхъ фермъ, отъ 15 до 30, было въ 1865 году противъ 1848 болѣе на 72%, а самыхъ большихъ, выше 30 акровъ, вдвое болѣе. Изъ этого заключаютъ, что число самостоятельныхъ земледѣльцевъ увеличивается, а черезполосность и мелкопомѣстность сокращаются. Площадь удобныхъ земель, пашни и луговъ увеличилась съ 13.463,000 акровъ на 14.802,000; цѣнность скота, составлявшая въ 1841 г. 21 милл., по оцѣнкѣ 1867 г. дошла до $45^1/_2$ милл. Наконецъ, число призрѣваемыхъ пролетаріевъ сократилось до 44,922 съ 1849 по 1861 годъ.

Но не все хорошо, что хорошо кажется съ перваго вида. Улучшеніе, разумѣется, есть, но это улучшеніе происходитъ въ скотоводствѣ на счетъ хлѣбопашества; число головъ скота увеличивается ежегодно въ огромной прогрессіи: въ 1864 г. было 7.688,000 головъ скота, а въ 1866 г. 9.517,000. Хлѣбовъ собрано въ 1856 — 59 годахъ среднимъ числомъ на сумму 39

милл. ф. ст., въ 1860 — на 34 милл., въ 1861 — на 29, въ 1862 на 27. Въ два года: 1864 и 1866, которые по изобилію урожаевъ были одинаково благополучны, пропорція хлѣбныхъ урожаевъ много уменьшилась:

	Хлѣбовъ и картофеля	
	родилось въ 1864 г.	1866 г.
Пшеницы . . .	875,782	805,710
Овса	7.826,332	9.284,835
Ячменя	787,069	665,996
Ржи	12,680	19,781
Гороху	10,026	8,116
Картофеля . . .	4.312,388	3.068,594
Итого .	13.824,277	11.853,032

Итакъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, одинаковыхъ пò урожаю, производство хлѣбовъ уменьшилось почти на 2 милл. квартеровъ, или 2.740,000 четвертей. Арендныя цѣны на земли, сдаваемыя по контрактамъ, стояли въ послѣдніе годы на 2 — $3^1/_7$ ф. ст. за ирландскій акръ ($^2/_3$ дес.); но за вольнооброчныя земли дошли до 8, 10 и 12 ф. за акръ, чтò составляетъ за русскую десятину около 200 руб. годовой платы. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ разсчетъ, что для прокормленія одного крестьянскаго семейства, состоящаго среднимъ числомъ изъ 5,3 душъ (1861 г.), нужно не менѣе 10 акровъ (6,4 дес.) земли, и что изъ числа фермъ, сдаваемыхъ на вольный оброкъ, почти всѣ, слишкомъ 508,000, ниже этого размѣра.

Въ Шотландіи до 1648 года всѣ вотчины считались простыми помѣстьями, подлежащими раздѣлу между наслѣдниками, но съ конца XVII вѣка и еще болѣе въ XVIII и XIX большая часть изъ нихъ перешла въ майоратныя имѣнія. Съ 1685 по 1845 г. учреждено 1,991 майоратъ; въ 1764 г. майораты занимали $^1/_5$ шотландской земли; въ 1811 г. $^1/_3$, а по новѣйшимъ свѣдѣніямъ $^1/_2$. Одновременно съ расширеніемъ майоратныхъ имѣній стѣснялось крестьянское хозяйство. Здѣсь тоже происходила очистка помѣстій. Въ Англіи статутъ 1448 года запретилъ сносить крестьянскія усадьбы въ 20 акровъ, и потому въ очистку попали только бѣднѣйшіе, малоземельные поселяне. Въ Шотландіи же это дѣло происходило еще проще. Какъ только проходилъ срокъ аренды, фермерамъ прямо отказывалось въ ея продолженіи, и имъ приходилось или переселиться въ Соединенные-Штаты, если у нихъ были сбереженія, или отправляться на приморскія скалы и ставить тамъ свои хижины на утесахъ или отмеляхъ прибрежныхъ, никѣмъ не занятыхъ полосъ, и промышлять рыболовствомъ или прямо заняться фабричною работою въ городахъ. На пепелищахъ

деревень паслись прежде и теперь пасутся стада тонкорунныхъ овецъ. Въ 1732 году крестьяне взбунтовались противъ овецъ и перебили до 100 тыс. этихъ невинныхъ животныхъ, но въ общемъ результатѣ вся нагорная Шотландія превратилась въ необъятныя пастбища, пустынныя, какъ русскія степи, и среднее разстояніе между фермами опредѣлено въ 40 миль (60 верстъ); всѣ мѣста, негодныя для овцеводства, запущены для охоты и сдавались англійскимъ спортсмэнамъ по цѣнѣ 1 ф. за 50 акровъ.

Въ южной и центральной Шотландіи, наоборотъ, образовалось землевладѣніе среднихъ размѣровъ съ мелкими фермами и долгосрочными контрактами. Народное хозяйство и земледѣльческая культура достигли тутъ наивысшаго совершенства. При Георгѣ III майоратные владѣльцы исходатайствовали особое для себя положеніе, по которому дана законная сила контрактамъ, заключеннымъ на срокъ не менѣе 14 лѣтъ; большая часть арендъ сдаются пожизненно, или на 21 — 31 годъ; мелкіе оброчники, имѣющіе менѣе 5 акровъ (1,85 дес.), держатъ земли на 99 лѣтъ и дѣйствительно считаются безсрочными и наслѣдственными поселянами; имъ отказывается только въ случаѣ неисправнаго платежа, и при этомъ они пользуются отсрочкой на нѣсколько мѣсяцевъ. Герцогъ Argyle и другіе дѣлали скидку до 25% въ пользу своихъ оброчныхъ крестьянъ и черезъ это удержали на мѣстахъ очень густое населеніе, рабочая сила котораго способствовала процвѣтанію помѣщичьихъ хозяйствъ. Приращеніе народнаго богатства идетъ въ этихъ крестьянскихъ помѣстьяхъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ помѣстьяхъ овчарныхъ лордовъ. Напримѣръ, въ овчарномъ графствѣ Sutherland съ 1815 до 1861 г. доходность повысилась лишь на 19,544 ф., съ 33,378 ф. до 52,922, а въ странѣ мелкой культуры, въ графствѣ Laithness доходность въ тѣ же годы увеличилась на 72,561 ф., съ 35,000 до 107,561. Поденная плата также выше: въ Laithness 2½ шил. (78 коп.), а въ Sutherland 1⅔ шил. (52 коп.) въ день.

Возьмемъ еще нѣсколько статистическихъ фактовъ. Настоящее положеніе сельскихъ сословій въ Соединенномъ британскомъ королевствѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ по переписи 1861 года:

	Англія съ Уэльсомъ.	Шотландія.	Ирландія.
Всѣхъ сельскихъ жителей земледѣльцевъ (agricultural class) показывается	2.010,454	378,609	969,636
Изъ нихъ землевладѣльцевъ (landed proprietors)	30,776	7,237	8,414
На одного владѣльца приходится земледѣльцевъ (labourers).	66	52	115

Экономическія послѣдствія этого положенія прямо истекаютъ изъ этой пропорціи; на всякій запросъ землевладѣльца отвѣчаютъ 52, 66, 115 предложеній со стороны рабочихъ. Арендная плата возвышается безпредѣльно, рабочія цѣны остаются неизмѣнны или временно возрастаютъ только отъ усиленной эмиграціи и перехода сельскихъ рабочихъ въ городскихъ и фабричныхъ поденщиковъ.

Взглянемъ еще на одинъ статистическій фактъ. Населеніе Англіи увеличилось въ послѣднее десятилѣтіе (1861—1871) на 1.646,042 человѣка (съ 20.066,224 до 22.712,266); землевладѣльцевъ въ тотъ же періодъ уменьшилось на 7,802 (съ 30,766 на 22,964); земледѣльцевъ и сельскихъ рабочихъ тоже уменьшилось на 176,207 (съ 1.098,261 на 922,054).

. . . .

Французское землевладѣніе дѣлится на крупную собственность, на среднюю и на мелкую; первые два отдѣла можно назвать помѣстнымъ владѣніемъ, а третій—крестьянскимъ хозяйствомъ. Подъ послѣднимъ кн. Васильчиковъ опредѣляетъ такое землевладѣніе, которое по своимъ размѣрамъ и пространству соотвѣтствуетъ среднему размѣру рабочихъ силъ въ одной семьѣ. Въ семействѣ или крестьянскомъ отдѣльномъ дворѣ считается во Франціи среднимъ числомъ по 3,83 душъ обоего пола, или круглымъ числомъ 4, но изъ нихъ рабочихъ не болѣе $1^1/_2$ или 2, и по среднему разсчету они могутъ обработать около 10—15 гектаровъ [1]). Кн. Васильчиковъ, впрочемъ, и здѣсь раздѣляетъ помѣстное отъ крестьянскаго хозяйства по главному признаку: нанимаетъ ли землевладѣлецъ рабочихъ, батраковъ, поденщиковъ, или самъ съ своею семьею обработываетъ свой участокъ.

Во Франціи 1866 года изъ общей суммы всего населенія 38.045,523,—19.598,115 (9.737,295 мужского пола и 9.860,320 женскаго) принадлежать къ сельскому населенію, а всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ считается 3.266,705. Домохозяевъ (chefs d'entreprises) 3.576,188, изъ нихъ 3.002,942 мужского пола, 573,246 женскаго, а у нихъ женъ и дѣтей и другихъ домочадцевъ 8.848,070—3.237,375 м. и 5.603,695 ж. Управляющихъ, приказчиковъ и другихъ надзирателей 697,075—(431,037 м. и 266,038 ж.), а женъ и дѣтей у послѣднихъ 568,814 (221,871 м. и 346,943 ж.). Поденщиковъ и рабочихъ 1.922,795—(1.193,795 м. и 728,261 ж.), у нихъ домочадцевъ 2.689,636—(1.008,485 м. и 1.681,151 ж.). Служителей 1.302,266 (641,780 м. и

---

[1]) Въ гектарѣ 0,915 русск. казенной десятины или 2,184 кв. саженъ.

661,486 ж.) [1]. Рошеръ, въ своемъ сочиненіи «Nationaloeconomie d. Ackerbaues», представляетъ распредѣленіе сельскихъ сословій Франціи въ слѣдующихъ цифрахъ: землевладѣльцевъ, воздѣлывающихъ собственныя земли — 7.825,777; рабочихъ, пастуховъ, поденщиковъ—6.566,588; фермеры—2.506,663; половниковъ (metayers)—1.356,903; дровосѣковъ—282,620; управляющихъ 266,636; разночинцевъ 259,078.

Изъ всѣхъ этихъ статистическихъ свѣдѣній видно, что во Франціи всѣхъ сельскихъ сословій считается до 19—20 милліоновъ, изъ которыхъ дѣйствительными земледѣльцами можно назвать не болѣе 14 милліоновъ; домохозяевъ, воздѣлывающихъ свои земли собственными своими силами, только 7.825,777. Но такъ какъ въ этотъ послѣдній отдѣлъ включены жены и дѣти, и такъ какъ по среднему выводу на каждаго домохозяина приходится 3,83 души обоего пола, то, раздѣливъ вышеупомянутую сумму домохозяевъ на это число, мы получимъ число крестьянъ-собственниковъ, какъ отцовъ семейства, занимающихся земледѣліемъ, и ихъ будетъ, слѣдовательно, 2.042,344. По свѣдѣніямъ Макса Вирта за 1866 годъ, число всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ (Zahl der Geschäfte) 3.266,705, но въ тѣхъ же свѣдѣніяхъ мы находимъ число самостоятельныхъ хозяевъ — 3.576,188, которое больше чѣмъ число хозяйствъ; и къ этимъ приданы еще жены, дѣти и другіе домочадцы въ 8.841,070. Ясное дѣло, что въ свѣдѣніяхъ есть какое-то противорѣчіе. Кн. Васильчиковъ предполагаетъ, что 3.576,188 означаютъ всѣхъ людей занимающихся земледѣліемъ, и крупныхъ, и среднихъ, и низшихъ, а 2.042,364,—это мелкіе собственники-земледѣльцы, воздѣлывающіе сами свои земли. Прочихъ же сельскихъ жителей насчитываютъ до 7 милліоновъ, а по другимъ до 10—12 мил. душъ обоего пола. Это поденщики, фермеры, половники и служители или разночинцы. Отсюда выходитъ такое заключеніе, что безземельный классъ или такіе землевладѣльцы, которые по своему бѣдному состоянію избавлены отъ тяжести поземельнаго налога (ихъ насчитываютъ до 3.600,000) составляютъ болѣе $^1|_2$, а можетъ быть и болѣе половины всего числа сельскихъ жителей.

Если теперь принять во вниманіе статистику доходовъ разныхъ землевладѣльцевъ сообразно съ пространствомъ ихъ владѣній, мы можемъ легко опредѣлить, сколько земли и доходовъ получаютъ всѣ три разряда французскихъ землевладѣльцевъ. Доходы

---

[1]) Эти цифры изъ сочиненія Макса Вирта: „Grundlage d. National-Oekonomie", 1873.

этихъ хозяйствъ опредѣляются слѣдующими данными: 8,516 землевладѣльцевъ получаютъ съ своихъ имѣній среднимъ числомъ по 19,272 франка; 18,856 получаютъ по 7,340 ф.; 212,636 по 2,127; 928,000 по 464 ф. и наконецъ 3.600,000 по 64 ф., т.-е. по 16 рублей въ годъ... По пространству владѣнія, 8,000 хозяйствъ имѣютъ среднимъ числомъ по 353 гектара; 15,000 имѣютъ по 180 гект., 67,000 по 84; 100,000 по 56; 220,000 по 35; 480,000 по 14; 3.900,000—по 3,64 гектара. Эти цифры относятся ко времени 1815—30 годовъ, когда число домохозяевъ было опредѣлено въ среднемъ выводѣ: владѣвшихъ 880 гектарами каждый, то-есть 19 милл. гект., было 21,456 чел.; слѣдующій разрядъ владѣльцевъ состоялъ изъ 642,993, пространство ихъ владѣній обозначалось 12—62 гектаровъ; они всѣ вмѣстѣ владѣли поэтому 18.300,000 г.; наконецъ послѣдній разрядъ, владѣвшій лишь по 1—8 гектаровъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ 7.450,000 гектаровъ и состоялъ самъ изъ 3.140,551 человѣка. Позднѣе, въ 1849 году, министръ финансовъ Насси сообщалъ, что плательщиковъ поземельныхъ окладовъ въ 100 франковъ и выше 493,772; плательщиковъ отъ 5 до 100 фр. 5.977,947; плательщиковъ менѣе 5 фр. 5.440,530. Поземельнымъ окладомъ—côtes foncières—называется во Франціи 3 фр. налога съ каждаго гектара. Слѣдовательно, послѣдняя категорія землевладѣльцевъ Франціи имѣетъ не болѣе 1 2/3 гектара или 1 1/2 десятины. Вотъ до какой дробности, а слѣдовательно и черезполосности достигло французское землевладѣніе, благодаря своему закону о безусловной свободѣ дѣленія участковъ по наслѣдственному праву. Эта дробность, впрочемъ, кончается не здѣсь; есть еще другое дѣленіе—это дѣлянки, parcelles: ихъ 126 милліоновъ, которыя опредѣляются по качеству своей почвы. Какъ бы то ни было, но этотъ дѣлежъ имѣетъ довольно важное значеніе въ сравненіи съ другими государствами въ Европѣ, особенно съ Англіею и Германіей. Этотъ фактъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что французское крестьянство, какъ оно ни бѣдно, все-таки *имѣетъ въ большинствѣ ея членовъ усадебную осѣдлость*, что́ несомнѣнно даетъ французскому крестьянину больное преимущество въ его хозяйственныхъ отношеніяхъ сравнительно съ бездомнымъ и безземельнымъ состояніемъ низшихъ классовъ въ другихъ странахъ, «но выгоды эти», говоритъ кн. Васильчиковъ, «только *относительныя*, и называть собственниками-землевладѣльцами всю эту массу крестьянъ, получающихъ по 16 руб. дохода съ своихъ земель и отчасти приписанныхъ къ разряду неимущихъ, такъ же неправильно, какъ называть капита-

листами городскихъ рабочихъ, вкладывающихъ свои скудныя сбереженія въ сберегательныя кассы» (т. I, стр. 51—52).

Но какъ и какими путями создалась эта дробность и мелкопомѣстность? Ихъ обыкновенно приписывали первой французской революціи, которая, какъ извѣстно, провозгласила полную свободу землевладѣнія и наслѣдованія; однако, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ французскихъ и нѣмецкихъ экономистовъ оказывается, что пропорціональное отношеніе между крупною собственностью и мелкою было и до революціи въ XVIII столѣтіи, и даже въ XVII, почти одно и то же. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что революція, разрушивъ всѣ вотчинныя и корпоративныя права дворянства и духовенства, а также огромную массу налоговъ, лежавшихъ на земледѣльческомъ трудѣ и торговлѣ главнымъ продуктомъ крестьянъ—хлѣбомъ, доставила крестьянскому сословію полную свободу труда и уничтожила всѣ вредныя вмѣшательства въ семейныя и хозяйственныя дѣла, которыя доводили крестьянъ до полнаго отчаянія. Уже въ XVII вѣкѣ являлись такіе справедливые защитники крестьянскаго труда, какъ Буагильберъ и Вобанъ; позже о томъ же писали аббатъ Сентъ-Пьеръ, знаменитый Тюрго и извѣстный англійскій путешественникъ съ земледѣльческими цѣлями, Артуръ Юнгъ. Всѣ они указывали на тотъ фактъ, что крестьяне во Франціи владѣютъ весьма мелкими участками земли, что хлѣбопашество занимаетъ у нихъ самое послѣднее мѣсто, и что главными занятіями ихъ стало огородничество, садоводство, заработки на сторонѣ или аренда исполу на земляхъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Юнгъ говоритъ о нихъ, какъ о поденщикахъ и половникахъ, но не признаетъ самостоятельными собственниками. Въ тѣ времена вся территорія Франціи была распредѣлена пополамъ: одна половина земель принадлежала духовенству ($^{3}|_{10}$) и дворянству ($^{2}|_{10}$),—крестьянамъ принадлежала только $^{1}|_{4}$ всѣхъ удобныхъ земель, а другая четверть была отдана городскимъ или среднимъ сословіямъ. Въ нашемъ вѣкѣ, послѣ революціи 1789 года, богатѣло не крестьянство, а среднее сословіе; пространство мелкихъ крестьянскихъ владѣній увеличилось лишь очень мало. Правда, что число домохозяевъ увеличилось, но это увеличеніе есть результатъ естественнаго приращенія населенія, и во всякомъ случаѣ, если даже крестьянская собственность возросла, все-таки этотъ прогрессъ далеко не тотъ, какимъ былъ прогрессъ въ томъ же періодъ времени у среднихъ классовъ. Умножилось только число тѣхъ землевладѣльцевъ, которые имѣли отъ 12 до 62 гект. земли, или отъ 500 до 2,000 фр. доходовъ; въ промежуткѣ между 1815—30 годами, эти буржуа уже завладѣли 18-ю мил-

гект.,—къ нимъ перешла значительная часть земель, конфискованныхъ у эмигрантовъ и духовенства, или распроданныхъ тогда крупными помѣщиками. Еслибъ революціонное правительство предпринимало конфискацію имуществъ, съ цѣлью распредѣлить ее между крестьянами, то оно бы раздѣлило землю на мелкіе участки и дало покупщикамъ разсрочки и льготы въ платежахъ. Но революція думала совсѣмъ не то; ей нужно было пустить въ продажу конфискованныя имѣнія своихъ непріятелей, чтобы поддержать курсъ своихъ бумажныхъ ассигнацій, выпущенныхъ на сумму 1,200 милліоновъ. Большая часть этихъ имѣній такимъ образомъ была скуплена спекулянтами и тѣми «черными бандами», въ которыхъ участвовали подрядчики и поставщики арміи, нажившіе въ это смутное время громадныя богатства. Цѣлая треть Франціи была распродана такимъ образомъ по 1.210,000 купчихъ крѣпостей. Часть этихъ имѣній была возвращена Бурбонами вернувшимся эмигрантамъ, но главная часть ихъ несомнѣнно осталась въ рукахъ вновь созданнаго «третьяго класса» — *tiers état*, по бо́льшей части изъ торговцевъ, промышленниковъ, владѣльцевъ рентъ (rentiers) французскаго банка и разбогатѣвшихъ крестьянъ; что же до крестьянской массы, она не выиграла ничего, оставаясь при прежнемъ пространствѣ владѣній, и въ то же время, умножаясь и раздѣляя свои земли на основаніи новыхъ законовъ, дошла уже въ 1820 г. до такой дробности земель, что возбудила политическое броженіе между тогдашними защитниками крупной (майоратовъ) собственности, утверждавшими, что вся бѣда состоитъ въ семейныхъ раздѣлахъ и въ равномъ наслѣдованіи всѣхъ сыновей, и что нужно взять примѣръ съ Англіи; съ другой стороны, либеральная партія стала защищать противоположныя тэмы, какъ цивилизаціонные принципы, которымъ Франція обязана своими громадными успѣхами въ народномъ хозяйствѣ и обогащеніи страны. Особенно много кричали объ умноженіи дѣлянокъ. «Почва Франціи распадается въ прахъ!»—«Имѣнія рѣжутся въ ремни!»—кричали сторонники майоратовъ, но точныя изслѣдованія скоро показали, что приростъ дѣлянки и поземельныхъ окладовъ относится главнымъ образомъ къ городскимъ имуществамъ и сельскимъ строеніямъ, между тѣмъ какъ число полевыхъ участковъ, наоборотъ, уменьшалось. Относительно первыхъ (1815 по 1825) было увеличеніе дѣлянокъ на 3.504,000, а относительно послѣднихъ было уменьшеніе на 2.504,000. Земельные оклады въ періодъ 1815—1855 значительно умножились по всѣмъ категоріямъ землевладѣнія, но гораздо менѣе по крупнымъ окладамъ, чѣмъ по мелкимъ: первыхъ, выше 1,000 фр., прибыло

на 5.205,411 только 245,169 или 4,5%; послѣднихъ, менѣе 5 фр. прибыло на 13,361 всего 2,985 или 22,4%. Строеній въ селеніяхъ увеличилось до 714,394, а число въ одно или два окна уменьшилось на 34,616. Всѣ эти приращенія дѣлянокъ и уменьшенія поземельныхъ окладовъ показываютъ, что чересполосность продолжаетъ увеличиваться, а число собственниковъ и окладныхъ участковъ уменьшается. Это значитъ, что совершается переходъ земель въ руки къ среднему классу, и что крестьянскіе участки постепенно становятся все меньше и меньше и доходятъ до того, что не могутъ служить даже помѣщеніемъ для большой семьи, и отецъ принужденъ выживать дѣтей изъ дома, отпуская ихъ на городскіе заработки.

Другимъ бѣдствіемъ для крестьянскаго землевладѣнія были административныя и правительственныя злоупотребленія съ такъ-называемыми общинными землями. Къ сельскимъ и городскимъ общинамъ принадлежало въ XVIII и даже XVII вѣкахъ большое пространство *запасныхъ* земель, предназначенныхъ на пользованіе натурою бѣднѣйшимъ обывателямъ; ихъ не позволяли ни продавать, ни сдавать въ аренду. Но сельскія и городскія начальства мало обращали вниманія на эти предписанія; эти нарушенія дошли до того, что Кольберъ въ 1667 году издалъ королевскій указъ, по которому общинамъ дозволялось покупать назадъ свои распроданныя земли за ту же цѣну, за какую они продали ихъ въ 1620 году. Послѣ Кольбера явились интенданты, государственные распорядители общинной собственности; земли эти стали такимъ образомъ казенными и доходы съ нихъ собирались исключительно на предметы «общей пользы»—dépenses d'intérêt général. Въ такомъ положеніи они оставались до 1750 года, когда, подъ вліяніемъ экономическихъ софистовъ, стали распространяться идеи о невыгодности общинныхъ земель, и вотъ, правительство начинаетъ издавать указы, въ которыхъ приказываетъ разверстать общія угодья. Революціонный періодъ то разрѣшалъ продажу общинныхъ имуществъ, то предписывалъ разверстаніе ихъ между обывателями, то причислялъ ихъ къ казеннымъ имуществамъ и пускалъ въ продажу вмѣстѣ съ національными имуществами. Въ слѣдующемъ году всѣ эти постановленія были отмѣнены и дальнѣйшая продажа была запрещена. Является Наполеонъ I и заявляетъ, что «общественныя земли должны быть признаны неприкосновеннымъ фондомъ, что надо обратить все вниманіе на ихъ обработку и что вообще отъ благосостоянія 36,000 общинъ зависитъ и счастіе всѣхъ 30 милліоновъ французовъ». Но въ 1813 г. эти принципы 1800 г. были внезапно нарушены и

«всѣ имущества общинъ обращаются въ коммиссію погашенія государственныхъ долговъ для обезпеченія новыхъ займовъ». Въ 1816 году этотъ указъ отмѣненъ и оставшіяся имущества возвращены общинамъ. Въ 1837 году полноправное завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ общинъ было предоставлено муниципальнымъ совѣтамъ, а въ 1857 г. введено опять новое правило, въ силу котораго правительство присвоиваетъ себѣ право отобрать общинныя имущества въ свое распоряженіе, если оно замѣтитъ, что сельскія общины запускаютъ или небрежно воздѣлываютъ общинныя угодья; правительство угрожаетъ, что оно или устроитъ на нихъ казенныя фермы и запашки, или отдастъ въ аренду на 27 лѣтъ, или даже продастъ за счетъ казны для покрытія издержекъ эксплуатаціи.

Въ настоящее время общинныя имущества управляются по закону 1837 г. (loi municipal) и сельскимъ уставомъ 1791 г. (code rural). Пространство, доходность и цѣнность ихъ и теперь еще довольно значительны; они составляютъ 4,718,655 гект. (около 4½ мил. десятинъ), оцѣнены въ 1,618 мил. фр., и приносятъ доходъ слишкомъ 45,000,000. фр. До революціи этихъ земель, по всей вѣроятности, было гораздо больше: не менѣе 5—6 милліоновъ гектаровъ, т.-е. ⅙ или 1/7 всей территоріи Франціи.

Общинныя земли составляютъ *неотчуждаемую собственность общинъ* (commune; ихъ 36,000), не подлежащую ни залогу, ни продажѣ въ чужія руки; самимъ communes дозволяется продажа въ извѣстныхъ случаяхъ и съ разрѣшенія губернатора (префекта) департамента, но только членамъ той же коммуны. Пользованіе этою землею можно только частнымъ образомъ, по раскладкѣ или по жеребью, и предоставляется исключительно обывателямъ, приписаннымъ къ общинѣ. *Общее владѣніе* и *частное пользованіе* — это принципы французскаго обычнаго права (coutumes); ихъ постоянно нарушали, но по первоначальному ихъ смыслу эти права предоставлялись только тѣмъ, кто имѣлъ осѣдлость и хозяйство. Но Наполеоновскіе законы 1850 и 1853 годовъ распространили эти права на каждаго французскаго подданнаго, если даже онъ живетъ въ другомъ мѣстѣ, а въ данной общинѣ имѣетъ только квартиру. Сама община имѣетъ за собою право собственности, а пользованіе землями представляетъ въ себѣ право каждаго лица, приписавшагося къ общинѣ. Муниципальный совѣтъ имѣетъ очень обширный кругъ дѣйствій, и муниципальные совѣтники — люди, избираемые односельцами и общинниками. Главная же административная власть въ общинѣ — мэръ и префектъ, и всѣ су-

щественныя распоряженія исходятъ отъ нихъ непосредственно. При Наполеонѣ III мэръ могъ всегда обжаловать рѣшеніе муниципальнаго совѣта у префекта, а префекты въ тѣ времена всегда держали сторону правительства. Между тѣмъ, мэрамъ подлежали окончательно всѣ второстепенныя дѣла: они установляли число головъ скота, выпускаемаго на общинные выгоны, размѣръ отпусковъ дровъ и лѣса, утвержденіе арендныхъ условій, избраніе общиннаго пастуха. Съ другой стороны, расширялись и облегчались права свободнаго участія въ общинныхъ угодьяхъ. Въ прежнія времена жеребьевая разверстка полевыхъ угодій (allottissement) производилась на долгіе сроки и многіе участки (lots) оставались въ пожизненномъ владѣніи, но теперь муниципальные совѣты устанавливаютъ сроки въ 6—9 лѣтъ; только по особому постановленію совѣта и съ разрѣшенія мэра сдача можетъ стать 30-лѣтнею. Общій передѣлъ всѣхъ участковъ производится не позже 16—18 лѣтъ; тогда въ разверстку идетъ вся земля—и долгосрочная.

При Наполеонѣ III, когда онъ заявлялъ себя приверженцемъ децентрализаціи, его министры не разъ обращались къ мэрамъ съ вопросомъ о необходимости произвесть разверстаніе общинныхъ земель, но всегда отъ мэровъ, отъ имени неимущихъ, шли заявленія, что общинные выгоны составляютъ для бѣдныхъ крестьянъ ихъ послѣднее средство для существованія, что эти мельчайшіе участки, тощіе выгоны и лѣсныя угодья, гдѣ они собираютъ валежникъ, сухоподстой или пасутъ свиней для откорма дубовыми желудями,—что всѣ эти мелочныя права служатъ имъ хотя и скуднымъ, но тѣмъ не менѣе крайнимъ средствомъ пропитанія многихъ сотенъ тысячъ семействъ, прокармливающихся этими крупицами, падающими отъ трапезы частныхъ землевладѣльцевъ. Министры Наполеона хотѣли этотъ вопросъ рѣшить простымъ большинствомъ голосовъ сельскаго общества, но и этого не получили. Видя такое рѣшительное сопротивленіе со стороны сельскаго пролетаріата, эти придворные угодники выдумали законъ, въ силу котораго правительство пріобрѣло право отбирать общинныя земли въ казенное управленіе, если, по усмотрѣнію мѣстной администраціи, онѣ окажутся запущенными или дурно обработанными. Всѣ образованные и имущественные классы, а также французскіе экономисты и агрономы рукоплескали императору и его любимцамъ: Persigny, Morny и tutti quanti, что они подали примѣръ *раціональной культуры*, подѣливъ между собою огромныя пространства общинныхъ земель и устроивъ на нихъ фермы, конскіе заводы, овчарни и разные сельско-хозяйственные

промыслы. Особенно восхищались и любовались многочисленные туристы, французскіе и иностранные, превращеніемъ сыпучихъ песковъ ландовъ въ плодоносныя нивы, и восхваляли мудрость Наполеона.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о крупныхъ землевладѣльцахъ Франціи, объ ихъ дворянствѣ и среднемъ классѣ помѣщиковъ— этой сельской буржуазіи. Bouillé опредѣляетъ, что до революціи 1789 года во всей Франціи было 80 тыс. дворянскихъ фамилій, но изъ нихъ, по свидѣтельству тогдашнихъ экономическихъ авторитетовъ: Сіэса и Лавуазье, дворянъ-помѣщиковъ было не болѣе 25,000, владѣвшихъ въ то время $^{3}/_{10}$ всѣхъ удобныхъ земель, или около 12 мил. гект. Въ наше время извѣстный писатель по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, Лавернь, насчитываетъ 50,000 землевладѣльцевъ, обладающихъ среднимъ числомъ 300 гект. и всего около $^{1}/_{8}$ всѣхъ земель, или 15 мил. гект. Въ началѣ XIX столѣтія имѣній въ 800 гект. считалось 21,456, а доходовъ было съ 7,340 франковъ и выше до 27,372; по другимъ разсчетамъ, крупныхъ землевладѣльцевъ съ среднимъ доходомъ въ 13,000 фр. было 23,000. Если въ наше время число дворянскихъ имѣній является удвоеннымъ, то это произошло вслѣдствіе удвоеннаго приращенія всего населенія. Въ XVIII вѣкѣ эти дворяне получали средній доходъ съ своихъ имѣній не болѣе 3,000 фр.

Главное измѣненіе во французскомъ землевладѣніи произошло, слѣдовательно, не у дворянъ и не у крестьянъ, а у сельской буржуазіи, къ которой принадлежатъ также и всѣ зажиточные крестьяне. Всѣхъ такихъ семействъ считается 550,000 съ среднимъ размѣромъ владѣнія въ 30 гектаровъ; другіе писатели считаютъ 350,000 съ среднимъ размѣромъ въ 35 гект.; наконецъ, по третьимъ число буржуазіи опредѣляется въ 643,000 съ поземельными участками отъ 12 до 62 гект. или по доходности 457,000 имѣній съ среднимъ доходомъ въ 1,450 фр. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ кн. Васильчиковъ беретъ число землевладѣльцевъ въ пол-милліона, а размѣръ ихъ владѣній въ 30—62 гект. (27—66 десятинъ), чтó, разумѣется, превышаетъ нормальную норму крестьянскихъ подворныхъ участковъ, такъ какъ такое пространство отдѣльныхъ угодій не можетъ быть воздѣлываемо рабочими силами одного семейства и требуетъ уже помощи наемныхъ рабочихъ, батраковъ и т. п. Къ этимъ буржуазнымъ землевладѣльцамъ принадлежитъ большая часть городскихъ и сельскихъ торговцевъ, промышленниковъ, а также многіе обѣднѣвшіе потомки дворянскихъ родовъ и наконецъ значительная часть крестьянъ, уже вы-

шедшая по своимъ оборотамъ и по своему образу жизни въ той среды, къ которой она принадлежитъ по рожденію.

Что касается до остальныхъ крестьянъ: 34 милл. семействъ или 11—15 милл. душъ, которые владѣютъ клочкомъ земли на задворкахъ другихъ строеній, огородомъ въ нѣсколько грядъ и жилымъ домомъ въ 1—2 окна, но полевыхъ угодій не имѣютъ, земледѣліемъ не занимаются, прямыхъ налоговъ не платятъ, и пропитываются круглый годъ наемной работой,—они находятся на послѣднемъ рубежѣ между собственностью и пролетаріатомъ. Изъ этихъ-то семействъ выдѣляются ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ молодыхъ и бодрыхъ людей, оставляющихъ въ своихъ домахъ престарѣлыхъ родителей и переселяющихся въ города, на фабрики и заводы, чтó доказывается тѣмъ статистическимъ фактомъ, что въ теченіи 20 лѣтъ, съ 1846—1866, число сельскихъ жителей уменьшилось на 6%; въ послѣднее десятилѣтіе, 1856—1866, пропорція сельскаго населенія къ общему числу жителей измѣнилась еще болѣе:

	1856 г.	1866 г.
Жителей во Франціи было=	36.093,364	38.047,523
Сельскихъ жителей было=	19.890,035	19.598,115

Все населеніе увеличилось болѣе на 1.954,159, а число сельскихъ жителей уменьшилось на 291,930. Въ Англіи, Германіи и другихъ государствахъ Европы малоземелье тоже вытѣсняетъ земледѣльцевъ изъ селеній въ города, и изъ городовъ въ чужія страны. Противъ этого общаго недуга пролетаріата дѣйствуютъ только два предохранительныя средства: переселеніе и городскіе заработки. Но во Франціи переселенія въ чужіе края нѣтъ; все движеніе происходитъ внутри страны и изъ концовъ ея идутъ люди въ главные центры: въ Парижъ, Ліонъ и друг. Бѣднѣйшіе земледѣльцы во Франціи окончательно отрекаются отъ сельскаго быта, отъ хозяйства и семейной жизни, и перечисляются въ городскихъ чернорабочихъ и поденщиковъ.

Одновременно съ этимъ печальнымъ явленіемъ среди массы мелкихъ землевладѣльцевъ, крупное и среднее землевладѣніе, и въ особенности послѣднее, находятся въ самомъ цвѣтущемъ благосостояніи. Угнетенные и разоренные прежними до-революціонными порядками управленія, мелкіе помѣщики и богатые крестьяне, вмѣстѣ съ разночинцами, пользуясь полною свободою, постепенно скупали и конфисковали помѣстья дворянъ и церквей и общинныя земли, отобранныя у сельскихъ обществъ, и мелкія дѣлянки, распродаваемыя бѣдными крестьянами. Въ ихъ рукахъ,

подъ непосредственнымъ надзоромъ самихъ хозяевъ, культура усовершенствовалась, запашки расширились и доходность поземельной собственности умножилась въ 10 разъ, со временъ революціи. Число собственниковъ этого разряда во Франціи пропорціонально больше, чѣмъ въ какой-либо странѣ: около 500—600 тысячъ домохозяевъ и до 2 милл. душъ съ женами, дѣтьми и домочадцами.

Всѣхъ удобныхъ земель считается во Франціи около 45—49 милл. гектаровъ,—и онѣ раздѣлены между тремя разрядами землевладѣльцевъ: крупнымъ досталось, среднимъ числомъ, по 300 гектаровъ и 13,000 франковъ дохода, всего 19.000,000 гектаровъ, или 42% всѣхъ удобныхъ земель;—среднимъ (30 гектаровъ и 1,450 франковъ дохода) удалось пріобрѣсть въ собственность 18.000,000 гектаровъ, или 41% всѣхъ удобныхъ земель;—мелкимъ (3 гектара и 106 франковъ дохода) пришлось ограничиться 7.400,000 гектаровъ, или 17% всѣхъ удобныхъ земель. Первыя два сословія состоятъ изъ 2 милл. лицъ обоего пола, и у нихъ 83% всѣхъ полевыхъ и луговыхъ угодій;—третье, сельское сословіе, наемщики,—ихъ 17 милл. душъ, и у нихъ только 17 процентовъ всѣхъ земель. Разница громадная. Можно ли такое государство назвать демократическимъ? Вотъ куда привела Францію экономическая теорія laisser faire, laisser passer, полной свободы въ движеніи частной собственности въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ.

VI.

Германское землевладѣніе, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ нашей статьи, было основано на хищническомъ, завоевательномъ захватѣ не только земель, но и скотоводства туземнаго осѣдлаго населенія. Этого саксонскимъ завоевателямъ было мало; они не только отняли у мирныхъ жителей значительную и самую нужную часть ихъ имущества, но и вмѣшались въ ихъ хозяйственныя и семейныя отношенія.

Въ первый разъ въ исторіи, когда является передъ нами германскій образъ землевладѣнія,—это въ VIII и IX столѣтіяхъ, когда германскимъ императоромъ сталъ Карлъ-Великій, принявшій на себя и титулъ римскаго императора, и когда подъ его владычествомъ всѣ волненія покоренныхъ народовъ были подавлены. Тогда оказалось, что всѣ земли уже подѣлены между побѣдителями и побѣжденными, и что право владѣнія ими установ-

лено двоякое: *Grundherrlichkeit*—господство, управленіе надъ землями отдано въ руки помѣщиковъ, а крестьянамъ дали право *Grundhörigkeit*, т.-е. подвластности и подчиненности. Первое право было господское и представлялось въ натурѣ государевыми дворцами—Pallast, церковными дóмами—Dom, и помѣщичьими или рыцарскими зáмками—Hof. Всѣ эти зданія строились на возвышенностяхъ, повелѣвающихъ надъ окружною мѣстностью, не посреди или около крестьянскихъ селеній, какъ наши помѣщичьи усадьбы, но всегда особнякомъ и, по возможности, на неприступныхъ горахъ и скалахъ;—къ нимъ приписывались окольныя селенія, не по праву собственности, а по праву господства, т.-е. въ такомъ разстояніи, на которое простиралась дѣйствительная власть господина. Изъ этого подвѣдомственнаго ему округа—*Bezirk*,—помѣщикъ выбиралъ себѣ часть земель, обыкновенно всѣ пустыя и дикія земли, которыя предназначались для заведенія господской запашки; остальныя угодья оставлялъ во владѣніи или срочномъ содержаніи обывателей на различныхъ условіяхъ, но, во всякомъ случаѣ, на положеніи обязаннаго, подвластнаго пользованія.

Между этими обывателями были и рабы, оставшіеся отъ римскихъ временъ—servi, Knechten; они употреблялись для домашнихъ служительскихъ работъ, иногда получали и земельный надѣлъ, но безъ всякаго права собственности, по отводу помѣщика; эти послѣдніе невольники назывались Kolonen, Kother, т.-е. колонисты, хуторяне, и занимались обработкой господскихъ полей, между тѣмъ какъ безземельные рабы исправляли черныя работы въ усадьбѣ—opera servilia. Надѣлы ихъ состояли изъ одной пустошной усадьбы безъ полевыхъ угодій, изъ одного двора—casa—отчего они получили названіе casati, Kother. Но несравненно бóльшая часть сельскихъ обывателей состояла изъ людей лично вольныхъ, именно изъ туземцевъ и своеземцевъ, которымъ земли принадлежали по праву полной собственности, и которые, покорившись сначала римлянамъ, потомъ разнымъ варварскимъ племенамъ, всякій разъ, при всякомъ новомъ вторженіи, выпрашивали и выговаривали себѣ право сохранить одну часть имущества за уступку другой части, и такимъ образомъ выкупали свои разоренныя земли, принимая на себя трудъ воздѣлыванія прочихъ земель, забранныхъ отъ нихъ же завоевателями. Всѣ эти люди признавались собственниками, и въ гражданскихъ своихъ отношеніяхъ считались вольными, полноправными; но, вступивъ однажды въ обязанныя отношенія по землевладѣнію, постепенно начали терять права вольнаго распоряженія своими имуществами

и сдѣлались покорными, послушными—hörig—владѣльцамъ тѣхъ дворовъ, къ которымъ были приписаны. Это было не крѣпостное право—*Leibeigenschaft,* не право надъ людьми, а правомъ на земли,—не частная собственность, а власть, присвоенная извѣстнымъ помѣстьямъ и вотчинамъ управлять другими подворными участками, и кто бы ни селился на этихъ участкахъ,—вольные или невольные, полные ли рабы или обязанные полувольные поселяне, или даже мелкопомѣстные свободные граждане,—всѣ они вмѣстѣ, съ нѣкоторыми изъятіями и различіями, подпадали подъ общую власть главнаго двора—Frohnhof.

Уже со временъ Карла-Великаго поземельное право приняло такой характеръ, что только благородные и знатные рыцари-вассалы признавались полными собственниками; всѣ прочіе владѣльцы прежнихъ временъ хотя и продолжали пользоваться своими угодьями, но уже подлежали суду и расправѣ первыхъ, а новые поселяне получали земли не иначе, какъ въ видѣ оброчныхъ арендныхъ статей. Вольныя деревни оставались только въ королевскихъ имѣніяхъ и въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ и недоступныхъ округахъ, куда не проникали побѣдители. Понятіе о полной собственности совпадало съ понятіемъ о господинѣ—il n'y a pas de terre sans seigneur, а крестьянскимъ владѣніемъ—*Bauerngut*—называлось всякое обязанное имущество (т. I, 186—188).

Изъ этихъ основныхъ началъ, установившихся уже у древнихъ германцевъ, развилось въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ полное понятіе о помѣстномъ и вотчинномъ владѣніи въ томъ могущественномъ видѣ, въ какомъ оно представилось въ наши времена. Вся территорія германской земли превратилась въ помѣщичьи округи (Hofmark) или вотчины. Всѣмъ этимъ помѣщичьимъ вотчинамъ было дано право на управленіе и другими владѣніями, имѣющими съ ними какую-либо связь. Вотъ первое понятіе о патримоніальной или отеческой власти. Впослѣдствіи собственники, обремененные различными дѣлами, начали назначать довѣренныхъ лицъ по собственному усмотрѣнію: помѣщики ставили *фогтовъ* и *мейеровъ,* духовныя лица—*викаріевъ,* а короли — *графовъ.* Всѣ эти намѣстники и повѣренные стали потомъ тоже наслѣдственными; мало-по-малу къ этимъ второстепеннымъ лицамъ перешло право суда и расправы надъ всѣми обывателями вотчинъ. Такимъ образомъ, изъ вотчиннаго понятія о землевладѣльческой собственности и судъ, и полиція и все управленіе перешло въ руки высшихъ сословій: помѣщиковъ, духовенства и государственныхъ чиновниковъ. Прежнее общественное самоуправленіе крестьянъ въ ихъ *Gemeinschaften* и

Gauen, въ ихъ обществахъ и волостяхъ, которое было выборное, потеряло всякое значеніе и должно было подчиниться помѣщичьимъ, церковнымъ и государственнымъ учрежденіямъ. Одни были Herren, другіе стали Bauern. Крестьянъ судили и рядили помѣщичьи приказчики, церковныя лица и правительственные чиновники, и всѣ они соединились между собою въ неразрывный союзъ для общей эксплуатаціи всего нѣмецкаго крестьянства. Духовенство въ Германіи сдѣлалось такимъ же самовластнымъ владѣтелемъ всѣхъ своихъ прихожанъ, какими были помѣщики надъ всѣми жителями своихъ вотчинъ. Kirchliche Gebieten даже послужили образцами помѣщичьимъ Gutsbezirken;—и тѣ и другіе существовали совершенно независимо отъ государственной власти, отъ королевскаго намѣстника. Епископъ смѣнялъ коронныхъ чиновниковъ и назначалъ своихъ викаріевъ. Такимъ же образомъ распоряжались и помѣщики въ своихъ вотчинахъ. Тѣсная связь ихъ между собою дошла до того, что ихъ корпораціи дѣйствовали вмѣстѣ. Ritterschaft (рыцарство) превратилось въ монашескихъ орденахъ въ духовныхъ руководителей.

Другой видъ землевладѣнія былъ Bauernhof — крестьянскій дворъ. Этотъ дворъ, впрочемъ, не составлялъ отдѣльной собственности и входилъ въ общій составъ господскихъ земель, которыя подраздѣлялись на собственно господскую запашку (Frohn), состоящую въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца и воздѣлываемую безземельными рабами и батраками,—и на хутора или подворные участки (Salländerein), которые сдавались оброчнымъ крестьянамъ. Крестьянскій дворъ былъ въ маломъ видѣ такая же полная хозяйственная единица, какъ и господское помѣстье; онъ состоялъ изъ усадьбы, окруженной полями, и также заключалъ въ себѣ, кромѣ хозяина и домочадцевъ, батраковъ и служителей, приписанныхъ ко двору. Крестьянскій дворъ имѣлъ такое же юридическое значеніе, какъ и господскій; это былъ цѣльный хозяйственный участокъ, съ нормальнымъ размѣромъ угодій и съ приписанными къ нему рабочимъ скотомъ и людомъ. Вся разница между ними состояла только въ томъ, что домохозяинъ крестьянскаго двора подчинялся вотчиннику или господину—Senior, dominus.

Крестьяне жили въ группахъ, въ селеніяхъ, но отдѣльными дворами были надѣлены подворно, посемейно усадьбами, полевыми и луговыми угодьями—и владѣли сообща выгонами, лѣсными дачами и пустошами. Но нѣмецкія общины (Gemeinde) и общинное землевладѣніе (die Feldgemeinschaft) имѣютъ значительную разницу съ русскою общиною, съ мірскимъ порядкомъ.

Первое различіе нѣмецкаго порядка отъ русскаго есть размѣщеніе жилыхъ строеній. Германское село строится не сплошною улицею съ площадью въ срединѣ, но отдѣльными домами или группами домовъ, по разнымъ фасадамъ. Крестьянскій дворъ помѣщается иногда въ общей группѣ селенія, иногда и особнякомъ; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ къ нему приписывалось разъ и навсегда извѣстное пространство пашни и луговъ, которые составляли неотъемлемую принадлежность двора и назывались гуфой (Hüfe). Самый порядокъ надѣла, наслѣдованія и раздѣловъ былъ очень различный, но коренное правило было, что всякая усадьба должна служить центромъ одного полнаго хозяйства, и что къ ней приписывается извѣстное число угодій, нужныхъ для пропитанія одной семьи и соотвѣтствующихъ ихъ рабочей силѣ. Гуфа, слѣдовательно, есть такое пространство пахатной земли, какое можетъ быть воздѣлано, вспахано, засѣяно и убрано однимъ семейнымъ домохозяиномъ и при одномъ пароконномъ плугѣ. Самая рабочая сила людей въ семействѣ не принималась въ разсчетъ; предполагалось, что, въ случаѣ недостатка своихъ семейныхъ рабочихъ, домохозяинъ нанимаетъ ихъ на сторонѣ, и что во всякомъ случаѣ подворный участокъ надѣляется только такимъ хлѣбопашцамъ, которые имѣютъ или натуральныя, или денежныя средства для содержанія хозяйства. Остальные сельскіе обыватели надѣлялись землею какъ попало и сколько оставалось отъ первыхъ: иногда полъ-гуфою, иногда четвертью, осьмушкой, или однимъ огородомъ, или ничѣмъ... Третья составная часть крестьянскаго надѣла была Almend, die Flur, которая считалась въ общинномъ владѣніи; она состояла изъ выгоновъ, кустарниковъ, лѣсныхъ ухожей, запольныхъ полосъ, вообще изъ пустыхъ и дикихъ земель, не входившихъ въ сѣвооборотъ, или лѣсныя дачи, которыми пользовались сообща помѣщики и крестьяне на правѣ сервитутовъ для сбора валежника, сухоподстоя, рубки дровъ и пастьбы свиней. Эти пустоши и составляли единственную общественную связь германскихъ общинъ (Gemeinde), между тѣмъ какъ дворъ (Hof) и полевой надѣлъ (Hüfe) всегда и съ древнѣйшихъ временъ признавались частнымъ, личнымъ владѣніемъ отдѣльныхъ домохозяевъ, отцовъ семейства.

Міровой порядокъ въ Россіи устроился не юридическимъ путемъ, какъ это было въ Германіи, а вольнымъ занятіемъ свободныхъ земель разными артелями: рыболововъ или пахарей, или лѣсопромышленниковъ, или, какъ въ позднѣйшія времена, ватагами бродягъ и бѣглыхъ, бѣжавшихъ отъ крѣпостного права, или

обществомъ раскольниковъ, укрывавшихся отъ гоненій за старую вѣру. Они выбирали землю сами, признавая ее государевою собственностью, а сами себя государевыми людьми. Всѣ эти вольные люди были взрослые полные работники, и у каждаго изъ нихъ на родинѣ оставались дѣти, жена, братья, которыхъ они надѣялись вывести на новыя мѣста жительства и, соображаясь съ своими рабочими силами, они должны были опредѣлить занятое ими пространство, какихъ размѣровъ оно должно быть и какъ раздѣлить его, чтобы никому не было обидно. Они прибѣгли къ метанью жеребья на земли по числу взрослыхъ работниковъ, и къ отведенію на каждую крестьянскую семью столько полосъ, сколько было у него совершеннолѣтнихъ братьевъ или сыновей. Такимъ образомъ, здѣсь, въ міровомъ порядкѣ, хозяинъ надѣляется не какъ одноличный собственникъ, но какъ представитель всѣхъ членовъ его семейства, способныхъ къ работѣ.

Семья и крестьянскій дворъ при обоихъ порядкахъ при разверсткѣ остается единицей, ядромъ землевладѣнія, но размѣры владѣнія, одинаковые и неизмѣнные при первомъ, различны и измѣнчивы при второмъ: участковое и наслѣдственное (потомственное) пользованіе прямо истекаетъ изъ подворнаго надѣла, а полосное и срочное—изъ тягловой разверстки. Этотъ быть нельзя признать *общиннымъ*, такъ какъ въ общемъ пользованіи состоятъ только нѣкоторыя отдѣльныя угодья: выгоны, лѣса и тому подобное, какъ и въ участковомъ владѣніи. Мірское владѣніе есть тоже посемейное и участковое, какъ и подворное, но съ тою только разницею, что дворы надѣляются не поровну по числу домохозяевъ, а различно, пропорціально числу рабочихъ душъ, состоящихъ въ крестьянскомъ дворѣ. Русскій народъ—говоритъ Самаринъ—разрѣшаетъ по-своему вопросъ о посемейномъ владѣніи: онъ извлекаетъ изъ понятія о сельскомъ обществѣ понятіе о рабочей силѣ и средствахъ пропитанія, и создаетъ себѣ условную единицу, называемую тягломъ. Тягло представляетъ, во-первыхъ, извѣстное количество рабочихъ силъ, и потому въ тяглѣ считается полный здоровый работникъ, совершеннолѣтній, не убогій или увѣчный; во-вторыхъ, предполагается, что тяглу соотвѣтствуетъ извѣстная сумма потребностей, хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, а потому тягловымъ считается крестьянинъ женатый и семейный, не холостой или вдовый; тягло накладывается по женитьбѣ, и съ мужика, по его востребованію, въ случаѣ смерти бабы, скидывается полъ-тягла. По этой единицѣ опредѣляется отношеніе дворовъ семействъ къ мірскому обществу, дѣлается переложеніе дворовъ и домовъ на тягла.—

Каждый дворъ, переложенный на тягло, получаетъ значеніе дроби, въ которой знаменатель выражаетъ сумму единицъ, состоящихъ въ цѣломъ обществѣ, а числитель—количество такихъ единицъ, приходящихся на дворъ, между тѣмъ какъ міръ представляетъ цѣлое, совокупность всѣхъ дробей и долей. Общество владѣетъ 420 дес. мірской земли, домохозяевъ въ немъ 20, рабочихъ тягловыхъ мужиковъ 35, а ревизскихъ душъ положимъ 80. Число *душъ*, хотя по оному и опредѣляются казенные сборы и самый поземельный надѣлъ по уставной грамотѣ, вовсе не принимается въ разсчетъ при разметѣ земли. Общее число десятинъ 420 дѣлится на число тяголъ и получается дробь $^{420}/_{35}$= 12 десят., слѣдующихъ на тягло. Затѣмъ эта тягловая единица помножается на число рабочихъ, состоящихъ во дворѣ въ данный моментъ (1:3), при ревизіи или въ другой срокъ, и получается на одинъ дворъ $^{3}/_{12}$ или 36, на другой $^{2}/_{12}$ или 24 дес., на третій $^{1}/_{12}$ или 12 дес. Тѣмъ же порядкомъ, не по душамъ, а по тягламъ, и всегда за счетъ цѣлой семьи, раскладываются и вещественныя повинности: господскій оброкъ, подушные и поземельные сборы, мірскіе платежи, натуральныя повинности. «Уменьшеннаго надѣла вообще не налагается, разрядовъ крестьянъ полу-тяглыхъ, огородниковъ и безземельныхъ не допускается или, вѣрнѣе сказать, уменьшеніе или увеличеніе семейнаго участка происходитъ въ извѣстные сроки, по возможности такъ, что одинъ и тотъ же домохозяинъ переходитъ съ однотягольнаго на многотягольное, если у него подростаютъ сыновья, или сходитъ съ 2—3 тяголъ на одно, если дѣти и братья умираютъ. Такимъ образомъ, весь составъ мірового землевладѣнія есть подвижной, срочный, измѣнчивый, зависящій отъ наличности рабочихъ силъ въ данный моментъ, между тѣмъ какъ подворное владѣніе на Западѣ имѣетъ характеръ прочной, пожизненной или наслѣдственной собственности, и изъ этихъ двухъ главнѣйшихъ ихъ свойствъ вытекаютъ и всѣ послѣдствія, благія и вредныя, той и другой формы владѣнія».

Въ сравненіи съ русскимъ устройствомъ въ «мірѣ», нѣмецкая гуфа отличается во многихъ отношеніяхъ. Она соотвѣтствуетъ рабочей силѣ одной семьи, а въ мірѣ хозяйственную единицу представляетъ одинъ рабочій съ женою. Въ гуфѣ считается, въ средней сложности, 5—6 душъ всѣхъ половъ и возрастовъ, а тяглые крестьяне въ Россіи относятся къ общему числу какъ 1 : 3, то-есть въ 2 или 3 раза менѣе. Отводъ участковъ происходилъ въ Германіи различно: по Маурусу (Geschichte der Frohnhofe), гуфъ разныхъ было 5, но главное различіе всѣхъ ихъ

между собою состояло въ томъ, что въ однихъ участкахъ уравненіе происходило по количеству, а въ другихъ по качеству. Соображаясь съ разными сортами почвы, всѣ полевыя угодья, какъ въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ, разбивались на дѣлы и въ каждомъ дѣлѣ нарѣзалась полоса на каждаго домохозяина. Въ другомъ порядкѣ, болѣе употребительномъ, каждому двору отводился одинъ или три (если полосы разбиты на три поля) участка сплошныхъ въ одному мѣсту, но болѣе или менѣе обширныхъ, смотря по достоинству почвы. Были примѣры, что въ одномъ сельскомъ обществѣ изъ $47^1/_2$ дворовъ всѣ гуфы имѣли различный размѣръ, но всѣ исправляли равныя повинности. На жалобы и просьбы крестьянъ объ уравненіи ихъ платежей начальство отвѣчало, что это неравенство только кажущееся, потому что участки уравнены по качеству почвы. Надворный участокъ, какъ дворъ съ надворными строеніями и съ пахатною землею, составляетъ личное владѣніе домохозяина, и вслѣдствіе этого понятіе о гуфѣ обратилось въ понятіе о поземельной мѣрѣ; въ бóльшей части Германіи она была въ 30—40 моргеновъ ($7^1/_2$—10 дес.), были и двойныя гуфы, въ 60—90 моргеновъ... Въ общемъ надѣлѣ одного селенія то, что̀ называется Almend, Flur, нѣмецкій порядокъ отличается отъ великороссійскаго по размѣщенію дворовъ: у первыхъ участки стоятъ особо другъ отъ друга и огорожены, а у вторыхъ—улицами, рядами. Во Франціи нормальнаго размѣра опредѣленной величины крестьянскаго хозяйства не полагается; кромѣ западныхъ областей, во всей остальной Франціи деревни расположены группами или рядами. Въ Англіи понятію «гуфа» соотвѣтствовало Hide, которая полагалась въ 30—33 акра (10—12 дес.) и строенія ставились тоже отдѣльно, а самыя полевыя угодья ограничивались или огораживались по каждому хозяйству. Въ Россіи, какъ мы знаемъ, нормальный надѣлъ назывался вытью, обжею, а въ каждой выти или обжѣ считалось не 10 четвертей, то-есть 5 десятинъ.

Съ самаго начала заселенія германское крестьянское населеніе распадалось на два различныхъ класса: одни стали домохозяевами и жили отдѣльными подворными участками, другіе, бобыли, пріютились на запольныхъ полосахъ и угодьяхъ крестьянскихъ и общинныхъ угодій. Изъ-за этихъ-то общинныхъ выгоновъ и пустошей вышли у нихъ постоянные споры и ссоры. Пока все шло хорошо и домохозяева не нуждались въ новыхъ земляхъ, они не обращали никакого вниманія на то, что бобыли и всѣ бѣднѣйшіе жители поселяются на пустыхъ земляхъ, безъ спроса и вѣдома общества; но когда населеніе поумножилось, бобыли

стали загораживать своими постройками пастбища, мѣшая прогону скота и запахивая все далѣе мѣста, считавшіяся въ общемъ пользованіи, антагонизмъ возникалъ уже самъ собою. Помѣщики воспользовались этими раздорами, чтобы прибрать къ своимъ рукамъ всѣхъ крестьянъ. Помѣщики вмѣшались въ общинныя дѣла и стали давать предписанія сельскимъ обществамъ (Markegnossenschaft). Нѣмецкая Mark заключала въ себѣ земли двухъ родовъ: однѣ были общинныя, другія—частныя, и только часть угодій, которая не была подѣлена между домохозяевами, составляла общее владѣніе и называлась Gemeinde Mark или Almende. Право пользованія общинными угодьями было тоже двоякое: вольные люди, крестьяне-собственники пользовались ими по праву, но прочіе, обязанные и крѣпостные, только съ вѣдома и согласія вотчинниковъ; тамъ, гдѣ вся деревенская земля принадлежала одному землевладѣльцу, онъ былъ и судья по всѣмъ дѣламъ общиннаго владѣнія: Markoberrichter, Markherr. Полные хозяева съ полною гуфою имѣли и въ общихъ угодьяхъ бо́льшее участіе, полутяглые меньше,—наконецъ огородники и бобыли ограничивались наименьшимъ размѣромъ, который доходилъ иногда до 5 моргеновъ (1 1/4 дес.). Людямъ, не имѣвшимъ осѣдлости, но приписаннымъ къ обществу, давалось только изъ милости участіе въ выгонѣ и водопоѣ. Такимъ образомъ, и въ общинномъ пользованіи было три категоріи обывателей: полноправные, половники и безправные. Но всѣ эти права поглощались высшимъ правомъ землевладѣльца—пользоваться тѣми же общинными угодьями, и онъ ими пользовался лучше всѣхъ,—такъ, что въ началѣ лѣта на общіе выгоны выпускались господскія стада, а когда они вытравятъ пастбище, то по ихъ слѣдамъ выгонялся крестьянскій скотъ, что́ называлось Blumenrecht; первый укосъ тоже принадлежалъ помѣщику, а отава сельскому обществу. Лѣса считались бо́льшею частію во владѣніи вотчинниковъ, и въ тѣхъ изъ нихъ, которые и назывались общинными, запрещалось крестьянамъ рубить дубовый и другой строевой лѣсъ безъ разрѣшенія владѣльца. Наконецъ, въ общинномъ владѣніи, въ чертѣ Almend'ы также считались запольныя полосы (Aussenfelder), пустоши (Dreschen), и вообще пустыя невоздѣланныя земли—terrae incultae. На счетъ этихъ пустошей были очень строгія правила: напримѣръ, каждому домохозяину дозволялось распахать столько цѣлины, сколько онъ успѣетъ поднять пластовъ пароконнымъ плугомъ въ 8-дневный срокъ; если онъ не допахалъ отведеннаго ему участка, то остальная часть возвращается владѣльцу; если хозяинъ въ теченіи девяти лѣтъ не обсѣялъ своихъ нивъ три раза, то онъ долженъ уступить

ихъ другому земледѣльцу. Инымъ домохозяевамъ позволяли продавать и покупать право участія въ общинныхъ угодьяхъ: этихъ крестьянъ называли Markberechtichte, а другихъ, у которыхъ не было полевого собственнаго участка, совсѣмъ лишали права пользованія въ лѣсахъ, но давали водопой и выгонъ. Право пользованія и разверстки общинныхъ угодій было очень точно опредѣлено, не такъ, какъ въ русскомъ мірскомъ быту, гдѣ все металось и рубилось по жеребью и по произволу (разметы, разрубы). Лѣса въ Германіи раздѣлялись на твердыя породы и мягкія. Дубъ и букъ вовсе не рубили. Мягкія низкоствольныя деревья шли на топливо и раздѣлялись между хозяевами полосами или прямоугольниками, и обыкновенно отводились на нѣсколько лѣтъ, причемъ каждому соучастнику назначался участокъ, пропорціональный его состоянію. Такимъ образомъ и между общинниками устроилось неравенство, завелись классы и разряды по установленной пропорціи въ числу скота, въ размѣру подворнаго участка или по правоспособности домохозяевъ, и только нѣкоторые изъ нихъ считались равноправными общинниками (Markberechtichte). Въ русскомъ міру все дѣлалось по общему жеребью и на равныхъ правахъ.

Первое дѣйствіе, послужившее къ распространенію вотчинной власти, были такъ-называемые Immunitäten—обѣленіе. Въ Россіи это означало изъятіе изъ общей подсудности и общаго оклада, то-есть исключеніе нѣкоторыхъ сельскихъ округовъ изъ вѣдомства коронныхъ чиновниковъ, передачу помѣщикамъ и вотчинникамъ права взиманія податей и налоговъ, запрещеніе судьямъ и сборщикамъ появляться въ таковыя обѣленныя, привилегированныя села и волости. Но въ Германіи Immunitäten имѣли еще и другой характеръ; такъ какъ полные тяглые крестьяне часто тяготились сожительствомъ съ бѣдными своими односельцами, то вотчинники предлагали имъ выдти изъ сельской общины, отдать себя подъ ихъ покровительство, и за таковую защиту принять на себя нѣкоторыя повинности въ пользу покровителя. Такимъ образомъ, крестьянинъ, принимая подданство вотчинника, приписываясь къ его патримоніальному округу, вмѣстѣ съ тѣмъ выходилъ изъ общества и освобождался одновременно отъ подсудности какъ отъ коронныхъ, такъ и отъ общественныхъ властей. Впрочемъ, это изъятіе изъ общей подсудности не было безусловное; какъ въ русскихъ бѣлыхъ вотчинахъ, такъ и въ нѣмецкихъ, нѣкоторыя преступленія и тяжбы разбирались все-таки королевскимъ судомъ и нѣкоторыя подати взимались на общемъ основаніи въ государственную казну. Но главное, чего домогались и достигли нѣ-

мѣцкіе вотчинники,—было право судить всѣ дѣла, иски, тяжбы и проступки сельско-хозяйственнаго управленія, всѣ статьи внутренней сельской расправы и въ томъ числѣ всякія поземельныя отношенія, какъ между крестьянами внутри обществъ, такъ и съ казной, съ духовными и свѣтскими начальниками и съ самими дворянами-землевладѣльцами. Черезъ это они сдѣлались судьями въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, по-крайней-мѣрѣ въ главнѣйшей отрасли этихъ дѣлъ, въ хозяйственномъ и аграрномъ управленіи. Такимъ образомъ, можно легко себѣ представить, что для охраненія крупныхъ имѣній отъ всякаго посягательства смежныхъ селеній, для округленія господскихъ дачъ, для исправленія спорныхъ межъ и границъ, вообще для расширенія и упроченія помѣщичьей власти, помѣстное сословіе не нуждалось болѣе и въ крѣпостномъ правѣ, и въ личномъ рабствѣ, если только сохраняло за собою право разбирать и рѣшать всѣ таковыя дѣла; оно могло въ такомъ случаѣ по праву разрѣшать себѣ всякое беззаконіе, присвоивать себѣ всякое имущество, стѣснять всякое постороннее хозяйство, мѣшающее господскому, запрещать всякое дѣйствіе, нарушающее пользы и нужды вотчинника. Имъ нужно было только удержать за собою патримоніальную власть мѣстныхъ суда и полиціи: *Grundherrlichkeit*.

Періодъ настоящаго порабощенія германскаго крестьянства открывается въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій. Насколько крестьяне были разрознены между собою, настолько плотно и твердо связано было помѣстное сословіе свѣтскими союзами рыцарства и дворянства, церковными законами, и полусвѣтскими, полудуховными обществами, такъ-называемыми орденами. Всѣ простые люди были служебно (dinglich) подвластны духовенству и дворянству; оставалось только покорить ихъ фактически (faktisch), то-есть присвоить себѣ имущества и земли и затѣмъ утвердить эти новые порядки по праву (rechtlich). Эти два процесса фактическаго присвоенія или, вѣрнѣе сказать, захватъ крестьянскихъ земель крупными собственниками и законнаго юридическаго подтвержденія этихъ насилій, занимаютъ всю новѣйшую исторію германскихъ обществъ до XVIII столѣтія. Первому изъ нихъ, насильственному захвату способствовали особенно два обстоятельства: во-первыхъ, смуты и междоусобія XVI столѣтія, извѣстныя въ исторіи подъ названіемъ «Крестьянской войны», и, во-вторыхъ, Тридцатилѣтняя война. Крестьянскія возстанія—это былъ послѣдній протестъ обезземеленныхъ хлѣбопашцевъ противъ патримоніальной расправы, и такъ какъ буйныя шайки мятежниковъ были вездѣ разбиты войсками, то рыцари, какъ войсковое

начальство, воспользовалось побѣдою для окончательнаго упроченія своей вотчинной власти. Послѣдній ударъ нанесенъ Тридцатилѣтней войною; оставшееся еще имущество у сельскихъ обывателей было все разграблено рядовыми ратниками и земли ихъ подѣлены между военачальниками, и всякое понятіе о крестьянской собственности изгладилось передъ хищническими набѣгами солдатскихъ шаекъ и алчныхъ ихъ военачальниковъ. Такъ рыцари отобрали себѣ всѣ земли, какія имъ были нужны и подручны, и людей безъ господъ не оставалось болѣе въ счастливомъ царствѣ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ.

Послѣ этого второго расхищенія, еще болѣе пагубнаго, чѣмъ расхищеніе тевтонское, нѣмецкіе рыцари провозгласили себя людьми высшей породы и высшей культуры, и отсюда выводили, что они должны взять въ свою опеку и управленіе всѣ классы низкой породы и низшей культуры... Таковъ принципъ, который они ввели для третьяго погрома нѣмецкаго крестьянина. Вообразивъ себя великими цивилизаторами и подражая римскимъ патриціямъ, они пошли по ихъ дорогѣ, но съ неслыханною наглостью въ исторіи, съ надменно-поднятою головою, стали гордо защищать свое разбойническое дѣло, ссылаясь на римское законодательство; а о вопросѣ о томъ, имѣютъ ли хлѣбопашцы право на пользованіе землею, которую они постоянно воздѣлывали, они умалчиваютъ. Они старались даже доказать, что хлѣбопашцы никогда не были на своихъ земляхъ и что они всегда повиновались господамъ совершенно добровольно, и что такова ихъ естественная порода, и что имъ слѣдуетъ съ полнымъ смиреніемъ принимать все, что имъ дадутъ, и не высказывать ни малѣйшаго сопротивленія, если ихъ лишаютъ и жизни и собственности,—новыя выдумки, которыя придумали нѣмецкіе рыцари высшей породы вмѣстѣ съ юристами римскаго законодательства и вмѣстѣ съ нѣмецкими агрономами, восхищающимися всякими сельско-хозяйственными мѣрами, если они ведутъ къ какому-нибудь, даже только видимому успѣху въ какой-либо земледѣльческой дѣятельности. Изъ всѣхъ этихъ разныхъ источниковъ нѣмецкіе вотчинники придумали цѣлый рядъ законовъ, при помощи которыхъ они надѣялись достигнуть совершеннаго подавленія крестьянской собственности и полнаго господства помѣщичьяго хозяйства. Такихъ мѣръ было три: 1) сносъ или свозъ крестьянскихъ дворовъ (Legung der Bauern), 2) разверстаніе общинныхъ земель (Gemeinheitstheilung), 3) нарѣзка въ окружныя межи (Verkopelung) вмѣстѣ съ размежеваніемъ черезполосныхъ владѣній (Separation), и утвержденіемъ поземельныхъ участковъ (Consolidation). Эти мѣры были

проведены и во многихъ другихъ государствахъ, но далеко не съ такимъ звѣрствомъ и съ такими насиліями, какъ въ Германіи, и это потому, что въ этой странѣ сами помѣщики сочиняли разныя мѣры и сами имѣли и судъ и расправу надъ крестьянами. Такихъ несправедливостей и жестокостей нигдѣ не было. Нѣмецкая наука, какъ наука вообще, проповѣдывала свои общія истины соотвѣтственно опытамъ исторической жизни и опытамъ человѣческой жизни вообще: она показывала всѣ вещи въ ихъ естественномъ видѣ и затѣмъ описывала всѣ обстоятельства, которыя могутъ такъ или иначе дѣйствовать на всѣ явленія въ общественной и сельско-хозяйственной дѣятельности. Она невиновата въ фальшивомъ и несвоевременномъ приложеніи ея совѣтовъ и законовъ. Но есть такіе ученые доктринёры, которымъ все возможно, лишь бы имъ было хорошо и полезно. Наука, напримѣръ, говоритъ, что всѣ поземельныя дѣла и проступки подсудны общимъ властямъ, что разбирательство тяжбъ между землевладѣльцами и земледѣльцами есть государево коронное право, ein Regalienrecht. А между тѣмъ въ Германіи установились надъ крестьянами судъ и расправа самого помѣщика, живущаго въ томъ округѣ: учрежденіе, прямо противоположное тому, что могутъ установить правильныя отношенія между обѣими сторонами. Иначе на всѣ эти вещи смотрятъ разные юристы, которые всегда руководствуются разными увертками въ словахъ и фразахъ существующихъ законовъ и сочиняютъ такія фиктивныя цѣнности, которыя, если на нихъ взглянуть чисто-научнымъ взглядомъ, оказываются умственными махинаціями самаго низкаго рода. У рыцарей отыскались такіе юристы и экономисты, которые стали доказывать, что это право вотчинныхъ судовъ и расправы составляетъ для вотчинниковъ *реальное имущество*, ein Realbesitz, и что оно поэтому должно быть оцѣнено какъ всякое имущество — и въ случаѣ отмѣны даетъ право на вознагражденіе матеріальное и денежное, на выкупъ. И они выставили огромную цифру. Выдумка—превосходная, такъ какъ выкупная операція вовсе не входила въ разсчеты правительствъ того времени и средствъ-то у тогдашняго правительства было немного. Но въ дѣйствительности государство могло бы дѣйствовать совсѣмъ иначе. Оно могло бы рѣшиться и на выкупъ, но только оцѣнку поставить чрезъ своихъ оцѣнщиковъ. Въ Россіи, во время полнаго развитія крѣпостного права, была допущена продажа деревень на сносъ; это значило—перевести ихъ изъ одной части Россіи въ другую, но они въ этомъ теряли немного, потому что и на новомъ мѣстѣ русскіе крестьяне оставались хлѣбопашцами и имѣли

поземельные надѣлы. Въ Германіи и средней Европѣ, при сносѣ дворовъ, земля отбиралась у домохозяевъ безвозвратно; сами они не переселялись, а выселялись изъ имѣнія, и подворные участки ихъ подъ законнымъ и благовиднымъ предлогомъ присоединялись къ господскимъ запашкамъ и выгонамъ. Обыватели же переходили въ города и становились фабричными чернорабочими, или поступали въ батраки и поденщики къ тѣмъ же господамъ, которые ихъ согнали съ земли. — Вотъ нѣсколько фактовъ такого обращенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Европы: въ Богеміи, послѣ Гусситской войны, около $^2/_3$ крестьянскихъ дворовъ, населенныхъ чехами, перешли во владѣніе нѣмецкихъ дворянъ и, несмотря на запрещеніе, эти выселенія продолжались массами во все царствованіе Леопольда I. Въ Помераніи и сѣверной Пруссіи, хотя подворные участки и признавались наслѣдственнымъ владѣніемъ домохозяевъ, но вотчинники могли отбирать ихъ и присоединять къ своимъ угодьямъ, если это необходимо требовалось: «wenn der Grundherr den Hof dringend bedurfte».

Относительно общинныхъ земель мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ тоже въ сравненіи съ Россіею. Ими тоже пользовались нѣмецкіе вотчинники и крупные крестьянскіе домохозяева. Что касается до размежеванія черезполосныхъ владѣній, мы говорили о немъ въ отдѣлѣ о Франціи, но тамъ объ исправленіи его не заботятся. Въ Германіи, напротивъ, были двѣ системы: нассауская и прусская. По нассауской предполагается только исправить видъ и форму дѣлянокъ, полосъ въ полѣ, дать имъ извѣстный нормальный размѣръ, ниже котораго запрещается ихъ дѣлить, и такую форму, которая была бы болѣе или менѣе удобна для обработки плугомъ, для провода канавъ, прогоновъ скота и проѣзда вообще, такъ какъ многіе изъ нихъ, окруженныя другими крупными помѣстьями, были совершенно заперты и недоступны. Минимумъ одной дѣлянки (parcelle) полагается для пашни 5 моргеновъ, для луговъ $2^1/_2$ морг., для огородовъ 1 морг. ($1^1/_4$, $^3/_4$, $^1/_4$ дес.); всѣ полевыя и луговыя полосы, которыя болѣе этой нормы, хотя бы онѣ были и въ черезполосномъ владѣніи, раздѣлу не подлежатъ... По прусской системѣ достигаются болѣе полные результаты: мелкія дѣлянки сбиваются, сводятся въ сплошные участки, въ окружныя дачи, по возможности прилегающія къ дворамъ и составляющія вмѣстѣ съ усадьбами цѣльное округленное владѣніе; полосы, лежащія врозь, замыкаются въ единственныя урочища, скопляются въ цѣлыя поля, которыя называются Koppeln. Черезполосное владѣніе по этому положенію вовсе прекращается, между тѣмъ по другому, нассаускому—оно

остается и только измѣняется въ нѣкоторыхъ наиболѣе стѣснительныхъ отношеніяхъ. Главная цѣль обѣихъ этихъ мѣръ: открыть свободный доступъ домохозяевамъ къ своимъ полямъ и лугамъ; для этого по уставу нассаускому проводятся полевыя дороги (Feld и Gemeinn-Wege), нарѣзываются полосы въ такомъ видѣ, чтобы каждая изъ нихъ выходила на дорогу; по другому же способу, всѣ черезполосныя дѣлянки сводятся въ подворные участки и между нимъ проводится только она улица или прогонъ для общаго проѣзда на главную дорогу (Communications-Weg).

Итакъ, изъ трехъ этихъ мѣръ первая была насильственная, вторая—понудительная, а третья полюбовная, рѣшаемая большинствомъ голосовъ. «Совокупными дѣйствіями этихъ мѣръ были достигнуты очень важные и въ хозяйственномъ отношеніи благіе результаты: срыты и снесены всѣ строенія, огороды, мѣшавшіе свободному сообщенію, свезены и выселены всѣ сельскіе жители, волею или неволею, по своей винѣ или по Божьей волѣ впавшіе въ бѣдность; пустопорожніе выгоны и дикія земли превращены въ плодоносныя нивы, и крестьянскія владѣнія, какъ и помѣщичьи, округлены, отведены къ однимъ мѣстамъ въ сплошные участки. Всѣ слѣды прежнихъ неурядицъ, упущеній, безпорядковъ были стерты съ лица нѣмецкихъ земель, всѣ наружные признаки бѣдности и хозяйственнаго распутства скрылись, и сельское хозяйство осталось въ рукахъ лучшей, наиболѣе зажиточной части сельскаго сословія. Но какими средствами и какою цѣною были куплены эти улучшенія?»

Все это регулированіе земледѣлія шло въ Германіи одновременно и параллельно съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ Англіи этотъ радикальный переворотъ совершился незамѣтно, самъ собою, по инниціативѣ ландлордовъ, заблаговременно угадавшихъ, что личная свобода можетъ быть дарована низшему рабочему классу безъ всякаго ущерба землевладѣльческимъ интересамъ, лишь бы только оставить за собой земельный фондъ въ неприкосновенной цѣлости. Во Франціи былъ противоположный ходъ: упорство аристократическаго класса, удержаніе до революціи всѣхъ оковъ феодальнаго права и затѣмъ, въ 1789 году, насильственное, мгновенное разрушеніе помѣщичьей власти и потрясеніе всѣхъ основъ соціальнаго быта, въ томъ числѣ крестьянскаго землевладѣнія и обширнаго самоуправленія. Германія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ имѣла роль несравненно болѣе интересную и поучительную; всякій шагъ ея на этомъ пути подготовлялся долгими и глубокомысленными разсужденіями; доктора правъ разбирали юридическія основы, экономисты выводили

теорію народнаго хозяйства, агрономы—ученія о раціональномъ земледѣліи; крайнее разнообразіе германскихъ племенъ и правленій заставляло вникать въ мѣстныя условія, обычаи, права, грамоты, инвентари, и изъ этого образовалась такая энциклопедія научныхъ и литературныхъ трудовъ и разныхъ законодательныхъ актовъ, что предметъ этотъ можетъ быть изслѣдованъ въ нѣмецкихъ земляхъ съ полнотою, какой не представляютъ лѣтописи другихъ народовъ.

Освобожденіе крестьянъ въ Германіи имѣло три момента или періода: первый, очень продолжительный, съ 1702 по 1815, представляетъ прекращеніе крѣпостной зависимости (Leibeigenschaft), съ возстановленіемъ только личной вольности крестьянъ; второй—съ 1815 по 1848, занятъ поземельнымъ ихъ устройствомъ (Grundetlassung), отмѣненіемъ барщинныхъ и оброчныхъ повинностей, общиннаго землевладѣнія, черезполосности и проч.; третій, открывающійся въ 1848 и продолжающійся въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи до сихъ поръ, можетъ быть названъ выкупнымъ періодомъ, такъ какъ выкупная операція началась въ бо́льшей части нѣмецкихъ земель только послѣ революціонныхъ смутъ этого года. Въ первомъ періодѣ дѣйствовалъ эдиктъ 16 декабря 1702 года, въ которомъ король прусскій Фридрихъ I объявилъ вольными всѣхъ крестьянъ своихъ удѣловъ и подалъ такимъ образомъ первый сигналъ къ освобожденію. Личныя гражданскія права были признаны для крестьянъ, но вотчинная подчиненность суду и расправы осталась безъ измѣненія. Крестьяне переименованы изъ Leibeigene въ Erbunterthänige, изъ крѣпостныхъ въ наслѣдственныхъ подданныхъ; запрещены тѣлесныя наказанія, оставляя, впрочемъ, право казни за помѣщиками; но король рекомендовалъ имъ вводить опредѣленныя инвентарныя повинности вмѣсто барщины, которая требовалась по произволу. Формальное прекращеніе крѣпостной независимости послѣдовало въ Пруссіи по эдиктамъ 1807, 1808 и 1811 гг., признавшими за крестьянами право собственности на землю, съ выкупомъ лежащихъ на нихъ оброчныхъ и барщинныхъ повинностей. Это была работа великаго Штейна; но послѣ паденія Наполеона I настало въ Европѣ вновь реакціонное движеніе юнкерской партіи, которой и удалось ввести въ реформу Штейна такія два условія, что дѣло крестьянскаго освобожденія не подвинулось. Они обратили выкупъ въ добровольную, необязательную сдѣлку и настояли на томъ, чтобы выкупъ уплачивался самими крестьянами, безъ пособія отъ казны, безъ ссуды. Въ это же самое время и остзейскіе помѣщики въ Россіи воспользовались благопріятнымъ для нихъ настроеніемъ трехъ императоровъ для

освобожденія остзейскихъ крестьянъ безъ земли, и такимъ образомъ лишили реформу всякаго значенія... Но грянула французская революція 1848 года, и нѣмецкіе вотчинники испугались. Большинство нѣмецкихъ правительствъ объявило себя за обязательный выкупъ крестьянъ, но въ дѣйствительности было уже поздно; въ продолженіи этихъ послѣднихъ 50-ти лѣтъ огромная масса крестьянъ была уже уничтожена, и крестьянская реформа не только никакихъ убытковъ юнкерству не принесла, но, напротивъ, огромныя выгоды. Кромѣ помѣщиковъ и крестьянской аристократіи, почти всѣ другіе крестьяне сдѣлались или чернорабочими, или, не дождавшись правительственной помощи, продали свои полевыя угодья и пріютились въ усадьбахъ, оставшихся въ ихъ владѣніи.

Въ окончательномъ результатѣ оказалось, что въ Пруссіи, въ 1867 году, въ суммѣ общаго населенія 23.970,941 обоего пола, земледѣліемъ занимались 11.527,440; изъ нихъ 5.761,436 нанимателей съ ихъ семействами, и 5.976,004 наемныхъ рабочихъ съ ихъ домочадцами. Въ 1861 году жителей-земледѣльцевъ въ Пруссіи считалось 8.399,730 обоего пола; изъ нихъ собственниковъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, какъ главнымъ промысломъ (als Hauptgewerbe) было 761,739, и какъ побочнымъ образомъ (als Nebengewerbe) 360,507. Арендаторовъ (Pachter) 60,805; женъ, дѣтей и домочадцевъ 4.970,674, директоровъ, инспекторовъ и друг. 32,651, батраковъ и служителей мужского пола 558,435, служителей женскаго пола (Mägde) 500,532, поденщиковъ мужского пола 574,937, поденщицъ 565,819.

Собственниковъ въ полномъ смыслѣ слова можно признать изъ сельскихъ сословій только рыцарей-помѣщиковъ, около 12,000, и полныхъ хозяевъ крестьянъ, около 360,000; если считать при нихъ женъ и дѣтей по 4 души на семейство, то весь классъ землевладѣльцевъ Пруссіи будетъ равенъ 1.488,000 обоего пола; а такъ какъ сельскихъ жителей всего 8.399,700, то остатокъ 6.911,700. Это все сельскіе пролетаріи различныхъ наименованій: Bündner, Gärtner, Kossathen, Diensboten, Gesinde и Knechten. «Они образуютъ посреди новѣйшей культуры безпорядочные слои сора и брака, оставшіеся неубранными при прочисткѣ господскихъ помѣстій, произведенной по всѣмъ правиламъ раціональной агрономіи и политической экономіи; они дѣйствительно мѣшали прогрессу и улучшенію культуры; въ ихъ грязныхъ хижинахъ зарождались болѣзни, ихъ огороды загораживали выгоны и дороги, ихъ тощія коровы и свиньи паслись безъ присмотра, объѣдая молодую поросль лѣсовъ и траву смежныхъ полей; сами они за-

нимались разными недозволительными промыслами: лѣсными порубками, конокрадствомъ и т. п. нарушеніями права собственности. Въ агрономическомъ и экономическомъ отношеніи обезземеленье этихъ бѣднѣйшихъ и слабѣйшихъ сельскихъ обывателей принесло несомнѣнную пользу. Въ соціальномъ же отношеніи оно породило большія опасности, предвѣстниками которыхъ служатъ волненія и смуты новѣйшихъ временъ. Рознь сословій, антагонизмъ между собственниками и рабочими нигдѣ не поставлены въ такія непримиримыя условія, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ, нигдѣ они не пустили такихъ глубокихъ и широкихъ корней. Въ Англіи сословіе землевладѣльцевъ такъ малочисленно, что они рано или поздно принуждены будутъ уступить, и вѣроятно уступятъ дружелюбно требованію радикальной аграрной реформы; во Франціи хотя и многолюдно (болѣе 3 мил. домохозяевъ), но малоземельно, и владѣетъ всего 17% всѣхъ удобныхъ земель. Въ Пруссіи число крестьянъ-собственниковъ меньше, около 1 мил., но они несравненно богаче и самостоятельнѣе, владѣя почти половиною государственной территоріи. Поэтому аграрные и соціальные вопросы имѣютъ въ Германіи другой характеръ, чѣмъ въ прочихъ государствахъ: это не борьба между аристократическимъ и демократическимъ элементами, какъ въ Англіи, или между среднимъ сословіемъ (буржуазія) и пролетаріатомъ, какъ во Франціи, но семейная и домашняя распря внутри сельскихъ обществъ, между крестьянами, изъ которыхъ старшіе братья надѣлены полными подворными участками, а младшіе нанимаются у нихъ въ батраки и чернорабочіе. Силы обѣихъ партій тоже ровнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; въ матеріальномъ и денежномъ отношеніи (Spannfähige Bauern), вполнѣ обезпеченные и заинтересованные не менѣе помѣстнаго сословія въ поддержаніи нынѣшнихъ порядковъ землевладѣнія, составляютъ вмѣстѣ съ дворянами-рыцарями твердую непоколебимую опору охранительной политики. Съ другой стороны, сельскіе пролетаріи по численности своей вдвое сильнѣе и, благодаря новѣйшимъ кредитнымъ учрежденіямъ, начинаютъ тоже запасать громадныя суммы изъ трудовыхъ своихъ сбереженій, стараясь по сіе время безуспѣшно, но не безнадежно, выдти изъ наемной кабалы и пріобрѣсти себѣ гдѣ-либо какое-нибудь недвижимое имущество. Но цѣнность имуществъ растетъ еще быстрѣе, чѣмъ рабочая плата и накопляющіяся отъ нея сбереженія, и исхода изъ этого смутнаго положенія не видно,— видно только то, что въ нѣмецкихъ земляхъ народы раздѣлятся на двѣ равныя и равносильныя половины, готовящіяся къ борьбѣ во всеоружіи матеріальныхъ и умственныхъ силъ.

«Какъ бы то ни было, но въ настоящее время можно считать, что германская культура остановилась на слѣдующемъ моментѣ: помѣстные классы утратили бо̀льшую часть своихъ корпоративныхъ привилегій, но сохранили невредимо всѣ свои имущественныя права, и отъ освобожденія крестьянъ выгадали несравненно болѣе, чѣмъ вольноотпущенные ими люди. Крестьянское сословіе раскололось на два класса: крестьянъ-собственниковъ (Vollbauern) и пролетаріевъ; первые пользуются безспорно такимъ благосостояніемъ, какого въ другихъ странахъ никогда не достигали низшіе классы народа. Это и есть, по нашему разумѣнію, преобладающая черта германскаго общественнаго строя. Принципы замкнутаго владѣнія и единонаслѣдія, которые въ другихъ странахъ составляли привилегію и отличіе высшихъ сословій, въ Германіи были распространены на низшія, несомнѣнно способствуя процвѣтанію хозяйства и благосостоянію того разряда крестьянъ, который наслѣдовалъ изъ рода въ родъ цѣльные, округленные и размежёванные подворные участки. Крестьянство во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ сомкнулось точно такъ, какъ и дворянство, въ плотную и однородную массу поземельныхъ собственниковъ, хозяевъ, нанимателей, и отъ обоихъ этихъ имущественныхъ сословій отдѣлилась далеко и безвозвратно другая масса малоземельныхъ крестьянъ (kleine ländliche Stellen), по-русски бобылей, а позади ихъ батраки и поденщики, сельскій пролетаріатъ. Этимъ и различается глубоко и рѣзко германская культура отъ великороссійскаго быта, который основанъ на противоположномъ принципѣ—равнаго надѣла всѣхъ рабочихъ людей» (т. I, стр. 287—288).

Описавъ положеніе общинныхъ земель въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ были разверстаны и надѣлены, мы приведемъ одинъ весьма характеристическій примѣръ удачнаго примѣненія общиннаго принципа къ землевладѣнію. Мы найдемъ такія общинныя земли въ горныхъ кантонахъ Швейцаріи, гдѣ общинныя земли составляютъ главную часть сельскихъ имуществъ. Онѣ называются Almend и подраздѣляются на лѣса, выгоны и поля: Holz, Alp und Feld. Право пользованія общинными землями обусловливается осѣдлостью, жительствомъ въ селеніи, и выражается словами: «огонь и свѣтъ» (Feuer und Licht), то-есть что обыватель, имѣющій постоянно отопленіе и освѣщеніе въ селѣ, пользуется топливомъ, выгономъ и извѣстной долей въ общей запашкѣ. Въ это право пользованія онъ вступаетъ точно такъ, какъ въ Россіи, не по достиженіи совершеннолѣтія, а тогда, когда онъ дѣйствительно принимаетъ хозяйство, женится и отдѣляется отъ дома

родителей; въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ завелось и преемственное право пользованія, такъ что оно предоставлено только стариннымъ домохозяевамъ, которые называются Bürger, между тѣмъ какъ новосельцы—Reisassen, хотя и приписанные къ обществу, этими угодьями не пользуются. Общинные лѣса содержатся вообще въ строжайшемъ порядкѣ; разбитые на лѣсосѣки, они вырубаются по всѣмъ правиламъ лѣсного хозяйства; какъ на топливо, такъ и на строеніе отпускается только высокоствольный, достигшій полнаго возраста, полному хозяину по 6 деревъ, бобылю 2; вообще же распредѣленіе лѣсного матеріала дѣлается по числу строеній и печей... Выгоны, Alpe, лежатъ на вершинахъ швейцарскихъ горъ; пастбища распредѣляются по числу головъ, принадлежащихъ каждому хозяину и по извѣстной поземельной мѣрѣ, которая называется Kuhessen и соотвѣтствуетъ пространству, нужному для двухъ коровъ въ теченіи 3—6-мѣсячнаго лѣтняго выгона. Наконецъ, кромѣ лѣсовъ и выгоновъ, лежащихъ бо́льшею частію въ горахъ, около самыхъ селеній, въ долинахъ имѣются пашенныя земли, тоже состоящія въ общемъ владѣніи. Передѣлы въ нихъ производятся въ сроки, установленные изстари, по приговорамъ и уставамъ сельскихъ обществъ; сроки не менѣе 10-ти лѣтъ и обыкновенно 15—20; въ нѣкоторыхъ обществахъ владѣніе пожизненно. Эти полевые надѣлы, несмотря на большую густоту населенія (3392 жителя на квадратную милю), составляютъ еще по сіе время довольно крупную собственность, по 1,400, 1,500 и 2500 квадр. клафтеровъ (клафтеръ = 6 футовъ) на хозяина, и если къ этому прибавить пастбища на 2 головы крупнаго скота, и топлива отъ 2—5 кубич. саженъ на дворъ, то оказывается, что и бѣднѣйшіе домохозяева могутъ проживать безбѣдно на такомъ положеніи. Вообще, швейцарская община имѣетъ очень твердыя, законныя основанія. Всѣмъ членамъ общества принадлежитъ право владѣнія на томъ же основаніи, какъ гражданамъ Рима предоставлялось пользованіе общественными землями (ager publicus); право собственности принадлежитъ общинѣ. Участіе въ общихъ выгонахъ и лѣсахъ, сроки и порядки передѣловъ, управленіе общинными землями—все это утверждено уставами, соблюдаемыми ненарушимо изъ рода въ родъ. Пространство и цѣнность общинныхъ земель по настоящее время очень значительны; во многихъ сельскихъ обществахъ приходится на жителя по $^1/_2$ и по 1 десятинѣ полей и, кромѣ того, пастбищъ на двѣ коровы. Лѣсовъ въ кантонѣ Ури считается по оцѣнкѣ на 4 милл. франковъ, такъ что на каждаго домохозяина приходится по 1,300 франковъ. Лучшимъ

доказательствомъ, что эти общественныя земли находятся въ совершенномъ порядкѣ, служитъ то, что онѣ оцѣниваются очень высоко: такъ, между прочимъ, при городѣ Золотурнѣ считается 6509 юхартовъ общественныхъ земель (юхартъ=около $^1/_3$ дес.), которыя оцѣнены въ 2.330,000 франковъ, но въ дѣйствительности стоютъ втрое дороже. Это равняется цѣнѣ 1100 франк. за десятину по оффиціальной оцѣнкѣ, или 3300 по дѣйствительной ихъ стоимости. Въ Голландіи есть такія же превосходныя общинныя устройства. Изъ этого видно, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ демократическіе интересы имѣли право голоса, гдѣ они не были самоуправствомъ крупныхъ собственниковъ, тамъ общинныя владѣнія въ извѣстныхъ размѣрахъ и въ опредѣленныхъ условіяхъ сохранились до новѣйшихъ временъ, и сохранились въ самомъ цвѣтущемъ видѣ, посреди самой интензивной, усовершенствованной культуры, въ странахъ и обществахъ, нисколько не отставшихъ отъ современной цивилизаціи и едва ли, по благосостоянію жителей, не опередившихъ другія великія державы и народы, какъ Швейцарія и Голландія.

Но въ остальной Европѣ всѣ общинныя земли преждевременно и легкомысленно разверстаны и раздѣлены. Крупноземлевладѣльческая партія лишила крестьянскія общества земли, но сама изъ нихъ рѣшительно ничего не сдѣлала, и массы полей могли бы быть разработаны превосходнымъ образомъ, еслибъ находились въ рукахъ трудолюбивыхъ и свободныхъ крестьянъ. Въ Англіи, напримѣръ, этихъ пустошей, употребляемыхъ въ настоящее время на охоту за оленями и остающихся безъ всякой культуры, 7.215,125 акровъ изъ 32.590,397 всей земли; въ Уэльсѣ 1.969,410 на 4.734,486; въ Шотландіи 14.219,272 изъ общей суммы 19.639,377; въ Ирландіи 3.998,559 на 20.319,924. Если взять эти земли, общая сумма ихъ составитъ 27.287,919 акровъ (9.095,973 дес.), $^1/_3$ всѣхъ земель Соединеннаго королевства [1]). Уничтоженіе сеттльментовъ и то новое устройство, которое дано ирландскимъ биллемъ Гладстона и Джона Брайта, способны дать странѣ совершенно иной характеръ. Во Франціи осталось этихъ земель, biens communaux, 4.718,856 гектаровъ (гектаръ—немногимъ меньше десятины). Въ Англіи есть еще 4.800,000 акровъ казенныхъ open fields. Въ Пруссіи 500,000 десятинъ.

---

[1]) Я беру эти цифры изъ Fortnightly Review, August, 1870, изъ статьи Captain Makse: Our uncultivated Lands. При ней и карта этихъ пустошей (wastes).

VII.

Изъ исторіи разныхъ землевладѣній мы видѣли, сколько ошибокъ сдѣлано во всѣхъ этихъ системахъ, и что всѣ эти ошибки имѣли результатомъ угнетеніе земледѣльческаго класса и обезземеленіе его, и что это обезземеленіе было естественною причиною всѣхъ неправильностей общественной и политической жизни всѣхъ народовъ, и древнихъ и нынѣшнихъ. Если вглядѣться поближе въ тотъ опытъ, который сдѣланъ въ этомъ отношеніи всѣми народами, то нельзя не придти къ тому общему заключенію, что земля можетъ служить только для пользованія ею въ видахъ общаго благополучія, и это пользованіе должно принимать такую форму, чтобы человѣческая дѣятельность въ устройствѣ земледѣльческаго труда имѣла всѣ условія свободнаго приложенія его для достиженія наибольшаго успѣха въ производительности земли и въ удовлетвореніи всѣхъ потребностей человѣческой общественной и личной жизни. Въ наше время сдѣлано столько разнообразныхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ, и въ общемъ выводѣ всегда приходили къ тому заключенію, что лучшее пользованіе землею какъ для самого земледѣльца, такъ и для всего человѣческаго общества состоитъ въ томъ, чтобы земледѣлецъ пользовался землею съ полною свободою, но въ тѣхъ предѣлахъ, какія полагаетъ его дѣятельности сама природа человѣка, его рабочая сила, снабженная извѣстными пріобрѣтенными знаніями и приспособленіями. Но безъ возможности такого свободнаго пользованія землею не можетъ быть правильнаго успѣха въ сельско-хозяйственномъ трудѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всей общественной жизни народовъ. Хотя земной шаръ—опредѣленная величина, но эта величина никогда не наполнится, и земли во всѣхъ государствахъ и у всѣхъ народовъ всегда есть вдоволь, если бы эксплуатація земли была устроена такимъ образомъ, что всѣ способныя рабочія силы могли бы быть обезпечены въ своемъ правѣ на результаты личнаго труда. Уничтожьте въ Англіи сеттельменты и раздѣлите всѣ земли между отдѣльными самостоятельными домохозяевами, соображаясь съ качествомъ земли и съ качествомъ рабочихъ силъ, существующихъ въ странѣ,—и вы легко можете опредѣлить нормальный участокъ для каждой семьи или для каждой ассоціаціи многихъ семействъ, живущихъ въ одномъ округѣ, и все пойдетъ къ совершенствованію въ земледѣльческомъ дѣлѣ и къ обезпеченію довольной и самостоятельной жизни всѣхъ трудолюбивыхъ и честныхъ дѣятелей. Примѣромъ такого устрой-

ства могутъ служить Соединенные-Штаты, гдѣ совершается раздача земель всѣмъ людямъ, которые желаютъ употребить свои рабочія силы на производство тѣхъ или другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Политика Соединенныхъ-Штатовъ была по этому вопросу совершенно иная, чѣмъ въ Европѣ; она болѣе основана на хозяйственныхъ соображеніяхъ, чѣмъ на политическихъ и торговыхъ. Американцы съ самаго начала примѣнили къ своему хозяйственному управленію нѣкоторыя простыя и непреложныя правила, которыя въ Европѣ хотя признавались въ наукѣ и теоріи, но не вводились въ дѣйствіе. Они уразумѣли, что казенное управленіе не приспособляется къ сельскому хозяйству и сельско-хозяйственнымъ промысламъ, и что, съ другой стороны, номинальное право собственности не обезпечиваетъ культуру, правильную эксплуатацію земли, — что земледѣліе въ буквальномъ смыслѣ слова, распашка полей, расчистка лѣсовъ, осушеніе болотъ, производятся не помѣщиками и промышленниками, а чрезъ ихъ посредство другимъ простымъ людомъ, хлѣбопашцами, дровосѣками, землекопами, — и изъ этого вывели заключеніе, что культура страны и народное богатство болѣе выиграютъ отъ присужденія земель самимъ земледѣльцамъ, чѣмъ отъ пожалованія и уступки ихъ крупнымъ владѣльцамъ и оптовымъ съемщикамъ и концессіонерамъ, по очень простой и извѣстной истинѣ, что всякая сдѣлка выгоднѣе изъ первыхъ, чѣмъ изъ вторыхъ рукъ. На этихъ соображеніяхъ основана была вся система колонизаціи и присужденія казенныхъ земель (public lands) въ американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ, и эта-то система принесла удивительные и счастливые результаты.

Первыя мѣропріятія по этому предмету относятся къ первымъ годамъ республики: въ 1785 и 1804 гг., двумя актами конгресса, всѣ пустыя земли были изъяты изъ вѣдомства отдѣльныхъ штатовъ, признаны государственными, публичными, и подчинены непосредственно центральному правительству республики. Затѣмъ, статутами 1830, 1832, 1834, 1841 и 1842 гг. гарантировано переселенцамъ право на пріобрѣтеніе извѣстнаго участка изъ казенныхъ земель и право преемственнаго вѣчнаго владѣнія таковыми надѣлами. Полное законоположеніе по этому предмету послѣдовало позже, въ президентство Линкольна, и было издано въ іюлѣ 1862 года, подъ именемъ Homestead Act. Главныя его основанія слѣдующія: 1) Право на пріобрѣтеніе казенныхъ земель предоставляется всѣмъ гражданамъ Соединенныхъ-Штатовъ, если они достигли совершеннолѣтія, а равно и лицамъ женскаго

пола, если онѣ овдовѣли и имѣютъ семейство; исключаются лишь тѣ граждане, которые участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ республики, или содѣйствовали и служили непріятелю. 2) Всѣ таковые желающіе съ 1-го января 1863 года имѣютъ право на надѣлъ не менѣе 40 акровъ (14,8 десятинъ); если они покупаютъ не болѣе одного участка въ 40 акровъ, то цѣна полагается по $1^1/_4$ доллара за акръ (4 руб. 40 коп. за десятину); если болѣе—до 160 акровъ, то цѣна двойная: $2^1/_2$ доллара (9 руб. за десятину). Такимъ образомъ, за наименьшій участокъ въ 14,8 дес. приходится всей платы около 62 рублей, и за высшій отъ 29—58 дес. всего отъ 261 до 522 руб. 3) Владѣльцы мѣстныхъ смежныхъ земель имѣютъ также право на полученіе изъ казенныхъ дачъ участка, прилегающаго къ ихъ владѣніямъ, на тѣхъ же условіяхъ и по той же цѣнѣ, но въ размѣрѣ не болѣе 160 акровъ (58 дес.). 4) Лица, желающія воспользоваться такимъ правомъ, должны явиться въ мѣстное межевое присутствіе и дать присягу, что они желаютъ пріобрѣсти землю для собственной и личной эксплуатаціи, для жительства и хлѣбопашества, а не для уступки и перепродажи другимъ владѣльцамъ, и вообще не для спекулятивнаго оборота. Послѣ этого они вносятъ задатка 10 долларовъ ($12^1/_2$ руб.) и вступаютъ немедленно во владѣніе отведеннымъ надѣломъ. 5) Окончательный вводъ во владѣніе производится не ранѣе какъ по истеченіи 5-лѣтняго срока (съ предоставленіемъ еще 2 лѣтъ отсрочки, всего 7 лѣтъ), причемъ, по миновании этого срока, владѣлецъ долженъ представить двухъ свидѣтелей и подтвердить присяжнымъ ихъ показаніемъ, что онъ, дѣйствительно, во все время со дня присужденія ему надѣла, имѣлъ на немъ жительство и производилъ работы за свой счетъ и въ свою пользу. Это считается послѣднимъ дѣйствіемъ присужденія и, по совершеніи его, владѣльцу выдается по установленной формѣ форменный документъ на вѣчное и потомственное владѣніе.

Всѣ эти мѣры, во-первыхъ, дали первенство и преимущество мелкому землевладѣнію передъ крупнымъ, запрещая вовсе продажу участковъ болѣе 160 акровъ въ однѣ руки; во-вторыхъ, онѣ устроили кадры, если такъ можно выразиться, будущаго сословія землевладѣльцевъ-собственниковъ, придерживаясь принципа, что наилучшій порядокъ хозяйственной эксплуатаціи есть тотъ, при которомъ собственникъ самъ воздѣлываетъ свои земли, и земледѣлецъ работаетъ не на хозяина, а самъ на себя.

Операція эта потребовала очень сложныхъ, предварительныхъ межевыхъ работъ, но самая система отличается простотою: по первоначальному плану, утвержденному еще въ 1785 году, при-

казано было разбить земли на прямоугольники; впослѣдствіи эти правила были пояснены и усовершенствованы, и въ настоящее время съёмка и разверстка уже покончены на пространствѣ 179 милліоновъ десятинъ. По этой системѣ прежде всего проводятся основныя линіи или базисы—Base lines, соотвѣтствующія градусамъ широты и пересѣкаемыя подъ прямыми углами другими линіями, меридіанами, идущими по направленію долготы. Изъ этихъ прямоугольныхъ сѣченій образуются участки въ 6 квадр. миль, которые составляютъ округъ — township. Округъ раздѣляется на кварталы—Sections, каждый въ 1 квадр. милю, а кварталъ на полукварталы въ 320 акровъ, въ четверть 160, въ осьмушку 80 и наконецъ въ шестнадцатую долю—въ 40 акровъ... Въ нѣкоторыхъ штатахъ съёмка и разверстка уже совершенно покончены, но остается еще необмежёванныхъ земель около ²/₃.

Разумѣется, и эта система имѣетъ свои недостатки, но она можетъ служить превосходною основою для совершенствованія сельскаго хозяйства и обезпеченія земледѣльцевъ въ ихъ благосостояніи. Имѣя въ виду благосостояніе этого класса, американское правительство уже по акту 1785 года стало отводить особую территорію въ пользу сельскихъ школъ, въ каждомъ кварталѣ по одному участку въ 640 акровъ, на содержаніе народной школы. Впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ и малонаселенныхъ штатахъ размѣръ этотъ удвоенъ и положено отводить по 1280 акровъ (479 дес.) съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ этихъ земель содержать въ каждомъ округѣ (township), кромѣ элементарныхъ школъ, еще учительскую гимназію.

Вотъ система, совершенно спасающая населеніе страны отъ сельскаго пролетаріата.

Юрій Россель.



ПѢСНИ

I.

Въ толпѣ людской и злой, и глупой,
Мнѣ снятся мирные луга,
Цвѣты и небо голубое,
И тихій ропотъ ручейка.

Такъ почему-жъ подъ небомъ свѣтлымъ
Томится грудь моя тоской,
И сердце просится и рвется
Туда, туда—къ толпѣ людской...

II.

Когда отъ мукъ изнемогаю
И скорбью вѣчною скорблю,
Я пѣсни нѣжныя слагаю,
Гдѣ красоту твою хвалю.

Такъ надъ развалиною жалкой
Иль надъ могильною плитой
Порою розы и фіалки
Цвѣтутъ невинной красотой.

III.

Еще качая, мать мнѣ пѣла,
Что въ небесахъ живетъ самъ Богъ,
Что въ нихъ блаженство безъ предѣла,
Что въ нихъ нѣтъ горя, нѣтъ тревогъ.

Но лишь тогда я смыслъ прекрасный
Нашелъ въ тѣхъ набожныхъ рѣчахъ,
Какъ встрѣтилъ неба отблескъ ясный
Въ твоихъ чарующихъ очахъ.

Н. Минскій.



ГЕРЦЕГОВИНСКІЕ ГАЙДУКИ
СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Изъ народной исторіи южнаго славянства.

Народная исторія южнаго славянства во времена турецкаго ига до сихъ поръ еще мало изслѣдована. Новѣйшее возрожденіе этихъ народностей какъ будто вновь открываетъ ихъ для другихъ народовъ, въ томъ числѣ и для ихъ единоплеменныхъ; теперь не трудно познакомиться съ жизнью сербовъ или черногорцевъ; много путешественниковъ, своихъ и чужихъ, посѣтили и описали эти страны и народы; новая сербская литература уже теперь даетъ множество всякаго рода свѣдѣній о географіи, статистикѣ, этнографіи своего племени. Но старые вѣка самой сербской исторіи, особенно временъ турецкаго ига, до-сихъ-поръ темны. Еще темнѣе исторія Босніи и Герцеговины, исторія Болгаріи; сюда едва начинаетъ проникать историческое изслѣдованіе,—которому еще не помогаютъ ни собранія памятниковъ національной старины, ни труды туземныхъ историковъ; самые памятники во множествѣ исчезли безвозвратно.

Одно не подлежитъ сомнѣнію. Это—долгая, мрачная исторія народа, который бьется за свое существованіе подъ игомъ племени, совершенно чужого и по происхожденію, и по нравамъ, и по религіи; племени, исполненнаго презрѣніемъ къ покоренному народу и примиряющагося съ нимъ только цѣною отреченія его отъ своей національности и религіи, т.-е. отъ всего, съ чѣмъ народъ оставался самимъ собой. Борьба была тяжелая и безотрадная: въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ не было никакого просвѣта,

никакой надежды на освобожденіе,—которое, послѣ временъ свободы въ XIV вѣкѣ, появилось впервые лишь въ XIX-мъ: довольно времени, чтобы племя могло совсѣмъ исчезнуть. Оно не исчезло—потому что крѣпко держалось немногихъ оставшихся завѣтовъ старины, и потому что побѣдители соглашались терпѣть его рабочую силу, безправную и безотвѣтную; они не вносили и никакой высшей цивилизаціи. Но утрачено было много: высшіе классы народа во всѣхъ покоренныхъ земляхъ балканскаго славянства, не желавшіе потерять своего привилегированнаго положенія, перешли на сторону побѣдителей, приняли магометанство и, отдѣлившись отъ народа, стали злѣйшими его притѣснителями; не подчинявшіеся владѣтели были или истреблены, или лишены своихъ владѣній, и должны были бѣжать изъ страны; зародыши образованности исчезли. Славянская кровь пошла на умноженіе мусульманской силы; страшная подать мальчиками отнимала свѣжіе ростки народа и обращалась на его бѣду—изъ этихъ мальчиковъ выростали янычары.

Съ паденіемъ царствъ сербскаго и болгарскаго, южное славянство потеряло все, чѣмъ держалось сознаніе народной цѣльности. Не было точки опоры, не было знамени, къ которымъ могло бы примыкать это сознаніе. Центръ былъ уничтоженъ, и народъ разбился на мѣстные, провинціальные обломки, забывая о своемъ единствѣ. Покореніе южнаго славянства продолжалось около столѣтія; шагъ за шагомъ исчезали полунезависимыя владѣнія, въ которыхъ доживала послѣднее время національная свобода, и, наконецъ, исчезли. Наступила долгая ночь. Сербы относительно были въ лучшемъ положеніи: часть племени, если не была національно независима, находилась однако въ несравненно-лучшихъ условіяхъ—въ Далмаціи, подъ властью Венгріи и Венеціи, и въ австрійскихъ владѣніяхъ; небольшой клочокъ сербской земли въ Черногоріи издавна не покорялся нашествію; сербы долго сохраняли свой религіозный центръ въ Печской патріархіи. Положеніе болгаръ было иное: съ ихъ царствомъ пала и независимая болгарская патріархія въ Терновѣ, и когда болгарскій народъ подпалъ игу турокъ, болгарская церковь была подчинена игу грековъ; послѣднее во многихъ отношеніяхъ не уступало турецкому.

Но господство и подчиненіе не было спокойное. Масса покорилась; но она не могла до такой степени отказаться отъ своей личности, чтобы такъ или иначе не заявлять протеста; тяжесть ига и религіозная антипатія къ мусульманству съ самаго начала

питали этотъ протестъ, который въ особенности выразился въ «гайдучествѣ».

Разными своими сторонами, гайдучество очень похоже на то, чѣмъ было у насъ старое козачество, разбойничество XVI—XVII-го вѣка, гайдамаччина. Какъ московское царство своимъ крутымъ отношеніемъ къ народной и областной жизни вызвало настоящее бѣгство изъ государства и создало массу «гулящихъ людей», вольницы и «голытьбы», отвергшихъ всякую государственную зависимость; какъ польское угнетеніе вызвало цѣлый систематическій разбой, въ видѣ гайдамаччины, такъ южно-славянское «гайдучество» было не простымъ разбоемъ, но, главное, политическимъ народнымъ протестомъ и войной противъ несправедливаго, дурно-устроеннаго государства. Сюда уходила ненависть къ турецкому господству, мщеніе за вынесенное зло; здѣсь, какъ въ нашемъ козачествѣ, положено было много народной силы, развились героическія похожденія, и народная поэзія овладѣла ими, какъ понятнымъ и близкимъ народному чувству предметомъ. Гайдуцкія пѣсни заняли обширное мѣсто въ южно-славянскомъ эпосѣ, какъ цѣлый его отдѣлъ и періодъ: «юнацкія пѣсни» новѣйшаго времени по преимуществу гайдуцкія. Но затѣмъ «гайдучество» въ другихъ отношеніяхъ было поставлено иначе, нежели наше козачество. Наша вольница имѣла передъ собой обширное, никому не принадлежавшее пространство земель на югѣ, гдѣ «гулящіе» и «воровскіе» люди могли, во-первыхъ, селиться правильными обществами, а во-вторыхъ, стали охраной собственной родины противъ татарскихъ наѣздовъ. Это сталъ передовой постъ своего же народа; здѣсь развилась своеобразная жизнь, которая вошла потомъ въ общее теченіе. Не такъ было въ южномъ славянствѣ; передъ нимъ не было свободныхъ земель, и когда надвигалось турецкое нашествіе, массы славянскаго населенія двинулись въ сосѣднія страны, гдѣ надо было вступить въ чужое государство и подчиниться ему или, оставаясь дома, вести мелкую партизанскую войну; изъ этой войны и образовалось гайдучество. Уже съ Коссовской битвы (1389) начинается движеніе сербовъ за Саву и Дунай, во владѣнія Венгріи и нѣмецкой имперіи; со времени покоренія Босніи въ XV-мъ вѣкѣ, сербы Босніи и Герцеговины стали переселяться въ Далмацію, въ венгерскія и венеціанскія владѣнія; много ихъ пріютилъ тогда свободный славяно-итальянскій Дубровникъ или Рагуза, и съ тѣхъ поръ сербскій элементъ сталъ все больше получать въ Далмаціи перевѣсъ надъ—первоначально болѣе сильнымъ—хорватскимъ. Одна часть этихъ выходцевъ утвердилась въ Далматинскомъ приморьѣ, въ

мѣстностяхъ, принадлежавшихъ Венгріи и Венеціи; здѣсь они приняли дѣятельную роль въ войнахъ противъ турокъ. Первоначальнымъ ихъ центромъ былъ Клисъ, а по взятіи его турками, они переселились въ Сѣнь (Zengg), въ сѣверо-восточномъ углу Адріатики. Это были знаменитые ускоки; въ XVI-мъ столѣтіи они пріобрѣли славу, какъ страшные пираты, между прочимъ много вредившіе, кромѣ турокъ, и венеціанцамъ, которые въ первыхъ годахъ XVII вѣка добились переселенія ихъ далѣе внутрь страны и сожженія ихъ флота. Ихъ имя означаетъ просто «бѣглецовъ», эмигрантовъ; такъ до сихъ поръ спеціально называется одно племя въ сѣверномъ углу Черногоріи. Сама Черногорія была мѣстомъ убѣжища для славянскихъ бѣглецовъ, и, выдержавъ цѣлые вѣка неравную борьбу съ турками, выработала закаленный народный характеръ, какой въ своей исторіи мы знаемъ у запорожцевъ. Войны черногорцевъ и ускоковъ противъ турокъ въ старыя времена были своего рода гайдучествомъ. Протестъ противъ турецкаго господства заявлялся и въ средѣ самихъ покоренныхъ земель: здѣсь не было возможности организовать большой силы, и война съ турками велась мелкими партизанскими предпріятіями гайдуковъ. На обыкновенный взглядъ, гайдуки были просто разбойники: въ гористыхъ мѣстностяхъ сербскихъ и болгарскихъ, они укрывались въ горныя пустыни и оттуда выходили на свои подвиги—истреблять и грабить турокъ; но всѣ писатели, говорившіе о старыхъ гайдукахъ, старательно отличаютъ гайдука отъ разбойника; съ гайдучествомъ, не только у самихъ славянъ, но и въ глазахъ постороннихъ наблюдателей, соединялось нѣчто героическое, богатырское и патріотическое; это былъ разбой, приведенный въ систему и направленный противъ народнаго врага— турка. Сербскій «гайдукъ» (ajдук), болгарскій «айдутинъ», греческій «клефтъ», такъ опоэтизированный въ эпоху борьбы грековъ за независимость, были люди совершенно одного рода—не хотѣвшіе покориться турецкой власти, мстившіе за насиліе насиліемъ.

Это была главная причина, заставлявшая идти въ гайдуки. Гайдучество удовлетворяло накипѣвшему озлобленію; его дикая свобода вознаграждала за угнетеніе; опасность подвиговъ завлекала людей храбрыхъ и энергическихъ, какъ рискованная игра. Конечно, въ большинствѣ только послѣднее отчаяніе приводило гайдука на его дорогу: одинъ былъ разоренъ податями и грабительствомъ, у другого убили отца и мать, похитили невѣсту; третій бѣжалъ изъ тюрьмы или отъ неминуемой казни. Бывали примѣры, что юнакъ уходилъ въ гайдуки отъ несчастной любви,

отъ проклятія родителей и т. п. По юнацкимъ пѣснямъ можно изобразить всю жизнь гайдука, съ его перваго вступленія на героическое поприще, его жизнь въ горныхъ лѣсахъ и пещерахъ, собираніе гайдуцкой «четы», испытаніе новичковъ, встрѣчи съ ненавистнымъ туркомъ и т. д. Въ народной поэзіи гайдуки слѣдуютъ непосредственно за старыми героями эпоса, царями, князьями, и банами, какъ и исторически гайдуки были преемниками тѣхъ князей и владѣльцевъ, которые послѣдними сражались за независимость противъ турецкаго нашествія и, наконецъ, отступили передъ нимъ. Въ старѣйшихъ пѣсняхъ, въ числѣ гайдуковъ встрѣчаются представители старыхъ, сильныхъ и богатыхъ родовъ; затѣмъ, это уже случайные герои, выходящіе изъ народной массы.

Такимъ образомъ, первоначально гайдучество есть продолженіе старой борьбы за свободу,—борьбы, уже неимѣющей центра и крупной силы, но тѣмъ не менѣе непримиримой. Вражда къ турку есть господствующая идея гайдучества; турокъ ненавистенъ, какъ нехристь и какъ грабитель; его самого надо убить и ограбить. Понятно, что, уходя въ гайдучество, человѣкъ могъ, наконецъ, совсѣмъ оторваться отъ общества, привыкнуть къ разбою и забыть свою первоначальную цѣль. Такъ это и бывало; ускоки, грабившіе турокъ и венеціанцевъ, грабили, наконецъ, и своихъ; но въ принципѣ гайдукъ вовсе не считалъ себя разбойникомъ; слово «лупежъ» (обыкновенный разбойникъ и воръ) есть для него величайшая обида; онъ—«юнакъ» (добрый молодецъ, богатырь), какъ нашъ запорожецъ былъ «лыцарь».

Въ пѣсняхъ разсказывается, почему нѣкоторые изъ этихъ юнаковъ шли въ гайдуки [1]). Одинъ ушелъ потому, что не могъ заплатить дани, наложенной на округъ; другой пошелъ отъ проклятія матери; третій—послѣ долгаго плѣна у турокъ и т. д.

Родоначальникъ гайдуковъ, «Старина Новакъ» (или Новакъ Дебеличъ, или Дебельякъ), исторически упоминаемый съ шестнадцатаго вѣка и равно извѣстный сербамъ и болгарамъ, разсказываетъ въ пѣснѣ, какъ однажды ему не заплатили денегъ за тяжкую работу; въ другой разъ, потребовали дани въ триста дукатовъ,—онъ взялъ заступъ и пошелъ въ гайдуки. На встрѣчу идутъ турецкіе сваты, а потомъ женихъ, и этотъ его ударилъ плетью: Новакъ убилъ его своимъ заступомъ, взялъ его деньги и саблю, а заступъ оставилъ при немъ, чтобы туркамъ было

[1]) Черты гайдуцкаго быта по пѣснямъ были уже собраны г. Безсоновымъ, въ предисловіи къ „Болгарскимъ Пѣснямъ" (М. 1855, стр. 115 и д.): мы заимствуемъ отсюда нѣсколько подробностей. Ср. „Исторію Сербіи по сербскимъ источникамъ", Ранке, русск. пер. М. 1857, стр. 59.

чѣмъ вырыть ему могилу. «Потомъ сѣлъ я на его коня и отправился прямо къ Романіи; смотрятъ на это турецкіе сваты, не хотѣли они гнаться за мною,—не хотѣли или не смѣли. Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ привыкъ я къ горѣ и лѣсу Романіи; полюбилъ ихъ больше, чѣмъ свои дворы. А почему? Стерегу дорогу черезъ гору; дожидаюсь (турецкой) молодежи изъ Сараева, да отнимаю у нихъ серебро, золото, сукно, бархатъ; одѣваю себя и товарищей; всегда готовъ и настичь и убѣжать, и постоять на страшномъ мѣстѣ, на сторожѣ, не боюсь никого, кромѣ Бога!» Это—эпическія черты настоящаго гайдука. Но въ лѣсу и горахъ иногда приходилось гайдуку очень тяжко; одинъ изъ нихъ «отметнулся въ лѣсъ зеленый отъ притѣсненій и обидъ бега,—съ голоду ѣлъ черную землю, отъ жажды съ листа пилъ воду». Иногда гайдукъ, ушедши въ горы, писалъ письмо къ своему прежнему притѣснителю, требовалъ отъ него дани или выкупа, или вызывалъ на юнацкій поединокъ: «что́ кому дастъ Богъ и счастье».

Гайдукъ дѣйствуетъ иногда одинъ, но чаще набираетъ себѣ дружину или пристаетъ къ готовой. Товарищи собираются подъ «барьякъ», знамя; но принимаются въ дружину не всѣ, кто придетъ, а избранные и испытанные. Начальникъ дружины называется «арамбаша» [1]); онъ распорядитель дѣйствій, онъ обязывается иногда доставить одежду и добычу, но власть его—добровольно признаваемая; товарищи иногда ропщутъ на него, и при неуспѣхѣ расходятся. Иногда доходитъ дружина до крайней бѣдности. «Врага все нѣтъ какъ нѣтъ,—говорится въ одной пѣснѣ,—не стало ни хлѣба, ни краснаго вина, въ мѣшкѣ вкуснаго кушанья. Сидѣли три-четыре дня, никто не попробовалъ хлѣба, ни вина краснаго. Досадила юнакамъ бѣда, но юнаки тверже камня, терпятъ голодъ и юнацкую жажду, никто ни слова не скажетъ». У другого арамбаши «гайдуки плачутъ и воютъ: ружья у нихъ на голыхъ плечахъ, пистолеты на голой груди, сумки съ порохомъ на голыхъ бедрахъ».

Гайдуцкіе обычаи, внѣ ихъ военныхъ подвиговъ, очевидно должны были быть тѣ же народные обычаи. И въ Сербіи, и въ Болгаріи гайдуки очень благочестивы: гайдукъ молится подъ зеленой елью; умирая, онъ завѣщаетъ часть своихъ денегъ въ аѳонскій монастырь; онъ даетъ деньги на поминовеніе убитыхъ сподвижниковъ; гайдукъ уважаетъ духовное лицо, «калугера». Между ними очень распространенъ общенародный, полурелигіоз-

[1]) Турецкое слово—начальникъ гайдуковъ, которыхъ называютъ турки „арамія“.

ный обычай «побратимства», заключенія братства, которое было тѣснѣйшимъ и священнѣйшимъ союзомъ—обычай, весьма извѣстный во всемъ южномъ славянствѣ, а также и въ старой Россіи, и для котораго установленъ былъ даже особый церковный обрядъ. Измѣна побратимству было величайшее, гнусное преступленіе.

Передъ началомъ дѣла считается необходимымъ «помянуть Бога истиннаго», и арамбаша обращается иногда съ рѣчью къ своимъ товарищамъ, напр.: «братья мои, не пугайтесь; выставьте долгія ружья и идите со мной подъ гору, въ тѣсные проходы; устройте земляные окопы, камнями заслоните груди и высуньте ружья; тутъ подождемъ мы отрядъ врага. Братья моя и дружина по всему ряду! Смотрите, не уязвила-бъ кого змѣя, не выстрѣлилъ бы онъ изъ ружья прежде, чѣмъ выстрѣлитъ первое мое!» За этимъ слѣдуетъ распредѣленіе въ кого мѣтить. Въ другой пѣснѣ, арамбаша говоритъ: «Пока не ударитъ мое ружье, пусть никто не стрѣляетъ изъ ружья; а какъ мое ударитъ, стрѣляйте всѣ разомъ. Тогда помяните единаго Бога, схватите острое желѣзо и разомъ вылетайте всѣ на дорогу. А потомъ—что́ Богъ дастъ и счастье отъ Бога».

Этотъ распорядокъ напоминаетъ разсказъ новѣйшаго путешественника по Далмаціи, Коля. Ему пришлось однажды ѣхать по одной изъ классическихъ мѣстностей старыхъ гайдуцкихъ подвиговъ, въ Далматинскомъ приморьѣ, между Сѣнью и Задромъ (Цара) у подножья Велебита. Какъ разъ наканунѣ около этой дороги совершено было нападеніе разбойниковъ на дилижансъ, сопровождаемый жандармами, убійство и разграбленіе пассажировъ. Любознательный путешественникъ желалъ осмотрѣть мѣсто происшествія, и онъ нашелъ тамъ тѣ самые окопы и каменныя ограды, о которыхъ говоритъ сербская пѣсня; по замѣчанію Коля, видно было, что всѣ выстрѣлы—опять, какъ въ пѣснѣ—были распредѣлены впередъ, для должнаго успѣха дѣла [1]).

Добыча дѣлится по-ровну; послѣдній участникъ дѣла получаетъ столько же, какъ арамбаша, если только послѣдній не дѣйствовалъ одинъ: тогда и добыча вся принадлежитъ ему. О самыхъ подвигахъ пѣсня выражается такъ: «Всюду ходили мы, Босну исходили,—говорятъ гайдуки,—гдѣ знали дворы—ограбили, гдѣ нашли деньги—унесли. Одни дворы остались намъ—красные дворы спахіи Любовича (т.-е. потурченнаго босняка помѣщика), у Невесинья, и тамъ, говорятъ, богатое имѣніе». Арам-

[1]) Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro. 2-е изд. Дрезд. 1856. 2, 346 и слѣд.

баша отвѣчаетъ имъ: «Знаю, братья, и я о тѣхъ дворахъ, мы легко можемъ къ нимъ добраться; но только если мы тамъ загибнемъ или получимъ тяжкія раны, не кляните вы мою душу. А добудемъ имѣніе, братски раздѣлимъ его». Оказывается, что спахіи Любовича нѣтъ дома; онъ ушелъ въ Хорватію добывать плѣнныхъ, т.-е. на такой же промыселъ, какъ гайдуки. Они подошли къ его двору, гдѣ жена ожидала Любовича, обманомъ они вошли во дворъ и принялись грабить; нашли они сундуки и буйволову кожу съ «латинскими рупіями» (въ Босну ввозили итальянско-далматинскую монету). Арамбаша совѣтуетъ товарищамъ: «Нагружайтесь товаромъ, да не перегрузите; нужно беречься на случай погони изъ Босніи». Арамбаша потребовалъ отъ хозяйки ужина, но—«мало онъ ужиналъ, и заплакалъ отъ своего дьявольства: сестрица моя! прошло лѣто, пришла зима; изба гайдуку—его плащъ, а у меня нѣтъ плаща; принеси-ка мнѣ плащъ, да кстати и ружье, и саблю; пора мнѣ идти, ждетъ дружина; принеси поскорѣе, пока они не пришли, а то будетъ бѣда еще больше». Госпожа принесла: арамбаша надѣлъ плащъ, повѣсилъ ружье на плечо, припоясалъ саблю и цѣлуетъ госпожу въ щеку, а на шеѣ у нея висятъ три нитки—одна съ мелкимъ бисеромъ, другая съ дорогими каменьями, третья съ латинскими рупіями. Онъ отрѣзалъ всѣ три нитки и положилъ въ карманъ.

Гайдуцкія «четы» въ разное время и въ разныхъ условіяхъ бывали разной численности; обыкновенно онѣ, кажется, не превышали тридцати человѣкъ; въ болгарскихъ пѣсняхъ число доводится до трехъ-сотъ, вѣроятно произвольная эпическая цифра. Когда бывало нужно, отряды соединялись и помогали другъ другу. Главною цѣлью походовъ бывало нападеніе на турокъ; но подъ конецъ они грабили и богатыхъ земляковъ. Но истинный гайдукъ рѣдко убивалъ человѣка безъ надобности. Уходя на свои подвиги, гайдукъ, конечно, могъ возвращаться домой только тайкомъ; отсюда, или отъ особыхъ друзей, они получали съѣстные припасы, узнавали нужныя свѣдѣнія и т. п. Любопытно, что гайдучество считалось особаго рода подвигомъ, въ продолженіи котораго гайдуки, какъ наши запорожцы, не позволяли себѣ женскаго общества. Къ чести турокъ—говорятъ, что они не преслѣдовали оставшихся семействъ гайдуковъ, исключая крайнихъ случаевъ.

Гайдучество практиковалось обыкновенно лѣтомъ. У сербовъ и болгаръ одинаково походы ихъ открывались съ характеристическаго Юрьева дня (весенняго) и продолжались до зимы. По зимамъ гайдуки жили скрытно дома, или у своихъ друзей, исполняя раз-

ныя работы. Съ весной они снова сходились въ назначенныя ранѣе мѣста; когда кого недостаетъ, о томъ собираютъ справки, и если, напр., гайдукъ былъ выданъ туркамъ, то предавшій подвергался неумолимому мщенію. Собираясь въ «четы», гайдуки надѣваютъ обыкновенно свое особое платье; у сербовъ это платье было особенно щеголеватое, между прочимъ отличаясь яркими цвѣтами: на грудь они надѣвали, для красы, особыя бляхи или же крупныя серебряныя монеты; на головѣ носили, напр., шелковыя шапки съ большою, падавшею на грудь кистью. Надѣть гайдуцкій костюмъ уже значило показать намѣреніе идти на гайдуцкія дѣла.

Само собою разумѣется, что турки принимали противъ гайдучества всякія мѣры, ставили пикеты, разсылали «пандуровъ» для ихъ поимки, заставляли мѣстныхъ жителей ловить, устраивали облавы и т. п. Отрубленная голова гайдука втыкалась на колъ; пойманнаго живого гайдука сажали на колъ,—причемъ обыкновенно ему предлагалось для спасенія жизни принять магометанство, а онъ какъ можно сильнѣе ругаетъ Магомета; когда его вели на казнь, онъ громко пѣлъ пѣсни, что иногда спасало его, давая знать товарищамъ. Но бывали случаи, что гайдукъ утомляется и желаетъ возвратиться къ прежней спокойной жизни. Для него выхлопатываютъ «буpунтію», бумагу отъ визиря; онъ ворочается домой и уже никто не смѣетъ попрекнуть его гайдучествомъ. Очень часто такіе гайдуки кончаютъ тѣмъ, что сами идутъ въ пандуры.—Воспоминаніе о домѣ, о матери, братьяхъ и сестрахъ нерѣдко является среди гайдуцкихъ подвиговъ, и эта черта смягчаетъ суровую до дикости картину.

Приведенныя черты собраны изъ сербскихъ пѣсенъ, вѣрно передающихъ и бытовую дѣйствительность,—съ тою только разницей, что въ новѣйшее время гайдукъ вѣроятно чаще, нежели въ старину, превращался въ простого разбойника. Болгарское гайдучество совершенно похоже на сербское; выше мы упомянули, что ихъ родоначальникъ одинъ и тотъ же, Старина Новакъ.

Любопытно, что у сербовъ, и у болгаръ, въ гайдучество шли даже дѣвушки, въ сопровожденіи своихъ братьевъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ воспѣвается «войвода Бояна», «мома Елена» и др.; онѣ ловко умѣли владѣть оружіемъ и въ подвигахъ не отставали отъ мужчинъ. Это подтверждается и фактами. Въ концѣ прошлаго столѣтія извѣстна была Сирма-войводка, предводившая отрядомъ гайдуковъ, которые долго не знали, что ихъ начальникъ женщина; она въ состояніи была по 18 часовъ въ день быть на ногахъ. Впослѣдствіи она вышла замужъ, и ее, уже

восьмидесятилѣтнюю старуху, видѣлъ въ Прилѣпѣ одинъ изъ братьевъ Миладиновыхъ, которому она разсказывала исторію своей молодости. Она также упоминается въ пѣсняхъ [1]).

Такъ изображается гайдучество въ народной пѣснѣ. Гайдукъ является вполнѣ народнымъ героемъ, которому отдаются полныя сочувствія. Съ такой же симпатіей разсказываетъ о гайдучествѣ современный свидѣтель [2]). Г. Бацетичъ говоритъ о гайдучествѣ на основаніи бытовыхъ фактовъ, и точно также придаетъ ему чрезвычайно важное національное значеніе: это—хранители идеи независимости и стараго національнаго обычая. Въ трудныя времена, когда надъ сербскимъ народомъ тяготѣло иго, какъ оно еще тяготѣетъ надъ турецкимъ славянствомъ, для народа не было бы надежды сохранить свою національность, не одичать совсѣмъ подъ произволомъ, не потерять послѣдней возможности человѣческаго существованія, еслибъ у него не было этихъ народныхъ мстителей. Когда турецкая власть слишкомъ угнетала, когда она оскорбляла народную святыню, гайдуки являлись съ отпоромъ и мщеніемъ. «Без освете—нема посвете», безъ мщенія—нѣтъ спасенія: такая пословица составилась въ народѣ, быть можетъ, еще со временъ родовой кровной мести; она прилагалась и теперь, и народъ глубоко уважалъ гайдуковъ, какъ представителей мщенія и правды. Уходя въ горы и лѣса, гайдуки ставили себѣ задачей мстить за неправду; они не принимали въ свою среду безчестныхъ воровъ и убійцъ, и составляли свою общину съ строгими правилами. Они присягали между собой не оставлять другъ друга до послѣдней капли крови, быть справедливыми, вѣрными обѣту, и мстить за жертвы турецкаго угнетенія. Клятва считалась ненарушимой: «гайдуцкая вѣра крѣпче камня»,—говорила пословица. Они обязывались повиноваться арамбашѣ во всемъ, чтó онъ найдетъ хорошимъ; младшіе годами цѣловали ему руку. Такъ составлялись гайдуцкія «четы», которыя нерѣдко спасали неповинныхъ христіанъ отъ турецкаго фанатизма и насилія; въ народѣ рождалось убѣжденіе, что безъ гайдуковъ, безъ ихъ суда и расправы, плохо жить; эта увѣренность въ защитѣ ими праваго дѣла поддерживала въ народѣ бодрость,—онъ вѣрилъ, что «пока есть въ лѣсу гайдуки, до тѣхъ поръ будетъ и правда», потому что «гайдуцкое ружье стрѣляетъ за правду».

Они дѣйствовали на турокъ страхомъ мщенія, и это былъ

---

[1]) Миладиновыхъ, „Болг. пѣсни", стр. 828. О болгарскомъ гайдучествѣ, кромѣ Безсонова, см. у Иречка, Gesch. der Bulgaren, стр. 473—475, 530, 552.

[2]) См. Бацетича, Очерки Старой Сербіи, въ „Бесѣдѣ" 1871, кн. 5-я.

единственный и естественный отвѣтъ на угнетеніе. На силу они отвѣчали силой. Но это не былъ одинъ произволъ. Гайдуцкая дружина приносила съ собой общенародный обычай, и имѣла свое собраніе и «састанак», сходку. Сознаніе своей независимости и увѣренность въ народномъ сочувствіи дѣлали гайдуковъ настоящей судебной властью. Народъ считалъ подвиги гайдуковъ настоящими дѣлами христіанской добродѣтели; званіе гайдука получило въ его глазахъ какое-то священное значеніе. Они строго соблюдали религіозныя обязанности — исполняли всѣ посты, для исповѣди и причастія призывали къ себѣ въ горы священника, который и отправлялся къ нимъ, конечно тайкомъ отъ турокъ. Гайдуки внимательно слѣдили, что́ дѣлается въ городахъ и селахъ, грабили и убивали злыхъ турокъ, смотрѣли и за своими соотечественниками, кнезами, кметами и купцами—помогаютъ ли они бѣднымъ въ нуждѣ, защищаютъ ли отъ турокъ. Они, впрочемъ не всегда сразу принимали крутыя мѣры, но отправляли «гласоношу» или «книгоношу» (письмоносца) съ предостереженіемъ объ исправленіи ущерба и несправедливости, давали сроки и для бо́льшей выразительности угрозы посылали кому было нужно «ферикъ» (патронъ). Ихъ расправа была такъ дѣйствительна, что туземные беги и аги не разъ брали сторону христіанъ противъ властей изъ азіатскихъ турокъ, не знавшихъ мѣстнаго положенія вещей. Турки боялись угрозы «кукою и мотыкою» (сербскія земледѣльческія орудія): это означало, что райя, ожесточенная притѣсненіемъ, броситъ поля и земледѣліе, и уйдетъ въ горы. Людей честныхъ гайдуки не трогали; напротивъ, всячески ихъ оберегали и мстили за нихъ, если имъ приходилось потерпѣть отъ турокъ. Гайдуки были суровы и къ своимъ, наказывали смертью за нарушеніе побратимства или клятвы, данной на гайдуцкомъ судѣ.

Естественно было, что въ самомъ христіанскомъ населеніи были люди, которые изъ личной корысти подлаживались къ туркамъ, помогали турецкому угнетенію противъ собственныхъ соотечественниковъ. Гайдуцкій судъ былъ безпощаденъ къ этимъ «отпадникамъ», «отлюдамъ», губителямъ христіанскаго народа, который въ этихъ случаяхъ вполнѣ одобрялъ гайдуковъ: «хорошо сдѣлали, да будетъ свята ихъ рука». Гайдуки подвергали «отлюдовъ» побоямъ и смерти, и грабили имущество,—кромѣ женскихъ вещей: они всегда оставляли неприкосновеннымъ дѣвичье приданое; ограбить дѣвицу, по ихъ мнѣнію, было то же, что ограбить церковь.

Такимъ образомъ, несмотря на многовѣковую неволю, въ серб-

скомъ народѣ было крѣпко внутреннее сознаніе своего права и чувства народности; онъ былъ безсиленъ свергнуть иго, но всегда протестовалъ, какъ могъ, противъ него. Изъ этого сознанія произошло и гайдучество, которое въ свою очередь укрѣпляло его. Сербскій авторъ убѣжденъ въ этомъ самымъ положительнымъ образомъ. «Остался ли бы столь крѣпкимъ духъ народный,—говоритъ г. Бацетичъ,—если бы не было гайдуковъ? Выраженіемъ этой внутренней крѣпости народнаго духа и внѣшнимъ проявленіемъ его силъ были гайдуки. Жестоко ошибаются турки и европейцы, которые въ гайдукахъ видятъ разбойниковъ. Напротивъ, при тѣхъ условіяхъ порабощенія, въ которыхъ былъ поставленъ сербскій народъ, онъ иначе и не могъ проявить лучшую сторону своего духа, какъ въ гайдукахъ. Другая форма проявленія была невозможна. Когда власть не могла, или не хотѣла идти дружно съ народомъ, а, напротивъ, относилась къ нему враждебно, одни гайдуки поддерживали въ народѣ и вѣру, и обычаи, и нравы, и правду: ихъ судомъ и расправою успокоивалась народная совѣсть и удовлетворялось чувство правды, сознаніе права. Подъ защитою гайдуковъ народъ (въ Босніи и Герцеговинѣ) отстаивалъ себя, и свою нравственную самостоятельность и свою общественную жизнь до самыхъ пятидесятыхъ годовъ, или до прибытія Омера-паши изъ Константинополя съ регулярными войсками... Гайдуки сдерживали и турокъ и отступниковъ, внушая имъ страхъ неизбѣжной правдивой кары... Отсюда истекала особая тонкая черта взаимныхъ отношеній сербовъ и турокъ. Опираясь на гайдуковъ и видя въ нихъ какъ-бы лучшую сторону самихъ себя, порабощенные сербы не упадали духомъ и имѣли достаточно нравственной поддержки, чтобы соблюсти въ цѣлости достояніе своей народности; а съ другой стороны, и турки и всякіе выродки и злодѣи не могли безнаказанно покушаться на святыню народной жизни. Такимъ образомъ гайдуки были благодѣтельной силой, уравновѣшивающей обѣ враждебныя стороны».

Читателю можетъ показаться слишкомъ идеализированной картина, нарисованная г. Бацетичемъ, когда другіе отзывы представляютъ гайдучество не столь безупречнымъ оберегателемъ правды. Видимое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что въ гайдучествѣ были свои злоупотребленія, были дурные люди; но взятое въ цѣломъ, мимо этихъ злоупотребленій, гайдучество дѣйствительно заняло въ народной исторіи южнаго славянства то положеніе, какое приписываетъ ему сербскій авторъ. Въ этомъ убѣждаетъ, во-первыхъ, та героическая роль, какую даетъ гайдукамъ народная поэзія: въ

сербскомъ и болгарскомъ эпосѣ пѣсни о гайдукахъ идутъ непосредственно за пѣснями о старыхъ герояхъ,—за пѣснями о князѣ Лазарѣ, Милошѣ Обиличѣ, Маркѣ Кралевичѣ; гайдуцкіе подвиги—такіе же народно-героическіе подвиги, и пѣсня даетъ имъ то же самое сочувствіе. Во-вторыхъ, чтобы освѣтить историческое значеніе гайдучества, надо вспомнить, что дѣло освобожденія въ Сербіи начали и совершили гайдуки; когда народное негодованіе къ притѣснителямъ перешло въ возстаніе, гайдуки явились его естественными предводителями: знаменитый Черный Георгій бывалъ гайдукомъ, Милошъ—также, ихъ первые сподвижники Главашъ и Велько были извѣстные предводители гайдуцкихъ «четъ» [1]. Первые стали потомъ князьями и забылась ихъ прежняя роль: «гайдукъ Велько» такъ и остался съ этимъ именемъ въ исторіи сербскаго освобожденія. Велько въ особенности пріобрѣлъ славу своей патріотической энергіей въ борьбѣ съ турками, въ которой еще молодымъ человѣкомъ тогда же сложилъ голову.

Въ настоящее время гайдуковъ нѣтъ въ Сербіи и Черногоріи, гдѣ народная свобода сдѣлала ихъ ненужными. Но въ Черногоріи еще до очень недавняго времени старое преданіе сохранялось въ обычаѣ составлять (даже въ «мирное» время) «четы» для партизанской войны съ турками; каждому черногорцу необходимо было побывать въ «четѣ», сдѣлать съ ней походъ, и чтобы достойно носить имя юнака, надо было отрубить турецкую голову [2].

Мы приводимъ дальше *историческій* разсказъ о подвигахъ одного знаменитаго гайдука прошлаго столѣтія, дѣйствовавшаго въ Герцеговинѣ и Босніи. Этотъ разсказъ находится въ книгѣ итальянско-далматинскаго писателя Ловрича, о которой мы имѣли случай упоминать прежде [3]. Разсказывая о жизни далматинскихъ сербовъ, Ловричъ не могъ пропустить столь крупной черты народнаго быта, какъ гайдучество, о которомъ, видимо, было много толковъ и внѣ Далмаціи. Ловричъ самъ строго отличаетъ гайдуковъ отъ простыхъ разбойниковъ: гайдуки, по его отзыву, люди, исполненные мужества, храбрые, предпріимчивые, смѣло встрѣчающіе всякую опасность, но и способные на всякую несправедли-

[1]) Ср. Исторію Сербіи, стр. 91—92.

[2]) См. разсказы г. Попова, „Путеш. въ Черногорію". Спб. 1847; Frilley et Wlahovitj, „Le Montenegro contemporain". Paris, 1876.

[3]) Osservazioni di Giovanni Lovrich etc. Venezia, 1776. См. „Первые слухи о серб. нар. поэзіи", „В. Евр." 1877, янв.

вость, потому что, начиная съ войны противъ турокъ, кончаютъ иногда и тѣмъ, что нападаютъ на своихъ соотечественниковъ. Они не гоняются за мелочами, но когда услышатъ, что идетъ турецкій караванъ, они нападаютъ на него изъ своихъ засадъ, всегда въ меньшемъ числѣ; они часто рискуютъ жизнью, чтобы добыть себѣ пищу, и Ловричъ отдаетъ справедливость ихъ рѣшительности и характеру. Въ тѣ годы (книга Ловрича вышла въ 1776) славился въ Далмаціи гайдукъ Бушичъ, который собиралъ настоящую дань, харачъ, съ турецкихъ деревень; одно имя его наводило на турокъ страхъ. Ловричъ замѣчаетъ, что самая мѣстность, горные лѣса и ущелья способствовали успѣху гайдучества, и припоминаетъ римскаго историка Флора, который уже замѣтилъ это обстоятельство: Dalmatae sub silvis agunt, ideo ad latrocinia promptissimi. Далматы уже въ тѣ времена были чрезвычайно наклонны къ грабительству. Гайдуки выходятъ на дѣло весной; у сербовъ есть поговорка: «Юрьевъ данце, айдуцки састанце» — Юрьевъ день, гайдуцкая сходка, — съ этого времени деревья покрываются листьями, такъ что люди могутъ скрываться за ними. Не всѣ идущіе въ гайдучество руководятся одинакими побужденіями, говоритъ Ловричъ. Одни уходятъ вслѣдствіе совершённыхъ ими преступленій; другіе потому, что несправедливость правителей лишила ихъ собственнаго достоянія, наконецъ, третьи изъ желанія подвиговъ (per bravura), — надо добавить: изъ желанія направить эти подвиги именно противъ турокъ. Ловричъ разсказываетъ, что одинъ изъ гайдуковъ этого послѣдняго свойства, будучи взятъ пандурами (замѣтимъ, что «пандуры» были и у турокъ, и у венеціанскихъ властей въ Далмаціи, и у австрійскихъ) и переданъ въ руки правосудія, на вопросъ чиновника (cancelliere, вѣроятно венеціанско-далматинскаго), почему онъ сталъ разбойникомъ на большой дорогѣ, отвѣтилъ: «а почему ты сталъ чиновникомъ?» Эти люди, прибавляетъ Ловричъ, хотя и одичали, не бываютъ неблагодарны и не бываютъ предателями; и тѣ воровства и свирѣпости, какія совершаются часто въ далматинскихъ предѣлахъ, совершаются людьми, которые только прикрываются внѣшностью гайдуковъ, но не настоящими гайдуками.

Ловричъ ставитъ вопросъ, какимъ образомъ можетъ быть уничтожено гайдучество? Этотъ вопросъ очень затрудняетъ его, но онъ вѣрно замѣчаетъ двѣ причины: «алчность нѣкоторыхъ правителей» (l'avidità di alcuni ministri) и то мнѣніе, господствующее у этихъ людей, что тотъ наилучшій юнакъ, кто убьетъ больше турокъ. Это мнѣніе Ловричъ считаетъ «нечестивымъ и застарѣ-

лымъ»—онъ не хотѣлъ признать, что «нечестивое мнѣніе» имѣло достаточныя основанія въ отношеніяхъ турокъ къ славянамъ, въ страшной ненависти покоренныхъ къ турецкой власти, которая тяготила ихъ сверхъ всякаго терпѣнія.

Славянскіе разбои въ Далмаціи былъ предметъ, давно извѣстный въ итальянской литературѣ. Нѣкогда ускоки были грозой не только для турокъ, но и для венеціанцевъ, торговля которыхъ страдала отъ ихъ пиратства. Венеціанскіе писатели занимались ими издавна и оставили любопытныя сочиненія объ ихъ исторіи. Такова «Исторія Ускоковъ» Минуччіо Минуччи, и знаменитѣйшаго изъ венеціанскихъ писателей тѣхъ временъ Фра Паоло Сарпи. Между прочимъ, вѣроятно эти книги способствовали тому, что имя ускоковъ пріобрѣло извѣстность и въ цѣлой европейской литературѣ,—даже до нашего времени, когда Жоржъ-Зандъ выбрала здѣсь сюжетъ извѣстнаго романа... Далматинское гайдучество было явленіемъ того же порядка, и Ловричъ предполагалъ, что оно способно занять его читателя. Въ приложеніи къ своей книгѣ онъ помѣстилъ цѣлую біографію одного знаменитаго въ свое время гайдука, котораго онъ зналъ лично. Мы думали, что эта біографія будетъ не лишена интереса и для нашихъ читателей, какъ эпизодъ народной южно-славянской исторіи и фактическій комментарій къ южно-славянской эпической поэзіи. Ловричъ писалъ біографію отчасти по ходившимъ разсказамъ, отчасти со словъ самого героя; онъ самъ признаетъ, что въ разсказѣ можетъ быть преувеличеніе, какое всегда способна прибавить молва, — но сущность дѣла не подлежитъ сомнѣнію.

Станиславъ Сочивица — характеристическій представитель южно-славянскаго гайдучества. Онъ былъ вынужденъ броситься въ эту жизнь, полную опасностей; его свирѣпость направлена была исключительно противъ его заклятыхъ враговъ, турокъ, и его потурченныхъ земляковъ. Біографія Сочивицы представляетъ всѣ тѣ черты, съ какими является гайдучество въ народной пѣснѣ; самъ онъ, по словамъ Ловрича, былъ воспѣтъ въ народной поэзіи. Къ біографіи приложенъ и портретъ его во всемъ вооруженіи и съ подписью изъ Овидія:

Vox fera, trux vultus, verissima mortis imago,
Quamque lupi saeve plus feritatis habet.

Жизнь Станислава Сочивицы.

...Reperies qui ob similitudinem morum aliena malefacta sibi objectare putent.
Tac. An. 4.

Поощряемый примѣромъ многихъ знаменитыхъ писателей, я позволяю себѣ написать жизнь разбойника на большой дорогѣ. Саллюстій описалъ намъ возмущеніе Катилины. Многіе историки укоряли этого писателя, что онъ оставилъ потомству столь недостойныя воспоминанія, но они не разсуждали, какъ возвышенный мыслитель Тацитъ, что люди, по сходству нравовъ, думаютъ, что чужія злодѣянія служатъ имъ укоромъ. Поэтому, можетъ быть, другіе писали о Картушѣ, или Мандрино. Фра Паола Сарпи, этотъ проницательный и остроумный разыскатель истины, удостоилъ передать потомству исторію Ускоковъ, которые были не что иное, какъ разбойники на большой дорогѣ и морскіе пираты. Но сколько царствъ произошло изъ такихъ низкихъ источниковъ во времена болѣе патріархальныя? Развѣ знаменитый основатель Рима не представляется глазамъ разсудительныхъ писателей какъ нѣчто въ родѣ разбойника на большой дорогѣ? Но такъ какъ здѣсь не мѣсто наскучать безчисленнымъ количествомъ примѣровъ, я начну біографію моего разбойника. Она представитъ намъ факты, которые покажутся романическими; но какъ истина, служащая мнѣ руководителемъ, не позволяетъ мнѣ завлекать читателей баснями, такъ она позволяетъ мнѣ не вѣрить разсказамъ, которые людьми менѣе требовательными выдаются за истинные. Какъ бы то ни было, основаніе исторіи Сочивицы справедливо; относительно обстоятельствъ и эпизодовъ можно бы было подозрѣвать, что иногда они баснословны. Но удивительно ли, еслибъ это и было? Такъ бываетъ со всякими исторіями... Я старался удалить народныя преувеличенія объ этомъ предметѣ, и всегда слѣдовалъ разсказамъ болѣе подлиннымъ и правдоподобнымъ. И если бы къ стыду моему я оказался послѣ лживымъ, то виной тому было бы всеобщее согласіе людей въ нашихъ краяхъ [1]), и самъ Сочивица, который лично диктовалъ мнѣ собственную жизнь и, сказать по правдѣ, съ меньшими преувеличеніями, нежели тѣ, которые de magnis majora loquuntur (о великомъ разсказываютъ еще бо́льшее).

Станиславъ Сочивица, одинъ изъ гайдуковъ, надѣлавшихъ всего болѣе шуму въ наши дни, родился въ Герцеговинѣ, въ Симьовѣ, въ деревнѣ Враньско, въ шестнадцати миляхъ отъ Требинья, въ турецкихъ владѣніяхъ, въ 1715 году. Отецъ его, Вукъ, былъ человѣкъ крайне бѣдный; у него было три брата, съ которыми вмѣстѣ онъ обработывалъ землю у очень богатыхъ турокъ, Уметальчичей [2]). Бѣдное семейство Сочивицы терпѣло отъ своихъ хозяевъ угнетеніе самое суровое, жестокое, оскорбительное и тиранническое. Сочивица, отъ природы свирѣпый, и братья его не могли по крайней мѣрѣ не раз-

1) Т.-е. въ Далмаціи.

2) По имени видно, что это были потурченные сербы.

дражаться противъ столь варварскаго обращенія, но ихъ миролюбивый отецъ хотѣлъ, чтобы они терпѣливо сносили все, и такъ шло долго. Случилось, что упомянутые помѣщики, которыхъ было трое братьевъ, собравши арачъ (харачъ) или пбдать съ крѣпостныхъ разныхъ своихъ деревень, набрали сумму въ восемнадцать тысячъ цекиновъ и остановились на отдыхъ въ домѣ Сочивицы. Тогда онъ сказалъ своимъ братьямъ,—хотя отецъ и не раздѣлялъ этого мнѣнія,—„теперь пора отомстить". Бѣдность, въ которой они находились, вѣрная добыча, тираннія помѣщиковъ, воспоминаніе о прежнихъ обидахъ, всѣ эти причины убѣдили братьевъ согласиться съ мнѣніемъ Сочивицы; они убили своихъ помѣщиковъ и гостей, и похоронили ихъ въ очень глубокой ямѣ, вырытой близъ дома. Въ то время пашою въ Требиньѣ былъ турокъ, по имени Сулейманъ, и „фирдусъ", или капитанъ, по имени Пашичъ. По ихъ приказанію были убиты или обращены въ неволю около пятидесяти христіанъ, потому что не хотѣли признать себя виновными, когда не были ими. На семейство Сочивицы никогда не падало подозрѣнія, чтобы оно могло быть виновнымъ. У турокъ есть законъ, что въ деревнѣ, гдѣ пропадаетъ какая-нибудь сумма денегъ, жители должны заплатить ее, если она не найдется. Такъ сдѣлано было въ этомъ случаѣ. Но богатая одежда, необычная гордость, рѣзкость и дерзость, овладѣвшія Сочивицей, не могли скрыть убійства дольше одного года. Поэтому, едва начала понемногу ходить молва, Сочивица поспѣшилъ посовѣтовать братьямъ бѣжать со всѣми деньгами, какія у нихъ были. Ушедши оттуда съ старикомъ отцомъ, который умеръ на дорогѣ, они прибыли въ Имоцки. Это было въ 1745 году. Здѣсь они купили себѣ землю, выстроили домъ и завели двѣ лавки, полныя самыми дорогими товарами. Сочивица нашелъ, что пустяки, пріобрѣтаемые въ лавкѣ, не заслуживаютъ его вниманія, и потому рѣшилъ вернуться въ Черную-гору [1]) въ обществѣ нѣсколькихъ родныхъ и друзей, числомъ въ десять человѣкъ, и въ теченіи одного лѣта они убили сорокъ турокъ. У одного изъ товарищей Сочивицы не доставало ружья, и онъ отправился на розыски, чтобы отнять ружье у перваго, кто попадется на встрѣчу. Но неожиданно онъ наткнулся на турецкій караванъ. Два первые турка, которые его увидѣли, приняли его за гайдука, чѣмъ онъ и былъ на дѣлѣ: онъ отвергалъ это. Но подошли другіе шестеро, и стали дѣлать ему тотъ же комплиментъ, и безъ другихъ церемоній окружили его. Попавши въ такія плохія обстоятельства, онъ прибѣгнулъ для своего избавленія къ стратагемѣ, и, выстрѣливъ изъ пистолета, сталъ громко кричать на помощь своимъ товарищамъ, которые оставались въ недальнемъ разстояніи. Турки, думавшіе, что онъ уже у нихъ въ рукахъ, обернулись взглянуть, откуда придутъ его товарищи, а Сочивица между тѣмъ успѣлъ выскочить изъ ихъ круга. Но какъ спастись отъ ихъ выстрѣловъ? Сочивица хорошо зналъ привычку турокъ стрѣлять всѣмъ за одинъ разъ, и бросился ничкомъ на землю. Такимъ образомъ турки, которые выстрѣлили изъ ружей съ величайшей быстротой и по настоящему должны были бы попасть ему въ грудь или въ голову,

1) Такая мѣстность есть въ Западной Герцеговинѣ, но можетъ быть, разумѣется здѣсь и нынѣшняя Черногорія.

всѣ дали промахъ. Тогда, вставши на ноги, Сочивица убилъ одного турка; а другого, угрожавшаго его жизни съ саблей въ рукахъ, ошеломилъ прикладомъ ружья, забывши, что у него есть еще пистолетный зарядъ, которымъ послѣ онъ его убилъ. Между тѣмъ прибѣжали товарищи Сочивицы и убили еще турка; остальные пять обратились въ бѣгство. Приближавшійся караванъ былъ слишкомъ многолюденъ, и Сочивица не хотѣлъ рисковать дальнѣйшими хлопотами, а еслибъ съ нимъ было больше товарищей, онъ могъ бы получить огромную добычу. Послѣ этого случая онъ вернулся въ Имоцки, гдѣ жилъ спокойно около девяти лѣтъ, занимаясь торговлей, хотя отъ времени до времени доставлялъ себѣ удовольствіе убивать, для развлеченія, какого-нибудь турка. Но одинъ изъ его братьевъ любилъ отправляться съ особенно свирѣпыми гайдуками на подвиги противъ турокъ, и между ними былъ одинъ, по имени Пецирепъ, который забавлялся тѣмъ, что сажалъ турокъ живыми на колъ и жарилъ ихъ. Но турки отплатили ему тѣмъ же, и говорятъ, что когда они его взяли и посадили на колъ, онъ висѣлъ на немъ три дня, не измѣняя своей гордости, и чтобы показать свое презрѣніе къ смерти, курилъ трубку. Братъ Сочивицы вступилъ въ побратимство съ однимъ морлакомъ-грекомъ [1]), турецкимъ подданнымъ. Этотъ вѣроломный грекъ съумѣлъ принять на себя видъ такой дружбы, что убѣдилъ его придти къ нему въ домъ, недалеко отъ границы Имоцки, угостилъ его со всѣмъ національнымъ гостепріимствомъ, хорошо напоилъ его и уложилъ его немного отдохнуть. Затѣмъ онъ побѣжалъ дать знать туркамъ, и изъ жадности получить награду, предалъ друга въ руки турокъ, которые отвели его къ пашѣ въ Травникъ. Какъ всякій можетъ вообразить, турки мучили брата Сочивицы въ теченіи цѣлыхъ восьми дней, самыми варварскими и свирѣпыми способами. Когда до Сочивицы дошелъ слухъ о трагической судьбѣ брата, и не было точныхъ извѣстій, онъ отправился разспросить о дѣлѣ къ его мнимому побратиму, и отецъ послѣдняго съ почтенной старческой важностью разсказалъ дѣло такъ, что Сочивица остался увѣренъ, что никто не совершилъ съ нимъ предательства. Тогда побратимъ сдѣлалъ видъ, что отправился въ стадо, которое было далеко, за бараномъ, чтобы хорошенько угостить Сочивицу, а на самомъ дѣлѣ пошелъ позвать турокъ изъ Дувна [2]), миль за двѣнадцать отъ своего дома. Прошло уже нѣсколько часовъ ночи, но баранъ не являлся, и тогда Сочивица и вся семья побратима улеглись спать. Но Сочивица не могъ заснуть какъ человѣкъ, предвидящій какую-нибудь бѣду, всталъ съ постели и хотѣлъ зажечь спичку, но не нашелъ огня, потому что хозяинъ дома, зная, что̀ должно было произойти въ эту ночь, затушилъ огонь и спряталъ также все оружіе. Сочивица сталъ подозрѣвать, что здѣсь готовится какая-то измѣна, и съ бѣшенствомъ сталъ розыскивать по дому свое оружіе, но напрасно. Онъ громко звалъ, не можетъ ли кто указать ему, гдѣ оно находится, но никто не отвѣчалъ ему; наконецъ, одна старуха рѣзко и съ досадой сказала ему: „молчи, глупецъ, и ложись спать,

---

[1]) Т.-е. морлакомъ, или сербомъ, православнымъ.

[2]) Вѣроятно, то̀ Дувно, которое находится въ Герцеговинѣ, западнѣе Мостара.

не буди мое семейство". Но Сочивица вовсе не думалъ спать. Къ счастью, при немъ всегда бывало все нужное, чтобы зажечь огня, и, спохватившись, онъ зажегъ его. Онъ спросилъ потомъ хозяина дома, гдѣ положено его оружіе. Хозяинъ притворился, что не знаетъ; но притворное незнаніе стоило ему жизни,—Сочивица убилъ его топоромъ, который ему попался. Тогда одна старуха съ величайшей поспѣшностью принесла ему все его оружіе. Получивши его, Сочивица вышелъ изъ дому и спрятался невдалекѣ отъ него, чтобы наблюдать, чѣмъ кончится предательство мнимаго побратима, какъ вдругъ услышалъ лошадиный топотъ—это пріѣхали турки, которые должны были взять его. Но они вернулись обратно, крайне огорченные, что не нашли его. Сочивица возвратился въ Имоцки. Онъ вспоминалъ двойное предательство побратима, и думалъ только о мщеніи. Черезъ нѣсколько дней онъ подобралъ семь товарищей, и отправился съ ними ночью сжечь его домъ, который былъ покрытъ соломой, гдѣ и сгорѣло семнадцать человѣкъ этого семейства, которые, къ ихъ крайнему несчастію, въ этотъ вечеръ всѣ собрались спать въ домѣ. Одна бѣдная женщина съ ребенкомъ на рукахъ подошла къ порогу двери, чтобъ уйти отъ пожара, но въ ту же минуту была поражена нѣсколькими ружейными выстрѣлами и убита вмѣстѣ съ ребенкомъ. Турки не знали, кто былъ виновникомъ этого пожара, но подозрѣніе могло пасть только на Сочивицу. Поэтому, раздраженные такимъ свирѣпымъ мщеніемъ, они обратились съ самыми горькими жалобами противъ него къ правителю Далмаціи (Eccellentisimo General della Dalmazia), и тогда мудрѣйшимъ образомъ было повелѣно, чтобы домъ его былъ разрушенъ, его сообщники наказаны, и назначена награда въ двадцать цекиновъ тому, кто убьетъ его, и сорокъ, кто возьметъ его живымъ. Когда Сочивица потерялъ увѣренность, что можетъ жить въ Имоцки съ обычной свободой, онъ постарался выбрать капиталъ изъ своей торговли прежде еще, чѣмъ узналъ о декретѣ, вышедшемъ противъ него. Онъ былъ въ постоянной тревогѣ, не будучи увѣренъ въ своей участи, и употреблялъ всевозможныя предосторожности, чтобы не быть взятымъ врасплохъ. Пятнадцатаго августа 1754 года, въ который онъ сдѣлалъ упомянутое злодѣйство, онъ былъ на ярмаркѣ въ Синѣ [1]), и, увидѣвъ, что оттуда отправился отрядъ кроатовъ верхàми, онъ подумалъ, что, быть можетъ, отрядъ пошелъ его розыскивать, и потому шелъ за нимъ издали, наблюдая, въ какую сторону онъ отправится. И такъ какъ предполагалось, что Сочивица имѣлъ своихъ шпіоновъ, солдатъ направили по другой, а не по обыкновенной дорогѣ. Но онъ изъ страха, такъ какъ дѣло шло объ его жизни, не довѣрялъ никому, кромѣ самого себя, и предположилъ, что кроатскій отрядъ идетъ навѣрно въ Имоцки, хотя и непрямымъ путемъ. Тогда онъ немедля пошелъ на-пропалую, перерѣзывая то тернистыя долины, то крутыя горы, прибылъ въ Имоцки до прихода солдатъ и успѣлъ предупредить свое семейство, которое собрало все,

[1]) По-итальянски Sign, близъ границы—тогда турецко-венеціанской, нынѣ турецко-австрійской. Эту Синь надо отличать отъ Сѣни (по-итальянски Segna, по-нѣмецки Zengg), въ сѣверо-восточномъ углу Адріатическаго моря, гдѣ было главное гнѣздо знаменитыхъ Ускоковъ, въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.

что̀ было лучшаго въ домѣ и обратилось въ поспѣшное бѣгство. Такимъ образомъ, когда домъ его былъ при этомъ разрушенъ, въ немъ не нашлось вещей большой цѣны. Но, предвидя, что пребываніе въ Венеціанскихъ владѣніяхъ можетъ принести ему худой конецъ, Сочивица нашелъ благоразумнымъ поскорѣе перемѣнить государство, и перешелъ съ семействомъ въ Австрійскія владѣнія, въ Карловацъ, у рѣки Церманьи. Это мѣсто не представляло удобствъ для жизни человѣку, имѣвшему правиломъ убивать магометанъ. И Сочивица много перемѣнился. Онъ прожилъ неполныхъ три года съ своимъ семействомъ, которое состояло изъ пяти другихъ лицъ (именно: двоихъ братьевъ, жены, сына и дочери), не вредя никому, и быть можетъ, прожилъ бы такъ до самой смерти, если бы нѣкто, имѣвшій на то возможность, изъ жадности къ золоту не предалъ его въ руки турокъ, вмѣстѣ съ двумя братьями. Говорятъ, что человѣкъ, который былъ способенъ на такую самовольную выдачу, понесъ наказаніе. Сто турокъ взяли Сочивицу съ его братьями въ Кучѣ (Cuc), за Удбиной, которая находится около тройной границы, и отвели къ травницкому пашѣ; нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ этотъ самый паша умертвилъ одного изъ его братьевъ, по поводу котораго Сочивица, какъ мы видѣли, навлекъ на себя негодованіе турокъ. Сочивица и его братья были посажены въ тюрьму подъ крѣпкій надзоръ, и имъ предложено было два условія: или сдѣлаться турками (т.-е. принять магометанство), или быть посаженными на колъ. Такъ какъ имъ не нравилась эта послѣдняя любезность, они согласились скорѣе на обрѣзаніе, и Сочивица принялъ имя Ибрагима. Двое братьевъ черезъ нѣсколько времени были взяты изъ тюрьмы, и одинъ изъ нихъ сдѣланъ былъ агой—довольно почетный титулъ у турокъ. Но ага предпочелъ отказаться отъ этой почести и убѣжать; то же сдѣлалъ другой братъ. Тогда паша велѣлъ наложить на Сочивицу двойныя цѣпи и стеречь еще строже, такъ что ему не оставалось ни малѣйшей надежды на освобожденіе. Сочивица притворился, что сталъ хорошимъ туркомъ, но этого было мало. Прежде онъ и въ въ самой тюрьмѣ говорилъ гордо съ турками, теперь онъ сталъ послушенъ; но и этого было мало для его освобожденія. Однажды, ведя свои обыкновенные діалоги съ тюремными сторожами, онъ сказалъ: „меня теперь ужъ не тяготитъ быть заключеннымъ въ тюрьму; я совершилъ преступленіе, и заслужилъ тюрьму. Но меня заботитъ только, что много денегъ остается зарыто въ землю въ горахъ, и роздано въ долги моимъ землякамъ. Еслибъ только паша захотѣлъ, онъ могъ бы получить ихъ. Безъ меня, конечно, онъ не можетъ добыть ихъ, потому что каждый можетъ отказаться, что бралъ ихъ отъ меня". Сторожа съ величайшей поспѣшностью донесли пашѣ объ этомъ разговорѣ. Паша, отъ природы жадный (какъ обыкновенно турки), велѣлъ, чтобы Сочивицу повели, подъ конвоемъ изъ десяти турокъ, указать, гдѣ зарыты деньги. Сочивица прошелъ много мѣстъ, гдѣ, по словамъ его, зарывалъ деньги, но нигдѣ не находилъ ихъ. Подозрѣвая, не хотѣлъ ли онъ такимъ способомъ освободиться изъ ихъ рукъ, турки рѣшили отправиться съ нимъ въ Синь, и тамъ два часовыхъ строго стерегли закованнаго Сочивицу день и ночь, съ заряженными ружьями. Призывали множество людей,

которые, по словамъ Сочивицы, должны были ему большія суммы. При очной ставкѣ онъ съ большой храбростью настаивалъ, но въ концѣ-концовъ всѣ его утвержденія оказывались ложными. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что ошибался въ именахъ лицъ, и говорилъ, что надо позвать другихъ. Такимъ образомъ онъ обманывалъ турокъ цѣлый мѣсяцъ, и дѣлалъ это лишь затѣмъ, чтобы найти какой-нибудь случай къ бѣгству. Наконецъ, турки догадались объ обманѣ. Они вытребовали въ Синь его жену съ двоими дѣтьми, сыномъ и дочерью, которые жили около Задра, чтобы и ихъ отвести въ Травникъ [1]). Но чѣмъ виноваты были невинныя дѣти въ преступленіяхъ отца и бѣдная жена въ дѣлахъ мужа? Но таково оттоманское правосудіе. Жена съ дѣтьми явилась къ эффенди, начальнику турокъ, стерожившихъ Сочивицу. Какую нѣжность и состраданіе должно было вызвать въ ней зрѣлище мужа, удрученнаго цѣпями? Ей велятъ поцѣловать руку у начальника турокъ. Она повинуется, то же дѣлаетъ дочь, и Сочивица выноситъ это. Но когда онъ увидѣлъ, что ту же цере'.онію велятъ исполнить его сыну, онъ въ озлобленіи сказалъ: „уйди отсюда, не цѣлуй руку у этой собаки". Турки, выражая сожалѣніе и какъ-бы извиняясь передъ Сочивицей, говорили, что это дѣлалось просто по обычаю. Двадцать шестого ноября 1758 г. рѣшено было отвести Сочивицу въ Травникъ. Его вывели изъ дома, гдѣ онъ жилъ. Турки окружали его. Одинъ изъ нихъ подошелъ, чтобы вести его за руку. Сочивица нѣсколько разъ ударилъ его своей цѣпью, велѣлъ ему отойти, и сказалъ грубымъ голосомъ: „развѣ ты думаешь, собака, что я женщина, что хочешь вести меня за руку?" Онъ сѣлъ потомъ одинъ на лошадь и позволилъ только самому эффенди привязать его внизу къ самой лошади. Жена и дѣти также были посажены на лошадей. Жители Синя, видя ихъ въ такомъ плачевномъ положеніи, давали имъ небольшую милостыню. Потомъ, какъ увидимъ далѣе, эта милостыня помогла ему больше, чѣмъ всѣ значительныя суммы денегъ, какія онъ награбилъ прежде. Онъ отправился изъ Синя въ сопровожденіи десяти турокъ, и для бóльшей безопасности—еще сорокà нашихъ пандуровъ. Человѣколюбивый Сочивица употребилъ всю собранную милостыню на то, чтобы по дорогѣ изобильно угостить турокъ водкой. Они удивлялись его любезности, и, выпивая за его здоровье, опьянѣли окончательно. Когда они перешли венеціанскую границу у Билибрега [2]), Сочивица притворился, что озябъ; онъ просилъ чѣмъ-нибудь покрыться, и ему тотчасъ принесли кабаницу, или плащъ. Онъ добылъ себѣ,—не знаю, какимъ образомъ—ножъ, и мало-по-малу обрѣзалъ имъ веревку, которой былъ привязанъ къ лошади, и ему удалось разрѣзать ее совсѣмъ, такъ что турки этого не замѣтили. Около двадцати-четырехъ часовъ [3]), турки, больше чѣмъ когда-нибудь разогрѣтые ракіей, прибыли къ башнѣ Прологъ (недалеко отъ Билибрега), гдѣ всегда стоитъ турецкій караулъ. Здѣсь поднялся споръ, остановиться или идти дальше, но, наконецъ, рѣшили идти. Они не успѣли отойти отъ

---

[1]) Въ Босніи.

[2]) На нынѣшней границѣ Далмаціи съ турецкой Хорватіей.

[3]) По итальянскому счету времени,—чтò приходится ввечеру.

башни на два мушкетные выстрѣла, какъ Сочивица, бросившись съ лошади, ударилъ цѣпью по головѣ ближайшаго изъ стражей, и, спустившись по обледенѣвшей землѣ, въ одинъ мигъ очутился во рву и спрятался на первомъ встрѣтившемся деревѣ. Турки, бросившись его отыскивать, думали, что онъ все бѣжалъ, и ушли далеко впередъ, надѣясь услышать стукъ цѣпей. Когда ночь стемнѣла больше и Сочивица нашелъ возможнымъ слѣзть, онъ вернулся спокойно къ башнѣ Прологъ, и послѣ, по необычнымъ дорогамъ, отправился къ венеціанской границѣ. Странствуя среди горъ всю эту, чрезвычайно холодную ночь, когда, съ одной стороны, шелъ снѣгъ, съ другой—дулъ бѣшеный Борей, онъ встрѣтилъ стаю волковъ, которые страшно выли отъ холода, и такимъ образомъ, убѣжавши отъ одной опасности, онъ впалъ еще въ худшую. Онъ подошелъ къ первому дереву, чтобы взобраться на него, но тяжесть цѣпей влекла его внизъ. Это было его единственное оружіе, и онъ уже собирался сражаться имъ и защищаться, какъ древніе герои, которые сражались вѣтвями и стволами деревьевъ. Но—волки прошли мимо и не тронули его. Такъ оправдывается пословица, что волкъ никогда не съѣстъ волка. Турки, полные стыда и сожалѣнія, что упустили изъ рукъ Сочивицу, съ утра розыскивали его по всѣмъ закоулкамъ лѣса, гдѣ, какъ можно было думать, онъ скрылся; но, отчаявшись найти его, увели съ собой его жену и дѣтей къ травницкому пашѣ. Они заставили дѣтей принять магометанство, но никакъ не могли убѣдить къ этому ихъ мать. Дочь Сочивицы такъ понравилась одному турку, что онъ взялъ ее въ жены, говоря, что было бы несправедливо, еслибъ такая прекрасная кровь затерялась у морлаковъ. Одинъ итальянецъ, который женился на одной изъ нашихъ морлачекъ, говорятъ, сдѣлалъ такое же замѣчаніе. Кто больше варваръ: турокъ или итальянецъ? Возвратимся къ Сочивицѣ. Какъ скоро морлаки узнали объ его избавленіи, они, разумѣется, тотчасъ сложили пѣсню въ честь этого храбраго національнаго героя. Я охотно помѣстилъ бы ее здѣсь въ концѣ, если бы мнѣ удалось имѣть ее въ цѣломъ видѣ, хоть бы затѣмъ, чтобы показать, какъ наши морлаки, не изучавши никогда поэзіи и даже не умѣя читать, умѣютъ слагать стихи, въ которыхъ,—если они не испорчены, переходя изъ устъ въ уста,—никогда не бываетъ недостатка въ должномъ числѣ слоговъ, а также и въ счастливыхъ искрахъ воображенія. Травницкій паша, до послѣдней степени раздраженный тою шуткой, какую сыгралъ съ нимъ Сочивица послѣ такихъ предосторожностей въ надзорѣ за нимъ, и въ особенности считая успѣхъ бѣгства вѣчнымъ позоромъ для своего имени, рѣшился во что бы ни стало добыть его живого или мертваго. Онъ тотчасъ отправилъ посольство къ превосходительному синьору Карлу Контарини, тогдашнему генералу Далмаціи, прося у него этого человѣка и давая понять, что Контарини обязанъ его возвратить. Но благоразумный генералъ отвѣчалъ, что не знаетъ, гдѣ находится Сочивица, а что турецкая стража, имѣвшая его въ рукахъ, должна была лучше за нимъ смотрѣть, и давалъ понять, какъ неразумно было ихъ требованіе, когда они упустили его изъ рукъ въ своемъ собственномъ государствѣ, и, наконецъ, что онъ не можетъ отвѣчать за ихъ неряшество. Тогда турецкіе посланцы стали жаловаться на

нашихъ несчастныхъ пандуровъ, изображая ихъ передъ генераломъ какъ соучастниковъ бѣгства Сочивицы. Чтобы удовлетворить отчасти клеветѣ упрямыхъ оттомановъ, этимъ людямъ сдѣлано было легкое наказаніе, хотя потомъ найдено было, что они вовсе не были виноваты. Но Сочивица не былъ доволенъ тѣмъ только, что самъ освободился отъ рукъ турокъ, и постоянно думалъ объ освобожденіи жены и бѣдныхъ дѣтей. Это была его единственная забота, чтобы начать потомъ спокойную жизнь. Онъ много разъ извѣщалъ травницкаго пашу, что рѣшился не дѣлать больше никакихъ непріятностей туркамъ, если только они отпустятъ его жену и дѣтей; но паша смѣялся надъ его предложеніями, и вмѣсто того, чтобъ укротиться, ожесточался еще болѣе. Сочивица попробовалъ убѣждать его письмомъ, и между прочимъ отправилъ ему письмо приблизительно такого содержанія: „Я слышалъ, паша боснійскій, что ты жалуешься на мое бѣгство. Спрашиваю тебя: чтó сдѣлалъ бы ты на моемъ мѣстѣ? Далъ ли бы ты связать себя, какъ животное, далъ ли бы вести себя людямъ, которые, пришедши на извѣстное мѣсто, по всей вѣроятности, умертвили бы тебя? Природа научаетъ всѣхъ бѣжать отъ смерти. Чтó я сдѣлалъ кромѣ того, что послѣдовалъ ея законамъ? Но какое преступленіе, о, паша, совершили моя жена и мои дѣти, и за чтó, противъ всякой справедливости и здраваго смысла, ихъ держатъ у тебя рабами? Быть можетъ, ты думаешь сдѣлать этимъ меня послушнѣе? Ты ошибаешься. Ты дѣлаешь меня болѣе упрямымъ. Но послушай: ты можешь надъ ними удовлетворить свое бѣшенство, но это не принесетъ тебѣ никакой пользы; я удовлетворю свою ненависть надъ твоими подданными, турками, и это послужитъ тебѣ величайшимъ вредомъ. Отдай же мнѣ, прошу тебя, мою кровь. Добудь мнѣ прощеніе отъ моего государя, и не вспоминай прошлыхъ обидъ. Я оставлю въ покоѣ твоихъ подданныхъ, и когда могу, буду даже служить имъ охраной. Если ты откажешь мнѣ въ этой милости, жди отъ меня всего, чтó можетъ сдѣлать человѣкъ, пришедшій къ отчаянію. Я соберу товарищей, я разстрою твою торговлю, буду грабить твоихъ купцовъ, и съ этой минуты, если ты не обратишь вниманія на мои слова, даю торжественную клятву убивать всякаго турка, какой попадется мнѣ въ руки". Пашѣ неприлично обращать вниманіе на письма разбойника, но онъ не подумалъ о послѣдствіяхъ. Сочивица, видя, что паша какъ будто насмѣхается надъ нимъ, началъ отплачивать на его подданныхъ, чтобъ не измѣнить своему обѣту. Въ первый разъ послѣ освобожденія онъ собралъ двадцать-пять товарищей, и пошелъ къ Сараеву (Serraglio), въ нѣсколькихъ дняхъ пути за венеціанской границей. Тамъ онъ напалъ на караванъ во сто лошадей и семьдесятъ человѣкъ. Всѣ они, увидѣвъ Сочивицу съ такими спутниками, поступили благоразумно—бросились бѣжать. Былъ убитъ лишь одинъ еврей, который не съумѣлъ убѣжать, быть можетъ, отъ смущенія, предвидя разграбленіе неосторожно положенной суммы, находившейся въ караванѣ. Сочивица съ товарищами взялъ деньги и товары этого каравана, сколько каждый могъ нести на спинѣ безъ особеннаго утомленія. И такъ какъ Serenissima Republica Венеціи не могла гарантировать его добычи и убійства турокъ, то не было примѣра, чтобы Сочивица когда-нибудь

убивалъ ихъ въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Будучи подданнымъ обоихъ государствъ, оттоманскаго и венеціанскаго, онъ очень хорошо зналъ разницу между варварствомъ и тираніей перваго, и мягкостью и человѣчностью втораго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень ловокъ. Онъ никогда не дѣлалъ зла тѣмъ, о комъ зналъ, что тѣ могутъ ему повредить. Таково обыкновенное правило всѣхъ гайдуковъ. Но у Сочивицы было то, чего не было у гайдуковъ. Проницательность его ума, находчивость, быстрота значили больше, чѣмъ у его товарищей сила. Онъ нападалъ на турокъ въ домахъ самихъ турокъ, которые умѣютъ быть храбрыми только у себя дома, на подобіе собакъ у нашихъ морлаковъ; съ этими собаками онъ ихъ и сравнивалъ. Шумное пораженіе, нанесенное имъ упомянутому каравану, вывело турокъ изъ бездѣйствія,—они рѣшили поймать его. Сочивицу искали повсюду, въ горахъ, равнинахъ, долинахъ, въ лѣсахъ, а Сочивица ходилъ посреди ихъ городовъ и рынковъ. Онъ и его товарищи добыли себѣ турецкія чалмы, носили ихъ съ собой и надѣвали на голову, когда хотѣли, чтобъ ихъ принимали за турокъ. Въ этомъ превращеніи, и при помощи нѣсколькихъ турецкихъ словъ, какія они знали, они, бывало, закусывали среди рынка въ Сараевѣ, что̀ и было нужно людямъ, которые иногда по суткамъ и больше оставались безъ пищи. Если турки угадывали потомъ это превращеніе, ихъ погибель была почти вѣрная. Но кто бы подумалъ, что они будутъ такъ дерзки, чтобы толпой приходить на турецкіе рынки? Отправившись изъ Сараева, Сочивица съ товарищами пришелъ въ нѣсколько дней въ Драговичъ, въ семи миляхъ ниже истоковъ рѣки Цетиньи, укрылся въ одномъ монастырѣ калугеровъ и собралъ всѣхъ разбойниковъ [1]). Здѣсь онъ оставилъ одному калугеру, по имени Геннадію, часть своей добычи, которая всегда была больше, чѣмъ у другихъ, потому что онъ былъ арамбаша, или предводитель гайдуковъ. Часто Сочивица отдѣлялся отъ своихъ товарищей, и иногда на цѣлые мѣсяцы о немъ ничего не было извѣстно. Это заставляло турокъ думать, что онъ уже умеръ. Но Сочивица ожидалъ только удобнаго случая истреблять ихъ, и сколько разъ онъ выходилъ одинъ противъ двухъ, трехъ, или даже четырехъ турокъ. Чудеса, какія разсказывались о немъ у турокъ, казались невѣроятными, и онъ одолѣвалъ ихъ до такой степени, что сами турки просили пашу простить этого человѣка и выпустить на свободу его семейство. „Развѣ ты хочешь,—говорили они пашѣ,—чтобы погибала магометанская вѣра?“ Но упрямый паша не хотѣлъ слушать убѣжденій, и отъ его упрямства подданные его должны были подвергаться убійствамъ. Торговля терпѣла затрудненія, и никто не могъ спокойно заботиться о своихъ выгодахъ. Но безпокойства, причиняемыя Сочивицей, становились невыносимы не для

---

1) Авторъ, далматинскій католикъ, помѣщаетъ здѣсь ироническіе отзывы о „калугерахъ“, т.-е. православныхъ монахахъ, которые не стыдятся „давать убѣжище разбойникамъ“, и подсмѣивается надъ ихъ постами. Но онъ забываетъ, что его герой, какъ и самъ онъ въ другихъ мѣстахъ это объясняетъ, вовсе не былъ простой разбойникъ, но главной и единственной цѣлью имѣлъ—истребленіе и грабежъ турокъ Южно-русскій монахъ такимъ же образомъ укрылъ бы запорожца. Сами „калугеры“ столько же ненавидѣли турокъ, и тутъ было не до отвлеченныхъ разсужденій.

однихъ оттомановъ, но имѣли очень важныя и убыточныя послѣдствія и для венеціанскаго государства. Онъ сдѣлался какъ-бы источникомъ кровавыхъ раздоровъ между пограничными жителями. И кто знаетъ, не изъ такихъ ли мелкихъ началъ происходили часто цѣлыя войны? Какъ важно было поэтому имѣть въ рукахъ Сочивицу! При каждомъ обращеніи оттомановъ, въ Далмаціи возростала цѣна за его голову. Сочивица очень хорошо зналъ объ этихъ хлопотахъ, но тѣмъ не менѣе не переставалъ убивать турокъ. Около 1760 года, одинъ ходжа (асіа), по имени Змаичъ [1]), который считался у турокъ свирѣпѣйшимъ героемъ, сталъ хвалиться, что Сочивица не осмѣлится принять его вызова одинъ на одинъ. Сочивица не потерпѣлъ въ туркѣ такого высокомѣрія. Однажды онъ былъ съ шестерыми изъ своихъ товарищей въ Тичевѣ, недалеко отъ Гламоча, въ турецкихъ владѣніяхъ, когда имъ встрѣтился караванъ въ десять человѣкъ, въ числѣ котораго, по случаю, былъ и Змаичъ съ своимъ братомъ. Сочивица не промѣнялъ бы на царство такую счастливую встрѣчу. Ходжа Змаичъ, какъ только увидѣлъ Сочивицу, сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ, который попалъ ему въ середину лба. Но потому ли, что случай былъ за Сочивицу, или судьба такъ опредѣлила, или черепъ его былъ очень крѣпокъ, только свинцовая пуля, вмѣсто того, чтобы пробить его и проникнуть внутрь, лишь сорвала кожу и оставила небольшой знакъ. „Счастье мое было,—разсказывалъ мнѣ Сочивица,—что въ эту минуту я поднялъ голову и отклонилъ ее назадъ, чтобы посмотрѣть на враговъ". Тогда, озлобленный, онъ такъ хорошо прицѣлился въ своего непріятеля Змаича, что впустилъ свою пулю въ дуло его ружья (чудеса, которыя разсказываются почти всегда о стычкахъ христіанъ съ турками), и другую въ голову, и онъ упалъ мертвый. Когда столь храбрый турокъ былъ убитъ, другіе стали просить пощады; пять изъ нихъ не могли избѣжать смерти въ той охотѣ, какую сдѣлали на нихъ Сочивица и его товарищи. Одержавши побѣду и разграбивши въ караванѣ лучшее, что̀ въ немъ было, Сочивица и его товарищи переодѣлись и потомъ пошли всѣ врозь. Онъ дѣлалъ такъ для того, чтобы ускользнуть отъ множества турокъ, которые шли по его слѣдамъ, и въ то время, какъ они искали шайку гайдуковъ, имъ не приходило въ голову обращать вниманіе на одинокихъ людей. Наши морлаки, получивъ извѣстіе объ опасности, какой подвергался Сочивица, и объ его храброй защитѣ, не преминули и на этотъ разъ пустить въ ходъ свой поэтическій талантъ и сложить героическую пѣсню. Послѣ этого событія Сочивица оставался въ покоѣ около двухъ мѣсяцевъ: собравши потомъ четырнадцать товарищей, онъ пошелъ къ Мостару и ставши тамъ въ тѣни дерева, смотрѣлъ, какъ по дорогѣ шли вдали двое турокъ. Товарищи думали, что надо четверымъ пойти и напасть на нихъ. Это мнѣніе показалось Сочивицѣ трусостью, и онъ воспротивился ему, говоря: „довольно меня одного". Онъ пошелъ на встрѣчу двумъ туркамъ, пристально смотря внизъ на землю. Они спросили его, что онъ такъ прилежно разсматриваетъ на землѣ? Онъ съ горемъ отвѣчалъ имъ: „на этомъ мѣстѣ разбойникъ Сочивица съ товарищемъ отнялъ у меня

[1]) Очевидно, опять потурченный сербъ.

двухъ лошадей, и я смотрю, не могу ли отыскать слѣдовъ". Турки, изъ участія къ мнимому бѣдняку и изъ ненависти къ Сочивицѣ, и сами принялись искать конскіе слѣды, и пока они смотрѣли на землю, Сочивица пистолетнымъ выстрѣломъ убилъ одного, и саблей другого, съ такой быстротой, что они не успѣли взяться за оружіе для защиты. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, онъ собралъ до двадцати-пяти товарищей для нападенія на огромный караванъ, который отправлялся изъ Рагузы въ Турцію съ большой суммой звонкой монеты, и ему счастливо удалось ограбить его безъ особаго труда, убить семнадцать турокъ и троихъ увести съ собой. Когда они пришли въ первый встрѣтившійся лѣсъ, Сочивица двоихъ изъ этихъ людей посадилъ на колъ, а третьему поручилъ вертѣть ихъ какъ на вертелѣ и жарить. Когда они были изжарены, онъ отрубилъ имъ головы и отдалъ турку, который ихъ жарилъ, велѣвши ему отнести головы пашѣ въ Травникъ, и извѣщалъ пашу, что если тотъ не отпуститъ его дѣтей и жены, онъ будетъ дѣлать то же со всѣми турками, которые ему попадутся и, прибавлялъ онъ: „какъ велика была бы моя радость, если бы мнѣ удалось сдѣлать то же съ самимъ пашой!" Товарищи его думали, что слѣдовало бы убить и третьяго турка, но Сочивица возразилъ: „нѣтъ, гораздо лучше оставить кого-нибудь, кто могъ бы разсказать туркамъ, сколько мы способны сдѣлать". Такимъ же образомъ, когда кареагеняне хотѣли умертвить всѣхъ римлянъ въ знаменитомъ сраженіи при Каннахъ, хитрый Аннибалъ думалъ, что лучше оставить нѣсколько человѣкъ, чтобы они могли принесть на родину извѣстіе о пораженіи ихъ войска и о храбрости кареагенянъ. Спустя часа два послѣ того, какъ между турками распространилось извѣстіе о варварскомъ и безчеловѣчномъ поступкѣ Сочивицы, собрались люди изъ всѣхъ окрестностей, пѣшкомъ и верхо́мъ, черезъ горы и долины и принялись его преслѣдовать. Сочивица, ничего не подозрѣвавшій, найденъ былъ въ лѣсу со всѣми товарищами, которые вмѣстѣ съ нимъ обратились въ поспѣшнѣйшее бѣгство. Турки гнались за ними неутомимо, и еще пять изъ нихъ было убито, и былъ убитъ одинъ изъ гайдуковъ, которому еще живому собственный братъ отрубилъ голову, чтобы не имѣли турки удовольствія воткнуть ее на шестъ въ знакъ позора. Гайдуки спаслись въ Метковичъ въ Приморьѣ, куда дошли за ними турки. Если на этотъ разъ они спаслись, они очень обязаны были своимъ ногамъ. Сочивица отдѣлился отъ товарищей. Единственная мысль турокъ была найти его и убить. Въ Далмаціи было еще менѣе безопасно, чѣмъ въ Турціи. Онъ проводилъ цѣлые мѣсяцы въ самыхъ ужасныхъ закоулкахъ пещеръ въ постоянномъ одиночествѣ. Часто онъ терпѣлъ голодъ изъ страха, что его увидятъ входящимъ или выходящимъ изъ пещеры, чтобы добыть себѣ пропитаніе. Можно сказать, что это былъ скорѣе пустынникъ, чѣмъ разбойникъ. Отъ времени до времени онъ не могъ однако удержаться, чтобъ не убить какую-нибудь пару турокъ. Между тѣмъ травницкій паша, за слишкомъ большія тиранства надъ своими подданными и за то, что забралъ себѣ въ голову ограбить Мостаръ, былъ вызванъ въ Константинополь, гдѣ, полагаютъ, ему отрубили голову. У этого паши, котораго звали Кукавица [1]), была красивая жена;

[1]) Опять, очевидно, славянскій магометанинъ.

въ этихъ обстоятельствахъ она была беременна. Онъ уступилъ ее другому турку, съ условіемъ, что существо, которымъ она была беременна, должно быть названо по имени паши, отца. Сочивица думалъ, что съ перемѣной паши, онъ долженъ бы получить свое семейство; но такъ не случилось. Послѣ многихъ безплодныхъ опытовъ, въ 1762 году онъ прибѣгнулъ къ слѣдующей выдумкѣ. Въ оттоманскихъ городахъ предоставлено свободно ходить съ товарами однимъ каланджіямъ, (которые похожи на тѣхъ, кого у насъ обыкновенно зовутъ мессинцами), которымъ позволяется продавать шелкъ и другія бездѣлушки подобнаго рода. Это было хорошо извѣстно Сочивицѣ. Поэтому, онъ нарядилъ одного изъ своихъ товарищей продавцомъ шелка и, давши ему достаточно товара этого рода, послалъ его въ Травникъ. Тѣмъ временемъ самъ онъ съ другими четырьмя товарищами отправился, не торопясь, по другой дорогѣ чтобы ждать исхода, въ разстояніи трехъ или четырехъ миль отъ Травника. Не знаю, какимъ случаемъ товарищи ушли отъ него и онъ встрѣтился съ тремя турками, которые стали подозрѣвать и ворчать на него, что онъ гайдукъ. Сочивица, увидѣвши себя въ этомъ затруднительномъ положеніи и находя, что убѣжать трудно, сталъ оправдываться и говорилъ, въ доказательство, что онъ не гайдукъ, что онъ шелъ въ городъ Прусацъ [1]), находившійся невдалекѣ. Подозрительные турки сказали: „ну, такъ пойдемъ вмѣстѣ". Сочивица пошелъ съ ними. Подъѣхавши къ одному источнику, турки сошли съ лошадей, чтобы напоить ихъ. Тогда Сочивица, противъ всякаго ихъ ожиданія, вынувъ саблю, отрубилъ голову одному изъ нихъ и, повторивши ударъ, сдѣлалъ то же и съ другимъ, который обернулся взглянуть, что тутъ происходитъ. Третій сталъ недвижимъ, какъ тѣ птицы, которыя, увидѣвъ коршуна, не могутъ двинуться съ мѣста. Сочивица, взявши его за руку, повелъ въ лѣсъ и, убѣдившись въ его турецкихъ особенностяхъ, убилъ его. Не довольствуясь тѣмъ, что убилъ его, Сочивица разрубилъ его въ куски и какъ бѣшеная собака кусалъ мертвое тѣло, не зная, какъ утолить достаточно свое мщеніе и ненависть къ туркамъ. Между тѣмъ возвратились его четыре товарища, а тотъ, который отправился въ Травникъ, долго бродя по городу съ своими товарищами, встрѣтился съ женой Сочивицы и открылъ ей желаніе ея мужа, и какъ онъ долженъ былъ увезти ее ночью вмѣстѣ съ дѣтьми. Жена Сочивицы чрезвычайно обрадовалась этому неожиданному извѣстію, пошла сказать объ этомъ своей дочери, убѣждая ее пойти съ собой; но дочь, испытавши удовольствія магометанскаго брака, отказалась съ ней идти. Тогда мать взяла съ собой только сына, и съ товарищемъ Сочивицы вышла ночью изъ Травника. Сочивица, который ждалъ ее не вдалекѣ отъ города съ четырьмя товарищами, былъ чрезвычайно утѣшенъ, увидѣвши свою жену и сына; онъ отвелъ ихъ въ Драговичъ, свое обыкновенное убѣжище, гдѣ оставилъ сына на попеченія одного калугера, который потомъ научилъ его читать и писать. На слѣдующій день, турки, не находя жены Сочивицы въ Травникѣ, подумали, что никто другой, какъ онъ, устроилъ это ловкое похищеніе, которое было вѣроятно нѣсколько опаснѣе, чѣмъ похищеніе Орфея,

[1]) Въ южной части турецкой Хорватіи, близъ боснійской границы.

отправившагося въ адъ, чтобы взять оттуда свою жену Эврдику. Турки, конечно, не дьяволы, которые знаютъ волшебное искусство; но навѣрное съумѣли бы убить виновника, если бы схватили его въ ту минуту, когда онъ уводилъ жену Сочивицы. Раздосадованные этимъ фактомъ больше, чѣмъ всѣми его прежними наглостями противъ нихъ, турки обратились къ превосходительному генералу Далмаціи, требуя самымъ настоятельнымъ образомъ, чтобы онъ велѣлъ взять и убить его. Но какъ можно взять и убить человѣка тамъ, гдѣ его нѣтъ? Турки думали, что онъ въ Далмаціи, и всегда слышали объ его грабежахъ въ Турціи. Имя Сочивицы стало у турокъ такъ страшно, что какъ дѣти боятся всего въ темнотѣ или какъ суевѣрные люди видятъ привидѣнія, создаваемыя ихъ собственнымъ воображеніемъ, такъ туркамъ постоянно видѣлся повсюду Сочивица. Но сила оттомановъ не въ состояніи была получить въ руки человѣка, который одолѣвалъ ихъ въ ихъ собственныхъ предѣлахъ. Ловкость, съ которой дѣйствовалъ Сочивица, дѣлала тщетными всѣ ихъ усилія. Въ одинъ день онъ могъ убить турка въ одномъ мѣстѣ, а на другой день очутиться за пятьдесятъ миль. Онъ странствовалъ ночью и отдыхалъ днемъ, и въ десять дней проходилъ иногда больше сотни миль. Тамъ онъ совершалъ грабежъ, въ другомъ мѣстѣ убійство, и въ то время, какъ повсюду шли слухи объ его подвигахъ, часто подозрѣвали, что это чистая небылица. Такимъ образомъ никогда не знали, гдѣ искать этого Протея, который мѣнялъ мѣсто каждую минуту. Турецкая стража обходила горы днемъ и ночью, чтобы захватить, если можно, этого вреднаго звѣря, но всегда напрасно. Былъ одинъ турокъ, по имени Чурбекъ, который изъ пренебреженія называлъ Сочивицу — Станиславой [1]). Чортъ возьми! Сочивица не могъ стерпѣть такой обиды, и дрожалъ отъ негодованія, что не можетъ отмстить. Но разъ Сочивица только съ шестью товарищами встрѣтилъ Чурбека съ двадцатью; произошла жестокая схватка, четверо изъ спутниковъ Чурбека остались на мѣстѣ, онъ былъ раненъ, остальные убѣжали. Со стороны Сочивицы только двое изъ его товарищей были ранены. Какой позоръ для магометанскаго имени, что гайдукъ съ немногими товарищами нанесъ имъ такое пораженіе! Какая была бы честь, и какая награда тому, кто убилъ бы Сочивицу! Нашелся одинъ турокъ, по имени Вилембегъ, который послалъ Сочивицѣ письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ты хвалишься, что ты—истребитель турокъ; выходи на мой вызовъ, если ты не женщина. Я вызываю тебя, какъ ты хочешь, одинъ на одинъ, или въ равныхъ силахъ со мной". Сочивица, вызванный туркомъ такъ горделиво, собралъ двѣнадцать храбрыхъ товарищей и думалъ только когда бы встрѣтиться съ Вилембегомъ, и вмѣсто того, чтобы дожидаться его въ назначенномъ мѣстѣ, ждалъ его въ другомъ. Турокъ, видя, что Сочивица не явился на мѣстѣ, гдѣ было уговорено, хвастался и говорилъ, что Сочивица спрятался отъ его храбрости. Но между тѣмъ явился Сочивица, съ своими двѣнадцатью товарищами, противъ Вилембега, съ которымъ было сорокъ человѣкъ; но число людей ни мало не устрашило Сочивицу и не внушило ему трусливой мысли—уйти. Онъ сталъ съ своими въ неудачное положе-

[1]) Т.-е. въ женской формѣ.

ніе, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ турками, и потому прибѣгнулъ къ прекрасной стратагемѣ: всѣ гайдуки спрятались за деревьями, а въ нѣкоторомъ разстояніи тамъ-и-сямъ разставили свои шапки. Турки направляли свои выстрѣлы по шапкамъ [1]), и несмотря на то, что многіе изъ нихъ исчезли, выстрѣлы продолжались изъ гайдуцкой партіи, и восемь турокъ было убито. Тогда турки, принявши гайдуковъ за какихъ-то колдуновъ, по обыкновенію бросились бѣжать, а Вилембегъ, этотъ хвастливый боецъ, былъ раненъ въ руку, и если бы не бѣжалъ въ венеціанскія владѣнія, въ Книнскій округъ, Сочивица убилъ бы его, какъ подлаго труса. Мужество, показанное Сочивицей въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ со многими прежними фактами, доставили ему уваженіе, удивленіе и дружбу нѣкоторыхъ турокъ, которые много разъ посылали ему подарки. Одна турецкая дѣвушка, которая слышала въ народныхъ толкахъ имя Сочивицы, и быть можетъ, полагая, что онъ долженъ быть столь же мужественъ въ любви, какъ былъ мужественъ съ оружіемъ, хотѣла вступить съ нимъ въ побратимство, и въ знакъ дружбы подарила ему „мараму", родъ полотенца (или платка), вышитую на двухъ концахъ золотомъ, цѣной до двѣнадцати цекиновъ. У Сочивицы былъ также побратимомъ одинъ турокъ. Онъ хотѣлъ подарить Сочивицѣ двѣнадцать „кабаницъ" (плащей), и хорошее суконное платье на двѣнадцать человѣкъ. Назначенъ былъ день и мѣсто, куда тотъ долженъ былъ придти, чтобы взять ихъ. Турецкій побратимъ открылъ объ этомъ уговорѣ другому турку. Послѣдній сталъ сильно укорять его, говоря: „какъ ты, магометанинъ, хочешь дать дань гайдуку, христіанину? Ты—негодяй. Сдѣлай видъ, что ты хочешь исполнить все по уговору, а мы, собравшись большимъ отрядомъ, пойдемъ и нападемъ на гайдуковъ, и если ты не сдѣлаешь этого, я донесу на тебя пашѣ". Бѣдный другъ Сочивицы долженъ былъ или сдѣлаться предателемъ, или ожидать вѣрной смерти. Онъ рѣшился на предательство. Въ назначенный день Сочивица пришелъ, не далеко отъ Гламоча, на то мѣсто, которое было назначено его побратимомъ. И такъ какъ онъ не вполнѣ довѣрялся ему, то наблюдалъ, не сдѣлано-ли ему какой нибудь засады, и вдругъ увидѣлъ вдали большую толпу турокъ. Товарищи его хотѣли бѣжать, но онъ остановилъ ихъ. „Если мы обратимся въ бѣгство,—сказалъ онъ,—то встрѣча съ турками несомнѣнна, а бѣгство сомнительно. Постараемся какъ-нибудь обмануть ихъ. Станемъ въ другомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ сговорились съ побратимомъ. Мы выдемъ противъ нихъ неожиданно, и выстрѣлимъ изъ нашихъ ружей. Они, увидѣвши въ насъ такую смѣлость, испугаются и никакъ не подумаютъ, чтобы насъ было только такъ мало, когда мы первые на нихъ нападаемъ. Этотъ обманъ обратитъ ихъ въ бѣг-

[1]) Эти факты кажутся романическими, но необходимость, энтузіазмъ къ славѣ и любовь къ жизни, господствующіе у гайдуковъ, по неволѣ дѣлаютъ ихъ изобрѣтательными. Опанки или обувь гайдуковъ имѣютъ остроконечные носки, обращенные вверхъ. Когда на землѣ лежитъ снѣгъ, они дѣлаютъ себѣ опанки съ такими носками и на переди и на пяткѣ, чтобы непріятель не могъ отыскать ихъ слѣдовъ. Эта выдумка очень похожа на то, какъ поступалъ воръ, укравшій быковъ Геркулеса и затащившій ихъ въ свою пещеру за хвостъ. (Прим. Ловрича).

ство, и это единственное средство спасти нашу жизнь". Такъ они и сдѣлали. Они устроили засаду противъ турецкой толпы, которая шла напасть на нихъ, и когда турки ничего не ожидали, Сочивица и его товарищи сдѣлали по нимъ выстрѣлы и заразъ убили изъ нихъ восемь человѣкъ. Турки, увидѣвши это неожиданное дѣло, пустились бѣжать; только немногіе изъ болѣе храбрыхъ остались, чтобы схватиться съ гайдуками, которые съ своей стороны также обратились въ бѣгство. Былъ здѣсь между прочимъ одинъ турокъ верхóмъ, съ саблей въ рукахъ, который успѣлъ напасть врасплохъ на Сочивицу; послѣдній скрылся за дерево и кружился около него, преслѣдуемый туркомъ, и отъ усталости онъ былъ уже близокъ къ тому, чтобы стать жертвой своего непріятеля, если бы братъ его не убилъ турка ружейнымъ выстрѣломъ. Избавившись отъ такой серьёзной опасности, Сочивица перешелъ съ своими товарищами въ венеціанскія владѣнія, и хотя былъ грекъ [1]) по религіи, рѣшилъ никогда больше не вести дружбы ни съ греками, ни съ турками, вспоминалъ роковой конецъ одного изъ своихъ братьевъ и опасность, какой подвергался самъ отъ предательства своего турецкаго побратима. Послѣ этого онъ жилъ нѣсколько времени совершенно спокойно, но, узнавши, что большой караванъ долженъ отправиться изъ Синя въ Турцію, собралъ восемнадцать товарищей и пошелъ на встрѣчу ему въ Вилибрегъ. Караванъ шелъ въ сопровожденіи ста или болѣе турокъ; поэтому Сочивица не сдѣлалъ ему никакой помѣхи; но, встрѣтивши въ другомъ мѣстѣ двухъ турокъ, изрѣзалъ ихъ живыхъ въ куски. Около года спустя послѣ роковой эпохи 1764 г., когда въ синьскомъ округѣ господствовала моровая язва, многіе товарищи Сочивицы, наиболѣе сильные и храбрые, были взяты и убиты отчасти въ венеціанскихъ владѣніяхъ, отчасти въ турецкихъ. Это лишеніе товарищей побудило Сочивицу удалиться въ австрійскія владѣнія, къ рѣкѣ Церманьѣ. Здѣсь онъ провелъ около года, такъ что турки не имѣли о немъ свѣдѣній, и вообще думали, что онъ находится гдѣ-нибудь очень далеко. И однако же онъ участвовалъ во всѣхъ нападеніяхъ на караваны, какія происходили въ это время, но имя его уже не было слышно, и предводителемъ гайдуковъ сдѣлался нѣкто Башичъ, по прозванію Красный [2]), который живъ до настоящаго дня, и до послѣднихъ мѣсяцевъ наносилъ много вреда и туркамъ, и морлакамъ греческаго отряда, вслѣдствіе обыкновеннаго раздора между морлаками латинскаго и греческаго отряда. Деньги, насильственно и несправедливо награбленныя у турокъ, Сочивица роздалъ разнымъ людямъ задарскаго округа, чтобы они употребили ихъ въ торговлю, и жилъ этимъ безъ большихъ заботъ. Онъ думалъ, что его уже не ищутъ, и часто позволялъ себѣ переходить изъ Церманьи въ Островицу и другія мѣста задарскаго округа, гдѣ онъ могъ отлично сойтись съ характерами и религіей большой части тамошнихъ жителей, которые, пришедши туда изъ Черной-горы, часто, кромѣ собственной фамиліи, называются еще „черногорцами", какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Морлакіи. Когда пребываніе Сочивицы въ задарскомъ

[1]) Т.-е. православный.

[2]) Или рыжій, rosso. Дальше видно, что это былъ католикъ.

округѣ стало извѣстно, то нынѣшній попечительный полковникъ книнской территоріи, Стефано Накичъ, вслѣдствіе высшихъ соображеній, послалъ для поимки его арамбашу, по имени Серавицу, съ тридцатью пандурами. Арамбаша пандуровъ безуспѣшно розыскивалъ его по всему задарскому округу, когда наконецъ получилъ извѣстіе, что Сочивица находится въ Островицѣ; арамбаша тотчасъ поспѣшилъ туда и нашелъ его играющимъ въ мячъ съ однимъ товарищемъ, и обоихъ—выпившими. Товарищъ Сочивицы былъ убитъ, а онъ бросился бѣжать къ башнѣ разрушеннаго зáмка, стоявшаго на скалѣ высокаго холма, и тамъ заперся. Одинъ изъ пандуровъ ранилъ его въ бедро, и онъ охотно бы сдался, если бы толпа пьяныхъ поселянъ, возвращавшихся съ сѣнокоса съ деревянными вилами, не воспротивилась пандурамъ и не доставила такимъ образомъ избавленія и жизни Сочивицѣ. Между тѣмъ раненый Сочивица замѣтилъ, что пандуры уже не окружаютъ его, тотчасъ сѣлъ на коня и, странствуя постоянно ночью, остановился сначала на нѣсколько дней у одного благочестиваго священника, чтобы полечиться, потомъ ушелъ въ пещеру надъ источниками рѣки Цетины. Тамъ онъ продолжалъ лечиться около мѣсяца. Онъ походилъ на больного льва въ логовищѣ, принимавшаго посѣщенія,—разница была та, что льва посѣщали всѣ звѣри, а Сочивицу только волки, т.-е. ему подобные разбойники. Но, поправившись здоровьемъ, онъ собралъ съ дюжину товарищей—больше для того, чтобы отомстить за вредъ, нанесенный ему арамбашой пандуровъ въ Островицѣ, чѣмъ для грабежа турокъ. Однажды онъ былъ съ разными своими товарищами въ турецкихъ владѣніяхъ, когда попался ему турокъ, нѣкогда спасшій одного изъ его братьевъ, находившагося тутъ же. Сочивица и товарищи хотѣли убить его; но братъ не могъ забыть полученнаго благодѣянія и хотѣлъ сохранить ему жизнь, и въ то время, какъ Сочивица молился (онъ всегда читалъ молитву передъ ѣдой), братъ выпустилъ турка. Товарищи разсердились на него за освобожденіе турка, и особенно племянникъ, который далъ ему пощечину; тотъ отвѣчалъ на это пистолетнымъ выстрѣломъ и убилъ племянника. Тогда Сочивица выгналъ отъ себя брата и похоронилъ племянника; лишеніе племянника и раздраженіе противъ брата снова побудили его отправиться въ Церманью и оставаться въ покоѣ. Но природу не такъ легко измѣнить: часто противъ собственной воли человѣкъ возвращается къ дурнымъ нравамъ. Такъ было съ Сочивицей. Нѣсколько времени онъ жилъ мирно, и вдругъ выходилъ на большую дорогу. Турки забыли о немъ, и когда терпѣли нападенія, никакъ не воображали, что это было опять дѣломъ Сочивицы. Въ концѣ іюня 1769 Сочивица соединился съ восемью товарищами,—быть можетъ, съ намѣреніемъ напасть на какой-нибудь караванъ. Онъ послалъ одного человѣка добыть пороху, котораго не было у него и у многихъ изъ товарищей. Ожидая, пока посланный вернется съ порохомъ, Сочивица расположился съ товарищами спать подъ деревьями у подножья горы Прологъ въ лѣсу, въ венеціанскихъ предѣлахъ. Въ недальнемъ разстояніи одинъ пастухъ жарилъ барана. Неизвѣстно, изъ выгоды, или изъ ненависти къ Сочивицѣ, но пастухъ побѣжалъ дать знать сорока туркамъ, которые въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда собирали подать за право

пастбища съ оттоманскихъ подданныхъ. Турки, не обращая никакого вниманія на jus gentium (народное право), поспѣшно вошли въ венеціанскія владѣнія, и напали на Сочивицу и его товарищей, которые убѣжали въ тѣнь деревьевъ. Дѣло не представляло большой трудности, потому что сорокъ человѣкъ хорошо вооруженныхъ (какъ были вооружены турки) перебили бы восемь человѣкъ, у которыхъ не было даже пороха, чтобы защищаться. Товарищи Сочивицы стали обращаться въ бѣгство, одни въ одну сторону, другіе въ другую, но, несмотря на то, трое изъ нихъ были убиты. Но удивительно было мужество нѣкоего Стояна Жежеля (Xexegl), который, укрывшись за деревомъ, убилъ одного турка и четверыхъ ранилъ, и быть можетъ, далъ бы еще бóльшія доказательства своей храбрости, если бы у него не вышелъ весь порохъ, и потому онъ былъ убитъ турками. Пастухъ, жарившій барана для гайдуковъ, также былъ убитъ. Но что̀ будетъ съ безоружнымъ Сочивицей, окруженнымъ сорока вооруженными турками? Онъ обратилъ вниманіе, съ какой стороны идутъ выстрѣлы, и побѣжалъ туда, гдѣ былъ дымъ, надѣясь, что скрытый дымомъ, онъ можетъ уйти изъ глазъ турокъ, и такимъ образомъ онъ спасся. Туркамъ казалось сначала невѣроятнымъ, чтобы Сочивица убѣжалъ изъ ихъ среды, и искали, не спрятался ли онъ въ травѣ. Это послѣднее избавленіе Сочивицы, которое можетъ считаться однимъ изъ самыхъ ловкихъ, показываетъ еще болѣе живость его ума, который очень бы усовершенствовался образованіемъ. Въ это время вообще подозрѣвали, что турки подъ предлогомъ похода въ Черногорію противъ Степана Малаго [1]), который тамъ былъ провозглашенъ, могутъ измѣннически занять мѣстность рѣки Цетины, какъ дѣлали въ прежнее время; поэтому, по политическимъ соображеніямъ правительства на границахъ поставлена была стража, состоявшая изъ жителей Синя съ ихъ начальниками. Это чрезвычайно радовало Сочивицу, что онъ можетъ отомстить смерть своихъ храбрыхъ сотоварищей, которыхъ онъ очень любилъ. Онъ не могъ исполнить своего намѣренія, потому что турки, какъ всѣмъ извѣстно, пошли прямо противъ черногорцевъ. Сочивица, вслѣдствіе суровой жизни въ горахъ, началъ старѣться и возвратился въ свое обычное мѣсто въ австрійскихъ владѣніяхъ. Онъ сталъ думать о томъ, чтобы найти какое-нибудь занятіе, которымъ могъ бы жить, и льстилъ себя увѣренностью, что найдетъ это своими деньгами. Но проходили мѣсяцы и годы, а онъ не могъ достичь желанной цѣли. Отъ времени до времени онъ уходилъ на свои обыкновенные подвиги противъ турокъ въ обществѣ гайдуковъ, которые выбрали себѣ предводителемъ нѣкоего Филиппа Пеовича, — немного лѣтъ назадъ онъ было повѣшенъ въ Задрѣ за свои грабежи. Сочивица передалъ на сохраненіе одному калугеру, своему духовному отцу, пятьсотъ цекиновъ, съ другими бездѣлушками, плодъ его разбойническихъ трудовъ. Добрый калугеръ, узнавши, что Сочивица вскорѣ долженъ былъ

---

[1]) Извѣстное лицо въ исторіи Черногоріи, гдѣ онъ дѣйствовалъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, явившись туда первоначально подъ именемъ русскаго императора Петра III; впослѣдствіи онъ оставилъ это самозванство, но сохранилъ свое значеніе и власть.

взять назадъ свои вещи, убѣжалъ въ отдаленнѣйшія страны,—четыре года тому назадъ. Сочивица преслѣдовалъ его до Дуная, но, не нашедши, вернулся. Одинъ родственникъ изъ Имоцки прошлымъ лѣтомъ посѣтилъ его, и когда Сочивица вышелъ изъ дому, укралъ у него все его платье и знаменитую „мараму", подаренную ему посестримой турчанкой, и нѣсколько денегъ, что̀ въ сложности составило покражу въ восемьдесятъ цекиновъ. Когда я говорилъ съ Сочивицей въ прошломъ іюлѣ, онъ жаловался на эти два жестокія похищенія и говорилъ: „то, что̀ я пріобрѣлъ силой, постоянно рискуя жизнью, два вора украли у меня вслѣдствіе моего довѣрія и безъ всякой опасности,—справедливо ли это? Еслибъ они напали на меня на дорогѣ, я бы ничего не сказалъ противъ этого. Такимъ образомъ, они отплатили бы мнѣ тѣмъ же. Но это воровство по довѣрію и безъ риска есть самое несправедливое воровство въ мірѣ, потому что не знаешь, кого беречься". И достойно замѣчанія, что Сочивица, послѣ стольких шумныхъ грабежей турецкихъ каравановъ и стольких убійствъ, не имѣлъ денегъ больше, чѣмъ около шестисотъ цекиновъ, когда началъ спокойную жизнь, и эти деньги, какъ мы видѣли, были у него украдены калугеромъ, его духовнымъ отцомъ, и другая часть его родственникомъ. Но дѣло въ томъ, что люди, въ руки которыхъ отдается на сохраненіе добыча, овладѣваютъ ею, и въ сущности разбойники, рискующіе жизнью, имѣютъ всегда меньшую часть добычи и въ концѣ-концовъ остаются бѣдняками. Эта бѣдность, которая открывается у старинныхъ ускоковъ, грабившихъ постоянно и на морѣ, и на сушѣ, похищавшихъ то тамъ, то здѣсь значительныя суммы денегъ, заставляла остраго политика Фра Паоло Сарпи думать, что кто-то держалъ ихъ руку. Характеръ ускоковъ перешелъ въ гайдуковъ нашего времени, съ той разницей, что послѣдніе малочисленнѣе—сколько извѣстно, отряды ихъ никогда не доходятъ до тридцати человѣкъ—и грабятъ насильственно только въ горахъ и убиваютъ гораздо охотнѣе турокъ, чѣмъ христіанъ, а ускоки, напротивъ, особенно въ послѣднія времена ихъ пиратства, не уважали ни религіи, ни націи. Сочивица имѣлъ дѣло только съ турками и разсказывалъ мнѣ, что, сколько можетъ припомнить, онъ убилъ ихъ полтораста, кромѣ тѣхъ, которыхъ убивалъ вмѣстѣ съ своими товарищами. Тысяча человѣкъ этого рода стоятъ десяти тысячъ турокъ. Онъ заслуживалъ, чтобъ его можно было считать свирѣпѣе волка, но были гайдуки еще болѣе свирѣпые и болѣе сильные, но имъ не удавалось убивать столько турокъ, сколько Сочивица, и у нихъ не было такой ловкости. И хотя онъ своими безчинствами принесъ венеціанскому государству значительный вредъ, они оказываются теперь величайшимъ благомъ для нашихъ морлаковъ, съ которыми турки обращаются уже съ бо̀льшимъ человѣколюбіемъ и мягкостью, тогда какъ прежде были невыносимы по своему тиранству. Такъ изъ собранія безпорядковъ рождается иногда и порядокъ. Тѣмъ не менѣе было бы желательно, чтобы эта порода людей, т.-е. гайдуки, когда-нибудь искоренилась, что̀ мнѣ кажется очень труднымъ—по той причинѣ, что если вообще они служатъ причиной многихъ потерь, то въ частности составляютъ постоянный источникъ богатства для

нѣкоторыхъ. Но прежде чѣмъ искоренить ихъ, нужно было бы, чтобы прекратились преступленія, чтобы измѣнилась алчность правителей и прекратилось то нелѣпое вѣрованіе (pazza credenza), что убивать турокъ значитъ то же что получить полную индульгенцію,—какъ будто турки были гнусные звѣри, а не люди, какъ мы. Морлацкіе священники, если и не виноваты въ томъ, что внушали народу эти предразсудки, то конечно виноваты, что не искореняли ихъ. *Sed quis custodiet ipsos custodes*? Въ невинныя времена думали, что именно гайдуки отдаляли отъ государства оттоманское оружіе, и было слѣпотой—не видѣть, что они его навлекаютъ. Это было очень хорошо извѣстно многимъ благоразумнѣйшимъ генераламъ Далмаціи, которые и дѣлали возможныя усилія, чтобы захватить Сочивицу и удалить причину жалобъ со стороны турокъ. Повторяю, чтобы искоренить гайдуковъ, или по крайней мѣрѣ уменьшить ихъ число, надо подняться къ источникамъ, т.-е., къ тѣмъ, кто ихъ принуждаетъ выходить на эту жизнь. *A capite bona valetudo*, прекрасно говоритъ мудрый Сенека. Но возвратимся къ Сочивицѣ. Въ настоящее время онъ пользуется значительнымъ имуществомъ, потому что милосердіе монарха, въ государствѣ котораго онъ живетъ, назначило ему содержаніе (stipendio) въ двадцать-восемь цекиновъ въ годъ, и нѣкоторое количество земли для обработки, и украсило его должностью арамбаши пандуровъ; и онъ очень любимъ своими начальниками. Такъ человѣкъ, который около тридцати лѣтъ жилъ оттоманскимъ подданнымъ, и около двадцати семи лѣтъ былъ арамбашей гайдуковъ въ венеціанскихъ владѣніяхъ, уже около трехъ лѣтъ сдѣланъ арамбашей пандуровъ въ Австріи. Въ прошломъ маѣ, когда его величество Іосифъ II, нынѣшній императоръ, былъ на тройной границѣ и проѣзжалъ Гразацъ, гдѣ живетъ Сочивица, то, велѣвши ему разсказать свою жизнь, подарилъ ему нѣсколько цекиновъ. Но Сочивица никогда особенно не любилъ денегъ. Однажды онъ съ двадцатью-пятью товарищами углубился ночью въ горы, куда ушелъ, чтобы ѣсть, съ нимъ случайно встрѣтились два морлака, сбившіеся съ дороги, съ которыми была большая сумма денегъ одного купца. Сочивица заподозрилъ, не двое ли это шпіоновъ, и сталъ ихъ разспрашивать, зачѣмъ они туда пришли? Они были изумлены, и не знали, чтó сказать. Сочивица пересмотрѣлъ, чтò они несли, и нашелъ деньги, и узнавши, что деньги принадлежатъ человѣку, который оказалъ ему какую-то небольшую услугу, отпустилъ морлаковъ, давши имъ еще поѣсть и велѣвши проводить ихъ двумъ изъ своихъ товарищей, — но сильно побранилъ ихъ, чтобы впредь они были осторожнѣе, отправляясь въ путь съ чужими деньгами, потому что не всегда найдутъ Сочивицу. Этотъ случай показываетъ, какъ онъ былъ признателенъ къ людямъ, дѣлавшимъ ему добро, и что онъ былъ убійцей не изъ жадности къ деньгамъ, а изъ молодечества.

Сочивицѣ теперь шестьдесятъ одинъ годъ, но онъ еще крѣпокъ и обѣщаетъ прожить еще лѣтъ тридцать. Онъ спокойно живетъ въ селѣ Гразацъ, въ австрійскихъ владѣніяхъ, около сорока миль отъ Книна. У него продолговатое лицо, ростъ средній, глаза голубые, и выраженіе свирѣпое. На его жизнь похожи были въ древности и обы-

чан морлаковъ [1]), и Овидій, de Ponto, даетъ о нихъ нѣкоторую идею. „Здѣсь наблюдаю людей, говоритъ Овидій: они едва достойны этого имени, и свирѣпѣе волковъ. Они не боятся законовъ: но правосудіе уступаетъ силѣ, и законы покоряются мечу. Всѣ кровью ищутъ добычи, и жить безъ нея считается постыднымъ. Хотя ты и не испугаешься ихъ съ перваго взгляда, они могутъ стать тебѣ ненавистны. Голосъ дикій, свирѣпый видъ, истинный образъ смерти". Таковы нынѣшніе черногорцы. Поэтому, если кто скажетъ, что гайдуки нѣкогда образовали націю, тотъ разсуждалъ бы не дурно. Героическія дѣянія, какія морлаки воспѣваютъ о древнихъ бойцахъ своего народа, по моему предположенію, мало отличались отъ дѣяній Сочивицы. Если бы онъ родился въ отдаленныя времена, о немъ, быть можетъ, пѣлось бы то, что поется теперь о Маркѣ Кралевичѣ и многихъ другихъ; и если въ наше время Сочивица отличился удивительными дѣлами выше всѣхъ разбойниковъ большой дороги, то въ другія времена онъ, можетъ быть, пріобрѣлъ бы скипетръ.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Авторъ употребляетъ это имя въ широкомъ смыслѣ, обозначая имъ вообще славянъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, куда былъ сосланъ Овидій, у Понта Эвксинскаго, предполагаетъ славянское населеніе.

ТЕПЕРЬ и ПРЕЖДЕ

Письмо въ редакцію

по поводу драматическихъ представленій Эрнеста Росси.

Москва, 29 апрѣля 1877.

Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ Рашель, пріѣхавъ въ Москву, сказала, послѣ трехъ-четырехъ первыхъ своихъ представленій: „Масса петербургской публики слишкомъ грубовата, въ ней слишкомъ преобладаетъ солдатчина [1]). Она меня не совсѣмъ понимаетъ. Московская публика иная; она мнѣ по сердцу. Я ей и она мнѣ симпатичны и понятны". Дѣйствительно, въ Петербургѣ пьесы, въ которыхъ Рашель имѣла наиболѣе успѣха, были пьесы романтической школы, *растрепанной* школы, какъ прозвали ее противники ея и порицатели. Въ „Адріенѣ Лекуврёръ", въ „Венеціанской комедіанткѣ", гдѣ не было ни чувства, ни характеровъ, ни смысла, а только аффектація, эффекты, невозможныя преувеличенія и искаженія человѣческой природы, Рашель вызывала единодушныя рукоплесканія и громкіе восторги. Произнося монологи, лишенные всякаго смысла, но полные фальшиваго паѳоса, бросая публикѣ эффектныя фразы, въ которыхъ громкія слова замѣняли мысль, умирая въ конвульсіяхъ черезъ-чуръ реальныхъ,—фокусы, недостойные ея геніальнаго таланта,—Рашель пожинала лавровые вѣнки, цвѣты, крики — театръ стоналъ! Напротивъ того, петербургская публика оставалась равнодушною, когда она играла трагедіи Корнеля и Расина, которыхъ героини, пересозданныя ея могучимъ геніемъ, являлись не француженками XVIII-го столѣтія, а древними гречанками и римлянками. Рашель, играя роль Камиллы въ Гораціяхъ, создала древнюю римлянку, и еще болѣе поразительно изъ французской „Федры" Расина воспроизвела древнюю греческую Федру.

---

[1]) Le public de Pétersbourg est trop grossier, trop soldat.

Не преступную, необузданную любовь изображала она къ Ипполиту, а мщеніе Венеры, наказаніе боговъ, недугъ, доходящій до безумія. Она была дивно прекрасна, но масса петербургской публики очевидно не понимала и не сочувствовала ни древней Федрѣ, ни страстно суровой римлянкѣ Камиллѣ. Ей нравилась больше „Венеціанская комедіантка" — въ пышномъ, ослѣпительномъ нарядѣ, бросающая дерзко короткія фразы, въ родѣ слѣдующей:

Oh! la bouche qui ment!

Масса петербургской публики тогдашняго времени восхищалась романами Евгенія Сю, Поль де-Кока, драмами Кукольника, Александра Дюма и ихъ подражателей. Классически-прекрасная игра Рашели не могла быть оцѣнена въ высоко-созданныхъ ею типахъ древнихъ.

Наоборотъ случилось въ Москвѣ. Рашель дебютировала на московской сценѣ въ одной изъ романтическихъ драмъ, и хотя ей аплодировали и приняли ее хорошо, но восторга она не возбудила; за то лишь только явилась она въ трагедіи,—этому восторгу границъ не было. И это было очень понятно. Московская публика издавна ознакомилась съ трагедіей. Хотя послѣ смерти Мочалова, столь въ Москвѣ любимаго, трагедіи исполнялись весьма посредственными артистами, но съ знаніемъ трагическихъ пріемовъ, и публика по старой памяти стремилась слушать посредственныхъ исполнителей. Она воспиталась на трагедіи и высшей комедіи, въ которой блисталъ Щепкинъ. Публика не любила водевилей и рвалась въ театръ, когда пьесы нѣмецкихъ и русскихъ драматурговъ стояли на афишѣ, или давали Мольера, Грибоѣдова, Гоголя и другихъ русскихъ, мало извѣстныхъ писателей. Публика, воспитанная на старой традиціи, еще ея придерживалась. Въ этой традиціи, конечно, была своя доля несостоятельности, она уже отживала, но сдѣлала свое дѣло, воспитала на высокихъ тонахъ трагедіи цѣлое поколѣніе. И вотъ, это-то поколѣніе, подготовленное знакомствомъ съ трагедіей нѣмецкой, англійской и русской, изучившее сцену подъ неотразимымъ вліяніемъ такихъ артистовъ, какъ Мочаловъ, Щепкинъ и Каратыгинъ [1]), знакомое съ благородными и высокими порывами духа человѣческаго, съ которыми сжилось при представленіи трагедій, приняло восторженно, вполнѣ оцѣнило и съ несказаннымъ энтузіазмомъ и удивленіемъ привѣтствовало Рашель. Рашель играла на французскомъ языкѣ, съ труппою, набранною кое-гдѣ, очень плохою и пошлою, но эти неблагопріятныя условія оказались ничего

---

[1]) Каратыгинъ появлялся въ Москвѣ нѣсколько разъ; много можно сказать противъ его манеры, но нельзя отказать ему ни въ талантѣ, ни въ знаніи сцены, ни въ добросовѣстномъ изученіи ролей и пластикѣ. Онъ былъ особенно хорошъ въ Людовикѣ XI.

незначущими. Чуткая, сценически образованная московская публика слѣдила за выраженіемъ лица великой артистки, жадно ловила самыя, повидимому, незначущія движенія и жесты ея, преисполненныя тонкаго чувства изящнаго, и аплодировала съ замѣчательнымъ тактомъ, именно тамъ, гдѣ должно было аплодировать. Люди образованные, хорошо знакомые съ литературами европейскими, съ европейскими и русскими драмами, съ нѣкоторой гордостію и величайшимъ удовольствіемъ внимали взрывамъ рукоплесканій *массы*, не знавшей ни французскаго языка, ни литературы иностранной, ни даже своей собственной. Массой этой руководило непосредственное, но вѣрное чувство, инстинктъ изящнаго, столь дорогой въ простомъ людѣ, и наглядное знакомство съ высшими сценическими произведеніями. Она не читала ихъ, но она ихъ видѣла на сценѣ. Массою руководило настроеніе не обыденное, не будничное, она не была пóшла—и умѣла подняться на духовную высоту, чуять всю красоту ея.

Черезъ десять лѣтъ послѣ посѣщенія Москвы Рашелью, появилась въ Москвѣ Ристори. Актриса таланта великаго, звѣзда первой величины, хотя ее можно приравнять къ Рашели, какъ звѣзду къ солнцу, она тоже привыкла видѣть въ театрѣ многочисленную, сочувственную публику—и поразила, восхитила ее. Въ этой публикѣ люди зрѣлыхъ лѣтъ помнили старыхъ актеровъ, и по старой памяти любили и научили молодежь любить, уже въ упадокъ приходившую, трагедію. Ристори играла по-итальянски. Не только масса публики, но вся публика, за весьма рѣдкими исключеніями, не знала по-итальянски, но она слѣдила внимательно за исполненіемъ знаменитой артистки и взрывомъ своевременныхъ, единодушныхъ рукоплесканій одобряла ее. И она, въ свою очередь, эта знаменитая Ристори, выражала свое удивленіе и говорила съ чувствомъ удовлетвореннаго, законнаго самолюбія: „удивительная публика, по-итальянски не знаетъ, а все понимаетъ и аплодируетъ тогда, когда должно"!

И вотъ, прошло еще 15 лѣтъ, и явился въ Москву Эрнесто Росси.

Не часто выпадаетъ на долю москвичей высокое наслажденіе войти въ волшебную сферу поэзіи и искусства. Трагическіе артисты родятся не часто, и пріѣзжаютъ въ Москву еще рѣже. Далеко какъ-то стоитъ Москва, и на короткое время посѣщаютъ ее именитые таланты. А если и случается артистамъ посѣтить ее, то почти всегда въ концѣ артистической карьеры, въ лѣтахъ зрѣлыхъ или преклонныхъ, чтó особенно грустно въ пѣвицахъ и пѣвцахъ. Метода, конечно, переживаетъ ихъ молодость, но голосъ разбитъ, лицо состарѣлось. Бываютъ исключенія. Москву посѣщаютъ молодыя и блестящія знаменитости, какъ Патти, но онѣ являются на короткое время, на три-четыре представленія, и, не давши возможности вдуматься, наслушаться,

прельститься, спѣшатъ уѣхать. И вотъ, посреди этой нравственной и артистической бѣдности, московскаго затишья, застоя и скуки, явился Росси. Пріѣздъ его для многихъ любителей литературы и театра сказался особенною возбужденностію, особенною жаждою насладиться тѣмъ роскошнымъ плодомъ, котораго такъ долго всѣ были лишены. Какъ же масса публики приняла Росси?...

Пятнадцать лѣтъ прошло, сказали мы, съ появленія Ристори и слишкомъ 20 съ появленія Рашели. Въ продолженіи этого промежутка времени постоянно на всѣ лады газеты и журналы и самый говоръ публики трубили о прогрессѣ и цивилизаціи, высокомѣрно относясь къ западной образованности. И что же? Появленіе Росси на московской сценѣ наглядно показало, на какой ступени—по крайней мѣрѣ литературнаго и сценическаго образованія—стоитъ теперь масса московской публики. Въ жизни обществъ бываютъ толчки, скачки и пріостановка,—бываетъ и хуже: скачки назадъ. Такой-то скачокъ, по нашему мнѣнію, совершила, именно въ области литературы и искусства, московская публика. Это прискорбное отступленіе вспять вытекаетъ изъ множества скопившихся причинъ. Намъ бы желалось указать на нѣкоторыя изъ нихъ, на тѣ именно, которыя усмотрѣны нами, благодаря собственному наблюденію, и на тѣ, которыя указаны были намъ людьми компетентными, знатоками своего дѣла и серьёзными педагогами. Стремленіе къ спеціальностямъ въ слишкомъ раннемъ возрастѣ, преувеличенная классическая спеціализація нанесли ударъ общему образованію. Мы не принадлежимъ къ противникамъ такъ-называемаго классицизма, но всего надо въ мѣру и съ толкомъ. Грамматическія формулы, буквы, говорятъ педагоги, убиваютъ много живого; исключительное вниманіе обращено на однѣ формы языка, и совершенно упускается изъ виду духъ литературы. Въ современномъ молодомъ поколѣніи, вслѣдствіе того, понизились творческія силы. Общеніе съ новѣйшими литературами почти исчезло, такъ какъ языки иностранные, нѣмецкій, столь необходимый для образованія, англійскій, представляющій громадный матеріалъ для серьёзнаго и изящнаго чтенія, наконецъ, французскій языкъ—вульгаризаторъ общечеловѣческихъ идей—оставлены въ сторонѣ. И при всемъ томъ, умные, добросовѣстные преподаватели увѣряютъ насъ, что ученики тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ лучше знали по-латыни и по-гречески, чѣмъ ученики нашего времени.

Такимъ образомъ, большинство молодого поколѣнія очень мало знакомо съ исторіей, съ поэзіей и съ литературами европейскими;—нечего говорить о знакомствѣ съ философіей.

Мѣсто прежняго широкаго гуманнаго образованія заступило теперь поверхностное чтеніе газетъ, и кое-какъ одолѣваются немногіи

толстые журналы: оттуда почерпается то, чего не даетъ школа. Да и зачѣмъ читать книгу, когда о ней можно прочесть отзывъ въ газетѣ и получить понятіе объ ея содержаніи. Какъ легко и удобно, прочитавъ нà-скоро написанный фельетонъ, или часто поверхностную или одностороннюю статью журнала, судить о политикѣ, соціальномъ устройствѣ, объ общественной нравственности, и т. п. А для основательнаго сужденія о всемъ этомъ школа не даетъ никакихъ элементовъ.

Женское воспитаніе такъ же односторонне, какъ и мужское. Въ моду вошла не совсѣмъ удобопонятная фраза: *гимнастика ума*. Замѣчательно, что, при отсутствіи идей и прочно-установленныхъ понятій, всегда входятъ въ моду и повторяются, кстати и не кстати, всѣми поголовно однѣ и тѣ же фразы. Сказавъ ихъ, добрые люди думаютъ, что они сказали непреложную истину, убѣдили или даже убили своихъ робкихъ противниковъ, защитниковъ образованія. *Гимнастика ума*—вездѣ можно услышать это курьёзное выраженіе. Какъ слѣдствіе такой фразы, является рѣшеніе заставить и дѣвушекъ зубрить латинскую и греческую грамматики, учить алгебру и высшую математику,—и это въ ущербъ всему прочему, не принимая въ соображеніе способностей, наклонностей и вкусовъ.

Намъ случалось видѣть не мало дѣвочекъ, замученныхъ [1]) древними языками и математикой, которыя не могутъ заниматься ничѣмъ другимъ и сбываютъ кое-какъ другіе уроки. Переходъ изъ класса въ классъ зависитъ только отъ знанія древнихъ языковъ и математики!!. Но вотъ, дѣвушка окончила курсъ гимназіи. Если она принадлежитъ къ среднимъ классамъ общества, она пользуется свободою и предоставлена самой себѣ. Зная плохо иностранные языки, она читаетъ всего больше по-русски, и преимущественно опять газеты, журналы и романы. Это одностороннее, пустое чтеніе, въ ущербъ всему другому, противно женской натурѣ: оно дѣлаетъ дѣвушекъ рѣзкими, слишкомъ не по лѣтамъ мрачными, и не располагаетъ ихъ знакомиться съ искусствомъ, поэзіею и литературою. И онѣ презираютъ ихъ. Большинство мало читаетъ книгъ общеобразовательныхъ,—любознательность ихъ одностороння. Онѣ изучаютъ еще явленія физической природы, но вовсе не интересуются произведеніями художественными, т.-е. явленіями человѣческой природы. Любознательность въ этомъ отно-

[1]) Одна гимназія г-жи Фишеръ, въ которой преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ и математики берутъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ, можетъ похвалиться сотнями ученицъ. Говорятъ, что бразильскій императоръ, посѣтивъ гимназію эту, пришелъ въ удивленіе отъ знанія дѣвушками древнихъ языковъ и математики: Что̀ бы сказалъ онъ, если бы познакомился короче съ ихъ познаніями во всемъ другомъ?

Не преступную, необузданную любовь изображала она въ Ипполитѣ, а мщеніе Венеры, наказаніе боговъ, недугъ, доходящій до безумія. Она была дивно прекрасна, но масса петербургской публики очевидно не понимала и не сочувствовала ни древней Федрѣ, ни страстно суровой римлянкѣ Камиллѣ. Ей нравилась больше „Венеціанская комедіантка“ — въ пышномъ, ослѣпительномъ нарядѣ, бросающая дерзкія короткія фразы, въ родѣ слѣдующей:

Oh! la bouche qui ment!

Масса петербургской публики тогдашняго времени восхищалась романами Евгенія Сю, Поль де-Кока, драмами Кукольника, Александра Дюма и ихъ подражателей. Классически-прекрасная игра Рашели не могла быть оцѣнена въ высоко-созданныхъ ею типахъ древнихъ.

Наоборотъ случилось въ Москвѣ. Рашель дебютировала на московской сценѣ въ одной изъ романтическихъ драмъ, и хотя ей аплодировали и приняли ее хорошо, но восторга она не возбудила; за то лишь только явилась она въ трагедіи,—этому восторгу границъ не было. И это было очень понятно. Московская публика издавна ознакомилась съ трагедіей. Хотя послѣ смерти Мочалова, столь въ Москвѣ любимаго, трагедіи исполнялись весьма посредственными артистами, но съ знаніемъ трагическихъ пріемовъ, и публика по старой памяти стремилась слушать посредственныхъ исполнителей. Она воспиталась на трагедіи и высшей комедіи, въ которой блисталъ Щепкинъ. Публика не любила водевилей и рвалась въ театръ, когда пьесы нѣмецкихъ и русскихъ драматурговъ стояли на афишѣ, или давали Мольера, Грибоѣдова, Гоголя и другихъ русскихъ, мало извѣстныхъ писателей. Публика, воспитанная на старой традиціи, еще ея придерживалась. Въ этой традиціи, конечно, была своя доля несостоятельности, она уже отживала, но сдѣлала свое дѣло, воспитала на высокихъ тонахъ трагедіи цѣлое поколѣніе. И вотъ, это-то поколѣніе, подготовленное знакомствомъ съ трагедіей нѣмецкой, англійской и русской, изучившее сцену подъ неотразимымъ вліяніемъ такихъ артистовъ, какъ Мочаловъ, Щепкинъ и Каратыгинъ [1]), знакомое съ благородными и высокими порывами духа человѣческаго, съ которыми сжилось при представленіи трагедій, приняло восторженно, вполнѣ оцѣнило и съ несказаннымъ энтузіазмомъ и удивленіемъ привѣтствовало Рашель. Рашель играла на французскомъ языкѣ, съ труппою, набранною кое-гдѣ, очень плохою и пошлою, но эти неблагопріятныя условія оказались ничего

[1]) Каратыгинъ появлялся въ Москвѣ нѣсколько разъ; много можно сказать противъ его манеры, но нельзя отказать ему ни въ талантѣ, ни въ знаніи сцены, ни въ добросовѣстномъ изученіи ролей и пластикѣ. Онъ былъ особенно хорошъ въ Людовикѣ XI.

незначущими. Чуткая, сценически образованная московская публика слѣдила за выраженіемъ лица великой артистки, жадно ловила самыя, повидимому, незначущія движенія и жесты ея, преисполненныя тонкаго чувства изящнаго, и аплодировала съ замѣчательнымъ тактомъ, именно тамъ, гдѣ должно было аплодировать. Люди образованные, хорошо знакомые съ литературами европейскими, съ европейскими и русскими драмами, съ нѣкоторой гордостію и величайшимъ удовольствіемъ внимали взрывамъ рукоплесканій *массы*, не знавшей ни французскаго языка, ни литературы иностранной, ни даже своей собственной. Массой этой руководило непосредственное, но вѣрное чувство, инстинктъ изящнаго, столь дорогой въ простомъ людѣ, и наглядное знакомство съ высшими сценическими произведеніями. Она не читала ихъ, но она ихъ видѣла на сценѣ. Массою руководило настроеніе не обыденное, не будничное, она не была пошла—и умѣла подняться на духовную высоту, чуять всю красоту ея.

Черезъ десять лѣтъ послѣ посѣщенія Москвы Рашелью, появилась въ Москвѣ Ристори. Актриса таланта великаго, звѣзда первой величины, хотя ее можно приравнять къ Рашели, какъ звѣзду къ солнцу, она тоже привыкла видѣть въ театрѣ многочисленную, сочувственную публику—и поразила, восхитила ее. Въ этой публикѣ люди зрѣлыхъ лѣтъ помнили старыхъ актеровъ, и по старой памяти любили и научили молодежь любить, уже въ упадокъ приходившую, трагедію. Ристори играла по-итальянски. Не только масса публики, но вся публика, за весьма рѣдкими исключеніями, не знала по-итальянски, но она слѣдила внимательно за исполненіемъ знаменитой артистки и взрывомъ своевременныхъ, единодушныхъ рукоплесканій одобряла ее. И она, въ свою очередь, эта знаменитая Ристори, выражала свое удивленіе и говорила съ чувствомъ удовлетвореннаго, законнаго самолюбія: „удивительная публика, по-итальянски не знаетъ, а все понимаетъ и аплодируетъ тогда, когда должно“!

И вотъ, прошло еще 15 лѣтъ, и явился въ Москву Эрнесто Росси.

Не часто выпадаетъ на долю москвичей высокое наслажденіе войти въ волшебную сферу поэзіи и искусства. Трагическіе артисты родятся не часто, и пріѣзжаютъ въ Москву еще рѣже. Далеко какъ-то стоитъ Москва, и на короткое время посѣщаютъ ее именитые таланты. А если и случается артистамъ посѣтить ее, то почти всегда въ концѣ артистической карьеры, въ лѣтахъ зрѣлыхъ или преклонныхъ, чтó особенно грустно въ пѣвицахъ и пѣвцахъ. Метода, конечно, переживаетъ ихъ молодость, но голосъ разбитъ, лицо состарѣлось. Бываютъ исключенія. Москву посѣщаютъ молодыя и блестящія знаменитости, какъ Патти, но онѣ являются на короткое время, на три-четыре представленія, и, не давши возможности вдуматься, наслушаться,

ственное ничтожество. Невозможность читать въ двадцать лѣтъ ведетъ за собою *нежеланіе* читать въ 25 лѣтъ. „*Ne lit pas qui veut*", сказалъ умный французъ очень мѣтко. Безъ умственнаго развитія страсть къ чтенію—рѣдкое исключеніе. И вотъ, никогда почти ничего не читавшая дѣвушка, вышедши замужъ, начинаетъ читать самыя безнравственныя произведенія новѣйшей французской литературы, развращаетъ свой умъ, грязнитъ воображеніе и нерѣдко плачевно оканчиваетъ свою жизнь,—или, равно какъ и дѣвушки, погрязаетъ въ сплетняхъ, нескромныхъ разсказахъ, дрязгахъ и заботахъ о страшно-дорого стоющихъ нарядахъ.

Артистическое воспитаніе равняется нулю. Есть оперы (оперы?!), которыя дѣвицы не должны слушать; пьесы, которыхъ видѣть имъ, по мнѣнію матерей, невозможно. Мы не отрицаемъ, что есть пьесы столь непристойныя, что ихъ и замужней молодой особѣ смотрѣть неприлично, но мы никогда не могли понять, почему неразвитой, во младенчествѣ находящейся молодой женщинѣ 18-ти и 20-ти лѣтъ можно читать безнравственныя книги и романы, видѣть на сценѣ непристойныя, возмущающія пьесы, а дѣвушкѣ въ 20 слишкомъ лѣтъ нельзя читать книгъ высшихъ слоевъ литературы и исторіи и видѣть на сценѣ комедіи, трагедіи и оперы иначе, какъ послѣ строгой цензуры. Но не надо искать здраваго смысла въ массѣ; онъ не такъ зауряденъ. Здравымъ смысломъ и царемъ въ головѣ одарены не всѣ, а многія хотя и обладали ими когда-то, но затеряли ихъ вслѣдствіе разсужденій и умствованій пошлой среды. Есть и такія матери, которыя изъ страха, что ихъ станутъ порицать въ свѣтѣ, осуждаютъ дочерей своихъ на вѣчное младенчество. Трусость ихъ въ этомъ отношеніи изумительна. Общій лозунгъ такихъ: „*я—какъ всѣ!*" О самостоятельности нѣтъ и помина, личности стерты, и идутъ онѣ протоптанной, узкою тропинкою!

Итакъ, театръ посѣщаютъ мало, картинныя галлереи никогда, концерты посѣщаютъ часто ради элегантной толпы и нарядовъ—поэтому какъ же удивляться, что женщины и дѣвушки не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о художественности. Если рѣчь зайдетъ о литературѣ, онѣ готовы сравнить великаго художника съ писакой, а въ живописи готовы предпочесть раскрашенную фотографію произведенію мастера, въ музыкѣ, играя сами очень хорошо, выскажутъ замѣчательное незнаніе. Непониманіе заходитъ далеко: намъ случалось слышать отзывы объ оперѣ или трагедіи: „я видѣла уже одинъ разъ, зачѣмъ ѣхать опять". Онѣ не понимаютъ, что именно въ другой, третій, четвертый разъ художественное исполненіе прекраснаго произведенія доставляетъ все больше и больше наслажденія, что его оцѣ-

нить можно лишь тогда только, когда вглядишься, изучишь, вполнѣ поймешь...

Конечно, все сказанное нами относится къ большинству; и здѣсь есть меньшинство и блестящія исключенія, о которыхъ упоминать не входитъ въ нашу задачу. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о людяхъ простыхъ, малограмотныхъ или неграмотныхъ. Ихъ развлеченія: гулянья, театръ и пирушки. Къ сожалѣнію, на пирушкахъ въ изобиліи пьется вино и процвѣтаетъ игра въ карты; гулянья исчезли. Говорятъ: жалѣть не о чемъ. Можетъ ли быть! Но какъ не пожалѣть о томъ, чтò вреда не приносило, а соединяло всѣ классы общества воедино и составляло особенность города. Всѣ московскіе старожилы помнятъ гулянья въ Подновинскомъ, Марьиной рощѣ, въ Сокольникахъ, гдѣ бѣдные и богатые распивали чай и гуляли до поздней ночи. Теперь эти гулянья или вовсе уничтожились, или превратились, какъ въ Сокольникахъ, въ нѣчто такое, на чтò лучше не глядѣть. Для простого люда и его образованія остался театръ. Вотъ уже 20 лѣтъ, что мало-по-малу онъ падаетъ, не столько отъ недостатковъ сценическихъ талантовъ, какъ отъ недостатка и негодности пьесъ. Нельзя говорить безъ прискорбія о томъ, чтò сталось съ нашей сценою послѣ трагедій, драмъ и комедій, которыя по своему содержанію самаго простого зрителя, даже неграмотнаго, подымали изъ будничной жизни на высоту нравственную и духовную. Она доступна всякому человѣку, и потому именно сцена есть образующая школа. Мы живо помнимъ, что еще лѣтъ сорокъ тому назадъ намъ случалось слышать простолюдиновъ, желавшихъ непремѣнно видѣть трагедію и упорно отказывавшихся отъ комедій и водевилей. „Чтò это, говорили они, чему смѣяться-то? Это и такъ всякой день видишь. А вотъ, *поплакать!* Такъ ужъ жалостно и хорошо, чудесно это!“ Въ этихъ словахъ такъ много чувства и смысла, что всякой оцѣнитъ ихъ.

Давно уже трагедія исчезла, высокая комедія исчезаетъ. Сцену наводнили мизерныя и грязныя пьесы, передѣлки съ французскаго, чуждыя нашимъ нравамъ и понятіямъ, доморощенныя нелѣпости и грубости, оскорбляющія нравственность и здравый смыслъ. Пошлость, несказанная пошлость овладѣла нашей сценою. Эти пьесы не только вытѣснили трагедіи, но почти вытѣснили Мольера, Гоголя и даже Островскаго. Каково положеніе сцены, которой такіе великіе мастера неугодны! Какова современная масса публики, для которой Мольеръ, Гоголь, Островскій *слишкомъ серьёзны.* Мы знаемъ, что многіе обвинятъ насъ въ преувеличеніи; но если это такъ, почему въ продолженіи почти всей зимы нельзя увидѣть ни Самарина, ни Шумскаго въ „Горячемъ сердцѣ“, въ „Грозѣ“ Островскаго и другихъ пьесахъ того же рода; отчего даются такъ рѣдко комедіи Мольера и весьма не

часто „Ревизоръ“ и „Горе отъ ума“? Отчего всякой день, читая афишу, ее хочешь бросить въ сторону и отказаться ѣхать въ театръ? И однако театръ полонъ: ни единаго незанятаго мѣста, и нерѣдко стонъ стоитъ отъ рукоплесканій. Чему радуется публика? Что веселитъ ее? Вотъ 75-лѣтній крестьянинъ-отецъ, который въ продолженіи цѣлаго акта качается изъ стороны въ сторону мертво-пьяный и бранитъ молодую дочь. Вотъ кафе-ресторанъ, гдѣ пьютъ, курятъ, кричатъ и дерутся молодые мужчины и потерянныя женщины. Но не будемъ перечислять всего этого сора. А масса публики воспиталась на немъ. Понятно, что она сдѣлалась такою, какою она есть въ настоящее время. Мы недавно имѣли случай наблюдать ее—и вотъ по какому поводу.

Дебютировала дочь извѣстнаго любимца нашей публики, умнаго и талантливаго Шумскаго. Она играла уже не въ первый разъ. Въ первый дебютъ друзья и знакомые поддерживаютъ обыкновенно дебютантку, но въ послѣдующія представленія она отдана суду публики. Въ такое именно представленіе намъ случилось быть въ театрѣ. На сцену вошла молодая дѣвушка высокаго роста, очень недурная собою, очевидно хорошо воспитанная; манеры ея, въ особенности интонація голоса, не могли оставить въ томъ никакого сомнѣнія. Она являлась въ роли „*Бѣдной невѣсты*“ Островскаго. Когда-то люди свѣдущіе говорили, будто это одна изъ слабыхъ пьесъ его. Мы считаемъ это несправедливымъ: по нашему мнѣнію, эта комедія богата содержаніемъ, цѣльностью характеровъ и драматическими перипетіями. Съ какою рельефностію и правдою созданы типы бѣдной невѣсты, ея матери, Мерича и Беневоленскаго! Выборъ для дебюта былъ крайне удачный. Г-жа Шумская играла чрезвычайно умно: видно было, что она изучила роль и проникнулась ею. Манеры ея были даже слишкомъ изящны для бѣдной невѣсты, принадлежащей къ кругу почти мѣщанскому—но это не упрекъ, а похвала. Въ нѣкоторыхъ сценахъ она была трогательно проста и нѣжна, въ другихъ высказала такое живое, дѣтски-горячее чувство, что нельзя было оставаться равнодушнымъ. Конечно, въ молодой актрисѣ нѣтъ школы, сценической опытности и декламаціи (мы упрямо употребимъ это вошедшее въ опалу выраженіе), но не за эти недостатки, неизбѣжные въ лѣта г-жи Шумской, публика оставалась нѣма при исполненіи лучшихъ сценъ. Такъ, напримѣръ, она осталась возмутительно холодна, когда бѣдная невѣста съ отчаянія, обманувшаяся въ томъ, кого любитъ и принужденная дать согласіе на ненавистный бракъ, смѣется и играетъ въ карты. Масса публики часто аплодировала совсѣмъ не впопадъ; она, очевидно, не понимала ни тонкости интонацій, ни психологическихъ оттѣнковъ игры. Притомъ она оставалась

холодна не къ г-жѣ Шумской, а къ пьесѣ, очевидно къ пьесѣ. Пьеса казалась ей *скучною*. Этой массѣ, воспитанной на сорѣ и подонкахъ передѣлокъ, на безобразныхъ доморощенныхъ издѣліяхъ, кажется скучною всякая серьёзная пьеса. Масса аплодировала г-жѣ Акимовой, игравшей роль матери Мити. Это актриса опытная, талантливая, но въ ней, не видавъ ее долгіе годы на сценѣ, мы замѣтили большой шагъ къ худшему. Дикція ея сдѣлалась непріятна, она спѣшитъ, говоритъ скороговоркою, такъ что вмѣсто словъ слышится бурчаніе, кричитъ, преувеличиваетъ и съ какою-то особенною охотливостію опошливаетъ, больше чѣмъ должно, роль свою. Но это именно и нравится большинству публики.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого представленія намъ случилось видѣть „Ревизора", безъ участія Шумскаго. Это зрѣлище было печально. Надо было оплакивать русское сценическое искусство. Это представленіе напоминало не ту сцену, на которой блисталъ Щепкинъ и которую украшали Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Васильевъ, Ленскій и другіе, а простой театръ-балаганъ въ отдаленной губерніи. Городничій (кажется,—Бергъ) былъ по-истинѣ ужасенъ. Ни дикціи, ни жару, ни пониманія, ни даже простой, приличной передачи роли; Хлестаковъ соревновалъ городничему, а всѣ другіе актеры фарсили или были безцвѣтны, вяли и безжизненны. И что-жъ? большинство публики осыпало рукоплесканіями такое искаженіе одной изъ лучшихъ комедій русской сцены.

Послѣ „Ревизора" мы еще разъ посѣтили русскій театръ. Давали два водевиля и на сценѣ царила *естественность* поразительная. Актеры говорили громко, но ни единаго слова явственно различить было нельзя; въ сценахъ живыхъ, для *большей естественности* вѣроятно, они кричали въ четыре голоса заразъ, такъ что ничего невозможно было ни разслушать, ни понять. Актрисы, весьма, впрочемъ, хорошенькія, хныкая и зажимая себѣ глаза кулаками, подымали локти вверхъ острымъ угломъ и отъ нелѣпости этого жеста становились смѣшны и неуклюжи. Въ испанской пьесѣ „*Лучшій алькадъ—король*", избавленная отъ бѣды и безчестія дѣвушка (Ермолова) не выбѣгаетъ на сцену, не бросается къ ногамъ короля, какъ слѣдовало ожидать, а выходитъ очень хладнокровно, и неизвѣстно, въ знакъ ли радости или отчаянія, съ распущенными по плечамъ волосами. Одинъ Шумскій является замѣчательнымъ артистомъ въ этой пьесѣ, какъ и во всѣхъ роляхъ: его дикція, движенія, голосъ, походка мѣняются по смыслу роли, и какъ бы ни была роль незначительна, онъ играетъ ее тщательно. Онъ и Самаринъ отличаются и талантомъ, и знаніемъ сцены, и уваженіемъ къ ней, ихъ становится жаль при такой *естественности* всѣхъ другихъ. Если требованія какой-то непонятной естественности

въ трагедіи можно назвать *пошлостью*, по словамъ извѣстнаго знатока сценическаго искусства, то естественность, завладѣвшую нашею сценою въ комедіяхъ и водевиляхъ, можно назвать *балаганомъ*. Нельзя при этомъ не вспомнить Щепкина, артиста незабвеннаго. Когда онъ оставался недоволенъ игрою актеровъ и постановкою пьесы, онъ говорилъ съ прискорбіемъ: „дойдемъ до балагана!" Его предсказаніе сбылось вполнѣ. Въ сценахъ комическихъ актеры прибѣгали къ пріемамъ чисто-балаганнымъ; такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, унося фракъ втайнѣ отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, пряталъ его подъ фалды своего сюртука и направлялся къ дверямъ, прыгая, производя глиссады, вальсируя, словомъ—паясничая. Эти и имъ подобные грубые фарсы—нравятся, партеръ смѣется и аплодируетъ. Ни дикціи, ни приличныхъ манеръ, ни жестовъ, ни походки—короче, повторимъ слово Щепкина: балаганъ!

Въ такомъ положеніи и съ такими вкусами засталъ Росси публику въ Москвѣ. Рѣдко испытывали мы новое намъ чувство стыда и жалости при видѣ этой массы, недоступной чувству изящнаго, прекраснаго и высокаго. Въ ней, въ этой массѣ, тонули, какъ капля въ морѣ, любители сцены и знатоки ея, тонули и люди читающіе, знакомые съ сокровищами своей и чужихъ литературъ. Въ ней, въ этой массѣ, огрубѣвшей отъ пошлости нашей сценической литературы, тонули и люди простые, чувствующіе непосредственно, одаренные весьма дорогимъ инстинктомъ изящнаго, незараженные привычкою къ безсмысленнымъ толкованіямъ и отрицанію всего того, что̀ недоступно пошлому воззрѣнію. Масса публики, особенно въ первыя представленія, оставалась холодна или рукоплескала совершенно не впопадъ. То аплодировала она эффектному, можетъ быть слишкомъ эффектному движенію Росси, то безобразному кривлянью актрисы, съ нимъ игравшей. Отсутствіе въ массѣ публики всякаго такта и вкуса особенно поражало въ „Макбетѣ", въ той сценѣ, гдѣ лэди Макбетъ въ сомнамбулическомъ снѣ моетъ себѣ руки, стирая воображаемое пятно крови. Сцена извѣстна. Ее превосходно играла Ристори. Она появлялась у боковой двери и медленно шла къ другой боковой двери, проходя такимъ образомъ всю сцену. Порою она останавливалась и тихо, глухо, какъ во снѣ, но страшно выразительнымъ шопотомъ произносила небольшой монологъ, все отирая, будто смывая пятно крови съ рукъ, жестомъ короткимъ и судорожнымъ. Мы не требуемъ, конечно, отъ набранной для сопровожденія Росси труппы [1]) особен-

---

[1]) За исключеніемъ одной актрисы, труппа Росси весьма порядочная и несравненно лучше тѣхъ, которыя сопровождали Ристори и Рашель.

ныхъ талантовъ, но требуемъ сценическаго приличія. Это наше право зрителя. Кто не можетъ сыграть роли, пусть проговоритъ ее серьёзно, съ приличными ей жестами и тѣлодвиженіями. Это не мудрено. Но давать волю своей бездарности, беззастѣнчиво кривляться, выламывать руки до вывиха, падать на колѣни, дрожа какъ въ лихорадкѣ, не кричать и не стонать, а визжать изъ-за занавѣси постели—это совсѣмъ невыносимо. И все это во снѣ, въ сомнамбулическомъ снѣ! Публика, та публика, которой приговоры такъ цѣнили Щепкинъ, Мочаловъ, Каратыгинъ, Рашель, Ристори, апплодировала и вызывала жалкую, бездарную посредственность, и была почти пѣма въ двухъ первыхъ актахъ Макбета, внимая и взирая на удивительную игру Росси.

А что́ можно было слышать въ ложахъ, въ бенуарахъ, въ партерѣ?... Были такіе чудные люди, хорошо одѣтые, сидѣвшіе въ дорогихъ мѣстахъ театра, которые не довольствовались тѣмъ, что сами не понимали и не чувствовали; они съ злорадствомъ невѣжества старались мѣшать другимъ наслаждаться высоко-изящною, сильною игрою Росси. Эти хорошо одѣтые люди, сидѣвшіе въ дорогихъ мѣстахъ театра, громко, вслухъ повторяли слѣдующія фразы, указывая на несчастное меньшинство зрителей: „Чему восхищаются! Чему радуются! Что́ хорошаго? Всё—*одна декламація!* Никакой простоты! Никакой естественности! *Безобразничаетъ*, а дамы восхищаются. Рады, что заѣхалъ какой-то итальянецъ! Ничего нѣтъ особеннаго, и скука страшная!“

Были и другого рода зрители. Иные спрашивали у сидящихъ рядомъ: „Что это за Макбетъ? Разскажи-ка въ чемъ дѣло?“ И, выслушавъ краткій разсказъ, восклицали: „Вотъ такъ дребедень! Стоило ѣхать смотрѣть эту старую рухлядь! Подлинно, охота пуще неволи!“ Другіе были благосклоннѣе и изъявляли желаніе прочесть эти пьесы, которые, кажется, *очень не дурны.* Каковъ отзывъ о Шекспирѣ?... Другіе.... но всего не перескажешь, да и не сто́итъ того.

Всегда во всѣхъ странахъ не мало найдется невѣждъ, людей грубыхъ, лишенныхъ даже смутнаго и темнаго инстинкта къ прекрасному, но отъ нихъ можно требовать, чтобы они вели себя скромно, не навязывали другимъ ни своего невѣжества, ни своей низменности пониманія. Мы видѣли съ прискорбіемъ невѣжество дерзкое, вопившее, заявлявшее себя отважно. „Взгляните на насъ,—кричало оно,—мы не понимаемъ, не хотимъ знать этого Шекспира, и вамъ запрещаемъ восхищаться имъ и тѣми, кто его воспроизводитъ!“—Это ужъ слишкомъ!...

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ была напечатана интересная, съ большимъ знаніемъ искусства написанная статья г-на Аверкіева, въ которой онъ цитуетъ, нѣкоторыя, дикія мнѣнія большинства. Можно было бы не повѣрить, если бы того же самаго не привелось слышать въ театрѣ. „Что́ поклонники *естественности*, говоритъ

г-нъ Аверкіевъ, разумѣютъ подъ этимъ именемъ, понять человѣку, находящемуся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, довольно затруднительно. Ясно одно: они боятся всякой яркости, рельефности, необычайности, могучести въ выраженіи страсти, чувства, аффекта; имъ нравятся изображенія блѣдныя, вялыя, ничѣмъ не отличающіяся отъ обиходной пошлости. Невольно приходитъ въ голову восклицаніе одного извѣстнаго любителя и знатока драматическаго и сценическаго искусства. „Охъ, ужъ эта естественность!—воскликнулъ онъ:—чѣмъ больше слушаю о ней, тѣмъ больше убѣждаюсь, что естественность и пошлость суть синонимы, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ языкахъ".

Естественность! Простота! Чтó такое естественность на сценѣ? Естественность есть правдивое, свойственное тому или другому чувству выраженіе его, но не есть будничное опошленіе чувства. Преувеличеніе въ выраженіи чувства или страсти станетъ напыщенностію. Надо соблюдать мѣру, гармонію между чувствуемымъ и выражаемымъ, соблюдать правду съ изяществомъ, словомъ—идеализировать выраженіе страсти и чувства. Естественность трагедіи и комедіи различна, какъ различно будничное отъ необычайнаго. Естественность Макбета не есть естественность Подхалюзина, простота Вани (въ комедіи Островскаго: „Не въ свои сани не садись") не есть простота Ромео. Герой драмы и трагедіи не есть простое лицо. Что такое герой? Человѣкъ одаренный глубокою душою, кипучею страстію, или могучимъ характеромъ, или сильномъ умомъ и блестящими дарами, который выказываетъ свойства своего великаго духа, поставленный въ коллизію. Подхалюзинъ—лицо и лицо живое, а Макбетъ—герой, полный могучей воли, неудержимой страсти, талантовъ полководца. Фамусовъ, Хлестаковъ—лица поразительно живыя, типичныя, своеобразныя, мастерскія изображенія извѣстной, будничной среды; но Гамлетъ, Ромео—поэты и герои, одаренные въ избыткѣ глубиной души, глубиной мысли и чувства, силой страсти и изяществомъ формы, столь же прекрасной, какъ прекрасенъ ихъ внутренній міръ. Въ человѣчествѣ есть высшіе и низшіе слои. Есть натуры высокія, какъ есть натуры пошлыя, низменныя и низкія. Таланты, воспроизводящіе ихъ, почерпающіе ихъ изъ моря житейскаго, должны быть могучи, чтобы влить жизнь и правду въ эти, ими созданные, хотя и изъ будничной среды выхваченные, типы. Высшія натуры дѣйствуютъ въ высшихъ сферахъ человѣческаго духа. Онѣ страдаютъ, мятутся, живутъ, ненавидятъ, любятъ и умираютъ, покоряясь законамъ своей высшей натуры. Такихъ зовутъ героями. Жизнь разнообразна. Можно воспроизводить все живущее и творить въ высшихъ и низшихъ сферахъ—художнику нѣтъ запрета. Подхалюзинъ и Макбетъ, Фамусовъ и Гамлетъ, Хлестаковъ и Ромео—онъ воленъ, пусть выбираетъ;—но выборъ обусло-

ливается свойствами таланта, высотою міросозерцанія. Но никто не можетъ требовать, чтобы Подхалюзинъ занялъ мѣсто Макбета, а Хлестаковъ—Ромео. Перестановка немыслима—это требованіе невѣжественное и дикое. Герои не вымираютъ, они живутъ и будутъ жить до тѣхъ поръ, пока существуетъ человѣчество, только они измѣняютъ форму по требованіямъ времени. Герои всегда посреди насъ, только мы не замѣчаемъ, не видимъ, не угадываемъ ихъ, ибо они обнаруживаютъ себя не въ обыденной жизни, а въ трагическія минуты жизни частной и общественной. Развѣ не случалось всякому слышать при разсказѣ о дивномъ подвигѣ, или великодушномъ поступкѣ, или необычайномъ проявленіи ума, воли, страсти, слѣдующія слова: „я его или ее зналъ коротко; но кто бы могъ ожидать отъ нихъ этого!"

Герои, возсозданные великими геніями, каковъ Шекспиръ, останутся навѣки вѣрными правдѣ, *художественной правдѣ* и красотѣ. Время не врагъ ихъ;—напротивъ того, время ихъ ставитъ на высоту нравственную, еще болѣе недосягаемую. Въ старое время героевъ Шекспира не понимали столь полно, какъ ихъ понимаютъ теперь, изучивъ ихъ и удивляясь имъ все больше и больше по мѣрѣ изученія.

Не отвергайте же Макбетовъ, Гамлетовъ, Ромео—или вы отвергнете все прекрасное, сильное, высокое, чѣмъ небо одарило человѣка; не отвращайтесь отъ нихъ и усильтесь понять ихъ и преклониться передъ ихъ духовнымъ могуществомъ; сдѣлайте это, или будничная среда и пошлость затянутъ васъ, засосутъ васъ, какъ гнилое болото, и исчезнетъ въ васъ подобіе божіе, а останется образъ звѣриный. Фамусовы, Хлестаковы и Подхалюзины—отрицанія, а отрицаніе возбуждаетъ не удивленіе, а смѣхъ, не восхищеніе, а жалость. Ужели потому, что вы умѣете смѣяться надъ ними и съ жалостію взирать на ихъ пустоту, нравственную и умственную бѣдность, на душевную ничтожность, намъ надо отказаться восхищаться столь глубокими, цѣльными, могучими натурами, какъ герои Шекспира. Кто утратилъ способность удивляться, преклоняться, восторгаться, а сохранилъ только способность смѣяться и глумиться, тотъ утратилъ умственное, душевное и нравственное свое сокровище. Тому не позволительно смѣяться надъ Фамусовыми и Хлестаковыми, не позволительно презирать ихъ—онъ самъ столь же пустъ и мизеренъ, какъ они, и нищъ душою!...

Но мы должны оговориться, чтобы не оказаться виновными передъ всею московскою публикой. Не говоря уже о литераторахъ, образованныхъ людяхъ всѣхъ классовъ, простолюдинахъ, не заразившихся низменностію нашей сцены, нельзя обойти молчаніемъ Шекспировскаго кружка. Какъ всѣ эти исключенія, такъ и Шекспировскій кружокъ съ восторгомъ приняли и вполнѣ оцѣнили высокое дарованіе Росси.

Шекспировскій кружокъ существуетъ въ Москвѣ недавно. Онъ состоитъ изъ молодыхъ людей всѣхъ классовъ общества, собирающихся для чтенія и изученія Шекспира. Послѣ чтеній избирается пьеса, членамъ кружка раздаются роли, и они являются на сценѣ частнаго театра. Чтеніями и въ особенности представленіями руководятъ знатоки драматической литературы и сценическаго искусства. Ложи и кресла раздаются желающимъ. Насъ увѣряли, что многія роли были исполнены съ замѣчательною обдуманностію и тщательностію. Эти молодые люди и семьи ихъ, близко знакомые съ Шекспиромъ, не могли не оцѣнить и не придти въ восторгъ отъ таланта Росси. При каждомъ представленіи можно было видѣть небольшую толпу у рампы, которая вызываетъ Росси съ одушевленіемъ и неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Зрѣлище утѣшительное посреди этой обуявшей большинство пошлости!

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ игрѣ Росси и по возможности постараемся дать понятіе о родѣ его таланта—тѣмъ, которые были лишены высокаго наслажденія видѣть его, или видѣли его рѣдко. Мы не можемъ говорить о всѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ появлялся; это было бы утомительно. Мы ограничимся разборомъ „Короля Лира“ и „Ромео“, и скажемъ нѣсколько словъ о „Гамлетѣ“ и „Отелло“.

Судить о Росси, не зная хорошо Шекспира, очень трудно, почти невозможно. Прочитавъ однажды пьесу Шекспира, нельзя имѣть о ней даже и поверхностнаго понятія. У Шекспира нѣтъ *ненужныхъ* словъ. Подъ кажущеюся простотою діалога сокрыта глубина мысли и глубина характеровъ. Всякое слово знаменательно, его необходимо запомнить для полнаго уразумѣнія драмы. Чѣмъ кто больше читаетъ Шекспира, чѣмъ больше вдумывается въ каждое его слово, тѣмъ больше открываетъ красоты и неумолимой логики въ ходѣ драмы. Случилось именно то, что̀ неотразимо должно было случиться. Въ нѣкоторыхъ драмахъ Шекспира характеры такъ сильны, что и при другихъ данныхъ ихъ судьба была бы одинаково трагична. Такъ, напримѣръ, и безъ навѣтовъ Яго, Отелло предался бы ревности и убилъ бы Дездемону; безъ тѣни отца, Гамлетъ, страдающій отъ ума, постоянно работающаго въ одномъ направленіи, и отъ анализа, парализующаго его волю, связалъ бы изъ жизни своей тотъ Гордіевъ узелъ, который развязать не въ состояніи, а долженъ разсѣчь трагически. Въ характерѣ Отелло и Гамлета лежали зародыши ихъ мученій, преступленій и трагическаго конца. И всякое слово Шекспира тончайшими чертами ярко рисуетъ образы, имъ созданные. Оттого, послѣ бѣглаго чтенія нельзя составить себѣ понятія ни о

могуществѣ его генія, ни объ исполненіи артистомъ столь великихъ образцовъ.

Отчего великій артистъ сказалъ такъ или иначе ту или другую фразу? Прочтите, перечтите, изучите Шекспира, и вы увидите, почему именно. Въ Росси особенно дорого изученіе Шекспира и вытекающая оттуда неимовѣрная тонкость его игры. Ничего не говоритъ онъ (какъ, впрочемъ, всѣ великіе таланты) по минутному настроенію— все обдумано, все приведено въ гармонію и оттѣнено съ неподражаемымъ искусствомъ. Не надо однако думать, что обдуманность мѣшаетъ воодушевленію и вдохновенію. Обдуманность и изученіе— рамка, необходимая для артиста, въ которую онъ, при бо́льшей или меньшей степени вдохновенія,—что̀ зависитъ отъ минуты—вставляетъ возсозданныя имъ лица, полныя жизни и красоты. Росси мастеръ оттѣнять, тончайшими штрихами рисовать могучія фигуры; тонкость эта не умаляетъ его силы и энергіи—онъ обладаетъ рѣдкимъ сочетаніемъ силы съ тонкостію! Чтобы судить о томъ, мало внимательно слѣдить за игрою артиста, надо самому, до представленія, изучить, самому проникнуться духомъ роли. Можно сказать утвердительно, что многое ускользаетъ отъ самаго внимательнаго зрителя, если онъ не прочиталъ два и три раза роль Росси въ самый день представленія. Талантъ Ристори—сильный и энергическій, но лишенный тонкости оттѣнковъ, не требовалъ отъ зрителей ни изученія, ни столь усиленной внимательности; онъ бросался въ глаза своею яркостію, но за то не доставлялъ и того наслажденія. Задачу—*понять* вполнѣ Росси—усложняетъ еще незнаніе, или плохое знаніе итальянскаго языка. То же самое отчасти извиняетъ тѣхъ, которые не совсѣмъ поняли и не съумѣли оцѣнить по достоинству изящный талантъ Росси, соединяющій въ себѣ противоположныя свойства.

Росси появился въ Отелло. Скажемъ только нѣсколько словъ, особенно, по нашему мнѣнію, важныхъ при оцѣнкѣ исполненія. Шекспиръ въ Отелло не изобразилъ звѣря, но, напротивъ того, человѣка съ доброю и нѣжною душою, довѣрчиваго и откровеннаго; но жгучая, какъ лава, ярая кровь мавровъ течетъ въ его жилахъ. Какъ скоро затронуты его чувства, наплывъ ея ярыхъ приливовъ затемняетъ его разумъ. Тогда-то онъ изъ человѣка превращается въ звѣря. Въ ночной сценѣ, на площади, Шекспиръ и Росси подготовили читателя и зрителя къ неизбѣжно долженствующей совершиться катастрофѣ. Пьяный Кассіо ссорится съ товарищами, сражается и ранитъ Монтано. Шумъ, крикъ, набатъ. Отелло, удалившійся въ домъ, съ молодою женой, выбѣгаетъ на площадь и рѣшаетъ битву Кассіо съ Монтано. Когда онъ бросается между бьющимися,—лицо его страшно. Онъ въ припадкѣ того ужаснаго гнѣва,

который овладѣваетъ имъ порою съ такою силою, что онъ въ себѣ не властенъ. Какимъ могучимъ ударомъ шпаги онъ бьетъ по шпагамъ двухъ противниковъ, становясь между ними, и восклицаетъ страшнымъ голосомъ:

Стой! если жизнь вамъ дорога обоимъ.

Потомъ онъ требуетъ, усиливаясь успокоиться, чтобы ему объяснили причину ссоры и, не получая удовлетворительныхъ отвѣтовъ ни отъ кого, опять предается слабо подавленному гнѣву. Кровь кипитъ и одолѣваетъ Отелло. Онъ отходитъ къ сторонѣ, и какъ дивно говоритъ слѣдующія слова, сперва тихо, потомъ громче:

.... Я чувствую, что кровь
Ужъ начала осиливать мой разумъ....
Я чувствую, что страсть ужъ омрачаетъ
Разсудокъ мой и хочетъ править мной....
Пусть двинусь я, пусть подыму я руку,
И упадетъ подъ яростью моей
Отличнѣйшій изъ васъ....

Вотъ то указаніе, которое надо подмѣтить. Если Отелло едва осиливаетъ свой гнѣвъ, едва владѣетъ собою, если *кровь начала осиливать его разумъ* потому, что на площади произошла схватка, что же совершится, когда онъ увѣрится, что его драгоцѣнное достояніе, безпредѣльно-страстно любимая имъ женщина обманула его? Весь третій актъ—верхъ искусства. Борьба между подозрѣніемъ и довѣріемъ, любовью, ревностью, гнѣвомъ и нѣжностью—неподражаема. Лицо его мало-по-малу искажается, кровь заливаетъ голову, мускулы лица трепещутъ и дрожатъ, рыданія потрясаютъ это сильное тѣло и смѣняются припадками дикой ярости. *Кровь осиливаетъ разумъ.* Человѣкъ превращается въ звѣря. Вспышки разума и любви все рѣже и слабѣе. Слѣпой, ярый гнѣвъ и жажда мщенія все сильнѣе, все неукротимѣе. Поразительно прекрасенъ моментъ, когда Отелло отталкиваетъ отъ себя Дездемону такъ сильно и грубо, что она падаетъ. При видѣ ея, распростертой у ногъ его, мгновенно вырывается изъ устъ его восклицаніе ужаса, онъ стремительно нагибается надъ ней... но столь же стремительно отступаетъ назадъ, съ прежнимъ выраженіемъ ярости на остервенѣломъ лицѣ. Крикъ испуга, невольное движеніе впередъ къ этой женщинѣ, которую онъ рѣшился убить и боится *ушибить*,—какая психологическая тонкость, и какая смѣсь беззавѣтной нѣжности и испуга во мгновенномъ его движеніи впередъ и въ его крикѣ! Изъ устъ зрителя вырывается невольное восклицаніе!...

Въ пятомъ актѣ, Росси входитъ въ спальню Дездемоны рѣшительной поступью, и безъ малѣйшихъ колебаній и нѣжности спрашиваетъ: „Молилась ли ты Богу?“ И затѣмъ уже, сидя на ея постели, приходитъ въ неистовство, допрашивая ее: „Платокъ! Гдѣ платокъ? Мой платокъ!“ И когда Дездемона не можетъ удовлетворить его отвѣтомъ, вдругъ схватываетъ ее за горло и начинаетъ душить. Занавѣсъ алькова, къ счастію, закрывается. Отелло выходитъ изъ-за него невѣрною поступью, съ какимъ-то страшнымъ спокойствіемъ на искаженномъ лицѣ. Едва ли можно кому-либо видѣть его безъ содроганія.

Знатоки сцены ропщутъ на Росси за исполненіе пятаго акта. Они говорятъ, что онъ слишкомъ отдался чувству ярости и бѣшенства ревности. Отелло, по ихъ мнѣнію, долженъ до послѣдней минуты колебаться и переходить отъ нѣжности къ бѣшенству. Онъ долженъ рыдать, страдать и до послѣдняго мгновенія выказывать нѣжность къ Дездемонѣ. Только когда она произноситъ имя Кассіо, онъ стремительно бросается къ ней и умерщвляетъ ее. Словомъ, знатоки находятъ, что пятый актъ былъ съигранъ превосходно, но ни одной ноты ревности—чтó, по отношенію къ трагедіи Шекспира, невѣрно.

Росси совершаетъ преступленіе, подавленный дикимъ гнѣвомъ, подъ неотразимымъ пыломъ южной, африканской крови. *Кровь убила въ немъ разумъ*, а Гамлетъ размышляетъ, колеблется; постоянно работающій въ одномъ направленіи, умъ его убилъ въ немъ силу воли. Онъ совершаетъ преступленіе послѣ истощенія нравственныхъ силъ, испытавъ ужаснѣйшія душевныя страданія, потерявъ все еще любимую мать, хотя и преступную, и невинное созданіе, предметъ нѣжнѣйшей привязанности. Два контраста. Мавръ, рѣзкій въ движеніяхъ, порывистый, съ широкимъ жестомъ и размашистою походкою, смѣнился Гамлетомъ, движенія котораго медленны, походка тиха, лицо задумчиво и жесты умѣренны и граціозны. Руки свѣшены или сложены на груди. Часто онѣ висятъ безсильно вдоль корпуса. Всѣ движенія, всѣ позы изящно передаютъ отсутствіе воли и силы. Грустный взоръ, грустный ликъ, какъ нельзя болѣе приличны Гамлету. Мелодическія интонаціи голоса довершаютъ воплощеніе его плѣнительнаго и симпатичнаго образа. Чтобы дать полное понятіе о глубоко-тонкомъ исполненіи, пришлось бы разбирать каждую фразу и въ каждомъ словѣ указывать на оттѣнки. Ограничимся поневолѣ указаніями на нѣкоторыя сцены.

Чѣмъ безсильнѣе воля Гамлета, тѣмъ вспышки его неукротимѣе, ибо люди слабаго характера, поддавшись гнѣву и порывамъ страсти, не знаютъ мѣры. Гамлетъ не входитъ въ комнату матери, какъ бы

сдѣлалъ человѣкъ рѣшительный. Онъ вбѣгаетъ и останавливается, какъ вкопанный въ землю. Руки его опустились опять.

Чтó вамъ угодно, матушка, я здѣсь!

Сколько разнородныхъ чувствъ въ этихъ словахъ и въ этой позѣ. Онъ рѣшился войти, покорился необходимости, но опять колеблется и страдаетъ, страдаетъ невыносимо. Наконецъ, негодованіе, страсть, долгъ мщенія и обличенія, наложенный на него, одерживаютъ верхъ надъ слабостію воли и разражаются. Этотъ, нѣжно-любящій мать Гамлетъ дерзко приказываетъ ей сѣсть на кресло, безпощадно осыпаетъ ее упреками и оскорбленіями, срываетъ съ груди ея портретъ мужа и разбиваетъ его ударомъ пяты. Гамлетъ жестокъ, какъ палачъ. Понятно, что такіе порывы въ сынѣ, въ отношеніи къ матери, должны, если не на яву, то въ глубинѣ души, вызвать тѣнь отца, и голосъ этого отца, который столь нѣжно любилъ свою жену, что, по словамъ Шекспира, *запрещалъ вѣтру слишкомъ сильно дуть в лицо ея,* долженъ положить предѣлъ безумно расходившимся порывамъ страсти, несдерживаемой силою воли. Явленіе тѣни, ужасъ Гамлета при видѣ ея и при сознаніи того, чтò онъ совершилъ, паденіе его къ ногамъ матери—безукоризненно прекрасны.

Столь же вѣрно и прекрасно произнесены были нѣсколько фразъ надъ могилой Офеліи. Услышавъ проклятія Лаэрта, Гамлетъ стремительно бросается впередъ и восклицаетъ:

Кто пышно такъ здѣсь выражаетъ горесть?
Я здѣсь, я, Гамлетъ! Датскій принцъ!

На вопросы матери, послѣ борьбы съ Лаэртомъ, за чтó онъ хочетъ убить его, у Гамлета вырываются съ неудержимою силою и страстію слѣдующія слова:

Я самъ Офелію любилъ, и сорокъ тысячъ братьевъ
Ее любить, какъ я, бы не могли!

При этомъ Гамлетъ выросталъ. Какъ будто скорбь объ утратѣ Офеліи придала ему росту, также точно какъ и влила въ него до тѣхъ поръ ему незнакомую душевную силу.

Справедливость требуетъ замѣтить, что извѣстный монологъ Гамлета: *Быть или не быть*, и сцена на могилѣ съ черепами были переданы слабо и безъ одушевленія. Все прочее было безусловно прекрасно и поразительно вѣрно!

Въ королѣ Лирѣ и въ Ромео великій талантъ Росси явился въ полномъ блескѣ и разнообразіи. Если мавръ и Гамлетъ контрасты, то король Лиръ и Ромео контрасты еще болѣе поразительные. Лиръ—

80-лѣтній старикъ, Ромео—20-лѣтній юноша. Лиръ—старикъ сильнаго закала, кипучій, самовластный, нравственно развращенный властію, незнающею предѣла, но съ сердцемъ глубоко-чувствующимъ и добрымъ. Онъ жилъ и отживаетъ свой вѣкъ посреди лести придворныхъ и поклоненія всего окружающаго. Ромео—юноша, еще жизнію нетронутый, благородный, пылкій, полный надеждъ и увлеченій, съ прекрасною поэтическою душой, и столь же прекрасною наружностію, одинъ изъ самыхъ плѣнительныхъ образовъ, созданныхъ геніемъ Шекспира. Какъ передалъ Росси эти два лица, столь цѣльныя, столь противоположныя одинъ другому?

Все преклоняется передъ Лиромъ. Онъ вполнѣ властвуетъ въ государствѣ и въ семьѣ. Воля его не подчинялась еще никому и ничему. Она разрослась. Для него нѣтъ преградъ, и онъ не признаетъ даже преградъ нравственныхъ. Въ этомъ его великій проступокъ и лежитъ ожидающее его жестокое наказаніе.

Росси стремительно, не по лѣтамъ, необычайно эффектно выходитъ на сцену. Быть можетъ, въ этой эффектности найдется легкое преувеличеніе, но оно таково, что не оскорбляетъ художественнаго чувства. Движенія старика размашисты и угловаты, въ рукѣ его шпага, вдѣтая въ красныя бархатныя ножны. Лиръ держитъ ее въ рукахъ такъ, какъ держатъ обыкновенно жезлъ восточные цари на картинахъ библейскихъ. Этотъ жезлъ знаменателенъ. Такъ и кажется, что по его мановенію замираетъ все окружающее, жизнь придворныхъ измѣняетъ свое теченіе и покорно входитъ въ предѣлы, указанные могущественнымъ повелителемъ. Сѣдой 80-лѣтній старикъ полонъ силъ, старая кровь кипитъ, безумныя прихоти роятся въ страстной головѣ, длинные волосы развѣваются при быстрыхъ движеніяхъ; полное, еще свѣжее лицо дышетъ старческою молодостію. Съ давнихъ поръ ничѣмъ необузданный произволъ вызвалъ новую прихоть. Власть прискучила ему, и онъ хочетъ сложить ее съ себя, раздѣлить царство между дочерьми. Сцена извѣстна. Старшія дочери выражаютъ ему свою преданность и любовь съ напыщенною лживостію. Лиръ отвыкъ отъ правды и не умѣетъ различать отъ нея лжи. Онъ слушаетъ дочерей спокойно, съ довольствомъ, по съ пресыщеніемъ. Сколько слышалъ онъ такихъ рѣчей — онъ привыкъ къ нимъ. Но вотъ появляется, въ свою очередь, меньшая, любимая его дочь, Корделія. Старикъ не умѣетъ уважить въ ней ея любви. Онъ приказываетъ ей раскрыть тайникъ души передъ многочисленною толпою придворныхъ. Но нѣжная, кроткая дѣвушка возмущена. Она не признаетъ права отца насильственно врываться въ глубину души и дерзновенно исторгать изъ нея сокрытыя въ ней перлы чувства. На вопросъ отца:—что ты скажешь?—Она отвѣчаетъ твердо

и сухо: *Ничего*. При этомъ словѣ лицо Лира и самая поза его измѣняются. По сверканію глазъ видно, что еще въ первый разъ ему привелось услышать противорѣчіе, встрѣтиться съ протестомъ. И отъ кого же? Отъ любимой дочери. Онъ не колеблется. Въ немъ не заговорило чувство отца, онъ съ позоромъ выгоняетъ изъ дома дочь, осыпая ее оскорбительными словами и жестоко глядитъ на ея слезы, когда она удаляется навсегда. Звуки голоса Лира поразительны. Зритель сознаетъ, какія опустошенія необузданность воли произвела въ сильной натурѣ Лира, онъ сознаетъ, что во внутреннемъ его мірѣ порядокъ нарушенъ; одно свойство характера подавило всѣ лучшія чувства, что разумъ не въ силахъ выдерживать долго такого давленія и долженъ затмиться.

Изгнавъ Корделію, Лиръ не успокоивается, какъ и слѣдуетъ, но все больше и больше раздражается. На этой дорогѣ люди не останавливаются. Окружающія лица и обстановка не помогаютъ ему успокоиться. Лиръ уже не король, не центръ; дочь не уважаетъ его, даже слуги становятся все дерзче и дерзче. Обыденная фраза, которою открывается второй актъ, замѣчательна по тону, обличающему нравственное состояніе Лира:

Обѣдать! Я не жду минуты!

Затѣмъ слѣдуетъ бурное объясненіе съ дочерью, искусно веденное сначала до конца. Къ сожалѣнію, сцена проклятія слаба. Намъ показалось, будто артистъ берегъ свои силы для дальнѣйшаго хода драмы, какъ-бы опасаясь истратить слишкомъ много огня. Это была ошибка. Взрывъ при проклятіи необходимъ, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи Лиръ входитъ въ другую фазу чувствъ и дѣйствій. Онъ не пощадилъ Корделіи и Гонерильи: одну онъ изгналъ изъ дома, другую проклялъ, но у третьей дочери Лиръ сдержаннѣе. Онъ уже надломленъ и борется съ собою. Въ этой сценѣ съ Реганой и ея мужемъ Росси неподражаемъ. Какая ядовитая иронія и пренебреженіе звучатъ въ словахъ:

Онъ вспыльчивъ! Герцогъ вспыльчивъ! Такъ скажи
Ты вспыльчивому герцогу... нѣтъ! нѣтъ! Теперь не время...

Какіе переходы отъ одного чувства къ другому, отъ презрительной насмѣшки къ уступкѣ, отъ гнѣва къ усмиренію себя. Интонаціи голоса до того вѣрны и сильны, что невольный страхъ сжималъ сердце, сцена театра исчезала—то была сама жизнь съ ея мучительными перипетіями. Колебанія Лира переданы съ поразительною правдою. Онъ силился увѣрить самого себя и эту свою жестокую дочь,

что она говорить не то, чтó хотѣла сказать, что она не произнесла тѣхъ ужасныхъ словъ, которыя ему слышать такъ страшно. Какъ далеко отъ этихъ колебаній, попытокъ обмануть себя, найти въ дочери хотя искру чувства, до легкомысленно жестокаго рѣшенія выгнать дочь изъ дому за одно слово противорѣчія. Лиръ уже созналъ, что зашелъ слишкомъ далеко, сердце его болитъ невыносимо, и ему надо смириться хотя отчасти.... но уступка напрасна. Она вызываетъ новыя оскорбленія, и старикъ бѣжитъ изъ дома этой дочери, преслѣдуемый ея дерзкими, преступными рѣчами, бѣжитъ какъ обезумѣвшій звѣрь, преслѣдуемый жадной стаей псовъ! Вся сцена ведена мастерски. Нельзя вообразить себѣ ничего болѣе вѣрнаго для воплощенія Шекспировскаго Лира. Зритель испытываетъ, хотя сердце его и сжалось отъ боли, высокое наслажденіе удовлетвореннаго эстетическаго чувства и слѣдитъ жадно за всякимъ движеніемъ великаго мастера!

Лѣсъ, ночь, молнія, громъ, вой вѣтра. Вдали, на пригоркѣ, въ темной одеждѣ и свѣтло-сѣрой мантіи появляется Лиръ. Онъ подымаетъ руки къ небу. Сколько скорби! Поза такъ прекрасна, въ ней столько библейскаго величія, что невольно воскресаютъ въ памяти картины и фрески знаменитыхъ германскихъ композиторовъ. Конечно, такому таланту, какъ талантъ Росси, не трудно отыскать библейскую позу; послѣ преодолѣнныхъ трудностей при исполненіи Лира это не болѣе какъ пластическій эффектъ, но онъ такъ изященъ, что его нельзя пройти молчаніемъ.

И вотъ, изъ глубины сцены, вѣнчанный цвѣтами, является безумный старикъ. Растерзанное отеческое сердце, поруганное королевское достоинство, старческія сѣдины безъ крова, повелитель страны безъ пищи, съ однимъ жалкимъ шутомъ вмѣсто знатной свиты — мѣра исполнена, разумъ потухъ. Безумный старикъ судитъ страшнымъ судомъ отсутствующихъ дочерей, но у него являются еще проблески сознанія. Онъ говоритъ слѣдующія замѣчательныя слова:

Я человѣкъ, который зла терпитъ болѣе,
Чѣмъ сдѣлалъ самъ!..

И великая скорбь, и раскаяніе звучатъ въ нихъ. Доброе когда-то сердце, оледенѣвшее подъ тлетворною силою самовластія, задавленное гнетомъ страданія и безумія, опять заявляетъ себя. Стоя подъ непогодою и бурею, старикъ говоритъ:

Вы, бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ-бъ эту бурю ни встрѣчали,
Какъ вы перенесете ночь такую

Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?
Кто пріютитъ васъ, бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я!...

И затѣмъ опять полное безуміе, бредъ больной души! Словами нельзя передать того искусства, съ которымъ Росси переходилъ отъ полнаго сумасшествія къ проблескамъ разума и чувства. Такъ вспыхиваетъ ярко зарница и потухаетъ опять, — такъ проблески разума озаряли скорбь души Лира.

Только читая драму Шекспира внимательно и неоднократно, можно составить себѣ понятіе о трудности ея исполненія. Въ „Королѣ Лирѣ" дѣйствія мало. Въ продолженіи трехъ актовъ со сцены не сходитъ въ безуміи страдающій старикъ. Кто можетъ выполнить такую задачу? Надо обладать несомнѣннымъ сценическимъ геніемъ, чтобы не упасть подъ бременемъ такой трудности. Душевная болѣзнь, тѣлесная немощь — и ни единой невѣрной интонаціи, ни одного несоотвѣтствующаго лицу движенія, ни одного преувеличеннаго ударенія. Это верхъ искусства!

Послѣдній актъ достойно оканчиваетъ все предъидущее. Лиръ изнемогъ. Въ объятіяхъ нѣжной дочери онъ приходитъ въ себя, но онъ разбитъ и немощенъ. Дряхлый лепетъ, полуоткрытый ротъ [1]), согбенное тѣло, несказанная нѣжность голоса, когда онъ говоритъ съ дочерью, неожиданно поспѣшившей ему на помощь и своей любовью воскресившей въ немъ разумъ, глубоко трогаетъ потрясеннаго прежними актами зрителя. И самъ зритель, истомленный столькими ощущеніями, проникнутый жалостію и состраданіемъ къ бѣдствіямъ Лира, взираетъ на смерть его, какъ на его избавленіе. Лиръ оставляетъ тяжелое, но полное впечатлѣніе. Зритель выходитъ изъ театра съ полнымъ сознаніемъ, что онъ въ первый разъ въ жизни дѣйствительно видѣлъ живое лицо изъ міра, созданнаго Шекспиромъ, что это лицо предстало передъ нимъ во всей своей красотѣ, полнотѣ и правдѣ, жило и страдало на его удивленныхъ глазахъ!

Извѣстно, что роль Ромео—лирическая и преисполнена необычайной свѣжести и поэзіи. Вся драма гораздо болѣе поэма, чѣмъ драма. Длинные монологи, въ которыхъ Ромео - юноша цвѣтисто высказываетъ любовь свою, представляютъ для артиста необычайную трудность. Относительно гораздо легче съиграть ревность, пылкую страсть, раскаяніе, гнѣвъ, словомъ—всѣ сильныя, цѣльныя движенія души, чѣмъ лирическія изліянія чувствъ и поэтическое на-

---

1) Слишкомъ раскрытый ротъ и выпадающій языкъ портятъ прекрасное впечатлѣніе своею *реальностію*. Большой грѣхъ противъ искусства, столь высокаго у Росси.

строеніе. Тутъ нельзя прибѣгать къ эффектости позъ и къ эффектамъ декламаціи; все должно быть построено на простотѣ тѣлодвиженій, умѣренности жестовъ, на интонаціяхъ голоса особенно и на выраженіи, съ которымъ произнесены будутъ тѣ или эти всѣмъ извѣстные стихи. Такіе стихи, какъ слѣдующіе, встрѣчаются въ роли Ромео не одинъ разъ.

О, свѣтильникамъ свѣта занять бы у ней,
Въ тьмѣ ночной блещетъ взоръ ея чудныхъ очей,
Какъ въ ушахъ эѳіопки алмазъ дорогой.
Нѣтъ, она недоступна для страсти земной,
Дорога для земли, не для ней создана,
И въ толпѣ этихъ дѣвъ—между всѣми одна
Красотою лица, блескомъ чудныхъ даровъ,
Какъ голубка она посреди вороньевъ.
Буду все я за нею слѣдить; я дождусь,
Какъ окончится танецъ, и ручки коснусь.
О, любило-ль донынѣ ты, сердце мое?
Знало-ль пылкую страсть? Нѣтъ, не знало ее.
Сознавайся-жь мой взоръ, сознавайся-жъ и ты,
Что такой никогда не видалъ красоты!

Или еще другіе въ сценѣ свиданія подъ балкономъ Джульетты:

Смѣется тотъ надъ ранами, кто самъ
Не испыталъ отъ нихъ ужасной боли.
Но, тише! Что за яркій свѣтъ у ней
Является въ окнѣ! О, то востокъ!
Джульетта-солнце тамъ. Возстань, возстань
Свѣтило красоты и помрачи
Завистливой луны туманный отблескъ!
Она изнемогла и поблѣднѣла
Отъ скорби, что поклонница ея
Здѣсь во сто кратъ ея самой прекраснѣй.
О, не служи завистливой лунѣ,
Ея покровъ дѣвичій тускъ и блѣденъ
И лишь безумцевъ облекаетъ онъ.
Отбрось его! Да, то любовь моя,
Моя владычица! О, ей извѣстно,
Что значитъ для меня она. Безъ словъ
Она мнѣ говоритъ.....

Мы не безъ намѣренія привели эти двѣ длинныя тирады: намъ хотѣлось, чтобы читатели сами поняли всю громадную задачу, взятую на себя артистомъ. Такихъ монологовъ въ драмѣ Шекспира „Ромео и Джульетта“ найдется не мало, они переполнены лиризмомъ... и передавать на сценѣ эти восторги и эти изліянія! Трудность неимовѣрная, трудность непреодолимая. Только геніальный талантъ и сильное вдохновеніе могутъ побѣдить ее.

Ромео является на сцену. При первомъ взглядѣ, почитая и удивляясь таланту Росси, мы испугались за него. Къ трудностямъ роли присоединилась трудность преодолѣть то, что французы охарактеризовали въ слѣдующемъ стихѣ:

Des ans l'irréparable outrage!

Передъ зрителями явился не 18 или 20-лѣтній юноша, а 40-лѣтній мужчина. Чтó бы ни говорили, но на театрѣ сильно дѣйствуетъ обаяніе наружности и предрасполагаетъ зрителей относиться благосклонно къ игрѣ молодого, прекраснаго собою артиста. Тутъ иллюзія была невозможна. Глаза не подкуплены въ пользу Ромео, напротивъ того... Не помогли ни гримировка, ни отдаленность сцены, ни освѣщеніе, ни самый костюмъ, требующій открытой шеи, окруженной небольшою фрезою. Фигура Росси, къ сожалѣнію, именно мало подходила подъ образъ Ромео, создавшійся въ воображеніи каждаго, кто изучалъ или только съ любовію читалъ Шекспира. Росси нѣсколько толстый, съ широкими плечами мужчина. Ему предстояло вытѣснить созданнаго воображеніемъ Ромео и приковать вниманіе и сочувствіе къ другому Ромео, ему надо было, если такъ можно выразиться, заставить глядѣть на себя глазами души.

Голосъ Росси замѣчателенъ, онъ звученъ, гибокъ, чрезвычайно пріятенъ. И здѣсь-то одному его голосу предоставлено было подкупить зрителя и заставить его влюбиться въ другого Ромео, чѣмъ тотъ, въ котораго до сихъ поръ онъ былъ влюбленъ.

Ромео нѣсколько риторически, съ паѳосомъ молодости и любви, порожденной воображеніемъ, а не сердцемъ, говоритъ о своей страсти къ Розалинѣ и о томъ, какъ страдаетъ, не достигнувъ взаимности. Эти стихи произнесены были съ замѣчательнымъ оттѣнкомъ; что-то реторическое, возбужденность горячей головы, пылъ молодости, а не нѣжность сердца звучали въ голосѣ Ромео. Но вотъ онъ на балѣ у Капулетти. Онъ увидѣлъ Джульетту. Онъ останавливается и стоитъ безъ движенія, очарованный и унесенный въ какой-то иной міръ, онъ въ самозабвеніи. Изъ устъ его вылетаетъ слабое, тихое, едва слышное, гармоническое: ахъ! Въ этомъ восклицаніи сказывается внезапное, беззавѣтное чувство, его охватившее. Затѣмъ слѣдуетъ признаніе въ любви и воздушный, дѣтскій, идеальный поцѣлуй, будто прикосновеніе къ святынѣ. Какое глубокое пониманіе! Какое слитіе лица Росси съ лицомъ Ромео. Это не Росси—это самъ Ромео, какъ создалъ его Шекспиръ!

Драма развивается. Зритель забываетъ физическую сторону, не гармонирующую съ понятіемъ, сложившимся о Ромео. Эта труд-

ность побѣждена окончательно. Ромео узнаетъ, что Джульетта дочь врага, и предчувствуетъ судьбу свою. Онъ прелестенъ. Переходъ отъ нѣжной страсти и поэзіи къ сильному движенію души безусловно прекрасенъ. Когда друзья увлекаютъ его съ бала, онъ произноситъ тихо, немного нараспѣвъ, будто про себя: Come bella! Come bella! Многіе находили этотъ тонъ неестественнымъ (опять естественность!) но мы, напротивъ того, именно въ этомъ тонѣ поняли всю глубину чувства, всю полноту и прелесть возсозданнаго Ромео!

Это тихій стонъ, поэтической плачъ, печаль, неразлучная спутница глубокой, всепоглощающей любви! Come bella! Come bella!

Свиданіе ночью подъ балкономъ Джульетты. Звуки льются гармоническіе, тихіе; слышится то дѣтская болтовня, то воркованье птички, то мелодія, насквозь пронзающая сердце. Это не слова, а музыка. И какія движенія, что̀ за поза! Она даже и глаза обманула. Ромео стоитъ профилемъ къ зрителямъ; руки его изящно, прекрасно подняты вверхъ—къ Джульеттѣ, стоящей на балконѣ; одна его нога приподнята картинно на ступень. Онъ изображаетъ собою прекрасную фигуру, полную жизни и страсти, стремящуюся вверхъ, будто летящую къ Джульеттѣ. Эта поза, выраженіе лица какъ нельзя больше гармонировали съ словами, столь полными высокой поэзіи. Несравненно! Кто не видалъ этого, лишился великаго наслажденія!

Въ эту минуту самая фигура 40-лѣтняго мужчины исчезла. Боковая поза скрала полноту корпуса. Передъ зрителями юноша, и онъ говоритъ столь нѣжнымъ голосомъ, въ нихъ слышатся такія юношескія ноты, что очарованный зритель испытываетъ то же самозабвеніе, какъ и Ромео. Это чудо искусства! И однако въ слѣдующихъ сценахъ Ромео еще прекраснѣе, исполненіе подымается выше и выше.

Въ сценѣ съ монахомъ, когда Ромео узнаетъ, что онъ долженъ удалиться въ изгнаніе, не видавъ Джульетты, восхитительна. Внезапно и неудержимо имъ овладѣваетъ такое юношеское, дѣтское отчаяніе, онъ такъ рыдаетъ, бросаясь на полъ ничкомъ, какъ дѣти, что грудь его разрывается — но это не рыданія мужчины, не поза мужчины, а юноши въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ первомъ порывѣ до тѣхъ поръ ему невѣдомыхъ страданій [1]). Поразительно прекрасенъ онъ, и еще зритель не наглядѣлся на него, какъ онъ подымается съ земли и отъ отчаянія столь же мгновенно переходитъ къ восторгу, когда вошедшая кормилица подаетъ ему кольцо Джульетты. Выше ничего ни слышать, ни видѣть невозможно,—это верхъ искусства, верхъ прелести!

---

[1]) Многіе, незнакомые или мало-знакомые съ Шекспиромъ осуждали это паденіе— но оно указано у Шекспира. Впрочемъ, если бы этого и не было, то оно столько въ духѣ роли и такъ ярко характеризуетъ Ромео, что его надо было бы придумать.

Но вотъ, Ромео и Джульетта у окна. Заря занимается. Намъ ли передать, какъ были произнесены извѣстныя всему міру, прелестныя, полныя поэзіи фразы Ромео, въ прощальномъ діалогѣ:

То жаворонокъ пѣлъ, предвѣстникъ утра, -
Не соловей. Смотри, моя краса,
Какъ облака сіяютъ на востокѣ,
Облитыя зари ревнивымъ свѣтомъ.
Ужъ звѣзды гаснутъ и улыбкой день
Привѣтствуютъ высокихъ горъ вершины.
Чтобъ жить, уйти я долженъ, а остаться—
Такъ умереть.

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, то не утра блескъ,
Зачѣмъ же такъ спѣшить тебѣ. Останься.

РОМЕО.

Пускай меня возьмутъ и умертвятъ—
Я остаюсь—какъ этого желаешь.
И я скажу: тотъ свѣтъ не утра око,
А Цинтіи туманное сіянье.
И звуки тѣ не жаворонка пѣсня,
Что такъ звучитъ высоко въ поднебесьи...
....Ну, давай болтать, вѣдь день еще не скоро.

Вся эта сцена чисто-лирическая и потому страшно трудная. Тонкость, поэзію, нѣжность, мелодію, съ которыми она была передана, выразить немыслимо. Чтобы понять, надо испытать наслажденіе, высокое наслажденіе, испытанное зрителемъ. Жадно ловило ухо звукъ мелодическаго голоса, страстно слѣдилъ взглядъ за всякимъ движеніемъ артиста, силился запечатлѣть въ своей памяти восторженное, радостно-торжественное выраженіе лица его. Самый актъ послѣдняго прощанія, поза, полная граціи и любви, замедляемый ласками Джульетты, уходъ Ромео, который спускается изъ окна,—чудно-прекрасны. Зрителямъ выпало на долю присутствовать при зрѣлищѣ истинной, идеально-нѣжной, поэтической любви. Онъ упоенъ и растроганъ до глубины души.

По нашему мнѣнію, здѣсь конецъ поэмы. Дальше не можетъ идти ни артистъ, ни авторъ. Какъ ни прекрасна сцена съ антеа-ремъ, она портитъ впечатлѣніе; самое холодное отчаяніе Ромео, при вѣсти о смерти Джульетты, рѣшеніе, взятое безъ колебаній, убить себя на ея могилѣ, не могутъ вытѣснить изъ души зрителя предшествовавшихъ сценъ. Ромео прекрасенъ въ своемъ спокойномъ, безъ всякихъ взрывовъ, отчаяніи, но онъ безсиленъ уничтожить то, что

создалъ самъ прежде. Его образъ влюбленнаго и счастливаго юноши врѣзался въ воображенiи и живетъ, не умирая.

Шекспиръ зналъ въ совершенствѣ человѣческое сердце и обладалъ великимъ даромъ высшей поэзiи. Прощанiе у окна ночью есть моментъ увѣнчаннаго чувства. Человѣкъ достигъ высшаго счастья. Жизнь не можетъ ему дать въ будущемъ ничего выше, ничего лучше, ничего идеальнѣе. Поэма любви окончена. Ромео и Джульетта, чтобы не перестать быть тѣмъ, что̀ они есть, не должны болѣе встрѣтиться. Ромео входитъ въ гробницу Джульетты, видитъ ее мертвую, принимаетъ ядъ и умираетъ. Джульетта просыпается отъ летаргическаго сна, видитъ мертваго Ромео и закалывается. Такъ закончилъ Шекспиръ свою дивную поэму любви... Но передѣлыватели нашли нужнымъ исправить великаго Шекспира. Ромео умираетъ медленно *въ конвульсiяхъ*, а Джульетта просыпается и, послѣ довольно-длинной сцены прощанiй, закалывается, падая на тѣло уже умершаго Ромео. Прискорбно видѣть такого великаго артиста въ такой жалкой, имѣющей претензiю на правду сценѣ. Прискорбно видѣть, что онъ не отказался съ презрѣнiемъ исполнить роль умирающаго въ конвульсiяхъ человѣка. Этотъ открытый ротъ, силящiйся проглотить хотя глотокъ воздуха, эти судорожно-движущiяся руки, безсильно качающiйся станъ, мотающаяся голова *реально* вѣрны, но противу-художественны. Какъ? Послѣ столь прекрасной поэмы, переданной съ такимъ дивнымъ искусствомъ и правдою, въ красотѣ правды, скажемъ мы, такая оскорбляющая изящное чувство сцена! Очень прискорбно и обидно.

А масса публики? Нѣмая въ первомъ актѣ, вовсе непонявшая дивной красоты третьяго и четвертаго актовъ и едва-едва холодно рукоплескавшая, разразилась вдругъ и покрыла аплодисментами не только умиравшаго реально, съ грѣхомъ пополамъ, какъ говорится, Ромео, но даже и ломавшуюся Джульетту. Лишь только масса публики усмотрѣла преувеличенiе, вняла *пошлости* интонацiй Джульетты, увидѣла изломанность ея позы и неумѣренность жестовъ, какъ принялась аплодировать съ единодушнымъ увлеченiемъ. Таково ея настроенiе и пониманiе, воспитанное въ продолженiи годовъ на пошлыхъ и ничтожныхъ пьесахъ!..

Мы принадлежимъ къ противникамъ лже-реализма и всего болѣе лже-реализма на сценѣ. Искусство—не жизнь, рамка его тѣсна для жизни. Неужели въ жизни не довольно грубо-чувственнаго, тѣлесныхъ немощей и физическихъ страданiй, чтобы всѣ недуги пытаться втиснуть въ искусство? Неужели должно дойти до того безобразнаго явленiя, которое возмутило недавно въ Парижѣ всѣхъ образованныхъ людей? Извѣстная актриса Круазетъ, играя плохую драму Фёлье (если мы не ошибаемся), вознамѣрилась удивить мiръ.

Она не хотѣла, подобно многимъ другимъ, идти въ госпитали *изучать* (?!) на самомъ дѣлѣ послѣднія судороги и искаженія лица умирающихъ. Это уже не ново: другіе занимались этимъ прежде ея. Она ухитрилась заставить какого-то доктора прописать составъ, который дѣйствуетъ медленно и погружаетъ въ безчувственность; припадокъ проявляется смертельною, зеленоватою блѣдностью лица, судорогами мускуловъ лица и членовъ тѣла. Зѣваки-буржуа, грубые, лишенные всякаго понятія объ искусствѣ и весьма поверхностно или вовсе необразованные, стекались толпами на такое зрѣлище, пока чуть-ли не полиція или здоровье самой актрисы, не выдержавшей отравы, прекратили его. Нельзя идти дальше этого, но чтó это— сцена, или больница?

Чтó сказать въ заключеніе нашей и такъ слишкомъ длинной статьи? Послѣ пьесъ Шекспира, Росси даетъ уже другія пьесы; на-дняхъ онъ игралъ актера Кина, комедію Александра Дюма́ (отца) и драму Казиміра Делавиня „Людовикъ XI". Комедія „Кинъ"—французская, очень живая, сценическая пьеска, сколоченная при помощи извѣстныхъ пріемовъ. Свѣтская женщина, которая не любитъ, но развлекается интрижкой, наивная дѣвица, ревнивый мужъ, потерянный звѣрь, пьяный, но благородный артистъ, сентиментальный акробатъ и прочее и прочее, все очень извѣстное и пошлое. Зритель, очарованный Гамлетомъ и Ромео, потрясенный Отелло, Лиромъ и Макбетомъ, упалъ прямо съ поднебесья на землю. Онъ испытываетъ то чувство, которое охватило бы путника, если бы съ береговъ могучаго, бездоннаго, волнуемаго бурею океана, гдѣ онъ любовался выходящимъ и заходящимъ солнцемъ, мерцающими на небѣ звѣздами, его мгновенно перенесли въ красивую улицу Парижа. Ему больно, ему неловко, ему жаль утраченнаго торжественнаго зрѣлища. Передъ нимъ блистаетъ яркій газъ освѣщенія, сіяютъ богатые магазины, идетъ разряженная пестрая толпа, но онъ не можетъ любоваться будничнымъ и обыденнымъ, не можетъ послѣ чистаго воздуха дышать душнымъ воздухомъ улицы. Онъ негодуетъ и рвется уйти въ тотъ чудный край, гдѣ голубое море, голубое небо и живительный воздухъ упоили и восторгали его!

Послѣ Кина—Людовикъ XI. Уже въ смерти Ромео, Отелло и старика Лира мы замѣтили признаки лже-реализма въ игрѣ Росси. Но въ Лудовикѣ XI онъ вполнѣ отдался грубой реальности. Въ продолженіи послѣдняго акта онъ умираетъ въ судорогахъ, корчахъ, съ искривленнымъ ртомъ и дергающимися ногами. Успѣхи его и въ Кинѣ и въ Лудовикѣ XI были огромны. Но достойны ли такіе пріемы великаго мастера? Но достойно ли великаго мастера унижать себя до

такой „реалистической“ игры, изъ сцены сдѣлать больницу и, вмѣсто *трепета души*, возбуждать въ зрителяхъ нервную дрожь и лихорадку? Но, возразятъ намъ, почему же не передавать на сценѣ *правду настоящихъ мученій и судорогъ смерти?* Вѣдь это явленія жизни. Конечно; но не все, что существуетъ на свѣтѣ и въ жизни, пригодно для искусства. Какъ оно ни велико, оно ограничено. Цѣль искусства—воспроизводить прекрасное или, въ его отсутствіи (какъ въ комедіяхъ), заставить осмѣять его отсутствіе, возбуждать въ людяхъ высокія чувства и доставлять имъ нравственное удовлетвореніе, пробуждать состраданіе къ бѣдствіямъ человѣческимъ. Искусство не беретъ жизни, какъ она есть, а воспроизводитъ и идеализируетъ ее отбрасывая все ему ненужное, постороннее, сорное, производящее отвращеніе, омерзеніе и грубо-чувственныя ощущенія. Въ трагедіи, на сценѣ, артистъ обязанъ въ выраженіи лица, движеніяхъ рукъ и тѣла изображать *изящно* міръ внутренній, потрясенный и страдающій; безъ этого внѣшняго, тѣлеснаго изображенія страсти, скорби и всѣхъ сильныхъ движеній души слова, какъ бы они поэтичны и прекрасны ни были, не произведутъ *полнаго* впечатлѣнія. Но всѣ эти внѣшніе признаки чувствъ души должны прекратиться, лишь только душа перестаетъ страдать, перестаетъ сказывать себя въ тѣлѣ, тѣмъ болѣе когда она отлетаетъ. Послѣ нея остаются лишь животныя силы, игра мускуловъ и судороги членовъ — онѣ не суть предметы для искусства. Механическая работа тѣла не только производитъ на зрителя тягостное впечатлѣніе, но еще возбуждаетъ въ немъ отвращеніе, а отвращеніе изгнано изъ искусства, противно его цѣлямъ. Ужасъ, сожалѣніе, состраданіе, гнѣвъ, негодованіе—сильныя чувства души должно оно порождать въ зрителѣ, но никакъ не отвращеніе и омерзѣніе. Это ниже искусства, недостойно его. И не прискорбно ли видѣть великаго артиста, унижающагося до ремесла клоуна. Самый плохой клоунъ умѣетъ выламывать руки и ноги искуснѣе, чѣмъ величайшій изъ геніевъ сценическихъ! Эти движенія тѣла безъ участія души и лучшихъ чувствъ сердца, невыносимы для человѣка понимающаго и образованнаго. Неужели не довольно сострадать, сочувствовать нравственнымъ, душевнымъ страданіямъ Отелло, Лира, Ромео, а надо еще содрогаться физически, увидѣвъ въ горлѣ Отелло грубо-торчащій кинжалъ, которымъ онъ пронзилъ себя, въ Лирѣ—высунутый языкъ, въ Ромео и особенно въ Лудовикѣ XI, предсмертныя, физическія муки, въ которыхъ участіе души ничтожно. Задача трагедіи представить скорбь и страсти душевныя, но не муки тѣлесныя. Она допускаетъ тѣло изображать движенія души, а болѣзнь тѣла, его разрушеніе, медленное и мучительное, она отвергаетъ. Это не принадлежитъ къ области искусства.

Огрубѣвшая масса публики дошла до того, что она не сочувствуетъ движеніямъ души, ее не трогаютъ изліянія сердечныя и поэтическія, ее мало поражаютъ скорбь и отчаяніе. Ей надо нѣчто болѣе раздражающее. Убійства, муки смерти, пожалуй стоны пытки (до всего дойти возможно!). Бой быковъ въ Испаніи и циркъ въ языческомъ мірѣ гораздо сильнѣе возбуждали и раздражали, чѣмъ самая растрепанная драма и реальная игра. Но развѣ бой быковъ и циркъ искусство? Огрубѣлость, совершенное отсутствіе самаго инстинкта изящнаго суть отличительныя черты необразованной публики. Вотъ почему грѣшащая противъ искусства, оскорбляющая изящное чувство игра Росси въ Людовикѣ XI и въ послѣднихъ моментахъ вышепоименованныхъ нами пьесъ, пришлась массѣ публики по вкусу. Артистъ снизошелъ съ высотъ изнемогающаго отъ страданій духа до физическихъ мукъ и тѣмъ купилъ неистовыя рукоплесканія толпы. Онъ пренебрегъ драгоцѣнными перлами и нарядился въ бусы, отрекся отъ идеала и поклонился пошлости—пошлость восхитилась такою уступкою и наградила его своимъ одобреніемъ. Печальное зрѣлище! Прискорбное явленіе!

Заключимъ цитатами изъ самого Шекспира.

Шекспиръ влагаетъ слѣдующія слова въ уста Гамлета, дающаго совѣты актеру. Вотъ та *естественость*, которой онъ отъ него требуетъ:

„Движенія должны согласоваться со словами, слова съ движеніями, и при этомъ всегда слѣдуетъ стараться не выходить изъ предѣловъ. Если мы переступаемъ эту цѣль или недостигаемъ ея, мы, пожалуй, заставимъ невѣжу смѣяться, но оскорбимъ человѣка со вкусомъ, а похвала послѣдняго только и важна для насъ... Не размахивай вотъ этакъ руками, будь умѣренъ во всемъ, даже посреди бури, потока, урагана страстей, старайся соблюдать мѣру, смягчающую ихъ рѣзкость. По-моему, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ видѣть актеровъ, которые рвутъ на клочки страсть и дерутъ уши партеру, которому, впрочемъ, только и подавай, что нелѣпую мимику, да побольше шуму“...

Развѣ не ясно, что Шекспиръ требовалъ отъ актера идеализаціи, изящества, которымъ противны и преувеличенія, и такъ-называемая реальность. Онъ не могъ говорить о предсмертныхъ судорогахъ, такъ какъ это изобрѣтеніе новѣйшее, свидѣтельствующее объ упадкѣ искусства. Оно впервые появилось на французской сценѣ, и извѣстно, что нигдѣ искусство не потерпѣло столькихъ крушеній и извращеній, какъ во Франціи и въ Парижѣ.

Гамлетъ, желая охарактеризовать умственное и нравственное ничтожество, пошлость Полонія говоритъ:

„Ему вѣдь подавай или шутовской балетъ, или непристойную сцену, иначе онъ заснетъ"....

Мы осмѣливаемся прибавить: грязную или пошлую пьеску, или высунутый языкъ, торчащій въ горлѣ кинжалъ, и въ особенности предсмертныя муки и судороги!...

Но, возразятъ намъ: для чего такъ длинно говорить объ искусствѣ и эстетикѣ — это старый хламъ, который надо отбросить. Все это устарѣло! Соглашаемся. Тогда вмѣсто сцены, развившейся по правиламъ искусства, которыя преподаетъ эстетика, пойдите въ балаганы, заводите бой быковъ, посѣщайте больницы, чтобы смотрѣть на умирающихъ тамъ въ *правду*, и пожалѣйте о римскомъ циркѣ, гдѣ гладіаторовъ тоже убивали въ *правду*. Ощущенія будутъ еще сильнѣе и еще реальнѣе... Но надо держаться здраваго смысла и точнаго значенія словъ—держаться лексикона. Слово: *искусство*—означаетъ именно *то*, *а не это*; искусство неугодно, оно пришлось не ко времени, не по вкусу, не по нравамъ большинства; бросьте его, выдумайте, заведите что либо *иное* и назовите это *иное* какимъ-нибудь именемъ, но не именуйте искусствомъ; не навязывайте ему то, чтó оно отвергаетъ съ негодованіемъ, что не въ его сферѣ, что не въ его цѣляхъ!...

Еще одна послѣдняя замѣтка, которая намъ кажется необходимою. Мы почти не видали мальчиковъ и дѣвочекъ 14, 16-ти лѣтъ на представленіяхъ Росси. Неужели воспитатели и родители не понимаютъ, что одной алгебры, латинскаго и греческаго языковъ недостаточно для воспитанія? Неужели воспитаніе и образованіе могутъ назваться удовлетворительными, если въ дѣтяхъ не развиваютъ чувства изящнаго, любви къ высшему, не вызываютъ изъ молодой души прекраснаго чувства состраданія и боли сердца при видѣ страданій, борьбы, катастрофъ, лицъ сильнаго закала, опоэтизированныхъ геніальными писателями? Или думаютъ эти мудрые воспитатели, что человѣкъ слагается правильно и стройно, что лучшее человѣческой души можетъ вспыхнуть и жить, благодаря однимъ сухимъ формуламъ сухихъ, точныхъ наукъ? Или такъ много энтузіазма и поэзіи въ нынѣшнемъ обществѣ, что боятся раздуть искру въ пожирающее пламя, или думаютъ, что энтузіазмъ въ родѣ чумы и язвы? Или смѣшиваютъ энтузіазмъ съ приторною сентиментальностью? Вѣдь энтузіазмъ не болѣе, какъ стремленіе къ высокому, любовь, восхищеніе, восторгъ при знакомствѣ съ лучшими сторонами человѣческой души, при зрѣлищѣ ея проявленій въ дѣлахъ людскихъ. Да и самая сентиментальность, какъ ни мелка она, все же лучше сухости, черствости, индифферентизма ко всему и всѣмъ. Развѣ забыли эти воспитатели, умствующіе столь хитро, что замкнутость въ узкой сферѣ ро-

дить ограниченность, что усиленные труды школы нуждаются въ отдыхѣ, а какой отдыхъ благотворнѣе душѣ, какъ отдыхъ въ мірѣ искусства? Но именно искусство закрыто у насъ для дѣтей на возрастѣ, оно закрыто и позднѣе, когда молодость во цвѣтѣ. Нелѣпое, безсмысленное слово: *рано*—сгубило много силъ душевныхъ, заморило лучшій, пышный цвѣтокъ сердца, задавило умъ, открывающій на божій міръ свои, едва прозрѣвающія, мысленныя очи. Никогда не *рано* развивать душу и сердце, или будетъ *поздно* остановить юношу на пути будничныхъ развлеченій, пошлыхъ, грубыхъ удовольствій и, пожалуй, порочныхъ заблужде́ній. Искусство, пониманіе его, любовь къ нему спасутъ вѣрнѣе отъ всего грязнаго, грубаго и порочнаго, чѣмъ всякія нравоученія и внушенія. Если таково вліяніе искусства на мальчика, то въ дѣвочкѣ оно развиваетъ деликатность чувства, стремленіе ко всему высшему, не позволитъ ей потонуть въ мелочахъ, всегда развращающихъ сплетняхъ, въ пошлости, въ суетности и тщеславіи. Серьёзныя книги, ученіе обогащаютъ умъ знаніями; картина, музыка, поэзія, сцена, въ особенности трагедія образовываютъ и развиваютъ, трогаютъ сердце и возвышаютъ умъ, направляютъ его въ высшія сферы. Дѣти, лишенныя образованія артистическаго, лишены высоты; ихъ пониманіе остается низменно, умъ ихъ черствѣетъ, душа незнакома съ порывами и *унесеніями*, если такъ можно выразиться. Она погрязаетъ въ исключительно практической, всегда пошлой средѣ. Нельзя ограничить дѣтей на возрастѣ (какъ думаютъ многіе) жизнію исключительно въ семействѣ и любовію къ семьѣ. Нельзя, не должно любить по-просту одно семейное и обыденное, надо умѣть любить людей, восторгаться и восхищаться прекраснымъ. Восторгъ и восхищеніе легче всего пробуждаются при знакомствѣ съ искусствомъ. Его міръ, міръ полный чаръ, просвѣтляющій духъ, содѣлывающій насъ способными на всяческое преуспѣяніе и воспитывающій юношество вѣрнѣе и нравственнѣе, чѣмъ всѣ трактаты и педагоги. Но у насъ забыли и это, какъ многое другое и, умствуя, желаютъ воспитать педантовъ или практическихъ людей, не усматривая, что крайность эта въ первомъ случаѣ преображаетъ человѣка въ тяжкую для другихъ и для себя, мертвую, ходячую букву, а во второмъ—сводитъ его на степень четвероногаго.

E. T***

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1877.

Слухи о новомъ займѣ.—Биржевыя цѣны нашихъ фондовъ.—Паденіе валюты.—Кредитное обращеніе.—Таможенные сборы въ 1876 году.—Покровительство паровозо-строительному дѣлу въ Россіи.—Покровительство фортепіаннымъ фабрикантамъ.—Городовое положеніе въ балтійскомъ краѣ.—Пересмотръ учебныхъ плановъ въ гимназіяхъ.

Наиболѣе вниманія обращаютъ на себя въ настоящую минуту, конечно, тѣ стороны внутреннихъ дѣлъ, которыя имѣютъ прямое и ближайшее отношеніе къ войнѣ. Таковы, прежде всего, финансовыя и экономическія условія государства, отъ которыхъ зависятъ самыя средства на веденіе войны—nervus belli. Въ концѣ апрѣля распространились и не были опровергнуты слухи, что между нашимъ правительствомъ и нѣкоторыми иностранными банкирами уже состоялось соглашеніе относительно новаго внѣшняго займа. Сущность этого соглашенія, по слухамъ, состоитъ въ томъ, что банкиры дѣлаютъ намъ авансъ въ 4 м. фунтовъ стерл. по 6% въ годъ, но съ добавкою еще ½% за каждые три мѣсяца, если погашеніе аванса не состоится ранѣе трехъ мѣсяцевъ; въ годъ, если авансъ погашенъ не будетъ, это и составитъ 8%. Авансъ въ 4 м. фунтовъ, по курсу, составляетъ около 36¾ м. кредитныхъ рублей. Авансъ этотъ обезпечивается облигаціями шестого 5% консолидированнаго займа, на сумму 15 м. фунтовъ стерл., который банкиры предоставляютъ себѣ право реализовать въ теченіи года, по курсу 74%; но при этомъ они, какъ слышно, выговариваютъ себѣ еще 5% коммиссіи. Эти условія не были вообще признаны благопріятными нашей печатью. Но дѣло въ томъ, что вотъ уже второй годъ, какъ мы не дѣлали обычнаго внѣшняго займа, а между тѣмъ у насъ на рукахъ война, требующая чрезвычайныхъ расходовъ. Фактъ этотъ, сказать мимоходомъ, можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ распространеннаго въ иностранной печати мнѣнія, будто Россія съ самаго начала герцеговинскаго воз-

станія намѣренно готовила войну. Мыслимо ли, чтобы Россія въ такомъ случаѣ не сдѣлала внѣшняго займа своевременно, по курсу выше 90% (какъ были прежніе), и отложила заключеніе его до той поры, когда придется дѣлать его по 74 за сто? Наша печать, указывая на очевидную неблагопріятность нынѣшнихъ условій внѣшняго займа, высказывала предпочтеніе внутреннему, настаивая на фактѣ накопленія частныхъ капиталовъ въ нашихъ банкахъ, вслѣдствіе вялости дѣлъ, такъ что даже пониженіе процента въ банкахъ по текущимъ счетамъ не уменьшило ихъ. Но дѣло въ томъ, что намъ нужна—звонкая монета.

Позволительно даже сказать, что условія новаго займа, насколько они до сихъ поръ извѣстны, все-таки не должны быть признаны крайне-невыгодными, въ смыслѣ относительномъ, т.-е. при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда Россія заключаетъ заемъ именно на военныя издержки. Высокій курсъ выпуска для 5% займа теперь немыслимъ. Напомнимъ, что сѣверо-германскій военный заемъ 1870 года въ 120 милл. талеровъ, предложенный къ подпискѣ по курсу 88, не удался путемъ публичной подписки, хотя правительство, воспользовавшись скорыми побѣдами, и получило возможность заключить его инымъ путемъ. Такъ какъ наши 5% консолидированные займы котировались въ Берлинѣ въ моментъ нашихъ переговоровъ съ домомъ Мендельсона по 75,30,—то, естественно, что этотъ курсъ и долженъ былъ послужить нормою для цѣны реализаціи новаго займа, причемъ банкиры, какъ всегда, выгадали себѣ процентъ бонификаціи. Намъ кажутся странными сѣтованія, какія мы слышали въ публикѣ, на низкую эмиссіонную цѣну займа: вѣдь тутъ дѣло не въ томъ, чтобы выторговать цѣну высшую, процентовъ на десять. Финансовыя сдѣлки въ каждый данный моментъ вовсе не допускаютъ такого простора въ предложеніяхъ обѣихъ сторонъ, т.-е. заёмщика и заимодавца. Основной фактъ былъ тотъ именно, что биржевая цѣна сходныхъ русскихъ займовъ въ Берлинѣ стояла около 75-ти; стало-быть, весь вопросъ объ эмиссіонной цѣнѣ новаго займа могъ обсуждаться только въ размѣрахъ такой разницы, какъ одинъ или два процента болѣе или менѣе, и дѣйствительно, по берлинскому курсу 13 (25) мая, тѣ же займы стояли уже на 1% выше, и именно 76,30; но это было уже послѣ заключенія сдѣлки, какъ о ней извѣщали.

Новый заёмъ и при тѣхъ условіяхъ, которыя продиктованы ему самими обстоятельствами, будетъ все-таки успѣхомъ, когда онъ реализируется. Надо однако сказать, что въ торговомъ мірѣ слышны были нѣкоторыя возраженія противъ свойствъ тѣхъ фирмъ, которыя являются главными нашими контрагентами: „Мендельсона и К°“ и парижской „Учетной Конторы“. О домѣ „Мендельсонъ и К°“ говорили,

что эта фирма не такъ могущественна, какъ можно думать, по ея извѣстности; она держится старой славою. Что касается парижской „Учетной Конторы", то это—въ самомъ-дѣлѣ сила, но эта фирма представляетъ другое неудобное свойство. Вся ея система дѣйствій основана на томъ, чтобы, довольствуясь малымъ барышомъ, какимъ-нибудь полу-процентомъ, на каждомъ дѣлѣ, поскорѣе спускать его съ рукъ и браться за новое. Если бы облигаціи новаго займа были немедленно выпущены на иностранныя биржи въ значительной массѣ, то она тотчасъ притекла бы къ намъ обратно и способствовала бы пониженію здѣшнихъ цѣнъ на государственные фонды, которые и безъ того не особенно высоки, хотя, благодаря паденію валюты, и представляютъ номинальныя цѣны весьма удовлетворительныя.

Это послѣднее обстоятельство необходимо разъяснить большинству читателей, которые имѣютъ въ виду только тѣ цифры, какія видятъ въ биржевомъ бюллетéнѣ, но не дѣлаютъ сравненій между различными цифрами, входящими въ эти бюллетени. Такія цифры, какими обозначались въ майскихъ бюллетеняхъ фонды, дѣйствительно кажутся благопріятными; напримѣръ: первый выигрышный заемъ 193, 190, 189½ (послѣднія изъ нашихъ цифръ соотвѣтствуютъ петербургской биржѣ 10—13 мая); 5% консолидированныя облигаціи желѣзныхъ дорогъ 109. Но вѣдь это все—цѣны на кредитные рубли; а такъ какъ курсъ нашего рубля упалъ съ 350 сант. до 270 сант., то естественно, что удержаніе фондами прежнихъ номинальныхъ цѣнъ на нашихъ биржахъ и даже возвышеніе ихъ въ цѣнѣ, сравнительно съ ближайшимъ временемъ до войны,—не можетъ означать еще дѣйствительнаго равенства съ прежней ихъ цѣнностью или даже возвышенія ихъ цѣнности, потому именно, что рубль нашъ съ нормальной цѣны 350 сант., какую онъ имѣлъ въ послѣдній годъ, упалъ до 270 сант., то-есть на 20 процентовъ. Значитъ, если бумага стóитъ теперь номинально то же, чтò стоила два года тому назадъ, то въ дѣйствительности она упала на 20%. Если бумага номинально возросла въ цѣнѣ за то время на 10%, то въ дѣйствительности она упала на 10%. Наконецъ, только въ томъ случаѣ, если бумага противъ прежняго, нормальнаго времени, возросла номинально на 20%, она теперь въ дѣйствительности не упала въ цѣнѣ, но и не возросла.

Возьмемъ въ примѣръ облигаціи перваго выигрышнаго займа и 5% консолидированныя, какъ наиболѣе популярныя. Еще очень недавно, полуимперіалъ на петербургской биржѣ стоилъ 6 р. 50 к. Если за 5 р. 15 коп. мы должны были платить 6 р. 50 к., то это значитъ, что нашъ кредитный рубль стоилъ 79 коп. мет. Если при этомъ названныя бумаги стоили 190 и 109 кредитными рублями, то

по 79 коп. металломъ за кредитный рубль онѣ стóили: первая 150 р. 10 коп. мет., вторая 86 р. 11 к. мет.

Теперь, если въ настоящее время мы платимъ за полуимперіалъ 7 р. 65 коп., то-есть за 5 р. 15 коп. мет. даемъ 7 р. 65 коп. кред., то это значитъ, что нашъ кредитный рубль стóитъ 67 к. мет. Если при этомъ тѣ же самыя бумаги стоютъ 190 и 109 кредитными рублями, то по 67 коп. металломъ за кредитный рубль, онѣ стóютъ въ дѣйствительности—первая 127 р. 30 коп. мет., вторая 73 р. 3 коп. мет. Ту же цѣну кредитнаго рубля мы получимъ, если сравнимъ курсъ рубля 270 сант. съ 400 сант. номинальными; отношеніе этихъ цифръ даетъ именно тѣ же 0,67, т.-е 67 коп. мет.

Эти дѣйствительныя цѣны фондовъ на нашей биржѣ довольно близки къ тѣмъ, какія существуютъ на берлинской биржѣ. Такъ, первый выигрышный заемъ въ Берлинѣ котировался 130,50 (13/25 мая), а нѣсколько дней раньше 131,90; 5% консолидированные займы 76,30, а нѣсколько дней раньше 75,30. Разница какъ въ этихъ, иностранныхъ цѣнахъ, сравниваемыхъ между собой, такъ и въ нихъ же по сравненію съ дѣйствительными цѣнами, существующими у насъ, считая на металлъ (первая бумага 127 р. 30 к. мет., вторая 73 р. 3 коп. мет., какъ показано выше), зависитъ отъ разницы биржевыхъ дней и даже моментовъ одной и той же биржи, какіе выбраны маклерами для означенія цѣнъ.

Замѣтимъ еще, что послѣднія биржевыя цѣны, какія мы имѣемъ въ виду, цѣны 13 мая, обнаруживаютъ наклонность къ дальнѣйшему паденію курса рубля. Такъ, на Парижъ его курсъ обозначается уже не въ 270 сант., но только въ 267¼ сант.; достаточно паденіе всего еще на 1¼ сант., чтобы мы пришли къ самому низшему курсу нашего рубля на петербургской биржѣ, а именно къ 266 сант.,—курсу, который былъ въ іюлѣ 1866 года. Что касается курса на Лондонъ, 25½ пенсовъ, то онъ уже опустился ниже того, какой былъ въ іюлѣ 1866 г., а именно 25¾ пенсовъ.

Понятно, что если только иностранные владѣльцы нашего новаго займа, по реализаціи его, выпустятъ его на заграничныхъ биржахъ хоть по 75, въ то время какъ прежніе займы стоятъ по 75,30, то немедленнымъ послѣдствіемъ будетъ паденіе и этой цѣны и обращеніе новой нашей бумаги къ намъ, гдѣ она также понизитъ существующія биржевыя цѣны нашихъ фондовъ.

Доселѣ мы говорили о цѣнѣ фондовъ, и для опредѣленія дѣйствительной ихъ цѣны должны были принять въ разсчетъ цѣну золота и заграничный вексельный курсъ рубля. Теперь мы должны обратиться спеціально къ паденію этого курса рубля, такъ какъ онъ представляетъ наиболѣе выдающееся явленіе настоящей минуты.

Это явленіе, повторимъ, почти безпримѣрное, со времени регулированія нашей валюты въ прошлое царствованіе. Вексельный курсъ, въ послѣднее время, со стойкостью еще довольно замѣчательною, держался на 270 сант. Но онъ началъ, наконецъ, понижаться, потому что былъ принужденъ къ тому. Время года такое, что паденіе валюты не можетъ быть компенсировано усиленіемъ вывоза.

Съ установленіемъ правильной навигаціи откроется возможность, что самое паденіе нашего курса вызоветъ коррективъ себѣ въ видѣ усиленія вывоза нашихъ товаровъ, которое является естественнымъ послѣдствіемъ низкаго курса, благопріятнаго иностраннымъ закупкамъ въ Россіи. Затѣмъ, послѣдствіемъ усиленнаго вывоза и является возвышеніе курса. Съ другой стороны, самая реализація внѣшняго займа, когда онъ состоится, привлеченіемъ въ страну значительнаго количества металла,—можетъ способствовать улучшенію курса. Впрочемъ, на этотъ разъ такое дѣйствіе внѣшняго займа будетъ менѣе чувствительно, чѣмъ при прежнихъ займахъ, такъ какъ немалая часть металла, добытаго настоящимъ займомъ, должна быть употреблена на военные расходы внѣ государства.

Но пока эти два корректива—усиленіе отпуска и приливъ иностраннаго золота—еще не дѣйствуютъ, естественно, что курсъ низокъ и выказываетъ наклонность къ дальнѣйшему паденію, быть можетъ, и ниже наименьшей даже нормы, какая была извѣстна за послѣднее тридцатилѣтіе. Отъ 350 сант. за рубль, т.-е. средняго размѣра прошлаго года, курсъ сталъ понижаться болѣе и болѣе, и дойдя до 270 сант. довольно долгое время держался на этомъ размѣрѣ. Но онъ не могъ не пойти, наконецъ, къ дальнѣйшему пониженію въ виду значительныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ банкомъ именно въ послѣднее время. Если мы сравнимъ еженедѣльныя свѣдѣнія и состояніе счетовъ государственнаго банка и его отдѣленій за прошлый апрѣль и начало мая, то увидимъ, что во всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ сумма кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, показывалась одна и та же: 734.772,025 рублей. Эта сумма показана въ счетахъ банка къ 1 апрѣля, она же показана въ счетѣ къ 9 мая. Уже самая безусловная неподвижность кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе банкомъ, который за это время не сократилъ своихъ операцій по учету векселей, ссудамъ подъ акціи и облигаціи частныхъ компаній и т. д.,—заставляетъ читателя искать въ столбцахъ счетовъ какой-нибудь другой, подвижной рубрики выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Понятно, что, продолжая свои коммерческія операціи, банкъ не могъ же не выпустить или не получить обратно въ теченіи сорока дней ни одного кредитнаго рубля.

И дѣйствительно, такая подвижная сумма выпусковъ кредитныхъ

билетовъ находится въ столбцахъ счетовъ банка и называется въ нихъ: „кредитные билеты, временно-выпущенные на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій банка". Вотъ въ этой-то рубрикѣ и сказываются теперь неизбѣжныя измѣненія въ суммѣ кредитныхъ билетовъ. Она, конечно, возрастаетъ, и не трудно прослѣдить ея возрастаніе за послѣднее время. Если счетъ къ 1 апрѣля сравнимъ съ счетомъ къ 11 апрѣля, то найдемъ, что цифра въ указанной рубрикѣ не только не увеличилась, но даже немного уменьшилась: съ 45 мил. 350 т. р. до 45 мил. 100 т. р. Слагая эти цифры съ неизмѣнившимся количествомъ кредитныхъ билетовъ, „выпущенныхъ въ обращеніе", получаемъ общую сумму кредитныхъ билетовъ въ приведенныхъ двухъ счетахъ: въ первомъ 780.122,025 р., во-второмъ 779.872,025 рублей.

Но затѣмъ, съ самаго объявленія войны, начинается возрастаніе, довольно правильное и весьма значительное. Съ 45 мил. 100 т. р. (къ 11 апрѣля) сумма кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ, доходитъ (къ 9 мая), то-есть въ теченіи четырехъ недѣль, до 85 мил. 400 т. р. При этомъ, какъ уже сказано, въ рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, остается неизмѣнною цифра 734.772,025 р. Но такъ какъ теперь интересуетъ не распредѣленіе цифръ по рубрикамъ счетовъ банка, но ходъ измѣненія въ общей суммѣ выпущенныхъ имъ, въ обращеніе или на подкрѣпленіе кассъ, кредитныхъ билетовъ, то мы покажемъ ходъ этого измѣненія въ такихъ цифрахъ, которыя представляютъ итоги обѣихъ рубрикъ. Общая сумма кредитныхъ билетовъ, по обѣимъ рубрикамъ, измѣнялась такъ: къ 11 апрѣля было 779.872,025 р.; къ 18 апрѣля — 782.222,025 р.; къ 25 апрѣля—795.172,025 р.; къ 1 мая—812.372,025 р.; къ 9 мая 820.172,025 р. Такимъ образомъ, обнаруживается возрастаніе въ общей суммѣ кредитныхъ билетовъ, за послѣднія четыре недѣли, о которыхъ мы теперь имѣемъ оффиціальныя свѣдѣнія, въ 40 мил. 300 т. р. или въ среднемъ размѣрѣ по 10 мил. 75 т. р. въ недѣлю.

Если изъ суммы этого возрастанія, бывшей къ 9 мая, мы вычтемъ 10 м. 300 т. р., представляющіе капиталъ конторъ и отдѣленій, для подкрѣпленія которыхъ производятся указанные новые выпуски, то остальное количество новыхъ кредитныхъ билетовъ едва ли не можетъ уже быть прямо отнесено къ возрастанію кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе. Въ такомъ случаѣ, это возрастаніе опредѣлится за 4 недѣли, въ 30 м. рублей или по $7^1/_2$ милл. рублей въ недѣлю.

Излишне было бы настаивать на томъ, какія послѣдствія, въ смыслѣ финансовомъ, могло бы имѣть возрастаніе суммы кредитныхъ би-

летовъ въ такихъ размѣрахъ по прошествіи нѣкотораго времени. Этой стороны дѣла мы уже коснулись въ предшествующемъ обозрѣніи, и пришли къ выводу, что „хотя нынѣшній размѣръ бумажнаго денежнаго обращенія и унаслѣдованъ нами отъ восточной войны и представляетъ (т.-е. представлялъ къ 1 апрѣля) цифру только на полмилліона меньшую, чѣмъ та, какая была въ 1857 году, но она показываетъ, что теперь мы не можемъ увеличить этого обращенія въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это было сдѣлано въ то время, то-есть выпустить вновь кредитныхъ денегъ на 379 милл. рублей". Но послѣ того, какъ это было писано, кредитное обращеніе стало возрастать по 7½ м. р. въ недѣлю и возросло уже на 30 м. р.

Финансовую сторону дѣла мы на этотъ разъ оставимъ, прежде всего въ томъ предположеніи, что реализація новаго внѣшняго займа отвратитъ дальнѣйшую необходимость выпусковъ кредитныхъ билетовъ въ такихъ размѣрахъ, и что эти выпуски мы имѣемъ пока основаніе считать дѣйствительно временными. Но понятно, что на курсъ нашъ они не могли не оказать вліянія. И вотъ почему курсъ, столь упорно державшійся на минимумѣ 270 сант. за рубль, въ истекшемъ мѣсяцѣ сталъ, наконецъ, опускаться ниже этого минимума и представилъ 13 мая цифру 267¼ сант. за рубль, при цѣнѣ полуимперіала въ Петербургѣ, того же числа, 7 р. 67 коп., вмѣсто 7 р. 57 к., которую мы занесли въ наше обозрѣніе мѣсяцъ тому назадъ. Лажъ на металлическій рубль уже почти дошелъ до 50 коп. Прежде, чѣмъ выводить какія либо соображенія относительно будущаго, слѣдуетъ подождать, какое дѣйствіе произведетъ полное открытіе навигаціи и реализація внѣшняго займа.

Ввозная торговля въ нынѣшнемъ году, конечно, упадетъ. Еще до объявленія войны, свѣдѣнія, какія имѣлись о поступленіи таможенныхъ сборовъ, за первые мѣсяцы года были неблагопріятны. Но торговля отпускная можетъ усилиться уже вслѣдствіе паденія курса и тѣмъ удержать его отъ дальнѣйшаго пониженія.

Что касается ввоза за 1876 годъ, то опубликованный недавно отчетъ о поступленіи таможенныхъ сборовъ въ прошломъ году свидѣтельствуетъ, что ввозъ въ томъ году въ сравненіи съ предшествовавшими усилился. Въ 1876 году таможенныхъ сборовъ поступило до 69 м. 200 т. р.—на около 5¼ м. р. болѣе, чѣмъ въ 1875 году. Затѣмъ, прежде всего отмѣтимъ фактъ, что въ прошломъ году привезено въ Россію изъ-за границы золота и серебра на 4.654,088 р., а вывезено изъ Россіи на 102.690,698 рублей. Привозъ цѣнныхъ металловъ упалъ въ сравненіи съ 1875 годомъ на слишкомъ 1 милл. р. и вывозъ этихъ металловъ изъ Россіи возросъ на слишкомъ 75 милл.

рублей. Таково исключительное послѣдствіе операцій, которыя совершались государственнымъ банкомъ въ прошломъ году „для поддержанія вексельныхъ курсовъ". Золота и серебра вывезено изъ Россіи на 75 милл. рублей болѣе, а курсъ съ 350 сант. упалъ до 267¼ сант. за рубль. Если когда-либо бываетъ ясна ошибочность операціи, то, кажется, теперь она уже не можетъ подлежать сомнѣнію.

По сравненію съ ближайшими годами, сумма таможенныхъ сборовъ 1876 года представляетъ превышеніе противъ 1870 года на 27 милл. руб. Превышеніе это зависѣло главнымъ образомъ отъ усиленія ввоза слѣдующихъ предметовъ: чая, соли, напитковъ и металловъ не въ дѣлѣ. Особенно замѣтно возрастаніе таможеннаго сбора съ чая: оно одно составляетъ слишкомъ 2½ м. р. противъ 1875 г., то-есть почти половину всего излишка таможенныхъ сборовъ при сравненіи этихъ двухъ годовъ. Въ сравненіи же съ 1870 годомъ, оно составило почти 6½ м. р. изъ общей суммы возрастанія въ 27 м. р. Одна пошлина съ привознаго чая составляетъ теперь до 16½ м. р., то-есть почти четверть всей суммы таможенныхъ пошлинъ получается съ одного чая. Общій результатъ поступленія таможенныхъ сборовъ за 1876 годъ представилъ превышеніе болѣе чѣмъ въ 7½ м. р. противъ исчисленія по росписи того года (61½ м. р.). Уменьшилось же поступленіе сборовъ, по отдѣльнымъ статьямъ, наиболѣе замѣтно по привозному сахару-сырцу (свыше 2 м. р. менѣе, чѣмъ въ 1875 г.).

Замѣчательно, что таможенное поступленіе съ металлическихъ издѣлій, которое въ теченіи шестилѣтія возросло болѣе, чѣмъ на 1 м. р., въ 1876 году поднялось, въ сравненіи съ 1875 годомъ, только на ничтожную сумму 1345 р., между тѣмъ, какъ въ предшествовавшіе годы оно возвышалось въ среднемъ размѣрѣ на около 180 т. р. ежегодно. Впредь привозъ этой статьи въ Россію долженъ не только не увеличиться, но значительно ослабѣть, вслѣдствіе новаго закона, которымъ установлена особая система покровительства, въ видѣ премій за изготовленіе паровозовъ въ Россіи исключительно изъ частей, выдѣланныхъ на русскихъ заводахъ и о включеніи въ уставы вновь разрѣшаемыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ условія объ обязательномъ пріобрѣтеніи въ Россіи всѣхъ паровозовъ и всего грузового вагоннаго подвижного состава.

Законъ, о которомъ мы говоримъ, начинается словами: „правительственныхъ заказовъ подвижного желѣзно-дорожнаго состава вновь не дѣлать". Затѣмъ слѣдуютъ правила объ обязательномъ пріобрѣтеніи обществами паровозовъ и т. д. въ Россіи, и далѣе, установляется премія изъ государственнаго казначейства за паровозы, приготовляемые по заказамъ обществъ русскими заводами; притомъ исклю-

чительно изъ частей, выдѣланныхъ на русскихъ заводахъ. Премія эта назначается въ размѣрѣ 2400 р., 2600 р. и 3000 р. за каждый паровозъ, смотря по числу его колесъ (отъ 4 до 8), съ тендеромъ. Такая премія установлена на 5 лѣтъ и каждый заводъ можетъ разсчитывать на нее не болѣе, какъ за 30 паровозовъ, изготовленныхъ имъ въ теченіи года. Такимъ образомъ, каждый частный заводъ въ Россіи, приспособленный къ постройкѣ паровозовъ, можетъ разсчитывать, при такихъ размѣрахъ заказовъ, которые, конечно, послужили для самаго опредѣленія нормы въ законѣ, примѣрно на 78 т. р. преміи отъ казны въ годъ или на 390 т. р. въ теченіи пятилѣтія. Нѣтъ сомнѣнія, что заводы и будутъ поставлены, то-есть расширены или основаны вновь именно въ виду такой казенной субсидіи.

Затѣмъ, по истеченіи пяти лѣтъ, спрашивается, что̀ будутъ дѣлать съ этими заводами? Какъ лишить ихъ той субсидіи, въ виду которой они возникли или расширились? Мы видѣли недавно на обществѣ пароходства на Черномъ морѣ, что̀ значитъ вызвать промышленное предпріятіе посредствомъ *временной* казенной субсидіи. Это значитъ, по наступленіи срока продолжить ему субсидію и возобновить такое продолженіе на неопредѣленное время, такъ какъ каждый разъ при приближеніи срока владѣльцы предпріятія будутъ доказывать, что оно и могло существовать только благодаря субсидіи, и будутъ угрожать закрытіемъ его въ случаѣ прекращенія субсидій. Если эти аргументы были приняты въ уваженіе разъ, то нѣтъ никакого логическаго повода не признавать ихъ уважительными и на слѣдующіе разы. Стало быть, и въ настоящемъ случаѣ мы должны смотрѣть на мѣру временную почти какъ на постоянную или на такую, которая, вѣроятно, продлится неопредѣленное время.

Итакъ, посредствомъ ежегоднаго расхода казны отъ полмилліона до милліона рублей, будетъ искусственно поощряться расширеніе существующихъ и основаніе новыхъ паровозо-строительныхъ заводовъ. Казна не будетъ впредь дѣлать сама заказовъ, но будетъ поддерживать русскихъ заводчиковъ преміями, а съ другой стороны, обязываетъ желѣзнодорожныя общества дѣлать заказы непремѣнно имъ. Мы никогда не были приверженцами системы искусственнаго поддержанія частныхъ заводовъ правительственными заказами. Но въ чемъ же различіе той системы, какая нынѣ установляется, отъ прежней? Сущность, то-есть поддержка и вызываніе къ жизни новыхъ заводовъ искусственными средствами, остается та же. Новая система будетъ имѣть явный протекціонистскій характеръ, вмѣсто скрытаго, такъ какъ независимо отъ привилегіи заказовъ и системы премій нашимъ заводамъ, новый законъ обязываетъ еще министерство финансовъ внесть законодательнымъ порядкомъ представленіе о возвы-

шенія таможенной пошлины на иностранные паровозы и тендеры и объ измѣненіяхъ въ размѣрѣ таможенной пошлины на сталь во всякомъ видѣ (кромѣ въ лому), на издѣлія изъ стали и на нѣкоторыя принадлежности желѣзнодорожнаго состава, которыя должны состояться, конечно, также въ смыслѣ покровительственномъ для нашихъ заводовъ и даже запретительномъ для иностраннаго привоза тѣхъ предметовъ.

Резюмируемъ тѣ многообразные элементы покровительства, которыми будутъ пользоваться наши заводы на основаніи новаго закона. Нашъ заводчикъ будетъ получать иностранную сталь въ лому безпошлинно; всѣ заказы новыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ обезпечены ему; онъ получаетъ казенную премію въ 2,600 р. въ среднемъ размѣрѣ, за каждый паровозъ и, сверхъ того, огражденъ отъ иностранной конкурренціи таможенною пошлиной; всѣ русскія желѣзнодорожныя общества, какъ новыя, такъ и существующія, обязываются закономъ платить ему за паровозы ту цѣну, которая въ расцѣночныхъ вѣдомостяхъ будетъ опредѣляема по среднимъ заграничнымъ цѣнамъ, съ присоединеніемъ къ нимъ таможенной пошлины. Такимъ образомъ, если бы при новой поставкѣ, хотя бы на николаевской дорогѣ, Борзигъ или Кайль хотѣли конкуррировать съ нимъ, то они должны будутъ ставить свои паровозы по цѣнѣ низшей цѣны русскаго заводчика, во-первыхъ, на цифру таможенной пошлины, во-вторыхъ, на цифру 2600 р. преміи на каждый паровозъ, которую русскому заводчику платитъ казна. Ясно, что это равносильно полному устраненію иностранной конкурренціи.

Итакъ, русскіе паровозо-строительные заводы могутъ теперь расширяться и возникать вновь не вслѣдствіе естественныхъ условій дѣла, не при помощи улучшеній и удешевленія въ производствѣ, но на счетъ пожертвованій съ одной стороны бюджета—въ видѣ премій, съ другой—русскихъ же желѣзнодорожныхъ обществъ въ видѣ переплаты русскимъ заводчикамъ той разницы, какую представляетъ таможенная пошлина; новыя же общества положительно лишены права предпочитать иностранный локомотивъ русскому, какова бы ни была разница въ цѣнахъ, такъ какъ обязаны обращаться съ заказами, исключительно, къ нашимъ заводчикамъ. Стало быть, вся разница въ достоинствѣ локомотивовъ и усиленіе ремонта подвижного состава, независимо уже отъ цѣнъ поставки, представятъ новыя пожертвованія со стороны русскихъ обществъ въ пользу русскихъ заводчиковъ.

Крайне протекціонистскій характеръ новой мѣры очевиденъ. Единственное улучшеніе, какое можно усмотрѣть въ ней противъ прежней системы, заключается развѣ въ томъ, что казна не будетъ

сама непосредственно дѣлать заказы отдѣльнымъ заводчикамъ, то-есть, что устранятся нѣкоторые поводы къ нареканіямъ, неизбѣжные при системѣ частныхъ мѣръ внутренняго покровительства, независимо отъ покровительства внѣшняго. Теперь принята *общая* мѣра внутренняго покровительства. Правительственные заказы заводамъ могли быть распредѣляемы между ними болѣе или менѣе неравно, по усмотрѣнію вѣдомствъ; преміи же распространяются на всѣ заводы, и затѣмъ между ними будетъ дѣйствовать конкурренція. Однако, и при новой системѣ нельзя безусловно утверждать, что устранятся всѣ нареканія и что усмотрѣніе вѣдомствъ вовсе болѣе не будетъ дѣйствовать.

Во-первыхъ, премія будетъ выдаваться заводчику не иначе, какъ по представленіи имъ удостовѣренія въ удовлетворительности пробнаго испытанія паровозовъ по пробѣгу не менѣе 3 т. верстъ, съ поѣздами, и это удостовѣреніе выдается правительственною инспекціей каждой дороги. Во-вторыхъ, новыя желѣзнодорожныя общества при своемъ основаніи, при пріемѣ пути и при обзаведеніи подвижнымъ составомъ, совершенно зависятъ, съ одной стороны, отъ вѣдомства техническаго, которое удостовѣряетъ правильность работъ и доброкачественность матеріала, съ другой—отъ вѣдомства финансовъ, которое выдаетъ обществамъ облигаціонный капиталъ и можетъ регулировать свои авансы и ссуды по разнымъ соображеніямъ. Стало быть, обращеніе каждаго такого общества къ одному заводчику преимущественно передъ другими и впредь можетъ быть перетолковываемо разнымъ образомъ.

Но главный вопросъ все-таки въ томъ, какія будутъ экономическія послѣдствія новой системы? Вызвавъ расширеніе и умноженіе заводовъ посредствомъ премій и усиленнаго таможеннаго покровительства, мы вступимъ на тотъ путь, съ котораго сойти со временемъ будетъ очень трудно. Какъ же можно будетъ отнять со временемъ у заводовъ тѣ привилегіи и пособія, въ силу которыхъ они расширились или возникли вновь? А съ другой стороны, если продолжать дѣйствіе этой системы на неопредѣленное время, то каковы же будутъ переплаты казны и каковы пожертвованія русскихъ обществъ въ пользу русскихъ заводчиковъ? Если въ общемъ выводѣ средній поверстный доходъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ теперь падаетъ, то какой разсчетъ увеличивать издержки ихъ эксплуатаціи искусственнымъ поднятіемъ цѣны подвижного состава и издержекъ на его ремонтъ, и не должно ли это выразиться въ еще новомъ пожертвованіи казны, въ видѣ приплатъ по гарантіямъ? Желѣзнодорожная сѣть еще далеко не кончена, а между тѣмъ новая система не можетъ быть признана благопріятною для ея развитія. Наконецъ,

необходимо принять въ разсчетъ и элементъ безопасности. Несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ зависятъ не отъ одного состоянія рельсовыхъ путей и инженерныхъ сооруженій, но еще, и въ весьма значительной степени, отъ качествъ подвижного состава. А можно ли имѣть увѣренность, что наши заводчики, предполагая, что они могутъ работать такъ же хорошо, какъ лучшіе иностранные, станутъ усиленно заботиться объ улучшеніи своихъ паровозовъ и вагоновъ, когда они системою двойного покровительства—пошлины и премій — будутъ поставлены на неопредѣленное время внѣ всякой конкурренціи, когда общества *должны* будутъ дѣлать свои заказы исключительно имъ?

Вотъ тѣ вопросы, которые возбуждаются новою мѣрою, и мы не безъ удивленія замѣтили то странное равнодушіе, съ какимъ ее встрѣтила почти вся наша печать. Неужели даже и вопросъ о личной безопасности принадлежитъ къ тѣмъ „внутреннимъ вопросамъ", которые отлагаются въ сторону?

Другой шагъ въ смыслѣ протекціонизма предвидится въ усиленіи таможенной пошлины съ фортепьянъ и органовъ иностраннаго издѣлія. Положимъ, это вопросъ далеко не важный, сравнительно съ тѣмъ, о которомъ мы только-что говорили. Но все-таки характеристично это стремленіе къ протекціонизму въ настоящее время. Характеристиченъ и самъ по себѣ такой примѣръ, какъ требованіе усиленнаго покровительства нашему фортепьянному дѣлу. Русское фортепьянное производство въ сущности не существуетъ. Дѣло въ томъ, что наши фортепьянные фабриканты всѣ механическія части своихъ инструментовъ, а сверхъ того доски и струны, выписываютъ изъ-за-границы. Затѣмъ, все производство ихъ состоитъ въ томъ, чтобы собрать эти части и сдѣлать корпусъ. Но дѣланіе корпуса есть уже работа столярная, а не инструментальная. Спрашивается: чему же будетъ въ сущности оказано покровительство при обложеніи?

Здѣшній фабрикантъ, который всѣ части инструмента выписалъ готовыми изъ-за-границы, только собралъ ихъ здѣсь и отъ себя прибавилъ столярную работу, есть болѣе коммиссіонеръ, чѣмъ фабрикантъ. Главное, что создаетъ онъ, конечно, не корпусъ инструмента, но — *цѣна*, которую онъ назначаетъ за сборъ готовыхъ частей съ добавкомъ столярной работы. Эта цѣна вовсе не та, какая вышла бы, если бы сложить стоимость готовыхъ частей, расходъ на сборъ ихъ и на устройство корпуса. Она гораздо выше, она такова, что при ней нашъ фабрикантъ продаетъ главную, то-есть иностранную работу, вдвое противъ того, что самъ за нее платитъ. Иначе его цѣны не могли бы быть равны цѣнамъ иностранныхъ инструментовъ готовыхъ, кото-

рые требуютъ бóльшихъ расходовъ на доставку. Значитъ, онъ прежде всего—коммиссіонеръ, котораго главный барышъ заключается въ наживѣ на чужихъ издѣліяхъ, имъ продаваемыхъ.

Но какой же смыслъ имѣетъ покровительство коммиссіонеру? Оно тѣмъ страннѣе, что, оказывая покровительство коммиссіонерамъ по сборкѣ и продажѣ иностранныхъ механизмовъ, мы тѣмъ самымъ нанесемъ равносильный ущербъ другимъ коммиссіонерамъ, тѣмъ, которые выписываютъ и продаютъ здѣсь готовые иностранные инструменты. Правда, эти послѣдніе коммиссіонеры, содержатели складовъ привозныхъ инструментовъ—нѣмцы. Но они—русскіе подданные, точно такъ же, какъ и тѣ такъ-называемые фабриканты, и которые здѣсь собираютъ привозные механизмы инструментовъ и дѣлаютъ мебельную работу фортепьянъ. Съ какой же стати было бы усиленное покровительство однимъ коммиссіонерамъ противъ другихъ, и—главное—въ ущербъ потребностямъ?

Среди естественнаго возбужденія, вызваннаго войной, прошла мало замѣченною весьма важная мѣра: указъ сенату о введеніи въ городахъ прибалтійскихъ губерній общаго городового положенія 16 іюня 1870 года. Указъ этотъ состоялся еще до объявленія войны, а именно 26 марта, но распубликованъ онъ былъ въ концѣ апрѣля. Приведемъ теперь только сущность указа, мнѣніе государственнаго совѣта и правила о примѣненіи городового положенія къ городамъ прибалтійскимъ, такъ какъ самому правительственному проекту этой реформы прибалтійскихъ городовъ, сравнительно съ мѣстными проектами, у насъ была уже посвящена обширная статья наканунѣ утвержденія этого проекта [1]).

Положеніе будетъ вводиться въ дѣйствіе постепенно, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь однакоже замѣтимъ, что, по имѣющимся частнымъ извѣстіямъ, губернаторамъ трехъ балтійскихъ губерній уже предписано немедленно принять приготовительныя мѣры для введенія городового положенія въ Ригѣ, Ревелѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ края. Всѣ дѣла, которыя по общему городовому положенію и по правиламъ его примѣненія къ балтійскимъ городамъ должны состоять въ вѣдѣніи новаго общественнаго управленія, будутъ изъяты изъ вѣдѣнія прежнихъ мѣстныхъ учрежденій и переданы въ общественное управленіе, создаваемое реформою. Но при этомъ магистраты, а также сословныя и другія прежнія городскія учрежденія, которыя въ балтійскомъ краѣ вѣдали еще дѣлá, не вхо-

---

[1]) См. выше: мартъ, стр. 387: „Проекты реформъ городового положенія въ Прибалтійскомъ краѣ“.

дящія въ кругъ новаго общественнаго управленія, какъ онъ опредѣленъ городовымъ положеніемъ, не будутъ немедленно упразднены; они останутся временно для отправленія такихъ особыхъ дѣлъ, но будутъ уменьшены въ своемъ составѣ. Въ примѣръ такихъ дѣлъ, которыя имъ пока будутъ подлежать, можно привести завѣдываніе нѣкоторыми благотворительными заведеніями. Благотворительныя заведенія вообще, вмѣстѣ съ средствами на ихъ содержаніе, будутъ переданы въ новыя общественныя управленія, но за исключеніемъ тѣхъ, которыя составляютъ принадлежность отдѣльныхъ сословій или гильдій, церквей и др. особыхъ учрежденій, стоящихъ внѣ общаго городского управленія, а также тѣхъ частныхъ благотворительныхъ заведеній, которыя, на основаніи условій жертвователей или завѣщателей, должны подлежать завѣдыванію магистрата. Само собою разумѣется, что тѣсный кругъ тѣхъ исключенныхъ дѣлъ, которыя, такимъ образомъ, останутся въ завѣдываніи прежнихъ магистратовъ, побудитъ само мѣстное населеніе стараться объ уменьшеніи издержекъ на содержаніе этихъ старыхъ учрежденій и объ отмѣнѣ ихъ, съ передачею и этихъ дѣлъ такимъ учрежденіямъ, которыя вводятся новымъ порядкомъ или окончательно при немъ сохраняются.

Правомъ голоса на городскихъ выборахъ въ балтійскомъ краѣ, сверхъ лицъ, поименованныхъ въ городовомъ положеніи, будутъ пользоваться еще „всѣ именуемые по мѣстнымъ обычаямъ *литератами*", если они проживали въ городѣ не менѣе двухъ лѣтъ и если притомъ уплачиваютъ въ пользу города особый сборъ, въ размѣрѣ, который опредѣляется городскою думой. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи постоянное правило въ новомъ законоположеніи подчиняется еще временному правилу; въ пунктахъ утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта сказано, что размѣръ сбора, дающаго литератамъ право на „участіе въ городскихъ выборахъ", опредѣляется губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ. Это—правило временное. Въ правилахъ же о примѣненіи городового положенія говорится, какъ уже приведено нами выше, что „правомъ голоса по городскихъ выборахъ" пользуются всѣ литераты, при соблюденіи двухъ показанныхъ условій, изъ которыхъ одно—уплата въ пользу города сбора въ размѣрѣ, опредѣляемомъ городскою думою (а не губернскимъ присутствіемъ). Подобное же подчиненіе правила окончательнаго правилу временному представляется относительно способа избранія гласныхъ городской думы и должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія. Въ правилахъ сказано, „что выборы въ общественныя званія и должности производятся или посредствомъ баллотированія, или посредствомъ записокъ; принятіе одного изъ сихъ способовъ избранія зависитъ отъ городской думы". А въ одномъ изъ пунктовъ мнѣнія госуд.

совѣта установлено, въ видѣ временного правила, что способъ избранія опредѣляется губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ. Въ тѣхъ же пунктахъ, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ представить на разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ нѣкоторые вопросы, относящіеся до городского благоустройства въ балтійскомъ краѣ и между прочими—вопросъ объ устройствѣ въ балтійскихъ городахъ полиціи. Наконецъ, въ тѣхъ же пунктахъ, предположено согласованіе съ городовымъ положеніемъ и правилами объ его примѣненіи къ балтійскимъ городамъ—правилъ дѣйствующаго мѣстнаго свода узаконеній. Замѣтимъ еще, что въ губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствіяхъ, какъ они существуютъ во внутреннихъ губерніяхъ, засѣдаетъ членъ, избранный отъ губернскаго же присутствія по дѣламъ крестьянскимъ; въ балтійскихъ губернскихъ присутствіяхъ будетъ засѣдать выборный членъ коммиссіи крестьянскихъ дѣлъ, назначенный ею.

Въ губернскомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ всѣ дѣла будутъ ведены исключительно на русскомъ языкѣ, но рѣшенія его, въ случаѣ подачи заявленій на языкѣ нѣмецкомъ, могутъ быть объявляемы просителямъ, по ихъ желанію, на нѣмецкомъ языкѣ. Въ общественныхъ же собраніяхъ и дѣлопроизводствѣ учрежденій городского общественнаго управленія „допускается, впредь до особыхъ распоряженій", употребленіе нѣмецкаго языка, независимо отъ русскаго. Такія постановленія общественнаго управленія, которыя публикуются для общаго свѣдѣнія, должны быть излагаемы на обоихъ, т.-е. русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а въ случаѣ надобности и на „мѣстномъ по принадлежности нарѣчіи: латышскомъ или эстонскомъ". Наконецъ, резолюціи по частнымъ просьбамъ объявляются на томъ языкѣ, на которомъ подана просьба.

Эти постановленія относительно языка представляются намъ раціональными и практическими; мы вовсе не принадлежимъ къ сторонникамъ обученія русскому языку такимъ крайнимъ способомъ, какъ объявленіе всякихъ общественныхъ распоряженій и постановленій исключительно на языкѣ, большинству населенія непонятномъ. Намъ всегда казалось, что и при введеніи судебныхъ учрежденій въ царствѣ польскомъ возможно было сдѣлать употребленію мѣстнаго языка болѣе уступокъ, чѣмъ сдѣлано. Но мы должны сдѣлать все-таки одну оговорку по отношенію къ языку дѣлопроизводства общественныхъ управленій въ балтійскомъ краѣ.

По смыслу вводимыхъ нынѣ правилъ, тамъ признаются два *общіе* языка: русскій и нѣмецкій. Каждое общественное распоряженіе должно быть опубликовано на нѣмецкомъ, какъ и на русскомъ языкѣ; но только можетъ, въ случаѣ надобности, быть опубликовано еще и на

„мѣстномъ нарѣчіи“: латышскомъ или эстонскомъ. Итакъ, нѣмецкій языкъ признается не мѣстнымъ въ каждомъ городѣ, но именно общимъ для всего края, на ряду съ русскимъ. Другіе же, „мѣстные“ языки даже называются нарѣчіями, а не языками, хотя они, конечно—не нарѣчія нѣмецкаго языка, но языки вполнѣ отъ него самостоятельные. Изложенному тексту узаконенія факты соотвѣтствовали бы только въ такомъ случаѣ, если бы языкомъ большинства населенія былъ языкъ нѣмецкій, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовали бы отдѣльные говоры этого языка. Но на дѣлѣ, нѣмецкій языкъ въ балтійскомъ краѣ есть языкъ только меньшинства, хотя именно меньшинства образованнаго. Впрочемъ, оговорка наша относится только къ самой редакціи „правилъ“. Практическому же смыслу ихъ, то-есть либеральному отношенію законодательства къ мѣстнымъ языкамъ мы вполнѣ сочувствуемъ.

Сборы и доходы, существовавшіе доселѣ въ балтійскихъ городахъ по мѣстнымъ положеніямъ и имѣющія, по свойству своему, поступать въ общія городскія средства или на общія нужды городскихъ обывателей, сохраняются впредь на три года, независимо отъ тѣхъ сборовъ, которые могутъ быть установлены вновь въ пользу городовъ, на основаніи городового положенія. По прошествіи же трехъ лѣтъ, изъ прежнихъ городскихъ сборовъ и доходовъ сохраняютъ силу только тѣ, которые будутъ согласованы съ правилами городового положенія или на оставленіе которыхъ послѣдуетъ разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Наконецъ, правилами постановлено, что „въ случаяхъ, когда по городовому положенію требуется примѣненіе статей свода общихъ законовъ гражданскихъ и законовъ о судопроизводствѣ, общественное управленіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ соотвѣтственными мѣстными узаконеніями“.

Несмотря на полное оставленіе въ силѣ этихъ мѣстныхъ узаконеній, введеніе общаго городового положенія въ балтійскомъ краѣ представляетъ актъ большой важности. Это есть первая такая реформа въ томъ краѣ, которая коснулась учрежденій, считавшихся тамъ неотмѣнимыми въ силу мѣстныхъ привилегій. Привилегіи эти и доселѣ не представляли юридической цѣльности, и только посредствомъ натяжекъ нѣкоторые писатели выставляли ихъ въ видѣ замкнутой и полной „балтійской законности“. Но теперь, послѣ кореннаго преобразованія городскихъ учрежденій, столь тѣсно связанныхъ съ общественнымъ бытомъ, нѣтъ болѣе никакой возможности говорить о цѣльности и неотмѣняемости другихъ привилегій. Изъ этихъ привилегій необходимо должны подлежать отмѣнѣ тѣ, въ силу которыхъ существуетъ въ имѣніяхъ патримоніальныя полиція, и тѣ, ко-

торыми поддерживается въ балтійскихъ провинціяхъ строй строго-сословный, несуществующій нынѣ нигдѣ болѣе въ Европѣ, за исключеніемъ Мекленбурга, да и тамъ онъ сильно потрясенъ.

Что касается спеціально введенія въ балтійскихъ городахъ общаго городового положенія, то и оно произведетъ большую перемѣну именно потому, что устраняетъ то кружковое дробленіе, которое существовало даже въ городскомъ сословіи края. Всего важнѣе, конечно, цензъ, благодаря которому всѣ городскіе жители, платящіе извѣстную сумму въ пользу города, станутъ избирателями и избираемыми. При существовавшихъ же доселѣ, многообразныхъ ограниченіяхъ, въ нѣкоторыхъ балтійскихъ городахъ управленіе находилось въ рукахъ тѣснаго кружка гражданъ, кружка̀ отчасти даже наслѣдственнаго. Нашъ взглядъ на реформы, производимыя въ окраинахъ русскаго государства, давно извѣстенъ читателямъ. Мы всегда высказывали убѣжденіе, что прочная связь и искренняя солидарность между нами и инородцами можетъ быть достигаема только такими реформами, при которыхъ мы дадимъ инородцамъ только то, что̀ у насъ лучше, чѣмъ у нихъ, а то, что̀ у нихъ лучше — имъ оставимъ и постараемся, по мѣрѣ возможности, усвоить то себѣ. Этотъ путь столь же логически ведетъ къ объединенію всѣхъ частей государства, какъ и путь механическаго водворенія полнаго „единообразія", съ ломкою повсюду безъ всякаго разбора всего того, что̀ не существуетъ повсемѣстно. Но первый путь удобнѣе тѣмъ, что противъ него сами инородцы наши не могутъ имѣть серьёзныхъ возраженій.

Такъ и по отношенію къ городовому положенію. Въ балтійскихъ городахъ существовалъ доселѣ особый родъ ценза—званіе такъ-называемыхъ „литератовъ". Правила о примѣненіи городового положенія весьма благоразумно сохранили участіе въ городскомъ представительствѣ этого наиболѣе образованнаго элемента, хотя и обставили его нѣкоторыми условіями. Но и само наше общее городовое положеніе могло бы воспользоваться этимъ, доселѣ чисто-балтійскимъ учрежденіемъ. Пониженіе имущественнаго ценза для людей, имѣющихъ свидѣтельства объ окончаніи курсовъ высшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеній, т.-е. литератовъ, могло бы только благодѣтельно подѣйствовать на составъ и характеръ сословій нашихъ городскихъ гласныхъ. А то недавно здѣсь, въ Петербургѣ, во время городскихъ выборовъ, гласные ползали подъ столомъ. Улучшая мѣстный бытъ введеніемъ общихъ, болѣе раціональныхъ учрежденій, не слѣдуетъ уничтожать то, что̀ въ данномъ мѣстномъ устройствѣ лучше, чѣмъ въ общемъ, но, наоборотъ, пользоваться такими мѣстными учрежденіями для введенія ихъ въ общія положенія. Только такимъ

путемъ и можетъ устанавливаться объединенiе настоящее, то-есть объединенiе не по формѣ только, но и по духу.

Съ удовольствiемъ читали мы въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", газетѣ, которая можетъ имѣть болѣе точныя свѣдѣнiя объ учебныхъ дѣлахъ гражданскаго вѣдомства, подтвержденiе нашего мнѣнiя, что „внутреннiе вопросы" продолжаютъ существовать и озабочиваютъ не однихъ насъ. Правда, газета начала подтвержденiе этого мнѣнiя какъ-бы съ опроверженiя его,—латинской поговоркой, но тотчасъ же указала на такой фактъ, который съ этой поговоркой несогласенъ. „Вопреки латинской поговоркѣ: inter arma silent Musae (среди шума оружiя смолкаютъ музы, приходятъ въ застой искусства и науки), въ вѣдомствѣ *этомъ* (?!) и теперь разработывается рядъ самыхъ полезныхъ и разнообразныхъ мѣропрiятiй. Замѣтимъ мимоходомъ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" министерство народнаго просвѣщенiя еще въ первый разъ является въ печати подъ псевдонимомъ „вѣдомства музъ"; но, конечно, это только риторическая, хотя и нѣсколько рискованная, фигура; а самое дѣло состоитъ въ томъ, что, по сообщенiю этой газеты, „въ послѣднее время, въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя идетъ усиленная работа по пересмотру учебныхъ плановъ, утвержденныхъ для гимназiй и прогимназiй въ iюлѣ 1872 года". Изъ того же сообщенiя мы узнали, что „въ частностяхъ обнаружились тѣ или другiе недостатки, которые требуютъ устраненiя"... Сверхъ того, вслѣдствiе раздѣленiя высшаго класса гимназiй на два самостоятельныхъ класса явилась возможность и необходимость расположить весь учебный матерiалъ гимназическаго курса съ *гораздо большею* послѣдовательностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при начатомъ нынѣ пересмотрѣ учебныхъ плановъ имѣется въ виду, насколько возможно, облегчить курсы четвертаго и шестого классовъ", такъ какъ ихъ ученики подвергаются испытанiю изъ курса всѣхъ предшествовавшихъ классовъ. „Эта работа", говоритъ газета далѣе, „въ которой принимаютъ дѣятельное участiе, вмѣстѣ съ членами ученаго комитета, всѣ директоры столичныхъ гимназiй и прогимназiй и инспекторы ихъ, будетъ, какъ мы слышали, окончена въ концѣ этой недѣли (первой недѣли мая), и такимъ образомъ пересмотрѣнные учебные планы вступятъ въ свою силу уже съ начала новаго учебнаго года".

Но такъ какъ работу эту можно будетъ считать въ самомъ дѣлѣ оконченной только тогда, когда новые планы дѣйствительно уже будутъ введены, а до тѣхъ поръ вопросы, относящiеся къ пересмотру учебныхъ плановъ гимназiй, можно считать открытыми, то нелишне будетъ сдѣлать по этимъ вопросамъ нѣсколько примѣчанiй. Надѣемся,

что насъ не обвинятъ за нихъ въ „колебаніи" плановъ гимназическаго ученья, такъ какъ на этотъ разъ колебаніе представляется скорѣе предпринятымъ со стороны пересмотра, чѣмъ замѣчаній, сдѣланными со стороны.

Оставимъ въ сторонѣ тѣ поводы къ пересмотру учебныхъ плановъ гимназій, какіе указаны въ приведенномъ сообщеніи. Каковы бы ни были поводы, важно сознаніе „необходимости расположить весь учебный матеріалъ гимназическаго курса съ гораздо бо́льшей послѣдовательностью", и притомъ „облегчить" два класса. Мы позволимъ себѣ высказать, что послѣдовательнѣе всего было бы облегчить всѣ классы, то-есть уменьшить формальныя требованія программъ, но за то озаботиться *дѣйствительнымъ* исполненіемъ ихъ. Чрезмѣрныя требованія программъ вносятъ въ школу самый вредный элементъ: несоотвѣтствіе дѣйствительности—наружному, показному, то-есть отсутствіе правды въ школьной дѣятельности. Этотъ элементъ вреденъ для самаго ученья, такъ какъ при невозможности исполнить всего, все является условнымъ, все достигается только до извѣстной степени, то-есть не только то, что́ въ самомъ дѣлѣ превосходитъ силы большинства учениковъ, но и то, что́ было бы имъ вполнѣ доступно. Въ воспитательномъ же, нравственномъ отношеніи ничто не можетъ быть менѣе полезно, какъ такой разладъ дѣйствительно-достигаемаго съ требуемымъ, съ показнымъ, который заставляетъ мальчика начинать свою умственную жизнь привычкой къ фальши еще на школьной скамьѣ.

Мы не будемъ говорить бездоказательно. Возьмемъ учебные планы гимназій гражданскаго вѣдомства по древнимъ языкамъ и по языку русскому. Мальчикъ, поступивъ 10-ти лѣтъ въ первый классъ гимназіи, долженъ въ четвертомъ классѣ, т.-е. имѣя 13 лѣтъ, ознакомиться уже съ правилами латинской просодіи и гекзаметромъ, прочесть въ теченіи года не менѣе семидесяти главъ Цезаря и ста стиховъ Овидія; по греческому языку—переводить Ксенофонта; по русскому языку—пройти церковно-славянскую граматику и умѣть дѣлать этимологическій разборъ церковно-славянскихъ образцовъ, логическій разборъ русскихъ періодовъ и составлять описанія съ цѣлью излагать содержаніе какого-либо литературнаго произведенія.

Въ пятомъ классѣ онъ уже оканчиваетъ Цезаря, берется за Саллюстія, даже за Цицерона, и изъ Овидія долженъ быть знако́мъ съ 800 стиховъ; по-гречески долженъ читать Гомера, то-есть три раза въ недѣлю приготовляться къ переводу заданныхъ мѣстъ изъ Гомера; по русскому языку долженъ умѣть написать сочиненіе на такія тэмы, какъ „о любви къ отечеству" Карамзина и „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ" Ломоносова. Всею этою нелегкою ра-

ботой онъ занимается по нѣскольку разъ въ недѣлю, независимо отъ того, что ему нужно въ то же время затвердить всѣ прочіе ежедневные уроки, исторію и географію, законъ Божій, геометрію и алгебру и т. д.

Спрашивается: когда онъ успѣетъ сдѣлать все это такъ, чтобы дѣйствительно выполнить требованіе программы, то-есть чтобы усвоить себѣ пройденное? Изъ шестого класса возьмемъ только образцы русской литературы, предлагаемые въ видѣ тэмъ для разбора и сочиненій пятнадцатилѣтнихъ учениковъ. Легчайшими изъ этихъ тэмъ считаются тѣ, которыя заимствованы изъ народнаго эпоса. Ученику задается, напр., сочиненіе, въ которомъ онъ долженъ разобрать роды народнаго эпоса, указать въ былинахъ богатырей разныхъ періодовъ и объяснить, какіе роды народныхъ представленій въ нихъ изображаются и т. д. Всякому, кто знаетъ, сколько во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ гадательнаго, часто произвольнаго, извѣстно, что даже ученый филологъ не напишетъ подобнаго сочиненія такъ, чтобы вполнѣ удовлетворить собрата, что сочиненіе на такую тэму, написанное учителемъ одной гимназіи, будетъ забраковано учителемъ другой, какъ исполненное неправильныхъ и запутанныхъ понятій.

Если возьмемъ теперь высшія требованія отъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ гимназій, то найдемъ, что по учебнымъ программамъ, ученики эти должны умѣть переводить не только 1200 стиховъ Энеиды, но оды, сатиры и посланія Горація, 2000 стиховъ Иліады, Софокла и Платона!

Какимъ образомъ все это достигается и достигается ли это въ самомъ дѣлѣ—вотъ существенный вопросъ. Если бываетъ, что ученикъ 7-го класса станетъ втупикъ, когда передъ нимъ раскрыть наудачу хотя бы De bello gallico, а порою поставитъ даже и неправильно въ сочиненіи о смыслѣ „Ревизора“, то какая польза въ томъ, что въ программахъ стоятъ Горацій и Платонъ?

Для того, чтобы ученье было правдой, чтобы дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала наружности, учебныя программы должны имѣть въ виду, во-первыхъ, *среднихъ* учениковъ, а не отличныхъ; во-вторыхъ, дѣйствительное усвоеніе, полное владѣніе авторомъ или предметомъ, а не легкое знакомство съ самымъ труднымъ, при незнаніи простого. Вотъ въ этомъ именно смыслѣ мы желали бы пересмотра учебныхъ плановъ и программъ гимназій. Мы очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ такія явленія, которыя могутъ встрѣчаться и которыя всего желательнѣе устранить. Въ N-ской гимназіи начальство хвалится тѣмъ, что курсъ поставленъ очень высоко; въ ней начальство дорожитъ въ каждомъ классѣ только двумя-тремя первыми учениками, которые составляютъ честь заведенія, и приноситъ въ

жертву всѣхъ остальныхъ. Эти отличные ученики, одаренные особыми способностями и усердіемъ, сидятъ надъ приготовленіемъ своихъ ежедневныхъ уроковъ до 1 часу пополуночи, проведя утромъ шесть часовъ въ самыхъ классахъ, шесть часовъ напряженнаго вниманія, причемъ въ продолженіи нѣкоторыхъ изъ этихъ часовъ записываютъ слова преподавателя, такъ какъ онъ читаетъ по „своимъ запискамъ", а не по учебнику. Если такъ читается геометрія, то они тутъ же въ тетрадкахъ дѣлаютъ чертежи, въ которыхъ параллельныя линіи не параллельны, сѣченія плоскостей совершенно непонятны, вся проекція затрудняетъ, а не облегчаетъ пониманіе текста. Самый же текстъ пишется съ неизбѣжными пропусками существенныхъ словъ и т. д.

При такой системѣ, три ученика въ каждомъ классѣ N-ской гимназіи проводятъ десять мѣсяцевъ въ году, въ теченіи тѣхъ восьми лѣтъ, когда они растутъ, работая въ среднемъ размѣрѣ по 8—10 часовъ въ сутки, но иногда, довольно часто, и по 12 часовъ, такъ что нерѣдко и не доспятъ, нерѣдко ощущаютъ головную боль. Къ концу учебнаго года они бываютъ худы и блѣдны, но имѣютъ отличныя отмѣтки и поддерживаютъ честь заведенія. Учителя любятъ ихъ вызывать въ присутствіи почетныхъ посѣтителей, которые убѣждаются, что въ N-ской гимназіи ученье идетъ отлично.

Но чтó же дѣлаютъ въ этой гимназіи ученики средніе, то-есть большинство? Они, начиная съ младшихъ классовъ, убѣждаются, что „всего сдѣлать нельзя", да всего и не спросятъ. Для нихъ школа превращается, вмѣсто общественнаго соревнованія, въ общественное же взаимное страхованіе противъ ученья. На отличныхъ учениковъ они смотрятъ какъ на „выскочекъ" и не особенно уважаютъ ихъ. Дѣйствительный духъ заведенія, который опредѣляется большинствомъ, таковъ, что знать можно только при „счастьѣ", а незнаніе есть „несчастный случай"—и больше ничего. Они тоже работаютъ, но учитель ихъ не ждетъ, онъ не справляется съ уровнемъ ихъ знаній, а идетъ впередъ и читаетъ то, чтó для нихъ, при незнаніи предшествующаго, непонятно, задаетъ то, чтó они собственными силами сдѣлать не могутъ.

И вотъ, такъ какъ не знаешь и не можешь, но надо показаться знающимъ и могущимъ, то въ N-ской гимназіи, какъ и вездѣ на свѣтѣ, необходимость создаетъ и средства удовлетворить ей. Мѣстà изъ древнихъ авторовъ, заданныя для письменнаго перевода, переводятся не съ латинскаго и греческаго языковъ, съ лексиконами въ рукахъ, самими учениками, но съ имѣющихся печатныхъ русскихъ или нѣмецкихъ переводовъ, такъ-называемыхъ нѣмцами „шпикеровъ", причемъ призывается иногда помощь домашнихъ, съ рукописныхъ

переводовъ учениковъ того же класса предшествующихъ лѣтъ, иногда съ перевода одного изъ отличныхъ своихъ товарищей, даннаго по дружбѣ. Сочиненія на тэмы о былинахъ и богатыряхъ разныхъ формацій пишутся старшимъ братомъ, часто старшей сестрой, иногда отцомъ, или списываются съ тетрадокъ этихъ братьевъ и сестеръ. Затѣмъ—въ классахъ господствуетъ система подсказыванья и подглядыванья. Однимъ словомъ,—практикуется система взаимнаго страхованія противъ ученья. Средніе ученики этой гимназіи, по окончаніи курса, дѣйствительно, не переведутъ à livre ouvert любой страницы Цезаря, и пишутъ „сожаленіе"; за то три первыхъ ученика всего выпуска знакомы съ Титомъ-Ливіемъ и Платономъ, очень немного, конечно,—но все-таки знакомы.

О лѣнивыхъ мы и не говоримъ. Лѣнивые, конечно, всегда будутъ; но N-ская гимназія отличается именно тѣмъ, что при отличныхъ ученикахъ, какихъ выпускаетъ далеко не всякая гимназія, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію начальства—въ ней, странное дѣло, необыкновенно велико число учениковъ лѣнивыхъ, число исключаемыхъ, число неоканчивающихъ курса. Нельзя ли согласить всѣ эти явленія? Ихъ можно было бы согласить только догадкой, что учебный планъ, разсчитанный на показъ, въ дѣйствительности можетъ быть выполненъ, и то не совсѣмъ, только немногими отличными учениками, которымъ приносятся въ жертву всѣ остальные, а между тѣмъ заведеніе все-таки блеститъ успѣхами нѣсколькихъ, исключительныхъ учениковъ и самыми программами, которыя украшены именами Софокла и Платона.

Ни одному изъ нашихъ педагоговъ неизвѣстна N-ская гимназія. Но едва ли они будутъ утверждать, что имъ совершенно незнакома ни одна черта изъ преобладающихъ въ ней условій. Вотъ почему было бы желательно, чтобы при предпринятомъ нынѣ пересмотрѣ въ учебныхъ планахъ нашихъ гимназій главное вниманіе было обращено на интересы *большинства* учениковъ, на устраненіе всего непомѣрнаго и показного и на соотвѣтствіе школьной дѣйствительности— школьнымъ требованіямъ, короче—на преобладаніе правды въ школѣ, съ которой должна начаться правда въ нашей жизни и общественной дѣятельности.

По поводу вышеприведеннаго нами сообщенія „Спб. Вѣд.", газета „Сѣверный Вѣстникъ", повторяя это сообщеніе, дополняетъ его нѣкоторыми подробностями, дошедшими до редакціи по слухамъ. „Мы слышали,—говоритъ хроника этой газеты (№ 15),—что измѣненію подвергнется, между прочимъ, программа преподаванія русской словесности,—предмета, до такой степени затертаго нынѣ древними языками, что ученики выходятъ изъ гимназій почти незнакомыми съ

историческимъ ходомъ развитія своей родной литературы. Примѣры подобнаго невѣжества въ исторіи литературы и даже неумѣнья владѣть русскимъ языкомъ, какъ въ письменномъ, такъ и въ изустномъ изложеніи, достаточно знакомы университетскимъ профессорамъ на историко-филологическихъ факультетахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ курсъ древнихъ языковъ признанъ обременительнымъ и несоотвѣтствующимъ умственнымъ силамъ учащихся, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ классахъ гимназій. Предсѣдателемъ коммиссіи по пересмотру программъ русскаго языка и словесности называютъ г. Филонова, получившаго большую, хотя и не особенно лестную извѣстность своимъ отчетомъ по завѣдыванію здѣшнею прогимназіей на Выборгской сторонѣ".

ЗАМѢТКА ПО ЮЖНО-СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Отвѣтъ „Русскому Міру".

Статья „Старая и Новая Болгарія", въ майской книгѣ журнала, вызвала возраженія газеты „Русскій Міръ" (№ 129), на которыя считаю не лишнимъ отвѣтить.

По обыкновенію, моя статья, которую здѣсь представляютъ и какъ выраженіе мнѣній самого журнала, обвинена въ односторонности и „западничествѣ", продолжающемъ преданье западничества сороковыхъ годовъ. Объ „односторонности" говоритъ обыкновенно всякій, спорящій противъ другого мнѣнія; что касается „западничества", то пора бы бросить эти ссылки, которыя и невѣрны, и напрасно путаютъ дѣло, и черезъ-чуръ избиты. Западники сороковыхъ годовъ совсѣмъ не думали о славянскомъ вопросѣ и знали его такъ же мало, какъ вся масса тогдашняго общества. У нихъ были свои теоретическія задачи, относившіяся исключительно къ русской жизни, а въ этомъ вопросѣ они не оставили преданія: „славянство" понималось ими какъ домашній обскурантизмъ, какимъ и отличался „Москвитянинъ" дѣйствительно, и противъ него они воевали. Славянофильство только-что начинало тогда само интересоваться настоящимъ изученіемъ славянскаго міра, а въ первыхъ своихъ проявленіяхъ оно также *было* внутреннимъ культурнымъ вопросомъ, богословско-исторической

теоріей.—Собственное, настоящее дѣло „западниковъ" было стремленіе развить въ обществѣ гражданское сознаніе и общественный критицизмъ, и это ихъ преданіе дѣйствуетъ во всѣхъ образованныхъ людяхъ нашего времени, которые задаютъ себѣ вопросы о значеніи и правахъ личности и общества.

Далѣе, газета думаетъ, что „Вѣстникъ Европы" въ воображеніи полемизируетъ съ рукописными статьями Погодина, съ стихами Хомякова, „съ рѣчами и письмами Аксакова" (какими рѣчами и кого изъ Аксаковыхъ?). Нѣтъ, мы споримъ не съ ними, а съ ихъ повтореніями и отголосками, которыя, какъ всегда, не имѣютъ даже оригинальности подлинника, хотя не менѣе спутываютъ понятія общества. Мнѣнія этихъ писателей воскресаютъ вновь въ толкахъ новѣйшихъ рѣшителей славянскаго вопроса, взявшихъ напрокатъ мысли старыхъ славянофиловъ. Я имѣлъ въ виду именно эти самонадѣянные толки, въ которыхъ повторялись и стихи Хомякова (новаго поэта до сихъ поръ не нашлось), и угрозы противъ европейской цивилизаціи, которыя и вообще... странны, а теперь особенно неумѣстны, при первомъ знакомствѣ съ „братьями" (благо, что они не читаютъ нашихъ газетъ). Мы увидимъ сейчасъ, что и „Русскій Міръ" немного путается въ этомъ предметѣ. Насъ нимало не занимаетъ и „призракъ панславизма, раздутый еврейско-мадьярской журналистикой", какъ это кажется автору статьи. Авторъ этотъ—точно чехъ: чеховъ ужасно занимаетъ эта еврейско-мадьярская журналистика, которой они очень боятся и изъ которой, не зная сами Россіи, нерѣдко о ней поучаются. У насъ этой журналистикой интересуются гораздо меньше. Въ моей статьѣ не было о ней ни слова.

Еще далѣе, мой критикъ старается вразумить меня, что теперь славянству прежде всего нужно освободиться политически, что въ этомъ можетъ помочь имъ только Россія, и что только послѣ освобожденія можетъ начаться настоящее культурное поприще славянства. Но критикъ напрасно усиливался растолковывать мнѣ эту необходимость политическаго освобожденія; я говорилъ объ этомъ въ книгѣ, изданной двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и теперь излишне развивать эту тэму—потому что она всѣмъ стала понятна. Я и не думалъ говорить о томъ, чтó нужнѣе всего дѣлать въ настоящую минуту: это уже дѣлается русской арміей на Дунаѣ и въ Малой Азіи; этой арміи не нужны совѣты ни мои, ни „Русскаго Міра". Что освобожденныя племена должны бы примкнуть политически къ Россіи, которая можетъ помочь имъ противъ поглощенія другими народами, противъ этого я ровно ничего не говорилъ, — да и вообще чисто политическаго вопроса не касался. То, противъ чего ратуетъ здѣсь „Русскій Міръ", находится въ его собственномъ воображеніи.

Моя рѣчь шла только о томъ, какъ должны мы стать къ славянству „какъ общество", на какомъ основаніи должны развиваться наши будущія отношенія въ области образованія и внутренняго развитія—для обоюдной пользы и нашей и славянства. Я именно указывалъ возможность и естественность тѣсной связи особенно южнославянскаго міра съ нашей жизнью, и историческія условія, которыя могли бы облегчить эту связь. Вопросъ этотъ гораздо серьёзнѣе, чѣмъ это кажется „Русскому Міру:" когда, предположимъ, совершится освобожденіе, дальнѣйшія отношенія наши должны утверждаться на образовательной и культурной связи, которая одна можетъ дать прочнѣйшую опору и солидарности политической. Но культурныя отношенія возможны лишь, во-первыхъ, на почвѣ признанія чужой народной личности,—и я на этомъ въ особенности настаивалъ, и, во-вторыхъ, на почвѣ общаго труда въ смыслѣ европейской цивилизаціи. Относительно перваго, намъ пріятно указать, что авторъ статьи „Русскаго Міра" самъ находитъ, что „никакое, даже общественное превосходство не оправдываетъ гнета надъ живой національностью", — но въ томъ и дѣло, что этого не понимаетъ огромное большинство нашего общества, и даже тѣхъ людей, которые въ литературѣ берутся рѣшать славянскій вопросъ. Пусть авторъ оглянется въ этой литературѣ, оглянется въ нашей общественности, и тогда онъ, вѣроятно, согласится, что въ моихъ настояніяхъ не только нѣтъ „односторонности", но что говорить это необходимо. Относительно второго, авторъ статьи „Русскаго Міра" опять повторяетъ фразы о „славянской идеѣ", — которая у насъ избита до послѣдней степени и, однако, все темна и спутана. Авторъ не хочетъ сказать просто, что славянству въ высшей степени важно имѣть *политическую* опору Россіи,— что не подлежитъ спору; онъ замѣшиваетъ „идею", которая означаетъ и нѣчто иное, кромѣ политической силы, и болѣе обширное. „Если впереди предстоитъ какая-нибудь славянская жизнь, то для нея нужна (?) славянская идея, воплощенная въ могущественное политическое тѣло; а такое тѣло представляетъ одна только Россія". Здѣсь происходитъ крайняя путаница въ словахъ и понятіяхъ. Россія есть несомнѣнно могущественное политическое тѣло; но это могущество—русское, а не славянское; „идея" этого могущества, если ужъ такъ выражаться, есть русская идея, а не славянская. Русскій народъ есть только одинъ изъ славянскихъ, и, какъ часть, не можетъ выражать всего цѣлаго. Наша „идея" есть только наша собственность; мы можемъ ею гордиться, можемъ помогать изъ ея силы родственнымъ народамъ, но ея невозможно съ ними отождествить. Русская исторія шла въ обстоятельствахъ, намъ только принадлежавшихъ; она дала нашему племени особенности, ему только свойствен-

нія, и приписать „идею", выросшую изъ этой исторіи, всему славянству, есть элементарная логическая ошибка. Славянскіе народы съ самаго перваго появленія въ исторіи были раздѣлены на племена, уже тогда отличавшіяся одно отъ другого по характеру, быту; разселены были отъ земель, сосѣднихъ съ сѣверными финнами, до Мореи, отъ Волги до Адріатическаго моря. Въ этихъ громадныхъ и очень непохожихъ странахъ прошла ихъ исторія, завязавши множество отношеній, сообщивши имъ разнообразные типы языка, нравовъ, быта, исповѣданій, и проч. Нѣкоторые изъ западныхъ и южныхъ славянъ составляли въ свое время сильныя государства, какъ Чехія, Польша, Сербія, Болгарія, Хорватія, которыя въ тѣ времена почти не имѣли между собой національныхъ связей, — и результать всего этого разнообразнаго развитія, вошедшаго въ нравы, въ плоть и кровь, хотятъ безъ дальняго разбора заключить въ абстрактность „славянской идеи" своего сочиненія. Можно теперь, пожалуй, говорить о „русской идеѣ",—это будетъ понятно; но „славянская идея" есть дѣло будущаго; категорически заявляя ее теперь, мы говоримъ чисто произвольную вещь. Въ современномъ славянствѣ соединено большое разнообразіе историческихъ развитій; взятое въ цѣломъ, оно не лишено рѣзкихъ диссонансовъ, которые не покрываются славянской „идеей", какъ ее намъ рекомендуютъ, не покрываются политической силой; они должны разрѣшиться только путемъ внутренней работы обществъ, успѣхами образованности. Сколько-нибудь серьёзный разговоръ о „славянской идеѣ" возможенъ лишь тогда, когда народы въ состояніи будутъ сговориться другъ съ другомъ,— напримѣръ, хоть путемъ свободной, взаимно-доступной литературы,— а они едва знаютъ другъ друга. Напр., всѣ другіе южные и западные славяне (не исключая и чеховъ, которые однако имѣютъ иногда слабость считать себя передовой интеллигенціей славянскаго міра) знаютъ Россію какъ великое государство, но не имѣютъ понятія о русскихъ; русскіе—съ тѣхъ временъ, когда славяне пришли однимъ племенемъ въ Европу—въ первый разъ признали своихъ живыхъ единоплеменниковъ только въ 1867 г., и взаимное пониманіе, какъ извѣстно, не было тогда вполнѣ удовлетворительно. Имъ еще предстоитъ задача узнать другъ друга, научиться признавать чужое право. Кто ручается иначе, что не окажутся новые диссонансы? Въ теченіи сербской войны мы имѣли печальный случай видѣть, какъ они возможны. Славянству прежде всего нужна свобода развитія; чтó изъ нея выйдетъ, мы не знаемъ; но „славянская идея", какъ идея образовательная, культурная, можетъ явиться только плодомъ свободнаго развитія и результатомъ общаго труда славянскихъ племенъ.

Что иначе это будетъ произволъ, и притомъ вредный, это до-

казываетъ слѣдующее дальше разсужденіе автора статьи „Русскаго Міра". Опять, какъ-будто въ опроверженіе моихъ мнѣній, онъ утверждаетъ, что славянству нуженъ центръ, и нужно тяготѣніе къ Россіи, потому что мы, какъ большой народъ, можемъ безопасно „вбирать въ себя европейскую цивилизацію", а они, какъ мелкія народности, не могутъ; иначе, имъ предстоитъ „отречься отъ самихъ себя и потонуть въ потокѣ европейской цивилизаціи".—Что славянству не нуженъ центръ, этого я вовсе не говорилъ; напротивъ, онъ очень бы былъ полезенъ,—я говорилъ лишь о томъ, что центръ долженъ имѣть извѣстныя свойства, чтобы стать дѣйствительнымъ и прочнымъ центромъ. Я не понимаю также, какимъ образомъ можно „тонуть въ потокѣ европейской цивилизаціи"! Авторъ, вѣроятно, несовсѣмъ продумалъ, что̀ говоритъ: въ потокѣ цивилизаціи „тонутъ" лишь племена, неспособныя къ ней, племена низшія (нынче говорятъ, что даже и они способны къ цивилизаціи); я—лучшаго мнѣнія о славянствѣ: оно тонуло отъ внѣшняго гнёта, отъ физической невозможности развитія, но едва ли будетъ тонуть, безъ няньки, отъ цивилизаціи. Этотъ взглядъ на цивилизацію, какъ на опасность, характеристиченъ: послѣдователи его никакъ не могутъ понять, что онъ унизителенъ для тѣхъ, кого они хотятъ охранять; что если опасаться чуженародныхъ вліяній, дѣйствующихъ орудіями цивилизаціи, то, для охраны отъ этихъ вліяній, гораздо вѣрнѣе самимъ овладѣть этими орудіями; если же пугаться цивилизаціи и избѣгать ея, то чуженародныя вліянія будутъ несомнѣнны. Забота о національномъ характерѣ образованія должна стремиться къ наибольшему развитію народныхъ образовательныхъ силъ, а не къ ихъ стѣсненію. Неужели „потокъ европейской цивилизаціи", который такъ силенъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, сдѣлалъ англичанъ—менѣе англичанами, французовъ—менѣе французами, и т. д.? Совсѣмъ напротивъ; ихъ національныя „идеи" остались цѣлы и невредимы, стали даже сильнѣе всѣмъ запасомъ ихъ знаній,—но къ ихъ національностямъ прибавилась сильнѣе одна черта, совмѣстный трудъ надъ задачами общечеловѣческой образованности.

Еще два замѣчанія. Авторъ статьи справедливо говоритъ, что мы можемъ давать славянамъ, что̀ имѣемъ, и они также,—и въ примѣръ приводитъ „нѣсколько сотъ" (мы не знали, что ихъ столько) чешскихъ учителей древнихъ языковъ, въ которыхъ мы нуждались. Примѣръ не вѣренъ: это былъ простой наемъ; какъ прежде нанимали нѣмцевъ, такъ теперь наняли чеховъ; національныхъ благъ и солидарности тутъ никакихъ нѣтъ, и чехамъ нечего считать это заслугой или заявленіемъ своей солидарности съ русскимъ обще-

ствомъ. Походъ русскихъ добровольцевъ (т.-е. лучшихъ изъ нихъ) былъ дѣйствительно такимъ заявленіемъ, потому что направлялся на серьёзное дѣло, былъ добровольнымъ трудомъ и самопожертвованіемъ.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ о сербской скупщинѣ (опять, какъ-будто въ мое опроверженіе, хотя у меня о ней не было ни слова), и говоритъ свысока, замѣчая, что не слѣдуетъ вѣрить формамъ и словамъ больше содержанія. Но „формы" бываютъ такого рода, что народы бьются изъ-за нихъ цѣлые вѣка исторической жизни. Чехи, напримѣръ, были бы очень довольны, еслибъ у нихъ была эта „форма".

Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить автору статьи, что напрасно онъ впадаетъ иногда въ тонъ высокомѣрія,—такой тонъ позволителенъ развѣ только авторитетнымъ судьямъ дѣла, — а г-на W. таковымъ мы не знаемъ; и, кромѣ того, что во всякой полемикѣ принято не видоизмѣнять чужія мнѣнія и не приписывать автору умозаключенія, какихъ онъ вовсе не дѣлалъ. Къ настоящей замѣткѣ побудило меня именно желаніе оградить свои мнѣнія отъ подобнаго способа дѣйствій. Впрочемъ, въ тоже самое время я долженъ отдать справедливость весьма порядочному и приличному тону возраженій моего противника (это у насъ большая рѣдкость!) и охотно готовъ вѣрить, что тѣ вышеупомянутые недостатки полемики съ его стороны произошли не отъ нежеланія понимать до конца высказанное мною.

А. П.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 мая 1877.

КАНЦЛЕРСКІЙ КРИЗИСЪ И УЛЬТРАМОНТАНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ.

Два мѣсяца прошло со времени послѣдней моей корреспонденціи, а сколько событій улеглось въ этомъ относительно маломъ промежуткѣ, и въ исторіи Россіи, и во внутренней жизни Германіи и Пруссіи. Трудно справиться со всѣмъ совершившимся за это время въ бѣгломъ обзорѣ одной корреспонденціи. Для насъ, въ Германіи, вѣрно одно: нѣмецкія дѣла теперь переживають настоящій кризисъ.

Въ послѣдній разъ я писалъ въ самый разгаръ сессіи рейхстага, когда размолвка между Бисмаркомъ и ф.-Стошемъ въ высшей степени занимала общее вниманіе, и тогда уже казалось, что борьба между канцлеромъ и враждебными ему элементами окончена. Но слово „никогда", котораго, по словамъ одного дипломата, не существуетъ въ дипломатическомъ словарѣ, должно съ крайней осторожностью употребляться и въ политическомъ. Къ общему удивленію, кризисъ не привелъ къ ясному положенію дѣлъ, а породилъ цѣлый рядъ крайне замѣчательныхъ и почти невѣроятныхъ событій, о которыхъ газеты толковали очень развязно, но которыя я могу освѣтить съ различныхъ сторонъ и многое пояснить въ нихъ, изложивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Фонъ-Стошъ въ день 80-лѣтняго юбилея рожденія императора, праздновавшагося, какъ извѣстно, очень торжественно, не былъ въ Берлинѣ, но уѣхалъ въ дальній отпускъ на Рейнъ, гдѣ у него есть помѣстье. Въ кружкахъ рейхстага, дружественныхъ Бисмарку, говорили, что ф.-Стошъ болѣе не вернется. Однако они очень ошиблись, потому что ф.-Стошъ не только-что вернулся черезъ нѣсколько дней и вступилъ снова въ свою должность, но еще и былъ особенно любезно встрѣченъ королемъ, королевой, кронпринцемъ и кронпринцессой. Объ его размолвкѣ съ княземъ Бисмаркомъ оффиціально сообщалось, что онъ сначала требовалъ, чтобы Бисмаркъ взялъ назадъ обидныя слова, сказанныя имъ въ рейхстагѣ, что Бисмаркъ объяснился по этому предмету, и что императоръ, призванный разсудить дѣло, объявилъ, что въ словахъ Бисмарка не было ничего обиднаго для морского министра и что этому послѣднему нѣтъ повода выходить въ отставку.

Противъ этого рѣшенія, натурально, некуда было аппелировать, и ф.-Стошъ остался съ удовольствіемъ, а Бисмарку пришлось подчиниться. Канцлеръ не могъ не понять, что онъ претерпѣлъ пораженіе и что отнынѣ въ германской имперіи воцарится тотъ же порядокъ дѣлъ, на который онъ такъ жаловался въ Пруссіи, а именно: что на канцлера, занимающаго такое же положеніе, какъ и министръ-президентъ въ Пруссіи, падаетъ отвѣтственность за всю политику, но не присвоивается ему руководящаго вліянія на остальныхъ министровъ.

Рѣшеніе императора по дѣлу Стоша состоялось 25 марта. Почти вслѣдъ затѣмъ распространился слухъ въ рядахъ національ-либеральной партія, что князь намѣренъ взять долгій отпускъ и что этотъ отпускъ носитъ весьма серьёзный характеръ. 1-го апрѣля въ газетахъ появился первый намекъ на это обстоятельство, хотя въ политическихъ кружкахъ оно успѣло уже возбудить сильное волненіе. Въ настоящее время несомнѣнно, что нѣкоторые выдающіеся члены рейхстага уже тогда знали въ чемъ дѣло, но тайна тѣмъ не менѣе хранилась такъ свято, что иностранная дипломатія ничего еще этого не знала 2-го апрѣля; да, кромѣ того, первыя извѣстія, дошедшія до нея объ этомъ, встрѣтили такъ мало довѣрія, какъ будто бы дѣло шло опять объ одномъ изъ тѣхъ шахматныхъ ходовъ канцлера, у котораго въ обычаѣ при первой же непріятности требовать отставки, а затѣмъ все-таки оставаться на своемъ постѣ. Но послѣ праздниковъ нельзя было больше сомнѣваться въ достовѣрности этихъ слуховъ, и оказалось, что канцлеръ дѣйствительно намѣревается, хотя временно, удалиться отъ дѣлъ. Насколько можно понять изъ разнорѣчивыхъ слуховъ, канцлеръ просилъ объ отставкѣ на страстной недѣлѣ, 30 марта, ссылаясь на разстроенное здоровье, и дѣйствительно получилъ ее. Но два дня спустя, 1 апрѣля, въ первый день Святой, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ день рожденія канцлера, его навѣстили, по своему обыкновенію, императоръ и кронпринцъ, и тогда разнесся слухъ, что императоръ объявилъ Бисмарку во время своего визита, что ни за что не согласится на его отставку. Лицо, близко стоящее къ Бисмарку, увѣряло даже, что императоръ написалъ на просьбѣ объ отставкѣ: *никогда*. О томъ, что императоръ не переставалъ дружески относиться къ Бисмарку, свидѣтельствуетъ одно обстоятельство, которое стало извѣстнымъ только теперь. Городъ Гёттингенъ, гдѣ Бисмаркъ учился въ свое время, рѣшилъ избрать его въ почетные граждане и прислалъ ему дипломъ въ день его рожденія, съ депутаціей. Бисмаркъ принялъ депутацію въ своемъ кабинетѣ и былъ очень веселъ, разсказывалъ о своей студенческой жизни, даже просилъ депутацію, собиравшуюся уходить, посидѣть еще. Вдругъ пришелъ камер-

динеръ и доложилъ: его величество императоръ. Князь, такъ разсказываютъ депутаты, тотчасъ же поднялся съ мѣста и пошелъ навстрѣчу къ императору въ переднюю, а депутація перешла изъ кабинета въ другой покой. Когда князь проходилъ съ императоромъ мимо депутаціи, послѣдній замѣтилъ ее и князь представилъ ее императору, со словами: это депутаты изъ его стариннаго университетскаго города Гёттингена, привезшіе ему дипломъ почетнаго гражданина. Императоръ, обратившись къ депутатамъ, замѣтилъ:—„господа, вотъ человѣкъ, который не даромъ потратилъ у васъ время". На чтó депутаты возразили:—„мы желаемъ побольше такихъ студентовъ".

Тѣмъ не менѣе, изъ моего дальнѣйшаго повѣствованія читатели увидятъ, что отставка князя Бисмарка была вначалѣ весьма серьёзнымъ дѣломъ и что самъ императоръ освоился наконецъ съ мыслью, что князь во всякомъ случаѣ на долгое время (говорили на годъ) удалится отъ дѣлъ. 4 апрѣля, полуоффиціальный органъ, „Провинціальная Корреспонденція", писалъ объ этомъ: „Князь Бисмаркъ, здоровье котораго въ настоящее время очень сильно пострадало отъ усиленной и напряженной дѣятельности, настоятельно просилъ его величество императора уволить его отъ занимаемыхъ имъ должностей въ имперіи и Пруссіи. Хотя рѣшеніе его величества еще и не состоялось, но можно съ вѣроятностью предположить, что рейхсканцлеръ получилъ продолжительный отпускъ съ полнымъ увольненіемъ отъ участія въ дѣлахъ и, слѣдовательно, съ назначеніемъ ему преемниковъ какъ по управленію внѣшнихъ, такъ и по управленію внутреннихъ дѣлъ имперіи".

Одна изъ здѣшнихъ газетъ, которая считается наилучшей выразительницей идей Бисмарка и всѣхъ лучше знала въ чемъ дѣло, самымъ положительнымъ образомъ говорила объ отставкѣ Бисмарка, обусловливая ее тѣмъ, что канцлеръ не хочетъ тратить силы на мелочи и желаетъ приберечь ихъ на тотъ случай, когда дѣйствительно онѣ понадобятся на что-нибудь болѣе важное.

5, 6 и 7-е апрѣля были полны слуховъ, которые вскорѣ оказались ложными. Такъ, напр., говорили, что канцлеръ уже сдалъ дѣла, тогда какъ онъ спокойно продолжалъ заниматься ими. Но самымъ богатымъ полемъ для предположеній служилъ вопросъ о преемникахъ канцлера, и не существуетъ ни одного сколько-нибудь выдающагося человѣка, который бы не фигурировалъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ въ этой роли. Такъ, напр., называли и князя Гогенлоэ, посланника въ Парижѣ, и принца Рейсса, теперешняго германскаго посланника въ Константинополѣ, графа Отто-Штольберга, посланника въ Вѣнѣ, генерала Мантейфеля и многихъ другихъ. Но, какъ позже оказалось, все это были чистѣйшія выдумки, такъ какъ о преемникахъ и рѣчи не было.

Если мое предположеніе, высказанное выше, справедливо, что отставка Бисмарка была одно время весьма серьёзнымъ дѣломъ (годовой отпускъ, при теперешнемъ быстромъ ходѣ дѣлъ, равнялся бы отставкѣ, потому что кто можетъ сказать, какія крупныя перемѣны могутъ произойти въ такой долгій промежутокъ времени), то объяснить долгое колебаніе и совершенно неожиданный исходъ этого дѣла можно слѣдующимъ образомъ. Двѣ причины должны были прежде всего повліять на его исходъ. Извѣстіе объ отставкѣ Бисмарка было встрѣчено въ ультрамонтанскихъ кружкáхъ и во Франціи съ невыразимымъ восторгомъ. Въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ изъ Парижа читаемъ: „Отставка князя Бисмарка составляетъ событіе дня. Впечатлѣніе такъ сильно, точно будто бы Франція одержала какую-нибудь великую побѣду". Въ другомъ письмѣ говорится: „Хотя здѣсь (въ Парижѣ) вообще полагаютъ, что удаленіе Бисмарка отъ дѣлъ будетъ непродолжительно, однако тѣмъ не менѣе всѣ въ восторгѣ, что власть ускользаетъ, наконецъ, изъ рукъ великаго нѣмецкаго государственнаго человѣка. Полагаютъ, что внутреннія затрудненія накопятся въ такомъ большомъ количествѣ, что порядокъ, созданный 1870 годомъ, не долго просуществуетъ. Ультрамонтаны, прежде всѣхъ узнавшіе объ этомъ, торжествуютъ, что удалось наконецъ сдѣлать безвреднымъ человѣка, обѣщавшаго, что императоръ Вильгельмъ не пойдетъ въ Каноссу. Тьеру приписываютъ слѣдующее bon mot: „Пруссія поступаетъ, какъ Турція: въ самый критическій моментъ лишаетъ себя величайшаго изъ своихъ государственныхъ людей".

Эти заявленія и соображенія должны были произвести большое впечатлѣніе на императора. Не менѣе важны соображенія по части внутренней политики. Во время этого кризиса, равно какъ и въ прошедшемъ году, такъ часто повторяли, что Бисмаркъ незамѣнимъ, что это обратилось въ общее мѣсто. И радикальная партія объявила это даже самоуничиженіемъ, если нѣмецкій народъ думаетъ, что погибнетъ безъ Бисмарка. Но при этомъ упускалось изъ виду одно весьма важное обстоятельство, а именно: что большая разница въ томъ, умретъ ли Бисмаркъ, или же вынужденъ будетъ удалиться отъ дѣлъ. Въ первомъ случаѣ совершится переворотъ въ общественномъ настроеніи. Передъ мертвымъ дѣятелемъ умолкнетъ масса оппозиціи всякаго оттѣнка, воюющей съ живымъ, и весь народъ, по крайней мѣрѣ всѣ патріоты почувствуютъ, что понесли утрату, которую хотя и нельзя вполнѣ вознаградить, но слѣдуетъ по возможности вознаградить, и съ осторожностью отнесется къ его преемнику. Если же канцлеръ вынужденъ будетъ выдти въ отставку, страсти партій разыграются безъ удержу, и я думаю, что при такихъ обстоятельствахъ ни одинъ изъ вышеупомянутыхъ преемниковъ Бисмарка не

рѣшится принять бразды правленія, а если и рѣшится, то не долго удержитъ ихъ. Нельзя отрицать, что съ 1870 г. Германія стала совсѣмъ въ особенное положеніе, и чтобы управлять имъ, нуженъ необыкновенный человѣкъ. Я не намѣренъ распространяться здѣсь о способностяхъ князя Бисмарка; онъ всѣми признается талантливымъ государственнымъ дѣятелемъ, но укажу только на тотъ фактъ, что даже во враждебныхъ кружкахъ къ нему относятся съ почтеніемъ. Въ прогрессивной партіи, равно какъ и со стороны ультрамонтанъ время отъ времени громко признается, что канцлеръ оказалъ большія услуги отечеству въ иностранной политикѣ, но личность его производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе на массу народа, стоящую вдалекѣ отъ политическаго движенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на поведеніе оппозиціонныхъ партій во время выборовъ: какъ осторожно говорятъ онѣ о Бисмаркѣ, и несомнѣнно, что если бы когда-нибудь массѣ пришлось вотировать за Бисмарка или противъ него, то онъ получилъ бы огромное большинство. Ни у кого изъ его преемниковъ нѣтъ этого обаянія. Ни одинъ не былъ бы такъ независимъ относительно партій, какъ Бисмаркъ. Если бы то былъ національ-либералъ или прогрессистъ, то противъ него дѣйствовали бы прогрессивная и реакціонная партіи, которыя вмѣстѣ съ ультрамонтанами и партикуляристами образуютъ большинство. Если бы онъ вышелъ изъ рядовъ прогрессивной партіи, то противъ него были бы національ-либералы и консерваторы, и если бы удалось составить парламентскую коалицію между ультрамонтанами и реакціонерами, къ чему эти обѣ партіи усердно стремятся, то это создало бы такія ненормальныя отношенія, что катастрофа была бы неизбѣжна.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній перехожу къ ходу событій во время кризиса. 6-го апрѣля, въ вышеупомянутомъ мною органѣ появилась совершенно новая и очевидно внушенная свыше редакція причинъ, побудившихъ князя Бисмарка просить отставки. При этомъ было ясно сказано, что бремя занятій только тогда можетъ быть для него тягостнымъ, если его служба будетъ обставлена такими же условіями, какъ и теперь. „Князь, говорилось дальше, носитъ въ своей головѣ обдуманные и стоящіе въ связи одинъ съ другимъ планы реформъ, преимущественно по части политико-экономическаго законодательства, системы взиманія налоговъ и желѣзнодорожныхъ вопросовъ. Эти реформы канцлеръ считаетъ необходимыми. Но для приведенія ихъ въ исполненіе онъ нуждается въ помощникахъ, которые бы *вполнѣ охотно* и *дѣятельно* содѣйствовали его намѣреніямъ, или же въ парламентскомъ большинствѣ, которое бы дружно и рѣшительно поддерживало эти намѣренія, освобождало бы руководителей

данныхъ отраслей управленія отъ всякихъ сомнѣній и содѣйствовало возможно быстрому ходу трудовъ по реформамъ".

Этой статьей, возбудившей всеобщее вниманіе и очевидно направленной противъ вице-президента государственнаго министерства, Кампгаузена, положено было начало преніямъ, продолжающимся и по сіе время. Вскорѣ узнали, что канцлеръ уже нѣсколько недѣль тому назадъ высказывался очень непринужденно въ интимныхъ кружкахъ о непріятностяхъ, которымъ онъ подвергается, и каждый спѣшилъ сообщить все, чтó ему извѣстно о канцлерскомъ кризисѣ, который тѣмъ временемъ быстро приближался къ концу, но передъ самой развязкой принялъ столь неожиданный оборотъ, что невольно напоминаетъ тѣ французскія пьесы съ интригами, въ которыхъ авторъ, заставивъ публику вообразить, что конецъ близокъ и въ томъ направленіи, въ какомъ они его ожидаютъ, внезапно придаетъ совсѣмъ иной оборотъ дѣлу и совсѣмъ иную развязку пьесѣ. 9 числа собрался совѣтъ министровъ, а 10 распространился слухъ, что Кампгаузенъ назначенъ преемникомъ князю. Не мало удивлены были поэтому всѣ, когда на другой день въ рейхстагъ пришло оффиціальное увѣдомленіе въ письмѣ Бисмарка, въ которомъ онъ извѣщалъ, что беретъ отпускъ, во время котораго преемникомъ ему по всѣмъ прусскимъ дѣламъ будетъ вице-президентъ государственнаго министерства Кампгаузенъ, по внутреннимъ дѣламъ имперіи Гофманъ, а по внѣшнимъ государственный министръ фонъ-Бюловъ, между тѣмъ какъ самъ онъ удерживаетъ за собой право скрѣплять рѣшенія, во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Итакъ, гора родила мышь. Отставка князя Бисмарка разрѣшилась самымъ обыкновеннымъ отпускомъ, во время котораго онъ будетъ, какъ и прежде, заниматься дѣлами. Вскорѣ затѣмъ узнали, что Кампгаузенъ дѣйствительно былъ назначенъ представителемъ Бисмарка, но дѣло разошлось, потому ли, что онъ усомнился въ конституціонности подобнаго представительства, или же потому, что поставилъ нѣкоторыя условія, которыя не были приняты. Рейхстагъ тотчасъ же порѣшилъ заняться обсужденіемъ письма Бисмарка въ одномъ изъ своихъ ближайшихъ засѣданій, и приступилъ къ этому обсужденію въ засѣданіи 13 апрѣля. Но тѣ, кто разсчитывалъ, что пренія по этому вопросу приведутъ къ внезапнымъ разоблаченіямъ или произведутъ бурю, очень ошибались. Прогрессивная партія намѣревалась-было сначала внести резолюцію, въ которой должно быть поставлено требованіе объ образованіи отвѣтственнаго имперскаго министерства, но затѣмъ отказалась отъ этого намѣренія, и такимъ образомъ пренія не могли привести ни къ какому положительному результату, такъ какъ не было предъявлено никакого запроса, который можно было бы баллотировать. Несмотря

на то, пренія были не безъинтересны. Они были открыты вождемъ прогрессивной партіи, д-ромъ Генелемъ, который, не взирая на свою оппозицію, всегда отдавалъ должное заслугамъ князя Бисмарка и объявилъ великимъ несчастіемъ то, что онъ беретъ отпускъ какъ разъ во время тяжкихъ европейскихъ затрудненій. Конечно, ораторъ изъ этого самаго обстоятельства выводилъ заключеніе о необходимости иной организаціи высшей имперской власти, а именно отвѣтственнаго имперскаго министерства. Ему возражалъ фонъ-Беннигсенъ, который, какъ извѣстно, говоритъ только въ очень рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ, но за то всегда производитъ сильное впечатлѣніе своими рѣчами. Его рѣчь была цѣлой программой, которую можно выразить въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: національ-либеральная партія, столько же, сколько и прогрессивная, убѣждена въ необходимости дальнѣйшаго развитія имперскихъ порядковъ въ конституціонномъ духѣ, но такая реформа не можетъ быть совершена *безъ* канцлера, а только *съ нимъ* вмѣстѣ. И къ счастію, канцлеръ, въ прежнее время бывъ совсѣмъ противъ этой идеи, теперь нѣсколько измѣнилъ свои воззрѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что Беннигсенъ былъ уполномоченъ на это заявленіе, и оно произвело сильное впечатлѣніе на палату.

Беннигсенъ возражалъ также и на упрекъ, сдѣланный Генелемъ законодательству—и блестящимъ образомъ охарактеризовалъ чрезвычайный прогрессъ, сдѣланный Германіей на этомъ поприщѣ въ короткое сравнительно время. „То, что остается сдѣлать въ области законодательства,—говорилъ онъ между прочимъ,—не особенно важно сравнительно съ тѣмъ, что уже сдѣлано; и если сравнить результатъ этого десятилѣтняго развитія съ прежними порядками въ Германіи, то прогрессъ окажется столь громаденъ, что я приглашаю членовъ настоящаго собранія указать мнѣ что-нибудь подобное въ исторіи".

Общее впечатлѣніе, произведенное преніями въ рейхстагѣ объ отпускѣ князя Бисмарка, было удовлетворительное, и князь могъ счесть моментъ благопріятнымъ для своего отъѣзда, что онъ и сдѣлалъ 16 апрѣля. Между тѣмъ въ этотъ самый моментъ наступилъ новый актъ драмы, который оправдалъ мнѣніе людей, утверждавшихъ, что канцлерскій кризисъ отнюдь не разрѣшенъ, а только отсроченъ. Въ одной статьѣ „Кёльнской газеты" было сказано, что канцлеръ потребовалъ въ послѣднее время мирнаго исхода культурной борьбы, посредствомъ пересмотра церковно-политическихъ законовъ". На это вышеупомянутая нами газета, въ самый моментъ отъѣзда канцлера, возражала: „какъ насъ увѣряютъ компетентные люди, намекъ на то, что канцлеръ предполагаетъ дать иное направленіе церковной политикѣ, лишенъ всякаго основанія. По крайней мѣрѣ, компетентный че-

ловѣкъ, сообщившій намъ эти свѣдѣнія, утверждалъ, что канцлеръ недавно еще высказался передъ высокопоставленными лицами, что больной или здоровый, а онъ немедленно вернется къ дѣламъ, какъ только будетъ сдѣлана серьёзная попытка измѣнить систему съ обусловленной при этомъ перемѣной персонала въ этой области".

Если Беннигсенъ говоритъ, что князь Бисмаркъ гораздо симпатичнѣе относится теперь къ реформѣ имперской конституціи, нежели прежде, то это доказываетъ, насколько онъ освоился съ конституціонными идеями вообще: мысль, что человѣкъ, который въ теченіи десяти лѣтъ говорилъ съ палатами и рейхстагомъ съ правительственной высоты, согласится когда-нибудь занять мѣсто на скамьѣ собранія въ качествѣ простого представителя страны, кажется почти непостижимой для всякаго, кто сжился съ теперешними понятіями о положеніи министра въ Германіи или Пруссіи. Само собой разумѣется, что конституціонное развитіе получило бы при этомъ сильный толчокъ: князь Бисмаркъ во главѣ оппозиціи противъ министерства, которое бы отреклось отъ теперешней церковной политики, скоро отравилъ бы ему жизнь и достигъ бы того, чего онъ никакъ не можетъ добиться, оставаясь имперскимъ канцлеромъ, а именно: образованія „партіи Бисмарка".

Рѣзкость, съ какой канцлеръ опровергъ приписываемое ему намѣреніе измѣнить церковную политику, доказала то, о чемъ многіе и безъ того догадывались: что въ канцлерскомъ кризисѣ играютъ роль ультрамонтанскія вліянія. Что эти вліянія находятъ здѣсь доступъ въ очень высокихъ сферахъ—извѣстно вамъ уже давно. Но въ послѣднее время объ этомъ мало было сравнительно слышно. Только одно обстоятельство, случившееся непосредственно передъ началомъ кризиса, напомнило объ этомъ. Въ газетахъ была напечатана замѣтка, что императоръ произвелъ бывшаго товарища статсъ-секретаря по министерству иностранныхъ дѣлъ Юстуса фонъ-Грунеръ въ дѣйствительные тайные совѣтники съ титуломъ „превосходительства". Такое отличіе, пожалованное чиновнику, давно уже вышедшему въ отставку, не есть нѣчто небывалое, но во всякомъ случаѣ очень рѣдкое. Въ этомъ случаѣ оно получало особенное значеніе, потому что фонъ-Грунеръ былъ членомъ палатъ господъ въ 1873 г., руководилъ оппозиціей противъ церковныхъ законовъ, которая была тогда еще очень сильна. Князь Бисмаркъ говорилъ тогда противъ Грунера одну изъ своихъ язвительнѣйшихъ рѣчей, и такъ уничтожилъ его, что тотъ съ тѣхъ поръ всегда молчалъ. Само собой разумѣется, что отличіе, выпавшее на долю такого человѣка, должно было навести на мысль, что въ немъ заключается одобреніе политики, преслѣдуемой имъ, и ультрамонтаны почерпаютъ изъ такихъ вещей новое мужество и вну-

шаютъ его своимъ приверженцамъ. Можно поэтому понять, что Бисмаркъ усмотрѣлъ въ этомъ фактѣ косвенный упрекъ себѣ и призналъ весьма серьёзными политическія его послѣдствія, о которыхъ быть можетъ и не подумали. Разсказываютъ, что Бисмаркъ, который скрѣпляетъ своей подписью всѣ императорскіе приказы, былъ вдвойнѣ удивленъ этимъ производствомъ и, насколько извѣстно, оффиціальнаго объявленія о немъ еще не было. Но было бы ошибочно придавать слишкомъ большое значеніе этому факту. Политически важнѣе было то обстоятельство, что приписанное канцлеру намѣреніе измѣнить политику естественнымъ образомъ обезкуражило тѣхъ, кто до сихъ поръ боролся за-одно съ нимъ. Нельзя отрицать, что Бисмаркъ и Фалькъ во всей Германіи—единственные люди, непоколебимо стоящіе за теперешнюю церковную политику, и ухо которыхъ совсѣмъ закрыто для голосовъ сиренъ, напѣвающихъ о примиреніи. Этихъ людей можно сравнить съ Катономъ, который неизмѣнно повторялъ свое caeterum censeo—все равно, слушали его или нѣтъ, или же со Штейномъ и Блюхеромъ, которые въ то время, какъ все вокругъ нихъ колебалось, въ самое безутѣшное и позорное время и безъ всякой повидимому искры надежды на исполненіе ихъ желаній, ни на минуту не упускали изъ виду борьбу съ притѣснителемъ. Такіе характеры всего рѣже встрѣчаются въ исторіи, но за то если счастіе благопріятствуетъ имъ, если дѣло ихъ правое, то ихъ окружаетъ неувядающая слава. Ничто въ мірѣ такъ не сильно, какъ слабость. Въ настоящее время праздный вопросъ: была ли вполнѣ правильна прусско-нѣмецкая церковная политика, которой держались съ 1872 г.? При томъ, какъ теперь сложились дѣла, ни одинъ нѣмецкій государственный человѣкъ не можетъ уклониться отъ достающагося ему наслѣдства. Миръ, примиреніе, предлагаемые теперь Римомъ, суть не что иное, какъ подчиненіе государства и признаніе всѣхъ претензій духовенства. Но этотъ миръ предлагается въ самыхъ искусныхъ формахъ, и ультрамонтаны уже толкуютъ теперь, что не надо даже отмѣнять церковныхъ законовъ, а только не примѣнять ихъ на практикѣ, то-есть предлагаютъ систему лжи, всѣ невыгоды которой падутъ на политическія власти, между тѣмъ какъ римская церковь умоетъ свои руки.

За-одно съ распускаемыми со стороны ультрамонтанъ инсинуаціями противъ Бисмарка, возобновились нападки его приверженцевъ на его сочленовъ въ прусскомъ министерствѣ, которыя въ основаніи опирались на заявленія самого Бисмарка. Одно изъ этихъ сообщеній прямо ссылалось на слова самого Бисмарка, сказанныя имъ въ большомъ дружескомъ кружкѣ, и такъ какъ оно не было опровергнуто, то его слѣдуетъ признать достовѣрнымъ. Въ одной изъ такихъ бе-

сѣдъ Бисмаркъ объявилъ, что онъ можетъ оставаться на службѣ только въ такомъ случаѣ, если его собраты по собственной охотѣ и изо всѣхъ своихъ силъ готовы поддерживать реформы, которыя онъ считаетъ необходимыми; въ противномъ случаѣ онъ уйдетъ, потому что не чувствуетъ себя въ силахъ перенести министерскій кризисъ, разрывъ съ своими старыми сослуживцами и жизнь съ новыми. Несправедливо требовать отъ него, чтобы онъ самъ производилъ необходимыя работы и подчинялся критикѣ министровъ отдѣльныхъ министерствъ, идущихъ въ разрѣзъ съ закономъ. Этотъ путь избралъ онъ въ желѣзнодорожномъ вопросѣ, получилъ повидимому вообще одобреніе, но какъ только дѣло дошло до исполненія, наткнулся на пассивное сопротивленіе. Эти господа поступили такъ, какъ имѣетъ обыкновеніе поступать наша прогрессивная партія въ подобныхъ случаяхъ, когда говоритъ:—Хорошо, но только не такъ, а вотъ этакъ— то-есть такъ, какъ не слѣдуетъ.

Такая характеристика прогрессивной партіи очень вѣрна, и остроумныя слова Бисмарка обнаруживаютъ намъ его образъ мыслей. Онъ прежде всего практическій человѣкъ, и его сила, его удачи происходятъ отъ того, что онъ, путемъ глубокаго размышленія и несомнѣнной талантливости, находитъ пути, которымъ можно навѣрное достичь тѣхъ цѣлей, какія онъ себѣ поставилъ. Но онъ при этомъ всякій разъ натолкнется на жестокую оппозицію тѣхъ именно людей, которые повидимому сочувствуютъ его цѣлямъ. Такъ было въ 1864 и 1866 гг. Когда онъ выходилъ изъ того принципа, что единство Германіи можетъ быть основано только кровью и желѣзомъ, прогрессивная партія или, вѣрнѣе сказать, вся либеральная партія, желавшая еще сильнѣе, чѣмъ самъ Бисмаркъ, единства Германіи, настаивала на томъ, что это единство должно быть достигнуто мирнымъ путемъ. Точно такъ сходился онъ въ желаніяхъ съ прогрессивной партіей выработать германскую конституцію, но *та* конституція, которую онъ считалъ возможною и удобопримѣнимою, была единодушно отвергнута прогрессивной партіей. Это вѣчная борьба между практическими государственными дѣятелями и настоящими, нѣмецкими идеологами.

Нападки этого рода повторились, и въ болѣе рѣзкой формѣ перенесены были въ другую сферу. „Grenzboten“, издающійся въ Лейпцигѣ листокъ, напечаталъ рядъ статей, въ которыхъ толковалось о помѣхахъ, воздвигаемыхъ политикѣ Бисмарка въ очень высокихъ сферахъ, назвать которыя не позволяютъ обстоятельства, но узнать которыя очень легко. Реакціонные, ультрамонтанскіе органы потребовали, чтобы Бисмаркъ отказался отъ этихъ статей, то-есть выразилъ бы свое неодобреніе имъ. Натурально, этого не было сдѣлано,

и въ настоящее время это дѣло повидимому забыто, такъ какъ великія политическія событія въ Европѣ оттѣснили на задній планъ всѣ другіе интересы и вопросы.

Но прежде, нежели перейти къ послѣднимъ, я долженъ сдѣлать краткій обзоръ заключительныхъ засѣданій рейхстага. Два предмета всеобщаго и основного интереса занимали собраніе въ послѣднія недѣли его дѣятельности, а именно: вопросъ объ измѣненіи промысловаго уложенія, и вопросъ о введеніи пошлины на желѣзо, которая должна нарушить нынѣ дѣйствующую систему свободы торговли. Свобода промысловъ—одно изъ первыхъ пріобрѣтеній новѣйшаго развитія Германіи. Въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ земляхъ она существовала уже съ 1866 г. Сѣверогерманскій союзъ прежде всего занялся введеніемъ либеральныхъ законовъ въ этой области. Но полное развитіе этого рода законодательства совершилось только въ 1869 году, и означенный законъ изданъ 21 іюня этого года. Въ немъ заключается вся сумма либеральныхъ законоположеній, какихъ требовали до сихъ поръ политико-экономы. Онъ даетъ, далѣе, каждому полную свободу отправлять промыслы, дозволяетъ одновременное занятіе различными ремеслами и устраняетъ все, что̀ могло сколько-нибудь стѣснять свободную дѣятельность промышленности. Было бы слишкомъ неудобно приводить здѣсь подробности. Основаніе дѣла заключается въ полной свободѣ, которая распространяется не только на хозяевъ, но и на подмастерьевъ и учениковъ. Первое неудобство, проистекающее изъ этого законодательства, заключается въ невозможности принудить работать рабочихъ, нарушившихъ контрактъ. Объ этомъ предметѣ велись уже неоднократно въ послѣдніе годы самыя оживленныя пренія, и многія лица полагаютъ, что это неудобство можно устранить тѣмъ, чтобы преслѣдовать уголовнымъ порядкомъ за нарушеніе контракта, между тѣмъ какъ другіе считаютъ, что и это немногимъ улучшитъ положеніе дѣлъ. Тѣмъ временемъ обнаружилась еще пропасть другихъ неудобствъ, а именно, что обученіе учениковъ становится все хуже и хуже, и что вслѣдствіе этого промышленное производство стало значительно хуже прежняго и далеко уступаетъ производству другихъ народовъ. Эти жалобы раздаются не въ однихъ только реакціонныхъ рядахъ, но и со стороны либераловъ, хотя совершенно очевидно, что нельзя ограничить свободу промысловъ, не нанеся ущербъ принципу безусловной промышленной свободы. Потому что, если разобрать хотя бы только отношенія къ ученикамъ, то придется согласиться, что система принужденія представляетъ столько же выгодныхъ, сколько и невыгодныхъ сторонъ. Прилежный, хорошо воспитанный мальчикъ будетъ хорошо учиться и безъ принужденія, а дурно воспитаннаго никакое принужденіе не заставитъ

хорошо работать. Не слѣдуетъ также забывать, что нравы гораздо сильнѣе законовъ и что они могутъ вполнѣ замѣнить законъ, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Америкѣ. Если плохіе ученики бросаютъ своихъ хозяевъ, то только потому, что увѣрены, что будутъ приняты другими хозяевами, и безсовѣстная конкурренція послѣднихъ виновата отчасти въ тѣхъ неудобствахъ, на которыя жалуются. Но время, когда процвѣталъ принципъ безусловной экономической свободы, прошло, и нельзя жаловаться или хотя бы даже удивляться, что это движеніе все развивается, тѣмъ болѣе, что не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, и только опытъ можетъ заключить его въ опредѣленныя границы. То же самое будетъ съ экономической свободой и во всѣхъ сферахъ. Абсолютный принципъ свободы находится въ противорѣчіи съ обязательнымъ образованіемъ, т.-е. съ обязательствомъ родителей посылать дѣтей въ школу, и извѣстно, что римская церковь очень напыщенно ратуетъ за свободу въ этомъ отношеніи,—само собой разумѣется, съ тайной надеждой забрать въ свои руки юношество, допуская образованіе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно согласно съ безусловнымъ повиновеніемъ церкви. Весьма важное обстоятельство, послужившее на этотъ разъ поддержкой противникамъ экономической свободы въ ихъ домогательствахъ,—это безспорное развитіе соціальной демократіи, которое можно удобно свалить на экономическую свободу, хотя бы только на основаніи извѣстнаго правила: post hoc, ergo propter hoc. Съ открытіемъ сессіи рейхстага, съ разныхъ сторонъ были внесены проекты объ измѣненіи промысловаго уложенія. Проектъ консерваторовъ напиралъ главнымъ образомъ на отношенія между подмастерьями и учениками. Условія ученическихъ контрактовъ продоставляются въ общемъ обѣимъ сторонамъ, но только срокъ контракта не можетъ быть назначенъ менѣе двухъ лѣтъ, и ученикъ, нарушившій контрактъ до срока, уплачиваетъ извѣстную неустойку, или же подвергается соотвѣтственному аресту. Проекты національ-либераловъ тоже касаются отношеній съ учениками и, кромѣ того, ремесленныхъ судовъ. Въ принципѣ, они не очень отличаются отъ проектовъ консерваторовъ. Они содержатъ только болѣе подробныя постановленія касательно нарушенія контракта учениками, которое вознаграждается не опредѣленной неустойкой, но тѣмъ вознагражденіемъ, какого потребуетъ самъ хозяинъ отъ самого ли ученика, отъ его отца, или же отъ того хозяина, который принялъ къ себѣ ученика-перебѣжчика. Гораздо далѣе хватаетъ проектъ ультрамонтанъ, который просто-на-просто устраняетъ ремесленную свободу и требуетъ регулированія производства на основаніи этическихъ принциповъ. Но и соціаль-демократы тоже внесли проектъ, да еще весьма почтенный, за которымъ даже про-

тивники должны были признать старательную выработку. Проектъ соціаль-демократовъ требуетъ прежде всего учрежденія промышленныхъ камеръ, которыя, подобно торговымъ камерамъ, имѣютъ цѣлью защищать интересы всего промышленнаго населенія, само собой разумѣется также и рабочихъ. Онѣ должны состоять частью изъ хозяевъ, частью изъ рабочихъ, и выбираться на основаніи всеобщей подачи голосовъ какъ хозяевами, такъ и рабочими. Точно такимъ же способомъ избранные и составленные ремесленные суды должны рѣшать спорные вопросы, возникающіе между хозяевами и работниками. Далѣе, должны быть изданы правила для покровительства рабочимъ, работницамъ и, главное, подросткамъ-работникамъ; эти правила касаются опредѣленія нормальнаго рабочаго дня, ночной и воскресной работы. Наконецъ, было предложено распространить дѣйствіе имперскаго санитарнаго бюрò также и на рабочее населеніе и назначить имперскихъ рабочихъ инспекторовъ, которые должны контролировать помѣщенія, отводимыя для рабочихъ, и исполненіе тѣхъ правилъ, которыми охраняются права рабочихъ. Какъ я уже говорилъ, даже противники признали, что въ этихъ соціаль-демократическихъ проектахъ заключаются многія цѣнныя идеи, и президентъ имперскаго канцлерства, Гофманъ, похвалилъ ихъ и высказалъ свое удовольствіе, что соціаль-демократы съ этимъ проектомъ выступили, наконецъ, впервые въ рейхстагѣ на путь практической соціальной политики, что они вообще выступили, наконецъ, съ предложеніями, о которыхъ можно совѣщаться. „Я думаю,—заключилъ министръ свою рѣчь,—что вы окажете на этомъ пути гораздо больше услугъ рабочему классу, нежели посредствомъ агитацій, которыми можно только посеѣлить недовольство и сословную ненависть и конечной цѣлью которыхъ является ниспроверженіе существующихъ порядковъ, отъ котораго прежде всего пострадаютъ сами рабочіе". Онъ объявилъ затѣмъ, самымъ положительнымъ образомъ, что правительство намѣрено держаться принциповъ промышленной свободы и вносить поправки только туда, гдѣ въ нихъ требуется настоятельная потребность. Онъ объявилъ, что всѣ внесенные проекты, даже и соціалистическій, желательны для правительства, за исключеніемъ проекта графа Гобена, т.-е. проекта ультрамонтанъ. Онъ объявилъ далѣе, что правительство внесетъ въ слѣдующую сессію проектъ о пересмотрѣ промысловаго уложенія, чтò собственно и составляло цѣль всѣхъ бывшихъ преній, такъ какъ было бы немыслимо думать о кодификаціи въ настоящую сессію, хотя всѣ проекты были переданы коммиссіи, которая въ теченіи нѣсколькихъ засѣданій занималась ими.

Второй вопросъ, занимавшій рейхстагъ, былъ, какъ уже сказано, вопросъ о пошлинѣ на желѣзо. Союзный совѣтъ предложилъ такую

пошлину подъ названіемъ уравнительнаго налога, и нѣкоторые сорты желѣза должны были быть обложены при ввозѣ въ Германію уравнительнымъ налогомъ въ 75 пфениговъ на центнеръ. Законъ долженъ былъ уже вступить въ силу 1 іюня, по императорскому приказу съ согласія союзнаго совѣта, но долженъ былъ утратить силу, какъ только въ другихъ странахъ фактически облегчатъ вывозъ желѣза и желѣзныхъ издѣлій посредствомъ вывозныхъ премій. Это послѣднее условіе придало закону политическій характеръ, направленный главнымъ образомъ противъ Франціи, такъ какъ эта послѣдняя, посредствомъ такъ-называемыхъ *acquits-à-caution*, охраняетъ свои промышленныя преимущества, которыя дѣлаютъ для нѣмецкихъ промышленниковъ конкурренцію невозможной, какъ увѣряютъ эти послѣдніе. Правительственный законопроектъ былъ не что иное, какъ измѣненный законопроектъ депутата Lëbe, внесенный еще въ мартѣ мѣсяцѣ, и который просто-на-просто требовалъ введенія 75-пфениговой пошлины; разница между обоими заключается, какъ мы видѣли, въ заключительной статьѣ правительственнаго проекта, благодаря которой это законоположеніе изъ враждебнаго, по принципу, свободѣ торговли и постояннаго превращается въ политическій и временный законъ. Во время преній вновь выступили на сцену и сцѣпились между собой старые, давно уже извѣстные принципы. Обѣ стороны ссылались, какъ водится, и на статистику; но при этомъ случаѣ вновь выяснилось, что на основаніи статистическаго матеріала каждый можетъ выводить то, что̀ хочетъ. Особенное значеніе получили эти пренія только благодаря рѣчи Кампгаузена, который, какъ извѣстно, насквозь пропитанъ идеями свободы торговли, и потому не могъ сочувствовать правительственному законопроекту. Онъ вообще выказалъ большую холодность, и результатомъ оказалось, что проектъ отвергнутъ большинствомъ 211 голосовъ противъ 111. Никто не разсчитывалъ на такое значительное большинство въ рейхстагѣ у приверженцевъ свободы торговли. Всѣ старанія приверженцевъ охранительной системы ни къ чему не привели, и хотя эти послѣдніе продолжаютъ свои агитаціи, но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что они не могутъ имѣть ни малѣйшей надежды привлечь на сторону своихъ идей и требованій большинство, если дѣло какъ-нибудь еще не ухудшится. Однимъ изъ аргументовъ приверженцевъ свободы торговли былъ тотъ, что застой въ промышленности замѣчается не въ одной только Германіи, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Даже если въ Германіи онъ ощущается сильнѣе, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ, то это происходитъ оттого, что нигдѣ мошенническія продѣлки акціонерныхъ компаній не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ Герма-

ніи и въ особенности въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно за войной,—что довольно справедливо.

Я нарочно представилъ общую картину законодательныхъ трудовъ рейхстага и не упоминалъ еще объ обстоятельствѣ, возбудившемъ вниманіе всей Европы, а именно: о рѣчи, которую графъ Мольтке произнесъ въ германскомъ рейхстагѣ, (12) 24 апрѣля, въ достопамятный день объявленія войны Россіей Турціи,—рѣчь за такъ-называемаго „тринадцатаго капитана". Выраженіе это происходитъ оттого, что до сихъ поръ по закону каждый полкъ насчитывалъ 12 капитановъ, а отнынѣ будетъ насчитывать ихъ 13. Подобный проектъ былъ уже предъявленъ ранѣе, но былъ отвергнутъ рейхстагомъ. И на этотъ разъ также бюджетная коммиссія, въ которой обсуждался бюджетъ, приняла его большинствомъ всего лишь 14 голосовъ противъ 12, и исходъ баллотировки in plenum былъ далеко не обезпеченъ. Графъ Мольтке, который, какъ извѣстно, говоритъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, но ужъ если говоритъ, то въ такомъ же классическомъ стилѣ, какъ и пишетъ,—вступился за 13-го капитана и вкратцѣ очертилъ численное отношеніе между французской и нѣмецкой арміями, причемъ указалъ на колоссальныя усилія французовъ не только сравнить свою армію съ нѣмецкой, но еще и пересилить ее, и присовокупилъ такое замѣчаніе, которое необходимо должно было откликнуться не только во всей Германіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ сказалъ именно... но лучше я приведу здѣсь его слова буквально: „Во Франціи царствуетъ опасеніе, что послѣ того, какъ она такъ часто нападала прежде на слабую Германію, то теперь сильная Германія можетъ въ свою очередь безъ всякой причины напасть на Францію. Этимъ объясняется гигантская работа, совершённая Франціей: въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ она совершила преобразованіе своей арміи съ большимъ знаніемъ дѣла и колоссальной энергіей. Этимъ объясняется то обстоятельство, что сравнительно большая часть французской арміи стоитъ между Парижемъ и нашей границей, и главнымъ образомъ кавалерія и артиллерія,—обстоятельство, которое, по моему убѣжденію, рано или поздно заставитъ насъ принять съ своей стороны соотвѣтствующія мѣры".

„Слушайте! слушайте!" раздалось при этихъ словахъ на скамьяхъ палаты—и могучее эхо повторило это потомъ и внѣ ея стѣнъ. Здѣшняя пресса, какъ и вся нѣмецкая пресса вообще, поспѣшила увидѣть въ рѣчи графа Мольтке мирную демонстрацію, и самъ графъ Мольтке заявилъ въ слѣдующемъ же засѣданіи рейхстага, что имѣлъ въ виду лишь мирныя цѣли и что упомянутыя имъ мѣры къ уравновѣшенію силъ отнюдь не носятъ наступательнаго или враждебнаго характера. Это объясненіе было принято съ удовольствіемъ, и многія

либеральныя газеты стали даже утверждать, что графъ Мольтке нѣсколько промахнулся съ своей рѣчью; во всякомъ случаѣ, не разсчиталъ, къ какимъ перетолкованіямъ можетъ повести она, въ особенности при извѣстномъ всѣмъ нелѣпомъ усердіи оффиціозныхъ писакъ, которые, какъ извѣстно, виноваты во всѣхъ бѣдахъ здѣшняго міра. Чѣмъ внимательнѣе прочтешь первую рѣчь и второе весьма коротенькое заявленіе, тѣмъ скорѣе убѣдишься, съ какой осмотрительностью выбрано каждое слово. Что французы сосредоточили но близости нѣмецкой границы большую сравнительно массу войскъ, уже давно извѣстно въ здѣшнихъ военныхъ кружкахъ, и даже газеты заявляли объ этомъ обстоятельствѣ, на которое, впрочемъ, никто не обращалъ вниманія. Легко понятныя причины заставили правительство воздержаться отъ всякихъ прямыхъ объясненій съ Франціей. Когда графъ Мольтке говоритъ, какъ депутатъ рейхстага, то это ни къ чему необязываетъ правительство, и во Франціи могутъ по желанію придать или не придать значеніе его словамъ. Лишнее со стороны фельдмаршала заявлять, что онъ стоитъ за мирную политику и не желаетъ быть наступательнымъ или враждебнымъ. Но вскорѣ стало извѣстно еще одно обстоятельство, бросающее новый свѣтъ на это дѣло: князь Бисмаркъ и графъ Мольтке давно уже пришли къ мысли о необходимости принять мѣры къ уравновѣшенію силъ, но будто императоръ не хотѣлъ объ этомъ и слышать, боясь какъ бы не испортить сравнительно сносныя отношенія между Франціей и Германіей, установленныя съ такимъ трудомъ. Безъ сомнѣнія, путешествіе императора въ Эльзасъ и Лотарингію, которое давно уже имѣлось въ виду, обусловливалось желаніемъ самому взглянуть на тамошнія военныя приготовленія, и то обстоятельство, что графъ Мольтке провожалъ его въ этомъ путешествіи, доказываетъ, что эта цѣль дѣйствительно имѣлась въ виду. Можно утверждать, сколько хочешь, что мѣры для уравновѣшенія силъ не имѣютъ вообще враждебнаго характера, но уже самая необходимость въ этихъ мѣрахъ не можетъ служить хорошимъ симптомомъ. Гарнизонъ Меца состоитъ изъ 5,000 или 6,000,—и всякій, кто видѣлъ эту крѣпость, не будучи даже военнымъ, рѣшитъ, что такое ничтожное войско не въ состояніи защищать ее или хоть сколько-нибудь воспрепятствовать внезапному нападенію. Легко понять, почему нѣмецкое правительство не рѣшается измѣнить это положеніе. Организація нѣмецкой арміи отнюдь не такова, чтобы возможно было занимать сильными отрядами колоніальныя въ нѣкоторомъ родѣ владѣнія, или же устроить постоянный лагерь. Постоянный контингентъ войскъ распредѣленъ въ мирное время по всей странѣ,—и такъ должно быть, вслѣдствіе способа набора и по многочисленнымъ экономическимъ и

политическимъ причинамъ. Постоянное содержаніе значительнаго числа войскъ на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ имперіи нарушаетъ гармонію всего учрежденія, и въ высшей степени дорого и обременительно. Естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что правительство рано или поздно должно будетъ удалить факторы, налагающіе на него такое бремя, и что, слѣдовательно, дѣло дойдетъ до препирательствъ, которыхъ избѣгаютъ такъ старательно и которыхъ французское правительство могло бы избѣжать, не сосредоточивая въ сосѣдствѣ нѣмецкой границы такого значительнаго числа войскъ. Само-собой разумѣется, что такія опасенія неосновательны, если бы можно было быть увѣреннымъ, что французское правительство желаетъ сохраненія мира. Но нельзя питать никакихъ иллюзій даже относительно словъ графа Мольтке, который въ своихъ разсужденіяхъ ссылался все на то, что вооруженія Франціи обусловливаются опасеніями нападенія со стороны сильной Германіи. Можно скорѣе принять, что осторожный фельдмаршалъ желалъ не подавать ни малѣйшаго повода думать, что онъ не довѣряетъ мирному настроенію правительства, съ которымъ Германія живетъ и желаетъ жить въ мирѣ и согласіи. Какое вліяніе будетъ имѣть на эти отношенія новое министерство во Франціи—объ этомъ говорить еще преждевременно, хотя уже можно замѣтить, что ультрамонтанскія симпатіи новаго министерства, къ которому я еще возвращусь, произвели неблагопріятное впечатлѣніе въ Германіи.

Рейхстагъ былъ еще не закрытъ, когда императоръ Вильгельмъ предпринялъ изъ Висбадена, гдѣ онъ обыкновенно проводитъ весну, поѣздку въ Эльзасъ и Лотарингію, или такъ-называемыя имперскія земли. Онъ прибылъ 1 мая въ Страсбургъ, оставался тамъ до 4 вечеромъ, и затѣмъ отправился въ Мецъ, гдѣ оставался до 9-го рано утромъ, и оттуда направился въ Саарбрюкенъ и Майнцъ. Бо́льшую часть своего времени императоръ посвящалъ осмотру укрѣпленій обѣихъ крѣпостей и посѣтилъ также поле битвы вокругъ Меца, полное воспоминаній о тяжкихъ дняхъ кампаніи 1870 года.

Императоръ старался также, насколько это возможно въ оффиціальныхъ случаяхъ, лично познакомиться съ настроеніемъ населенія. Довольно многочисленные репортеры газетъ также избрали любимой тэмой своихъ разсужденій вопросъ: былъ ли пріемъ „дѣланный“ или безъискусственный. Само собой разумѣется, что нѣмецкія власти употребили всѣ усилія, чтобы сдѣлать пріемъ по возможности болѣе восторженнымъ. Но общественное настроеніе, должно быть, до нѣкоторой степени благопріятствовало имъ, потому что въ противномъ случаѣ обыкновенно подобные кунштюки подвергаются непріятнымъ неожиданностямъ. Также и изъ послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ

можно было судить, что настроеніе въ Эльзасъ-Лотарингіи значительно измѣнилось. Тогда какъ въ прежнихъ выборахъ поле битвы оставалось постоянно за партіей протеста и ультрамонтанами, на этотъ разъ побѣда осталась за автономистами, т.-е. тѣми, кто желалъ бы по возможности удержать самостоятельность Эльзасъ-Лотарингіи; ихъ кандидаты прошли въ значительномъ числѣ и внесли весьма миролюбивый духъ въ рейхстагъ, гдѣ имъ отвѣтили точно тѣмъ же. Во главѣ этихъ автономистовъ стоялъ и стоитъ Августъ Шнеегансъ, который въ 1871 г. въ Бордо такъ рѣшительно протестовалъ во французскомъ національномъ собраніи противъ принятія мирнаго договора, вслѣдствіе котораго Эльзасъ и Лотарингія отходили отъ Франціи. Эти автономисты, выбранные преимущественно въ Нижнемъ-Эльзасѣ, дѣйствовали здѣсь съ необыкновеннымъ дипломатическимъ искусствомъ. Ихъ образъ дѣйствія встрѣтилъ всеобщую симпатію, и различныя фракціи рейхстага, выказывающія во всемъ остальномъ такое сильное разномысліе, тутъ соперничали другъ съ другомъ въ усердіи выполнять всѣ желанія новыхъ гражданъ имперіи, что̀ было для нихъ тѣмъ легче, что эти послѣдніе сами признавали, что нѣкоторыя стѣснительныя мѣры все еще необходимы, чтобы помѣшать взрывамъ, могущимъ вредно отразиться на матеріальныхъ интересахъ ихъ отечества. Натурально, что при такихъ обстоятельствахъ пришлось обсуждать вопросъ: что̀ собственно дѣлать съ обѣими провинціями? Германская имперія обнимаетъ большое число монархій и нѣсколько штукъ невинныхъ республикъ, а именно вольные города, высшія власти которыхъ въ такой же мѣрѣ самодержавны, какъ и любой нѣмецкій монархъ. Такая организація создана конституціей германской имперіи, потому что только посредствомъ государей отдѣльныхъ государствъ возможно представительство ихъ въ союзномъ совѣтѣ. Но подобнаго представительства не могутъ имѣть двѣ имперскихъ земли, потому что онѣ и не монархія, и не республика, но находятся въ нѣкоторомъ родѣ подъ опекой императора, канцлера и рейхстага. Правда, начало автономіи этихъ провинцій уже положено посредствомъ туземныхъ комитетовъ, но всѣ признаютъ, что это учрежденіе не удовлетворяетъ законныхъ требованій обѣихъ провинцій. Въ настоящее время всѣ довольны этимъ временнымъ порядкомъ: нѣмецкіе приверженцы потому, что они опасаются, что коренные враги настоящаго порядка воспользуются предоставленной имъ свободой, чтобы вести совершенно отрицательную политику; французскіе приверженцы потому, что боятся, что положеніе ихъ ухудшится, когда на смѣну временного порядка явятся окончательныя учрежденія. Самымъ разумнымъ было бы, конечно, то, если бы обѣ провинціи съ самаго начала были присоединены къ какому-

нибудь нѣмецкому государству, съ которымъ бы и раздѣлили всѣ права и обязанности; но политическія причины помѣшали это сдѣлать, и потому вопросъ будетъ постоянно всплывать на верхъ. Самъ рейхстагъ очень желалъ, чтобы его освободили отъ опеки надъ обѣими провинціями, такъ какъ онъ чувствуетъ себя не въ силахъ вполнѣ удовлетворить ихъ потребности. Но придется именно теперь подождать нѣкоторое время, чтобы поглядѣть, какъ пойдутъ дальше дѣла.

Не малое вліяніе въ этомъ отношеніи оказывалъ ходъ политическихъ дѣлъ во Франціи со времени войны 1870—1871 гг. Жители Эльзасъ-Лотарингіи были либеральны и антиклерикальны въ тѣ времена, когда ни имъ самимъ и никому другому и въ голову не приходила мысль о присоединеніи ихъ къ Германіи. Они были также проникнуты воинственнымъ духомъ, который находилъ себѣ удовлетвореніе при правленіи Наполеона III. Учрежденіе республики во Франціи встрѣтило ихъ живое сочувствіе; только ужасы коммуны впервые поколебали ихъ симпатіи къ Франціи, и тотъ, кто слѣдилъ за событіями, могъ бы почти какъ-бы по термометру судить о томъ, какъ вліяли успѣхи республики и слѣдовавшія затѣмъ пораженія на этихъ оторванныхъ членовъ Франціи. Тамъ, какъ и вообще въ бóльшей части образованнаго міра, привыкли считать республику за высшую культурную форму человѣческаго развитія. Что существовали республики, которыя не отличались никакими преимуществами передъ монархіями—этотъ несомнѣнный урокъ тысячелѣтней исторіи постоянно забывается. Надо ожидать теперь, не окажутъ ли въ этомъ отношеніи какого-нибудь вліянія послѣднія событія во Франціи, къ которымъ я теперь перейду.

Французская республика существуетъ теперь вотъ уже около семи лѣтъ. Французскій народъ самъ управляетъ своей судьбой путемъ всеобщей подачи голосовъ, которая, конечно, является наилучшимъ средствомъ узнать истинное настроеніе народа. Современная конституція Франціи получила начало изъ республики и всеобщей подачи голосовъ. Но она нисколько не отвѣчаетъ идеалу, какой мы имѣемъ о такой конституціи.

Впрочемъ, въ этомъ никто не виноватъ, какъ самъ народъ. Нельзя было однако отрицать, что республика постепенно упрочивалась во Франціи, и республиканцы во Франціи съ торжествомъ указывали, что удалось, наконецъ, образовать республиканское и умѣренное министерство. Одинъ ударъ сокрушилъ эти гордыя мечты и связанныя съ ними надежды. Не только въ Пруссіи, гдѣ король относится съ самой утонченной вѣжливостью къ каждому изъ своихъ подданныхъ, но даже и въ каждомъ монархическомъ государствѣ настоящаго времени, тотъ

образъ дѣйствій, которымъ президентъ республики принудилъ своихъ министровъ къ отставкѣ, найденъ былъ бы чудовищнымъ. Новое министерство и послѣдовавшее затѣмъ назначеніе префектовъ достаточно показываютъ, чего могутъ ожидать французы отъ этого замаскированнаго государственнаго переворота, а между тѣмъ большинство палаты депутатовъ, которое слѣдуетъ признавать и большинствомъ народа, ничего не въ силахъ были противъ этого сдѣлать, кромѣ безсильнаго протеста. Вѣроятныя дѣйствія этого переворота на Германію очевидны. Если, съ одной стороны, внутри, какъ и извнѣ, Франціи общій голосъ подтверждаетъ, что послѣднее министерство создано клерикальными и другими анти-республиканскими вліяніями и должно покровительствовать анти-республиканскимъ элементамъ, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что всякое движеніе во Франціи, благопріятное клерикальнымъ или легитимистическимъ элементамъ, болѣе или менѣе непосредственно угрожаетъ интересамъ Германіи. Причина смертельной ненависти, возникшей между графомъ Арнимомъ и княземъ Бисмаркомъ и приведшей перваго на скамью подсудимыхъ, какъ извѣстно, въ томъ, что бывшій посланникъ въ Парижѣ желалъ монархической реставраціи во Франціи и содѣйствовалъ паденію Тьера. Князь Бисмаркъ объявилъ тогда самымъ положительнымъ образомъ, что республика во Франціи кажется ему гораздо безопаснѣе, и безчисленныя, косвенныя заявленія доказываютъ, что это мнѣніе, къ которому примкнулъ и самъ императоръ, теперь стало господствующимъ. Французское правительство можетъ утверждать сколько ему угодно, что перемѣна министерства не будетъ имѣть никакого вліянія на внѣшнюю политику, но это нисколько не ослабитъ недовѣрія въ Германіи, и тѣмъ менѣе, что этотъ кризисъ послѣдовалъ непосредственно вслѣдъ за обнаруженіемъ французскихъ вооруженій, которыя, повидимому, съ внѣшней формальной стороны прекратились съ отправкой Гонто-Бирона въ Мецъ, для поздравленія императора Вильгельма. Князь Бисмаркъ послѣ этого совершенно неожиданно пріѣхалъ сюда изъ своихъ Лауенбургскихъ владѣній, и хотя его пріѣздъ и объясняютъ тѣмъ, что онъ ѣдетъ въ Киссингенъ, но немногіе повѣрятъ этому невинному истолкованію. Если даже это только простое предположеніе здѣшнихъ газетъ, что пріѣздъ Бисмарка находится въ связи съ перемѣной французскаго министерства, однако все говоритъ за справедливость этого предположенія. Прежде всего, знаменательно то, что Бисмаркъ вернулся сюда всего черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, послѣ того, какъ уѣхалъ въ отпускъ. Этимъ опровергаются всѣ слухи о его размолвкѣ съ императоромъ и подтверждается то, чего всегда и слѣдовало ожидать, что при первомъ критическомъ обстоятельствѣ онъ будетъ на лицо.

Нетерпѣніе тѣхъ, кто ожидалъ немедленныхъ трагическихъ извѣстій съ театра войны, до сихъ поръ не осуществилось. Операціи идутъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, сравнительно тихо, и работа дипломатіи, которая несомнѣнно съ величайшимъ вниманіемъ слѣдитъ за ними, недоступна гласности даже въ самыхъ своихъ характеристическихъ чертахъ. До сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшаго признака, чтобы согласіе между союзными тремя державами хоть сколько-нибудь поколебалось, а этимъ согласіемъ обусловливается локализація войны.

Если бы это не удалось, то пожаръ скоро бы охватилъ бо́льшую часть Европы, если не все полушаріе. Я уже раньше говорилъ вамъ, насколько общественное мнѣніе въ Германіи стало симпатичнѣе относиться къ Россіи, нежели въ 1854 г. Къ счастію, эта симпатія какъ будто растетъ, а число туркофиловъ уменьшается. Даже представитель прогрессивной партіи, Вирховъ, съумѣлъ, наконецъ, на одной народной сходкѣ, стать въ нейтральное положеніе.

Что при такихъ обстоятельствахъ послѣ семимѣсячнаго парламентскаго сезона внутренняя политика какъ-бы замерла—понятно само собой. Съ трудомъ поддерживаетъ интересъ къ внутренней политикѣ борьба партій, завязавшаяся въ Берлинѣ по случаю нѣкоторыхъ выборовъ. Здѣсь, въ Берлинѣ, нѣсколько пресытились выборами, и если вѣрить увѣреніямъ національ-либераловъ, то они уже на послѣднихъ выборахъ подали нѣсколько голосовъ за кандидатовъ прогрессистовъ, только чтобы уклониться отъ избирательныхъ хлопотъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Сначала прогрессисты нашли, что при выборѣ соціаль-демократическаго кандидата Газенклевера въ Берлинѣ произошли нѣкоторыя неправильности, вслѣдствіе которыхъ рейхстагъ объявилъ выборы недѣйствительными, и пришлось повторить ихъ. Прогрессивная партія думала, что одержала этимъ побѣду. Но, къ несчастію, нѣсколько дней спустя одинъ изъ ихъ выдающихся вождей, Дункеръ, владѣлецъ „Народной Газеты", вынужденъ былъ по своимъ частнымъ дѣламъ отказаться отъ своего полномочія въ палатѣ депутатовъ и въ рейхстагѣ, и такимъ образомъ прогрессивной партіи пришлось выставить кандидатовъ въ двухъ избирательныхъ округахъ, между тѣмъ какъ ей не хватаетъ способныхъ людей. Совсѣмъ тѣмъ она, по всей вѣроятности, одержитъ верхъ, потому что національ-либералы, въ сознаніи своей слабости, не выставили даже кандидатовъ. Прогрессивная партія настолько сознаетъ свою силу, что объявила національ-либеральной, чтобы она вотировала за ихъ кандидата, если не хочетъ одна вести борьбу съ соціальной демократіей, и національлибералы сдались на это предложеніе. Самыя разнообразныя обстоятельства содѣйствовали тому, чтобы доставить прогрессивной партіи преобладающее вліяніе въ

столицѣ. Но есть люди, которые воображаютъ, что иначе и быть не можетъ, и что вообще въ большихъ городахъ перевѣсъ всегда окажется на сторонѣ прогрессивной партіи. Это ошибочно, и нельзя не смѣяться надъ забывчивостью людской, когда вспомнишь, какъ часто большіе города выбирали консервативныхъ депутатовъ. Вообще ошибочно думать, что населеніе столицы разъ и навсегда перешло на сторону либерализма. Въ послѣднія двадцать лѣтъ въ Берлинѣ было такъ, но никто не можетъ поручиться, что и дальше такъ будетъ. Населеніе большихъ городовъ какъ разъ самое впечатлительное и подверженное величайшимъ колебаніямъ въ своемъ политическомъ настроеніи. Нельзя также отрицать того факта, что соціальная демократія все растетъ, и прогрессивная партія безсильна составить ей противовѣсъ...

Въ тотъ моментъ, какъ я оканчиваю это письмо, князь Бисмаркъ, сколько извѣстно, еще не уѣхалъ. Императоръ принялъ его, кронъ-принцъ сдѣлалъ ему визитъ, и дипломатическія сношенія весьма оживлены. Первое предположеніе, что внезапное возвращеніе канцлера обусловлено перемѣной министерства во Франціи, не подтвердилось, или по крайней мѣрѣ сильно оспаривается. Канцлеръ пріѣхалъ сюда, какъ увѣряютъ, чтобы отсюда ѣхать въ Киссингенъ, и хотя, судя по картѣ, дорога туда черезъ Берлинъ не изъ самыхъ ближайшихъ, но и не составляетъ такого крюка, чтобы представлялось совсѣмъ невѣроятнымъ, что Бисмаркъ далъ этотъ маленькій крюкъ по какимъ-нибудь личнымъ соображеніямъ. Что министерскій кризисъ во Франціи играетъ тутъ роль — этому продолжаютъ вѣрить, несмотря на всѣ увѣренія въ противномъ, тѣмъ болѣе, что все еще ничего положительнаго неизвѣстно о принятыхъ мѣрахъ къ охраненію нашихъ западныхъ границъ, и общественное мнѣніе полагаетъ, что отъ нихъ воздержатся, чтобы не ожесточать и не раздражать Франціи. Если это дѣйствительно такъ, то послѣднія мѣры французскаго правительства, которыми оно старается доказать, что дѣйствуетъ не въ ультрамонтанскомъ духѣ, какъ, напр., высылка Донъ-Карлоса, произвели здѣсь нѣкоторое дѣйствіе. Но очень трудно узнать правду о намѣреніяхъ Бисмарка, пока о нихъ оффиціально не объявлено, и даже относительно самой Франціи не слѣдуетъ видѣть въ канцлерѣ ея непримиримаго врага. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе подтверждается, что политикѣ князя Бисмарка постоянно наносятся тяжкіе удары. Я уже упоминалъ про статью въ лейпцигскомъ „Grenzboten", въ которой повѣствовались бо́льшею частію небольшія скандальныя исторіи; но теперь вышло продолженіе, которое уже рѣшительно возвышается надъ прежнимъ уровнемъ. Тутъ дѣло идетъ о вопросѣ, весьма близко касающемся Россіи. Говорятъ, что въ началѣ года

королева Викторія написала собственноручное письмо къ Бисмарку, съ настоятельной просьбой удержать Россію, то-есть въ томъ случаѣ, который теперь и наступилъ, если Россія рѣшится на войну, объявить себя на сторонѣ Англіи, или, по крайней мѣрѣ, чтобы быть точнымъ, отъ Германіи требовалось, чтобы она впередъ объявила, что въ случаѣ войны будетъ на сторонѣ противниковъ Россіи. Князь Бисмаркъ не согласился на эту просьбу, а позднѣе она была предъявлена самому императору одной очень высокой особой, но также отвергнута. Этотъ разсказъ имѣетъ за себя весьма много данныхъ, если припомнить, что не только „Times" дѣлалъ Бисмарка отвѣтственнымъ за сохраненіе европейскаго мира—въ статьѣ, очевидно внушенной свыше, но и одинъ здѣшній радикальный листокъ, находящійся въ связи съ весьма вліятельнымъ кружкомъ, требовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ того, чтобы Германія, въ союзѣ съ Англіей, Австріей и даже Франціей, запретила Россіи воевать. Безуміе подобной политики было очевидно, но что ее дѣйствительно пытались навязать германскому правительству — несомнѣнно. Оставляя въ сторонѣ всякія симпатіи, уже самые интересы Германіи идутъ въ разрѣзъ съ такой политикой. Во-первыхъ, отнюдь не доказано, чтобы австрійское правительство примкнуло къ англійскому, если бы это послѣднее вздумало воевать съ Россіей. И если бы даже это и случилось, то Германіи пришлось бы на своихъ плечахъ выносить всю опасность вражды съ Россіей, съ весьма вѣроятной перспективой быть покинутою какъ разъ тѣми, кто ее разжегъ. Даже самый жалкій министръ не могъ бы согласиться на такую политику, и по-истинѣ изумительно, какъ могли сдѣлать такое предложеніе человѣку, не имѣющему себѣ равнаго между современниками въ пониманіи и оцѣнкѣ великихъ политическихъ событій. Въ настоящую минуту опасность подобныхъ попытокъ устранена, и пока Бисмаркъ дѣйствуетъ, онѣ едва ли повторятся; но нельзя безъ ужаса подумать, какія чудовищныя вещи могутъ выступить на свѣтъ божій, какъ скоро падетъ крѣпость, на которой опирается вся теперешняя нѣмецкая политика.

Мнѣ представляется почти баснословнымъ, что въ прежнія времена я постоянно заключалъ свой отчетъ о текущихъ событіяхъ новостями изъ міра литературы и искусствъ. Теперь, несмотря на всѣ мои усилія, не могу открыть въ этой области ничего для васъ интереснаго. Ни одного выдающагося явленія по части беллетристики или драматическаго искусства, и я завидую вашему парижскому корреспонденту, который находитъ для себя неисчерпаемый матеріалъ. Единственная отрасль литературы дѣйствительно процвѣтаетъ

у насъ: это литература военная, и великимъ успѣхомъ пользуется въ настоящую минуту на этомъ поприщѣ человѣкъ, который одерживалъ великіе успѣхи и на полѣ битвы: фельдмаршалъ графъ Мольтке, выпустившій въ свѣтъ не менѣе трехъ сочиненій. Прежде нежели маршалъ сталъ знаменитымъ человѣкомъ, ему приходилось также медленно подниматься по іерархическимъ ступенькамъ, какъ и любому изъ его товарищей, и хотя онъ постоянно отличался, но прошло долгое время, прежде нежели его начали отличать. Но еще немилостивѣе, чѣмъ въ военной карьерѣ, относились къ нему въ литературной сферѣ. Про него, какъ и про Бисмарка, можно сказать, что если бы тотъ не былъ великимъ дипломатомъ, а онъ великимъ полководцемъ, то оба могли бы быть звѣздами первой величины въ литературѣ. Но сочиненія графа Мольтке долгое время преданы были забвенію. Первымъ изъ нихъ были письма о положеніи дѣлъ и событіяхъ въ Турціи съ 1835 по 1839 г., которыя въ то время Мольтке издалъ анонимно и съ предисловіемъ знаменитаго географа Карла Риттера. Второе сочиненіе его: „Исторія русско-турецкой войны 1828—1829 гг.“ Я не знаю, какъ встрѣтила публика обѣ эти книги въ то время; во всякомъ случаѣ, онѣ нашли не очень много покупателей, и порядочное количество экземпляровъ осталось на рукахъ издателей. Теперь, когда разгорѣлась новая русско-турецкая война, впервые обратили вниманіе на эти двѣ книги и, распродавъ залежавшіеся экземпляры, приступили даже къ новымъ изданіямъ, находящимъ теперь гораздо лучшій сбытъ, нежели первыя. Наконецъ открыли, что въ одномъ датскомъ листкѣ печатаются письма Мольтке, писанныя имъ во время поѣздки на коронацію императора Александра II; онѣ оставались совершенно неизвѣстными въ Германіи и впервые появились въ переводѣ и уже потомъ въ оригиналѣ, выдержавшемъ теперь уже нѣсколько изданій. Эти письма вообще очень незначительны—простая болтовня, и кто вздумалъ бы искать въ нихъ крупной политической мудрости, очень разочаровался бы. Иное дѣло два вышеназванныхъ сочиненія. Понятно, что тотъ, кто беретъ ихъ въ руки въ настоящее время, ищетъ прежде всего матеріала для сужденія о современныхъ отношеніяхъ. Но объективность писателя такъ велика, что до сихъ поръ не удалось воспользоваться ни одной строкой съ тенденціозной цѣлью. Предисловіе къ войнѣ 1828—1829 гг., по своей неподражаемой ясности, можетъ занять мѣсто на ряду съ величайшими историческими описаніями. Это послѣднее сочиненіе украшено, кромѣ того, различными планами, которые снималъ самъ Мольтке; великій стратегикъ доказалъ этимъ, что и копотливая работа топографа въ высшей степени полезна. Онъ издалъ также очень хорошую карту Рима и его окрестностей, о которой повиди-

мому теперь позабыли и о которой вспомнять, быть можетъ, только тогда, когда Римъ станетъ театромъ войны.

Подобно тому, какъ во всякій цвѣтущій періодъ великій человѣкъ не стоитъ особнякомъ, а окруженъ болѣе или менѣе даровитыми соперниками (стбитъ вспомнить только про Шекспира и его современниковъ), такъ и здѣсь повторяется то же самое. Армія и въ особенности генеральный штабъ насчитываетъ замѣчательныхъ писателей. Самый выдающійся изъ нихъ—баронъ фонъ-деръ-Гольтцъ, написавшій образцовую исторію Лоарской арміи. Въ особенности хороша и поучительна характеристика французовъ и дѣятельности Гамбетты, такъ какъ авторъ вполнѣ цѣнитъ великія военныя способности французовъ. Особеннымъ спеціалистомъ въ военной литературѣ является Верди дю-Вернуа. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ философъ военнаго дѣла, и посвящаетъ свои остроумные и основанные на опытѣ изысканія задачамъ науки.

Какъ видите, мы живемъ не въ золотомъ, а въ желѣзномъ вѣкѣ: всѣ замѣчательные писатели теперь изъ военныхъ.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 мая, 1877.

Мои воспоминанія изъ военныхъ эпохъ.

I.

Война! Во Франціи, въ людяхъ моего поколѣнія,—поколѣнія людей, доживающихъ четвертый десятокъ, это звучное и страшное слово пробуждаетъ три воспоминанія: воспоминаніе о крымской войнѣ, итальянскую кампанію и наши бѣдствія 1870 г. Какія побѣды и какіе уроки! Въ настоящее время, когда пушки снова гремятъ въ Европѣ, кстати вызвать воспоминанія объ этихъ событіяхъ.

Безъ сомнѣнія, война—ужасное дѣло. Жестокое зрѣлище—международная бойня. Въ нашихъ гуманныхъ мечтахъ о прогрессѣ, война должна будетъ исчезнуть въ тотъ день, когда націи мирно обнимутъ другъ друга. Есть великіе умы, для которыхъ человѣчество еще выше, нежели родина, и они-то пророчествуютъ о вѣчномъ

мирѣ. Но всѣ эти теоріи разлетаются прахомъ въ тотъ день, какъ отечество подвергнется опасности! Сами философы берутъ ружья и идутъ въ бой. Всѣ гуманныя разсужденія прекращаются, слышенъ только крикъ истребленія, вырывающійся изъ груди цѣлаго народа. Дѣло въ томъ, что война такая же мрачная необходимость, какъ и смерть. Поля цивилизаціи для своего процвѣтанія требуютъ кроваваго удобренія. Нужно, чтобы смерть подкрѣпляла жизнь, и война походитъ на тѣ страшные перевороты допотопной эпохи, которые своими развалинами готовили міръ для жизни человѣка. Мы стали слишкомъ нервны. Къ чему оплакивать каждое угасающее существованіе? Развѣ мы знаемъ, сколько именно нужно жизней и смертей для того, чтобы уравновѣсить бытіе на земномъ шарѣ? Мы уступаемъ той идеѣ, что всякая жизнь священна. Античный фатализмъ, свидѣтель рѣзни первыхъ вѣковъ, и чуждый утопіямъ о всеобщемъ братствѣ, былъ—по-своему исполненъ величія. Быть мужественнымъ, признавать мрачную работу, совершаемую смертью во мракѣ ночи, которой никто не могъ изслѣдовать, говорить себѣ, что вѣдь все-равно умрешь и что въ иныя минуты смерть только благодѣтельнѣе: вотъ и все — таково, въ сущности, единственное отношеніе къ смерти всякаго мудреца. Кто негодуетъ на войну, долженъ негодовать на всѣ людскія бѣдствія. Показывать небу кулакъ, когда боленъ,—это еще никого и никогда не излечивало отъ болѣзни. Самые чувствительные изъ философовъ, наиболѣе проклинавшіе войну, должны были, однако, признавать въ ней орудіе прогресса до тѣхъ поръ, пока съ водвореніемъ идеальной, а не той или этой цивилизаціи—не воцарится вѣчный миръ между народами. Бѣда въ томъ, что такая идеальная цивилизація до сихъ поръ еще принадлежитъ къ области поэзіи, и люди будутъ рѣзаться въ теченіи еще долгихъ, долгихъ вѣковъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что я воюю въ эту минуту съ вѣтреными мельницами. Это не совсѣмъ такъ. Каждый разъ, какъ война вспыхнетъ во Франціи или въ другомъ мѣстѣ, нельзя пройти трехъ шаговъ по парижскимъ троттуарамъ, не наткнувшись на трехъ лицъ, изрекающихъ готовыя тирады о бичѣ войны. Замѣтьте, что всѣ эти люди въ сущности горячіе патріоты, и вовсе не трусы. Но они слѣдуютъ философской модѣ. Въ наше время принято образованными людьми считать войну остаткомъ варварства, отъ котораго со временемъ избавитъ насъ — ну, хоть республика. Взглядъ этотъ представляется мнѣ ошибочнымъ. Разглагольствовать противъ войны сдѣлалось для иныхъ дешевымъ способомъ прослыть за прогрессивнаго человѣка. Но стбитъ только забить тревогу на

границахъ, стóитъ только забить барабану на улицахъ — и всѣ хватаются за оружіе. Война въ крови у человѣка!

Есть еще другая истина, которую слѣдуетъ громко провозгласить: весьма часто вовсе не правительства подвигаютъ народы на взаимную рѣзню. Какъ разъ въ прошломъ мѣсяцѣ я читалъ письмо Виктора Гюго, въ которомъ говорилось, что одни короли хотятъ войны, а что народы ничего иного не желаютъ, какъ обмѣняться мирными поцѣлуями. Эта фраза—не болѣе какъ поэтическая фигура. Нашъ знаменитый поэтъ,—первосвященникъ того идеальнаго міра, о которомъ я только-что говорилъ, онъ прославляетъ Европейскіе Соединенные-Штаты, толкуетъ о братствѣ народовъ, пророчествуетъ о новомъ золотомъ вѣкѣ. Какъ идея, это весьма почтенно и широко. Но вѣдь мы находимся тутъ въ области фантазіи. Оставляя въ сторонѣ политическій вопросъ, я долженъ сказать, что если братство народовъ звучитъ очень красиво въ стихахъ, въ дѣйствительности оно лживо, потому что мало быть братьями,—и братья дерутся другъ съ другомъ,—надо любить другъ друга, а народы вовсе другъ друга не любятъ. Скажемъ правду; ложь всегда вредна уже тѣмъ, что она ложь.

Безъ сомнѣнія, бываютъ династическія войны. Правитель, видя, что его монархіи угрожаетъ гибель, можетъ попытать браннаго счастія съ сосѣдней націей, чтобы побѣдой укрѣпить свой тронъ. Этотъ фактъ часто повторялся въ нашей исторіи. Но только чтó же въ такомъ случаѣ бываетъ? Королю все-таки приходится возбудить національное чувство, избравъ какого-нибудь вѣкового врага, противъ котораго можно поднять весь народъ. Съ первой же побѣдой или съ первымъ пораженіемъ народъ уже дальше воюетъ за самого себя; если бы онъ воевалъ не за самого себя, то совсѣмъ бы не сталъ воевать. Безусловная династическая война невозможна, особенно при настоящей организаціи армій.

А чтó же сказать о войнахъ въ полномъ смыслѣ національныхъ? Развѣ не очевидное дѣло, что правители тутъ непричемъ? Беру примѣръ, допускаю гипотезу, что Франція и Германія снова схватятся другъ съ другомъ. Чтó за дѣло: будетъ ли тогда стоять во главѣ Франціи король, императоръ или президентъ республики! Правительство останется тутъ непричемъ: вся нація поднимется, чтобы отмстить за прежнія пораженія. Съ одного конца страны до другого пронесется великій трепетъ. Барабаны сами забьютъ, призывая людей. Солдаты выростутъ изъ-подъ земли. Война на нашей почвѣ зрѣетъ помимо нашей воли и выходитъ изъ каждой борозды, богатой жатвой, когда наступитъ ей время. Я утверждаю, что настроеніе главы государства въ этихъ случаяхъ не принимается въ разсчетъ.

Пусть онъ будетъ воинственнаго темперамента, пусть онъ будетъ миролюбивыхъ наклонностей—онъ долженъ будетъ повиноваться мощному давленію народа. Многіе правители у насъ бывали вынуждены браться за оружіе, почти противъ воли, сознавая себя безсильными сдержать національный порывъ. Къ чему же въ такомъ случаѣ умалять значеніе войны, признавая въ ней простое династическое орудіе? Зачѣмъ не признать ея общечеловѣческаго значенія? Она величественная, хотя и роковая вещь. Она коситъ людей, но она расчищаетъ воздухъ. Она поддерживаетъ мужество народовъ.

Три раза въ своей жизни, повторяю, я чувствовалъ, какъ духъ войны леталъ надъ Франціей, и никогда не забуду того особаго шума, какой производятъ его крылья. Вначалѣ слышатся какъ-бы отдаленные и смутные раскаты грома; чувствуешь, что надвигается гроза. Шумъ усиливается, громъ гремитъ явственнѣе, и сердца у всѣхъ начинаютъ биться, восторгъ опьяняетъ головы, и цѣлая нація охвачена жаждой битвъ и побѣдъ. Затѣмъ, когда солдаты ушли, когда шумъ крыльевъ затихъ, наступаетъ тревожное безмолвіе, слухъ у всѣхъ напрягается, чтобы услышать первую вѣсть объ арміи. Будетъ ли то вѣсть о побѣдѣ или о пораженіи? Страшная минута; доходятъ разнорѣчивые слухи, набрасываешься на малѣйшія извѣстія, взвѣшиваешь каждое слово, пока, наконецъ, истина не станетъ извѣстна. Какая тогда бываетъ радость, или какое горе! Дальше я опишу всѣ эти народныя волненія, потому что я видалъ парижскія улицы опьяненными побѣдой, и видалъ ихъ сраженными вѣстью о пораженіи. Затѣмъ, война идетъ своимъ чередомъ, но первыя недѣли особенно сильно потрясаютъ городъ. Если война затягивается, то люди привыкаютъ къ пушечной пальбѣ, и только великія битвы вызываютъ волненіе.

Я считаю впрочемъ, что философскія разсужденія ничего не доказываютъ. Я думаю, что будетъ лучше, если я разскажу, что́ я испыталъ самъ и что́ пережили мои друзья. Только факты имѣютъ значеніе. Только на фактахъ строится наука. Итакъ, вотъ что́ такое война во Франціи для людей моего поколѣнія. Я не принадлежу ни къ спеціалистамъ по военному дѣлу, ни къ приверженцамъ гуманныхъ фантазій. Я просто человѣкъ, наблюдающій за тѣмъ, что́ вокругъ него совершается, и повѣствующій объ этомъ.

II.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ въ эпоху крымской войны. Я былъ тогда пансіонеромъ въ коллежѣ города Э, и вмѣстѣ съ двумя или тремястами такихъ же мальчишекъ, какъ я самъ, содержался взаперти въ старомъ бенедиктинскомъ монастырѣ, длинные корридоры котораго и обширныя залы носили отпечатокъ великой меланхоліи. Но оба двора были веселы, подъ лазурнымъ сводомъ полуденнаго неба. Я сохранилъ нѣжныя воспоминанія объ этомъ коллежѣ, несмотря на страданія, пережитыя мною въ немъ.

Итакъ, мнѣ было четырнадцать лѣтъ, я уже былъ не ребенокъ, но теперь я сознаю, въ какомъ глубокомъ невѣдѣніи находились мы относительно окружающаго насъ міра. Въ эту забытую трущобу едва долетало эхо великихъ событій. Городъ, съ его печалью мертвой, старинной столицы, дремлетъ среди безплодныхъ равнинъ, а коллежъ, помѣщающійся у крѣпостного вала, въ самомъ безлюдномъ кварталѣ, спитъ еще крѣпче. Я не помню, чтобы вліяніе какой-либо политической катастрофы проникло сквозь его толстыя стѣны во все время, какъ я былъ въ нихъ запертъ. Только крымская война взволновала насъ, да и то надо думать, что долгіе мѣсяцы прошли, прежде нежели слухъ о ней достигъ насъ.

Когда я обращаюсь къ воспоминаніямъ изъ той эпохи, то не могу не улыбнуться надъ тѣмъ, чѣмъ намъ представлялась тогда война,—намъ, школьникамъ. Война, какъ ее понимаютъ и чувствуютъ дѣти, въ закрытомъ заведеніи—вотъ безъ сомнѣнія любопытная страница. Во-первыхъ, все оставалось для насъ очень смутнымъ. Театръ борьбы былъ такъ далекъ отъ насъ, терялся въ такомъ странномъ и „варварскомъ" краѣ, что намъ смутно казалось, что мы присутствуемъ при осуществленіи сказки изъ *Тысячи одной ночи*. Мы даже не знали въ точности, гдѣ дерутся, и не помню, чтобы хоть разъ полюбопытствовали заглянуть въ географическія карты, имѣвшіяся у насъ подъ руками. Надо сказать, что наши профессора держали насъ въ абсолютномъ невѣдѣніи современнаго міра. Сами они читали газеты, знали всѣ новости; но никогда намъ не говорили о нихъ ни слова, и если бы мы ихъ спросили, то они сурово отослали бы насъ къ нашимъ учебникамъ и задачамъ. Педагогическій принципъ, царствующій во Франціи, требуетъ, чтобы дѣтей строго держали на оффиціальной программѣ ученія и не позволяли бы имъ ни подъ какимъ видомъ заглядывать въ окружающій міръ. Итакъ, мы ничего не знали, кромѣ того, что Франція дерется гдѣ-то на востокѣ по причинамъ, для насъ совершенно непонятнымъ.

Совсѣмъ тѣмъ кое-какія представленія составлялись у насъ объ этомъ. Мы повторяли классическія шутки надъ казаками. Мы знали имена двоихъ или троихъ русскихъ генераловъ и не далеки были отъ мысли, что у нихъ наружность чудовищъ и они живьемъ пожираютъ маленькихъ дѣтей. Вдобавокъ, мы ни на одну минуту не допускали мысли, чтобы французы были побиты. Это намъ казалось не въ порядкѣ вещей. Я долженъ прибавить, что эта хвастливая самоувѣренность всегда характеризовала Францію. Мы отправляемся, чтобы все пожрать, согласно энергическому простонародному выраженію, и только цѣлый рядъ бѣдствій можетъ насъ разувѣрить. Тогда удивленію нашему нѣтъ границъ. Мы не можемъ опомниться отъ того, что насъ побили. Въ коллежѣ въ Ѳ, мы бы не повѣрили никакимъ доказательствамъ. Намъ казалось, что наши солдаты предприняли нѣчто въ родѣ увеселительной поѣздки съ цѣлью истребить непріятеля. Затѣмъ все было окутано мракомъ. Такъ какъ война затягивалась, то мы по цѣлымъ мѣсяцамъ забывали о томъ, что мы деремся, до того дня, какъ какое-нибудь извѣстіе снова возбуждало наше вниманіе. Не могу сказать, доходили ли до насъ своевременно извѣстія о сраженіяхъ и отозвалось ли въ нашихъ стѣнахъ сотрясеніе, вызванное во Францію вѣстью о взятіи Севастополя. Все это остается смутнымъ и неяснымъ. Виргилій и Гомеръ были для насъ болѣе тревожной дѣйствительностью, нежели современныя распри народовъ.

Я помню только, что одно время у насъ была въ большой модѣ одна игра во время рекреацій. Мы раздѣлялись на два лагеря. Мы проводили двѣ черты по землѣ и вступали въ бой. Одинъ лагерь изображалъ русскую армію, другой французскую. Само собой разумѣется, русскіе должны были оставаться побѣжденными, но иногда случалось противное, и тогда наступали гвалтъ и ярость невыразимые. Черезъ недѣлю классный надзиратель долженъ былъ запретить эту прекрасную игру: двоихъ учениковъ свели въ лазаретъ, съ пробитой головой; у другихъ были вывихнуты члены и почти у всѣхъ платье было въ лохмотьяхъ, свидѣтельствовавшихъ объ ихъ подвигахъ.

Въ числѣ учениковъ, особенно отличавшихся въ этихъ бояхъ, былъ одинъ высокій, бѣлокурый мальчикъ, котораго всегда выбирали въ генералы. Луи́, происходившій изъ старинной бретонской фамиліи, переселившейся на югъ, проявлялъ всѣ замашки побѣдителя. Онъ былъ очень ловокъ и силенъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ. Я какъ теперь вижу его съ платкомъ, повязаннымъ на головѣ вмѣсто султана, опоясаннаго кожанымъ поясомъ и распоряжающагося своими солдатами рукой, точно шпагой. Онъ возбуждалъ въ насъ восторгъ и даже нѣкоторое почтеніе. Странное дѣло: у него былъ братъ близнецъ, Жюльенъ, гораздо меньше его ростомъ, слабенькій и болѣз-

ненный, которому эти игры очень не нравились. Когда мы раздѣлимся, бывало, на два лагеря, онъ отходилъ въ сторону, садился на каменную скамью и глядѣлъ на насъ печальными и слегка испуганными глазами. Однажды Луи́, на котораго навалилась цѣлая толпа, свалился подъ ударами, Жюльенъ вскрикнулъ, поблѣднѣлъ и задрожалъ какъ женщина. Оба брата обожали другъ друга, и никто изъ насъ не осмѣлился бы подшутить надъ меньшимъ за его трусость, изъ боязни старшаго. Что касается Жюльена, то онъ окружалъ брата настоящимъ культомъ и почиталъ его какъ старшаго, хотя они родились въ одинъ часъ.

Воспоминаніе объ этихъ двухъ близнецахъ тѣсно связано у меня съ воспоминаніями этой эпохи. Къ веснѣ я сталъ полу-пансіонеромъ и больше не спалъ въ коллежѣ, а приходилъ въ него утромъ къ семичасовымъ классамъ. Оба брата также были полу-пансіонерами. Мы трое были неразлучны. Такъ какъ мы жили въ одной улицѣ, то поджидали другъ друга, чтобы вмѣстѣ идти въ коллежъ. Луи́, преждевременно развитый, мало-по-малу сбилъ насъ съ пути истиннаго. Мы условились, что выйдемъ изъ дому въ шесть часовъ и такимъ образомъ воспользуемся, какъ настоящіе мужчины, свободнымъ часомъ. Для насъ въ эту эпоху вести себя какъ мужчины,—значило—курить сигары и пить водку въ плохенькомъ кабачкѣ, который Луи́ откопалъ въ одной отдаленной улицѣ. Отъ сигаръ и водки насъ тошнило; но какое волненіе, когда мы входили въ кабачокъ, озираясь направо и налѣво: не подглядываетъ ли кто за нами? Мы съ трепетомъ вкушали отъ запретнаго плода. Радость выпить скверной водки, какъ это дѣлаютъ рабочіе, казалась намъ восхитительной, и мы выходили оттуда, задравъ носъ и выросши въ собственныхъ глазахъ. Что касается Жюльена, то онъ шатался со слезами на глазахъ, но выдерживалъ характеръ, желая выказаться достойнымъ брата.

Эти похожденія происходили въ концѣ зимы. Помнится мнѣ, что бывали дни, когда дождь лилъ какъ изъ ведра. Мы шлёпали по грязи и приходили въ классъ, промокнувъ до костей. Затѣмъ утра стали теплыя и ясныя, и вотъ, вдругъ нами овладѣло безумное желаніе поглядѣть, какъ отправляются въ походъ солдаты. Э лежитъ на дорогѣ въ Марсель. Полки вступали въ городъ по Авиньонской дорогѣ, ночевали въ немъ и на другое утро отправлялись по дорогѣ въ Марсель. Въ эту эпоху въ Крымъ посылались свѣжія войска, преимущественно кавалерія и артиллерія. Ни одной недѣли не проходило безъ того, чтобы не проходили войска. Одна мѣстная газета даже заранѣе извѣщала объ этихъ движеніяхъ жителей, чтобы они могли приготовить ночлегъ для солдатъ. Но только мы не читали газетъ, и главной нашей заботой было узнать, въ который день должны

проходить солдаты. Такъ какъ они проходили въ пять часовъ утра, то намъ приходилось вставать очень рано и зачастую совсѣмъ понапрасну.

Какое счастливое время! Луи́ и Жюльенъ приходили звать меня съ улицы, на которой еще не показывалось ни души. Я поспѣшно выбѣгалъ на улицу. Воздухъ былъ еще свѣжъ по утрамъ, несмотря на весеннюю теплоту дней, и мы шли по безлюдному городу втроемъ, хохоча и толкая другъ друга. Когда долженъ былъ отходить полкъ, —солдаты собирались на площади передъ отелемъ, гдѣ обыкновенно останавливался командиръ полка. Поэтому, когда мы выходили на площадь, то съ тревогой вытягивали шеи. Если площадь была пуста, то мы поглядывали другъ на друга съ разочарованнымъ видомъ. А она бывала зачастую пуста. Въ такое утро мы жалѣли, хотя и не сознавались въ этомъ, о своей постели, и бродили до семи часовъ, не зная какъ убить время. Но за то какая радость, когда, обогнувъ улицу, мы видѣли площадь покрытою людьми и лошадьми. Свѣжій утренній воздухъ наполнялся страшнымъ гвалтомъ. Солдаты появлялись изо всѣхъ улицъ, барабаны били и трубы играли. Офицерамъ стоило большихъ трудовъ выстроить солдатъ на этомъ пространствѣ. Совсѣмъ тѣмъ порядокъ мало-по-малу возстановлялся, ряды смыкались, полкъ развертывался въ одну линію, и застывалъ въ неподвижности, приводившей насъ въ восторгъ. Послѣ этого офицеры въ слегка небрежныхъ позахъ дожидались сигнала къ выступленію. Нужно ли говорить, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ слѣдили мы за этими приготовленіями. Мы разговаривали съ солдатами, пролѣзали подъ лошадьми, рискуя быть раздавленными. Мундиры восхищали насъ. Во Франціи обожаютъ военныхъ; дѣти слѣдятъ за проходящими полками такимъ же взглядомъ, какимъ поглядываютъ на окна кондитерскихъ. И не мы одни наслаждались зрѣлищемъ выступленія солдатъ. Приходили мелкіе рантье, буржуа, поднимающіеся рано съ постели, весь тотъ людъ, что́ спозаранку выбирается изъ дома. Вскорѣ набиралась толпа народу. Солнце всходило. Золото и сталь мундировъ сверкали на яркомъ солнцѣ.

Мы видали на площади маленькаго городка, погруженнаго въ сонъ, драгуновъ, конныхъ егерей, уланъ, всѣ полки тяжелой кавалеріи и легкой кавалеріи. Но больше всѣхъ нравились намъ и возбуждали нашъ восторгъ кирасиры. Эти послѣдніе просто ослѣпляли насъ, сидя на своихъ крупныхъ лошадяхъ, въ своихъ блестящихъ кирасахъ. Каски горѣли подъ лучами восходящаго солнца, ряды ихъ представлялись какой-то цѣпью свѣтилъ, отблескъ которыхъ падалъ на сосѣдніе дома. Когда кирасиры должны были выступить изъ го-

рода, мы вставали въ четыре часа утра, мы не могли достаточно наглядѣться на нихъ.

Но вотъ, наконецъ, появлялся и командиръ полка. Знамя, ночевавшее у него, развертывалось. Проходила еще минута ожиданія. Отдавались приказы, и вдругъ послѣ двухъ-трехъ командъ, произнесенныхъ громкимъ голосомъ и смыслъ которыхъ оставался для насъ непонятнымъ, полкъ трогался съ мѣста. Онъ проходилъ по площади съ глухимъ стукомъ лошадиныхъ копытъ о твердую землю, отъ котораго сердца наши колотились въ груди. И мы бѣжали, чтобы удержаться во главѣ колонны, возлѣ музыки, привѣтствовавшей городъ, прежде чѣмъ выдти за его ворота. Сначала раздавались три рѣзкихъ ноты рожка, подающаго сигналъ музыкантамъ; затѣмъ трубила труба и мѣдные инструменты заливались, заглушаемые по временамъ размѣреннымъ стукомъ лошадиныхъ копытъ. Эта музыка приводила насъ въ неописанный восторгъ. Мы шествовали въ толпѣ мелкихъ буржуа, съ азартомъ выступавшихъ. Полкъ выходилъ изъ города; труба замирала въ дали. Полкъ поворачивалъ на-лѣво, на Марсельскую дорогу, прекрасную дорогу, усаженную вѣковыми вязами. И вотъ когда начинались наши главнѣйшія наслажденія. Музыка больше не играла, лошади шли шагомъ, слегка въ разбродъ по широкой дорогѣ, покрытой бѣлой пылью. Солдаты перекидывались словами другъ съ другомъ. Намъ казалось, что мы также уходимъ. Городъ былъ далеко, коллежъ былъ позабытъ, мы пристукивали каблуками, въ восторгѣ отъ своей удали. Вотъ какимъ образомъ мы каждую недѣлю отправлялись на войну.

Что за чудесныя утра! Шесть часовъ; солнце стоитъ уже высоко и озаряетъ поля косыми лучами. Чудная теплота проникаетъ сквозь холодное дыханіе утра. Стаи птицъ поднимаются съ зеленыхъ изгородей съ легкимъ щебетаньемъ. Вдали луга еще окутаны дымкой. И среди этого улыбающагося горизонта красивые солдаты, кирасиры, сіяющіе точно свѣтила, проносятся, сверкая стальной грудью. Дорога круто заворачивала; открывалась обширная долина. Мелкіе рантье никогда не заходили дальше этого пункта. Вскорѣ одни мы оставались изъ провожатыхъ и, спустившись вмѣстѣ съ солдатами съ холма, доходили до моста, перекинутаго черезъ рѣку. Тутъ только тревога владѣвала нами. Время подходило къ семи часамъ. Намъ слѣдовало бѣжать безъ оглядки назадъ, если не хотимъ опоздать къ классу. Часто мы увлекались и поднимались на противоположный холмъ. Въ эти дни мы предавались бродяжничеству и бродили до двѣнадцати часовъ, по зеленому берегу рѣки. Въ другіе разы мы останавливались на мосту, усаживались на каменныя перила, не теряя изъ виду полка, взбиравшагося передъ нами по противоположному скату

холма. Это было чудесное зрѣлище. Дорога шла вверхъ прямой линіей, на разстояніи почти цѣлаго километра. Лошади задерживали шагъ, люди казались все меньше и меньше. Солнце ударяло прямо въ полкъ. Сначала, каждая кираса, каждая каска казалась солнцемъ. Затѣмъ солнца уменьшались, и вскорѣ вдали мелькала армія звѣздъ. Передовые солдаты доходили до поворота дороги и исчезали. Остальные въ свою очередь медленно скрывались изъ виду. Казалось, что они какъ будто проходили въ небо. Вотъ послѣдній рядъ у поворота, еще минута—и дорога остается безлюдной. Шумъ затихалъ. Отъ красиваго полка, только-что проходившаго мимо насъ, оставалось одно только воспоминаніе.

Мы были тогда дѣтьми и въ нашихъ вѣтреныхъ головахъ не носилось никакихъ гуманныхъ и философскихъ идей. Но это зрѣлище наводило на насъ раздумье. По мѣрѣ того, какъ полкъ взбирался по холму, мы впадали въ глубокое безмолвіе и не спускали съ него глазъ, сокрушаясь о томъ, что сейчасъ лишимся его; а когда онъ исчезалъ, у насъ спирало дыханіе въ горлѣ и мы глядѣли съ минуту на отдаленный утесъ, за которымъ онъ скрылся. Вернется ли онъ когда назадъ? Спустится ли когда съ этого холма? Эти вопросы смутно шевелились и опечаливали насъ. Прости, прекрасный полкъ!

Въ особенности Жюльенъ возвращался совсѣмъ разбитый. Онъ ходилъ такъ далеко только за тѣмъ, чтобы не разставаться съ братомъ. Эти прогулки его очень утомляли, и онъ ужасно боялся лошадей. Я помню, что разъ мы забрели очень далеко, слѣдомъ за уходившимъ полкомъ. Мы провели весь день на воздухѣ. Луи совсѣмъ опьянѣлъ отъ азарта. Когда мы позавтракали яблоками, купленными въ одной деревнѣ, онъ повелъ насъ къ рѣкѣ, гдѣ непремѣнно пожелалъ выкупаться. Онъ очень хорошо плавалъ, и мы восхищались имъ. Послѣ этого онъ заговорилъ о томъ, что запишется въ солдаты.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричалъ Жюльенъ, охватывая его руками.

Онъ весь поблѣднѣлъ. А братъ смѣялся и называлъ его „дуракомъ". Но онъ повторялъ:

— Тебя убьютъ, я знаю.

Въ этотъ день, возбужденный, подзадоренный нами, онъ излилъ свое сердце. Онъ находилъ солдатъ безобразными и не могъ понять, что̀ насъ восхищаетъ въ нихъ. По его мнѣнію, солдаты виноваты во всемъ, потому что если бы не было солдатъ, не было бы и войны. Онъ ненавидѣлъ войну, она его ужасаетъ, и позднѣе онъ уже съумѣетъ какъ сдѣлать, чтобы и самому не идти въ солдаты, и брата не отпустить. Это было какое-то болѣзненное и нервное отвращеніе

Жюльенъ, говоря такъ, смѣшилъ насъ. Мы находили его забавнымъ. И съ этого дня, слѣдуя за какимъ-нибудь полкомъ по Марсельской дорогѣ, мы старались вызвать въ нему восхищеніе Жюльена, который упорно отказывался понять, чѣмъ онъ хорошъ. Величайшимъ счастіемъ для него было, когда, бывало, солдаты скроются изъ виду, залечь въ траву на спину и глядѣть въ небо, ни о чемъ повидимому не думая.

Проходили недѣли, мѣсяцы. Намъ надоѣли полки, и мы придумали другую забаву: ходить ловить рыбу по утрамъ въ рѣкѣ сѣтями и съѣдать свою добычу въ деревенскомъ кабачкѣ. Вода была ледяная. Жюльенъ схватилъ воспаленіе въ легкихъ, отъ котораго чуть не умеръ. Въ коллежѣ перестали говорить о войнѣ. Мы сильнѣе чѣмъ когда-либо погрузились въ Гомера и Виргилія. Вдругъ мы узнаемъ, что французы одержали побѣду, и это намъ показалось весьма естественнымъ. Затѣмъ стали вновь проходить полки, но уже на возвратномъ пути. Они насъ больше не интересовали. Однако мы проводили два или три. Они намъ показались очень утомленными, менѣе прекрасными, на половину убавившимися. Мы ихъ не узнавали, да, быть можетъ, это были и не тѣ. Мы были слишкомъ невѣжественны, слишкомъ утонули въ своей классической программѣ, чтобы отозваться какъ слѣдуетъ на побѣду. А остальное терялось для насъ въ туманѣ. Такова была крымская война во Франціи для школьниковъ, запертыхъ въ провинціальномъ коллежѣ.

III.

Въ 1859 г. я былъ въ Парижѣ, въ коллежѣ Сенъ-Луи, гдѣ кончалъ свое ученіе. По странному случаю, со мною вмѣстѣ поступили въ него и мои товарищи изъ Э—Луи и Жюльенъ. Луи готовился ко вступительному экзамену въ политехническую школу; Жюльенъ рѣшилъ, что будетъ правовѣдомъ. Всѣ трое мы были экстернами.

Въ эту эпоху мы уже не были дикарями, ничего не смыслящими въ современномъ мірѣ. Парижъ насъ перевоспиталъ. Поэтому, когда началась итальянская кампанія, мы знали о политическихъ событіяхъ, вызвавшихъ ее. Мы обсуждали эту войну, какъ государственные люди и какъ тактики. Въ коллежѣ была тогда мода интересоваться войной и слѣдить за движеніями арміи. Мы обозначали булавками на картѣ различныя позиціи, давали и выигрывали сраженія. Чтобы слѣдить за событіями, мы читали пропасть газетъ. Мы, экстерны, приносили въ коллежъ газеты всѣхъ форматовъ и всѣхъ направленій. Мы приходили съ карманами, биткомъ набитыми, запихавъ газеты подъ пальто,

обложившись газетами съ головы до ногъ. И во время классовъ газеты ходили по рукамъ. Уроки забывались, ученики зачитывались газетами, за спиной сосѣдей. Чтобы скрыть большія газеты, ихъ разрѣзали на четыре части и вкладывали въ книги. Профессора не всегда давались въ обманъ, но смотрѣли сквозь пальцы, какъ люди, рѣшившіе предоставить лѣнтяямъ лѣниться. Навѣрное въ итальянскую кампанію лицей Сенъ-Луи́ былъ однимъ изъ тѣхъ мѣстъ въ Парижѣ, гдѣ всего усерднѣе слѣдили за ходомъ войны. Учениками овладѣлъ настоящій азартъ. Во время рекреацій только и толку было, что про войну. Генераловъ величали фамильярно по имени, и однимъ словомъ рѣшали самыя сложныя задачи.

Въ началѣ Жюльенъ пожималъ плечами. Онъ увлекался въ то время поэтами тридцатыхъ годовъ и постоянно носилъ въ карманѣ стихотворенія Мюссé или Виктора Гюгó. Поэтому, когда ему передавали обрывки газетъ, онъ презрительно передавалъ ихъ дальше, не удостоивая взглядомъ. Онъ продолжалъ дочитывать начатое стихотвореніе. Ему казалось просто чудовищнымъ, что можно увлекаться людьми, которые дерутся. Но катастрофа, перевернувшая его жизнь, заставила его перемѣнить мнѣніе.

Луи́, не выдержавшій экзамена, записался въ одинъ прекрасный день солдатомъ. Онъ давно уже замышлялъ эту штуку. У него былъ дядя генералъ. Онъ надѣялся составить карьеру, не пройдя черезъ спеціальныя школы. Къ тому же, послѣ войны онъ успѣетъ попытаться поступить въ Сенъ-Сирское училище. Когда Жюльенъ узналъ объ этой новости, онъ былъ какъ-бы сраженъ громомъ. Для него это было жестокимъ горемъ, которое онъ постарался скрыть. Онъ уже не былъ мальчишкой, возстававшимъ противъ войны съ доводами, приличными барышнѣ; но онъ сохранялъ къ ней инстинктивное отвращеніе и мечталъ для себя и для брата о буржуазномъ счастіи. Онъ не хотѣлъ выказаться малодушнымъ, и ему удалось скрыть отъ насъ свои слезы. Но съ той минуты, какъ братъ его ушелъ съ полкомъ, онъ сталъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ читателей газетъ. Мы вмѣстѣ приходили и уходили изъ лицея. Всѣ разговоры наши вертѣлись вокругъ битвъ. Помню, что онъ каждый день уводилъ меня въ Люксанбургскій садъ и разспрашивалъ о томъ, что́ мнѣ извѣстно. Онъ клалъ на скамью свои книги и чертилъ на пескѣ карту сѣверной Италіи, по которой мы вмѣстѣ изучали движенія арміи. Это было средствомъ постоянно думать о братѣ. Въ душѣ онъ изнывалъ отъ мысли, что его могутъ убить.

И по-сю пору, разсуждая объ этомъ съ самимъ собою, я не могу рѣшить, изъ какихъ элементовъ складывалось у Жюльена отвращеніе къ войнѣ. Онъ не былъ трусомъ. Онъ терпѣть не могъ вообще вся-

нихъ физическихъ упражненій и ставилъ гораздо выше умственныя занятія. Жить кабинетной жизнью ученаго или поэта—казалось ему настоящей цѣлью жизни человѣка на землѣ. А всякія уличныя движенія, всякій бой на кулакахъ или на шпагахъ, все, что развиваетъ мускулы, казалось ему достойнымъ націи дикарей. Онъ презиралъ ярмарочныхъ геркулесовъ, гимнастовъ, укротителей звѣрей. Я долженъ прибавить, что идея отечества не приводила его въ трепетъ. Онъ не былъ восторженнымъ и болтливымъ патріотомъ. Мы обдавали его своимъ презрѣніемъ на этомъ вопросѣ, и помню, какой улыбкой и пожиманіемъ плечъ отвѣчалъ онъ намъ. Однажды, впрочемъ, я засталъ его со слезами на глазахъ передъ гравюрой, изображавшей геройскую смерть одного солдата на передовомъ постѣ. И это навело меня на размышленія... У насъ много во Франціи нервныхъ мальчиковъ, которыхъ раздражаетъ шумъ оружія и которымъ какъ будто недостаетъ патріотизма, что не мѣшаетъ имъ плакать надъ картинами, изображающими наши битвы. Одним изъ самыхъ живучихъ воспоминаній, сохранившихся у меня отъ этой эпохи, это воспоминаніе о томъ прекрасномъ лѣтнемъ днѣ, когда вѣсть о побѣдѣ при Маджентѣ дошла до Парижа. Дѣло было въ іюнѣ, погода стояла восхитительная, какъ рѣдко бываетъ въ іюнѣ во Франціи. Наканунѣ мы рѣшили съ Жюльеномъ идти бродить въ Елисейскія-Поля. Онъ очень тревожился о братѣ, отъ котораго не получалъ извѣстій, и мнѣ хотѣлось его разсѣять. Я зашелъ за нимъ около часа пополудни, и мы пошли вдоль Сены разгильдяйской походкой школьниковъ, за которыми не наблюдаетъ глазъ учителя. Надо знать Парижъ во время большихъ жаровъ. Черная тѣнь домовъ рѣдко ложится на бѣлую мостовую. Между безмолвными и какъ-бы сонными фасадами виднѣется узкій клочокъ неба, темно-синяго цвѣта. Не знаю мѣста въ мірѣ, гдѣ было бы такъ жарко въ жаркую погоду, какъ въ Парижѣ; просто какая-то раскаленная печь, въ которой задыхаешься отъ жары. Но это не мѣшаетъ народу прогуливаться. Прохожіе бѣгутъ торопливо, вытирая лобъ носовыми платками. Женщины, въ свѣтлыхъ платьяхъ, расхаживаютъ по тротуарамъ. По временамъ трубы пускаютъ струю воды, которая быстро испаряется. Только по воскресеньямъ пустѣютъ нѣкоторые уголки Парижа; гуляющіе покидаютъ ихъ для окрестностей. И все-таки, какъ чудесно гулять по этимъ мирнымъ и широкимъ набережнымъ, усаженнымъ небольшими, густыми деревьями по широкому теченію рѣки, оживленной цѣлымъ стадомъ лодокъ.

Итакъ, мы дошли до Сены и шли по набережной, въ тѣни деревьевъ. Отъ рѣки неслся паръ, и воды ея трепетали на солнцѣ, съ серебристыми переливами. Въ праздничномъ воздухѣ этого прекрас-

наго воскресенья чувствовалась какая-то особенная тревога. Вдали точно раздавался и все ближе и ближе подвигался какой-то голосъ. Парижъ положительно былъ нервно настроенъ и уже предвкушалъ появленіе славной вѣсти, которой всѣ, и даже какъ-будто самые дома смутно дожидались. Итальянская кампанія, разыгравшаяся такъ быстро, какъ извѣстно, началась съ успѣховъ; но еще ни одного значительнаго сраженія не происходило—и вотъ такое-то сраженіе предугадывалъ Парижъ въ послѣдніе два дня. Можно было подумать, что городъ, затаивъ дыханіе, прислушивался къ отдаленному грохоту пушекъ.

Я очень хорошо помню это впечатлѣніе. Я сообщилъ Жюльену о странномъ ощущеніи, охватившемъ меня,—говоря ему, что „Парижъ сталъ какой-то чудной",—какъ вдругъ, дойдя до набережной Вольтера, мы увидѣли вдали, передъ домомъ, гдѣ печатается „Moniteur", небольшую группу людей, читавшую афиши. Тамъ ихъ было не болѣе семи, восьми человѣкъ; мы видѣли съ того мѣста, гдѣ стояли, какъ они махали руками, смѣялись, возвышая голосъ. Мы поспѣшно перебѣжали черезъ улицу. Афиша была рукописной депешей, коротко возвѣщавшей о побѣдѣ при Маджентѣ. Четыре облатки, которыми ее приклеили къ стѣнѣ, еще не успѣли высохнуть. Очевидно, мы первые узнали объ этой новости въ большомъ праздничномъ Парижѣ, который разбрелся на прогулку. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались люди, и надо было видѣть, какой восторгъ овладѣвалъ ими при чтеніи афиши! Немедленно начинали брататься, незнакомые люди жали другъ другу руки; одинъ баринъ съ орденомъ объяснялъ работнику, въ какомъ мѣстѣ должна была происходить битва. Женщины весело смѣялись и какъ-будто собирались броситься на шею прохожимъ. Мало-по-малу толпа росла, прохожихъ подзывали рукой, кучера останавливали кареты и слѣзали съ козелъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Когда мы уходили, толпа выросла уже до тысячи человѣкъ.

Какой чудный день! Радостная вѣсть въ какихъ-нибудь нѣсколько минутъ облетѣла весь городъ. Мы думали, что несемъ ее съ собой, а она насъ опережала; на радостныхъ лицахъ прохожихъ мы читали, что она уже достигла ихъ. Она распространялась вмѣстѣ съ солнечными лучами; она носилась въ воздухѣ. Тревожный и сосредоточенный до того времени, городъ радостно вздохнулъ. Въ какихъ-нибудь полчаса Парижъ совсѣмъ преобразился; отдаленный голосъ выросъ въ побѣдоносный ропотъ. Мы гуляли часа два по Елисейскимъ-Полямъ, среди толпы, смѣявшейся отъ удовольствія. Глаза женщинъ, мнѣ казалось, свѣтились какой-то особенной добротой. И слово „Маджента" произносилось всѣми устами. Самъ Жюльенъ охваченъ

былъ этимъ волненіемъ. Онъ былъ однако очень блѣденъ, и я понялъ, какая тайная тревога грызетъ его, когда онъ пробормоталъ:

— Сегодня смѣются, но сколько людей будетъ плакать завтра!

Онъ думалъ о братѣ. Я подшутилъ надъ нимъ, чтобы его утѣшить. Я говорилъ ему, что Луи вернется капитаномъ.

— Только бы вернулся!—повторилъ онъ, качая головой.

Съ наступленіемъ ночи Парижъ иллюминовался какъ-бы по волшебству. Передъ всѣми окнами качались венеціанскіе фонари. Бѣднѣйшіе зажгли свѣчи, и я даже видѣлъ комнаты, гдѣ жильцы нарочно придвинули къ окну свой столъ, чтобы въ него свѣтилась ихъ лампа. Ночь была дивная, весь Парижъ толпился на улицѣ. Всѣ двери были унизаны народомъ, точно въ дни процессій. На перекресткахъ толпился народъ, въ кофейняхъ и винныхъ погребахъ была давка. Парижъ превратился въ одинъ праздничный чертогъ, гдѣ веселились какъ одна семья. Мальчишки пускали ракеты, отъ которыхъ въ воздухѣ словно пахло порохомъ. Мы пообѣдали въ одномъ ресторанѣ и прогуляли до полуночи среди этого народнаго восторга.

Повторяю сегодня: никогда я не видалъ Парижа болѣе прекраснымъ. Въ этотъ день совпали всѣ радости: яркое солнце, воскресенье и побѣда. Нѣсколько времени спустя, Парижъ узналъ о рѣшительной побѣдѣ при Сольферино, но восторгъ уже не повторился, несмотря на то, что былъ немедленно заключенъ миръ. И даже въ тотъ день, какъ войска вернулись въ Парижъ, въ демонстраціяхъ было больше торжественности, но не было того непосредственнаго взрыва народной радости.

Кампанія длилась всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Мы получили двухъ-дневный отпускъ послѣ Мадженты,—и пожирали кучу газетъ. Перемиріе облило насъ холодной водой. Мы были изъ тѣхъ, кто находилъ, что миръ заключенъ слишкомъ поспѣшно. Учебный годъ приходилъ къ концу; наступали вакаціи съ ихъ радостной свободой, и Италія, армія, побѣды—все потонуло въ волненіи раздачи наградъ. Впрочемъ, помню, что въ этотъ годъ я долженъ былъ проводить каникулы на югѣ. Я собирался уже уѣхать, но Жюльенъ упросилъ меня остаться до 14-го числа, когда назначено было тріумфальное вшествіе войскъ, побѣдившихъ при Сольферино, въ Парижъ. Милый мальчикъ былъ очень счастливъ; Луи возвращался съ чиномъ сержанта, и ему хотѣлось, чтобы я былъ свидѣтелемъ братняго тріумфа. Въ числѣ побѣдителей, которыхъ готовился привѣтствовать Парижъ, Жюльенъ видѣлъ только своего брата. Я обѣщалъ ему остаться.

Дѣлали большія приготовленія для встрѣчи войскъ, стоявшихъ уже нѣсколько дней лагеремъ у самыхъ воротъ Парижа. Они должны

были вступить черезъ площадь Бастиліи, пройти вдоль линіи всѣхъ бульваровъ, спуститься по улицѣ Мира и перейти черезъ Вандомскую площадь. Бульвары были убраны знаменами, и на Вандомской площади выстроили громадныя эстрады, на которыхъ должны были засѣдать всѣ государственные чины, власти, всякаго рода нотабли. Погода стояла великолѣпная. Когда войска показались, вдоль бульваровъ раздались громкія привѣтствія. На обоихъ тротуарахъ была давка. Головы торчали во всѣхъ окнахъ. Дамы махали платками, многія бросали солдатамъ букеты, которые держали въ рукахъ. Между тѣмъ полки продолжали свое шествіе тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, среди всеобщаго восторга. Музыка играла, знамена проносились, сверкая на солнцѣ. Многимъ знаменамъ, пробитымъ пулями, рукоплескали; въ особенности одно, все въ лохмотьяхъ и украшенное орденомъ Почетнаго Легіона, вызывало неистовые аплодисменты. На углу улицы Тампля одна старуха бросилась въ ряды и поцѣловала капрала, должно быть сына. Эту старуху чуть не понесли съ тріумфомъ на рукахъ. Солдаты плакали. Въ теченіи часа слишкомъ раздавались тѣ же крики. Весь Парижъ собрался, чтобы привѣтствовать свою армію.

На Вандомской площади происходила оффиціальная церемонія. Дамы въ нарядныхъ туалетахъ и судьи въ тогахъ, чиновники въ мундирахъ аплодировали болѣе сдержанно. Происходили взаимныя представленія, обмѣнивались взаимные комплименты. Вечеромъ, въ Луврѣ, въ великолѣпной залѣ Штатовъ, императоръ давалъ банкетъ, накрытый на триста приборовъ. Разумѣется, всѣ военачальники итальянской арміи были приглашены. Другіе гости были выбраны изъ числа высшихъ сановниковъ правительства. За дессертомъ императоръ предложилъ тостъ, сдѣлавшійся знаменитымъ. Онъ вскричалъ, въ заключеніе своей рѣчи: „Если Франція столько сдѣлала для дружественной націи, то чего же не сдѣлаетъ она для своей независимости!“ Неосторожныя слова, столь жестоко впослѣдствіи опровергнутыя.

Жюльенъ и я, мы смотрѣли на шествіе войскъ изъ окна дома на бульварѣ Пуассоньеръ. Онъ ѣздилъ наканунѣ въ лагерь и указалъ Луи, гдѣ мы будемъ находиться. Поэтому, когда его полкъ проходилъ мимо насъ, Луи поднялъ голову и кивнулъ намъ. Онъ очень постарѣлъ; лицо его загорѣло и похудѣло. Я съ трудомъ узналъ его. Жюльенъ хлопалъ въ ладоши, пожирая его глазами. Онъ находилъ его красавцемъ. Правда, что онъ былъ похожъ на мужчину рядомъ съ нами, которые все еще оставались жиденькими и бѣленькими, какъ женщины. Жюльенъ слѣдилъ за нимъ взоромъ, пока онъ не

скрылся изъ виду, и я услышалъ, какъ онъ прошепталъ, со слезами на глазахъ и нервной дрожью въ голосѣ:

— C'est beau... c'est beau...

Когда шествіе окончилось, онъ опустился въ безсиліи на стулъ, словно разбитый зрѣлищемъ, на которомъ присутствовалъ.

Вечеромъ я нашелъ Жюльена и Луи въ маленькой кофейнѣ Латинскаго квартала. То была узенькая зала, затерявшаяся въ глухомъ переулкѣ, куда мы обыкновенно ходили, потому что были тамъ всегда одни и могли говорить по душѣ. Когда я пришелъ, Луи разсказывалъ про сраженіе при Сольферино. Жюльенъ, опершись локтями на мраморный столъ, слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Разсказъ продолжался долго. Луи говорилъ, что битва была совсѣмъ неожиданная. Думали, что австрійцы отступаютъ, и союзныя арміи шли впередъ, когда 24-го, вдругъ, около пяти часовъ утра, послышалась пушечная пальба: тò австрійцы обернулись назадъ и атаковали ихъ. Тогда начался цѣлый рядъ битвъ; каждый армейскій корпусъ вступалъ въ бой въ свою очередь. Луи повторялъ, что весь день генералы бились каждый особнякомъ, не имѣя яснаго понятія объ общемъ ходѣ борьбы. Его полкъ выдержалъ страшную битву на одномъ кладбищѣ; эта битва среди могилъ была почти все, чтò онъ видѣлъ изъ всего боя. Вокругъ него со всѣхъ сторонъ гремѣли пушки, но облака густого дыма мѣшали видѣть. И онъ разсказалъ также про страшную грозу, которая разыгралась вечеромъ надъ арміями. Небо вмѣшалось въ дѣло, и громъ заставилъ умолкнуть пушки. Австрійцамъ пришлось окончательно очистить поле, подъ жестокимъ ливнемъ. Луи говорилъ намъ, что никогда не видывалъ такой страшной грозы, и что поле битвы при свѣтѣ молніи принимало фантастическій видъ, отъ котораго блѣднѣли самые геройскіе изъ бойцовъ дня. Борьба длилась шестнадцать часовъ, и наступившая затѣмъ ночь была полна тревоги, потому что солдаты не знали хорошенько, на чьей сторонѣ побѣда, и при малѣйшемъ шумѣ въ потемкахъ полагали, что битва возобновляется.

Во время этого длиннаго разсказа Жюльенъ не спускалъ глазъ съ брата. Быть можетъ, онъ не слушалъ,—наслаждаясь, что его видитъ. Никогда не забуду вечера, проведеннаго мною въ этомъ жалкомъ трактирчикѣ, самомъ тихомъ и уединенномъ. Я слышалъ вдали, какъ веселился Парижъ; я чувствовалъ вокругъ себя громадный городъ, иллюминованный и разукрашенный, между тѣмъ какъ юный солдатъ водилъ насъ по опустошеннымъ и окровавленнымъ полямъ Сольферино. Когда Луи кончилъ, Жюльенъ покачалъ только головой, промолвивъ:

— Ты вернулся, это—главное!

IV.

Одиннадцать лѣтъ спустя, въ 1870 г., мы уже были весьма взрослыми. Луи былъ тогда въ чинѣ капитана. Жюльенъ, перепробовавъ различныя профессіи, рѣшился, наконецъ, вести праздную и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельную жизнь богатыхъ парижанъ, вращающихся въ мірѣ литературы и искусствъ, не имѣя мужества самимъ взяться за перо или кисть. Истина требуетъ прибавить, что онъ напечаталъ сборникъ стихотвореній, и на этомъ опочилъ отъ дѣлъ. Я очень часто видался съ нимъ, и онъ сообщалъ мнѣ извѣстія о своемъ братѣ, который велъ провинціальную, гарнизонную жизнь.

При первомъ слухѣ о войнѣ съ Германіей, я долженъ сказать, что воинственное чувство охватило публику. Въ настоящее время утверждаютъ, что Наполеонъ III втянулъ Францію въ эту войну, ради династическихъ интересовъ; это правда, но ради истины слѣдуетъ замѣтить, что нація быстро откликнулась на его призывъ. Я говорю, что̀ я видѣлъ и ощущалъ вокругъ себя. Головы разгорячились; война была популярна въ этотъ моментъ во Франціи. Толковали про нашу естественную Рейнскую границу, про то́, что слѣдуетъ отмстить за Ватерло, лежавшее какимъ-то бременемъ на нашей душѣ. Я не утверждаю, что весь народъ поднялся; политическія причины мѣшали главнымъ образомъ этому; но если бы побѣда ознаменовала начало этой кампаніи, то Франція стала бы привѣтствовать эту войну, которую ей пришлось проклинать.

Многіе изъ моихъ знакомыхъ были бы сильно разочарованы, если бы миръ удержался послѣ бурныхъ засѣданій законодательнаго корпуса. Въ тотъ день, когда борьба стала неизбѣжной, Парижъ испыталъ такое же сильное волненіе, какъ и любопытство. Вслѣдствіе того хвастливаго патріотизма, о которомъ я уже говорилъ, толпа ни одной минуты не сомнѣвалась, что мы останемся побѣдителями, и только спрашивала себя, сколько дней понадобится на то, чтобы дойти до Берлина. Я не говорю про сцены, происходившія вечеромъ на бульварахъ, ни про восторженные крики людей, быть можетъ подкупленныхъ, какъ это утверждали впослѣдствіи. Я просто заявляю, что весьма честные буржуа, значительное большинство лицъ, составляющихъ публику, уже обозначали булавками на картѣ этапы нашей арміи, ведущіе къ прусской столицѣ. Эта увѣренность въ побѣдѣ зародилась въ насъ, конечно, еще въ ту эпоху, когда наши солдаты побѣдоносно прохаживались по всей Европѣ. Увы! въ настоящее время,

надѣюсь, мы излечились отъ этого столь опаснаго патріотическаго тщеславія.

Однажды вечеромъ, на бульварахъ, въ то время, какъ я глядѣлъ на группы людей въ блузахъ, вопившихъ: „въ Берлинъ! въ Берлинъ!“ кто-то ударилъ меня по плечу. То былъ Жюльенъ. Онъ былъ очень мраченъ. Я упрекнулъ его, смѣясь, въ недостаткѣ энтузіазма.

— Мы будемъ побиты,—отвѣтилъ онъ мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ.

Тутъ я заспорилъ. Но онъ покачалъ головой, не будучи въ состояніи высказать мнѣ свои доводы. Онъ чувствуетъ это, говорилъ онъ. Я заговорилъ съ нимъ о братѣ. Луи находился уже въ Метцѣ съ своимъ полкомъ, и Жюльенъ показалъ мнѣ письмо, которое онъ получилъ наканунѣ, письмо такое веселое, въ которомъ Луи говорилъ, что онъ зачахъ бы отъ гарнизонной жизни, если бы, наконецъ, война не выручила его. Онъ божился, что вернется полковникомъ и съ орденомъ. И когда я сослался на это письмо, чтобы разсѣять черныя мысли Жюльена, этотъ послѣдній мнѣ замѣтилъ:

— Вотъ увидишь, мы всѣ погибнемъ.

Снова воцарилась тревога въ Парижѣ. Мнѣ уже знакомо было это сосредоточенное безмолвіе большого города; я уже былъ ему свидѣтелемъ въ 1859 г., передъ наступленіемъ первыхъ стычекъ итальянской кампаніи. Но на этотъ разъ безмолвіе показалось мнѣ еще торжественнѣе и еще угрюмѣе. Никто не сомнѣвался въ побѣдѣ; но носились худые слухи, неизвѣстно откуда появлявшіеся. Всѣ дивились, почему наши армейскіе корпуса такъ долго мѣшкаютъ въ дорогѣ и не перенесутъ борьбу па непріятельскую территорію. Однажды послѣ полудня, на биржѣ разнесся слухъ, что мы одержали большую побѣду, захватили множество пушекъ, полонили цѣлый непріятельскій корпусъ. Уже дома стали убираться флагами и прохожіе обнимались на улицахъ, когда пришлось убѣдиться, что слухъ ложный; никакого сраженія не происходило. Побѣда казалась мнѣ въ порядкѣ вещей; но это быстрое опроверженіе, это самообольщеніе народа, поспѣшившаго обрадоваться и вынужденнаго отложить радость до другого дня, смутило меня. Весь этотъ день мнѣ было очень грустно, хотя я самъ не зналъ почему; я почувствовалъ, что надъ нашими головами пронеслось вѣяніе безпримѣрныхъ бѣдствій.

Всю жизнь буду помнить роковое воскресенье. Дѣло было опять въ воскресенье, и многимъ должно было припомниться сіяющее воскресенье, когда пришла вѣсть о побѣдѣ при Маджентѣ. На дворѣ стоялъ августъ мѣсяцъ; небо уже не сіяло весеннимъ іюньскимъ весельемъ и свѣжестью. Было очень душно, громадные клочья облаковъ

нависли надъ городомъ. Я только-что вернулся изъ небольшого нормандскаго городка, и былъ особенно пораженъ похороннымъ видомъ Парижа. Лѣтніе воскресные дни печальны съ ихъ пустынными улицами и запертыми лавками. Но это воскресенье было проникнуто какимъ-то особеннымъ уныніемъ. Рѣдкіе прохожіе, попадавшіеся мнѣ, угрюмо и вяло пробирались вдоль домовъ. На бульварахъ собирались группы въ два-три человѣка и шопотомъ разговаривали. Наконецъ, я узналъ ужасную вѣсть: мы были побѣждены при Вёртѣ, и потокъ непріятельскаго вторженія разлился по Франціи.

Никогда не видывалъ я такого глубокаго изумленія. Парижъ былъ сраженъ. Какъ? возможно ли? мы побѣждены! Пораженіе казалось намъ несправедливостью и чудовищнымъ дѣломъ. Оно не только оскорбляло нашъ патріотизмъ, оно убивало въ насъ вѣру. Мы никогда не сомнѣвались въ побѣдѣ—и вотъ, первое же сраженіе даетъ намъ самое жестокое опроверженіе. Мы не могли тогда взвѣсить всѣхъ гибельныхъ послѣдствій этой неудачи; мы еще надѣялись, что наши солдаты отмстятъ за себя. И совсѣмъ тѣмъ какъ мы были убиты! Въ огорченномъ безмолвіи Парижа игралъ, я думаю, большую роль стыдъ.

День и вечеръ прошли убійственно. Не время было для общественнаго веселья, свойственнаго днямъ побѣды. Женщины не улыбались нѣжно прохожимъ, и прохожіе не братались другъ съ другомъ. Черная ночь сгустилась надъ этимъ населеніемъ, поверженнымъ въ отчаяніе. Ни одной ракеты на улицахъ, ни одного фонаря въ окнахъ. Фіакры какъ-бы съ глухимъ рыданіемъ катились по мостовой. На другой день рано поутру я увидѣлъ, какъ проходилъ полкъ по бульварамъ. Прохожіе останавливались съ мрачнымъ видомъ, а солдаты проходили, понуривъ головы, точно часть стыда за пораженіе падала и на нихъ. Ничто не показалось мнѣ столь печально, какъ этотъ полкъ, котораго никто не привѣтствовалъ и который проходилъ по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ я видѣлъ торжественное шествіе итальянской арміи, когда отъ рукоплесканій толпы дрожали дома.

Тогда потянулись проклятые дни тревоги. Я каждые два-три часа ходилъ къ дверямъ мэріи девятаго округа, въ улицѣ Друо, гдѣ приклеивали депеши. Тамъ всегда толпился народъ,—толпа человѣкъ въ сто, дожидавшаяся новостей. Толпа зачастую отступала къ бульварамъ. И эти группы были отнюдь не шумны. Всѣ говорили вполголоса, точно въ комнатѣ больного; обмѣнивались косыми взглядами, покачивая головой. Грозовое небо, жаркое и душное, какъ-бы давило всю эту толпу. Какъ только появлялся чиновникъ, чтобы прибить рукописную депешу, толпа бросалась къ ней, и вскорѣ депеша пере-

ходила изъ устъ въ уста. Но давно уже депеши приходили постоянно худыя, и унынiе все росло. Еще и по сiе время я не могу пройти по улицѣ Друо безъ того, чтобы не вспомнить этихъ мрачныхъ дней. Тамъ вотъ, на этомъ троттуарѣ, парижане переживали самыя долгiя и самыя нестерпимыя страданiя. Съ каждымъ днемъ драма становилась все мрачнѣе и мрачнѣе. Слышался топотъ нѣмецкихъ армiй, подступавшихъ къ Парижу. И къ тревогѣ ожиданiя присоединялось еще раздраженiе отъ этихъ вѣчно худыхъ вѣстей. Въ этотъ ужасный августъ мѣсяцъ было очень немного часовъ надежды. Минутами, когда получалась нѣсколько болѣе утѣшительная депеша, находились ораторы въ толпѣ, утверждавшiе, что мы, наконецъ, отомстимъ за все. Но слѣдующая депеша снова повергала всѣхъ въ отчаянiе. Въ продолженiи шести мѣсяцевъ осады Парижъ не испыталъ такой агонiи.

Я очень часто видѣлся съ Жюльеномъ. Онъ не торжествовалъ передо мной, что съ такой проницательностью рѣшилъ, что мы будемъ побиты, но только онъ находилъ естественнымъ все, чтó случалось. Послѣ недовѣрiя къ пораженiямъ, многiе парижане пожимали плечами, когда при нихъ говорили про осаду Парижа. Развѣ можно осадить Парижъ? И нѣкоторые доказывали научными доводами, что осада невозможна. Жюльенъ, по какому-то предвидѣнiю, поражавшему меня, утверждалъ, что къ 15 сентября мы будемъ блокированы. Въ немъ все еще жилъ школьникъ, которому были противны всѣ тѣлесныя упражненiя. Вся эта война, разстроивавшая его привычки, выводила его изъ себя. Къ чему воевать, Создатель!—и онъ съ протестомъ вздымалъ руки къ небу, однако съ жадностью читалъ депеши. Когда я ему говорилъ, что онъ гораздо лучшiй патрiотъ, нежели ему это кажется, онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Если бы Луи тамъ не было, то я писалъ бы хоть стихи въ ожиданiи того, пока эта сумятица уляжется.

Время отъ времени приходило письмо отъ Луи. Извѣстiя были худыя, армiя падала духомъ; французскiй солдатъ можетъ дѣлать чудеса, когда ему везетъ, но если его поколотятъ, онъ легко деморализируется. Въ тотъ день, какъ пришла вѣсть въ Парижъ о сраженiи при Борни, я какъ разъ встрѣтилъ Жюльена на углу улицы Друо. Въ этотъ день Парижъ на минуту испыталъ проблескъ надежды. Говорили о побѣдѣ; Жюльенъ, напротивъ того, показался мнѣ мрачнѣе обыкновеннаго. Онъ гдѣ-то прочиталъ, что полкъ его брата велъ себя геройски, но понесъ значительный уронъ.

Два дня спустя общiй прiятель пришелъ сообщить мнѣ ужасную новость. Лаконическое письмо извѣстило какъ разъ въ это самое утро Жюльена о смерти его брата, убитаго при Борни осколкомъ

гранаты. Я немедленно побѣжалъ къ бѣдняку, но никого не засталъ; привратникъ сказалъ мнѣ, что со вчерашняго дня Жюльенъ уходилъ и приходилъ, не оставаясь четверти часа на мѣстѣ. На другое утро я еще лежалъ въ постелѣ, когда въ мою комнату вошелъ высокій молодой человѣкъ, одѣтый вольнымъ стрѣлкомъ. Это былъ Жюльенъ. Я его не узналъ, потомъ обнялъ отъ всего сердца. У меня глаза были полны слезъ, но онъ не плакалъ. Онъ присѣлъ на минутку ко мнѣ на кровать, сдѣлалъ жестъ, какъ-бы съ тѣмъ, чтобы остановить мои утѣшенія, онъ даже не хотѣлъ, чтобы я говорилъ съ нимъ о братѣ.

— Вотъ, — сказалъ онъ мнѣ просто,—я хотѣлъ съ тобой проститься. Теперь я осиротѣлъ, и мнѣ было бы скучно жить сложа руки... Узнавъ, что отрядъ вольныхъ стрѣлковъ собирается выступить изъ Парижа, я завербовался вчера... Это меня займетъ.

— А когда ты оставляешь Парижъ?—спросилъ я.

— Черезъ два часа... Прощай.

И онъ обнялъ меня въ свою очередь. Я не посмѣлъ больше разспрашивать его. Онъ ушелъ, и воспоминаніе о немъ не покидало меня больше. Конечно, онъ уходилъ, чтобы отмстить за брата. Не можетъ быть, чтобы мысль объ отечествѣ вложила ему въ руку оружіе: я припоминалъ его, равнодушіе, его отвращеніе къ войнѣ. Итакъ, онъ собирался отмстить нѣмцамъ за личную обиду. Послѣ седанской катастрофы, за нѣсколько дней до обложенія Парижа, я получилъ отъ него вѣсти. Одинъ изъ его товарищей сообщилъ мнѣ, что этотъ тщедушный молодой человѣкъ дерется какъ левъ. Онъ велъ съ врагомъ войну дикаря; подстерегалъ его за кустомъ, пускалъ больше въ ходъ кинжалъ, нежели шасспо. Въ теченіи цѣлыхъ ночей, онъ подстерегалъ людей, какъ дичь, и убивалъ всѣхъ тѣхъ, кто проходилъ мимо него. Онъ былъ особенной грозой для одиночныхъ часовыхъ. Онъ подползалъ къ нимъ сзади съ ножомъ въ рукѣ и, тихо приподнявшись съ земли, убивалъ ихъ. Этотъ разсказъ перевернулъ всю мою душу. Я не узнавалъ Жюльена и спрашивалъ себя: неужели же возможно, чтобы этотъ нервный поэтъ превратился въ палача? Это разстроивало всѣ мои понятія объ его темпераментѣ, и я долженъ былъ допустить, что нравственное потрясеніе можетъ преобразить человѣка.

Затѣмъ, Парижъ былъ изолированъ отъ всего остального міра. Началась осада, съ ея затишьемъ и ея бурями. Безъ сомнѣнія, страданія были велики, но ошибочно было бы думать, что городъ былъ полонъ гнѣва и плача. Парижъ просто былъ окутанъ меланхолическимъ спокойствіемъ провинціальнаго города. Я не могъ выйти на

улицу, не вспомнивъ объ Э, въ зимніе вечера. Улицы были безлюдны и темны; дома спозаранку засыпали. Вдали, правда, слышался грохотъ пушекъ и ружейная перестрѣлка, но этотъ шумъ какъ-бы терялся въ безмолвіи громаднаго города. Въ иные дни проносилось вѣяніе надежды, и тогда все населеніе оживало, забывало про долгія стоянія передъ булочными, раціоны, холодныя печи, гранаты, сыпавшіяся на кварталы лѣваго берега. Затѣмъ новое бѣдствіе сражало толпу, и снова воцарялось безмолвіе, то особенное безмолвіе, свойственное столицѣ въ агоніи. Я видалъ во время этой осады уголки, гдѣ ютилось мирное счастіе; мелкихъ рантье, не разстававшихся съ обычной прогулкой на блѣдномъ зимнемъ солнцѣ, влюбленныхъ, улыбавшихся другъ другу въ какомъ-нибудь забытомъ уголку предмѣстья, даже не слыша пушекъ. Всѣ жили со дня на день, дожидаясь катастрофы, которой никто себѣ ясно не представлялъ. Всѣ иллюзіи были развѣяны и, однако, все еще надѣялись на чудо, на помощь изъ провинціи, на поголовное возстаніе населенія, на какое-нибудь чудесное вмѣшательство, которое придетъ въ свое время.

Я находился, однажды, на аванпостахъ, когда привели человѣка, котораго нашли во рву. Я узналъ Жюльена. Онъ велѣлъ отвести себя къ генералу и сообщилъ ему много свѣдѣній. Я съ нимъ не разставался, и мы вмѣстѣ провели ночь. Съ сентября мѣсяца онъ ни разу не спалъ въ кровати, день и ночь отправляя свое ужасное ремесло охотника за людьми. Онъ, впрочемъ, неохотно разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ, пожималъ плечами на всѣ разспросы и объявилъ, что его похожденія похожи одно на другое, какъ двѣ капли воды: онъ убивалъ возможно больше нѣмцевъ, вотъ и все. Онъ убивалъ ихъ, какъ могъ, ножомъ или изъ ружья. Онъ говорилъ, что такая жизнь очень монотонна и вовсе не такъ опасна, какъ думаютъ. Онъ подвергался серьёзной опасности только однажды, когда его захватили французы и, принявъ за шпіона, хотѣли разстрѣлять. Онъ все еще не говорилъ о братѣ.

На другой день онъ собрался уходить. Онъ проберется снова черезъ французскія линіи, говорилъ онъ, и станетъ рыскать по окрестностямъ. Я умолялъ его остаться въ Парижѣ. Онъ сидѣлъ у меня и какъ будто не слушалъ. Затѣмъ вдругъ промолвилъ:

— Ты правъ; довольно... я достаточно убилъ народа.

И онъ признался мнѣ, что не рѣшался вернуться въ Парижъ, когда рекогносцирующій отрядъ нашелъ его во рву. На другое утро онъ мнѣ объявилъ, что завербовался въ пѣшіе егеря. Я былъ пораженъ. Развѣ онъ не достаточно отмстилъ за брата? Развѣ идея отечества

проснулась въ немъ? И между тѣмъ какъ я, улыбаясь, глядѣлъ на него, онъ меня понялъ:

— Я замѣняю брата, я могу быть только солдатомъ,—просто замѣтилъ онъ. — Ахъ! порохъ опьяняетъ! Въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ я видѣлъ, какъ врагъ попиралъ нашу землю, и у меня никогда не изгладится въ сердцѣ гнѣвъ..! Впрочемъ, видишь ли, мое отечество—это земля, гдѣ спятъ тѣ, кого мы любимъ.

Я поглядѣлъ на него. Онъ былъ по прежнему малъ и тщедушенъ, но тѣло его стало гибкимъ и твердымъ какъ стальная пружина. Франція насчитывала лишняго солдата въ своихъ рядахъ.

V.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о великомъ урокѣ, который вытекаетъ для насъ изъ нашихъ бѣдствій. Тщеславію, недопускавшему насъ и помыслить о томъ, что мы можемъ быть разбиты, нанесенъ жестокій ударъ. Мы знаемъ, увы! что мы не непобѣдимы, и это заставило насъ оглянуться на самихъ себя.

Во Франціи воинственный духъ былъ всегда очень силенъ. Но любить войну и храбро драться—недостаточно. Мы были побѣждены чудной дисциплиной нѣмецкихъ войскъ и глубокой и осмысленной тактикой. Наши офицеры, конечно, были очень храбры; но надо сознаться, что они были довольно невѣжественны. Двадцать разъ доказывали они, что не знаютъ собственнаго края, между тѣмъ какъ непріятельскій генеральный штабъ былъ во Франціи точно у себя дома, зналъ всѣ малѣйшія деревушки, рощи, глухія тропинки. Съ другой стороны, нашъ планъ кампаніи былъ отвратителенъ, и всѣ наши неудачи, конечно, происходили отъ нелѣпаго, безпорядочнаго распредѣленія войскъ вдоль границы. Прибавьте, что вооруженіе было плохое, что ничего не было готово, что величайшій безпорядокъ царствовалъ въ арсеналахъ, что наши генералы даже не подозрѣвали о томъ: какъ слѣдуетъ пользоваться желѣзными дорогами, чтобы сгруппировать войска и предрѣшить побѣду. Повторяю: наше невѣжество было побито, но не наша храбрость.

Обще-распространенное мнѣніе во Франціи до нашихъ пораженій въ 1870 г. было, что достаточно смѣло наброситься на непріятеля, чтобы его сокрушить. Отсюда наша хвастливая самоувѣренность. Мы льстимъ себя мыслью, что по холодному оружію у насъ нѣтъ соперниковъ. Наши зуавы, наши венсенскіе стрѣлки, наши маленькіе сол-

датики вошли въ пословицу. Но далеко бьющее оружіе, громадныя массы людей, выдвинутыхъ въ линію измѣнили все это, хотя мы объ этомъ и не подозрѣвали. Въ настоящее время мы жестоко проучены, и можно сказать, что война 1870 г. обусловитъ во Франціи настоящую реформу въ тактикѣ и даже глубокій переворотъ въ военномъ духѣ. Мы больше не будемъ разсчитывать на одну только храбрость; мы будемъ учиться драться. Въ послѣднія семь лѣтъ во французской арміи совершается значительное движеніе. Я не могу и не хочу входить здѣсь въ подробности; достаточно, если я засвидѣтельствую этотъ фактъ.

Когда я прежде живалъ въ провинціи, то меня очень поражала пустота армейской жизни нашихъ офицеровъ. Въ Э стояло два или три полка. Несчастные офицеры волочили свои сабли по тротуарамъ, изнывая отъ скуки. Нельзя представить себѣ безмятежную тишину этого города, гдѣ трава растетъ на улицахъ. Офицеръ просыпался, зѣвая отправлялъ свою ежедневную службу, отнимавшую у него немного часовъ, и проводилъ всѣ остальные самымъ монотоннымъ образомъ. Зачастую онъ засиживался въ кофейнѣ, пилъ пиво, игралъ на билліардѣ, съ утра до ночи просиживалъ тамъ, убивая время; или же гулялъ по городу, считая мухъ; или же сидѣлъ у себя дома, развалясь въ креслахъ, задравъ кверху ноги, слѣдя за дымомъ своей сигары. Я знавалъ одного, который вышивалъ по канвѣ, точно женщина. Онъ вышивалъ туфли, это развлекало его, и, право, лучше вышивать, чѣмъ сидѣть сложа руки. Весьма немногіе хлопотали о своемъ образованіи, читали спеціальныя книги о военномъ искусствѣ. Конечно, всѣ они были славные малые, очень храбрые и очень честные, но ихъ словно усыпляло монотонное существованіе, какое они вели, и я долженъ прибавить, что большинство казалось мнѣ довольно ограниченными.

Надо еще сказать, что въ маленькихъ городкахъ офицеровъ не долюбливали. Буржуазія косо смотрѣла на нихъ. Сабли, волочившіяся по тротуарамъ, смущали населеніе. Во Франціи вращаются старыя шутки, сохранившія всю прежнюю силу. Такъ, напримѣръ, принято думать, что офицеры соблазняютъ всѣхъ дамъ, а потому мужья высказываютъ глухое раздраженіе противъ мундира. Я полагаю, что это не болѣе какъ легенда, и что офицерамъ не приходится даже развлекаться любовными похожденіями; но тѣмъ не менѣе эта легенда принимается за истину, и пустыня образуется вокругъ офицеровъ. Хорошее общество ихъ не принимаетъ, и они чувствуютъ себя изолированными. До 1870 г. несомнѣнно существовалъ нѣкоторый антагонизмъ между буржуазіей и военными, антагонизмъ, выражавшійся

въ тысячѣ досадныхъ мелочей. Въ южныхъ городахъ въ особенности военныхъ не любили. Быть можетъ, это происходило оттого, что Провансъ былъ послѣднею изъ присоединенныхъ провинцій.

Я не могъ наблюдать того, что̀ происходитъ въ армейской жизни въ настоящее время; но свѣдѣнія, сообщаемыя мнѣ, доказываютъ, что порядки очень измѣнились въ послѣднее время. Наши офицеры, въ настоящее время, всѣ набросились на ученіе. Съ другой стороны, тѣсная связь установилась между ними и населеніемъ. Это происходитъ оттого, что теперь всѣ—солдаты. Нація сливается съ арміей. Вслѣдствіе этого возникаетъ братство. Проходящій мимо офицеръ не что иное, какъ гражданинъ, отбывающій свою повинность подъ знаменами. Лѣтъ черезъ десять—двадцать, переворотъ будетъ полный, и новая воинская система проведетъ нивеллирующій уровень надъ всѣми головами. Черезъ нѣсколько поколѣній вся нація перебываетъ подъ военной шинелью. Тогда зародится новая Франція.

Я думаю, что мы нуждались въ этомъ жестокомъ урокѣ. Бываютъ моменты, когда для націи, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, необходимо сильное лекарство. Здѣсь дѣло идетъ не только о нашемъ военномъ геніѣ, но о самомъ существованіи націи. Наши мускулы ослабѣвали; мы засыпали въ малодушномъ благоденствіи! Бѣдствія разбудили насъ. Мы знаемъ, что надъ нашей головой виситъ вѣчная угроза и что мы должны призвать на помощь весь свой умъ и все свое мужество, чтобы выдти побѣдителями изъ борьбы, которая только-что начинается. Обязательная воинская повинность будетъ отличной школой, которая воспитаетъ мужество въ подростающихъ поколѣніяхъ. Мы увидимъ, какъ во Франціи народится новое общество, менѣе изнѣженное, болѣе выносливое, болѣе разсудительное и сильное. Намъ нужны—люди.

Эмиль Золя.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

По поводу нашей переводной литературы о славянствѣ.

— *Каниць*. Дунайская Болгарія и Балканскій полуостровъ (?!). Съ картою. Спб. 1876. Библіотека путешествій.
— *Фриллея* и *Влахити* (?!). Современная Черногорія. Спб. 1876. Библіотека путешествій.

Славянофилы давно упрекали западныхъ, а также южныхъ славянъ, что они мало знаютъ Россію и русскихъ, и повторяютъ о насъ превратныя мнѣнія западной литературы; въ послѣднее время много разъ упрекали подобнымъ образомъ сербовъ, что они не знаютъ насъ и не идутъ къ намъ искать науки и образованія. Эти упреки всегда казались намъ несправедливымъ взваливаньемъ на людей того, въ чемъ мы и сами не безупречны. Во-первыхъ, если обратиться къ литературѣ, которая бываетъ въ подобныхъ случаяхъ хорошей мѣркой, то наша литература, до послѣдняго времени занятая своими домашними вопросами, слишкомъ важными для русскаго общества, не представляла такого запаса общечеловѣческаго содержанія, научнаго и поэтическаго, или даже запаса общеславянскаго содержанія, который бы могъ сильно привлечь славянскую „интеллигенцію", или могъ бы пересилить въ ней вліяніе литературъ западныхъ, и далеко не представляла той широкой и свободной мысли, которая одна можетъ доставить литературѣ господствующее значеніе. Во-вторыхъ, наше собственное общество едва ли не меньше знало о славянахъ, чѣмъ они о насъ; такъ что обвиненіе должно быть обоюдное, и въ результатѣ должно оказаться, что обѣ стороны одинаково мало знаютъ другъ друга. Литературное общеніе и съ той и съ другой стороны ограничивалось кружкомъ спеціалистовъ, которыхъ у насъ было, пожалуй, не больше, чѣмъ у нашихъ западныхъ и южныхъ единоплеменниковъ. Въ предѣлѣ этихъ кружковъ есть очень хорошее знаніе другъ друга, хотя и здѣсь общеніе происходило почти исключительно въ области чисто научныхъ вопросовъ — въ области филологіи, исторіи и археологіи. Большинство стояло внѣ этого общенія.

Образчикъ того, какой степенью знанія славянства обладаетъ наша средняя „интеллигенція", могутъ представить вышепоимено-

ванныя изданія. Въ ту минуту, когда интересъ къ славянству былъ сильно возбужденъ въ русскомъ обществѣ событіями на Балканскомъ полуостровѣ, для удовлетворенія этого интереса явились изданія, принадлежащія не какому-нибудь случайному издателю-аферисту, а весьма извѣстной „Библіотекѣ Путешествій", которая ставитъ себѣ спеціальной задачей обучить публику географіи и этнографіи по всѣмъ рубрикамъ, обозначеннымъ на заглавныхъ листахъ „Библіотеки". Достаточно взглянуть на эти книги, чтобъ увидѣть, что оба изданія стоятъ ниже всякой критики, даже просто неприличны.

Начать съ того, что „Библіотека" не съумѣла понять даже заглавія книги Каница! Она утверждаетъ, что это заглавіе—„Дунайская Болгарія и *Балканскій полуостровъ*", тогда какъ нѣмецкая книга называется „Donau-Bulgarien und der Balkan", т.-е. Балканы, Балканскія горы, а вовсе не полуостровъ.

Затѣмъ съ первыхъ же страницъ русское изданіе сыплетъ такимъ незнаніемъ не только славянской исторіи, но даже и нѣмецкаго языка, которое удивительно встрѣтить въ „редакціи" цѣлаго обширнаго предпріятія, какъ „Библіотека Путешествій". Изъ множества примѣровъ ограничиваемся немногими.

Въ числѣ древнихъ народовъ Балканскаго полуострова являются „геты и *трибаллеры*" (съ нѣмецкаго Triballer), читай: *трибаллы* (стр. 13). По методѣ „Библіотеки Путешествій" надо было бы говорить: нерсеры, вм. персы.

„Король Крумъ" (стр. 18): болгарскіе владѣтели назывались царями, а не королями.

„Переславль" (стр. 19)—вм. Преслава.

Греческій императоръ „Василій Мацедо" (стр. 20), вм. Македонянинъ (извѣстенъ въ учебникахъ).

„Ямбали" и „Цаливокъ" (стр. 22), вм. Ямболи и Чаликавакъ.

Болгарскій бояринъ „Жишманъ" (стр. 23), читай: Шишманъ. Мудреное слово никакъ не давалось „Библіотекѣ Путешествій"; въ оглавленіи первой главы, тоже имя пишется „Жисманъ", а „династія Шишманидовъ" переведена съ нѣмецкаго: „династія Шишманиденъ" (стр. 11).

Предводитель болгаръ „Николика" (стр. 26), читай: Николица. Сербская страна „Раза" и рѣка „Разка" (стр. 27), читай: Расъ и Рашка.

Болгарскій царь „Азанъ, по сказанію болгарца Царственика, былъ въ 1186 году коронованъ" и пр. (стр. 28). Царя „Азана" у болгаръ не бывало, а былъ Асѣнь; „болгарца Царственика" также не бывало: въ подлинникѣ сказано—„nach dem bulgarischen Carstvenik", по бол-

гарскому Царственнику, т.-е. лѣтописи, носящей такое заглавіе. Любопытно, что на слѣдующей же стр. 29—переводчику пришлось самому упомянуть „вышеназванную хронику царей — Царственникъ". На той же страницѣ русскій ученый Палаузовъ названъ „Паланцовымъ".

На стр. 29 опять „Іоаннъ Аванъ".

Сербскій краль „Уросъ" (стр. 30—31), вмѣсто Урошъ.

„Честолюбивый Гуніади въ послѣдній разъ попыталъ счастіе на роковыхъ поляхъ Амзеля при Коссовѣ (1449), но былъ разбитъ" и пр. (стр. 33). По-истинѣ роковыя поля: изучающій славянскую исторію напрасно будетъ искать въ старыхъ лѣтописяхъ этихъ полей Амзеля; онѣ находятся только въ нѣмецкомъ словарѣ. „Поля Амзеля при Коссовѣ"—знаменитое Косово-поле, гдѣ въ 1389 сербы разбиты были турками, послѣ чего Сербія подпала турецкому игу. Это Косово-поле нѣмцы обыкновенно переводятъ Amselfeld, потому что сербское слово „кос" значитъ черный дроздъ, Amsel, а въ скобкахъ Каницъ поставилъ и сербское имя. „Библіотека Путешествій" устроила изъ этого „поля Амзеля при Коссовѣ".

Этихъ примѣровъ довольно, чтобы видѣть, сколь точно „Библіотека Путешествій" знакомитъ своихъ читателей съ славянской исторіей. Вообще, „Болгарія" трактована здѣсь точно какая-нибудь Новая Зеландія: встрѣтится имя—Богъ знаетъ какъ его прочесть, и оно читается наудачу; приводятся у автора болгарскія слова, фразы, отрывки пѣсенъ, они повторяются съ оригинала тѣмъ же латинскимъ шрифтомъ; „Библіотека Путешествій" видимо не знаетъ, что у болгаръ то же письмо, какъ и у насъ. Названія мѣстностей пишутся какъ попало. Напримѣръ: „въ Панагьюристѣ (Panagjuriste)" (стр. 84) —извѣстная мѣстность Панагюрище. Различно называется „Рылостокъ" и „Рилостокъ" (стр. 68, 98), и въ послѣднемъ случаѣ приводится замѣчательное извѣстіе: „въ живописной долинѣ Рилостока расположенъ замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ (болгарскихъ) монастырей, „св. Рило" (Рыло?), заключающій въ своихъ стѣнахъ 120 монаховъ и 30 міряцъ". Нѣмецкому путешественнику простительно было написать „Sv. Rilo"; но русскому переводчику можно было бы объяснить, что рѣчь идетъ не о св. Рилѣ (!), а о монастырѣ Іоанна Рыльскаго, знаменитѣйшаго и древнѣйшаго (X-го вѣка) болгарскаго пустынножителя и святого.

„Библіотека Путешествій", вѣроятно поглощенная своими всемірно-географическими заботами, могла не угнаться за точностью переводовъ; но ту же ошибку повторяетъ и спеціальное изданіе. Та глава Каница, гдѣ находится упоминаніе о знаменитомъ Рыльскомъ мона-

стырѣ, была переведена также въ „Славянскомъ Сборникѣ" (т. III), и тамъ „св. Рило" также прошло подъ завѣдываніемъ издательской коммиссіи Славянскаго Комитета и подъ спеціальной редакціей ея члена, г. Гильтебрандта.

Переходимъ къ Черногоріи.

Когда намъ встрѣтилось первое объявленіе о книгѣ: „Современная Черногорія", изданной тою же „Библіотекою Путешествій", мы приведены были въ большое недоумѣніе именами ея авторовъ: Фрилей, это понятное, англійское или, пожалуй, французское имя; но „Влохити" былъ совершенно непостижимъ. Какой націи можетъ принадлежать авторъ, носящій подобное имя? Мы предположили, что вѣроятно это былъ цыганъ, потому что только въ этомъ языкѣ (намъ неизвѣстномъ) мы считали возможной такую необыкновенную формацію имени. Но увидѣвъ французскій подлинникъ книги мы поняли въ чемъ дѣло. „Библіотека Путешествій" и съ Черногоріей поступила опять какъ съ Новой Зеландіей: она прочла имя какъ Богъ послалъ. Загадочный „Влохити" оказался нашъ братъ-славянинъ. Въ подлинникѣ его фамилія написана: „Iovan Wlahovitj, capitaine au service de la Serbie", т. е. Іованъ, или Иванъ Влаховичъ, капитанъ сербской службы.

Переводъ—въ такомъ же родѣ, какъ въ „Болгаріи" Каница. На первыхъ же страницахъ мы опять встрѣчаемся съ необыкновенной передачей славянскихъ именъ, мѣстныхъ названій и т. д.

Крѣпость Спужъ — названа Спуца (стр. 2), въ другомъ мѣстѣ Спуцъ (стр. 4); по-французски написано Spuz.

Историкъ Черногоріи Милаковичъ—названъ Милоковичъ (стр. 3).

Зета названа Цетой (стр. 3).

Черноевичъ, знаменитое лицо въ исторіи Черногоріи, именуется Черновичъ (стр. 3).

Гюргъ Страхиміръ Бальшичъ названъ Георгъ Строхиміръ Большой!! (стр. 3).

„Точное опредѣленіе границъ положило бы разъ навсегда конецъ раздорамъ, обогащавшимъ въ былое время Четасовъ и поддерживавшихъ вражду противъ турокъ" (стр. 6). Эти Четасы (съ большой буквы, чего не дается тутъ же рядомъ туркамъ) способны совсѣмъ сбить съ толку читателя; что это за народъ, о которомъ вовсе не упоминается въ описаніи черногорскихъ племенъ? Но дѣло опять объясняется просто: „четами" (во французскомъ подлинникѣ tchétas) назывались и называются до сихъ поръ у черногорцевъ отряды охотниковъ, которые отправлялись въ партизанскую войну съ турками.

„Бѣлопавицы" (стр. 10 и др.), см. Бѣлопавличи.

Оставляемъ ужасную географію и исторію; но и въ другихъ отдѣлахъ насъ ждетъ то же самое обращеніе съ братьями-славянами. Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Въ описаніи одежды и вооруженія:

„Поясъ или *паасъ*“ (стр. 46)—совсѣмъ уже не нужное уродованіе даже французскаго текста. Поясъ называется у сербовъ тѣмъ же словомъ, въ другомъ произношеніи: *пасъ* (во французскомъ подлинникѣ pass).

„Надѣтый опанке“ (стр. 47)—вм. надѣтыя опанки (обувь).

„Ханджаръ или *ноже* (noje)“ (стр. 49)—т.-е. просто ножъ, какъ по-русски.

Въ описаніи обычаевъ:

Знаменитыя сербскія и черногорскія гусле называются на французско-нижегородскій ладъ „гузла“ (guzla), стр. 52, 60.

„Рождественскій очагъ, гдѣ горитъ традиціонная *баднжака*“ (стр. 76, выше,—въ мужескомъ родѣ *баднжакъ*, стр. 74, 75). Трудно повѣрить, что это слово принадлежитъ славянскому, а не тому языку, гдѣ мы думали найти объясненіе имени г. Влохити. Эта невозможная „баднжака“ есть „баднякъ“ (по-французски слово написано badnjak).

Мы могли бы прибавить еще сотню такихъ примѣровъ, но и приведенные довольно красноречивы. Очевидно, что переводчики „Библіотеки Путешествій“ никогда не слыхивали о сербахъ и болгарахъ; имена, извѣстныя всякому, кто хоть что-нибудь прочиталъ объ этихъ нашихъ единоплеменникахъ, безжалостно изуродованы. Между тѣмъ и труда было бы немного, чтобы избѣжать всего этого: довольно было редакціи „Библіотеки Путешествій“ прочесть двѣ-три русскія книги о южныхъ славянахъ, или пріобрѣсти консультацію студента историко-филологическаго факультета, хотя бы 2-го курса.

Намъ остается сказать о внѣшней сторонѣ изданія. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ очень странныя вещи. Къ нѣмецкой книгѣ приложена карта *цѣлой* Дунайской Болгаріи, съ маршрутомъ самаго путешествія Каница; къ русской—что-то странное, а именно карта *сербскаго* театра войны съ очень маленькимъ кусочкомъ сосѣдней Болгаріи.—Дальше, насъ встрѣчаетъ новая путаница: „что касается до *небольшого* числа рисунковъ, находящихся въ оригиналѣ, то они *совершенно излишни* (?) и, за исключеніемъ археологическихъ, не представляютъ никакого интереса, ни по существу, ни по выполненію. *Поэтому* мы предпочли выпустить (что?) безъ нихъ, а взамѣнъ того приложить подробную карту“. Во-первыхъ, *небольшимъ* числомъ рисунковъ едва ли можно назвать *тридцать одинъ* рисунокъ въ 1-мъ

томѣ Каница (двадцать иллюстрацій въ текстѣ, десять большихъ отдѣльныхъ рисунковъ, и одинъ профиль Балканъ); и рисунки вовсе не дурны и не излишни, а, напротивъ, представляютъ интересъ и по существу, и по выполненію; въ изданіяхъ самой „Библіотеки" мы не видали рисунковъ лучше этихъ. Что касается подробной карты, помѣщаемой „взамѣнъ", то, какъ мы замѣтили, это—карта, какія издавались для изображенія театра сербской войны; какимъ образомъ она очутилась при книгѣ о Болгаріи,—не станемъ разбирать.

Подобныя недоумѣнія возбуждаетъ и „Современная Черногорія". Здѣсь также карта, и дѣйствительно карта всей Черногоріи, а не Албаніи, или Герцеговины съ кускомъ Черногоріи. Но читатель, который вздумаетъ изучать Черногорію по этой картѣ, долженъ знать впередъ, что ее надо переводить на русскій языкъ съ французско-нижегородскаго нарѣчія. Напримѣръ:

„Цабльжахъ" (!!), читай—Жаблякъ (извѣстная крѣпость у черногорско-албанской границы).

„Вазожевичи", читай—Васоевичи (черногорское племя и мѣстность).

„Плевлже", читай—Плевлье.

„Будуа", читай—Будва.

„Невесинъ" (въ Герцеговинѣ), читай—Невесинье.

„Глюбинъ", читай—Любинье.

„Дуленьо", читай—Дульчиньо.

„Столачъ", читай—Столацъ, и т. д.

„Взамѣнъ" этого читатель не найдетъ крупныхъ мѣстностей, играющихъ роль въ черногорскихъ войнахъ. Карта, по сличеніи, оказывается скопированной съ карты, находящейся при французскомъ изданіи. Это послѣднее читало и писало по-своему сербскія имена; въ русскомъ изданіи (приготовленномъ въ извѣстномъ „Картографическомъ Заведеніи"), это чтеніе усовершенствовано указаннымъ сейчасъ способомъ.

Во французской книгѣ находится нѣсколько картинокъ, довольно посредственныхъ, но на этотъ разъ „Библіотека Путешествій" не отрицала ихъ достоинства по существу и по выполненію, и свое изданіе также снабдила картинками,—отчасти однако другими, бывшими вѣроятно въ запасѣ отъ другого случая. Напр. на одной, прибавленной, изображены „дочери князя Черногорскаго: Любица, Зорка и Милка", — но на самой картинкѣ только двѣ дочери черногорскаго князя.

Прибавимъ еще, что и здѣсь, какъ въ книгѣ Каница, черногорскія слова, приводимыя авторомъ, выписываются какъ во французской книгѣ; „Библіотека Путешествій" опять не знаетъ, что и сербы, какъ

болгары, употребляютъ наше письмо. Наконецъ, въ русскомъ переводѣ совсѣмъ выпущено обширное историческое введеніе, которое было бы однако очень не лишнимъ.

Такъ перепорчены въ „Библіотекѣ Путешествій" книги, которыя могли бы быть очень кстати для читателей; и поправить дѣло едва ли можно, потому что едва ли какой издатель возьмется снова за эти книги. Нечего объяснять, что въ подобномъ способѣ изданія не много видно уваженія и къ публикѣ, и къ самому предмету; но изданіе характеристично. Это—точное отраженіе того, сколько въ среднемъ уровнѣ нашей интеллигенціи нашлось знанія славянства и желанія понимать его—въ то время, когда уже происходила отчаянная борьба, которая могла бы пробудить сколько-нибудь серьёзный интересъ.

Д.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Первыя шесть недѣль.

12 апрѣля—24 мая.

Отставая по необходимости отъ ежедневныхъ газетныхъ извѣстій за самые послѣдніе дни, журнальное обозрѣніе можетъ имѣть свое преимущество, такъ какъ оно обнимаетъ тридцатидневный періодъ времени. Въ журнальной статьѣ возможно потому выводить изъ извѣстій, являвшихся разрозненными, общія нити военныхъ дѣйствій и представлять ихъ въ болѣе связномъ разсказѣ, съ опущеніемъ тѣхъ подробностей, которыя отклоняютъ читателя отъ слѣдованія за общимъ ходомъ событій. Конечно, такіе обзоры не могутъ замѣнить ни оффиціальныхъ реляцій, съ ихъ точностью обозначенія частей войскъ, ни частныхъ корреспонденцій объ отдѣльныхъ дѣлахъ, съ ихъ живописностью и образностью личнаго наблюденія. Но за то ежемѣсячный обзоръ представляетъ другого рода наглядность, и во всякомъ случаѣ облегчаетъ читателю ежедневныхъ извѣстій трудъ приведенія въ порядокъ разнообразныхъ и вмѣстѣ отрывочныхъ свѣдѣній объ общемъ ходѣ войны. Само собою разумѣется, что нашъ обзоръ долженъ имѣть характеръ чисто-фактическій; но и въ этомъ есть своего рода польза для читателя, не военнаго спеціалиста.

Въ самый день объявленія войны, 12 апрѣля, наши войска перешли румынскую границу и заняли вдоль ея Яссы и Леово, между тѣмъ какъ части, собранныя въ южнѣйшей части Бессарабіи, пошли прямо къ Дунаю и своими разъѣздами заняли въ тотъ же день Галацъ на Дунаѣ и Барбошъ при впаденіи рѣки Серета въ Дунай, а на другой день — Браиловъ; чрезъ нѣсколько дней подоспѣлъ сюда уже и весь южный отрядъ, занявъ вмѣстѣ съ тѣмъ внизъ по рѣкѣ— Измаилъ и Килію. Такимъ образомъ, нижняя часть Дуная была занята съ необыкновенной быстротой, и приступлено было къ постановкѣ батарей на Дунаѣ. Двѣ другія колонны нашей дунайской арміи, сѣверная и средняя, изъ Яссъ и Леова, стягивались къ Дунаю, частью пользуясь румынской желѣзной дорогой, преимущественно для грузовъ. Для полнаго сосредоточенія нашей арміи на линіи Дуная по-

требовалось около пяти недѣль, что обусловливалось какъ естественной трудностью передвиженія большой арміи, такъ и отсутствіемъ хорошихъ дорогъ, а частью разливомъ рѣкъ и дождемъ, которые разрыхляли черноземную почву. Надо имѣть въ виду, что тѣ изъ нашихъ отрядовъ, которые слѣдовали не по желѣзной дорогѣ, но по обыкновеннымъ путямъ, везли съ собой каждый и принадлежащую къ нему артиллерію. Въ Румыніи наши войска были встрѣчены радушно.

Великій Князь главнокомандующій посѣтилъ 24 апрѣля Галацъ, Рени и Браиловъ, 25-го возвратился въ Кишиневъ, а 2 мая переѣхалъ уже въ Плоешти, куда и была перенесена изъ Кишинева наша главная квартира. Плоешти лежитъ къ сѣверу отъ Бухареста и соединенъ съ нимъ, а также съ Браиловымъ, желѣзною дорогой. Между тѣмъ, на основаніи приказа 26 апрѣля, въ составъ дѣйствующей арміи были включены еще 4, 13 и 14 корпуса; независимо отъ такого значительнаго усиленія, наша армія нашла себѣ союзницу въ войскѣ Румыніи, которая турецкимъ бомбардированіемъ Браилова, Ольтеницы, Калафата, была вынуждена къ войнѣ. Князь Карлъ сталъ во главѣ своего войска, которое исчисляется въ 20 т. чел. дѣйствующихъ частей, а съ территоріальными—въ 32 т. чел., и сосредоточилось въ Малой Валахіи, на правомъ берегу рѣки Алуты.

Бомбардированіе Браилова турками началось черезъ недѣлю по вступленіи туда нашихъ войскъ. Бомбардированіе производилось турецкими броненосцами и 24 апрѣля, когда Великій Князь осматривалъ работы по постройкѣ береговыхъ батарей. Обстрѣливаніе турками Браилова и Ольтеницы не производило почти никакого вреда, но Ѳерапонтьевскій монастырь, недалеко отъ Исакчи (только на лѣвомъ, т.-е. нашемъ берегу) пострадалъ. Тѣ батареи, которыя были поставлены нашими войсками немедленно по занятіи береговыхъ пунктовъ, были полевыя и не могли, разумѣется, вредить турецкимъ броненосцамъ. Но 26 апрѣля была окончена у Браилова и вооружена наша осадная батарея, и въ виду ея два турецкихъ броненосца и корветъ тотчасъ удалились. Броненосцы эти скрылись въ восточный рукавъ Дуная противъ Браилова, называемый Мачинскимъ рукавомъ, и вновь появлялись оттуда. Приступлено было съ нашей стороны къ устройству въ этомъ рукавѣ минныхъ преграждeній. Впрочемъ, всего на Дунаѣ считалось турецкихъ военныхъ судовъ до 24-хъ.

Нѣсколько броненосцевъ, 29 апрѣля, показались опять противъ Браилова и возобновили пальбу по городу. Но наша осадная батарея была готова. Нормальное вооруженіе нашихъ осадныхъ артиллерійскихъ парковъ состоитъ на половину изъ 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ, а другая

половина ихъ включаетъ на 30%—нарѣзныя мортиры, 6 и 8-дюймовыя и на 20%—полевыя 9-ти-фунтовыя пушки. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ чисто-специальной статьѣ, помѣщенной недавно въ „Кёльнской" газетѣ, по сравненію вооруженія нашей артиллеріи съ вооруженіемъ германской, отдавалось—хотя и легкое—предпочтеніе боевой силѣ нашего вооруженія.

Осадныя батареи открыли огонь по турецкимъ судамъ. Выпущено было до 30-ти снарядовъ, и уже собирались прекратить огонь, такъ какъ турки перестали отвѣчать на него, какъ вдругъ, въ 2 ч. 10 м. пополудни, вслѣдствіе двухъ совершенно одновременныхъ выстрѣловъ, и батареи мортирной, и батареи № 3, изъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій,—произошло явленіе, которое мы опишемъ словами оффиціальнаго корреспондента: „вдругъ весь корветъ закрылся дымомъ, сквозь который, какъ молнія, пробился темно-багровый огонь. Нѣкоторые подумали, что это непріятель разомъ далъ залпъ изъ всѣхъ своихъ орудій; но чрезъ двѣ-три секунды раздался ужасный, громоподобный трескъ, отдавшійся на нашемъ берегу сильнымъ сотрясеніемъ воздуха, и громадный столбъ изъ нѣсколькихъ переплетшихся языковъ огня и чернаго густого дыма, съ глухимъ гуломъ, взвился къ небу, саженъ на сорокъ въ высоту, и сталъ надъ корветомъ... Въ бинокли видно было, какъ летѣли вверхъ двѣ мачты, доски, бревна и разные осколки; замѣтны были даже и люди, падавшіе сверху внизъ..." Такъ погибъ большой турецкій трехмачтовый броненосецъ „Люфти-Джелилъ", съ своимъ капитаномъ Неджибомъ и 200 чел. экипажа: наши гранаты проникли въ его пороховую камеру.

Другой турецкій, также большой, мониторъ былъ взорванъ противъ Браилова посредствомъ торпедъ. Нѣсколько нашихъ минныхъ катеровъ отправились 14 мая къ монитору, и подъ огнемъ трехъ броненосцовъ лейтенантъ Дубасовъ нанесъ монитору первый ударъ, отъ котораго мониторъ залило водой, а лейтенантъ Шестаковъ нанесъ второй ударъ, довершившій гибель монитора; мониторъ былъ взорванъ, а другіе два удалились.

Еще къ двадцатымъ числамъ мая наша дунайская армія, имѣя главную квартиру въ Плоешти, была уже вся собрана вдоль линіи Дуная, начиная отъ устья его до рѣки Алуты, которая впадаетъ въ Дунай противъ Никополя и отдѣляетъ Малую-Валахію. Впереди линіи расположенія главныхъ силъ, выдвинуты отряды, занимающіе всѣ важнѣйшіе прибрежные пункты. Устройство осадныхъ батарей и минныхъ преграждeній въ разныхъ мѣстахъ подготовляетъ переправу. По мѣрѣ того, какъ пункты лѣваго берега ниже Никополя занимались нашими войсками, войска румынскія выступали изъ нихъ и сосредоточивались за Алутой. Теченіе Дуная выше Алу-

ты до Турно-Северина и границы Австріи охраняется теперь румынами, къ которымъ отряженъ вспомогательный русскій корпусъ.

Впрочемъ, въ настоящее время нѣтъ, повидимому, основанія ожидать, что турки предпримутъ наступательныя противъ насъ дѣйствія, которыя должны бы были начаться съ Малой-Валахіи. Первоначальное расположеніе турецкихъ войскъ на Дунаѣ было таково, что главныя силы ихъ были въ Виддинѣ, затѣмъ на средней части дунайской линіи, и, наконецъ, на нижней части Дуная—были собраны только незначительныя силы. Но послѣ быстраго занятія русскими войсками лѣваго берега на нижнемъ Дунаѣ, турки ослабили свой гарнизонъ въ Виддинѣ, и новыя силы, стягиваемыя ими къ дунайской арміи, направили преимущественно въ четыреугольникъ, образуемый крѣпостями Рущукомъ и Силистріею на Дунаѣ, Шумлой въ Балканахъ и Варной на Черномъ морѣ. Здѣсь собрано до 125 т. чел. Общая численность турецкой дунайской арміи опредѣляется теперь въ свыше 180 т. чел.

Чтобы вступить въ турецкіе предѣлы въ Малой-Азіи, не требовалось провесть армію чрезъ цѣлое государство и затѣмъ сосредоточивать ее на линіи большой рѣки, представляющей трудную переправу. Здѣсь достаточно было перейти границу, чтобы начать немедленно военныя дѣйствія. Наша операціонная линія при началѣ ихъ обозначалась четырьмя городами, лежащими вдоль малоазіатской границы: Поти (на восточномъ берегу Чернаго моря), Ахалцыхомъ, Александрополемъ и Эриванью. Имъ соотвѣтствуютъ за турецкой границей, города: Батумъ (на берегу моря), Ардаганъ, Карсъ и Баязетъ. Сообразно этому, наши войска двинулись впередъ четырьмя отрядами: ріонскій (отъ Поти, названный по имени рѣки Ріона), генерала Оклобжіо,—на Батумъ; ахалцыхскій, генерала Девеля,—на Ардаганъ; александропольскій, генерала Лорисъ-Меликова (ему подчиненъ и ахалцыхскій),—на Карсъ; и эриванскій, генерала Тергукасова,—на Баязетъ. Ближайшими цѣлями операцій этихъ отрядовъ представлялось разъединеніе турецкихъ гарнизоновъ Батума, Ардагана, Карса и Эрзерума и взятіе первыхъ трехъ изъ этихъ крѣпостей. Дальнѣйшею цѣлью, по взятіи главнѣйшей изъ нихъ—Карса, могло бы быть сосредоточеніе всѣхъ нашихъ отрядовъ по направленію къ Эрзеруму и взятіе этого города, съ которымъ Малая-Азія лишится своихъ оплотовъ. Могутъ быть еще и дальнѣйшія цѣли, какъ напримѣръ — занятіе Трапезонда, лежащаго на южномъ берегу Чернаго моря, т.-е. къ сѣверо-западу отъ Батума, и какое-либо особое назначеніе южнѣйшаго изъ нашихъ отрядовъ — эриванскаго. Но главная цѣль пока—овладѣть исчисленными выше крѣ-

постями, особенно Карсомъ и Эрзерумомъ. Тогда мы будемъ уже въ центрѣ Малой-Азіи.

Необходимо замѣтить еще для читателей, мало знакомыхъ съ ходомъ нашихъ прежнихъ войнъ съ турками, что театръ дѣйствій въ Малой-Азіи—во всякомъ случаѣ—второстепенный. На немъ, мы можемъ только двинуться въ глубь непріятельской территоріи, отвлечь значительныя силы Турціи отъ европейскаго театра, парализовать торговлю, идущую чрезъ Трапезондъ и Батумъ, наконецъ лишить Турцію возможности новыхъ наборовъ въ Анатоліи; но угрожать съ этой стороны Константинополю невозможно уже по огромности разстояній и трудности снабженія арміи, которая много удалилась бы отъ нашихъ закавказскихъ предѣловъ.

Прослѣдимъ теперь дѣйствіе четырехъ нашихъ отрядовъ: ріонскаго, ахалцыхскаго, александропольскаго и эриванскаго. Ріонскій отрядъ, генерала Оклобжіо, имѣлъ передъ собой двѣ дороги на Батумъ: отъ Поти берегомъ моря на Кобулеты и крѣпостцу Цихедзири; дорога эта находится подъ выстрѣлами турецкаго флота и стѣснена береговыми высотами; затѣмъ—отъ Озургетъ на укрѣпленную позицію Хацубани, вдоль рѣки Кинтриши (Чурукъ-су) и далѣе къ Батуму, по гористой и лѣсистой мѣстности, до той же крѣпостцы Цихедзири; тутъ обѣ эти дороги соединяются въ одну, которая и ведетъ далѣе къ Батуму вдоль морского берега, причемъ на разстояніи около 18-ти верстъ отъ Цихедзири до Батума встрѣчаются четыре рѣчки, раздѣленныя отрогами хребта Перанга. Ріонскій отрядъ 29 апрѣля атаковалъ и взялъ приступомъ турецкую позицію Хацубани, на р. Кинтриши, позицію сильную; но при этомъ общее число выбывшихъ изъ строя показано было въ 128 чел. Одна частная телеграмма сообщила по этому поводу, что послѣ жаркаго 8-ми-часового боя обѣ стороны „возвратились на свои позиціи“, а газета „Daily Telegraph“ сочинила исторію о мнимомъ пораженіи русскихъ подъ Батумомъ, съ потерею 4000 чел. Но этой баснѣ и на Западѣ повѣрили только на минуту. Фактъ состоитъ въ томъ, что войска ріонскаго отряда взяли приступомъ позицію на р. Кинтриши и остаются на этой рѣкѣ доселѣ. Трудности, представляемыя мѣстностью, въ которой дѣйствуетъ ріонскій отрядъ, значительны, и это объясняетъ замедленіе. Впрочемъ, еслибъ въ виду ихъ и не удалось наступленіе на Батумъ отъ Поти и Озургетъ, ріонскому отряду могло бы содѣйствовать движеніе вспомогательнаго отряда отъ Ардагана, откуда есть также дорога къ Батуму.

Перейдемъ къ другимъ нашимъ наступательнымъ колоннамъ. Ахалцыхскій отрядъ генерала Девеля, дѣйствуя въ согласіи съ александропольскимъ, подступилъ съ сѣвера къ Ардагану. Между тѣмъ, але-

ксандропольскій корпусъ, въ которомъ сосредоточены главныя силы, состоящія подъ начальствомъ генерала Лорисъ-Меликова, занялъ центральную позицію подъ Карсомъ, у Заима, и сталъ высылать сильные кавалерійскіе отряды по обѣ стороны Карса для рекогносцировокъ, для перерыва сообщеній Карса съ Эрзерумомъ и для введенія русскаго управленія въ окрестныхъ округахъ. Отряды нашей кавалеріи заняли, такимъ образомъ, 24-го апрѣля, городъ Кагызманъ, находящійся въ 55 верстахъ къ югу отъ Карса, а два дня послѣ того, другой отрядъ, высланный на сѣверо-западъ отъ Карса (генерала Шереметева), имѣлъ дѣло съ непріятельскими войсками всѣхъ родовъ оружія, высланными изъ Карса, чтобы отрѣзать нашихъ драгунъ и казаковъ.

Такъ какъ, между тѣмъ, ничего серьёзнаго изъ Карса не предпринимали, то генералъ Лорисъ-Меликовъ, оставивъ подъ Карсомъ часть своихъ войскъ, съ другой частью александропольскаго корпуса направился, 28-го апрѣля, къ Ардагану, для поддержанія дѣйствій ахалцыхскаго отряда противъ этой крѣпости. Ахалцыхскій отрядъ подошелъ къ Ардагану со стороны Ольчека, а отрядъ александропольскаго корпуса сталъ у Гурджибека. Подъ главнымъ начальствомъ генерала Лорисъ-Меликова, войска наши атаковали, 4-го мая, два передовыя укрѣпленія, расположенныя на гилавердинскихъ высотахъ. Приступъ былъ подготовленъ сильнымъ дѣйствіемъ нашихъ сорока орудій: затѣмъ генералъ Девель повелъ пѣхоту въ атаку на гилавердинскія высоты и взялъ ихъ, овладѣвъ притомъ 9-ю орудіями, большимъ числомъ оружія и артиллерійскихъ припасовъ. На другой день, 5-го мая, послѣ замѣчательнаго дѣйствія артиллеріи, войска изъ колонны генерала Геймана взяли самую крѣпость Ардаганъ.

Взятіе Ардагана было значительнымъ успѣхомъ. Ардаганъ—укрѣпленный городъ, и верки его частью были разрушены нашими войсками во время восточной войны; но въ послѣднее время онъ былъ вновь значительно укрѣпленъ отдѣльными фортами, подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ. Изъ Ардагана идетъ, какъ уже сказано, дорога въ Батумъ, которою можно воспользоваться для поддержанія ріонскаго отряда, и другая дорога—на Ольту, въ Эрзерумъ. Ардаганъ находится въ 160 верстахъ отъ Батума, въ 70 отъ Карса и слишкомъ въ 200 отъ Эрзерума. Въ Ардаганѣ было найдено 90 орудій, въ числѣ которыхъ были и 9-ти-дюймовыя; потеря турокъ исчислялась въ 2—3 т. ч., по 9-ое мая было похоронено непріятельскихъ тѣлъ 1184. Наша потеря была незначительна, что̀ объясняется обстоятельствомъ, что взятіе Ардагана было дѣломъ по преимуществу—артиллерійскимъ. Оно имѣло и немаловажные нравственные результаты: крупный успѣхъ для нашихъ войскъ и опасенія турокъ вслѣд-

ствіе разобщенія Батума съ Карсомъ. Взятіе Ардагана, какъ извѣстно, произвело большое впечатлѣніе въ Константинополѣ и вызвало тамъ новую уличную демонстрацію софтовъ. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ его было общее недовольство въ Турціи и въ европейской печати, враждебной Россіи, командовавшимъ турецкими войсками въ Малой Азіи Мухтаромъ-пашей; въ настоящее время онъ, какъ извѣщала телеграмма, замѣненъ Измаиломъ-пашей.

Между тѣмъ, подъ Карсомъ произведена была 4-го мая новая рекогносцировка генераломъ Комаровымъ, котораго конница имѣла успѣшное дѣло съ турецкимъ отрядомъ изъ 1,000 драгунъ, 8-ми батальоновъ и батареи. Въ этомъ дѣлѣ былъ смертельно раненъ генералъ князь Челокаевъ. По взятіи Ардагана генералъ Лорисъ-Меликовъ оставилъ часть войскъ въ Ардаганѣ, подъ начальствомъ полковника Комарова, который и устроилъ тамъ русское управленіе, а самъ, съ 15-ю батальонами ахалцыхскаго и александропольскаго отрядовъ, возвратился 12-го мая къ главнымъ силамъ александропольскаго корпуса, у Заима подъ Карсомъ. Упомянемъ здѣсь еще о блестящемъ кавалерійскомъ дѣлѣ 18-го мая у сел. Бегли-Ахметъ. Прибывъ 17-го мая въ Ходжи-Халиль и узнавъ, что непріятельская горская кавалерія спустилась съ Саганлуга по карской дорогѣ, генералъ Лорисъ-Меликовъ отправилъ на нее 2-ю кавалерійскую дивизію (драгунъ) съ дагестанскимъ полкомъ и 16-ю орудіями конной артиллеріи, подъ начальствомъ генерала князя Чавчавадзе.

На разсвѣтѣ наша кавалерія атаковала непріятельскій бивуакъ съ трехъ сторонъ; произошла отчаянная схватка, главнымъ образомъ—сабельная, въ которой особенно отличился извѣстный нижегородскій драгунскій полкъ. Непріятель бѣжалъ, оставивъ два орудія и два значка. Наша потеря была въ 36 убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ драгунскій прапорщикъ Форжетъ и 51 лошадь; турки оставили на мѣстѣ 83 тѣла. А англійскіе корреспонденты возлагали большія надежды на дѣйствіе турецкихъ черкесскихъ полковъ противъ нашей „тяжелой кавалеріи".

Южнѣйшій изъ нашихъ отрядовъ—эриванскій, подъ начальствомъ генерала Тергукасова, въ апрѣлѣ занялъ Баязетъ и пошелъ впередъ по большой эрзерумской дорогѣ; 28-го апрѣля онъ занялъ Діадинъ, а затѣмъ Сурпъ-Оганесъ, въ небольшомъ разстояніи отъ турецкихъ силъ, защищающихъ дорогу къ Эрзеруму и стоящихъ въ Кара-Килисѣ и Алашкертѣ. Имѣются еще свѣдѣнія о положеніи турецкихъ войскъ гораздо южнѣе, въ Мушѣ, за озеромъ Ваномъ.

Между тѣмъ, и турки не ограничились въ Азіи пассивной обороной, но попытались произвести диверсію въ тылу нашей операціонной линіи, посредствомъ возбужденія волненій въ Абхазіи. Съ

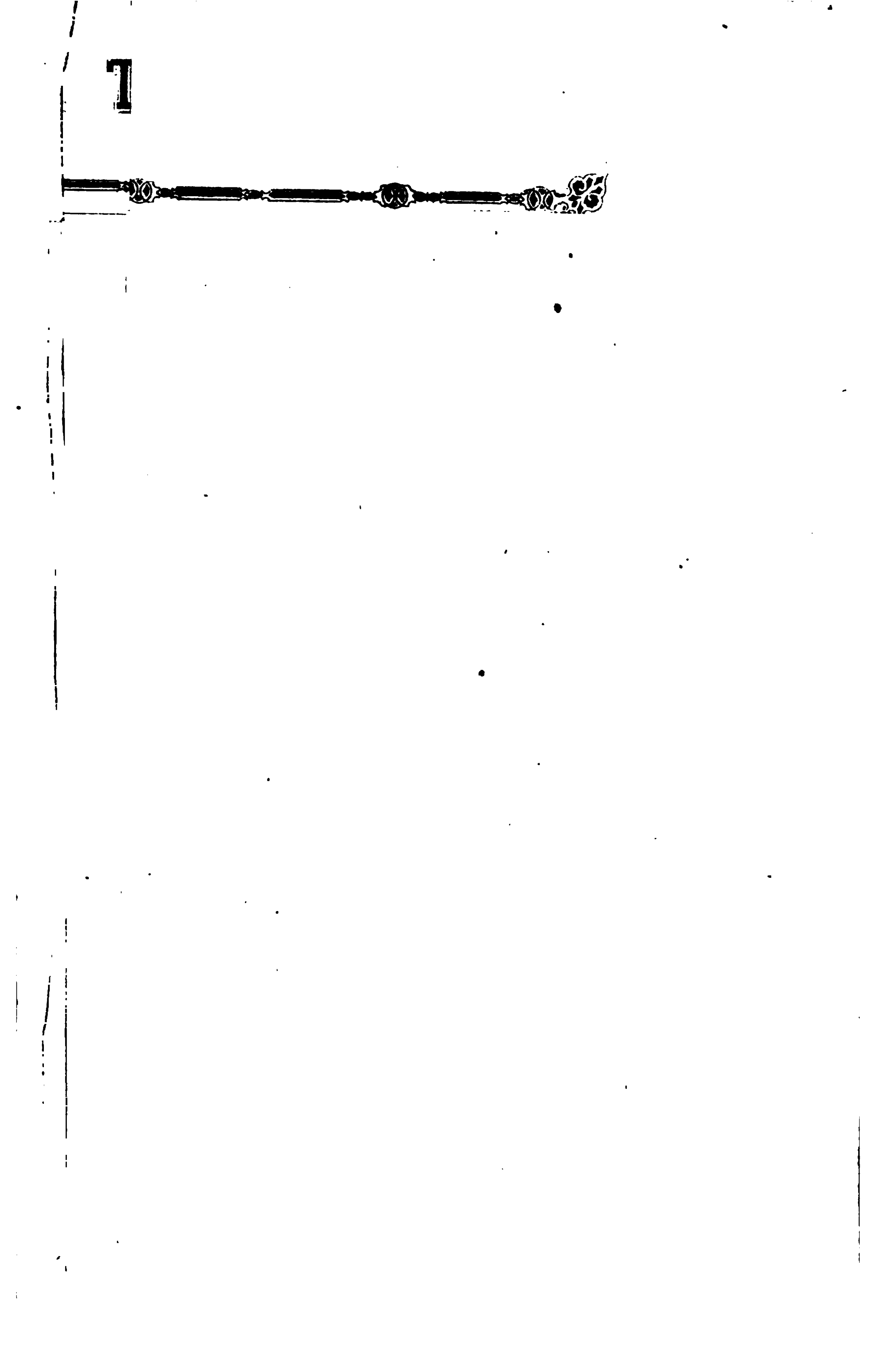
этой цѣлью они обратили свое вниманіе на два прибрежныхъ пункта къ сѣверу отъ Поти, до того угла, въ которомъ отроги кавказскаго хребта сходятся къ Черному морю. Эти пункты: Сухумъ-Кале и Адлеръ. Послѣ незначительной бомбардировки южнѣйшихъ нашихъ прибрежныхъ пунктовъ—поста св. Николая и Поти, турецкая эскадра подошла къ Сухуму и 5-го мая бомбардировала его, причемъ Сухумъ былъ разрушенъ и сожженъ, а наши войска, отразивъ первую попытку турокъ къ высадкѣ, были выведены изъ города и расположились вблизи его, за рѣкой Маджарой. Сухумъ былъ главный городъ сухумскаго военнаго отдѣла; въ немъ считалось до 2,000 жителей и 400 домовъ. Туркамъ удалось высадить партію горцевъ, прежде выселившихся съ Кавказа, и окрестное населеніе возстало, такъ что нашъ сухумскій отрядъ былъ нѣкоторое время уединенъ на позиціи предъ Цебельдою, около с. Ольгинскаго,—но уже 12-го мая сообщеніе съ нимъ было открыто. Отрядъ удерживаетъ свои позиціи и имѣетъ стычки съ непріятелелемъ, занявшимъ Сухумъ; къ сухумскому отряду отправлены подкрѣпленія.

Другое нападеніе, съ той же цѣлью, турки произвели на м. Адлеръ (Константиновскій). Адлеръ или постъ Св. Духа находится въ 100 верстахъ къ сѣверозападу отъ Сухума, на низменной мѣстности, лежащей между устьями двухъ рѣкъ. Берегъ, въ другихъ мѣстахъ крутой, здѣсь становится отлогимъ и болотистымъ. Послѣ сильнаго бомбардированія Адлера, 11-го мая, турки произвели съ семи судовъ высадку. Затѣмъ, обстрѣливая разные пункты прибрежья Чернаго моря, на разстояніи 150 верстъ, отъ Адлера до Очемчиръ, турки стали высаживать въ разныхъ мѣстахъ небольшія регулярныя партіи и толпы прежнихъ выселенцовъ съ Кавказа. Условія мѣстности благопріятствуютъ этому: она представляетъ узкую береговую полосу, огражденную крутыми и лѣсистыми скатами кавказскаго хребта. По прибрежью идетъ дорога, пересѣкаемая рѣчками и ручьями, стекающими съ горъ. Изъ этой полосы есть только нѣсколько проходовъ, и то неудобныхъ, во внутренность страны. Это объясняетъ съ одной стороны—удобство для высадокъ и для возбужденія волненія въ мѣстномъ населеніи; съ другой—трудность для нашей администраціи принять скорыя и дѣйствительныя мѣры къ его подавленію. Впрочемъ, самая разобщенность этой полосы со внутренностью края препятствуетъ мѣстному волненію проникнуть далѣе. Высаживаемые непріятелями горцы принадлежатъ къ тѣмъ прежнимъ жителямъ этой мѣстности—убыхамъ, джигетамъ и другимъ черкесскимъ племенамъ, которые послѣ окончательнаго покоренія Кавказа были выселены на плоскость, а частью выселились въ Турцію.

Итакъ, общій результатъ нашихъ дѣйствій за первыя шесть недѣль войны—съ 12 апрѣля по 24-ое число мая: сосредоточеніе всей арміи на Дунаѣ, при превосходномъ санитарномъ ея состояніи, съ успѣшнымъ дѣйствіемъ минъ противъ броненосцевъ, — въ Европѣ; взятіе Баязета и Ардагана и подступленіе къ Карсу, съ охватомъ его вокругъ нашей кавалеріею,—въ Малой-Азіи.

Къ истеченію первыхъ шести недѣль, по объявленіи войны, Государь Императоръ, выѣхавъ изъ Царскаго Села, 21 мая въ 11 часовъ вечера, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Сергія Александровича, прибудетъ въ дѣйствующую армію на Дунаѣ.

М. Стасюлевичъ.





ПРИЛОЖЕНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

МАЙ—ІЮНЬ, 1877.

Книга пятая.—Май.

Книга шестая.—Іюнь.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммисію посторонніе изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 25. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 25.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II. Спб. 1876. Ц. 3 р., иересылочныхъ за 4 фунта.

Доказательства истины христіанской вѣры, основанныя на буквальномъ исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ. А. Кейтъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Начала Уголовной Психологіи для врачей и юристовъ Д-ра Крафтъ-Эбинга. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Опытъ критическаго изслѣдованія осново-началъ позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Ученіе о развитіи органическаго міра. Оскара Шмидта, профессора Страсбургскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи. Т. Румпеля, Переводъ П. М. Цейдлера, исправленный по четвертому изданію. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ руководство для гимназій Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

БОГОСЛОВІЕ—ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

Православная Церковь въ Буковинѣ (въ Австріи). Владиміра Мордвинова. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Путеводитель православныхъ поклонниковъ по городу Риму и его окрестностямъ. Владиміра Мордвинова. Съ сорока политипажами. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ, съ картою. Г. Властова Томъ I. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Томъ II: вторая и третья книги Моисеевы, Исходъ и Левитъ. Съ картою и литографіями. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Барчуки. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Благонамѣренныя рѣчи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). 2 т. Спб. 1876. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Быль и вымыселъ. Сборникъ. М. Цебриковой. Спб. 1876. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Вокругъ луны. Жюля Верна съ 40 рисунками. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

☛ **Воспоминанія и критическіе очерки.** Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☛ **Іосифъ Юнгманнъ.** Очеркъ изъ исторіи чешской литературы XIX вѣка. Николая Задерацкаго. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Идеалы нашего времени. Романъ въ 4 частяхъ. Захеръ-Мазохъ. М. 1876 г. Ц. 2 р.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II-й. Выпускъ I. Кіевъ. 1875. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л.

*) **Книги, поступившія въ Складъ въ маѣ мѣсяцѣ, указаны ☛; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.**

Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

☞ **Косово поле.** Историческая повѣсть изъ эпохи покоренія Сербіи Турками въ XIV вѣкѣ. Соч. П. Хохолушка. Переводъ съ чешскаго Николая Задерацкаго. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Лаокоонъ. Соч. Лессинга. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Новые разсказы Жюля Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесять дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Гранвиля. Текстъ: П. Сталя, Бальзака де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франклина, Густава Дроза, Жюля Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Віарди Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес за 3 ф.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

По Волгѣ. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

☞ **Послѣднія пѣсни.** Стихотворенія Н. Некрасова. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Про украïнськихъ козаків, татар та турків. Зложив М. Драгоманов. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Путешествіе къ центру земли. Жюля Верна, съ 60 рисунками художника Ріу. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Сербські народні думи и пісні. Пер. М. Старицький. Чиста выручка на користь братів-славьян. Київ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Сила характера. Романъ въ трехъ частяхъ. С. Смирновой. Ц. 2. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Славянскій сборникъ. Томъ III, изданный подъ наблюденіемъ члена славянскаго комитета П. А. Гильтебрандта. Спб. 1876. Ц. 3 р.

Славянскій ежегодникъ. 1877. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Сост. Н. Задерацкій. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

☞ **Славяне въ Турціи.** Составилъ Алексѣй Поршняковъ. Ц. 5 к., съ пер. 10 к.

☞ **Славянство.** Сборникъ, изданіе II-е, заключающее въ себѣ два выпуска книжки „Славяне" съ большими дополненіями, с портретами А. С. Хомякова и М. Г. Черняева. Спб. 1877 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-е. Кіевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Аполлона Григорьева Т. I (с портретомъ автора). Критическія статьи. Спб. 1876. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. 4-й. Спб. 1877. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 60 к.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціею Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Сочиненія Н. Д. Иванишева. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Сочиненія Ксенофонта. Воспоминанія о Сократѣ (Memorabilia), перевелъ Г. Янчевецкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 80 к., с пер. 1 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., с перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, с портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ с золотымъ тисненіемъ, ц. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Францъ фонъ-Зиккингенъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф.

Лассаля. Перев. А. и С. Криль. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., вѣс. 2 ф.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Біографическія Картинки. Сочиненіе А. В. Грубе. Переводъ съ нѣмецкаго М. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Болховская земля и ея значеніе въ Русской Исторіи. Эпизодъ изъ исторіи южной Руси въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Н. Дашкевича. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Венгрія и ея жители. Соч. А. Петерсона. Ц. 3 р. съ перес.

☞ **Восточная война** 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лей. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Спб.1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Графъ Н. С. Мордвиновъ. Историческая монографія В. С. Иконникова. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовича - Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Іезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

☞ **Исторія Шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда.** Соч. С. Смайльса. Переводъ С. И. Смирновой. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія Бохары или Трансоксаніи съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго. Соч. Г. Вамбери. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Испанія девятнадцатаго вѣка. Сочиненіе А. Трачевскаго. Часть I. Ц. 2 руб. 50 к., перес. за 3 ф.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Джона Уильяма Дрэпера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Католическая лига и Кальвинисты во Франціи. Опытъ исторіи демократическаго движенія во Франціи во второй половинѣ XVI вѣка (по неизданнымъ источникамъ). И. В. Лучицкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☞ **Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа.** Переводъ Н. П. Задерацкаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Паріи въ человѣчествѣ. Луи Жаколье, переводъ съ французскаго. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 года. Ѳ. Фортинскаго. Кіевъ. 1877. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дукляна Охотскаго, изданныя I. Крашевскимъ. 2 т. Ц. 4 р., съ пересылкою.

☞ **Резья и Резьяне.** Соч. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. П. Кудрявцева. Изданіе третье, съ рисунками. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ.—Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ленормана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русскіе трактаты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія. А. А. Русова. Съ картами. Кіевъ. 1876. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. включительно. Ц. 8 руб. 10 к., перес. за 4 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. 1770—1776 гг. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сказанія о св. Граалѣ. Изъ исторіи средневѣковаго романтизма. Изслѣдованіе Николая Дашкевича. Кіевъ. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе Александра Трачевскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, съ картою Средней Азіи. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.



ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ в. I—VIII. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 40 к., съ перес. 60 к.

Краткій Отчетъ о геологическомъ путешествіи по Туркестану въ 1875 г. И. Мушкетова. Съ картою рудныхъ мѣсторожденій Кульджинскаго района и геологическими разрѣзами. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. въ переплетѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Поѣздка въ Обонежье и Корелу. В. Майнова. Изданіе второе, значительно дополненное авторомъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня. Н. Сѣверцовъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

☞ **Путешествіе въ Туркестанъ.** А. П. Федченко. Выпуск. 14-й. Зоогеографическія изслѣдованія. Formicidae, обработалъ Г. Майръ. Odonata, обработалъ Фр. Брауеръ. Chrysidiformis, Mutillidae, Sphegidae, обработалъ О. И. Радошковскій (съ 8 таблицами). Спб. 1877 г. Ц. веленев. экз. 8 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к., прост. экз. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черномерцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и начала государственнаго вмѣшательства. И. Янжулъ. Выпускъ I. Періодъ меркантильный. Съ билетомъ на 2-й выпускъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Исторія Банковъ. Выпускъ I. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій Пьетро Рота. Съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями И. И. Кауфмана. Выпускъ II. Исторія Банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи И. И. Кауфмана. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I. Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 187[illegible] Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Ростиславова. Спб. 1876. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсона. Профессора И. Спб. Университета. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи и теорія соціальной реформы. Д-ра Георга Маруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Строй экономическихъ предпріятій. Изслѣдованія морфологіи хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховыя артели и долевая рабочая плата. Примѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Графа Л. Н. Толстого въ [illegible] книгахъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Бабушкины сказки Жоржъ-Санда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Государство и народное образованіе начальное и профессіональное, т.-е. учебное реальное и художественное, въ Германіи, Англіи и Франціи. Очеркъ изслѣдованій Лоренца Штейна, составленный профессоромъ Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

☞ **Душевная жизнь животныхъ.** А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. 1877 г. Пенза. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

☞ **Жизнь дѣтей.** Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р. въ переп. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Сост. И. Лозановъ. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Иллюстрированные разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р., за перес. 25 к. на экземпляръ.

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

На память о Жоржъ-Зандѣ. Съ портретомъ автора и предисловіемъ А. Михайлова. Иллюстраціи художника Н. А. Богданова. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.; въ переплетѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Наши мохнатые и пернатые друзья. Сочин. Миссъ Гуинфринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малышевой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

☞ **Опытъ Задачника** по математической и физической географіи. Курсъ училищъ 3 разряда и прогимназій. Ц. 25 к., съ пер. 40.

О черногорцахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

О сербахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Очерки и разсказы. Книга для юношества. Е. Сысоевой, съ гравюрами. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Послѣднія сказки Андерсена, съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора, съ гравюрами. Переводъ Е. Сысоевой. Спб. 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравированными политипажами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школѣ и дома методически составлены Отто Улэ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 88 политипажами. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программѣ реальныхъ училищъ, и Хрестоматія съ задачами для устнаго и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реальнаго училища С. Весинъ. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Разсказы Альфонса Додэ. Съ портретомъ автора. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ, по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Весинъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ журнала „Дѣтскій Садъ“, т. II, для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ педагогическаго журнала „Дѣтскій садъ“, для старшаго возраста. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

☞ **Умственное развитіе дѣтей,** отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей. Е. Водовозовой. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

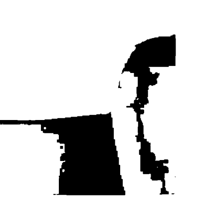
Учебникъ плоской Тригонометріи. Д-ра Франца Мочника. Ц. 45 к., съ пер. 55 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

☞ **Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки** И. Бодуэна-де-Куртенэ. Воронежъ. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртенэ Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.



Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя. Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученыя вѣдомости на 1777 годъ. Н. И. Новикова. Изданіе второе А. Н. Неустроева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Словарь къ Геродоту. Скиѳія. IV. 1—144, и сраженіе при Ѳермопилахъ. VII. 201—238. Сост. Г. А. Янчевецкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ I. Спб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь Н. Анненкова. Новое, исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Цѣна полному изданію 8 р. Окончится печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 5 выпуска.

Вліяніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндаля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Выгонная или пастбищная система по отношенію къ сельскому хозяйству въ Россіи. Назначается сельскимъ хозяевамъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Двѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

Душевныя болѣзни по отношенію къ ученію о вмѣненіи. Профес. Доктора Сержечки. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Изслѣдованіе воды въ санитарномъ отношеніи. Краткое руководство для экспертовъ. Составилъ магистръ фармаціи Ѳ. Розенблатъ. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Канализація и вывозъ нечистотъ. Популярныя лекціи Петтенкофера. Переводъ съ нѣмецкаго инженеровъ С. Уманскаго и А. Попова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

☞ **Карманная фармакологія Шмидта,** обработанная по новѣйшимъ источникамъ врачомъ М. И. Сайковскимъ. Ц. 1 р., съ пер. 1. 25 к.

Клиническія лекціи Труссо. 2 т. Ц. 12 р. вѣс. 10 ф.

Клиническая фармакопея. Dr. F. W. Müller. 400 рецептныхъ формулъ для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

☞ **Комнатное цвѣтоводство.** Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ и древесныхъ и травянистыхъ растеній. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 60 к. съ пер. 80 к.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р. вѣс. 2 ф.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыръ. Описаніе производства, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Науковъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Новая химія. Джосія Кука, профессора химіи и минералогіи въ гарвардскомъ университетѣ. Съ 31 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Бутлерова. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Бокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Основы патологіи обмѣна веществъ. Ф. В. Бенеке. Перевелъ съ нѣмецкаго лекарь Татариновъ. Съ 1 хромолитографированною таблицею. М. 1876. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Основанія физіологіи ума съ ихъ приложеніями къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній Уильяма Карпентера. Спб. 1877 г. Ц. за 2 т. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; вышелъ изъ печати томъ I.

Плугъ, его выборъ, устройство и употребленіе. Краткое руководство для практическихъ сельскихъ хозяевъ. М. В. Неручева. Съ 80 политипажами въ текстѣ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☞ **Профессіональная гигіена или гигіена**

умственнаго и физическаго труда, съ 9 рисунками въ текстѣ. Докт. Ф. Эрисмана. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Пчелы. О томъ, какъ онѣ живутъ, какъ ихъ размножать и какъ отъ нихъ получать пользу. Народное руководство. Сост. А. И. Покровскимъ-Жоравко. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

☞ **Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи.** Гексли и Мартини. Элементарный практическій курсъ біологіи. Перевелъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ клиническимъ методамъ. Изслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ органовъ, съ приложеніемъ ляринтоскопіи, П. Гутмана. Изд. 2-е. М. 1876. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Руководство къ патологической анатоміи. Д-ра Бирхъ-Гиршфельда. Часть I. Общая патологическая анатомія. Харьковъ. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Часть II Частная патологическая Анатомія. Выпускъ I. Харьковъ 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экснера, съ 8-ми политипажами. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное проф. Ziemssen'омъ. 9-ть выпусковъ. Ц. 12 руб. съ пересылкою.

Русское землевладѣніе и земледѣліе. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

☞ **Спутникъ медико-хирурга.** Описаніе производства всѣхъ выполнимыхъ безъ ассистента способовъ изслѣдованія и операцій. К. Чуберка. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Совмѣстное изданіе общества естествоиспытателей при русскихъ университетахъ за 1875 г. **Ботаника.** Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. **Зоологія.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. **Минералогія и Геологія.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р 25 к.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ III. Ц. 2 р. Т. IV, в. I. Ц. 1 р. 75 к. В. II. Ц. 75 к. Т V, в. I. Ц. 2 р. В. II. Ц. 1 р. Т. VI. Ц. 2 р. Т. VII. Ц. 2 р. За пересылку прилагается по 10 к. на рубль.

Труды Арало-каспійской экспедиціи, издаваемые подъ редакціей О. А. Гримма. Выпускъ I. Обзоръ экспедицій и естественно-историческихъ изслѣдованій въ арало-каспійской области съ 1720 по 1874 г. М. Н. Богданова. Ц. 80 к., съ перес. 50 к. Выпускъ II. Каспійское море и его фауна О. А. Гримма. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.—Выпускъ III. Гады острововъ и береговъ Аральскаго моря. Владиміра Аленицына. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

У колыбели. Совѣты молодымъ матерямъ по гигіенѣ перваго дѣтскаго возраста. Передѣлка съ французскаго подъ редакціей А. П. Волкенштейна, съ политипажами въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Ученіе о сифилисѣ. Д-ра Э. Лансеро. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей профессора В. М. Тарновскаго съ тремя хромолитографическими таблицами и многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Физіологія органовъ чувствъ. И. Сѣченова. Зрѣніе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Физіологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физіологіи въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

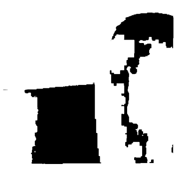
Журналъ Гражд. и Торг. Права за 1871 г, 3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; **Журн. Гражд. и Уголовн. Права** за 1873, 1874, 1875 гг. по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 5 лѣтъ— 25 р. вмѣсто 38 р. 70 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій Изданіе третье. Вятка. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Изученіе соціологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философіей. Поля-Жанэ. Книга I. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Кассаціонныя рѣшенія правительствующаго сената за 1866 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.;



за 1867 г. Ц. 5 р. 25 к., съ перес. 6 р.; за 1868 г. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 9 р.; за 1869 г. Ц. 9 р., съ перес. 10 р. 50 к.; 1872 г. Ц. 8 р., съ перес. 10 р.; за 1873 г. Ц. 10 р., съ перес. 12 р.; за 1874 г. 6 р., съ пер. 7 р.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ премія графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Спб. университета. Томъ II. Органы управленія. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія соціологіи. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому. Проф. А. Романовича-Славатинскаго. Ц. за 2 выпуска 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Государственныхъ знаній подъ редакціей В. П. Безобразова. Томъ III и IV-й. Спб. 1877 г. Ц. по 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго д-та прав. сената за 1874 г. Составили А. Книримъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право. Т. II, Судопроизводство. Спб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Драматическія Сочиненія. Викторъ Крыловъ (Александровъ). Т. I. Къ мировому. По духовному завѣщанію. На хлѣбахъ изъ милости. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. II. Въ осадномъ положеніи. Земцы. (Змѣй Горынычъ). Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вилльяма Реймона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Какъ снѣгъ на голову, или сердечная паутинка. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ М. В. Карнѣева. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Осторожнѣе съ огнемъ. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. М. В. Карнѣева. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

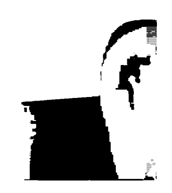
Лекціи объ искусствѣ, читанныя въ парижской школѣ изящныхъ искусствъ. Г. О. Тэнъ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☞ **Путеводитель и собесѣдникъ въ путешествіи по Кавказу.** М. Владыкина, съ приложеніемъ карты желѣзныхъ дорогъ и послѣдняго измѣненія пути. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☞ **Сводъ тарифовъ, составленный Н. Яблинскимъ и В. Пупышевымъ** по указаніямъ. А. Берга. Содержаніе: 1) Таблицы для вычисленія поверстной платы за провозъ товаровъ по тарифамъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2) Кратчайшія направленія по желѣзнымъ дорогамъ отъ С.-Петербурга, Москвы, Риги, Варшавы, Кіева, Одессы и Ростова-на-Дону до другихъ важнѣйшихъ станцій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. 3) Указатель станцій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ обозначеніемъ разстояній отъ промежуточныхъ до конечныхъ станцій каждой дороги. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.



БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Восточная война 1853—56 гг. Соч. ген.-л. М. И. Богдановича. Второе изданіе, исправленное и дополненное, въ четырехъ томахъ. Спб. 1877. Стр. 279 и 40; 272 и 77; 425 и 42; 450 и 71. Съ приложеніями, планами и картами. Ц. 8 р.

Не болѣе полугода тому назадъ мы указывали на выходъ въ свѣтъ новаго труда М. И. Богдановича, а теперь передъ нами уже второе изданіе. Такому рѣдкому успѣху книги содѣйствовали и достоинство труда, и особый интересъ, возбуждаемый въ наше время къ исторіи послѣдней Восточной войны. Въ первой книжкѣ журнала за текущій годъ мы посвятили обширную статью сочиненію М. И. Богдановича, а потому намъ остается только прибавить, что, несмотря на краткость времени между обоими изданіями, почтенный авторъ воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы исправить текстъ перваго изданія и мѣстами дополнить.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. Отдѣлъ первый. Спб. 1877. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 к.

Имя П. В. Анненкова давно и хорошо знакомо читателямъ „Современника“ и „Русскаго Вѣстника“ 50-хъ и 60-хъ годовъ, преимущественно по отдѣлу литературной критики. Его изданіе Пушкина, остающееся лучшимъ и до сихъ поръ, обширная біографія Станкевича, домъ котораго былъ центромъ кружка Грановскаго, составляютъ прочную заслугу П. В. Анненкова. Въ настоящемъ выпускѣ собранія журнальныхъ его работъ помѣщены одни воспоминанія; критическіе этюды должны составить второй выпускъ. Изъ воспоминаній обращаетъ на себя особенное вниманіе обширная статья о Гоголѣ, съ которымъ авторъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, особенно въ эпоху сложенія „Мертвыхъ Душъ“, текстъ которыхъ онъ частью диктовалъ П. В. Анненкову, жившему одновременно съ нимъ въ Римѣ, въ 1841 г. Біографъ Гоголя найдетъ въ этихъ воспоминаніяхъ много драгоцѣннаго для характеристики этого великаго писателя нашего вѣка.

Сборникъ Государственныхъ знаній, п. р. В. П. Безобразова. Томъ IV. Спб. 1877. Около 500 стр. Ц. 3 р.

Изъ статей, вошедшихъ въ составъ настоящаго выпуска, обращаютъ на себя прежде всего вниманіе тѣ, которыя, при своемъ научномъ достоинствѣ, имѣютъ отношеніе и къ событіямъ дня. Таковы статьи: Леера, „Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ для русской арміи“; г. Гулиева, „Современныя условія судостроенія“; г. Голованева, „Желѣзныя дороги въ Россіи“; послѣдняя статья ограничивается одною исторіею постройки дорогъ. При тѣсной связи войны съ финансами, мы отнесли бы къ числу статей, особенно интересныхъ въ данную минуту, и изслѣдованіе проф. Патлаевскаго: „О доходныхъ налогахъ“. Полемизируя съ главнѣйшими экономическими теоріями по этому вопросу, авторъ приходитъ къ заключенію: „Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что рабочая плата есть доходъ и притомъ совершенно равносильный доходу капитала“... „Мы требуемъ строгаго разграниченія личности отъ имущества, и только въ послѣднемъ видимъ справедливый объектъ обложенія“. Можно соглашаться или не соглашаться съ авторомъ въ его выводахъ, но нельзя не признать важности значенія его изслѣдованія въ виду ожидаемыхъ у насъ измѣненій нашей податной системы.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей. Выпускъ первый. Спб. 1877. Стр. 125. Ц. 20 к.

Судя по предисловію къ этому новому изданію, оно обѣщаетъ не ограничиваться первою попыткою, а дать намъ цѣлый рядъ разсказовъ изъ дѣтскаго міра, причемъ только одна тэма будетъ заимствоваться изъ иностранныхъ дѣтскихъ литературъ, обстановка же и развитіе подробностей почерпаются изъ міра, окружающаго нашихъ дѣтей. Первый опытъ—„Исторія съ канарейкой“—представляетъ весьма пріятную особенность, рѣдко встрѣчающуюся въ такъ-называемыхъ дѣтскихъ книгахъ: нѣтъ ни малѣйшаго усилія поддѣлки подъ дѣтскій языкъ и дѣтскіе нравы: это—живой дѣтскій міръ съ его реальными радостями и горемъ; намѣреніе автора, повидимому, одно: показать, какимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ жизнь начинаетъ быть нашею школою; въ семьѣ, въ мелочахъ ея будничной жизни, кроются первичныя причины, опредѣляющія дальнѣйшій характеръ и нравы человѣка, а слѣдовательно и его судьбу. Необыкновенно дешевая цѣна этого изданія дѣлаетъ его доступнымъ для многихъ; впрочемъ, и самая цѣль изданія—благотворительная: весь сборъ отъ продажи книги назначается въ пользу Елисаветинской Клинической Больницы малолѣтнихъ дѣтей, основанной покойною Великою Княгинею Еленою Павловною, оставившею по себѣ такъ много добрыхъ воспоминаній.

Rabelais et son oeuvre, par Jean Fleury. St.-Pétersbourg—Paris. 1876—77. 2 vol. Стр. 456 и 581.

Къ довольно обширной литературѣ о Раблэ, лекторъ нашего университета г. Флери присоединяетъ новое изслѣдованіе, главная заслуга котораго состоитъ въ пересказѣ на современномъ французскомъ языкѣ величайшихъ произведеній французскаго генія XVI-го вѣка; мѣстами они мало удобопонятны даже для самихъ французовъ, такъ какъ языкъ Раблэ есть смѣсь тогдашняго норманскаго и бургундскаго нарѣчій, испещренная притомъ словами другихъ діалектовъ, съ присоединеніемъ греческихъ и латинскихъ словъ. Благодаря такому пересказу, сопровождаемому тщательными толкованіями, Гаргантуа и Пантагрюэль могутъ быть теперь прочтены каждымъ безъ малѣйшаго затрудненія. Сверхъ того, авторъ дѣлаетъ важную попытку открыть ту общую философскую идею, которою Раблэ связалъ все разнообразіе матеріала своихъ безсмертныхъ поэмъ.

